

Археология Подмосковья

Выпуск 7

Материалы научного семинара

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY**

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 7

**Moscow
2011**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 7

**Москва
2011**

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Энговатова (ответственный редактор), В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.и.н. Л.А. Беляев,
д.и.н. А.Н. Сорокин

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 7. —
А 87 М.: Институт археологии РАН, 2011. — 456 с., цв. вкл.
ISBN 987-5-94375-101-1

Седьмой выпуск сборника «Археология Подмосковья» публикует материалы докладов, заслушанных на заседании одноименного семинара, проведенного в Институте археологии РАН в феврале 2010 г. В сборник вошли статьи, освещающие результаты новейших археологических исследований в Подмосковье, а также Рязани, Смоленске, Твери, в Костромской, Ярославской, Рязанской, Тамбовской областях, проводившихся отделом охранных раскопок Института археологии РАН, Государственным Историческим музеем, целым рядом региональных музеев и городских археологических служб.

Для археологов, историков, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 987-5-94375-101-1

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается седьмой выпуск сериального издания научных статей «Археология Подмосковья», начало которому было положено в 2004 году.

За прошедшие годы издание, опубликовавшее более двухсот научных работ, посвященных различным аспектам истории, археологии и охраны памятников древности в Подмосковье, получило заслуженное признание не только археологического сообщества, но и специалистов в области русской средневековой истории, преподавателей высших учебных заведений, музейных работников, органов охраны памятников истории и культуры.

Изучение и сохранение культурного и исторического наследия Подмосковья с каждым годом приобретает всё большее значение. Подмосковье – центральный регион Российского государства, всегда находившийся на переднем рубеже экономических и культурных инноваций, в земле которого, в толщах культурных наслоений отразилась вся история России.

Сохранение культурного наследия невозможно без научных изысканий, прежде всего, в области археологии. Именно научные работы археологов дают не только возможность получить принципиально новые знания о прошлом, но и приумножить культурное наследие нашей страны.

В работах, помещенных в настоящий сборник, представлены результаты последних исследований как на вновь выявленных, так и давно изучаемых объектах археологического наследия.

Не сомневаюсь, что вклад этого научного издания в изучение и сохранение прошлого нашей древней Московской земли будет особенно значим.

Министр культуры
Правительства Московской области

Г.К. Ратникова

Содержание

От редакции.....	10
------------------	----

Памятники эпохи бронзы и раннего железного века

Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И., Дергачева М.И., Мамонтова Д.А., Долгих А.В. Естественнoнаучные методы изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро).....	11
Иванов Д.А. Керамика эпохи финальной бронзы – начала раннего железного века с Дубровичского 1 селища (раскопки 2008 года)	26
Коваль В.Ю. «Ростиславльскй курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле)	35
Гольева А.А. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук	58
Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А. Клад рубчатых браслетов на реке Оке	72
Крис Х.И. О некоторых раннедьяковских городищах в бассейне Москвы-реки	77
Сыроватко Н.А. Древние жилища Германии как источник аналогий дьяковским жилищам.....	83
Столяров Е.В. Костяной инвентарь верхнеокских городищ эпохи раннего железа (по материалам городищ Свинухово и Николо-Ленивец)	89
Андреев С.И., Терехова Н.В. Комплекс украшений Давыдовского городища	103

Памятники древнерусского времени

Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований	109
Фёдоров С.В., Фёдорова А.О. Ареал гидронимов Алешня, от утраченного древнеславянского апеллятива	133
Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Новые данные о домонгольской Твери (по материалам раскопок тверского Затъмачья)	138
Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затъмачье в эпоху средневековья.....	155
Сафарова И.А. К вопросу о некоторых тенденциях в развитии стеклоделия в XIII–XV веках. (Две находки из стекла с территории Затъмачьего посада Твери)	168
Сидоров В.В. Колтово 7 – слобода города Колтеска	173
Алексеев А.В. Археологические исследования Успенского собора в подмосковном Звенигороде	189
Сунгуров Р.Н. Изучение археологического памятника Вышгород-на-Яхроме и проблема несанкционированных раскопок	197
Русаков П.Е. Исследования селища Жокино 1. Стратиграфия	200
Завьялов В.И. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского.....	209
Фатюнина О.А. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV – XVI века	217
Кабатов С.А. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи	222
Андреев С.И. Исследования селища Городок 1	249

<i>Кирьянова Н.А.</i> О находках зерновых материалов при археологических раскопках в Московской области.....	268
<i>Авдеев А.Г., Яганов А.В.</i> Храмозданная надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области.....	271
<i>Вишневский В.И., Энговатова А.В.</i> Некрополь князей Оболенских в Троице-Сергиевом монастыре.....	278
<i>Панченко К.И.</i> Поселение Тархов Холм (II тысячелетие до н. э., XV–XVIII веков н.э.) по письменным и археологическим данным	290
<i>Беляев Л.А., Олейников О.М.</i> Археологические исследования в природном историко-рекреационном комплексе «Кузьминки-Люблино» в Москве	301
<i>Кренке Н.А., Ершов И.Н., Кудрявцев А.А., Лазукин А.В.</i> Раскопки усадьбы XVI века на месте дачи П.С. Полуденского в Кузьминках	313
<i>Балашов А.Ю.</i> Редкие могильные плиты XVII века из Лужецкого монастыря Можайска.....	324

Археология позднего Средневековья и Нового времени

<i>Богомолов В.В., Гоняный М.И., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В.</i> Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Филино	331
<i>Воронцова М.А.</i> Изразцы XVII века из раскопок у деревне Филино	366
<i>Патрик Г.К.</i> Смоленские орнаментальные изразцы	369
<i>Ковалевский В.Н., Яблоков А.Г.</i> Изразцы из усадьбы помещика С.Ф. Щукина в Подмосковье.....	374
<i>Борзова С.В., Глазунова О.Н., Майорова Е.В.</i> Рельефные печные изразцы XVII – начала XVIII века: некоторые региональные особенности	378
<i>Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В.</i> Калужские изразцы как срез материальной и духовной культуры провинциального города	392
<i>Кутасов П.А.</i> Пулелейка из археологических раскопок на территории Зарядья в Москве.....	400
<i>Зоц (Захарова) Е.П.</i> Раскопки одиночного кургана Холмы.....	405
<i>Орфинская О.В.</i> Исследования органических материалов из двух захоронений кургана Холмы.....	412
<i>Столярова Е.К.</i> Стекланные бусы из раскопок одиночного кургана у деревни Холмы	422
<i>Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.</i> Стекланные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве	429
<i>Евтеев А.А.</i> Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа	433
<i>Дементьева Т.Н., Чувиляева Ю.Н., Сыроватко А.С.</i> Некрополь Новейшего времени у Старо-Голутвина монастыря	441
<i>Ершов И.Н.</i> А.А. Спицын и М.М. Пришвин: методология науки и ее отражение в художественном тексте	444
Список сокращений	453
Сведения об авторах	454

Contents

From the editor.....	10
----------------------	----

Monuments of the Bronze Age and Early Iron Age

<i>Alexandrovskiy A.L., Voronin K.V., Alexandrovskaya E.I., Dergacheva M.I., Mamontova D.A., Dolgikh A.V.</i> Scientific methods of the investigations of the multilayered prehistoric settlements with a homogeneous cultural layer (on the settlement Pesochnoe-1 example on lake Nero).....	11
<i>Ivanov D.A.</i> Late Bronze and Early Iron Age pottery from Dubrovichskoye 1 settlement (the 2008 excavations).....	26
<i>Koval' V.Yu.</i> The "Rostislavl kurgan" (the Early Iron Age rampart at Rostislavl).....	35
<i>Golyeva A.A.</i> The composition and genesis of the Early Iron Age rampart at Rostislavl according to natural science data.....	58
<i>Syrovatko A.S., Saprykina I.A.</i> A hoard of ribbed bracelets from the right bank of the Oka river.....	72
<i>Kris H.I.</i> On certain Early Dyakovo sites in the river Moskva basin	77
<i>Syrovatko N.A.</i> Ancient dwellings in Germany as a source of analogies of Dyakovo dwellings	83
<i>Stolyarov Ye.V.</i> Bone inventory from Early Iron Age fortified settlements in the region of the Upper Oka (based on the materials from Svinukhovo and Nikolo-Lenivets sites).....	89
<i>Andreyev S.I., Terekhova N.V.</i> The assemblage of adornments from Davydkovskoye site	103

Monuments of Ancient Rus'

<i>Strikalov I.Yu.</i> The defenses at the Southern hillfort at Staraya Ryazan in the light of new investigations	109
<i>Fyodorov S.V., Fyodorova A.O.</i> The area of the hydronyms Alyoshnya (from the Old Slavic appellative)	133
<i>Persov N.E., Soldatenkova V.V.</i> The new information about pre-Mongol Tver' (according Zat'mach'e of Tver' excavations materials)	138
<i>Persov N.E., Saracheva T.G., Soldatenkova V.V.</i> Archaeological testimonies of medieval base and precious metal working from old Zat'matsky suburb in Tver'.....	155
<i>Safarova I.A.</i> On some tendencies in the development of glassmaking in the 13 th – 15 th centuries. (Two glass findings from Zat'matsky suburb in Tver')	168
<i>Sidorov V.V.</i> Koltovo 7 – a sloboda in the town of Koltesk	173
<i>Alekseyev A.V.</i> Archaeological investigations in the cathedral of the Dormition in Zvenigorod.....	189
<i>Sungurov R.N.</i> Studies of Vyshgorod-on-Yakhroma archaeological site and the problem of illicit excavations	197
<i>Rusakov P.E.</i> Investigations at Zhokino 1 settlement: the stratigraphy	200
<i>Zavyalov V.P.</i> Late medieval wooden artifacts from Pereyasavl' Ryazansky	209
<i>Fatyunina O.A.</i> The leather shoes of Pereyasavl' Ryazansky in the end of the 15 th – 16 th centuries	217
<i>Kabatov S.A.</i> Vyozhi settlement: a medieval Russian site in the Kostroma Volga region.....	222
<i>Andreyev S.I.</i> Investigations at Gorodok 1 settlement	249
<i>Kir'yanova N.A.</i> Finds of grains from excavation sites in the Moscow oblast.....	268
<i>Avdeyev A.G., Yaganov A.V.</i> The 1532 inscription from the church at Seredinskoye village (Borovsk region of Kaluga oblast).....	271

<i>Vishnevsky V.I., Engovatova A.V.</i> Necropolis of the princes Obolensky in the Trinity-St. Serguis monastery.....	278
<i>Panchenko K.I.</i> The settlement Tarkhov Kholm (2 nd millennium BC, 15 th – 18 th centuries AD) according to written sources and archaeological data.....	290
<i>Beliaev L.A., Oleinikov O.M.</i> Archaeological investigations at the Kuzminki-Luyblino natural-historic and recreational complex (Moscow).....	301
<i>Krenke N.A., Yershov I.N., Kudriavtsev A.A., Lazukin A.V.</i> Excavations of a 15 th -century manor house on the site of P.S. Poludensky's dacha in Kuzminki.....	313
<i>Balashov A.Yu.</i> Rare 17 th -century gravestones from the Luzhetsky monastery in Mozhaisk.....	324

Archaeology of the late Middle Ages and Modern Times

<i>Bogomolov V.V., Gonyany M.I., Deduk A.V., Shebanin G.A., Shekov A.V.</i> Archaeological investigations at the manor house in Filino village, second half of the 17 th – early 18 th century.....	331
<i>Vorontsova M.A.</i> Seventeenth-century tiles from the excavations near Filino village.....	366
<i>Patrick G.K.</i> Ornamental ceramic tiles from Smolensk	369
<i>Kovalevsky V.N., Yablokov A.G.</i> Ceramic tiles from S.F. Schukin's manor house in the Moscow region	374
<i>Borzova S.V., Glazunova O.N., Mayorova E.V.</i> Relief ceramic tilework on 17 th – and early 18 th -century stoves: certain regional peculiarities	378
<i>Fedorova L.I., Tkachenko V.A., Fyodorov V.V.</i> Glazed tiles from Kaluga: the material and spiritual culture of a provincial town.....	392
<i>Kutasov P.A.</i> Bullet-mold from Zarad'ye in Moscow.....	400
<i>Zots (Zakharova) E.P.</i> Excavation of a single mound the Kholmy kurgan.....	405
<i>Orfinskaya O.V.</i> Investigations of organic materials from two burials in the Kholmy kurgan	412
<i>Stolyarova E.K.</i> Glass beads from the kurgan near Kholmy village.....	422
<i>Veksler A.G., Likhter Yu.A.</i> Glass artifacts of unknown destination found in the course of archaeological excavations in Moscow	429
<i>Evteev A.A.</i> The craniological sample from the 18 th century AD cemetery at Kozino village (Moscow region): intragroup craniometric variation and preliminary results of the interpopulation comparison.....	433
<i>Dement'eva T.N., Chuvilyaeva Yu.N., Syrovatko A.S.</i> New Times' Necropolis beside Staro-Golutvin Monastery.....	441
<i>Yershov I.N. A.A.</i> Spitsyn and M.M. Prishvin: the methodology of science and its reflection in literary texts	444
List of abbreviations	453
About authors	454

От редакции

Седьмой выпуск сборника «Археология Подмосковья» публикует материалы докладов, заслушанных на заседании одноименного семинара, проведенного в Институте археологии РАН в феврале 2010 г.

В сборник вошли статьи, освещающие результаты новейших археологических исследований в Подмосковье, проводившихся отделом охранных раскопок Института археологии РАН, Государственным Историческим музеем, целым рядом региональных музеев и городских археологических служб, при содействии Министерства культуры Московской области. Благодаря спасательным раскопкам удалось получить большой массив ценнейшей информации, требующей скорейшего введения в научный оборот. Именно эта задача рассматривается оргкомитетом семинара как наиважнейшая.

В ходе работы семинара был проведен «круглый стол», посвященный проблеме исследования валов как фортификационных сооружений. Интерпретация внутривальных сооружений стала предметом дискуссии, в которой приняли участие не только археологи, но и почвоведы, привлеченные к исследованию таких объектов. Часть материалов «круглого стола» публикуются в настоящем сборнике.

Интерес специалистов, несомненно, привлекут работы, посвященные изучению отдельных кате-

горий древностей: керамике, изделиям из стекла, ювелирным украшениям, предметам вооружения. Особое внимание в седьмом выпуске «Археологии Подмосковья» уделено результатам исследования так называемых поздних объектов, которые зачастую оказываются более загадочными, чем древние. В связи с этим обращаем внимание на публикацию захоронений в кургане XVII–XVIII вв., исследованном в ближайшем Подмосковье.

Географические рамки семинара, как и прежде, не замыкаются на границах Московской области. В сборнике публикуются материалы исследований в Ярославле, Рязани, Смоленске, Твери, в Костромской, Ярославской, Рязанской, Тамбовской областях, важные для понимания процессов, происходивших в эпоху Средневековья в центре Русской равнины.

Наряду с известными специалистами в различных областях древней и средневековой археологии, в сборнике публикуются работы молодых исследователей, для которых семинар стал школой профессионализма, источником новых знаний и своеобразным «полигоном испытаний» их знаний и опыта.

Надеемся, что новый сборник трудов участников семинара станет полезным для профессиональных археологов и музейных работников, историков, сотрудников органов охраны памятников истории и культуры, краеведов, студентов.

*Энговатова А.В.,
Коваль В.Ю.,
Кузина И.Н.*

Памятники эпохи бронзы и раннего железного века

А.Л. Александровский, К.В. Воронин, Е.И. Александровская,
М.И. Дергачева, Д.А. Мамонтова, А.В. Долгих

Естественнонаучные методы изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро)

Исследование многослойных археологических памятников нередко осложняется в связи со слабой расчлененностью культурных отложений. Это объясняется малыми темпами седиментации и перемешиванием напластований человеком. По нашему мнению, большую роль в гомогенизации культурного слоя играют и процессы почвообразования. Данные процессы развиваются в верхней части естественных или культурных отложений (до глубины 1 м и более) и в течение длительного времени, после того, как поселение прекратило свое функционирование, перерабатывают эти отложения и формируют в них систему горизонтов почвенного профиля. Причем, признаки, сформировавшиеся ранее, на стадии седиментации, например, палинологические спектры часто не соответствуют почвенным горизонтам, вновь образующимся в толще данного седимента (Dimbleby, 1985). Особенно интенсивно культурные слои трансформируются (и, в том числе, гомогенизируются) под действием процессов накопления гумуса, а также турбаций (перемешивания), осуществляемых почвенной фауной («Естественнонаучные ...», 2004).

Примером таких археологических объектов со слабо дифференцированным культурным слоем является многослойное поселение Песочное-1 (оз. Неро, Ярославская область). Культурные отложения памятника, изученные в раскопе 3 и шурфе 1, имеют темную, почти черную монотонную окраску. По археологическим данным выделяются слои от неолита (ляляво), до поздней бронзы (сетчатая керамика). Они залегают слитно и не различаются по внешнему облику. В целом культурные отложения памятника однородны и по вертикали, и по горизонтали.

Для исследования подобных стратиграфически и планиграфически гомогенных отложений могут быть использованы методы естественных наук. Данные методы используются в археологии для решения широкого круга задач, касающихся хронологии археологических памятников, процессов формирования культурного слоя, а также для проведения реконструкций палеосреды («Естественнонаучные ...», 2004). Такие методы, как радиоуглеродный и палинологический, достаточно

прочно вошли в практику датирования археологических объектов и проведения палеореконструкций (Зайцева и др., 1996; 1999; Спиридонова, Алешиинская, 1995). Вместе с тем, методы геохимии и палеопочвоведения применяются еще недостаточно. Среди первых работ в этом направлении следует упомянуть исследования геохимии средневековых городских отложений (Евдокимова, 1986; Кайданова, 1991). Этими и последующими работами было установлено, что в результате деятельности человека культурный слой обогащается многими элементами. Предложено антропохимическое направление исследований, заключающееся в комплексном изучении элементного состава культурных отложений, почв, археологических объектов, останков человека, а также остатков фауны и флоры, окружавших человека и служивших ему источником пищи (Александровский, Александровская, 2003). Широко известным и относительно простым методом элементного анализа археологических памятников является определение содержания фосфора (Веллесте, 1952). Фосфор хорошо сохраняется в почве и отложениях и указывает на интенсивность накопления органического вещества животного происхождения.

Среди методов элементного анализа, перспективных для изучения культурных отложений, в том числе и слаборасчлененных, выделяется рентгенофлуоресцентный. С его помощью можно определять большое количество макро- и микроэлементов, не только в самих отложениях, но и в отдельных артефактах, что позволяет выяснять источники поступления элементов (Александровская, Александровский, 2003). Данный метод применяется для изучения мощных культурных отложений городов, в которых записана ранняя и относительно недавняя история изменений окружающей среды (Евдокимова, 1986; Thornton, 1991). Также имеются примеры использования данного метода при исследовании внегородских археологических памятников с маломощным культурным слоем (Александровская, Александровский, 2003; 2004; Николаев и др., 2002).

Обычно содержание элементов в маломощных слоях подобных памятников невелико, и слабо от-

личается от такового в естественных отложениях и почвах. Вместе с тем, работы, начатые нами в 2008 г. на поселении неолита – бронзового века Песочное 1, дали необычные результаты, до того нам не встречавшиеся. В частности были выявлены очень высокие концентрации ряда элементов в культурном слое. Кроме элементного анализа, в рамках комплексных исследований этого многослойного памятника, были выполнены определения радиоуглеродного возраста культурного слоя и почвенные анализы (рН, содержание гумуса, фосфора, гранулометрический состав). С целью выяснения уникальности полученных данных по Песочному-1, были проведены определения элементов в культурном слое других поселений бронзового века на оз. Неро: Липовка-1 и в культурном слое в районе Яковлевского монастыря в Ростове Великом. Также изучались почвы, погребенные под культурным слоем.

Поселение Песочное-1 находится на низком берегу оз. Неро рядом с устьем р. Ишни на уступе низкой террасы, балтийские отметки которой 100–103 м. Почвы дерново-подзолистые, а на склоне террасы к озеру, на котором расположено поселение, дерново-глеевые.

Шурф 1, колонка Б, южный профиль

- Ad (дернина) 0–8 см. Серо-бурый суглинок, увлажненный, комковатой структуры, уплотненный, обилие корней. Граница слабоволнистая, переход постепенный.
- AB 8–26(28) см. Переходный горизонт. Серовато-бурый пятнистый увлажненный суглинок, оструктуренный, уплотненный, обилие корней. Граница волнистая, переход резкий.
- КС₁ 26(28)–40 см. Темно-серый увлажненный суглинок комковатой структуры, уплотненный, корни растений, включения до 10% (керамика, кремь). Граница ровная, переход постепенный.
- КС₂ 40–64 см. Темно-серый влажный суглинок комковатой структуры, слабо уплотненный, корни растений, включения до 10% (керамика, кремь). Граница слабоволнистая, переход постепенный.
- [A₁к_с] 64–74 см. Гумусовый горизонт исходной почвы. Темно-серый, внизу серо-бурый суглинок, влажный, комковатой структуры, редкие включения керамики. Граница слабоволнистая, переход постепенный.
- В 74–(84) см. Переходный горизонт. Бурый увлажненный суглинок комковато-призматической структуры.

В данном профиле под культурным слоем выделяется гумусовый горизонт A₁ погребенной почвы. Он имеет почти такую же темную окраску, как и культурный слой, в нижней части постепенно светлеет. Мощность горизонта относительно невелика (10 см), что объясняется вовлечением верхней части исходного гумусового горизонта почвы в состав культурного слоя. Последний перекрыт аллювием (16 см), который

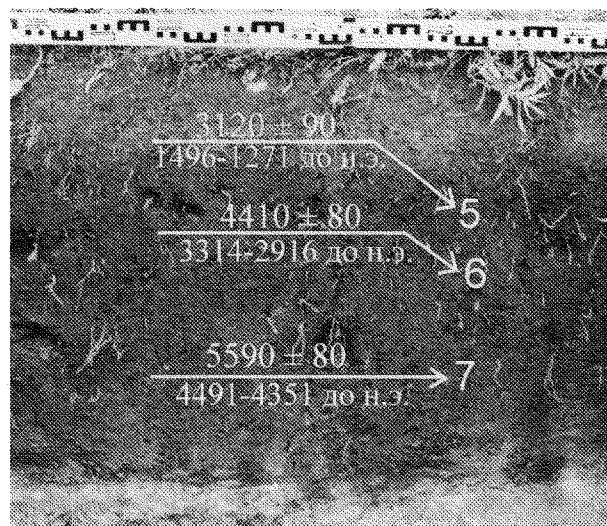

Рис. 1. Песочное-1. Шурф 1, колонка Б. Нормальное распределение радиоуглеродных дат по профилю

был отложен относительно недавно, в XVII–XVIII вв. н.э. На нем успела сформироваться маломощная почва (менее 10 см).

Таким образом, до отложения аллювия относительно маломощный культурный слой (на площади раскопа он в среднем имеет мощность 30–35 см) долгое время, почти 3000 лет лежал на поверхности. Все это время слой находился в корнеобитаемой зоне и подвергался активному воздействию процессов накопления гумуса и зоотурбаций (зоогенного перемешивания). Свидетельством последнего являются многочисленные ходы грызунов-землероев. Они видны на дне раскопа, на фоне светлоокрашенных горизонтов погребенной почвы (рис. 1). Выше, в пределах верхней части профиля погребенной почвы и в культурном слое, интенсивность деятельности землероев была еще выше, но кротовины и более тонкие ходы (червей, корней) здесь не видны, так как они заполнены таким же темным материалом, что и окружающая масса слоя.

В колонке А (кв. Н-4/5) кротовины видны еще лучше, но только в нижней части профиля, в пределах светлеющей книзу средней и нижней части горизонта A₁ исходной темноцветной почвы (рис. 2). О наличии процессов зоогенного перемешивания также свидетельствуют данные радиоуглеродного датирования.

Накопление культурного слоя памятника по времени совпало со стадией формирования темноцветных почв, гумус которых отличается очень высокой устойчивостью (Александровский, 1983; 2008). Поэтому культурный слой почти не отличается от погребенной под ним также темноцветной почвы. Вместе с тем, в фоновой дерново-подзолистой почве на поверхности террасы (разрез 4) темноцветный второй гумусовый горизонт сохранился значительно хуже (рис. 3). Разрез 4 (фоновый) расположен на удалении от поселения на поверхности террасы (на балтийской отметке 103 м).

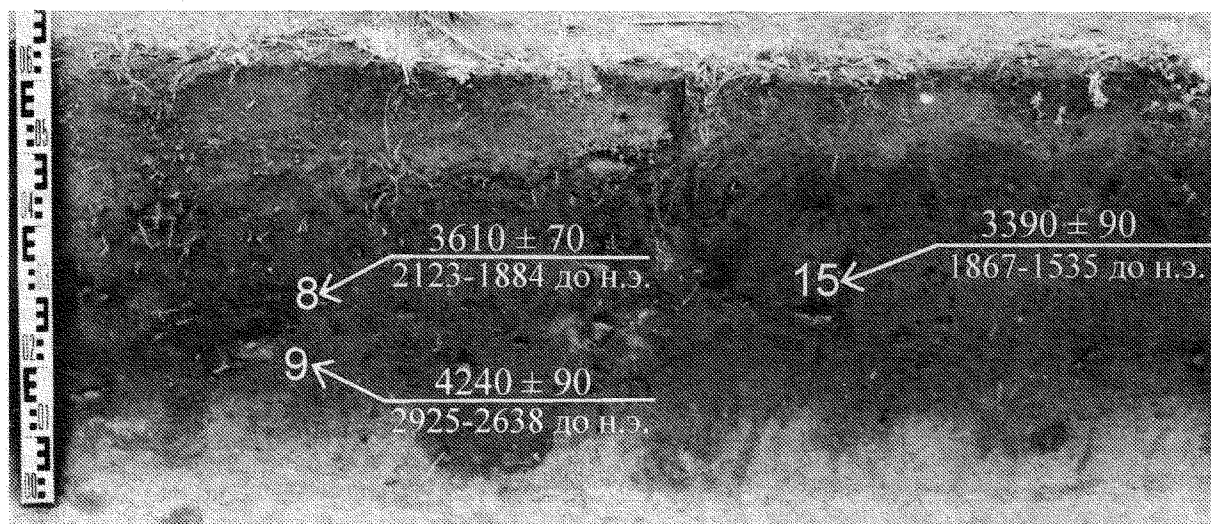
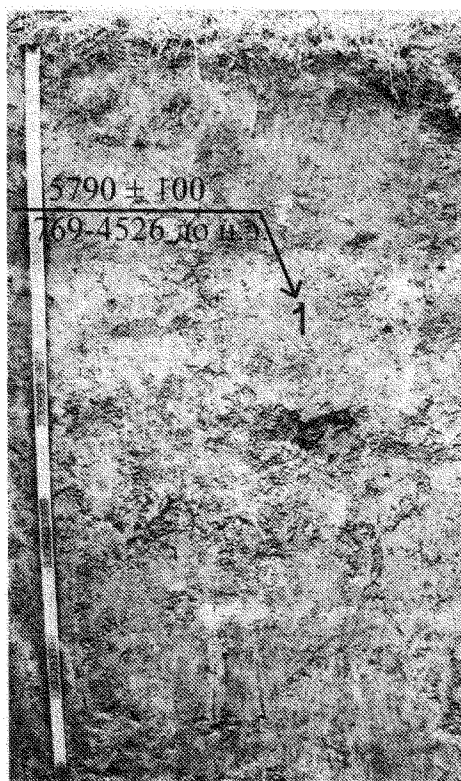

Рис. 2. Песочное-1. Раскоп 3, колонка А, кв. Н-4/5

Рис. 3. Песочное-1. Фоновый разрез 4.
Агро-дерново-подзолистая почва
со вторым гумусовым горизонтом*Разрез 4*

- Ad 0–7 см. Темно-серо-бурый увлажненный суглинок, слабоуплотненный, обилие корней. Граница ровная, переход постепенный.
- Ap 7–30(32) см. Серовато-бурый увлажненный суглинок, слабоуплотненный, комковато-ребристой структуры, корни растений, редкие включения

угольков, фрагментов керамики. Граница ровная, переход резкий.

EL 30(32)–42(46) см. Белесо-буроватый увлажненный суглинок, уплотненный, комковато-плитчатой структуры, кремнеземистая присыпка, микроорштейны Mn, Fe. Граница языковатая, переход постепенный.

Ahh 32(35)–42(45) см. Серый, серо-буроватый увлажненный суглинок, комковатой структуры, уплотненный. Граница слабоволнистая, переход постепенный.

ELB 42(46)–56 см. Белесо-буроватые языки на буром, увлажненный суглинок, плотный, ореховато-призматической структуры, по краям отдельностей железо-гумусовые кутаны, граница ровная, переход постепенный. На глубине 46–56 см кротовина с темно-серым заполнением.

BT₁ 56–77 см. Бурый, охристо-бурый, влажный суглинок, ореховато-призматической структуры, темно-серые кутаны по граням отдельностей. Граница ровная, переход постепенный.

BT_{g2} 77–(99) см. Сизовато-охристо-бурый влажный суглинок, плотный, ореховатой структуры, по краям отдельностей серый кутаны.

Почва отличается от культурного слоя поселения светлой окраской всех горизонтов: гумусового (пахотного) Ap, подзолистого EL и иллювиального BT. Она может быть классифицирована как дерново-подзолистая. Это типичная почва лесной зоны с современным пахотным горизонтом. Вместе с тем, в профиле почвы присутствует ВГ (Ahh). Горизонт не сплошной, имеет разрывы. Радиоуглеродный возраст гумуса темноцветного горизонта: 5790±100 лет (Ki-15659) (табл. 1).

На склоне террасы к озеру фоновые почвы на той же абсолютной высоте, что и поселение Песочное 1, дерново-глеевые (рис. 4).

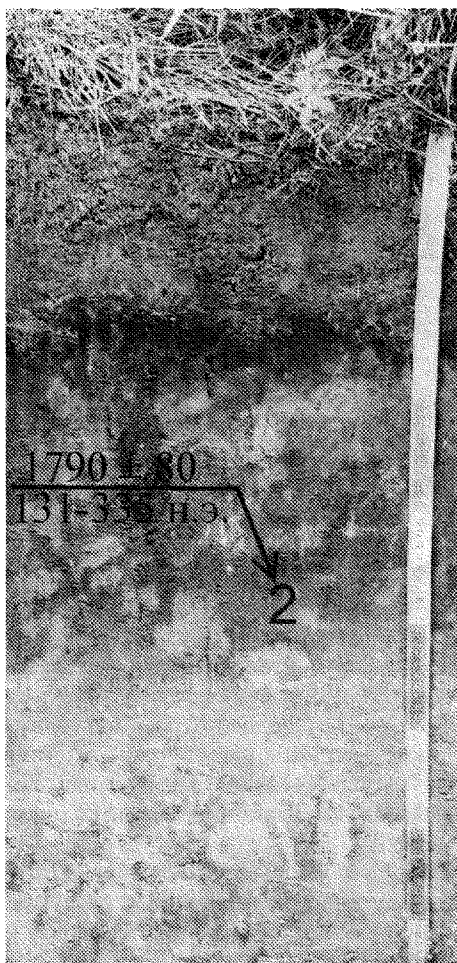

Рис. 4. Песочное-1. Фоновый разрез 5. Дерново-глеевая почва

Результаты радиоуглеродных исследований

Получена большая серия дат по гумусу культурного слоя (табл. 1). Датирование производилось в радиоуглеродной лаборатории в Киеве¹. Датировочным веществом служило органическое вещество, которое выделялось по методике, применяемой для почв и минерализованных торфов, а именно с помощью пиролиза. Калибровка дат производилась по программе IntCal 04.

Полученные даты оказались достаточно древними. Признаки омоложения дат за счет накопления почвенного гумуса в течение последних 3000 лет выражены слабо. Даты четко стратифицированы по глубине согласно последовательности археологических культур (рис. 1; рис. 2). Даты с уровня льяловского слоя наиболее древние, даты из верхнего слоя, содержащие сетчатую керамику, на 2000 лет моложе. Вместе с тем, даты по нижним образцам, соответ-

ствующим льяловскому слою (№ 2, 7; табл. 1) моложе принятых для данной культуры. Некоторые даты по верхним образцам (сетчатая керамика, № 1, 5, 8; табл. 1) несколько древнее. Выявленные отклонения можно объяснить процессами перемешивания слоя землероями (грызуны, черви). Известно, что землерои могут выносить материал нижних горизонтов почвы на поверхность, и наоборот перемещать его из верхних слоев вглубь почвы. Можно полагать, что процессы накопления гумуса и роющая деятельность почвенной фауны являются существенными факторами, осложняющими интерпретацию результатов датирования культурного слоя по радиоуглероду. Однако, в культурном слое поселения Песочное-1 отклонения возраста, связанные с этими процессами, невелики. Это обусловлено особыми химическими свойствами слоя, определяющими высокую устойчивость гумуса.

Большой возраст дат из верхнего горизонта, несмотря на то, что гумус здесь долгое время залегал у самой поверхности почвы, свидетельствует о большой устойчивости органического вещества культурного слоя данного памятника. Отчасти, это связано с поступлением в культурный слой дисперсного угля, что, кроме того, усиливает черную окраску слоя. Устойчивыми являются и соединения гумусовых веществ с кальцием, высокое содержание которого связано с поступлением в культурный слой кальцинированной кости (апатита). Этому соответствует и высокое содержание фосфора, так как фосфат кальция составляет основу костной ткани.

Для всех дат выполнена калибровка возраста с помощью программы INTCAL 04. Калиброванный возраст гумуса льяловского слоя достигает 4647–4264 лет до н.э., что на 600–1000 лет старше некалиброванных ¹⁴C дат. По волосовскому слою калиброванный возраст гумуса составляет 2275–1980 лет до н.э. Это на 500–210 лет старше некалиброванного возраста. По сетчатому слою (даты от 3390 ± 90 до 3950 ± 80 л.н.; табл. 1) наиболее репрезентативным является интервал 2130–1880 лет до н.э. Это на 500–220 лет старше некалиброванной даты. Радиоуглеродный возраст гумуса фоновых дерново-глеевых почв значительно моложе, чем возраст гумуса культурного слоя и погребенных под ним почв.

Радиоуглеродные даты, полученные по гумусу археологических объектов, по точности уступают датам по другим более надежным углеродсодержащим материалам: древесине, древесному углю, кости. Это связано с тем, что древесина и кость характеризуют короткие интервалы времени, в течение которых они сформировались. Почвенный гумус формируется долго, в течение столетий и тысячелетий, и в процессе почвообразования он омолаживается. Культурные слои обычно располагаются в пределах гумусовых горизонтов почвы, поэтому содержащийся в них гумус может иметь как почвенное, так и археологиче-

¹ Лаборатория радиоуглеродного анализа при Научном центре геохимических исследований Национальной академии наук Украины (г. Киев).

Таблица 1. Песочное-1. Результаты определений возраста образцов культурного слоя (КС) по радиоуглероду гумуса.

Разрез, образец, глубина в см	Лабораторный индекс	Радиоуглеродная дата, л. н.	Калиброванный возраст
<i>Почвы, фон</i>			
Разрез 4, Ah 32–45 см. Дерново-подзолистая почва со 2-м гумусовым горизонтом	Ki-15659	5790 ± 100	1σ 4769–4526 до н.э. 2σ 4897–4375 до н.э.
Разрез 5, AB' 40–51 см. Дерново-глеевая почва	Ki-15660	1790 ± 80	1σ 131–335 н.э. 2σ 63–416 н.э.
Разрез 6, A1' 34–39 см. Дерново-глеевая почва	Ki-15661	3250 ± 90	1σ 1623–1433 до н.э. 2σ 1746–1316 до н.э.
Разрез 9, A1' 50–58 см. Дерново-глеевая почва	Ki-15662	4390 ± 90	1σ 3312–2903 до н.э. 2σ 3346–2887 до н.э.
<i>Культурный слой, раскоп 3, шурф 1</i>			
Шурф 1, колонка Е, КС 20–25 см (верх КС)	Ki-15847	3120 ± 90	1σ 1496–1271 до н.э. 2σ 1607–1128 до н.э.
№ 3. Шурф 1, колонка Б, КС 30–40 см (середина КС)	Ki-15647	4410 ± 80	1σ 3314–2916 до н.э. 2σ 3339–2902 до н.э.
№ 2. Шурф 1, колонка Б, КС 55–64 см (низ КС)	Ki-15646	5590 ± 80	1σ 4491–4351 до н.э. 2σ 4647–4264 до н.э.
№ 1. Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС 27–37 см, (середина КС)	Ki-15645	3610 ± 70	1σ 2123–1884 до н.э. 2σ 2193–1768 до н.э.
№ 4. Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А, КС 37–46 см, (низ КС)	Ki-15648	4240 ± 90	1σ 2925–2638 до н.э. 2σ 3090–2573 до н.э.
№ 6. Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В, КС 31–41 см, (середина КС, сетчатый слой)	Ki-15650	3490 ± 80	1σ 1915–1694 до н.э. 2σ 2026–1620 до н.э.
№ 7. Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В, КС 49–59 см, (низ КС, льяловский слой)	Ki-15651	5310 ± 90	1σ 4229–4064 до н.э. 2σ 4231–4051 до н.э.
Раскоп 3, кв. Р-10, колонка Г, КС 27–34 см	Ki-15845	2990 ± 70	1σ 1370–1126 до н.э. 2σ 1407–1024 до н.э.
Раскоп 3, кв. И-4, колонка Д, КС 17–22 см	Ki-15848	2760 ± 70	1σ 978–831 до н.э. 2σ 1112–800 до н.э.
Раскоп 3, кв. И-4, колонка Д, КС 27–32 см	Ki-15846	5120 ± 90	1σ 4035–3796 до н.э. 2σ 4226–3702 до н.э.
<i>Археологические объекты</i>			
№ 9. Раскоп 3, кв. О-4/5, 189 см, пол жилища, сетчатый слой	Ki-15653	3390 ± 90	1σ 1867–1535 до н.э. 2σ 1917–1465 до н.э.
№ 10. Раскоп 3, кв. Н-1, 200 см, волосовский слой	Ki-15654	3720 ± 80	1σ 2275–1980 до н.э. 2σ 2430–1894 до н.э.
№ 5. Раскоп 3, кв. О-5, 192 см, пятно прокала	Ki-15649	3610 ± 80	1σ 2131–1880 до н.э. 2σ 2198–1750 до н.э.
№ 8. Раскоп 3, кв. Н-6, 193 см, КС с калыц. костями	Ki-15652	3950 ± 80	1σ 2570–2309 до н.э. 2σ 2837–2155 до н.э.
№ 11. Раскоп 3, кв. 3-3, пласт 3	Ki-15655	3220 ± 80	1σ 1607–1417 до н.э. 2σ 1688–1315 до н.э.
№ 1а. Раскоп 3, кв. О-3, пласт 2, развал печных камней	Ki-15858	3410±90	1σ 1877–1612 до н.э. 2σ 1935–1501 до н.э.
№ 2а. Раскоп 3, кв. О-3, 188–192 см под печными камнями	Ki-15850	3330±90	1σ 1657–1540 до н.э. 2σ 1668–1534 до н.э.
№ 3а. Раскоп 3, яма 2, КС с фрагментами тлена	Ki-15849	4860±90	1σ 3762–3525 до н.э. 2σ 3929–3376 до н.э.
№ 4а. Раскоп 3, кв. О-3, пласт 3, КС с тленом	Ki-15857	3510±90	1σ 1950–1695 до н.э. 2σ 2128–1614 до н.э.
№ 6а. Раскоп 3, кв. И-3, пласт 3, КС рядом с сосудом № 2003	Ki-15852	4830±100	1σ 3710–3384 до н.э. 2σ 3903–3368 до н.э.

Таблица 1 (окончание). Песочное-1. Результаты определений возраста образцов культурного слоя (КС) по радиоуглероду гумуса.

Разрез, образец, глубина в см	Лабораторный индекс	Радиоуглеродная дата, л. н.	Калиброванный возраст
№ 12. Раскоп 3, кв. И-3, пласт 3, КС под сосудом № 2003	Ki – 15855	5270±90	1σ 4230–3990 до н.э. 2σ 4333–3848 до н.э.
№ 5а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1, КС рядом с развалом № 4799	Ki – 15861	3330±60	1σ 1683–1531 до н.э. 2σ 1750–1458 до н.э.
№ 7а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1, КС внутри развала № 4799	Ki – 15859	2810±60	1σ 1050–861 до н.э. 2σ 1129–822 до н.э.
№ 9а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 2, КС рядом с развалом № 4798	Ki – 15854	3320±70	1σ 1684–1522 до н.э. 2σ 1755–1437 до н.э.
№ 8а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 2, КС внутри развала № 4798	Ki – 15851	3660±110	1σ 2199–1892 до н.э. 2σ 2431–1742 до н.э.
№ 10а. Раскоп 3, кв. Н-6, пласт 1, КС со дня развала № 4799	Ki – 15864	3510±90	1σ 1950–1695 до н.э. 2σ 2128–1614 до н.э.
№ 11а. Раскоп 3, кв. Б-3, пласт 3, культурный слой	Ki – 15862	4210±90	1σ 2905–2638 до н.э. 2σ 3021–2498 до н.э.
№ 13. Раскоп 3, кв. П-11, пласт 2, яма с углем	Ki – 15856	2740±80	1σ 975–811 до н.э. 2σ 1114–790 до н.э.
№ 14. Раскоп 3, кв. П-11, пласт 2, рядом с ямой	Ki – 15860	1610±70	1σ 385–542 н.э. 2σ 258–597 н.э.
№ 15. Раскоп 3, кв. Н-8, пласт 1/3, яма с углем	Ki – 15853	2310±80	1σ 507–208 до н.э. 2σ 750–172 до н.э.
№ 16. Раскоп 3, кв. Н-8, пласт 1/3, рядом с ямой	Ki – 15863	1580± 70	1σ 412–555 н.э. 2σ 264–630 н.э.

Примечания: Радиоуглеродные даты, как принято, даны в годах назад от 1950 г. При одной сигме вероятность – 68%, при двух сигмах – 95%.

ское происхождение. В некоторых случаях преобладает медленно накапливающийся почвенный гумус, в результате чего даты по ^{14}C могут существенно отличаться от археологического возраста. Но часто преобладают гумифицированные остатки органического вещества, имеющие антропогенное происхождение и составляющие основу «археологического гумуса» (Александровский, 2008). Последний обычно формируется из больших объемов органического вещества, поступающего в культурный слой (щепа, другие остатки деревянных построек, навоз, пищевые остатки) за относительно короткие промежутки времени (годы, десятки лет). При существенном преобладании «археологического гумуса» над почвенным, радиоуглеродные даты могут достаточно точно отражать возраст культурного слоя. Еще одним составляющим «археологического гумуса» может быть углефицированная органика и дисперсный уголь, поступающие в культурный слой вследствие многочисленных пожаров.

Под культурным слоем с радиоуглеродными датами до 5590 ± 80 л.н. (табл. 1) сохранилась нижняя часть среднеголоценового гумусового горизонта естественной почвы, верх которой, вероятно, был вовлечен в состав культурного слоя. Реликтовый гумус имеет темную окраску и поэтому слабо отличается от столь же темноокрашенных культурных отложений. В фоновых почвах данный горизонт сохранился в единичных случаях (разрез 4), причем в сильно

деградированном виде. Видимо культурный слой на месте поселения Песочное-1 послужил экраном, защитившим реликтовый гумус от воздействий более поздних почвообразовательных процессов. Вместе с тем, на месте поселения данный горизонт содержит небольшое количество археологического материала поэтому обозначен как $A_{1\text{КС}}$.

Данные физико-химических анализов

Аналитические данные свидетельствуют о существенных различиях между культурным слоем, пригребенным гумусовым горизонтом, нижележащим срединными горизонтами погребенной почвы и верхним слоем аллювия. Культурный слой выделяется легкосуглинистым составом, с несколько повышенным содержанием фракций песка. Реже его состав среднесуглинистый. В отличие от культурного слоя, гумусовом горизонте погребенной почвы значительно меньше примесь фракции среднего песка. Культурный слой на месте поселения и фоновые почвы перекрыты слоем аллювия в 15–20 см, состав которого в основном среднесуглинистый. Фоновый разрез 7, расположенный в нижней части склона террасы выделяется супесчано-песчаным составом. Выше на поверхности террасы состав почвы (разрез 4) более глинистый, но в верхней части профиля содержание тонких частиц уменьшается и, как в культурном слое, заметно возрастает содержание среднего песка (табл. 2).

Таблица 2. Песочное-1. Гранулометрический состав почв и культурного слоя (содержание фракций в %)².

Горизонт, глубина, см	Фракции, мм							Название состава почвы
	1,00–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01– 0,005	0,005– 0,001	<0,001	<0,01	
Раскоп 3, кв. 3-4, колонка Ж								
Ad, 10–15	5,25	33,27	31,56	7,22	9,06	13,64	29,92	Суглинок легкий
KC ₁ , 25–30	8,01	43,83	23,19	4,64	7,28	12,51	24,97	Суглинок легкий
KC ₂ , 35–45	5,97	48,80	23,72	3,79	5,26	12,46	21,51	Суглинок легкий
B, 50–55	3,47	45,66	27,99	4,29	4,37	14,22	22,88	Суглиное легкий
Шурф 1, колонка Б								
Ad, 0–8	4,71	20,85	33,40	10,32	14,44	16,28	41,04	Суглинок тяжелый
AB, 8–26	3,77	18,78	38,09	11,86	13,05	14,45	39,36	Суглинок средний
KC ₁ , 26–40	6,64	33,22	29,32	8,31	9,11	13,40	30,82	Суглинок средний
KC ₂ , 40–64	3,35	41,82	27,87	4,09	6,36	16,51	26,96	Суглинок легкий
A _{кс} , 64–74	1,51	42,89	28,21	4,71	6,22	16,46	27,39	Суглинок легкий
B, 74–(84)	0,56	25,62	43,73	6,61	6,28	17,40	30,29	Суглинок средний
Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А								
Ad, 0–12	9,98	30,65	27,62	7,46	11,45	12,84	31,75	Суглинок средний
AB, 12–17	10,60	31,05	32,47	7,97	7,36	10,55	25,88	Суглинок легкий
KC ₁ , 17–37	13,00	35,83	27,17	6,45	7,96	9,59	24,00	Суглинок легкий
KC ₂ , 37–46	11,48	38,75	23,52	5,57	7,61	13,07	26,25	Суглинок легкий
A _{кс} , 46–55	8,20	34,43	24,67	11,48	6,37	14,85	32,70	Суглинок средний
B, 55–65	4,31	13,62	34,46	9,08	13,14	25,39	47,61	Суглинок тяжелый
Разрез 7, фоновая почва								
Ad, 0–5	19,25	23,77	21,33	7,49	12,43	15,73	35,65	Суглинок средний
AB, 5–16	1,80	35,89	20,42	8,34	14,56	18,99	41,89	Суглинок тяжелый
A ₁ , 16–37	2,90	74,32	7,45	2,56	2,64	10,13	15,33	Супесь
AB _г , 37–48	5,57	80,33	6,77	0,96	1,77	4,60	7,33	Песок связный
B _г , 48–57	12,78	72,40	9,26	1,17	1,37	3,02	5,56	Песок связный
B ₂ , 57–63	2,85	13,92	41,88	7,44	9,42	24,49	41,35	Суглинок тяжелый
Разрез 4, фоновая почва								
Ad, 0–7	7,54	38,66	30,53	6,35	7,58	9,34	23,27	Суглинок легкий
Ap, 7–30	8,59	40,76	24,29	6,67	10,09	9,60	26,36	Суглинок легкий
EL, 30–46	3,36	17,97	39,52	12,18	12,69	14,27	39,15	Суглинок средний
A _h , 32–45	1,30	13,76	44,47	12,85	14,36	13,26	40,47	Суглинок тяжелый
ELB, 46–56	0,31	2,51	33,49	8,87	21,54	33,28	63,69	Глина легкая
Кротовина, 50–58	1,26	12,06	39,79	10,53	16,01	20,35	46,89	Суглинок тяжелый
BT ₁ , 56–77	0,83	9,94	27,00	9,72	14,15	38,36	62,23	Глина легкая
BT _г , 77–100	0,04	50,98	16,52	3,62	4,82	24,02	32,46	Суглинок средний

Примечание: 1,00–0,25 мм – песок средний; 0,25–0,05 – песок мелкий; 0,05–0,01 мм – пыль крупная; 0,01–0,005 – пыль средняя; 0,005–0,001 – пыль мелкая; <0,001 мм – ил; <0,01 – физическая глина.

Реакция почвенного раствора (рН) в проанализированных образцах почв и культурного слоя варьирует от кислой до нейтральной (табл. 3). Большинство значений находится в области слабокислой реакции. Содержание фосфора в культурном слое очень высоко. В раскопе 3 и шурфе 1 его в 20–50 раз больше, чем в фоновых почвах.

Максимально содержание фосфора в верхней и средней части культурного слоя, оно заметно снижается в горизонте A₁к_с. Важно отметить, что его со-

держание в обоих горизонтах, лежащих под культурным слоем – и в черном A₁к_с и в светлоокрашенном B (материк), почти одинаково и существенно выше, чем в горизонтах A₁ и B фоновых почв. Следовательно, фосфор проник в погребенную почву, в горизонты A₁к_с и B, после погребения в результате вымывания сверху. Это подтверждает наше предположение о том, что горизонт A₁к_с представляет собой гумусовый горизонт или сохранившуюся нижнюю часть исходной почвы, формировавшейся на месте поселения до

² Здесь и далее в таблицах жирным выделены повышенные концентрации, курсивом – пониженные.

Таблица 3. Песочное 1. Результаты почвенных анализов.

Горизонт, глубина, см	pH _{H2O}	ППП, %	C _{орг} , %	Гумус, %	P ₂ O ₅ , %
<i>Разрез 7, фоновая почва</i>					
Ad, 0–5	5,25	-	13,46	22,882	0,300
AB, 5–16	5,15	-	6,55	11,135	0,210
A1, 16–37	6,05	5,10	1,33	2,261	0,110
ABg, 37–48	6,30	1,94	0,37	0,629	0,080
B _{1g} , 48–57	6,65	-	0,12	0,204	0,040
B ₂ , 57–63	6,40	-	0,25	0,425	0,014
<i>Разрез 4, фоновая почва</i>					
Ad, 0–7	5,10	-	3,47	5,90	0,18
Ap, 7–30	5,45	-	1,02	1,73	0,15
EL, 30–46	5,75	-	0,49	0,83	0,13
Ah, 32–45	5,50	-	0,55	0,94	0,12
ELB, 46–56	5,40	-	0,41	0,70	0,15
Кротовина, 50–58	5,45	-	1,10	1,87	0,20
BT ₁ , 56–77	5,45	-	0,33	0,56	0,15
BTg ₂ , 77–100	5,70	-	0,19	0,32	0,14
<i>Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А</i>					
Ad, 0–12	5,70	17,60	5,19	8,82	2,08
AB, 12–17	6,00	14,96	3,90	6,63	2,68
KC ₁ , 17–37	6,50	12,78	3,18	5,41	5,23
KC ₂ , 37–46	6,55	8,26	1,95	3,32	3,80
A _{1kc} , 46–55	6,40	5,40	0,72	1,22	0,92
B, 55–65	6,50	-	0,31	0,53	0,65
<i>Шурф 1, колонка Б</i>					
Ad, 0–8	5,25	26,71	8,47	14,40	1,01
AB, 8–26	5,60	20,18	4,47	7,60	1,25
KC ₁ , 26–40	6,30	11,76	5,57	9,47	5,48
KC ₂ , 40–64	6,50	6,99	1,41	2,40	2,36
A _{1kc} , 64–74	6,60	4,84	0,72	1,22	0,91
B, 74–(84)	6,60	-	0,30	0,51	0,79
<i>Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В</i>					
Ad, 0–8	5,40	-	7,94	13,50	1,18
AB, 8–12	5,40	-	4,95	8,42	1,77
KC ₁ , 12–41	6,45	12,30	3,05	5,19	4,67
KC ₂ , 41–59	6,50	6,65	1,39	2,36	2,49
A _{1kc} , 59–68	6,55	4,18	0,76	1,29	0,83
B, 68–75	6,50	-	0,31	0,53	0,75
<i>Раскоп 3, кв. Р-10, колонка Г</i>					
AB, 10–20	5,45	-	4,55	7,74	1,08
KC, 20–27	5,85	-	3,36	5,71	2,33
KC, 27–34	6,00	-	2,87	4,88	2,69
KC, 34–40	6,15	-	1,73	2,94	2,41
B, 40–60	6,25	-	0,43	0,73	1,04
<i>Раскоп 3, кв. З-4, колонка Ж</i>					
AB, 10–15	5,85	14,78	3,78	6,43	1,43
KC, 25–30	6,40	8,53	1,84	3,13	2,90
KC, 35–45	6,45	6,40	1,15	1,96	3,18
B, 50–55	6,35	4,26	0,42	0,71	0,89

Примечание: Значения pH: 4,5–5,5 – кислые; 5,5–6,5 – слабокислые; 6,5–7,0 – нейтральные;
«-» – не определялось.

Таблица 4. Песочное-1, колонка Д. Фракционный состав гумуса почв и культурного слоя³.

Горизонт, глубина, см	C _{общ} , %	Гуминовые кислоты				Фульвокислоты					Гумины	C _{гк} /C _{фк}
		1	2	3	Σ	1a	1	2	3	Σ		
AB, 0–12	7,12	14,55	0,47	4,87	19,89	3,29	22,06	0,33	4,41	30,09	49,98	0,66
KC, 12–20	3,52	26,62	1,74	4,96	33,32	3,57	12,74	0,30	11,51	28,12	38,56	1,18
KC, 20–28	2,62	30,30	5,42	4,69	40,42	4,02	5,87	2,68	11,20	23,77	35,81	1,70
KC/AB, 28–35	1,37	25,62	8,32	2,73	36,67	4,91	12,17	0,22	8,55	25,85	37,48	1,42
B, 35–45	0,42	6,26	10,45	2,05	18,76	14,62	9,76	19,55	10,00	53,93	27,31	0,35

появления человека. Также фосфор в значительных количествах проник и в аллювий, перекрывший культурный слой. Видимо, это связано с биотурбациями. В этом же слое аллювия, но лежащем за пределами поселения, фосфора мало.

Результаты анализа состава гумуса культурного слоя и почв

С целью определения сходства палеопочв и культурного слоя поселения Песочное-1 с изученными ранее среднеголоценовыми горизонтами палеопочв котловины оз. Неро был проведен анализ фракционного состава гумуса. Определения проведены в Институте почвоведения и агрохимии (ИПА) СО РАН (г. Новосибирск). Данный метод является показательным для определения природных условий, в которых сформировались почвы (Дергачева, 1997). Ранее было установлено, что темноцветные горизонты почв исследуемого региона характеризуются высоким содержанием устойчивых фракций гуминовых кислот (Александровский, 1983). Подобные свойства характерны для черноземов и темно-серых лесных почв, распространенных в лесостепи. Данные определения фракционного состава гумуса культурного слоя и почв Песочного-1 показали высокое сходство с изученными ранее темноцветными почвами региона (табл. 4).

Отмечается высокое содержание фракции II гуминовых кислот, связанных с кальцием. Можно полагать, что большая устойчивость гумусовых веществ культурного слоя памятника во многом определяется его формированием в условиях среднего голоцена, в условиях более сухого и теплого климата, при доминировании лесостепных и широколиственно-лесных ландшафтов. В то время эти ландшафты проникали далеко на север Восточно-Европейской равнины (Александровский, 1983).

В пределах культурного слоя, накапливавшегося в течение AT-2 и SB-1 периодов (6500–3500 л.н., некалиброванный радиоуглеродный возраст), существенных вариаций в составе гумуса не обнаружено, т. е. условия, характерные для темноцветной стадии сохранялись на протяжении всего времени его формирования. Отчасти такая однородность гумуса определяется и процессами гомогенизации материала слоя

во время функционирования поселения, и последующей длительной его трансформацией почвенными процессами (зоотурбации и др.).

Данные валового элементного анализа

С целью выявления неоднородности культурного слоя были проведены определения содержания элементов, как по колонкам, характеризующим полный профиль почв и отложений от верхнего аллювия и культурного слоя до погребенной почвы и материнской породы, так и по всей площади раскопа по образцам, отобранным послойно по сетке шагом 1 м. Определения содержания кальция, фосфора, меди, цинка, железа, марганца, свинца, мышьяка и других элементов выполнялись с помощью метода рентген-флуоресцентного анализа. К настоящему времени проанализировано около 350 образцов по трем верхним пластам (I верх, I низ и II подошва) раскопа 3. Проведены такие же определения для культурных слоев бронзового века из поселений Липовка 1 и в районе Яковлевского монастыря в Ростове Великом, из которых проанализировано 50 и 20 образцов, соответственно.

По результатам определений в культурном слое поселения Песочное-1 обнаружены высокие концентрации не только фосфора, характерного для поселений древнего человека, но и других элементов – например кальция, в культурный слой обычно поступающего с антропогенными карбонатами. Однако в культурном слое поселения Песочное-1 карбонаты отсутствуют, кальций находится преимущественно в составе фосфата кальция (апатита), что соответствует химическому составу кости. Среди микроэлементов высоким содержанием отличались медь и цинк. Определения по колонкам показали, что содержания четырех элементов: Ca, P, Cu, Zn, являются высокими и очень высокими только в культурном слое. Однако сразу под слоем содержание этих элементов резко понижается и постепенно приближается к фоновым значениям (табл. 5). Это свидетельствует о хорошо выраженной сорбции этих элементов и очень слабой их миграции вниз по профилю.

Послойные определения по площади раскопа, характеризующие верхнюю и среднюю части куль-

³ Аналитик – м.н.с. ИПА СО РАН Е.Г. Захарова.

Таблица 5. Песочное-1, содержание макроэлементов (в оксидах) и микроэлементов.

Горизонт, глубина, см	CaO	P ₂ O ₅	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	Cu	Zn	Pb	Cr	Co	Ni
	(%)					мг/кг					
Разрез 7, фоновая почва											
Ad, 0–5	2,09	0,54	0,49	0,179	6,51	46	102	57	81	13	46
AB, 5–16	0,83	0,36	0,64	0,024	4,94	26	46	28	103	8	25
A ₁ , 16–37	0,80	0,48	0,42	0,013	2,50	8	13	18	56	2	6
AB _g , 37–48	0,62	0,29	0,37	0,024	1,62	3	2	10	42	1	2
B _{1g} , 48–57	0,67	0,16	0,39	0,024	1,16	4	4	6	61	1	3
B ₂ , 57–63	1,05	0,20	0,93	0,049	5,03	21	43	27	120	9	26
Раскоп 3, кв. Н-4/5, колонка А											
Ad, 0–12	5,25	3,88	0,62	0,34	5,17	64	298	16	82	13	23
AB, 12–17	4,79	3,20	0,57	0,23	4,20	74	244	15	77	9	25
KC ₁ , 17–37	11,06	8,32	0,45	0,22	3,24	104	447	8	53	12	22
KC ₂ , 37–46	8,42	6,11	0,53	0,16	3,15	60	326	13	66	12	17
A _{1кc} , 46–55	2,06	1,34	0,67	0,05	3,36	23	75	13	92	10	12
B, 55–65	1,37	0,73	0,85	0,06	5,06	16	88	18	122	10	21
Шурф 1, колонка Б											
Ad, 0–8	2,64	1,51	0,71	0,28	6,07	53	220	41	102	8	34
AB, 8–26	3,26	2,09	0,72	0,16	5,56	69	224	21	102	13	30
KC ₁ , 26–40	9,32	6,70	0,50	0,14	3,19	85	384	12	59	5	25
KC ₂ , 40–64	4,63	2,97	0,61	0,09	3,13	38	132	16	75	7	24
A _{1кc} , 64–74	2,05	1,16	0,65	0,05	3,03	25	62	13	79	9	20
B, 74–(84)	1,80	1,25	0,74	0,07	4,68	27	58	20	104	9	25
Раскоп 3, кв. Д-3, колонка В											
Ad, 0–8	3,51	2,17	0,67	0,27	5,30	55	228	31	89	17	27
AB, 8–12	3,69	2,76	0,62	0,15	5,49	61	213	21	87	10	20
KC ₁ , 12–41	11,20	8,80	0,44	0,30	3,56	140	417	12	53	10	16
KC ₂ , 41–59	6,89	5,09	0,45	0,09	2,53	45	232	11	50	6	14
A _{1кc} , 59–68	1,97	1,31	0,68	0,04	3,11	18	65	20	92	5	10
B, 68–75	1,55	1,07	0,74	0,08	4,03	15	57	17	95	10	18
Раскоп 3, кв. Р-10, колонка Г											
AB, 10–20	3,08	2,45	0,70	0,225	4,99	69	235	28	80	12	25
KC, 20–27	5,17	3,55	0,59	0,289	3,95	115	382	14	73	10	26
KC, 27–34	6,47	4,86	0,56	0,189	3,53	114	372	10	74	7	26
KC, 34–40	5,01	3,54	0,59	0,152	3,51	117	297	12	91	5	21
B, 40–60	1,23	0,80	0,80	0,050	5,76	21	106	21	121	8	29
Раскоп 3, кв. 3-4, колонка Ж											
AB, 10–15	3,42	2,39	0,61	0,08	4,81	51	147	19	86	13	23
KC, 25–30	6,79	5,21	0,51	0,09	3,42	59	207	12	70	11	11
KC, 35–45	6,96	5,38	0,48	0,10	2,85	40	184	14	53	11	16
B, 50–55	2,68	1,80	0,60	0,07	2,84	24	68	9	71	9	19

турного слоя, показали, что содержание указанных четырех элементов поднимается до столь высоких концентраций, которые в культурных слоях ранее нам наблюдать не доводилось (табл. 5; табл. 6). Они встречаются лишь в единичных случаях в более молодых, мощных слоях городов – средневековых и Нового времени, насыщенных следами различных производств (Александровская, Александровский, 2003).

В культурном слое обычных внегородских поселений концентрации Cu и Zn находятся на уровне фона или не намного выше. В данном случае (Песочное-1)

отмечается достаточно ровное содержание указанных элементов, без обычных для культурных слоев резких колебаний, что вероятно связано с перемешиванием почвенной массы землероями (биотурбация). В среднем содержание CaO в 6–7 раз выше, чем в фоновых почвах, P₂O₅ – в 30–40, Cu – в 4–5, Zn – в 10–15 раз. Также отмечается, что содержание CaO, P₂O₅, Cu, Zn местами согласованно увеличивается при наличии в культурном слое кальцинированной кости (табл. 6). Содержания других элементов, свинца, мышьяка, нередко повышенные в слоях древних поселений, здесь

Таблица 6. Содержание макроэлементов (в оксидах) и микроэлементов на участках 5 и 6 (пласт Iв – верхний).

Квадрат	Характеристика слоя	CaO	MnO	Fe ₂ O ₃	P ₂ O ₅	Cr	Co	Ni	Cu	Zn	Pb
		(%)				(мг/кг)					
	Кларк	1,5	0,1	5	0,2	122	29	99	30	76	13
Н-5	ТКС+кк	9,55	0,177	3,44	7,58	55	10	26	125	509	17
Н-6	ТКС+кк	8,79	0,239	3,58	6,60	57	8	27	128	507	18
Н-7	ТКС+кк	7,72	0,198	3,80	6,02	67	8	27	126	472	8
Н-8	ТКС	4,13	0,128	4,00	2,87	75	13	21	74	285	20
Н-9	ТКС	3,93	0,155	3,97	3,08	75	10	26	90	261	20
Н-10	ТКС	3,92	0,217	4,22	3,02	71	9	25	99	289	21
Н-11	ТКС	4,19	0,371	4,50	3,25	83	7	26	103	311	16
О-5	ТКС+кк	8,48	0,186	3,36	6,50	59	6	28	139	517	14
О-6	ТКС+кк	7,74	0,245	3,62	5,90	65	7	27	119	486	13
О-7	ТКС+кк	7,36	0,147	3,39	5,42	67	5	32	124	469	17
О-8	ТКС	4,56	0,439	4,66	3,86	79	11	28	92	324	24
О-9	ТКС	4,43	0,198	4,12	3,48	78	4	23	101	311	16

Примечания: Кларк – среднее содержание элемента в земной коре; ТКС – темно-коричневый слой; кк – кальцинированная кость.

находятся в пределах фоновых значений. Причем некоторые флуктуации в их содержании, в отличие от Cu и Zn, никак с колебаниями в содержании Ca и P не совпадают.

При сравнении поведения четырех элементов (Ca, P, Cu, Zn) и анализе их распределения по пластам выявляются определенные различия (рис. 5). Вниз по профилю, от пласта Iв к пластам IIп и IIIп содержание кальция увеличивается, также увеличивается и содержание фосфора. Наоборот, содержание меди максимальное в верхнем слое Iв и с глубиной уменьшается. Распределение цинка по глубине более равномерное, местами с небольшим его накоплением с глубиной. Однако на некоторых участках, например, участках 5 и 6, в нижнем проанализированном слое (пласт 2), содержание цинка, фосфора и кальция снижается. Причем это снижение отмечается в квадратах, расположенных в самой верхней части склона. Вероятно здесь, на уровне пласта 2, в связи с меньшей мощностью культурного слоя, уже начинается его нижняя часть, а максимум содержания элементов располагается выше. Содержание элементов повышается на отдельных микроучастках – например, в квадратах П-5, П-6, О-5, О-6, Н-5, Н-6, а также М-4, Н-4; Ж-1, З-1, З-2; Б-1, Б-2. Эти микроучастки характеризуются образцами с кальцинированной костью (табл. 6; рис. 5).

Источники поступления кальция, фосфора, меди и цинка – четырех элементов содержащихся в больших количествах, разные. Кальций и фосфор видимо представляют собой компоненты фосфата кальция (апатит), составляющего основу кости. Поступление кости в культурный слой было очень интенсивным. Поэтому, несмотря на большую древность и относительно неглубокое залегание, на отдельных участках (пятнах) фрагменты кальцинированной кости обнаруживаются в большом количестве. Имеется предпо-

ложение об использовании кости в качестве топлива. Часто этим пятнам соответствуют и проявления керамической крошки. Также возможно, это зоны более активного поступления пищевых остатков (кости животных, а возможно и не сохранившиеся кости рыбы) и посуды. Это могут быть кухонные зоны. О возможности участия костей рыбы свидетельствует и повышенная концентрация цинка. Известно, что цинк накапливается в чешуе и жабрах рыб. Поэтому высокие концентрации этого элемента могут указывать на места разделки рыб (Александровская, Александровский, 2003). Высокое содержание кальция обуславливает возникновение особых геохимических условий. Известно, что многие элементы при избытке кальция становятся малоподвижными. Особенно высокую их стабильность обеспечивает фосфат кальция. Можно полагать, что в условиях высокого содержания кальция и фосфора, сорбируются (становятся неподвижными) в основном цинк и медь.

Содержание меди максимально в верхнем слое. Источником ее является металлургическое (медное и бронзолитейное) производство, имевшее место на данном памятнике на последнем этапе накопления культурного слоя. Время интенсивного поступления кости до конца не ясно. Максимальное количество кальция и фосфора, наблюдающееся в нижнем (третьем) проанализированном пласте, может свидетельствовать о том, что поступление кости в большей степени шло в ранние этапы освоения территории (неолит). Не исключено, что на ранних этапах кальций и фосфор поступали вместе с костями рыбы. Также вероятно возможность миграции кальция и фосфора вниз по профилю в виде трикальцийфосфата, что было установлено нами ранее на других археологических объектах (Александровская, Александровский, 2003).

Таким образом, на основании большого количества сделанных по пластам определений элементов,

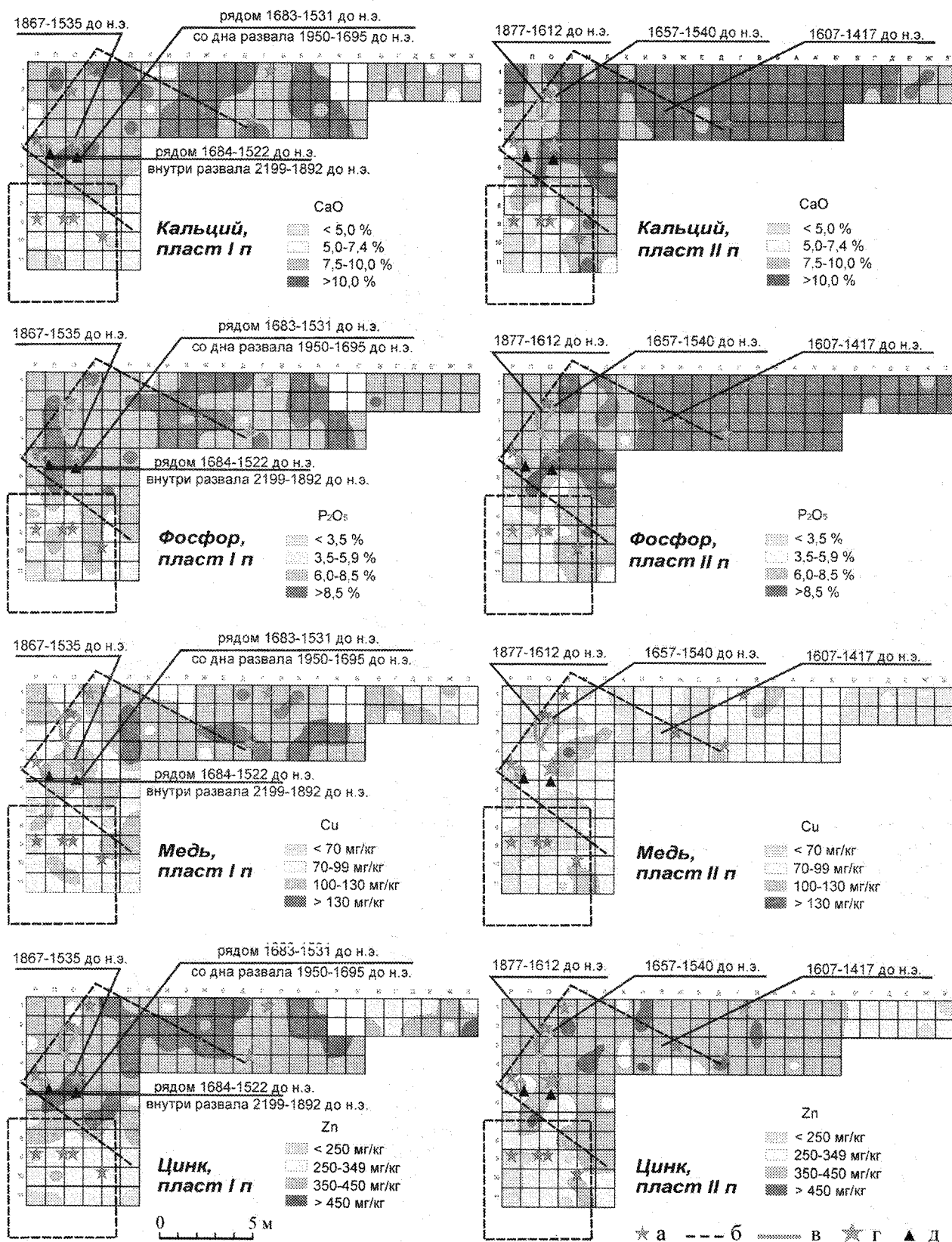

Рис. 5. Песочное-1. Раскоп 3. Распределение концентраций элементов (кальций, фосфор, медь, цинк) по пластам (см. цв. вкл.)
а — бронзовые выплески; б — границы сооружений; в — развал печных камней;
г — очаг; д — развалы сосудов около очага

обнаруживается максимальное накопление кальция и фосфора в нижнем проанализированном пласте (IIп), меди – верхнем пласте (Iв). Средний слой занимает промежуточное положение по содержанию меди и часто близок к нижнему по содержанию фосфора. Цинк имеет высокое содержание во всех слоях, в некоторых случаях его повышенные концентрации локализуются в среднем слое (табл. 7).

Таблица 7. Песочное-1, раскоп 3. Концентрация элементов по пластам.

Пласт	Кальций (Ca)	Фосфор (P)	Медь (Cu)	Цинк (Zn)
I верх	+	+	+++	++
I подошва	++	++	++	+++
II подошва	+++	+++	+	+

Примечания: «+» – высокая концентрация, «++» – очень высокая концентрация, «+++» – максимальная концентрация

Можно высказать предположение, что в течение функционирования поселения соотношение источников поступления элементов менялось. На более ранней стадии преимущественно поступали кости животных (кальций, фосфор)⁴. В бронзовом веке в большей степени поступали остатки рыбы (цинк). В поздней бронзе продолжается поступление кости и в большом количестве поступают остатки металлургического производства бронзы (медь).

В составе выплесков, обнаруженных в культурном слое, кроме меди, в большинстве случаев в большом количестве содержится олово (табл. 8). Причем, в выплеске 6 олова значительно больше, чем меди. Однако в культурном слое олово отсутствует. Наоборот, найдено высокое содержание цинка. При плавке цветных металлов цинк обычно активно «летит» и накапливается на почве и других окружающих

поверхностях (Александровская, Александровский, 2003). Обнаруженные в составе выплесков элементы (Fe, Al, Si, P, Ca, S) вероятно поступают из почвы и концентрируются на поверхности проанализированных фрагментов металла в окисленном слое.

Можно полагать, что металлургическое производство на поселении Песочное-1 служило источником поступления как минимум меди, олова и цинка. Однако в условиях высокого содержания кальция и фосфора сорбируется только медь и цинк, олово выносятся за пределы культурного слоя. Подвижными являются также свинец и, вероятно, многие другие элементы.

Планиграфия

В пределах раскопа 3 можно выделить зоны повышенных значений содержания четырех наиболее показательных элементов (рис. 5).

В пределах верхнего слоя (пласт Iв) выделяется зона пониженного содержания Ca и P в юго-западной части раскопа (кв. Л–Р х 8–11). Цинк концентрируется в западной части (кв. Л–Р х 5–7). Медь распределена относительно равномерно с небольшой мозаичностью.

Средний слой (пласт IIп) характеризуется более равномерным распределением элементов. Три из них – Ca, P, Zn, – как и в верхнем слое, характеризуются пониженными концентрациями в кв. Л–Р х 8–11. Также несколько ниже содержание всех четырех элементов в восточной части раскопа. Меди меньше в западной части раскопа.

Нижний из проанализированных слоев (пласт IIIп) характеризуется неравномерным распределением элементов. Обнаруживается зона наибольшего накопления Ca, P, Zn в средней части раскопа от линии квадратов В' до линии квадратов Д, и почти также много от линии Е до линии Н. Это можно было бы связать с существованием более узкой первоначаль-

Таблица 8. Песочное-1, раскоп 3, элементный состав выплесков.

Выплески	Cu Медь	Sn Олово	Fe ₂ O ₃ Железо	P ₂ O ₅ Фосфор	SiO ₂ Кремний	Al ₂ O ₃ Алюминий	SO ₃ Сера	CaO Кальций
1а	21,4–28,8	28,7–20,4	1,5–1,0	30,5–23,0	4,4–7,9	1,6–1,7	8,6–11,5	2,8–5,3
1	20,1–23,2	15,9–9,6	1,0–0,6	27,7–17,9	17,3–26,5	4,3–3,8	7,7–8,8	5,6–9,1
2	23,9–26,3	11,5–6,7	0,36–0,2	24,2–14,9	24,0–34,9	5,6–4,8	8,2–9,0	2,0–3,1
3	66,7–67,8	4,6–2,5	4,7–2,4	4,0–2,3	4,3–5,8	1,1–0,9	3,4–3,5	9,4–13,6
4	33,7–42,0	0,0–0,0	0,12–0,08	47,8–33,4	5,5–9,0	2,7–2,6	9,0–11,1	0,8–1,5
5	81,0–82,8	2,7–1,5	1,5–0,75	4,4–2,5	3,5–4,7	1,3–1,0	3,0–3,0	2,4–3,4
6	15,0–20,4	42,9–30,8	1,6–1,1	17,9–13,7	4,8–8,6	1,2–1,3	12,4–16,7	3,5–6,7
7	57,6–62,2	0,0–0,0	0,48–0,25	19,2–11,5	8,4–11,8	1,8–1,5	10,1–10,7	1,6–2,5
8	30,5–34,8	4,7–2,8	2,1–1,2	31,7–20,3	15,5–23,4	2,9–2,6	11,2–12,8	1,1–1,7
9	89,6–89,8	0,60–0,32	0,27–0,13	1,50–0,84	2,9–4,0	1,2–1,0	2,5–2,5	0,8–1,2
9а	37,0–35,3	0,0–0,0	9,0–4,3	5,4–2,9	23,6–29,8	2,9–2,2	5,1–4,8	12,8–17,4
10	20,3–25,3	22,9–15,0	0,8–0,5	28,3–19,7	11,3–18,7	4,2–4,0	8,0–10,0	3,4–6,0

⁴ Как уже отмечалось, не исключена миграция кальция и фосфора сверху.

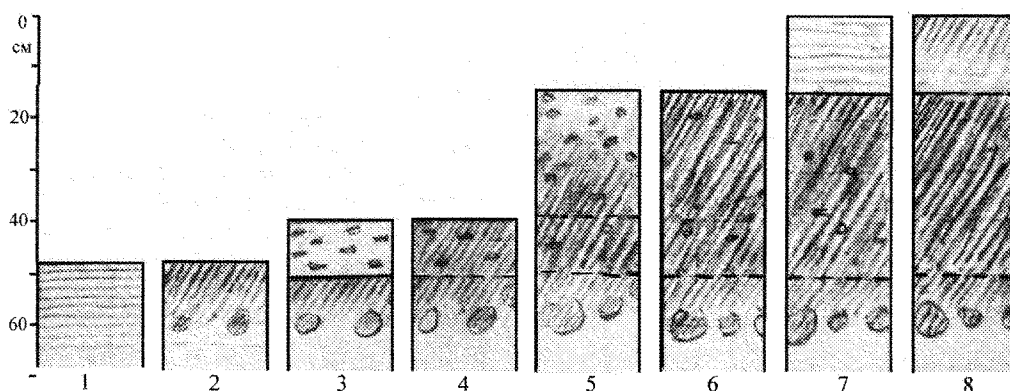

Рис. 6. Стадии формирования отложений и почв на поселении Песочное-1

1 – озерные суглинки и пески (ВО - АТ-1); 2 – формирование темноцветной почвы (7–6,5 тыс. л.н.); 3 – накопление культурного слоя поселения льяловской культуры (около 6 тыс. л.н.); 4 – формирование темноцветной почвы в толще льяловского слоя (около 5 тыс. л.н.); 5 – накопление культурного слоя поселений фатьяновской, чирковской и сетчатой керамики культур (5–3,5 тыс. л.н.); 6 – формирование почвы в толще культурного слоя (3,5–0,3 тыс. л.н.); 7 – накопление слоя аллювия 15 см (около 0,3 тыс. л.н.); 8 – формирование почвы в верхней части молодого аллювия

ной зоны освоения данного памятника. За ее пределами, в западной его части, особенно в юго-западном углу раскопа, содержание этих элементов понижено. Вместе с тем, отметим, что в этой части раскопа мощность культурного слоя снижается, появляется опесчаненность, и образцы слоя 3, вероятно, здесь характеризуют более глубокий горизонт культурного слоя. Содержание меди понижено по всей площади раскопа, за исключением некоторых квадратов в западной и центральной его частях.

Заключение

Культурный слой поселения Песочное-1 в течение последних 3–5 тысяч лет находился под воздействием почвенных процессов. В результате этого он сильно трансформировался и его состояние существенно отличается от исходного, времени функционирования поселения. Вместе с тем, несмотря на активную деятельность землероев, накопление гумуса, промывание слоя атмосферными осадками и выщелачивания, в его вещественном составе сохранились устойчивые признаки процессов, проходивших в доисторическом прошлом (рис. 6). Это связано с высоким содержанием кальция и фосфора, которые накапливаются в культурном слое за счет поступления кальцинированной кости (апатита). Достаточно ярко в составе химических элементов прочитываются признаки металлургии бронзового века, приуроченные к верхней части слоя (последний этап времени существования культуры сетчатой керамики), признаки поступления женой кости (возможна частичная миграция Ca и P в ниж-

нюю часть сетчатого и льяловский слой), поступление цинка, видимо в связи с рыболовецкой деятельностью (максимально выражено в средней части слоя сетчатой керамики). Данные признаки, устойчиво существующие в течение более 3500 лет и четко локализованные на разной глубине, а также в отдельных зонах и микрizonaх памятника, позволяют стратифицировать морфологически гомогенные культурные отложения и оценить их пространственную неоднородность. Также они позволяют предположительно отнести к выделяемым слоям археологических культур (льялово, сетчатая керамика) определенные разновидности деятельности древнего человека.

Достаточно устойчивыми оказались не только соединения химических элементов, но и гумусовые вещества антропогенного происхождения («археологический гумус»), используя которые можно с помощью радиоуглеродного метода, датировать культурный слой, хотя и с некоторыми допущениями. Подобное датирование возможно при условии существенного преобладания устойчивых компонентов «археологического гумуса» над гумусом естественного, биогенного происхождения.

Первые результаты исследований культурного слоя бронзового века в Ростове Великом и на поселении Липовка-1, а также по литературным данным, не показали таких высоких концентраций элементов (Ca, P, Cu, Zn), как в Песочном-1. Следовательно, поселение Песочное-1 пока является единственным с геохимически уникальным (аномальным) культурным слоем.

Литература

- Александровская Е.И., Александровский А.Л., 2003. Историко-географическая антропохимия. М.
- Александровская Е.И., Александровский А.Л., 2004. Почвенно-геохимические исследования курганов Северного Кавказа // Изв. АН. Сер. геогр. № 1.
- Александровский А.Л., 1983. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. М.
- Александровский А.Л., 2008. Запись природной среды в почвах голоцена // Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М.
- Веллесте Л., 1952. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // КСИИМК. Вып. 42.
- Дергачева М.И., 1997. Археологическое почвоведение. Новосибирск.
- Евдокимова А.К., 1986. Тяжелые металлы в культурном слое средневекового Новгорода // Вестник Московского ун-та, Сер. геогр. № 3.
- Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений / Отв. ред. С.А. Сычева, Н.Б. Леонова. М., 2004.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Дергачев В.А., Семенов А.А. 1996. Распределение радиоуглеродных дат археологических памятников мезолита и неолита Европейской России и корреляция их изменениями природных процессов // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Вып. I. СПб.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенов А.А., 1999. Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы // РА. № 3.
- Кайданова О.В., 1992. Геохимия культурных слоев древних городов // Эколого-геохимический анализ техногенного загрязнения. М.
- Николаев В.И., Якумин П., Александровский А.Л. и др., 2002. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А.С., 1995. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М.
- Dimbleby G.W., 1985. The Palynology of Archaeological Sites. London.
- Thornton I., 1991. Metal contamination of soils in urban areas // In Bullock et al. (ed.). Soils in the urban environment. Oxford.

**A.L. Alexandrovskiy, K.V. Voronin, E.I. Alexandrovskaya,
M.I. Dergacheva, D.A. Mamontova, A.V. Dolgikh**

**Scientific methods of the investigations of the multilayered
prehistoric settlements with a homogeneous cultural layer
(on the settlement Pesochnoe-1 example on lake Nero)**

Summary

In order to study multi-layer (Neolithic, Bronze) Pesochnoe-1 settlement applied methods of radiocarbon dating, geochemistry and soil science. According to radiocarbon data layers of the Bronze Age settlements were formed in the range of 5000–3500 years BP uncalibrated. The methods of geochemistry in the cultural layer is set extremely high content of elements such as Ca, P, Cu, Zn. On the content of these elements revealed stratigraphic and planigraphic heterogeneity

of the cultural layer of the settlement, made assumptions about the stages of revenue items and changes in the nature of prehistoric man. With the non-ferrous metallurgy (during «netted ceramics») due to the accumulation of copper in the collection of residues of fish (and / or shellfish) – zinc. Intensive intake of soda bone (apatite) – source of calcium and phosphorus, which led to high concentrations of sorption (binding) of copper and zinc.

Д.А. Иванов

Керамика эпохи финальной бронзы – начала раннего железного века с Дубровичского 1 селища (раскопки 2008 года)

Дубровичское 1 селище расположено в левобережной пойме р. Оки, на юго-западной оконечности песчаной дюны Борок, в 1,8 км к югу от южной окраины с. Дубровичи, в 350 м к юго-востоку от оз. Долгое (Вайшное) (старица р. Оки) и в 350 м к северу от оз. Велье (старица р. Оки) (рис. 1).

Предположительные размеры селища 210 × 65 м, высота памятника от уровня поймы до 4 м, большая часть поверхности слабо задернована. По восточной границе памятника проходит асфальтированная дорога из с. Алканово в поля, на летнюю дойку (рис. 2).

Селище входит в комплекс разновременных археологических памятников, расположенных у с. Дубровичи на дюне Борок.

Памятники на дюне Борок впервые обследованы в 1883–1895 гг. В.А. Городцовым (1905), в 1930 г. дюна обследовалась Н.В. Говоровым, а в 1968 г. – Б.А. Фоломеевым (1968). В 1975 г. Дубровичское 1 селище обследовано бригадой по составлению Свода памятников истории и культуры народов России (Фоломеев, 1975). В 2000 г. в связи с проектированием песчаного карьера на памятнике заложен разведочный шурф площадью 20 кв. м, показавший наличие культурного слоя мощностью до 40 см, содержащего материалы эпохи энеолита и финальной бронзы – начала раннего железного века (Вячин, 2000).

В 2008 г. в северной части селища был заложен раскоп площадью 244 кв. м, включивший в себя и шурф 2000 г.¹ Стратиграфия раскопа следующая:

- 1) дерн толщиной 5–10 см;
- 2) слой желтого переветренного песка мощностью 30 см;
- 3) слой серого песка (первый горизонт погребенной почвы) мощностью 5–8 см;
- 4) слой желтого переветренного песка – от 15 до 40 см;
- 5) серый песок (второй горизонт погребенной почвы) с мелкими древесными углями – 5–10 см;

6) слой желтого переветренного песка мощностью 10–20 см;

7) серый песок (третий горизонт погребальной почвы) – 3–15 см;

8) желтый переветренный песок – 3–10 см;

9) слой коричневого суглинка мощностью 3–7 см;

10) серо-желтый песок – 5–15 см;

11) темно-серый (черный) песок (культурный слой № 2) мощностью от 10 до 32 см;

12) слой желто-серого песка (культурный слой № 1) – 8–20 см;

13) материк – желтый песок.

В западной части раскопа культурные напластования частично повреждены в результате ветровой и водной эрозии, находятся в переотложенном виде. В слое черного песка (культурный слой № 2) доминирует керамика эпохи финальной бронзы – начала раннего железного века. Здесь же встречаются разрозненные, порой довольно значительные по размерам, куски болотной руды, выходы которой до сих пор встречаются в пойме Оки недалеко от исследованного селища. С нижним слоем желто-серого песка (культурный слой № 1) связаны фрагменты энеолитической керамики дубровичского типа. На уровне материка выявлено 20 ям, большинство из которых можно отнести к столбовым.

Настоящей публикацией вводится в оборот коллекция керамики финальной бронзы – начала раннего железного века, которая насчитывает 2102 фрагмента, что составляет 75% от всей керамики, найденной в раскопе. Коллекция делится на две большие группы – гладкостенную керамику (70,3%) и текстильную керамику (29,7%). Последняя, в свою очередь, по систематизации, разработанной Б.А. Фоломеевым делится на керамику с рябчатой, ниточно-жгутовой и ниточно-шнуровой фактурами (Фоломеев, 1998. С. 83). Распределение керамики по пластам и по группам представлено в таблице 1.

¹ Раскопки проводились по Открытому листу В.П. Челяпова, скончавшегося в том же году и не успевшего подготовить отчет. Сейчас ведутся работы по завершению этого отчета.

Таблица 1. Распределение керамики Дубровичского 1 селища по группам и пластам.

Пласт	Гладкостенная (70,3%)	Текстильная		
		ниточно-жгутовая фактура (24,6%)	ниточно-шнуровая фактура (4,3%)	рябчатая фактура (0,8%)
1	69	20	10	2
2	325	121	24	8
3	790	269	46	5
4	293	107	11	2
Всего	1477	517	91	17

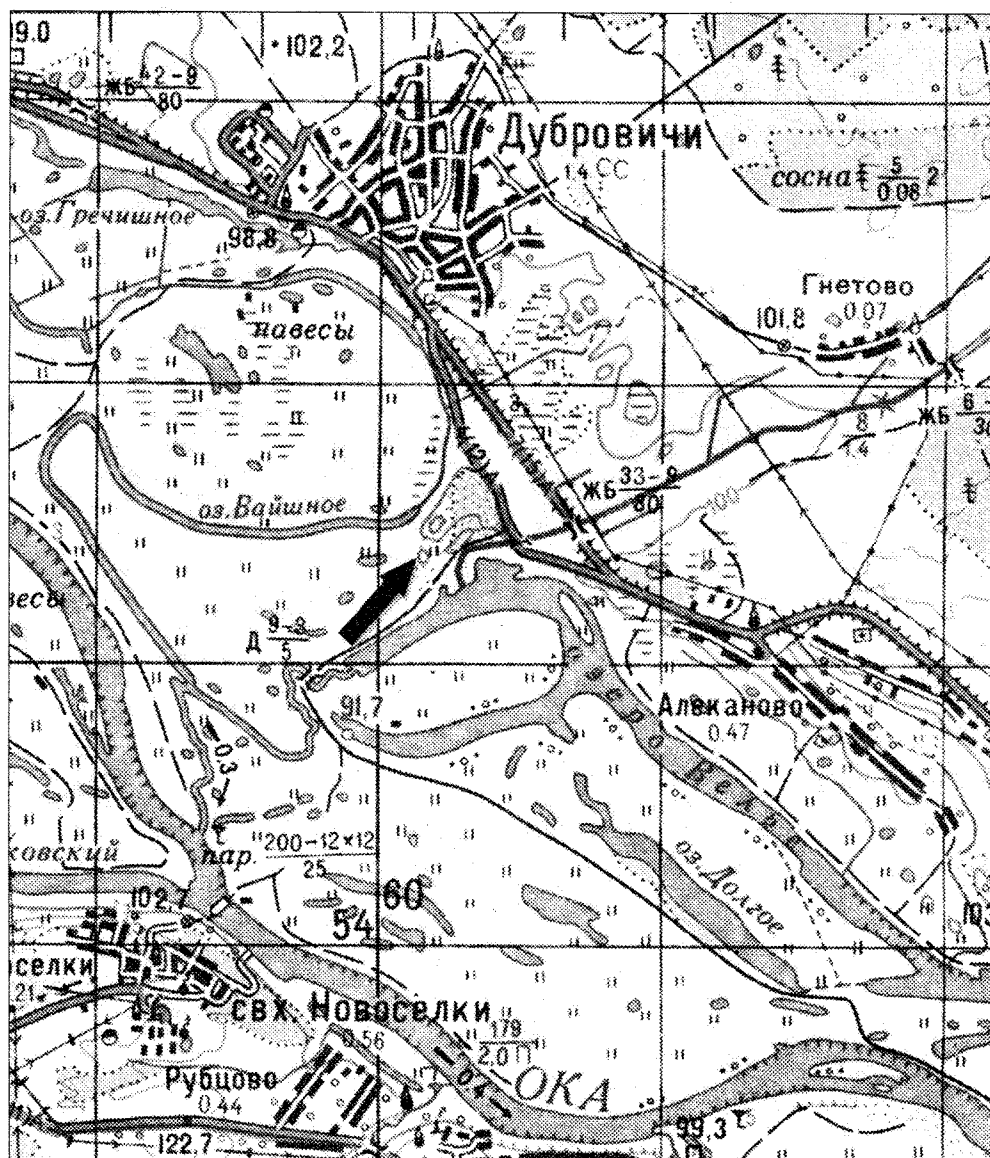

Рис. 1. Дубровичское 1 селище. Ситуационный план

Гладкостенная керамика

Коллекция гладкостенной керамики насчитывает 1477 обломков, что составляет 70,3% от всей рассматриваемой керамики и является в ней преобладающей. Фрагменты гладкостенной керамики равномер-

но распределялись по всей площади раскопа. Подавляющее ее большинство происходит из культурного слоя № 2 – темно-серого (черного) гумусированного песка, реже она встречена в перемешанных и переотложенных слоях в западной части раскопа и является также основной в комплексе ямы 1.

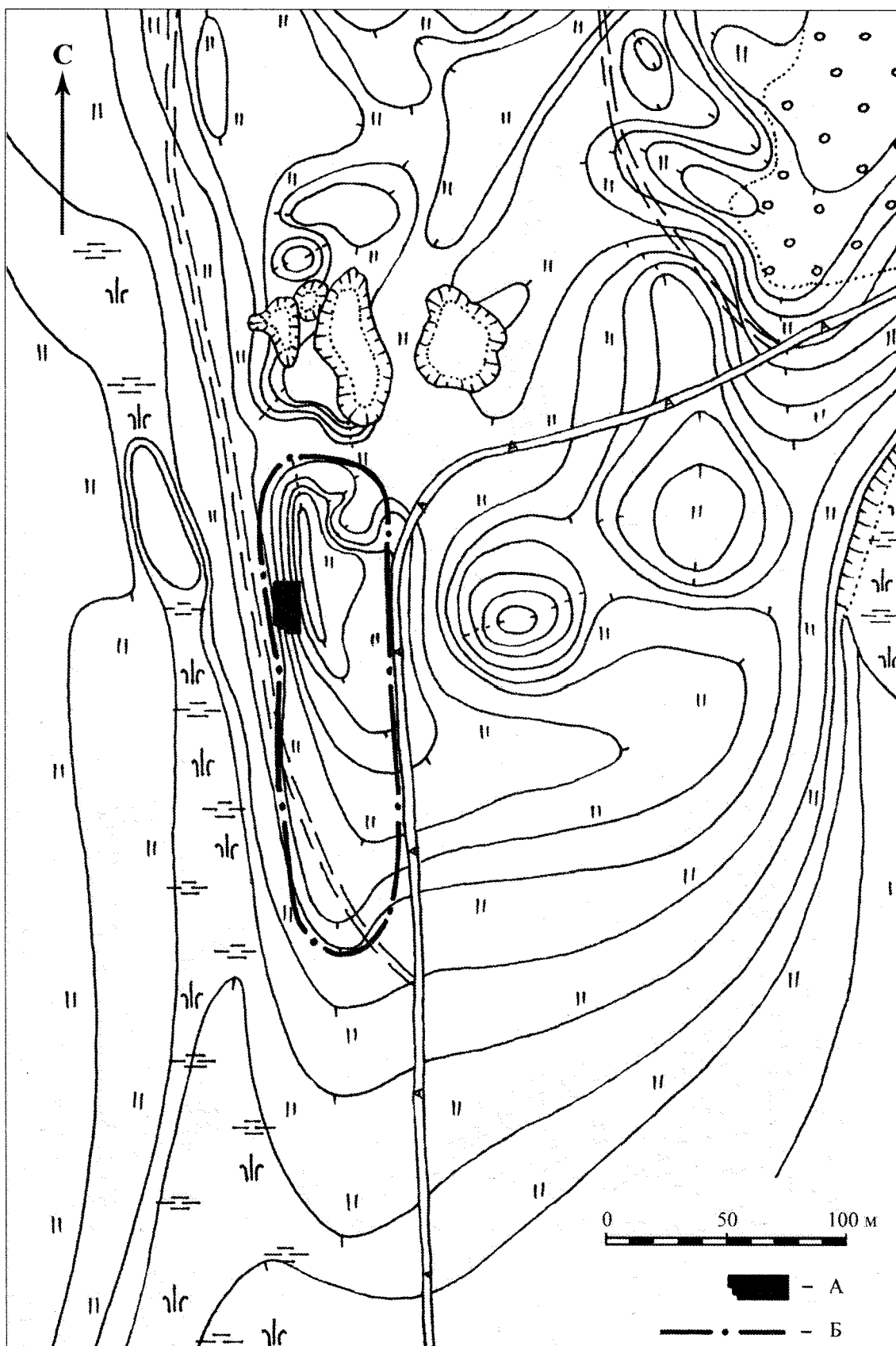

Рис. 2. Дубровичское 1 селище. Топографический план
 А – раскоп 2008 г.; Б – границы селища. Сечение горизонталей – 0,5 м

Гладкостенная керамика изготовлена из ожелезненной, часто запесоченной, глины с примесью в глиняном тесте шамота (28,6%), мелкой дресвы (45,2%), шамота с мелкой дресвой (26,2%). В одном фрагменте зафиксированы естественные (?) включения оолитового бурого железняка. Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 5–7 мм, иногда достигая толщины 8–9 мм.

Среди гладкостенной посуды преобладают слабопрофилированные горшковидные сосуды с короткими прямыми или слабо отогнутым наружу венчиками (рис. 3, 4, 6–22). Край венчика округлый или уплощенный, иногда с небольшим наплывом наружу, в редких случаях украшен наклонными узкими вдавлениями или насечками (рис. 3, 17; 4, 1). В меньшей степени встречается посуда баночных форм (четыре фрагмента), иногда с чуть наклоненным внутрь сосуда краем (рис. 3, 1–3, 5). Днища сосудов плоские с закраиной (рис. 4, 13–16, 19–20).

Орнаментация сосудов бедная, представлена редкими горизонтальными поясками вдавлений различных форм, выполненными сломанной палочкой, косточкой, углом лопаточки, как правило, поставленных под углом к поверхности сосуда. Такие вдавления с внутренней стороны сосуда образуют выпуклины – «негативы». Поясок вдавлений располагался, как правило, по венчику сосуда (рис. 3, 3, 10–22), реже дополнялся пояском по плечу, тулову (рис. 4, 7–12) и у дна (рис. 4, 13–15, 20). Один обломок с внутренней стороны венчика украшен горизонтальным отпечатком шнура (рис. 3, 14).

На пяти обломках, возможно, от одного сосуда отмечен прочерченный орнамент в виде парных параллельных линий, иногда полоса между ними заполнена короткими насечками (рис. 4, 1–5). Интересен фрагмент, украшенный орнаментом в виде двух наклонных полос, состоящих из кольцевидных оттисков. Оттиски выполнены мелкой птичьей косточкой (рис. 4, 6).

Найдено два обломка миниатюрных сосудов. Один из них имеет форму слабопрофилированного горшочка с диаметром устья около 2,2 см, высотой не менее 2,3 см. Он изготовлен из ожелезненной глины с примесью редкой мелкой дресвы и мелкого шамота (рис. 4, 18). Другой экземпляр – это обломок донца с массивной закраиной диаметром 4,1 см (рис. 4, 17).

Текстильная керамика с ниточно-жгутовой фактурой

По определению Б.А. Фоломеева, ниточно-жгутовая фактура характеризуется прямыми и перебивающимися оттисками, похожими на отпечатки веревочки или жгута с продольной или волокнистой структурой. По внешнему виду она напоминает борозды с неровными краями (Фоломеев, 1998. С. 83). Такая керамика составляет 24,6% от рассматриваемой керамики (517 обломков). Подавляющее большинство ее происходит из культурного слоя № 2 – темно-серого (черного) гумусированного песка. Незначительное количество фрагментов с ниточно-жгутовой фактурой встречено в перемешанных и переотложенных слоях в западной части раскопа, два обломка

найжены совместно с гладкостенной посудой в заполнении ямы 1.

Керамика изготовлена из ожелезненной, часто запесоченной, глины с примесью шамота (21,6%), мелкой и средней дресвы (46,0%) и с сочетанием дресвы и шамота (32,4%). В глиняном тесте ряда фрагментов прослежены включения оолитового бурого железняка. Внешняя поверхность коричневого, серо-коричневого цвета, внутренняя поверхность серого, темно-серого и коричневого цвета. Толщина стенок в пределах 5–7 мм, редко достигает 11 мм. Большинство собранных фрагментов имели вид керамического крошева размером от 1 × 1 см до 2, 5 × 2, 5 см.

Доминировали две основные формы посуды: слабопрофилированные горшки и баночные сосуды. Первые имели венчики с вертикальной короткой прямой или плавно отогнутой шейкой, переходящие в покатые плечики. Один венчик в месте перехода в плечико имел слабовыраженный уступ. Края венчиков округлые, уплощенные, иногда с небольшим наплывом наружу, без орнамента.

Ниточно-жгутовые отпечатки на керамике расположены горизонтально, с наклоном вправо, реже вертикально. Большая часть фрагментов имеет бедную орнаментацию. Как правило, это горизонтальные (в ряде случаев расположенные в шахматном порядке) пояски вдавлений различных форм (округлой, прямоугольной, подтреугольной, вытянуто-овальной, сердцевидной), выполненные палочкой, косточкой, углом лопаточки, поставленных под углом к поверхности сосуда (рис. 5, 1–4, 6–9, 12–14). Часто с внутренней стороны фиксируются выпуклины от оттисков – «негативы». Пояски орнамента расположены на венчике или плечиках, на тулове и придонной части сосудов. Днища сосудов плоские, с выделенной или намечающейся закраиной, сформированы на песчаной подсыпке, диаметр установлен для одного днища – 10 см (рис. 5, 14).

Один из сосудов реконструируется на две трети своей высоты. Это горшок с коротким, немного отогнутым наружу венчиком и пологими плечиками. Диаметр венчика составляет 11 см, высота сохранившейся части 7 см. Сосуд покрыт горизонтальными оттисками текстиля ниточно-жгутовой фактуры, плечики и тулово дополнительно украшены разреженными рядами подпрямоугольных тычков (рис. 5, 1).

Найден обломок венчика баночного сосуда со слегка наклоненным внутрь краем (рис. 5, 11), с внешней стороны украшенный двумя рядами оттисков, выполненных наклонной палочкой в шахматном порядке.

Гладкостенная и текстильная керамика с ниточно-жгутовой фактурой по условиям залегания в культурном слое, по профилировке и примесям наиболее близки между собой, в отличие от двух других групп.

Текстильная керамика с ниточно-шнуровой фактурой

Ниточно-шнуровая фактура текстильной керамики характеризуется прямыми оттисками шнура с хорошо выраженными элементами – витками. Найден 91 фрагмент, что составляет 4,3% от всей рассматриваемой керамики. Большинство фрагментов про-

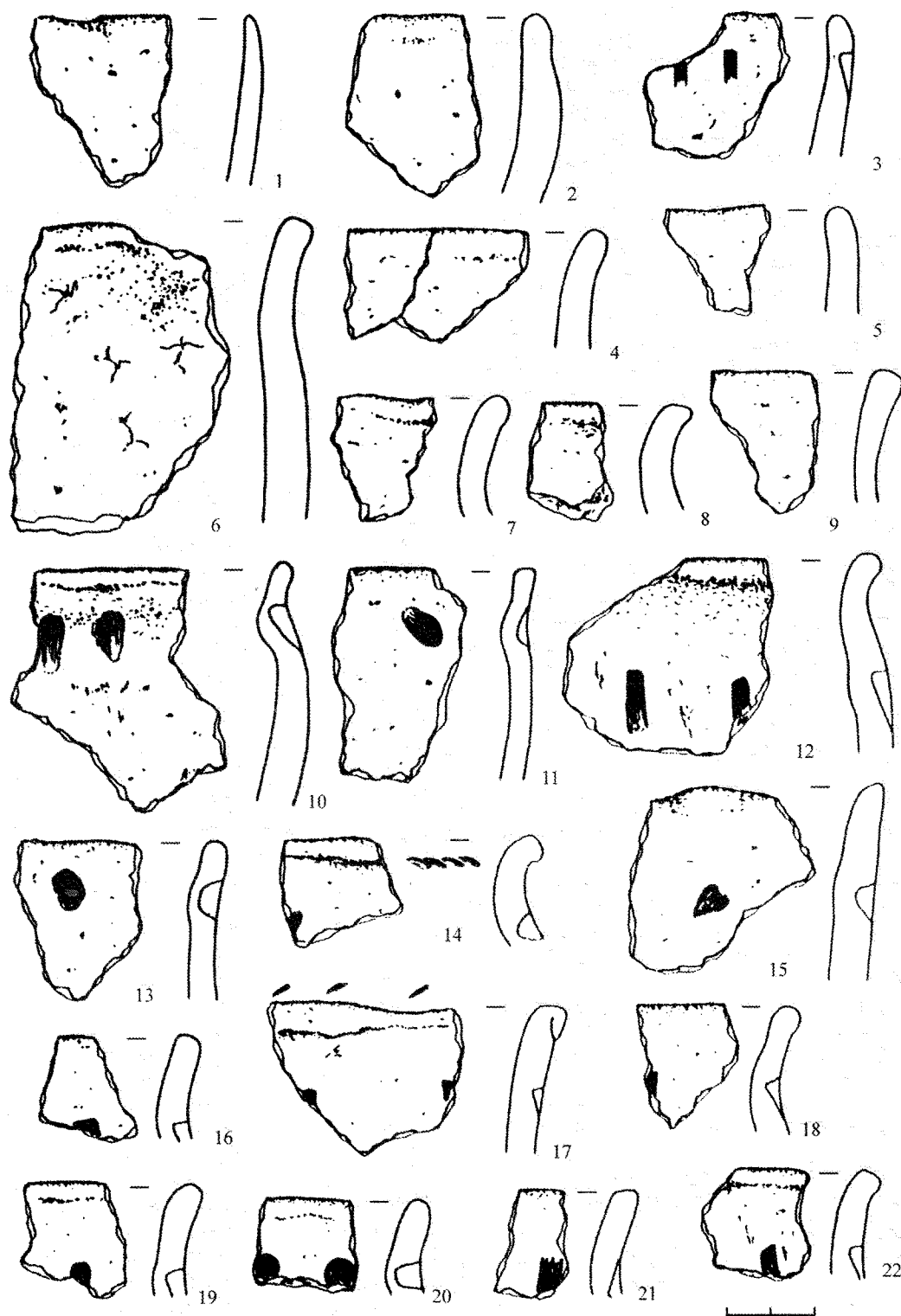

Рис. 3. Фрагменты гладкостенной керамики. Дубровицкое I селище. Раскоп 2008 г.

исходят из темно-серого (черного) гумусированного суглинка – культурного слоя № 2.

Посуда с отпечатками ниточно-шнуровой фактуры изготовлена из ожелезненной, часто запесоченной, глины с примесью дресвы (53,6%), в ряде случаев довольно обильной и крупной (размером до 5 × 7 мм), с примесью

дресвы и шамота (32,1%), реже – только шамота (3,6%), с примесью мелкого песка, возможно, естественной (10,7%). Таким образом, преобладала посуда, изготовленная из формовочной массы с дресвой (85,7%).

Керамика довольно толстостенная – 7–11 мм, реже – 6 мм. Поверхность имеет коричневый, серо-

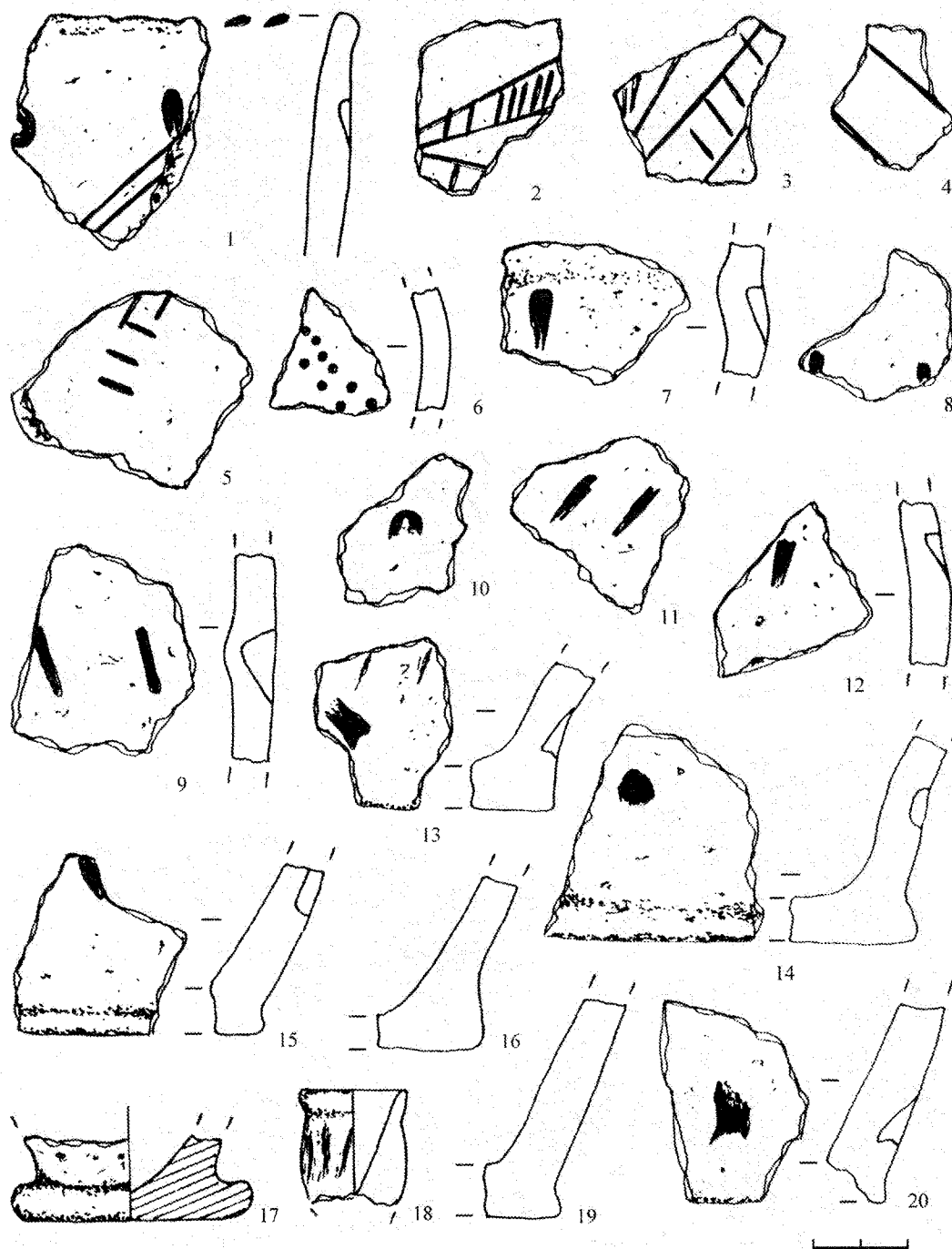

Рис. 4. Фрагменты гладкостенной керамики. Дубровичское 1 селище. Раскоп 2008 г.

коричневый и оранжево-коричневый цвет, в изломе виден темно-серый цвет, внутренняя поверхность со следами заглаживания, в ряде случаев на внутренней стороне сосуда отмечены следы нагара.

Посуда представлена слабопрофилированными горшками с плавно отогнутым наружу венчиком, переходящим в покатые плечики (рис. 6, 17). Большая часть внешней поверхности сосудов покрыта отпечатками ниточно-шнуровой фактуры с правым

наклоном витков. В качестве орнаментации использованы горизонтальные пояски вдавлений различных форм, выполненных сломанной косточкой или палочкой, поставленной под углом, реже – перпендикулярно поверхности. Орнамент расположен в месте перехода шейки в плечики и по тулову горшков (рис. 6, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15). Днища сосудов плоские, с намечающейся закраиной, на мелкопесчаной подсыпке (рис. 6, 11, 14).

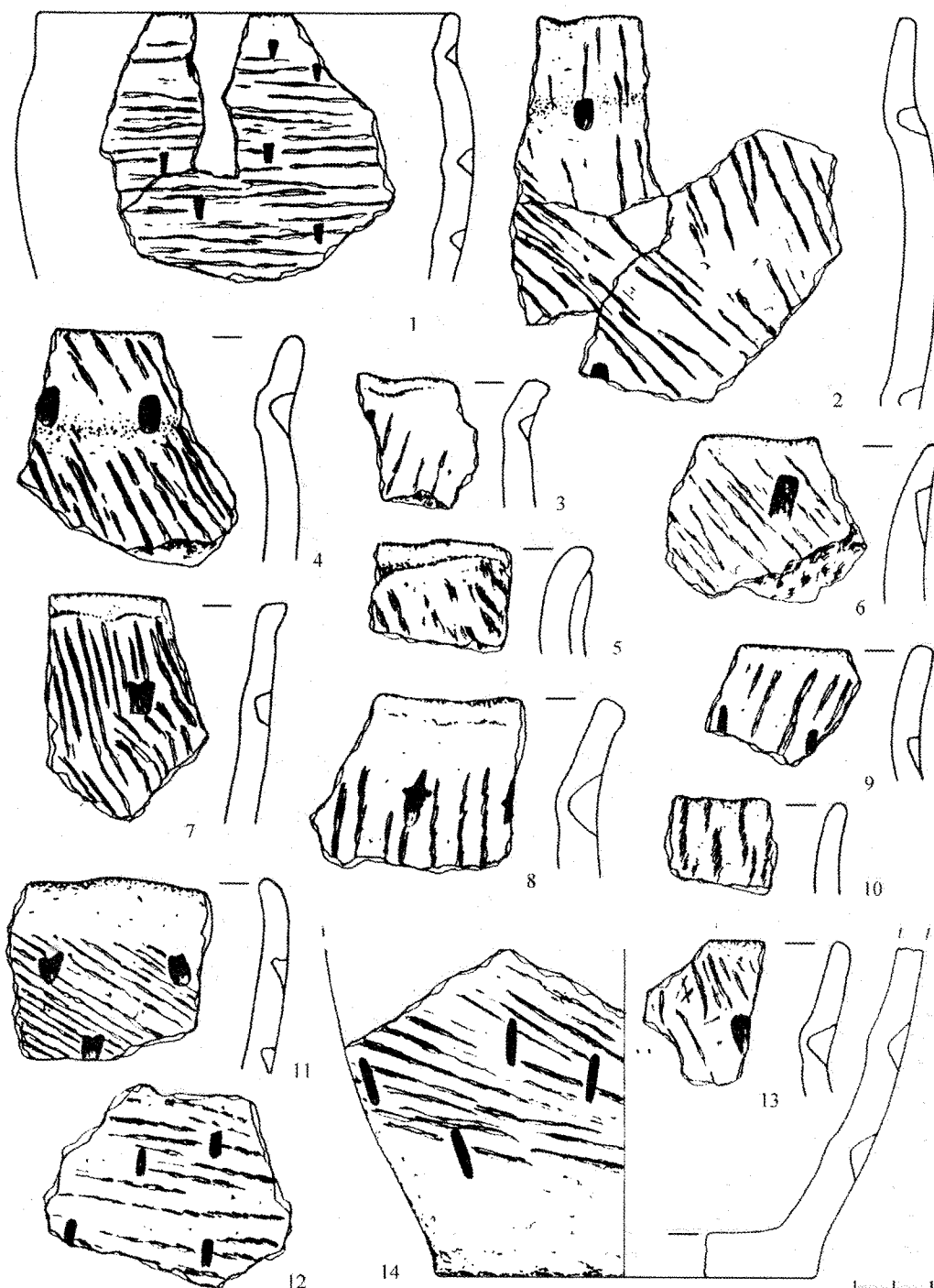

Рис. 5. Фрагменты текстильной керамики с ниточно-жгутовой фактурой. Дубровичское 1 селище. Раскоп 2008 г.

Текстильная керамика с отпечатками рябчатой фактуры

Рябчатая фактура образована элементами-ячейками различных форм, создающих характерную рябчатую поверхность. Коллекция керамики с рябчатой фактурой самая малочисленная – к ней отнесено всего 17 фрагментов (0,8% от всей рассматриваемой керамики). Она происходит из культурного слоя № 2.

Керамика изготовлена из ожелезненной или слабоожелезненной глины с примесью дресвы и мелко-го песка, или с примесью дресвы и шамота. Посуда горшковидной и баночной формы. Горшковидная посуда имеет слабопрофилированные и довольно высокие венчики с краями округлой или уплощенной формы (рис. 6, 1, 4, 5, 8). Три венчика с текстильными отпечатками по плоскому краю. Внешняя поверхность сосудов украшена разреженными горизонтальными

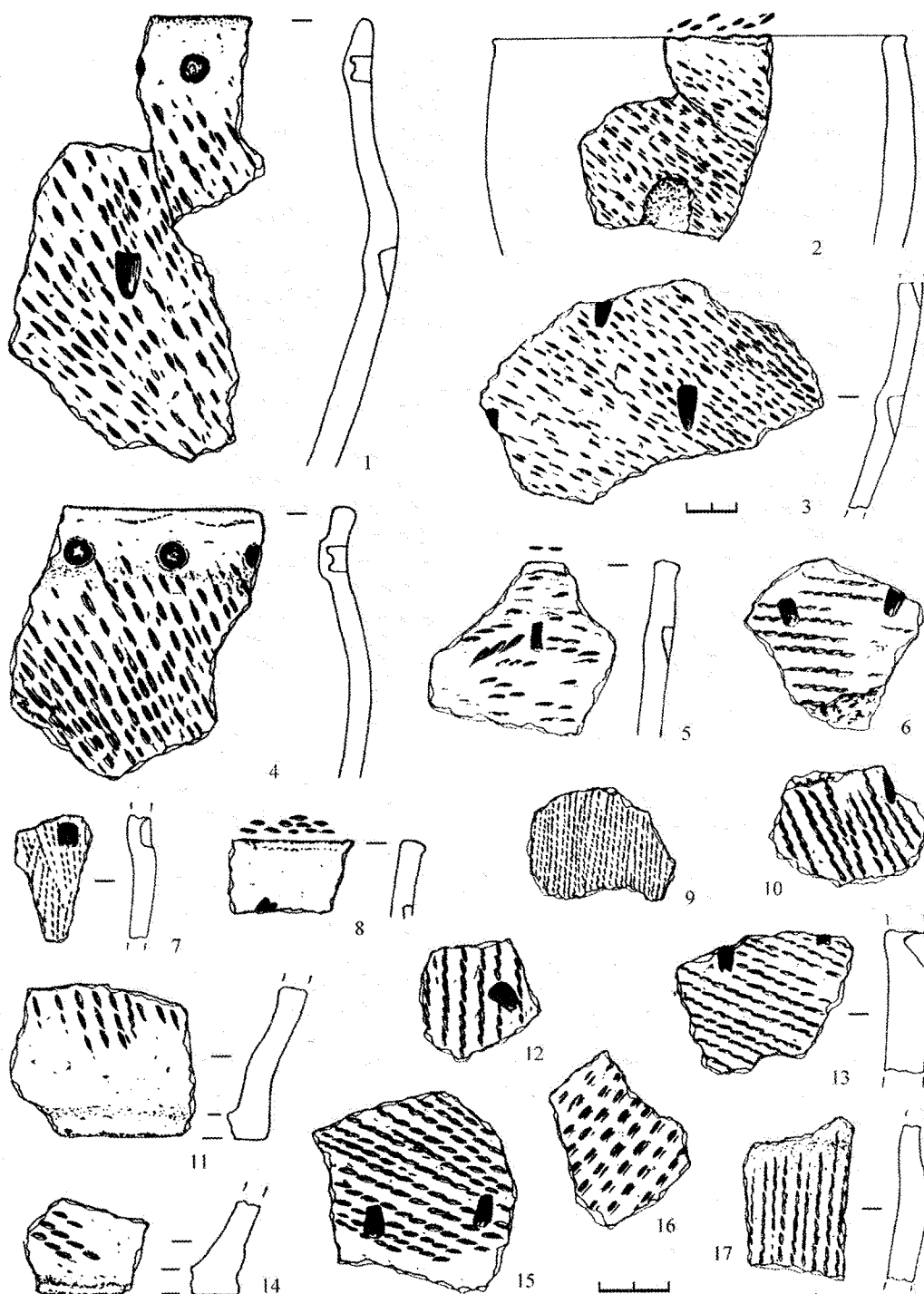

Рис. 6. Фрагменты текстильной керамики. Дубровичское 1 селище. Раскоп 2008 г.
1–5, 8, 16 – керамика с рябчатой фактурой; 6, 7, 9–15, 17 – керамика с ниточно-шнуровой фактурой

поясками, выполненными оттисками круглой или плоской палочки, косточки (рис. 6, 1, 3, 4, 5, 8).

Единственный венчик от баночного сосуда с диаметром верха 11,4 см имеет слегка наклоненный внутрь уплощенный край с текстильными отпечатками (рис. 6, 2). Изготовлен он из ожелезненной глины с примесью мелкого песка, поверхность коричневого и серо-коричневого цвета покрыта текстильными от-

печатками рябчатой фактуры, снаружи и изнутри заметны следы нагара.

Керамика с ямочным орнаментом из прямоугольных и овальных ямок и отпечатками в виде жгута или шнура с правым наклоном появляется на среднеокских памятниках не раньше конца II тыс. до н.э. (Фоломеев и др., 1988. С. 183). Наиболее изученным

памятником, содержащем аналогичную керамику является Климентовская стоянка, расположенная на том же берегу Оки что и Дубровицкое 1 селище, в 50 км ниже по течению. Как и Дубровицкое 1 селище, Климентовская стоянка расположена в пойме на древнем останце. Сходство отмечается в присутствии на этих памятниках всех четырех рассмотренных выше групп керамики, совместном залегании их в культурном слое, сходстве в профилировке посуды и ее орнаментации. Некоторые различия отмечаются лишь в преобладании в Дубровичах керамики с примесью дресвы, в то время как в климентовской посуде доминирует шамот, хотя встречается и посуда из теста с дресвой (Фоломеев и др., 1988. С. 179–181). Еще одно различие: в дубровицкой керамике процент гладкостенной посуды почти в два раза выше, чем в климентовской, что, впрочем, может означать лишь наличие незначительного хронологического разрыва между этими памятниками.

В.Г. Миронов связывает носителей гладкостенной тычковой керамики с непосредственной подосновой городецких памятников бассейна Средней Оки (Миронов, 1995. С. 76. Рис. 1). На составленной им карте памятники с тычковой керамикой, в том числе и с текстильными отпечатками, распола-

гаются почти на всех крупных правобережных окских притоках от Вобли до Пары и представляют собой городища (Луховицкое, Троице-Пеленицкое, Больше-Пироговское, Шишкинское, Тереховское и др.). На левобережье Оки преобладают поселения, расположенные в пойме на донных всхолмлениях и слабо выраженных надпойменных террасах (Фефелов Бор II, Дубровичи I, Алканово I, Алканово 2, Климентовская стоянка).

Исследования последних лет существенно расширили границы распространения керамики «типа Климентовской стоянки». Так, в монографии А.С. Сыроватко приводится карта, из которой видно, что древности типа Климентовской стоянки встречаются и в Москворечье, от устья Москва-реки до Дьякова городища (Сыроватко, 2009. С. 321. Рис. 88).

Для датировки этих древностей нужно отметить, что они встречены в нижних слоях ряда городищ, имеющих серию радиоуглеродных дат. На Городецком городище нижний слой имеет радиоуглеродную дату, соответствующую XI в. до н.э. На Шишкинском городище слои, содержащие аналогичную керамику, датируются X в. до н.э. На Тюковом городке такая керамика залегает под слоем, имеющем даты VIII–VII вв. до н.э. (Фоломеев, 1993а. С. 20; 1993б. С. 75).

Литература

Вячин А.А., 2000. Отчет об археологических разведках в Рязанском районе Рязанской области в 2000 году // Архив ИА РАН.

Городцов В.А., 1905. Материалы к археологической карте долины и берегов Оки // Тр. XII археологического съезда. Т. 1. М.

Миронов В.Г., 1995. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань.

Сыроватко А.С., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.

Фоломеев Б.А., 1968. Отчет об охранных и разведочных работах в Рязанском и Спасском районах Рязанской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-П. № 3639.

Фоломеев Б.А., 1975. Отчет о разведках в Рязанском и Рыбновском районах Рязанской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-П. № 5872.

Фоломеев Б.А., 1993а. Окские городища // Памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.

Фоломеев Б.А., 1993б. Городища Средней Оки // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула.

Фоломеев Б.А., 1998. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Глазко М.П., Гуман М.А., 1988. Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки) // Тр. ГИМ. Вып. 68. М.

D.A. Ivanov

Late Bronze and Early Iron Age pottery from Dubrovichskoye 1 settlement (the 2008 excavations)

Summary

Dubrovichskoye 1 settlement stands on the left bank of the Oka, on the edge of a dune in Ryazan region of the Ryazan oblast. The pottery comprises two main groups:

thin-walled and textile. The pots were decorated with two or three rows of indentations of different shapes. The nearest analogies come from the Klimentovskaya dwelling site.

В.Ю. Коваль

**«Ростиславльский курган»
(вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле)**

«Ростиславльским курганом» местные жители и некоторые краеведы называют насыпь, перегораживающую мысовую выступ на территории летописного города Ростиславля (ныне городище в Озерском районе Московской области, объект культурного наследия федерального значения). Насыпь хорошо выражена в рельефе: она вытянута строго поперек мыса, с ЮЗ на СВ, причем ее юго-восточный фас дугообразно выгибается в напольную сторону. Длина «кургана» (от склона к берегу р. Оки до края оврага, образующего мыс — более 50 м, ширина в основании — 20 м, высота — 5 м от уровня подножия с напольной (юго-восточной) стороны. Таким образом, внешне эта насыпь действительно отдаленно напоминает курган, причем курган, характерный для степной зоны России, но не имеющий ничего общего с настоящими древнерусскими славянскими курганами. В наши дни насыпь поросла лесом, а вся ее вершина покрыта глубокими ямами грабительских разрытий, совершенных в поисках золота, якобы зарытого в кургане. Насыпь отделяет мысовую площадку, где, как показали исследования Ростиславльской экспедиции Института археологии РАН, проводимые с 1998 г., в середине I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. практически непрерывно функционировало поселение раннего железного века, которое есть все основания связывать с дьяковской культурой, распространенной в долинах рек Ока и Москва (рис. 1) (Коваль, 2001).

Естественно было предполагать, что это поселение на оконечности мыса, площадь которого немногим превышала 500 кв. м, было укрепленным, т. е. представляло собой городище. Однако вал высотой более 5 м казался слишком велик для столь небольшого по площади поселения, поэтому допускалось, что основной объем вала был насыпан в эпоху Средневековья (в ходе жизни летописного города Ростиславля), а в таком случае нельзя было и полностью отрицать возможность (хотя бы теоретически) использования насыпи в качестве кургана, например, сторожевого. Правда, насыпь сооружена на пониженном участке мыса, и потому ее вершина лишь едва превышает уровень окружающей город равнины, а значит, никаких сторожевых функций она нести не могла.

Для того чтобы окончательно разрешить вопрос о назначении и времени создания этой насыпи (наконец, просто подтвердить ее искусственное происхождение), в 2004 г. экспедиция приступила к планомерному ее изучению при помощи двух раскопов. Одним из них (раскоп IV, начальник раскопа Ив.В. Волков) исследован участок с напольной (юго-восточной) стороны у подножия вала, где был обнаружен небольшой (ширина 3 м, глубина более 2 м) средневековый оборонительный ров V-образного сечения, засыпанный в конце XIV — первой половине XV в. Поскольку ров неоднократно вычищался и поновлялся, установить по археологическому материалу дату его строительства было невозможно, но очевидно, что функционировал он в средневековую эпоху, т. е. не мог возникнуть ранее середины XII в. (времени появления города Ростиславля). В 2005 г. с этого места была начата прорезка вала траншеей шириной 2,83 м (соответствующей диагонали квадрата, в сетку которых он был вписан), которая перерезала вал по линии СЗ–ЮВ практически перпендикулярно его продольной оси. Работы велись на протяжении пяти лет (2005–2009 гг.) отдельными участками, с продвижением к СЗ. Такая методика была обусловлена сезонным характером работы экспедиции (траншея оставлялась на зиму) и, соответственно, опасностью обрушения ее стенок, высота которых в центре насыпи достигала 6 м. Несмотря на некоторые недостатки (приходилось оставлять поперечные распорные бровки, из-за чего небольшие участки профилей не могли быть сняты), эта методика себя оправдала и в результате были получены два продольных разреза насыпи (рис. 2; 3) и три поперечных. Разборка насыпи проводилась по пластам толщиной 20 см (в древнейшей части насыпи — по пластам в 10 см) с фиксацией каждого пласта (в позднейших частях насыпи с однородным грунтом в ряде случаев пласты фиксировались через 40 или 60 см). При этом материал из пластов отбирался по прослойкам или группам смежных прослоек (полевая группировка проводилась там, где прослойки имели незначительную толщину или не имели четких границ между собой). Все это позволило полу-

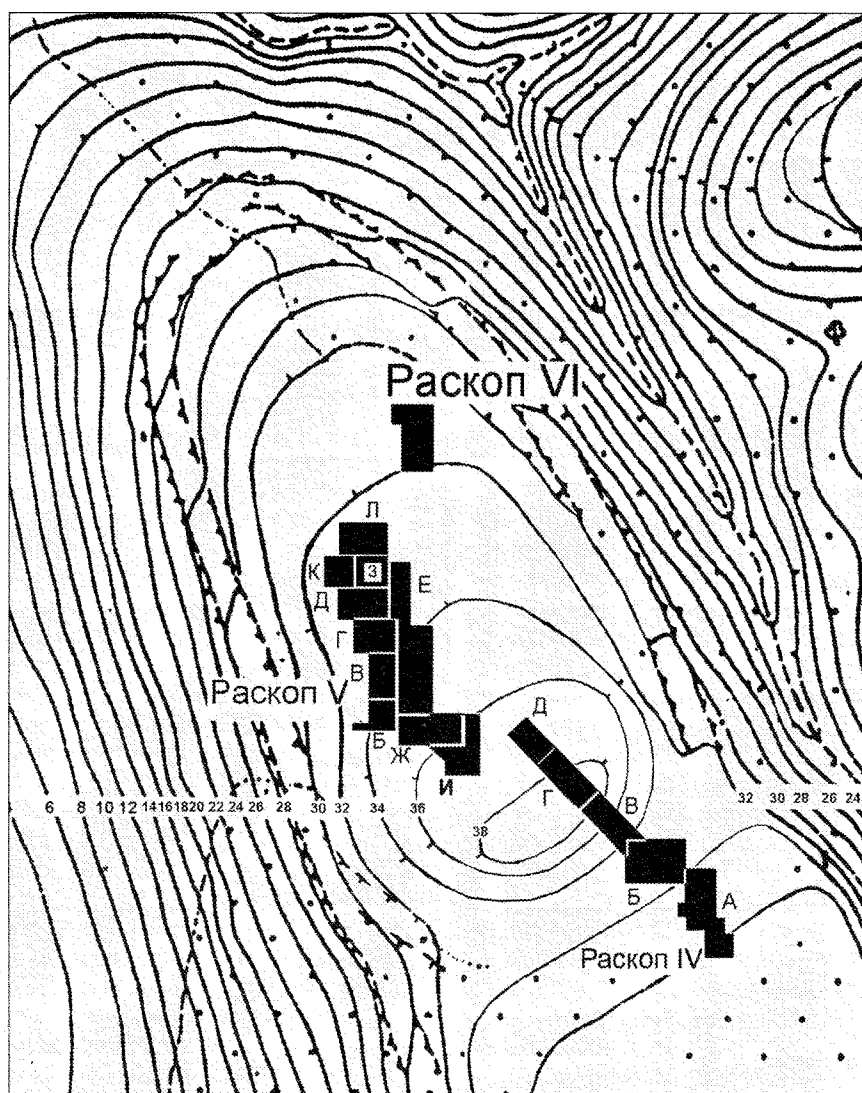

Рис. 1. Площадка городища раннего железного века на Ростиславле с размещением раскопов 1998—2009 гг.

чить несколько «чистых» комплексов, приуроченных к хронологически различавшимся горизонтам насыпи. В полевых отчетах материал фиксировался именно в разрезе «горизонтов», отчет которых проводился сверху вниз. В ходе работы некоторые горизонты разделялись на более мелкие страты, но перенумерация горизонтов не производилась.

В первый год проведения разреза вала (2005 г.) работами на раскопе руководил А.Б. Лагутин, а его помощниками были Е.В. Тимошкина и В.И. Храпов, в последующие годы (2006–2009) бессменным руководителем раскопа IV был В.И. Храпов.

Параллельно с проведением прорезки вала на его западном склоне была предпринята врезка, потребовавшаяся первоначально для исследования края жилой постройки второй половины I тыс. до н.э. («длинного дома»), непосредственно примыкавшего к насыпи и изучавшегося начиная с 1998 г. раскопом V. При этом по необходимости оказался вскрыт и тот склон насыпи, который был обращен внутрь городища дьяковской культуры. В дальней-

шем была сделана прирезка, специально нацеленная на площадное вскрытие части вала. Стенки раскопа здесь не были перпендикулярны оси насыпи, поскольку проходили строго по контурам сетки квадратов, сориентированной по странам света. Это создало определенные трудности при фиксации профилей и разрезов вала, однако они были компенсированы большой площадью вскрытия и точностью фиксации материала при работе в четкой системе координатной сетки. Работами на тех участках раскопа V, которыми вскрывалась западная часть насыпи с 2004 по 2007 гг. руководил кандидат исторических наук А.Н. Медведь.

Завершая обзор истории исследования «Ростиславльского кургана», хотелось бы упомянуть имена тех постоянных участников экспедиции, благодаря которым эта чрезвычайно сложная в методическом и чисто физическом планах работа оказалась выполнена. Это С.А. Гущин, В.А. Едлин, А.А. Журавлев, Е.П. Захарова, Е.А. Клушина, Я.А. Колесникова, Н.П. Колпаков, И.А. Курашова, М.Л. Максименко,

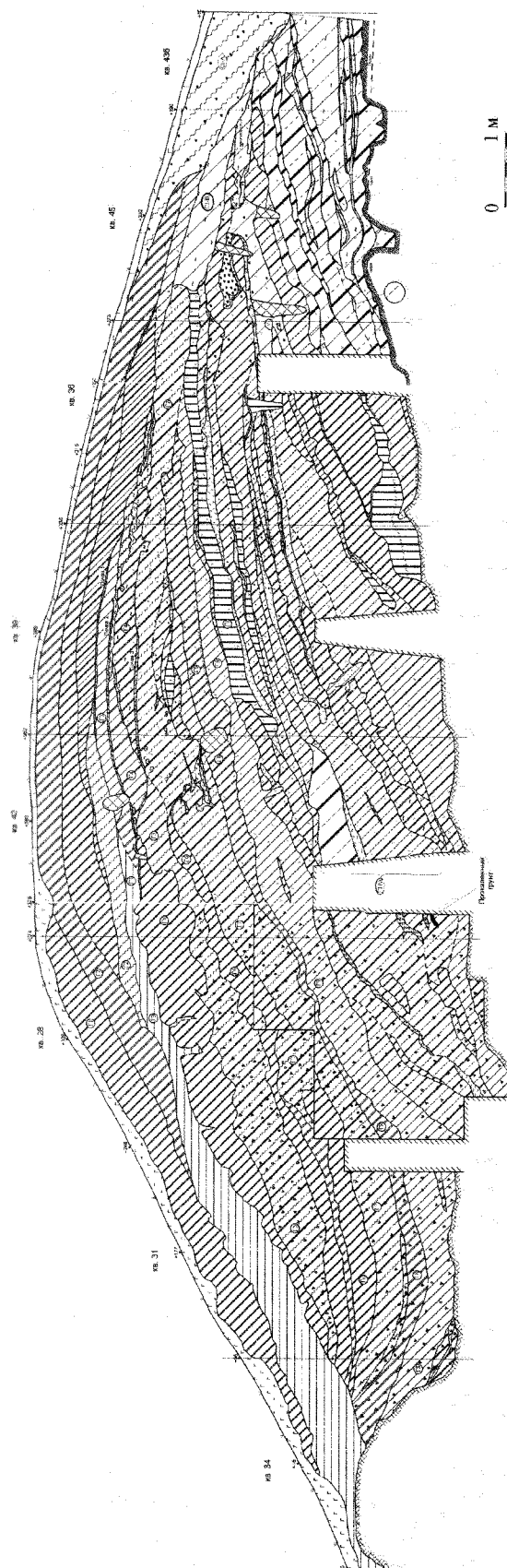

Рис. 2. Юго-западный профиль раскопа IV

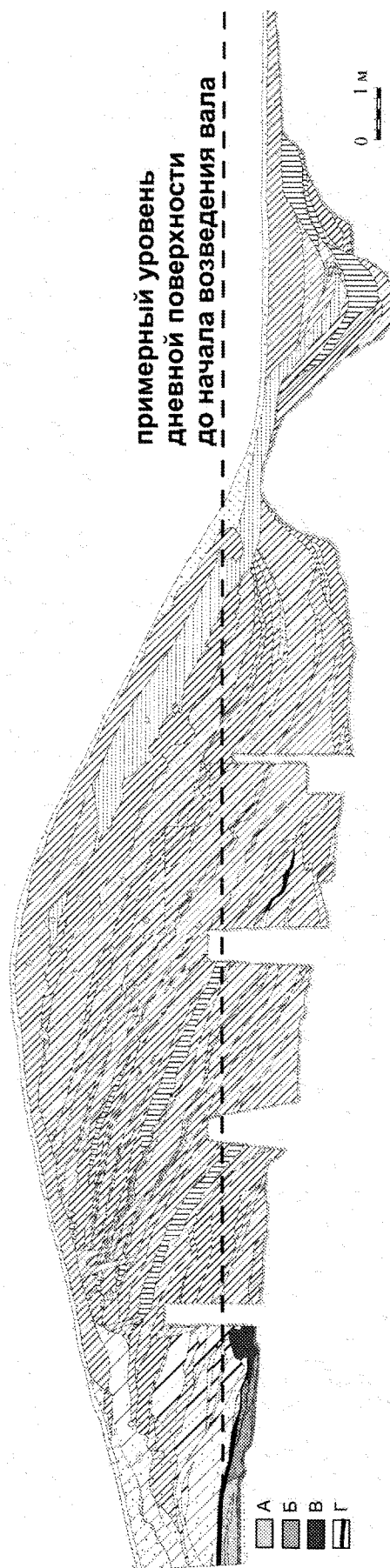

Рис. 3. Северо-восточный профиль раскопа IV

А – древнейший культурный слой (слои 3 и 4); Б – перекопы поверхности, заполненные материалом почвенного горизонта и слоя 4;
В – перекопанный грунт почвенного горизонта; Г – коричневая прослойка, насыщенная органикой и углями под насыпью вала этапа I

Ю.С. Сороков, А.Н. Смирнов, Е.Ю. Тавлинцева, П.В. Тучин, А.В. Ухаров, А.Н. Феребов, В.С. Фролов, М.Н. Фурсов, Н.В. Якунина¹.

Что же дало выполнение этого проекта, потребовавшего пять лет работы? Прежде всего, было установлено, что насыпь в мысовой части Ростиславля действительно представляет собой вал, насыпанный практически исключительно в раннедьяковское время, — в его насыпи не встречено ни одного обломка лощеной позднедьяковской керамики III–IV вв., которая изобилует не только на площадке поселения внутри вала, но и на обширной площади, примыкавшей к нему с напольной стороны. В насыпи были выделены четко отличающиеся горизонты, анализ стратиграфии, вещевого и керамического материала из которых, а также получение радиоуглеродных дат, позволили реконструировать 10 этапов возведения этой насыпи. Пожалуй, впервые в отечественной археологии удалось получить полный и хорошо документированный разрез вала городища раннего железного века, имеющий большую высоту. Не вдаваясь в подробности, отметим, что хотя прорезки таких валов совершались ранее, они либо были недостаточно документированными, либо представляли собой не столько прорезки, сколько зачистки обнажений, не позволившие собрать объемный материал для датировки и интерпретации насыпей и их структурных частей (Кренке, 1986; Крис, 1986, и др.).

Прежде чем приступить к изложению полученных результатов, следует остановиться подробнее на методике выделения упомянутых 10 этапов возведения насыпи. В поле, как уже говорилось, фиксация материала производилась в разрезе «горизонтов», за которые принимались пачки прослоек (или отдельные мощные прослойки) в теле насыпи². В процессе анализа вещевого и керамического материала по завершении каждого полевого сезона высказывались гипотезы о хронологии указанных горизонтов. После завершения прорезки эти гипотезы были проверены и сверены с результатами данных радиоуглеродного датирования (см. ниже). Далее проводилась сверка достоверности выделения «горизонтов» с данными стратиграфии, оказавшимися весьма выразительными, поскольку в профилях раскопа-траншеи отчетливо читались не только насыпи, но и соответствовавшие им рвы, некогда вырытые перед валами, а потом засыпанные или затянутые грунтом. В результате

оказалось, что хотя большинство «полевых горизонтов» соответствовало конкретным этапам возведения насыпи, в ряде случаев полного соответствия не получилось. Иногда одному этапу могла соответствовать только половина «полевого горизонта» или же, наоборот, три «полевых горизонта» (см. Приложение 3). Такие случаи, конечно, досадны, они создают определенные трудности при использовании данных статистики керамики (которая проводилась именно «по горизонтам»), но существенных проблем все же не оказалось, поскольку почти во всех подобных случаях при «делении полевого горизонта» между двумя стратиграфическими этапами возведения насыпи оказывалось, что в один из них попадали прослойки, содержавшие археологический материал, а в другой — практически «стерильные». Суммирование данных нескольких горизонтов, напротив, не создавало никаких трудностей. Все это, в конце концов, позволило точно сопоставить полевые данные «по горизонтам» с итоговыми данными «по этапам». Повторимся, что «этапами» здесь именуются прежде всего стратиграфические реалии (безусловно, в субъективном их осмыслении автором данной работы), сопоставленные с конкретным археологическим материалом (статистическими данными по керамике и вещевыми находками).

Поскольку рассмотрение «этапов» удобнее проводить в сравнении с данными по их хронологии, а она строилась во многом на радиоуглеродных датах, необходимо особо остановиться именно на этом аспекте, тем более, что он вызвал целый ряд трудностей. В ходе раскопок из насыпи вала было извлечено несколько десятков образцов древесного угля (из которых в лаборатории были переданы 10, причем три образца были разделены между тремя разными лабораториями, а еще один — между двумя), а также один образец почвы (для датирования по гуминовым кислотам). Такое деление стало необходимым для проверки данных лаборатории ИГАН, подавляющее большинство датировок которой оказалось, к сожалению, не достоверно³. Этот прискорбный вывод демонстрируют данные таблицы 1.

В таблице полужирным выделены даты (все получены из ИГАН), не соответствующие данным других лабораторий и, самое главное, противоречащие как друг другу, так и всему доступному археологическому материалу. Так, даты из насыпи древнейшего этапа I

¹ Разумеется, в работах на раскопах принимало участие гораздо больше людей, да и вклад всех перечисленных археологов в работу не был одинаков. Поэтому с особой теплотой вспоминаю имена П.В. Тучина, С.А. Гушина, М.Н. Фурсова и П.Н. Колпакова, ежегодно участвовавших в раскопках вала (не говоря, разумеется, о руководителях раскопов!). Без их тяжелого труда вряд ли эта труднейшая работа была бы выполнена. Хочу также вспомнить с благодарностью людей, без помощи которых проект по прорезке вала не мог быть осуществлен в принципе (их в экспедиции называли «спонсорами», но они были и остаются, прежде всего, друзьями) — я имею в виду С.В. Дьячкова, А.А. Баранова, Е.В. Аврахова и жителя села Сосновка Ф.П. Шайдрова.

² Надо особо отметить, что на каждом из двух раскопов была принята своя собственная нумерация горизонтов, корреляция между которыми оказалась возможной только после полного завершения всех работ. Такой подход был неизбежен, поскольку один из раскопов начал свои работы со вскрытия наипозднейших отложений в насыпи вала, а другой с самого начала вскрывал древнейшее ядро вала. Ясно, что в этой ситуации никакой общей нумерации горизонтов просто не могло быть.

³ Проверка проводилась в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) и в лаборатории радиоуглеродного анализа при Научном центре геохимических исследований Национальной академии наук Украины (г. Киев).

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа образцов древесного угля из насыпи вала.

Образцы	Калиброванные даты ⁴		
	КРЛ (Киев)	ИИМК (С.-Петербург)	ИГАН (Москва)
1. Вал этапа 1 (Ki-14729; Ле-8705; ИГАН-3453)	520–350 BC	400–200 BC	54–218 AD
2. Вал этапа 1 (Ki-14730; Ле-8705; ИГАН-3452)	760–360 BC	520–370 BC	240–425 AD
3. Вал этапа 1 (Ле-8703; ИГАН-3454)	–	370–180 BC	368–202 BC
4. Вал этапа 2-3 (ИГАН-3307)	–	–	164 BC – 18 AD
5. Вал этапа 7 (Ki-14728; Ле-8702; ИГАН-3313, 3459)	400–200 BC	390–200 BC	948–541 BC 261–534 AD
6. Вал этапа 8 (ИГАН-3177)	–	–	906–800 BC
7. Вал этапа 9 (ИГАН-3175)	–	–	2546–2057 BC
8. Дно рва этапа 8 (ИГАН-3308)	–	–	257 BC – 318 AD
9. Вал этапа 10 (ИГАН-3376)	–	–	1004–833 BC
10. Горизонт В слоя 1 (ИГАН-3333)	–	–	238–533 AD

(образцы 1 и 2) оказались датированы I–III вв. н.э., тогда как образцы из позднейших этапов насыпи вала (№ 6, 9) получили датировки в пределах первой половины I тыс. до н.э. Разумеется, в них могли быть встречены ранние (переотложенные) образцы или уголь от очень старых деревьев, но после сравнения дат ИГАН с датами петербургской и киевской лабораторий (образцы 1, 2, 5) в это трудно поверить. Особенно поражает, что один и тот же образец угля (от крупной плахи – образец 5), который дважды был передан на определение, в одном случае получил дату в пределах первой половины I тыс. до н.э., а в другом – второй четверти I тыс. н.э. Ясно, что доверять нельзя ни одной из них.

Две даты ИГАН (образцы 8 и 10), выделенные курсивом, в принципе не противоречат археологическому материалу и могли бы быть достоверными, но по той же самой причине доверять им не приходится. Кроме того, они охватывают столь продолжительный интервал, что ценность их практически равна нулю. Лишь в одном случае дата ИГАН совпала с датой петербургской лаборатории (№ 3). Между тем, даты киевской и петербургской лабораторий в целом совпадали (хотя различия были и между ними, они находились в пределах допустимой ошибки метода – около 100 лет).

Таким образом, из 10 дат, предоставленных ИГАН, достоверной можно считать одну, а относительно допустимыми две, тогда как семь дат совершенно не достоверны. Особенно это касается даты по почвенному радиоуглероду (образец 7), которая «улетела» в III тыс. до н.э., чего быть не могло никак и ни при каких обстоятельствах. В результате, сделав 17 анализов, мы получили всего четыре достоверных, перекрестно проверенных, даты (№ 1–3, 5) и две в целом допустимых даты (№ 8, 10), которые предоставлены ИГАН и, следовательно, малодостоверны. И хотя хронологию насыпи строить на такой узкой базе сложно, уверенность в ранних датах все же позволяет выставить некоторые «реперные точки» этой хронологии.

Итак, прежде всего, древнейший (первый) этап создания вала приходится на промежуток между 500

и 200 гг. до н.э., т. е. относится к V–III вв. до н.э. Однако образец угля из насыпи этапа 7 получил практически такую же дату – в интервале IV–III вв. до н.э. С одной стороны, это может указывать на хронологическую близость этапов 1–7, но с другой, очевидно, что между ними должен был быть какой-то хронологический разрыв, пусть даже столь небольшой, что он оказался неуловим для радиоуглеродного метода. Уголь со дна рва, существовавшего перед валом этапа 8 (образец № 8), датирован в ИГАН широким промежутком: III в. до н.э. – III в. н.э. Совпадение нижней границы этой даты с предыдущей позволяет рассматривать ее как частично достоверную (разумеется, без учета нереально поздней верхней границы).

Еще одна дата ИГАН (образец № 10), полученная для угля из слоя, частично перекрывавшего древнейшую часть вала, но синхронизирующегося с финалом раннедьяковской эпохи, можно принимать весьма условно, только предполагая близость ее нижней временной границы (III–VI вв. н.э.) к эпохе отложения данного слоя (горизонт «В» слоя 1), поскольку позднедьяковский материал в этом контекста начисто отсутствовал. Проще говоря, и эта дата в общем-то неверна, но она может быть близка данному контексту (который датировался, вероятно, в интервале от конца I тыс. до н.э. до начала I тыс. н.э.).

Прежде чем описывать вал, его стратиграфию и материал, встреченный в нем, надо указать, что древний почвенный горизонт под ним сохранился не везде. Так, на площади раскопа V (западная оконечность вала) этот горизонт был срезан в древности, и древнейшая насыпь лежала на материке (желто-коричневом суглинке), нарушенном к тому же небольшими перекопами (канавки, столбовые ямки, аморфные понижения). Однако на раскопе IV именно под древнейшей насыпью вала сохранился древний почвенный горизонт мощностью до 20 см, верхняя часть которого была, вероятно, также немного подрезана (рис. 3; 6). Этот горизонт представлял собой светло-серый суглинок с пятнами древних кротовин, плавно переходив-

⁴ Калибровка приведена по двум сигмам.

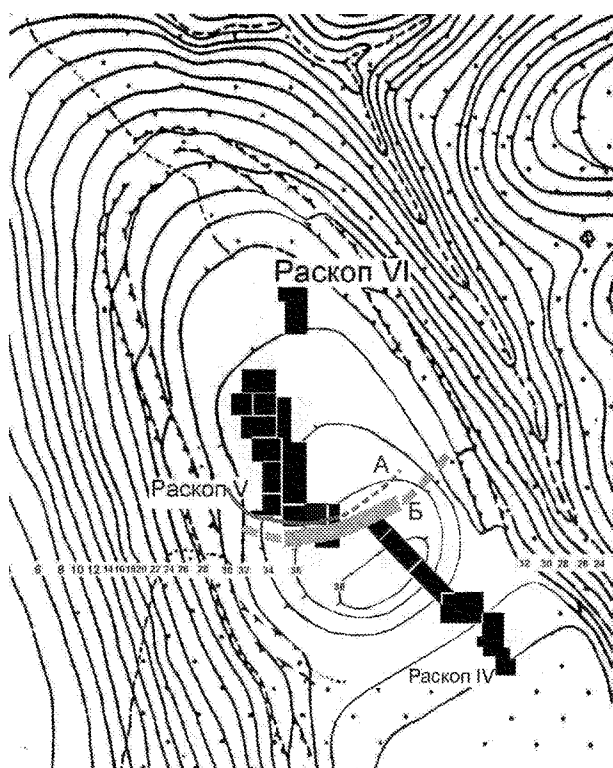

Рис. 4. Линия частокоса (А) и линия вала этапа 1 (Б) на плане городища

ший книзу в желто-коричневый суглинок материка. На поверхности почвы кое-где фиксировались сегментовидные пятна — следы лопат (?). Древний почвенный горизонт не содержал никакого археологического материала, поскольку относился к эпохе до появления человека на этом месте, но он был перекрыт очень близким по цвету (тоже светло-серым, но все же чуть более темным и включавшим мелкие угольки) древнейшим культурным слоем (слой 4)⁵ толщиной до 20 см, содержащим (на площади около 2 кв. м) пять мелких обломков раннедьяковской керамики, четыре кремневых отщепа и кремневое тесло, близкое древностям поздняяковской культуры. Таким образом, слой 4 мог сформироваться на этапе поздней бронзы и начала эпохи раннего железа.

Тонкие линзы материкового выброса отделяли слой 4 от перекрывавшего его слоя 3, состав и характеристики которого были идентичны слою 4, а мощность составляла 10–15 см. С эпохой формирования слоя 3 следует связывать обширный перекоп, фиксировавшийся на поверхности материка в ЮВ части раскопа (рис. 3; 5). Самый верхний горизонт слоя 3 составляла прослойка коричневого суглинка с углями (цвет определялся большим количеством органического тлена), фиксировавшаяся по всей площади раскопа под насы-

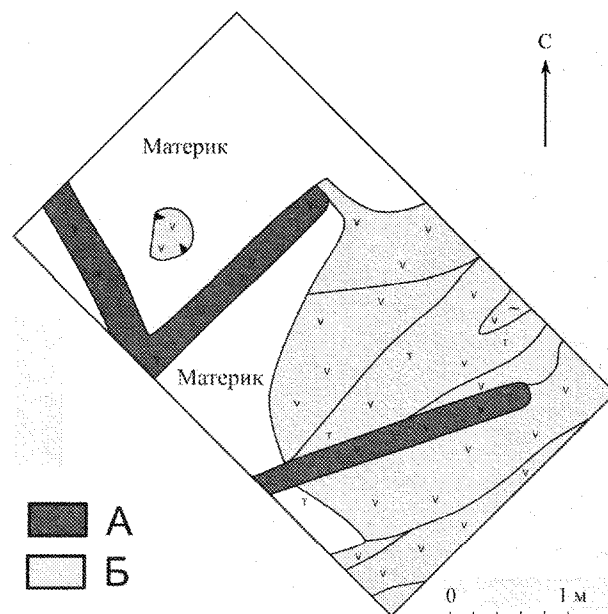

Рис. 5. Частокосные канавки в слое 4
А — канавки; Б — переотложенный ранний слой

пью будущего вала. Ее толщина колебалась от 1–2 см до 10–13 см, причем количество углей возрастало к верхней поверхности этой прослойки. В ней же отмечены многочисленные раковины улиток. В слое 3 было собрано 22 измельченных обломка керамики раннедьяковской эпохи (идентичных материалу из вала этапа 1 — см. ниже), восемь кремневых отщепов, 45 костей животных, концевой скребок на пластинчатом отщепе и обломок трехканальной керамической бусины. Этот материал свидетельствует об отложении слоя в раннедьяковскую эпоху, причем в слой попали и очевидно более ранние кремневые артефакты (эпохи бронзы или даже мезолита?).

Из слоя 4 выходили две перпендикулярные частокосные канавки, врезанные в материк и заполненные грунтом этого слоя (рис. 5). Слой 3 перекрывал эти канавки, уже засыпанные к моменту его формирования. К сожалению, эти канавки уходили в его борта и не складывались в какую-то однозначно трактуемую систему. Еще одна, самая южная, канавка прорезала отложения слоя 3, выходя уже практически с уровня создания вала этапа 1 (рис. 5). Неясно, имела ли она отношение к конструкции этого вала или предшествовала его созданию.

Все частокосные канавки, выявленные в северо-западной части раскопа IV, под древнейшей насыпью вала, очевидно не имели прямого отношения к частокосной канавке, зафиксированной в раскопе V (Медведь, 2009. Рис. 1), которая проходила всего в 1–2 м севернее раскопа IV (рис. 4) и вообще не была

⁵ На городище принята следующая нумерация слоев: слой 1 — позднедьяковский, сильногумусированный; слой 2 — раннедьяковский, с остатками построек. Эти два слоя фиксировались на всей площади городища. Слой 3 сохранился локально на склонах городища и содержал материал, переходный от эпохи бронзы к РЖВ. Слой 4 впервые выявлен на раскопе IV, в других местах он не сохранился.

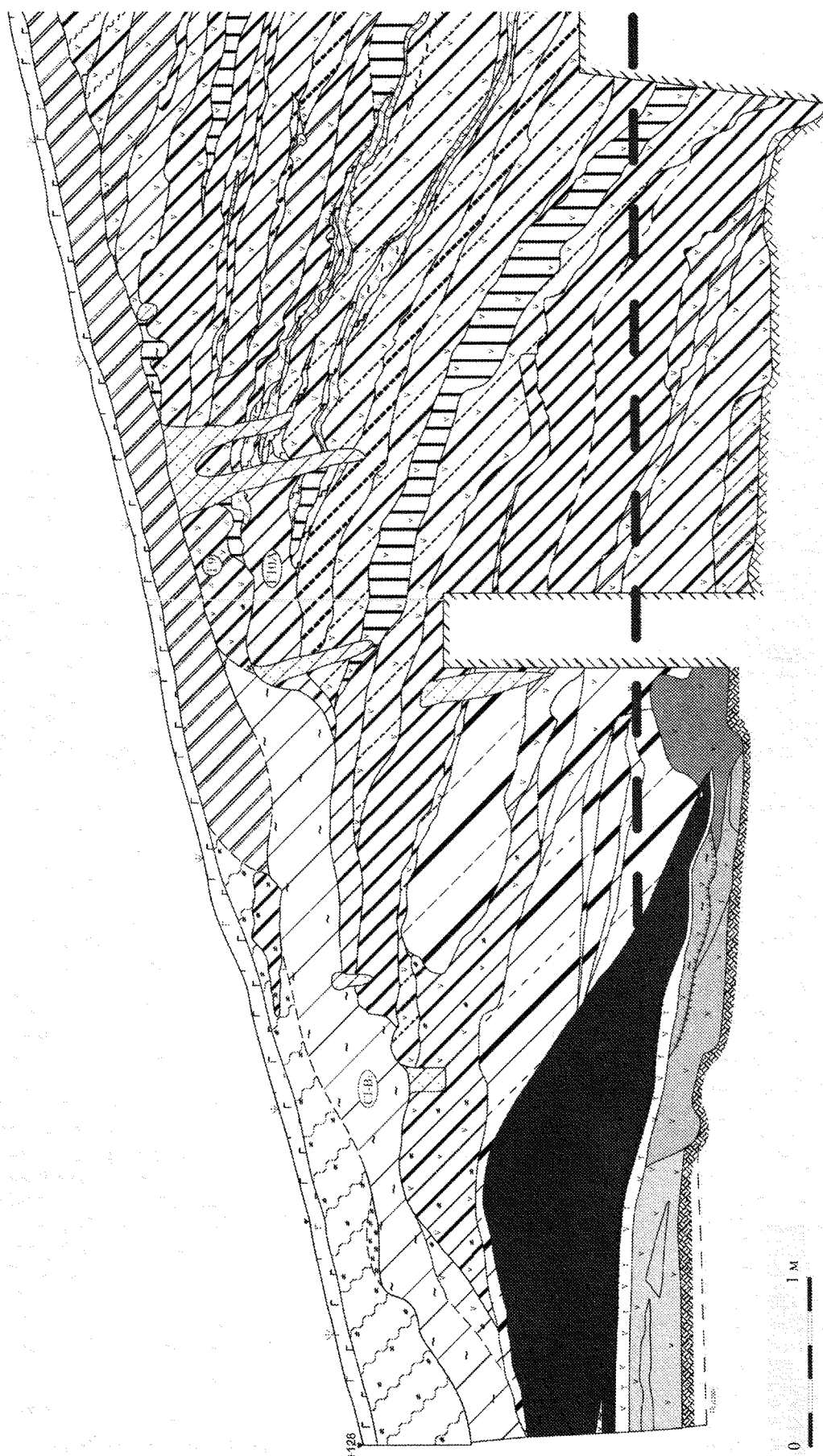

Рис. 6. Вал этапа I на северо-восточном профиле раскопа IV (деталь)

Рис. 7. Северо-восточный профиль раскопа IV в месте размещения насыпей вала этапов 1–3. Вид с юго-запада

перекрыта древнейшей насыпью вала (ее перекрыл оползавший грунт более поздних этапов). На раскопе V частокол удалось проследить на значительном протяжении (более 30 м). При этом канавки, открытые на раскопе IV, показали, что ранняя («довальная») фортификация городища состояла из целой системы частоколов (либо эти частоколы постоянно обновлялись, а их трасса сдвигалась). Более того, четко читаемые концы этих канавок свидетельствуют о наличии проходов в таких оградах, а перпендикулярный отрезок частокола в раскопе IV свидетельствует о каких-то еще более сложных частокольных конструкциях, нежели просто линия, перегораживавшая мыс. К сожалению, для полного изучения этих конструкций потребовалось бы вскрытие всего вала.

Этап 1. Вал этапа 1 был создан на поверхности слоя 3 (рис. 4; 6). Насыпь высотой 0,8–1,0 м и шириной около 3 м состояла из однородного грунта – серого суглинка с включениями светло-серого (подзолистого) суглинка, углей и золы, в котором прослеживалась слабо видимая слоистость (рис. 7). В западной части

раскопа поверхность этой насыпи была насыщена органическим тленом коричневого цвета. Напомним, что всего в 4 м к СЗ, в раскопе V поверхность этого древнейшего вала была покрыта толстым (до 20 см) слоем коричневой органики. Естественные исследования показали⁶, что это остатки сгнивших трав, наваленных на поверхность грунтовой насыпи. Сама насыпь, согласно тем же исследованиям, состояла фактически из культурного слоя, содержавшего большое количество навоза. Перед валом имелось небольшое ровообразное понижение шириной не более 1 м и глубиной до 0,5 м (от реконструируемого уровня дневной поверхности того времени) (рис. 6), причем оно не было заглублено в материк, а целиком покоилось в грунте слоя 3. Был ли это настоящий ров или это понижение возникло случайно на одном участке линии вала, неясно, но большинство признаков указывают на то, что второе предположение более обоснованно.

В насыпи вала этапа 1 найдено 572 обломка керамики (см. табл. 2) и 18 вещевых находок⁷. Наряду

⁶ См. статью А.А. Гольевой, публикуемую в этом сборнике.

⁷ Здесь и далее при подсчетах находок и керамики приводятся суммарные данные по материалам раскопов IV и V.

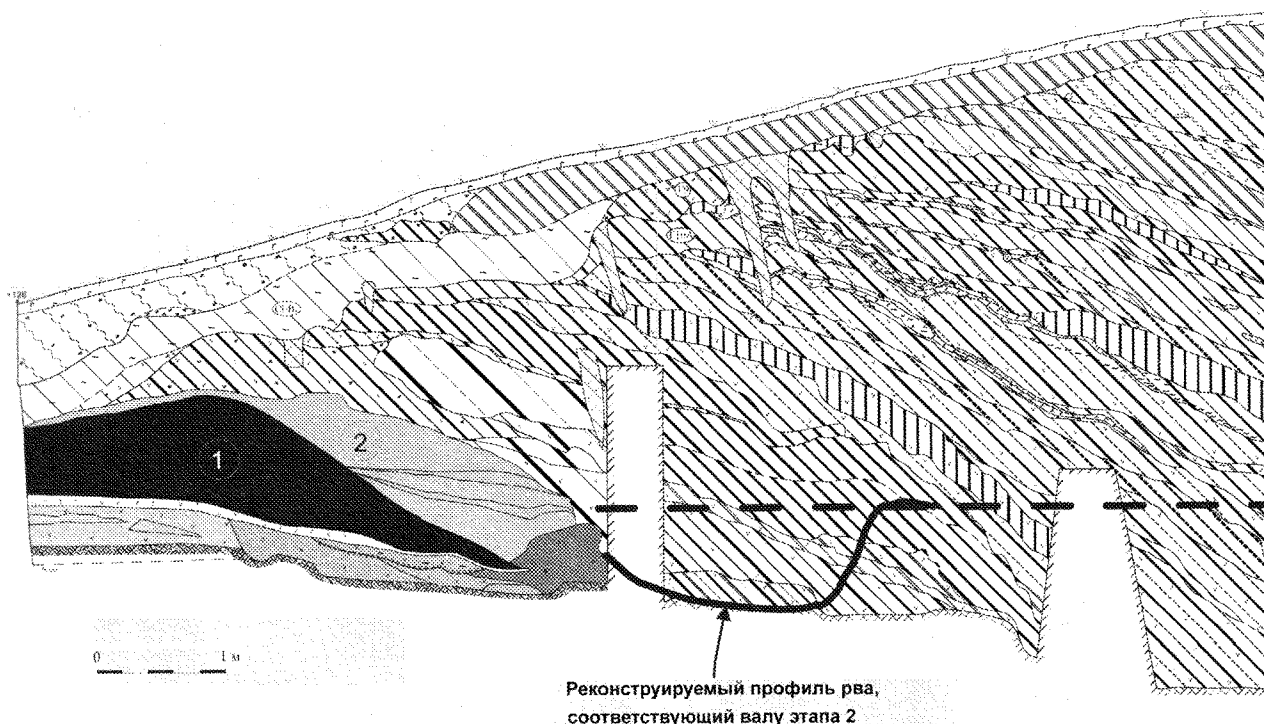

Рис. 8. Вал этапа 2 на северо-восточном профиле раскопа IV (деталь)

с обломками костяных орудий (одношипные наколенники стрел, проколки, заколка, струг) в это число входили стеклянная бусина (рубленный бисер), обломок пластины из медного сплава, три обломка «рогатых кирпичей», обломок керамической боченковидной погремушки (Медведь, 2009. Рис. 2). В этих же прослойках обнаружено 23 кремневых отщепа и более 300 костей животных. Наиболее интересна находка бисера, появляющегося в Восточной Европе с середины III в. до н.э. (Алексеева, 1982. С. 46, 47). Поскольку бусина найдена в самом основании насыпи, случайное ее попадание в вал почти исключено. С учетом радиоуглеродных датировок (табл. 1) эта находка позволяет относить начало возведения вала к концу III в. до н.э. Прочие находки не противоречат этой дате. Что касается керамики, то ее анализ требует отдельного рассмотрения и приводится ниже.

Этап 2. На втором этапе высота насыпи почти не увеличилась (надо, впрочем, учитывать возможность того, что вершина этой насыпи могла быть срезана в более позднее время, при создании насыпи этапа 3), зато ширина увеличена вдвое – почти до 6 м, причем расширение шло только в напольную сторону (рис. 5; 8). Перед валом теперь фиксировался ров шириной 2 м и глубиной не менее 0,8 м, с отвесной напольной стенкой. Грунт, из которого была сложена эта насыпь, частично состоял из материкового суглинка, но в основном – из того же культурного слоя с навозом, золой, сгнившей древесиной и перегноем трав. Поскольку разделение материала из горизонтов 2 и 3

оказалось затруднительно, ниже этот материал будет дан суммарно.

Этап 3. На этапе 3 размеры насыпи вала увеличились незначительно (рис. 5; 9). При этом вершина насыпи была сдвинута в напольную сторону, а досыпки производились на внешний склон вала этапа 2. В ходе этих досыпок был почти полностью засыпан ранее существовавший ров и вырыт новый – шириной 1,5 м и глубиной 0,8 м. Новая насыпь имела ширину 5 м, но вместе с более ранними общая ширина вала достигла 7 м, а высота 1,3 м (от уровня древнего горизонта дневной поверхности с напольной стороны вала). Не исключено, что изначально высота этого вала была еще больше, поскольку при последующих перестройках вершина вала могла быть сnivelирована.

Насыпь этапа 3 состояла из того же грунта, что и на предыдущих этапах. Визуально это были прослойки серого или желтовато-серого цвета из смеси культурного слоя и желтого материкового суглинка. В большинстве случаев слабо просматривалась слоистость в структуре каждой отдельной прослойки. Границы между отдельными прослойками были четкими, но очень неровными, что свидетельствует о неровной (кочковатой или осыпающейся) поверхности вала. На поверхности насыпи этапа 3 в южном профиле раскопа V были зафиксированы следы недолго существовавшей стабильной поверхности (начались процессы почвообразования)⁸.

В насыпях этапов 2 и 3 обнаружено 414 обломка керамики (табл. 2) и 19 вещевых находок, среди ко-

⁸ Образец 13 южного профиля (см. статью А.А. Гольевой в этом сборнике).

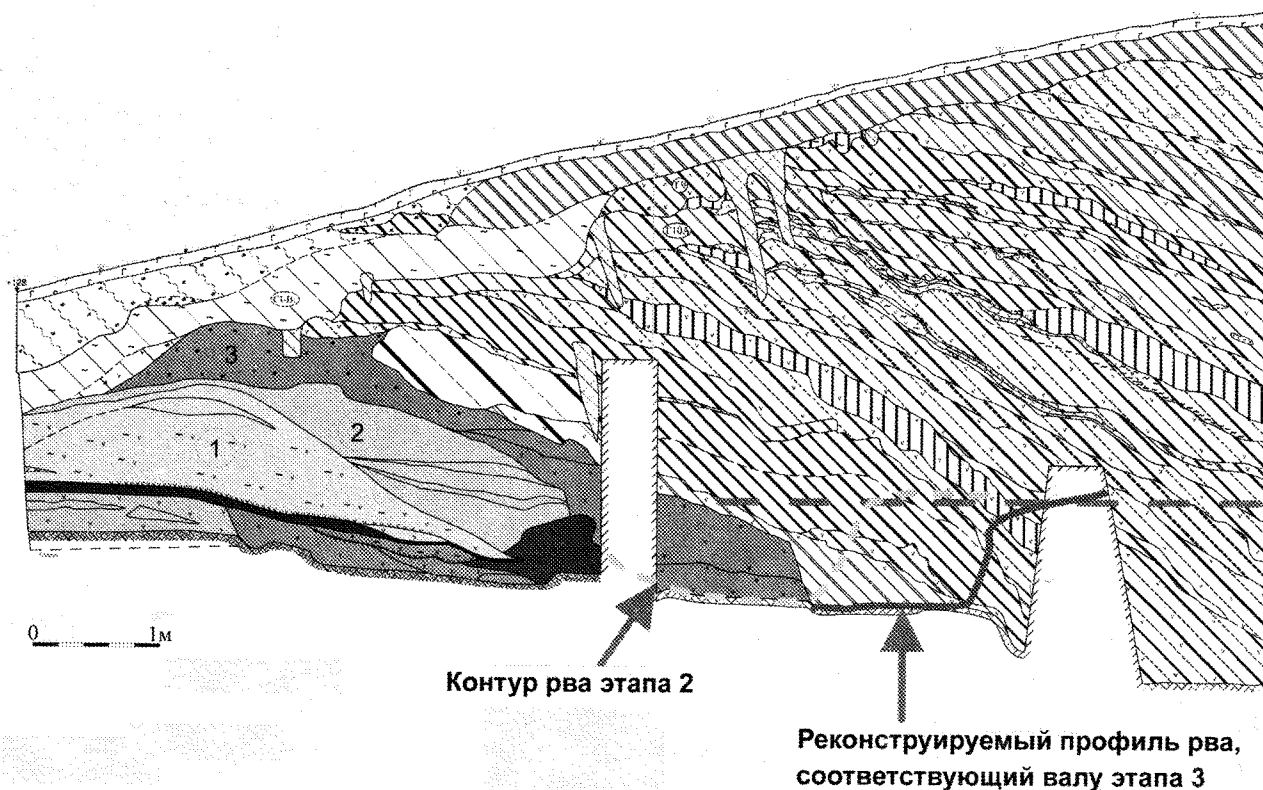

Рис. 9. Вал этапа 3 (см. цв. вкл.)

торых преобладали обломки костяных (наконечники стрел, гарпун, проколка, игла, манок) и кремневых орудий. Наряду с ними встречены три обломка «рогатых кирпичей», два обломка предметов из медных сплавов, обломок керамического блюдцевидного тигля, обломок острия железного наконечника (стрелы?) и обломок рукояти из оленьего рога с гравированным рисунком. Рукояти подобного типа встречены в нижнем горизонте верхнего слоя Щербинского городища, на Старшем Каширском, Дьяковом, Сетунском городищах, а также городищах Прислон, Графская гора, где датируются второй половиной I тыс. до н.э. (Розенфельдт, 1974. С. 101). Кроме того, в насыпи встречено 20 кремневых отщепов и более 200 костей животных.

Этапы 4–6. Рассмотрение этих трех последовательных этапов наращивания насыпи вала приходится проводить суммарно, поскольку входившие в них прослойки оказались наименее насыщены артефактами и керамикой. Видимо, на этом этапе основным материалом для создания вала служил материковый суглинок, выбиравшийся из постоянно обновлявшегося рва, все дальше и дальше сдвигавшегося в напольную сторону.

На этапе 4 вал был вновь существенно расширен в напольную сторону (рис. 10), при этом ров этапа 2 был засыпан, а новый ров стал заметно больше — его ширина достигала 3 м, а глубина увеличилась до 1,4 м. Соответственно, гораздо больше стал объем материкового грунта, пошедшего на строительство насыпи, которая достигла общей ширины 8 м и высоты 1,5 м.

На этапе 5 существенного увеличения вала не произошло, но предыдущий ров был наполовину засыпан, а перед валом вырыт новый ров шириной 5,5 м (по верхнему краю) и глубиной до 2 м (рис. 11). При этом впервые дно рва было не плоским (как у всех предыдущих), а округлым.

На этапе 6 была проведена новая присыпка к напольному склону прежнего вала и засыпано дно предыдущего рва (рис. 12). В результате общая ширина вала достигла 14 м при высоте 2 м (от уровня горизонта дневной поверхности с напольной стороны). Перед валом был вырыт очередной новый ров шириной 4 м по дну (оно было плоским и наклоненным в сторону поля), но на уровне горизонта ширина рва достигала уже 8 м. Соответственно, перепад высот между дном рва и вершиной вала достиг 4 м. Необходимо также заметить, что именно во рву этапа 6 удалось впервые зафиксировать его внутреннюю стенку — она была вертикальной и напоминала ступеньку. Также впервые между дном рва и валом появилось что-то вроде бермы — уплотненная площадка на месте старого рва. Поскольку ни до, ни после этого этапа никаких следов бермы у подножия вала не фиксировалось, можно думать, что такая площадка не была сделана целенаправленно, а возникла случайно.

Важно отметить, что на поверхности насыпи этапа 6 впервые были прослежены следы действия огня в виде прослоек угля и прокаленного до красноты грунта, общей мощностью до 20 см (рис. 13; 14). В более ранних насыпях никакого прокала не фиксировалось. Прослойки угля и прокала покрывали весь

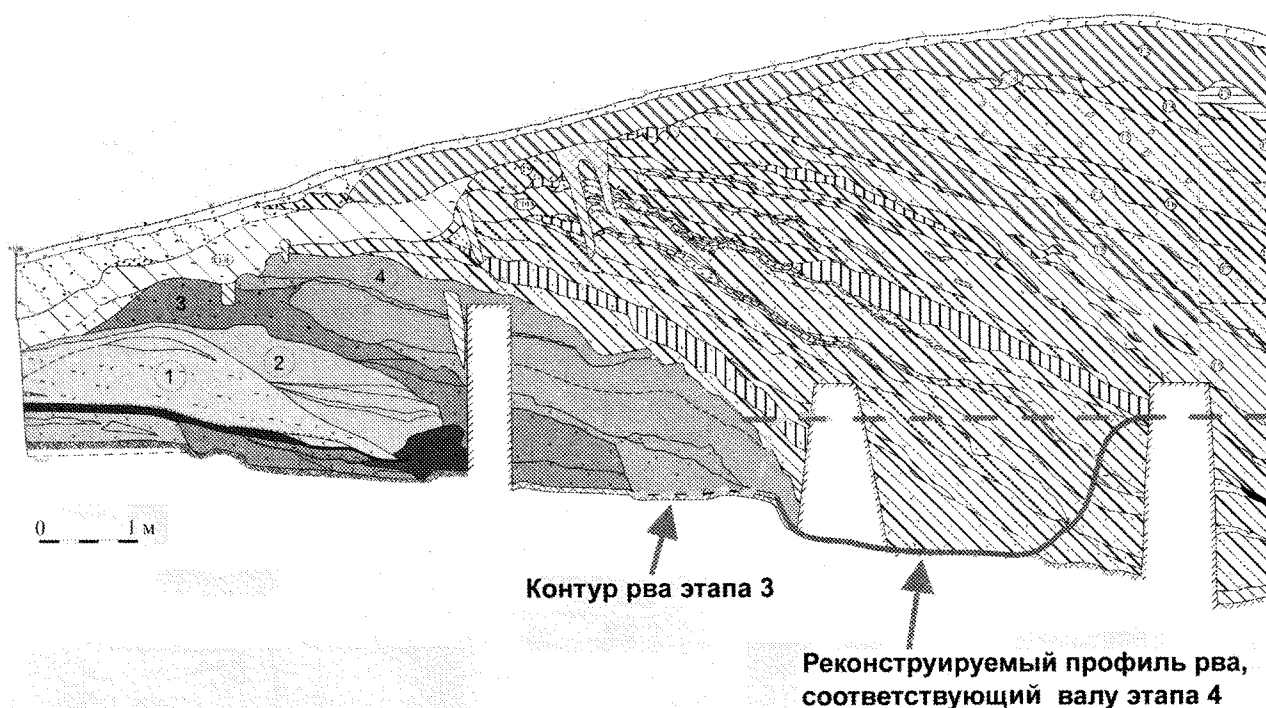

Рис. 10. Вал этапа 4 (см. цв. вкл.)

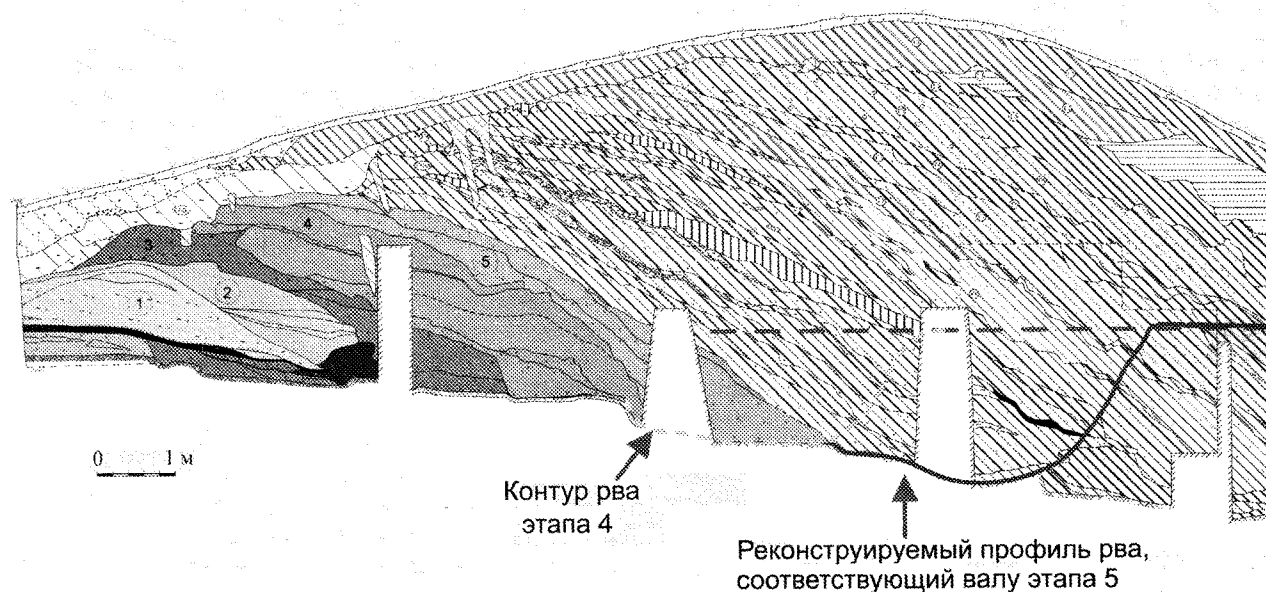

Рис. 11. Вал этапа 5 (см. цв. вкл.)

внешний склон вала, от вершины и почти до дна рва, постепенно выклиниваясь, причем наибольшей мощности они достигали на вершине вала.

Из насыпей этапов 4–6 происходило всего 152 обломка керамики и 18 вещевых находок. Концентрация керамики в этих насыпях была в 8–10 раз меньше, чем в валах этапов 1–3 (с учетом того, что грунта в насыпях этапов 4–6 было в полтора раза больше). Среди находок выделяются четыре предмета из медных сплавов (в т. ч. бусина, нашивная бляшка и об-

ломок украшения) и два обломка железных изделий. Остальные вещи были изготовлены из кости (два струга, заготовка, заготовка наконечника стрелы) и кремня (пять предметов, в т. ч. два скребка и две пластины). Узко датирующих вещей нет.

Этап 7. Насыпь этапа 7 была увеличена как в высоту (до 2,5 м), так и вновь в напольную сторону (общая ширина вала увеличилась при этом всего на 1 м), но при этом был частично засыпан более ранний ров и вырыт новый, еще более крупный – по дну его

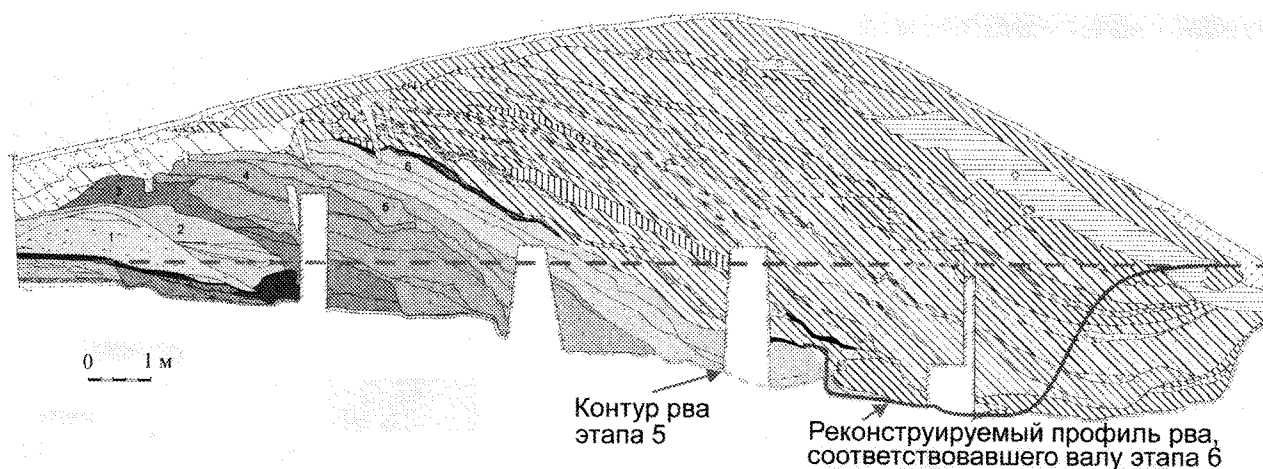

Рис. 12. Вал этапа 6 (см. цв. вкл.)

ширина была 5 м, по верху – 9 м, а глубина достигала 2,5 м. Это был самый грандиозный ров за всю историю Ростиславльского городища. Разница между дном рва и вершиной вала достигла 5 м (рис. 15).

В составе насыпи этапа 7 выделялись локальные прослойки прокаленного грунта, аналогичные той прослойке, которая маркировала верхнюю границу этапа 6. Причем нельзя исключать и того, что все прослойки прокала относились именно к горизонту 7. Финалом существования 7-го этапа вала стала мощная прослойка угля (фиксирувалась в основном в юго-западном профиле). Под этой прослойкой не было выраженного прокала, т. ч. ее происхождение не совсем ясно, но нельзя исключать, что она могла образоваться от сгорания каких-то конструкций на вершине вала (в этом случае прокал не сохранился из-за последующих планировочных работ). Менее всего вероятно принос обугленной древесины в насыпь со стороны.

Из насыпи этапа 7 происходили 449 обломков керамики и 18 вещевых находок, среди которых преобладали костяные орудия (струг, две иглы, два наконечника стрел и две заколки). Важны находки небольшого железного серповидного ножа, двух керамических колоколовидных бусин и колоколовидной керамической привески. По насыщенности находками и керамикой насыпь этапа 7 резко контрастирует с этапами 4–6, в которых таких артефактов было на порядок меньше (в пересчете на объем грунта).

Этап 8. На этапе 8 была проведена очередная досыпка культурного слоя на внешний скат вала, незначительно увеличившая его ширину, и на вершину, что довело высоту вала до 3 м (от уровня горизонта дневной поверхности). Но при этом новый ров не создавался, а прежний (от вала этапа 7) слегка затянуло грунтом, вероятно, в результате естественных процессов оплывания склонов. Однако в целом глубина и ширина рва почти не уменьшились (рис. 16). Увеличение толщины новой досыпки к низу вала надо объяснять естествен-

ным оползанием грунта по склону. В толще насыпи этого этапа фиксировались многочисленные тонкие и небольшие по простираанию (до 1 м) линзы прокаленного грунта, часто подстилавшиеся столь же тонкими угольными прослойками, а в нижней части насыпи отмечены прослойки золы толщиной до 10 см. Обилие углей и золы свидетельствует о широком использовании бытового мусора при создании этой насыпи.

В насыпи этапа 8 было собрано 347 обломков керамики и 20 вещевых находок, среди которых, как и во всех более ранних насыпях, преобладали костяные орудия и их обломки (две заготовки наконечников стрел, три иглы, три проколки, три струга, заколка). Кроме того, найден железный серповидный нож, три обломка «рогатых кирпичей», керамическая бусина и впервые собран целый развал лепного сетчатого («нитчатого») горшка. В нижней части насыпи, размещавшейся на дне рва, было зафиксировано большое количество обломков от необожженных «рогатых кирпичей».

Этап 9. Этот этап является одним из самых загадочных: в ходе него высота насыпи не увеличилась, а грунт полностью заполнил объемистый ров, вырытый на этапе 7. В результате ширина вала достигла 18 м, а высота осталась прежней (3 м). Но если раньше существовал пятиметровый перепад высот между дном рва и вершиной вала, то теперь его не стало и фортификационное значение вала резко снизилось. Интересен состав грунта в насыпи 9-го этапа (рис. 17). Нижнюю прослойку здесь составлял интенсивно окрашенный темно-серый суглинок (к верхней границе прослойки интенсивность цвета увеличивалась до черного). Максимальной толщины (30–40 см) эта прослойка достигала на вершине вала и на дне рва. Интересной особенностью этого слоя было обилие содержащихся в нем раковин улиток видов *Vallonia excentrica* (*Valloniidae*), *Aegopinella* sp. (*Zonitidae*), *Discus* sp. (*Discidae*)⁹. Аномальным был этот прослой

⁹ Определение кандидата биологических наук П.В. Кияшко (ЗИН РАН). В современных условиях представители этих трех семейств моллюсков населяют влажную подстилку прибрежных участков сильно заросших пресных водоемов или больших луж, вокруг родников.

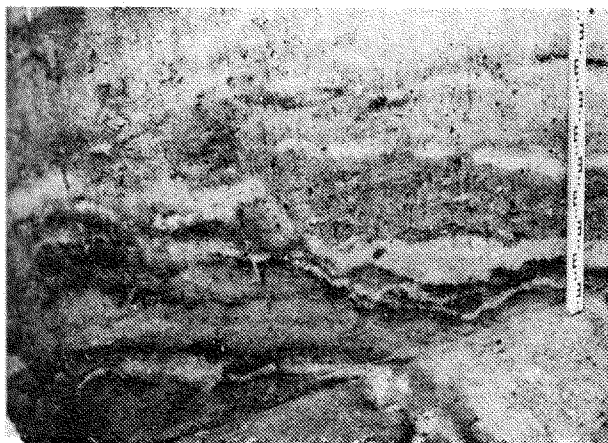

Рис. 13. Прослойки прокала в северо-восточном профиле раскопа IV (см. цв. вкл.)

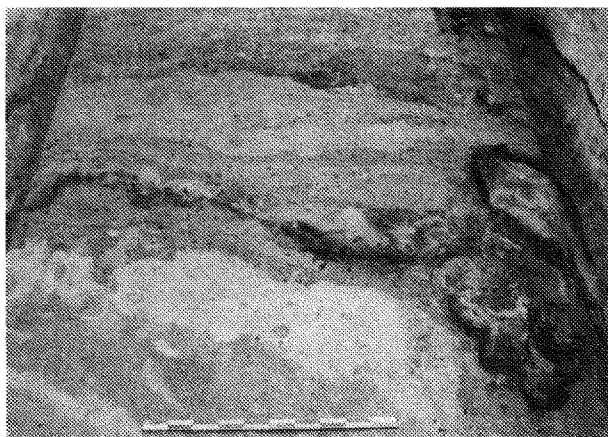

Рис. 14. Прослойки прокала на горизонтальной зачистке в раскопе IV (см. цв. вкл.)

и по большому количеству фитоцитов обугленных мхов¹⁰. Наконец, именно из этого прослоя был взят грунт для датирования по гуминовым кислотам, давший также аномально удрежденную дату в пределах III тыс. до н.э. (табл. 1, № 7). Все это свидетельствует о необычном генезисе данного прослоя, формирование которого происходило, вероятно, из грунта, смешанного с большим количеством мха, принесенного с берегов старичных озер.

Выше прослоя темно-серого суглинка залегала мощная прослойка коричневого суглинка, содержащая небольшое количество углей. Надо заметить, что коричневые прослои и ранее встречались в насыпи вала, но они имели минимальную толщину и являлись остатками сгнившего дерева или трав (см., например, верхнюю прослойку на этапе 1), однако здесь впервые в большом объеме был использован грунт коричневого цвета, насыщенный органикой. Мощность этого слоя достигала в нижней части насыпи 1 м.

Необычный состав грунта насыпи этапа 9 сопровождался столь же необычно насыщенным составом вмещаемых им артефактов. Всего в отложениях этапа 9 было собрано 982 обломка керамики и 34 вещевые находки (в т. ч. из прослоя темно-серого суглинка – 25 шт.). Состав этих находок мало отличался от встречавшегося в нижележащих горизонтах насыпи: преобладали костяные орудия (две заколки, три иглы, четыре проколки, струг, наконечник стрелы) и костяные украшения (пуговица и привеска), встречались обломки «рогатых кирпичей» (3 шт.), обломки неопределимых железных предметов (2 шт.). Однако наряду с этими вещами здесь были впервые найдены четыре крупных обломка ложковидных тиглей с рукоятками без втулки, относящихся к раннедьяковскому времени (Тавлинцева, Попатина, 2009. Рис. 1), две целые керамические погремушки, обломок грузика «дьякова типа» (единственная находка в валу), а в прослойках на дне рва – три развала горшков: глад-

костенного, сетчатого («нитчатого») и «рогожного» (первый целый сосуд этого типа на городище).

Вероятно, при создании насыпи этапа 9 происходило не только перемещение культурного слоя с площадки городища, но и прямой выброс в ров бытового и производственного мусора, включая поврежденные горшки, сломанные тигли и т. п.

Этап 10. Насыпь последнего этапа вала раннего железного века создавалась из трех прослоек толщиной до 80 см каждая, а общая мощность новой насыпи составила 2 м. Все границы прослоек очень четкие, что исключает любые предположения о длительной стабилизации поверхности. Интересен и состав этих прослоек. Самой нижней была прослойка коричневого суглинка, смешанного с желтым суглинком с мелким известняковым щебнем и небольшим количеством мелких угольков. В верхней части прослойки залегали крупные необработанные известняковые камни, размещавшиеся без какого-либо порядка. Выше залегала прослойка аналогичной мощности, целиком состоявшая из стерильного желтого материкового суглинка. Последняя, самая верхняя прослойка насыпи состояла из интенсивно-черного суглинка. Такой цвет не характерен для отложений на площадке городища, но иногда подобный грунт встречался в заполнении ям эпохи раннего железного века за пределами вала, в заселенной зоне к югу от городища. Грунт этой прослойки имел затек в заполнение средневекового рва.

Все прослойки этапа 10 залегали на внешнем (напольном) склоне вала и имели в целом почти одинаковую толщину на всем протяжении от вершины вала до его подножия. В результате сделанной досыпки ширина вала превысила 20 м, высота достигла 4 м. Надо думать, что первоначальная высота была больше, поскольку вершина вала сохранилась плохо из-за нивелировочных работ и процессов почвообразования.

Надо заметить, что именно к финалу образования насыпи этапа 10 можно относить две маломощные почвенные прослойки на вершине вала (зафикс-

¹⁰ Определение доктора географических наук А.А. Гольевой (ИГ РАН).

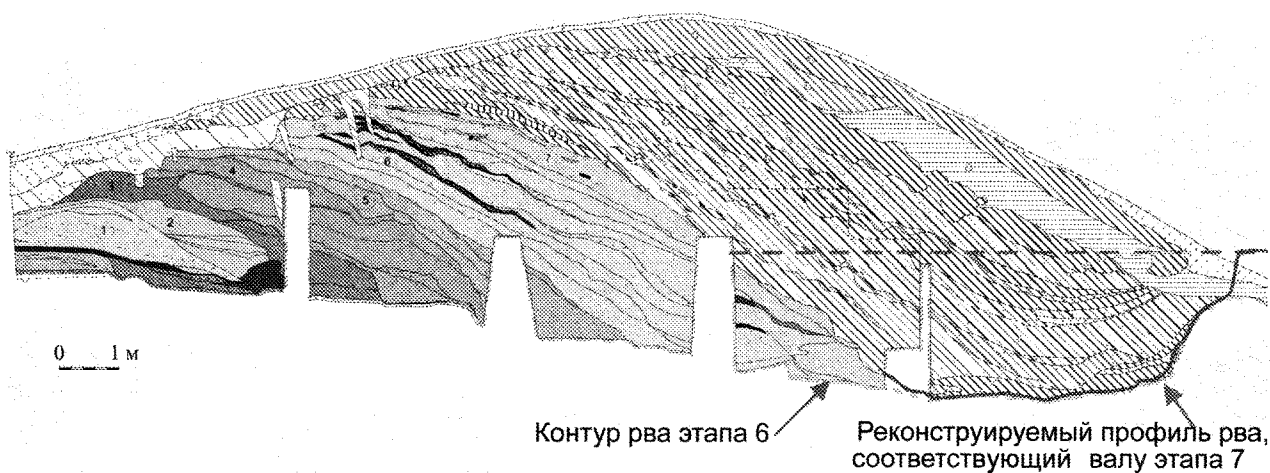

Рис. 15. Вал этапа 7 (см. цв. вкл.)

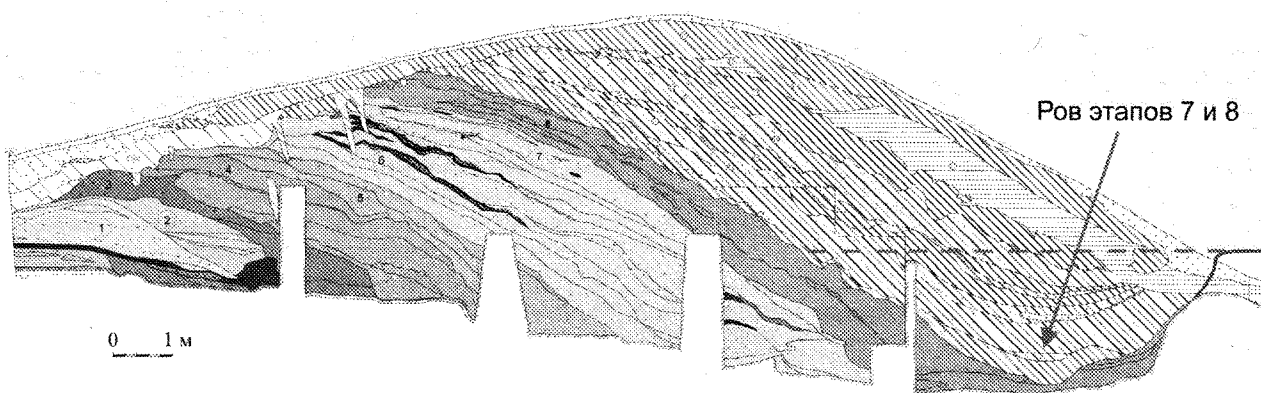

Рис. 16. Вал этапа 8 (см. цв. вкл.)

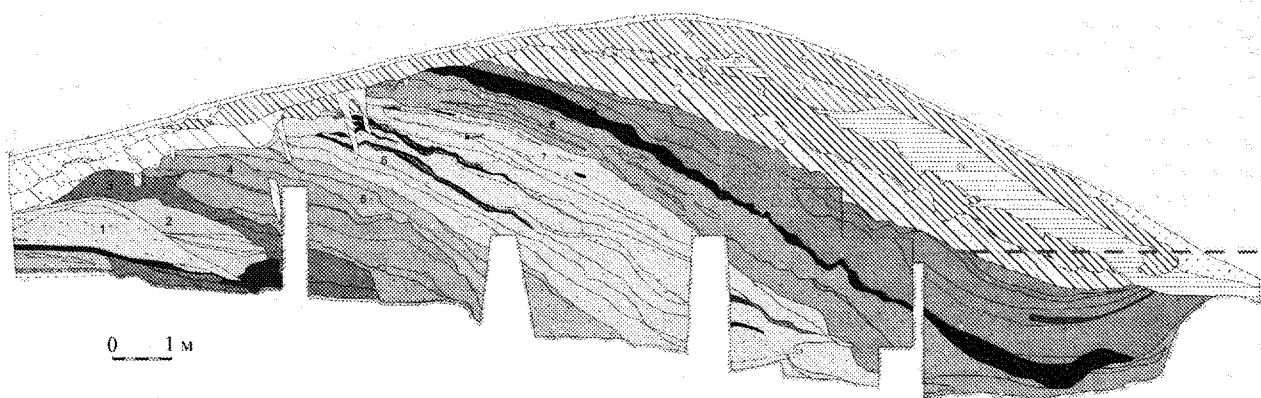

Рис. 17. Вал этапа 9 (см. цв. вкл.)

рованы в его юго-западном профиле), отмечающие краткие (в несколько лет) периоды почвообразования на поверхности вала¹¹.

В отличие от всех предыдущих прослоек, насыпь этапа 10 была крайне бедна керамикой (всего 155 об-

ломков, т. е. около трех образцов на 1 куб. м грунта) и вещевыми находками — 3 шт., причем одной из них был обломок железного ножа средневековой эпохи. Две другие находки относились к дьяковской эпохе — это обломок украшения из медного сплава и желез-

¹¹ См. подробнее об этом в статье А.А. Гольевой в настоящем сборнике.

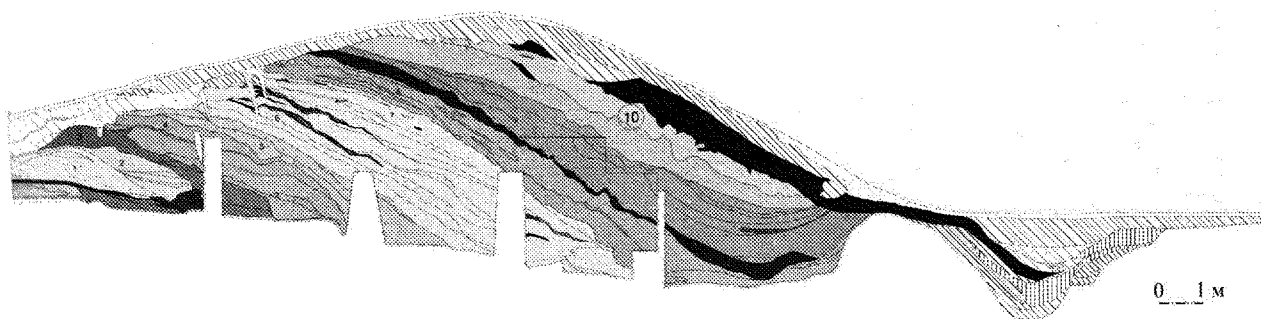

Рис. 18. Вал этапа 10 (см. цв. вкл.)

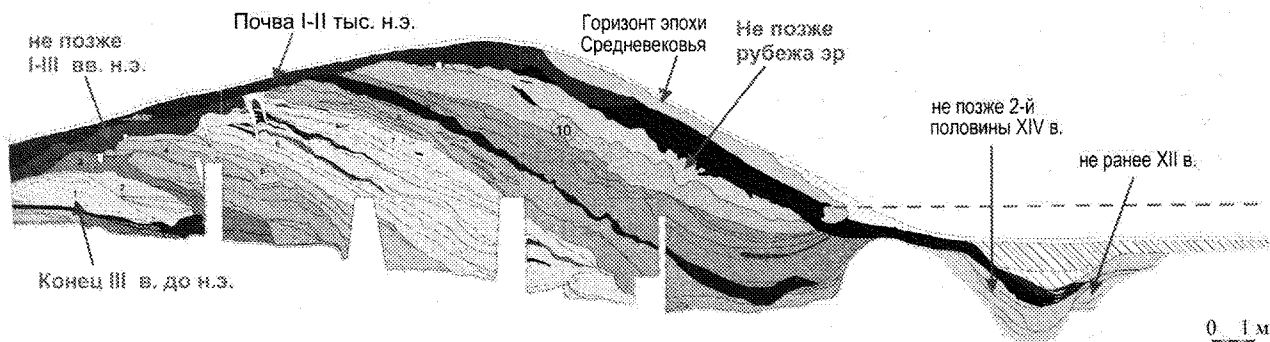

Рис. 19. Сводный разрез вала (см. цв. вкл.)

ный наконечник стрелы с раздвоенным черешком (в виде ласточкиного хвоста), относящийся к типу 5 по К.А. Смирнову (1974. С. 34). Подобные наконечники датируются IV–III вв. до н.э.

Керамический материал из насыпи этапа 10 в основной массе относился к дяковскому времени, но даже среди него полностью отсутствовали обломки лощеной и профилированной позднедяковской посуды, т. е. он весь относился к раннедяковской эпохе. Присутствие в этой насыпи четырех обломков средневековой керамики XII–XVII вв. объясняется ее проникновением в грунт по кротовинам (в валу зафиксированы вертикальные кротовины глубиной до 3 м), но также заставляет думать, что поверхность именно этой, самой поздней, насыпи посещалась людьми в период появления средневекового Ростиславля. Но если на тыльной стороне вала и даже на его вершине сохранились переработанные перекопами остатки почвы, в которую были переработаны верхние части насыпей, то на внешнем склоне вала ни малейших следов почвообразования (кроме современного) не обнаруживается. Более того, между насыпью этапа 10 и современной почвой залегала еще одна прослойка, состоявшая из желтого материкового суглинки с включениями комков темно-серого суглинки (культурного слоя) толщиной 25–45 см. Судя по тому, что грунт верхней прослойки этапа 10 затек в ров XIV в. (рис. 18; 19) эта прослойка (своего рода

глиняная «рубашка» поверхности вала) была уложена на свое место не ранее конца XIV в. Следовательно, на более раннем этапе (в XII–XIV вв.) внешний вид вала был иным. Можно предполагать, что его внешняя поверхность была освобождена от дернины и какое-то время стояла обнаженной, что и повлекло ее размывание и осыпание в ров.

Средневековый этап использования вала остается не менее загадочным, чем дяковский. Судя по тому, что ров у подножия вала впервые возник уже в момент основания города (в XII в.; остатки этого раннего рва, перерезанного более поздним, фиксировались на общем разрезе – рис. 19), вал также использовался как фортификационное сооружение первыми насельниками древнерусского города. При этом не сохранилось никаких следов досыпок этого вала (кроме упомянутой прослойки материкового суглинки по внешнему скату) или подрезок, перекопов и т. п. Возможно, на вершине вала была установлена стена из полых клеток. Такое предположение базируется только на обнаружении на дне средневекового рва большого количества сгнившей древесины, которая могла относиться к материалу разрушенных клеток.

Вернемся, однако, к валу раннего железного века и рассмотрим керамический материал из различных этапов создания насыпи (табл. 2).

В насыпи этапа 1 доминирующими типами керамики были «штрихованная»¹² и гладкостенная, при-

¹² Так условно называем керамику с вертикальными или горизонтальными расчесами гребенкой по внешней (иногда внутренней) поверхностям, которую мы, разумеется, не соотносим с аналогичной по названию керамикой с территории Белоруссии, оставляя в стороне вопрос о ее генезисе. В литературе такую керамику для Поочья иногда характеризуют как имеющую «бороздчатое заглаживание» (Лопатина, 2009).

Таблица 2. Керамика из вала раннего железного века, шт. (%).

Этапы насыпи	«Штрихованная»	Гладкостенная	Сетчатая		Рогожная
			нитчатая	рябчатая	
Вал 1, 572 (100)	231 (40,4)	272 (47,6)	43 (7,5)	15 (2,6)	—
Валы 2–3, 414 (100)	87 (21)	250 (60,4)	49 (11,8)	18 (4,3)	1 (0,2)
Валы 4–6, 152 (100)	12 (7,9)	99 (65,1)	22 (14,5)	18 (11,8)	1 (0,7)
Вал 7, 449 (100)	11 (2,4)	229 (51)	112 (24,9)	61 (13,6)	—
Вал 8, 347 (100)	3 (0,9)	128 (36,9)	116 (33,4)	79 (22,8)	1 (0,3)
Вал 9, 982 (100)	13 (1,3)	333 (33,9)	458 (46,6)	113 (11,5)	42 (4,3)
Вал 10, 155 (100)	1 (0,6)	81 (52,3)	42 (27,1)	27 (17,4)	1 (0,6)

чем обе разновидности посуды отличались профилированным туловом (с вертикальными или отогнутыми наружу венчиками, выраженными плечиками) и орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. И та и другая посуда изготавливалась преимущественно из сильно запесоченной формовочной массы (песок очень мелкой фракции, вероятно, естественная примесь в глине), с очень незначительной добавкой мелкой дресвы. Наряду с этой преобладавшей посудой, представленной очень крупными обломками (едва ли не развалами горшков), здесь же встречено очень небольшое количество сетчатой керамики с «нитчатыми» и «мелкорябчатыми» отпечатками¹³. Эта керамика представлена, в основном, мелкими обломками, по которым трудно восстановить форму сосудов, но можно констатировать использование иных, не столь запесоченных, формовочных масс. Такой состав комплекса сближается с ранними материалами городищ «каширской» группы¹⁴, выделяемой В.В. Сидоровым, отличающейся от них существенно более высокой долей «штрихованной» керамики (Лопатина, 2009).

В насыпях этапов 2–3 количество «штрихованной» керамики резко снижается, а гладкостенной растет, при том что профилировка и другие характеристики этой керамики не меняются.

В насыпях этапов 4–6 состав керамического комплекса меняется весьма существенно. Доля «штрихованной» керамики падает до 8%, а среди гладкостенной (доля которой остается почти прежней – 65% вместо 60) количество профилированных образцов резко снижается и на смену им приходит слабопрофилированная керамика (сосуды с цилиндрическим верхом и усеченно-конической нижней частью) из формовочных масс с примесью крупной дресвы (с зернами поперечником 2–3 мм), почти не орнаменти-

рованная. Именно такая керамика хорошо известна на Ростиславльском городище по раскопкам построек 4 и 5 («длинного дома»). Доля сетчатой керамики в этом комплексе достигает уже 1/4.

В прослойках этапа 7 доля «штрихованной» керамики становится исчезающе малой, гладкостенной – снижается до 1/2 комплекса, а сетчатой – возрастает почти до 40%. При этом, как и прежде «нитчатая» керамика существенно преобладает над «мелкорябчатой».

В грунтах насыпи этапа 8 сетчатая керамика (56%) впервые начинает заметно преобладать над гладкостенной (37%). Почти такое же соотношение сохраняется и на этапе 9, единственным отличием которого от предыдущего является четырехкратное преобладание «нитчатой» керамики над «рябчатой» (ранее такое фиксировалось в грунтах этапа 1, но там выборка была слишком мала и потому недостоверна). Наконец, только в прослойках этого этапа становится хоть сколько-нибудь заметна доля «рогожной» керамики.

Наконец, на этапе 10 можно видеть новый рост доли гладкостенной посуды (до 52%) при сокращении участия сетчатой, внутри которой соотношение «нитчатой» и «рябчатой» керамики возвращается к обычному соотношению 1,5:1,0.

Совершенно очевидно, что разные этапы в возведении насыпи отражают несохранившуюся на самой площадке городища стратиграфию культурного слоя, однако какой временной промежуток охватывает эта своеобразная «стратиграфическая колонка» и насколько синхронен созданию насыпи использованный в ней культурный слой с керамикой и вещами? Ведь это зависело от того, откуда брался грунт.

Начнем с этапов 1–3. Керамический материал из насыпи этих самых ранних этапов может быть да-

¹³ Применяемая терминология и определения керамики из всех горизонтов насыпи вала согласованы с кандидатом исторических наук А.С. Сыроватко (Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна Московской обл.), принимавшем личное участие в статистической обработке комплексов и опубликовавшем наши статистические данные как по этим комплексам, так и по комплексам с площадки городища (Сыроватко, 2009. Табл. 5–9).

¹⁴ Керамика с гребенчатым орнаментом датируется по радиоуглеродной хронологии Дьякова городища в пределах V–IV вв. до н.э. или даже еще раньше, с рубежа IX–VIII вв. до н.э. (Кренке, 1995. С. 176).

тирован в пределах VI–V вв., самое позднее – IV в. до н.э., радиоуглеродные даты указывают на V–III вв. до н.э., а находка стеклянной бисерины – самое раннее на вторую половину III в. Примирить эти даты возможно лишь в том случае, если предположить, что возведение насыпи происходило после длительного перерыва в жизни городища, а для ее создания использовался культурный слой, отложившийся на площадке задолго до начала строительства. Тогда можно предположить, что вал действительно насыпался во второй половине – конце III в. В пользу именно такой интерпретации говорят существенные различия в соотношении групп керамики, встреченной в разных прослойках вала этапа 1 (*Сыроватко*, 2009. С. 131), создававшегося, несомненно, в непродолжительный отрезок времени. Но если грунт для насыпи брался из разных частей площадки, где залежали разновременные отложения, то неизбежно в разных его порциях материал оказался смешан в неодинаковых долях.

Конечно, можно допустить, что на Ростиславле такая керамика продолжала использоваться после того, как во всей дьяковской «ойкумене» она уже давно вышла из употребления, но различия между ней и той посудой, что обнаруживается в остальных горизонтах вала столь велико, что ни о какой постепенной преемственности, плавном переходе от одной традиции к другой не может быть и речи. Значит, произошла полная смена населения со сменой всех основных традиций материальной культуры. Поэтому очень трудно предположить, что вал начинался строиться носителями традиции, близкой «каширской» группе памятников, но «законсервированной» до III в. до н.э., а продолжателями этого дела (без заметного перерыва) стали носители уже совсем иных традиций. Эта гипотеза, конечно, не может быть совершенно исключена, но количество допущений в ней превышает порог доверия.

Интересно, что в этот начальный период в вал попадает большое количество навоза домашних животных (видимо, скапливавшегося на площадке городища), различных трав и тростника, которые сваливали большими массами на всю поверхность вала (и внешнюю, и внутреннюю), где они истлевали. Но всю эту гниющую массу даже не пытались куда-то удалить, и по прошествии небольшого времени просто завалили землей.

Культурный слой, использовавшийся для насыпей этапов 4–6 имел уже несколько иное происхождение. В насыпь вала попали незначительные остатки ранних (VI–IV вв. до н.э.) слоев, которые, видимо, еще сохранялись где-то на площадке, но значительную часть минеральной массы составлял материковый грунт, вынутый из постоянно расширявшегося на этих этапах рва. Материковый грунт смешивался или попросту перемешался с выбросами культурного слоя с площадки городища, причем последний был уже однозначно синхронен моменту возведения насыпи. Иначе говоря, на вал выносился культурный слой, только что отложившийся на городище, взятый буквально из-под ног. Отметим, что на этапе 6 впервые появляются следы сильного горения на по-

верхности вала (прокаленный грунт). По имеющимся данным невозможно сделать вывод о том, являются ли они следами пожара или результатом целенаправленных действий по «обжиганию» поверхности вала для укрепления его скатов.

Седьмой этап знаменует финальную фазу непрерывного переустройства вала, когда строителями постоянно перестраивался (расширялся) ров перед валом. Этот этап, возможно, завершился пожаром, оставившим мощную прослойку угля на значительной площади поверхности вала.

Восьмой этап демонстрирует уже иной подход к возведению вала: ров еще оставлен, но он уже не обновляется, а досыпка вала выглядит скорее как сбрасывание на его внешнюю сторону различного бытового мусора – угля, золы, разбитой керамической посуды, сломанных вещей. В то же время, основной объем насыпи все же составлял грунт культурного слоя с площадки городища. Другим изменением стало в это время преобладание сетчатой керамики над гладкостенной. И хотя существенных изменений в формах сосудов не произошло, это изменение явно отражает какие-то хронологические и культурные реалии того времени. За сменой отношения к фортификации и динамикой в традициях производства посуды вполне могли стоять какие-то изменения в составе населения.

Девятый этап маркирует нарастание тех тенденций, которые проявились впервые на этапе 8: ров не только не возобновляется – он сознательно засыпается культурным слоем, сбрасываемым с вершины вала на внешнюю его сторону. В результате защитные свойства вала заметно снижаются. Керамический комплекс остается точно таким же, каким он зафиксирован на этапе 8. Единственным отличием можно считать появление «рогожной» керамики (в виде нескольких горшков, один из которых сохранился целиком), носителями традиции производства которой считаются племена городецкой культуры, расселившиеся относительно недалеко от городища – ниже по Оке и на верховьях ее правых притоков. Данная керамика маркирует появление на городище носителей этой культуры (творцов керамики), но как велико было их число и культурное влияние, остается неясным.

Наиболее сложен для интерпретации этап 10. Почти полное отсутствие находок и статистически малорепрезентативное количество керамики не позволяют с полным доверием относиться к фиксируемому статистикой новому изменению в соотношении гладкостенной и сетчатой посуды. При этом ясно, что для создания насыпи брался культурный слой, хронологически очень близкий предыдущему этапу или синхронный этапу 7. В последнем случае брался более ранний культурный слой. Но где он мог сохраниться? Если бы его брали на площадке городища, то он был бы гораздо более насыщен культурными остатками. Поэтому гораздо более вероятным представляется использование строителями вала на этапе 10 грунта, срезанного за пределами городища – например к югу от него, где находилась неукреплен-

ная зона расселения, фиксируемая по редким ямам в материке и небольшому по мощности культурному слою. Однако у подножия вала этого слоя нет (сразу под дерном лежит материк), так что можно, предположить, что грунт срезался в непосредственной близости от вала. Тем самым создавалось нечто вроде рва (широкое понижение, увеличивавшее высотный разрыв между подножием и вершиной вала).

На какой период приходится последний этап досыпки вала? Радиоуглеродные даты, как было показано выше, помочь здесь не смогли (из-за недостоверности результатов анализа в лаборатории ИГАН). Остается опираться на данные стратиграфии и керамики. Напомним, что нигде в насыпи вала не были встречены обломки позднедьяковской керамики (как ложечной III–IV вв., так и профилированной первых веков н.э.). Зато такая керамика была встречена в остатках врезанных во внутренний склон вала построек и в перекрывавших этот склон горизонтах культурного слоя городища. Следовательно, весь вал был насыпан до I в. н.э. Если бы имело место обратное, то позднедьяковская керамика неизбежно попала бы в насыпь.

Если сравнивать соотношения гладкостенной и сетчатой керамики, то окажется, что этапам 2–3 близки материалы постройки 7, исследованной на площадке городища, а этапам 4–7 – материалы построек 4/5 и 8. Этапы 8–9 в этом смысле близки материалам постройки 3 и горизонта В слоя 1. Стратиграфически самой ранней является постройка 7. Выше залежали остатки построек 4/5 и 8, которые прорезались постройкой 3, перекрытой горизонтом В слоя 1. Таким образом, стратиграфия построек и слоев на площадке городища в целом соответствует стратиграфии вала. При этом самые поздние из указанных комплексов на площадке (постройка 3 и горизонт В слоя 1) датировались по вещевым находкам в пределах конца I тыс. до н.э. – рубежа эр. Вероятно, такую же дату надо предполагать и для позднейших горизонтов вала.

Если наши хронологические выкладки верны, то все 10 горизонтов насыпей вала были созданы в период от второй половины (конца?) III в. до н.э. – до конца I в. до н.э., т. е. не более чем за 200–250 лет. Тогда на каждый этап возведения насыпи приходится максимум по 25 лет (что близко средней продолжительность жизни поколения в ту эпоху). Даже если реальная продолжительность каких-то этапов была больше, ясно, что за такой короткий период поверхность насыпи не могла стабилизироваться и задерноваться. Именно этим и объясняется отсутствие в насыпи вала заметных следов дерна (за исключением невыразительных прослоек дернины, сформировавшейся за 1–5 лет). Это значит, что процесс насыпания вала в эти 200–250 лет был непрерывным, грунт насыпался ежегодно (а может быть даже ежедневно).

Это главный вывод, полученный в результате нашей работы. Но не единственный.

1. Откуда конкретно брался культурный слой для создания вала? Для этого, прежде всего, надо сравнить концентрацию находок и керамики в теле вала и культурном слое на площадке городища. При исследо-

вании вала было обнаружено 134 вещевые находки и 3070 обломков керамики (включая развалы). Находки составляют 36% всех находок из слоев раннедьяковского времени. Среди них костяные изделия составляют 43%, железные – 7,5%, из медных сплавов – 6%, керамические – 31%. Концентрация раннедьяковских находок в насыпях вала составляла в среднем 0,5 находки и 12 обломков керамики на кубический метр грунта, тогда как на площадке городища – 7 находок и около 100 обломков керамики на кубический метр. Однако надо учитывать, что на городище исследовались в основном заполнения построек, максимально насыщенные культурными остатками, а в составе грунта вала около 40% составлял материковый грунт, вынутый из рвов или срезанный на стороне и принесенный на вал. Если учесть эту поправку, то окажется, что концентрация находок и керамики в той доле вала, которая приходится на культурный слой, лишь немного уступает показателям городища – около 1 находки и 20 обломков керамики на кубический метр грунта. Следовательно, насыщенность культурного слоя, оставшегося на площадке городища и унесенного на вал, существенно различалась. Такая ситуация может объясняться тем, что культурный слой, относившийся на вал, брался не внутри построек, а за их пределами, внутри площадки городища, где, вероятно, размещались загон для скота. Видимо, в постройках вещей терялось и керамики разбивалось больше, чем на скотном дворе. Такое объяснение соответствует и отмеченному анализами грунта присутствию больших масс навоза животных в грунте, из которого сложен вал.

2. Вокруг вопроса о назначении валов городищ дьяковской культуры давно ведутся дискуссии. Материалы Ростиславля дают новый материал для обсуждения этой темы. По нашему мнению, защитное назначение вала Ростиславля не может вызывать сомнений: об этом свидетельствует наличие рва перед валом, серьезная крутизна склона и само наследование вала предшествующим частокольным линиям, отделявшим городище. В то же время, имеются большие сомнения в существовании на вершине этого вала каких-то дополнительных долговременных деревянных защитных сооружений. Версия частокольа отмечается тем, что нигде не удалось зафиксировать следы таких частоколов (обнаружены, правда, следы отдельный столбов, вбитых без четкой системы и на значительном отдалении друг от друга, но они никак не могли заменить частоколь). Да и какие долговременные сооружения можно себе представить на валу, который постоянно (ежегодно) досыпается и на поверхность которого выбрасываются массы трав, тростника, уголь и зола из очагов? В этом случае на гребне вала могли существовать только очень легкие (переносные?) ограды из жердей, досок. Но нужны ли они были? Если вал использовался как преграда для пешего противника или ограждение от диких животных, то никаких дополнительных конструкций на его гребне и не требовалось.

Получается, что вал Ростиславльского городища с самого начала создавался не только как фортифика-

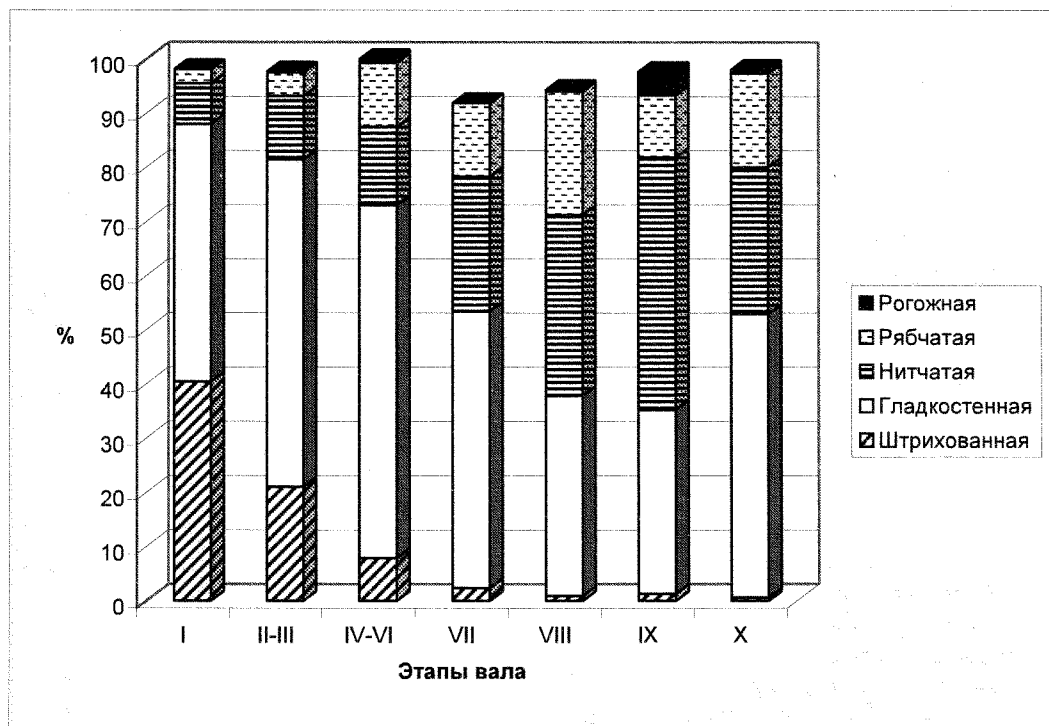

Рис. 20. Соотношение различных типов керамики в разных частях насыпи вала Ростиславля

кационное сооружение, но и как своеобразная свалка мусора, место сброса накопившейся на площадке грязи (навоза, гнилой древесины, углей из очагов и т. п.), т. е. нечто вроде зольников городищ степной и лесостепной зон. Только здесь зольник оказался совмещен с фортификационным сооружением. Судя по тому, что столь крупных валов, как на Ростиславле, известно не очень много, подобная практика создания фортификаций не была широко распространена в дьяковской культуре. Основной нерешенный вопрос сегодня – почему на одних городищах валы оставались крайне незначительными по размерам, на других – создавались многоярусные преграды, а на третьих (как Ростиславльское) воздвигались грандиозные сооружения.

3. На поставленный вопрос ответа пока нет. Зато получен ответ на вопрос, почему на площадке Ростиславльского городища практически отсутствует культурный слой раннедьяковского периода. Ранее предполагалось, что он был смыт вниз по склону эрозионными процессами, но раскопки на склонах показали, что объем сноса здесь не слишком велик. Теперь стало ясно, что этот слой просто не успевал накапливаться на площадке – его тотчас уносили на вал. Лишь после того, как вал перестал насыпаться, началось формирование культурного слоя на площадке (что и было зафиксировано при раскопках).

4. Если предлагаемая хронология вала верна, то получается, что в нем сконцентрирована информация о, в общем-то, очень небольшом отрезке жизни городища. Но именно в этот отрезок времени здесь происходила наиболее интенсивная строительная

деятельность – насыпался вал, был возведен «длинный дом». Судя по вещевому и керамическому материалу, в целом материальная культура жителей городища в этот период (200–250 лет) не претерпела заметных изменений. И все же во второй половине этого периода какой-то перелом в жизни поселения произошел. В фортификации он проявился отказом от возобновления рвов и даже полной их засыпкой, а в материальной культуре – довольно резкой сменой приоритетов при производстве керамики. Если до неизвестного события на городище гладкостенная керамика в целом несколько преобладала над сетчатой, то после него последняя стала доминирующей. Правда, на всем протяжении «эпохи насыпки вала» в составе сетчатой посуды наиболее распространенными были изделия с «нитчатой» фактурой отпечатков на поверхности, а «рябчатая» фактура использовалась в полтора-два раза реже. В это же время на городище внезапно появилась «рогожная» керамика, которой раньше здесь почти не было (рис. 20).

Между тем, в более поздних отложениях на площадке городища «мелкорябчатая» керамика неизменно преобладает над «нитчатой», при том что доминирует на поселении вновь гладкостенная посуда. Вероятно, это означает, что прекращение строительства вала совпало с еще одним переломом в жизни городища, когда «вернулась» гладкостенная керамика, а среди сетчатой «рябчатая» фактура стала более распространенной, чем «нитчатая». Что стоит за этими «переломами»? Поскольку, судя по первому из них, он произошел на протяжении жизни одного поколения, трудно увидеть в нем какое-то культурное «влияние»

извне. Скорее, все эти «переломы» отмечают резкие изменения мировоззрения и традиций в рамках одной культуры, т. е. смену населения, но при этом новое население было настолько культурно близким предыдущему, что изменения фиксируются только по не слишком заметным деталям. Значит, пришельцы появились не издалека, а были относительно близкими соседями. Можно видеть за такой сменой населения последствия межродовых (или межплеменных?) столкновений внутри однокультурного населения. Возможны и иные, не столь трагические, сценарии событий, но в любом случае смену традиций логичнее объяснять сменой населения (вряд ли полной при этом), нежели абстрактными «влияниями».

5. Наш анализ керамического материала из вала Ростиславля в целом подтверждает выводы А.С. Сыроватко, лично знакомого с этим материалом (Сыроватко, 2009. С. 126–134, 160–162), однако трудно согласиться с его оценкой керамики из вала и рвов Ростиславля как не совсем чистого комплекса. На наш взгляд, такими являются (возможно) только комплексы из насыпей этапов 1–3, создававшихся из грунта с более ранним материалом. Все остальные насыпи вала содержали как раз чистые (едва ли не «закрытые») комплексы, поскольку они не подвергались перекопам (за исключением кротовин и грабительских ям, очень мало затронувших ядро вала).

Действительно, материальная культура Ростиславля в раннедьяковское («до-вальное» и «вальное») время близка городищам «каширской» группы. Причем эта близость еще больше, чем констатировано, поскольку в слое 2 Ростиславля повсеместно доминировала не «рябчатая», как указано А.С. Сыроватко (2009. С. 160), а именно «нитчатая» разновидность сетчатой керамики (ср.: Сыроватко, 2009. Табл. 5).

6. И последнее наблюдение. Вал перестал насыпаться около рубежа эр. Судя по тому, что на его поверхности пока не обнаружена позднедьяковская керамика, в I–IV вв. н.э., когда жизнь здесь продолжалась, вал как фортификационное сооружение не использовался либо воспринимался как естественное укрепление (крутой откос). Зато он использовался для размещения на его внутреннем скате построек, врезавшихся в насыпи, различных ям, размещения очагов. Иначе говоря, происходило освоение каждого пятка на очень небольшой площади городища. Тогда же особенно активно стало использоваться и пространство за пределами вала, к югу от городища, на котором стал откладываться культурный слой. Сейчас он фиксируется на протяжении более 50 м к югу от вала.

Таковы некоторые первые выводы и наблюдения, полученные в результате исследований «Ростиславльского кургана».

Литература

- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М.
- Коваль В.Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Коваль В.Ю., 2001. Ростиславльское городище раннего железного века // ТАС. Вып. 4. Том II. Тверь.
- Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186.
- Кренке Н.А., 1995. Чертов городок – селище железного века в окрестностях села Коломенского // СА. № 3.
- Крис Х.И., 1986. Вал Боршевского городища // КСИА. Вып. 186.
- Лопатина О.А., 2009. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века // АП. Вып. 5. М.
- Медведь А.Н., 2009. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследования) // АП. Вып. 5. М.
- Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А., 2009. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // АП. Вып. 5. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Сыроватко А.С., 2009. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.

V.Yu. Koval'

The "Rostislavl kurgan" (the Early Iron Age rampart at Rostislavl)

Summary

In 2004–2009 we excavated the rampart of the Dya-kovo-culture site at Rostislavl (in the south of Moscow oblast). Radiocarbon dating, pottery and artifacts all indicate that the rampart had been built in the second

half of the 3rd – the 1st cc. BC. Within the mound of rampart we can identify 10 stages, and the duration of each one roughly equals the lifespan of one generation at the site.

Приложение 1

Г.И. Зайцева

(лаборатория археологической технологии ИИМК РАН)

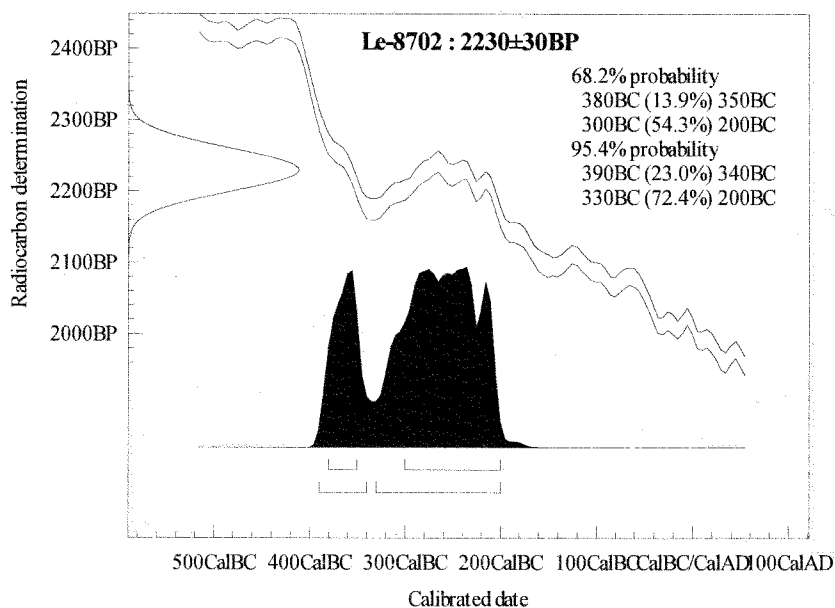
Радиоуглеродные даты образцов из Ростиславля

Le-8702

2230±30 (BP)

Ростиславль-2006. Раскоп IV (уч. «Г») Кв. 36,
гп. +140 см (горизонт 9. Уголь сгоревшей конструкции).

Интервалы калиброванного календарного воз-
раста:

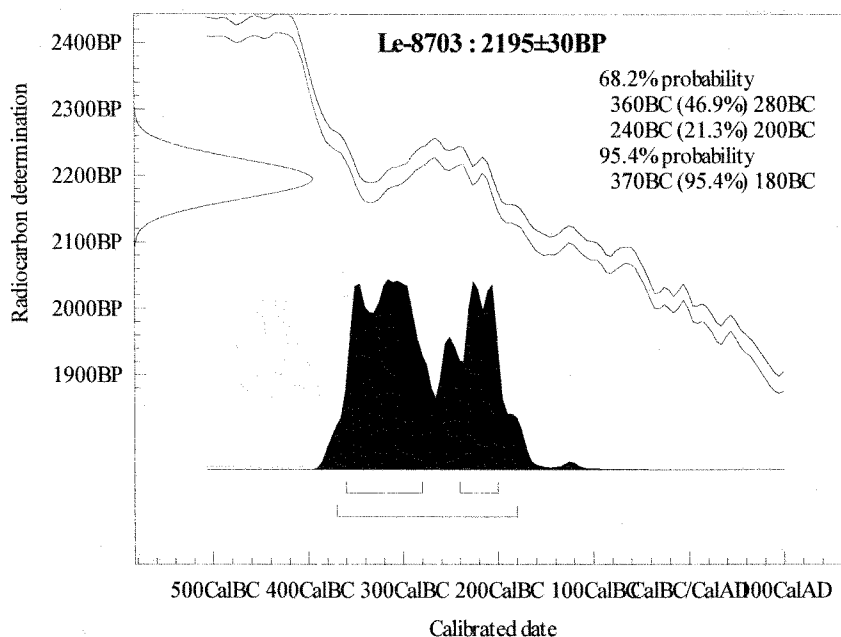

Le-8703

2195±30 (BP)

Ростиславль-2007. Раскоп V (уч. «И») Кв. 61,
гп. -30/-40 см. Вал (горизонт Д). Уголь.

Интервалы калиброванного календарного воз-
раста:

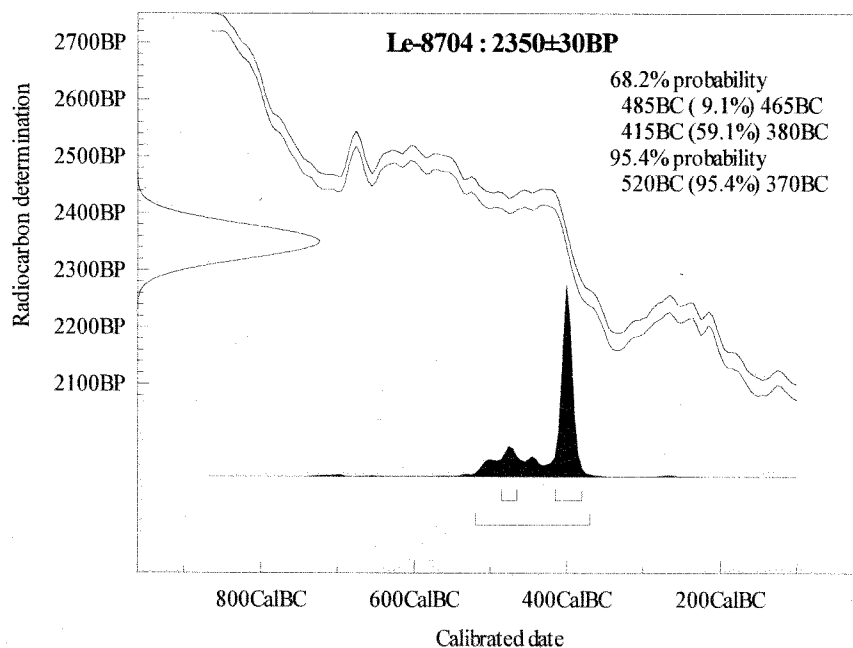

Ле-8704

Ростиславль-2007. Раскоп V (уч. «И») Кв. 60,
гл. -50/-60 см. Вал (горизонт Д). Уголь

2350±30 (BP)

Интервалы калиброванного календарного воз-
раста:

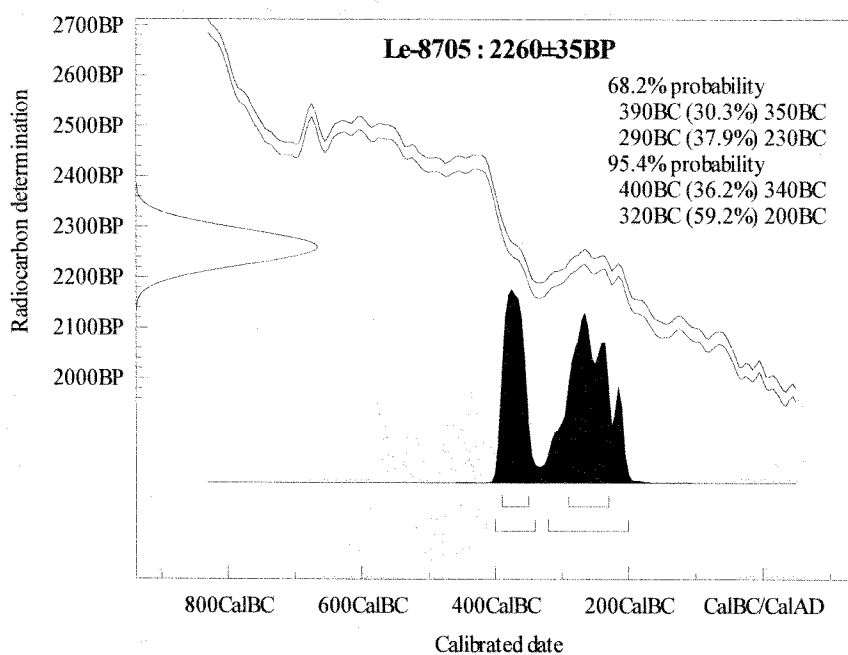

Ле-8705

Ростиславль-2007. Раскоп V (уч. «И») Кв. 60,
гл. -60/-70 см. Вал (горизонт Д). Уголь.

2260±35 (BP)

Интервалы калиброванного календарного воз-
раста:

Приложение 2

Н.Н. Ковалюх
(киевская лаборатория радиоуглеродного анализа при НЦГИ НАНУ)
Результаты радиоуглеродного датирования образцов из Ростиславля

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP	BC / AD
1	2	3	4	5
4	Ростиславль-2006. Раскоп IV. +240 см. Дерево обугленное	Ki – 14728	2250 ± 40	1σ 390–350, 300–230, 220–200 BC 2σ 400–200 BC
5	Ростиславль-2007. Раскоп V (уч. «И»), гл.-60 / -70 см. Вал (горизонт Д). Уголь	Ki – 14729	2340 ± 30	1σ 408–382 BC 2σ 520–350 BC
6	Ростиславль-2007. Раскоп V (уч. «И») Кв.60, гл. -50 / -60 см. Уголь	Ki – 14730	2360 ± 40	1σ 520–380, BC 2σ 760–680, 550–360 BC

Приложение 3

Синхронизация этапов и горизонтов вала

Этапы	Горизонты раскопа IV	Горизонты раскопа V
1	13	Д
2	12	Г (нижняя часть)
3	11 (нижняя часть)	Г (верхняя часть)
4	11 (верхняя часть)	В (нижняя часть)
5–6	10-Б	В (верхняя часть)
7	10-А	Б?
8	9	А?
9	6–8	-
10	3–5	-

А.А. Гольева

Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук

Городище раннего железного века Ростиславль расположено на юго-востоке Московской области, в Озерском районе, на правом берегу реки Ока (рис. 1). Само городище находится на оконечности вытянутого мыса (Коваль, 2000. С. 26–31), с поперечным всхолмлением высотой до 6 м, простирающееся от одного до другого склона, практически перегораживающее мысовую часть городища от остального коренного берега. Наличие в его теле обломков керамики и других артефактов однозначно указывает на искусственный генезис всхолмления, которое воспринималось как оборонительное сооружение, созданное для защиты жителей городища (Коваль, 2000. С. 1–29; Медведь, 2009. С. 448–454). Есть также гипотеза, что такие насыпи служили границей, отделяющей святилище от остальной территории (Гусаков, 2004. С. 98–108). Во всех этих работах используется термин «вал», который имеет следующую смысловую нагрузку – искусственно созданное всхолмление вытянутой формы, созданное для обозначения какого-то рубежа, границы, с возможной оборонительной целью. В данной работе под термином «вал» будет подразумеваться только то, что сооружение создано людьми, имеет вид вытянутого и узкого, относительно длины, всхолмления. Вопрос, зачем данное сооружение было сделано, не входит в задачи работы.

В 2005–2009 гг. Ростиславльской экспедицией Института археологии РАН¹ проводились археологические работы на этом сооружении, была сделана полная прорезка вала (раскоп IV) и дополнительная врезка в его западный край (раскоп V). Раскопки выявили сложное строение насыпи вала, позволили выделить этапы его создания (Медведь, 2009, С. 448–454)².

Поскольку толща насыпи представляла собой сложное чередование слоев, прослоев и линз различного цвета и размерности, были проведены естественнонаучные исследования для определения генезиса этих прослоев и линз. Образцы отбирались сериями вертикальных колонок на разных стенках всех археологических разрезов. Было изучено пять колонок образцов

(по 14–22 образца в каждой колонке), расположенных с внутренней и внешней стороны вала, а также отдельные образцы из различных слоев. Всего образцы отбирались в восьми пунктах (рис. 2).

В статье обобщен весь имеющийся аналитический материал. Большое количество изученных образцов в каждой колонке при пятикратной повторности с учетом дополнительных данных по отдельным слоям делает полученные данные статистически достоверными. Это позволяет делать выводы относительно генезиса как отдельных слоев, так и всего вала на разных этапах его возведения, высказывать предположения относительно функциональной значимости этого сооружения.

Методы исследования

В работе использовался комплексный подход, включающий изучение морфологии слоев, их цветности, характера границ непосредственно во время раскопок, а также проведение химических и микробиоморфных анализов. Среди обширного блока химических анализов в почвоведении наиболее информативными при работе на археологических объектах являются количественные определения валового фосфора и органического углерода (Гольева, 2009а. С. 56–59; Гольева, Малышев, 2003. С. 124–129). Оба этих элемента относятся к биофильным, т. е. отражают воздействие биологического фактора на объект. Благодаря человеку происходит искусственная аккумуляция этих элементов в слоях бытования, что позволяет диагностировать антропогенно преобразованные слои спустя длительный промежуток времени (Гольева, 2008б. С. 78–82). Микробиоморфный анализ также характеризует органическую составляющую образца, но несколько с других позиций (Гольева, 2008а. С. 187–240). Итоговая характеристика антропогенного вклада в генезис образца создается при сопоставлении данных двух независимых способов исследования (химический и микроскопический), что позволяет получать более достоверные выводы,

¹ Руководитель экспедиции к.и.н. В.Ю. Коваль.

² См. также статью В.Ю. Коваля в настоящем сборнике.

Рис. 1. Городище Ростиславль на карте Московской области

чем при использовании какого-либо одного метода. В ряде образцов дополнительно определялось содержание углерода карбонатов, поскольку морфологический облик отдельных линз указывал на использование карбонатных блоков при каких-то врезках в толщу вала жителями городища.

Результаты исследований

Данные химических и морфологических анализов

Раскоп IV, участок «Г» (рис. 3)

На раскопе IV (Г) в верхней части центра вала были выявлены три тонких буровато-серых прослоя. Морфологически верхний и нижний гумусированный прослой имели диффузную нижнюю границу, в окраске прослоев преобладал серый цвет, что говорило в пользу природной, почвенной гипотезы формирования этих слоев. Второй, промежуточный прослой имел более интенсивную бурю окраску и резкую нижнюю границу, что не свойственно естественным

почвенным горизонтам. Исследование этих образцов показало, что второй образец существенно отличается по своим свойствам от двух других: он содержал значительно меньше гумуса, но при этом обогащен валовым фосфором и минеральным углеродом. Эти различия свидетельствуют о разном генезисе выделенных прослоев. Верхний и нижний прослой – это погребенные гумусовые горизонты почв, т. е. фиксируются какие-то кратковременные периоды покоя, преобладания природных процессов почвообразования. Промежуточный прослой, скорее всего, это полностью разложившаяся органика, находившаяся на поверхности вала. Довольно высокие количества валового фосфора характерны, например, для дерева. Большое количество карбонатов (известняка) свидетельствует об участии известняка в процессе образования этого прослоя.

В раскопе IV наблюдается четкая смена различных этапов создания вала, который регулярно достраивали, увеличивая в размерах и сдвигая наружу. Здесь

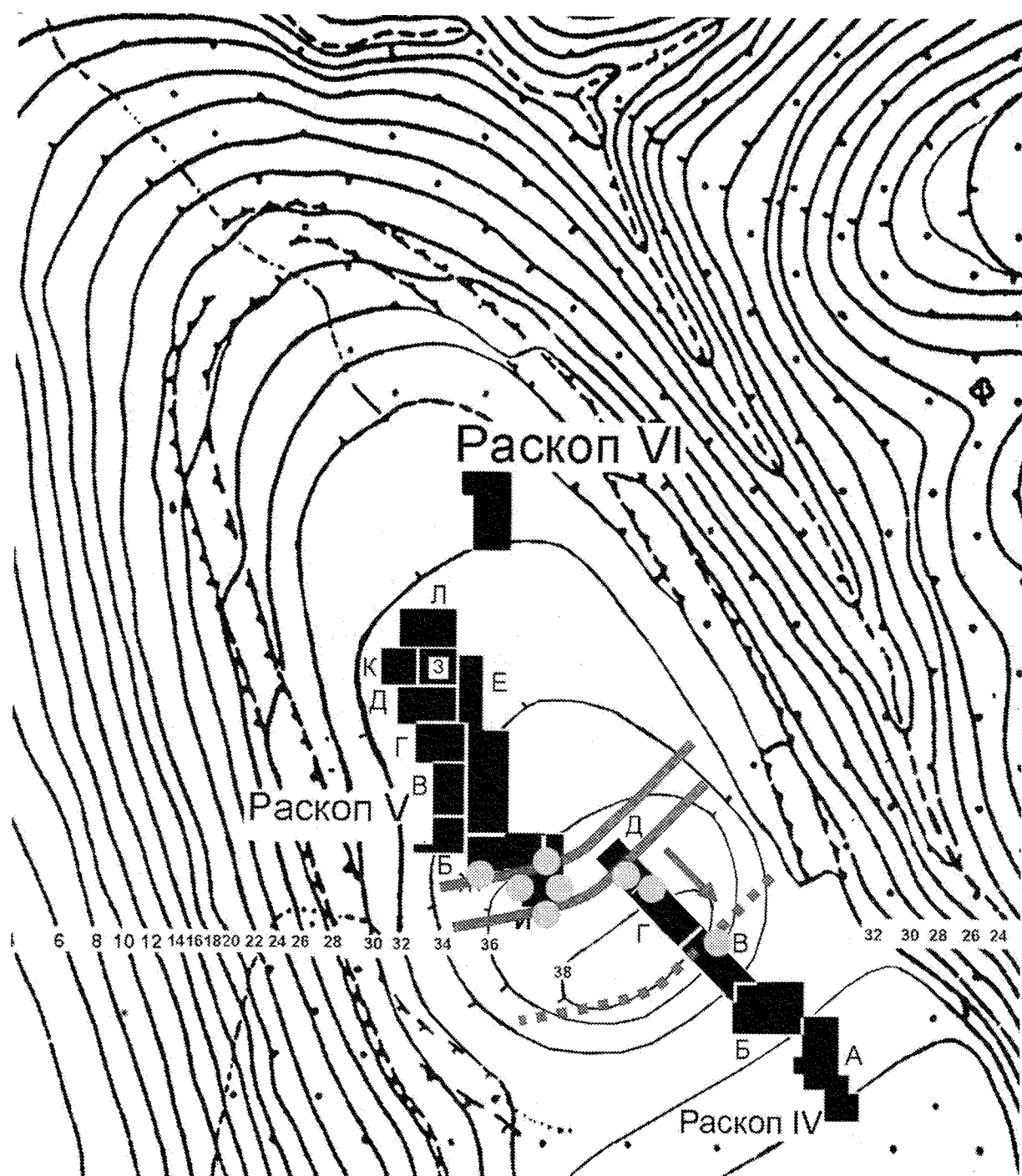

Рис. 2. Городище эпохи раннего железа с валом (схема В.Ю. Коваля)
Стрелкой показано направление расширения насыпи вала; кружками обозначены участки отбора проб

выявлены два периода почвообразования – этапов относительно стабильной поверхности. Продолжительность этих периодов была небольшой – порядка трех-пяти лет, поскольку гумусированные слои имеют малую мощность – до 3 см. Всего прослоев различной мощности и цветности на участке «Г» много, но характер их нижних границ не позволяет считать эти прослои почвенными горизонтами.

Раскоп IV, ЮЗ и СВ стенки раскопа (рис. 4, Б, В)

Исследованы образцы двух колонок из различных стенок раскопа: юго-западной и северо-восточной. В обеих колонках определялось содержание органического углерода и валового фосфора. Результаты анализов представлены на рисунке 4.

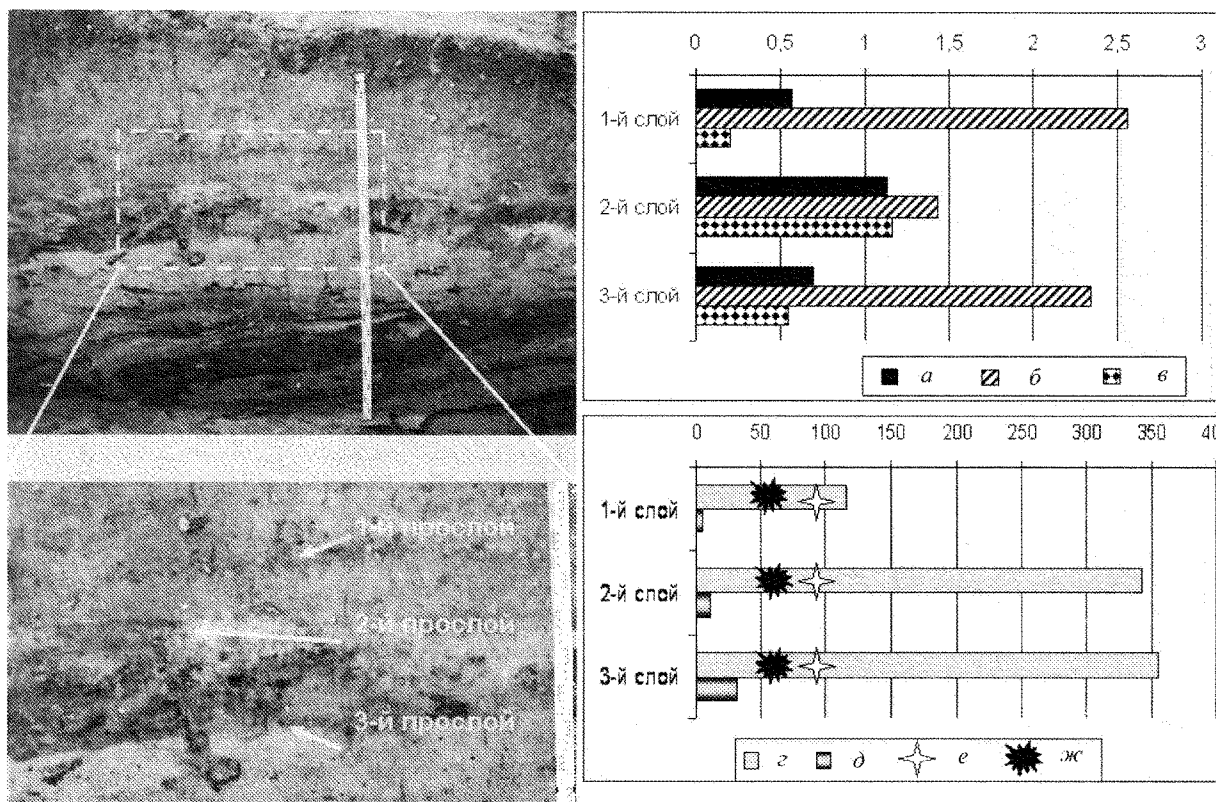

Рис. 3. Облик, химические и микробиоморфные характеристики темных прослоев на участке «Г» раскопа IV

а – фосфор, %; б – органика, %; в – карбонаты, %; г – фитолиты, шт.; д – диатомовые, шт.; е – фитолиты культурных злаков; ж – фитолиты тростника

Химические свойства обеих колонок сопоставимы, поэтому можно дать общее заключение. Все образцы имеют сильнощелочную реакцию почвенных растворов, что не нормально для почв нашей природной зоны, но типично для объектов, созданных человеком. Подщелачивание происходит за счет значительных примесей различных компонентов (органических и неорганических), формирующих устойчивую щелочность. По содержанию валового фосфора, образцы 1–4 – это погребенная почва, выше – различные по генезису слои насыпей вала. Практически во всех слоях фосфора много, т. е. это всегда были культурные слои. Некоторым исключением является образец 7 из СВ профиля, где содержание органики и фосфора соответствует данным для поверхностных горизонтов почв.

Раскоп V, участок «И», южный профиль

В стенке южного профиля раскопа V было определено содержание валового фосфора в 17 образцах из прослоев и линз разного цвета (рис. 5, А, Б). Отсчет образцов идет снизу вверх.

Минимальные количества фосфора выявлены в образце 1 (материк), что типично для минеральных горизонтов почв. Количество фосфора варьирует в остальных слоях, различаясь иногда более, чем на порядок, но все образцы содержат фосфора больше

требуемого для природных объектов. То есть все эти слои созданы искусственно из материала культурных слоев с высокой долей растительной и животной органики.

Раскоп V, участок «И», восточный профиль

В течение двух полевых сезонов проводились работы по исследованию основания вала на участке «И» раскопа V. В 2006 г. были отобраны образцы из верхней части насыпи вала, в 2007 г. – из нижней. Образцы для исследования в 2007 г. отбирались на том же участке, где и в предыдущем году и являлись продолжением общей колонки всей толщи вала. Таким образом, в результате была создана единая сквозная колонка серии образцов из различных слоев насыпи вала. Всего рассмотрено 22 образца (нумерация образцов идет снизу вверх от материка до современной поверхности, а глубина прослоев в см приводится сверху вниз) (рис. 6, А).

В толще вала на отметках минус 82 – минус 92 см под серым прослоем (образец 18) находится белесовато-кремовый рыхлый сгусток, который в поле был диагностирован как сильно разложившийся известняк. Для уточнения этого вопроса было проведено определение содержания минерального углерода как самого образца, так и золистого слоя непосредственно под ним (образец 17). Содержание мине-

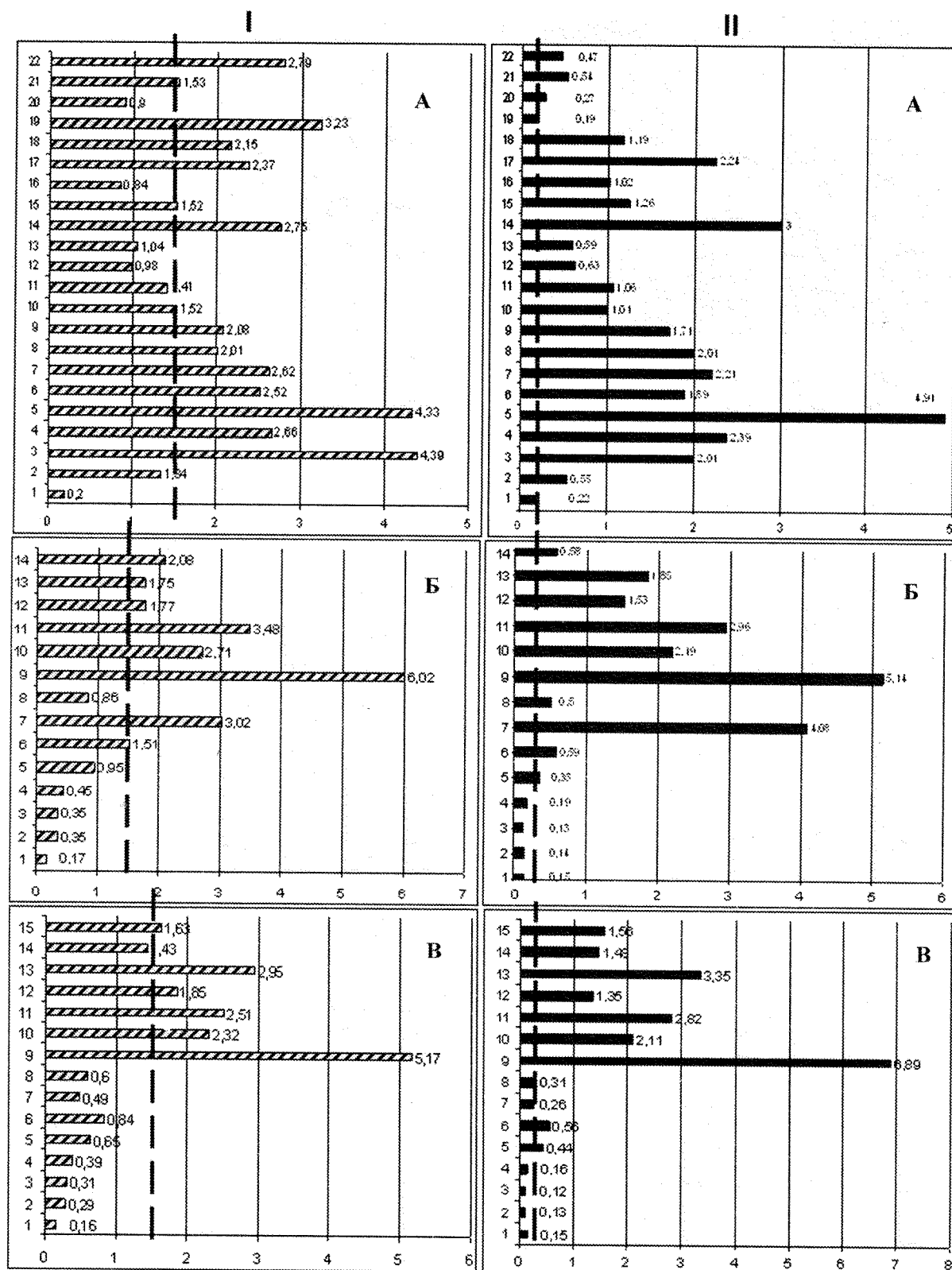

Рис. 4. Химические свойства насыпей различных участков вала

I – содержание и распределение органического углерода, %; II – содержание и распределение валового фосфора, %;
 А – раскоп V, восточный профиль; Б – раскоп IV, юго-западный профиль; В – раскоп IV, северо-восточный профиль.
 Пунктиром обозначены предельные значения содержания элементов в верхних горизонтах зональной почвы

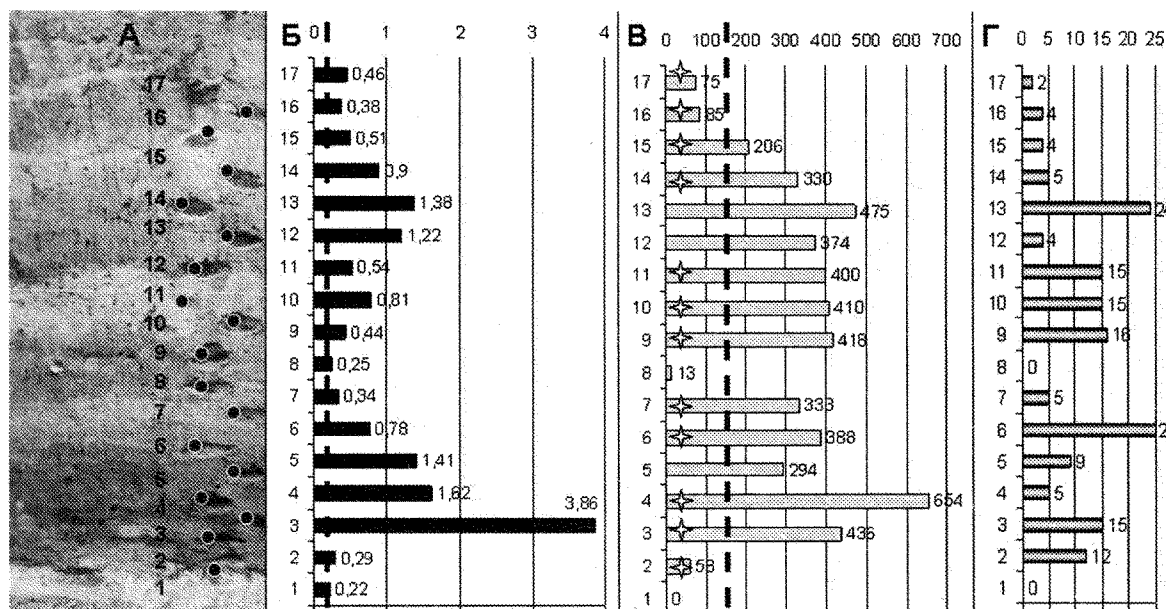

Рис. 5. Схема отбора проб (А), состав и распределение валового фосфора (Б), количество фитолитов (В) и диатомовых водорослей (Г) в южном профиле раскопа V

Пунктиром обозначены предельные значения содержания элементов в верхних горизонтах зональной почвы; звездочкой – наличие фитолитов культурных злаков

рального углерода в самом образце оказалось очень велико – 9,06%, а если сделать пересчет с углерода на известняк карбонатов, то эта величина возрастает до 20,6%. Это однозначно свидетельствует, что белесовато-кремовый сгусток является известняком, сильно разрушенным кислыми почвенными растворами. Содержание минерального углерода в нижележащем слое велико – 1,56%, но это существенно меньше, чем в расположенном над ним известняке. Очевидно, происходил процесс разрушения известняка и обогащения карбонатами нижележащей толщи.

Вся исследованная колонка имеет нейтральную в верхней части и щелочную в нижней реакцию почвенных растворов, что не характерно для природных зональных кислых почв. Переход от нейтральной к щелочной среде фиксируется, начиная с известкового рухляка. Таким образом, за прошедшие тысячелетия, под воздействием кислых природных растворов, известняковый камень, который положили на низ врезки в вал, сильно разрушился и стал рыхлым. Вымываемые из него карбонатные соединения обогащали карбонатами нижележащие слои, подщелачивая их. Этот процесс типичен в более южных регионах, где в почвах присутствуют естественные скопления карбонатов. В данном случае известняк был принесен со стороны, но все остальные процессы преобразования грунта, изменения его химических свойств имеют природный диагенетический характер. Так же очевидно, что в процессе создания насыпи люди активно и регулярно использовали известняк, поскольку карбонатами обогащены не только слои под камнем, но и вся толща насыпи. Не содержат карбонатов только

самые нижние слои – материковый или минеральный горизонт исходной породы и слабо сохранившийся иллювиальный горизонт исходной подзолистой почвы.

Содержание органического углерода, его распределение по колонке типично для органо-минеральных слоев: максимальные количества соответствуют горизонтам и слоям, обогащенным гумусом (верхние горизонты почв, органические тлены, золистые слои) (рис. 4, А). Наименьшие значения отмечены в самом нижнем горизонте – переходному к почвообразующей породе.

Распределение валового фосфора в основном коррелирует с таковым для органического углерода, но есть и некоторые отличия. Так, серия прослоев насыпи содержит фосфора больше, чем современная почва, при этом содержание элемента с глубиной возрастает, достигая огромных величин в образцах 3 и 5. Можно предположить, что насыпь создавалась за счет материала культурного слоя, т. е. на момент создания этой насыпи, участок уже был длительное время обжитым. Аномально высокие количества валового фосфора в двух образцах (3 и 5) могут быть объяснены присутствием разложившейся животной органики. Минимальные значения по фосфору, как и по другим соединениям, характерны для самого нижнего горизонта, который является переходным к почвообразующей породе. Но и в этом горизонте фосфора больше, чем должно быть для этой породы (материка). Некоторое увеличение значений по валовому фосфору в образце 1 однозначно связано с обилием фосфора в вышележащей толще – зафосфачиванием всей толщи насыпи вала. В подобных случаях

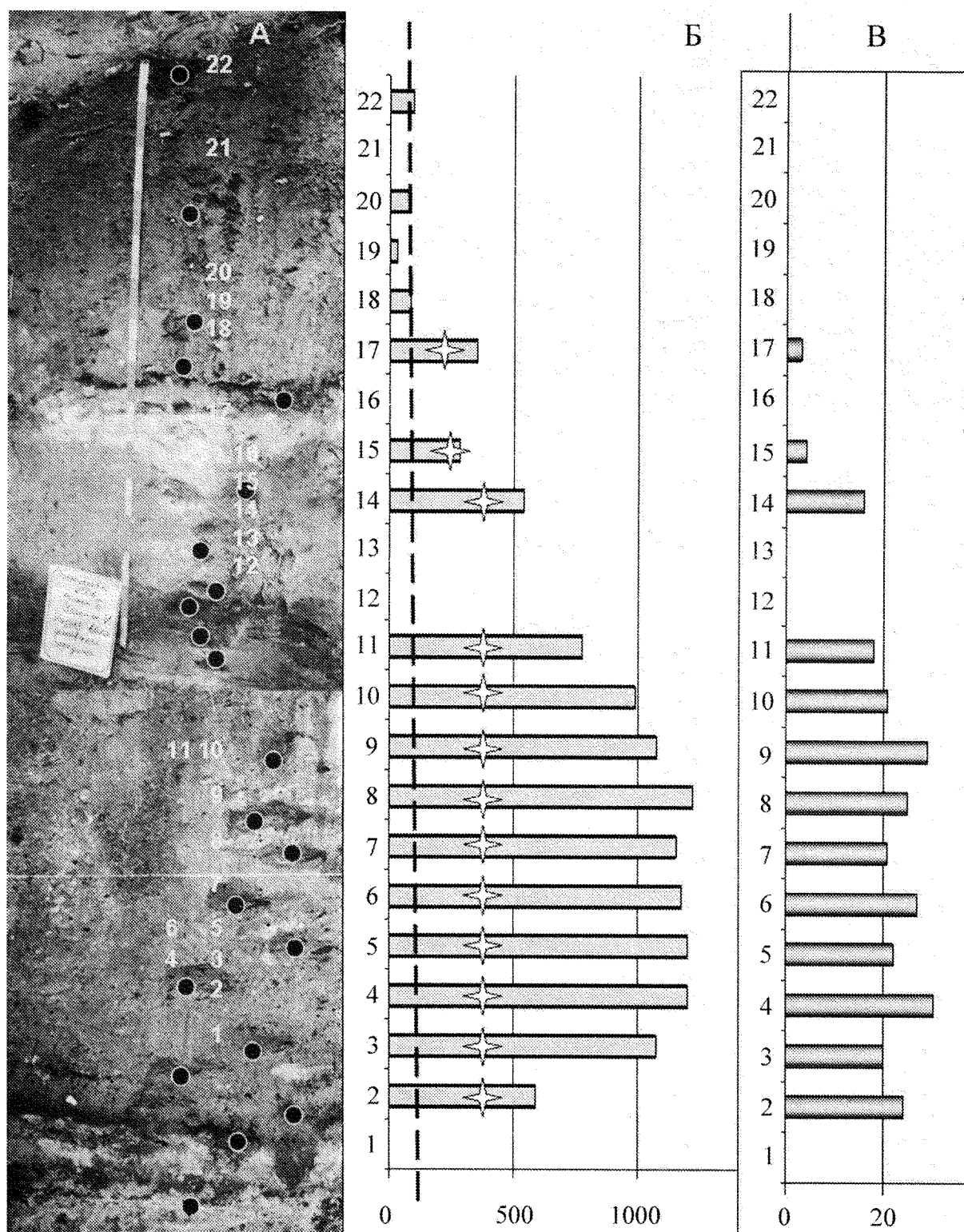

Рис. 6. Схема отбора проб (А), состав и распределение фитолигов (Б) и диатомовых водорослей (В) в сводной колонке насыпей вала восточного профиля раскопа V, участка «И»
Пунктиром обозначены предельные значения содержания элементов в верхних горизонтах зональной почвы; звездочкой – наличие фитолигов культурных злаков

избыток фосфора, который не может больше осаждаться химическим и хемосорбционным путем за счет полного насыщения фосфором, мигрирует вниз по профилю, вызывая зафосфачивание нижних слоев (Гольева, 2008б. С. 78–82). Этот процесс хорошо изучен для пахотных горизонтов современных почв. Очевидно, что в культурных слоях с обилием фосфора данный процесс также имеет место.

Основной вывод, получаемый по данным химических анализов следующий – вал создавался за счет антропогенно преобразованных грунтов – культурных слоев уже существовавшего на тот момент поселения. Дополнительно к этому, люди использовали известняк, возможно, в виде камней, которые со временем разложились, обогатив нижележащую толщу карбонатами. В двух местах (образцы 3 и 5) можно говорить о разложившейся животной органике.

Микробиоморфные исследования

Раскоп IV, участок Г (рис. 3)

1-й гумусированный прослой. Образец содержит большое количество обугленного растительного детрита, аморфной органической массы, фитоцитов, крупных кутикулярных слепков трав. Также встречено небольшое количество панцирей диатомовых водорослей, одна спикула губки, и значительные количества грибных гифов, копролитов и личинок почвенной фауны, пыльцы трав. Количество фитоцитов типично для самых верхних горизонтов почв. Состав фитоцитарного комплекса сложносоставной: встречаются формы фитоцитов лесной, луговой, сорной, водной флоры, культурных злаков. Значительная часть фитоцитов обуглена.

Вывод по исследованному образцу. Это, с одной стороны, типичный верхний почвенный слой, где росли различные травы, шли процессы гумусообразования. Растения были сожжены. Но, поскольку в составе фитоцитарного комплекса встречаются очень разные растения, которые не могут произрастать вместе на поверхности вала, скорее всего, некоторые растения были для сжигания принесены дополнительно. После этого поверхность была некоторое время открыта, проросли отдельные травы (часть фитоцитов не имеет следов обугливания), осела пыльца (она полностью уничтожается при высоких температурах), появилась почвенная биота (грибной мицелий и личинки почвенной фауны также уничтожаются при высоких температурах), т. е. восстановились процессы почвообразования.

2-й гумусированный прослой. Образец содержит много травянистого детрита, аморфной органической массы, кутикулярных слепков трав, обилие фитоцитов. Детрит имеет бурую окраску, т. е. шел процесс естественного разложения (гниения) органики. Все диатомовые водоросли имеют целые панцири, хорошо сформированы, т. е. они не переотложены в сухом состоянии, а были принесены или со свежими стеблями водолюбивых растений, или вся растительная масса поливалась водами (это была не дождевая вода, а из водоемов). Фитоцитов существенно больше, чем

должно быть в поверхностных горизонтах почв, значит, имела место искусственная концентрация различных трав. Состав фитоцитарного комплекса сложносоставной: встречаются формы растений лесной, луговой, водной флоры; много фрагментов мхов.

Вывод по исследованному образцу. Слой является не почвенным – это искусственно созданный настил (прослой) из значительных объемов разнообразных трав, которые разлагались на данном месте (процесс гниения). В пользу данного предположения служит отсутствие обугленных частиц, общий бурый цвет детрита, большое количество целых (это очень важно) панцирей диатомовых водорослей. Отсутствие признаков почвообразования (корней трав, гифов грибов и пр.) указывает на то, что формирования почвы или просто травянистой дернины в данном слое не было.

3-й гумусированный прослой. Микробиоморфный комплекс образца имеет много общих черт с обоими предыдущими слоями: обилие крупного обугленного детрита, обугленных кутикулярных слепков, фитоцитов и аморфной органики, много целых панцирей диатомовых водорослей и корней трав. При этом среди диатомовых встречаются как одиночные бентосные формы, так и планктонные колонии. Количество фитоцитов превышает допустимые нормы для поверхностных почвенных горизонтов более чем в 2 раза. Состав фитоцитарного комплекса сложный – определяется смесь различных растений от лесных до водных и культурных злаков. Много форм, характерных для мхов.

Вывод по исследованному образцу. На данном месте было искусственно собрано большое количество различных трав (состав фитоцитов близок аналогичному из образца 2). Травы были сожжены, но при этом обильно политы водой (сочетание процессов в образцах 1 и 2). Из-за пожара растения не сгнили, а обуглились, поэтому в целом цвет слоя темный, ближе к черному. Затем какое-то время участок был открыт, проросли травы, начались процессы почвообразования, сформировалась дернина. В целом назвать слой маломощной погребенной почвой можно, но в основе формирования слоя лежат не столько почвенные, сколько какие-то антропогенные процессы.

Раскоп V (II). Южный профиль (рис. 5)

Распределение валового фосфора показано на рисунке 4, схема отбора проб и количество кремниевых микробиоморф – на рисунке 5. Нумерация образцов снизу вверх.

Образец 1. Материк. Образец не содержит микробиоморф, валового фосфора мало.

Вывод по просмотренному образцу. Это типичный минеральный почвенный горизонт.

Образец 2 содержит небольшое количество детрита, аморфной органики, фитоцитов, диатомовые водоросли. Панцири диатомовых водорослей представлены целыми и обломанными частицами и составляют 21% от общего количества кремниевых биоморф. Это абсолютно не характерно для почв. Фитоцитов мало. В общем комплексе 13% составляют тростник (камыш), а 9% приходится на культурные злаки.

Валового фосфора немного, но несколько больше, чем в естественных почвенных горизонтах.

Вывод по просмотренному образцу. Учитывая несколько повышенное содержание фосфора, можно считать, что генезис образца связан с хозяйственной деятельностью человека. Совместное присутствие фитоцитов культурных злаков и панцирей диатомовых водорослей позволяет предположить, что это остатки пахотного горизонта, который в период роста растений поливался водой. Возможно, часть фитоцитов попала в образец вместе с водой и диатомовыми водорослями. Не исключается использование речного (старичного, озерного) ила при формировании образца, возможно, в качестве удобрения.

Образец 3 содержит большое количество детрита, фитоцитов. Также присутствуют диатомовые водоросли (целые и обломки), кутикулярные слепки трав, аморфная органика.

Среди детрита встречаются частицы древесины хвойных пород. Фитолитный комплекс очень разнообразен, что, учитывая повышенное количество данных частиц, указывает на искусственный генезис образца.

Валового фосфора очень много – максимальное количество среди всех просмотренных образцов. Это однозначно указывает на значительную примесь животной органической массы при создании слоя.

Вывод по просмотренному образцу. Возможно, в образец добавлялся ил, что объясняет большое количество диатомовых водорослей и разнообразие форм фитоцитов. Так же при создании этого слоя использовалась древесина (хвойных и, возможно, иных пород деревьев). При создании слоя в том или ином виде использовалась животная органика. Или же слой формировался за счет навоза, что объясняет большое количество фитоцитов и диатомовых водорослей.

Образец 4 характеризуется высоким содержанием древесного и травянистого детрита, фитоцитов. Среди древесного детрита много частиц хвойных пород деревьев. Присутствуют кутикулярные слепки трав, копролиты почвенной фауны, аморфная органическая масса и небольшое количество панцирей диатомовых водорослей.

Валового фосфора много, что типично для культурных слоев.

Вывод по просмотренному образцу. Вероятно, это травянистая дернина, сформированная в толще наноса, так как присутствуют диагносты почвенных процессов (копролиты и корни). Сам нанос, скорее всего, имеет сходный генезис с образцом 3, поскольку состав микробиоморфного комплекса близок. Значительные количества древесного детрита могут указывать, что здесь присутствовала и древесина, например, хвойных пород деревьев.

Образец 5 характеризуется обилием аморфной органической массы, много растительного детрита и фитоцитов, есть диатомовые водоросли. Фитоцитов много, хотя и меньше, чем в предыдущих образцах насыпи. Среди форм абсолютно преобладают мхи – 36% от общего количества.

Валового фосфора много, что указывает на добавление материала культурного слоя в толщу.

Вывод по просмотренному образцу. Скорее всего, слой создавался за счет перемешивания разнообразного материала – какой-то привнесенной органики, возможно, связанной с водоемом (наличие диатомовых и мхов), а также материала культурного слоя, включая разнообразные подстилки, навоз, бытовые и хозяйственные отходы.

Образец 6 характеризуется обилием обугленного детрита, фитоцитов, кутикулярных слепков. Все эти частицы также обуглены. Количество панцирей диатомовых водорослей максимально среди всех образцов данной колонки. Многие из них целые, обломков меньше. Единично встречена древняя корродированная спикула губки. В фитолитном комплексе абсолютно преобладают мхи (46% от общего количества фитоцитов).

Валового фосфора больше нормы, хотя и несколько меньше по сравнению с предыдущими слоями насыпи.

Вывод по просмотренному образцу. Образец, как и все предыдущие, создавался, за счет перемешивания разнообразного материала. Основным компонентом при создании слоя был ил. Судя по количеству диатомовых водорослей, доля ила была выше, чем в предыдущих образцах. Вероятно, этот материал отбирался в заводи или ином месте застоя воды. Возможно, этот участок с водой был расположен неподалеку от поселения, активно использовался как место сброса отходов, что может объяснять повышенное содержание фосфора. Сходный состав имеет так же навоз животных. Обилие обугленных форм может быть связано с пожаром на уже сформированной насыпи. Возможно, сюда просто была выброшена зола из очагов. Учитывая диффузный характер распределения угольных частиц, последнее предположение кажется более достоверным.

Образец 7. Состав микробиоморфной фракции сходен с описанной для предыдущего образца 6: обилие обугленного детрита, фитоцитов; высокая доля мхов в составе фитолитного комплекса. Отличием является меньшее количество панцирей диатомовых водорослей, отсутствие кутикулярных слепков и более чем в два раза меньше количество валового фосфора.

Вывод по просмотренному образцу. Вероятно, в целом, генезис образца сходен – при его создании использовался ил или навоз и зола из очагов.

Образец 8 содержит много мелкого детрита, аморфной органики. Фитоцитов мало, древняя корродированная спикула губки единична. Валового фосфора мало.

Вывод по просмотренному образцу. Вероятнее всего, это минеральный почвенный горизонт без каких-либо специальных присыпок и добавок.

Образцы 9, 10 и 11 по составу микробиоморфной фракции идентичны, различаются лишь по содержанию валового фосфора. Это позволяет дать общую единую характеристику образцов, поскольку их генезис сходен. Они содержат большое количество древесного детрита, фитоцитов, кутикулярных слепков. Травянистый детрит также присутствует, но его мень-

ше, чем древесного. Значительна примесь панцирей диатомовых водорослей, многие из которых целые. В составе фитолитного комплекса во всех случаях доминируют мхи (52, 47 и 24% соответственно для образцов 9, 10, 11). При этом в образце 11 фрагменты фитолитов составляют 15%, поэтому не исключено, что доля мхов в этом образце существенно выше и сопоставима с их количеством в двух других образцах.

Единственным различием между образцами является количество валового фосфора – в образце 9 его практически в два раза меньше, чем в образце 10. Скорее всего, это связано с загрязненностью бытовыми отходами материала, использованного для создания насыпи.

Вывод по исследованным образцам. Все образцы созданы одинаково – использовался ил или навоз. Большое количество древесного детрита позволяет предположить, что при создании насыпи использовалась так же древесина.

Образец 12 отличается от трех предыдущих меньшим количеством панцирей диатомовых водорослей и значительным содержанием валового фосфора. Состав и распределение остальных компонентов те же – большое количество обугленного древесного детрита, кутикулярных слепков и фитолитов мхов (56% от общего количества фитолитов).

Вывод по рассмотренному образцу. Вероятнее всего, генезис образца аналогичен предыдущим образцам 9–11. Значительные количества фосфора могут отражать примесь материала культурного слоя. Здесь также фиксируется древесная зола, как и в других образцах данной колонки.

Образец 13. В составе микробиоморфной фракции образца преобладает травянистый детрит. Древесный детрит присутствует, но его значительно меньше. Много фитолитов, панцирей диатомовых водорослей, кутикулярных слепков трав. Встречены единичные пыльцевые зерна разнотравья. В фитолитном комплексе количество фитолитов тростника (камыш) велико – 17% от общего числа. Это максимальные значения среди всей колонки образцов. Такое количество фитолитов водолюбивой растительности коррелирует с высоким содержанием панцирей диатомовых водорослей – гидрофильной биоты. Валового фосфора очень много. Это, безусловно, отражает высокую поселенческую активность периода создания слоя.

Вывод по рассмотренному образцу. Наличие пыльцевых зерен и кутикулярных слепков трав позволяет предположить, что это бывшая поверхность, точнее дерновая прослойка какого-то кратковременного периода стабильности между этапами возведения насыпи. Это была заросшая травой поверхность. Вероятно, данный период был непродолжительным (год-два), поскольку других признаков почвенных процессов не выявлено. Остальные компоненты микробиоморфного комплекса связаны с генезисом толщи, на которой формировалась дернина – органический материал, возможно, навоз или иной субстрат обогащенный органикой. Участок активно использо-

вался людьми в хозяйственных/бытовых целях, что в итоге создало высокую концентрацию фосфора – типичного биофильного элемента.

Образец 14 содержит большое количество древесного детрита, аморфной органической массы, фитолитов. Количество панцирей диатомовых водорослей мало, все они представлены обломками, целых форм нет. Фитолитный комплекс составной, однозначно созданный за счет перемешивания различного органосодержащего материала.

Валового фосфора много, что свидетельствует о добавлении антропогенно преобразованного материала (культурного слоя).

Вывод по рассмотренному образцу. Слой создан за счет перемешивания различных материалов культурного. Использование ила маловероятно. Образец не был поверхностным, т. к. признаки почвообразования не фиксируются. Обилие остатков древесного детрита позволяет предположить, что слой был перекрыт древесным настилом, иными словами, древесина являлась барьером между мелкоземом и окружающим пространством. Это исключает протекание процессов формирования дернины.

Образец 15 характеризуется обилием травянистого и древесного детрита, аморфной органической массы, фитолитов. Присутствуют обломки панцирей диатомовых водорослей и, единично, корродированная спикула губки. Фитолитный комплекс типичен для большинства рассмотренных образцов, где высокая доля мхов.

Валового фосфора больше нормы, но несколько меньше, чем в предыдущем слое.

Вывод по рассмотренному образцу. Генезис слоя сходен с образцом 14 – это смесь разнообразного материала культурного слоя.

Образец 16 выделяется большим количеством аморфной органической массы, остальных компонентов меньше. Растительный детрит преимущественно мелкий.

Валового фосфора немного, хотя и больше требуемого для чисто почвенного материала.

Вывод по рассмотренному образцу. Слой создавался преимущественно из нижних горизонтов почв с примесью материала культурного слоя.

Образец 17 содержит крупный травянистый и древесный детрит, небольшое количество фитолитов, кутикулярных слепков мхов и трав, пыльцевые зерна разнотравья.

Количество валового фосфора превышает природные значения и позволяет определять образец как культурный слой.

Вывод по рассмотренному образцу. Данный слой короткое время мог быть поверхностным, заросшим травами и мхами, что объясняет наличие кутикулярных слепков и пыльцевых зерен. Относительно высокие количества фосфора связаны с тем, что рядом функционировало поселение и этот участок, как и все в округе, использовался жителями для своих бытовых/хозяйственных нужд.

Практически вся толща изученной колонки насыпи вала создавалась за счет окрестных культурных

слоев, поскольку практически все образцы содержат повышенное количество валового фосфора и микробиоморф. Есть одно исключение – образец 8, который как по фосфору, так и по микробиоморфам является минеральным мелкоземом, взятом, возможно, в древнеаллювиальных отложениях. Остальные слои, даже имеющие светлую окраску, обогащены органикой, т. е. это не чистые минеральные слои.

Обращает внимание повсеместное присутствие в слоях насыпи (кроме образца 8) диатомовых водорослей. При этом значительная часть панцирей не разрушена, т. е. водоросли не пересыхали длительное время и мелкозем с ними или не перемещался или же эти перемещения были редкими и не интенсивными. Наиболее вероятно использование прибрежного ила или навоза в качестве одного из компонентов материала насыпи (насыпей), или же это разложившаяся солома, которая гнила *in situ*. За счет процессов гниения в соломе задерживалась влага, что благоприятствует развитию диатомовых водорослей.

Раскоп V (II). Восточный профиль (рис. 4; рис. 6)

В этой колонке образцов основное внимание было уделено детальному анализу нижней части профиля – исследованию прослоев самого древнего исходного вала. Образцы из досыпок в верхней части вала исследовались выборочно, рассматривались наиболее типичные или мощные слои. Описание образцов дано снизу вверх.

Образец 1. Материк. Образец не содержит микробиоморф.

Вывод по просмотренному образцу. Это характерно для минеральных слоев материка, где не было примеси растительной массы.

Образец 2. Образец характеризуется большим количеством аморфной органической массы, фитолитов, кутикулярных слепков культурных растений. Много обугленного травянистого и древесного детрита, единично встречаются фрагменты древесной коры. Относительно много диатомовых водорослей, но, учитывая большое количество фитолитов, их доля составляет лишь 4%. В фитолитном комплексе преобладают формы, характерные для двудольных трав и не полностью сформировавшиеся частицы (29% и 23% соответственно). Далее по убывающей присутствуют фитолиты мхов и культурных злаков (16% и 14% соответственно).

Вывод по просмотренному образцу. Образец формировался за счет перемешивания большого количества различной органики, как животной, так и травянистой (сено и солома). Большое количество диатомовых водорослей возможно, если слой или поливался водой, или же в нем высока доля навоза животных.

Образец 3. Угольный прослой. В образце много обугленного древесного детрита, включая древесину хвойных и, вероятно, липы. Так же много кутикулярных слепков культурных злаков и фитолитов. Относительно много диатомовых водорослей, хотя их доля среди кремниевых биоморф составляет всего

2%. В составе фитолитного комплекса преобладают (29%) фитолиты культурных злаков. 2% составляют фитолиты тростника (камышы).

Вывод по просмотренному образцу. Учитывая обилие частиц, связанных с культурными злаками (кутикулярные слепки и фитолиты), можно предположить, что здесь горела солома. Поскольку слой обогащен древесной золой, можно предположить, что было какое-то сооружение из дерева, имевшее перекрытие из тростника (камышы), которое сгорело. Возможно также, что это высыпанная зола из очагов.

Образец 4. Образец содержит большое количество древесного и травянистого детрита (не обуглен), кутикулярные слепки трав, единичную деформированную пыльцу березы, обломки панцирей диатомовых водорослей. Количество фитолитов аномально высоко, что однозначно указывает на искусственный генезис слоя, когда использовалась практически одна органическая масса.

Вывод по просмотренному образцу. Наиболее вероятно, что слой создавался из навоза, подстилок для животных и каких-то сгнивших древесных конструкций.

Образцы 5, 6, 7. Все образцы имеют одинаковый состав микробиоморфной фракции, скорее всего, это один мощный слой. Количественный и качественный состав всей фракции и входящего в нее фитолитного комплекса аналогичны образцу 4. Очевидно, генезис слоев тот же.

Вывод по просмотренным образцам. Вся толща создавалась в основном из навоза, в который возможно добавлялись подстилки для животных и остатки каких-то сгнивших деревянных конструкций.

Образцы 8, 9, 10, 11. Вся серия образцов имеет сходный состав микробиоморфной фракции. Единственным отличием данной серии образцов от предыдущей серии (образцы 4–7) является отсутствие панцирей диатомовых водорослей, что и явилось основой для выделения этой группы образцов. Состав фитолитного комплекса во всех образцах практически одинаков, в пределах ошибки метода. Общее количество фитолитов во всех случаях аномально высоко, можно говорить об исключительно фитолитных (кремниевых) слоях. Так же много кутикулярных слепков, детрита и других составляющих. Таким образом, все образцы имеют единый генезис.

Вывод по просмотренным образцам. Данная группа образцов, как и предыдущая, создана практически из одного навоза. Возможно, добавлялись какие-то растительные подстилки (травянистые и древесные). Отсутствие панцирей диатомовых водорослей, скорее всего, связано со спецификой рациона животных. Этот вопрос требует дальнейших исследований.

Образец 14 (133–140 см). Бурый слой. Образец содержит большое количество растительного детрита, много фитолитов, кутикулярных слепков, есть диатомовые водоросли. Кутикулярные слепки крупные, принадлежат разнообразным травам наравне с детритом. То есть, на данном месте разлагались естественным путем без последующего перемещения значительные объемы трав. Обилие фитолитов (их

значительно больше, чем должно быть в верхних почвенных горизонтах) также указывает на искусственно созданную большую концентрацию трав.

Состав фитолитов разнообразен, т. е. каких-либо специально собранных трав не было. Среди них есть формы тростника, осок (водолюбивые растения), что может коррелировать с наличием большого количества диатомовых водорослей. Панцири водорослей целые, встречаются даже группы водорослей – колонии. Это указывает, что или все поливалось речной водой или же использовались абсолютно свежие растения.

В фитолитном комплексе встречены как сорные растения, связанные с местообитанием человека, так и фитолиты культурных злаков (стебли и листья).

Вывод по исследованному образцу. Слой имеет искусственную природу – это скопление большого количества разнообразных трав. В составе трав были водные, лесные, разнообразные луговые, сорные и даже культурные злаки. Использовался также мох. Скорее всего, все травы были свежесобранными, поскольку, например, у водных растений хорошо сохранились живущие с ними диатомовые водоросли. Растения со временем и при избытке влаги разложились (сгнили), сформировав слой бурого цвета. Сходный набор микробиоморфной фракции встречается в отложениях навоза, когда фитолиты растений – это остатки пищи, а диатомовые водоросли – показатели того, что животных поили речной водой.

Образец 15 (128–133 см). Серый слой. Образец содержит большое количество травянистого детрита и фитолитов, немного аморфной органической массы и единично – панцири диатомовых водорослей. Фитолитов много, это количество типично для верхних горизонтов почв. В то же время состав фитолитов очень разнообразный и не характерный для какого-либо одного растительного ценоза. Очевидно, основная часть микро фрагментов растений была принесена. Диатомовые водоросли представлены обломками панцирей. Это происходит в сухих условиях при процессах перемещения мелкозема.

Вывод по исследованному образцу. Образец формировался за счет сухого разложения (минерализации) разнообразных трав, включая луговые, лесные, водные, культурные растения. Основная часть органического материала была привнесена извне.

Образец 17 (94–105 см). Золистый слой. Образец содержит большое количество обугленного травянистого детрита, обугленных кутикулярных слепков и фитолитов, некоторое количество аморфной органической массы и единично диатомовую водоросль. Также встречены грибные гифы. Количество фитолитов типично для верхних горизонтов почв или почвенных подстилок (дерна). При этом состав фитолитов многокомпонентный, что указывает как на пестрый растительный состав, так и на возможный искусственный привнос ряда растений, например, тростника. Возможно, выявленная диатомовая водоросль попала в слой вместе с этими водолюбивыми растениями.

Вывод по исследованному образцу. На данном месте, возможно, была какая-то прослойка из трав,

которая была сожжена. Возможно, на участок была высыпана зола. Затем некоторое время (год или даже теплый сезон) поверхность была открыта, поскольку фиксируются самые начальные стадии почвообразования – формирование грибного почвенного мицелия.

Образец 18 (80–82 см). Серый слой над известняком. Образец содержит большое количество травянистого детрита, а также аморфную органическую массу, кутикулярные слепки трав, небольшое количество фитолитов. Кроме того, выявлены грибные гифы, раковинная амеба и единично – пыльца трав и споры мхов. Интересно, что в составе фитолитного комплекса 10% составляют формы, характерные для культурных злаков. Это много. Кроме того, встречены формы, характерные для тростника (камыш), что также необычно, поскольку это водные растения.

Вывод по исследованному образцу. Согласно общему составу микробиоморфной фракции, слой однозначно является поверхностным почвенным слоем, где шла минерализация органики (опада) и формировался гумус – об этом свидетельствуют гифы, пыльца и раковинная амеба. Сложнее объяснить пестрый состав фитолитного комплекса. Скорее всего, на данном месте был слой навоза или подстилки для скота, который год или два был поверхностным и зарос травой.

Образец 19 (75–76 см). Зольный слой над глинистым прокалом. Образец содержит обилие крупного обугленного древесного детрита. Есть также травянистый, но в значительно меньших количествах. Присутствуют аморфная органика, кутикулярные слепки трав (частично обугленные) и небольшое количество фитолитов, также частично обугленных. Кроме этого, встречены грибные гифы. Состав фитолитного комплекса типичен для данной природной зоны – это фитолиты лугового разнотравья с небольшой примесью лесных трав.

Вывод по исследованному образцу. Это, безусловно, слой пожара. Горела в основном древесина. Объемы горевшей травы невелики. Возможно, трава попала случайно в виде примеси, или дерево уложили на участок, заросший травой. В тоже время после пожара участок был недолго открыт, проросла трава (часть фитолитов и кутикулярных слепков не обуглены), начались процессы почвообразования (появился грибной мицелий).

Образец 20 (55–75 см). Образец содержит травянистый и древесный детрит примерно в равных соотношениях, аморфной органики немного, фитолитов мало, как и копролитов почвенной фауны. В составе фитолитного комплекса преобладают растения лугов.

Вывод по исследованному образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для культурных слоев, когда в основном используется древесина, а в меньшей степени травы. Наличие копролитов почвенной фауны указывает на протекание процессов почвообразования в толще культурного слоя, разрушении детрита.

Образец 22 (0–10 см). Современная почва. Образец содержит много травянистого детрита, аморфной

органической массы, несколько меньше кутикулярных слепков трав, относительно немного фитоцитов, а также единично – обломки панцирей диатомовых водорослей, корни трав, грибные гифы. Фитоциты несколько меньше, чем бывает при хорошо развитом травянистом покрове на поверхности почвы, поскольку на данном месте травянистый покров угнетен и изрежен. В составе фитоцитного комплекса формы, характерные для лесной (включая хвойные) и частично луговой растительности, корродированы, т. е. они или достаточно древние или привнесены и переотложены из других участков. Интересно присутствие (1%) фитоцитов культурных злаков. Малое их количество позволяет предположить случайный, заносный характер появления этих форм, но, возможно, что в недавнем прошлом (десятки лет назад) здесь короткое время выращивали злаки.

Вывод по исследованному образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для образцов из верхних почвенных горизонтов. Фиксируется некоторое угнетение травянистого покрова на поверхности почв, его изреженность. В целом растительный покров можно охарактеризовать как луговой с участием растений сухих лугов и сорной флоры. Предполагается выращивание культурных растений в первой половине – середине двадцатого века.

Полученные результаты не противоречат предположениям, высказанным в статье А.Н. Медведя (2009) о том, что значительная часть органики – материал выброшенных подстилок и покрытий крыш. Хотя в случае с крышами не наблюдалось бы высокого содержания фосфора. Гипотеза с подстилками представляется более достоверной. Материалы позволяют дополнить представленный ряд с возможными органическими компонентами слоев насыпей подстилками из загонов для скота и непосредственно навозом. В этом случае объясняется высокое содержание фосфора, большое количество фитоцитов и диатомовых водорослей, их разнообразие.

Во многих образцах всех насыпей присутствуют фитоциты культурных злаков. Возможно, эти частицы попали при сгребании окрестных культурных слоев, могли также быть привнесены с илом, навозом, как и остальные частицы. Их регулярная встречаемость служит убедительным доказательством, что жители поселения занимались земледелием, начиная с самых первых этапов создания вала, а, возможно, и ранее.

Выводы

Таким образом, все исследованные колонки образцов имеют сходный состав. А именно, повсеместное обилие валового фосфора и фитоцитов, большое количество целых панцирей диатомовых водорослей и аморфной органической массы. В составе фитоцитных комплексов высока доля культурных злаков. Значительная часть образцов дополнительно обогащена аморфным органическим веществом, ряд образцов выделяется по содержанию карбонатов. Все эти параметры абсолютно не типичны для естественных объектов – почв, грунтов или иных природных отло-

жений. Многократная повторность при практически полной сходимости результатов позволяет уверенно говорить, что получаемые выводы характеризуют весь вал.

Подобный состав образцов возможен в следующих случаях: навоз; подстилки для скота; бытовые отходы, помой; отходы хозяйствования, например, сгнившие крыши или полы жилищ; речной (старичный) ил и пр. Скорее всего, разные слои создавались с доминированием различного вида отходов. Результаты исследований позволяют утверждать, что использование для прослоев чистой минеральной массы без примеси органики – исключение.

Итак, при создании насыпей вала использовался или прибрежный ил в смеси с культурными слоями и различными почвенными горизонтами, или только разнообразный материал поселения, включая различные бытовые и хозяйственные отходы. В любом случае относительно однородный состав при высокой обогащенности всех изученных слоев растительными остатками и водолюбивой биотой, убедительно указывает, что материал насыпей создавался по единому образцу и, возможно, отражает общий принцип создания насыпей валов в изучаемую эпоху.

Важно отметить, что признаков длительной стабильной поверхности, т. е. почвообразования между прослоями вала практически нет. Только в одном месте (раскоп IV, участок «Г») были выявлены две маломощные почвы, возраст которых не превышает пяти лет, скорее всего, меньше. Следовательно, вал наращивался с одной стороны регулярно без длительных перерывов, с другой – неравномерно, возможно в виде более мелких всхолмлений, которые спустя некоторое время (сезон или год) сливались.

Возникающее всхолмление жителями городища сознательно оформлялось как вытянутый вал, о чем свидетельствуют хорошо фиксируемые этапы зачистки территории с внешней стороны вала. Скорее всего, из-за консистенции основных видов наносов, а также после дождей сооружение со временем расплзалось вширь. По достижении каких-то критических, по мнению жителей городища, величин, нижняя часть растянутаго пола насыпи с внешней стороны убиралась. Этот материал укладывался наверх, что способствовало «росту» вала вверх и сохранению его формы.

Заключение

Можно образно сказать, что вал – это своеобразная помойка в виде всхолмления, которая «росла» весь период функционирования городища, ее подчищали и следили, что бы материал вала не расплзался по площади городища.

Выявленная специфика состава и генезиса прослоев вала эпохи раннего железа кардинально отличается от состава слоев насыпей средневековых валов, включая подобный вал в том же Ростиславле (Гольева, 2009б. С. 72–89). Не исключено, что разными были и функции сооружений. В пользу данного предположения говорит не только то, что помойка в виде вала вряд ли могла полноценно играть охран-

ную роль, но также наличие в толще специально созданного прохода (Медведь, 2009, С. 448–454). Учитывая генезис слоев вала, трудно предположить, что это была граница между каким-либо святилищем и остальной частью городища.

Интересно, что на других городищах этой эпохи существуют несколько невысоких валов друг за

другом (Гусаков, 2004, С. 98–108). Насыпи этих валов не исследовались аналогично Ростиславлю. Не исключено, что состав и генезис насыпей вала РЖВ в Ростиславле не являются чем-то уникальным. Возможно, у жителей дьяковской культуры было свое представление о том, что делать с разными видами отходов.

Литература

Гольева А.А., 2008а. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. М.

Гольева А.А., 2008б. Процесс фосфатизации поселенческих ландшафтов за исторический период // Современное состояние, антропогенная трансформация и эволюция ландшафтов Востока Русской равнины и Урала в позднем кайнозое. Киров.

Гольева А.А., 2009а. Валовый фосфор как индикатор хозяйственной деятельности древних и средневековых обществ // Роль естественных методов в археологических исследованиях. Барнаул.

Гольева А.А., 2009б. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля // АП. Вып. 5. М.

Гольева А.А., Малышев А.А., 2003. Изменение содержания валового фосфора и органического углерода в почвах древнепоселенческих ландшафтов // Роль почвы в формировании ландшафтов. Казань.

Гусаков М.Г., 2004. Классификация городищ дьяковской культуры // АП. М.

Коваль В.Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Медведь А.Н., 2009. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследования) // АП. Вып. 5. М.

A.A. Golyeva

The composition and genesis of the Early Iron Age rampart at Rostislavl according to natural science data

Summary

The article uses data from soil and microbiomorphical analyses to show the composition of the Early Iron Age rampart. The author concludes that the rampart had appeared due to the permanent accumulation of domestic

waste and refuse, including animal dung. The results of the study give a new perspective to our understanding of the constructional patterns of such ramparts and of their possible function.

А.С. Сыроватко, И.А. Сапрыкина

Клад рубчатых браслетов на реке Оке

В декабре 2009 г. в Коломенский археологический центр обратился житель г. Коломны О. Нагин с сообщением о находке им клада из пяти бронзовых предметов, а также о наличии вблизи места находки валов и рвов, напоминающих укрепления городища. Все найденные предметы неочищенными были переданы «Центру» на следующий день после находки, и практически сразу после этого сотрудниками «Центра» был совершен выезд на место. Первый же осмотр подтвердил слова находчика – клад обнаружен на площадке неизвестного ранее городища железного века.

Место находки расположено на правом берегу р. Оки, в Озёрском районе Московской области, в окрестностях д. Свиридоново. Новое городище входит в ближайшую округу Ростиславльского городища, находясь от него примерно в 3 км выше по течению. Ранее, в 1991–1992 гг., в окрестностях д. Свиридоново В.Ю. Ковалем были обнаружены два селища – Свиридоново I и II, материал которых содержал керамику эпохи раннего железного века (Коваль, 1997; 2007). По этой причине нам представляется целесообразным назвать новый памятник городищем Свиридоново III.

Городище представляет собой останец первой надпойменной террасы р. Оки, образованный двумя широкими оврагами. Мыс ориентирован перпендикулярно руслу, почти на север, с небольшим отклонением к западу (рис. 1). Площадка городища ограничена двумя валами и двумя рвами (рис. 2). Ширина площадки не более 20 м, она сильно поката от осевой линии к краям, и очевидно, что обнаружено не столько городище, сколько его остатки. Протяженность площадки от подошвы внутреннего вала составляет около 50 м. Вся терраса, а также соседние с городищем мысы, имеют очень сильный уклон к реке. Перепад высот на площадке от подошвы внутреннего вала до окончания мыса составляет около 6 м. Площадка и овраги сильно заросли лиственными породами деревьев и подлеском из дуба, осины, орешника и березы. Валы и рвы также сильно повреждены эрозийными процессами, а их края имеют сильные уклоны в

овраги (рис. 2). Суммарный перепад высот от самых высоких точек во рвах и на валах в целом составляет около 1,0–1,5 м.

Клад был обнаружен на самой площадке, вблизи внутреннего вала. В подъемном материале, помимо обломка медного изделия – браслета или гривны (рис. 3), а также фрагмента ножа (?), на памятнике найдено 14 обломков керамики (рис. 4), из них девять гладкостенных, три – со штрихованной поверхностью, один – с отпечатками гребенчатого штампа и кусок обмазки (?). При всей немногочисленности, эта серия довольно определенно указывает на культурное сходство выявленного городища с так называемой Каширской группой памятников – Старшим Каширским, Корыстовским и Мутенковским городищами, а также с нижним слоем Ростиславля. Гладкостенная и штрихованная керамика доминирует в слоях этих городищ ориентировочно до II в. до н.э.

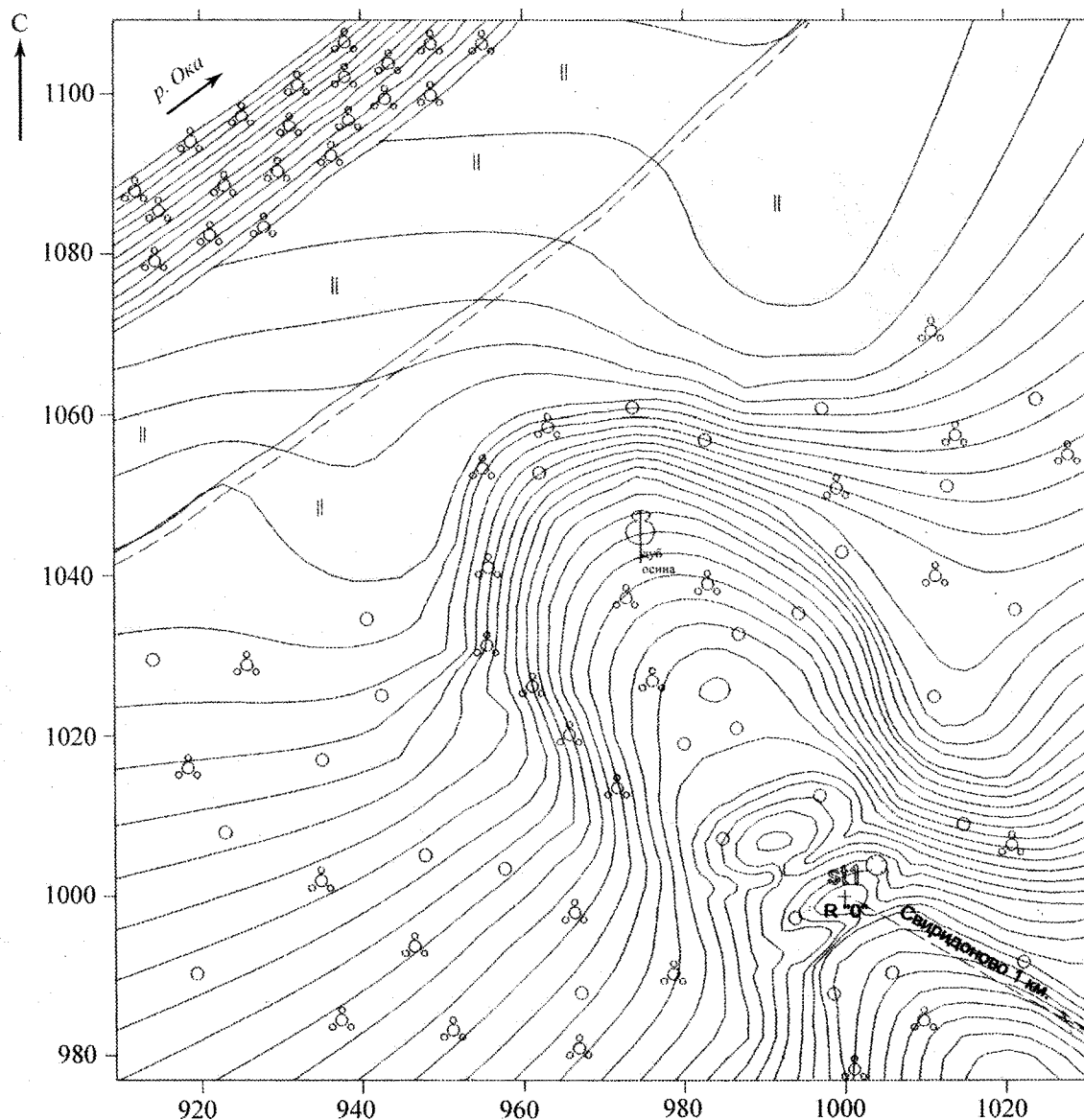
Клад с городища Свиридоново III состоял из пяти рубчатых браслетов¹ (тип I по классификации Е.С. Нефедовой; 1992. С. 23) (рис. 5–9). По соотношению гладких и рубчатых участков поверхности браслеты неодинаковы, однако приблизительно совпадают размеры браслетов № 2/677 и 3/675, 4/678 и 5/676 (полевой / лабораторный номер). Все они были изучены на предмет определения способов их изготовления и химического состава цветного металла. Изучение следов операций проводилось с помощью микроскопа Motic BA-300 4x\0.10, 10x\0.25; фотофиксация проводилась с использованием цифровой камеры Moticam 2300 – насадке к микроскопу (принудительное увеличение цифровой камеры 0.5x). Анализ химического состава металла браслетов выполнялся в спектральной лаборатории геологического факультета МГУ по методу безэталонового рентгенофлуоресцентного энергодисперсного анализа (РФА) (Енисосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 114–120).

Анализ химического состава цветного металла рубчатых браслетов показал, что все они изготовлены из оловянной бронзы (CuSn) с содержанием

¹ Раскопки 2010 г. позволили обнаружить еще один экземпляр.

Таблица. 1. Результаты исследования цветного металлаклада городища Свиридоново-III.

№	Предмет	Cu	Sn	Pb	Ag	As	Fe
673	Заготовка браслета (слиток?)	80,56	13,10	4,81	0,26	0,89	0,38
674	Браслет латенского типа с рубчиками	88,83	7,92	0,58	0,09	0,68	1,90
675	Браслет латенского типа с рубчиками	78,79	15,62	0,84	0,12	0,65	3,98
676	Браслет латенского типа с рубчиками	83,04	14,33	0,88	0,13	1,07	0,56
677	Браслет латенского типа с рубчиками	88,59	9,46	0,71	0,05	0,99	0,20
678	Браслет латенского типа с рубчиками	88,67	8,87	0,81	0,13	1,31	0,20

Рис. 1. Городище Свиридоново III. План.
(Сечение горизонталей 0,5м. Одно деление рамки 20 м)

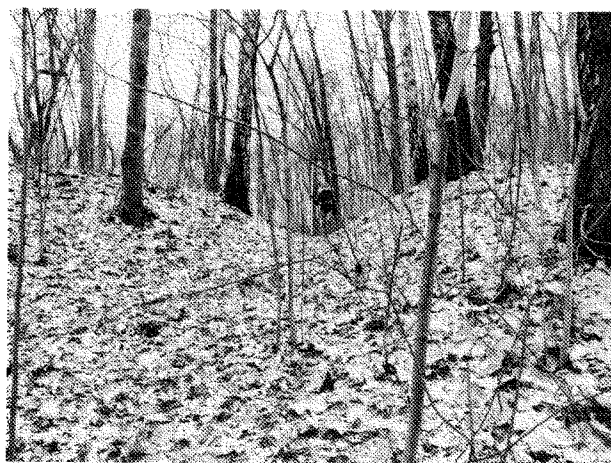

Рис. 2. Городище Свиридоново III. Вид на седловину внутреннего рва от подножия площадки

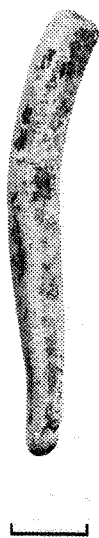

Рис. 3. Слиток № 6/673

олова 7,92–15,62% (см. табл. 1). В качестве микропримесей в сплаве зафиксированы свинец, серебро и мышьяк в концентрациях до одного процента; примесь железа (0,20–3,98%) является фоновой и свидетельствует, прежде всего, о наличии некоторой степени загрязнения поверхности анализируемых предметов.

Сравнение полученных данных с опубликованными результатами исследований химического состава цветного металла браслетов из городищ Отмичи (Сапрыкина, 2008. С. 252) и Лиски (Лошенко, Барцева, 1995. С. 89) показало, что металл браслетов из анализируемогоклада сопоставим с металлом браслета из Отмичей. Кроме того, состав металла браслетов изклада городища Свиридоново-III вполне сопоставим с данными по химическому составу цветного металла городища VII–VI вв. до н.э. – I–II вв. н.э. Настасьино (Сапрыкина, Энгова-

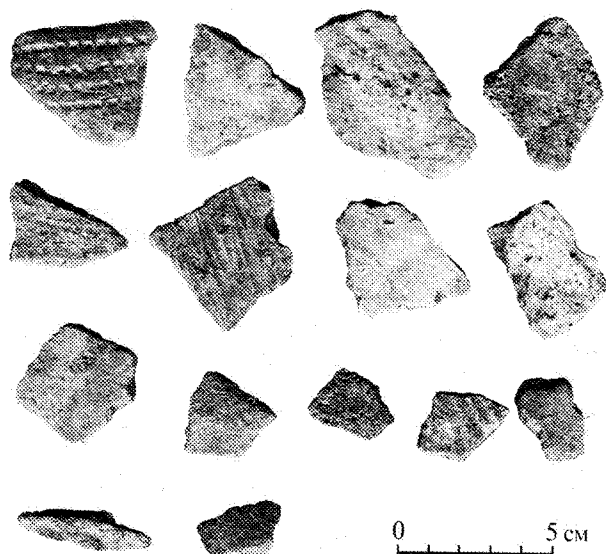

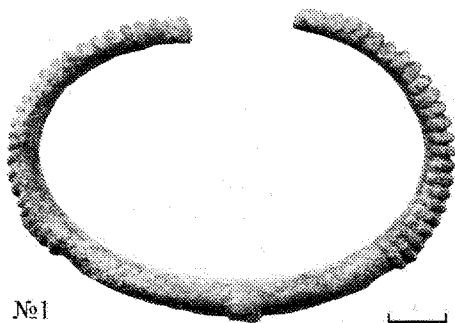
Рис. 4. Керамика с площадки городища Свиридоново III

това, 2002; Энговатова, 2004. С. 152), расположенного в Коломенском районе, где определенная доля украшений раннедьяковского периода была изготовлена из оловянной бронзы. Использование оловянной бронзы как ведущего типа сплава характерно для милоградских памятников VI–V вв. до н.э., затем оловянная бронза уступает лидирующую роль оловянно-свинцовой бронзе (Лошенко, Барцева, 1995. С. 95–96).

Кроме того, был проанализирован металл фрагмента слитка, найденного в ходе работ по обследованию территории нахожденияклада. Слиток представляет собой брусок продолговатой формы овального сечения, изготовленный из оловянно-свинцовой бронзы (рис. 3; табл. 1).

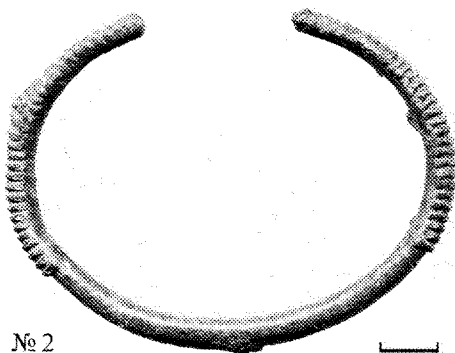
Все проанализированные браслеты изготовлены одним способом – литьем по выплавляемой модели с утратой формы. Такая техника изготовления хорошо известна по материалам милоградских и днепродвинских памятников, из которых происходят характерные находки обломков литейных форм для изготовления браслетов латенского типа (Третьяков, 1959. Рис. 11, 33; Шмидт, 1992. Табл. 17, 9; Дробушевский, 2002. С. 54–55). Об использовании техники литья по выплавляемой модели для изготовления анализируемых браслетов свидетельствуют, прежде всего, многочисленные дефекты самой модели, перешедшие на готовые изделия: куски и налеты воска, «сколы» и трещины (вероятно, в модельную массу попал мусор); кроме того, на поверхности браслетов многочисленны капли воска.

Зафиксировано два способа формирования рифленого (зубчатого) орнамента браслетов. В одном случае формирование орнамента производилось путем приклеивания на основу («колбаску») отдельных по-

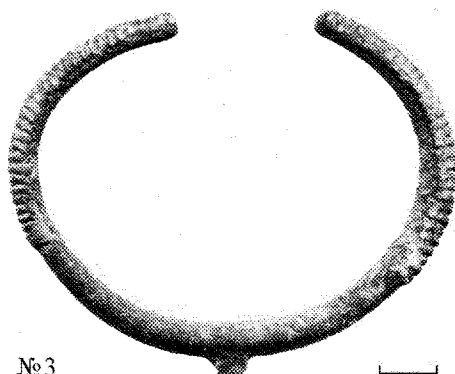
№1

Рис. 5. Браслет из состава клада № 1/674

№ 2

Рис. 6. Браслет из состава клада № 2/677

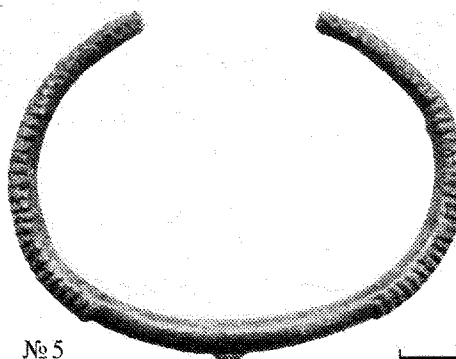
№3

Рис. 7. Браслет из состава клада № 3/675

№ 4

Рис. 8. Браслет из состава клада № 4/678

№ 5

Рис. 9. Браслет из состава клада № 5/676

лосок воска (или проволочных нитей). В остальных случаях рифление прорезывалось на дополнительных полосах воска, приклеенных к основе; при изгибании концов браслета нарезка раскрывалась и получался рифленый орнамент. Заостренные концы браслетов получены механическим путем при формировании изогнутой формы браслета – следы защипов «колбаски» руками мастера; такие следы зафиксированы на трех браслетах из анализируемой выборки.

На территории дьяковской культуры находки браслетов в настоящее время известны на Старшем

Каширском (2 экз.), Щербинском (Смирнов, 1974. С. 56), Селецком городищах (Крис, Чернай, 1980. Рис. 3, 6) и городище Связист (Нефедова, Янишевский, 1990. С. 39–43), в материалах городища Отмичи (Исламова, 2008. С. 21) – всего 6 экземпляров, в основном в обломках. Датируются такие браслеты традиционно ступенями В₁ и В₂, или IV–III вв. до н.э. (Еременко, 1997. С. 41–43. Рис. 1). Исследования, посвященные анализу распространения рубчатых браслетов, показали, что основной ареал их распространения – это Верхнее Поднепровье и бассейн р. Оки, при этом на Оку браслеты поступали с территории Поднепровья (Нефедова, 1992. С. 27). Вполне вероятно, что появление на рассматриваемой территории в раннедьяковский период браслетов латенского типа может быть связано с деятельностью ювелирных мастерских на территории Верхнего Поднепровья, в частности в VI–V вв. до н.э., и освоением населением сопредельных Окского и Волго-Окского регионов характерных приемов обработки цветных металлов с доступом к источникам металла через территорию милоградской культуры.

Литература

- Дробушевский А.И., 2002. Латенский импорт в Беларуси (ранний период) // ГАЗ. № 17. Минск.
- Еременко В.Е., 1997. «Кельтская вуаль» и заруби-нецкая культура. СПб.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.
- Исланова И.В., 2008. Городище Отмичи. М. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 11).
- Коваль В.Ю., 1997. Первые поселения эпохи бронзы в Коломенском Поочье // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 2. Коломна.
- Коваль В.Ю., 2007. Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье /// АП. Вып. 3. М.
- Крис Х.И., Чернай И.Л., 1980. Городища Дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. Вып. 162.
- Лошенко М.И., Барцева Т.Б., 1995. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // Историко-археологический сборник. Вып. 6. Минск.
- Нефедова Е.С., Янишевский Б.Е., 1990. Бронзовый литой браслет с насечками с городища дьякова типа // ННЗ. Вып. 3. Новгород.
- Нефедова Е.С., 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихоновских чтений. Л., 1988. СПб.
- Сапрыкина И.А., 2008. Каталог исследованных изделий из цветного металла городища Отмичи // Исланова И.В. Городище Отмичи. М., 2008.
- Сапрыкина И.А., Энговатова А.В., 2002. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Третьяков П.Н., 1959. Чаплинское городище // МИА. Вып. 70.
- Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.
- Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП. М.

A.S. Syrovatko, I.A. Saprykina

A hoard of ribbed bracelets from the right bank of the Oka river

Summary

A hoard of five bracelets of the La Tène type has been found at the fortified settlement of Sviridovno III in the Ozery region of Moscow oblast, on the right bank of the Oka river. The recently discovered

site belongs to the Kashira group of Dyakovo culture sites. The authors believe that the bracelets found their way to the territory of Dyakovo culture from the Upper Dnieper region.

Х.И. Крис

О некоторых раннедьяковских городищах в бассейне Москвы-реки

Основная сложность в исследовании городищ дьякова типа связана с сильно нарушенным культурным слоем на большинстве памятников. По этой же причине затруднено было изучение оборонительных укреплений. В обобщающей работе К.А. Смирнова о дьяковской культуре описаны оборонительные сооружения раннего и позднего периода дьяковских городищ, но отмечено, что из-за плохой сохранности городищ получить данные об их первоначальной форме можно только исследованиями как площадок городищ, так и укреплений (Смирнов, 1974. С. 8–17).

Количество полностью раскопанных памятников невелико: Троицкое, Щербинское, Кузнечики, где представлен раннедьяковский слой; частично раскопаны два городища (Боршева и Селецкое) с четко стратифицированным раннедьяковским слоем. Опираясь на данные, описанные К.А. Смирновым, это позволило обратиться к вопросу об оборонительных сооружениях раннедьяковских городищ. Крайне ограниченное количество памятников не дает достаточных оснований для обобщений, но достоверность этих источников позволила выявить ряд закономерностей, которые могут быть подтверждены или опровергнуты дальнейшими раскопками городищ и их оборонительных сооружений.

Обращаясь к теме оборонительных сооружений раннедьяковских городищ, следует учитывать их топографию, основную характеристику культурного слоя, керамику, фаунистический материал, импортные находки. Мы не знаем о периоде, предшествующем появлению городищ дьякова типа. Остатки поселений с керамикой, подобной керамике поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа в среднем течении Оки, найдены на останце, где впоследствии возникло одно из дьяковских городищ. Аналогичной керамики не встречено ни на одном другом городище; специфичен и характер фауны, в котором наибольшее значение имеет охота. Это поселение, предшествующее городищам дьякова типа, вероятно, можно отнести к VIII в. до н.э. или к еще более раннему времени (рис. 3, а).

Наиболее древний тип обороны дьяковских городищ представлял собой тын, окружавший площадку городища — Щербинское (Дубынин, 1974. С. 209–214), Старшее Каширское (Городцов, 1933. С. 8), Мамоново (Качанова, 1954. С. 18–19). Два из них расположены на останцах, вдали от основной водной магистрали. Керамика раннего слоя этих городищ (рис. 1, 1,

2) напоминает керамику поселений раннего железного века костромского и ярославского течения Волги (рис. 3, б). Фаунистический материал отличается от фауны поселений предшествующего периода резким снижением значения охоты и значительно возросшей ролью свиноводства, что характерно для оседлых поселений раннего железного века в Прикамье. Импортные находки (бронзовые и железные орудия и украшения, предметы скифо-сарматского звериного стиля) позволяют датировать время возникновения городищ дьякова типа VII–V вв. до н.э.

Одно из ранних городищ, окруженных тыном, Мамоново (рис. 1, 3), в отличие от других городищ с подобным типом обороны, расположено на берегу Москвы-реки. Может быть, оно было одним из первых городищ, осваивающих основную водную магистраль. Вслед за Мамоновым городищем на берегу Москвы-реки возникают естественные убежища без каких-либо искусственных сооружений оборонительного характера в местах, господствующих над местностью. В этом можно усматривать мирный характер освоения основной водной магистрали. К таким поселениям относятся Успенское (Краснов, 1964. С. 102, 103), Дьяково (Сизов, 1897. С. 257), Боршева (Крис, Чернай, 1980. С. 75–81). В наиболее ранней части культурного слоя на этих городищах (рис. 1, 4–6) та же керамика, что и на городищах, окруженных тыном, тот же фаунистический материал, свидетельствующий об аналогичной форме хозяйства (Крис и др., 1984). Различная мощность наиболее древней части культурного слоя на этих поселениях позволяет предположить, что освоение берега Москвы-реки происходило постепенно.

В какой-то момент на этих поселениях сооружаются оборонительные валы, превращая естественные убежища в укрепленные городища. Этот момент четко зафиксирован на профиле оборонительного вала Боршева. Первоначальная насыпь вала перекрывала слой с керамикой, характерной для городищ, окруженных тыном, и естественных убежищ. В этом слое были найдены предметы из Прикамья V в. до н.э. (рис. 3, 18–26), что надежно датирует начало строительства оборонительного вала V или началом IV в. до н.э. Вал на Боршеве строился в три приема: первоначальная насыпь вала в 1,20 м увеличена дважды — сначала до 2,50 м, и вторично — до 3,80 м. По мнению Б.Н. Гракова, трехкратное исправление бескупинской системы обороны можно объяснить

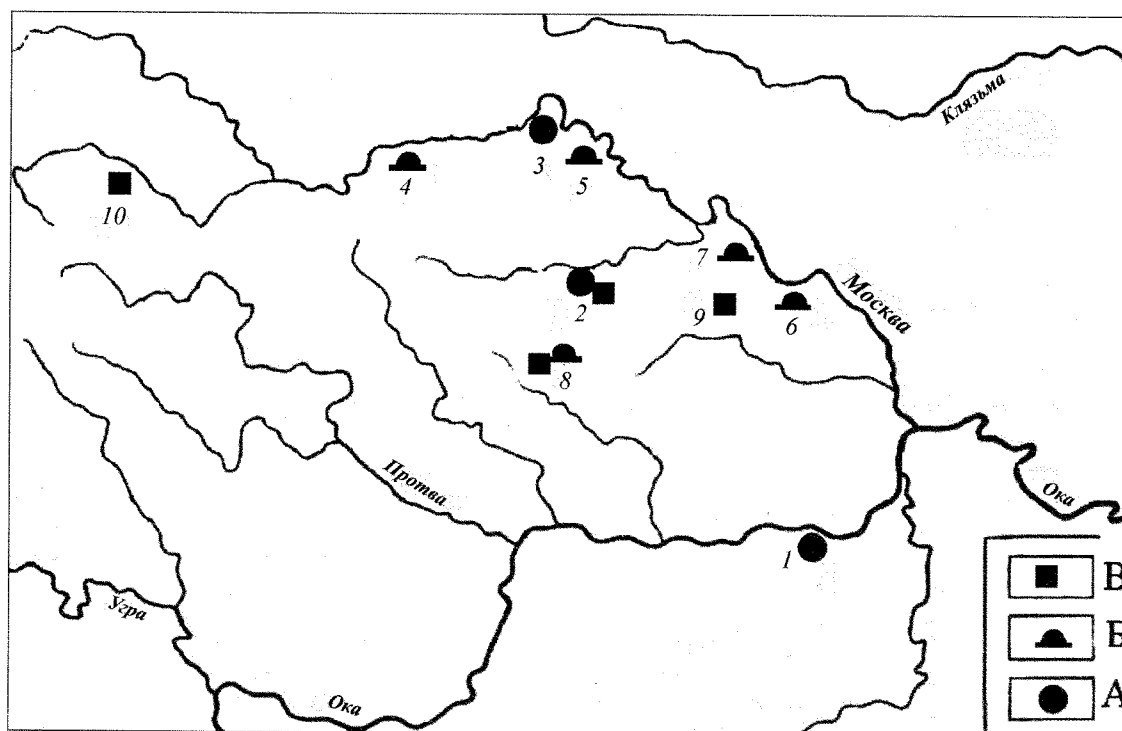

Рис. 1. Оборонительные сооружения раннедьяковских городищ в бассейне Москвы-реки

А – тын; Б – оборонительный вал; В – оборонительные стены. 1 – Старшее Каширское городище; 2 – Щербинское; 3 – Мамоново; 4 – Успенское; 5 – Дьяково; 6 – Боршева; 7 – Круглица; 8 – Кузнечики; 9 – Селецкое; 10 – Троицкое

межплеменными столкновениями, а не только внешними нападениями (Граков, 1977. С. 96). Вероятно, по той же причине сооружались оборонительные валы и на московских городищах. Это было время строительства на некоторых городищах многоярусных платформ с очагами, назначение которых пока не выяснено. Прямоугольные грунтовые платформы Боршевы размером $6-7 \times 4-5$ м ооконтурены по периметру одним или двумя ярусами горизонтально лежавших бревен, укрепленных кольями-раскрепами. Поверхность платформ покрыта тонким слоем глиняной обмазки, сохранившейся и на поверхности горизонтально лежавших бревен. Это исключает предположение о том, что платформы являются остатками жилых сооружений. На площадках найдены куски глиняных ошлакованных надземных частей этих сооружений, куски болотной руды и пирита; возможно, это остатки специализированных очагов (Крис и др., 1984. С. 134–136).

Аналогичные платформы были открыты В.А. Городцовым на Старшем Каширском городище, они есть и на городище Круглица. Три яруса платформ на Боршеве ориентированы по-разному (рис. 1, 2): нижний ярус в направлении С–Ю, средний в направлении З–В, верхний СЗЗ–ЮВВ. Платформы на Старшем Каширском городище, находившиеся в средней части культурного слоя, ориентированы подобно платформам нижнего яруса Боршевы. Платформы на Круглице, обнаруженные в нижней части культурного слоя, соответствовали платформам верхнего слоя Боршевы (рис. 2).

Если допустить, что идентично ориентированные платформы синхронны, то с учетом их ме-

стоположения в культурном слое каждого из трех городищ, можно определить относительную хронологию городищ. Она вполне соответствует абсолютным датам возникновения Старшего Каширского городища (VII–VI вв. до н.э.), началу строительства вала на Боршеве (IV–III в. до н.э.), и возникновению Круглицы в конце периода IV–III вв. до н.э., что делает предположение о синхронности платформ с идентичной ориентировкой обоснованным.

Подтверждается и постепенность возникновения городищ дьякова типа на берегах Москвы-реки с юга на север. Аналогичные выводы были получены при изучении коллекции грузиков дьякова типа из раскопок Боршевы (Крис, 1982).

Появление городищ, укрепленных оборонительным валом, знаменует новую эпоху в истории племен, населявших бассейн Москвы-реки. Эта эпоха отмечена не только строительством оборонительных сооружений, но и специализированных производственных очагов. Отличие от предыдущего периода проявляется во всем комплексе находок. Меняется характер керамики: вместо четко профилированных форм предыдущего периода с мелкочаечистой фактурой текстиля и гребенчатым орнаментом доминирующей формой становится баночный сосуд с прямым срезанным краем и слабо выраженной шейкой, среднечаечистой и крупночаечистой фактурой текстиля (рис. 3). Некоторые различия имеются и в фаунистическом материале: наблюдается тенденция к уменьшению охотничьей добычи, некоторая специализация

Городища		Старшее Каширское	Щербинское	Мамонново	Успенское	Дьяково	Боршево	Круглица	Кузнечики	Селецкое	Троицкое
Типы оборонительных сооружений		●	● ■	●	⬤	⬤	⬤	⬤	⬤ ■	■	■
IV - III вв. до н. э.	Платформы		↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑
							↑	↑			
V - нач. IV в. до н. э.		↑					↑				
VII - VI вв. до н. э.											

● тын ⬤ оборонительный вал ■ оборонительные стены

Рис. 2. Оборонительные сооружения некоторых раннедьяковских городищ в бассейне Москвы-реки

1 — тын; 2 — оборонительный вал, 3 — оборонительные стены

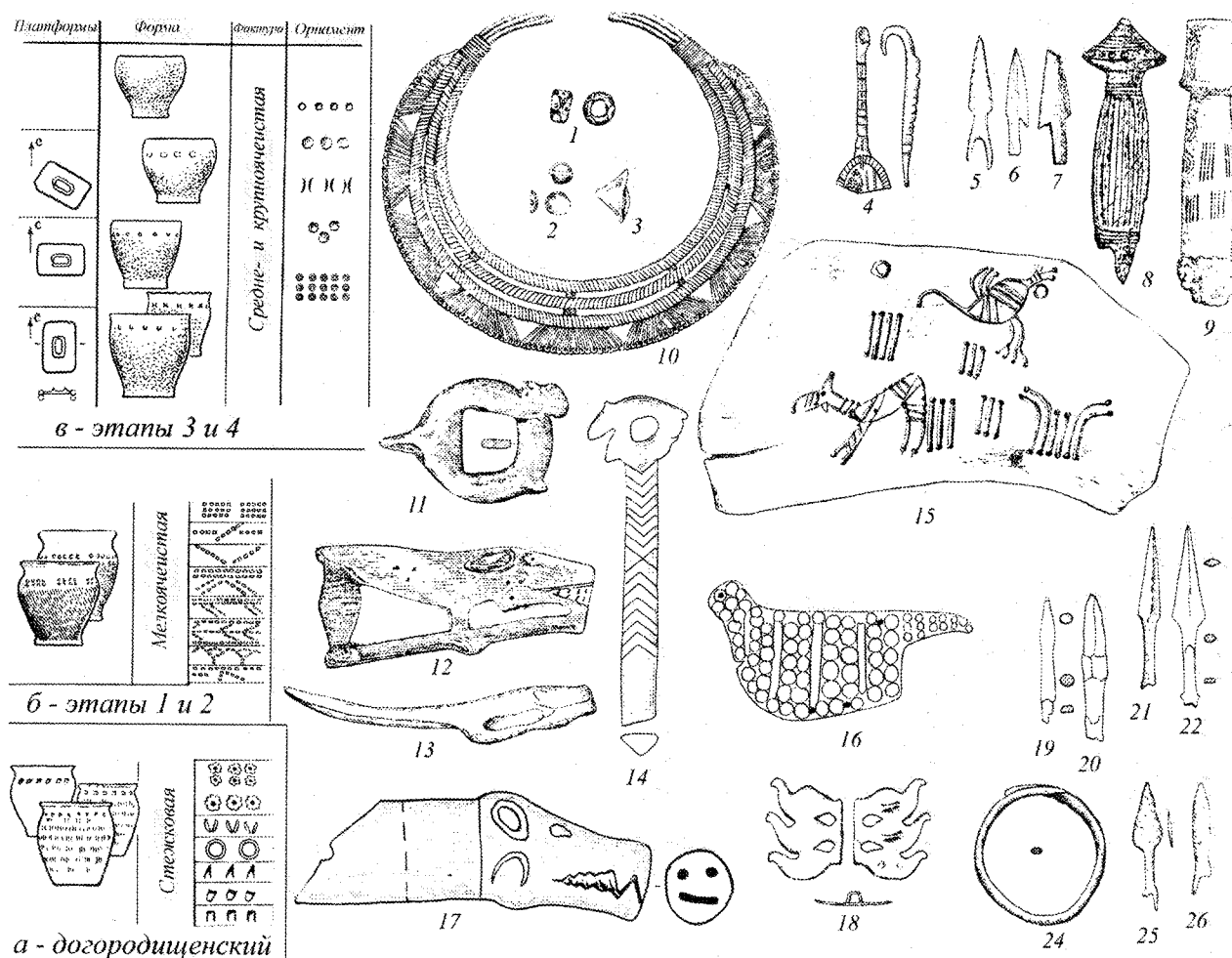
ция животноводства — так очень большое место занимает свиноводство при относительно малой роли коневодства.

Значительные перемены в эпоху укрепленных городищ наблюдаются в области внешних сношений. Предметы прикамского импорта уступают место среднедонским орудиям труда, предметам вооружения, украшениям (рис. 3, 1). Примечательны и различия в предметах скифо-сарматского звериного стиля. В роговой рукояти ножа с изображением хищника из Старшего Каширского городища в трактовке пасти проявилось сходство с предметами звериного стиля из Прикамья (голова хищника на ананьинских секирах) и материалами сарматских древностей, что, по мнению В.И. Гуляева, говорит о культурных связях дьяковских племен с Прикамьем и Приуральем. В совершенно иной манере (рис. 3, 11) выполнена фигурка хищника на роговом футляре для копья, найденном в верхнем слое Боршевы. Для предметов звериного стиля из памятников Среднего Дона присуще отсутствие динамизма, что объясняется особой манерой стилизации. Большинство хищников, как и на футляре из Боршевы, теряют свой грозный устрашающий вид. В том же слое Боршевы был найден железный колчаный крючок, подобный колчаным крючкам Мاستюгинских курганов. Предметы звериного стиля (рис. 3, 4, 12, 13), как и весь комплекс импортных находок того времени, говорят о торговых и культурных связях дьяковских племен с лесостепью, со скифоо-

бразной культурой Среднего Дона. Следует учесть, что предметы звериного стиля не находили практического применения у дьяковцев. Вероятно, скифское искусство представляло для дьяковцев эстетическую ценность. Не случайно в дьяковских городищах встречаются предметы из рога и кости, в которых явно проявляется попытка подражания (рис. 3, 11, 14) этому привлекательному, но непонятному искусству (Крис, 1981).

Одно из городищ, защищенных оборонительным валом, — городище Кузнечики расположено вдали от основной водной магистрали. Оно исследовано полностью (рис. 1, 8). Вал насыпан на материковый слой и впоследствии заменен новой системой обороны, которая вошла в литературу под названием оборонительных стен. Эта система была обнаружена и на других городищах, которые, как и городище Кузнечики, были расположены не на Москве-реке (кроме Троицкого городища, основанного в верховьях Москвы-реки), как бы повторяя топографические условия самых ранних городищ, окруженных тыном. Наличие двух сменявших друг друга оборонительных систем на городище Кузнечики дает четкое представление об их относительной хронологии (Дубынин, 1970а. С. 154, 155).

На соседнем с Кузнечиками — Щербинском городище (рис. 1, 2) обнаружены также две системы обороны, вероятно, разделенные большим промежуток времени: первоначальный — тын, который едва ли

Рис. 3. Этапы в развитии раннедыковских городищ:

а - догородищенский; б - этапы 1-й и 2-й; в - этапы 3-й и 4-й. Датированные находки

2, 3, 8, 16-26 - VI-V вв. до н.э.; 1, 4-7, 9-15 - IV-III вв. до н.э. (1 - стекло; 2, 3, 10, 18, 24 - бронза; 4 - железо; 5-9, 11-15, 19-23, 25, 26 - кость, рог; 16 - глина)

функционировал до появления системы оборонительных стен (Дубынин, 1974), особенно надежно исследованных на Троицком городище. Не исключено, что Щербинское городище в какой-то промежуток времени не функционировало.

Необычно начиналась история Троицкого городища, где обнаружены полностью уничтоженные пожаром остатки оборонительной стены. Культурный слой перекрывал слой пожара во рву и на площадке городища, где найдены обгоревшие кости человеческого скелета и череп. Наиболее древние находки датируют эти события IV-III вв. до н.э. (Дубынин, 1970б. С. 14, 157).

Оборонительные стены были открыты и на Селецком городище. По краю площадки прослежены остатки столбовых построек, примыкавших к оборонительному сооружению со следами пожара (Крис, Чернай, 1980). В слое сильного пожара у входа на городище найдена полностью сохранившаяся бронзовая пектораль (рис. 3, 10). Селецкая пектораль отлита целиком в форме по восковой модели с применением

пайки отдельных деталей. По находкам из слоя она может быть датирована IV или IV-III вв. до н.э. (Чернай, 1980). Это произведение ювелирного искусства, безусловно, не местного происхождения. Нахождение столь ценного предмета на дыковском городище в слое пожара рисует экстремальную ситуацию, в которой была утеряна пектораль, едва ли принадлежавшая местному жителю. Нет достаточных оснований предполагать, что эти события происходили одновременно с пожаром на Троицком городище, но в какой-то мере они характеризуют эпоху.

В самой верхней части раннедыковского слоя Боршевы найдена нагрудная пластина из лосиного рога (рис. 3, 15). Она лежала лицевой стороной вниз. На лицевой стороне пластины глубокой гравировкой выполнена композиционная сцена. Фигуры птицы и лося поражают динамизмом и позволяют говорить о высоком уровне искусства графики (Крис, 1995). Это нагрудная пластина шамана, и, как ритуальный предмет, она, бесспорно, представляла огромную ценность. Поэтому она едва ли была брошена случайно,

так же, как и пектораль на Селецком городище. Наординарность нахождения столь ценных вещей и пожары, уничтожившие оборонительные сооружения городищ, дают некоторые представления о событиях, происходивших в финальную пору раннедьяковского периода в бассейне Москвы-реки.

Раннедьяковский период определяется временем с VII–VI по IV–III вв. до н.э. Оборонительные сооружения, с учетом топографии и всего комплекса находок, позволяют говорить о четырех этапах жизни раннедьяковских городищ. Первый этап (VII–VI вв. до н.э.): городища, окруженные тыном, располагаются вдали от основной водной магистрали, на останках. Второй этап (VI–V вв. до н.э.): городища появляются на береговых мысах Москвы-реки (естественные убежища). Третий этап (V – начало IV в. до н.э.): строительство мощных оборонительных сооружений, превративших естественные убежища в укрепленные городища. Четвертый этап (IV–III вв.

до н.э.): строительство оборонительных стен на городищах, удаленных от Москвы-реки.

Оборонительные сооружения в какой-то мере характеризуют историческую ситуацию. Так тын, окружающий площадку городища, играл, по видимому, роль изгороди и по стратегическим условиям мало отличался от естественных убежищ. Первые два этапа рисуют картину мирного освоения бассейна Москвы-реки. Идентичная керамика и хозяйственный уклад не оставляют сомнения в том, что население этих городищ было этнически однородным. В эпоху городищ, защищенных оборонительным валом и оборонительными стенами, по всей вероятности, был нарушен мирный характер отношений, о чем, прежде всего, свидетельствуют сожженные укрепления. Керамика в городищах этих периодов не идентична, но вопрос о серьезных этнических переменах ставить пока преждевременно.

Литература

Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. Вып. 85.

Граков Б.Н., 1977. Ранний железный век. М.

Дубынин А.Ф., 1970а. Городище Кузнечики в Подмоскowie // СА. № 1.

Дубынин А.Ф., 1970б. Троицкое городище // МИА. № 156.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Качанова В.И., 1954. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмоскowie. М.

Краснов Ю.А., 1964. Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. Вып. 102. М.

Крис Х.И., 1981. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. № 1.

Крис Х.И., 1982. Грузики дьякова типа из Боршевы // КСИА. Вып. 170. М.

Крис Х.И. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА, № 4, 1995

Крис Х.И., Чернай И.Л., 1980. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. Вып. 162. М.

Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX АС. Т. II. М., 1897.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Чернай И.Л., 1980. Пектораль из Селецкого городища // СА. № 4.

H.I. Kris

On certain Early Dyakovo sites in the river Moskva basin

Summary

The article was written in the 1990-s and sums up the author's investigations of Iron Age antiquities in the river Moskva basin, including the field investigations at

Borshevo. The article advances the assumption that we can identify five stages in the development of the culture during the period from the 7th to the 3^d cc. BC.

Комментарий к статье Х.И. Крис

Краткая научная биография Хавы Иосифовны Крис (1921–2001) представлена в сборнике «Институт археологии: история и современность» (2000. С. 134) и некрологе, написанном К.А. Смирновым и А.А. Формозовым (2001).

В конце 1990-х годов А.А. Формозов передал мне присланную из США статью Х.И. Крис, сказав, что в журнал «Российская археология» данный текст не пойдет, но, может быть, его стоит опубликовать в каком-либо тематическом сборнике.

Публикуемый текст представляет интерес уже тем, что является итогом размышлений Х.И. Крис над «дьяковской тематикой», которой она посвятила всю вторую половину своей научной биографии. Особенно ценны попытки автора выделить дробные хронологические этапы в рамках раннедьяковского периода и дать им историческую и социокультурную интерпретацию.

Конечно, необходимо учитывать, что Х.И. Крис не имела данных по радиоуглеродной хронологии, полученных для дьяковских памятников в 1980-е – 2000-е годы. Результаты радиоуглеродного датирования не спорят с последовательностью этапов, выделенных Х.И. Крис, но заставляют их несколько растянуть. Начало этапа «А», видимо следует датировать IX–VIII вв. до н.э., а финал этапа «В» – II в. до н.э.

После раскопок городищ Дьяково и Настасьино стало совершенно очевидным, что «глиняные платформы» с очагами – это остатки жилых построек типа «длинных домов». Об этом же свидетельствуют со- вмещенные планы раскопок городища Боршева (Кренке, 1987. Рис. 109, 110). В то же время вполне вероятно, что какая-то производственная деятельность велась в этих постройках (Сапрыкина, 2004). Для изучения этого вопроса необходим анализ шлаков и фрагментов обожженной глины, о которых пишет Х.И. Крис, а возможно и новые «тестовые» раскопки памятника.

Данная публикация с очевидностью указывает на необходимость детальной обработки и полной монографической публикации интереснейших материалов из раскопок городищ Круглица, Боровский курган, Боршева, Селецкое, проведенных в 1950–1970-е годы.

Литература

Институт археологии: история и современность. М., 2000.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН.

Сапрыкина И.А., 2004. Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино // АП. М.

Смирнов К.А. Формозов А.А., 2001. Памяти Хавы Иосифовны Крис (1921–2001) // РА. № 2.

Н.А. Кренке

Н.А. Сыроватко

Древние жилища Германии как источник аналогий дьяковским жилищам

В археологии дьяковской культуры остается немало трудноразрешимых вопросов. Дьяковское домостроительство относится как раз к таким. Изучение этой темы особенно осложняется большим количеством долгоживущих заблуждений или даже мифов, существующих в литературе (Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006; 2009). Знакомство с некоторыми европейскими материалами наводит на мысль, что привлечение более широкого круга аналогий позволит если не снять ряд вопросов, то хотя бы взглянуть на них под другим углом.

Наше знакомство с германскими аналогиями ни в коем случае нельзя считать систематическим и полным даже по одной земле – Нижней Саксонии¹. Но эти материалы не являются чем-то исключительным, они характерны для большей части севера Западной Европы. Привлечение европейских аналогий весьма полезно из-за лучшей сохранности исследованных там древних объектов. Последнее обстоятельство исключительно важно – оно позволяет объяснить некоторые моменты, неразрешимые пока на памятниках Центральной России именно из-за особенностей почв, влажности и т. п.

Три сюжета по теме дьяковского домостроительства показались особенно любопытными.

Сюжет первый

Одним из самых важных является вопрос о конструкции стен жилищ дьяковской культуры. Достоверные их следы (не считая спорных землянок, срубов и «каркасно-столбовых домов») представляют собой канавки, внутри которых, как правило, удается проследить столбовые ямки от небольших кольев. Следы в виде канавок могут быть оставлены стенами разной конструкции. Так, на поселении культуры воронковидных кубков Пеннигбютель в Саксонии стены, по мнению автора раскопок, состояли из врытых в землю с

интервалом в 50 см столбов, обмазанных глиной. При этом столбы были вкопаны в канавку (рис. 1), внешне очень похожую на дьяковские «канавки» (Assendorp, 2006a. Add. 1–3). То же можно сказать о доме на поселении Рульсторф ранне-римского времени (Gebers, 1985. P. 192, 193). Европейские материалы демонстрируют устойчивую связь «канавка – плетень» и именно так интерпретируются исследователями. И если общее устройство германских построек эпохи бронзы, РЖВ, эпохи переселения народов (часто трехчастных, с загонами для скота, заборами, встроенными в усадьбу хозяйственными пристройками (рис. 2) отличается от дьяковских, то сами следы от стен выглядят очень похоже (Assendorp, 2006b. P. 388–389; Bärenfänger, 2006. P. 461–463; Tempel, 2006. P. 429–432). Есть примеры расчищенных оснований плетня (рис. 3 – Strahl, 2006. Add. 2, 3). Самые же интересные примеры плетневой конструкции стен мы увидели в Музее викингов в Хедебю. Благодаря особен-

Рис. 1. Канавка от «домика мертвых». Пеннигбютель (по: Assendorp J.J., 2006a. Abb. 1, p. 368)

¹ Этим знакомством мы во многом обязаны Ганноверскому коллеге Михаилу Сафронову, которому выражаем искреннюю признательность.

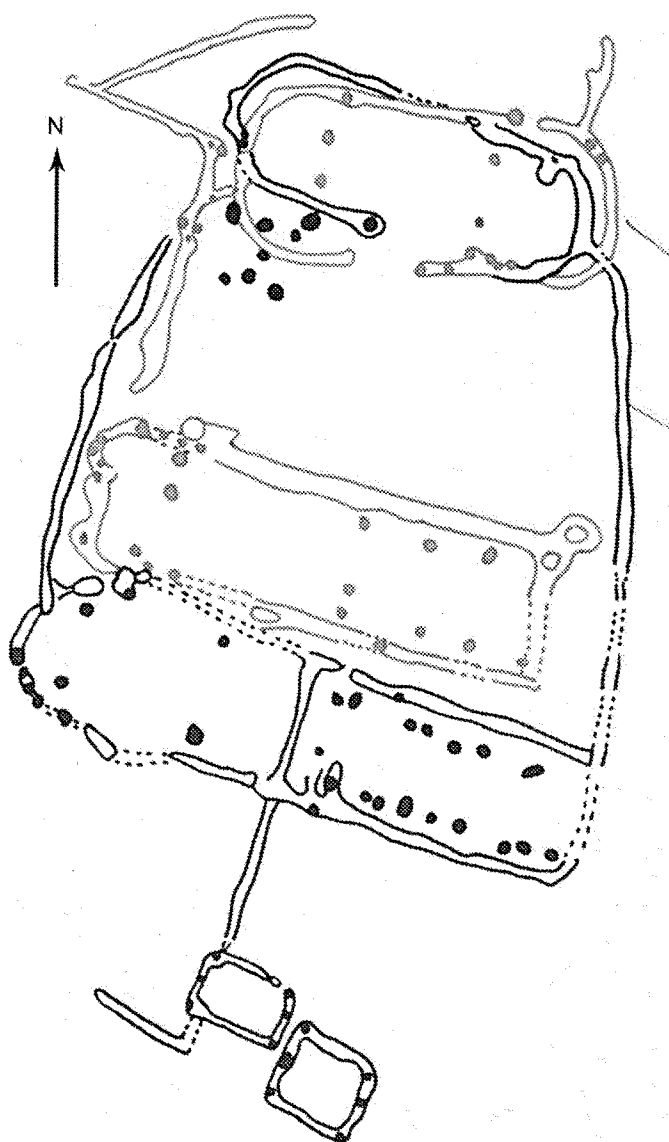

Рис. 2. План построек поселения Гросс-Мекльсен, I в. н.э. (по: Tempel W.-D., 2006. Abb. 6–7, p. 518)

ностям грунта, дерево прекрасно сохранилось. В процессе гибели одной из построек, стены ее сложились, как карточный домик (рис. 4). Исследователям предстала ясная картина как конструктивных особенностей стен и крыш, так и внутреннее убранство домов². Они воспроизведены в натурной реконструкции на территории музея (рис. 5). Траптовка канавок как следов

сруба (Дубынин, 1970; Смирнов, 1965. С. 15–32; 1973. С. 105), а столбовых ямок в них – как необрубленных сучков (Смирнов, 1965. С. 22, 23, 24)³, на первый взгляд, логична, но европейские материалы с их сохранившимися частями плетня и вкопанными столбами убеждают в том, что и на дьяковских поселениях стены построек могли быть плетневыми.

² О постройках Хедебю см.: Карнап-Борнхайм, фон, и др., 2010.

³ Заметим, что еще в Кузнечиках не все столбовые ямки в канавках можно было объяснить сучками (Смирнов, 1965. С. 25), а при раскопках Дьякова Лба, где ямки в канавках также были прослежены (постройка 6), эта версия уже не звучала (Смирнов, 1970. С. 11; 1973. С. 105).

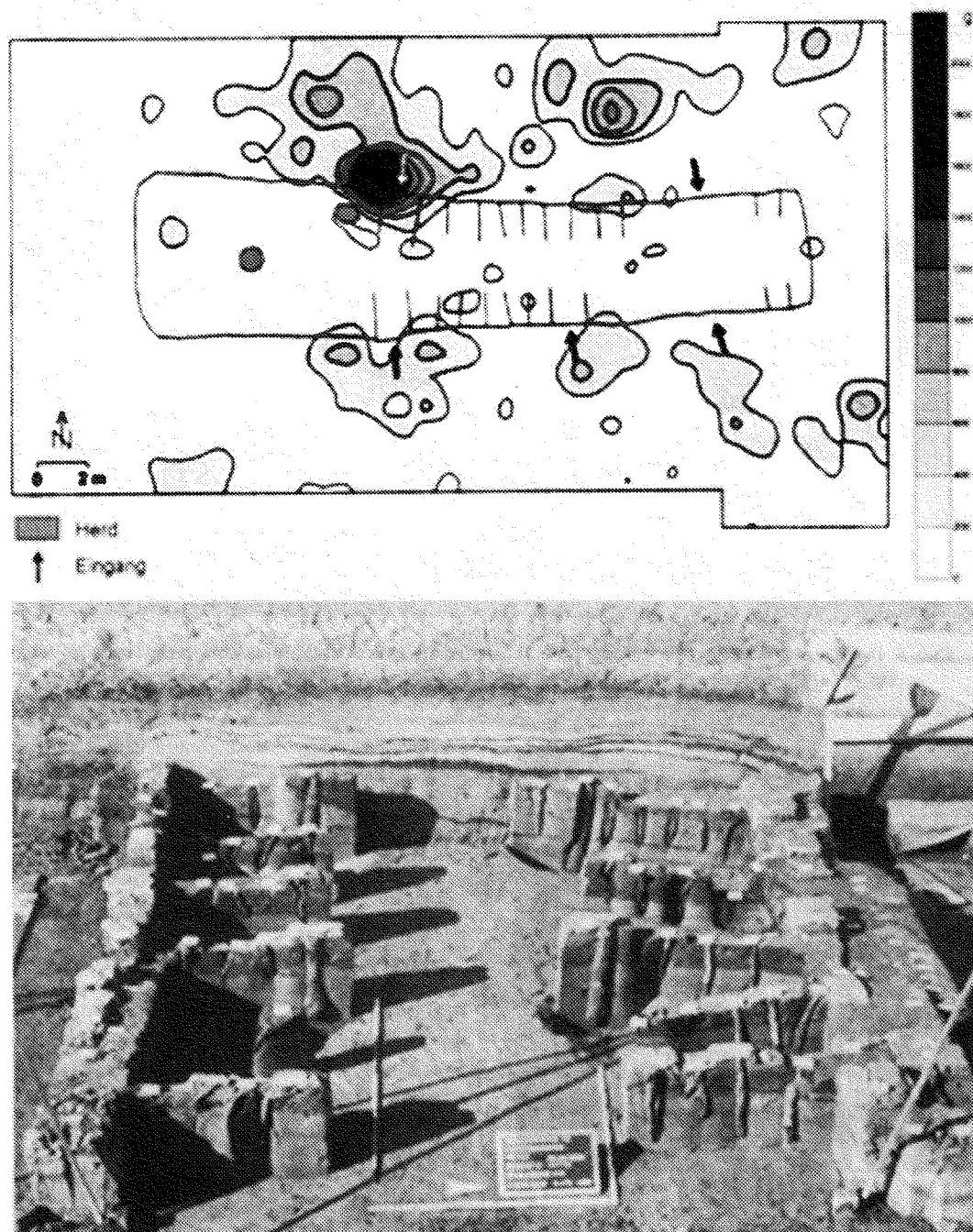

Рис. 3. Поселение Роттенкирхен, эпоха поздней бронзы.
Вверху – план постройки, внизу – основания плетня перегородок загона
(по: *Strahl E.*, 2006. Abb. 6–7, p. 518)

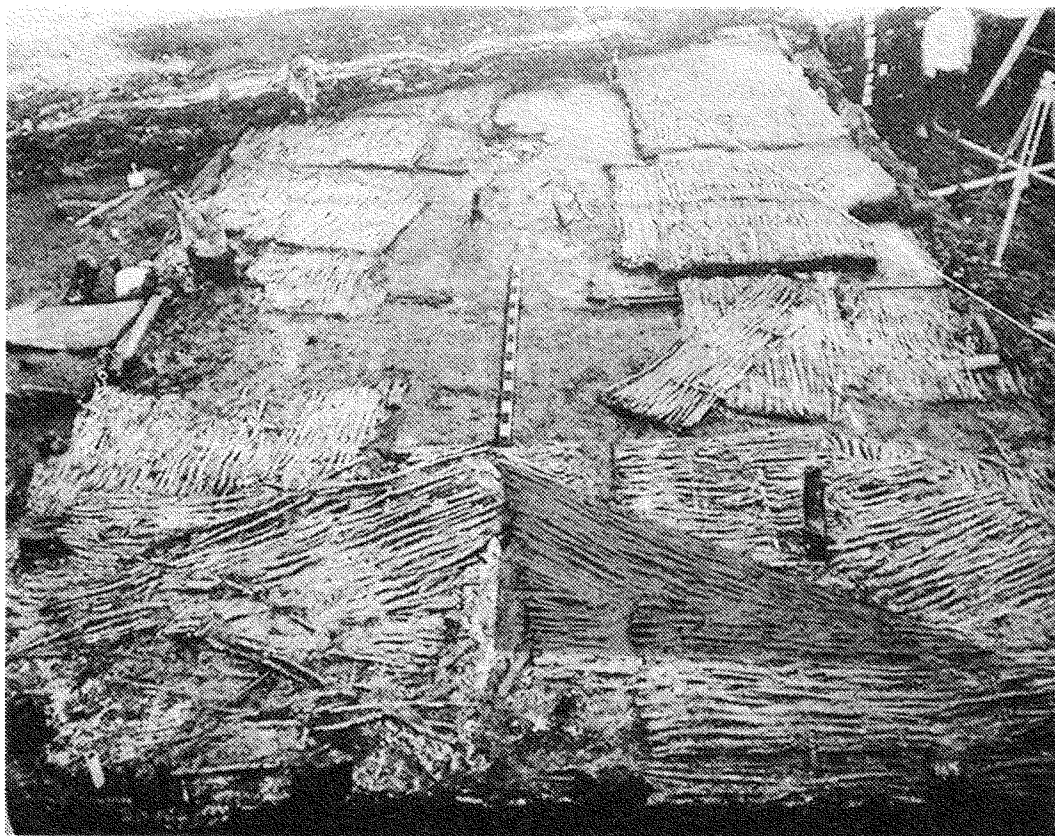

Рис. 4. Поселение Хедебю. Расчистка рухнувших плетневых стен. Фото кон. XIX – нач. XX в.

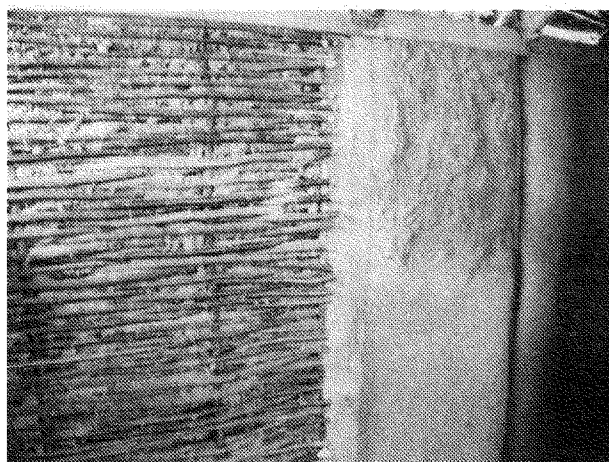

Рис. 5. Фрагмент стены дома – плетня с обмазкой. Реконструкция из музея в Хедебю

Сюжет второй

Еще одна немаловажная деталь находит аналогии и объяснение в германских материалах – это «перехлест» линий канавок от стен, заметный у некоторых построек (рис. 6), что у нас иногда трактуется

как результат рубки «в обло» и фактически привлекается как доказательство срубной конструкции дома (Смирнов, 1965. С. 31; Дубынин, 1970. С. 156; Энговатова, 2004. Рис. 1). Немецкие коллеги трактуют это как некие пилоны, продолжение плетневых стен для выноса крыши, устроенное обычно с наветренной стороны для защиты от дождей (Assendorp, 2006a. P. 366–367) (рис. 7).

Означает ли, что приведенные аналогии отрицают, к примеру, «каркасно-столбовую» версию устройства стен? Безусловно, нет – многочисленные примеры археологических объектов, в основе которых имеются только ряды столбов, являющихся главным признаком постройки, без канавок от плетня (Fansa, 1985. P. 98). Но и выглядят они иначе, чем на дьяковских городищах, – это совершенно четкие ряды столбовых ям, а потому контуры построек не нуждаются в домысливании (в противоположность «столбовым постройкам» Троицкого городища).

Сюжет третий

Интересна еще одна параллель. В саксонских постройках раннего железного века и эпохи Великого переселения народов часто прослеживаются ряды небольших отсеков (рис. 3), которые трактуются как загон для скота, стойла (Strahl, 2006. Add. 6, 7; Tempel, 2006. Add. 7. P. 431, 432). Появление таких загонных внутри жилых домов связывается с похоло-

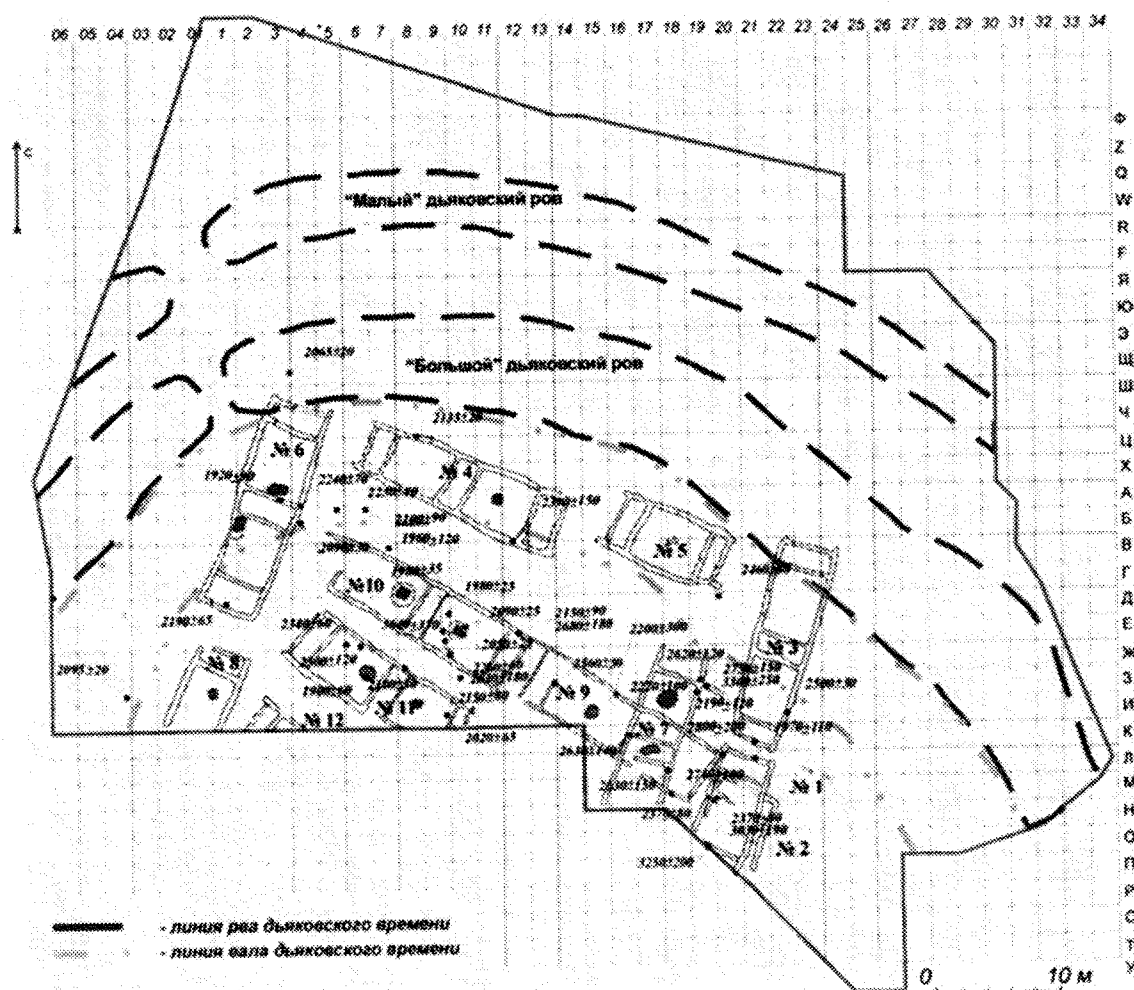
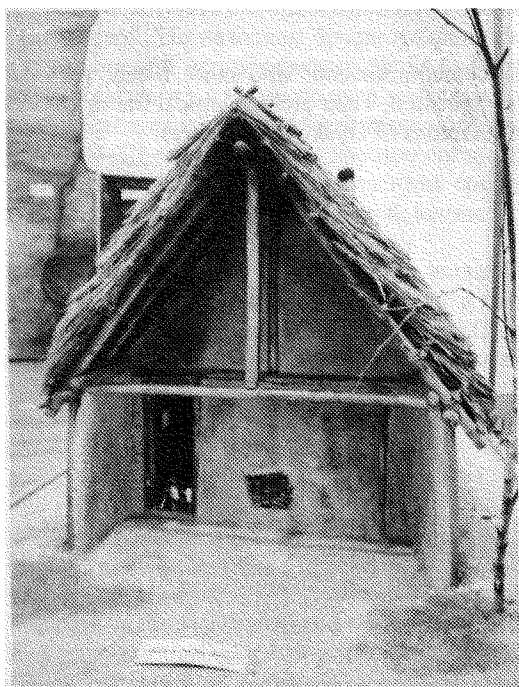

Рис. 6. Общий план построек в Настасьино (по: Энговатова, 2004)

данием климата (Strahl, 2006. Р. 517, 518). В связи с этим уместно вернуться к планировке домов городища Настасьино, которые, как правило, состояли из двух больших комнат, разделенных узким отсеком и обрамленных двумя такими же отсеками с торцов, или же с одной комнатой и узкими отсеками по краям (рис. 6). Размеры таких отсеков – около 3–4 м в длину и 1,5–1,8 м в ширину. Не исключено, что эти неотопляемые отсеки служили той же цели – являлись стойлом для скота, одновременно утепляя собственные жилые помещения.

Рис. 7. Макет дома с плетневой конструкцией стен, с выносом «пилонов» за торец. Исторический музей в Ганновере

Литература

- Дубынин А.Ф., 1970. Городище Кузнечики в Подмоскowie // СА. № 1.
- Карнат-Бронхайм К., фон, Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й., 2010. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. № 1.
- Смирнов К.А., 1965. Отчет. Московская экспедиция. 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3139.
- Смирнов К.А., 1970. Отчет о раскопках городища Дьяков Лоб // Архив ИА РАН. Р-1. № 4233.
- Смирнов К.А., 1973. Городище Дьяков Лоб // КСИА. Вып. 133.
- Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры // АП. Вып. 3. М.
- Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2009. К вопросу об облике построек городищ Кузнечики и Щербинское // АП. Вып. 5. М.
- Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП. М.
- Assendorp J.J., 2006a. Die TBK Siedlung von Penigbüttel, Ldkr. Osterholz // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte. Oldenburg.
- Assendorp J.J., 2006b. Die bronzezeitliche Siedlung von Hitzacker // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte. Oldenburg.
- Bärenfänger R., 2006. Mittelalterliche Geestesiedlungen in Ostfriesland // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte. Oldenburg.
- Fansa M., 1985. Ein Dorf der Bandkeramiker in Rössing // Ausgrabungen in Niedersachsen "Archäologische Denkmalpflege 1979 bis 1984". Stuttgart.
- Gebbers W., 1985. Grabungen im Bereich einer Siedlung der jüngeren römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Rullstorf, Landkreis Lüneburg // Ausgrabungen in Niedersachsen "Archäologische Denkmalpflege 1979 bis 1984". Stuttgart.
- Schwarz W., 2006. Hesel, Siedlungsreste der Bronzezeit // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte. Oldenburg.
- Strahl E., 2006. Erste Bauern in der deutschen Marsch // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte. Oldenburg.
- Tempel W.-D., 2006. Eine Dorfsiedlung der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit bei Grob Meckelsen, Ldkr. Rotenburg (Wümme) // Archäologie Land Niedersachsen. 25 Jahre Denkmalschutzgesetz – 400000 Jahre Geschichte. Oldenburg.

N.A. Syrovatko

Ancient dwellings in Germany as a source of analogies of Dyakovo dwellings

Summary

The article suggests that the Early Iron Age Dyakovo structures in the Volga-Oka interstream area have analogies in Lower Saxony, where wattle and pillar houses

from contemporaneous and more recent periods have been excavated. Their archaeological traces are identical to the remains of Dyakovo structures.

Е.В. Столяров

Костяной инвентарь верхнеокских городищ эпохи раннего железа (по материалам городищ Свинухово и Николо-Ленивец)

Изучение костяного инвентаря верхнеокских племен раннего железного века за всю более чем столетнюю историю исследования данного региона не становилось до недавнего времени объектом специального внимания исследователей (Столяров, 2009; Модин, Столяров, 2009), хотя определенная часть материалов, полученных в ходе многолетних работ, была опубликована Т.Н. Никольской, правда, без какого-либо анализа (Никольская, 1953. Рис. 22; 23; 1959. Рис. 11, 1–10; 1962. Рис. 3, 6, 9). А меж тем, изделия из кости являются самыми многочисленными находками после керамического материала на поселениях раннего железного века лесной полосы Восточной Европы, среди которых верхнеокский бассейн не составляет исключения. В данную работу включены все находки из кости, происходящие с двух важных памятников Поугорья – городищ Свинухово и Николо-Ленивец (рис. 1), хранящиеся в фондах Калужского областного краеведческого музея (КОКМ). К сожалению, часть коллекции не сохранилась до наших дней, но некоторые из вещей были опубликованы Т.Н. Никольской. По находкам браслетов латенского стиля и украшений подгорцевского литья (навершиям ажурных булавок), а также по ряду костяных изделий, весь исследуемый вещевой комплекс может быть датирован IV–III вв. до н.э., что хорошо согласуется с аналогичными находками на поселениях соседних культур – дьяковской, днепро-двинской, юхновской и культуры штрихованной керамики.

По функциональному назначению выделяется четыре группы предметов из кости (всего в работе задействовано 99 экземпляров из фондов КОКМ и ряд опубликованных, но несохранившихся находок): 1) орудия охоты и оружие; 2) орудия труда; 3) детали одежды и украшения; 4) предметы неизвестного назначения.

Орудия охоты

Орудия охоты могли использоваться и как оружие. Основную массу изделий в этой группе составляют наконечники стрел (рис. 2; 3): 24 экз. и 4 незаконченных образца, по которым в целом можно определить тип будущего наконечника. Костяные стрелы делятся по способу крепления к древку на два отдела – втуль-

чатые и черешковые; внутри отдела они подразделяются на типы по форме пера.

Втульчатые наконечники стрел представлены тремя экземплярами (рис. 2, 1–3), которые можно подразделить на следующие типы.

1. Конический или пулевидный (рис. 2, 2) – несколько более вытянутой формы, чем аналогичные наконечники с Каширского, Щербинского городищ и с городища Кузнечики дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 29. Табл. I, 1. Рис. 3, 2), а также с городища Кащеличи и селища Засвирь культуры штрихованной керамики Белорусского Понеманья (Медведев, 1996. С. 24. Табл. 37, 1–2), городищ Горани и Наркунай культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. Табл. 18, 9–13). К.А. Смирнов усматривал в них подражание скифским образцам и датировал VIII–III вв. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 29).

2. Усеченноконический (по В.А. Городцову) или наперстковидный (втульчатый с тупым концом) (рис. 2, 3). Такие наконечники применялись для охоты на мелкого пушного зверя. Стрела оглушала его, не пробивая шкуру. Начало употребления усеченноконических наконечников, по-видимому, относится примерно к тому же периоду, что и пулевидных (Дубынин, 1974. С. 218). Известны на ряде дьяковских городищ – Троицком, Щербинском, Графская Гора, Михайловском, Огубском и др. (Смирнов, 1974. С. 29. Табл. I, 4; II, 19–20), днепро-двинских (Шмидт, 1992. С. 75. Табл. 1, 18–19), а также городищах культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. Табл. 18, 1–7).

3. Трехгранно-цилиндрический (рис. 2, 1) – имеет подтреугольное сечение пера и цилиндрическую втулку, равную длине пера. Вероятно, данный экземпляр, подобно пулевидным наконечникам стрел, является подражанием скифским образцам.

Черешковые наконечники представлены 21 образцом и 4 незаконченными экземплярами, среди которых выделяются следующие семь типов.

1. Одношпильные (рис. 2, 2–13, 15) имеют овальное, подпрямоугольное или подтреугольное, более или менее уплощенное, сечение, иногда намечается грань. Одна сторона стрелы прямая, на другой – шип. Такие стрелы известны на памятниках уже с III–II тысяче-

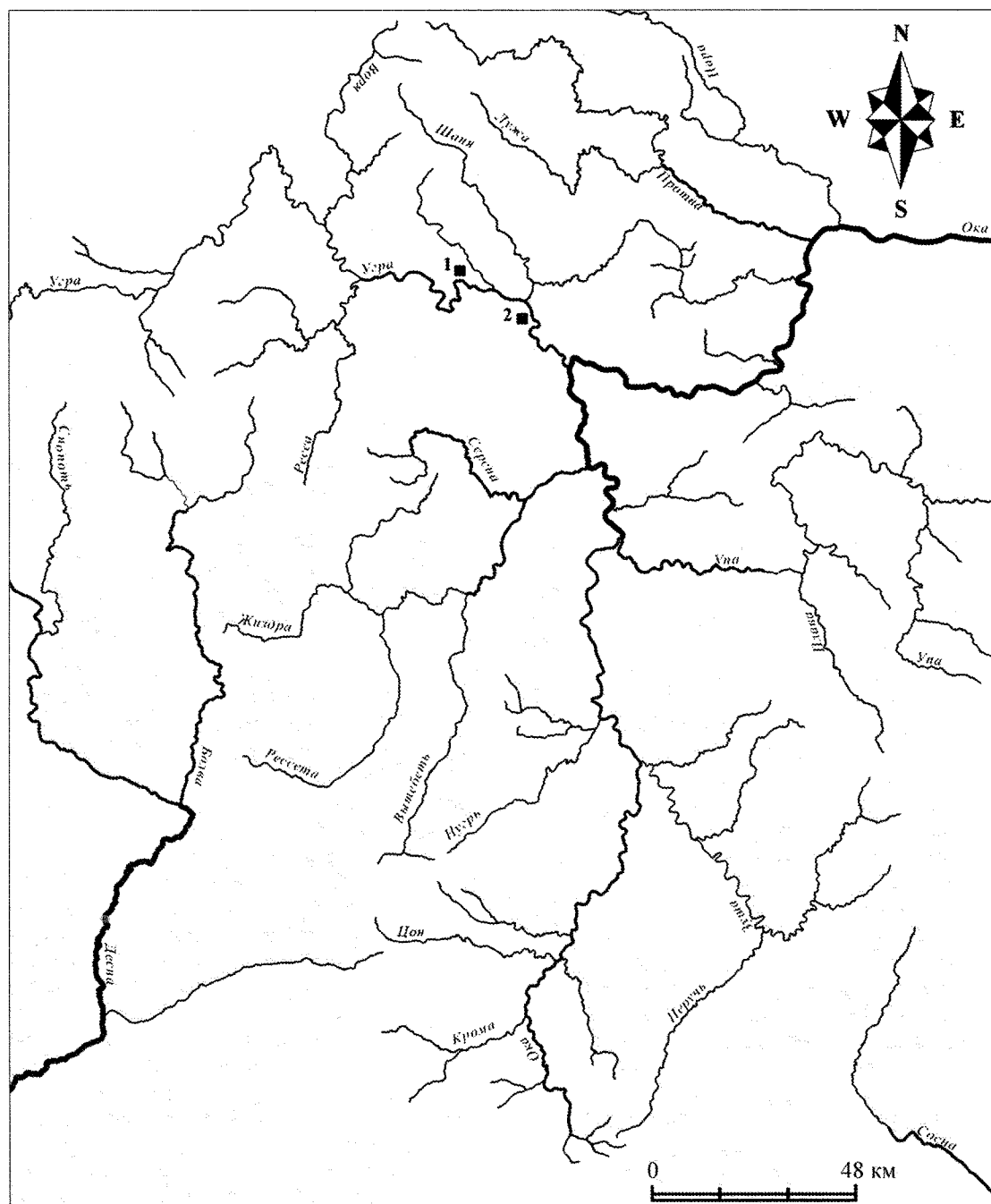

Рис. 1. Городища Николо-Ленивец (1) и Свинухово (2)

летий до н.э. Длина их колеблется от 4,5 до 11,5 см. Самые крупные экземпляры, по-видимому, относятся к отдельному варианту – одношипных гарпунообразных стрел, имеющих черешок, равный по длине перу (рис. 2, 12, 13). На дьяковских городищах они залегают в нижних слоях (Смирнов, 1974. С. 31). Найдены на Щербинском (основание слоя), Каширском, Борисоглебском, Подмоклово, Графская гора, Мамоновом городищах дьяковской культуры (Смирнов, 1974. Табл. 1, 21), а также на ряде городищ днепровской культуры (Шмидт, 1992. Табл. 1, 3–8).

2. Двущипные (рис. 2, 1) – имеют плоское перо с двумя шипами по сторонам и плоский черешок. По положению находок в культурном слое городищ Троицкого, Щербинского и Кузнечики, их относили ко времени до рубежа нашей эры. Известны они также на Каширском, Успенском, Бородинском городищах (Смирнов, 1974. С. 32. Табл. 1, 26). Среди двущипных стрел выделяется очень интересный наконечник стрелы с городища Свинухово (рис. 3, 14). Утрата острия пера и частично верхнего шипа находки не позволяет точно установить ее размеры. Она имела сглажено-подтреугольную фор-

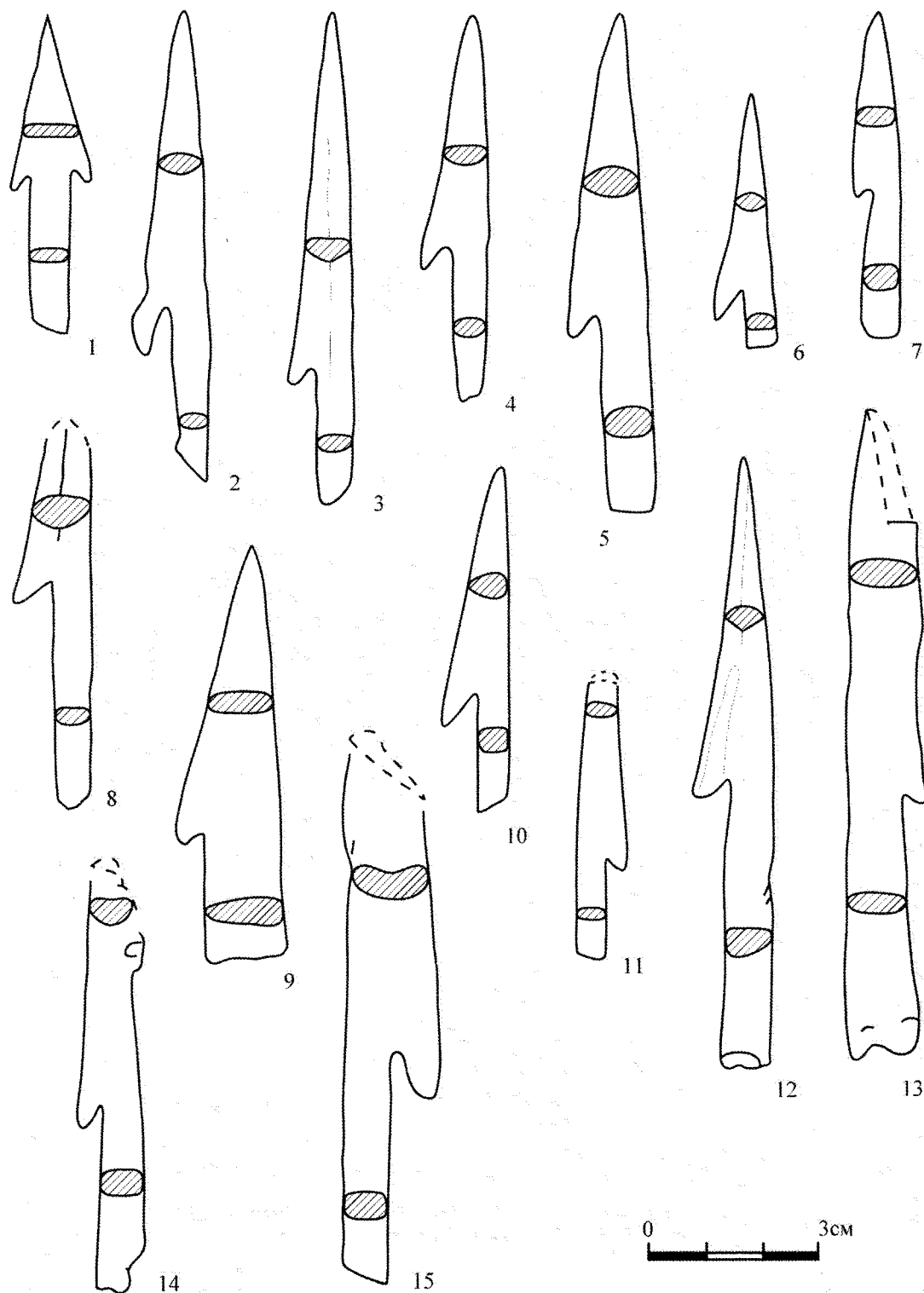

Рис. 2. Костяные наконечники стрел. Николо-Ленивец (1–9), Свинухово (10–15)

му сечения пера и прямоугольное сечение черенка и, что интересно, жальца у нее находились асимметрично на разных уровнях. Подобная находка была сделана на городище Замощье днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985. С. 49). К этому же типу, видимо, относятся и 4 незаконченных экземпляра (рис. 2, 10–13).

3. Конические (шиловидные) с упором (рис. 2, 4) – имеют круглое в сечении перо в виде заостренного стержня и подокруглый черешок. Аналогичные экземпляры были найдены на городищах Горани и Наркунай культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. С. 34. Табл. 21, 14, 17).

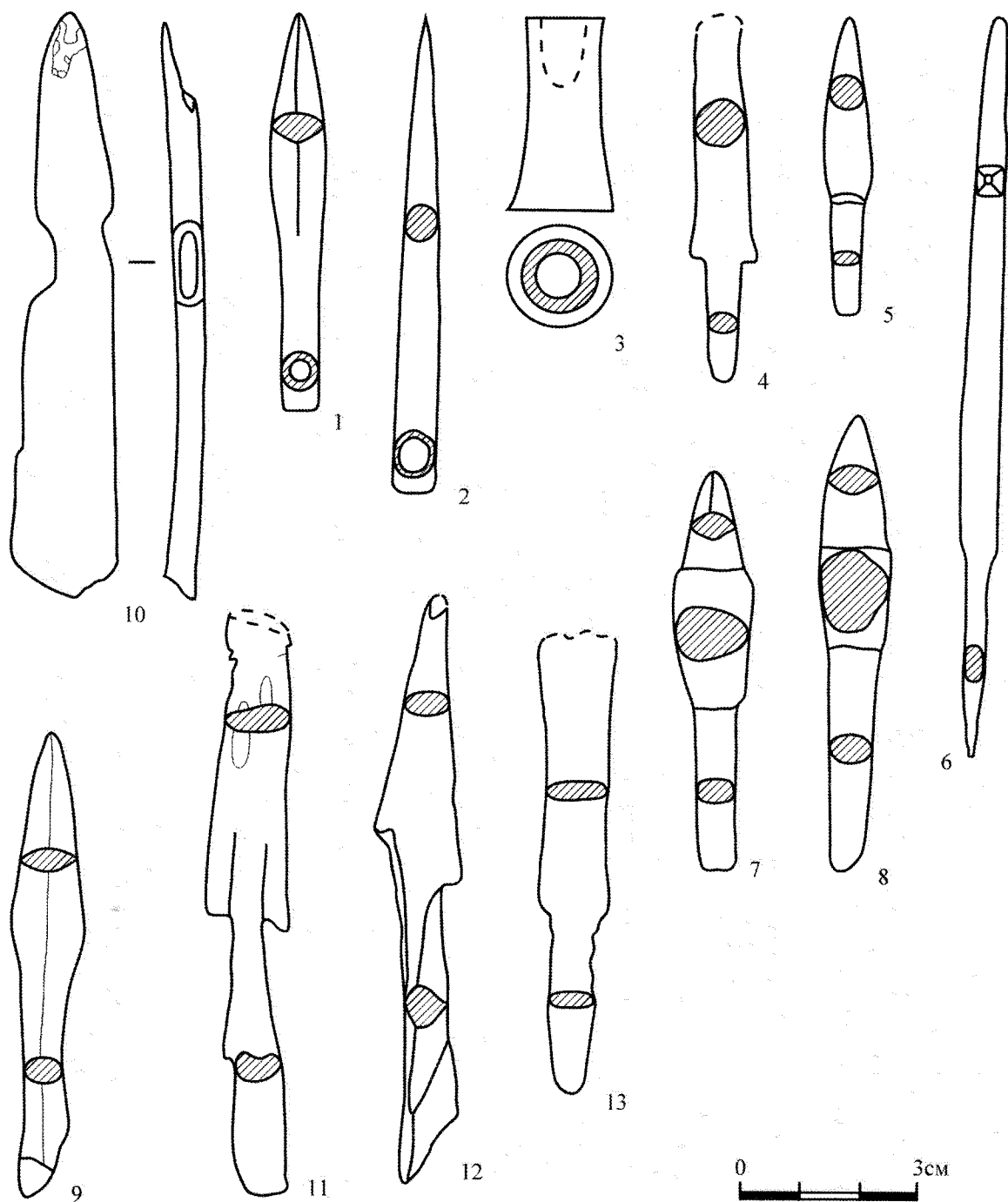

Рис. 3. Костяные наконечники стрел из Николо-Ленивца (1–9) и незаконченные образцы из Свиного (10–13)

4. Конические (шиловидные) без упора (рис. 2, 5) – имеют круглое в сечении перо в виде заостренного стержня и плоский черешок. Перо плавно переходит в черешок. Аналогии им известны с городищ дьяковской культуры – Троицкого, Щербинского, Кузнечики, Графская Гора и Каширского (Смирнов, 1974. С. 31. Табл. I, 18).

5. Листовидные (рис. 2, 9) – имеют овальное сечение пера, которое плавно переходит в черешок округлого сечения (Егорейченко, 2006. Табл. 21, 19, 21).

Наш экземпляр имеет более узкое и вытянутое перо, равное длине черешка.

6. Пирамидальные (рис. 2, 6) – имеют прямоугольное сечение пера и уплощенный черешок. Известны на городищах Троицком, Щербинском, Кузнечики, Сетунском, Каширском, Графская гора (Смирнов, 1974. С. 30. Табл. I, 13).

7. Наконечники с утолщением при переходе от черешка к перовой части (рис. 2, 7–8). Утолщение цилиндрической или уплощенно-цилиндрической

формы переходит в плоский черешок округлого или подпрямоугольного сечения, образуя на месте перехода уступчик. У всех экземпляров черешок утолщен. Длина черешка иногда превышает длину пера. Такое утолщение придавало наконечнику стрелы массивность, нужную, видимо, для усиления ударного действия при поражении пушного зверя и для сохранения его ценной шкурки (Дубынин, 1974. С. 219). Аналогичные находки были сделаны в древнейших слоях на Старшем Каширском и Кропотовском городищах, вместе с однокрыльями черешковыми наконечниками стрел каширского типа, датируемыми V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 99). Эта группа наконечников – одна из специфических для Щербинского городища. Только у дяковских экземпляров, в тех случаях, когда черешок сохранился полностью, он заканчивается расширением в виде двух плоских, симметрично расположенных шипов, прямоугольной лопаточки, иногда с вырезом в основании (Дубынин, 1974. С. 220). Для верхнеокских городищ такая особенность не наблюдается.

Кроме того, хотелось бы упомянуть об еще одном достаточно редком типе наконечников стрел, известном на городище Свинухово (Никольская, 1953. Рис. 22, 1) – с треугольной формой пера и овально-уплощенным сечением. Основание пера изогнутой линией переходит в плоский черешок, иногда равный длине пера, который заканчивается раздвоенным расширением – серповидным вырезом или «ласточкин хвостом». Подобные наконечники известны на других верхнеокских городищах Тульской области, например, на Дуне (из раскопок Н.В. Теплова – Никольская, 1959. Рис. 6, 10), а железный образец – на селище Жабынь 1 (Наумова, 1996. Рис. 30, 3). Аналогичные находки происходят также с Щербинского, Троицкого, Кузнечики, Сетунского городищ дяковской культуры, Кузиной горы и Моисеевского в Посеймье (Дубынин, 1974. Табл. 1, 1). Листовидные наконечники стрел с раздвоенным черенком являются наиболее характерными для днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. С. 86. Табл. 18, 2–7, 9, 11–12). Данный тип – подражание костяным и железным наконечникам стрел IV–III вв. до н.э., известным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме (Дубынин, 1974. С. 220).

Гарпунные наконечники (рис. 3). Следуя классификации, разработанной В.А. Городцовым на материалах Каширского городища дяковской культуры и дополненной затем К.А. Смирновым, половину всех наконечников (всего в работе использовано восемь экз. и одна заготовка) (рис. 4, 2, 4, 6, 7) следует отнести к отделу отделяющихся, типу 1 – однозубые с муфтой. Гарпун такого типа не был частью остроги, а вставлялся в гнездо на древке, муфта же служила для удержания ремня или веревки. Гарпун, вероятно, использовался при охоте на крупную рыбу или зверя, живущего в воде (бобр, выдра). Если удар не был смертелен, то наконечник выскакивал из древка, и добыча уходила вместе с ним. Однако охотник удерживал ее за ремень (Смирнов, 1974. С. 34–35). Самая многочисленная группа таких гарпунов была обнару-

жена на Щербинском городище в нижнем и среднем слоях (Дубынин, 1974. С. 257. Табл. III). На Троицком городище, которое поражает обилием костяного инвентаря, гарпунов найдено только два, причем один – на материке с датировкой IV–III вв. до н.э. Большая часть гарпунов культуры ранней штрихованной керамики и днепро-двинской, также относится к данному отделу и типу (Егорейченко, 2006. С. 35. Табл. 23; Шмидт, 1992. С. 78. Табл. 2, 1–7). В Прикамье подобные гарпуны встречены в слое со скифскими стрелами V–III вв. до н.э. Общая датировка гарпунных наконечников этого типа – не позднее IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 35), что хорошо согласуется с вещевым комплексом исследуемых городищ в целом.

Несколько экземпляров наконечников имеют естественное утолщение кости на конце черешка (рис. 4, 1, 3, 8), как и заготовка подобного типа (рис. 4, 9). Возможно, их следует отнести к отделу неотделяющихся наконечников, подобно дяковским с лопаточкой на конце. Один образец по своим размерам сильно выделяется на общем фоне (рис. 4, 5) – он, видимо, мог использоваться в качестве наконечника остроги или даже копья.

Манки (рис. 5). Дудочки-манки представляют собой трубчатые кости с просверленными отверстиями. Всего известно четыре экземпляра. Два манка были найдены на городище Горани и один на городище Наркунай культуры штрихованной керамики (Медведев, 1996. С. 25). Подобные находки известны и в древностях дяковской (Дубынин, 1974. Табл. VI, 1–9, 15–17), и днепро-двинской культур (Шмидт, 1992. Табл. 7, 5–7), а также в материалах каширской группы дяковских городищ, выделяемых В.В. Сидоровым в самостоятельную культуру (Сидоров, 2006. Рис. 15). Наши два образца с городища Николо-Ленивец имеют несложный прочерченный узор в виде группы линий, чередующихся «елочкой» по всей поверхности изделия; насечек по боковой части и ряда линий, группы треугольников в концевой (рис. 5, 1–2). Два других (городище Свинухово) имеют гладкую неорнаментированную поверхность (рис. 5, 3–4).

Орудия труда

Самую многочисленную группу костяных орудий составляют проколки и различного рода острия, из которых выделяются булавки, изготовлявшиеся из различных костей. В настоящее время нет четко разработанной классификации подобного рода изделий, именно в виду того, что подобные орудия имели полифункциональный характер. В.А. Городцов первым попытался разработать их классификацию (Смирнов, 1974. С. 43), которая была в общих чертах воспринята Я.Я. Граудонисом, затем В.И. Шадыро (1985. С. 43), А.А. Егорейченко (2006. С. 31–36) и значительно переработана К.А. Смирновым (1974. С. 44–46).

Проколки. Учитывая специфику материала и следуя, отчасти, вышеперечисленным классификациям, к проколкам (рис. 6, 1–14) можно отнести 13 образцов – значительная их серия сделана из метакарпальных костей, имевших с одной стороны естественное

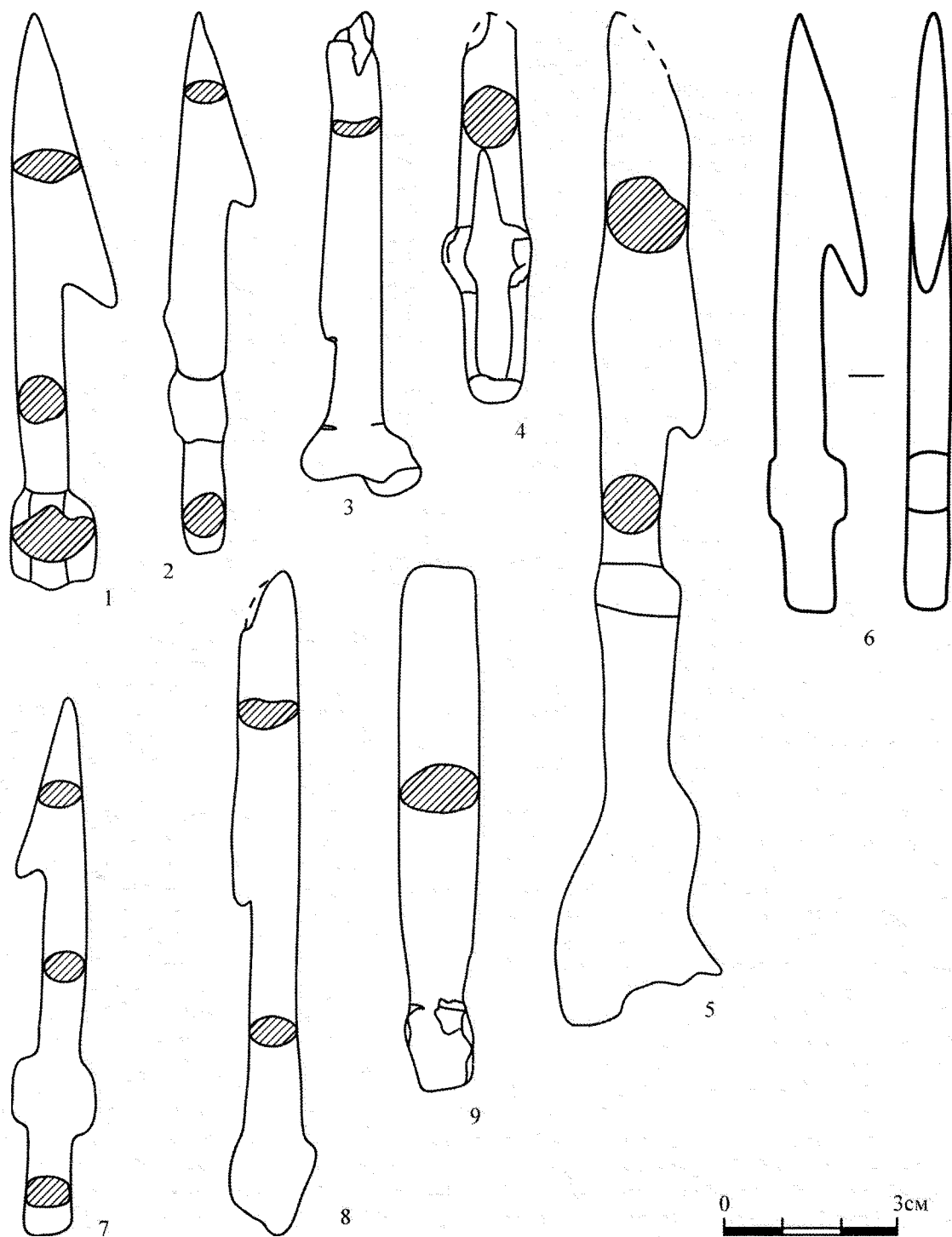

Рис. 4. Костяные наконечники гарпунов. Николо-Ленивец (1–6), Свинухово (7–9)

сужение. Рукояткой служило естественное завершение кости. В этом случае, исходя из принципа целесообразности, операция по их изготовлению сводилась к подрезке и заточке окончания кости или же к стачиванию одной из ее сторон (Егорейченко, 2006. С. 30). Данный вид хозяйственного инвентаря широко представлен в различных культурах «всех времен и народов».

Костяные рукояти. В фондах КОКМ сохранились три рукояти (рис. 7). Первая, как писала Т.Н. Никольская, могла принадлежать шилу (рис. 7, 2). Она изготовлена из трубчатой кости, с ее естественным завершением, а нижняя часть украшена поясом из семи круговых рельефно выраженных борозд. Вторая рукоять – грибовидная с конусовидным окончанием и рифленой поверхностью (рис. 7, 3). Аналогичные

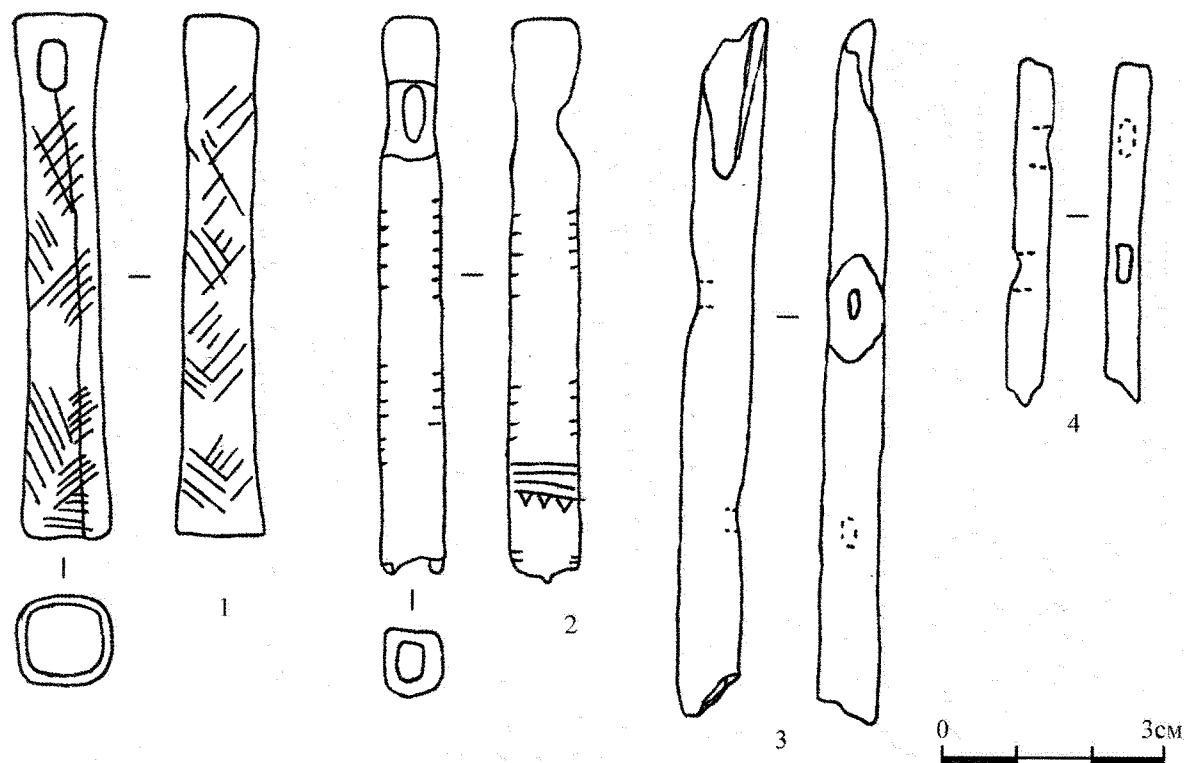

Рис. 5. Костяные дудочки-манки. Николо-Ленивец (1–2), Свинухово (3–4)

рукоятки происходят с верхнеокских городищ Дуна и Гремячее (Булычев, 1899. С. 20. Табл. 3), а также известны среди находок юхновского горизонта городища Кузина Гора и городищ Прислон, Пекуновского, Тушемля (Дубынин, 1974. С. 224). Такие рукоятки в некотором количестве известны в древностях дяковской и каргопольской культур середины I тыс. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 39), а также материалах каширской группы городищ (Сидоров, 2006. Рис. 14, 6, 9–10).

Наиболее интересна костяная зооморфная рукоять ножа (или серпа) в виде фигурки какой-то водоплавающей птицы, возможно, утки, найденная около жертвенника на городище Николо-Ленивец (рис. 7, 1). В рукоятке сохранилась даже часть лезвия и черенок. По-видимому, данный экземпляр имел какое-то, безусловно, ритуальное, а не хозяйственное предназначение.

Достаточно редкой находкой является *игольник* с орнаментированной поверхностью (рис. 8, 2). Верх, определяемый по отверстию для подвешивания к поясу, украшен двумя поясками круговых борозд (по шесть и восемь соответственно), в центральной части видны насечки в виде волн, внизу – один пояс круговых борозд и примыкающий к нему пояс треугольников с опущенными вниз вершинами. Фрагмент орнаментированного сходным образом *игольника* и ряд целых неорнаментированных экземпляров происходят с Буйского и Ройского городищ ананьинской культурной общности (Ашихмина и др., 2006. Рис. 71, 11–14. Рис. 81, 8).

Возможно, для прядения шерсти использовались легкие костяные *пряслица* (рис. 8, 3–5), аналогич-

ные по пропорциям каменным пряслицам-грузикам исследуемых городищ. Т.Н. Никольская писала, что на городище Свинухово в заполнении постройки 2 было найдено пряслице с круглоямочным орнаментом (Никольская, 1953. Рис. 23, 5), которое среди костяных изделий свинуховской коллекции не сохранилось. Пряслице с ямочной орнаментацией по боковой части, только из рыбьего позвонка, было найдено на городище Замощье днепро-двинской культуры (северная Белоруссия) (Шадыро, 1985. С. 42–43). Подобные изделия из кости, но других форм и пропорций, известны также в древностях дяковской культуры (Дубынин, 1974. С. 275. Табл. XXI, 8, 12) и городищ Смоленщины (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 88. Рис. 44, 16).

Универсальным орудием при различных трудовых операциях был *нож*. Для его изготовления могли использовать как реберные, так и расколотые трубчатые кости. У ножа с городища Свинухово (рис. 8, 6) четко выделен черенок и клиновидное сечение рабочей части.

Кочедыки. Представительная серия этих инструментов, впервые выделенных В.А. Городцовым на материалах Каширского городища, а сейчас обнаруженных на многих поселениях эпохи раннего железа, служила для того, чтобы при плетении из лыка, шнура, ремня приподнимать один компонент и пропускать под ним в поперечном направлении другой. Этот прием использовался, в частности, при плетении сетей, что может говорить о значительной роли рыболовства в хозяйстве верхнеокских племен. Все изделия (рис. 9) изготовлены из ребер костей жи-

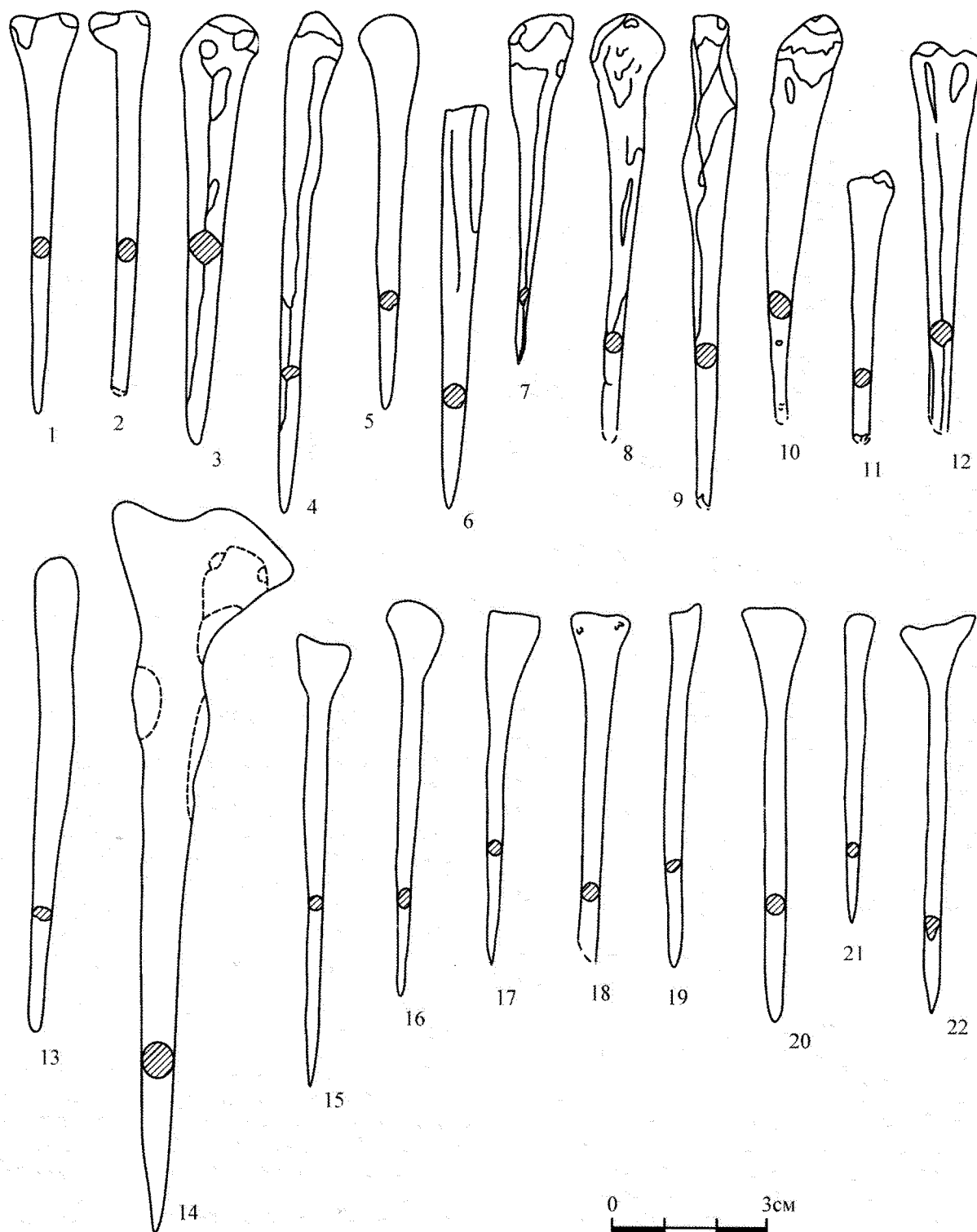

Рис. 6. Костяные проколки (1–14) и булавки (15–22). Свинухово (1–4, 6–12, 18), Николо-Ленивец (5, 13–17, 19–22)

вотных (хотя их могли изготавливать и из трубчатых расколотых костей), имеют, как правило, клиновидное острие и ярко выраженную зашлифованность (до блеска). А на одном экземпляре на боковой части четко прослежены насечки, видимо, от нитей (рис. 9, 1).

Детали одежды и украшения

Булавки делятся на две группы: с естественной формой кости (рис. 6, 15–22; рис. 10) и с искусственно приданной формой головки (рис. 10, 2). Первые

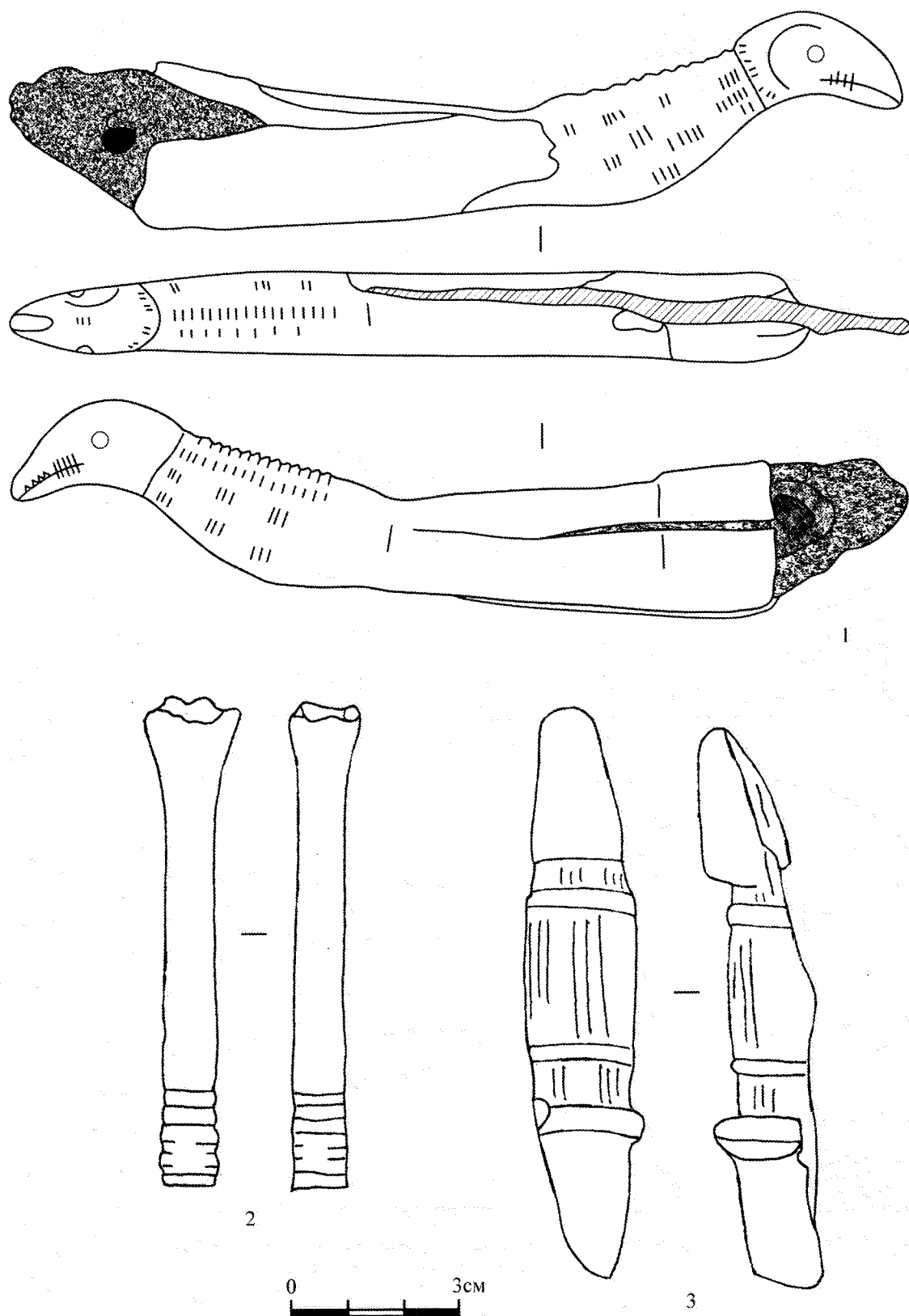

Рис. 7. Костяные рукояти. Николо-Ленивец

1 – рукоять жертвенного ножа (серпа?); 2 – рукоять шила; 3 – рукоять ножа

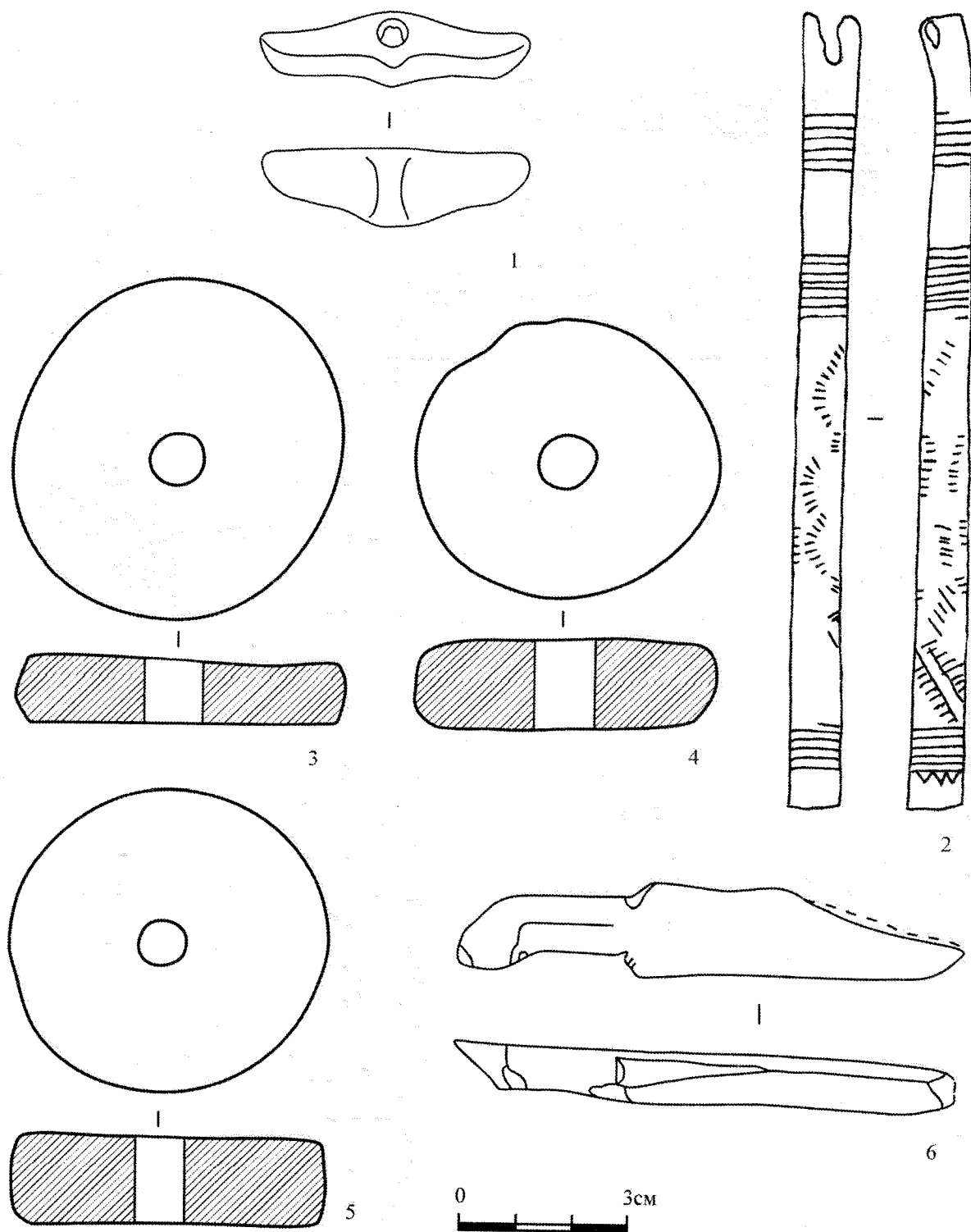

Рис. 8. Орудия труда и детали одежды из кости. Свиногово (1, 6), Николо-Ленивец (2-5)
1 – застёжка; 2 – игольник; 3-5 – грузики; 6 – нож

схожи с проколками, но их отличает более тонкая игла и плоская расширяющаяся головка подтреугольной, трапециевидной или округлой формы. Среди них традиционно выделяются булавки с отверстием в головке, для крепления к одежде при помощи

шнура (16 экземпляров – рис. 10), и без отверстия (8 экземпляров – рис. 6, 15-22). Аналогии им встречаются среди древностей культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. Табл. 27), эпохи раннего железа белорусского Понеманья (Медведев,

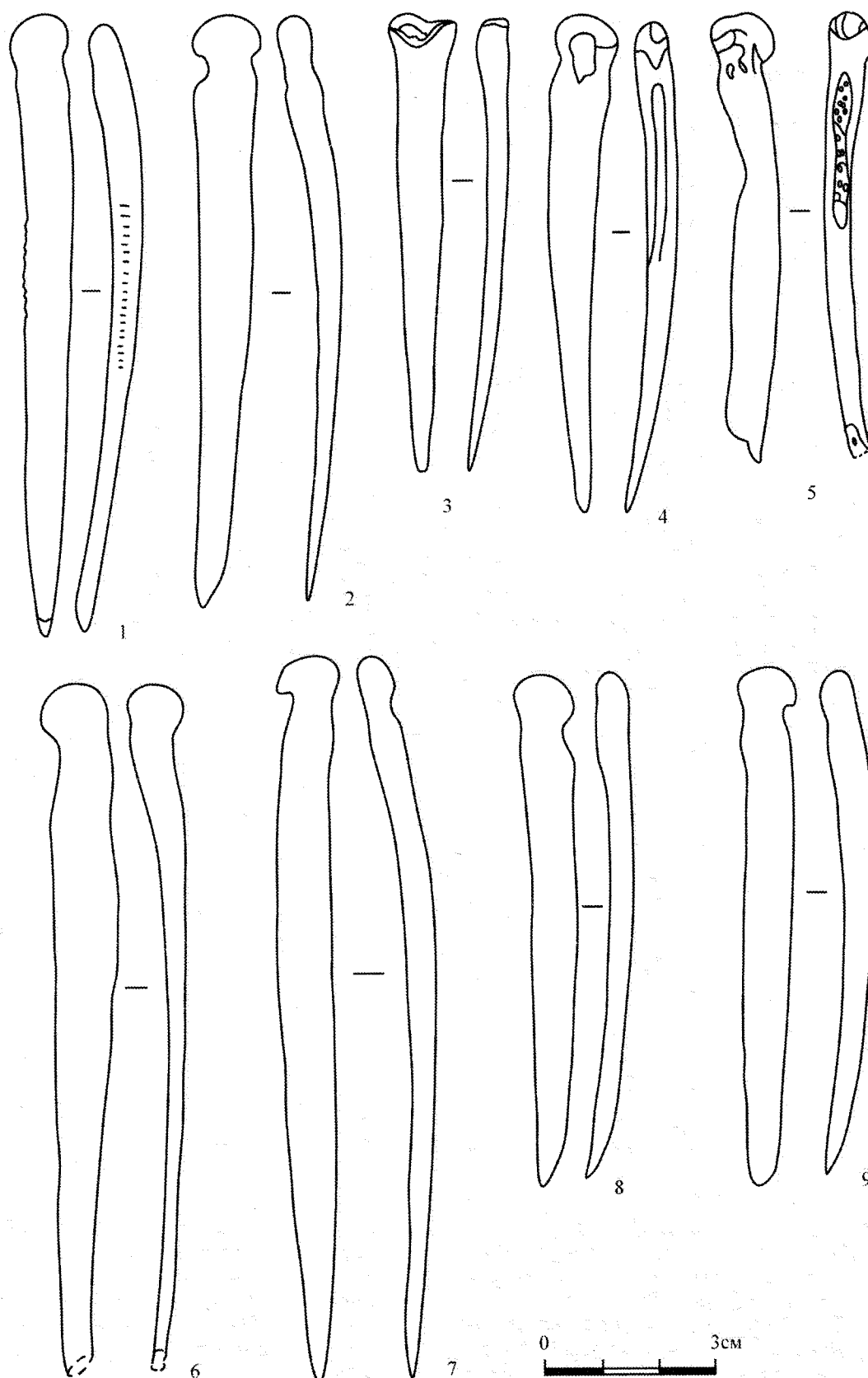

Рис. 9. Костяные кочедыки. Николо-Ленивец (1–2, 6–9), Свиногово (3–5)

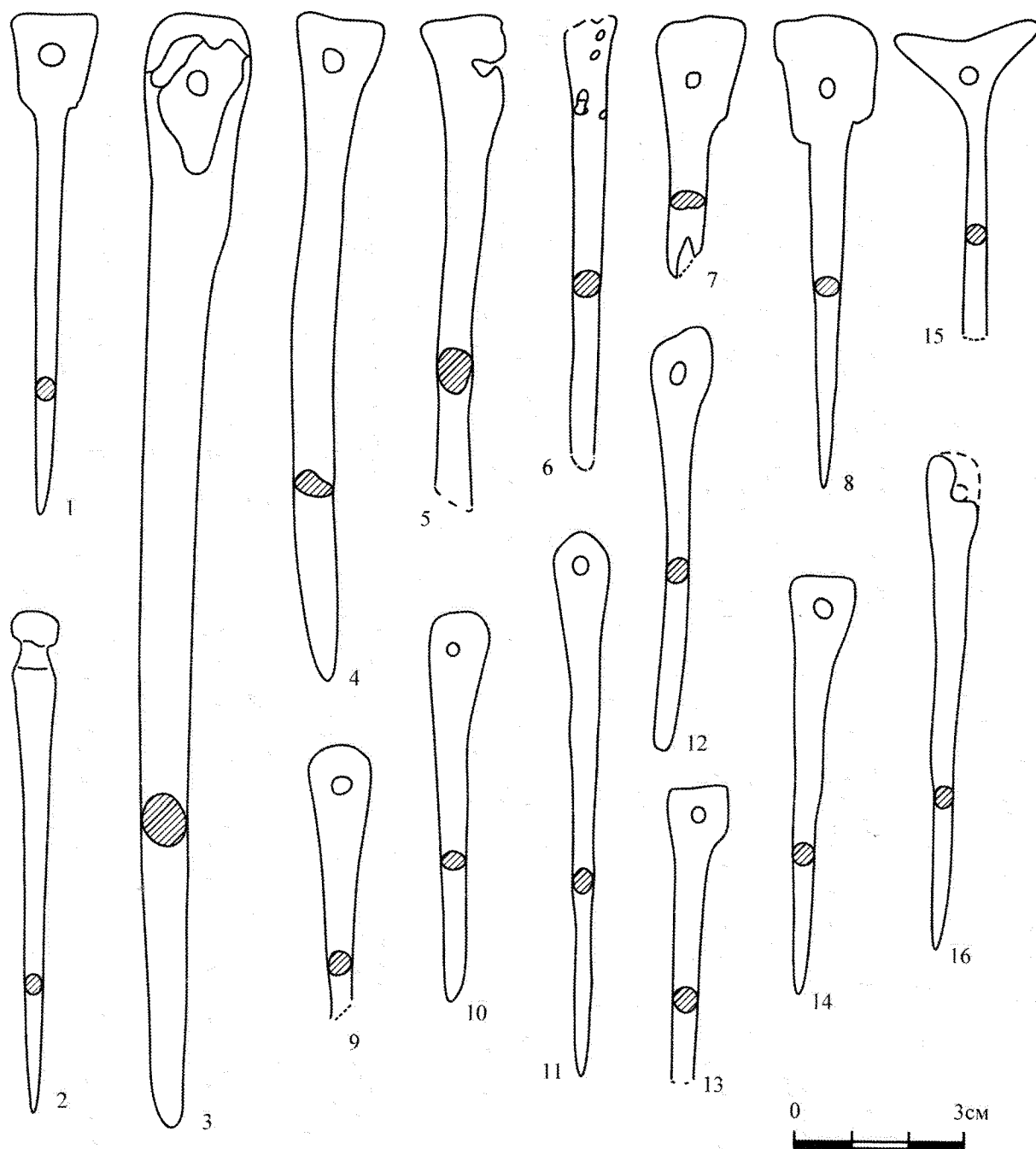

Рис. 10. Костяные булавки. Свинухово (1–8), Николо-Ленивец (9–16)

1996. С. 38, 1–5), днепро-двинской культуры северной Белоруссии (Шадыро, 1985. С.44. Рис. 21, 27) и Смоленщины (Шмидт, 1992. Табл. 8, 1–19), каширской группы городищ (Сидоров, 2006. Рис. 9). Булавки второй группы представлены немногочисленными экземплярами во всех лесных культурах раннего железа и являются подражаниями бронзовым образцам из Центральной и Южной Европы. Видимо, образец, происходящий с городища Свинухово (рис. 10, 2), – это подражание скифским бронзовым булавкам с гвоздевидным навершием. В древностях культур

ранней штрихованной керамики (тип 1 по А.А. Егорейченко – 2006. Табл. 28–30) и днепро-двинской (северная Белоруссия) (Шадыро, 1985. Рис. 27) преобладают образцы с изогнутой или прямой иглой, с ушком в верхней части, хотя известны и единичные образцы, близкие нашему (Шадыро, 1985. Рис. 27, 3, 4; рис. 29, 6; рис. 33, 1).

Также с городища Свинухово происходит два экземпляра застёжек. Одна застёжка – небольшой стержень круглого сечения – в центре имеет выемку в виде перехвата по всей окружности (не обнаружена в

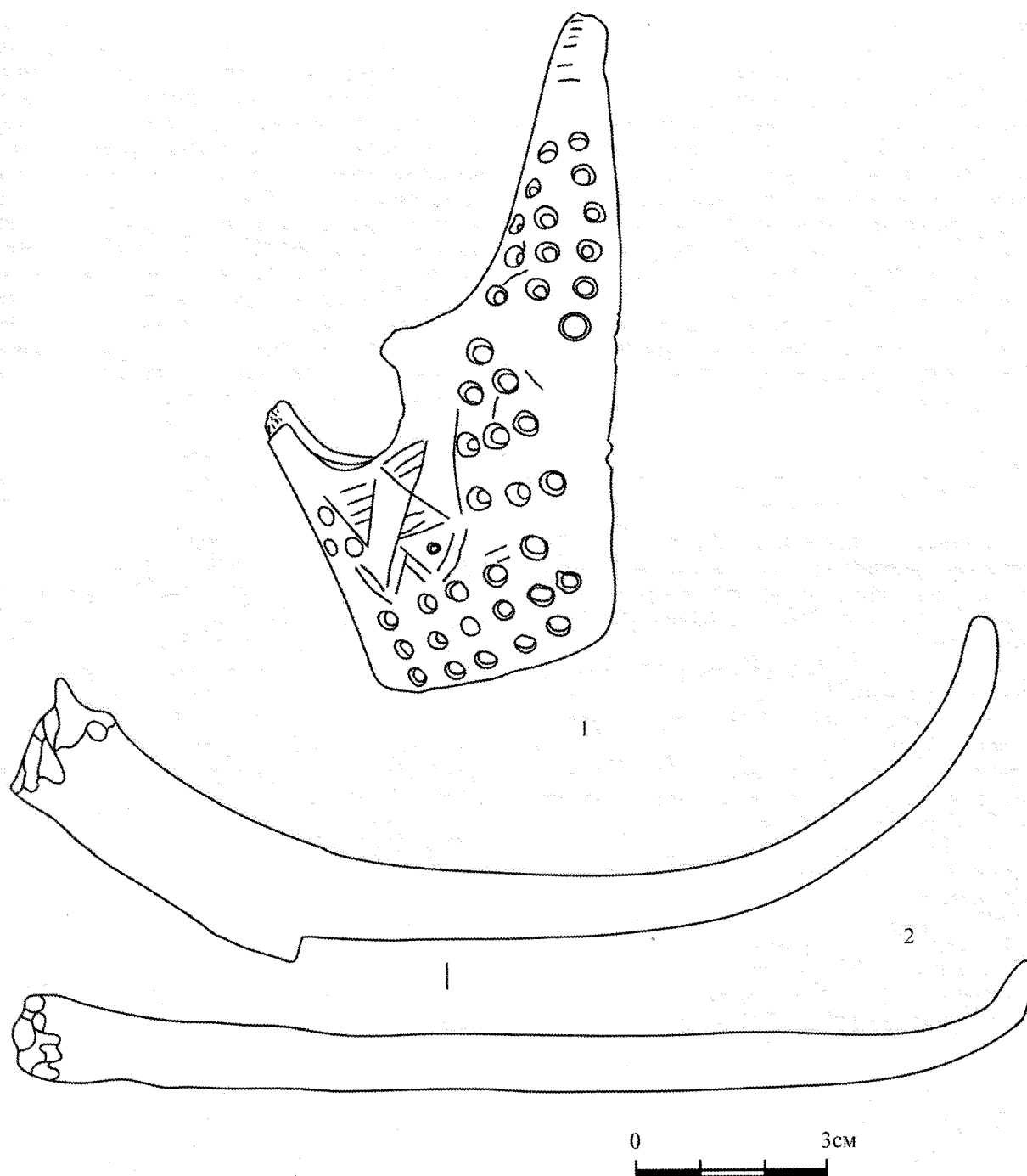

Рис. 11. Костяные изделия неизвестного назначения

1 — орнаментированная поделка из рога лося или оленя из Свинухово; 2 — обработанный рог из Николо-Ленивца

фондах КОКМ). Колчаные застёжки подобного типа характерны для скифской культуры в конце VII — начале VI в. до н.э. и широко распространены в VI—V вв. до н.э. В IV—III вв. до н.э. они начинают исчезать в связи с появлением нового типа горитов. Идентичная застёжка была найдена на Аргыжском городище ананьинской культуры, где она датируется V—III вв. до н.э. (Черных и др., 2002. С. 40. Рис. 48, 2). Аналогичная не-

орнаментированная застёжка происходит с городища Мошкеная культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. С. 39. Табл. 34, 1). Другая застёжка имеет форму вытянутого овала (рис. 8, 1).

Предметы неизвестного назначения

Поделка из рога с орнаментом в виде выдолбленных ямок и прочерченных треугольников, с заруб-

ками по краю и середине длинной стороны (рис. 11, 1). Т.Н. Никольская считала, что это навершие. Одно изделие подобного рода (отросток рога оленя с поперечными пропилами) было найдено на городище Кошечичи культуры штрихованной керамики (Медведев, 1996. С. 26. Рис. 40, б), второе известно по материалам каширской группы городищ – трехрогий предмет с тремя отверстиями и орнаментом из треугольников и линий, близким орнаменту на нашей находке (Сидоров, 2006. Рис. 16). Помимо этого оригинального изделия, интересна находка куска обработанного рога (рис. 11, 2), возможно, заготовки серпа. В.В. Сидоров считает, что так же следует интерпретировать «струги» из ребер лошади (и редко коровы), исходя из следов износа и захвата на них (Сидоров, 2006. С. 140. Рис. 10).

Таким образом, рассмотренный в этой работе костяной инвентарь, как показывает его анализ на основе широкого фона аналогий, укладывается в рамки IV–III вв. до н.э. – наиболее вероятного времени сосуществования всего набора костяных изделий. Кроме того совершенно очевидно, что костяной инвентарь верхнеокских городищ (разумеется, в рамках исследуемых памятников) в целом имел общие тенденции развития с костяным инвентарем других лесных культур эпохи раннего железа, что в свою очередь обеспечивалось сходными природно-климатическими, географическими условиями и, как следствие, единым хозяйственно-культурным типом. Дальнейшее изучение костяных изделий, полученных с других верхнеокских поселений, позволит говорить не только об общих, но и характерных чертах костяной индустрии Верхнего Поочья.

Литература

- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск.
- Булычев Н.И., 1899. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Егорейченко А.А., 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Медведев А.М., 1996. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетии до н.э. – 5 в. н.э.). Минск.
- Модин Р.Н., Столяров Е.В., 2009. Костяные псалы с Сатинского городища // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Калуга.
- Наумова Т.В., 1996. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Арсеньевском районах Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Никольская Т.Н., 1953. Городище у деревни Свиныхово // КСИА. Вып. 49.
- Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. М.
- Никольская Т.Н., 1962. Городище у дер. Николо-Ленивец (раскопки 1954–1958 гг.) // СА. № 1.
- Сидоров В.В., 2006. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сборник. Материалы историко-краеведческой конференции «Город и регион: проблемы археологии истории и культуры», посвященной 40-летию Музея истории города Обнинска. Обнинск.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура. М.
- Столяров Е.В., 2009. Костяные наконечники стрел с городищ Свиныхово и Николо-Ленивец (по материалам из фондов КОКМ) // Природа и история Поготорья. Вып. 5. Калуга.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002. Аргыжское городище на реке Вятке. М.
- Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.
- Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.

Ye.V. Stolyarov

Bone inventory from Early Iron Age fortified settlements in the region of the Upper Oka (based on the materials from Svinukhovo and Nikolo-Lenivets sites)

Summary

The article attempts to consolidate the entire bone inventory (99 items stored in the Kaluga regional museum) from two major Early Iron Age

sites in the Upper Oka region: Nikolo-Lenivets and Svinukhovo. The assemblage can be dated to the 4th – 3d cc. BC.

С.И. Андреев, Н.В. Терехова

Комплекс украшений Давыдовского городища

Давыдовское городище расположено на крайнем севере Тамбовской области, в 0,2 км к северо-западу от с. Давыдово и в 1,5 км к северу от русла реки Серп (левый приток р. Цны), занимая мыс левого коренного берега реки Серп, на высоте 34–40 м над ее уровнем. Площадка городища подквадратной формы, размерами 80 x 80 м, общей площадью 0,7 га. С южной, северо-западной стороны городище прикрывается укреплениями в виде вала и рва дугообразной формы, длиной 100 м. Максимальная высота вала – 3 м, ширина вала по подошве 18 м, глубина рва – 2 м.

Памятник известен с 1887 г. С тех пор он привлекал к себе внимание только у кладовискателей. С 2006 г. памятник исследуется археологической экспедицией Тамбовского госуниверситета под руководством С.И. Андреева (Андреев, 2007; 2008; 2009; 2010). На момент начала стационарных раскопок практически весь верхний слой был перерыт грабителями с применением детекторов металла. За четыре сезона на городище раскопками вскрыто чуть более 1400 кв. м.

В слое Давыдовского городища найдены материалы, относящиеся к иванобугорской культуре эпохи пережиточного энеолита; абашевской культуре средней бронзы; кругу памятников с тычковой керамикой начала I тыс. до н.э.; городищской культуре раннего железного века; сарматской культуре I в. н.э., раннеславянскому кругу и древнемордовской культуре эпохи Средневековья (VIII–XI вв.). Судя по датированным находкам, жизнь этой крепости прекратилась на рубеже X–XI вв. в результате внешнего нападения. Все предметы, добытые при раскопках, хранятся в фондах Липецкого областного краеведческого музея.

В результате археологических исследований получен богатый вещевой материал, немалой частью которого являются украшения. К сожалению, практически все находки происходят из перемешанного слоя, закрытых комплексов пока выявить не удалось. Причина этого заключается в том, что культурный слой городища был сильно переотложен при строи-

тельстве укреплений древнемордовского времени.

Данная статья посвящена находкам предметов украшений с Давыдовского городища из раскопок 2005–2009 гг.¹

Детали налобного венчика (рис. 1, 1–10). Венчик является характерным украшением головного убора средневековой мордвы. Он представляет собой несколько рядов металлических трубочек (обычно четыре–пять), соединенных прямоугольными обоями, на тонких кожаных ремешках. Застегивался венчик, как правило, поверх головного убора с помощью металлической пряжки (Воронина, 1973. С. 49). Нередко для прочности венчик укрепляли на бересте («Среднецининская мордва...», 1969. С. 8). Материалом для изготовления данной части головного убора чаще всего служили бронза и серебро. Все экземпляры с Давыдовского городища являются медными.

Височные привески в виде спирали со спускающимся вниз под прямым углом стержнем, обмотанным проволокой, с грузиком на конце – 2 шт. (рис. 1, 17, 18). Такие привески считаются этноопределяющим типом мордовских украшений. Для изготовления височных привесок с грузиком и спиралью использовали бронзу или серебро, реже – медь. Одна из привесок Давыдовского городища сделана из меди и плакирована свинцом. Основываясь на типологии Р.Ф. Ворониной, давыдовские привески можно датировать второй половиной IX – X в. (Воронина, 1988. С. 240).

Серьги салтовского типа – 2 шт. (рис. 1, 14, 15). Они представляют собой литое незамкнутое кольцо с утолщенной нижней частью и стержнем. Вверху кольцо имеет смещенное в сторону навершие-колпачок. Один экземпляр имеет короткий стержень с шаровидным окончанием, у другого – на стержне расположены четыре шаровидных элемента. Такие серьги (височные кольца) получили широкое распространение в среднецининских могильниках, где являются принадлежностью мужских погребений. Первоначально они попадали сюда из ареала салтово-маяцкой культуры

¹ В данную статью не включены бусы Давыдовского городища, которым будет посвящена отдельная публикация.

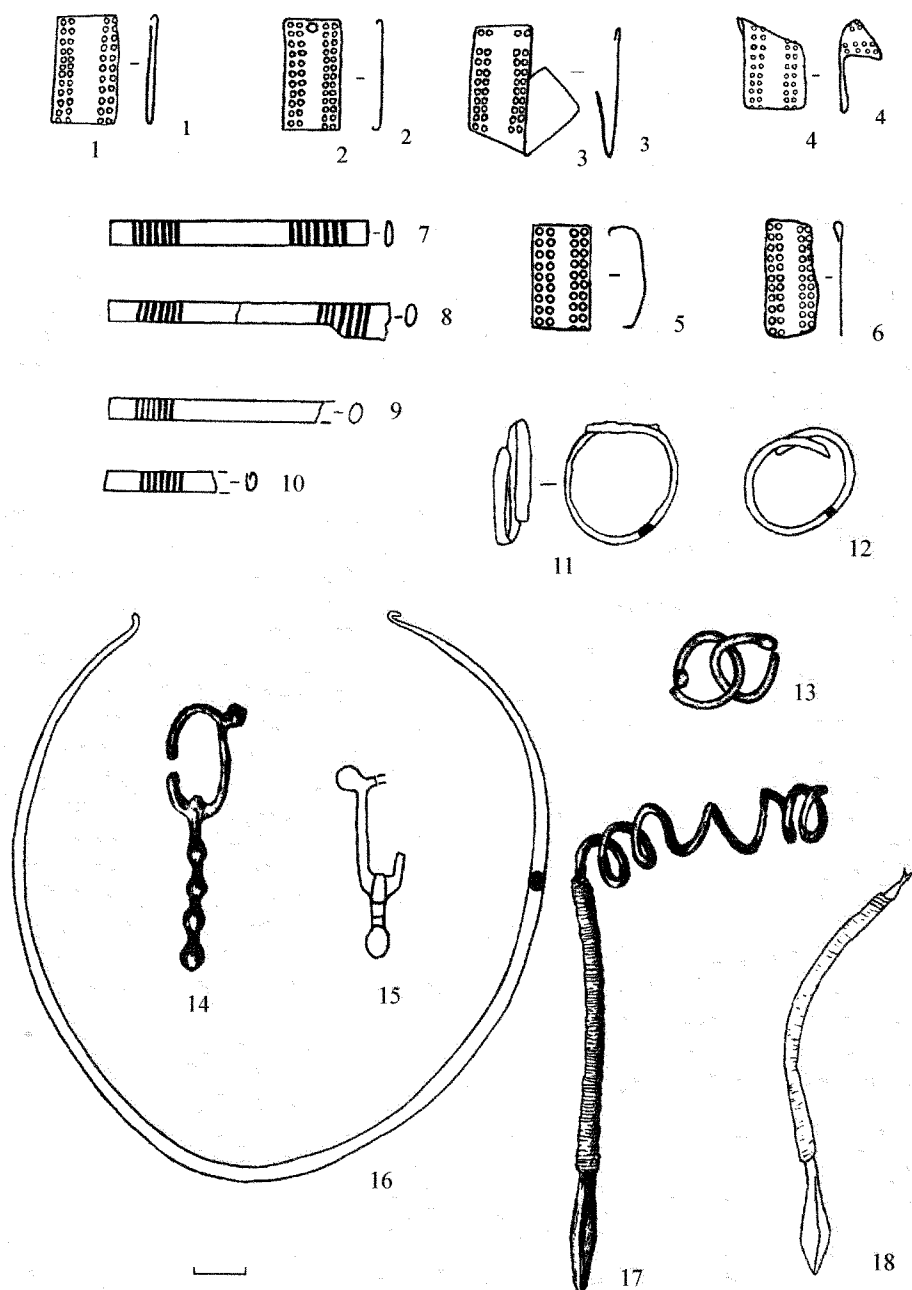

Рис. 1. Украшения головы и шеи из слоя. Медный сплав. Давыдовское городище

(Воронина, 2005. С. 101), затем началось их местное производство по салтовским образцам, о чем свидетельствуют находки в среднецнинских могильниках литейных форм для отливки этих украшений.

Перстнеобразные височные кольца с заходящими концами из медного сплава – 2 шт. (рис. 1, 11, 12). Подобные украшения широко представлены в восточнославянских древностях (Седов, 1982. С. 200, 201, 203, 205, 225; Левашева, 1967. С. 14, 15). Эта разновидность украшений относится к числу наиболее поздних вещей, происходящих с площадки городища.

Круглодротовая гривна с утончающимися концами и замком в виде двух крючков (рис. 1, 16) имеет аналогии в ряде мордовских могильников, в том числе среднецнинских (Зеленцова, 1992. С. 42). Датируются подобные гривны в рамках VI–VII вв. (Вихляев и др., 2008. С. 139).

В наборе шейных украшений выделяются многочисленные подвески. Среди них серебряная лунница, орнаментированная ложной зернью (рис. 2, 1). Подобные лунницы на территории Руси бытовали в X – первой половине XII в. (Успенская, 1967. С. 103).

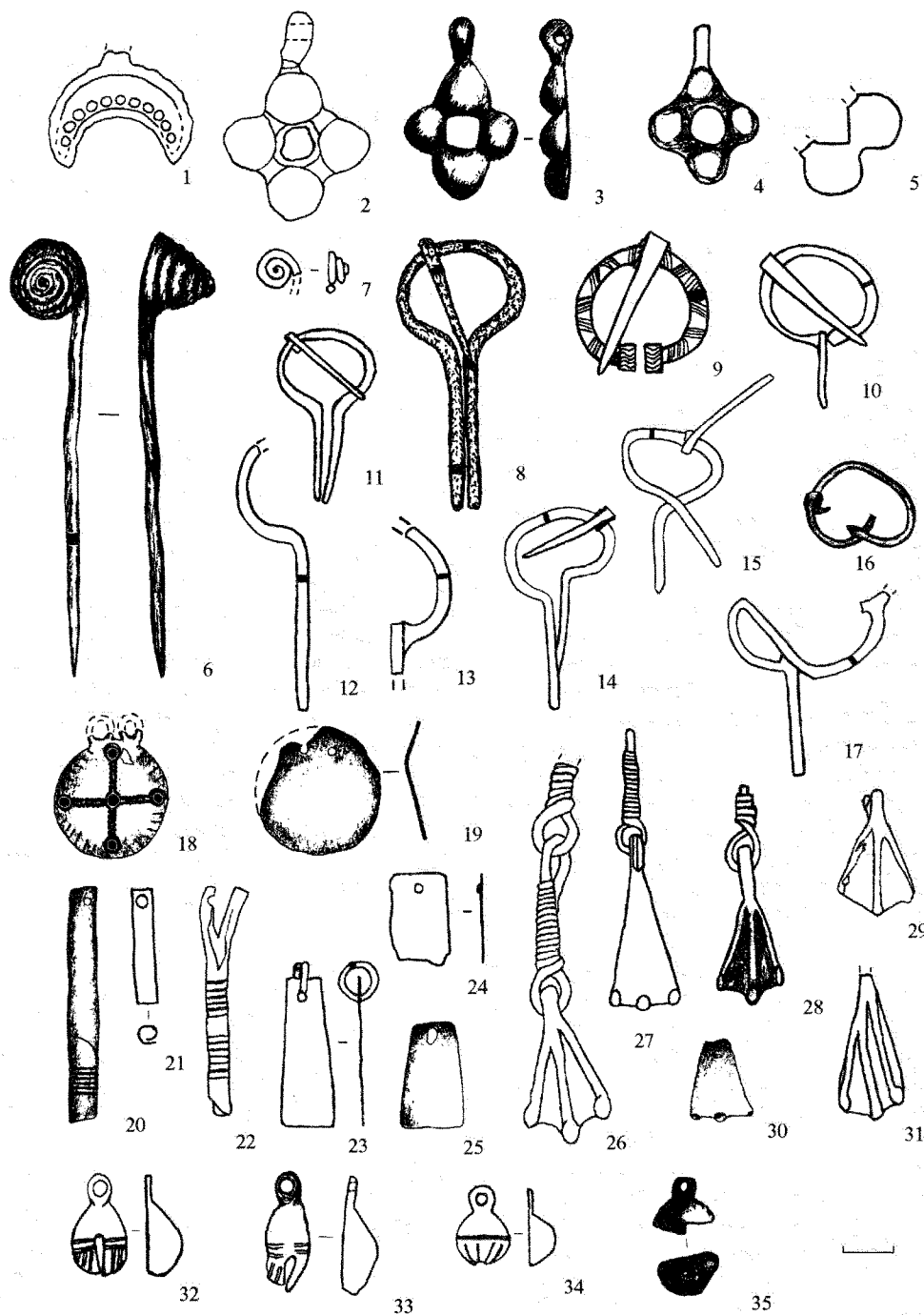

Рис. 2. Подвески и закладки. Давыдовское городище
 1, 32–34 – серебро; 18–19 – свинец; 2–6, 26, 29 – бронза; 8 – железо;
 7, 9–17, 20–25, 27, 28, 30, 31, 35 – медный сплав

Крестовидные подвески представлены четырьмя экземплярами (рис. 2, 2–5). Подобные подвески в единичных экземплярах встречаются на памятниках боршевской культуры VIII–X вв. (Седов, 1982. С. 213). В среднеценнинских могильниках, в зависимости от типа, они датируются в пределах IX–XI вв.

Большой интерес представляет монетовидная подвеска с изображением креста и двумя ушками (рис. 2,

18). Возможно, она связана с раннехристианскими материалами третьей четверти I тыс. н.э.

Другая монетовидная подвеска представляет собой плоский круг из тонкой пластинки с двумя отверстиями для подвешивания (рис. 2, 19). Вероятно, она имитирует арабский дирхем.

Подвески-бубенчики (рис. 2, 32–35) имеют аналогии в среднеценнинских могильниках, где в большом

количестве встречаются в ожерельях («Материалы...», 1952. С. 189, 206).

Трапезиевидные подвески (рис. 2, 23–25) известны в мордовских древностях, где они входят в состав шумящих украшений (например, серповидных гривен) и ожерелий, а также являются украшением головного убора.

Трубчатые подвески (рис. 2, 20–22), подвески в виде лапок водоплавающей птицы (рис. 2, 26–31), в том числе на цепочках, обычно входят в состав более сложных мордовских украшений. Трубчатые подвески встречаются на серповидных гривнах, сюльгамах, нагрудных украшениях в виде треугольных или трапезиевидных пластин, которые привешивались к сюльгамам. Металлические лапки на цепочках являются составляющей круглых ажурных блях, коньковых подвесок, ажурных перстней и некоторых типов подвесок.

Нагрудные украшения представлены находками сюльгам и булавок. Сюльгамы небольшие по размеру (от 2,5 до 5,5 см). Кованые сюльгамы с прямоугольными в сечении усами и кольцом, неорнаментированные (рис. 2, 8, 11, 12, 14, 15, 17) в среднецнинских могильниках встречаются в погребениях X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 54). Неорнаментированные сюльгамы с прямоугольным в сечении кольцом, с завернутыми в трубочку концами (рис. 2, 10, 13) известны там же в комплексах конца VII – XI в., в основном VIII–IX вв. (Вихляев и др., 2008. С. 53, 54). Единственным экземпляром представлена сюльгама с короткими усами, орнаментированная группой косых нарезок на кольце (рис. 2, 9). Аналогии известны в Армиевском могильнике и датируются VI–VII вв. (Вихляев, 1972. С. 192, 198; 1977. С. 51).

Бронзовая булавка со спиралевидной выпуклой головкой (рис. 2, 6) имеет аналогии в материалах раннего железного века Волго-Окского междуречья. Подобные булавки встречаются, в частности, на памятниках верхнеокской культуры в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (Никольская, 1959. С. 30).

Перстни. Бронзовый перстень с небольшим прямоугольным щитком (рис. 3, 1) орнаментированным тремя перекрещивающимися линиями и поперечными рубчиками по обручу. Кроме того, найдены спиральное кольцо из тонкой округлой проволоки и обломок спирального кольца из прямоугольной в сечении проволоки (рис. 3, 2, 3). Спиральные кольца были широко распространены в среде финно-угорских и прибалтийских племен. По замечанию И.Г. Розенфельдт, время особенно широкого распространения таких перстней у финно-угров и балтов – IX – начало X в. (Розенфельдт, 1982. С. 93).

Среди находок браслетов количественно преобладают спиральные браслеты – один целый экземпляр и пять обломков (рис. 3, 4, 5, 8). Спиральные браслеты широко представлены в мордовских древностях с конца VIII – начала IX в. (Розенфельдт, 1982. С. 89). Пластинчатый браслет со слабо расширенными и отогнутыми концами (рис. 3, 6) имеет многочисленные аналогии в среднецнинских могильниках («Среднецнинская мордва...», 1969. С. 10), датируемых

X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 40). Обломок еще одного пластинчатого браслета был орнаментирован по одному краю косой насечкой, по другому – нарезкой в виде «елочки», а в середине пластины проходят два ряда трехлучевых свастик (рис. 3, 7). Возможно, данный браслет был изготовлен в Древней Руси, т. к. на древнерусских украшениях (например, подвесках и перстнях) нередко встречается изображение свастик, в том числе и трехлучевой («Древняя Русь», 1997. С. 286; Седова, 1981. С. 128). Культурную принадлежность обломков еще двух браслетов установить сложно. Один из них представлял собой свинцовую пластину с орнаментом в виде цепочки из ромбов (рис. 3, 10), другой – пластину прямоугольного сечения (рис. 3, 9).

Две литые пуговицы шарообразной формы (рис. 3, 11, 12) относятся к вещам, довольно широко распространенным в средневековье – в мордовских и салтовских древностях, на Северном Кавказе и Древней Руси («Среднецнинская мордва», 1969. С. 33; Плетнева, 1989. С. 108; «Степи Евразии...», 1981. С. 179, 273; Седова, 1981. С. 154, 155).

Многочисленны разнообразные обереги: подвески из бобровых косточек, астрагал мелкого копытного, клыки хищников (рис. 3, 13–17). В среднецнинских могильниках они, как правило, привешивались к поясам.

Обломок двухконьковой поясной подвески из рога (рис. 3, 20) имеет две аналогии на поясах в погребениях 240 и 529 Крюково-Кужновского могильника («Материалы...», 1952. С. 83, 167). Время бытования таких подвесок Л.А. Голубева определяет в границах X–XI вв. (Голубева, 1979. С. 58).

Интересны три глиняные подвески, имитирующие, вероятно, бронзовые подвески-звездчатки (рис. 3, 18, 21, 22). Причем если одна подвеска полностью копирует данное украшение, то удлинённые глиняные подвески являются переработанной имитацией. Подвески-звездчатки являются, главным образом, составляющей кистевидных наконечников в могильниках среднецнинской мордвы («Материалы...», 1952. С. 200; «Среднецнинская мордва...», 1969. С. 79, 127).

Детали поясной гарнитуры представлены находками поясных накладок и наконечников поясов. В двух экземплярах встречены поясные накладки квадратной формы с прорезью (рис. 4, 1, 2). Аналогии им широко известны на обширной территории. В.Б. Ковалевская отмечает, что наибольшее число находок приходится на памятники Сибири. Она датирует их VIII–IX вв. и появление их в мордовских памятниках на Волге связывает с тюркским влиянием (Ковалевская, 2000. С. 147, 148).

К типу прорезных относится и бронзовая поясная накладка овальной формы с четырьмя выступами по бокам (рис. 4, 3). Подобные бляшки известны в материалах салтово-маяцкой культуры конца IX в. («Степи Евразии...», 1981. С. 150).

Интересна поясная накладка сердцевидной формы с круглым отверстием в верхней части, орнаментированная по краю кольцевым орнаментом, а в

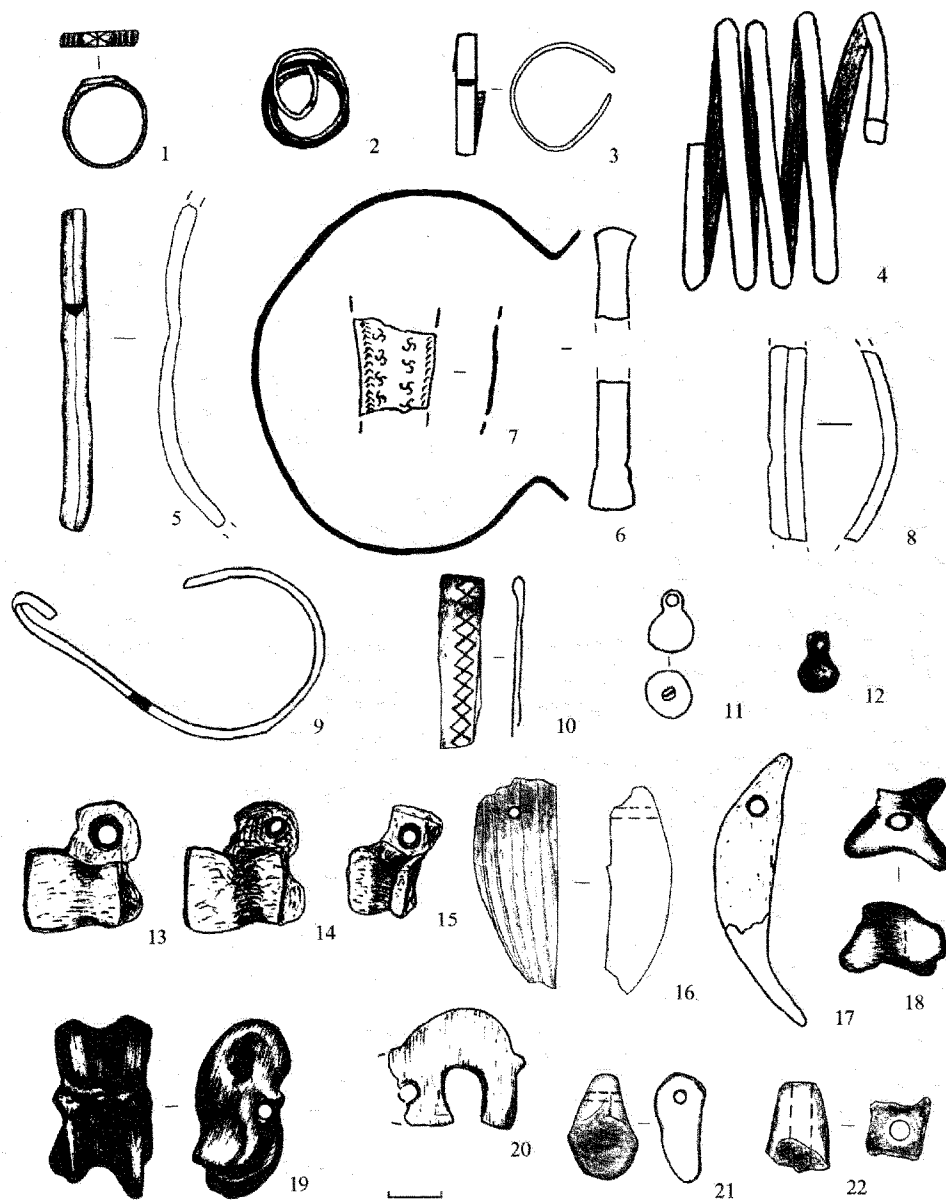

Рис. 3. Украшения рук, пуговицы, подвески-обереги. Давыдовское городище
1-8 – бронза; 9, 11 – медный сплав; 10 – свинец; 12 – серебро; 13-17, 19, 20 – кость; 18, 21, 22 – глина

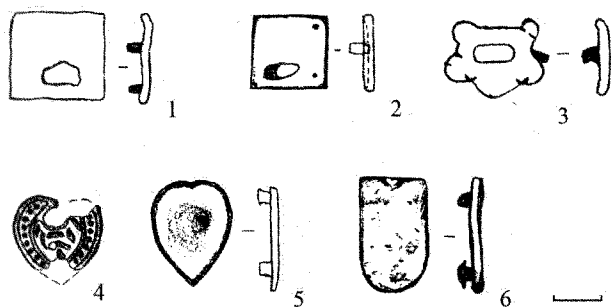

Рис. 4. Детали поясной гарнитуры.
Давыдовское городище
1, 6 – серебро; 2, 4, 5 – медный сплав; 3 – бронза

центре – растительными мотивами (рис. 4, 4). Аналогичные накладки встречаются в погребениях 305, 553 Крюково-Кужновского могильника, а также в погребении 44 Пановского могильника. Основываясь на анализе сопутствующего инвентаря, данные можно датировать X-XI вв.

Накладка вытянуто-сердцевидной формы с гладкой поверхностью (рис. 4, 5) имеет аналогии в погребении 240 Крюково-Кужновского могильника. В этом же погребении найдена двухконьковая поясная подвеска из рога X-XI вв., поэтому представляется возможным датировать сердцевидную накладку тем же временем.

Поясной наконечник в форме прямоугольной пластины с закругленным концом (рис. 4, б) характерен для сибирских древностей VIII–X вв. и северокавказских памятников IX в. («Степи Евразии...», 1981. С. 128, 129, 177).

Публикация материалов, полученных в ходе исследований Давыдовского городища, важна, поскольку материальная культура среднецнинской мордвы исследовалась ранее исключительно по погребальному инвентарю из могильников.

Литература

Андреев С.И., 2007. Отчет об охранных раскопках городища у с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области в 2006 году // Архив ИА РАН.

Андреев С.И., 2008. Отчет об охранных раскопках городища у с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области в 2007 году // Архив ИА РАН.

Андреев С.И., 2009. Отчет о раскопках городища у с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области в 2008 году // Архив ИА РАН.

Андреев С.И., 2010. Отчет о раскопках городища у с. Давыдово Моршанского района Тамбовской области в 2009 году // Архив ИА РАН.

Вихляев В.И., 1972. Скульгамы из могильников селищенского и армиевского типов // СА. № 3.

Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск.

Воронина Р.Ф., 1973. Женский головной убор среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 136.

Воронина Р.Ф., 1988. Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью // СА. № 4.

Воронина Р.Ф., 2005. Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 218.

Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.

Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Зеленцова О.В., 1992. Шейные гривны среднецнинской мордвы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала. Из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Левашева В.П., 1967. Височные кольца // Тр. ГИМ. Вып. 32. М.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанск, 1952.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА. № 72.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Средне-Цнинская мордва VIII–XI вв. Саранск, 1969.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. Вып. 32. М.

S.I. Andreyev, N.V. Terekhova

The assemblage of adornments from Davydkovskoye site

Summary

The article presents certain materials from the recent excavations at Davydkovskoye fortified settlement in the Middle Oka region. The medieval site was populated by

the Mordva. Most of the finds are medieval Mordovian adornments. The most recent of the adornments date to the 10th – 11th cc.

Памятники древнерусского времени

И.Ю. Стрикалов

Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований

В последние годы в археологии древнерусского города вновь наметилась тенденция роста интереса исследователей к оборонительным сооружениям, их классификации, изучению особенностей внешнего облика и внутренних конструкций деревоземляных стен. Это во многом стало следствием выхода в свет монографии И.Ю. Моргунова «Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков» (2009), посвященной оборонительным сооружениям южнорусских городов и ставшей итогом многолетних исследований автора. Археология древнерусских городов Северо-Восточной Руси после крупных исследований П.А. Раппопорта в середине XX в. также существенно продвинулась в изучении древнерусской фортификации. За прошедшие годы исследовались валы многих средневековых русских городов. Только за последнее десятилетие в этот список вошли Можайск и Коломна, Ярославль и Владимир, Ростиславль и Городец на Волге (Янишевский, 2008; Мазуров, 2001; Очеретин, Очеретина, 2006; Медведь, 2009; Гусева, 1998), многие другие менее крупные городские центры.

Не осталась в стороне от этих процессов и Старая Рязань, большая научная и музейная значимость которой определяется во многом исключительной сохранностью остатков городских укреплений. В настоящее время сохранились так называемый внутренний вал длиной около 400 м – остатки оборонительных конструкций Северного городища, отрезающие северную, наиболее древнюю часть города от южной площадки, а также выдающиеся по своей протяженности (2 км) и размерам внешние валы, опоясывающие Южное городище с востока и юга. Следы древних укреплений, не фиксируемые на современной поверхности, сохранились и в культурном слое прибрежной части города (рис. 1).

Оборонительные сооружения Старой Рязани являются уникальными не только с точки зрения их сохранности. Валы Старорязанского городища неоднократно привлекали внимание исследователей. К настоящему моменту их подвергали полным или частичным раскопкам девять раз. По степени исследованности оборонительный комплекс столицы Рязанского княжества занимает одно из первых мест в археологии городов древней Руси, что позволяет

приблизиться к решению многих вопросов истории как самого города – этапов и времени строительства фортификационных сооружений, так и некоторых дискуссионных вопросов оборонного зодчества древней Руси в целом, в первую очередь, связанных с внешним обликом защитных сооружений (Моргунов, 2008; 2009).

Валы Южного городища, являющиеся предметом данного исследования, раскапывались нашими предшественниками полностью или частично трижды: в 1945 г. (зачистки у Новых Пронских ворот в юго-восточной части и напротив Шатрищенской школы в южной части городища) и 1950 г. (разрез восточного вала у Исадских ворот). Предварительные итоги первых исследований 1945 г. были опубликованы автором раскопок А.Л. Монгайтом в статье «Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани». После исследования полного разреза вала у Исадских ворот в 1950 г. автор частично пересмотрел свои выводы о конструктивных особенностях защитных стен и обобщил результаты в специальной главе монографии «Старая Рязань», вышедшей в 1955 г. Главным выводом автора стало определение четырех этапов реконструкции оборонительных сооружений, первый из которых по данным подстилающих культурных отложений датирован началом XII столетия. Последний ярус стен погиб при пожаре 1208 г. или 1237 г. «После 1237 г., – пишет А.Л. Монгайт, – валы были возобновлены, а сгоревшие древние деревянные части прикрыты насыпью из глины. На ней и образовался дерновой слой, составляющий поверхность современного вала» (Монгайт, 1955. С. 37). Эта цитата была приведена полностью для того, чтобы проиллюстрировать второй принципиальный вывод автора: по его мнению, реконструкция оборонительных сооружений на всех этапах заключалась в засыпке остатков предшествующих полых стен, досыпке вала и возведении на его поверхности (с частичным заглублением в грунт) новых деревянных стен. Таким образом, по мнению А.Л. Монгайта, в разрезе вала удалось проследить четыре этапа реконструкции деревянных стен и четыре досыпки вала, соответствующие второму, третьему и четвертому этапам реконструкции (как предварительная нивелировка участка перед возведе-

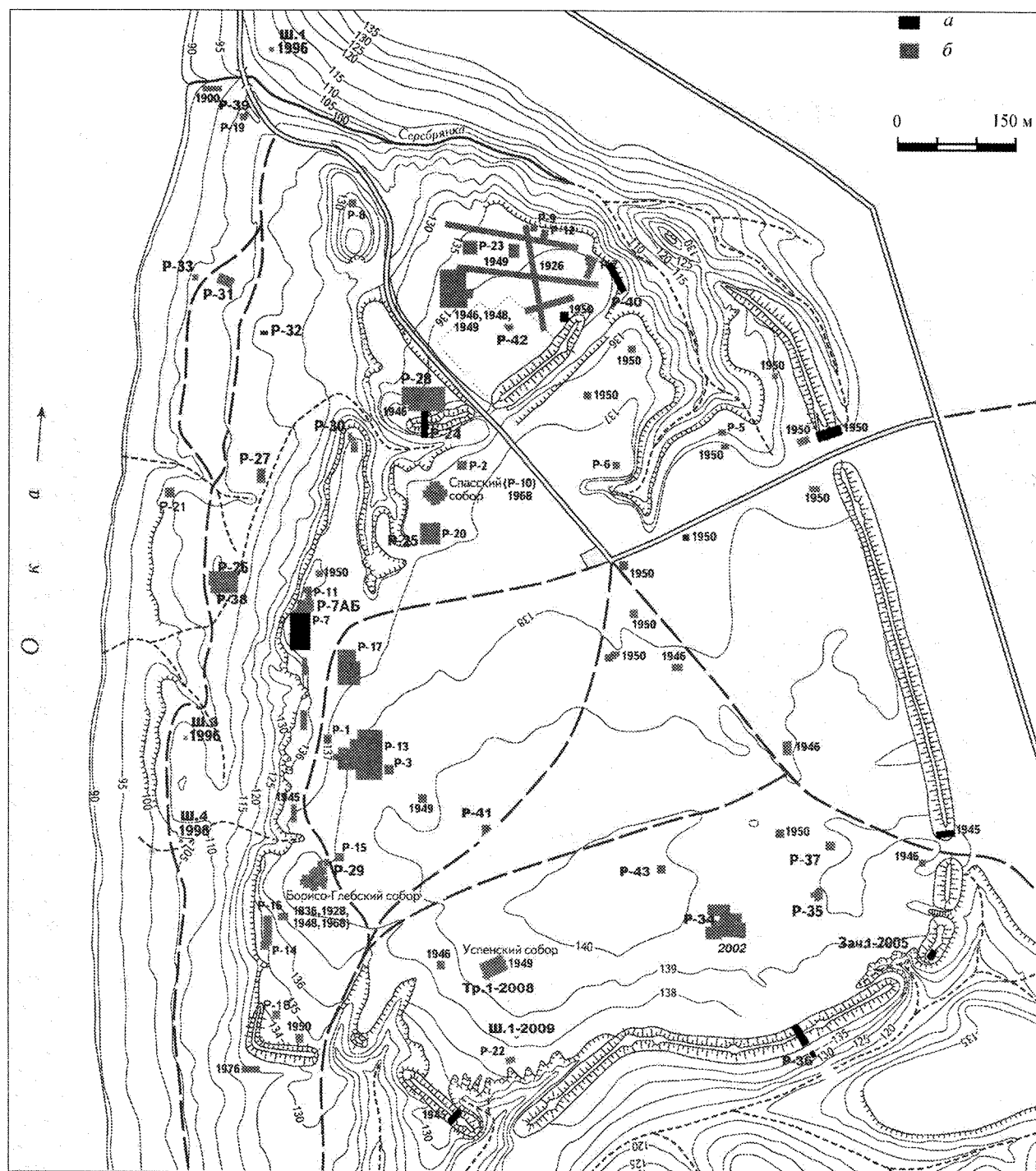

Рис. 1. План Старорязанского городища с указанием участков исследования оборонительных сооружений
 а – исследования валов; б – прочие раскопы. Номера раскопов даны с 1966 г., когда была введена сплошная нумерация;
 для раскопов предшествующих лет указана дата

нием новых стен). Последняя засыпка, перекрывшая стены, сгоревшие в 1237 г., фактически представляет собой пятый этап, не выделенный автором. В ходе перестройки XII – начала XIII в. конструкция стен постепенно усложнялась – от частокола на первом этапе до срубных сооружений на последующих. Несколько этапов насыпи из чистой глины А.Л. Монгайт пред-

положил и для вала Северного городища, у которого был исследован лишь небольшой участок подошвы на раскопе 6 1950 г. (Монгайт, 1955. С. 38).

После перерыва в археологическом изучении Старорязанского городища, с возобновлением работ в 1966 г. специального изучения оборонительных сооружений не проводилось. Тем не менее, в течение

нескольких сезонов (1966–1969 гг.) исследовались остатки оборонительных стен в прибрежной части Южного городища на раскопе 7 (Даркевич, 1974). Их следы визуально не фиксировались и сохранились, по мнению автора раскопок, в виде остатков глиняной засыпки срубов и истлевших бревен срубов, образующих полосу шириной 3–4 м. Было высказано предположение, что эти стены были разрушены в 1208 г. Позднее на их месте возник крупный жилой комплекс, вошедший в научную литературу под названием «усадьба воеводы», который был вписан в систему новых фортификационных сооружений.

Одновременно В.П. Даркевичем и Г.В. Борисевичем была сделана попытка пересмотра выводов А.Л. Монгайта. В монографии «Древняя столица Рязанской земли» авторы предложили иную реконструкцию этапов и конструкций стен Южного городища Старой Рязани по данным раскопок 1950 г. у Исадских ворот. Оба главных вывода А.Л. Монгайта были подвергнуты сомнению. Во-первых, было выделено пять этапов строительства, последние стены погибли при штурме города монгольскими войсками в 1237 г. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 97). Они исключают досыпки вала после разорения Рязани Батыем, определяя последние верхние слои как следы разрушения и осыпи предмонгольских стен. В остальном разделение насыпи на горизонты в основном совпадает: лишь ремонт вала второго этапа, отмеченный А.Л. Монгайтом, авторы новой реконструкции выделяют в самостоятельный, третий «промежуточный» этап (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 101). Во-вторых, и что более существенно, валы Старой Рязани, по их мнению, – это результат разрушения городень-срубов, засыпанных материковым суглинком, а не земляные фундаменты полых стен. Авторы, к сожалению, не дают развернутых аргументов своих выводов, представляя лишь подробную реконструкцию сооружений со сложной архитектурной композицией, совершенствовавшейся от этапа к этапу. В частности, в отличие от выводов А.Л. Монгайта, на основании которых Г.Б. Шуклиным была сделана графическая реконструкция (Монгайт, 1955. Рис. 11), стены 5-го этапа по реконструкции В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича имели несколько линий обороны с трехъярусной основной стеной из срубов, тарасов и прирубов (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 62, 5. С. 101).

С возобновлением работ Старорязанской экспедиции под руководством А.В. Чернецова в 1994 г. одной из первоочередных задач исследований стало изучение вала Северного городища, как основополагающего источника данных для анализа стратиграфии и хронологии древнейшей части Старой Рязани. Разрез вала Северного городища и примыкающего участка жилой площадки (раскопы 24 1994–1995 гг. и 28 1998–2005 гг.) позволил выявить четыре строительных яруса оборонительных конструкций, различающихся как по мощности, так и по особенностям сооружений. Увязка строительных периодов с культурными напластованиями площадки Северного городища позволила с большой долей уверенности датировать все четыре строительных яруса и разработать хронологическую

шкалу керамики Старой Рязани и горизонтов А–Д культурного Северного городища (Стрикалов, 2005). Сходная картина стратиграфии вала была прослежена и при анализе материалов раскопа 6 1950 г. Однако из-за недостаточной сохранности деревянных каркасов стен дать однозначную и точную реконструкцию оборонительных сооружений каждого из этапов оказалось невозможно. Были предложены два варианта такой реконструкции: один – автора данной статьи, опубликованный в работе о Северном городище (Стрикалов, 2005), второй – Ю.Ю. Моргунова, руководителя раскопок верхней части разреза в 1994 г. Этот вариант увидел свет лишь в виде краткого описания в уже упомянутой монографии «Деревоземляные укрепления Южной Руси X–XIII веков» (Моргунов, 2009). Они существенно различаются как в датировке горизонтов, так и в характеристике их конструкции и внешнего облика. Это стало причиной нового исследования вала Северного городища на участке осыпи в восточной части площадки Северного городища в 2007–2010 гг. (раскоп 40). В настоящее время исследования не завершены и выводы об особенностях конструкции оборонительных стен Северного городища преждевременны. Тем не менее, опыт исследования вала Северного городища позволил подойти к выработке методики изучения и реконструкции деревоземляных фортификационных сооружений древнерусских городов, которые были применены при раскопках нового разреза вала Южного городища, проводившихся Старорязанской экспедицией в 2005–2009 гг. (раскоп 36).

Валы Южного городища Старой Рязани вновь стали одним из объектов исследования в 2005 г. по ряду причин. Во-первых, это разрушение валов в юго-восточной и южной частях городища в результате естественной эрозии, а во-вторых, – широкий диапазон мнений в интерпретации облика оборонительных стен Южного городища и датировки этапов реконструкции (их краткий обзор был дан выше). В 2005 г. работы начались с продольной зачистки разрушающейся части вала в юго-восточной части городища, близ новых Пронских ворот (рис. 2), и рекогносцировочных работ на месте будущего раскопа 36. В следующем сезоне развернулись полномасштабные работы на шестиметровом разрезе вала и рва в южной части, которые были завершены в сезоне 2009 г. (рис. 3). В пределах раскопа удалось выделить четыре этапа строительства с несколькими ремонтами, исследовать три линии деревянных клетей, в каждой из которых на каждом из этапов в пределах разреза зафиксировано по три сруба-ячейки. При этом по одному срубу каждой линии вошли в разрез полностью. Были открыты и котлованы двух разновременных рвов с внешней стороны оборонительных стен.

Результаты этих последних работ позволили уточнить конструктивные особенности защитного комплекса Южного городища. Основанием для критического пересмотра некоторых высказанных ранее гипотез стало применение новых методических приемов фиксации и анализа антропогенных и природных процессов, которые привели в результате к

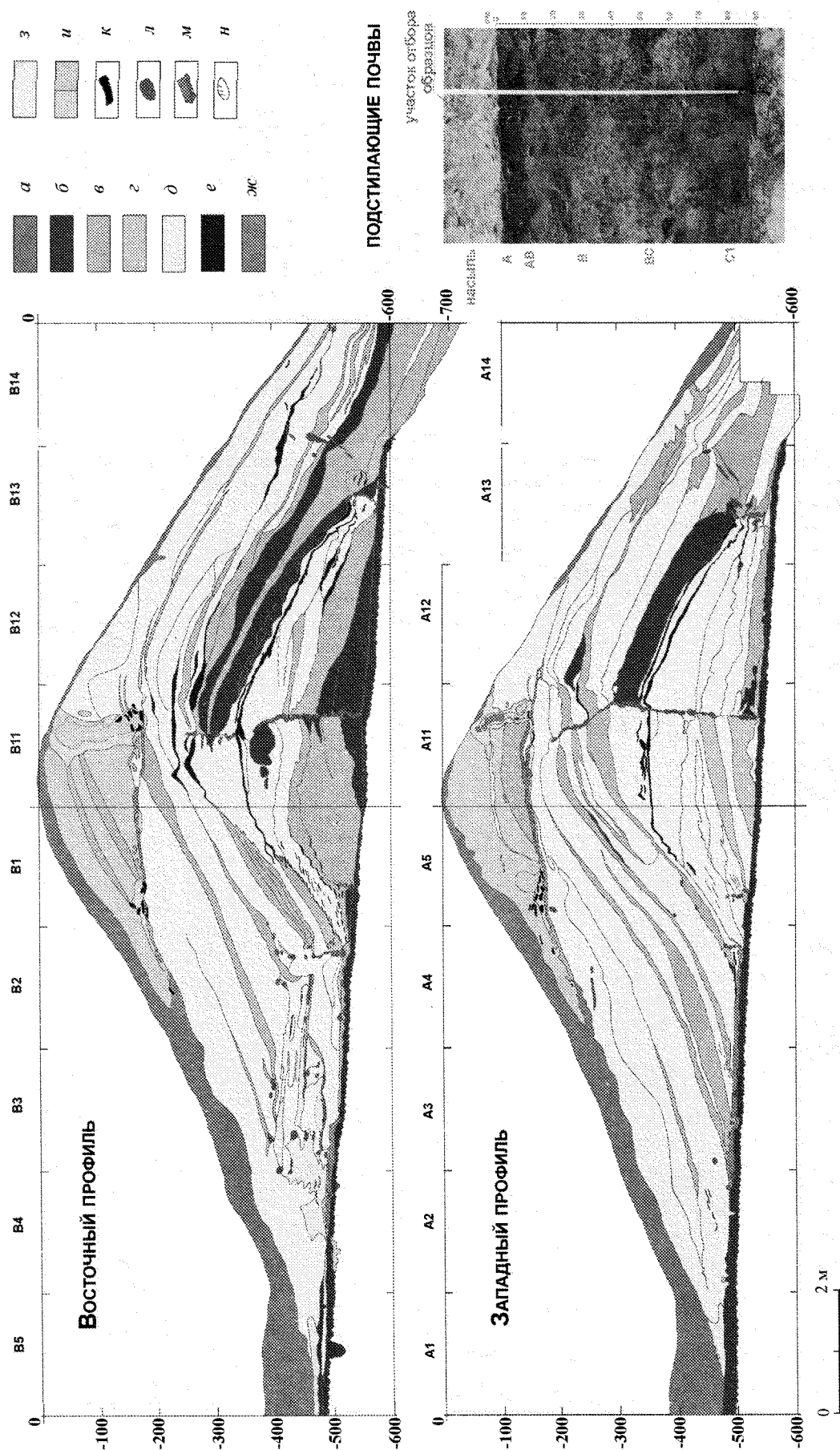

Рис. 3. Разрез вала Южного городища Старой Рязани. Раскол 36 2005–2009 гг. Профили (профиль западной стенки дан в зеркальном отображении) (см. пв. вкл.)
 а – гумус; б – потрепанная почва (темно-серая супесь); в – пестрый коричневый суглинок; г – палево-желтый суглинок; д – коричневый суглинок; е – оглеенный суглинок;
 ж – угольный слой; з – золистый слой; и – прокареленный суглинок; к – уголь; л – древесный тлен; м – плинфа; н – известковый щебень

формированию вала в его современном состоянии. Этот комплекс методических приемов, позволяющий определить конкретные процедуры на этапе строительства и последующие деформации, былработан постепенно в процессе работ и их интерпретации как на разрезе вала Северного городища, так и на раскопе 36, который стал «полигоном» их применения.

Методика исследований разреза вала

Приведенный выше пример различия мнений в интерпретации результатов исследований валов Старой Рязани, равно как и многих других памятников, свидетельствует о несовершенстве методов реконструкции деревоземляных сооружений, являющихся следствием неполноты данных и отсутствия единых критериев описания и разделения их элементов, как деревянных конструкций, так и грунта в их заполнении и окружении.

Различные методические приемы в раскопках валов и их влияние на результаты исследований, как и само многообразие мнений в этом вопросе довольно подробно рассмотрены Ю.Ю. Моргуновым в уже упомянутой работе «Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков». Ярким примером служат работы П.А. Раппопорта, который, используя методику частичного разреза вала, пришел к заключению об отсутствии деревянных конструкций в земляных валах, определив последние исключительно как основания оборонительных стен (Моргунов, 2009. С. 38). Такого же мнения первоначально придерживался и А.Л. Монгайт, основываясь на частичных прорезках насыпей старорязанских валов.

Полное исследование тела вала от его гребня до основания не всегда возможно, но в случае Старой Рязани с ее уникальной сохранностью валов это условие выполнимо. Более того, зачистка осыпи внешней стороны вала в 2005 г., предшествовавшая началу работ на полном разрезе вала (раскоп 36), дала возможность определить ширину нескольких соседних срубов-ячеек, составлявших деревянный каркас оборонительных сооружений. Были прослежены четыре вертикальные линии бревен, сохранившиеся на высоту более 3 м, представлявших собой поперечные стены городень. Их взаимное расположение (через 2, 4 и 2 м соответственно) позволило определить продольные размеры срубов и выбрать оптимальную ширину предстоящего разреза вала – 6 м: такие размеры позволили исследовать полностью и частично три сруба каждой линии городень. Забегая вперед, следует особо отметить, что на втором и третьем этапах строительства в разрезе были зафиксированы различия в конструкции даже соседних срубов одного строительного горизонта (в частности, частичный ремонт отдельных элементов сооружения), что отразилось в отличиях на профилях разреза. Это обстоятельство еще больше убеждает в необходимости изучения защитных стен широкими площадями.

Другим важным методическим условием достижения информационной полноты исследований является применение объективных критериев описания грунтов, слагающих тело вала. При этом традици-

онного учета цвета и состава грунта, используемого в археологии в стратиграфических исследованиях, оказывается недостаточно. Необходимо привлечение данных морфологической классификации слоев, используемой в почвоведении.

Опыт использования данных почвоведения при анализе и интерпретации процесса формирования заполнения углубленных объектов уже имеется в археологической практике (Коваль, 2010; Борисов, 2010). Частично применялись такие данные и при исследовании валов. В частности, А.Б. Мазуров при характеристике оборонительных сооружений средневековой Коломны предваряет описание тела вала подробным анализом профиля погребенной почвы, поскольку основным материалом отсыпки являются коренные грунты почвенных горизонтов (Мазуров, 2001. С. 472). При раскопках, на основании консультаций с А.Л. Александровским, автором особое внимание обращалось на плотность и цветность различных прослоек, а также проявления таких геологических процессов, как оглеение, высадка железисто-марганцевых прослоек на границах литологических слоев и других характеристиках (Мазуров, 2001. С. 474).

Анализ состава почв, использованных при строительстве оборонительных сооружений, является первым необходимым методическим условием объективного описания слагающих вал грунтов. В данной работе разделение слоев проводилось на основании существующей в современном почвоведении классификации почвенных горизонтов («Толковый словарь по почвоведению», 1975). Неоценимую помощь в определении почв и типов грунтов автору оказали сотрудники географического факультета РГГУ кандидаты географических наук В.А. Усков и А.В. Водорезов, в течение многих лет сотрудничающие со Старорязанской археологической экспедицией. Пользуясь случаем, выражаю им признательность за ценные консультации.

Помимо учета особенностей слагающих разрез элементов (грунтов и деревянных конструкций), сама оценка выявленной информации должна базироваться на строго определенных критериях. В целом процедура реконструкции облика и конструктивных особенностей оборонительных сооружений заключается в последовательности следующих операций:

1. Выявление характера строительных процедур, применяемых при возведении деревоземляных сооружений;

2. Определение основных природных процессов, характерных для того или иного типа деформации первоначального сооружения и всех его элементов: деревянных конструкций, заполняющих и примыкающих к ним массивов грунта;

3. Определение пачек синхронных слоев и массивов, а также критериев для их объединения в единовременный комплекс, с одной стороны, и выделения их из всего массива напластований – с другой;

4. Определение участков сооружения, как сохранившихся в неизменном виде, так и с перемещенным грунтом;

5. Оценка степени, объема и характера деформации первоначального сооружения на каждом из этапов;

6. Моделирование процедуры строительства и процессов последующей деформации сооружения;

7. Создание реконструктивной модели первоначального сооружения.

Основным условием объективности такого исследования является определение основных процессов, природных и антропогенных, происходивших при строительстве и последующем существовании возведенных деревоземляных сооружений, а также их отражении в морфологических характеристиках слагающих их грунтов (рис. 4). Исходная информация о подобных процессах содержится в многочисленной строительной нормативной документации, регламентирующей строительные процедуры в связи со свойствами разных грунтов (см., например, СНиП III-Б.1-71 – «Строительные нормы и правила...», 1972).

Перечислим эти процессы и способы их выявления.

Антропогенные процессы (процедура строительства)

1. Забутовка клетей. Этот процесс характеризуется формированием грунта комковатой структуры без четких границ между слоями разного цвета (в пределах одновременно созданного массива). Как правило, что неоднократно отмечалось исследователями (Мазуров, 2001; 2009), состав забутовки отражает почвенный профиль участка выемки грунта, но в обратной последовательности: в нижней части массива располагаются верхние горизонты почвенного профиля (культурный слой, если он присутствует, гумусные сильноокрашенные почвенные горизонты), в верхней – коренные породы, подстилающие почвенные слои. Массив забутовки имеет в плане и профиле правильную форму, повторяющую форму заполняемой ячейки (сруба). Верхняя граница забутовки четкая горизонтальная. Фактически эта правильная форма сохраняется лишь частично, поскольку такой массив подвержен осыпанию и обрушению, особенно в верхней части. Внутри массива прослойки разного цвета могут иметь как горизонтальную, так и наклонную направленность (валообразную форму), а в плане – кольцевидную форму. В первом случае это свидетельствует о промежуточной процедуре выравнивания и трамбовки заполнения, во втором – отступствии таковой.

Особой разновидностью забутовки является **вымокта**, используемая на уровне древней дневной поверхности или на уровне пола постройки. Ее отличают, как правило, высокая плотность слагающих грунтов (это часто достигается включением в ее состав более плотных фракций – щебня, битого кирпича и т. п.), небольшая мощность и ровная горизонтальная поверхность (создание которой и является основной причиной такого строительства).

2. Строительство насыпи. В отличие от забутовки, насыпь не имеет правильных очертаний, направленность слоев всегда дугообразная или наклонная

(в случае, если насыпь примыкает к существующей конструкции). Как правило, в плане форма слоев насыпи линейная или волнистая. Поскольку возведение насыпи на значительном участке происходит не синхронно, слои насыпи приобретают «лоскутность», отдельные линзы слоев примыкают друг к другу. Частым, но необязательным критерием для определения верхней границы насыпи каждого этапа может служить цвет слагающего насыпь грунта. Если для ее строительства использовался почвенный горизонт с тонким культурным или гумусовым слоем, в нижней части насыпь имеет, как и забутовка сруба, более темную окраску с постепенным осветлением в верхней части. Следующий горизонт дает такое же изменение цвета слоев от более темного к более светлому. Такое чередование может служить основанием для определения границы насыпей разного времени возведения. Эта граница выявляется также на основании следов воздействия природных процессов, о которых речь пойдет ниже.

3. Строительство котлована. Эта процедура хорошо известна и при исследовании древних жилых и хозяйственных сооружений, поэтому методика атрибуции этого процесса хорошо разработана. Пятно котлована пререзает слои, в которых идет строительство, а его заполнение может иметь разную форму, от четких и ровных прослоек нивелировки дна и стенок, до массивов забутовки и слоев обрушения, оползания и засыпки. Столь же разнообразной может быть структура и цвет заполнения.

В последнее время в археологическом сообществе анализ и интерпретация заполнения котлованов построек вызывает повышенный интерес, что выразилось в появлении нескольких уже упомянутых специальных публикаций, характеризующих антропогенные и природные процессы, влияющие на формирование слагающих заполнение слоев (Коваль, 2010; Борисов, 2010).

4. Нивелировка (выравнивание) площадки. Эта строительная процедура применяется как подготовительный этап при строительстве с целью создания ровной поверхности. Это достигается разравниванием грунта с частичным разрушением и перемещением подстилающих слоев либо досыпкой грунта со стороны. В обоих случаях фиксируется изменение линии дневной поверхности, что и служит основным индикатором нивелировки.

Природные процессы

1. Огление. Этот природный процесс в условиях насыпи развивается, как правило, по замкающим наклонным плоскостям и вертикальным пустотам, оставшимся от истлевшего дерева. В результате формируется аморфная по структуре плотная сизая или рыжая прослойка с четкими границами. Сходные сизые иловатые прослойки формируются и на участках поверхностных водостоков, в частности на горизонтальной поверхности забутованных срубов, и на участках склонов насыпи. В последнем случае возможен и иной вариант формирования подобной прослойки: **искусственная** досыпка гумусного слоя

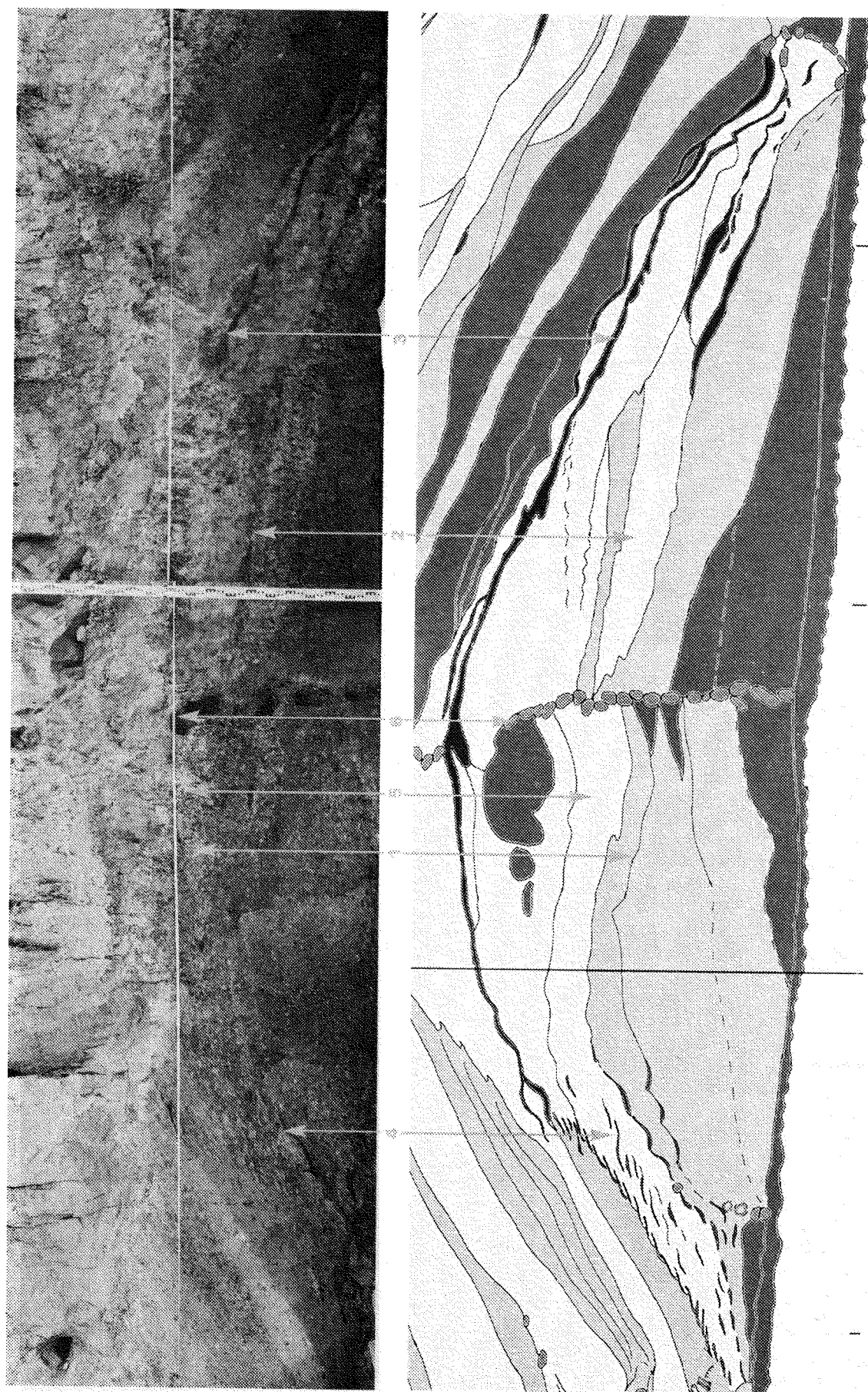

Рис. 4. Антропогенные и природные процессы строительства и существования деревоземляных стен (см. пв. вкл.)

1 – забутовка; 2 – сооружение насыпи; 3 – оглеение поверхностных водостоков; 4 – осыпание; 5 – уплотнение грунта (усадка); 6 – горизонтальное смещение

для скорейшего формирования дерна, укрепляющего склон. По крайней мере, иные способы формирования тонкой сильногумусированной прослойки с четкими границами вряд ли возможны: при естественном формировании гумусного слоя его нижняя граница не имеет такой резкой границы, как можно наблюдать в насыпи вала. В формировании таких сизых прослоек гумуса на поверхности склонов участвовала и растительность, погребенная в момент досыпки или осыпи. Сходный облик имеет верхняя часть погребенной почвы под насыпью вала. Какова бы ни была природа происхождения таких прослоек, во всех случаях они маркируют линии древней дневной поверхности.

В наилучшем виде «глеевые» прослойки (для удобства все прослойки описанного облика в дальнейшем будем именовать таким образом) зафиксированы на границе первого и второго горизонтов разреза вала Южного городища, но в виде отдельных линз прослежены и на границе второго и третьего этапов, а также на границе слоев разной плотности в заполнении срубов.

В некоторых случаях фиксируются «рванные» глеевые прослойки, состоящие из отдельных «лоскутов» сизого плотного грунта. Такая картина возникает при осыпании грунта, ранее подвергшегося оглеению. В этом случае они четко маркируют два процесса, в котором осыпание является вторичным.

2. Осыпание. Участки осыпей образуются на границах забутованных срубов, на склонах насыпи, в котлованах углубленных построек и не имеют четких границ, отделяющих их от участка, откуда шло осыпание. Главными особенностями зоны осыпи в сравнении с зоной неперемещенного слоя является изменение направления горизонтальных или наклонных слоев разного цвета и изменение их структуры: комковатая структура сменяется «текучей», сформированной из вытянутых по направлению осыпи линз и прослоек. Такая картина, к сожалению, наблюдается далеко не всегда, поскольку требует многих особых условий: не всегда фиксируются различия в цвете прослоек забутовки; в случае с аморфным заполнением изменение структуры также трудно уловимо. Наконец, морфологические изменения существенны, если грунт увлажнен: пересохшие комки грунта более устойчивы к деформации. Тем не менее, в случае с анализируемым разрезом ситуация изменений направления и структуры грунта в той или иной степени прослежена с северной стороны забутованных городень всех горизонтов, где слои осыпи перекрыли остатки внутренней стены клетки. В плане следы осыпи фиксируются в виде полуконцентрических многослойных языков, основанием примыкающих к стене сруба. Размеры основания языка близки длине клетки, поскольку процесс разрушения клеток не мог быть абсолютно синхронным, и каждая клетка осыпалась изолированно от остальных. Осыпи прослежены и на внешнем склоне насыпи, однако здесь структура самой насыпи очень близка структуре осыпи и фиксируется в профиле по изменению направления падения слоев, появлению лоскутных прослоек на поверхности насыпи (например, «рванных» глеевых

прослоек), а в плане — по наличию разрывов в «глеевых» верхних прослойках и увеличению волнистости слагающих слоев.

Небольшие участки осыпи фиксируются на участках примыкания грунта к деревянным конструкциям. В этом случае осыпь возникает не из-за разрушения (истлевания и сгорания) крепежных стенок, сдерживавших грунт в требуемом пространстве, а по иной причине — из-за проседания грунта, что определяется следующим природным процессом.

3. Усадка (уплотнение) грунта. При строительстве насыпи и засыпке клеток происходит разрыхление материала, которое по современным расчетам может достигать коэффициента от 1,05 до 1,30. Даже при сознательном уплотнении забутовки и насыпи достичь прежней плотности невозможно. Дальнейшее уплотнение грунта происходит уже в существующей конструкции и вызывает ее деформации. Во-первых, уплотнение приводит к осадке всей постройки. Это фиксируется по следам истлевших срубов, пустоты от которых также деформируются. Как правило, диаметр пустот от бревен составляет 12–15 см, что вряд ли соответствует первоначальному диаметру бревен срубов. Во-вторых, в профиле забутовки срубов наблюдается проседание массива грунта, фиксируемое по направлению слагающих его прослоек. Наконец, уплотнение слоя насыпи приводит к образованию пустот вдоль стенок, к которым примыкает грунт заполнения или насыпи. Этот процесс определяется более активным замоканием примыкающих к стенкам участков грунта под воздействием атмосферных осадков, что приводит к ускорению процесса их уплотнения. Образовавшаяся щель между насыпью и клетью ведет к частичному осыпанию массива и фиксируется на профиле как уклон слоев забутовки и насыпи в сторону клетки. Чем глубже по профилю, тем щель меньше, а проседание грунта менее заметно. По участкам такого проседания у границ срубов и оценке степени проявления этого процесса можно определить верхнюю границу насыпи.

4. Горизонтальное смещение. Этот процесс возникает при разрушении клеток и изменении установившегося равновесия между массивом забутовки и насыпи. Как правило, это фиксируется по смещению ряда лежащих друг на друге бревен от вертикальной линии в сторону площадки и образованию осыпи на участке примыкания насыпи к срубу, как и в описанном выше случае уплотнения грунта. Подобное явление вызвало заблуждение А.Л. Монгайта, реконструировавшего оборонительные сооружения как наклонный бревенчатый тын, опиравшийся на срубленную стену (Монгайт, 1947. Рис. 16). Позднее автор реконструкции признал ее ошибочной (Монгайт, 1955. С. 35). В записке обнажения 2005 г. отмечено продольное горизонтальное смещение забутованных срубов, что может быть объяснено развитием оврага и смещением всего тела вала в сторону склона.

Деревянные конструкции в древних валах подвергались не менее существенным и разнообразным деформациям, учет которых также позволяет приблизиться к правильному пониманию облика защитных стен.

Во-первых, различается само состояние древесины. Наилучшей сохранностью, без существенных изменений формы и размеров, обладает обугленная древесина. Истлевшее дерево подвержено значительным деформациям под воздействием давления грунта. В ряде случаев древесина полностью истлевает и реконструируется только по характерному окрасу заместившего ее грунта, имеющего более темный оттенок, по его морфологии (он более рыхлый, чем окружающий грунт) и оглеению полосы примыкающего грунта из-за вертикального замкания.

Во-вторых, сами конструкции и разные их части разрушались по-разному, что определялось многими факторами. Основной из них связан с положением конструкций на открытом воздухе или в слое грунта. Тот факт, что внешняя стена и перерубы всех клеток первой линии сохранилась на большую высоту (от 1 м в четвертом горизонте до 2 м – в первом), свидетельствует о наличии в момент существования с внешней стороны грунта, способствовавшего их консервации. Внутренние стены первой линии срубов, как и срубы второй и третьей линии, сохранились лишь на несколько венцов высотой до полуметра. Их верхние венцы не были присыпаны и разрушались намного быстрее. Остатки рухнувших бревен этих стен изредка фиксируются за пределами срубов в виде горелых плашек или полос древесного тлена в слое осыпи. Этот факт ставит под сомнение вывод А.Л. Монгайта о засыпке оборонительных срубов в процессе перестройки и позволяет реконструировать облик стены как многолинейной конструкции из приспы – примыкающей к стене насыпи, забутованной первой линии городень и второй (или второй и третьей) линии частично забутованных или полых клеток.

Наконец, оборонительные стены представляли собой многоярусные конструкции. Передние линии забутованных городень располагались выше примыкающих со стороны площадки городища построек. В результате остатки деревянных конструкций одного периода оказываются погребенными в теле вала на разных уровнях, а в пределах одного пласта фиксируются следы оборонительных стен разных периодов.

Все названные процессы фиксировались при исследовании вала Южного городища на раскопе 36 и позволили разделить весь массив вала на четыре (без учета ремонтов) синхронных группы слоев (рис. 5). Помимо названных критериев фиксации древней дневной поверхности (цветность единовременных массивов грунта, наличие глеевых прослоек, горизонтальное положение верхней границы забутовки, определение участков проседания грунта в процессе естественного уплотнения), можно назвать еще несколько частных признаков. Во-первых, слой поверхностного пожара характеризуется прокаливанием грунта, который сохраняется в виде постепенно светлеющей оранжевой прослойки под угольно-золистым слоем. Прокал, фиксируемый только с одной стороны, является неоспоримым аргументом того, что вышележащие слои были досыпаны позднее. Во-вторых, положение всей конструкции вышележащего горизонта относительно нижележащего характеризуется смещением, а иногда

и иной ориентировкой. Это отмечено во второй линии между вторым и третьим этапами, частично – в первой линии между первым и вторым этапами. Названные признаки характеризуют древнюю дневную поверхность, не подвергшуюся подрезке и нивелировке. Специальная подготовка участка к новому строительству (выравнивание стройплощадки) существенно нарушала эту картину. В этом случае проявляются признаки, характерные для строительства котлована.

На следующем этапе исследования в каждом массиве слоев выявленных строительных ярусов были определены как участки с разным характером строительных процедур (забутовки и досыпки), так и зоны с перемещенным и непотревоженным грунтом (рис. 6). Вслед за этим оказалось возможным определить особенности каждого из строительных ярусов и предложить собственную реконструкцию облика фортификационных сооружений.

Оборонительные сооружения Южного городища Старой Рязани

Разрез вала Южного городища шириной 6 м и длиной у основания вала 18 м (раскоп 36) расположен в южной части оборонительного периметра близ пролома в валах, ведущего к правому берегу Черной речки, ограничивающей Старую Рязань с юга. Высота вала по его гребню составляла 5,5 м. Угол уклона во внешнюю и внутреннюю сторону примерно одинаков и составляет 30–35°.

Уклон древней дневной поверхности под насыпью вала составляет около 4°, но далее к югу, в направлении русла Черной речки, возрастает. Если на участке вала на протяжении 16 м перепад высот составлял около 1 м, то далее к югу на участке от северной кромки первого рва до южной кромки более позднего второго рва (32 м) перепад намного больше – 4,4 м. Объем грунта, слагающего тело вала, лежащего на склоне и заполняющего нижнюю часть рва существенно превышает объем выемки (рис. 7). Вероятно, для строительства оборонительных стен использовался грунт не только из рва, но и с самой площадки, к северу от вала. Однако на всех этапах материал для строительства лишен культурных остатков.

Первые оборонительные сооружения в этой части городища были возведены до появления вблизи нее жилой застройки. Насыпь сложена исключительно из переотложенной почвы, которая представляет собой типичный образец серой лесной почвы с выраженным верхним пахотным горизонтом.

Погребенная почва

На участке раскопа после снятия насыпи был исследован профиль погребенной почвы. Он имеет следующее строение (рис. 3).

($A_{\text{пах}}$) – 0–9 см (здесь и далее глубины залегания даны от поверхности погребенной почвы) темно-серый уплотненный бесструктурный легкий суглинок, близкий к супеси. Граница с нижележащим слоем резкая, четко выраженная, но нарушена бороздами распахки, поэтому этот слой может быть интерпретирован как древний пахотный горизонт. Сле-

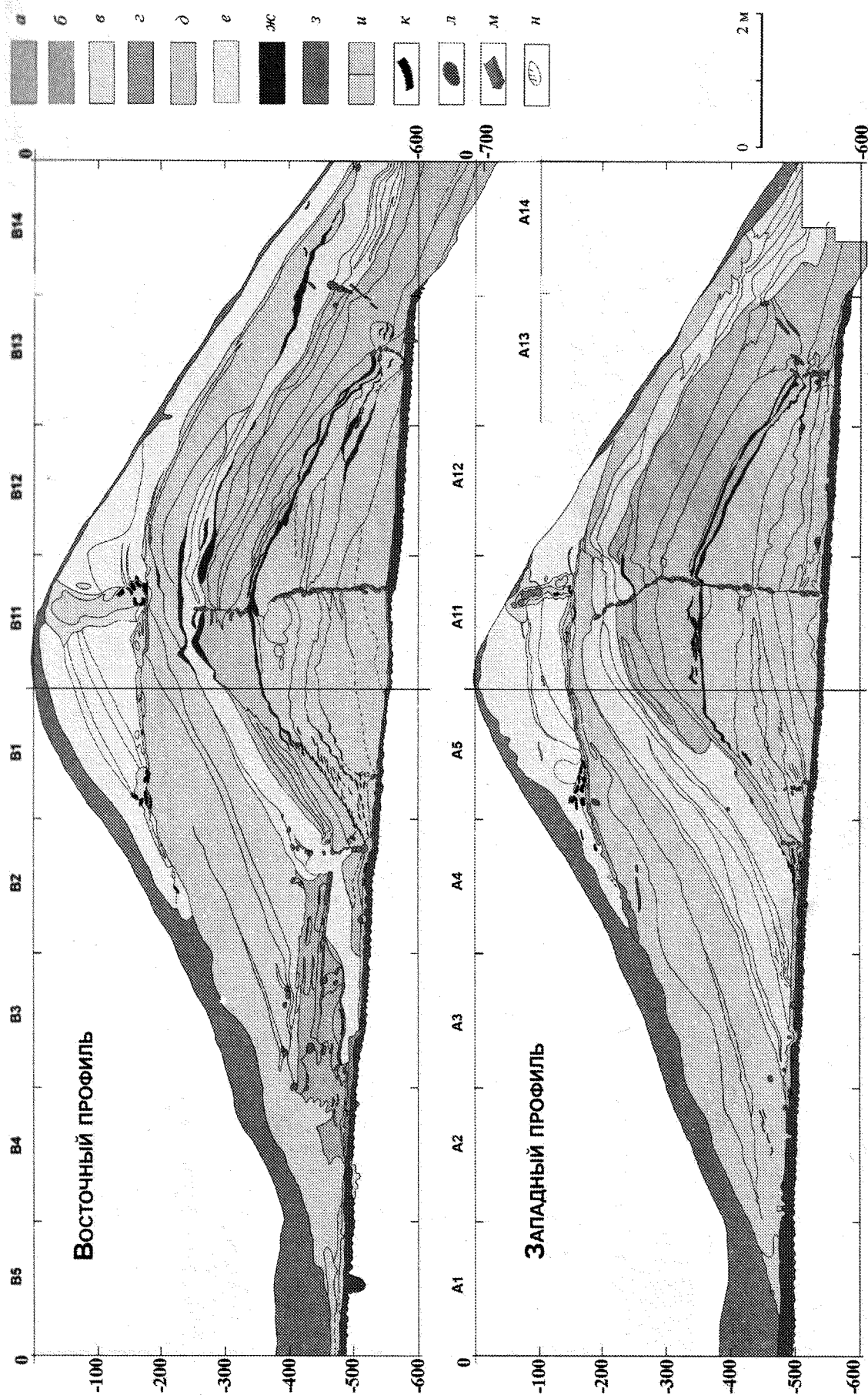

Рис. 5. Строительные ярусы оборонительных стен Южного городища Старой Рязани.
(Профиль западной стенки дан в зеркальном отображении) (см. цв. вкл.)

а – 1-й ярус; б – 2-й ярус (этап 1); в – 2-й ярус (ремонт); г – 3-й ярус; д – 4-й ярус; е – оглеенный суглинок; ж – гумус;
и – прокаленный суглинок; к – уголь; л – древесный тлен; м – плинфа; н – известковый щебень

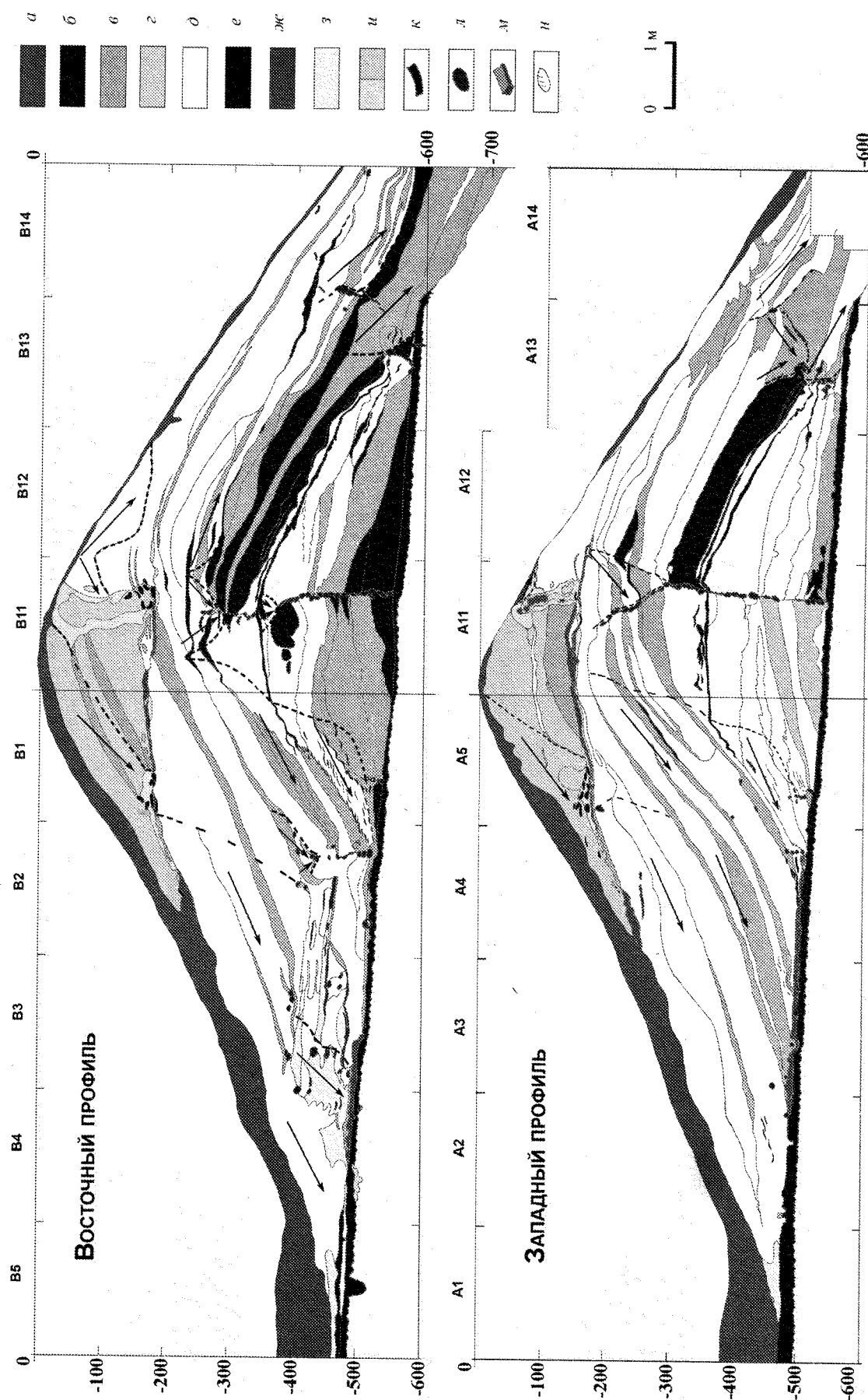

Рис. 6. Реконструкция природных процессов и участков с перемещенным и неперемененным грунтом

а – гумус; б – погребенная почва (темно-серая супесь); в – пестрый коричневый суглинок; г – коричнево-желтый суглинок; д – оглеенный суглинок; жс – угольный слой; з – золистый слой; и – прокаленный суглинок; к – уголь; л – древесный тлен; м – известковый щебень; н – известковый щебень

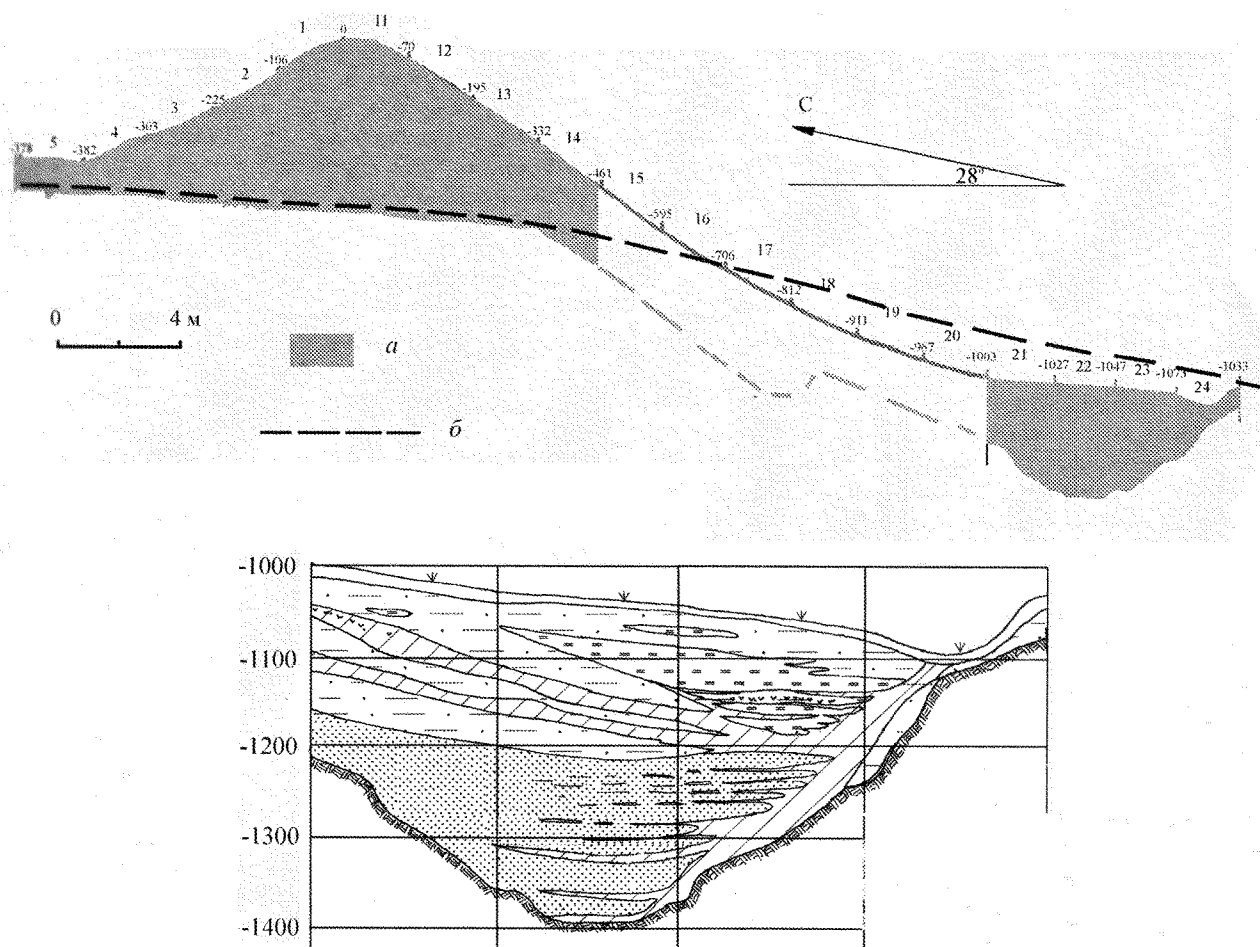

Рис. 7. Оборонительный ров Южного городища. (Профиль разреза рва дан в зеркальном отображении)
 а — исследованная часть насыпи и рва; б — гипотетическая линия древней дневной поверхности

ды распахки фиксируются на всей площади раскопа в виде прямых неглубоких (до 3 см) борозд темно-серого цвета, идущих в двух направлениях: вдоль линии вала и перпендикулярно ей. Следы распахки зафиксированы в центральной и южной части разреза вплоть до кромки древнего рва. Это свидетельствует о подрезке древней кромки (и края пашни) в процессе строительства. В северной части раскопа в погребенной почве прослежены следы лопаты, не образующие сколько-нибудь определенной структуры.

В слое древней пахоты собраны очень мелкие фрагменты пещины и лепной керамики. Лишь два более крупных фрагмента позволяют атрибутировать ее как керамику с характерной рогожной поверхностью, типичную для городецкой культуры раннего железного века. Кроме того, в южной части раскопа в этом слое найдено сильно корродированное височное кольцо так называемого кудрявого типа, характерное для населения Среднего Поднепровья X–XI вв. Имеющиеся материалы не позволяют определить время появления распахки и следов огорода. Можно лишь предположить, что данный участок использовался под пашню в ранний период существования города, т. е. в XI – первой половине XII в.

(A₁) – 9–25 см; серый слабоструктурированный суглинок, зернистой неясно комковато-порошистой структуры, содержит много следов корней растений.

(A₁B₂) – 25–40 см; переходный гумусово-элювиальный горизонт мощностью до 15 см, серовато-буроватый, комковато-плитчатой и ореховато-комковатой со слоеватостью структуры.

(B) – 40–55 см; иллювиальный горизонт, темно-бурый, ореховатой структуры, плотный, грани структурных отдельностей покрыты блестящими глянцевитыми пленками.

(BC) – 55–90 см; переходный горизонт более светлой окраски, структура выражена хуже, плотность меньшая; горизонт постепенно переходит в почвообразующую породу.

(C) – от 90 см и ниже; почвообразующий суглинок палево-бурой, а ниже палево-желтой и желтой окраски.

Из перечисленных горизонтов сложены все слои насыпи вала 1–3 строительных периодов. Они представлены как в чистом виде, так и в перемешанном состоянии. При этом, как уже отмечалось выше, в нижней части забутовки и насыпи представлены преимущественно верхние, гумусированные горизонты почвы, в

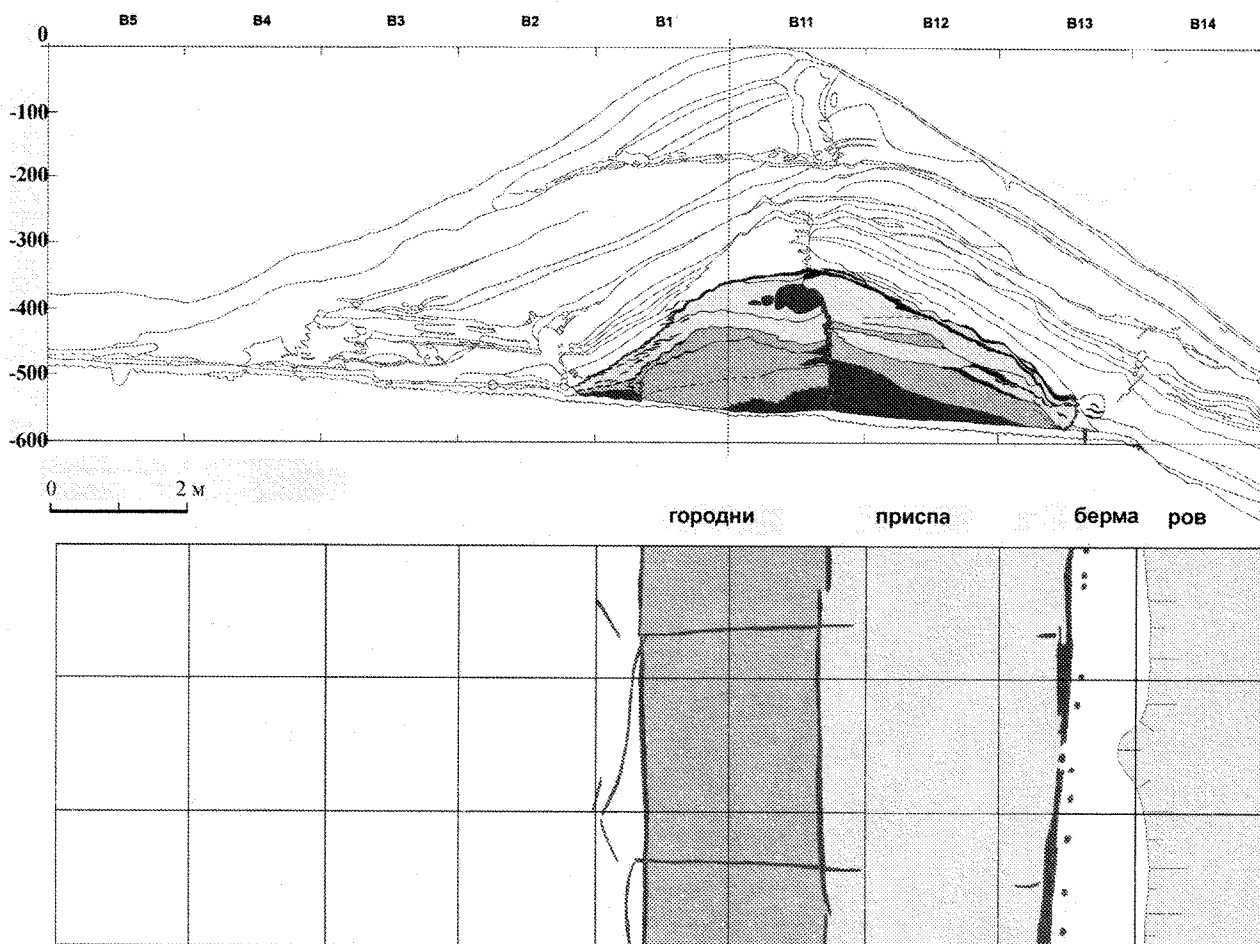

Рис. 8. 1-й ярус оборонительных сооружений. Восточный профиль и сводный план

верхней — почвообразующий суглинок палево-желтого и желтого цвета с незначительной примесью вышележащих почвенных горизонтов. Иной характер имеет забутовка клетки верхнего строительного яруса. Она состоит из прослоек коричневого суглинка, близкого горизонту (B) и (BC), но имеет иную, более аморфную и мелкую структуру. Возможно, этот грунт представляет собой переработанную, перемешанную почву разных горизонтов, характерную для материала склонов оврагов и краев балок или пашни. Наиболее вероятно, что он попал в насыпь со склона вала и рва. Это объяснение подтверждается почти полным отсутствием культурных примесей. Из этого слоя происходит несколько фрагментов керамики, типичной для начала XIII в., а также несколько гвоздей. Следовательно, учитывая датировку этого строительного горизонта началом XIII в., когда прилегающий участок городища был заселен, грунт не мог происходить с площадки.

Первый ярус (рис. 8)

Оборонительная стена первого яруса была возведена на древнем пахотном горизонте и состояла из одного ряда забутованных городень и приспы с внешней стороны. Для сооружения стены использовали грунт из котлована первого рва, частично исследованного в

южной части раскопа и представляющего собой траншею с покатыми стенками с углом уклона $30-35^\circ$.

Линия городень, срубленная в обло с выпусками перерубов на 40–60 см, располагалась на удалении около 4,5 м от кромки рва. Ширина клетки составляет 2,7–2,9 м. В пределах раскопа исследована полностью одна клетка длиной 3,5 м и части двух клеток к западу и востоку от нее. Клетки имеют общие поперечные бревенчатые стены, которые, как и передняя бревенчатая стена, сохранились на всю высоту сруба — 1,8–2,0 м (верхняя отметка бревен сруба и его забутовки отмечена на уровне –340–360 см; здесь и далее отметки даны от гребня вала). Задняя стена сохранилась хуже: зафиксированы 3–4 венца, возвышающиеся над основанием на 40 см. Следы рухнувших бревен этой стены зафиксированы к северу от сруба в слое осыпи и под ней в виде полосок тлена, лежащих с некоторым отклонением от линии срубов.

С юга к линии городень примыкает насыпь вала шириной по основанию 3,0–3,4 м. Верхняя отметка насыпи расположена примерно в 20 см выше верхнего венца сруба и имеет у стенки характерное падение к северу, отражающие процесс неравномерного уплотнения засыпок. От кромки рва она отделена подпорной стенкой из горизонтальных бревен или толстых

плах с перерубами, расположенными напротив перерубов городень и впущенных в насыпь на 40–50 см с целью закрепления стенки. Эта стенка защищала насыпь от осыпания в ров и сохраняла между насыпью и кромкой рва полосу горизонтальной бермы шириной 1,0–1,2 м. Высота подпорной стенки, сложенной из пяти-шести венцов, составляла 60–70 см. Стенка под давлением насыпи слегка наклонена к югу, но сохранилась полностью, без разрушений. За стенкой, на полосе бермы прослежены следы вбитых в почву вертикальных кольев диаметром 5–8 см. Они располагались на расстоянии 20–30 см от подпорной стенки и 20–120 см друг от друга. Всего на протяжении 6 м разреза зафиксировано 10 таких кольев.

И забутовка, и насыпь сложены почвенными горизонтами А–С. В нижней части они имеют темно-серую окраску и однородную структуру, сходную с цветом и структурой верхнего горизонта погребенной почвы. Выше грунт становится более светлым и комковатым, а в верхней части сооружения – желтым с незначительными примесями гумусированных комков и линзами гумуса. Слои забутовки в нижней части имеют слабый уклон к северу. Судя по планиграфии заполнения срубов, грунт набрасывался к внешней стене. К стене набрасывался грунт и при строительстве насыпи-приспы, слои которой имеют наклон к югу. Верхняя граница горизонта отмечена сизыми прослойками илистого слоя. Он лежит с уклоном к югу на насыпи и горизонтально на южной части забутовки срубов. Забутовка срубов в плане имеет четко выраженную прямоугольную форму срубов. При этом забутовка соседних клеток на одном уровне отличается и по цвету, что отражает самостоятельный характер засыпки каждой клетки. Насыпь, напротив, образует единую полосу на всем протяжении разреза.

В северной части городень слои, включая глеевую прослойку, падают к северу и имеют характерные черты осыпи, перекрывающие как сохранившиеся *in situ*, так и рухнувшие остатки задней стены. Осыпь распространялась за пределы сруба на 80–100 см и в плане имела характерную форму слоистых языков. Следует отметить, что осыпавшаяся часть забутовки незначительна в сравнении с неповрежденным массивом. Даже на уровне верхней границы засыпки сохранившаяся часть имела ширину 1,8–2,0 м (из первоначальных 2,7–2,9 м).

Время возведения оборонительной стены первого этапа может быть определено только гипотетически: ни подстилающие, ни слагающие стену слои не содержат никакого археологического материала. Можно лишь сказать, что это произошло не позднее второй половины XII столетия: именно этим временем датируются материалы следующего горизонта. Вряд ли можно отнести время строительства к докняжескому периоду истории Старой Рязани. Полагаю, следует ограничить вероятную дату 40–60-ми годами XII в.

Второй ярус (рис. 9)

Сооружения второго этапа оборонительных стен имели более сложную конструкцию: помимо забутованных городень и приспы они включали линию по-

лых клеток с внутренней стороны комплекса. Помимо горизонта основного строительства выявлен горизонт ремонта: он затронул все элементы сооружения и фиксировался по наличию двух горизонтов «глеевых» прослоек в насыпи и забутовке и двух горизонтов осыпи, нижний из которых был остановлен вторым рядом клеток, а второй – перекрыл их остатки.

Линия городень была сооружена поверх срубов первого яруса. При этом новые срубы полностью сохранили положение, размеры и форму предшествующих, что, вероятно, преследовало цель создания более жесткой и устойчивой структуры, в которой срубы первого горизонта выполняли роль фундамента. Высота забутованной части городень стала меньше: она составила 1,0–1,4 м (верхние отметки внешней стены без учета слоев ремонта зафиксированы на уровне -250 см в восточной части разреза и -200 см – в западной). Задняя стенка была сооружена непосредственно на слое осыпи предшествующего яруса. В теле вала от нее сохранились истлевшие бревна. При этом на месте прослежено лишь бревно нижнего венца, а остальные зафиксированы обрушенными и лежащими в пространстве между двумя линиями срубов в слое осыпи.

На расстоянии 1 м от линии городень, к северу от них, была построена линия полых клеток. Пространство между городнями и этими клетями было засыпано лишь частично, что также имело определенный смысл: присыпка стены открытого сруба создает нежелательное давление, способное привести к преждевременному разрушению конструкции. В составе этой забутовки присутствует известковый щебень и битая плинфа. Клетки, как и городни, были срублены в обол с выпусками поперечных стен на 40–60 см. Перерубы клеток и забутованных городень располагались на одной линии. На полу клетки найдены следы вымостки из щебня и битой плинфы, а также пятно прокаленного грунта с золой в центре постройки. Пятно представляет собой остатки открытого очага, вокруг которого, преимущественно у южной и восточной стенок сруба на полу собран бытовой мусор: битая посуда и кости животных. Подобные остатки зафиксированы и в соседних клетях к востоку и западу от полностью исследованной. Вероятно, в клетях располагались помещения для стражи. Клетки сохранились на четыре-пять венцов с южной стороны и один-два венца – с северной.

Приспа к югу от линии городень была частично увеличена и поднята на высоту городни. Новая приспа перекрыла и берму нижнего горизонта, и первый ров. Возможно, ров был отодвинут далее к югу, что отмечали и другие исследователи валов Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич, 1995. С. 101*). На расстоянии 4 м от линии городень вновь была сооружена подпорная стенка. Эта конструкция сохранилась намного хуже, чем крепезная стена первого этапа: прослежены лишь следы тлена и пустоты от истлевших бревен в профиле стенок раскопа. С внешней стороны подпорной стенки также были вбиты колья, сохранившиеся в смещенном положении: они наклонены в сторону склона. Пространство между подпорной

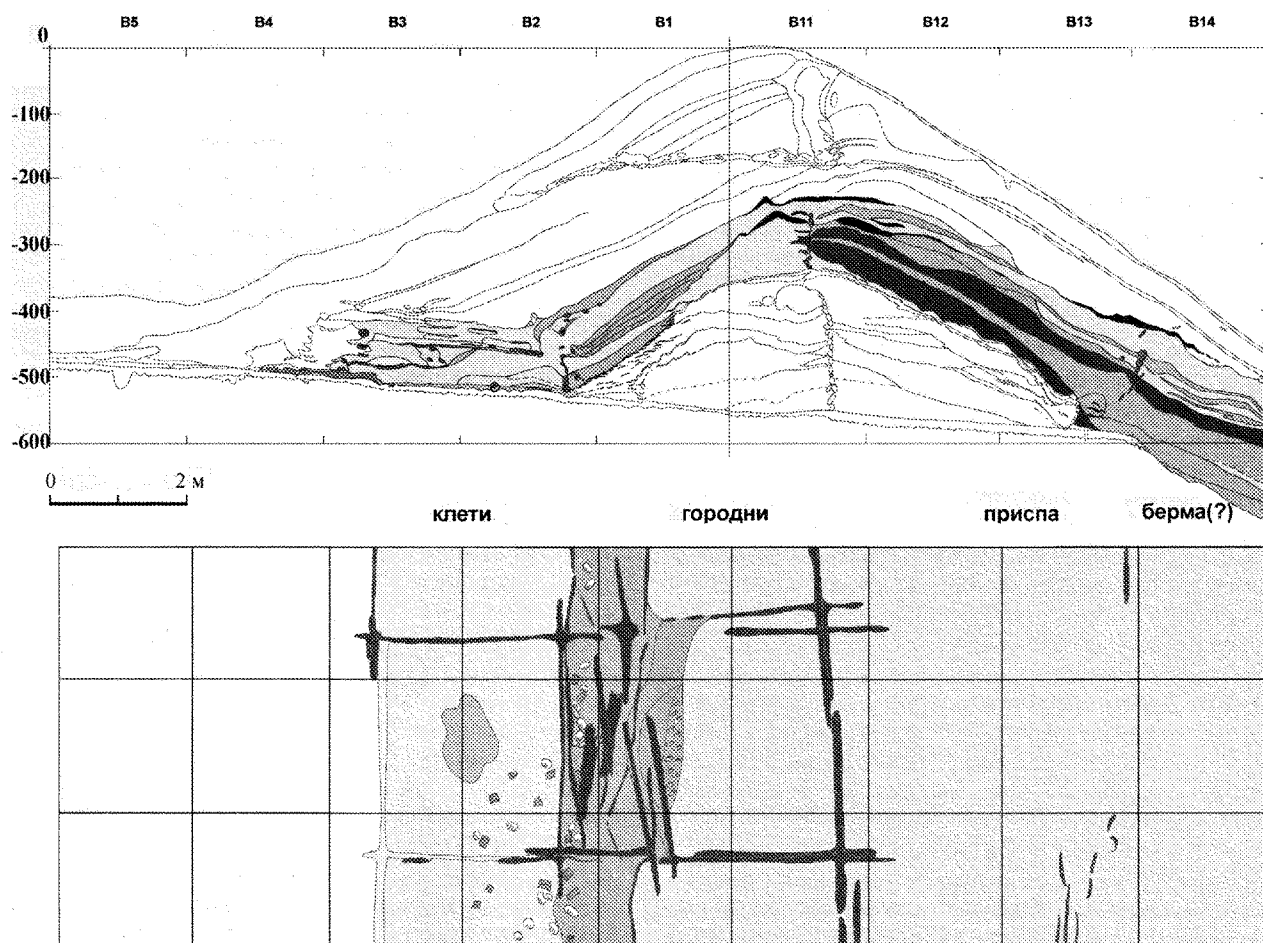

Рис. 9. 2-й ярус оборонительных сооружений. Восточный профиль и сводный план

стенкой и кольями заполнено очень рыхлым слоем. Возможно, на этом участке располагалась берма.

Слои забутовки и насыпь второго яруса также сложены почвенными горизонтами А–С. В целом они повторяют положение и чередование цветов первого горизонта, с тем лишь отличием, что слой забутовки сложен почти исключительно коренными породами желтого и палево-желтого цвета с незначительными примесями гумусированных комков почвы. Приспа, напротив, сооружена преимущественно из материала из горизонтов А–В. Возможно, это отражает последовательность строительных работ: после сооружения деревянных конструкций первоначально была поднята насыпь, а вслед за этим засыпаны срубы.

В разрезах зафиксированы характерные следы осыпей с рухнувшими бревнами задней стенки городни. Осыпь второго горизонта затронула большую часть забутовки, которая заполнила собой пространство между клетями первого и второго рядов. Следы осыпи, проседания насыпи и засыпки клетей зафиксированы и у внешней стены городень. Кроме того, эта стена после частичного разрушения оборонительной линии наклонилась к северу. Уклон зафиксирован в верхней части сруба на половине его высоты.

После обрушения задней стенки городень и осыпания забутовки защитный комплекс подвергся ремонту. Была восстановлена задняя стена городень и их забутовка, а также досыпана насыпь с внешней стороны, перекрывшая берму.

Второй ремонт затронул линию полых клетей. После очередных осыпей они оказались разрушенными и заполненными грунтом из забутовки городень, однако восстановлен был не весь ряд, а лишь отдельные клетки. В частности, не были реконструированы западная и центральная клетки. Лишь на участке восточной клетки слой осыпи был частично снивелирован и выровнен, и на полученной горизонтальной площадке поставлен сруб несколько меньших размеров: его ширина составила 2,6 м против 3,0 м до ремонта. Пол новой клетки был приподнят на 50 см и вымощен слоем плотной глины. Из деревянных элементов этой постройки сохранился лишь нижний венец северной стенки.

Дата строительства второго этапа определяется по керамике, происходящей с пола клеток второго ряда. Коллекция представлена типами, характерными для второй половины XII в. (рис. 12). Дополнительные сведения о времени строительства дает наличие в забутовке пространства между линиями срубов и на полу открытых клетей битой плинфы, которая поя-

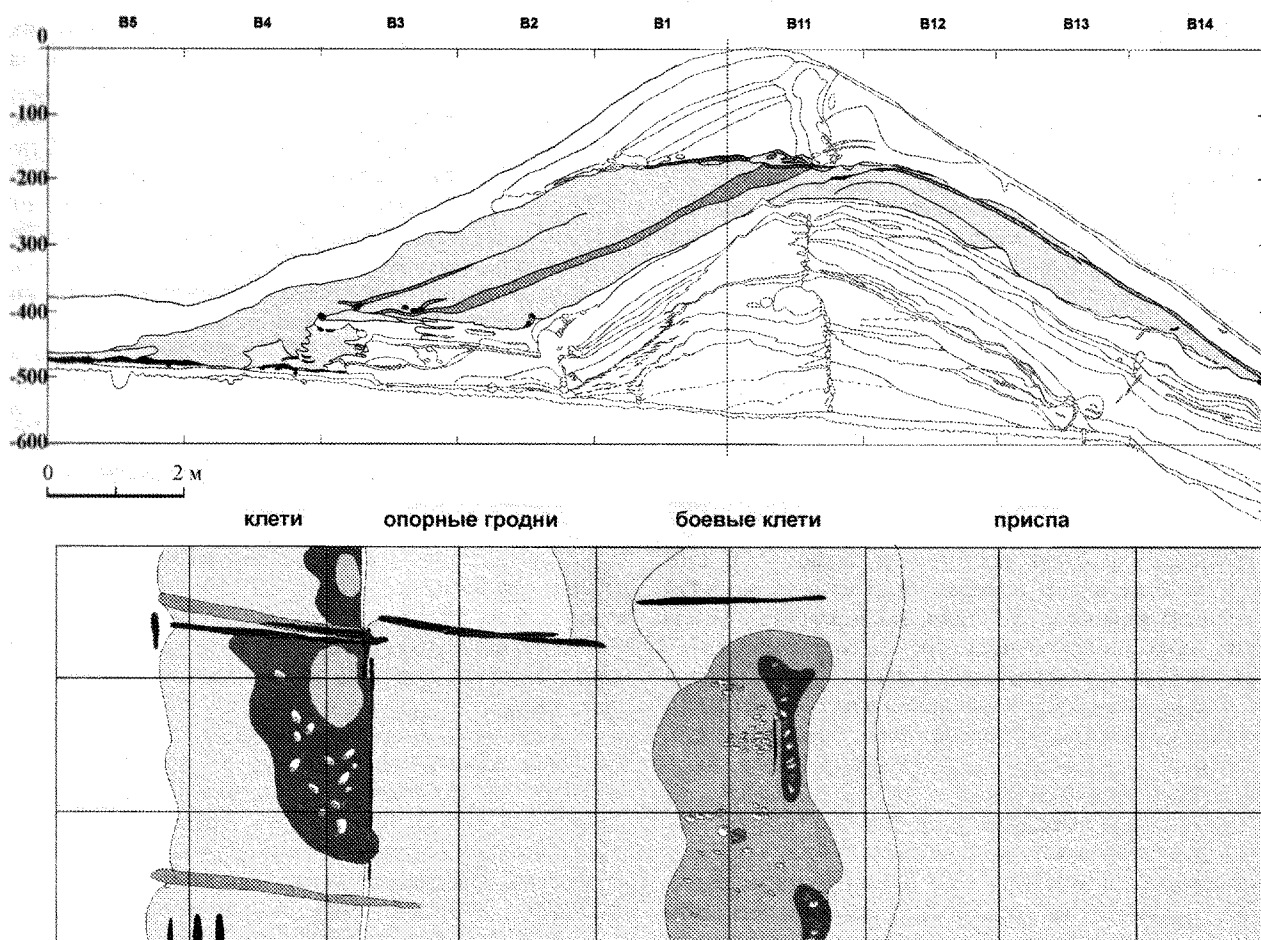

Рис. 10. 3-й ярус оборонительных сооружений. Восточный профиль и сводный план

вилась в Старой Рязани в период храмового строительства. К сожалению, начало этого периода также остается предметом дискуссии. Наиболее вероятная дата – 1170-е годы.

Третий ярус (рис. 10)

Следующая реконструкция фортификационных сооружений заключалась, по-видимому, в коренном изменении принципов строительства. Возможно, полученный неудачный опыт возведения новых стен на осыпи старых конструкций, без надлежащей подготовки строительной площадки, что вызвало ее неустойчивость, фиксируемую в нескольких осыпях и ремонтах, заставил провести более серьезную подготовку фундамента для новых защитных стен.

Первоначально, вероятно, была возведена довольно мощная подсыпка по всей площади вала. Она перекрыла насыпь, городни и осыпи с северной стороны оборонительного комплекса. Эти досыпки состояли преимущественно из желтых и палево-желтых суглинков и супесей почвенного горизонта С. При этом более мощные (до 2 м) досыпки производились с внутренней стороны вала. На уровне гребня вала и внешней насыпи их мощность не превышала 50 см. В плане они выглядят как полосы чередующихся

желтых и палевых полос, перекрывающих единым массивом все более ранние сооружения. Лишь на участке восточной клетки, подвергшейся ремонту в конце времени существования второго яруса защитных стен, возможно, была обновлена срубная постройка, возведенная на забутовке предшествующего сруба, которая состояла из слоя суглинка толщиной до 40 см. На западной границе этой постройки сохранились истлевшие следы поперечного бревна. Ширина сруба вновь увеличилась до 3 м.

К северу от насыпи и названного сруба была сооружена линия полых клеток срубной конструкции, рубленной в обло. На полу этих срубов были открыты следы золы с остатками обугленного зерна, наибольшая концентрация которого зафиксирована в юго-западной части целиком вошедшего в раскоп сруба. В юго-восточном углу этого сруба открыто пятно прокаленного грунта с золой – остатки открытого очага, подобного тому, который был открыт в клетке предшествующего горизонта. Вокруг очага на полу постройки были разбросаны крупные известковые камни и остатки бытового происхождения: битая керамика и кости животных. Вероятно, как и в предшествующие годы, открытая клеть использовалась в качестве сторожевого и складского помещения.

На гребне вала была сооружена ровная горизонтальная площадка шириной около 5 м, вымощенная щебнем и битой плинфой. В этом слое зафиксировано большое количество золы и прослойка оранжевого прокала толщиной до 3 см. Следует отметить, что прокал направлен только в одну сторону – нижележащих слоев, что свидетельствует о пожаре незабутованных деревянных сооружений. Следы самих этих построек зафиксированы только в виде полос угля в восточной части разреза и отпечатков бревен, заполненных золой и прокаленным грунтом, в северной части. Они маркируют место расположения срубной постройки, размеры которой определить не удалось. Можно только отметить, что передняя стена располагалась в 80 см от южного края горизонтальной площадки и в 20 см южнее линии срубов первого и второго строительных ярусов.

Это строительство четко связывается с периодом храмового строительства в городе: вымостка боевого хода этого яруса, прослеженная на всех разрезах внешнего вала Старой Рязани, как в разрезе у Исадских ворот, так и в зачистке 2005 г., сооружена из битой плинфы с известняковым щебнем. Следы пожара на поверхности боевой площадки и на полу открытого ряда клеток (зола и горелое зерно) можно увязать с событиями рязано-суздальской войны 1209 г., когда город был сожжен Всеволодом Большое Гнездо.

Керамика, собранная в срубах внутренней линии оборонительного комплекса включает образцы, характерные для XII в., но в большей степени, для рубежа XII–XIII вв. (рис. 13А). Этой дате не противоречит и присутствие плинфы по всему периметру стен города. Таким образом, время сооружения новой стены Южного городища укладывается в период конца XII – рубежа XII–XIII вв. Плохая сохранность сторевших и разрушенных конструкций этого яруса также вполне объяснима: город подвергся сознательному уничтожению и простоял после разрушения без стен не менее шести-семи лет. Рязанские князья долгое время находились во владимирском плену, а позднее были заняты борьбой за княжеский стол и уделы. Остатки пожара постепенно выдувались и размывались, а уничтоженные сооружения нижнего внутреннего яруса – перекрывались осыпями.

Четвертый ярус (рис. 11)

Верхний ярус несет следы мощного пожара, вероятно 1237 г. Этот строительный горизонт, как и самый ранний, включает только два элемента: один ряд забутованных городень и насыпь с внешней стороны конструкции. Эта конструкция была возведена на поверхности площадки предшествующего горизонта. Линия городень располагалась в 1 м от края площадки и состояла из срубов шириной 3 м. Высота сохранившейся передней стены достигала 1,8 м. Срубы рублены в обло с выпусками поперечных перегородок на 40–50 см. Длина городни, полностью вошедшей в разрез, составляла 4 м. В ее середине, т. е. на расстоянии 2 м от поперечных стен, прослежены дополнительные перерубы, расположенные примерно на середине высоты клетки. Соседние клетки имели общие

перерубы. При этом удалось проследить систему их соединения. Передняя стена центральной клетки была частично перекрыта выпусками стен соседних срубов. Такая конструкция представляла собой новый, ранее неизвестный в военно-инженерном деле Старой Рязани тип, близкий клетям-тарасам позднего Средневековья. Главным существенным отличием от позднесредневековых тарасов является наличие земляной забутовки, но в остальном, в первую очередь, в конструкции самих деревянных сооружений, они очень близки. Предшествующие стены состояли из отдельных срубов длиной 4 м, поставленных в ряд и соприкасающихся длинными (до 1 м) выпусками бревен. Эти выпуски образовывали укороченную (длиной до 2 м) ячейку линии городень. Таким образом в ряду чередовались ячейки длиной 4 м и 2 м, что прослежено на зачистке вала 2005 г. Клетей-тарасов последнего строительного яруса представляли собой сплошную стену и были жестко связаны в единое целое общими перерубами. На уже упомянутой зачистке вала 2005 г. прослежены другие особенности конструкции верхнего горизонта: место примыкания двух длинных участков клетей-тарасов, поставленных рядом – в профиле открыто пятно прокаленного грунта с двумя рядами бревен, распложенных на расстоянии около 50 см друг от друга.

Как уже отмечалось, срубы этого яруса сгорели в мощном пожаре: прокал грунта прослежен на всю высоту сооружения со всех сторон вокруг обугленных бревен, включая дополнительные перерубы. При удалении от бревен прокал ослабевает и полностью исчезает на расстоянии около 20–30 см от них. Кроме того, мощность прокала ослабевала на глубине – нижележащие бревна отличаются лучшей сохранностью: если верхние венцы фиксируются по пустотам с золой в спекшемся грунте, то у нижних венцов обуглен лишь поверхностный слой.

Задняя стена клетей этого горизонта рухнула во время пожара и сохранилась в виде развала обугленных бревен и плашек, лежащих снаружи от сруба. Рухнувшая стена перекрыта осыпью забутовки городень, которая сложена из коричневого аморфного суглинка, отличающегося по цвету и структуре от нижележащего материала. Примыкающая снаружи к городням насыпь сооружена из иного слоя, соответствующего горизонту С почвенного профиля.

Время сооружения и гибели верхнего яруса фортификационных сооружений Южного городища определяется рядом фактов. Во-первых, в слое забутовки встречены отдельные фрагменты керамики, характерной для начала XIII в. (в пахотном горизонте также встречена керамика XIII в., причем в сочетании с позднесредневековой чернолощеной керамикой – рис. 13Б). Во-вторых, следы двух пожаров – в основании четвертого горизонта и самих конструкций этого этапа – прослежены повсеместно в валах Южного городища, как в разрезах 1945 и 1950 гг., так и в на всех участках работ 2005–2009 гг. Эти два пожара вероятнее всего связать только с двумя датами: 1209 г. и 1237 г. Как отмечалось выше, сооружение последних стен вряд ли могло происходить до 1217 г., когда за-

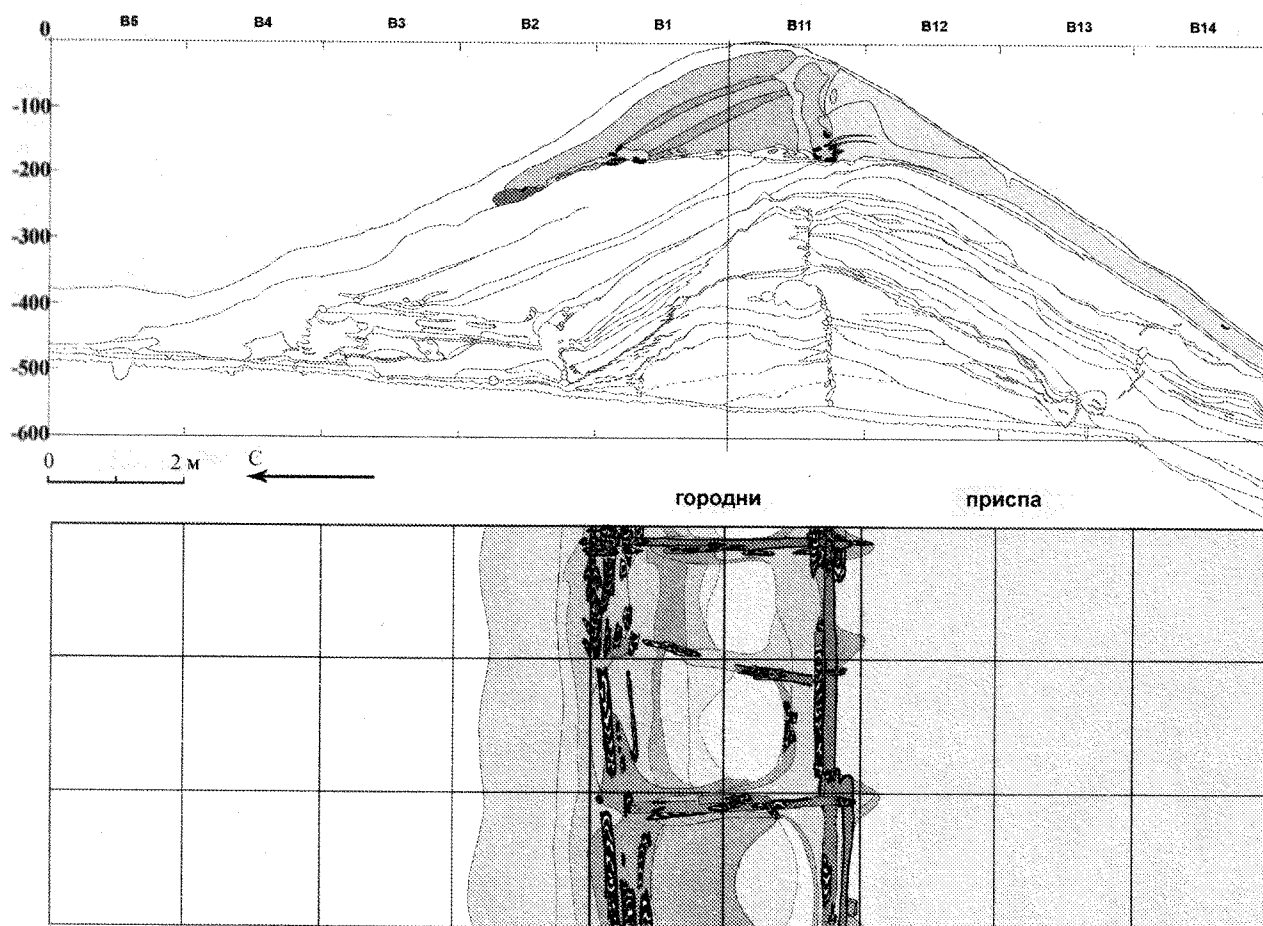

Рис. 11. 4-й ярус оборонительных сооружений. Восточный профиль и сводный план

кончилась долгая полоса войн и усобиц в княжестве. Таким образом, этот оборонительный комплекс простоял около 20 лет.

Одновременно с работами на валу Южного городища был исследован ров (рис. 7). Траншея шириной 4 м и длиной 8 м продолжила линию разреза вала. Судя по проведенным исследованиям, ров имел ширину более 8 м и глубину около 4 м от древней дневной поверхности. Общая высота оборонительных сооружений от вершины вала до дна рва составляла, таким образом, более 14 м.

Заполнение рва сложено из нескольких основных слоев. Под слоем дерна толщиной до 20 см расположен мощный слой суглинка, сходный по составу с насыпью верхнего яруса вала. В этом слое прослежены прослойки и линзы глины, гумуса и угля, понижающиеся к южной части рва, а также встречена керамика XIII–XIV вв., в том числе два развала сосудов этого времени (рис. 14Б), и несколько находок: бронзовые пуговица и пряжка, железные наконечник стрелы, ледоходный шип, скоба, четыре гвоздя, обломок плинфы с клеймом. Формирование этого слоя можно связать с оползевыми процессами вала после разрушения оборонительных сооружений.

Ниже расположен слой намывного слоистого песка с прослойками ила, лежащими горизонтально.

Горизонтальное положение прослоек отражает характер этих отложений, сформировавшихся в процессе функционирования рва в периоды паводков. В заполнении этого слоя найдено несколько фрагментов керамики, а также два развала сосудов XIII в. (рис. 14А) и обломок стеклянного браслета. Датировка находок и характер залегания развалов сосудов (в отличие от двух верхних развалов, фрагменты которых были рассеяны на значительном участке площадью не менее 2 кв. м, эти развалы располагались компактно) подтверждает характер формирования слоя.

Анализ грунта позволил сделать вывод о том, что исследованный ров часть года был заполнен водой. Этому способствовал тот факт, что дно рва располагалось на уровне выхода моренных отложений. Водоупорный и очень плотный горизонт морены стал причиной и того, что ров не был выкопан на большую глубину.

Форма рва типична для оборонительных сооружений древнерусского времени: он имел покатые стенки и плоское дно шириной около 1,5 м. Каких-либо конструкций на дне и стенах рва не обнаружено. Время сооружения рва может быть связано с реконструкцией оборонительных сооружений второго этапа, когда был засыпан первый ров, расположенный пятью метрами выше и 10 м севернее.

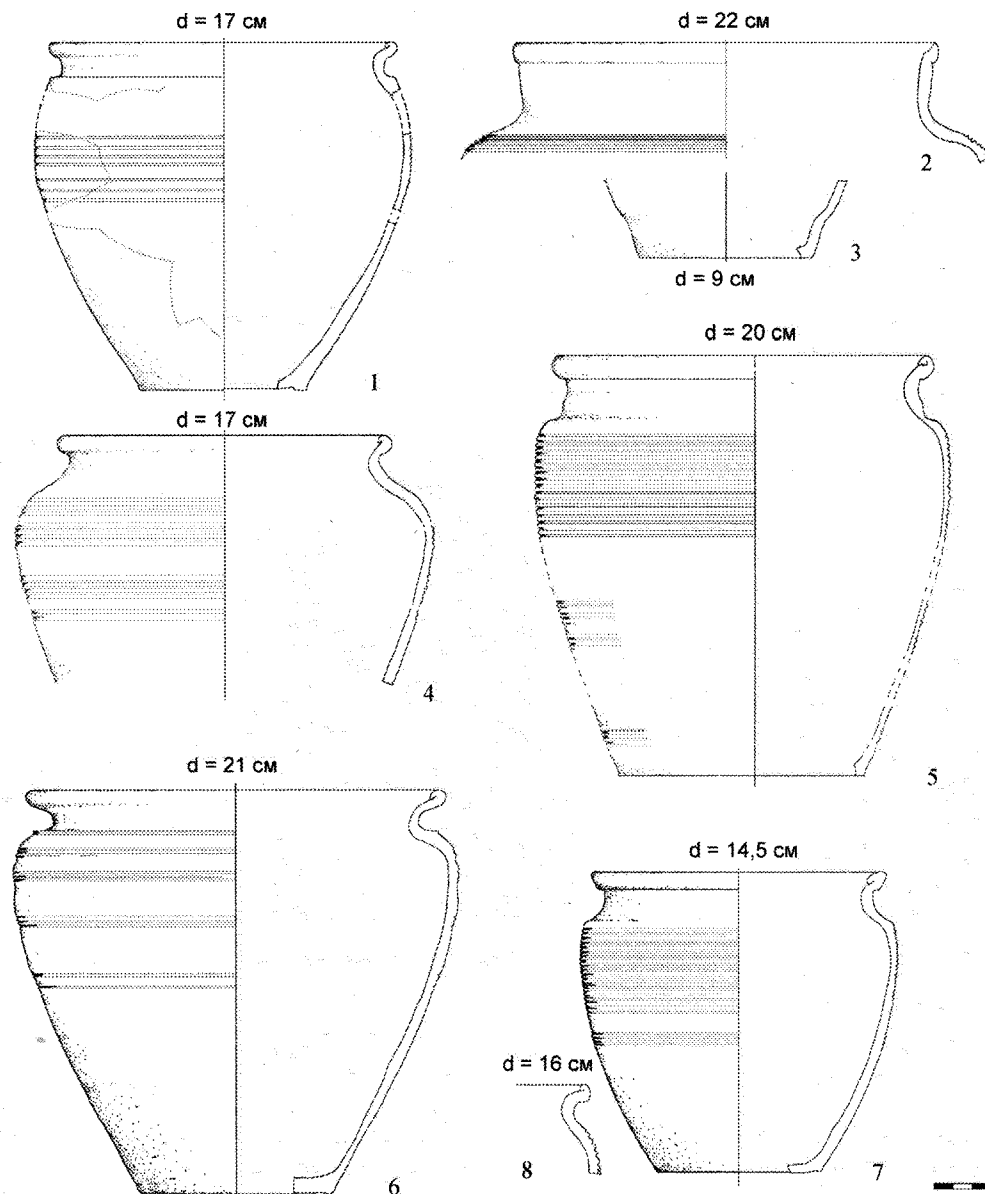

Рис. 12. Керамика из слоя пола клеток 2-го яруса оборонительных стен

Таким образом, в ходе исследования разреза вала Южного городища были получены данные о существовании четырех этапов сооружения оборонительных стен. Эти выводы довольно точно согласуются с мнениями предшествующих исследователей. А.Л. Монгайт также выделял четыре этапа реконструкции. Пять этапов перестройки оборонительных сооружений, предложенные В.П. Даркевичем и Г.В. Борисевичем, также не противоречат нашему варианту реконструкции: на втором этапе дважды проводился ремонт защитных стен, который согласуется с третьим промежуточным этапом сравнимой периодизации. Вслед за В.П. Даркевичем и Г.В. Борисевичем вряд ли можно согласиться с мнением А.Л. Монгайта, предполагавшим засыпку сгоревших в момент Батыева нашествия стен в более позднее время. Этот вывод основан на неверной интерпре-

тации конструкции стен и валов, признаваемых автором лишь основанием для незабутованных клеток. Сходство особенностей конструкций каждого этапа настолько сильно, что на всех исследованных участках повторяется до таких деталей, как вымостка из щебня и плинфы в основании верхнего яруса (правда, предшественники относили эту вымостку к последнему, а не предшествующему ему ярусу), следы пожара однорядной конструкции верхнего горизонта. Это убеждает нас в том, что стены Южного городища Старой Рязани на каждом из этапов перестройки строились синхронно и по общему плану. Этот же факт позволяет распространить полученные выводы на все участки стен с весьма высокой долей уверенности.

Основные отличия нашей реконструкции от предшествующих вариантов заключаются во внешнем

облике фортификационных сооружений. Судя по полученным сведениям, оборонительные конструкции первоначально возводились на древней дневной поверхности, а не на специально сооруженной насыпи, как это предполагал А.Л. Монгайт. Значительная часть грунта, принятая им за насыпь, представляла собой забутовку городень. Такой же была конструкция стен второго и четвертого этапов. Лишь конструкции третьего периода, состоявшие из незабутованных клетей, наиболее близки варианту А.Л. Монгайта.

С другой стороны, имеющиеся факты не позволяют полностью принять и реконструкцию В.П. Даркевича и Г.П. Борисевича, отрицавших наличие насыпи с внешней стороны стен. Существование насыпи подтверждается целым рядом фактов, основанных на анализе формирования и условий сохранения и разрушения деревоземляных конструкций.

Рассмотрим подробнее полученные реконструкции внешнего облика деревоземляных стен Южного городища Старой Рязани и их место в существующих в настоящее время научных гипотезах.

Внешний облик защитных стен и их оборонительные возможности

Все современные научные взгляды на облик древнерусских фортификационных сооружений могут быть сведены к двум основным точкам зрения. Традиционная трактовка крепостных укреплений рассматривает их в виде защитных стен, расположенных на гребнях искусственных валов, которые, в свою очередь, представляли собой сложное деревоземляное сооружение. При этом деревянные каркасы валов рассматриваются как фундаменты наземных укреплений, имевших сходную конструкцию. В наиболее законченной форме эта точка зрения была сформулирована П.А. Раппопортом (1956), М.П. Кучерой (1999) и Г.Н. Логвиным (1987). Иная точка зрения заключается в том, что традиционные валы – это руинированные осыпи крепостных стен. В крайней форме эта гипотеза представлена в работах Г.В. Борисевича, в первую очередь, посвященных реконструкции оборонительных стен Старой Рязани (Борисевич, 1987; Даркевич, Борисевич, 2005). Его мнение основывается на том, что внутривальные каркасы с точки зрения инженерной технологии бесполезны для закрепления и устойчивости грунта насыпи, а откосы валов – это аналоги летописных «приметов», насыпавшихся нападающей стороной для облегчения штурма (Борисевич, 1987. С. 181). Для стен Южного городища Старой Рязани он создает реконструкцию, в которой руины предшествующего этапа оказываются вписанными внутрь новых стен.

Менее категорично к этой проблеме подходит Ю.Ю. Моргунов, предполагающий такую трактовку валов только для первоначальных укреплений. Позднее руинированные стены служили основанием для строительства новых стен. Кроме того, автор не исключает и варианта специальной насыпки вала со сложным деревянным каркасом, как в случае с «валом Ярослава» в Киеве. Ю.Ю. Моргунов приводит новые аргументы в пользу своей точки зрения. По-

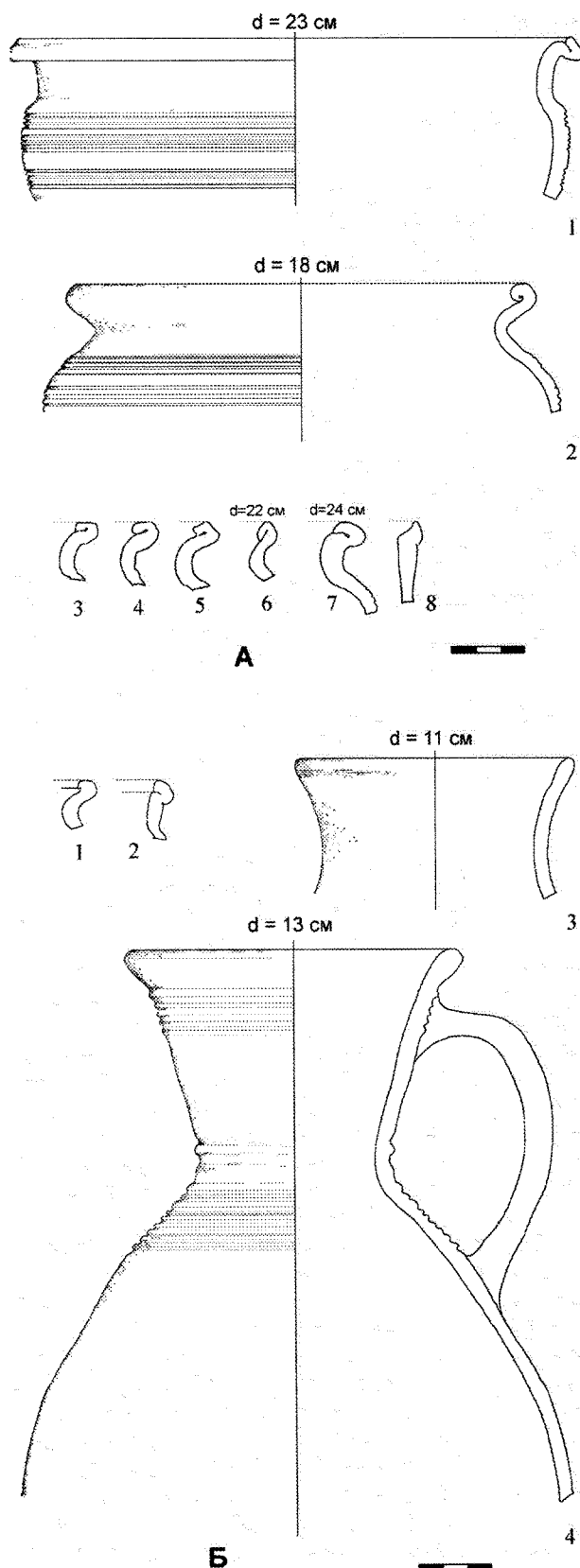

Рис. 13. Керамика из слоя пола клеток 3-го яруса оборонительных стен (А) и пахотного горизонта (Б)

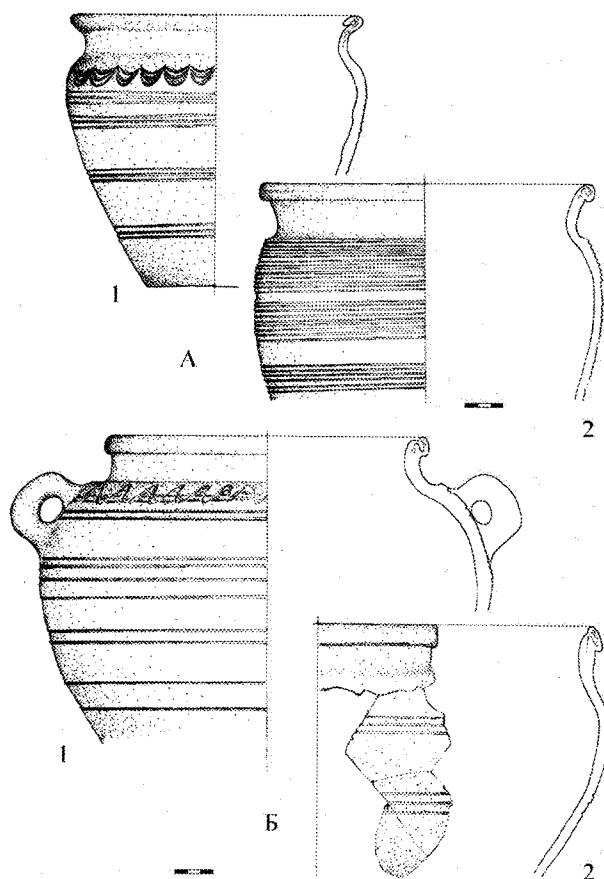

Рис. 14. Керамика из нижнего (А) и верхнего (Б) горизонтов заполнения вала

мимо умозрительной оценки боевых качеств вала со стенами, предложенными Г.В. Борисевичем, он называет и такие признаки, как пожарища, сверху донизу уничтожавшие внутривальные срубы, а также сходство верхнего абриса бревен с очертаниями дневной поверхности (Моргунов, 2008. С. 363).

В целом соглашаясь с мнением Ю.Ю. Моргунова о том, что большая часть грунта вала представляла собой забутовку городень, отметим основное отличие его реконструкции от выводов, полученных на основании новых исследований Старой Рязани. Оно заключается в наличии внешней присыпки деревянных стен земляным откосом-приспой, которую Ю.Ю. Моргунов исключает. Однако, на основании применения вышеописанных критериев оценки характера строительных процедур забутованные городни нижнего яруса старорязанского вала, сооруженного на древней дневной поверхности, с внешней стороны, несомненно, были присыпаны грунтом. На это указывает, в первую очередь, сравнительный анализ морфологии грунта и положения прослоек в профилях разреза на участке забутовки клетки и на участке земляной насыпи, разная сохранность деревянных стен городень с внешней стороны, закрытой насыпью, и с внутренней стороны, оставшейся открытой, отсутствие горизонтальных нивелировок на участке приспы при перестройке валов.

Контраргумент оппонентов и критиков представленной в этой работе реконструкции заключается в том, что забутованные городни признаются не первой, а второй линией деревянных сооружений. Насыпь вала, примыкающая к ним с внешней стороны, рассматривается как частично разрушенная первая линия забутованных клеток, внешняя стена которой в процессе естественного осыпания была разрушена и не сохранилась. Таким образом, в качестве изначальной предлагается конструкция, состоящая из двух рядов забутованных грунтом городень. Такая реконструкция, несомненно, возможна, но лишь в том случае, если в горизонтальных зачатках фиксируются следы истлевших клеток (по крайней мере, их перемычек), а пятна грунта сохраняют форму прямоугольных срубов, отдельных ячеек забутовки. Однако, сравнительный анализ планиграфии разреза вала по пластам, в частности, анализ формы пятен грунта в разных частях тела вала свидетельствует, что прямоугольные пятна грунта (т. е. массивы забутовки, повторяющие форму отдельных ячеек конструкции) зафиксированы только для второй (от внешнего края) полосы тела вала. Внешняя полоса, рассматриваемая оппонентами в качестве первой линии городень, представляет собой единое целое, что исключает наличие срубной конструкции и оставляет единственный вариант – вариант приспы.

Следы пожарищ, зафиксированные в насыпи валов Южного и Северного городища Старой Рязани, как кажется, также говорят о наличии такого внешнего элемента сооружения как приспа. Прокал грунта вокруг обугленных деревянных конструкций наблюдается со всех сторон: как с внутренней стороны деревянной стены, так и со стороны внешней насыпи, что свидетельствует, по крайней мере, о том, что в момент пожара эта насыпь уже существовала. Кроме того, прокаленная полоса фиксируется и вокруг поперечных перемычек городень, которые, несомненно, были засыпаны землей. Внутренняя стена, не присыпанная грунтом, при пожаре обрушалась. Ее остатки предстают перед исследователями в виде горизонтального развала обугленных плашек, перемешанного с золой и прокаленным грунтом и перекрытого слоем осыпавшейся забутовки клетки. Такая ситуация четко прослежена в верхнем, четвертом, ярусе вала Южного городища и в нижнем строительном горизонте вала Северного городища. Процесс окисления грунта вокруг обугленных бревен засыпанных деревянных стен остается неясным: внутри грунтовой насыпи (забутовка с одной стороны и приспа – с другой) горение должно происходить без доступа кислорода, в восстановительном режиме. Но на деле мы видим обратное. Возможно, из-за разрыхления грунта в процессе сооружения насыпи, забутовки клеток (она может достигать 30%) и последующей усадки, а также под воздействием атмосферных осадков на границе деревянных конструкций и грунта возникали пустоты, обеспечивавшие доступ воздуха при горении. Однако, для прояснения этого феномена необходим эксперимент, воспроизводящий ситуацию пожара оборонительных стен.

Наконец, в споре о боевых качествах стен с методом или приспой также могут быть найдены аргументы в поддержку представленной гипотезы. В частности, сознательно созданные подсыпки стен с внешней стороны защищали их от поджога и разборки осаждавшими. Кроме того, они ликвидировали «слепую зону» непосредственно под стенами, в случае если последние были лишены обломов – выступов на консолях, убирали ровную площадку под стенами, которая могла быть использована для установки лестниц и осадной техники. Фактически, земляной откос отодвигал маневрирование противника от основания стен на расстояние, достаточное для контроля за ним с высоты стен. Наконец, земляной вал, поднятый на высоту середины стены, исключал возможность применения простейшей осадной техники, способной пробить в ней брешь.

Для вышеописанных конструкций такая присыпка была не обязательна: валообразное основание конструкции выполняло все перечисленные функции. Тем не менее, подсыпки внешней стены, в меньшей степени, но применялись и для верхних ярусов. Возможно, помимо собственно оборонительных задач это выравнивало давление на стены грунта забутовки.

Итак, земляные откосы у основания стены являлись важным элементом ее внешнего облика. Судя по полученным данным, угол откоса земляной приспы составлял 30–35°, что является оптимальной величиной для устойчивости суглинистых насыпей. Так, современными строительными нормами и правилами (СНиП Ш-Б.1-71) установлены величины значения крутизны откосов для постоянных и временных земляных сооружений в зависимости от их глубины или высоты. Откосы насыпей постоянных сооружений делают более пологими, чем откосы выемок. При суглинистых грунтах в постоянных насыпях крутизна откоса принимается 1 : 1,5 (отношение высоты к заложению), т. е. те же 30°. Для выемок при глубине до 3 м допустимым считается более крутой откос – 1 : 1,25. Однако в нижнем горизонте вала Южного городища Старой Рязани, сохранившемся практически в неизменном виде, крутизна насыпи-приспы и выемки-рва одинакова. Как кажется, строители пожертвовали крутизной рва не случайно, а в оборонительных целях: сохранение неизменной линии крутизны вала и рва позволяет осаждаемым вести прицельную стрельбу с максимальной вероятностью поражения нападающих на любом участке склона.

Укреплению склона служило и сооружение бермы – горизонтальной площадки на склоне вала. В уже упомянутом нижнем ярусе вала Южного городища берма сохранилась полностью. Она представляла собой горизонтальную ступеньку шириной 1 м с укрепленной деревом вертикальной стенкой высотой около 60 см. На расстоянии 20–30 см от деревянной стенки в берму был вбит ряд деревянных колышков, расположенных в 20–60 см друг от друга.

И сама берма, и ряд кольев служили не только для защиты от осыпания, но несли и собственно оборонительную функцию. Ступенька такой высоты, еще и снабженная колышками, являлась довольно суще-

ственным препятствием для нападающих: ее нельзя перешагнуть, но за ней и нельзя укрыться. Для ее преодоления требуются специальные средства или остановка.

Что касается реконструкции собственно наземных сооружений оборонительных конструкций, выступающих над грунтом и служивших для защиты обороняющихся, то все существующие варианты носят гипотетический характер. Последний, и наиболее аргументированный из них, предложен Ю.Ю. Моргуновым на основании анализа всего корпуса письменных и иллюстративных источников. Автор проводит анализ наиболее вероятных размеров стен древнерусских городов и вслед за П.А. Раппопортом приходит к выводу, что их оптимальная высота составляла 3 м (Моргунов, 2008. С. 366). По его мнению, стены представляли собой городни и клетки, снабженные по верху боевым ходом, нередко вымощенным, а также линией заборол с бойницами. Размеры этих клеток, вероятно, повторяли размеры их забутованных частей, т. е. в случае Старой Рязани имели размеры приблизительно 2–3 на 4 м и 2–3 на 2 м. Наличие перекрытий и обломов на стенах реконструируется гипотетически исходя из их необходимости для обороны и на основании западноевропейских аналогий (Моргунов, 2008. С. 365). К этому следует лишь добавить, что обломы, как и машикули в каменном оборонительном зодчестве, предназначались для ликвидации «мертвой зоны» у основания стены крепости. В Старой Рязани, при наличии специально насыпанных приспов, выполнявших ту же функцию, как и талусы-откосы каменных крепостей, обломы могли и отсутствовать.

Таким образом, ров, берма, насыпь и вертикальная стена представляли собой единую оборонительную систему, все элементы которой были связаны между собой и дополняли друг друга. Что касается внутренних конструкций этой системы, особенностей каждого ее элемента, то они могли сильно различаться в разных оборонительных комплексах и даже на разных этапах перестройки одного комплекса, как это мы видим на примере Южного городища Старой Рязани.

Первая (по времени возведения) линия оборонительных стен в наибольшей степени соответствовала строгим требованиям фортификационных задач и, по-видимому, была построена при участии опытных мастеров военного зодчества. Вторая (реконструированная) – при увеличении глубины обороны за счет строительства второй линии (полых) клеток, все же не производит впечатления хорошо продуманного замысла: реконструкция проводилась без надлежащей подготовки строительной площадки, что имело следствием неустойчивость и непрочность конструкции, потребовало нескольких ремонтов, а в итоге – необходимость коренной перестройки всего сооружения.

Ошибки второго этапа были исправлены при строительстве третьего яруса стен: перед их возведением площадка была тщательно подготовлена, досыпана и выровнена. Сами стены этого этапа еще больше усложнились и включили в себя уже три линии клеток, но стали легче, поскольку необходимости в возведении забутованных конструкций уже не было. В результате предшествующих

перестроек образовался довольно высокий вал, поэтому строители решили, что для завершения оборонительной целостности этой фортификации достаточно будет возвести на ее вершине пустотелую деревянную стену.

На последнем этапе вновь были использованы забутованные стены, но сооруженные уже по иному принципу — из связанной в одно целое линии клеток-тарасов, что усиливало прочность конструкции и ее жесткость, устойчивость к небольшим деформациям фундамента на отдельных участках. Вероятно, строители новой оборонительной стены сочли возможным утяжелить ее, поскольку фундамент, сооруженный еще для третьего

яруса стен, простоял уже достаточно времени и дал усадку, а сама необходимость забутовки была вызвана стремлением увеличить высоту защитного комплекса.

Новые исследования вала Южного городища характеризуют оборонительный комплекс Старой Рязани как весьма продуманное фортификационное сооружение, этапы развития которого — возведение, перестройки и разрушения (как и конструктивные особенности), были обусловлены развитием самого города, перипетиями политической истории Рязанской земли и ее столицы, а также изменениями в военно-инженерном деле древней Руси.

Литература

- Борисевич Г.В., 1987. Сооружения городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М.
- Борисов А.В., 2010. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед). // АП. Вып. 6. М.
- Вишневский В.И., 2008. Оборонительные укрепления древнего Радонежа // АП. Вып. 4.
- Гусева Т.В., 1998. Средневековые укрепления Городца на Волге // Между войной и миром: история и теория. Н. Новгород.
- Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Кирпичников А.Н., 1966. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.
- Коваль В.Ю., 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М.
- Кучера М.П., 1999. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Киев.
- Логвин Г.Н., 1987. О внешнем облике древнерусских городов // Тр. V Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. III. Вып. 2а.
- Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М.
- Медведь А.Н., 2009. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследований) // АП. Вып. 6.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49. М.
- Моргунов Ю.Ю., 2008. Древо-земляные стены домонгольских укреплений // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М.
- Моргунов Ю.Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.
- Никольская Т.Н., 1987. Городище Слободка XII–XIII вв. М.
- Очеретин И.А., Очеретина С.В., 2006. Оборонительные сооружения «Ветшаного города» г. Владимир (по материалам раскопок 2005 г.) // АВСЗ. Вып. 1.
- Раппопорт П.А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.
- Стрикалов И.Ю., 2005. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.
- Строительные нормы и правила. СНиП III-Б.1-71. Земляные сооружения. Правила производства и приемки работ. М.: Стройиздат, 1972.
- Толковый словарь по почвоведению. М., 1975.
- Янишевский Б.Е., 2008. Исследования древнего Можайска в 2005–2007 годах // АП. Вып. 4.

I.Yu. Strikalov

The defenses at the Southern hillfort at Staraya Ryazan in the light of new investigations

Summary

Staraya Ryazan was in the 12th and 13th centuries the capital of the Ryazan Principality. Recent investigations have revealed that the ramparts which are six meters and over in height are the remains of timber-and-earthen

walls. The walls went through several periods of deterioration and subsequent renovation. Detailed analysis of the archaeological contexts allowed reconstructing four stages of the renovation.

С.В. Фёдоров, А.О. Фёдорова

Ареал гидронимов Алешня, от утраченного древнеславянского аппелятива

В современном обществе усиливается роль и значение топонимов — идентификаторов географических объектов как точных ориентиров в пространстве. Формировавшаяся веками топонимия представляет собой мощный пласт культуры, отражающей менталитет народа. Наконец, топонимия обладает значительными возможностями при решении проблем происхождения и истории того или иного этноса.

В этой работе мы рассмотрим ряд гидронимов, ареал распространения которых совпадает с территорией расселения восточных славян. Почему именно названия водных объектов стали предметом исследования? Об этом сказано в работах В.В. Седова: «... для этноисторических изысканий наиболее ценными и информативными являются гидронимы. Значительная часть их сложилась в древности, в основном, до возникновения населенных пунктов. Водные названия в меньшей степени подвержены существенным изменениям при смене этносов» (Седов, 2005. С. 30–36). Для исследования были привлечены труды П.Л. Маштакова (1913; 1917; 1934) и Г.П. Смолицкой (1976). Данные работы дают наиболее полные и точные перечни названий водных объектов в бассейнах Днестра, Южного Буга, Дона и Оки. Понимая, что территория, заселенная восточными славянами существенно шире, авторами дополнительно привлечены современные карты. Эта часть списка, за неимением более полных данных, также может служить целям, поставленным в работе.

Для исследования мы выбрали гидронимы *Олешня*, *Алешня*, *Елешня* и *Елошня*.

«Алешня — река, с заболоченной поймой, поросшей черной ольхой», — так определил значение этого термина Э.М. Мурзаев (1984. С. 48). Ю.Ю. Городова предлагает варианты образования этого гидронима: «Мотивом для рановских названий (Алешня) мог служить как фактор заболоченности местности, так и фактор природного окружения — расположение денотата рядом с лесом, ольховым лесом... *Ольха* как наименование древесной породы известна уже в праславянский период. Праславянский характер носит и чередование начального гласного: **jelъxa*/**olъxa* (др.-русс. *ольха*, болг. *елха*, польс. *olcha*, сербс.-цслав. *jelъxa*)» (Городова, 2006. С. 85).

Базируясь на этом, мы смеем предположить, что у населения, осваивавшего земли между Днестром и Средней Волгой с запада на восток и Ладогой и Ворксой с севера на юг, в лексиконе имелось нарицательное существительное (аппелятив), означающее местность, занятую зарослями черной ольхи с болотом, озером, ручьем или рекой с заболоченной поймой.

Как видно, в нашем случае аппелятив имеет сложную структуру. Семантика (значение) сложного аппелятива наличествует, как известно, только в момент образования топонима, в дальнейшем она поддерживается семантикой его составляющих. Если значение топонима не поддерживается, он «выветривается» и прекращает существование. Надо полагать, что на определенном этапе развития языка необходимость в столь сложном аппелятиве отпала, и он вышел из употребления.

Гидроним *Алешня*, возникший на базе сложного аппелятива, позволяет реконструировать исчезнувшее существительное, понять его семантику и сделать предположения о причинах его исчезновения. «Выветривание» топонима произошло в связи с изменениями в среде как природного, так и антропогенного характера. Меняющаяся среда поколебала семантику топонима, он стал неустойчив и уже не в полной степени соответствовал аппелятиву, как это было на момент его возникновения.

Потеряв изначально заложенное значение, нарицательное существительное продолжило свое существование в виде имени собственного. Зачастую сегодня можно встретить Алешни без единой ольхи, с сухими оврагами и т. п., не отвечающие первоначально заложенному в их название значению. Но в силу своей консервативности гидронимы донесли нам информацию, дающую возможность реконструировать существительное, а заодно и ту первоначальную природную обстановку, встретившую славян на новом месте.

Возможность возникновения новых гидронимов после исчезновения аппелятива маловероятна из-за отсутствия в языке этноса нужного для образования топонима, соответственного нарицательному существительному.

Теперь о временных рамках возникновения исследуемых гидронимов. *Алешня* существует в настоящее

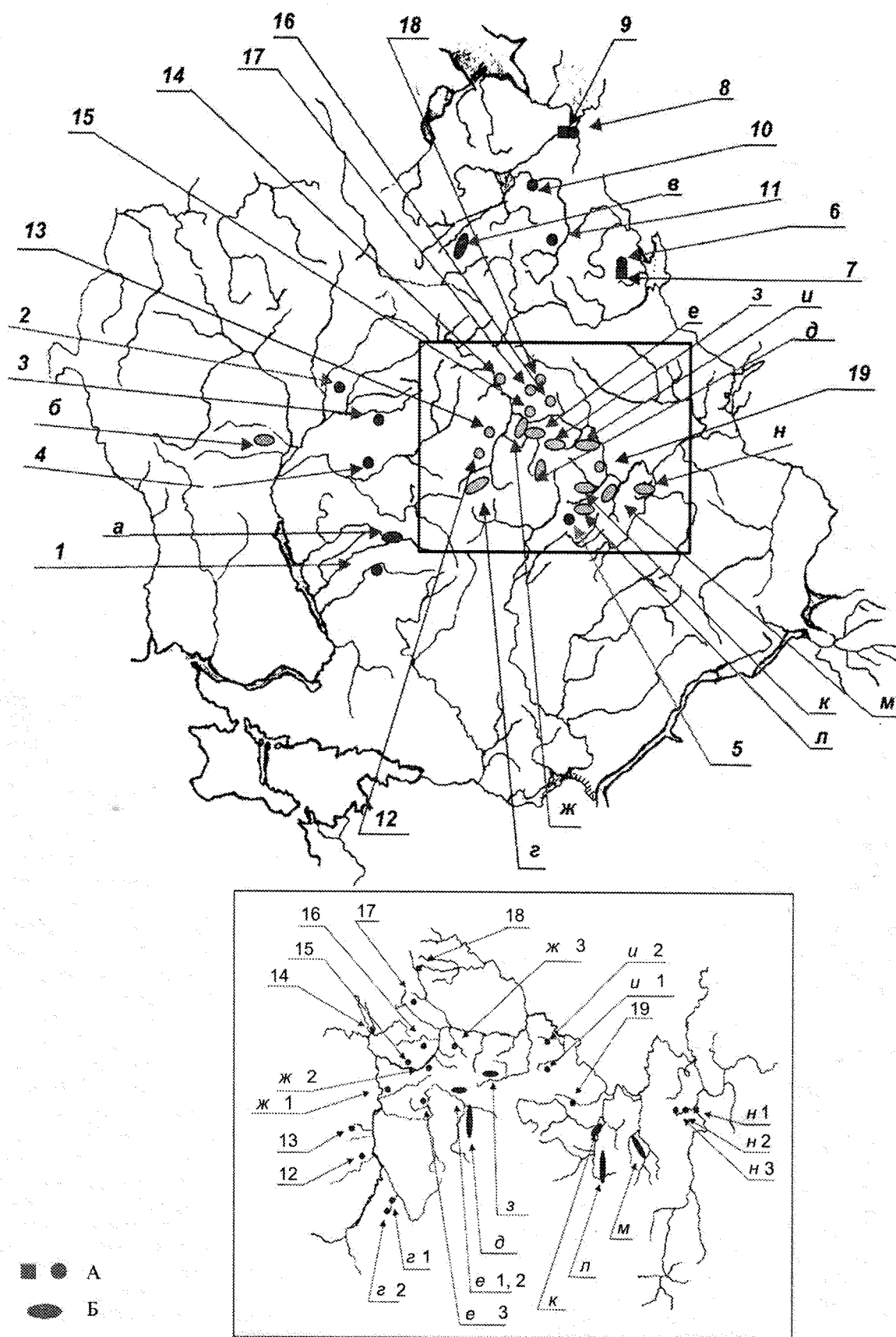

Рис. 1. Ареал гидронимов Алёшня
(пояснения к рис. см. на следующей странице)

время только как имя собственное. В письменных документах это слово в качестве апеллятива не обнаружено, значит, можно утверждать с достаточной степенью уверенности, что гидроним, маркирующий объект, возник до обретения этносом письменности, в крайнем случае, до момента написания сохранившихся письменных источников.

О чем свидетельствуют гидронимы на карте? О том, что этнос зафиксировал факт своего пребывания в данной точке в момент, когда в его лексиконе имелось нарицательное существительное, давшее основу для образования топонима. В дальнейшем этнос успел обжиться настолько, что его антропогенное воздействие стало оказывать существенное влияние на окружающую среду, что в свою очередь поколебало семантику топонима, а письменных источников, способных донести до нас информацию, еще не появилось.

Интересен и тот факт, что аналогичное нарицательное существительное в настоящее время есть в латышском языке: «Алксна – ольховый лес или кустарник; место, заросшее ольшаником, низкое болотное место, особенно в лесу (латыш.)... показала большую продуктивность апеллятива в образовании топонимов и особенно гидронимов» (Мурзаев, 1984. С. 48).

Древесная порода ольха (латин. *alnus*) известна в большинстве европейских языков как современных, так и утраченных в довольно узнаваемом звучании: ср.-галльский *Elese*; древневерхненемецкий *Elira*, *Elo*; литовский *Elksnis*; общеславянская современная форма – из **elъcha*; ср.-словацкий *Jelša*; сербский, церковно-славянский *Jelъha*, *Jova*; польский *Olcha*, *Olza*; чешский *Olše*; Болгарский *Elъha*, *Elъna*; голландский *Els*; датский *El*, *Alder*; испанский *Aliso*; итальянский *Alno*, *Ontano*; английский *Alder*; шведский *Alder*; валлийский *Alder*; исландский *Alder*; латышский *Alksnis*; македонский *Алдер*; немецкий

Alder, *Erle*, *Bergerle*; норвежский *Alder*; словенский *Alder*; мальтийский *Alder*; французский *Aulne*.

Резко отличается название этой древесной породы у других народов, также проживающих в Европе: финский *Leppä*; эстонский *Lepp*, *Alder*; венгерский *Egerfa*; турецкий *Kızılağaç*; португальский *Ameiro*; католонский *Vern*; греческий *Κλήθρα*; албанский *Verr*; армянский *Լշտնեխ*; ирландский *Fearnóg*; румынский *Anin*; хорватский *Jova*; галисийский *Ameneiro*.

На означенном топонимическом пространстве расселения славян, мигрировавших на восток, ольха в качестве основы для создания апеллятива является безусловным лидером среди древесных пород при образовании гидронимов, опережая такие популярные породы, как береза, дуб, липа, сосна, клен, ива и др. В огласовке гидронима известны три основных варианта: *Ел/Ол/Ал*, а это может свидетельствовать о том, что язык славян, пришедших на новые земли, имел несколько диалектных групп.

В нашей работе мы хотим проследить, как на карте располагаются выбранные нами гидронимы (рис. 1). На западе лишь три гидронима располагаются на правом берегу Днепра: это две небольшие речки, впадающие в последний правый приток Припяти реку Уш, а также речка того же бассейна – правый приток Вересни, которая в свою очередь является правым притоком Уша. На севере границей ареала является Ладожское озеро: два гидронима *Олешня* (приток Волхова) и *Елошня* (речка бассейна реки Сясь, впадающей, как и Волхов, в Ладожское озеро). На юге крайней точкой является речка *Олешня*, впадающая в Ворксле, левый приток Днепра. На востоке *Алешня* представлена тремя гидронимами, принадлежащими бассейну левого притока реки Мокша – Цны.

На территории Восточной Европы исследуемые гидронимы распределяются неравномерно. Явно выделяются три группы.

Рис. 1. Ареал гидронимов Алешня

А – отдельные гидронимы; Б – группы гидронимов.

- 1 – Олешня – Ворксле – Днепр; 2 – Олешня – Беседь – Сож – Днепр; 3 – Алешня – Воронус – Ипуть – Сож – Днепр;
- 4 – Олешня – Убеть – Десна – Днепр; 5 – Алешня – Иловая – Лес. Воронж – Дон; 6 – Олешня – Сить – Малога – Волга;
- 7 – Елешня – Мачога – Малога – Волга; 8 – Олешня – Волхов; 9 – Елошня – Лынна – Сязь – Волховская Губа;
- 10 – Олешня – Олешонка – Волма – Мста – Ильмень; 11 – Олешня – Холова – Мста – Ильмень; 12 – Алешня – Рубеш – Мог – Нутрь – Ока; 13 – Алешня – Песоченка – Выра – Ока; 14 – Алешня – Талька – Шаня – Угра – Ока;
- 15 – Алешня – Алешня – Мышига – Ока; 16 – Алешня – Таруса – Ока; 17 – Алешня – Городенка – Луза – Протва – Ока;
- 18 – Олешня руч. – Пахра – Москва – Ока; 19 – Алешня – Калиновка – Исья – Ока; а 1 – Олешня – Люкня – Псёл – Днепр;
- а 2 – Олешня – Рыбица – Псёл – Днепр; б 1 – Олешня – Уш – Припять – Днепр; б 2 – Олешня – Уш – Припять – Днепр;
- б 3 – Олешня – Вересня – Уш – Днепр; в 1 – Олешня – Пола – Ловать – Ильмень; в 2 – Олешня бол. – Олешня – Пола – Ловать – Ильмень; в 3 – Олешня оз. – Шулаковка – М. Тудер – Ильмень; г 1 – Олешня – Зуша – Ока; г 2 – Алешня Сух. – Олешня – Зуша – Ока; д 1 – Алешня – Вепрея – Упа – Ока; д 2 – Алешня – Белевка – Уперта и Упёрт – Упа – Ока;
- д 3 – Алешня – Упа – Ока; д 4 – Алешня овр. – Упа – Ока; д 5 – Алешня овр. – Шат – Упа – Ока; е 1 – Алешня – Тулица – Упа – Ока; е 2 – Алешня – Мокр. Тулица – Упа – Ока; е 3 – Алешня – Могильня – Колодия – Упа – Ока; ж 1 – Алешня – Алешня – Черепеть – Ока; ж 2 – Алешня – Дугна – Ока; ж 3 – Алешня – Скнига – Ока; з 1 – Алешня – Рудница – Осётр – Ока; з 2 – Алешня – Низовка – Осётр – Ока; и 1 – Алешня – Вожа – Ока; и 2 – Алешня – Меча – Вожа – Ока; к 1 – Алешня – Пыжик – Проня – Ока; к 2 – Алешня Сух. – Пыжик – Проня – Ока; к 3 – Алешня Мокр. – Пыжик – Проня – Ока;
- к 4 – Алешня – Проня – Ока; к 5 – Алешня Сух. – Проня – Ока; к 6 – Алешня Мокр. – Проня – Ока; к 7 – Алешня Сух. – Проня – Ока; л 1 – Алешня М. – Хупта – Ранова – Проня – Ока; л 2 – Алешня – Хупта – Ранова – Проня – Ока;
- л 3 – Алешня Сторожевая – Хупта – Ранова – Проня – Ока; л 4 – Алешня – Иберть – Ранова – Проня – Ока; м 1 – Алешня Бавыкинская – Пара – Ока; м 2 – Алешня Колчевая – Пара – Ока; м 3 – Алешня Вторая – Пара – Ока; м 4 – Алешня Первая – Пара – Ока; м 5 – Алешня – Пара – Ока; н 1 – Алешня – оз. Цна – Мокша – Ока; н 2 – Алешня – Цна – Мокша – Ока;
- н 3 – Алешня л. верш. – Алешня – Цна – Мокша – Ока

Первая группа целиком принадлежит бассейну Днепра и в нее входят девять небольших рек (восемь *Олешен* и одна *Алешня*). Шесть из них расположены в левобережье и три в бассейне Припяти.

Вторая группа – семь *Олешен*, одна *Елешня* и одна *Елошня* (семь рек, озеро и болото), располагается на севере России. Две речки в бассейне Мологи (левого притока Волги), две – между озерами Ильмень и Ладога, две – притоки Мсты и еще три – в бассейне р. Пола.

Третья группа занимает центральную часть Русской равнины, причем, за исключением одного случая, все гидронимы входят в бассейн Оки. Исключением является малая речка, единственная *Алешня* в бассейне Дона – она расположена на водоразделе двух бассейнов и органически привязана к бассейну Оки. В группу входят 44 гидрообъекта – такое большое количество объясняется детальной проработкой топонимического пространства Г.П. Смолицкой (1976). Чтобы не усложнять приведенный в статье рисунок, мы показываем места плотного скопления гидронимов овалом и обозначаем буквой. Такой подход, мы надеемся, позволяет упростить схему и смягчить разницу между различными источниками полученной нами информации. Кроме того, в целях большей наглядности группу мы рассматриваем на увеличенном фрагменте рисунка 1.

В третьей группе можно также выделить три составляющие ее группировки:

- Верхнеокская с Вожей;
- на Проне и Паре;
- в Цнинском Ополье.

Верхнеокская группировка насчитывает двадцать четыре гидрообъекта (двадцать две *Алешни* и две *Олешни*), из которых 21 речка, два оврага и один ручей. Наиболее плотные скопления отмечаются в бассейне реки Упа.

Группировка на Проне и Паре (с включением единственного одиночного гидронима из Донского бассейна на юге и речки из бассейна реки Исья на севере) насчитывает 18 рек *Алешен*. Выделяется три скопления: пронское (семь гидронимов), рановское (четыре гидронима) и скопление на реке Пара (пять гидронимов).

Группировка Цнинского Ополья – это три *Алешни* – верх (диалектное название оврага), речка и озеро.

Почему ольха на означенном нами топонимическом пространстве стала столь продуктивной основой для гидронимов? Прежде всего отметим, что регион становления праславянского языка, согласно лексическим материалам, находился в лесной равнинной местности с наличием озер и болот, в стороне от моря, горных хребтов и степных пространств (Седов, 2005. С. 77–83). В процессе становления этноса в определенной климатической обстановке складывалась и система отопления жилья. По мере продвижения на север и восток, вглубь континента, климатические условия становились более суровыми, что требовало

совершенствования отопительной системы жилища. Поэтому «... в ранней фазе развития пеньковской культуры доминировали постройки с очагами. В домах второй фазы господствовали печи» (Седов, 2005. С. 209–215).

Система отопления славянских жилищ строилась таким образом, что нежелательные продукты горения отводились не сразу, а лишь после того, как они передавали тепло, нагревая внутри помещения стены и крышу. При такой системе требовалось в два раза меньше дров, времени и, соответственно, меньше нежелательных побочных продуктов.

По мере остывания дым, скапливающийся под сводами двускатной крыши, уходил из помещения в специальные отверстия в верхней части стены. Дымоходное отверстие устраивалось несколько ниже свода, тем самым создавался тепловой карман.

Такая система отопления имела существенный недостаток: задымлялось жилое помещение, продукты сгорания покрывали слоем сажи стены и потолок, огонь же не мог поддерживаться долгое время непрерывно. В рассматриваемый период печи были еще не столь массивными и не накапливали достаточно тепла, поэтому в качестве аккумулирующей системы использовался весь комплекс внутренних поверхностей жилища.

При таком способе отопления древесина, используемая для получения тепла, должна отвечать жестким условиям: минимальное количество дыма и копоти при относительно высокой теплотворности, отсутствие условия для образования угарного газа, т. е. быстрое прогорание без образования тлеющих углей. Дрова ольхи самым наилучшим образом отвечают этим требованиям при отоплении жилища по черному, а малозаметный дым, кроме того, является прекрасным антисептиком для не очень гигиеничных условий существования людей в те времена. Чадающих углей не образуется, а теплотворность выше, чем у осины – ближайшей соперницы ольхи.

На формирование географического термина оказало влияние и то, что ольховые заросли способствуют накоплению и сохранению влаги, и вода ручьев и рек пригодна на протяжении всего лета для питья (не цветет).

Название местности «Алешня» говорило о том, что она благоприятна для устройства поселения, а это, в свою очередь, являлось понятным маркером для мигрирующего этноса. Пик активности данного аппелятива приходится на первоначальный период переселенческих процессов, когда маркеры особенно важны, а по мере обживания на новых местах, активность термина угасает, традиционное обозначение местности закрепляется в виде гидронимов, дошедших до нас в неизменном виде. Активное использование ольхи в качестве топлива меняет облик местности. Там, где человек задерживался надолго, ольховые леса исчезали, поймы высыхали, речки превращались в ручьи, а ольха оставалась только в названиях.

Литература

Городова Ю.Ю., 2006. Топонимия Рязской за-
сечной черты // Рязанский этнографический вестник.
Вып. 37. Рязань.

Маштаков П.Л., 1913. Список рек Днепровского
бассейна. СПб.

Маштаков П.Л., 1917. Список рек бассейнов Дне-
стра и Буга (Южного). Пг.

Маштаков П.Л., 1934. Список рек Донского бас-
сейна. М.-Л.

Мурзаев Э.М., 1984. Словарь народных географи-
ческих терминов. М.

Седов В.В., 2005. Славяне. Древнерусская народ-
ность. М.

Смолицкая Г.П., 1976. Гидронимия бассейна Оки
(список рек и озер). М.

S.V. Fyodorov, A.O. Fyodorova

The area of the hydronyms *Alyoshnya* (from the Old Slavic appellative)

Summary

The linguistic study suggests that the hydronym *Alyosh-
nya*, which is frequently encountered on the Russian Plain,
comes from the Old Slavic appellative that indicates the al-

der tree (*olkha*). The article shows why the appellative was
so widely used: alder wood did not emit carbon monoxide,
and was hence the best fuel for use in Old Slavic homes.

Н.Е. Персов, В.В. Солдатенкова

Новые данные о домонгольской Твери (по материалам раскопок тверского Затымачья)¹

В научных кругах не одно десятилетие обсуждается вопрос о времени возникновения Твери. По поводу письменных и археологических свидетельств о раннем периоде ее истории существует несколько концепций.

П.Д. Малыгин ставит под сомнение существование Твери как поселения ранее 1215 г., а как города – ранее 1238 г. (Малыгин, 1989. С. 151; 2010. С. 3–4)². Ключевым в этом вопросе он видит сообщение Воскресенской летописи³, которое кажется нам довольно противоречивым, на что обратил внимание и Э. Клюг (1994. С. 52, 56). По мнению П.Д. Малыгина, на месте современного города расположен важный гидроузел, где в домонгольское время возникло несколько сельских поселений. Исследователь считает индикатором слоя до рубежа XII–XIII вв. золото- и серебро-стеклянные боченовидные бусы и так называемые секировидные венчики горшков (Малыгин, 2008. С. 209–210), находки которых здесь немногочисленны. Для сравнения следует отметить, что подобных бус вовсе нет в Москве, наличие домонгольских слоев в которой несомненно⁴.

А.Н. Хохлов и И.А. Сафарова (Дашкова) полагают, что поселение на правом берегу р. Волги и левом берегу ее притока р. Тьмаки появилось в конце XI – начале XII в. Авторы отмечают непрерывность освоения этой территории с момента возникновения. Слои со второй половины XII – начала XIII в. на основании ряда признаков они определяют как городской по своему характеру (Хохлов, Дашкова, 1996. С. 156). По нашему мнению, можно согласиться с Н.В. Жилиной и В.А. Лапшиным, которые делают вывод, что опубликованные материалы не дают веских оснований

считать слои до конца XII в. городскими, более того, относить их к одному, а не нескольким поселениям (Жилина, 2001. С. 44; Лапшин, 2009. С. 197). Связь именно с городским поселением даже отдельных более или менее удаленных от Тверского кремля участков, где выявлен археологический материал XIII в., вовсе не очевидна (Курбатов, 2001. С. 299; Персов, 2009. С. 32). Для каждого раскопа необходимо доказывать, если это возможно, городской характер слоя (Жилина, 2006. С. 101).

Достаточно обоснованным представляется предположение Н.В. Жилиной, что во второй половине XII в., в частности, существовало известное по «Сказанию о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» боярское село Тверь, а в 80–90-х годах XII в. – уже город Тверь в устье Тьмаки (Жилина, 2001. С. 35). Э. Клюг и Н.В. Жилина считают возможным связать образование города с укреплением в этом регионе позиций владими́ро-суздальских князей в конце XII в. (Клюг, 1994. С. 45; Жилина, 2001. С. 37–38).

Обращает на себя внимание появление в Твери с конца XII – начала XIII в. значительного количества материалов, связанных с городской культурой (Куза, 1985. С. 46). Вероятно, как относящиеся к городскому поселению можно рассматривать находки этого времени раскопов 2, 3 и 11 в Кремле, 9 на Загородском посаде, 29 на Затымачье (рис. 1) (Сафарова и др., 2000. С. 336–337; Жилина, 1986. С. 65; Дворников, Куряшин, 1997. С. 124, 128; Лапшин, 2009⁵).

Весьма убедительна точка зрения В.А. Лапшина, касающаяся приречно-рядовой застройки Твери и развития посадов вдоль правого берега Волги и левого берега Тьмаки (Лапшин, 2009. С. 196–197). При

¹ Предварительные итоги исследования см.: Персов, Солдатенкова, 2009. Предлагаемый вниманию читателей вариант переработан и дополнен с учетом мнений, высказанных коллегами в ходе обсуждения на Подмоковском и Тверском семинарах.

² Авторы благодарны П.Д. Малыгину за обстоятельные консультации по данному вопросу.

³ «В лето 6740. Князь великий Ярослав Всеволодович, по Батыеве пленении, прииде изь Новагорода с детми своими, и нача грады, разоренныя отъ Батыя, ставити по своимъ местом, и на Волзе постави град и воименова его Тверью по Тверце реке, а наперед того в том месте град не был, и посади на Твери сына своего меньшого Ярослава, и великим князем его нарече, и отголе наста великое княжение Тверьское» (ПСРЛ, 1856. С. 245).

⁴ Авторы благодарят Е.К. Столярову, детально изучившую московские материалы, за консультацию.

⁵ Пока мы не видим достаточно убедительного объяснения «запаздыванию» дендротат находок раскопа Кремль 11 по сравнению с их «традиционной» хронологией (Лапшин, 2005. С. 34–36; 2009. С. 142–143).

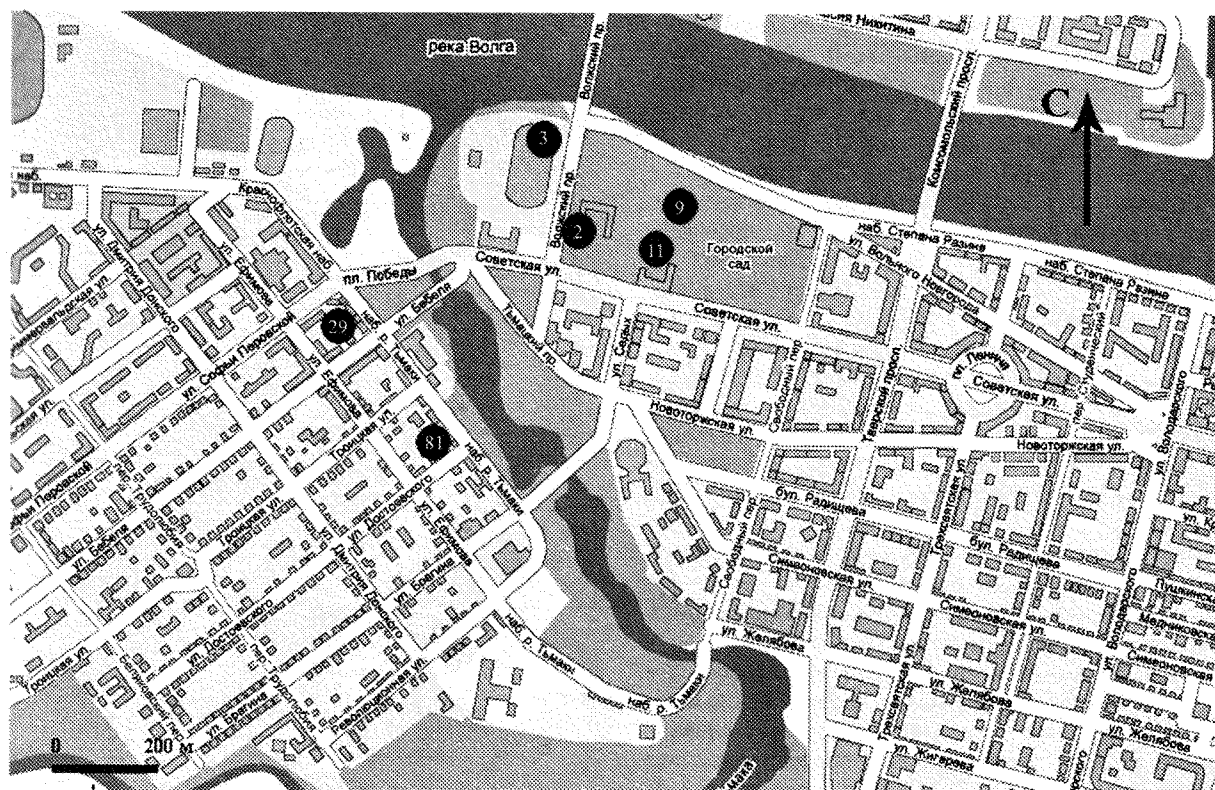

Рис. 1. Схема расположения объектов на карте города (арабскими цифрами в черных кружках указаны номера раскопов)

этом А.В. Курбатов ставит под сомнение появление посадов Твери ранее XIV–XV вв. (Курбатов, 2001. С. 299–300). На наш взгляд, этот процесс начинается уже в первой трети XIII в.

Наличие неукрепленных посадов является одной из характерных особенностей древнерусских городов (Куза, 1985. С. 40). С этой точки зрения особенно интересными и важными представляются новые материалы о домонгольской Твери, выявленные на территории ее Затьмацкого посада.

Раскопки, проведенные экспедицией ТГОМ под руководством авторов в 2007 г., позволили раздвинуть границы посада домонгольского времени на Затьмачье примерно на 450 м вверх по течению р. Тьмаки, на юго-восток от раскопа 29. Раскоп 81 (Персов, 2008) площадью 726 кв. м расположен на пересечении современных ул. Достоевского и Набережной р. Тьмаки, проходящей по ее высокому левому берегу (рис. 1, 81). Примерно в 630 м севернее Тьмаки впадает в Волгу. Здесь было исследовано 429 углубленных в материк ям различного назначения, датируемых в пределах с конца XII – первой трети XIII в. до начала XXI в. В их числе – 17 подпольных ям средневековых наземных построек (от конца XII – первой трети

XIII в. до XVI – начала XVII в.)⁶, 62 частокольные канавки.

Все подполы представляют собой углубленные на 1,0–1,9 м в материк ямы подквадратной или подпрямоугольной формы размерами 3,0 × 4,0–4,5 м, ориентированные сторонами по направлению к реке (примерно север – юг, с небольшими отклонениями). К наиболее ранним относятся пять подполов. Четыре из них имели обшивку стенок деревом каркасно-столбовой конструкции, один – в виде вертикальных столбиков, укрепленных в идущей по периметру дна канавке. Все они содержали в заполнении остатки отопительных сооружений, находившихся, по видимому, в наземных частях построек (материковый оранжево-коричневый (рыжий) суглинок, куски обожженной глины и пережженные камни).

Датирование ям проводилось на основании состава индивидуальных находок⁷ и массового материала, характера их распределения в заполнении, а также – с использованием стратиграфических данных.

Наиболее ранним временем – концом XII – первой трети XIII в. датируются подполы – ямы 112 и 188.

Состав, характер и распределение индивидуальных находок и керамики позволяют с большой долей

⁶ Наличие (в том или ином виде) остатков отопительных сооружений, первоначально располагавшихся в наземных частях построек, а также отсутствие характерных примок – «впазов», выступающих за пределы основного котлована, убеждает в том, что это не погребя, а именно подполы. О терминах «подпол» и «подклет» см.: Персов, Солдатенкова, в печати.

⁷ Коллекция сдана в сектор хранения археологических материалов ТГОМ.

вероятности считать три подпольные ямы (147, 160, 213) и один производственный комплекс (яма 161) синхронными и датировать их первой половиной XIII в. Каждая из ям имеет в составе заполнения углестую прослойку, связанную, надо полагать, с уничтожившим постройку пожаром. В настоящее время для четырех ям (112, 160, 161 и 213) в Лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН получено шесть радиоуглеродных дат (табл. 1). Если сопоставить результаты радиоуглеродного анализа образцов углей и грунта можно выделить хронологический отрезок, покрывающий доверительные интервалы датирования ям 160, 161 и 213⁸. Это время с 1225 по 1264 г. В летописных известиях о Твери нет сведений о серьезных пожарах с момента ее разрушения в 1238 г. до 1275 г. (Малыгин, 2001. С. 91). На наш взгляд, гибель построек можно связать с событиями 1238 г.⁹

Шестьдесят пять ям из-за недостатка датирующих материалов имеют более широкую датировку: XIII – начало XIV в. Часть из них вполне может быть синхронна указанным выше постройкам.

Совмещение обеих групп ям на плане дает довольно любопытные результаты. Расположение и направление наиболее ранних из частокольных канавок позволяет предположить наличие на исследованном участке двух усадеб¹⁰. К одной из них (усадеб А, площадь не менее 330–340 кв. м), по-видимому, относятся ямы 160 и 188, к другой (усадеб Б, площадь около 400 кв. м) – 112, 147, 161, 213, а также 190 (часть канавки на дне почти полностью уничтожена более поздними ямами подпола). Возможно, на усадьбе Б производственная зона была отделена от жилой внутренней оградой. В северной части раскопа частокольные канавки, по-видимому, ограничивают идущую вдоль реки улицу шириной приблизительно 9 м (рис. 2).

Раскоп 81 отличается большим количеством найденных на его территории фрагментов стеклянных браслетов (208 единиц)¹¹. Места наибольшей концентрации браслетов связаны с заполнением ям 112, 147, 160, 161, 188 и 213 и перекрывающими их более поздними слоями. Непосредственно в заполнении этих ям найдено более половины (55%) всех браслетов, причем значительная их часть имеет сходную особенность – кракелюры, являющиеся признаком продукции киевских мастерских, прекративших свою деятельность в 1240 г. (Столярова, 2009. С. 199).

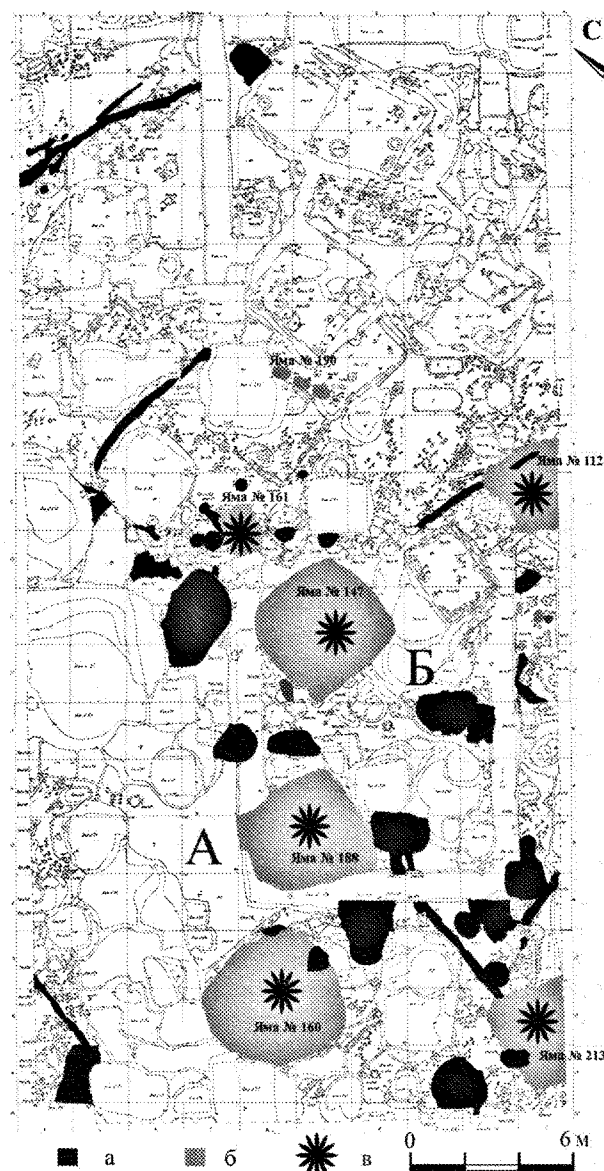

Рис. 2. Попытка реконструкции границ усадеб первой трети XIII в.

а – ямы XIII – нач. XIV в.; б – ямы кон. XII – 1-й трети XIII в.;
в – места наибольшего скопления стеклянных браслетов

⁸ См. рис. 3, 1 к статье Персова Н.Е., Сарачевой Т.Г. и Солдатенковой В.В. в настоящем сборнике.

⁹ Одним из спорных моментов в археологии Твери П.Д. Малыгин считает отсутствие общего слоя пожара 1238 г. (Малыгин, 2010. С. 5). В то же время, Петр Дмитриевич признает возможность датирования этим временем гибель перечисленных построек раскопа 81. По нашим наблюдениям, в тех редких случаях, когда в сухом слое Затымского посада прослеживается одновременная гибель в пожаре нескольких усадеб (раскоп 56), его отчетливые следы, как и на раскопе 81, фиксируются, как правило, в заполнении подпольных ям жилых и производственных построек. Вне углубленных в материк ям этот слой, судя по всему, обычно бывает уничтожен интенсивной хозяйственной деятельностью последующего времени.

¹⁰ В частности, в двух частокольных канавках – ямах 257 и 306 керамика датируется концом XII – началом XIV в., причем керамики конца XIII – начала XIV в. мало, т. е. она, скорее всего, попала в заполнение ям уже после разрушения частоколов. Именно эти канавки соответствуют ограде между усадьбами А и Б (см. ниже).

¹¹ Для сравнения: на расположенном в 200 м западнее, в глубине посада, раскопе 56 на площади более 3300 кв. м нами найдено всего 113 стеклянных браслетов.

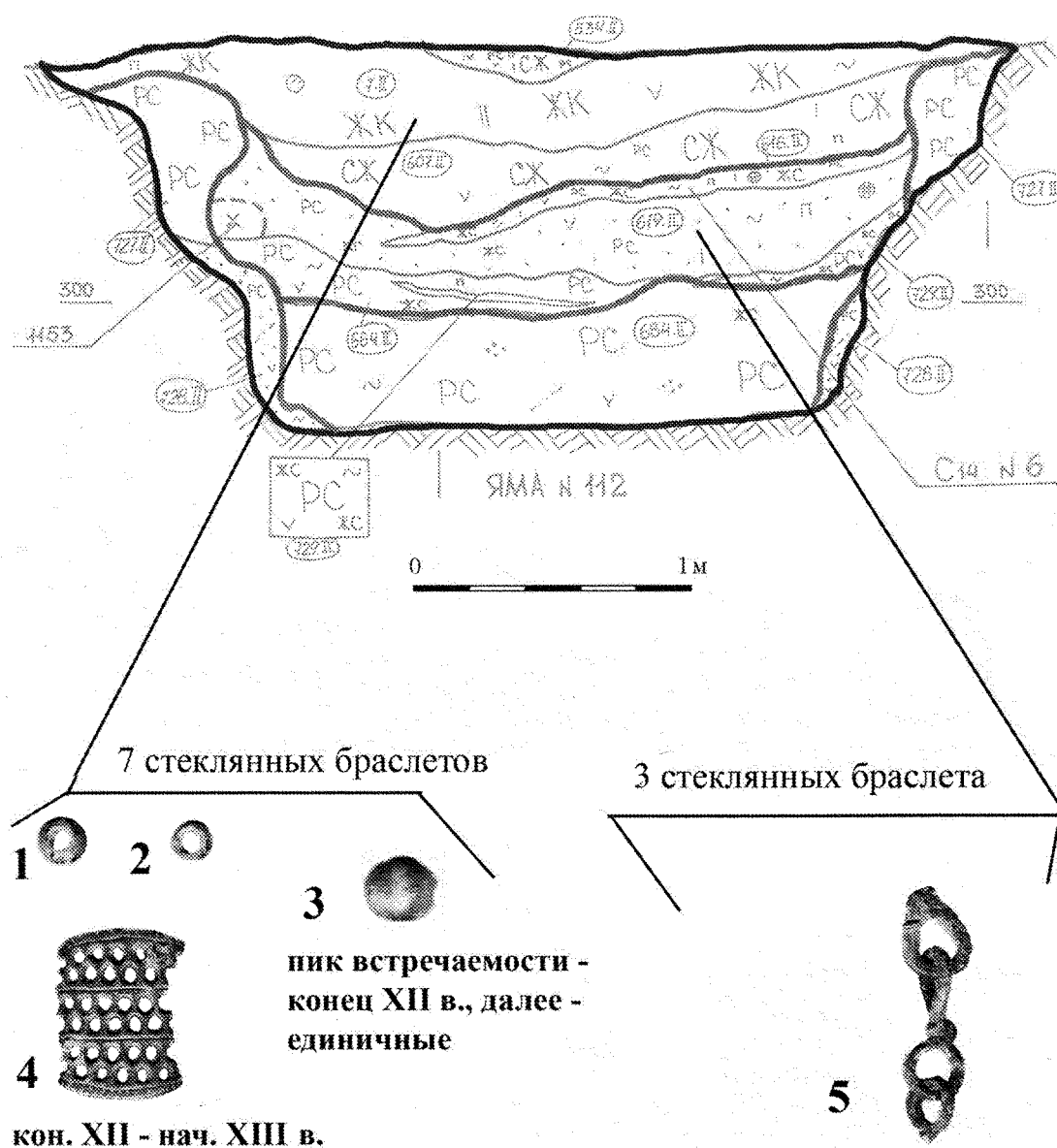

Рис. 3. Яма 112. Распределение индивидуальных находок по группам слоев

1-3 – бусы; 4 – фр-т перстня; 5 – фр-т шумящей привески. 1, 2 – стекло; 3 – хрусталь; 4, 5 – медный сплав

С киевскими мастерами исследователи связывают темно-синие (Щапова, 1987. С. 168) и фиолетовые браслеты, присутствующие в коллекции¹².

Остановимся вкратце на наиболее интересных находках из упомянутых выше построек.

Яма 112 – одна из самых ранних на раскопе 81 (рис. 3; табл. 2, 8-10, 16). Из ее заполнения происходит 47 индивидуальных находок, в том числе 10 обломков стеклянных браслетов, шаровидная бусина из горного хрусталя, обломок щитка массивного ре-

шетчатого перстня и фрагмент шумящей привески из медного сплава.

В яме 160 – 126 индивидуальных находок (рис. 4; табл. 2, 1, 7, 11, 12, 14, 15, 18, 30-33, 35, 36, 38, 47, 49, 50, 53). Среди них: 24 обломка стеклянных браслетов, рубчатый перстень, два фрагмента шумящих привесок, обломок решетчатого перстня, плетеный перстень, крестовидная привеска и бусина из медного сплава, витой браслет со стеклянными вставками на концах (рис. 4, 10)¹³, обломок свинцовой пломбы дрогичин-

¹² Предварительные выводы о браслетах раскопа 81 основаны на их визуальном осмотре авторами. В настоящее время коллекция стекла обрабатывается Е.К. Столяровой для публикации.

¹³ Такие браслеты, по сообщению Т.Г. Сарачевой, собравшей сведения по этой категории украшений, датируются первой половиной XIII в.

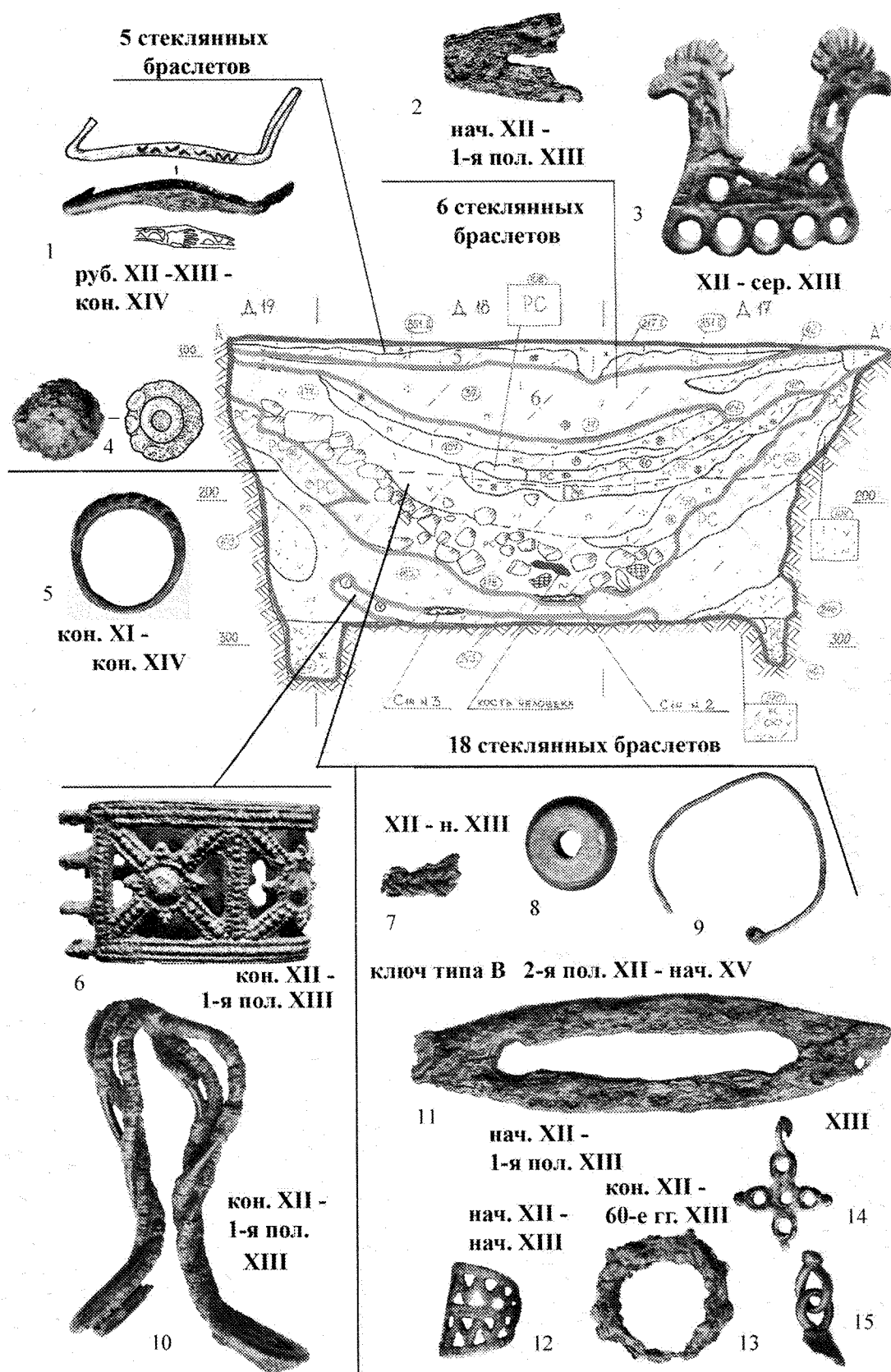

Рис. 4. Яма 160. Распределение индивидуальных находок по группам слоев
1, 5, 12, 13 – перстни; 2, 11 – кресала; 3, 14, 15 – привески; 4 – бусина; 6, 7, 10 – браслеты; 8 – пряслице;
9 – височное кольцо. 1, 3–7, 9, 10, 12–15 – медный сплав; 2, 11 – железо; 8 – шифер (?)

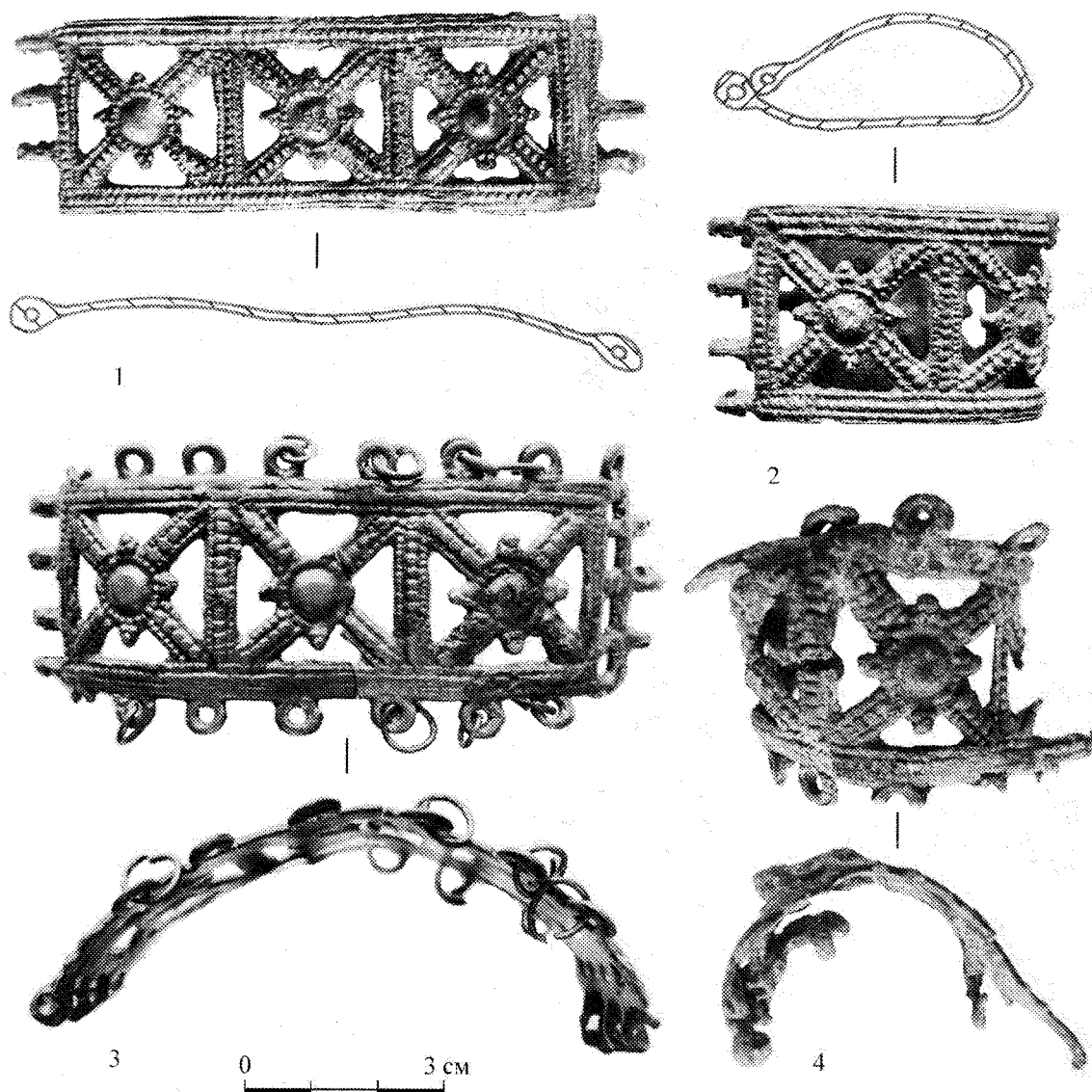

Рис. 5. Находки ажурных створчатых браслетов в Твери

1, 2 – Затьмацкий посад, раскоп 81; 3 – Загородский посад, раскоп 14/3; 4 – Кремль, раскоп 3 (1983–1984 гг.)

ского типа, овальное кресало. Кресала подобного типа появляются в Новгороде в первой половине XII в. и исчезают в середине XIII в. (Колчин, 1959. С. 100).

В слое заплывания западины найдена шумящая привеска – двуглавый петушок – из медного сплава (рис. 4, 3). Очень похожую (но роскошнее декорированную) привеску Е.А. Рябинин датирует XII – серединой XIII в. (Рябинин, 1981. С. 23, 105. № 217).

В слоях разрушения были обнаружены две целые, но деформированные части створчатого ажурного браслета с ложнозерненным орнаментом из медного сплава. На территории Твери известно еще две подобные находки: из раскопок Н.В. Жилиной в кремле и О.М. Олейнико-

ва на границе Загородского посада и кремля (рис. 5). Браслет с территории Тверского кремля датирован концом первой трети XIII в. (Жилина, 2007. С. 226. Рис. 10; Олейников, 1999. С. 138)¹⁴. Помимо Твери, обломки таких браслетов известны в Серенске (3 экз.), на Куликовом поле (3) и в Изборске (1) (Гоняный, 2005. С. 152, 154; Зайцева, Сарачева, в печати)¹⁵.

В развале камней от обвалившейся в подпол печи были обнаружены кости, среди которых имеются разрозненные обломки двух берцовых костей мужчины. Вероятно, большая часть останков человека была собрана и захоронена через довольно значительное время после разрушения жилища. Сомнительно, чтобы

¹⁴ Приносим благодарность авторам раскопок за возможность опубликовать эти находки.

¹⁵ Благодарим Т.Г. Сарачеву за предоставленную информацию.

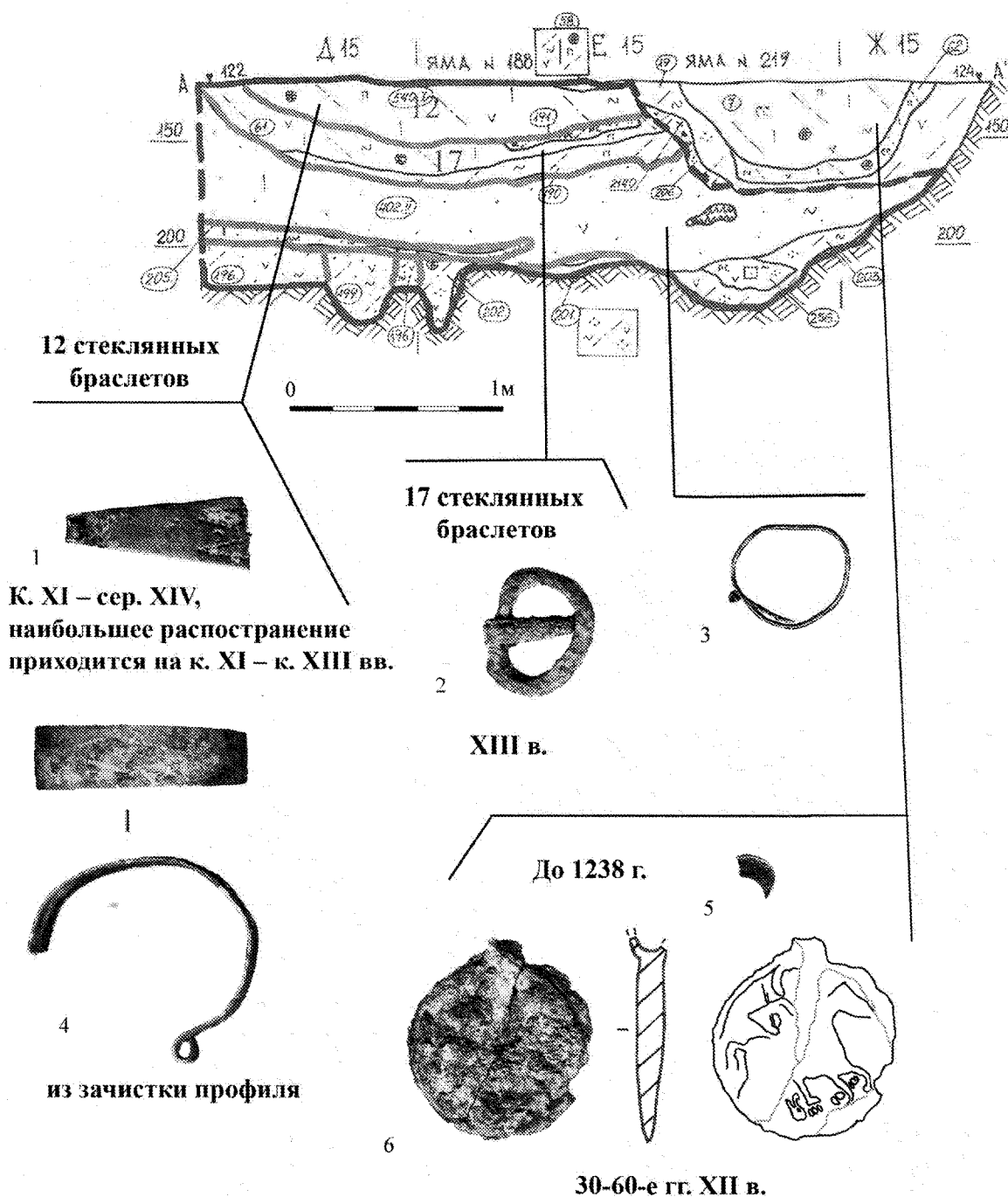

Рис. 6. Яма 188. Распределение индивидуальных находок по группам слоев

1, 4 – браслеты; 2 – пряжка; 3 – височное кольцо; 5 – фр-т лунницы; 6 – круглая привеска. 1–6 – медный сплав

подобная ситуация могла возникнуть при каком-то локальном пожаре. Есть в яме 160 также обломки костей верхового коня¹⁶.

Яма 188 наряду с ямой 112 – одна из самых ранних (рис. 6; табл. 2, 3, 13, 25, 26, 42). В ее заполнении

найдено 29 обломков стеклянных браслетов, фрагменты пластинчатых браслетов, обломок височного кольца (?) с проволоочной навивкой. К числу находок, связанных с ямой 188, можно предположительно отнести обломок привески-лунницы из медного сплава

¹⁶ Определения образцов остеологического материала выполнены доктором биологических наук, доцентом кафедры зоологии ТвГУ А.В. Зиновьевым (Персов, 2008. С. 244, 246–247, 252, 255).

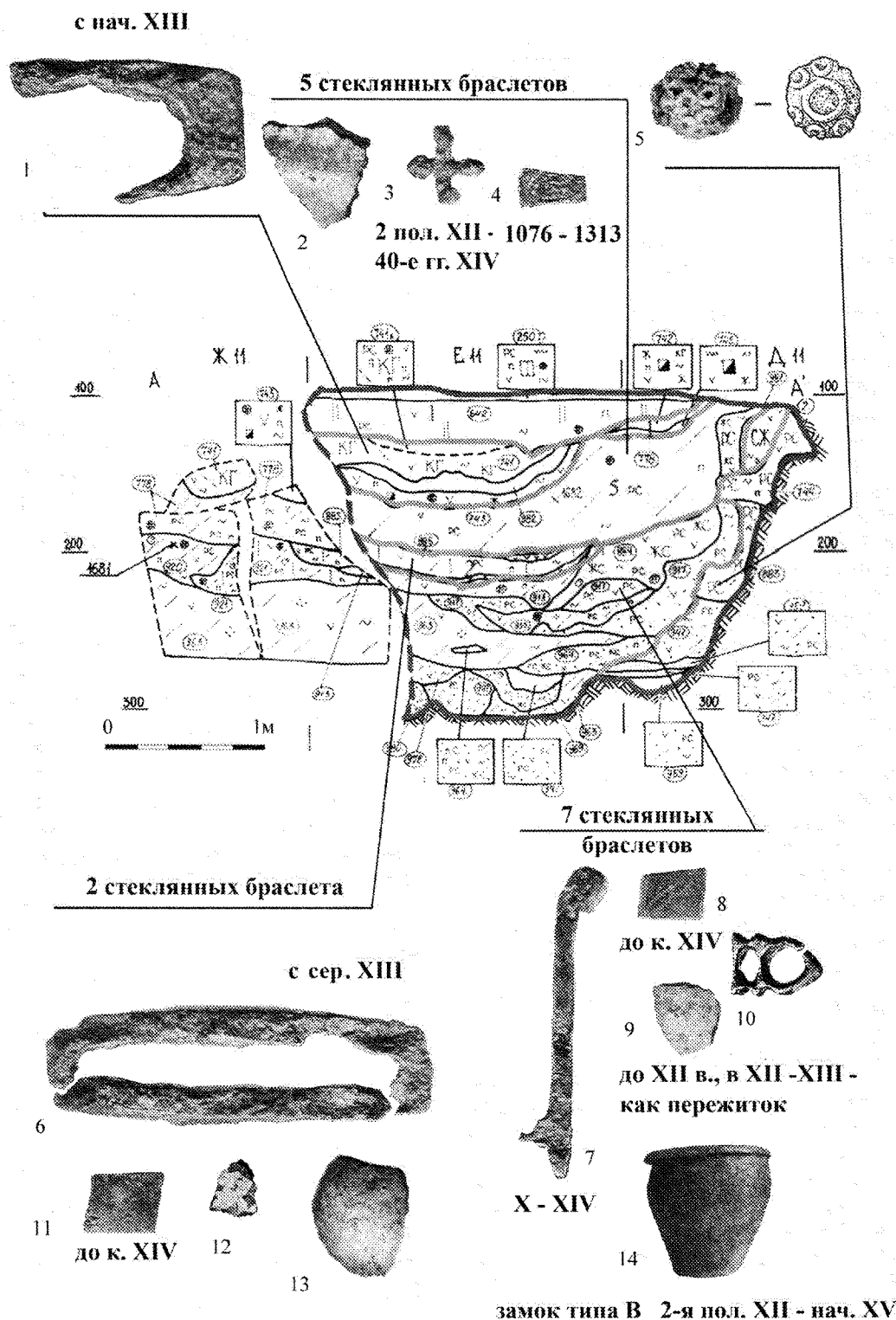

Рис. 7. Яма 147. Распределение индивидуальных находок по группам слоев

1, 6 — кресала; 2, 9, 12, 13 — изделия с желтой поливой; 3 — нателный крест; 4 — фр-т перстня; 5 — бусина; 7 — ключ-отмычка от нутряного замка; 8, 11 — фр-ты браслетов; 10 — лировидная пряжка или книжная застежка; 14 — горшок. 1, 6, 7 — железо; 2, 9, 12-14 — глина; 3-5, 8, 10, 11 — медный сплав

и круглую привеску-иконку с изображением св. Георгия, пронзающего копьём змия (рис. 6, 5, 6; табл. 2, 19, 20), найденную в яме 219 (XIII-XIV вв.), перерезавшей последнюю.

В заполнении ямы 147 (рис. 7; табл. 2, 5, 21, 27, 28, 41, 44, 46, 48, 51, 52, 54-58) — 197 индивидуальных находок, в том числе обломки 18 стеклянных браслетов. В различных слоях ямы найдено 30 нахо-

док, связанных с ножами – обломки лезвий, черенки и целые ножи, а также пять обоймиц рукоятей и пять костяных заготовок рукоятей, фрагмент орнаментированной рукояти. Есть 10 обломков пиленых костей и два – рога, а также обломок сосуда с остатками железного шлака на дне. Эти находки указывают на характер ремесленной деятельности обитателей постройки. Длинное овальное кресало, датируемое с середины XIII в. (Колчин, 1982. С. 163), найдено в средней части заполнения ямы, которое, судя по стратиграфии, формировалось в течение длительного времени.

В пределы раскопа вошли примерно три пятых площади ямы 213 (рис. 8; табл. 2, 2, 4, 6, 17, 22–24, 29, 34, 37, 40, 43, 45). Из слоев ее заполнения происходят такие находки (всего 83), как рубчатый перстень и решетчатый перстень с разомкнутыми концами, обломок витого 2 × 2 петлеконечного браслета, лапка от шумящей привески, два креста-тельника (все из медного сплава), обломок керамического предмета, возможно, сопла, фрагменты семи стеклянных браслетов. В числе находок – обломок свинцовой вислой актовой печати с хорошо читаемым каналом для продевания шнура и створка глиняной литейной формы для отливки нательного креста. На раскопе найден нательный крест из медного сплава, который мог использоваться для оттиска на этой створке. Совпадение практически полное, включая небольшую скошенность перекладки креста. Единственное различие – крест чуть больше оттиска, что может объясняться усадкой глины при высыхании.

Особый интерес представляет яма 161. Это либо подпольная, либо предгорновая яма несохранившейся производственной постройки. В мастерской обрабатывались драгоценные и цветные металлы, причем весьма интенсивно. Результаты анализов говорят о том, что мастера использовали сырье высокого качества и не испытывали в нем недостатка¹⁷.

Необходимо отметить, что, по наблюдениям Т.Г. Сарачевой, следы обработки драгоценных металлов крайне редко встречаются на сельских памятниках, поскольку эта разновидность ювелирного дела контролировалась княжеской властью. Кроме того, именно городские мастера, в сравнении с сельскими ювелирами, были более свободны в выборе материала и его качества. Считается, что сырьем для золотых изделий служили византийские монеты и драгоценности из сокровищниц высшего слоя аристократии древней Руси (Енисова и др. 2008. С. 161).

В числе находок из ямы 161 – 27 обломков стеклянных браслетов. По мнению Ю.Л. Щаповой, не исключено, что они могли идти на изготовление вставок или «вторичных» браслетов, для чего не требовалась специализированная мастерская¹⁸.

По определению сотрудницы отдела археологических исследований ТГОМ Е.В. Коротковой, основу массового материала перечисленных выше построек составляет гончарная керамика, аналогичная посуде типа VII по типологии Троицкого XI раскопа Новгорода. Она датируется серединой XII – первой третью XIV в., причем во второй половине XIII – начале XIV в. ее количество сокращается (Малыгин и др., 2001. С. 86, 93, 95). Следует также упомянуть единичные находки керамики с так называемыми секировидными венчиками (тип VI по новоторжской типологии), которые встречаются в Торжке не позднее конца XII в. (Малыгин, 1991. С. 200, 202, 209)¹⁹. В яме 147 найден горшок индивидуальной архаичной формы с многорядным штампованным орнаментом по тулову (рис. 7, 14; табл. 2, 58).

Находки, датируемые концом XII – первой половиной XIII в. выявлены не только в комплексах перечисленных выше построек. Среди них – обломок амфоры (массовый импорт амфор относится к XII – первой трети XIII в. – Коваль, 2005. С. 503), пять обломков пластинчатых браслетов, нательные кресты ранних типов, решетчатый перстень с разомкнутыми концами, обломок шумящей привески и две круглые косорешетчатые привески, ключ от цилиндрического замка типа Б, обломок ажурного браслета, два овальных заостренных кресала²⁰. Количество подобных находок, достаточно ранних для Твери, исключает возможность случайности этого материала, попавшего сюда из разрушенных курганов или перемещенного с участков, подвергшихся более раннему хозяйственному освоению. В таком качестве можно рассматривать, разве что, калачевидное кресало²¹, относящееся к раннему варианту предметов этого типа, датируемому X–XI вв. (Колчин, 1959. С. 99, 101).

Подводя итоги, нельзя не остановиться на вопросе о характере исследованного памятника. Обращает на себя внимание, что из 16 археологических признаков городского поселения, выделяемых А.В. Кузой (1985. С. 46), в рассматриваемом хронологическом срезе раскопа 81 в том или ином виде присутствуют девять. Это: развитое ремесло (ювелирная мастерская по обработке драгоценных и цветных металлов – яма 161, полный цикл (?) изготовления ножей от производства стали способом цементации и вырезания костяных рукоятей до

¹⁷ Этому комплексу был посвящен совместный с Т.Г. Сарачевой доклад авторов этой статьи на заседании четвертого научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли» 27 октября 2010 г. в г. Владимире, по материалам которого готовится публикация. См. также статью Персова Н.Е., Сарачевой Т.Г. и Солдатенковой В.В. в настоящем сборнике.

¹⁸ Авторы благодарят Ю.Л. Щапову за помощь в работе с коллекцией стекла.

¹⁹ Персов, 2008. Альбом 4. Рис. 158, 8, 175, 2, 244, 3, 5, 342, 8, 348, 7 и др.

²⁰ №№ 2372, 436, 1491, 1699, 2075, 2155, 251, 254, 509, 686, 954, 971, 1873, 1931, 2079, 2298, 593, 873, 1530, 822, 56, 294, 641 (здесь и далее полевые номера совпадают с номерами передаточной описи).

²¹ № 89.

железных пряжек из ям 112 и 213; сюда же как косвенный, но весьма показательный признак следует отнести кости верхового коня из ямы 160), книжные застежки и накладки (четыре предмета из ям 147, 161, ямы 46 XVI в. и слоя XIX–XX вв., подобные которым многие исследователи считают книжными застежками (Захаров, 2004. Рис. 112, 1, 2, 4–6, 14–18; табл. 185), возможно – позолоченная нашивная накладка из серебра со стеклянной вставкой и обломок накладки из медного сплава из ямы 147), украшения из драгоценных металлов (серебряная бусина, аналогичная вещам из старорязанских кладов (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 10, 34. № 16) из ямы 161; сама мастерская, ориентированная на изготовление предметов из золота и серебра, металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь (2 обломка стеклянных сосудов)²², усадебно-дворовая застройка (усадебные А и Б, возможно – улица вдоль Тьмаки). Помимо прочего, количественное соотношение стеклянных бус и браслетов с подавляющим преобладанием последних, по мнению Е.К. Столяровой, характерно для городской культуры.

Такие признаки столичного города, как каменные храмы, дворцовые и оборонительные сооружения здесь не могли быть выявлены по причине расположения объекта за пределами (хотя и в непосредственной близости – прямо через реку) Тверского кремля.

Все перечисленное выше позволяет предположить, что исследованный участок в конце XII – начале XIII в. входил в пределы территории городского посада. Судя по всему, восточная граница Затьмацкого посада в XIII в. находилась не далее, чем в 130 м выше по течению Тьмаки. Здесь, на раскопе 71 (рис. 1, 71) площадью 339 кв. м, находки ранее рубежа XIII–XIV вв. единичны (фрагментов стеклянных браслетов – 7), а слои и комплексы – не выявлены вовсе (Персов, 2006. С. 2, 48).

Время гибели усадеб А и Б, вероятно, совпадает с событиями 1238 г. Через некоторое время жизнь здесь возобновилась, хотя жилая зона сместилась к реке²³. Комплексы ям и находки более позднего времени свидетельствуют о том, что в дальнейшем хозяйственная деятельность на месте раскопа 81 велась без длительных перерывов вплоть до современности.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования.

Лабораторный № ИГАН	Описание образца (материал)	Радиоуглеродный возраст, лет назад, ВР	Интервал калиброванного возраста ²⁴ на 1σ: Cal BC–лет до н.э., Cal AD–годы н.э., Cal BP–лет назад, [начало: конец] вероятность
3709	Образец 1 (уголь). Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 155. III, гл. 157 см	750±50	[1225 AD:1283 AD] 1,0
3710	Образец 2 (уголь). Яма 160, пл. 14, кв. Д 18, слой 178. III, гл. 264–270 см	780±60	[1192 AD:1196 AD] 0,020319 [1207 AD:1283 AD] 0,979681
3720	Образец 6 (ГК). Яма 112, кв. К 9, слой 616. II, гл. 150–170 см	810±80	[1059 AD:1063 AD] 0,016741 [1155 AD:1281 AD] 0,983259
3721	Образец 3 (уголь). Яма 160, пл. 14, кв. Д 18, слой 245. III, гл. 274–279 см	790±50	[1212 AD:1276 AD] 1,0
3717	Образец 5 (уголь). Яма 160, пл. 12–13, кв. Д 18, слой 178. III, гл. 237–243 см	750±70	[1210 AD:1299 AD] 0,942616 [1370 AD:1380 AD] 0,057384
3738	Образец 4 (ГК). Яма 161, кв. Г 9, слой 82. III, гл. 145–160 см	840±60	[1059 AD:1064 AD] 0,031424 [1155 AD:1264 AD] 0,968576

Примечание: ГК – гуминовые кислоты (образец состоит из насыщенного углями грунта).

²² №№ 2059, 2245, 826, 1598, 2326, 2372, 796, 83, 773, 1026, 1230, 1247, 1521, 1643, 1717, 1722, 1728, 1810, 1852, 1905, 1917, 2048, 2035, 2108, 2111, 2180, 2186, 2262, 2307, 2310, 2321, 2332, 2334, 2336, 2337, 2338, 2339, 2342, 2356, 2165, 1987, 2007, 892, 1375, 1984, 2016, 2096, 1607, 1830, 1058, 475, 1346, 1478, 1833.

²³ Исследования этнографов свидетельствуют, что по представлениям традиционной культуры восточных славян жилище нельзя было строить на месте, где были найдены человеческие кости (sic!), на месте дома, сожженного «пирюнами», оставленного вследствие болезней, наводнений (Байбурин, 2005. С. 45). К числу подобных обстоятельств, на наш взгляд, можно отнести и разгром врагами.

²⁴ Reimer P.J. etc., 2004. P. 1029–1058.

Таблица 2. Датированные индивидуальные находки из ям 112, 147, 160, 188 и 213.

№ п/п	№ полевой	Рис.	Название, материал	Паспортные данные	Аналоги
1	2034	3, 9	Височное кольцо перстневидное, медный сплав	Яма 160, пл. 7, кв. Д 18, слой 177. III, гл. 125	Наиболее характерны для кон. XI – кон. XIII в. (Седова, 1981. С. 13; Лесман, 1990. С. 69); (Жилина, 1986. С. 114); 1300–1311 гг. (Латишин, 2009. С. 96)
2	2285	8, 12	Височное кольцо перстневидное, медный сплав	Яма 213, пл. 11, кв. К 19, слой 227. III, гл. 208	Наиболее характерны для кон. XI – кон. XIII в. (Седова, 1981. С. 13; Лесман, 1990. С. 69); (Жилина, 1986. С. 114); 1300–1311 гг. (Латишин, 2009. С. 96)
3	2286	5, 3	Височное кольцо перстневидное, медный сплав	Яма 188, кв. Д 14, слой 402. II, гл. 159	Наиболее характерны для кон. XI – кон. XIII в. (Седова, 1981. С. 13; Лесман, 1990. С. 69); (Жилина, 1986. С. 114); 1300–1311 гг. (Латишин, 2009. С. 96)
4	2226	8, 7	Височное кольцо перстневидное с муфтой (?) (2 ф-та), медный сплав	Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 155. III, гл. 151	Наиболее характерны для кон. XI – кон. XIII в. (Седова, 1981. С. 13; Лесман, 1990. С. 69); 1300–1311 гг. (Латишин, 2009. С. 97)
5	1463	7, 5	Бусина боченковидная орнаментированная припаянными колечками, медный сплав	Яма 147, пл. 10, кв. Д 11, слой 882. II, гл. 192	XII–XIII вв. (Рябинин, 2001. С. 62, 63); 1296–1300 гг. (Латишин, 2009. С. 108)
6	2203	8, 2	Бусина боченковидная орнаментированная припаянными колечками, медный сплав	Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 230. III, гл. 147	XII–XIII вв. (Рябинин, 2001. С. 62, 63); 1296–1300 гг. (Латишин, 2009. С. 108)
7	2305	3, 4	Бусина боченковидная орнаментированная припаянными колечками, медный сплав	Яма 160, пл. 13, кв. Д 17, слой 180. III, гл. 244	XII–XIII вв. (Рябинин, 2001. С. 62, 63); 1296–1300 гг. (Латишин, 2009. С. 108)
8	826	6, 3	Бусина шаровидная, горный хрусталь	Яма 112, кв. К 9, слой 7. II, гл. 132	Пик встречаемости – к кон. XII в., далее – единич. до 1268 г. (Щапова, 1997. С. 82); 80-е – 90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106); 1311–1364 гг. (Латишин, 2009. С. 121)
9	840	6, 1	Бусина зонная зеленая, стекло	Яма 112, кв. К 9, слой 7. II, гл. 129	С 30-х гг. XII до рубежа XIII–XIV вв.
10	842	6, 2	Бусина зонная, стекло	Яма 112, кв. К 9, слой 7. II, гл. 12	С 30-х гг. XII до рубежа XIII–XIV вв.
11	1734		Бусина зонная желто-зеленая, стекло	Яма 160, пл. 9, кв. Д 17, слой 77. III, гл. 164	Новгород: 70-е гг. XI – XIII в.
12	2040		Бусина зонная сине-зеленая (3 ф-та), стекло	Яма 160, пл. 9, кв. Д 18, слой 177. III, гл. 166	XII – 1-я пол. XIII в.
13	2116		Бусина зонная голубая, стекло	Яма 188, кв. Е 15, слой 402. II, гл. 160	Новгород: XII – сер. XIII в.; Минино: 2-я пол. XII – XIII в.
14	1582	3, 3	Привеска шумящая (двуглавый петушок), медный сплав	Яма 160, пл. 7, кв. Д 19, слой 39. III, гл. 124	XII – сер. XIII в., группа II, тип VIII (Рябинин, 1981. С. 23, 105. Каталогный № 217)
15	1726	3, 15	Привески шумящей ф-т, медный сплав	Яма 160, пл. 9, кв. Д 17, слой 76. III, о/п	Кон. XII – XIV в. (Седова, 1981. С. 31)
16	916	6, 5	Привески шумящей ф-т, медный сплав	Яма 112, кв. К 8, слой 616. II, гл. 165	
17	2146	8, 6	Привески шумящей ф-т (лапка), медный сплав	Яма 213, пл. 7, кв. К 18, слой 163. III, о/п	XII – сер. XIII в., группа I, тип IV (Рябинин, 1981. С. 18, 65)
18	2291	3, 14	Привеска крестовидная, медный сплав	Яма 160, пл. 11, кв. Д 18, слой 178. III, гл. 215	Латвия, XIII в. (Станюкович и др., 2003. С. 161)

Таблица 2 (продолжение). Датированные индивидуальные находки из ям 112, 147, 160, 188 и 213.

№ п/п	№ полевой	Рис.	Название, материал	Паспортные данные	Аналогии
19	1557	5, 5	Лунницы (?) ф-т, медный сплав	Яма 219 (яма, перерезавшая яму 188), пл. 6, кв. Е 15, слой 7. III, о/п	До 1238 г. (Лесман, 1990. С. 62); 1311–1330 гг. (Латишин, 2009. С. 98)
20	2024	5, 6	Привеска круглая с изображением Святого Георгия (?) (4 ф-та), медный сплав	Яма 219 (яма, перерезавшая яму 188), кв. Е 15, слой 159. III, гл. 137	30–60-е гг. XII в. Новгород, Серенск, Старая Рязань, Прибалтика (Седова, 1981. С. 62); (Зайцева, 2009 б. С. 215. Рис. 1, 13)
21	1335	7, 3	Крест нательный (2 ф-та), медный сплав	Яма 147, пл. 9, кв. Д 11, слой 778. II, гл. 175	2-я пол. XII в. (Беленькая, 1976. С. 93); 30–40-е гг. XIV в. (Колпакова, 2003. С. 70. Рис. 2, 2)
22	1982	8, 1	Креста нательного ф-т, медный сплав	Яма 213, пл. 5, кв. К 18, слой 48. III, о/п	XII – нач. XIII в. (Зайцева, 2009 а. С. 60–62; Мусин, 2002. С. 180); XII – сер. XIII в. (Станюкович и др., 2003. С. 137); 1300–1330 гг. (Латишин, 2009. С. 99)
23	1985	8, 5	Крест нательный (отверстие в ушке заполнено металлом), медный сплав	Яма 213, пл. 5, кв. И 18, слой 810. II, о/п	В слое 20-х – 30-х гг. XIII в. (Седова, 1981. С. 54)
24	2223	8, 3	Створка литейной формы для отливки нательного креста, глина к/ж	Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 155. III, гл. 158	Такие кресты датируются XII – нач. XIII в. (Зайцева, 2009 а. С. 60; Беленькая, 1976, С. 88–89; Захаров, 2004. Рис. 41, 30–35)
25	1571	5, 1	Браслета пластинчатого загнутоконечного орнаментированного ф-т, медный сплав	Яма 188, пл. 6, кв. Д 15, слой 404. II, гл. 120	Кон. XI – сер. XIV в., наибольшее распространение приходится на кон. XI – кон. XIII в. (Седова, 1981. С. 113); 1006–1369 гг. (Лесман, 1990. С. 37); 1282–1330 гг. (Латишин, 2009. С. 104)
26	2139	5, 5	Браслета пластинчатого загнутоконечного орнаментированного ф-т, медный сплав	Яма 188, 219, кв. Д-Ж 15, зачистка профиля, о/п	Кон. XI – сер. XIV в., наибольшее распространение приходится на кон. XI – кон. XIII в. (Седова, 1981. С. 113); 1006–1369 гг. (Лесман, 1990. С. 37); 1282–1330 гг. (Латишин, 2009. С. 104)
27	1936	7, 11	Браслета пластинчатого орнаментированного ф-т, медный сплав	Яма 147, пл. 11, кв. Е 12, слой 1003. II, гл. 214	До 1396 г. (Лесман, 1990. С. 35–36); 1282 – 1330 гг. (Латишин, 2009. С. 104)
28	1652	7, 8	Браслета пластинчатого орнаментированного ф-т, медный сплав	Яма 147, пл. 14, кв. Е 11, слой 964. II, о/п	До 1396 г. (Лесман, 1990. С. 35–36); 1282–1330 гг. (Латишин, 2009. С. 104)
29	2168	8, 4	Браслета пластинчатого орнаментированного ф-т, медный сплав	Яма 213, пл. 7, кв. И 18, слой 194. III, гл. 133	XII–XIV вв. (Седова, 1997. С. 75)
30	2142	3, 7	Браслета пластинчатого овалноконечного (?) с орнаментацией в виде плетенки ф-т, медный сплав	Яма 160, пл. 11, кв. Д 18, слой 178. III, гл. 205	XII – нач. XIII в. (Седова, 1997. С. 76)
31	2261	3, 6; 4, 2	Браслета створчатого ажурного створка, медный сплав	Яма 160, пл. 15, кв. Д 18, слой 245. III, гл. 282, деформирована	(Гоняный, 2005. С. 152, 154; Олейников, 1999, С. 138; Зайцева, Сарачева, в печати); 1-я треть XIII в. (Жилина, 2007. С. 226. Рис. 10)
32	2322	4, 2	Браслета створчатого ажурного створка, медный сплав	Яма 160, пл. 15, кв. Д 18, слой 267. III, гл. 282, деформирована	(Гоняный, 2005. С. 152, 154; Зайцева, Сарачева, в печати); 1-я треть XIII в. (Жилина, 2007. С. 226. Рис. 10)
33	2328	3, 10	Браслет витой со вставками на концах, медный сплав, стекло (?)	Яма 160, пл. 15, кв. Д 18, слой 267. III, гл. 282	Кон. XII – 1-я пол. XIII в. (Зайцева, Сарачева, в печати)
34	2212	8, 10	Браслета витого 2×2 петлеконечного ф-т, медный сплав	Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 155. III, гл. 156	1-я четв. XIII – XIV в. (Седова, 1981. С. 97; Лесман, 1990. С. 41); 1296–1364 гг. (Латишин, 2009. С. 104)

Таблица 2 (продолжение). Датированные индивидуальные находки из ям 112, 147, 160, 188 и 213.

№ п/п	№ полевой	Рис.	Название, материал	Паспортные данные	Аналогии
35	1602	3, 1	Перстень овалнощитковый с изображением руки, белый металл	Яма 160, пл. 7, кв. Д 17, слой 38. III, гл. 130	Рубеж XII–XIII – кон. XIV в. (Седова, 1981. С. 135); 1333–1364 гг. (Латшин, 2009. С. 106)
36	2290	3, 5	Перстень рубчатый, медный сплав	Яма 160, пл. 11, кв. Д 17, слой 180. III, гл. 207	90-е гг. XI – 90-е гг. XIV в. (Седова, 1981. С. 122); 1096–1268 гг. (Лесман, 1990. С. 51); 80-е – 90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106); 1296–1330, 1364–1385 гг. (Латшин, 2009. С. 105)
37	2199	8, 11	Перстень рубчатый, медный сплав	Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 155. III, гл. 148	90-е гг. XI – 90-е гг. XIV в. (Седова, 1981. С. 122); 1096–1268 гг. (Лесман, 1990. С. 51); 80-е – 90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106); 1296–1330, 1364–1385 гг. (Латшин, 2009. С. 105)
38	2288	3, 13	Перстень плетеный, медный сплав	Яма 160, пл. 10, кв. Д 18, слой 76. III, гл. 198	70–90-е гг. XII – 60–80-е гг. XIII в., (Седова, 1981. С. 127); 1161–1382 гг. (Лесман, 1990. С. 51); 1296–1300 гг. (Латшин, 2009. С. 105)
39	841	6, 4	Перстня решетчатого щитка ф-т, медный сплав	Яма 112, кв. К 9, слой 7. II, гл. 123	Нач. XII – нач. XIII в. (в Новгороде – в ярусе до 1224 г.); к XIII в. увеличивается число рядов (Равдина, 1975. С. 89); 80-е – 90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106)
40	2208	8, 13	Перстень решетчатый с разомкнутыми концами, медный сплав	Яма 213, пл. 8, кв. К 18, слой 155. III, гл. 156	Нач. XII – нач. XIII в. (в Новгороде – в ярусе до 1224 г.); (Равдина, 1975. С. 89)
41	1793	7, 4	Перстня широкосрединного орнаментированного ф-т, медный сплав	Яма 147, пл. 7, кв. Ж 12, слой 778. II, гл. 131	1076–1313 гг. (Лесман, 1990. С. 49)
42	2190	5, 2	Пряжка, медный сплав	Яма 188, кв. Д-Е 15, слой 61. III, о/п	Такая же, но железная – XIII в. (Колчин, 1959. С. 111); 1296–1385 гг. (Латшин, 2009. С. 92)
43	2112	8, 9	Пряжка, железо	Яма 213, пл. 7, кв. К 18, слой 48. III, гл. 122	XIII в. (Колчин, 1959. С. 111); 1296–1385 гг. (Латшин, 2009. С. 92)
44	1607	7, 10	Пряжка лировидная или книжная застежка, медный сплав	Яма 147, пл. 13, кв. Е 11, слой 917. II, о/п	На Белоозере похожие, но с колечком на конце – книжные застежки – пряжки (Захаров, 2004. Рис. 112)
45	2233		Замка цилиндрического ф-т, железо, тип А, покрытие медным сплавом	Яма 213, пл. 9, кв. К 18, слой 155. III, гл. 163	IX – нач. XIII в. (Хорошев, 1997. С. 16)
46	1667		Замок (2 ф-та), железо, тип В, покрытие медным сплавом	Яма 147, пл. 14, кв. Е 11, слой 964. II, гл. 276	2-я пол. XII – XV в. (Хорошев, 1997. С. 16); 1-я треть XIII в. (Жилина, 1986. С. 110–111); до 1385 г. (Латшин, 2009. С. 93)
47	213		Ключ от замка цилиндрического, тип В, железо	Яма 160, кв. Д 18, слой 108. III, гл. 95	2-я пол. XII – XV в. (Хорошев, 1997. С. 16); 1-я треть XIII в. (Жилина, 1986. С. 110–111); до 1385 г. (Латшин, 2009. С. 93)
48	1608	7, 7	Ключ-отмычка для деревянной задвижки, железо	Яма 147, пл. 13, кв. Е 11, слой 917. II, о/п	X–XIV вв. (Хорошев, 1997. С. 253. Табл. 7)
49	1929	3, 2	Кресала овалного заостренного ф-т, железо	Яма 160, пл. 6, кв. Д 17, слой 39. III, гл. 117	Нач. XII – сер. XIII в. (Колчин, 1982. С. 163); кон. XII в. (Жилина, 1986. С. 111); до 1364 г. (Латшин, 2009. С. 94)
50	2004	3, 11	Кресало овалное заостренное, железо	Яма 160, пл. 8, кв. Д 18, слой 107. III, гл. 146	Нач. XII – сер. XIII в. (Колчин, 1982. С. 163); кон. XII в.; 2-я пол. XIII в. (Жилина, 1986. С. 111); до 1364 г. (Латшин, 2009. С. 94)
51	1317	7, 6	Кресало овалное, железо	Яма 147, пл. 7, кв. Ж 11, слой 779. II, гл. 132	С нач. XIII в. (Колчин, 1982. С. 163); 2-я пол. XIII – XIV в. (Жилина, 1986. С. 111); 1311–1385 гг. (Латшин, 2009. С. 94)
52	1714	7, 1	Кресала овалного длинного ф-т, железо	Яма 147, пл. 8, кв. Е 12, слой 743. II, гл. 151	С сер. XIII в. (Колчин, 1982. С. 163); 2-я пол. XIII в. (Жилина, 1986. С. 111); 1311–1385 гг. (Латшин, 2009. С. 94)

Таблица 2 (окончание). Датирующие индивидуальные находки из ям 112, 147, 160, 188 и 213.

№ п/п	№ полевой	Рис.	Название, материал	Паспортные данные	Аналогии
53	2035	3, 8	Пряслице биконическое, шифер (?)	Яма 160, пл. 9, кв. Д 18, слой 107. III, гл. 164	Производились до 1240 г. (Розенфельдт, 1964. С. 221); 80-е–90-е гг. XII в. (Жилина, 1986. С. 106); пик: 1300–1330 гг. (Латшин, 2009. С. 124)
54	1521	7, 9	Писанки (погремушки?) с желтой поливой ф-т, глина к/ж	Яма 147, пл. 12, кв. Е 11, слой 952. II, гл. 222	Изделия с такой поливой изготавливались в киевских стеклодельных мастерских. С сер. XII в. выходят из употребления, в XII–XIII вв. – как пережиток (Розенфельдт, 1997. С. 118); 80-е–90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106)
55	1905	7, 13	Писанки (погремушки?) с желтой поливой ф-т, глина к/ж	Яма 147, пл. 10, кв. Е 12, слой 885. II, гл. 195	Изделия с такой поливой изготавливались в киевских стеклодельных мастерских. С сер. XII в. выходят из употребления, в XII–XIII вв. – как пережиток (Розенфельдт, 1997. С. 118); 80-е–90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106)
56	1917	7, 12	Писанки (погремушки?) с желтой поливой ф-т, глина к/ж (?)	Яма 147, пл. 10, кв. Е 12, слой 885. II, гл. 199	Изделия с такой поливой изготавливались в киевских стеклодельных мастерских. С сер. XII в. выходят из употребления, в XII–XIII вв. – как пережиток. (Розенфельдт, 1997. С. 118); 80-е–90-е гг. XII в. (Жилина, 2006. С. 106)
57	1852	7, 2	Сосуда с желтой поливой ф-т, глина к/ж	Яма 147, пл. 8, кв. Е 12, слой 778. II, гл. 156	Полива визуально аналогична поливе на писанках (погремушках)
58	1668	7, 14	Горшок орнаментированный с клеймом на донце, глина к/ж	Яма 147, пласт 14, квадрат Е 11, слой 964. II, гл. 266–282	Индивидуальная, нетипичная форма с архаичными чертами. Венчик по способу формовки близок к «секировидному». По тулову идут ряды штампованного орнамента

Примечание: стеклянные бусы определены Е.К. Столяровой, находка № 1668 (52) – П.Д. Малыгиным.

Литература

Байбури А.К., 2005. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосквы // СА. № 4.

Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М. (Тр. ГИМ. Вып. 150).

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1978. Клад из Старой Рязани. М.

Дворников А.С., Купряшин А.В., 1997. Постройка первой половины XIII в. на территории Загородского посада древней Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.

Енисова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

Жилина Н.В., 1986. Тверь в период XII–XV вв. / Дисс. ... канд. ист. наук. М.

Жилина Н.В., 2001. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным (по материалам раскопок в Тверском кремле) // РА. № 3.

Жилина Н.В., 2006. Теория, практика и полемика датирования нижнего слоя Твери // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. М.

Жилина Н.В., 2007. Косы и усерязи тверской боярыни // ТАС. Вып. 6. Том II. Тверь.

Зайцева И.Е., 2009а. Обработка цветных металлов на селищах Мининского археологического комплекса и других сельских поселениях северо-восточных окраин Древней Руси // Макаров и др. Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 3. М.

Зайцева И.Е., 2009б. Предметы христианского культа из раскопок Серенска // АП. Вып. 5. М.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. М. (В печати.)

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

- Клюг Э., 1994. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь.
- Коваль В.Ю., 2005. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.
- Колпакова Ю.В., 2003. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // АИППЗ. 2001–2002. Псков.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М. № 65.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.
- Куза А.В., 1985. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.
- Курбатов А.В., 2001. К истории формирования посадов г. Твери (этапы территориального роста города по раскопкам 1980-х – 1990-х гг.) // ТАС. Вып. 4. Том II. Тверь.
- Латишин В.А., 2005. Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии Средневековой Твери // Вестник НовГУ. № 33. Новгород.
- Латишин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XIV вв. // Материалы по археологии Новгорода: 1988. Ч. 1. М.
- Малыгин П.Д., 1989. Тверь и Новоторжско-волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М.
- Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.
- Малыгин П.Д., 2001. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль–II, 1993–1997 гг.). СПб.
- Малыгин П.Д., 2008. О тверских «юбилеях» (1110, 1135, 1206 гг.) // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь.
- Малыгин П.Д., 2010. Судьбы Торжка и Твери // Торжок.Инфо. Информационный портал города Торжка. www.torzhok.info/
- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗ. Вып. 15. Новгород.
- Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Олейников О.М., 1999. Отчет о проведении охранных археологических исследований на территории Кремля и б. Загородского посада г. Твери в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21815.
- Персов Н.Е., 2006. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Брагина, 2 на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2005 г. (Раскоп № 71) // Архив ИА РАН.
- Персов Н.Е., 2008. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Достоевского, 2/20 и 2 б на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2007 г. (Раскоп № 81) // Архив ИА РАН.
- Персов Н.Е., 2009. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке III очереди строительства жилого дома по ул. Учительской, д. 6, корп. 1 на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2008 г. (Раскоп № 66, Участок 4) // Архив ИА РАН.
- Персов Н.Е., Солдатенкова В.В., 2009. Новые находки на тверском Затьмачье (к вопросу о границах древнейшей Твери) // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск.
- Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Стратиграфические и конструктивные особенности средневековых подполов (по материалам тверского Затьмачья) // ТАС. Вып. 7. Тверь. (В печати).
- ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856.
- Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятических» древностей / Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Розенфельд Р.Л., 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4.
- Розенфельд Р.Л., 1997. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1-60. Л.
- Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.
- Сафарова И.А., Кобозева Е.В., Кобозев Ю.А., Сафаров А.Р., 2000. Опыт реконструкции древнего рельефа и исторической застройки одного из участков Затьмацкого посада г. Твери // ННЗ. Вып. 14. Великий Новгород.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М., 2003. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М.
- Столярова Е.К., 2009. Стекланные украшения селца Степаново 2 // АП. Вып. 5. М.
- Хорошев А.С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Хохлов А.Н., Дашкова (Сафарова) И.А., 1996. Древняя Тверь в домонгольский период (археологический комментарий к историографическим спорам) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь.
- Щапова Ю.Л., 1987. Результаты спектрального анализа стекланных изделий, найденных при раскопках городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. (К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей). М.

Щапова Ю.Л., 1997. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P.,

Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac F.G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E., 2004. INTCAL04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26cal kyr BP // Radiocarbon. V. 46.

N.E. Persov, V.V. Soldatenkova

**The new information about pre-Mongol Tver'
(according Zat'mach'e of Tver' excavations materials)**

Summary

The article deals with the results of old Zat'matsky suburb archeological investigations. The new pre-Mon-

gol times artifacts are examined in the light of discussion about the medieval Tver' beginning.

Н.Е. Персов, Т.Г. Сарачева, В.В. Солдатенкова

Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья

Развернувшиеся в последние два десятилетия широкомасштабные археологические раскопки Твери предоставили в распоряжение исследователей обширный комплекс находок, связанных с ювелирным производством. В настоящее время наибольшее их число выявлено на территории бывшего Затьмачьего посада. Предметы производственного характера — инструментарий, полуфабрикаты, заготовки ювелирных изделий, бракованные отливки, отходы, готовые изделия — обнаружены в жилых и производственных постройках, материковых ямах и слоях раскопов. Несмотря на то, что далеко не все результаты археологических исследований введены в научный оборот, детальное изучение материалов позволило выделить разновременные комплексы, характеризующие городское ювелирное дело на протяжении нескольких веков.

Самые ранние свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов относятся к домонгольскому времени. Они открыты на двух участках Затьмачьего посада. Один из них располагается в непосредственной близости от Тверского кремля (рис. 1, 29). Раскоп 29 исследован И.А. Дашковой и Е.В. Кобозевой (ТНИИР-Центр) в 1995–96 гг. (Дашкова, 1996; 1997; Кобозева, 1997; Сафарова и др., 2000. С. 336, 337). Хозяйственной ямой, имеющей отношение к ювелирной мастерской, авторы раскопок считают яму 5 участка 5, в заполнении которой обнаружены отдельные капли медного сплава, два фрагмента тиглей и пять отрезков проволоки (рис. 2, 1, 2)¹, три из которых с обработанными краями. Длина, диаметр проволоки и расплюснутые концы, в одном случае закрученные спиралью, позволяют считать их фрагментами браслетообразных завязанных височных колец (диаметр проволоки 0,12–0,23 см, диаметр колец

6,6–11,5 см). Кольца попали в мастерскую ювелира, где их разогнули для дальнейшего использования в качестве сырья. Височные кольца такого типа являются редкой находкой для Твери. Судя по материалам Верхневолжских могильников середины XI – XII в., браслетообразные завязанные на один или два конца височные кольца являлись характерным украшением женского головного убора этого региона (Степанова, 2002. С. 308–312). Обнаруженный в яме фрагмент писала² позволяет датировать ее XII – первой половиной XIII в.

Из заполнения подпола на том же раскопе (яма 16, участок 4) происходят выплеск цветного металла и ювелирные инструменты — пинцет и створка каменной формы для отливки щитка перстня (рис. 2, 4, 5)³. Здесь же обнаружены рыбовидная бусина и шумящая привеска XII–XIII вв. (рис. 2, 3).

Состав находок позволяет считать оба комплекса синхронными и принадлежащими одной усадьбе, на которой располагалась ювелирная мастерская⁴. Кроме того, в культурном слое раскопа найдено еще несколько инструментов для обработки цветных металлов: обломок литейной формы, два чекана, пинцет, заготовка ювелирного молоточка (?)⁵, целый тигель и 10 обломков.

Раскоп 81 площадью 726 кв. м, исследованный в 2007 г. Н.Е. Персовым (ТГОМ), располагался в 450 выше по течению р. Тьмаки (рис. 1, 81). Предметы производственного характера составляли высокий процент находок из заполнения ямы 161 (Персов, 2008; Персов, Солдатенкова, 2009. С. 194, 195). Она имела подпрямоугольную форму (220×140–150 см), заглублена в материк на 70 см и представляла собой либо подпольную, либо предгорновую яму несохранившейся производственной постройки.

¹ Раскоп 29, яма 5, номера по описи: 29, 32, 34, 35, 39, 41, 59, 62, 75.

² Раскоп 29, яма 5, номер по описи 28.

³ Раскоп 29, яма 16, номера по описи: 47, 118, 189.

⁴ Благодарим авторов раскопок Е.В. Кобозеву (Калинину), О.М. Олейникову, И.А. Сафарову (Дашкову), А.Н. Хохлова, а также сотрудников сектора хранения археологических материалов ТГОМ за предоставленную информацию и помощь в работе.

⁵ 29/6/63; 29/5/8; 29/9/9; 29/3/4; 29/5/9. Здесь и далее — раскоп / участок (если есть) или траншея / номер по передаточной описи.

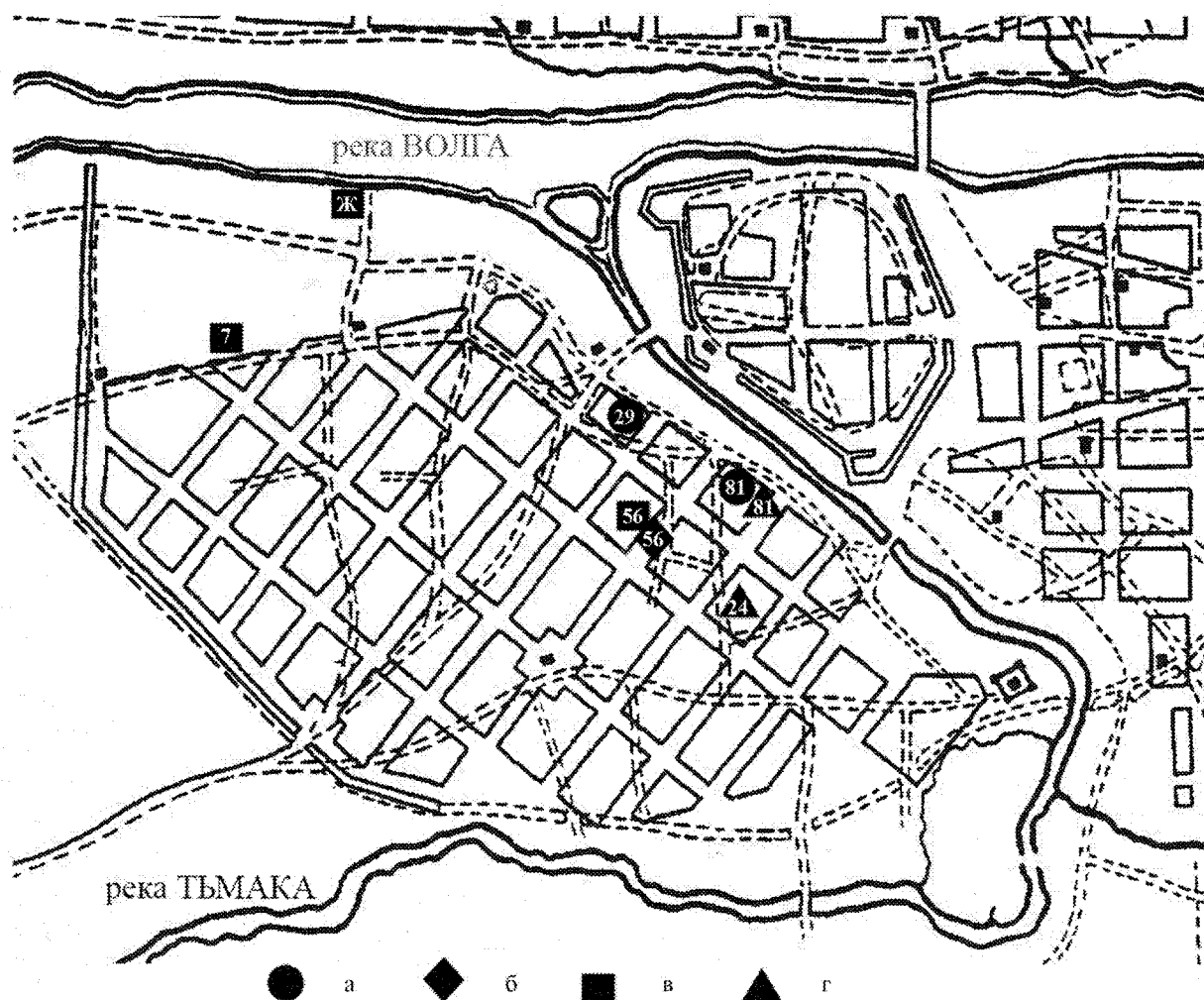

Рис. 1. Схема расположения объектов на карте города

а — комплексы XII — 1-й пол. XIII в.; б — комплексы 2-й пол. XIII — XIV в.;
в — комплексы 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в.; г — комплексы 2-й пол. XVI в.

Состав, характер и распределение индивидуальных находок и керамики позволяют с большой долей вероятности считать яму 161 синхронной трем ямам (147, 160 и 213), которые являлись подполами домов на двух соседних усадьбах, и датировать ее первой половиной XIII в. В заполнении каждой ямы прослежены слои углей. Это дает основания предполагать, что все они погибли в результате пожара. Если сопоставить результаты радиоуглеродного анализа образцов углей и грунта (для ямы 161: [1059 AD:1064 AD] 0,031424 или [1155 AD:1264 AD] 0,968576)⁶ можно выделить хронологический отрезок, который покрывают достоверные интервалы датирования ям 160, 161 и 213 (рис. 3, 1). Это время с 1225 по 1264 г. В летописных известиях о Твери нет сведений о се-

рьезных пожарах с момента разрушения в 1238 г. до 1275 г. (Малыгин, 2001. С. 91). На наш взгляд, гибель двух усадеб можно связать с событиями 1238 г.

В яме 161 обнаружены два заполнения литниковых каналов, многочисленные выплески и капли, фрагменты пластин и проволоки, а также два железных инструмента для обработки металлов — зубильце и плоскогубый пинцет (рис. 3, 2–5)⁷.

Тигли представлены 13 обломками и двумя целыми сосудами (рис. 3, 6)⁸. Еще 3 аналогичных по тесту и размерам фрагмента оказались в перерезавших яму 161 более поздних комплексах. Все тигли относятся к типу круглодонных открытых цилиндрических или конусовидных с треугольным устьем. Толщина стенок — 3–5 мм, высота целых сосудов —

⁶ Исследования проводились в Лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН.

⁷ 81/1761, 1767, 1794, 1823.

⁸ 81/1783, 1796.

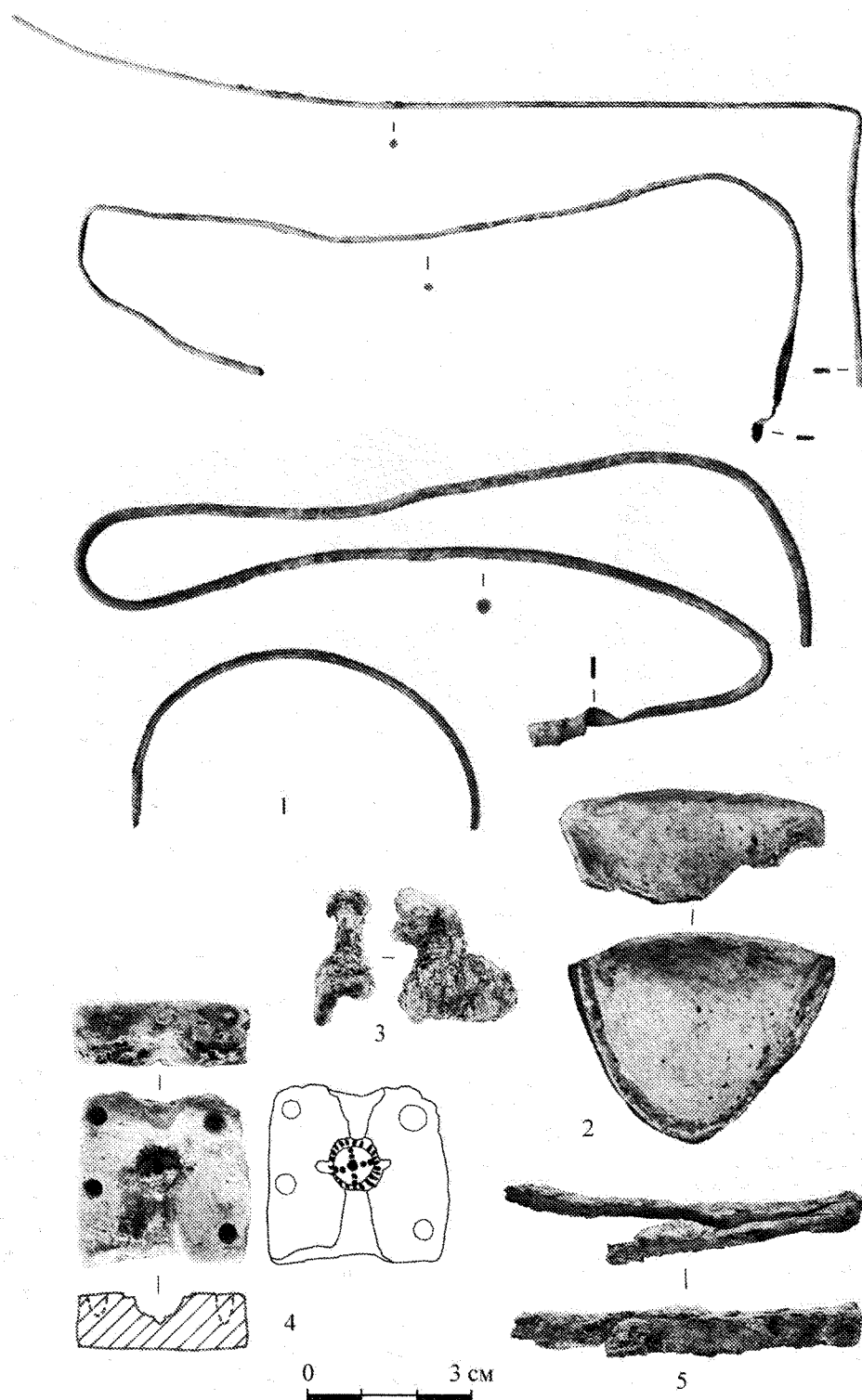

Рис. 2. Находки из раскопа 29

Яма 5: 1 — фр-ты браслетообразных завязанных височных колец; 2 — фр-т тигля.
 Яма 16: 3 — шумящая привеска; 4 — литейная форма для отливки щитка перстня; 5 — пинцет

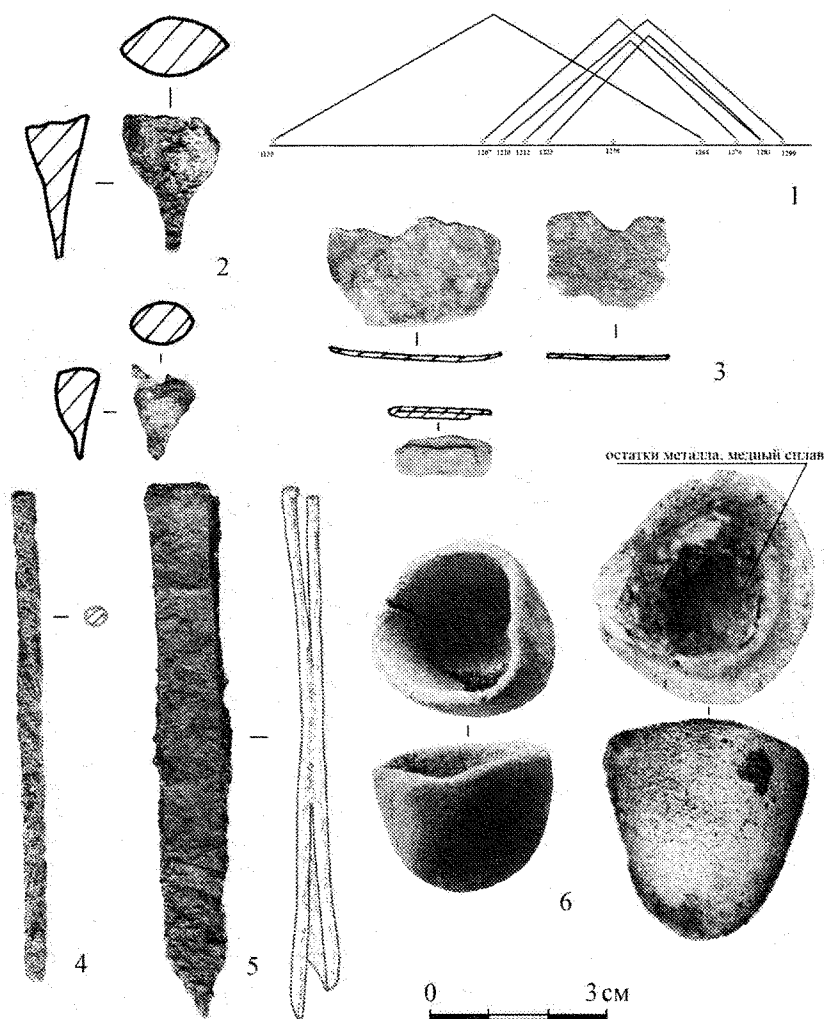

Рис. 3. Находки из раскопа 81

1 — попытка графического сопоставления радиоуглеродных дат; 2 — заполнения литниковых каналов;
3 — фр-ты пластины; 4 — зубильце; 5 — плоскогубый пинцет; 6 — тигли

2,6–5,3 см, диаметр — 3,1–5 см. На внутренней поверхности многих фрагментов сохранились хорошо видимые невооруженным взглядом капли металла, а в придонной части одного тигля осталось большое количество застывшего металла.

Следует отметить, что тигли из этого комплекса, а также из ямы 5 раскопа 29 заметно отличаются от более поздних гораздо меньшими размерами, более тонкими стенками, наличием трехслойного обжига. У многих ранних тиглей, несмотря на наличие остатков металла внутри, внешняя сторона оплавлена слабо или не оплавлена вовсе. Возможно, это связано с разницей температурных режимов или составов формовочной массы.

Из 55 обломков и целых форм тонкостенных слабо оплавленных тиглей за пределами ямы 161 найде-

но менее половины — всего 20 обломков. Они происходят преимущественно из заполнений подпольных ям XIII в.

Из подпола XIII в., расположенного на одной усадьбе с ямой 161, происходит редкая для древнерусских памятников находка — створка разъемной глиняной формы для отливки нательного креста. Аналогичный крест найден в слое общей западины на месте ям 218 и 318. Сходный по форме и размерам крест с ромбовидным средокрестием и утолщениями на концах ветвей обнаружен в яме 161 (рис. 4, 5–7)⁹. Он относится к широко распространенному в домонгольское время типу крестов. Аналогичные находки происходят из раскопок Старой Рязани, Плеса, Белозера, Новгорода, подмосковного селища Настасьино, а также из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (Даркевич,

⁹ 81/1223, 2079, 1756.

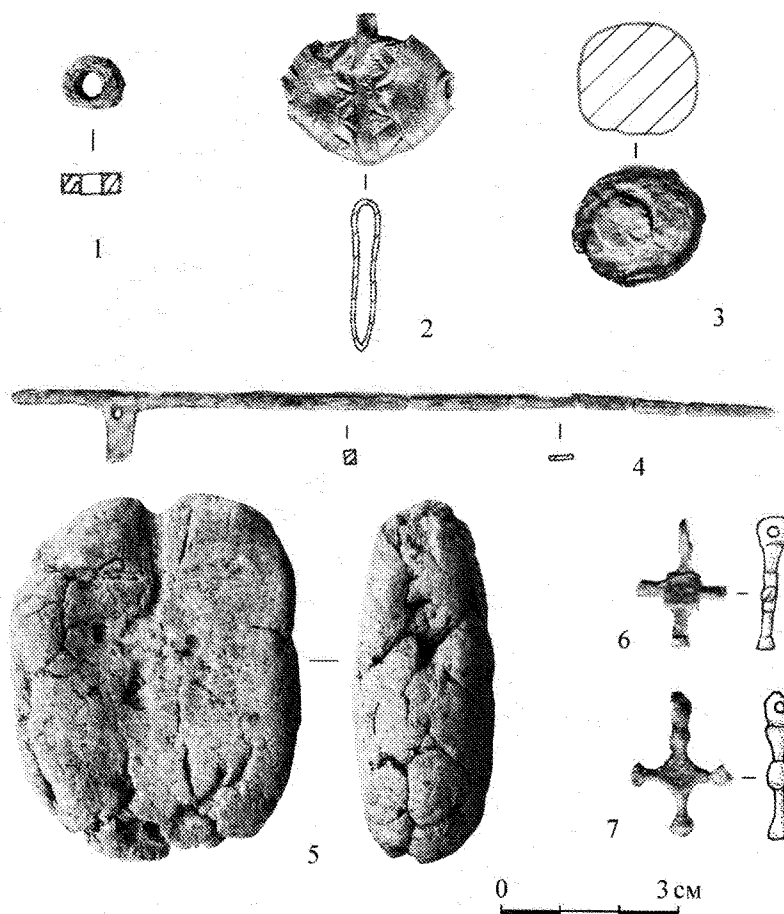

Рис. 4. Находки из раскопа 81

1 – шайбочка с позолотой; 2 – бусина; 3 – весовая гирица; 4 – фр-т шарнирных весов; 5 – литейная форма для отливки нательного креста; 6, 7 – нательные кресты

Пуцко, 1981. С. 223. Рис. 7, 2; Травкин, 2000; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 57; Захаров, 2004. С. 164. Рис. 41, 49; Ханенко, 1900. Табл. XVII, № 197). Каменная форма для отливки подобных крестиков обнаружена в культурном слое Новгорода конца XII – начала XIII в. (Рындина, 1963. С. 217. Рис. 20, 3).

Анализ химического состава металла 10 находок и 15 тиглей свидетельствует о том, что в мастерской велась обработка преимущественно драгоценных металлов¹⁰. На стенках двух тиглей выявлены капли золота. Золотые предметы не найдены, однако среди находок ямы оказалась шайбочка из свинцовой бронзы с золотой обтяжкой (рис. 4, 1)¹¹. Серебро обнаружено во всех тиглях, причем в половине образцов его содержание превышало 20%. Анализ четырех находок – выплесков, пластины и проволоки – выявил

высокопробное серебро. Из точно такого же металла получена сплюснутая и приготовленная для переплавки биконическая бусина, украшенная зернью и сканью (рис. 4, 2)¹². Аналогичные бусы происходят из кладов Старой Рязани, зарытых в декабре 1237 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 10, 34. № 16).

Вероятно, для взвешивания драгоценных металлов использовали шарнирные весы из медного сплава, которые сохранились фрагментарно, а также две весовые гири: железная, покрытая медным сплавом, и свинцовая (рис. 4, 3, 4)¹³.

В нескольких тиглях обнаружены остатки медных сплавов, что свидетельствует о работе мастеров не только с драгоценными, но и с цветными металлами.

Следующий хронологический период – конец XIII – XIV в. – представлен немногочисленными на-

¹⁰ Исследование проведено в лаборатории рентгеноспектрального анализа кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова заведующим кафедрой Р.А. Митояном по методу неразрушающего рентгенофлуоресцентного энерго-дисперсного анализа. О методике анализа см.: Енисова и др., 2008. С. 114–120.

¹¹ 81/1800.

¹² 81/1833.

¹³ 81/1836, 1815, 1839.

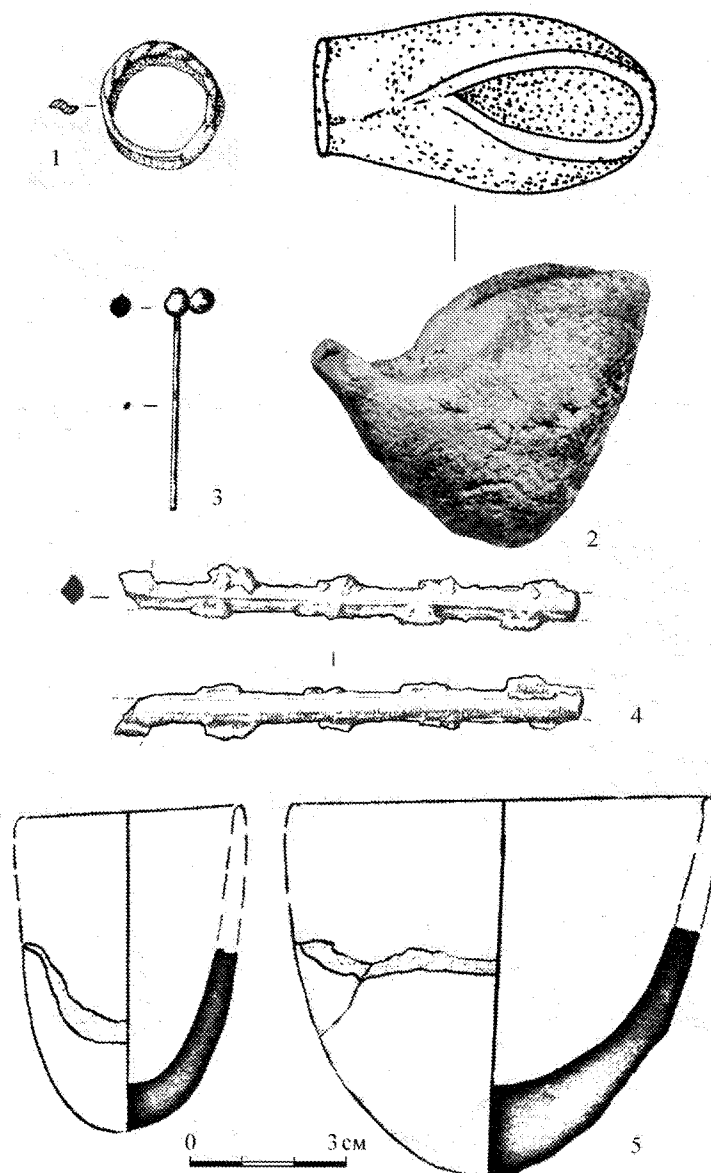

Рис. 5. Находки из раскопов 56 и 7

Раскоп 56: 1 – рубчатый ложновитой перстень с пороками литья; 2 – льячка.
 Раскоп 7: 3 – отливка булавок пус йеппи; 4 – заполнение литникового канала; 5 – тигли

ходками производственного характера из раскопа 56 общей площадью 3321,7 м² и траншеи 2 (рис. 1, 56), исследованных Н.Е. Персовым в 2001–2006 гг. (Персов, 2002а; 2002б; 2003; 2006; 2007). Они обнаружены в четырех ямах. Пять фрагментов тиглей происходят из заполнения подпола дома (яма 37, траншея 2). Среди находок из другого подпола (яма 155 участка 4) – тисочки-пинцет. При раскопках ямы 16 (участок 5) найдены еще четыре фрагмента тиглей, льячка и чекан. Бронзовый ложновитой перстень из ямы 82 относится к бракованным изделиям. Он отлит в форме, створки которой сместились при заливке металла, что приве-

ло к серьезному нарушению контура обруча (рис. 5, 1, 2)¹⁴. В результате анализа содержимого четырех тиглей выявлены сплавы на основе меди: свинцовая, оловянно-свинцовая и многокомпонентная бронзы.

Проанализированные находки XIII–XIV вв. несопоставимы по количеству с предметами производственного характера и комплексами более позднего времени. С конца XV в. наблюдается активное развитие ювелирного производства на территории Затъмачья.

Остатки мастерской исследованы А.Н. Хохловым и Е.В. Калининой в 1990 г. (рис. 1, 7) на раскопе 7 (Хухарев, 1994. С. 212; Хохлов, 1991. С. 38). К находкам

¹⁴ 56/4/1920, 56/5/62, 81, 56/траншея 2/102.

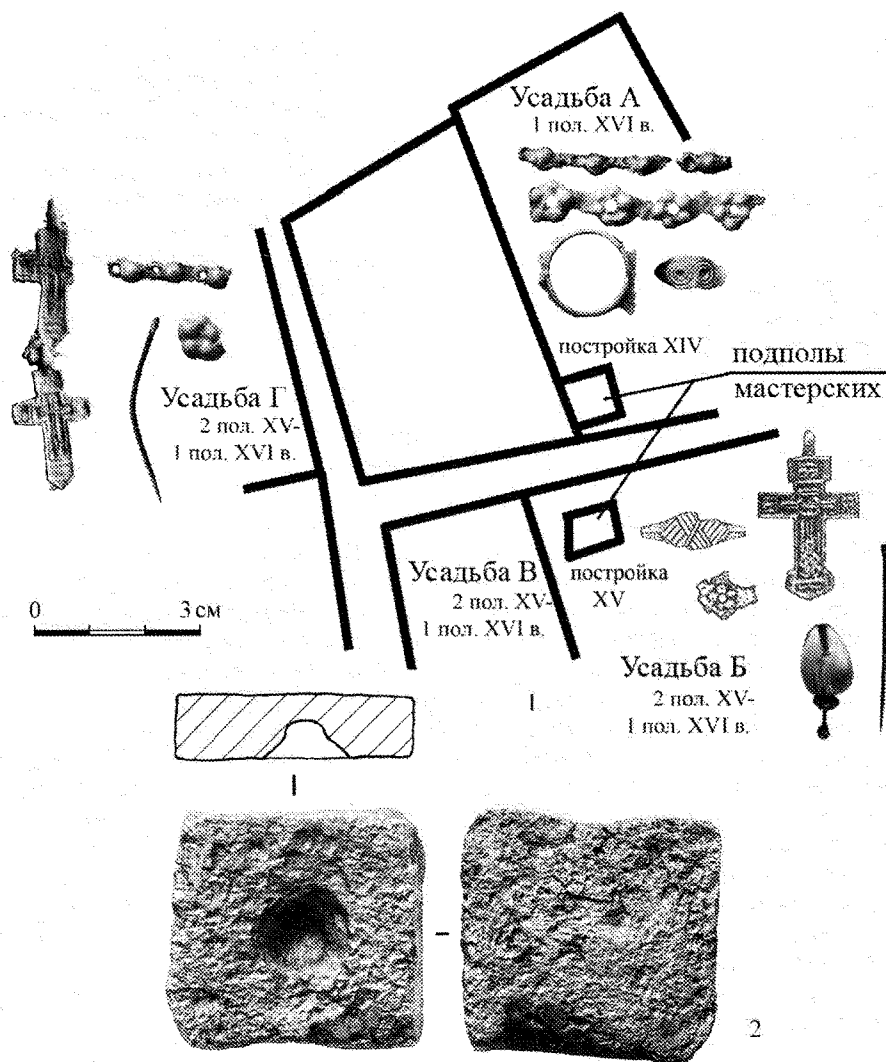

Рис. 6. Находки из раскопа 56
1 – ассортимент ювелирных мастерских; 2 – железная матрица-анка

производственного характера относятся бракованная отливка булавки «пус йеппи», проволоочные заготовки для их изготовления, четыре креста-тельника, заполнение литникового канала, многочисленные обломки тиглей (рис. 5, 3–5). Среди восьми перстней есть экземпляры с не удаленными литейными швами. Комплекс можно датировать второй половиной XV – первой половиной XVI в.

Этот раскоп располагался неподалеку от места находки в конце XIX в. «на размытом весеннею водою берегу реки Волги, против церкви Св. Бориса и Глеба» 18 незаконченных крестов (рис. 1, Ж). Судя по описанию А.К. Жизневского, они, вероятно, происходили из слоя мастерской XVI в., размытого половодьем (Жизневский, 1888. С. 104).

В центральной части посада расположен упомянутый выше раскоп 56 (рис. 1, 56). Его материалы, связанные с ювелирным ремеслом, наиболее информативны и к настоящему времени детально изучены (Персов, 2002а; 2002б; 2003; 2006; 2007;

Солдатенкова, Персов, 2005; Солдатенкова, 2008; Персов и др., 2009. С. 268). Надежно датированные по керамике и пулам культурные слои второй половины XV – первой половины XVI в. были насыщены обломками тиглей, необработанными отливками, серийными изделиями, заполнениями литниковых каналов, шлаками, выплесками и каплями металла, фрагментами пластин и проволоки, железными инструментами. Можно достаточно уверенно выделить четыре усадьбы, на которых велась обработка цветных металлов. Обилие и разнообразие готовых и необработанных отливок говорит о многопрофильности бронзолитейных мастерских квартала. Остатки подполов самих мастерских открыты на двух усадьбах – А и Б (рис. 6, 1).

На территории усадьбы А первой половины XVI в. обнаружено наибольшее количество находок, в том числе, в слоях подполов и ям. Цветная металлообработка была главным занятием хозяев этой усадьбы. Постройка XIV представляла собой под-

пол ювелирной мастерской, в который обрушилась глинобитная обмазка пода печи или пола площадью около 6 кв. м. Несмотря на то, что постройка погибла в результате сильного пожара, в ней не найдено ни одного развала горшков. Это позволяет отнести ее к сооружениям производственного характера. Из стен мастерской выходили овальнощитковые и пластинчатые перстни, миниатюрные пронизки-розетки, пуговицы (рис. 6, 1).

Химический анализ металла находок и содержимого тиглей (82 пробы) из комплексов усадьбы выявил преобладание латунных сплавов (87%). Среди них есть и двойные латуни, свидетельствующие о поступлении в мастерскую свежего сырья, не переплавленного множества переплавок. Единичные изделия, в основном кресты, получены из бронзы.

На расположенной в непосредственной близости усадьбе Б изучен подпол жилища-мастерской ювелира второй половины XV – начала XVI в. (постройка XV). Из него происходит основная масса предметов производственного характера, обнаруженных на территории этой усадьбы, в том числе рекордно высокое количество фрагментов тиглей – 889, а также три целых плавильных сосуда. Основное направление деятельности этой мастерской – производство литых крестов нескольких типов. Это односторонние семиконечные тельники с килевидным окончанием нижней лопасти, с изображением пятиконечного креста с венком в средокрестии; миниатюрные четырехконечные кресты с аналогичной иконографией; двусторонние кресты с изображением Спаса Нерукотворного в средокрестии и креста с венком на оборотной стороне. Найдено подвижное оглавление энколпиона с деревянной вставкой в ушке, которая осталась в нем после литья. Подобные вставки использовались при отливке изделий для формирования канала в ушках. Помимо крестов здесь изготавливали щитковые перстни, пронизки-розетки (рис. 6, 1). Среди находок – пуговицы, серьги, булавки «пус йеппи», но не ясно, являлись ли и они продукцией мастерской.

Анализ состава металла (70 проб) выявил более сложную картину в употреблении сплавов по сравнению с усадьбой А. Бронзы и латуни представлены одинаковым количеством в содержимом тиглей, выплесков и капель металла. В то же время, среди продукции мастерской существенно преобладают оловянно-свинцовые бронзы, шедшие на изготовление крестов. Из 22 проанализированных крестов 17 получено из этого типа сплавов. Латуни зафиксированы в металле пуговиц, серег, перстней, булавок «пус йеппи» и всего лишь трех крестов. Еще два креста получены из оловянно-свинцового сплава. Этот же металл выявлен в одном тигле и трех заполнениях литниковых каналов.

Таким образом, можно отметить, что в распоряжении мастеров этой усадьбы были три вида ювелирного сырья: латуни, бронзы и легкоплавкие сплавы. Выявлена отчетливая связь между типом сплава и категорией изделий.

На усадьбе В основное количество находок происходит из засыпки подпола жилища (постройка XXXI), а также из постройки XXXV (траншея 2), которая лишь краем вошла в пределы раскопа. Вероятно, последняя и являлась ювелирной мастерской XVI в. Находки представлены преимущественно ювелирными инструментами и отходами производства, что не позволяет определить ассортимент продукции. Судя по наличию каменной литейной формы, одним из ее видов могли быть грузики. В выборку анализов состава металла (19 проб) в основном попали тигли, в которых выявлены все три типа сплавов, известные на других усадьбах. Преобладают бронзы.

Несмотря на то, что на территории усадьбы Г обнаружено большое число предметов, связанных с металлообработкой, на ней не выявлены постройки производственного характера. Основная масса находок усадьбы Г концентрируется в пределах постройки XXVIII и особенно постройки XXX. В заполнении последней находки залежали преимущественно в верхних слоях, сформировавшихся через некоторое время после прекращения ее бытования. В частично засыпанный котлован были сброшены остатки какого-то пожара, вероятно, сгоревшей ювелирной мастерской конца XV – начала XVI в. Следовательно, присутствие в заполнении постройки XXX материалов производственного характера можно признать случайным.

Состав продукции усадьбы Г отличается большим разнообразием: нательные кресты, булавки «пус йеппи», одежные булавки (Персов и др., 2006), пуговицы, пронизки-розетки (рис. 6, 1). На многих изделиях остались не удаленные пороки литья. Кроме того, здесь найдено самое большое число специализированных инструментов, в том числе – железная матрица-анка (рис. 6, 2)¹⁵.

Ассортимент находок усадьбы отразился и на составе металла (35 проб). Изучены 23 предмета и поверхность 12 тиглей. В тиглях выявлены латунные сплавы, за исключением одного сосуда, в котором плавил бронзу. Пять крестов получены из оловянно-свинцовой бронзы, все остальные изделия – из латуни.

Таким образом, во второй половине XV – первой половине XVI в. в центральной части Затьмацкого посада существовало несколько усадеб, жители которых занимались ювелирным делом. Продукция мастерских была разнообразной. В материалах раскопа изделия представлены целыми сериями, что свидетельствует о массовом производстве. Множество находок – не разрушенные отливки «цепочками» крестов, пуговиц, пронизок-розеток, а также заполнения литниковых каналов, с которых спилены располагавшиеся «елочкой» изделия. Судя по количеству ответвлений на них, в одной форме могли отливать до 14 «цепочек», состоящих из 2–6 мелких изделий – пуговиц, пронизок-розеток, крестов. Гибель ремесленного квартала можно предположительно связать со временем oprичнины и новгородским походом Ивана Грозного 1569 г., в результате которого сильно пострадала и Тверь.

¹⁵ 56/5/273.

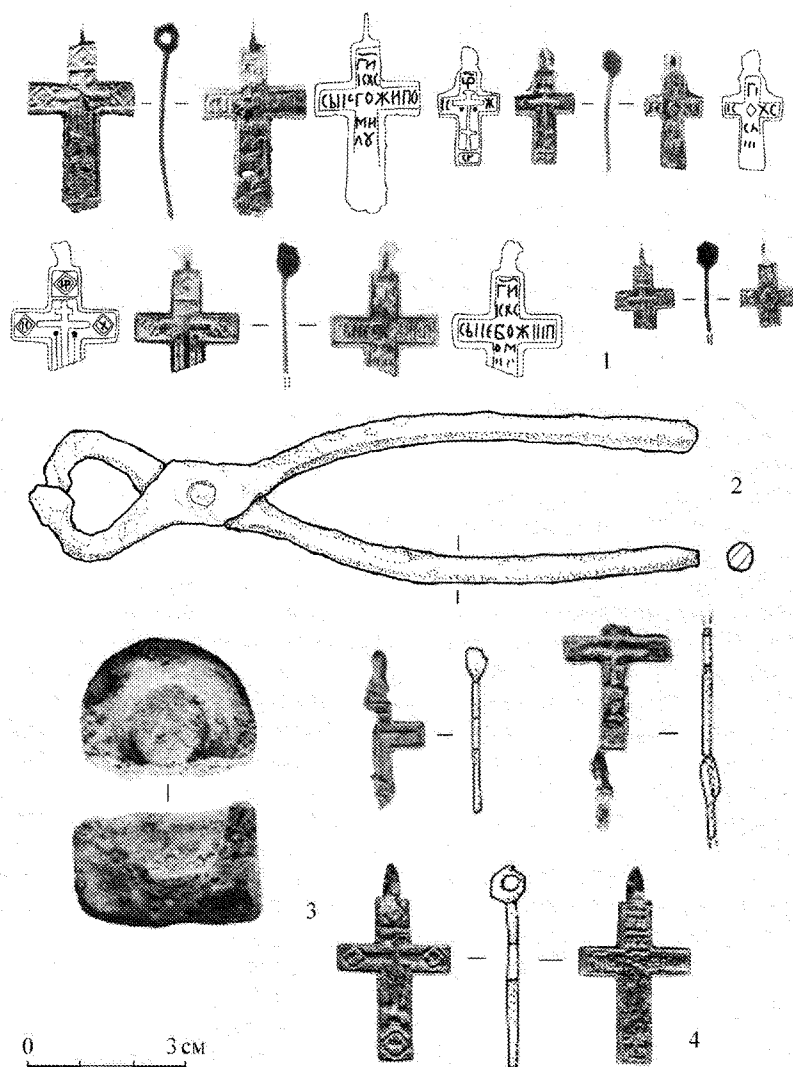

Рис. 7. Находки конца XVI – первой половины XVII в.

Раскоп 24: 1 – нательные кресты; 2 – одноручные клещи; 3 – керамическая чашечка.

Раскоп 81: 4 – нательные кресты

Свидетельства цветной металлообработки следующего периода – второй половины XVI – первой половины XVII в. – не столь многочисленны, однако достаточно репрезентативны. Они обнаружены О.М. Олейниковым в 1991–1993 гг. на раскопе 24 (Олейников, 1994; 1997. С. 185), расположенном юго-восточнее раскопа 56 (рис. 1, 24). Предметы производственного характера, связанные с ювелирным делом, выявлены в подполах трех построек (ямы 1, 2 и 5 участка 1). Возможно, одна из ям являлась подполом мастерской. Датированных находок в комплексах крайне мало. Среди них – врезные обувные подковки второй половины XVI – первой половины XVII в.¹⁶ (Осинов, 2006. С. 79).

Изученные объекты расположены компактно и, вероятно, относились к одной усадьбе. Из трех по-

строек, на наш взгляд, яма 2 чуть более ранняя. Жилища 1 и 5 погибли в огне. Это могло быть связано с пожаром 1616 г., когда «сгорел весь город» (Малыгин, 2001. С. 81). О.М. Олейников предполагает, что яма 5 после разрушения дома использовалась как свалка производственных отходов. Однако трудно представить, чтобы значительное количество ценного цветного металла, пригодного к переплавке, было выброшено преднамеренно. Более вероятно, что весь этот материал попал в слой в результате пожара и в силу трагических событий Смутного времени впоследствии не выбирался.

Среди находок – отливки 184 нательных крестов, 166 обломков тиглей, выплески и капли металла, одноручные клещи (рис. 7, 2). Из мастерской происходят также пять небольших (диаметром 2,4–3,2 см;

¹⁶ 24/1/177, 249.

высотой 1,6–1,9 см) чашечек цилиндрической формы без венчиков (рис. 7, 3)¹⁷. Они изготовлены из красножгущейся глины и внутри покрыты белым налетом. На внутренней поверхности двух проанализированных чашечек обнаружено высокое содержание свинца¹⁸. Вероятно, они использовались для работы с легкоплавкими металлами. Трудно определить назначение трех белокаменных предметов¹⁹, найденных в одном из подполов. По мнению А.М. Салимова, два из них могли быть частями составных наружных или интерьерных баясин и датируются XV–XVI вв.²⁰. Не исключено, что их предполагалось использовать как сырье для изготовления литейных форм.

В ассортименте мастерской преобладают два типа четырехконечных двусторонних нательных крестов разных размеров (рис. 7, 1). Двусторонние тельники меньшего размера несут на себе изображение Голгофы, креста и орудий Страстей Господних на лицевой стороне, по краям четырех лопастей расположены надписи. На обороте в средокрестии – ромб с плетенкой внутри и надписи в лопастях. Более крупные кресты имеют схожую иконографию лицевой стороны, но надписи заключены в ромбы. На обороте – текст Иисусовой молитвы. В Москве, при раскопках на Романовом дворе, в слое второй половины XVI в. найден фрагмент аналогичного тельника (*Александровский и др.*, 2009. С. 112. Рис. 6, 15). Из четырех нательных крестов с изображением Никиты-бесогона три, вероятно, были в употреблении, т. к. обе стороны их затерты. Четвертый крестик – необработанная отливка. Интересно, что помимо крестов найдена всего одна отливка овальнонощиткового перстня.

Изученные материалы можно считать остатками мастерской, которая специализировалась на изготовлении нательных крестов. Следы однопрофильной мастерской были также выявлены Н.Е. Персовым на раскопе 81 в 2007 г. (рис. 1, 81). Здесь был исследован угол подпола (яма 18) второй половины XVI – начала XVII в., в который попали находки производственного характера – обломки тиглей и отливки крестов (рис. 7, 4).

Несколько бракованных тельников из ямы 18 аналогичны крупным крестам мастерской, открытой О.М. Олейниковым. Местоположение последней удалось сопоставить с данными писцовой книги 1626 г. и составленной на основе этого письменного источника схеме А.С. Щенкова (1980). Примерно в 100 м юго-западнее находится упомянутое в книге «...место пусто Митки Крестешника, умер...» («Выпись...», 1901. С. 106).

Таким образом, археологическое исследование тверского Затьмачья позволяет проследить развитие ювелирного дела на этом участке городской терри-

тории в течение длительного периода. Самые ранние находки относятся к первой половине XIII в. На наш взгляд, материалы домонгольского времени, связанные непосредственно с городским посадом, обнаружены пока только по берегу р. Тьмаки напротив тверского кремля. Наличие на таком небольшом пространстве как минимум двух мастерских, в одной из которых велась работа с драгоценными металлами, говорит об интенсивности развития ювелирного ремесла уже на раннем этапе.

В конце XV – первой половине XVI в. ювелирное производство на Затьмачье переживает бурный рост, связанный, вероятно, с присоединением Твери к Московскому государству. К этому периоду относится деятельность не просто отдельных мастерских, а целого квартала ювелиров, расположенного в центральной части Затьмачья. Резкое изменение политической и экономической ситуации, начавшееся со времен «государева разгрома» Твери в 1569 г., отразилось на всех городских отраслях. Согласно данным археологических изысканий и письменных источников, повсеместно отмечаются пожары, в результате которых прекратили свое существование несколько ювелирных мастерских.

Несмотря на пространственные и хронологические лакуны в археологическом исследовании, полученные материалы дают возможность проследить непрерывное развитие ювелирного ремесла на территории тверского Затьмачья с начала XIII в. вплоть до начала XVII в. Находки из производственных комплексов позволяют выявить хронологические изменения характера ювелирного производства (рис. 8). Так, например, с XIII в. до первой половины XVII в. объем тиглей увеличивается в три – десять раз. Это свидетельствует о том, что в период расцвета тверские мастера не испытывали недостатка в ювелирном сырье и могли полноценно обеспечивать своей массовой продукцией широкий рынок. С этой же целью начинается использование литейных форм, позволяющих получать целые серии изделий за один прием. Толщина крестов во второй половине XVI в. уменьшается в среднем на 0,5 мм по сравнению с более ранними, что свидетельствует, вероятно, о стремлении экономить металл для изготовления большего объема продукции.

Определенные отличия наблюдаются и в ювелирном сырье разных хронологических периодов. В XIII–XIV вв. бронзовые сплавы оказывались гораздо чаще в тиглях ювелиров по сравнению с латунями. Последние представлены многокомпонентными сплавами, что свидетельствует о смешивании латунного и бронзового сырья. Начиная со второй половины XV в. наблюдается широкое использование латунного сырья, иногда с доволь-

¹⁷ 24/1/201, 97, 262, 341, 444, 492.

¹⁸ Анализ чашечки № 97 по лабораторной книге учета – № 168: Pb – 77,8%; Fe – 19,36%; Cu – 0,81%; Zn – 0,49%; анализ чашечки № 341 по лабораторной книге учета – № 160: Pb – 90,88%; Fe – 4,02%; Cu – 1,17%; As – 3,93%.

¹⁹ 24/1/166, 376, 493.

²⁰ Благодарим А.М. Салимова за консультацию.

1-я пол. XIII в.

XVI-XVII вв.

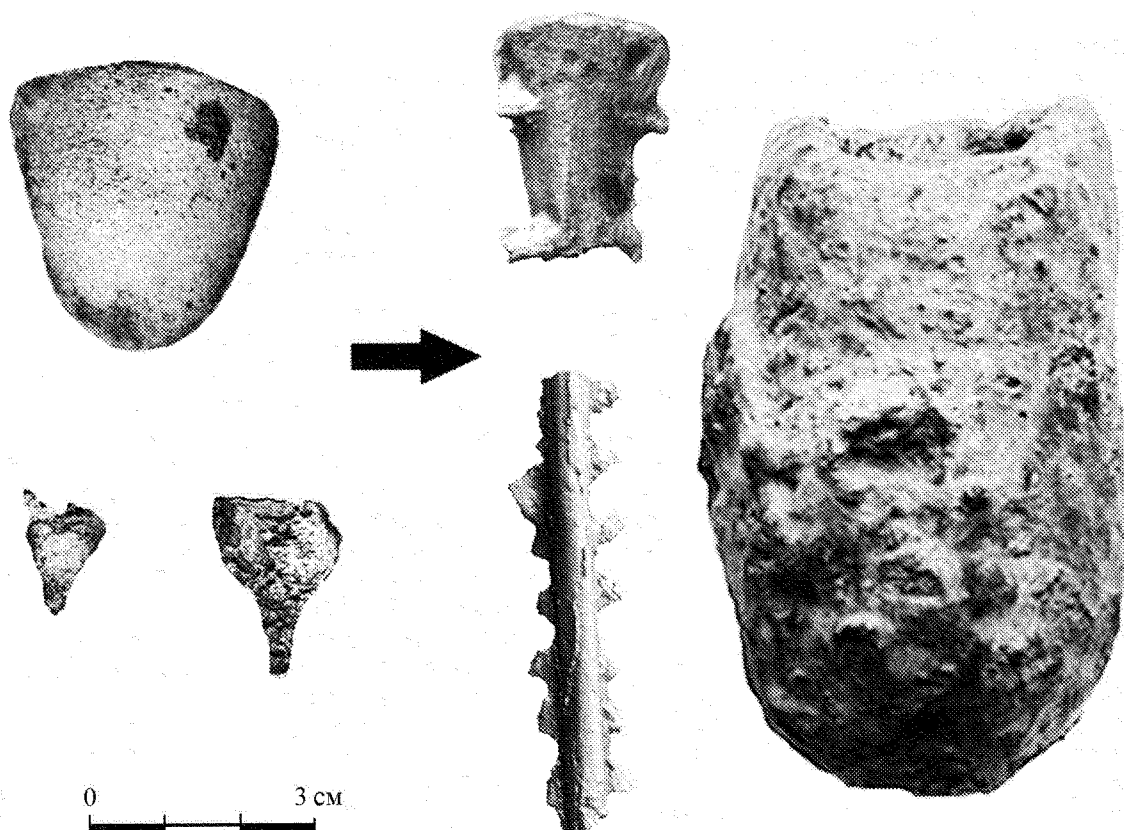

Рис. 8. Свидетельства хронологических изменений характера ювелирного производства Твери в XIII – первой половине XVII в.

но высоким содержанием цинка (более 15%). Смешивание латуней с бронзами приводило к появлению многокомпонентных сплавов ($\text{Cu}+\text{Zn}+\text{Sn}+\text{Pb}$), однако в выборке преобладают двойные и тройные латуни ($\text{Cu}+\text{Zn}$, $\text{Cu}+\text{Zn}+\text{Pb}$, $\text{Cu}+\text{Zn}+\text{Sn}$), свидетельствующие о постоянном притоке цинкового сырья в мастерские.

Наряду с латунями существенное место в металлообработке этого периода занимали сплавы с оловом, преимущественно оловянно-свинцовая бронза. Как правило, ее использовали при изготовлении крестов. Единичными сплавами представлена «чистая» медь, легкоплавкие сплавы, и лишь в одном тигле из квартала ювелиров зафиксировано серебро.

Анализ химического состава металла показал, что если в домонгольское время одна из мастерских посада обслуживала зажиточные слои города, снабжая их

изделиями из драгоценных металлов, то мастерские более позднего времени производили массовую, серийную продукцию из латуни и оловянно-свинцовой бронзы, направленную на удовлетворение нужд рядовых тверичей.

Очевидно, ко второй половине XVI в. сужается специализация мастеров. В писцовой книге 1626 г. нами найдены сведения об 11 посадских людях, которые могли быть мастерами-ювелирами. Из них: 1 пуговичник, 2 серебряника, 2 булавочника, 2 алмазника, 4 крестечника («Выпись...», 1901. С. 103, 106, 107, 113, 115, 118). Разнообразие находок в ювелирных мастерских из ремесленного квартала второй половины XV – первой половины XVI в. не позволяет определить с точностью до одной категории направление их деятельности. В то же время, ремесленники, производившие кресты с молитвой на обороте, определенно, были уже крестечниками.

Литература

Александровский А.Л. и др., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Город Тверь. Тверь, 1901.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1978. Клад из Старой Рязани. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3.

Дашкова И.А., 1996. Отчет об охранных археологических исследованиях ТНИИР-Центра на Затымском посаде г. Твери в 1995 г. (Раскоп 29. Часть 1) // Архив ИА РАН. Р-1. № 19159–19163.

Дашкова И.А., 1997. Отчет об охранных археологических исследованиях ТНИИР-Центра на Затымском посаде г. Твери в 1996 г. (Раскоп 29. Часть 2) // Архив ТНИИР-Центра.

Енисосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

Жизневский А.К., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Кобозева Е.В., 1997. Отчет об археологических работах на территории Затымского посада г. Твери в 1996 г. Раскоп № 29 (Участки 7, 8, 9) // Архив ИА РАН. Р-1. № 20026–20029.

Малыгин П.Д., 2001. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.

Олейников О.М., 1994. Отчет об охранных археологических работах экспедиции Тверского гос. объединенного историко-архитектурного и литературного музея на участке прокладки коммуникаций по ул. Достоевского (Съезжинская) и на месте строительства жилого комплекса на территории б. Затымского посада (ул. В. Ефимова, Достоевского, Д. Донского, Брагина) в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17966–17967.

Олейников О.М., 1997. Новые материалы по исторической топографии бывшего Затымского посада г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.

Осипов Д.О., 2006. Обувь Московской земли XII–XIII вв. М. (Материалы охранных археологических раскопок. Т. 7).

Персов Н.Е., 2002а. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории б. Затымского посада г. Твери в 2001 году (ул. Бебеля, 7, Раскоп № 56) // Архив ИА РАН. Р-1. № 25413–25418.

Персов Н.Е., 2002б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории б. Затымского посада г. Твери в 2001 году (ул. Бебеля, 7, Раскоп № 56, Траншея 2) // Архив ИА РАН. Р-1. № 25407–25411

Персов Н.Е., 2003. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на территории бывшего Затымского посада г. Твери в 2002 г. (ул. Бебеля, 7, Раскоп № 56) // Архив ИА РАН.

Персов Н.Е., 2006. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Троицкая, 8, на территории бывшего Затымского посада г. Твери в 2005 г. (Раскоп № 56) // Архив ИА РАН.

Персов Н.Е., 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Троицкая, 8, на территории бывшего Затымского посада г. Твери в 2006 г. (Раскоп № 56, участок 6) // Архив ИА РАН.

Персов Н.Е., 2008. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Достоевского, 2/20 и 26 на территории бывшего Затымского посада г. Твери в 2007 г. (Раскоп № 81) // Архив ИА РАН.

Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В., 2006. Одежные булавки или височные кольца? Украшения XVI в. из Твери // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.

Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В., 2009. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затымского посада города Твери (по материалам раскопок 2001–2006 годов) // АП. Вып. 5. М.

Персов Н.Е., Солдатенкова В.В., 2009. Новые находки на тверском Затымье. (К вопросу о границах древнейшей Твери) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. Вып. 117. М.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).

Сафарова И.А., Кобозева Е.В., Кобозев Ю.А., Сафаров А.Р., 2000. Опыт реконструкции древнего рельефа и исторической застройки одного из участков Затымского посада г. Твери // ННЗ. Вып. 14. Новгород.

Солдатенкова В.В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа № 56 на территории бывшего Затымского посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. М.

Солдатенкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Ставрографический сборник. Кн. 3. М.

Степанова Ю.В., 2002. Женский головной убор с височными кольцами X–XIII вв. (по материалам

погребальных памятников Верхневолжья) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

Травкин П.Н., 2000. Плесское ювелирное искусство от истоков до наших дней. Каталог. Плес.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1900. Древности русские. Вып. II. Киев.

Хохлов А.Н., 1991. Отчет об охранных работах экспедиции Тверского научно-исследовательского

историко-археологического и реставрационного центра в г. Твери в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15047.

Хухарев В.В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // ТАС. Вып. 1. Тверь.

Щенков А.С., 1980. Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследие. Вып. 28. М.

N.E. Persov, T.G. Saracheva, V.V. Soldatenkova

Archaeological testimonies of medieval base and precious metal working from old Zat'matsky suburb in Tver'

Summary

The article summarizes the latest decades excavation materials, connected with jewellery craft on the territory of Zat'mach'e at the period from the 12th – 13th to

the end of the 16th – the first half of the 17th c. Some technological features and tendencies of their development are traced.

И.А. Сафарова

К вопросу о некоторых тенденциях в развитии стеклоделия в XIII–XV веках. (Две находки из стекла с территории Затьмацкого посада Твери)

Важнейшим фактором успеха в изучении различных аспектов развития средневекового стеклоделия является использование данных о составе стекла, в первую очередь, количественные определения.

Исследователи неоднократно обращались к проблеме происхождения стеклянных украшений, связанных с культурными отложениями второй половины — конца XIII — XIV вв. (Столярова, 1997а. С. 93–106; 2006. С. 151–163) Материалы, представленные в настоящем сообщении, позволяют продолжить рассмотрение этой темы и затронуть некоторые проблемы в изучении стеклоделия как этого, так и более позднего периода (XV–XVI вв.).

Объектом нашего исследования стали две находки (фрагмент сосуда и обломок браслета), обнаруженные на территории Затьмацкого посада г. Твери, на левом берегу р. Тьмаки, в 400 м от ее устья, напротив территории тверского кремля. Обе находки происходят из материалов участка 4 раскопа 29 (по ул. Бебеля)¹ (рис. 1). Некоторые итоги исследования данного участка опубликованы (Сафарова, Кобозева, Кобозев, Сафаров, 2000. С. 332–342).

Комплексы, в которых обнаружены исследуемые стеклянные изделия, представляют собой заглубленные хозяйственные подклеты двух наземных построек (№ 21 и № 24) конца XIII — XIV в. (рис. 2). Изучение стратиграфии и хронологии находок позволило установить, что заполнение этих подклетов происходило поэтапно, в течение длительного времени. Стратиграфические наблюдения и сопровождающий материал позволили отнести время отложения фрагмента браслета ко второй половине — концу XIV — началу XV в., а обломка сосуда — к XV — началу XVI в.²

Проведено морфологическое и химико-технологическое исследование данных объектов.

Браслет изготовлен из сине-зеленого³ полупрозрачного стекла путем перекручивания рифленого стеклянного дрота. Реконструируемый диаметр прута — 6 см, сечение — 0,6 см (эти параметры характерны

для большинства изученных в разное время стеклянных браслетов из раскопок Твери) (Дашкова (Сафарова), 2001. С. 188). Стекло украшения имеет хорошую сохранность, лишь на поверхности фиксируется слабая иризация и трещины (кракелаж) (рис. 3).

Сосуд закрытого типа представлял собой, вероятно, флакон. От него сохранился фрагмент, размерами 1,8 × 1,9 см, с толщиной стенки около 0,5 см (рис. 4). Стекло совсем непрозрачное (заглушенное), цвет — светло-бирюзовый. Поверхность обломка покрыта плотной белой пленкой иризации. О технике изготовления данного изделия по сохранившемуся осколку судить трудно. Не вызывает сомнения лишь использование какой-то формы на одном из этапов его создания.

Состав стекла исследуемых изделий опубликован (Сафарова, 2003. С. 161, табл. 2). Аналитические данные обработаны по методике, предложенной Ю.Л. Щаповой (1989а. С. 93–108).

Браслет изготовлен из стекла класса Na-Ca-Pb-Si, химический тип стекла — Na-K-Ca-Mg-Pb-Si. В качестве щелочного сырья использована зола наземных частей солероса (*Salicornia herbacea*). К основному рецепту шихты добавлена окись свинца (8,40–9,11%). Рецептурная норма (соотношение щелочей и щелочных земель) равна 1,25. В стекле зафиксировано два элемента-красителя: окись кобальта (0,6–0,8%) и окись меди (0,4–1,1%). Вероятно, благодаря присутствию меди стекло приобрело сине-зеленый цвет. Роль кобальта, в данном случае, не совсем понятна. В стекле данного образца использован также глушитель — окись олова (до 0,7%).

Сосуд тоже изготовлен из стекла класса Na-Ca-Pb-Si, тип стекла — Na-K-Ca-Pb-Si. В качестве источника щелочного сырья использовалась зола того же растения (*Salicornia herbacea*) (но в данном случае — корни). Имеется также добавка свинца к основным стеклообразующим элементам (5,4–7,1%). В качестве красителя использована окись меди (до 0,6%), в качестве глушителя — окись олова (до 2,8%). Рецептурная норма — 2.

¹ Исследования 1995 г. автора настоящего сообщения.

² Нельзя исключить возможность бытования этих вещей в более ранний период (XIII–XIV вв.).

³ Для определения цвета была использована шкала цветов, хранящаяся на кафедре археологии МГУ.

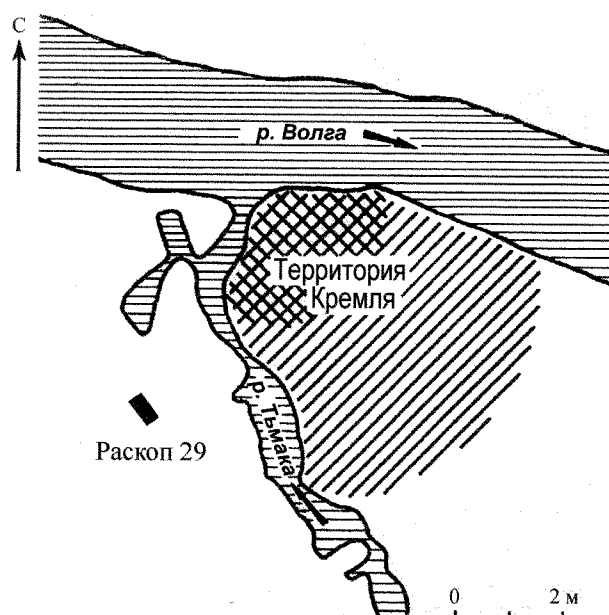

Рис. 1. Расположение раскопа 29.
Затьмацкий посад Твери

Сравним два образца. Общим для них является стекло класса – Na-Ca-Pb-Si, для получения которого в качестве щелочного сырья использована зола *Salicornia herbacea* – растения, произрастающего в зоне пустынь и полупустынь во внутренних областях Ближнего и Среднего Востока, а также на разных участках Средиземноморского побережья. Важной особенностью стекол данного класса является добавка свинца к исходной смеси (шихте). Это добавляет стеклу вес, что существенно при торговле им как материалом. Кроме того, окись свинца придает данному стеклу пластичность, так называемую длину. Это облегчает изготовление изделий простыми способами из вторично размягченного стекла.

Стекла на золе галофитов с добавкой свинца имеют долгую историю (еще с античности) (Столярова, 19976. С. 216–226). Археологически известны раннесредневековые стеклянные полуфабрикаты, так называемые гладилки, изготовленные из растительной золы (в одних случаях – это зола галофитов, в других – зола деревьев), извести, свинца и песка (Щапова, 19896. С. 103–113). Античные и раннесредневековые стекла такого состава отнесены исследователями к египетскому стеклоделию (древнему и средневековому).

Наши образцы отличаются низким содержанием щелочных земель (оксидов кальция и магния). В результате расчета количества этих стеклообразующих элементов в исходной шихте (с учетом добавки свинца) получены следующие цифры – 7,5% (для браслета) и 6,3% (для сосуда). При расположении аналитических данных на корреляционном поле (рис. 5) (Щапова, 1989а. С. 102–104) можно сравнить полученные результаты с имеющимися данными, характеризующими разные школы древности и средневековья. Оба наших образца располагаются рядом с ги-

перболой, описывающей финикийские и египетские стекла так называемой двойной шихты. В древности стекла этой школы варились из смеси соды и песка определенных месторождений (богатых щелочными землями). Отмечено также использование мастерами этой школы свинца в качестве одного из стеклообразующих элементов (Щапова, 1983. С. 44–45; Галибин, 2001. С. 75–76). Судьба традиций этой школы в период Средневековья недостаточно исследована. Ю.Л. Щапова предложила гипотезу о возможном изменении щелочного сырья (с соды на золу растений) в египетском стеклоделии в средневековый период (Щапова, 19896. С. 108). Выраженное на графике сходство представленных тверских средневековых

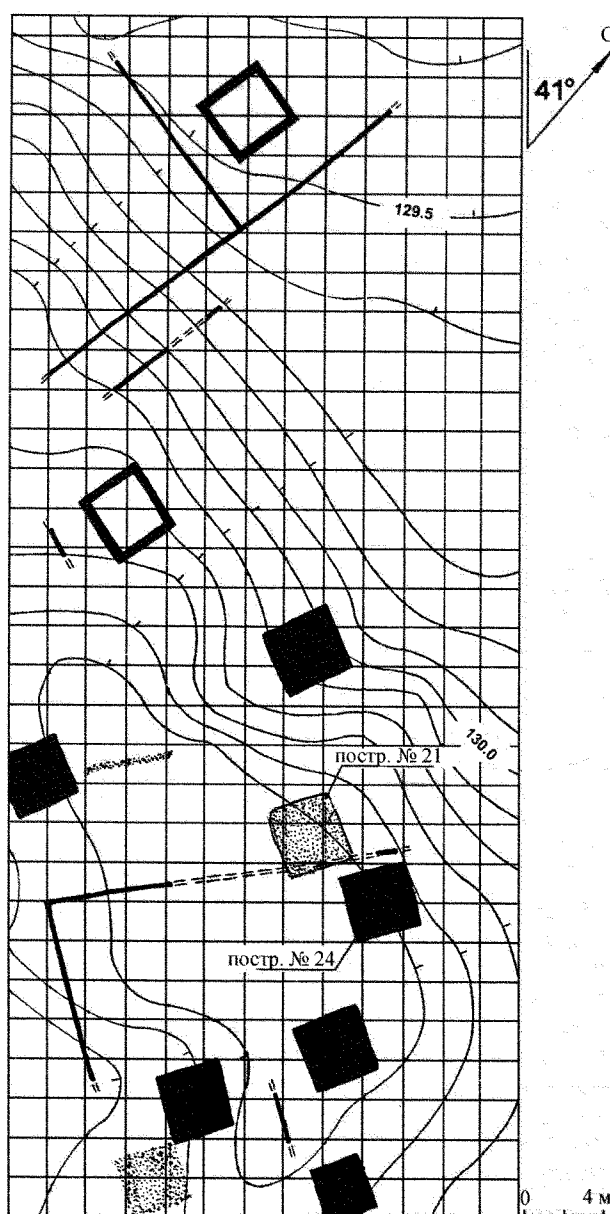

Рис. 2. Постройки XIV–XV вв. в раскопе 29
(горизонталы проведены через 0,1 м)

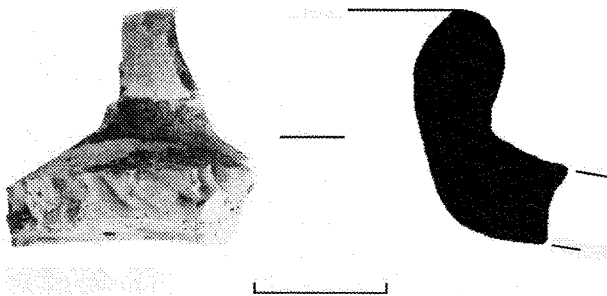

Рис. 3. Фрагмент стеклянного сосуда из раскопа 29

стекло с древними образцами свидетельствует о продолжении технологической традиции варки стекла из простой смеси двух составляющих (в древности – сода+песок, в средневековье – зола+песок), к которой добавлен свинец.

На средневековых памятниках известны находки подобных стекол, использованных, как правило, для изготовления мелких украшений. К ним, в частности, относятся некоторые изделия, обнаруженные в мастерской на городище Селитренное (с монетами хана Джанибека (1350–1368) – Галкин, 1984. С. 213–221; Щапова, 1984. С. 222–224).

При расширении круга привлекаемых аналогий в поле зрения попадают стеклянные украшения, изготовленные из стекла близкого состава, но имеющие некоторые отличия в рецептуре. Так, в слоях конца XIII – первой половины XIV в. в Новгороде (ярусы 7–11 (1299–1369)) известны находки перстней из стекла состава Na-K-Ca-Pb-Si и K-Na-Ca-Pb-Si (Щапова, 1963. С. 111, табл. 3). Подобные украшения из стекла класса Na-Ca-Pb-Si обнаружены в Москве в комплексах второй половины XIII – первой половины XIV в. (Столяровой, 2006. С. 158–159). В Твери в постройках того же времени найдены бирюзовые и сине-зеленые стеклянные перстни (их состав не определен), перстни синего непрозрачного стекла класса Na-Pb-Si (Сафарова, 2003. С. 170–178).

Во всех приведенных примерах существенно два момента: во-первых, эти стекла изготовлены в древних и средневековых традициях Египта, Ближнего и Среднего Востока (применение соды или золы растений аридной зоны); во-вторых, добавка свинца позволяет использовать его при вторичном разогреве, а это предполагает либо торговлю стеклянными слитками, либо выработку простейших изделий из сохранившихся отходов других производств. Е.К. Столярова выдвинула предположение об изготовлении перстней из стекла, сваренного из четверной шихты на золе галофитов, в мастерских, специализировавшихся на производстве изделий с глазурью и росписью стекол эмальями. Такие мастерские могли работать на полуфабрикатах. Автор данной гипотезы указывает на средиземноморское (точнее, венецианское происхождение) полуфабрикатов (Столярова, 1999).

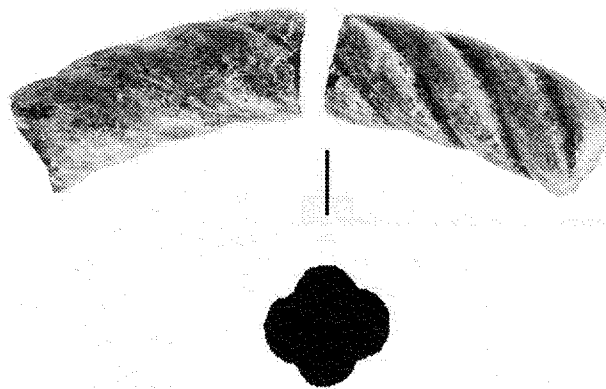

Рис. 4. Фрагмент стеклянного крученого браслета из раскопа 29 (см. цв. илл.)

Новые материалы по составу глазурей на посуде восточного происхождения (Египет, Иран, Сирия, Месопотамия) позволяют дополнить и уточнить предложенную гипотезу.

Аналитические данные демонстрируют значительное сходство состава глазурей на некоторых фаянсовых сосудах иранского и сирийского происхождения (Коваль, 2009. Табл. 1, № 5, 6, 8, 10, 25), датированных в целом второй половиной XIII–XIV вв., со стеклом изделий, исследованных в рамках настоящей работы⁴. Совпадает класс, тип стекла, использованное минеральное сырье (зола), рецептурные нормы, добавка олова, применение в качестве красителя кобальта. На корреляционном поле, в предложенной системе гипербола результаты анализов некоторых из этих образцов располагаются на участке вблизи гиперболы, описывающей вероятные египетско-финикийские стекла (гипербола 1). Следует отметить, что глазури на некоторых сирийских сосудах XII в. также близки по составу к указанной группе изделий (Коваль, 2009. Табл. 1, № 37, 38, 40, 41, 43, 44, 45).

Можно предположить, что в XIII–XIV вв. (а возможно, и несколько ранее) получение подобного стекла могло существовать как на разных участках Средиземноморского побережья, так и в континентальных районах Ближнего и Среднего Востока. Изготовление простейших стеклянных изделий (украшений) из полуфабрикатов, а возможно, и просто из сохранившихся отходов глазурного производства могло возникнуть на значительном удалении от центра производства самого стекла. Такое производство можно было организовать и в небольших мастерских, территориально приближенных к потребителям. Так в Восточной Европе появился определенный набор стеклянных украшений этого состава (перстни, бусы, браслеты (?)).

Находки сосудов из стекла класса Na-Ca-Pb-Si (возможно, в силу его специфичности) единичны.

⁴ Автор настоящего исследования придерживается мнения, что собственно стеклоделие и производство глазурей (стекловидных покрытий на различных изделиях) исторически связаны использованием стекла как материала (в одном случае, основного, в другом, дополнительного), за исключением самоглазующихся фаянсов.

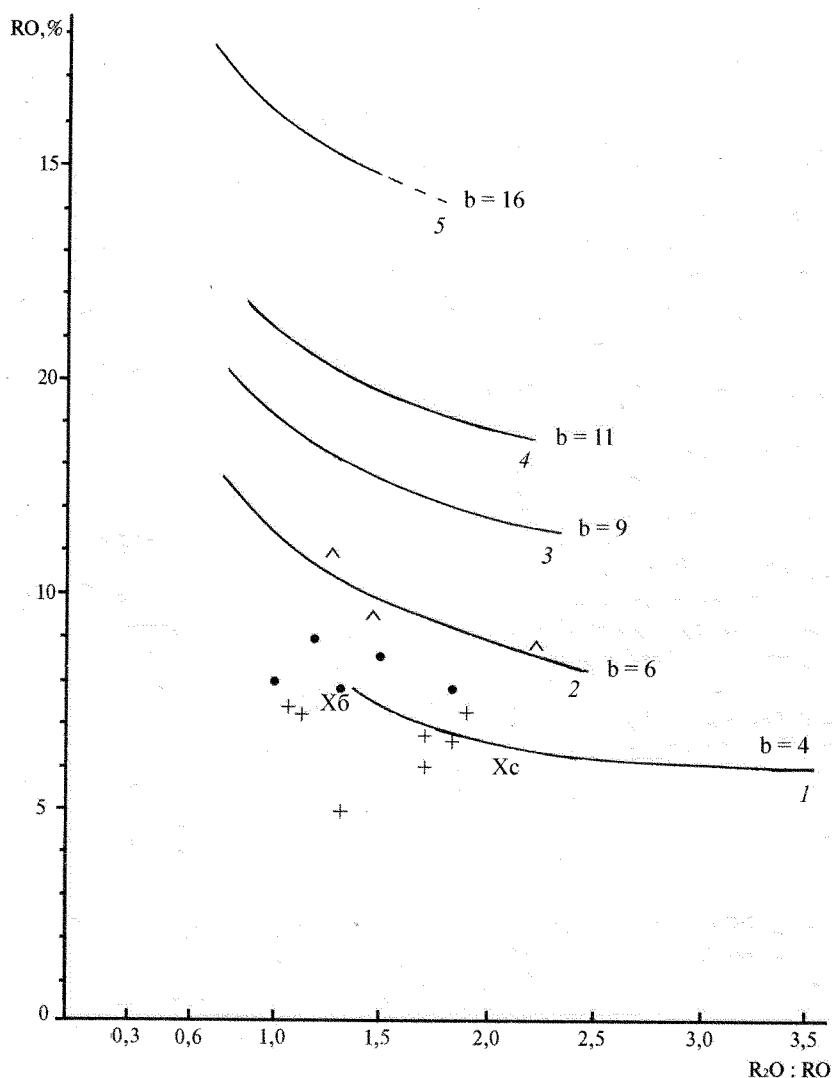

Рис. 5. Химический состав стекол и глазурей

Xс — сосуд; Xб — браслет; . — образцы глазури на иранской и сирийской посуде XIII–XIV вв.; «+» — образцы глазури на сирийской посуде XII в.; «^» — стеклянные перстни кон. XIII – XIV в., (Москва)

В публикации, посвященной исследованию химического состава стеклянных изделий XII–XIV вв. из раскопок Москвы (Столярова, 1997а. С. 104) упоминается фрагмент сосуда из стекла этого класса, изготовленного из прозрачного пурпурного стекла, окрашенного окисью марганца с декором из накладных полос белого цвета. Е.К. Столярова предположила венецианское происхождение данного изделия.

Сосуды из раскопок в Твери, которые мы относим к продукции Венеции, изготовлены из бесцветного или пурпурного прозрачного стекла выдуванием и декорированы филигранью⁵. Стекло класса Na-Ca-Si сварено на золе галофитов, щелочноземельное сырье — доломиты, стекло тройной шихты, рецептурные нормы разные — 1,6 и 2,5, в качестве

красителя или обесцвечивателя стекла выступает окись марганца. Исследуемый в настоящей работе стеклянный сосуд по морфологическим и химико-технологическим признакам отличается от этой группы венецианских изделий. Приведенный выше анализ показывает его близость по характеристикам стекла к группе изделий (украшениям и глазурованной посуде), происхождение которых пока определяется достаточно широко — Средиземноморье, Ближний и Средний Восток.

Представленные тверские находки расширяют известный по публикациям список находок из стекла класса Na-Ca-Pb-Si и подтверждают достаточно широкое использование стекла такого состава в средневековый период.

⁵ Неопубликованный доклад автора «Стеклянная посуда из раскопок Твери», сделанный на научном семинаре «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в древности и средневековье» в 1998 г.

Литература

Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. С.-Пб.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклоделательная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2.

Коваль В.Ю., 2009. Глазури средневековых восточных фаянсов: химический состав по данным спектрального анализа // Великий Новгород и средневековая Русь: сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М.

Дашкова (Сафарова) И.А., 2001. К изучению стеклянных изделий из раскопок Твери // ТАС. Вып. 4. Т. II.

Сафарова И.А., 2003. Новые данные по химическому составу тверских стекол // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь.

Сафарова И.А., Кобозева Е.В., Кобозев Ю.А., Сафаров А.Р., 2000. Опыт реконструкции древнего рельефа и исторической застройки одного из участков Затямацкого посада г. Твери // ННЗА. Вып. 14. Новгород.

Столярова Е.К., 1997а. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4.

Столярова Е.К., 1997б. Химико-технологическое изучение стеклянных бус по материалам погребений из некрополя у пос. Заозерное // Древности Евразии. М.

Столярова Е.К., 1999. Средневековые стеклянные перстни Москвы (проблема происхождения) // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.И. Ломоносова. М.

Столярова Е.К., 2006. Химический состав средневековых стеклянных перстней Москвы // КСИА. Вып. 220.

Щанова Ю.Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117.

Щанова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Щанова Ю.Л., 1984. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА. № 2.

Щанова Ю.Л., 1989а. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.

Щанова Ю.Л., 1989б. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) // СА. № 4.

Щанова Ю.Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.

I.A. Safarova

**On some tendencies in the development of glassmaking in the 13th – 15th centuries.
(Two glass findings from Zat'matsky suburb in Tver')**

Summary

The articles focuses on two findings of glass – a bracelet and a fragment of a vessel. They were found in the buildings of the late 13th – 14th century. Morphological and chemical-technological tests showed that the finds belong

to Na-Ca-Pb-Si. Their distinguishing feature – a low content of oxides of calcium and magnesium. It can be assumed that this glass was brewed somewhere on the Mediterranean coast or in continental regions of the Middle East.

В.В. Сидоров

Колтово 7 – слобода города Колтеска

Колтеск – один из небольших окских городков Залесской земли, известный по летописям в связи с событиями феодальной войны 1146–1147 гг. Здесь была ставка Святослава Ольговича – союзника Юрия Долгорукого. Археологические исследования город почти не затронули, а его окруженная валами площадка оказалась полностью уничтожена дорожным строительством в 1960-е годы. Частично сохранился посад площадью около 1,5 га, где имеются слои VIII–XIII вв., известны прилегающие к городу селища (рис. 1). Одно из них – Колтово 7 расположено в полукилометре от города, на слабо террасированном склоне плато левого берега р. Медведки (притока р. Мутенки), в километре от выхода ее в обширную пойму Оки, имеющей здесь ширину 2 км. Высота над дном долины – 15–27 м. В настоящее время долина занята прудом. Террасные уровни на склоне имеют балтийские отметки 145 и 132–137 м. Долина узкая, с крутыми склонами, лугов близ поселения нет, выше она становится каньоном с выходами скалы. Склоны прорезали глубоко врезаемые овраги с родниками. Один из таких оврагов ограничивает поселение Колтово 7 с юга. Между городом и поселением был еще один овраг, при устье которого находилось Мутёнковское городище раннего железного века. На площадке его встречена только одна яма с материалом, синхронным селищу. В ней были развалы шести сосудов, железные поковки, в том числе обрубков косы.

Пологие холмы покрыты черноземными почвами на основе лесса. Поселение Колтово 7 протянулось по берегу реки на 120 м при ширине распространения культурного слоя до 80 м. Многовековая пахота на крутом склоне уничтожила культурный слой, в пахотном слое встречается только очень сильно измельченная керамика и единичные предметы (ножи, стеклянный браслет). Кость в пахотном слое встречается только непосредственно над ямами. Гумусированные пятна на пахоте соответствуют ямам и западинам, но также участкам накопления переотложенного слоя. Концентрация пятен видна на северном конце площадки, на верхней террасе, над оврагом, на южном конце и на нижней террасе на мысу.

Поселение исследовано Подмосковной экспедицией Института археологии и Каширского краеведческого музея в 1992–2001 гг. Общая площадь, вскры-

тая тремя раскопами (раскопы 3 и 4 объединены) и четырьмя шурфами, составила 669 кв. м (рис. 2). Материал дает достаточно полное представление о жизни пригородного села или слободы. Кроме древнерусского слоя, здесь обнаружена стоянка с мастерскими конца палеолита, сохранилось жилище поздней бронзы с сетчатой керамикой, фрагменты слоя с «катакомбным» сосудом. Материал раннего железного века рассеян в русском слое. К нему относятся кресало балтийского типа с расширенным концом и петелькой (рис. 3, 14) глиняные шарики и бусинки (рис. 4, 23, 24), обломки лепной керамики.

Раскоп 1 на северном конце поселения имел площадь 167 кв. м. В подъемном материале южнее раскопа найден нож и обломок гвоздя. Здесь вскрыты остатки трех погребов и подпечной ямы. Древнейший объект – подпечная яма 2 (рис. 5) овальной формы. Размеры ее 2,80 × 1,45 м, дно плоское на глубине 30 см, стенки пологие. Заполнение нижней части – темно-гумусированный суглинок с прослойками угля, верхней – зола (мощностью 10 см), с полосами прокала вдоль стенок. На дне ямы найден развал раннегончарного горшка с линейным и волнистым (в верхней части) орнаментом, выполненным широкозубым штампом (рис. 6). Орнамент покрывает почти все тулово, кроме придонной части. Тесто грубое, с обильной примесью дресвы. В заполнении встречена только такая же грубая керамика. На дне найдены массивное шиферное пряслице и костяная булавка с минимальной обработкой. В других ямах подобной керамики очень мало (а в соседних ее нет вовсе), здесь она – единственный вид. Она позволяет датировать яму первой половиной XII в. Именно такая керамика преобладает в материале посада Колтеска и на селище Прилуки на левом берегу Оки. К моменту возникновения других построек яма была полностью нивелирована.

Яма 1 – подполье-погреб (рис. 7). Сначала он был квадратный со стороны 2,2 м при глубине 1,15 м. Западная часть ямы имеет наклонный пол, что связано с устройством входа, восточная половина – горизонтальный. На дне накопился плотный темно-гумусированный суглинок почти без находок. Такой натечный слой есть во всех погребках. После обрушения стенок погреб расширили до 3 м, но не

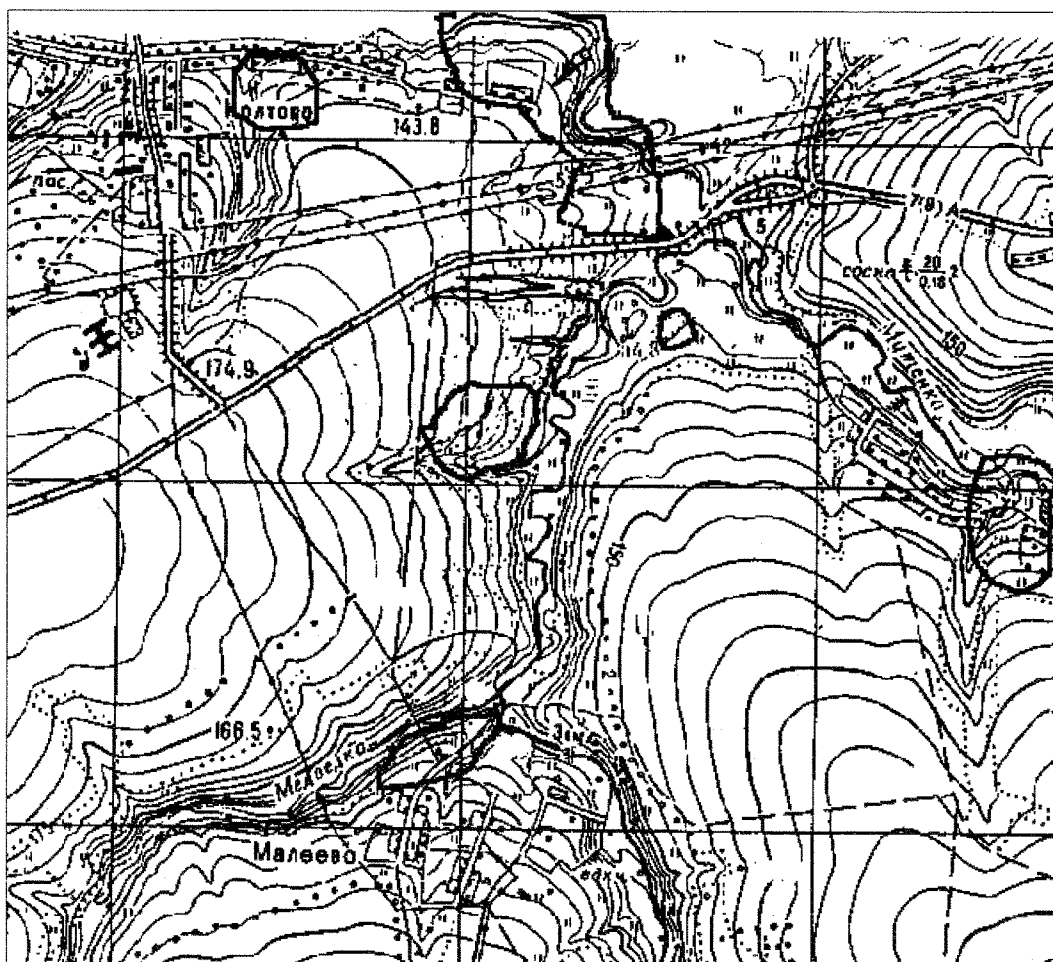

Рис. 1. Колтовская группа средневековых памятников

углубили, ранний пол остался перекрыт обрушенным суглинком. Второй пол сформировался на глубине 0,6–0,7 м. Именно с ним связан максимум находок, а также прокаленные камни, зола, угли, куски железного и керамического шлака. В слое много костей домашних животных и птицы. На него опускаются языки обрушившегося со стенок суглинка. Это слой разрушения жилища. Толща развалин составила 40 см. Печина встречается во всей толще.

В яме найдено 110 венчиков гончарных сосудов, шесть удалось реконструировать. Керамика в основном белоглиняная, серой около 10%, красножгущая представлена единичными фрагментами (рис. 8). Помимо русской керамики здесь встречены фрагменты трех болгарских кувшинов: они отличаются по тесту и обработке: оранжевый черепок, полосчатое лощение. Обильны железные изделия – ножи (6), гвозди (2), ведерные дужки (6), заклепки, скобы, мелкие абразивы, треугольная панцирная пластина с пробитыми у двух углов мелкими отверстиями (рис. 9, 26), писало, обойма ножа, фрагменты какого-то сложного изделия: тонкие железные стержни, оплетенные проволокой (рис. 9, 4, 5). Найдена также медная прово-

лока от плетеного браслета, широкий пластинчатый браслет (орнамент стерт почти полностью). Пряслица шиферные, тонкие, в том числе одно орнаментированное V-образными нарезками по краю, другое расслоенное и подструганное ножом, оба с отверстиями малого диаметра, два стеклянных браслета гладких и фрагменты стеклянного сосуда – позволяют датировать комплекс XIII в.

Яма 4 в северо-западном углу раскопа – остаток обширного погребя (рис. 5). Стенки его параллельны стенкам погребя 1. Первоначальные размеры – квадрат со стороной 3,2 м при глубине 1,15 м. В плоском дне у ЮЗ стены видны плоскодонные ямы для установки столбов, едва углубленные в пол – не более 12 см. Диаметры их 27 и 32 см. На такие столбы могло опираться перекрытие погребя. У юго-восточной стенки – плоское углубление 1,1 × 0,5 м – след лестницы. Она тоже относится к первоначальному полу. На полу накопилась натоптанная толща до 20 см с углистой прослойкой в ней. Углистая прослойка не прерывается над столбовой ямкой. Видимо, конструкция перекрытия за время накопления этого слоя изменилась.

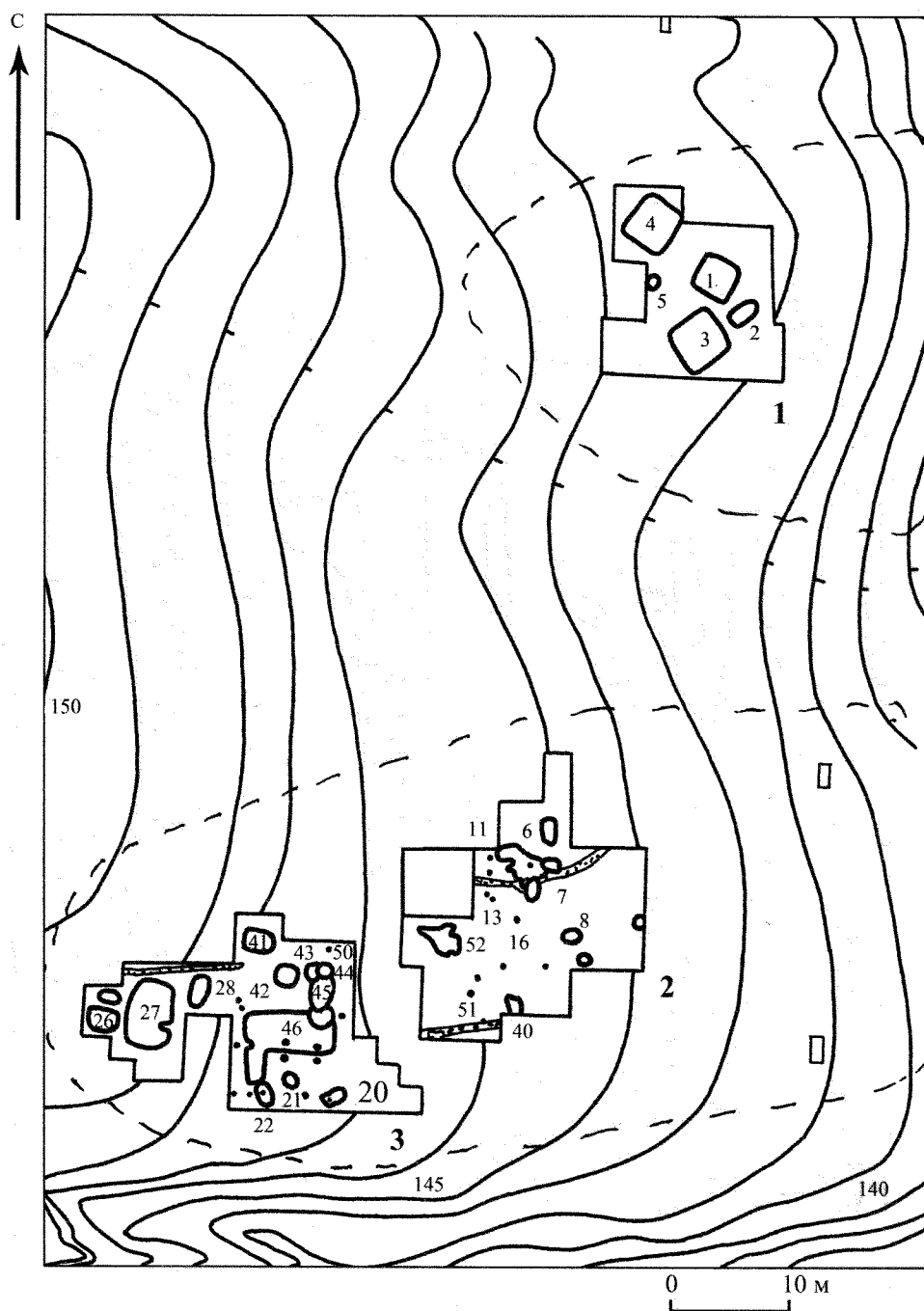

Рис. 2. Колтово 7. План

Далее происходило обрушение стенок, расширение и частичное заполнение котлована. Форма дна стала котлообразная, покатая к центру. Под стенками накопилось до 60 см обрушенного слоя, но в центре все заполнение составляло 20 см. Дальнейшее заполнение котлована составляют прослойки гумусированного суглинка с углями. На момент разрушения от погребя оставалась округлая яма глубиной до 80 см. Край печи обрушился именно в нее, но значительная часть пода сохранила монолитность. Она налегает на уже запол-

ненную часть котлована. Толща пода 12–14 см, он прокален только сверху. К поду примыкает полоса непрокаленной глины основания стенок печи. Ширина этой полосы 20–25 см. Куски печины в заполнении ямы встречаются на разной высоте. Компактная часть скопления лежит в яме на площади $1,7 \times 1,4$ м. В скоплении встречаются куски свода. Они отличаются гораздо более сильным прокалом, а края верхнего отверстия слегка шлакированы. Купол свода печи имел толщину 4–10 см. Под подом сохранились обугленные жерди

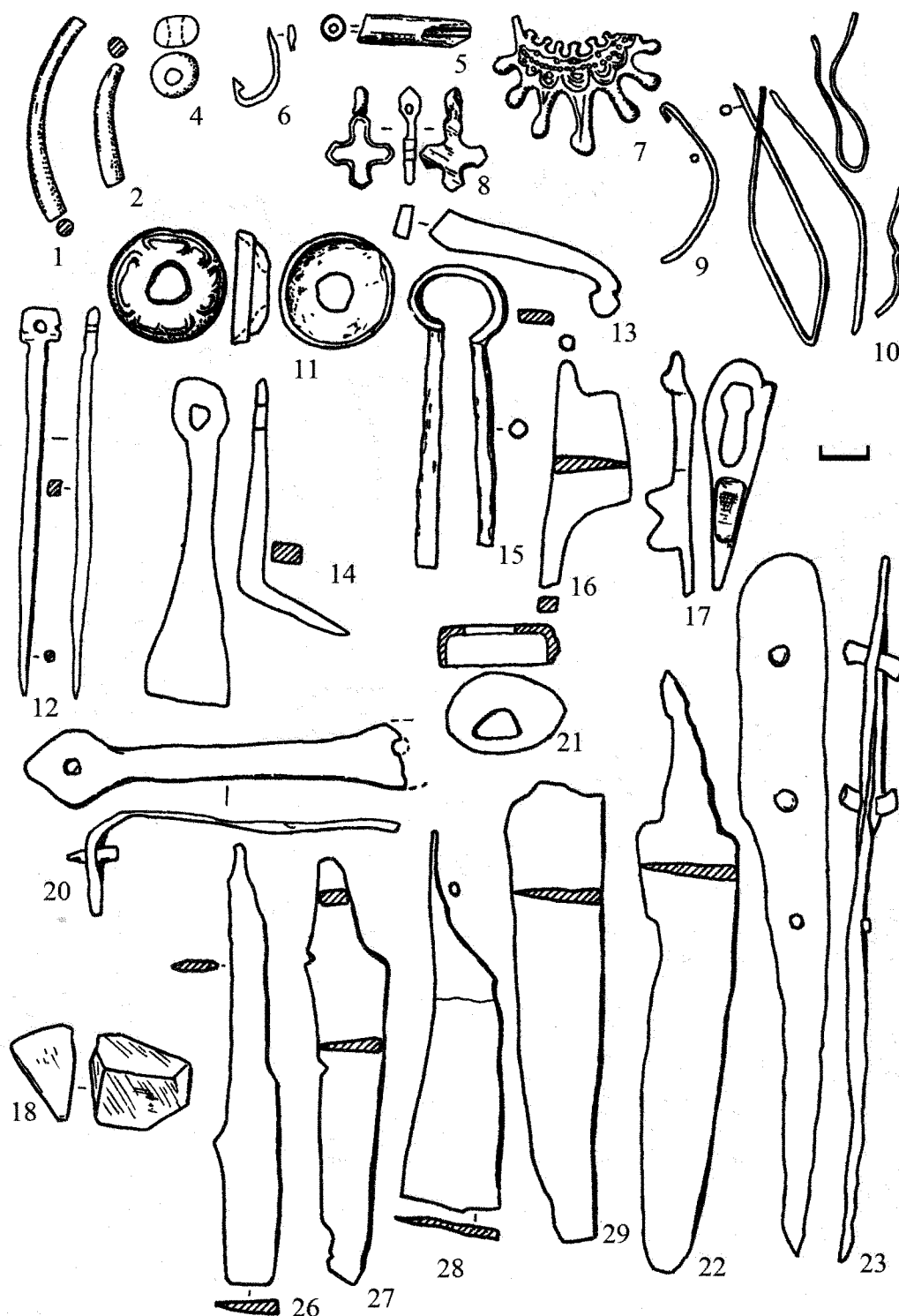

Рис. 3. Колтово 7. Индивидуальные находки

опечка. Ярро оранжевый слой выстилает поверхность уже заполненной ямы слоем 5–10 см на площади не менее 6 кв. м. Поверх слоя развалин лежит слой коричневого суглинка, окрашенного растительным гумусом, с очень малым количеством находок.

Находок в этой яме меньше, чем в первой, особенно керамики – не более 80 сосудов. Из железных изделий – два ножа, в том числе один крепился в рукоятке штифтами, жижовина небольшого ларца с ромбическим концом, сохранившим остатки гвозди-

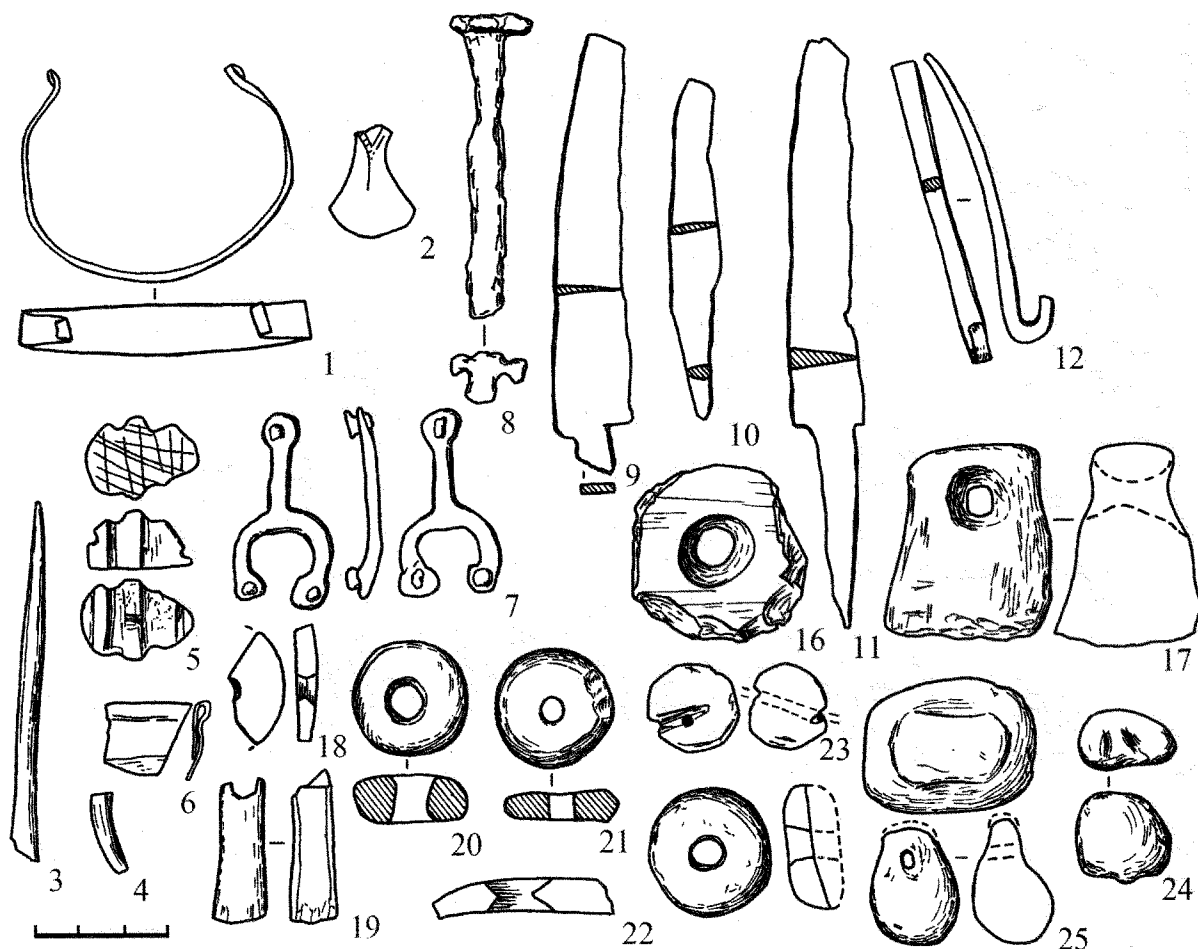

Рис. 4. Колтово 7. Индивидуальные находки

ка (рис. 3, 20). Рукоятка ножа роговая, массивная граненая, сильно заполированная, со следами действия огня. Кривизна лежала на самом полу среди прокаленных камней.

Погреб № 3 – в южной части раскопа. Начальные размеры – квадрат со стороной 2,4 м с округленным северным углом (рис. 5). Ориентирован углами по странам света. Стенки на высоту 0,7–0,8 м почти отвесные, что не характерно для других погребов. Дно горизонтальное, утопанное. В него врезаны две ямы. Одна квадратная со стороной 45 см и плоским дном на глубине 16–18 см, на дне лежит прослойка чешуи карася. Под северо-восточной стенкой – узкая и длинная ямка (92 × 36 см), заполненная мешаным суглинком, глубиной до 32 см. Круглая ямка (диаметр ее 38 см, глубина 20 см) с таким же мешаным заполнением была в северном углу. Если эта ямка служила для установки столба, то узкая – для лестницы. Столб, видимо, возобновлялся, и на втором строительном этапе устанавливался в ту же ямку, которая была выбрана всего на 5 см. Этот столб был подперт тесаными блоками известняка 32 × 20 и 24 × 22 см, толщиной по 15 см.

Яма с рыбьей чешуей функционировала на раннем этапе использования погребя. Она перекрыта натечным суглинком, в верхней части которого – углистая прослойка и развал очень крупного белоглиняного горшка с волнистым орнаментом (рис. 10). В слое с углями встречаются и другие крупные камни. Много костей, в том числе обгорелых. Видимо, все это – слой пожарища. Выше лежат слои переотложенного суглинка с углями, с очень малым количеством находок. Яма была засыпана выбросом из какой-то другой ямы. Вряд ли это выброс из ямы 1 – слой явно нарастает к югу. По-видимому, выброс в яму 3 лег из той, которая не вошла в раскоп, осталась южнее (рис. 11). В нижней части заполнения найден керамический овальный грузик ткацкого станка. В верхней части заполнения находок больше. Здесь найдены известняковый грузик, по форме такой же, как керамический, обломок замка (рис. 4, 17; рис. 9, 9).

Дворовое место, которому соответствует раскоп, продолжалось к югу и востоку. Таким образом, здесь может быть прослежена следующая последовательность сооружений: 1 – подпечная яма № 2; 2 – погреб № 3, использование которого завершилось пожаром.

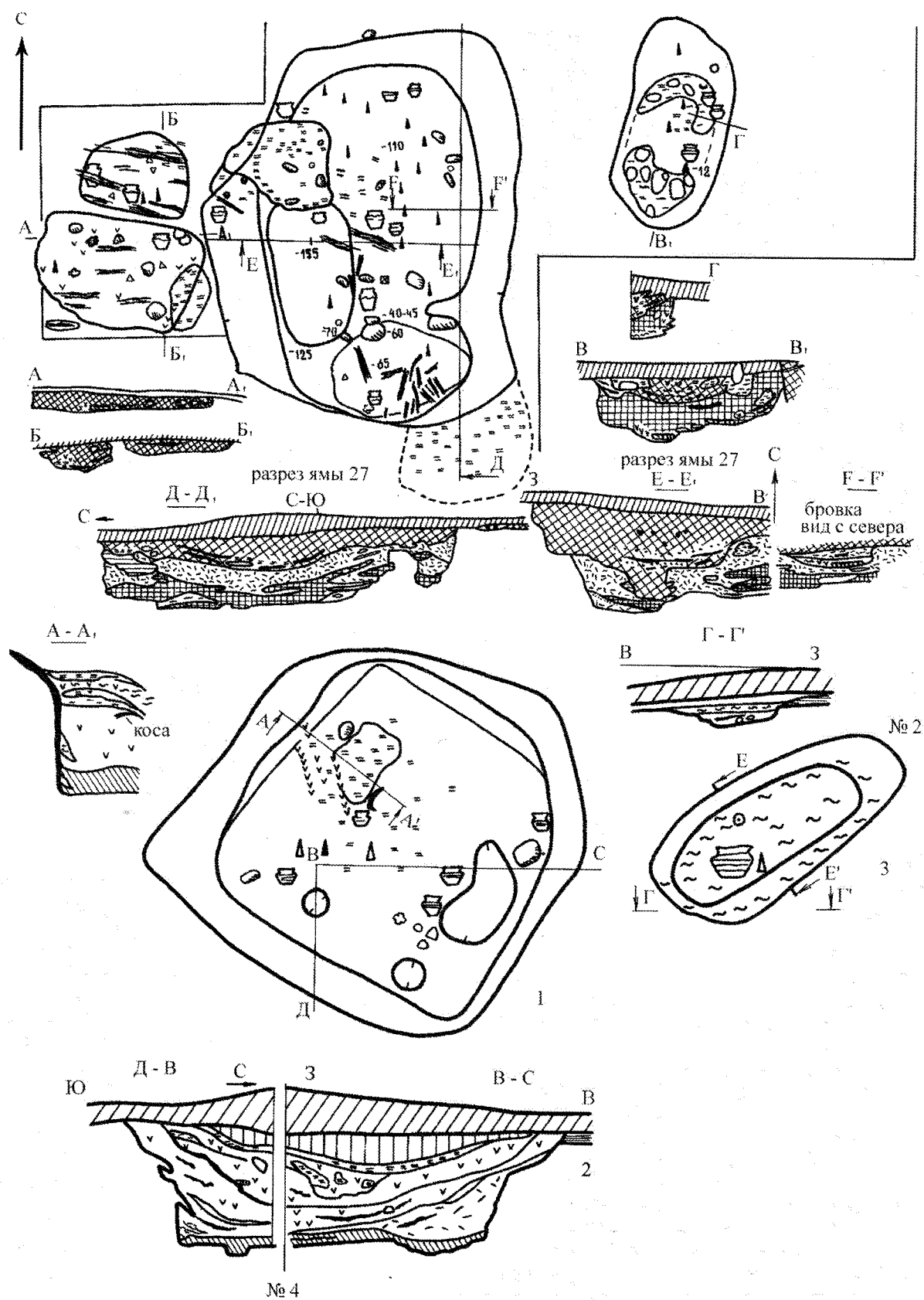

Рис. 5. Колтово 7. Погреб и ямы 27, 28, 4, 2

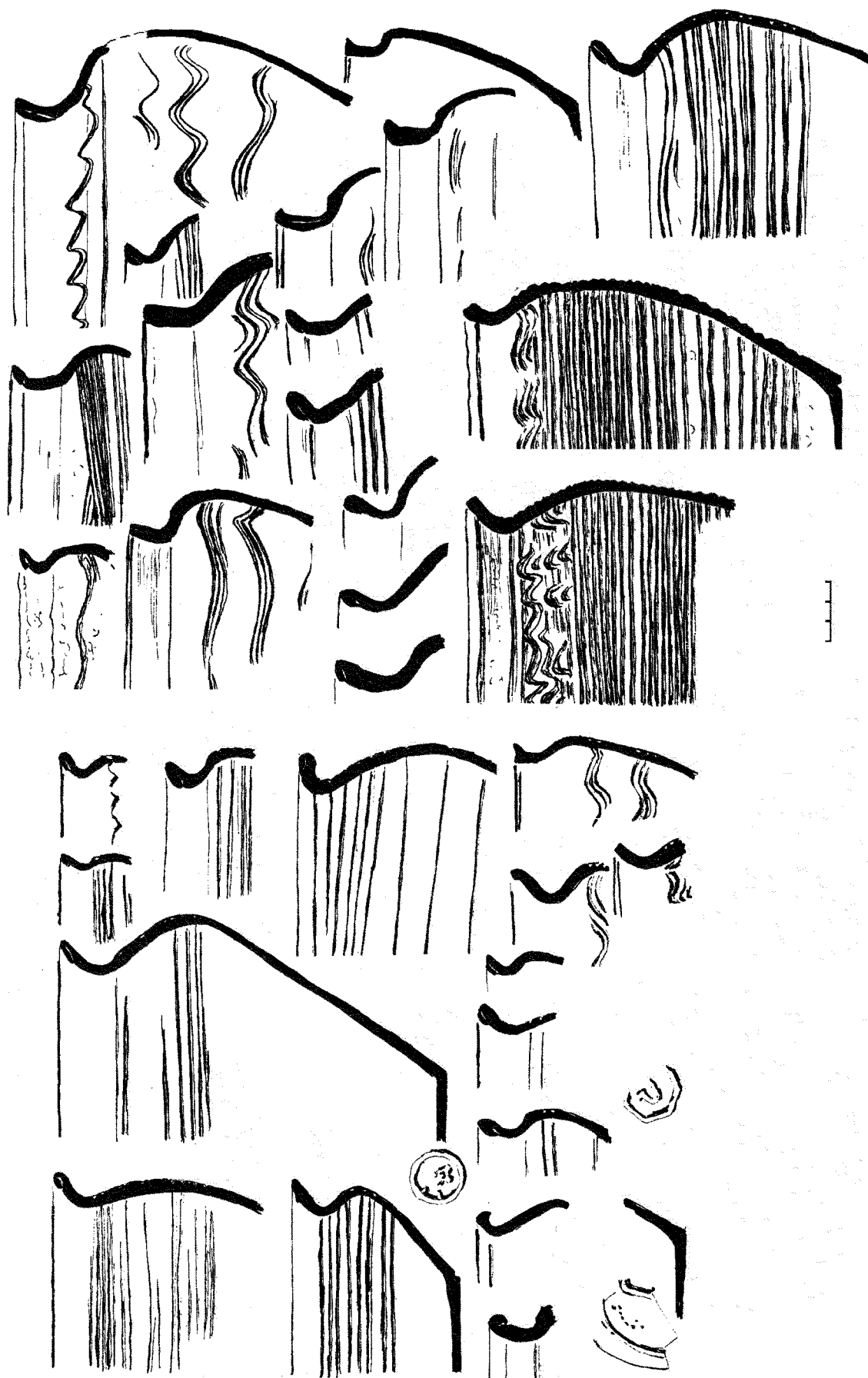

Рис. 6. Колтово 7. Керамика из ям 42 и 2

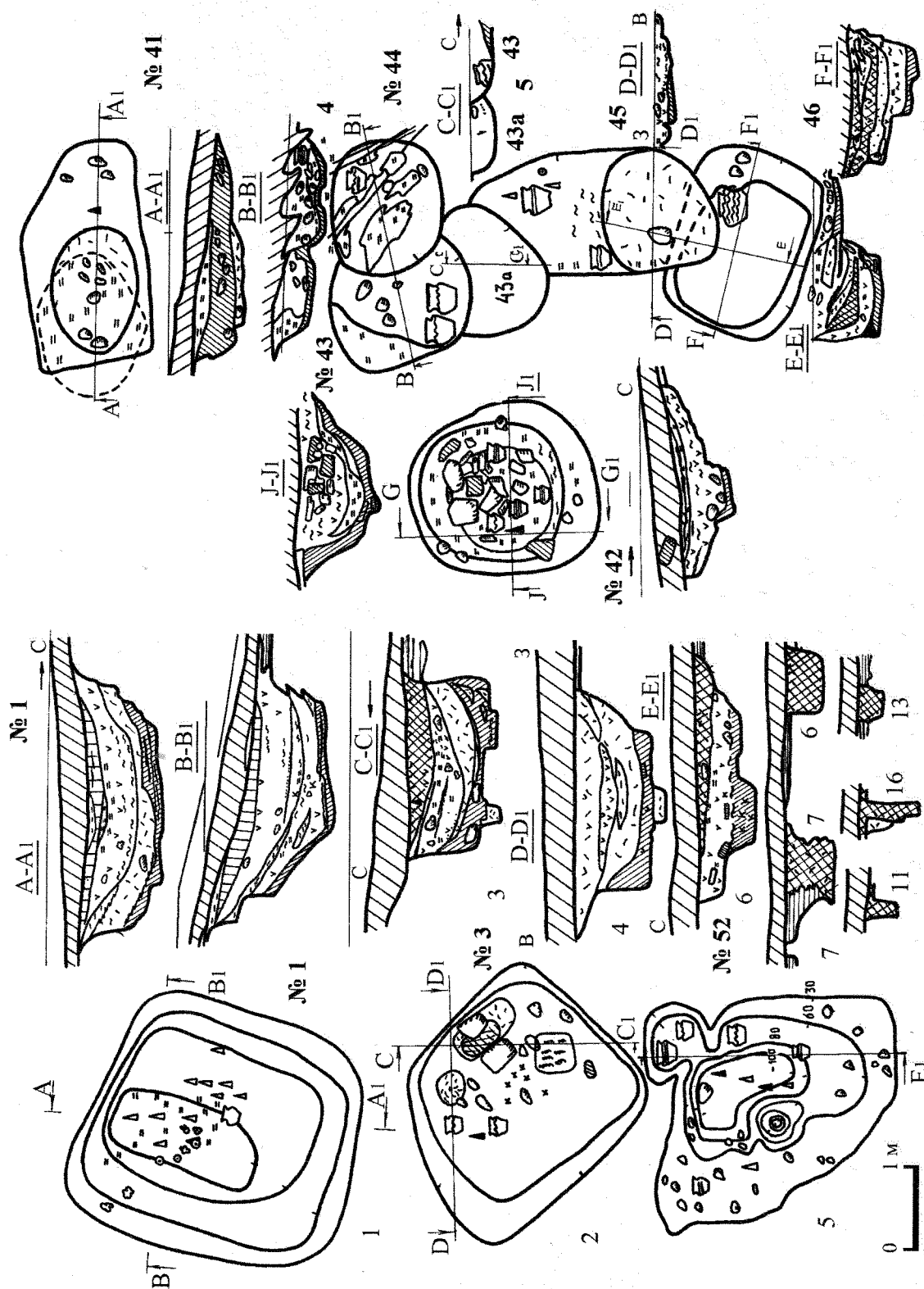

Рис. 7. Колтово 7. Подпечные ямы 1, 3, 52, 41-45

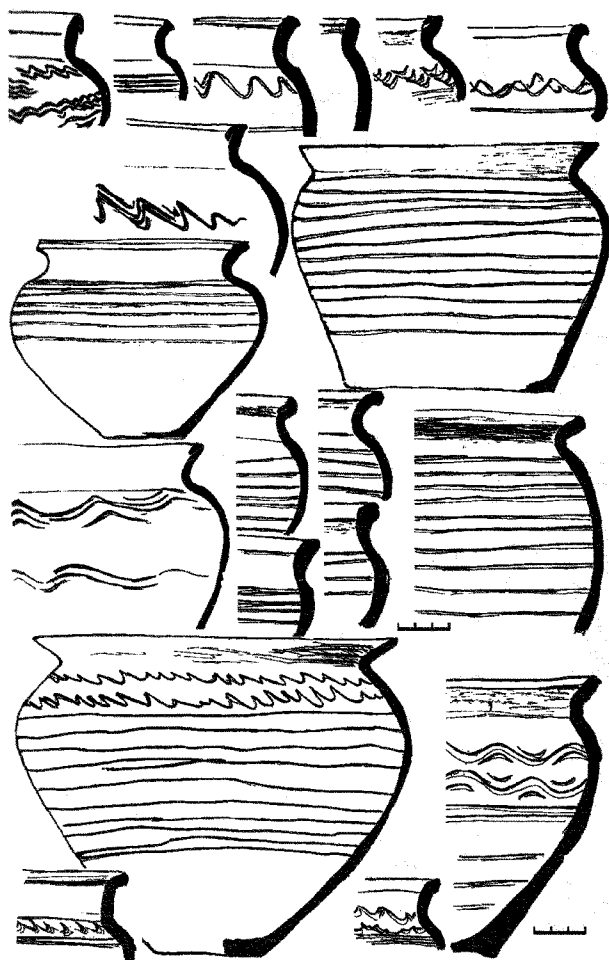

Рис. 8. Колтово 7. Керамика из ямы 1

Заполнение его, по-видимому, связано со строительством дома южнее погребя; 3 – погреб № 4 – нижний слой имеет те же строительные элементы, что и № 3: отвесные стенки, плоскодонные ямки. Также виден слой углей, – видимо, результат пожара; 4 – погреб № 1. Постепенно заполнялся с расширением при обрушении стенок. На позднем этапе существовал как подпечная яма; 5 – подпечная яма на месте погребя № 4.

Раскоп 2 площадью 252 кв. м находится в 40 м к югу от первого, на той же высоте, отделен от него прогибом, в котором не видно признаков культурного слоя. Сохранился погреб жилища (яма 52) в верхней, западной части раскопа, и следы столбовой конструкции с хозяйственными ямами ниже по склону. Через раскоп проходят древние промоины. Часть ям размыта.

Яма 52 имеет сложную форму (рис. 7, 5, 6). Прямые северная и восточная стенка позволяют определить ориентировку постройки, в которую она была вписана. Наклонное дно в западном отростке ямы – след спуска в погреб, который шел вдоль северной стенки. Он вел в наиболее глубокую часть в центре

погребя глубиной до 1 м, площадь которой составляла всего около 1 кв. м. К юго-западу от углубленной части был материковый уступ, высотой 35–40 см от дна углубленной части, на который был установлен столб диаметром около 20 см (дно этой столбовой ямы достигало глубины 1,4 м). На уровне верха уступа от углубленной части в три стороны отходили полки-ниши, на которых были найдены развалы сосудов. Вместе с нишами размеры погребя достигают 2,8–3,0 м.

Заполнение позволяет различать два периода существования постройки. Углубленная часть постепенно заполнялась, в ней встречаются отдельные черепки, один из красноглиняных горшков разбросан по полу, кости единичны. К моменту разрушения дома погреб был заполнен до уровня полок. Чуть выше уровня полки лежит линза золы, частью она продолжается и на полках. Именно здесь встречены камни печи, обмазка, керамика крупными кусками и основное количество находок. Максимум керамики был в северо-восточной нише, камни рассеяны по всей площади, много их при стенках ямы, так что определить место печи не удастся. В центральной части ямы много крупных костей животных: челюсти коровы, свиньи залегают наклонно. Обилие костей позволяет предполагать, что яма использовалась как свалка. Продолжало ли функционировать жилище в момент гибели поселения, или оно было заброшено несколько раньше – не ясно. Подобное свалочное заполнение могло возникнуть и в подполье. Горелых конструкций здесь не выявлено, а участок вокруг погребя был нивелирован пахотой.

Яма дала большую серию реконструируемых и реставрированных горшков. Всего по венчикам здесь достоверно выделяется не менее 62 сосудов, представленных несколькими фрагментами. Найдены также пластинчатый браслет без орнамента, пряжка, фигурная железная накладка на ремень с мелкими заклепками, фрагмент венчика стеклянного очень тонкого сосуда, фрагмент стеклянного браслета, роговая фигурка-фишка (рис. 4, 1–6), костяная булавка.

Ниже по склону от погребя № 52 был участок с группой из семи столбовых и, по крайней мере, четырех хозяйственных ям (№ 3, 7). Промоины могли разрушить еще несколько (расползшиеся ямы есть в нижних по склону частях раскопа). Большие ямы плоскодонны, ни в одной из них нет следов их использования как подпечных. Длина их 0,9–1,6 м при ширине 0,7–1,0 м, продольные стенки параллельные. В заполнении – темно-гумусированный суглинок с включениями материкового суглинка. Столбовые ямы невелики – диаметры их 15–25 см, при глубине до 20 см, дно закругленное. Только у двух самых глубоких ям диаметром 15–18 см дно было плоским. На этом участке переотложенный пахотой слой был более гумусирован, чем в других местах и содержал относительно больше керамики и других находок, а также, единичные кости. Здесь довольно много кусков железного шлака. Из индивидуальных находок – кресало прибалтийского типа с расширяющимся концом и петелькой на другом конце, кольцевая пружина от

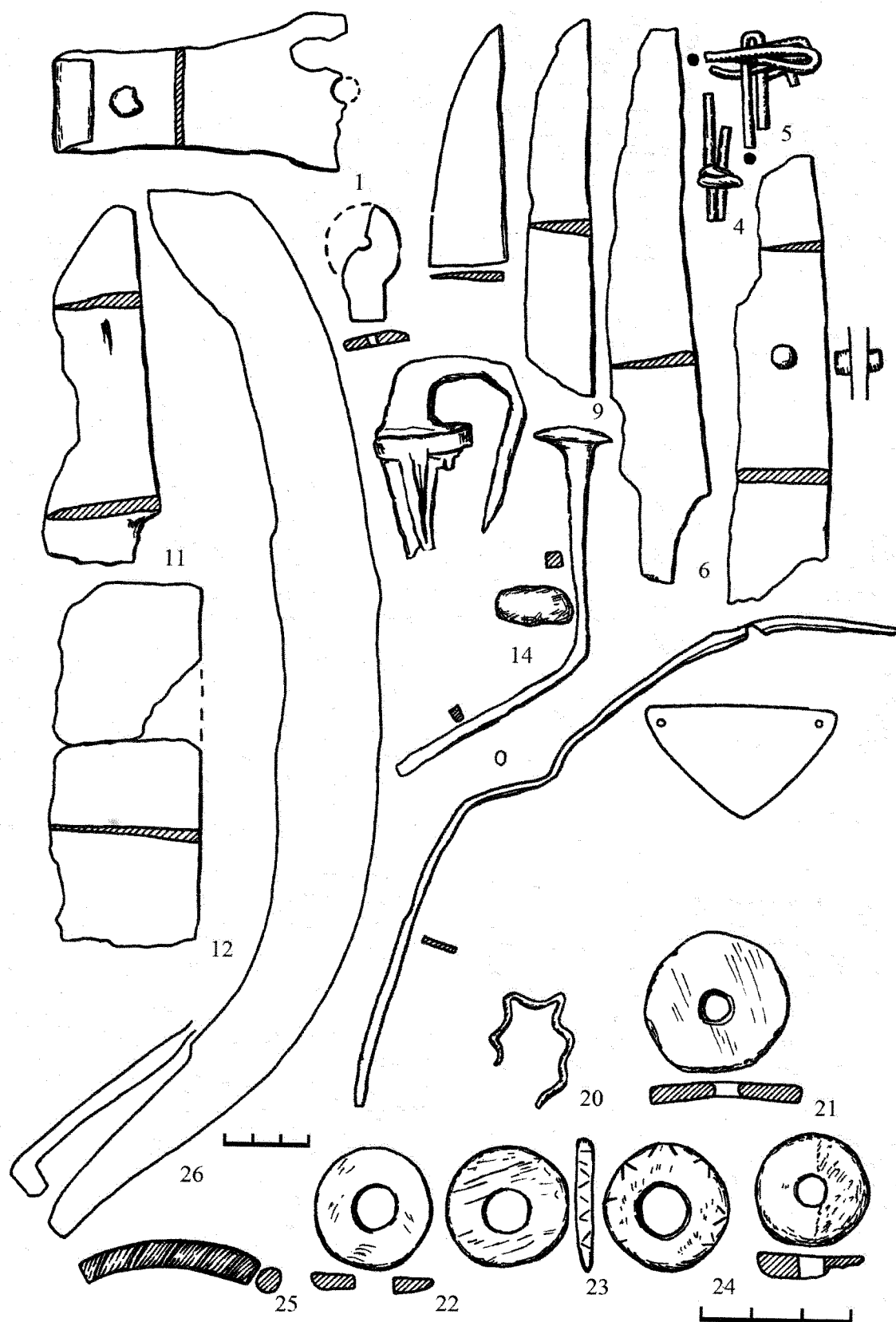

Рис. 9. Колтово 7. Индивидуальные находки

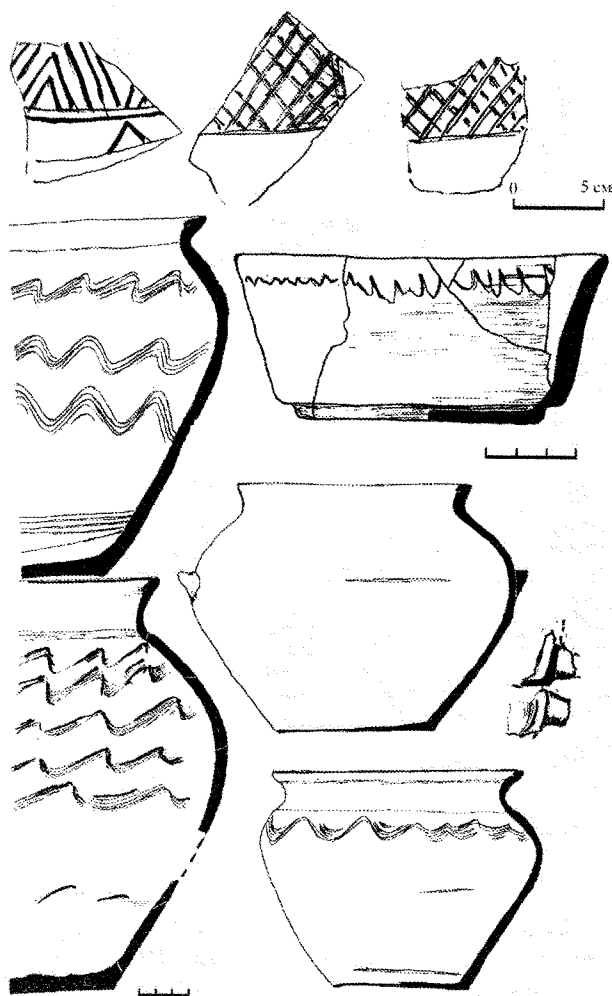

Рис. 10. Колтово 7. Керамика из ям 4 и 43.
Болгарская керамика из ямы 28

ножниц, фрагменты железа, мелких поковок, кованых гвоздей и заклепок, небольшой бронзовый крючок с бородкой – леска крепилась к расплюсненному концу (рис. 3, 6), стеклянный браслет. Скорее всего, здесь мы видим двор жилища с ямой-подпольем (№ 52). Компактность и однотипность ям позволяет видеть в них остатки какого-то производственного комплекса.

Выше по склону сохранилась часть подпечной ямы или погребя, очень недолго функционировавшей. Прямоугольное пятно углублено в материк на 10 см, в плане $2,3 \times 1,6$ м, ориентировка меридиональная, находок в нем почти нет.

Раскоп 3 почти соединился с раскопом 2 – их разделяет только полевая дорога – участок шириной 4 м. В прилегающих частях раскопов материковый суглинок выходит на поверхность, видимо, погребов здесь нет. В западной части раскопа 3 прослежена сложная картина сменявших друг друга подпечий (рис. 7, 4–6). По крайней мере, три из них функционировали в момент гибели поселения.

Яма 41 находится в 3 м к западу от ямы 28 и к северу от 43, ориентирована широтно. Это типичная

четкая подпечная яма подпрямоугольных очертаний (форма искажена тем, что значительная часть ее на западном конце срезана пахотой). Размеры $2,15 \times 1,50$ м. В западной части верх ее заполнения составляет развал глинобитной печи с камнями. Он ополз в почти полностью заполненную яму – над дном накопилось не менее 20 см грунта с золой и отдельными камнями. Донная часть в центре была углублена до начала функционирования ямы как подпечья еще на 10–12 см, но это углубление было засыпано, и пол ямы стал почти горизонтален. Находок в яме немного.

Яма 42 обособлена и не похожа на другие (рис. 7). Она в плане круглая с полого опускающимися к центру стенками (на уровне горизонта материка диаметр ее составлял 2,2 м). Натек на дне тонок и почти без находок, он нивелирует неровности центрального углубления на 12–15 см. Непосредственно на нем лежит слой печного мусора с красноглиняными вторично прокаленными черепками, среди которых встречен и слив красноглиняного кувшина, единственный на поселении. Нижнюю часть заполнения составляет глиняный коричневый прокаленный завал рухнувшей в яму печи. Он довольно однороден, мощность его в центре достигает 20 см, поднимаясь на стенки ямы, он убывает до 8–10 см. Выше – пестрый рыхлый суглинок с углями, многочисленными черепками, костями. Верхнюю часть заполнения составляет очень плотный завал из крупных обожженных камней. В основном это блоки известняка, среди которых есть два тесанных. Тут же, тоже обожженный, кусок гранитного жернова. Рухнувшая в яму печь падала с довольно большой высоты, поэтому оказалась полностью разбита. Она состояла из глиняного основания, верхняя часть стенок была каменная, почти без глины. Компактность скопления камней объясняется конической формой подпечной ямы, которая и сконцентрировала каменный завал. То, что здесь завал печи сохранил порядок, совпадающий с ее конструкцией, показывает, что смещение по горизонтали было минимальным.

Яма дала обильный керамический материал, часть сосудов реконструируется (рис. 6). Все они были разбросаны во всем заполнении, не образуя компактных развалов. Состав керамики этой ямы почти полностью повторяет содержимое ямы 52. Индивидуальных находок немного – это ключ железный (рис. 4, 8).

Достаточно определенно читается яма 46, самая южная в группе (рис. 7). Она врезана в слой жилища эпохи бронзы и частично перекрывается заполнением ямы № 45. Форма близка к овальной ($2,15 \times 1,50$ м), стенки отвесные, дно плоское на глубине 0,8 м, в западной части ямы – ступенька высотой 0,2 м при ширине до 0,6 м. При стенках и на ступеньке лежали камни и черепки одного крупного сосуда – диаметром до 38 см, с широкими плечиками, орнаментированного волной – густо по плечикам и разреженно по тулову. Венчик не сохранился. Сосуд отличается по форме и тесту от остальной керамики поселения. Он попал в яму на начальном этапе ее функционирования, когда накапливался натечный слой. Этапы заполнения маркируют прослойки с материковыми включениями. Первая лежит на 6–8 см выше ступеньки. Вторая обозначает закапывание ямы выбро-

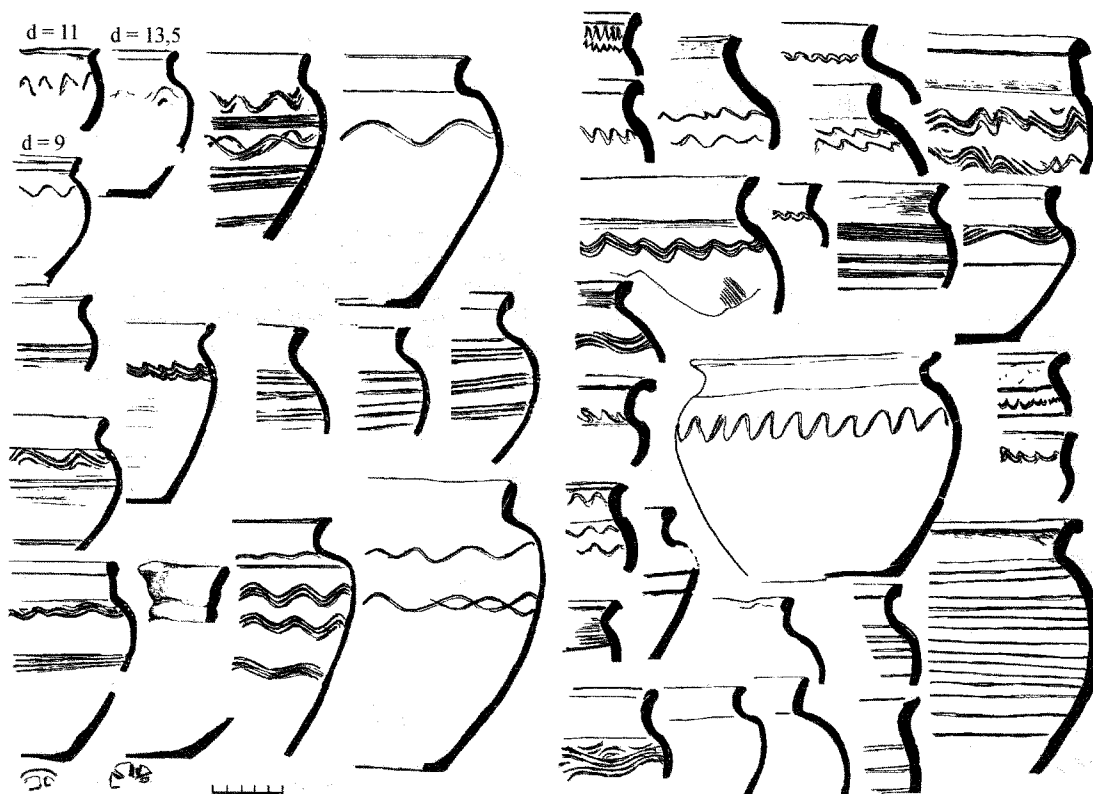

Рис. 11. Колтово 7. Керамика из ямы 3

сом (из ямы 45?). Наблюдается два этапа использования ямы, разделенных ремонтом. В верхнюю часть ее заполнения попадает довольно много костей, которых почти нет в нижней. Находок не много: обломок семилопастного височного кольца с орнаментом из верхней части заполнения (рис. 4, 2).

Ямы 43, 44, 45, 45а налегают друг на друга (рис. 7). Наиболее поздней здесь является яма 44. Яма 45 перекрывает яму 46, которая в таком случае оказывается наиболее ранней в этой группе, возможно, синхронной яме 43а, от которой сохранился небольшой сегмент. Вторая по времени – яма 45. Она плоскодонная, неглубокая, врезана в материк на 12 см, имела продольные параллельные стенки, скругленные концы, ширину до 1,6 м и длину до 2,5 м. В золистом заполнении керамика лежит на 5–8 см выше дна. Один из сосудов с очень пологими плечиками и волнистым орнаментом, на горле четырьмя короткими надрезами начерчен сдвоенный крест (рис. 12). Малая глубина может объясняться тем, что большая часть ямы здесь срезана. В яме находки малочисленны. Это пряслица – шиферное, известняковое, керамическое и из стенки сосуда, железные поковки, подвеска из тонкой трубчатой кости (рис. 4, 19–22).

Яма 43 срезает яму 43а, соотношение с ямой 45 не ясно. Она округлая, диаметром 1,2 м, дно плоское, в заполнении ее северо-западного сектора довольно много слабо прокаленной пещины. В яме на дне были развалы двух горшков, один стоял, другой простирался по дну ямы. Оба белоглиняные, с орнаментом в виде про-

черченной волны (рис. 10; рис. 12). Другие фрагменты измельчены. Находок в ямах немного: заготовка пряслица из стенки горшка, глиняная бусина, вполне аналогичная дяковским, керамическая поделка – расплюснутый шарик с зажимами (рис. 4, 23, 24).

Яма 44 врезана несколько глубже соседней. По верху они не разграничивались и смотрелись как единое овальное пятно с четкими внешними границами (диаметр 1 м) на фоне материка, но дно ее срезает придонные отложения в яме 43. Отличается обилием прокаленных камней и сильно обожженных кусков пещины, которые на северо-восточном конце ямы сливаются в сплошную массу. На ее фоне в золистом заполнении стоял белоглиняный горшок, попавший в яму вместе с остатками разрушенной печи, но сохранивший вертикальное положение. Горшок без орнамента, но с выступающими пеньками-ручками, прилепленными на максимальном диаметре.

Второй сосуд с ручкой найден был в яме 28 – фрагмент небольшой плошки с массивной круглой в сечении ручкой (рис. 10). Других сосудов с ручками на поселении не встречено. Стенки ямы 28 отвесные, дно неровное, ступенчатое, выстлано слоем золы, глубина в материке – до 26 см. Эта яма относится к финальному моменту существования поселения. Печь располагалась в 0,6–1,5 м к северо-востоку от ямы (судя по пятну прокала материка). Рядом с прокалом видны расплывшиеся небольшие ямки (яма 50), видимо, связанные с конструкцией основания печи. Других столбовых ям на этом участке нет.

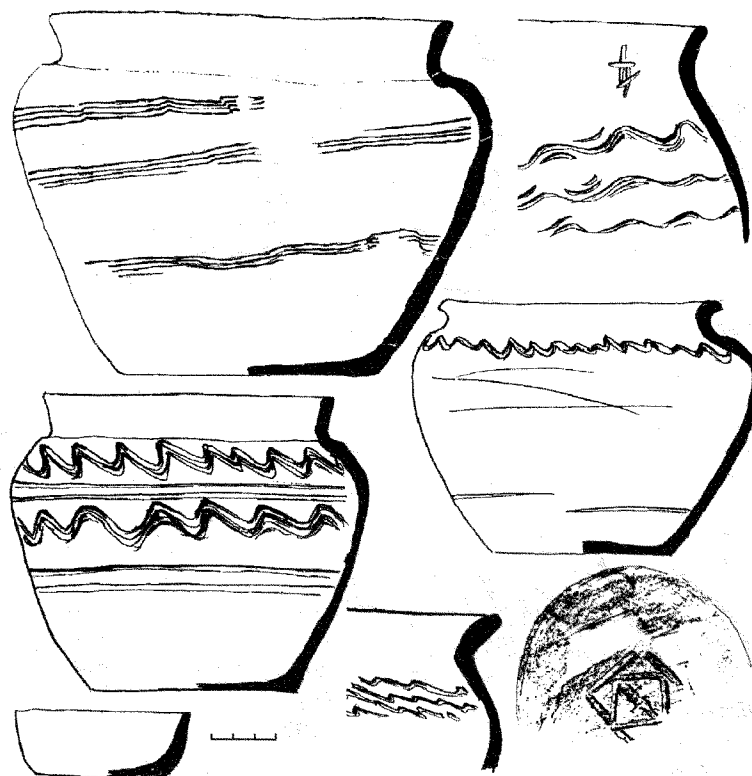

Рис. 12. Колтово 7. Керамика из ям

На западном конце раскопа прослежены остатки трех клеток с печами – ямы 26, 27 и 28 (рис. 5). Западное пятно (яма 26) – неглубокое подполье, среднее (яма 27) – обширный погреб долго существовавшего и перестроенного дома, восточная яма (яма 28) – обычное подпечье. На раннем этапе жилище было связано с печью, от которой сохранился след прокала на материке южнее погреба. Его подпечная яма была ориентирована широтно. Позднее она была включена в погреб, который имел длину 3,7 м при ширине 3 м, с ровным утоптаным полом на глубине 1,1 м. Ранняя печь может относиться к середине XII в. – в заполнении ямы встречаются широко рассеянные фрагменты керамики с обильной примесью дресвы и многорядным линейным орнаментом. Печь этого дома расположилась над северо-западным углом погреба, существовала она долго, часть материала из нее попала в заполнение нижней части котлована. Выступ по восточной стенке, ограничивающий древнюю подпечную яму с севера, и особенности изгиба слоев позволяют предполагать, что погреб имел перегородку, которая могла быть основанием внутренней стены в избе. Стенки временами обрушивались – таким оползнем в СЗ углу был накрыт целый горшок с клеймом на дне в виде птичьей лапы (рис. 13). На полу накопился слой темно-гумусированного суглинка мощностью до 0,6 м. У северной стенки рассеян в слое заполнения оригинальный сосуд: кубковидная чаша с выделенным дном, утоньшенным краем, орнаментированная мелкой неровной волной по лощеной

поверхности (рис. 10). Красно-оранжевая глина и лощение – характерные признаки болгарской посуды.

За счет обрушений подполье расширилось до $5,2 \times 4,0$ м. На этом этапе использовалась печь с включением блоков известняка. На позднем этапе в заполненный уже погреб врезана узкая подпечная яма с наклонным полом. Вход в нее был вдоль южной стенки постройки (по уже заполненной ранней подпечной яме, а сама подпечная яма протянулась вдоль западной стенки). Ширина ямы – около 1,0 м, длина до 1,6 м, дно на глубине 1,55 м. По краям ямы были вырезаны уступы-полки, что можно определить только по найденным здесь развалам горшков. Один из них имел на дне клеймо из вписанных друг в друга квадратов, бок его был смят при формовке (рис. 13). Печь оползла в подпечную яму с уступа у северо-западного угла. Стенки ее были из камней на обильном глиняном растворе, под не имел подмазки и определялся по ровному слою золы. Под камнями печи были найдены два куска эмали бивня мамонта. Прокал от печи распространялся на материковый уступ. Печь имела ширину около 1 м, о длине судить трудно, т. к. сохранилась только ее тыльная часть.

История существования этого дома может быть разделена на следующие этапы: 1 – дом первой половины XII в. с подпечной ямой к северу от печи в южной части жилого участка; 2 – дом с обширным погребом глубиной 1,1 м и печью с использованием камня над его северо-западным углом; 3 – обширный погреб, но уже неглубокий. Печь на том же месте;

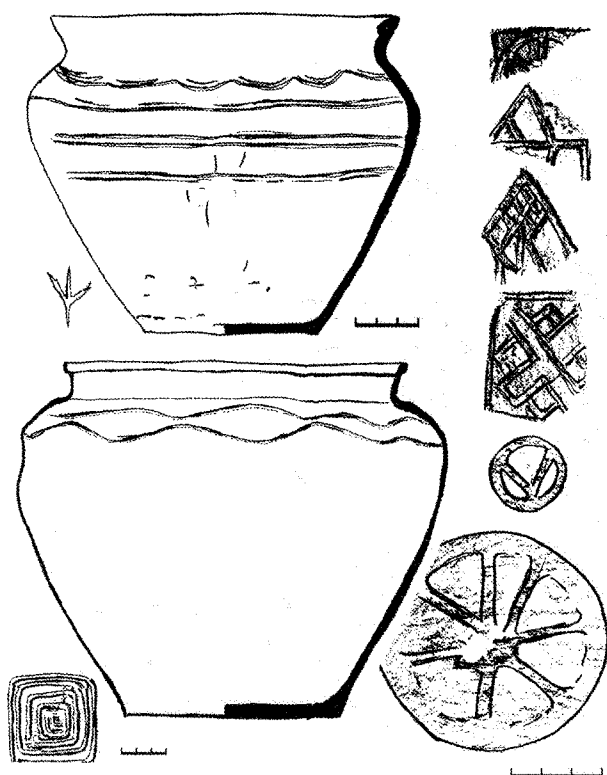

Рис. 13. Колтово 7. Керамика из ямы 27

4 — узкая подпечная яма с полками и печь-каменка на том же месте. В момент гибели постройки сторевшие балки падали в подпечье, оставаясь перпендикулярны стенкам. Они прослежены у южной и западной стен. Внешние их концы были на уровне краев ямы, концы, обращенные внутрь дома, опускаются до дна.

Яма 26 — это две неглубокие западины, разделенные материковым останцом шириной до 30 см и высотой 20–25 см. Он совпадает по направлению с выступом в восточной стенке большого котлована и уступом в поздней подпечной яме. Возможно, две смыкавшихся и отапливаемых клетки имели общие стены. Параллельно ему лежат обугленные балки толщиной 12–15 см, их верх — непосредственно под пахотным слоем. Здесь трудно судить, связан ли провал с материка вне западины с пожаром или с основанием печи. Куски печины были в заполнении на уровне балок, показывая, что печь стояла не на материке. Место ее не определяется. Вместе ямы имеют длину 2,8 м. Южная западина была размерами 2,2 × 1,5 м, с отвесными стенками, глубиной в материке 20–25 см, северная — 1,50 × 1,05 м, глубиной до 40 см. Развалы небольших тонкостенных горшков с волнистым многоярдым орнаментом были в углистом слое. Индивидуальных находок не много: железная скоба, очень сильно сточенный нож с рукояткой на штифтах (рис. 3, 23).

Третья яма в этой группе (28) — параллельна большому погребу, в 1,3 м от него. Входила ли она в единую постройку с № 26 и 27 — не ясно. Ее северный конец вылезает за пределы возможной единой стены. Размеры 2,90 × 1,35 м. Продольные парал-

лельные стенки отвесные, дно корытообразное на глубине 0,7 м. Заполнение показывает два периода функционирования ямы. По дну располагался слой черепков. Когда яма заполнилась на 45 см, непосредственно в яме была установлена печь: глиняная масса с вертикально установленными в ней камнями образует две дуги, замыкая пространство в 1,7 м. Внутреннее пространство печи — диаметром 1 м. В заполнении (в золе) много черепков, развал белоглиняного горшка. Эта печь функционировала на последнем этапе существования поселения.

Яма 27 дала самое большое количество керамики, но хронологический диапазон ее больше, чем в других ямах. Статистика встречаемости форм венчика здесь сильно отличается от той, что определена для других ям: если во всех остальных ямах венчики с загибом внутрь составляют три четверти комплекса, то в этой — около половины, а венчики с наружным отгибом и без отгиба встречаются вдвое чаще. Реконструированные сосуды относятся в основном к позднему этапу (кроме одного), ранняя керамика оказалась рассеяна в слое. Яма дала больше всего находок — железные фрагменты, ножи, бритва, гвозди, ведерные дужки, обойма от ножа. Есть и цветной металл — проволока от витых браслетов, небольшой латунный крестик, судя по вогнутости наружной поверхности, он имел эмаль; края и оборотная сторона сохранили следы подправки напильником. Здесь были найдены тонкая серебряная дужка серьги и семилучевое височное кольцо (рис. 3, 7, 8, 9). Много керамики было и в яме 28, в основном по дну. Реконструированы два горшка. Из индивидуальных находок — литое навершие плети из белой бронзы или олова с четырехлепестковой розеткой на выпуклой стороне вокруг отверстия (рис. 3, 11), небольшой гвоздь.

Западная постройка, таким образом, состояла из двух или трех отапливаемых клеток с печами разного типа. На позднем этапе подпечная яма была только у центральной. У западной печи тягу создавало неглубокое подполье, восточная печь располагалась даже в углублении. Разная конструкция печей предполагает их разное назначение, не только бытовое, но и производственное.

Типы построек на поселении могут быть реконструированы только по остаткам погребов и подпечных ям. Но и это — достаточно содержательные источники. Обширные погреба, существовавшие под жилищами — № 4, 28, со временем заполнились и превратились в подпечные ямы, куда попадали также кухонные остатки. Погреб на раннем этапе имели столбы, поддерживавшие настланный пол в доме (№ 3, 4, 52), в дальнейшем столбы не используются. В некоторых небольших погребах существовали ниши-полки (№ 42, 27 на позднем этапе).

Поселение возникает в середине XII в. (ямы 2, 27), но только в начале XIII в. существуют все отмеченные постройки, некоторые из них претерпели несколько реконструкций (до четырех). Избы наземные, углубленных построек нет, нет также столбовых конструкций (кроме какого-то специализированного участка к востоку от ямы 52). О завалинках, подсып-

ках площадок нет данных (дневная поверхность не сохранилась). Размеры клеток – не менее $4,0 \times 5,0$ м, а клеть с ямой 27 – не менее $4,5 \times 6,0$ м, это весьма крупная постройка, да еще с примыкающими к ней дополнительными клетями. Печи были подняты, надо думать, на рубленные опечки, без использования столбов (сомнительный случай – яма 50). В конструкциях печей использовались глина и камни, главным образом, известняк, но в дело шли и куски жерновов. Печи ставились на краю подпечных ям или погребов, перекрытых настилом пола. Диаметр основания печей – около 1,5 м. Судя по ориентировке ям, печи располагались в противоположном входу углу (в красном углу). Такая ориентировка характерна для многочисленных рязанских жилищ.

Материал Колтово 7 интересен как серия закрытых комплексов, сформировавшихся около 1220–1237 гг. Он показывает, что керамика этого времени очень сильно отличается от ранней гончарной курганного типа высоким качеством. Это работа ремесленников-профессионалов, хотя вместе с ней продолжала использоваться посуда, не отличающаяся от курганной.

Керамическая коллекция насчитывает около 8 тыс. обломков (учитывая крупнее 5 кв. см). Описание может вестись пососудно, реконструируются десятки сосудов (рис. 6; рис. 8; рис. 10–13). Не все ямы дали обильный керамический материал, наиболее богаты ямы 1, 27, 42 и 52, каждая из которых дала серии в десятки реконструированных сосудов, связанных с финальным моментом существования поселения.

Использовалась в основном беложгущаяся глина с добавкой сильно измельченной и сортированной дресвы. Красножгущейся – не более четверти по количеству фрагментов и около трети – по венчикам. Серая – это группа, цвет глины в которой не ясен из-за низкой температуры обжига. Применялась и мешаная глина, дающая розовый, желтый цвет. Отщитель – в 80–90% случаев – мелкая сортированная дресва. Крупной дресвы не использовали, опесчанность заметна у немногих, есть сосуды из чистой глины без искусственных добавок. Органических добавок не встречено. Формы бело- и красноглиняных сосудов, оформление венчиков и характер подсыпки дна не различаются. Выделяются только около 4% сосудов, которые могут быть остатками раннего комплекса – их отличает более крупная дресва в тесте, более широкие зоны орнамента, венчики преимущественно без отгиба, глина в основном красная. Они встречены в ямах 2, 27, 42, 45, 52.

Работа гончаров, в основном, высокопрофессиональна, и на этом фоне грубые, непрофессиональные горшки резко выделяются. Наружная поверхность, как правило, хорошо заглажена, некоторые белоглиняные практически лощены. Преобладают тонкостенные (в том числе крупные), местами толщина стенок составляет всего 2 мм (на плечиках, иногда – на доньшке), нормальная толщина 5 мм, максимальная (до 8 мм) – только у самых крупных горшков.

Подавляющее большинство сосудов – стандартные горшки. Немногие из них имеют слабую профилировку и пологие плечики. Горизонтальное положение

плечика не встречается, хотя около половины имеет неглубокий желобок, проглаженный на стыке горла и тулова с невысоким, но четким ребром. Шейка, таким образом, подчеркнута. Короткая шейка крайне редка и сочетается с пологими плечиками, что придает таким сосудам архаичный вид (возможно, что они действительно из ранней примеси в поздних комплексах: у этих сосудов дресва грубее, глина красная).

Отгиб горла – от вертикального до 45° , наклонные внутрь и отогнутые наружу горизонтально края крайне редки. Оформление края разнообразно: большинство имеют загнутый в внутрь отгиб, отгиб наружу имеют не более четверти горшков. Примазка отгиба плотная, и чаще всего венчик смотрится как утолщенный, стык читается с трудом и в основном у красных горшков. Простой, без отгиба, венчик характерен для комплекса из ямы 27, в других он редок. Оформление обреза венчика разнообразнее – есть приостренные, с желобком, утоньшенные, ограниченные, с продольным желобком на внешней стороне. Во всех случаях утолщение венчика незначительно.

Максимальный диаметр приходится на верхнюю четверть тулова, и только у сосудов с архаичными признаками он опускается к верхней трети или середине общей высоты. Выпуклость боков в придонной части незначительна, придонная часть – усеченно-коническая. Закраины не встречаются, угол дна четкий. На дне – следы подсыпки мелкого песка, в том числе и на тех, где читается клеймо, реже видна подсыпка золы, дресва для подсыпки почти не использовалась. Срез не встречается. Диаметр круга невелик, и порой возникает свисающий с него бортик.

Размеры горшков, видимо, имели несколько стандартов, и скорее всего, они были заданы именно диаметром круга. Дно в основном имеет диаметр в половину диаметра горла. Максимальный диаметр не столь определен. Высота в основном совпадает с диаметром по венчику, хотя есть и низкие формы, которые функционально могли служить мисками, хотя оформлены как горшки. Стандартные диаметры венчиков 11–12, 16, 18–19, 22 см. Единичные сосуды миниатюрные – 8–9 см и очень крупные – 26–38 см. Оригинальных форм не много. Единичны небольшие плошки и чаши без профилировки горла. Обломок кувшина всего один, крышек нет.

Если керамика ранней группы, малочисленная на наших раскопах, не отличается от курганной и в изобилии представлена на участке посада, а также на соседних селищах, то основная часть материала погребов и подпечных ям носит иной характер – это продукция гончаров-профессионалов. По качеству она ближе к городской керамике XIV–XV вв., но она входит в закрытые комплексы с датирующим материалом и характеризует уровень продукции кануна монгольского нашествия. Аналогии ей можно найти в материалах ближайшего из исследованных древнерусских городов – Ростиславля (Коваль, 1996; 2004), Переяславля Рязанского, Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995; Стрикалов, 2003). Но это – только отдельным сосудам и деталям. Ряд устойчивых признаков здесь иной: очень высок процент белоглиня-

ной посуды, гораздо чаще используется в орнаменте волна, намечено острое ребро на плечике, — признаки, скорее, характерные для XIV в. названных памятников, чем для XIII в. Видимо, хотя основные традиционные формы у них едины, Колтеск в начале XIII в. начал обслуживаться особым керамическим центром, и именно его элементы возобладали после восстановления хозяйства, разрушенного нашествием.

Домонгольский характер керамического комплекса подтверждает находка сосуда, не отличающегося от типичных сосудов селища, в отвале разграбленного кургана ближайшего Корыстовского могильника.

Колтово 7 — заметно отличается от сельских поселений. В первую очередь — это наличие больших подполий, настилов полов, обеспечивших высокое положение печей. Непосредственно на поверхности земли печи ставились только на раннем этапе. Своео-

бразен состав инвентаря, тоже не совпадающий с селищенским: стеклянные браслеты (хотя их немного), панцирная пластина, писало, жиковина небольшого ларца, болгарская и стеклянная посуда характеризуют скорее городской быт. О ремесленном характере занятий говорит присутствие шлаков — железных и керамических. Использование в конструкциях печей кусков тесаного известняка может говорить о наличии белокаменного строительства в городе.

Во время упоминаемых в летописи событий середины XII в. Колтово 7 еще не было пригородной слободой, хотя отдельные постройки здесь уже появились. Но в начале XIII в. уже существуют усадьбы на всех раскопанных участках, и своеобразие быта говорит о пригородном его характере. Расцвет поселения приходится на годы, непосредственно предшествовавшие монгольскому нашествию.

Литература

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмоскovie. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.

Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневе-

ковой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП. М.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округа // Русь в XIII: Древности темного времени. М.

V.V. Sidorov

Koltovo 7 — a *sloboda* in the town of Koltesk

Summary

The article presents the results of archaeological excavations at a settlement near the site of the town of Koltesk which is mentioned in the chronicles. The

site is near the modern town of Kashira in the south of the Moscow region. The settlement functioned in the 12th — 13th cc.

А.В. Алексеев

Археологические исследования Успенского собора в подмосковном Звенигороде

Звенигородский Успенский собор на «Городке» — не только единственная древняя постройка, сохранившаяся на территории Звенигородского городища, но и самый старый из дошедших до наших дней памятников раннемосковской архитектуры (рис. 1). Построенный в конце 1390-х годов князем Юрием Дмитриевичем (1374–1434), сейчас он является связующим звеном между лучшими произведениями владимирского белокаменного зодчества домонгольского времени и архитектурным наследием великокняжеской Москвы конца XIV — первой половины XV в. (Рыбаков, 1949. С. 127).

Исследователи древнерусской архитектуры стали интересоваться этим памятником уже более 160 лет назад. В 1847 г. И. Снегирев дал краткое описание собора в качестве текста к гравированному изображению памятника в работе А. Мартынова «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (Снегирев, 1847. С. 1–3). В 70-х годах XIX столетия собором занимался известный исследователь древнерусской архитектуры Л.В. Даль (1874. С. 14–16; 1875. С. 133). Им были сделаны первые обмеры собора. В 1885 г. Н.В. Никитин и А.П. Попов, обследовали и более точно обмерили собор (Попов, 1886. С. 55, 62, 68–72).

В 1918 г. для изучения Успенского собора была организована экспедиция Централных реставрационных мастерских, целью которой было раскрытие и консервация обнаруженной на западных гранях восточных пилонов храма первоначальной фресковой росписи. Н.Д. Протасов, по инициативе и под руководством которого проводилась экспедиция, считал возможным приписать эту живопись Андрею Рублеву. Тогда же на Городке был найден «Звенигородский чин» — выдающийся памятник древнерусской живописи (Грбавь, 1926. С. 91–95).

В 1920 г. П.Д. Барановским совместно с Н.Д. Протасовым предприняты первые археологические исследования в соборе (рис. 2, 1). Целью шурфовок был поиск следов древней каменной алтарной преграды (Бычков и др., 1996. С. 112).

В 1941 г. к изучению Успенского собора приступил Музей Академии архитектуры СССР (группа архитекторов под руководством В.А. Каульбарса), но с началом Великой Отечественной войны работы пришлось свернуть (рис. 2, 2). Удалось произвести только предварительное обследование памятника, заложить два шурфа (один из

шурфов был заложен у стыка стен южной и средней апсид собора) и начать обмеры (Огнев, 1955. С. 21).

В 1941 и 1946 гг. собор обследовал П.Н. Максимов. Результаты этой работы были изложены в статье «К характеристике памятников Московского зодчества XIV–XV вв.». В статье впервые была дана схема реконструкции первоначального вида собора (Максимов, 1949. С. 210–214). В 1943 г. собор осматривал Б.А. Рыбаков, проводивший археологические раскопки на Городке. На юго-восточном пилоне исследователю удалось обнаружить уникальные надписи-граффити конца XIV в., нанесенные на поверхность белого камня в короткий промежуток времени между постройкой здания и его росписью (Рыбаков, 1949. С. 127). В 1945–1946 гг. архитектурные обмеры древнего храма продолжило Главное управление по охране памятников и Музей Академии архитектуры СССР (Огнев, 1955. С. 21).

В 1949–1952 и 1954 г. исследование звенигородского Успенского собора проводил Б.А. Огнев (рис. 2, 3). В результате этой работы удалось выяснить форму и конструкцию основных элементов памятника, составить уточненную реконструкцию его первоначального вида, сделать выводы относительно некоторых профессиональных приемов, употреблявшихся его строителями (Огнев, 2008. С. 203–275).

В конце 1940-х — начале 1950-х годов над фресками Успенского собора работала В.Г. Брюсова (Брюсова, 1953). В 1969–1972 и 1983 г. большая работа по расчистке и укреплению древних фресок собора велась под руководством В.В. Филатова (Филатов, 1995. С. 379).

Очередную попытку археологического изучения Успенского собора предприняла в 1986 г. А.А. Юшко (рис. 2, 4). Для того чтобы проверить, не было ли под фундаментом Успенского собора более ранней плинфяной постройки, у северо-восточного угла собора была заложена двухметровой ширины траншея. Однако следов предшествующего храма исследователю обнаружить не удалось (Юшко, 2005. С. 31).

Небольшие рекогносцировочные работы в соборе проводились В.М. Пустоваловым в марте 2004 г. (рис. 2, 5). Было произведено обследование состояния белокаменного покрытия пола и заложен шурф

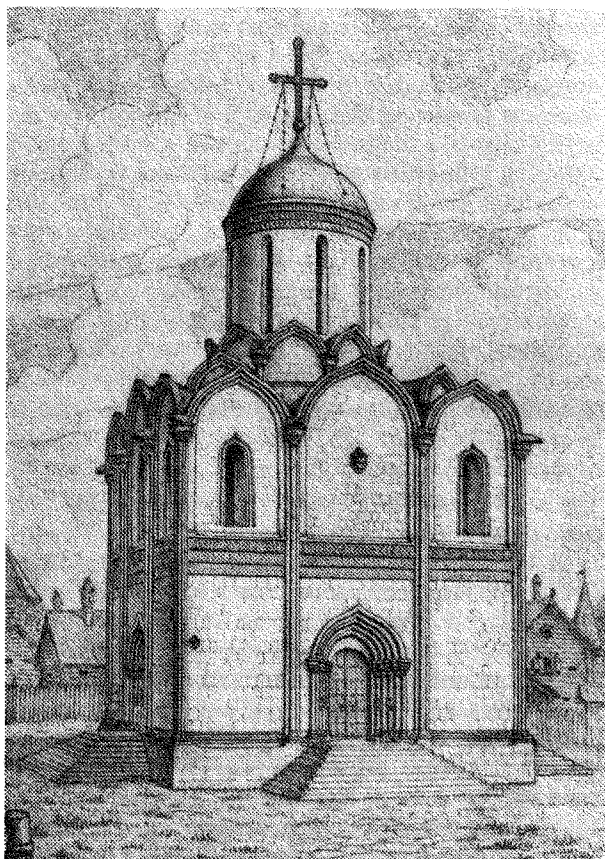

Рис. 1. Звенигородский Успенский собор.
Реконструкция Б.А. Огнева, 1950 г.

с целью определения его первоначального уровня (Егорова, Пеньковский, Пустовалов, 2004)¹.

В 2008–2010 гг. Звенигородским историко-архитектурным и художественным музеем были возобновлены археологические исследования у стен Успенского собора (рис. 2, 7–9)². Как неотъемлемая часть будущих реставрационных работ на этом интереснейшем памятнике, раскопки необходимы для того, чтобы определить современное состояние фундаментов древней постройки. Самая же важная задача, стоящая перед сотрудниками музея, — максимально тщательное изучение окружающего собор культурного слоя, в котором отразилась и сохраняется потенциально бесконечная информация о жизни храма от начала возведения до настоящего дня. Раскоп 2008 г. площадью 24 кв. м был заложен у северного фасада церкви. Раскоп 2009 г. располагался за алтарем. Его

площадь составила 31 кв. м (рис. 3). Исследования 2010 г. (24 кв. м) были развернуты у южного и западного фасадов.

В процессе работ удалось выяснить, что мощность культурных напластований у стен Успенского собора достигает более метра (рис. 4). Верхние пласты, окружающие памятник, представляют собой разного рода завалы строительного материала, отложившиеся во время его неоднократных ремонтов в XVII–XIX вв. Здесь собрана интереснейшая коллекция архитектурных деталей и частей великолепного декора, сбитого в свое время со стен. Так, среди находок выделяются белокаменные резные капители полуколонн, профилированные части тяг закомарных обрамлений, куски профилировки цоколя, грифы (когти) баз порталов, фрагменты замечательной поясной резьбы и поребрика, многочисленные обломки зеленой поливной черепицы. Сейчас они существенно обогащают наши представления о первоначальном внешнем виде древнего здания. Наиболее важным открытием исследований 2009 г. стало обнаружение частей белокаменных кокошников небольшого размера. Найдены детали, принадлежавшие, по крайней мере, семи или десяти кокошникам с килевидными заострениями и тимпанами. Все фрагменты кокошников залегали по периметру алтарной части храма и располагались полосой приблизительно в проекции карниза апсид. Кокошники имели ширину около 60–70 см. Вынос архивольта, вытесанного из одного блока с тимпаном, составляет от 2,5 до 3,5 см. Ширина архивольта около 10 см. Лицевая поверхность деталей отесана чрезвычайно тщательно. Задняя сторона обработана гораздо грубее, здесь заметна выбранная четверть. На внешней стороне некоторых кокошников сохранились следы окраски суриком по тонкому левкасу.

Обнаруженные фрагменты не могут относиться к кокошникам, располагавшимся в основании барабана собора, так как там они имели более крупные размеры. Скорее всего, найденные в раскопе кокошники украшали карниз алтарной части храма. Такие же небольшого размера кокошники с килевидным завершением могли располагаться по карнизу барабана Успенского собора (Евдокимов, 2010. С. 18–19).

Среди завалов строительного мусора, в верхних напластованиях культурного слоя были также найдены многочисленные обломки штукатурного левкаса со следами живописи начала XV в. Археологические фрагменты древней штукатурки имеют хорошую сохранность красок и идентичны фрескам рублевского времени, расчищенным реставраторами в интерьере Успенского собора³.

¹ Следует добавить, что в 2006 г. Г.С. Евдокимов (ЦНРПМ) предпринял рекогносцировочную шурфовку у юго-восточного пилона храма (рис. 2, б), а в 2009–2010 гг. древние надписи-граффити, сохранившиеся на северной стене и на западном портале собора копировал и изучал А.Н. Медведь (РГГУ).

² Раскопки 2008 г. проводились совместно с А.В. Лазукиным и Г.С. Евдокимовым, в 2009–2010 гг. исследования осуществлялись под руководством автора при участии архитектора ЦНРПМ Г.С. Евдокимова.

³ Ссылаюсь на мнение кандидата искусствоведения В.Д. Сарабьянова (Межобластное научно-художественное реставрационное управление), посещавшего раскоп и дававшего ценные советы и методические рекомендации по полевой консервации и реставрации обнаруженных нами фресок.

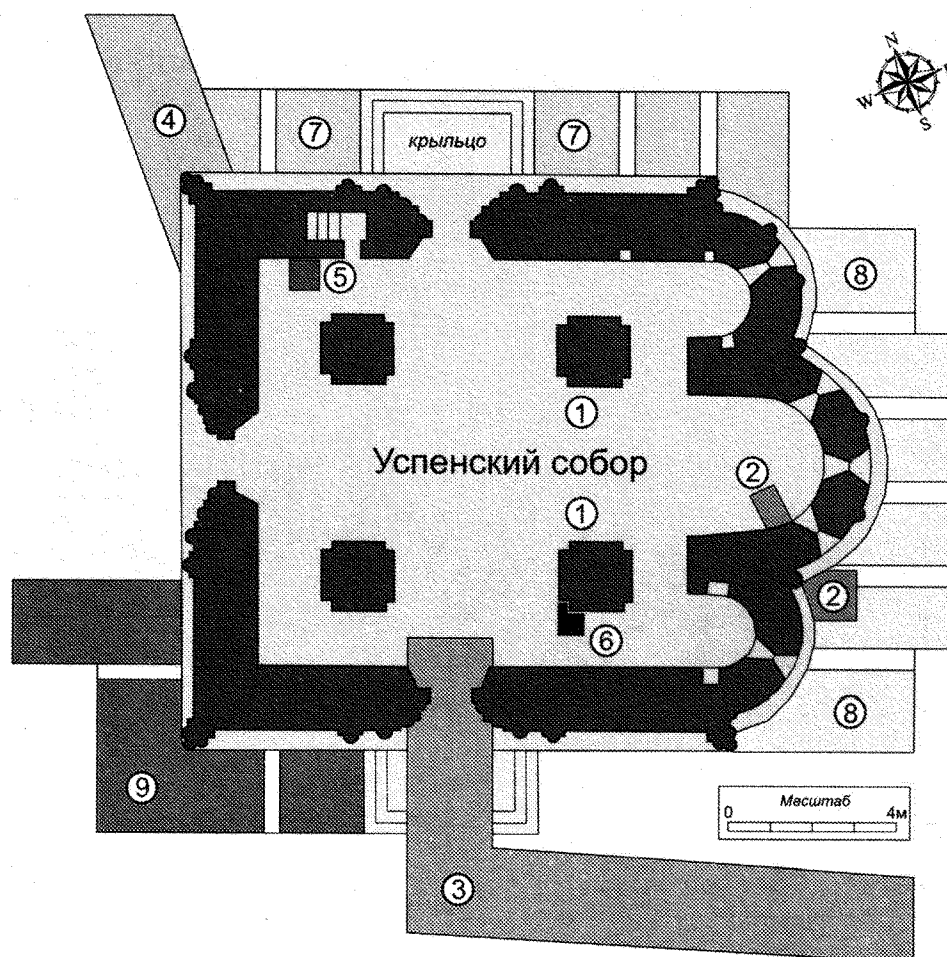

Рис. 2. Схема расположения раскопов и шурфов разных лет

- 1 – шурфы П.Д. Барановского и Н.Д. Протасова предположительно 1920 г.; 2 – шурфы В.А. Каульбарса 1941 г.;
 3 – траншея под надзором Б.А. Огнева 1954 г.; 4 – траншея А.А. Юшко 1986 г.; 5 – шурф В.М. Пустовалова 2004 г.;
 6 – шурф Г.С. Евдокимова 2006 г.; 7 – раскоп А.В. Лазукина и А.В. Алексеева 2008 г.; 8 – раскоп А.В. Алексеева 2009 г.;
 9 – раскоп А.В. Алексеева 2010 г.

Слои XV–XVI вв. за алтарем собора оказались насыщены костными остатками домашних и диких животных, птиц и рыб. Собрано 523 образца (фрагменты черепов, челюсти, отдельные зубы, позвонки и кости конечностей). Видовая принадлежность млекопитающих (перечислены по мере убывания): крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинья, лось, кабан, благородный олень. Птицы представлены домашней курицей, гусем серым, тетеревом, глухарем, галкой. Виды рыб: осетр, севрюга, щука⁴. Часть костей млекопитающих имеет характерные следы кухонной разделки (порезы, порубы), большое количество крупных трубчатых костей оказалось расколотого. Все эти находки позволяют предполагать, что в период, когда вокруг со-

бора еще не начал формироваться позднесредневековый некрополь, у его стен (за алтарем), устраивались всякого рода городские общественные мероприятия – пиры, престольные праздники, братчины⁵. Древнейшие общественные пиры – «братчины», «ссыпчины», «никольщины» – играли в жизни средневекового города большую роль. Братчины собирались обычно возле церкви или на монастырском дворе, и сочеталась с храмовыми, наиболее чтимыми годовыми праздниками («Никольщина», «Михайловщина», «Кузминки», «Покровщина» и т. п.). Братчины упоминаются источниками еще в середине XII в. Так, по сообщению Ипатьевской летописи под 1159 г., полочане хотели заманить князя Ростислава Глебовича: «...и начаша Ростислава звати лъстью оу

⁴ Определение кандидата биологических наук А.П. Николаева (МГУ).

⁵ После завершения праздничных трапез, проводившихся за алтарем собора, остатки ритуальной пищи (кости, скорлупу яиц, корки, крошки и пр.), скорее всего не выбрасывали, а преднамеренно оставляли у стен храма как сакрализованные предметы. Следует подчеркнуть, что кости животных были обнаружены именно за апсидами собора, т. е. в наиболее престижной, сакрально значимой зоне, где обычные бытовые и кухонные отходы, как правило, не аккумулировались в культурном слое.

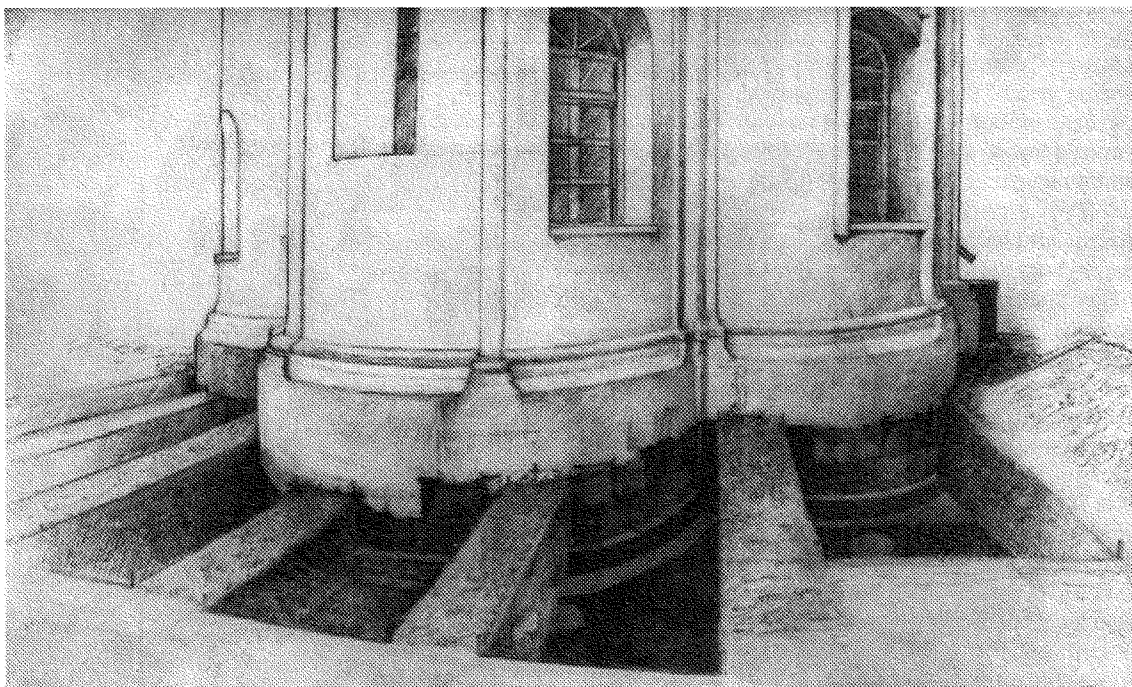

Рис. 3. Раскоп 2009 г. Общий вид. Рисунок Т.Н. Шушуновой

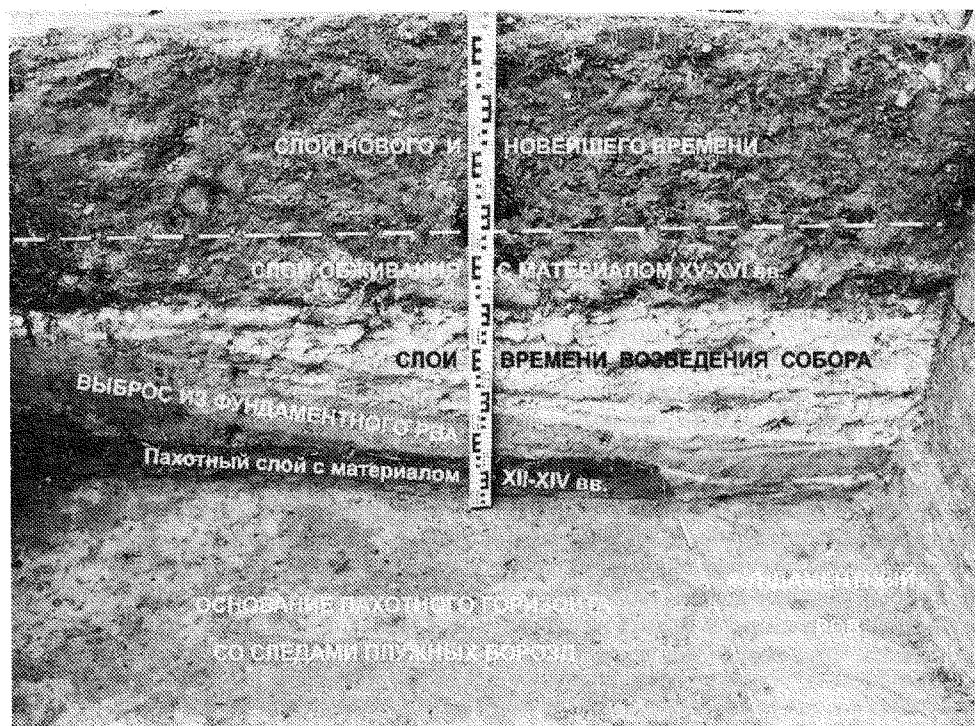

Рис. 4. Раскоп 2008 г. Стратиграфический разрез свиты культурных напластований

братыщину к святей Богородици к Старей, на Петров день...» (ПСРЛ, 1998. С. 495).

В средневековых городах братчина объединяла ту или иную корпорацию, а в отдельных случаях – и всю городскую общину вместе с клиром. Братчины обязательно сопровождалась коллективной праздничной трапезой, устраиваемой вскладчину («ссып» – деньгами или продуктами). Для такой общественной трапезы на Русском Севере сообща выкармливали и закалывали жертвенное животное – быка, вола или барана – и варили в большом котле. Трапезный стол был длинным («порой саженой до 30»), а мясо из котла делилось на две части: церковному причту и прихожанам по числу семей. Помимо мяса жертвенными продуктами были хлеб, воск и мед, из которого варили традиционный «канун» – пиво. Из Уставной грамоты митрополита Киприана 1391 г. Царево-Константиновскому монастырю близ г. Владимира следует, что в сельских братчинах мог участвовать игумен монастыря: «*А в которое село придет игумен в братышину, и сынци дадут по зобне овса конем игуменовым*» (АСЭИ, 1964. С. 16–17).

По всей видимости, братчины восходят еще к общинным праздникам, носившим когда-то аграрный характер, но постепенно они утратили свои наиболее яркие архаические черты и со временем слились с храмовыми, или престольными, праздниками, которые были так широко распространены в селах и городах (Рабинович, 1978. С. 136–140).

Таким образом, можно сказать, что новая соборная площадь отчасти наследовала функции прежней вечевой площади Городка древнерусского времени.

Строительный горизонт времени возведения собора (конец XIV в.) также оказался чрезвычайно интересен. Он состоял из тонких прослоек извести и слоя плотно слежавшихся мелких отесков белого камня и известковой крошки. Его максимальная мощность наблюдалась в непосредственной близости от фундамента и достигала 20–25 см. По мере удаления от стен толщина этого слоя уменьшалась, и он выклинивался. Данный слой отложился во время работы мастеров-резчиков по камню, создававших орнаментальные пояса по стенам основного объема и апсидам. Наличие этого слоя является лишним доказательством тому, что сложнейшая по исполнению, прекрасно скомпонованная изысканная резьба высекалась непосредственно на стенах собора, уже после укладки «чистых» белокаменных блоков на место (Огнев, 2008. С. 227).

В слое строительства зафиксированы столбовые ямы диаметром до полуметра. Это следы от опор строительных лесов, демонтированных по окончании возведения и отделки храма. Ниже известкового слоя залегал прослой коричневого суглинка, который является выбросом из фундаментного рва собора. Именно этот суглинок перекрыл и надежно законсервировал напластования, отложившиеся на этом участке в XII–XIV вв. Вкрапленный извести здесь не было отмечено вовсе, а среди находок следует выделить биконическое шиферное пряслице, фрагменты стеклянных браслетов, литой бронзовый бубенчик с щелевидной прорезью, обломки древнерусской керамики домон-

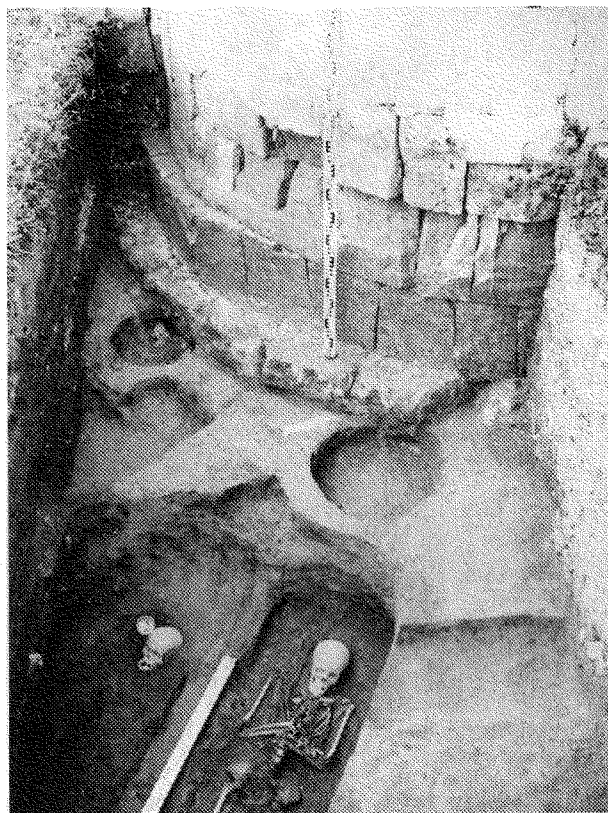

Рис. 5. Раскоп 2009 г. Один из участков после выборки ям, заглубленных в материк

гольского времени и XIII–XIV вв. Все, что обнаружено в этом слое – типичный набор предметов, характерный для культурных слоев большинства древнерусских городов. Интересна свинцовая пломба так называемого дрогичинского типа с плохо читаемой надписью, которая была обнаружена в самом нижнем предматериковом слое раскопа 2010 г. Эта находка указывает на то, что здесь, на Городке, могли храниться какие-то опечатанные ценности, а возможно и официальные документы, акты, грамоты.

Важнейший вывод, который удалось сделать в ходе исследований, – собор построили не на княжеском дворе, как считалось ранее, и не на месте предшествовавшего храма, следы которого на территории Городка пока не обнаружены. Собор был воздвигнут на распаханном пустыре, в который превратилась древняя торговоевечевая площадь города. По всей видимости, разорение Звенигорода Тохтамышем в 1382 г. было так сильно и опустошительно, что даже и через десять лет после этого внутри городских стен оставались свободные пространства, использовавшиеся уцелевшими жителями под свои сельскохозяйственные угодья. Центральная городская площадь в конце XIV в. распаивалась, о чем красноречиво свидетельствуют следы борозд от плуга, хорошо видимые в слое, предшествовавшем началу каменного строительства (в раскопе 2008 г.).

Некрополь Успенского собора был представлен исключительно поздними погребениями конца XVII – XIX в. (рис. 5). Все могильные ямы переби-

Рис. 6. Раскоп 2009 г. Основание фундамента у стыка южной и средней апсид собора

вали слой строительства церкви, а в их заполнении присутствовали поздние типы керамики, кирпичный бой, фрагменты поливной черепицы, стекло. Погребенные здесь лица (дети, подростки, две женщины и несколько мужчин средних лет), вероятно, были из числа «соборян», проживавших на Городке, и являлись родственниками священнослужителей храма. Исследованные в раскопах погребения сопровождались предметами личного благочестия (серебряный и бронзовые литые кресты-тельники), сосудами-слезницами для елея. В одном из женских захоронений были найдены серебряные серьги, украшенные стеклянными полихромными вставками. В качестве сосудов для елея последнего помазания использовалась стеклянная аптекарская и фарфоровая столовая посуда (пузырьки, чайные чашки), а также чашечки-пиалы, выполненные из розовой глины. Чашечки эти имеют невысокий поддон, снаружи и изнутри они покрыты белой глазурью, поверх которой выполнена синяя роспись в виде стилизованного растительного и геометризованного орнамента. По всей видимости, при соборовании умирающих использовали не только столовые, но и специально предназначенные для масла сосуды (чашечки без ручек). По нашему мнению, подобные сосуды могли заказываться клиром небольшими партиями. В дальнейшем они применялись священнослужителями главным образом в обрядовой практике, при совершении таинства елеосвящения и различных треб. Более ранних захоронений у стен храма не обнаружено.

Таким образом, в течение трех столетий, с конца XIV по конец XVII в. вокруг собора не производилось никаких захоронений – по всей видимости, умерших горожан в этот период хоронили на клад-

бище, образованном на месте бывшего северного посада (территория так называемого Супонева холма), обезлюдевшего после опустошительного нашествия Тохтамыша в 1382 г.

Остается открытым вопрос, где располагалась древнейшая церковь Звенигорода, которая являлась предшественницей Успенского собора, и, скорее всего, была деревянной. Вероятно, следы этой церкви, так же, как синхронный ей некрополь, следует искать в центральной части Городка, т. е. где-то на незначительном отдалении от стен нового белокаменного храма, построенного князем Юрием Дмитриевичем в конце XIV в. На существование здесь ранней церкви (не обычной приходской, а вероятно, соборной) указывает тот факт, что в 1383 г. была основана Звенигородская епархия, находившаяся под управлением епископа (викарного?) Звенигородского Даниила и была упразднена в 1391–1392 гг. Епископ Даниил до 1383 г. пребывал на Смоленской кафедре, после чего был на Звенигородской («История иерархии...», 2006. С. 177–178). В 1388 г. Воскресенская летопись упоминает Звенигородского епископа Даниила, участвовавшего в хиротонисании архиепископа Новгородского и Псковского Иоанна и в 1392 г. сопровождавшего митрополита Киприана для хиротонисания архиепископа Тверского Арсения (ПСРЛ, 1859. С. 52, 61). В Новгородской Первой летописи младшего извода он именуется Смоленским (ПСРЛ, 1950. С. 382), а в Воскресенской – Звенигородским. В 1390 и 1391 гг. епископ Звенигородский упоминается в Никоновской летописи. В дальнейшем упоминания о епископе Данииле не встречается до 1398 г., когда в той же Никоновской летописи сообщается о преставлении епископа Смоленского Даниила (ПСРЛ, 1897. С. 166).

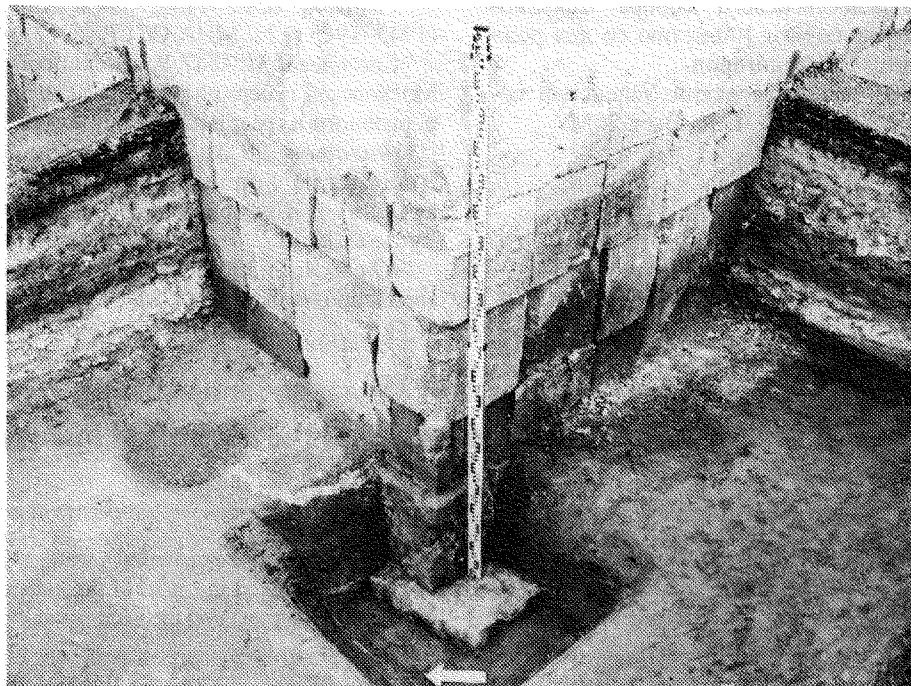

Рис. 7. Раскоп 2010 г. Юго-западный угол собора. Фундамент

Исследование скрытой в земле части Успенского собора показало, что современное состояние фундамента памятника в целом можно признать как удовлетворительное (рис. 6; рис. 7). Серьезное опасение вызывает состояние цоколя и фундамента апсид. Здесь имеются значительные деформации – выпучивание лицевой кладки, морозобойные трещины, раскрытие и расползание швов между блоками. На наш взгляд, необходима скорейшая компетентная диагностика причин этих деформаций специалистами-реставраторами с определением степени дальнейше-

го реставрационного вмешательства для остановки процесса разрушения и восполнения утрат.

В настоящее время еще рано ставить точку в изучении Звенигородского Успенского собора и делать какие-то однозначные выводы. Раскопки у его стен не окончены и будут продолжены в будущем. Но уже сегодня можно сказать, что предпринятые Звенигородским музеем исследования дали много новой, чрезвычайно важной информации для истории самого древнего из сохранившихся до наших дней храмов Подмосковья.

Литература

- АСЭИ. М. – Л., 1964. Т. III.
- Брюсова В.Г., 1953. Фрески Успенского собора на Городке гор. Звенигорода / Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М.
- Бычков Ю.А., Барановская О.П., Десятников В.А., Пономарев А.М., 1996. Петр Барановский. Труды, воспоминания современников. М.
- Грабарь И.Э., 1926. Андрей Рублев. Вопросы реставрации. Вып. 1. М.
- Даль Л., 1874. Звенигородский Успенский собор // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. № 1–3. М.
- Даль Л., 1875. Историческое исследование памятников русского зодчества // «Зодчий». № 11–12. М.
- Евдокимов Г.С., 2010. К вопросу о реконструкции первоначального вида Звенигородского Успенского собора // История архитектуры и градостроительства. Матер. научно-практической конфер. МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование». М.
- Егорова Н.Г., Пеньковский И.В., Пустовалов В.М., 2004. Рабочий проект по реставрации белокаменного покрытия пола в храмовой части Успенского собора // Архив ЗИАиХМ (не оприходован). М.
- История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. // ПСТГУ. М., 2006.
- Максимов П.Н., 1949. К характеристике памятников Московского зодчества XIV–XV вв. // МИА СССР. № 12. М. – Л.
- Огнев Б.А., 1955. Успенский собор в Звенигороде на Городке // МИА СССР. № 44. М.
- Огнев Б.А., 2008. Московское зодчество конца XIV и 1-й четверти XV столетия. Диссертация //

К 600-летию Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря и 100-летию со дня рождения Б.А. Огнева. М. –Звенигород.

Попов А., 1886. Звенигородский Успенский собор // «Древности». Тр. МАО. Т. 11. Вып. 2. М.

ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.

ПСРЛ. Т. 3. М. – Л., 1950.

ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859.

ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897.

Рабинович М.Г., 1978. Очерки этнографии русско-го феодального города. М.

Рыбаков Б.А., 1949. Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // МИА СССР. № 12. М. – Л.

Снегирев И.М., 1847. Успенский собор в Звенигороде Московской губернии // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетрадь 3-я. М.

Филатов В.В., 1995. Описание фресок Успения на Городке в Звенигороде (Новые открытия) // Древнерусское искусство: Балканы. Русь. СПб.

Юшко А.А., 2005. Звенигород Московский и удел звенигородских князей. М.

A.V. Alekseyev

Archaeological investigations in the cathedral of the dormition in Zvenigorod

Summary

The article tells of the investigations in the cathedral of the Dormition in Zvenigorod. The cathedral is the oldest extant church in the Moscow region. The Zvenigorod museum exca-

vated the area near the cathedral's walls in 2008 – 2010. The excavations showed the state of the cathedral's foundations and allowed investigating the occupation layer at the site.

Р.Н. Сунгуров

Изучение археологического памятника Вышгород-на-Яхrome и проблема несанкционированных раскопок

История археологических раскопок на территории Вышгорода-на-Яхrome, к сожалению, очень коротка и не насыщена событиями. Первые археологические исследования Вышгорода и, соответственно, описания местности, на которой расположено городище, были проведены в 1933 г. и носили разведочный характер в рамках охранных раскопок в районе строительства канала Москва – Волга. Рекогносцировка показала наличие следов рва и вала на узком мысу при слиянии рек Яхромы и Комарихи, но не выявила никаких находок кроме «камня со следами действия огня» (*Талицкий и др.*, 1935. С. 52). Правда, тогда же от местных краеведов были получены сведения о находках на Вышгороде сетчатой керамики дякова типа, но эти сведения оставались неподтвержденными еще несколько десятилетий.

Следующим исследователем, обратившим свое внимание на Вышгород-на-Яхrome, был П.А. Раппопорт, который обследовал городище в 1954 г. наряду с другими древнерусскими крепостями. Им был составлен подробный план памятника, проведены обмеры площадки, остатков оборонительных сооружений и склонов. Это самые ранние из зафиксированных сведений такого рода. Археологические исследования 1954 г. дали материал, целиком относящийся к XIV–XV вв., причем, на самой узкой части возвышенности, называемой в народе «Лисий нос», культурный слой вообще не был обнаружен (*Раппопорт*, 1956. С. 56).

Самые крупные и результативные археологические исследования на Барановой горе и в ее окрестностях были проведены экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника под руководством В.И. Вишневого в 1993 г. Был сделан план городища, который в целом совпал с планом 1954 г. и заложено несколько шурфов. Наиболее важными открытиями стали обнаружение на северном склоне фрагмента еще одного вала (длиной 30, шириной 7 и высотой 4 м), который можно рассматривать как остатки первого рубежа обороны города, а также находки предметов, характерных для дяковских поселений середины I тыс. н.э., в частности фрагменты сетчатой керамики, причем именно на западной оконечности Барановой Горы (тот самый «Лисий нос»). На основной площадке городища обнаружен археологический материал (по большей части керамика), относящийся к XIV–XV вв. Помимо работы

на городище, сотрудниками экспедиции было открыто четыре древнерусских селища, позднесредневековый грунтовый могильник, и обследован курганный могильник, открытый в 1930-х годах О.Н. Бадером. В результате работ на селище Пуриха-2, расположенном в 500 метрах от Вышгорода на противоположном берегу Яхромы, был обнаружен археологический материал, относящийся к XII–XV вв. и грунтовый могильник с белокаменными надгробиями XV–XVI вв. (*Вишневецкий*, 2009. С. 98–99).

Собственно, на этом история археологических исследований городища Вышгород и окрестностей завершается, оставляя большое количество нерешенных вопросов при минимуме информации. Дополнительную информацию исследователям приходится искать в альтернативных источниках. В частности, в старой книге поступлений Дмитровского музея обнаружилась запись от 1923 г. о передаче в фонды трех железных наконечников стрел, найденных на Баран-горе. Эти наконечники можно считать самыми первыми находками с Вышгорода, попавшими в наш музей. И вплоть до настоящего времени в музее-заповеднике «Дмитровский кремль» хранится по большей части лишь подъемный материал с Барановой Горы. В книге поступлений зафиксированы размеры, источник поступлений и схематичные зарисовки этих находок (рис. 1):

1) КП 1344. Наконечник стрелы железный, длина 9,5 см, ширина 1,5 см (судя по зарисовке наконечник черешковый ромбовидный);

2) КП 1345. Наконечник стрелы железный четырехгранный, длина 9,5 см, ширина 0,5 см;

3) КП 1346. Наконечник стрелы железный, длина 7,5 см, ширина 1,5 см (судя по зарисовке также черешковый ромбовидный) (Старая книга поступлений № 1).

На основании этой довольно ограниченной информации можно, со значительной долей условности, датировать найденные наконечники согласно типологии, предложенной А.Н. Кирпичниковым. В частности, черешковые ромбовидные наконечники указанных размеров можно отнести к типам 46 и 48, которые имеют широкие хронологические рамки (IX–XIV вв.) и повсеместное распространение, особенно в северной половине Европейской части России. Четырехгранный черешковый наконечник можно отнести к типу 95,

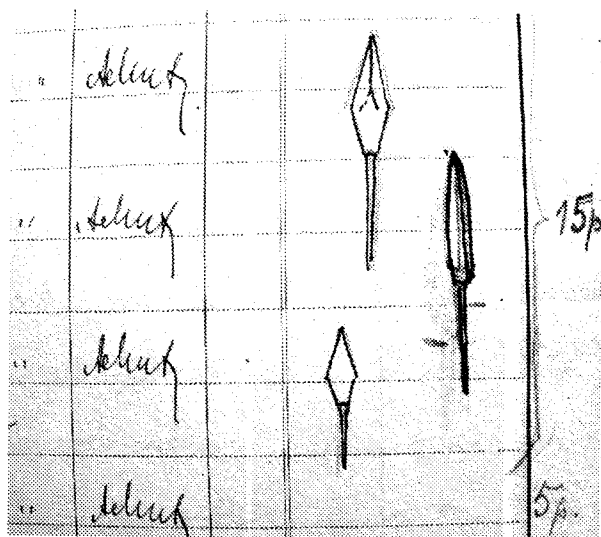

Рис. 1. Страница книги поступлений № 1 МЗДК с зарисовками наконечников стрел, подъемный материал с Вышгорода, 1923 г.

который имел повсеместное распространение с VIII по XIV в. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 340–346). Таким образом, верхняя граница бытования данных предметов вооружения соответствует первым письменным упоминаниям Вышгорода в XIV в.

Другие случайные находки и подъемный материал с Вышгорода начинают поступать в музей только в середине 2000-х годов. И связано это с гибельными для памятника событиями – именно в это время Барановая Гора становится объектом многочисленных набегов «черных копателей». Возможно, незаконные раскопки проводились там и ранее, но о них достоверных сведений нет. В музее-заповеднике «Дмитровский кремль» хранится часть подъемного материала, собранного экологами из общественного объединения «Экологический союз Подмосковья» непосредственно на Барановой Горе в 2005 г. Тогда неизвестными грабителями было перекопано более 500 кв. м на территории памятника археологии федерального значения (Ермаков, 2006. С. 42) (рис. 2). Для сравнения, в процессе всех известных нам археологических раскопок на Барановой Горе было исследовано не более 40 кв. м городища. Естественно, наиболее ценные находки грабители унесли с собой, но и оставленные предметы чрезвычайно интересны. К сожалению, без конкретной привязки к месту нахождения и культурному слою большинство из варварски выкопанных предметов сложно датировать и даже идентифицировать. Один из руководителей «Экологического союза Подмосковья» С.Э. Ермаков и приглашенные специалисты, изучив подъемный материал, значительно расширили хронологические рамки существования городища. По их мнению, Вышгород-на-Яхроме можно датировать XI–XVII вв. (не учитывая период его более раннего существования в качестве дьяковского поселения).

Несмотря на активные попытки экологов и даже представителей правоохранительных органов предотвращать попытки грабительских раскопок на Барановой

Рис. 2. Следы грабительского раскопа на городище Вышгород-на-Яхроме. Фото из архива МЗДК, 2006 г.

Горе и в ее окрестностях, с каждым годом «черных копателей» становится все больше. По самым скромным подсчетам, площадь безвозвратно загубленного культурного слоя на городище превышает тысячу квадратных метров, более четверти всей площади археологического памятника. Что находят в результате незаконных раскопок, можно только предполагать, так как больше такого богатого подъемного материала находить не удавалось. Только в сентябре 2007 г. ребятам из экологического лагеря удалось изъять у грабителей часть нарытых на Барановой Горе предметов, в основном изделий из железа и фрагментов керамики (всего порядка сорока предметов). Но и эти вещи практически являются потерянными с точки зрения планомерного научного исследования, так как не привязаны к месту нахождения (рис. 3–4). Между тем «черные копатели» уже заинтересовались курганами, селищами и могильниками, расположенными в окрестностях Вышгорода. Причем, как теми, которые уже внесены в Археологическую карту России, так и пока не обнаруженными.

Практически полное отсутствие письменных источников по крепости Вышгород-на-Яхроме, скудость археологических данных и активное разрушение памятника в настоящее время сильно затрудняют исследование означенной темы и грозят навсегда перевести ее в разряд «белых пятен истории». Но, опираясь на имеющуюся информацию, в частности появившуюся в последние годы, можно попытаться обобщить некоторые выводы, в дополнение к уже представленным в данной работе.

1. На основании исследований сохранившихся укреплений и археологических находок можно сделать вывод, что Вышгород-на-Яхроме представлял собой средневековый город-крепость с довольно небольшой площадью кремля и посадами. Возникновение крепости можно отнести к XII в., – тому же времени, что и ближайшие селища – посады (более логичной представляется версия параллельного появления крепости и посадов, чем возникновение укрепления в плотно населенной местности двумя столетиями позднее). Наиболее серьезным аргумен-

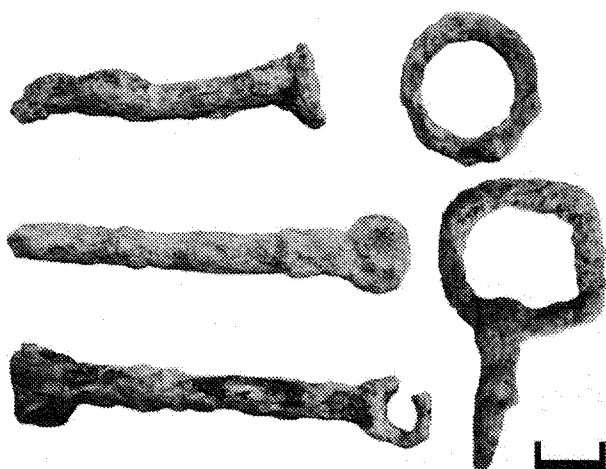

Рис. 3. Часть находок, изъятых экологами на Барановой Горе у «черных копателей» в 2007 г.

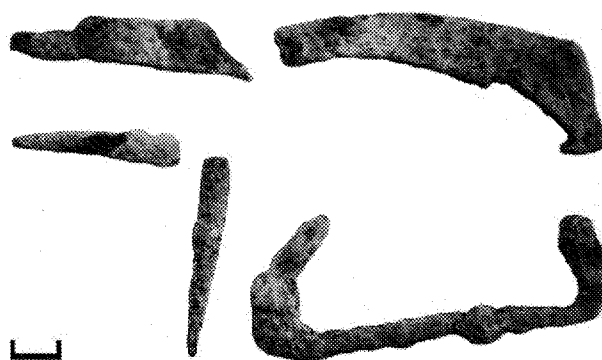

Рис. 4. Часть находок, изъятых экологами на Барановой Горе у «черных копателей» в 2007 г.

том против данной версии является тот факт, что на городище не обнаружено ни одного фрагмента стеклянных браслетов.

2. Невысокая степень исследованности окрестностей Вышгорода профессиональными археологическими экспедициями и визуальные наблюдения дают основания предполагать существование в данной местности значительно большего количества археологических памятников (в частности, на левом берегу реки Яхромы, сразу после впадения в нее реки Комариха), которые могут быть также посадами или некрополями Вышгорода. Таким образом,

вопрос о размерах средневекового города остается открытым.

3. Учитывая доступный для исследования подъемный археологический материал, можно сделать предположение по самому загадочному вопросу, связанному с историей Вышгорода – о времени и причине прекращения его существования. Скорее всего, это произошло в начале XVII в., во время гражданской войны и Смуты в России, когда очень многие крепости и поселения были разорены и в последствии не возрождались. Данное предположение высказывалось и ранее, но имело под собой лишь логические обоснования. Теперь же об этом можно говорить, опираясь на подъемный материал, а также на косвенные упоминания в польских источниках эпохи Смуты.

Литература

Бадер О.Н. Краткий очерк археологических работ в зоне канала имени Москвы // Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М.–Л., 1950.

Бадер О.Н. Работы на строительстве канала Москва–Волга // ИГАИМК. Вып. 109. М.–Л., 1935.

Вишневский В.И. Вышегород-на-Яхроме (исследование 1993 года) // АП. Вып.5. М. 2009.

Елизарова Н.А. Шустинский курганный могильник. // Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М.–Л., 1950.

Ермаков С.Э. Долина Яхромы между селом Ильинское и деревней Пуриха: краеведческий обзор // VI Всероссийский экологический съезд участников летних экологических лагерей. М., 2006.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985.

Маркова Н.В. Прошлое и настоящее Влахернского района по устным преданиям, легендам и рассказам местного населения // Рукопись. Архив МЗДК.

Ратпопорт П.А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 62. М., 1956.

Старая книга поступлений № 1 // Архив МЗДК.

Талицкий М.В., Бадер О.Н., Збруева А.В. и др. Археологические памятники // Археологические работы Академии на новостройках 1932–33 гг. М.–Л., 1935.

R.N. Sungurov

Studies of Vyshgorod-on-Yakhroma archaeological site and the problem of illicit excavations

Summary

The medieval fortified settlement of Vyshgorod-on-Yakhroma is located near the town of Dmitrov in the north of Moscow oblast. There has been little archaeo-

logical research done at the site, and after the recent illicit excavations it may eventually be lost for the science.

П.Е. Русаков

Исследования селища Жокино 1. Стратиграфия

В ходе раскопок, проводившихся с 2006 г. на средневековом селище Жокино 1 в Рязанской области, получены материалы, которые не удастся вместить в одну публикацию. Поэтому их придется разделить на несколько статей. Открывает серию публикаций материалов раскопок работа, посвященная стратиграфии памятника. Вещевой и массовый материал планируется рассмотреть в последующих статьях, где его тематика будет раскрыта шире.

В последние годы можно было наблюдать серию жарких дебатов, суть которых сводилась к принципиально разному восприятию заполнения ям от построек. Дискуссии разгорались как в поле, так и на научных семинарах и конференциях. Одни и те же прослойки на чертежах получали разную интерпретацию. Сформировалось несколько наиболее распространенных точек зрения на этот счет, которые в общих чертах можно сформулировать примерно так.

1. Ямы заполнялись естественным образом под воздействием биогенных факторов: постепенно оползали на дно части стенок ямы, неровности поверхности в месте постройки постепенно нивелировались под воздействием дождей и талых вод.

2. Ямы заполнялись остатками обветшавших наземных частей заброшенных построек, стоявших над этими ямами.

3. Ямы (особенно в местах, где после разрушения самой постройки продолжалась активная хозяйственная деятельность) мешали использованию того пространства, где они находились, поэтому их предпочитали засыпать вручную.

4. Часть заполнения ямы формировалась в ходе ее хозяйственного использования.

Разумеется, исследователи, как правило, предполагают сочетание различных вариантов. Но в целом, ход дебатов и полярность точек зрения наталкивают на мысль о необходимости предельно четкой фиксации разрезов на чертежах и фотографиях и предельной аккуратности в выводах о стратиграфии.

Не меньше вопросов может вызвать верхний горизонт на задернованном памятнике. Подвергался ли он распахке? Как это сказалось на материалах памятника? Какой мощности слой был перемешан в ходе распахки? А если памятник не распахивался, как формировались культурные напластования памятника, и почему они имеют соответствующую мощность?

Средневековое селище Жокино 1, расположенное на стыке Михайловского и Захаровского районов Рязанской области, известно с 1985 г., когда оно было открыто И.Л. Чернаем. Жокино 1 является частью большого комплекса памятников, центральное место в котором занимает городище Жокино. Селища, подобные Жокино 1, часто называют сопутствующими или селищами-спутниками. Материалы раскопок городища в 1959 г. в сравнении с материалами исследований последних лет позволяют сделать вывод о синхронности городища и селища Жокино 1. По керамике наиболее точной датировкой можно считать конец XII – конец XIV вв. Находки, которые можно было бы связать с XV–XVII вв. на городище и селище отсутствуют. Вещевой материал на памятнике не слишком изобилует, а массовый пока слабо изучен в этом регионе, поэтому более точная датировка комплексов селища затруднена. В датировке материала приходится опираться на территориально отдаленные аналогии в керамическом производстве.

Площадка памятника треугольной в плане формы имеет уклон к югу и юго-западу. Максимальная протяженность селища с севера на юг – 220 м, с запада на восток – 250 м. Перепад высот поверхности в среднем составляет – 1 м на участке протяженностью около 30 метров. Ближе к береговому склону перепад высот постепенно увеличивается.

Памятник уже в момент его обнаружения в 1985 г. разрушался в южной части карьером по добыче песка. Впоследствии карьер был закрыт, но осыпи его стенок продолжались. Периодически несанкционированные выборки грунта в карьере привели к усилению процессов, разрушающих памятник, что и стало причиной начатых охранно-спасательных раскопок.

Раскоп был расположен в южной части памятника, на краю карьера, в месте наиболее интенсивных разрушений. Здесь поверхность селища имеет уклон к юго-западу. Площадка памятника в месте раскопа имеет больший перепад высот – на протяжении 12 м она составляет 1 м. Стратиграфия верхних горизонтов памятника предельно проста: под слоем дерна толщиной до 10 см располагается культурный слой мощностью до 25 см, который местами совсем отсутствует. Ниже располагается археологический материк – плотный желтый суглинок (в материке фиксировались ямы и следы сооружений).

На современной поверхности отчетливо заметны множественные борозды, шириной около метра и глубиной около 30 см, идущие по направлению северо-восток – юго-запад. Скорее всего, это следы от сильно размытых колеи грунтовой дороги, постепенно менявшей свою трассу. Современная грунтовая дорога проходит в нескольких метрах западнее раскопа и спускается с площадки селища по склону в пойму реки Жрака. В месте этого спуска дорога показывает постепенное смещение своей трассы – старые колеи на склоне сильно размыты и постепенно превращаются в небольшие овражки, поэтому автомобили прокладывают новую колею, проходящую рядом в том же направлении. В ходе раскопок под канавками, читавшимися на современной дневной поверхности, было замечено почти полное отсутствие культурного слоя и существенное уплотнение грунта, что подтверждает эту версию. Мощность слоя в южной части селища очень не велика. Она составляет не более 25 см, а преимущественно имеет мощность 10–15 см. Поэтому на поверхности материка также прослеживаются следы этих борозд. Таким образом, эти борозды не могут служить подтверждением распашки культурного слоя на селище.

Чтобы прояснить ситуацию с распашкой памятника, методика фиксации массового материала была нацелена на решение этого вопроса. Весь массовый материал учитывался по системе В.Ю. Ковалю, с небольшими дополнениями. Эти дополнения заключались в том, что при статистике массового материала учитывались весовые показатели фрагментов керамической посуды. Вся керамика делилась на группы, исходя из особенностей формовочных масс, затем считалось общее количество обломков и вес каждой группы. Сравнение общего количества материала в группах с их весом позволило вычислить средний вес одного черепка, что, в свою очередь, позволило определить степень измельченности материала. Безусловно, этот показатель зависит от толщины стенок сосудов, различающейся в разных частях одного сосуда. Но на статистическом уровне керамический материал показал небольшой средний вес обломков керамики из слоя (около 5–6 г). Керамика, происшедшая из ям, как правило, демонстрировала вдвое больший средний вес фрагментов (около 9–11 г). Кроме того, только вне ям были встречены редкие фрагменты поздней поливной посуды (белоглазая глина, окислительный обжиг, зеленая полива). Таким образом, массовый материал указывает на вероятность распашки культурного слоя селища.

О распашке свидетельствуют и небольшие редкие бороздки шириной около 5–10 см, фиксировавшиеся в материке. Они были сориентированы по линии северо-восток – юго-запад, часто имели четкие края, глубину всего в несколько сантиметров. Все канавки, встреченные в раскопе, были, как правило, шире, больше заглублены в материк и имели менее четкие

контуры на зачистке по матерiku, в том числе канавки со сходной пространственной ориентировкой. Мелкие канавки, скорее всего, представляют собой следы плужной распашки. Глубина распашки даже примитивного крестьянского плуга существенно больше, чем нынешняя мощность культурного слоя селища. Поскольку бороздки в материке везде очень неглубокие, можно предположить, что современная мощность культурного слоя памятника меньше, чем его мощность на момент распашки. Как известно, распашка, уничтожая дерновый покров, способствует усилению эрозионных процессов. Общая открытость местности и уклон дневной поверхности в месте расположения раскопа должны были привести к вымыванию культурного слоя талыми и дождевыми водами и сделать более интенсивной ветровую эрозию.

Культурные напластования, при всей их малой мощности, не были однородными по цвету и составу включений. Сразу после снятия дерна делалась зачистка, которая демонстрировала пятна со сходными включениями (печина, угольки), но принципиально разными по цвету. Включения пещины и угольков площадью меньше 1 кв. см характерны для всех культурных напластований раскопа, поэтому в описании слоев в этой статье не упоминаются. В южной и юго-восточной части раскопа доминировал слой с бурой окраской, а в северной и северо-западной части – слой серого цвета. Отдельное пятно темно-серого грунта фиксировалось над постройкой 1, четкие контуры которой были выявлены только ниже – на этапе зачистки по матерiku. Не вдаваясь в подробности формирования цветовой окраски почв, можно констатировать, что распашка не привела к окончательному смешению культурного слоя памятника в однородную массу, как это часто можно видеть на других памятниках. То есть эта часть территории селища распахивалась сравнительно не долго.

После удаления пахотного горизонта зачистка по поверхности материка проявила ряд объектов¹. На фоне материка (плотный желтый, местами бурый суглинок) контуры этих объектов фиксировались хорошо (рис. 2). Всего в этой статье рассматривается 44 объекта. Их заполнение состояло из суглинистых грунтов темных тонов, преимущественно с оттенками серого, но иногда и с оттенками бурого. Большинство этих объектов – столбовые ямки (рис. 2; объекты 3–7, 9–11, 13, 14, 16–22, 28–31, 33). В некоторых случаях это канавки от предполагаемых частокольных сооружений (рис. 2; объекты 41–45). В этой статье речь идет преимущественно о ямах. Некоторые из зафиксированных объектов можно связывать с постройками. Так серия столбовых ямок (объекты 3, 5, 6, 7, 9, 10) концентрируется по периметру крупной площади и глубине ямы (объект 2). Некоторые малые объекты (4, 8, 16–20, 27–29, 37, 38, 41), судя по их расположению, тоже конструктивно связаны с крупной ямой (объект 1). Но в некоторых случаях связать

¹ В отчетах за 2006–2009 гг. они названы ямами и сооружениями. С 2010 г. они объединены под общим термином – объект. При этом ямы не меняли свою нумерацию, а нумерация сооружений изменилась и продолжена с № 41, т. е. сооружение 1 стало объектом 41, сооружение 2 – объектом 42 и т. д.

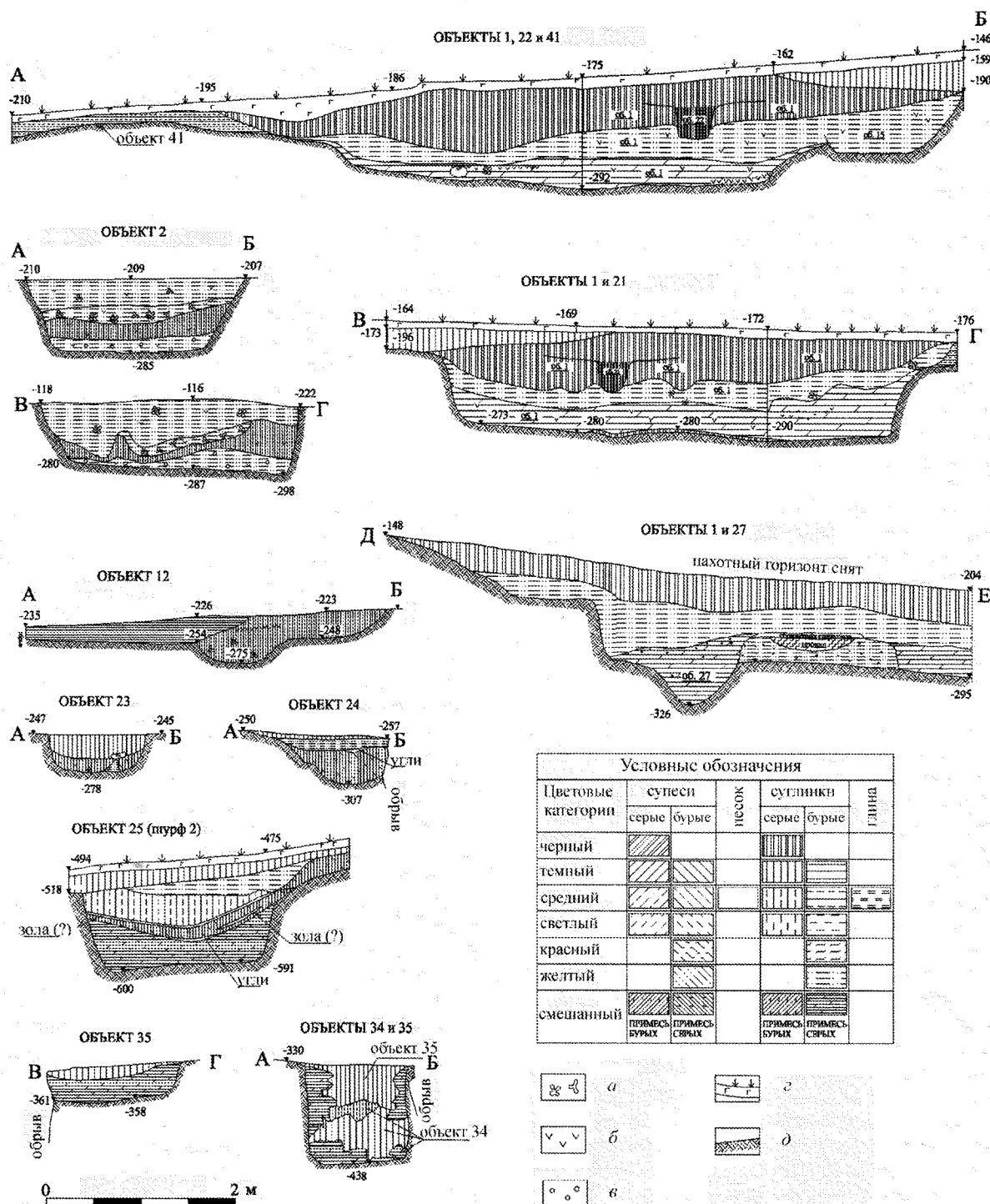

Рис. 1. Селище Жокينو 1. Разрезы объектов с многослойным заполнением
а — пещина; б — уголь; в — известь; г — дерн, гумусный горизонт; д — материк;

малые объекты между собой или с более крупными объектами пока невозможно (11, 13, 14, 21, 22, 30, 31, 33, 36). И помимо перечисленных, в раскопе встречены объекты, представляющие собой ямы средних размеров (по объему и площади), которые невозможно однозначно связать с какими либо наземными по-

стройками (12, 23–25, 34, 35). Такие объекты часто имели многослойное заполнение (рис. 1).

Анализ разрезов этих средних по размеру объектов показывает, что не всегда есть основания для выводов о путях их заполнения. Например, в случае с объектом 12 в разрез попала более поздняя яма,

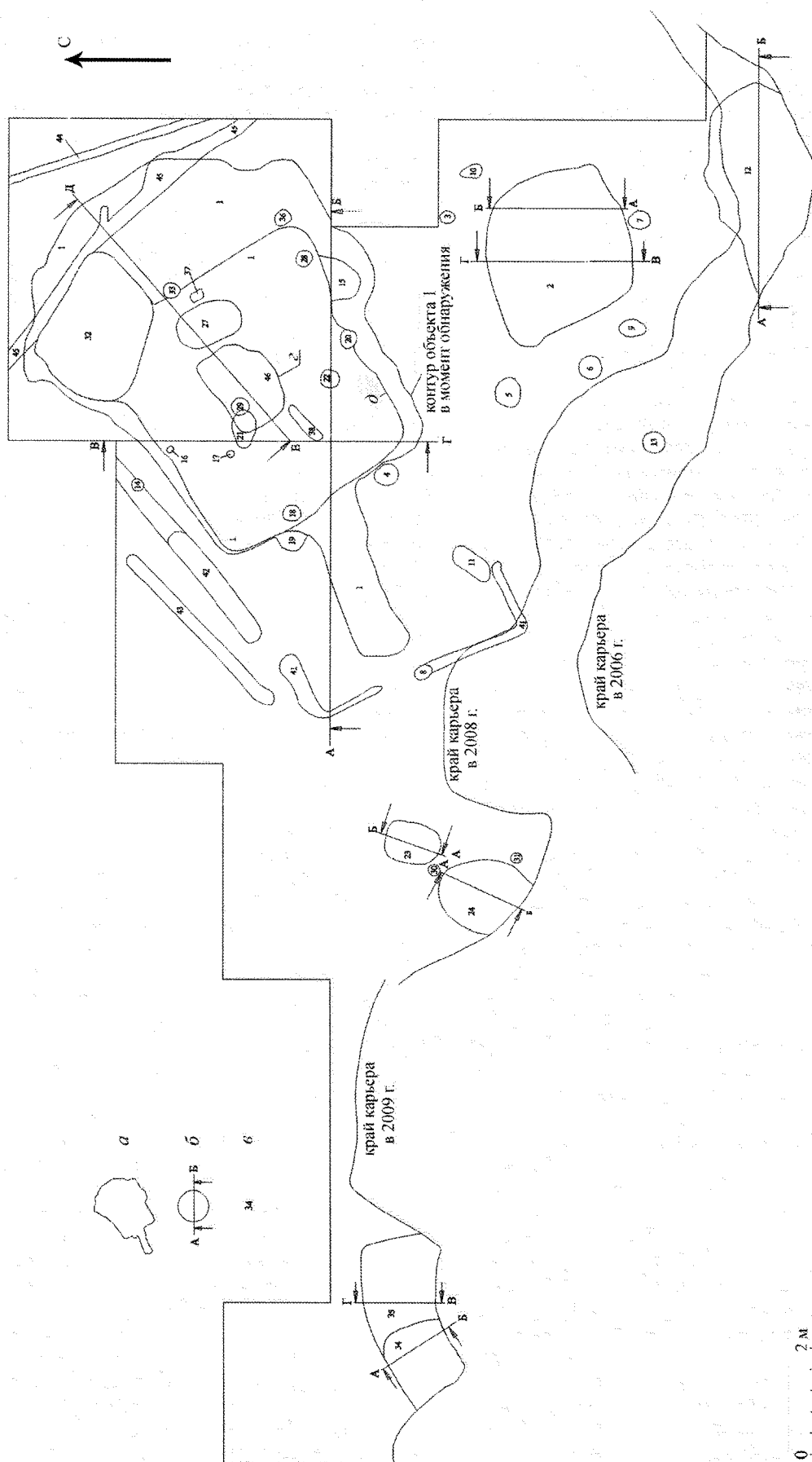

Рис. 2. Планиграфическая схема взаиморасположения объектов на раскопе 1

а — контур объекта 1 в момент обнаружения на зачистке по поверхности материка; б — маркировка разреза на плане; в — номер объекта; 2 — контур отопительного сооружения; 3 — контур внутреннего объема объекта 1

прорезавшая яму более раннюю, с единовременным заполнением. Ни в одном случае в средних по размеру объектах не удается четко выделить горизонт, сформировавшийся во время хозяйственного использования ямы. Таким горизонтом может быть группа прослоек только в нижней части объекта 23. Именно в этом горизонте залегал развал горшка, который располагался вверх дном, то есть был, видимо, выброшен, а не находился в яме до ее заполнения. Приходится констатировать, что почти везде в средних по размеру объектах нижние слои могли быть сформированы как в результате засыпки этих ям человеком, так и в результате действия природных факторов. Только в случае с объектом 34 конфигурация прослоек в разрезе наталкивает на мысль о единовременной засыпке этой ямы человеком.

Верхние горизонты средних по размеру объектов во всех случаях имели в разрезе характерную линзообразную конфигурацию. По краям мощность составляющих их прослоек была минимальной, а к центру она увеличивалась за счет уменьшения мощности нижележащих напластований. Исключением снова является объект 34, верхние горизонты заполнения которого были прорезаны более поздним объектом 35. Нигде верхние горизонты невозможно связать со временем хозяйственного использования этих объектов, скорее, они сформировались уже после того, как эти ямы были в большей части заполнены.

Сложнее обстоит дело с крупными объектами. Их традиционно связывают с подземными частями построек – жилых либо хозяйственных. Всего на селище Жокино 1 исследовано 4 объекта (№№ 1, 2, 25, 32), площадь которых превышает 3 кв. м, а глубина от уровня их первой фиксации – 1 м. Такие габаритные критерии не являются исчерпывающими, но на данном памятнике все остальные объекты были существенно меньше. Однако размеры в данном случае представляются не достаточным критерием для локализации наземных построек.

Так, рядом с объектом 25 не обнаружено ни одного сооружения, отчетливо указывающего на наземную постройку. Объект 25 находится на самой окраине памятника, уже практически на береговом склоне, со значительным перепадом высотных отметок. То есть яма в этом месте могла быть выкопана на короткое время для удовлетворения хозяйственных потребностей жителей и засыпана вскоре после этого. Объект 25 имел округлую в плане форму диаметром около 2 м, вертикальные стенки и плоское дно (рис. 1). Как и в случае с меньшими по габаритам объектами, объект 25 не содержал на дне каких либо слоев, которые можно было бы назвать горизонтом времени использования ямы. Почти весь его объем был заполнен серым суглинком с желтыми включениями, в котором не фиксировались более мелкие прослойки. А все вышележавшие напластования уже явно относятся к более позднему периоду и наглядно демонстрируют постепенное «сползание» грунта вниз по склону. Поскольку на месте объекта 25 даже после заполнения его основного объема оставалась небольшая западина, часть «сползавшего» грунта должна была

задерживаться в ней, что и продемонстрировал разрез (рис. 1). Остается добавить, что пока формировались верхние прослойки в заполнении объекта 25, эта часть территории памятника по-прежнему находилась в зоне активного хозяйственного использования. Это проявилось в том, что часть этих верхних прослоек была прорезана неглубоким объектом 26, имевшем однослойное заполнение с большим количеством керамического мусора. Оба этих объекта не попали в раскоп 1, они были зафиксированы на краю обрыва в уже частично разрушенном состоянии и исследованы шурфом 2. В 2010 году шурф 2 был расширен и превращен в самостоятельный раскоп 2. Материалы этого раскопа пока находятся в обработке, поэтому сейчас публикуется только то, что связано со стратиграфией объектов 25 и 26.

Еще одним крупным объектом на селище Жокино 1 была яма в юго-восточной части раскопа (объект 2). Так же, как и предыдущий объект, эта яма имела вертикальные, иногда наклонные, стенки и плоское дно. Но, в отличие от предыдущего случая, вокруг этой ямы концентрировались несколько мелких ямок, имевших сходные размеры. Они тяготели к периметру объекта 2, что позволяет предполагать их конструктивную связь с последним. Поэтому под остатками постройки 2 в этой части раскопа подразумевается весь комплекс объектов, центральное место в котором занимает объект 2.

Контурные объекта 2 были окончательно выявлены только при поэтапной выборке его заполнения. Это произошло потому, что заполнение объекта 2, в отличие от темного заполнения большинства других объектов, по цвету и плотности почти не отличалось от материкового суглинка. Верхние горизонты объекта 2 были представлены большим количеством желтого суглинка материкового происхождения, вероятно, извлеченного при выкапывании новой ямы поблизости. Первый разрез этой ямы не попал на центр объекта, поэтому пришлось дополнить его вторым разрезом. Стратиграфическая ситуация в обоих разрезах сходная за исключением мелких деталей. Под верхним слоем располагалась локальная прослойка плотного желтого суглинка с большим количеством печины (горизонтально располагавшиеся отдельные плоские куски печной обмазки). Объем этой прослойки позволяет интерпретировать ее как часть остатков разрушенной глинобитной печи. Но конфигурация прослойки и количество остатков печной обмазки не позволяют думать, что эта печь располагалась внутри объекта 2.

Прослойку желтого (частично обожженного) суглинка подстилала прослойка серого суглинка с редкими включениями углей. Ее мощность достигала по периметру объекта 80 см, но ближе к центру ямы она сокращалась до 10 см. Это могло быть вызвано как помещением этого грунта в яму путем ее целенаправленной засыпки, так и результатом постепенного заполнения ямы под воздействием природных процессов. На наш взгляд, более вероятно искусственная засыпка.

Все эти напластования подстилала нижняя прослойка в заполнении объекта 2 – желтый суглинок с

включениями извести и углей. Представляется, что эта прослойка могла сформироваться в яме в период ее хозяйственного использования. Вероятно, после того, как яма стала не нужна, ее засыпали грунтом, взятым поблизости, в том числе, из отвалов, выкапываемых в материке новых ям. При засыпке, по крайней мере, на последнем этапе, грунт, вероятно, утрамбовывался, и его поверхность выравнивалась, поскольку в разрезах нет следов усадки.

Наиболее сложным комплексом раскопа с самой сложной стратиграфией является постройка 1, центральное место в которой занимает объект 1 – крупная яма в северо-восточной части раскопа. Остальные объекты связаны с ней либо конструктивно (№№ 8, 16–18, 20, 27–29, 37, 38, 41, 46), либо стратиграфически (№№ 4, 19, 21, 22, 32, 33, 36).

В силу своих размеров объект 1 исследовался по частям. Разрезы А–Б и В–Г выявили ямы (объекты 21 и 22), никак не фиксировавшиеся при проведении горизонтальных зачисток во время выборки объекта 1. Примененная методика позволила обнаружить парные им объекты 33 и 36, выявить систему в их расположении и предположительно связать с этой серией объектов ямы, фиксировавшиеся прежде (объекты 4 и 19). Объект 15 (рис. 2), скорее всего, не являлся самостоятельной ямой – он просто демонстрирует особенности заполнения объекта 1.

Итак, объект 1 имел четкую четырехугольную в плане форму и размеры около 5×4 м, вертикальные стенки и плоское дно. Он был вытянут по линии северо-восток – юго-запад, в юго-западной части имел примыкавшее к нему ответвление в виде входного пандуса длиной 3 м и шириной до 1 м, без следов ступеней. Стенки пандуса были вертикальными. Снаружи от него располагалась небольшая канавка (объект 41), прерывающаяся как раз в месте входа. С южной стороны этот разрыв был дополнен объектом 8 – небольшой столбовой ямкой, превышающей по глубине канавку, возможно, след верейного столба от двери. Объект 18 в северо-восточной части пандуса может иметь сходное происхождение.

Заполнение объекта 1 состояло из четырех слоев, описываемых сверху вниз.

Слой 1 состоял из черного суглинка, изобилующего керамическим материалом со сравнительно крупными обломками. Так же часто встречались в нем железные и керамические шлаки – следы металлургического производства. Но количество и вес этих шлаков не позволяет думать, что это производство располагалось на территории раскопа. Вероятно, оно было налажено где-то поблизости. Слой 1 имел наименьшую мощность по краям, и наибольшую – ближе к центру объекта 1 и в месте расположения пандуса. В самом объекте 1 этот слой прорезали небольшие ямы (объекты 21, 22, 33, 36), которые были заполнены слоем чуть более темным, чем слой 1. Они также прорезали и нижележащий слой.

Слой 2 был представлен желтым суглинком материкового происхождения. Количество керамического материала в нем было меньше, чем в слое 1. Керамические и железные шлаки тоже присутствовали,

иногда встречались отдельные угли и куски печной обмазки. Слой 2 был прорезан объектом 32, имевшим вертикальные стенки и плоское дно, по глубине совпадающее с дном объекта 1. Собственно контуры объекта 32 фиксировались нечетко, заполнение состояло из плотного желтого суглинка материкового происхождения с локальными включениями серого суглинка. Материал в этой яме практически отсутствовал, а однослойное заполнение предполагает единовременную засыпку. Ни с какими другими объектами в раскопе конструктивная связь объекта 32 не прослежена. Его нельзя связывать с наземной постройкой.

Слой 3 очень близок по цвету и составу слою 2, но имеет более темный оттенок за счет примеси серого суглинка. В южной части объекта 1 его мощность была существенно большей, а в северо-восточной – наименьшей. Слой 3 со всех сторон окаймлял объект 46 – отопительное сооружение (или остатки некоего производственного комплекса, в котором использовался огонь). Основу сооружения составлял невысокий (20 см) постамент, сориентированный аналогично общей ориентировке объекта, сложенный из желтого суглинка материкового происхождения с очень редкими и мелкими включениями белых крупинок (вероятно, извести). Кроме этих малозаметных включений, от материка его отличала меньшая плотность грунта. Поверхность постаментов была горизонтальной, в ее центральной части располагался очаг в виде округлого участка плотного обожженного суглинка. Вокруг этого пятна почти по всему его периметру на поверхности постаментов были зафиксированы тонкие прослойки золы и золы с включениями углей. Никаких следов стенок этого очага или следов стенок глинобитной печи не было обнаружено. Поэтому, за неимением возможности предполагать печь, это сооружение условно названо очагом. О неоднократном его использовании говорит наличие следов вычинки: на обожженной плоскости постаментов был насыпан слой суглинка мощностью до 5 см и затем также обожжен. Рядом с очагом в постаменте была сделана небольшая ямка (объект 29), заполненная серым суглинком. Само отопительное сооружение вместе с этой ямкой перекрыто сверху слоем 2, который состоит из желтого суглинка. Разница в заполнении объекта 29 и вышележащих напластований фиксировалась четко. Поэтому объект 29, скорее всего, синхронен очагу. Под отопительным сооружением располагалось материковое дно объекта 1.

Слой 4 был зафиксирован локально на самом дне объекта 1, в его южной части, и был представлен черным суглинком с включениями углей мощностью несколько сантиметров. В нем (или непосредственно на нем) лежали обломки нескольких развалов горшков, два из которых склеились почти целиком. Один (объемом около 3–4 литров) имел следы нагара на внешней поверхности, а другой, более крупный (объемом около 10 литров), напротив, был без нагара. Важно, что развалы попали именно в самый нижний слой заполнения объекта. Вещевой материал в слое 4 отсутствовал. В южной части, параллельно стенке объ-

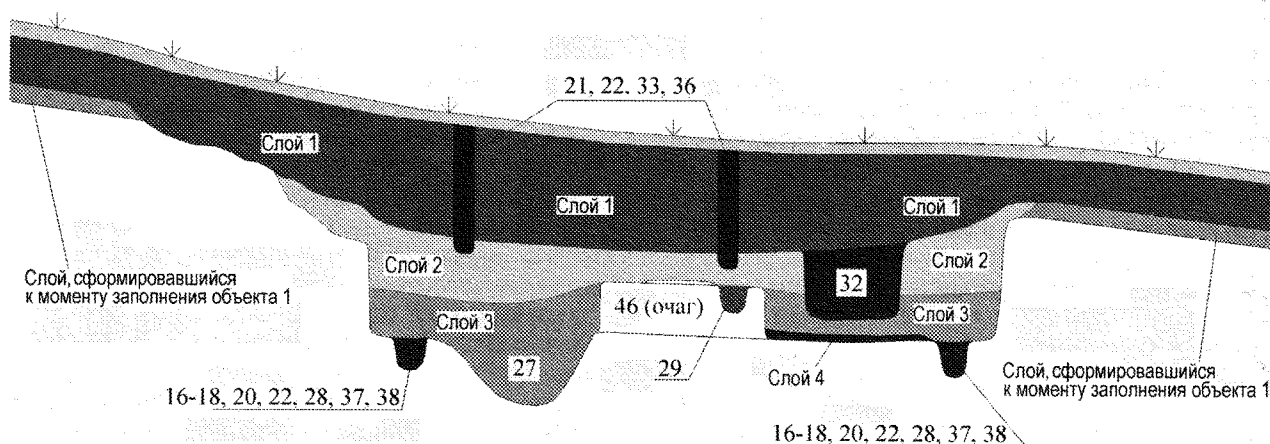

Рис. 3. Стратиграфическая схема комплекса постройки 1 (до проведения распашки).
(Цифрами обозначены номера объектов)

екта 1, почти у самого дна, была прослежена тонкая полоска коричневого древесного тлена. Скорее всего, она имела отношение к облицовке стен в подземной части постройки.

Поверхность материкового дна объекта 1 была плоской, с едва заметным уклоном к югу. Возможно, именно это привело к накоплению в южной части объекта слоя 4. В нескольких местах по периметру дна были встречены неглубокие ямки (№№ 16–18, 20, 28, 37) глубиной не более 20 см. Некоторые из них симметричны друг другу и образуют противоположащие пары (18 и 37, 16 и 20). Парный объект, вероятно, был и у № 28, но его уничтожила сделанная впоследствии яма (объект 32). Преимущественно такие ямки имели в плане округлые очертания. Кроме ямок, расположенных по периметру, в дне объекта 1 были сделаны еще несколько углублений. Это небольшие по глубине объекты 17, 38 и 27. Последний привязан планиграфически к постаменту с очагом. У этой ямки была чашеобразная форма с более пологой северо-западной стенкой. Такой объект напоминает ямы, часто называемые припечными. Слой 3 полностью заполнял некоторые углубления в материковом полу постройки (объекты 17–18, 20, 27, 37, 38). Но некоторым из этих объектов в заполнении сопутствовала тонкая прослойка черного суглинка с включениями угля (слой 4). В объекте 38 она располагалась по стенкам и дну, а в объекте 20 — располагалась горизонтально, перекрывая собой заполнение. Заполнение объекта 27 отличалось от вышележащих напластований — это был серый суглинок.

Для того чтобы зрительно представить себе стратиграфический контекст объектов из комплекса постройки 1, необходимо обратиться к схеме (рис. 3). Предлагаемая схема не дублирует какой-либо из разрезов ямы 1. Она соединяет в себе практически все объекты, связанные с постройкой и расположенные в разных ее частях. Представляется, что формирование комплекса постройки 1 проходило следующим образом.

Первый этап. На территории памятника в южной его части выкопана четырехугольная в плане яма с

вертикальными стенками — образуется помещение. Оно с самого начала имело определенное назначение, предусматривающее расположение очага в центральной части. Поэтому сразу после выкапывания ямы в ней формируется небольшой постамент. (Невозможно воспринимать этот очаг как остатки «упавшего» в яму из верхних ярусов постройки отопительного сооружения. Это подтверждает отсутствие под этим постаментом слоев заполнения объекта 1 и хорошая сохранность самого постаментов и двух ярусов очага.) Центральная часть постаментов превращается в площадку для очага. Вероятно, тогда же у этого помещения появляется деревянная обшивка стен. О существовании обшивки говорит серия столбовых ямок в материковом дне помещения, расположенных по периметру. Ямки не только были симметричны друг другу, но и находились каждая посередине соответствующей стены. Только одна ямка — объект 18 располагалась с небольшим смещением, что легко объяснимо наличием в этой стене выхода наружу через пандус (рис. 2). Следовательно, пандус возник либо одновременно с обшивкой стен, либо раньше. Пандус дополнен снаружи небольшим тамбуром, имеющим заглубленные в землю стены (объекты 8 и 41). Параллельно с очагом могли использоваться и другие ямы в полу помещения. Над помещением располагается наземная часть постройки.

Второй этап. В южной части помещения формируется тонкий слой черного суглинка (слой 4). К этому моменту объект 38 в полу помещения еще не заполнен, поэтому слой 4 тонкой полоской выстилается на его дне и по стенкам. Объект 20, напротив, уже заполнен желтым материковым суглинком с примесью серого суглинка, и потому слой 4 настилает его заполнение сверху. Остальные объекты-ямки в полу не затрагивают слой 4, потому что он сформировался только в южной части помещения. Слой 4, скорее всего, появляется, когда уже перестает существовать обшивка стен (поскольку он перекрывает объект 20), а возможно и сама постройка. Тогда же в этом слое откладываются развалы нескольких горшков, часть которых имеет следы нагара на внешней по-

верхности. Но эти сосуды были разбиты до попадания внутрь помещения, поскольку они не собрались из обломков целиком. Следовательно, в помещение они были просто выброшены, а не хранились там. Это подтверждается наличием одного фрагмента от одного из этих сосудов в заполнении объекта 33. Этот объект появился уже в момент, когда слой 4 был перекрыт другими напластованиями, и он никак не прорезал слой 4, поэтому фрагмент от сосуда мог появиться там только при условии наличия частей сосуда вне помещения.

Третий этап. Пространство помещения начинает засыпаться. В заполнении объекта 1 появляется слой 3. В случае если бы яма стояла какое-то время открытой и постепенно заполнялась под воздействием дождей и талых вод, то имело бы ключевое значение направление склона. В южной части селища склон развивается в направлении на юго-запад. Значит, северо-восточная стенка ямы пострадала бы сильнее всего, а накопление слоя в этой части ямы шло бы интенсивнее. Но слой 3 имел значительно большую мощность (до 60 см) не в северо-восточной части ямы, а, напротив, – в южной (рис. 1). В северо-восточной части слой 3 имел минимальную мощность (до 10 см). При незначительном перепаде глубинных отметок пола помещения, к тому же при наличии в наиболее низкой части слоя 4, такой перепад невозможно объяснить биогенными факторами. Неровная, иногда бугристая поверхность слоя 3 тоже указывает на целенаправленную засыпку ямы (рис. 1, объекты 1 и 21, разрез В–Г). Слой 3 состоит преимущественно из материкового желтого суглинка, который мог быть взят поблизости при выкапывании новой ямы, но также он мог быть взят непосредственно с краев засыпаемого объекта. Материк по краям объекта 1 был частично срыт почти по всему его периметру. Неестественные понижения поверхности материка наблюдаются с северной, восточной и южной стороны. То есть верхняя часть материковых стенок сбрасывалась в яму вперемешку с близлежащим культурным слоем. Сама постройка с ее наземной частью в этот момент уже не существовала, равно, как не было никаких конструкций обшивки стен в помещении, иначе они бы препятствовали разрушению материковых стенок ямы. После отложения слоя 3 очаг по-прежнему находился на поверхности и не был перекрыт землей. Не зная назначения очага, приходится предполагать, что в этот момент он еще мог использоваться. Но к моменту начала четвертого этапа небольшая ямка в постаменте очага (объект 29) была уже заполнена.

Четвертый этап. В заполнении объекта 1 появляется слой 2. Это материковый грунт почти без всяких примесей. В условиях, когда постройка уже не существует, а яма какое-то время стоит открытой, эрозионные процессы должны были привести к постепенному смыванию вниз по склону культурного слоя, имеющего ярко выраженную серую и темно серую окраску. Но таких прослоек на этом этапе в объекте 1 не появляется. Это снова заставляет предполагать целенаправленную засыпку ямы, на сей раз уже только материковым грунтом. Часть этого мате-

рикового грунта отлагается не только в самой яме, но и по ее периметру, на местах, где на предыдущем этапе часть материковых стенок была срыта. На этом этапе в северной части объекта 1 выкапывается на короткое время новая яма (объект 32). Большая часть этой ямы, объемом несколько кубических метров, расположена в материке. Меньшая часть прорезает слои 2 и 3 в заполнении объекта 1. Часть слоя 2 в заполнении объекта 1, таким образом, может являться отвалом, образовавшимся при выкапывании объекта 32. Назначение объекта 32 остается неясным, но он подтверждает, что эта часть памятника по-прежнему находилась в зоне активного хозяйственного использования. При засыпке объекта 32 его заполнение, возможно, утрамбовывалось. В результате этого этапа в месте постройки на поверхности остается небольшая по глубине западина с пологими стенками.

Пятый этап. Образовавшаяся западина начинает постепенно заполняться мусором вперемешку с культурным слоем памятника. В районе расположения постройки этот культурный слой имеет ярко выраженную черную окраску. Несмотря на большое количество сильно фрагментированной керамики, в нем не обнаружено ни одного развала сосуда. В том же слое сравнительно много железных и керамических шлаков. Среди ошлакованных обломков керамики можно предполагать фрагменты тиглей.

После того, как слой 1 уже сформировался мощностью, по крайней мере, более 20 см, в нем были выкопаны небольшие ямки, скорее всего, от столбовой конструкции. Они расположены попарно напротив друг друга. Частично они прорезают слой 1, частично – слой 2. В этих парах объекту 21 соответствует объект 22, объекту 33 – соответствует 36. Возможно, в этом ряду должны быть перечислены и объекты 4 и 19, удачно дополняющие их в плане (рис. 2). Назначение объектов не ясно, но важно, что они сохраняют пространственную ориентировку, заданную постройкой.

Шестой этап. По территории памятника проходит распахка. В месте постройки однородный слой 1 в распаханном состоянии остается черным, четких контуров это черное пятно не имеет, но приблизительно соответствует в плане месту расположения постройки.

Осмысление и обсуждение аналогичного материала, идет давно. Существует ряд публикаций, где проблематика интерпретации построек рассматривается применительно к региону Рязанской области, и шире – к южнорусским территориям (Даркевич, Борисевич, 1995; Енукова, 2007). Есть исследования, рассматривающие эту проблему в рамках небольшого региона или отдельного памятника (Моргунов, 2003). Существуют также критика предыдущих исследований (Коваль, 2009). Каждый исследователь, сталкивающийся с изучением подобных объектов, дает им свою интерпретацию. Часто исследователи дополняют свои работы реконструкциями, иногда даже с графическими изображениями самих построек со стенами определенной высоты и кровлями. Представляется, что в нашем случае это было бы не-

уместно. К сожалению, остается неясным ряд вопросов, связанных с конструкцией построек и их назначением. По отношению к наземной части постройки в районе объекта 1 возможно определить только ее вероятные минимальные размеры и наличие тамбура. Но остается неясным, какую конструкцию имели стены, каким было предназначение заглубленного в землю помещения, существовали ли когда-нибудь стенки и свод у отопительного сооружения в нем. Именно отопительное сооружение и становится причиной главного вопроса: можно ли считать постройку остатками жилого дома?

Заглубленные в землю части наземных построек на древнерусских памятниках встречаются часто. Нередкой является четырехугольная планировка со следами столбов от крепления обшивки стен. Многие такие объекты были опубликованы в обобщающей работе О.Н. Енуковой. В той же публикации показаны и остатки заглубленной в землю части наземной постройки с входом в виде пандуса (Енукова, 2007. С. 216–217). Но отопительные сооружения, расположенные в центре внутреннего объема помещений, встречаются не часто. Каждый такой эпизод требует очень аккуратного истолкования.

Благодаря такой специфической организации пространства в помещении, внутри него оставалось очень мало места, чтобы использовать это помещение как жилое. Располагать там минимально необходимые предметы интерьера (стол, лавки) просто негде.

Высота вертикальных стенок в заглубленной части постройки должна была составлять не менее метра. Это затрудняет размещение лавок на пространстве вокруг ямы. Следов стенок и сводов у отопительного сооружения не выявлено, следовательно, невозможно обосновать наличие глинобитной печи в помещении. Остатков утвари в заполнении объекта 1 практически нет, а склеившиеся сосуды из слоя 4 были разбиты не внутри помещения. То есть утверждение о жилом характере заглубленного в землю помещения безосновательно. Можно ли предполагать, что объект 1 является остатками подполья жилого дома? Важно, что нет никаких следов других, верхних ярусов жилой постройки. Более того, вход в подполье чаще осуществляется сверху, через отверстие в полу дома. Это дает возможность доступа к подполью, не выходя из дома наружу, что в холодное время года актуально. А в случае с объектом 1 вход в подземную часть постройки осуществлялся снаружи, через пандус. Следы тамбура (объекты 8 и 41) указывают, что пандус выходил за пределы постройки. А само наличие этого тамбура объясняется, возможно, стремлением строителей сократить потерю тепла при входе и выходе из помещения. То есть, воспринимать это помещение как подполье жилого дома невозможно. Все это делает более вероятным хозяйственное назначение постройки. Следы обшивки стен и наличие следов тамбура указывают на то, что постройка должна была функционировать и в холодное время года.

Литература

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица рязанской Земли. М.

Моргунов Ю.Ю., 2003. Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М.

Енукова О.Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв.

Коваль В.Ю., 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М.

P.E. Rusakov

Investigations at Zhokino 1 settlement: the stratigraphy

Summary

The article considers the stratigraphy of the occupation layer and the pits at the settlement near the fortified site of Zhokino in Ryazan oblast (the site is the remains of a medieval Russian town which was part of

the Pronsk Principality). The settlement and the fortified site are contemporaneous. The author interprets the different layers inside the remains of the larger sunken structures.

В.И. Завьялов

Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского¹

Дерево является первым материалом, освоенным человеком. На территории России древнейшие деревянные предметы известны из раскопок мезолитических стоянок (Нижнее Веретье I, Вис I). Дерево в древности и средневековье сопровождало человека во все периоды его жизни: от люльки после рождения до гроба после смерти. Широкому использованию древесины способствовали ее доступность, легкость в обработке, разнообразие свойств в зависимости от породы дерева.

Информативность деревянных археологических артефактов невероятно широка: это и изучение бытовых предметов, носящих утилитарное назначение, и искусствоведческий анализ предметов прикладного искусства, и исследование жилых и производственных построек, и датировка (прежде всего с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического анализов).

Внимание к археологическим предметам и постройкам из дерева заметно активизировалось с началом широкомасштабных работ Новгородской археологической экспедиции. За годы работ этой экспедиции было обнаружено несколько десятков тысяч деревянных предметов и сооружений. Всесторонний анализ артефактов приведен в работах Б.А. Колчина (1968, 1971), П.И. Засурцева (1959; 1963), Н.Н. Фараджевой (1997; 2003). Фонд находок из дерева значительно расширился благодаря раскопкам и в других северорусских городах: Пскове, Старой Ладогге, Москве, Старой Руссе и др. Наиболее представительной коллекцией остается, разумеется, новгородская: здесь индивидуальные находки из дерева представлены более чем 200 категориями, что превышает категориальный состав всех других материалов (Янин, Колчин, 1978. С. 23).

Следует отметить, что после работ Б.А. Колчина, специальные исследования по деревянным поделкам крайне немногочисленны, хотя специалисты посвящали этой категории находок отдельные главы в монографиях или статьи (Гайдуков, 1992; Голубева, 1973; Гроздилов, 1962; Лысенко, 1985; Медведев, 1967). Это было вызвано как исчерпывающим разбором практически всех категорий деревянных артефактов, приведенным в монографиях Б.А. Колчина,

так и ограниченностью памятников, из которых эти артефакты происходят. Исключением является монография Г.Е. Дубровина (2000), посвященная предметам водного и сухопутного транспорта из раскопок средневекового Новгорода.

Несомненный интерес представляют коллекции поморских памятников (Мангазея, поселение на архипелаге Шпицберген). В силу естественных обстоятельств (памятники находятся в зоне вечной мерзлоты) сохранность предметов из дерева на этих объектах очень хорошая (Белов, Овсянников, Старков, 1981). Однако коллекции деревянных предметов из поморских памятников введены в научный оборот в незначительной степени. Кроме того, не следует забывать и о специфике этих памятников: с одной стороны, они относятся к довольно позднему времени (XVI–XVIII вв.), а с другой, — оставлены «неполноценными» с демографической точки зрения группами — как правило, мореходами, землепроходцами и сезонными охотниками-промысловиками.

Не трудно заметить, что древнерусские деревянные поделки известны, главным образом, из северорусских городов. На памятниках южнее Оки в силу особенностей культурного слоя находки из дерева крайне редки. Исключением можно считать культурные слои Переяславля Рязанского и посада Старой Рязани (Буланкина, Завьялов, 2003; Завьялов, 2006; 2009), где культурные напластования переувлажнены и в силу этого способствуют хорошей сохранности артефактов из органических материалов.

Археологические исследования кремля Переяславля Рязанского выявили участки с влажным культурным слоем, хорошо сохраняющим изделия из органических материалов, в том числе из дерева. Важная информация была получена при раскопках А.Л. Монгайта в середине 50-х годов прошлого века. На раскопе № 4 обнаружены многочисленные срубы, мостовые, частоколы. Представительна и коллекция деревянных изделий, включающая различный бытовой инвентарь, посуду, детали механизмов, средств передвижения и т. п. Однако при публикации материалов А.Л. Монгайт остановился

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 10-01-54501аЦ.

лишь на констатации большого количества деревянных артефактов, не проведя его морфологического и типологического анализов (Монгайт, 1961. С. 176). К сожалению, большинство деревянных находок из раскопок А.Л. Монгайта сохранить не удалось.

В 2004 г. в кремле Переяславля Рязанского возобновились широкомасштабные комплексные археологические исследования. Раскоп площадью 160 кв. м был заложен на участке с влажным культурным слоем между Гостиницей черни и Певческим корпусом². Уже в 2005 г. были вскрыты первые деревянные сооружения. Сезон 2006 г. ознаменовался открытием дубовой мостовой, уложенной на сосновые лаги.

Начиная с шестого пласта (-120 см от условного репера) напластования на раскопе отличаются четкой стратиграфией, значительных нарушений слоя не прослеживается. Вскрытые в настоящее время слои (пласты 6–16) по керамическому комплексу и немногочисленным пока дендрохронологическим анализам датируются XVI – первой половиной XVII в. Верхняя граница этого хронологического горизонта маркируется мощными линзами извести и битого кирпича, связанными с каменным строительством в кремле во второй половине XVII в. Предложенную датировку подтверждают результаты анализа керамического комплекса, проведенного В.Ю. Ковалем (2011). Хронология 11–16 пластов определяется по керамическому комплексу и данным дендрохронологии. Керамика из этих слоев довольно однородна и одновременна, что говорит, в целом, о незначительном нарушении культурного слоя. Более 80% фрагментов глиняных сосудов 11–16 пластов датируется XVI в. Этому не противоречат и данные дендрохронологии (Карпунин, Соловьева, 2011).

Год от года возрастает количество находок из дерева. За шесть лет исследований (2004–2009) обнаружено более 170 индивидуальных деревянных предметов. Они разделяются на следующие группы: 1) средства транспорта – семь предметов; 2) орудия труда и отходы производства – пять; 3) бытовые предметы и посуда – 63 экземпляра; 4) детали мебели и архитектурные детали – три; 5) игры и игрушки – восемь; 6) орудия охоты и рыбной ловли – 12 предметов. Назначение более 70 находок определить не удалось.

В настоящее время определена порода дерева у 60 предметов, не считая строительных и архитектурных деталей (см. таблицу).

В деревообработке Переяславля Рязанского применялись главным образом местные породы: сосна, ель, дуб, вяз, липа, береза, ольха, клен. Лишь при изготовлении гребней и рукоятей ножей использован самшит³.

Детали транспортных средств представлены четырьмя копылами (рис. 1, 1–2). Вырезались копылы из дуба. Все найденные на раскопе копылы относятся к безсучковым (тип 2 по классификации Б.А. Колчина). Высота стойки составляла 22–24 см, высота

Таблица 1. Распределение изделий по породам древесины

Порода древесины	Категории артефактов
Сосна	Срубы Лаги мостовой Лопата Томар Волчки Меч игрушечный
Кора сосны	Лодочка игрушечная Футляр для печати Поплавки
Дуб	Настил и лаги мостовой Подкладки и венцы срубов Мебель Копылы Чекмарь Лопата
Береза	Веретена Крест
Вяз	Ложки Ковши
Клен	Прядильный гребень Ложки Посох
Ольха	Ложка
Ясень	Весло
Ель	Срубы Оправа для зеркала
Липа	Бревно настила мостовой Балаясина
Самшит	Рукоятки ножей Гребни

кузова – 28–32 см, то есть они относились к группе больших копылов.

При перевозке грузов необходимы были приспособления для изменения длины веревочной или ременной тяги (разновидность «траверсы»?). Такой предмет найден в 12 пласте (кв. 31, № 229)⁴. Поделка, изготовленная из коры, имеет вытянутую подпрямоугольную форму с вогнутыми дугообразными сторонами. Максимальная длина 10,5 см, толщина около 1 см, ширина по центру 2,6 см, по краям 5 см. На краях имеются прямоугольные отверстия размером 1,5 × 1,8 см. На плоскости поделки нанесен орнамент (?) из пересекающихся под различными углами прямых линий (рис. 1, 3).

Предметы, связанные с водным транспортом, представлены веслом, вырезанным из ясеня. Весло найдено в пл. 14 кв. 21 (№ 13). Общая длина предмета 91,5 см, диаметр рукояти 0,5 см. Рукоять заканчивается шипом прямоугольной формы, вероят-

² В некоторых источниках эта территория именуется Житным двором, почему и раскоп получил наименование Житного.

³ Породы древесины определены сотрудником лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН Л.Н. Соловьевой.

⁴ В работе используется трехчленный паспорт находки: пласт-квадрат-номер по коллекционной описи.

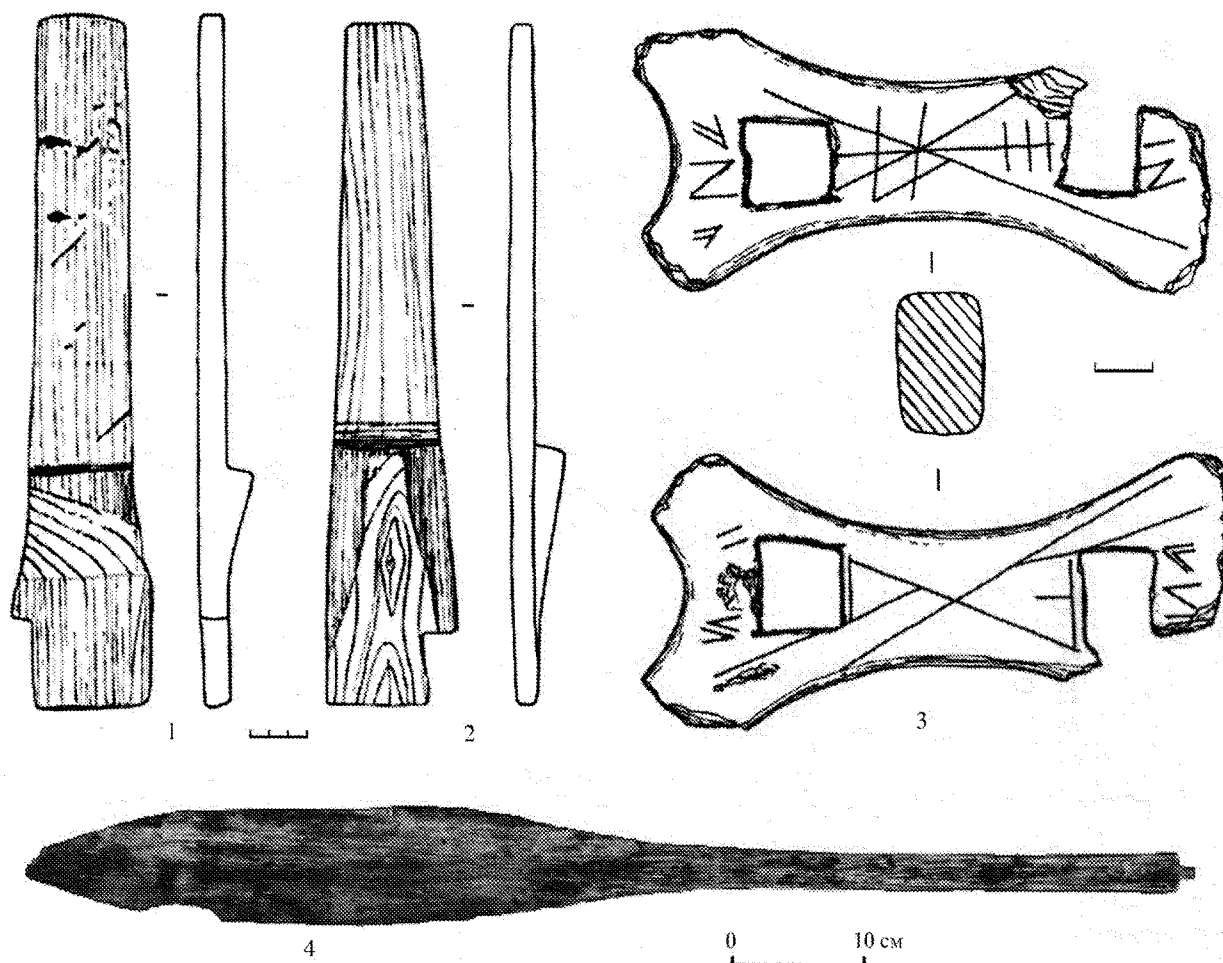

Рис. 1. Средства транспорта

1 – копыл (17-31-30); 2 – копыл (18-36-177); 3 – «траверс» (12-31); 4 – весло (14-21-13)

но, для крепления наконечника. Длина лопасти лавро-листной формы – 50 см, ширина – 9,5 см. Лопасть плавно переходит в рукоять (рис. 1, 4). По типологии Г.Е. Дубровина, весло можно отнести к безпорным гребельным веслам (Дубровин, 2000. С. 103).

Наиболее распространенными домашними производствами были прядение и ткачество. Основные орудия этих производств изготавливались из древесины. О занятиях населения исследуемого участка прядением свидетельствуют находки веретен. Веретена сохранились фрагментарно. Максимальный диаметр веретен 0,6–1,0 см. На некоторых имеются следы линейного орнамента (рис. 2, 1–3).

На раскопе найдены два гребня для чесания кудели (рис. 2, 4). Один из них, вырезанный из клена, происходит из 15 пласта (кв. 13, № 422). Ширина лопасти гребня 9,5 см, высота – около 12 см, толщина не более 1 см. Количество зубьев 31, длина – около 5 см.

Многочисленна группа бытовых предметов из дерева. Ложки сохранились фрагментарно (рис. 3, 1–2). Большинство ложек имеет крутой перелом между черенком и лопастью. На двух ложках сохранились следы красной краски. Почти полностью сохрани-

лась ложка с прямым круглым в сечении черенком. Вырезались ложки из клена, вяза и сосны.

Резные деревянные ковши представлены как готовыми предметами, так и заготовками (рис. 3, 3). Чаши ковшей имели разнообразные формы (сферические, вытянутые). Судя по заготовке (14-23-23), чаша ковши предварительно выжигалась, а уже потом начисто выбиралась резцом. У одного изделия в центре чаши имелось сквозное отверстие диаметром 1,5 см. Такой ковш мог служить для доставания из горячей жидкости твердой пищи.

Для подачи на стол напитков предназначался скобкарь – круглый в плане сосуд с двумя ручками (рис. 4, 1). Подобный предмет найден в пласте 13. Диаметр чаши – 11 см, длина ручек – 10 см. В одной из них ближе к краю сделано отверстие для подвешивания скобкаря.

Для выпекания хлеба применялась небольшая хлебопечная лопата. Она происходит из пласта 15 (кв. 36, № 344). Лопасть лопаты овальная, шириной 17,5 см и высотой 25,7 см. Рукоятка лопаты сохранилась на длину 11 см.

Пенал для хранения хозяйственных мелочей происходит из пласта 13 (кв. 15). Длина пенала 15 см,

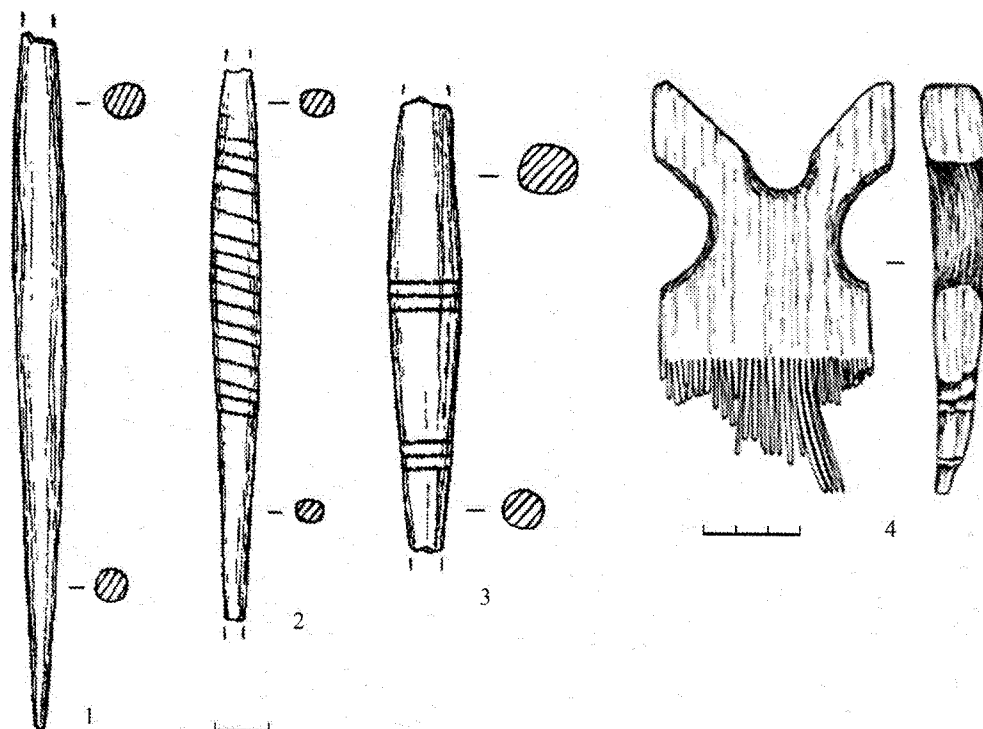

Рис. 2. Орудия прядения и ткачества

1 – веретено (13-15-317); 2 – веретено (13-32-462); 3 – веретено (13-21-420); 4 – прядильный гребень (15-13-422)

ширина 4,3 см, толщина стенок около 1,5 см. Бортики, вероятно, были приподняты для задвигания крышки (рис. 4, 2).

Широко распространенной туалетной принадлежностью были гребни. В 14–15 пластах найдено семь самшитовых гребней (рис. 4, 3, 4). Все они обломаны. Судя по стратиграфии, они датируются XVI в. Следует отметить, что по данным Новгорода, «поздняя волна» распространения самшитовых гребней приходится на XIII – первую половину XV в. (Холден, 2004. С. 71). Материалы из кремня Переяславля Рязанского значительно расширяют хронологические рамки бытования этих предметов. Четыре гребня двухсторонние, три, судя по ровно срезанному краю, – односторонние. Односторонний гребень № 181 (пл. 14, кв. 15) имеет только широкие зубцы. Сохранилось семь зубцов и один фрагментарно. Толщина гребня 0,9 см. Основание в сечении прямоугольное. Предмет сохранился на длину 4,5 см. Длина зубцов 2,3 см, расстояние между зубцами 0,3 см. В центре у правого (обломанного) края сохранился неглубоко процарапанный инициал «В» (рис. 4, 3). У двусторонних гребней длина и широких, и узких зубцов составляет около 2–3 см.

Еще одним предметом туалета были зеркала. Три рамочных оправы стеклянных зеркал в виде точеных кружков происходят из 14 (кв. 21, № 8) и 15 (кв. 32, №№ 320, 349) пластов. Диаметр оправ от 8,5 до 11,5 см. В центре имеется отверстие: либо небольшое, как-будто сделанное шилом (№ 349), либо прорезанное, – диаметром около 1 см. Отличитель-

ной чертой всех предметов является бортик шириной 2,0–2,4 см, проходящий по периметру круга. Одна из оправ (№ 320), вырезанная из ели, по бортику имеет растительный орнамент, выполненный в технике аппликации (рис. 4, 5).

К редким находкам относится футляр для восковой печати, вырезанный из сосновой коры (рис. 4, 6). Футляр имеет ковшеобразную форму с плоским дном. Общая длина поделки 5,5 см, высота – 1,7 см, максимальная ширина – 3 см. В овальной части размером 3 × 4 см вырезано углубление с неровным дном. Глубина углубления 1,0–1,2 см. Овальная часть плавно переходит в подпрямоугольное оглавие размером 1,4 × 1,3 см. В оглавии по высоте предмета прорезано округлое сквозное отверстие диаметром 0,9 см. В верхнем торце оглавия проточен паз для пропуска шнура шириной 0,6 и глубиной 0,2 см. Узкие пазы проходят от верхнего торца к отверстию с лицевой и тыльной сторон.

Определенные трудности возникают при определении назначения архитектурных деталей, поскольку часто они, отслужив свой срок, использовались вторично в качестве подкладок, вымоеток и т.п.

Из архитектурных деталей следует отметить почти полностью сохранившуюся дверь, вскрытую у западной стены сооружения № 6. Дверь лежала шпонками вниз. Высота сохранившегося фрагмента 98 см, ширина 35 см, толщина 3 см. У одного конца имеется выем шириной 2 см и длиной 30 см. Шпонки шириной 4 см расположены на расстоянии 20 и 26 см от краев (рис. 5, 1).

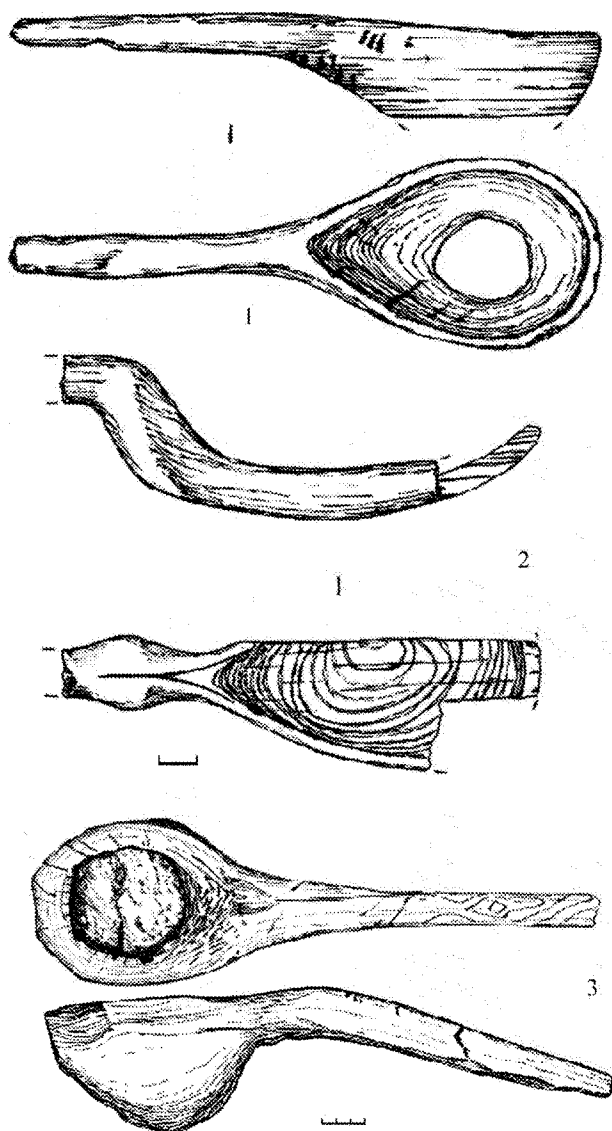

Рис. 3. Бытовые предметы

1 — ложка (12-зачистка-386); 2 — ложка (12-39-197);
3 — ковш (12-37-121)

В 10 пласте (кв. 17) был найден развал деревянной конструкции, в который входили два параллельно лежащих бруса сечением 24×14 см и длиной 115 см (рис. 5, 2), вдоль всей длины которых была сделана прямоугольная выемка шириной 8 см и глубиной 6 см. Торцы брусьев опилены по выемке на глубину 4 см. Расстояние между брусьями около 30 см. К западу от южного бруса располагался фрагмент доски, один торец которой овално опилен. Эти детали, скорее всего, являются фрагментами дверной коробки: два косяка и порог. В косяках имеются отверстия круглой формы для крепления к дверному проему.

Большинство мебельных деталей представлены отдельными фрагментами, не позволяющими определить, к какому конкретному предмету они относились. Исключение составляет фрагмент табурета в виде двух соединенных под прямым углом планок (пл. 14, кв. 21,

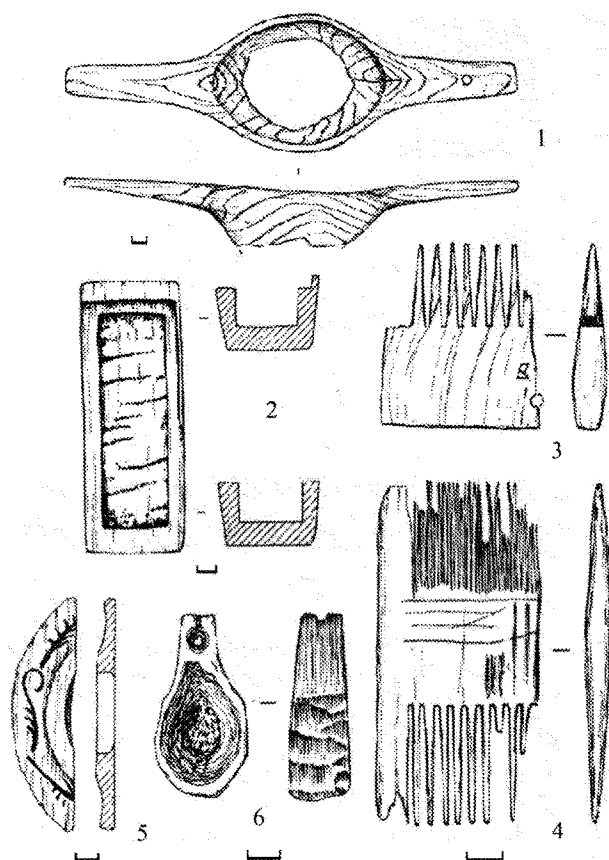

Рис. 4. Бытовые предметы

1 — скобкарь (13-33-464); 2 — пенал (13-15-317); 3 — гребень (14-15-181); 4 — гребень (14-20-153); 5 — оправа зеркала (15-32-320); 6 — футляр для печати (16-29-476)

№ 168). Ширина планок 4,0–4,5 см. Длина основной планки (в которую входила другая) 41,5 см (один конец планки обломан). Для соединения на расстоянии 13,5 см от целого конца в планке сделан сквозной прямоугольный вырез размерами $2,9 \times 2,4$ см.

Особый комплекс деревянных изделий составляют детские игрушки и принадлежности для игр (Завьялов, 2010).

Наиболее массовыми игрушками были деревянные волчки или кубари. Таких игрушек найдено четыре экземпляра. Они вырезались преимущественно из сосны. Волчки представляют собой предмет яйцевидной формы со срезанным верхом (рис. 6, 1, 2). На верхней плоской части сделано небольшое углубление для центрирования волчка при запуске. После запуска кубаря его вращение поддерживали подхлестыванием веревкой, прикрепленной к длинной палочке (в форме плетки) (Колчин, 1971. С. 51). Высота волчков составляла от 4,8 до 6,0 см, диаметр от 3,5 до 4,0 см.

Широко распространены были на Руси деревянные резные игрушки в виде фигурок животных, главным образом коней. В коллекции из Переяславля Рязанского такая игрушка представлена всего одним экземпляром — седлом от игрушки-коника (Колчин, 1971. С. 48). По форме это трапецевидный в плане

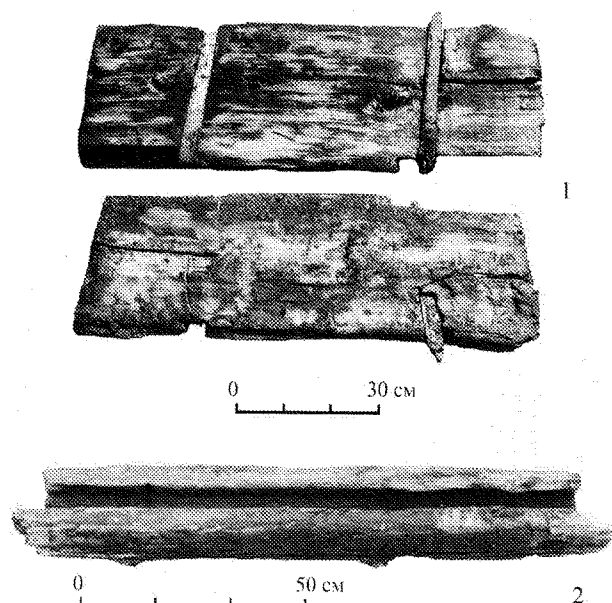

Рис. 5. Архитектурные детали

1 – дверь сооружения № 6; 2 – фрагмент дверного проема

фрагмент с треугольным вырезом посередине. Длина поделки по основанию 5,5 см, по верхнему краю – 4,7 см, высота – 1,7 см, ширина выреза 2,1 см, глубина – 1,0 см.

Детский деревянный меч вырезан из сосны (14-15-188). Длина игрушки 28,5 см, длина рукояти с перекрестием 7,5 см, ширина рукояти 1,5 см, максимальная ширина клинка 2,3 см. Меч однолезвийный, т. е. по форме напоминает палаш (рис. 6, 4).

На раскопе найдены три игрушечные лодочки (рис. 6, 5), из них одна почти целая (15-32-313), от двух других сохранились лишь фрагменты (15-23-246). Вырезаны игрушки из сосновой коры. Аналогичные поделки известны по материалам раскопок А.Л. Монгайта.

Уникальной находкой является происходящий из 18 пласта (16-183) «чиж» – предмет для уличной игры. Находка представляет деревянную чурку квадратного сечения с сужающимися концами. Длина «чижа» около 6,5 см, сечение – 1,2 × 1,2 см. На гранях сохранились метки, из которых хорошо виден косой крест (рис. 6, 3).

Принадлежности для игр представлены двумя шахматными фигурами (рис. 6, 6, 7). Одна из них (пешка?) имеет высоту 2 см, основание – овал размерами 1,4 × 0,7 см (13-3-365). Другая фигура (слон) выточена на токарном станке (11-21-218).

К предметам, связанным с охотой и рыбной ловлей, относятся деревянные стрелы – томары и поплавки. Томары вырезались из цельного куска сосновой древесины. Один из томаров (15-28-353) сохранился на 7 см. Наконечник расширяется к окончанию и слегка огранен (рис. 7, 1). Другой томар (12-30-140) сохранился фрагментарно. Наконечник имеет утолщение шириной около 1,5 см и высотой 1,2 см, переходящее в пирамидальное острие (рис. 7, 2).

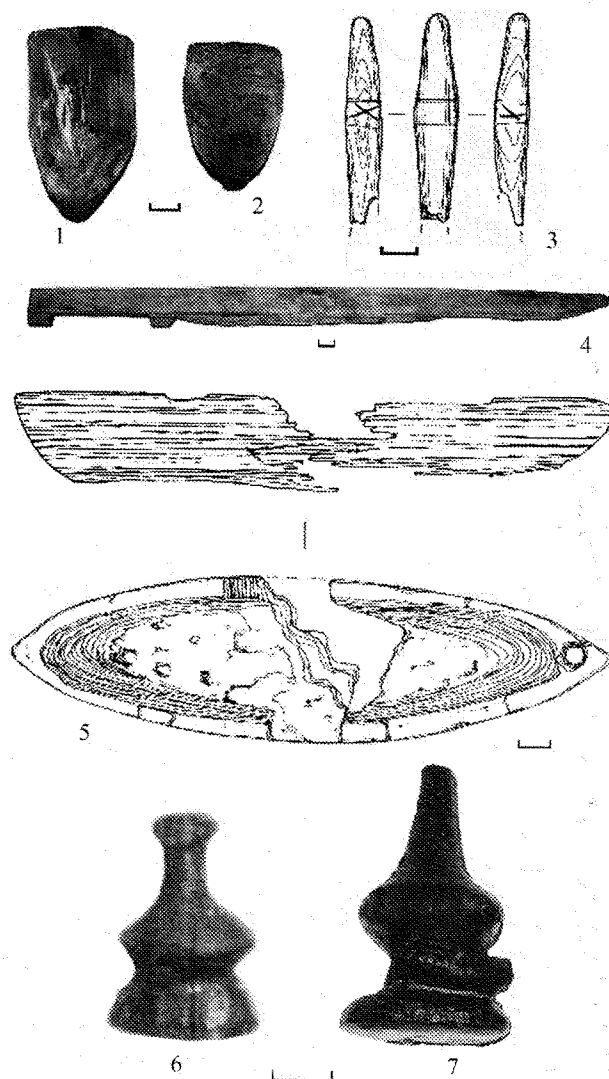

Рис. 6. Игрушки

1 – волчок (16-34-51); 2 – волчок (16-17-5); 3 – «чиж» (18-16-183); 4 – меч (14-15-188); 5 – лодочка (15-32-313); 6 – шахматная фигура пешка (13-3-365); 7 – шахматная фигура слон (11-21-218)

Поплавки для сетей (рис. 7, 3, 4) имели диско-видную форму с отверстием в центре. Большинство из них вырезано из коры сосны. Размеры поплавков разнообразны: от небольших (диаметром около 5 см, толщиной 0,7 см и диаметром отверстия 0,7 см) до крупных (диаметром 11–12 см и диаметром отверстия 1,3–1,5 см) – всего 4 экз. Вероятно, для удочки предназначался небольшой плоский поплавок грушевидной формы (рис. 7, 5), также вырезанный из коры. Максимальная ширина поплавка 4,3 см, высота 5,4 см, ширина верхней части 1,3 см, в ней прорезано круглое отверстие диаметром 0,4 см. Встречен всего один поплавок от невода сегментовидной формы с отверстиями по краям (13-39-484).

Важной проблемой работы с находками из дерева является их сохранность после извлечения из слоя. При свободной сушке на воздухе древесина значи-

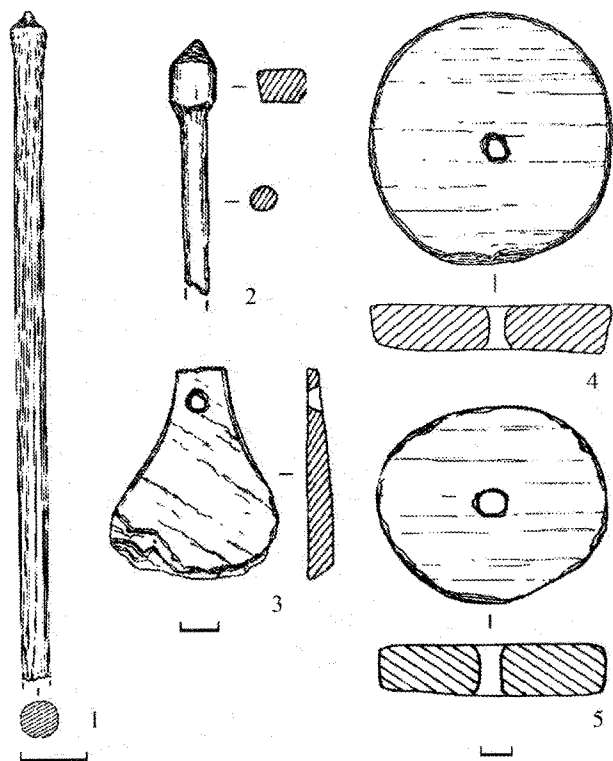

Рис. 7. Орудия охоты и рыбной ловли

1 — томар (12-30-140); 2 — томар (15-28-353);
3 — поплавок (15-33-337); 4 — поплавок (15-27-328);
5 — поплавок (13-21-420)

тельно деформируется, и предмет разрушается. Это связано с неравномерностью насыщения предмета водой: внутренняя часть, как правило, содержит больше влаги, и когда внешние слои уже подсохли, испарение воды из внутренних слоев вызывает коробление и растрескивание предмета, что в большинстве случаев приводит в последствии к его частичному или даже полному разрушению. Поэтому в Новгородской экспедиции для сохранности артефакты долгое время содержались в резервуарах с водой. Однако такое хранение затрудняло работу с предметами, требовало больших площадей для хранения и делало невозможным их экспонирование. На рубеже 60–70-х годов XX в. был изобретен способ стабилизации археологической древесины фенольными спиртами. Этот способ был апробирован и активно применялся при реставрации новгородской коллекции. К недостаткам фенольных спиртов следует отнести их высокую токсичность. В конце XX в. появилось несколько способов стабилизации археологической древесины. Из них в настоящее время наиболее широкое распространение получил способ пропитки деревянных предметов полибутилметакрилатом. Ряд наиболее значимых находок из Житного раскопа обработан этим способом в реставрационной лаборатории ГИМ Л.И. Виноградовой.

В то же время, при многочисленной, постоянно пополняющейся коллекции деревянных предметов и отсутствии в составе Рязанского историко-

архитектурного музея-заповедника профессионального реставратора археологической древесины, перед экспедицией встала задача разработки простого и недорогого способа сохранности артефактов. Так, мы пробовали пропитывать находки 10–15% раствором ПВА в 40% этиловом спирте. Этот способ удовлетворительных результатов не принес.

В то же время использование ПВА (10–15% водный раствор) сравнительно неплохо зарекомендовал себя при консервации крупномасштабных объектов (бревна сруба). Пропитка раствором начиналась непосредственно на раскопе после расчистки сооружения и очистки его от земли. Затем бревна переносили в неотапливаемое помещение, где пропитка раствором ПВА продолжалась еще в течение двух недель. После зимовки с постепенным изменением температурного режима (от положительных температур около 15°C к отрицательным и вновь к положительным температурам) дерево полностью высохло, не потеряв формы (наблюдается незначительное растрескивание), и в настоящее время практически готово к экспонированию.

Наилучшие результаты были получены при вымораживании воды из деревянных предметов. Для сохранности и предполагаемого экспонирования в музейной экспозиции все деревянные предметы после тщательной очистки помещаются в морозильную камеру при температуре минус 15 – минус 18°C. В процессе наблюдения за состоянием находок удалось установить, что изделия средних размеров (ковши, ложки, веретена, поплавки) после вымораживания в течение 15–20 месяцев практически полностью теряют влагу и могут экспонироваться при комнатной температуре. Такое длительное вымораживание деревянных предметов обеспечивает полную сохранность формы, текстуры и естественного цвета поделки. Следует оговориться, что помещение предметов в морозильную камеру для стабилизации древесины нельзя считать универсальным приемом. В каждом случае при его использовании следует учитывать степень сохранности предмета, насколько он насыщен влагой, каковы были условия залегания находки и т. п. Однако способ вымораживания представляется более предпочтительным, по сравнению с хранением предмета во влажной среде, поскольку позволяет исследователю работать с вещью: описывать, рисовать, фотографировать и т. д.

Рассмотрев комплекс деревянных изделий из Житного раскопа Переяславля Рязанского, можно прийти к выводу, что в позднем Средневековье, как и в предыдущий период, основным материалом в обиходе человека было дерево. Использовались разнообразные, в основном местные, сорта древесины. Выбор породы дерева определялся ее свойствами: копылы и чекмари вырезались из дуба, ложки и гребни для чесания кудели – из березы и клена, туалетные гребни – из самшита. На раскопе найдены уникальные находки, не имеющие аналогов в коллекциях из других памятников – футляр для печати, «чиж». Дальнейшие исследования культурного слоя Переяславля Рязанского позволят создать свод хорошо датированных артефактов из дерева эпохи Средневековья.

Литература

- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Часть II. М.
- Буланкина Е.В., Завьялов В.И., 2003. Исследования посада Старой Рязани // Уваровские чтения – V. Муром.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
- Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л.
- Дубровин Г.Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. М.
- Завьялов В.И., 2006. Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское. М.
- Завьялов В.И., 2009. Деревянные находки из Кремля Переяславля Рязанского: проблемы консервации и экспонирования // Восточноевропейский средневековый город: проблемы музеефикации, охраны и туристского использования. Тезисы докладов. М.
- Завьялов В.И., 2010. Игрушки и игры в Переяславле Рязанском в XVI–XVII вв. (по материалам Житного раскопа) // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань.
- Засурцев П.И., 1959. Постройки древнего Новгорода // МИА. № 65.
- Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.
- Карпухин А.А., Соловьева Л.Н., 2011. Предварительные результаты дендроанализа образцов древесины из Житного раскопа в Переяславле Рязанском // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань.
- Коваль В.Ю., 2011. Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв. // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань.
- Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Е1-55.
- Колчин Б.А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Е1-55.
- Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
- Медведев А.Ф., 1967. Из истории Старой Руссы // СА. № 3.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Фараджеева Н.Н., 1997. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода // Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. Т. 2. М.
- Фараджеева Н.Н., 2003. Каталог деревянных сооружений, открытых на Троицком раскопе: структура и методика // ННЗ. Вып. 17. Новгород.
- Янин В.Л., Колчин Б.А., 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.

V.I. Zavyalov

Late medieval wooden artifacts from Pereyaslavl-Ryazansky

Summary

The Zhitny excavation site in the kremlin of Pereyaslavl-Ryazansky yielded a large assemblage of wooden artifacts, manufactured mainly from lo-

cal species of wood. Among the unique finds is the wooden case for a seal, which has no analogies at other sites.

О.А. Фатюнина

Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV – XVI века¹

В ходе археологических раскопок в кремле Переяславля Рязанского в 2004–2009 гг. на Житном раскопе было обнаружено большое количество кожаной обуви и материалов сапожного производства конца XV – XVI в. По количеству изделия из кожи уступают только керамике. Анализ кожаной обуви и сопутствующих ей отходов изготовления позволяет выявить ряд немаловажных деталей, связанных не только с уровнем жизни населения, но и с качеством и особенностями кожевенного и сапожного ремесел Переяславля.

Раскоп был разбит в 2004 г. на территории так называемого житного двора, расположенного между хозяйственной постройкой, амбарами, и зданием гражданского характера – Певческим корпусом. Руководитель работ – доктор исторических наук В.И. Завьялов². Влажность культурного слоя раскопа способствует хорошей сохранности органических материалов.

Ранее эта категория находок Переяславля Рязанского планомерно не изучалась. Все исследования ограничились публикацией в прошлом столетии некоторых предметов из кожи А.Л. Монгайтом (1961. С. 298) и к краткой систематизации обуви Е.И. Оятевой (1979. С. 189–192).

Современная тенденция активного введения в научный оборот изделий из кожи ряда средневековых городов Центрального региона страны делает возможным выявление общего и особенного в сапожном ремесле отдельных зон Руси. За основу исследования обуви Переяславля Рязанского была взята методика системного описания различных видов обуви, включающая детальное описание составных частей обуви, разработанная Д.О. Осиповым (2006).

В верхних слоях Житного раскопа кожаных изделий практически нет. В слоях конца XV – XVI в. найдено значительное число деталей и фрагментов обуви, причем они составляют основную долю всех вещей из кожи (табл. 1).

Кожа присутствует практически во всех квадратах раскопа. Квадраты, где не было выявлено кожи,

Таблица 1. Хронологическое распределение находок кожаной обуви в Житном раскопе.

Хронологический период	Кон. XV в.	1-я пол. XVI в.	XVI в.
Количество обуви (% от всех находок из кожи)	1848 (94%)	1587 (85%)	372 (84%)

составляют лишь 8,5%. Изделия фиксируются в основном там, где проходили улицы и в пространстве между срубами. Незначительное количество кожи выявлено и в срубах.

Основным видом обуви жителей Переяславля Рязанского в конце XV – XVI в. были сапоги. Крайне редко встречаются лыковые лапти. В единичных экземплярах обнаружены поршни. Значительный интерес представляют обнаруженные плетения из лыка и поверх – из кожаных ремешков, которые предположительно можно обозначить как кожаные лапти.

Самой распространенной обувью населения русских городов в XV–XVI в. были сапоги (Исюмова, 1959. С. 214). Именно поэтому при раскопках было обнаружено внушительное количество их составных частей (табл. 2).

Таблица 2. Хронологическое распределение деталей сапог, найденных на Житном раскопе.

Детали	Количество		%	
	кон. XV в.	XVI в.	кон. XV в.	XVI в.
Детали верха	621	445	53,5%	56,7%
Детали низа	297	176	25,6%	22,4%
Подкладка	243	164	20,9%	20,9%
Всего	1161	785	100%	

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-54501а/Ц.

² Автор выражает благодарность В.И. Завьялову за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал.

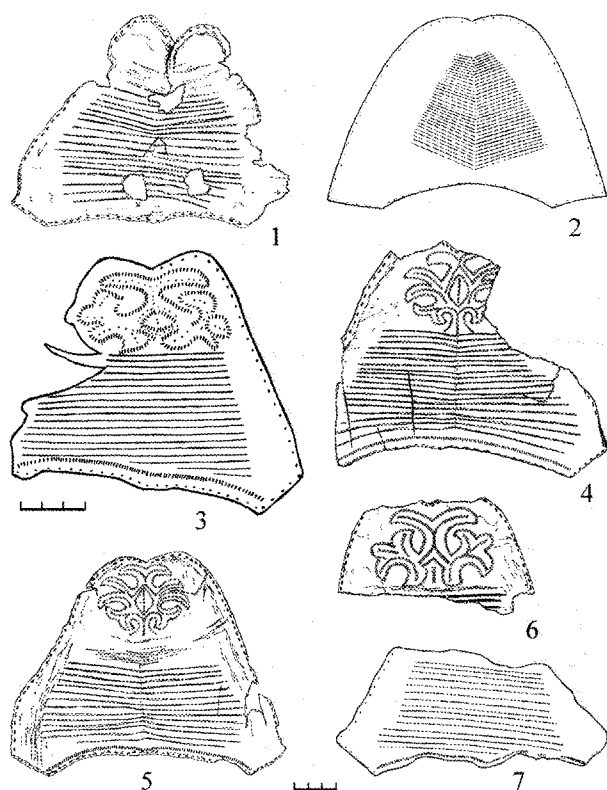

Рис. 1. Головки сапог и их фрагменты

Хорошая сохранность большинства изделий позволила провести тщательный анализ формы кроя деталей и выявить их индивидуальные признаки и схожие черты на протяжении всего рассматриваемого периода.

Подавляющее большинство всех деталей – головки. По данным статистического изучения можно сказать, что различные по форме кроя головки сосуществовали, но, тем не менее, в слоях конца XV – XVI в. преобладает вогнутый носок и выпуклый верх (рис. 1, 1; табл. 3).

Большая часть головок украшена. Чаще это тиснение – глубокие параллельные горизонталь-

ные линии, являвшиеся одновременно и технологическим приемом, предотвращавшим появление складок при эксплуатации. Зафиксированы несколько головок, датируемых XVI в., со следами расшивки цветными нитями (рис. 1, 3–6). Единственный сюжет вышивки – растительный орнамент. На головках наблюдается практически идентичное, без серьезных вариаций, схематичное изображение трилистника (клевера). Этот мотив был излюбленным среди православного населения Руси, поскольку в христианской традиции он ассоциировался с Божественной Троицей. Орнамент расположен на носке головки (рис. 1, 3–6), центральная же часть украшена тиснением, а по верхнему краю прослеживается линия декоративных прорезей (рис. 1, 3–5, 7). Согласно мнению А.В. Курбатова, «вышивка на сапогах – достаточно редкий способ декорирования в русских городах, применительно к данному виду обуви» (Курбатов, 2008. С. 251). Тем не менее, на Житном раскопе Переяславля Рязанского такое украшение присутствует на четырех (пяти?) экземплярах. На четырех головках изображение в хорошей сохранности, на пятой носок отсутствует, но по имеющимся декоративным прорезям по верху головки можно предположить, что на носке также была вышивка (рис. 1, 7). Для головок из слоев, датируемых концом XV в., был характерен совсем иной декор – линование в виде елочек (рис. 1, 2).

Голенищ достаточно много, встречаются и полные формы, несмотря на то, что голенище, как никакая другая деталь, подходит для вторичного использования. Столь нерациональное отношение к целым голенищам хорошего качества схоже с ситуацией во Владимире-на-Клязьме (Осинов, 2007. С. 142).

Высота голенищ колеблется от 20 до 33 см, по крою они двухчастные, с кососрезанным верхом (рис. 2, 2). Украшение голенищ было весьма распространенным явлением. Оно представлено вырезами круглой формы в верхней части детали, куда могла вшиваться ткань (рис. 3, 9). Фрагменты кожи с декором в виде маленьких черточек с определенной долей вероятности также можно отнести к голенищам (рис. 3, 7–8).

Другая составляющая сапог – задники (рис. 2, 3–5). Существовали несколько видов задников по

Таблица 3. Хронологическое распределение формы кроя головок³.

Носок	Кон. XV в.	XVI в.	Кон. XV в.	XVI в.	Кон. XV в.	XVI в.	Кон. XV в.	XVI в.
	Верх							
	вогнутый		выпуклый		прямой		не определен	
вогнутый	9	19	32	20	22	11	–	9
выпуклый	–	–	–	–	–	–	–	–
не определен	–	5	8	–	2	3	–	–
прямой	1	2	–	–	1	–	–	1

³ Рассмотрены хорошо сохранившиеся головки.

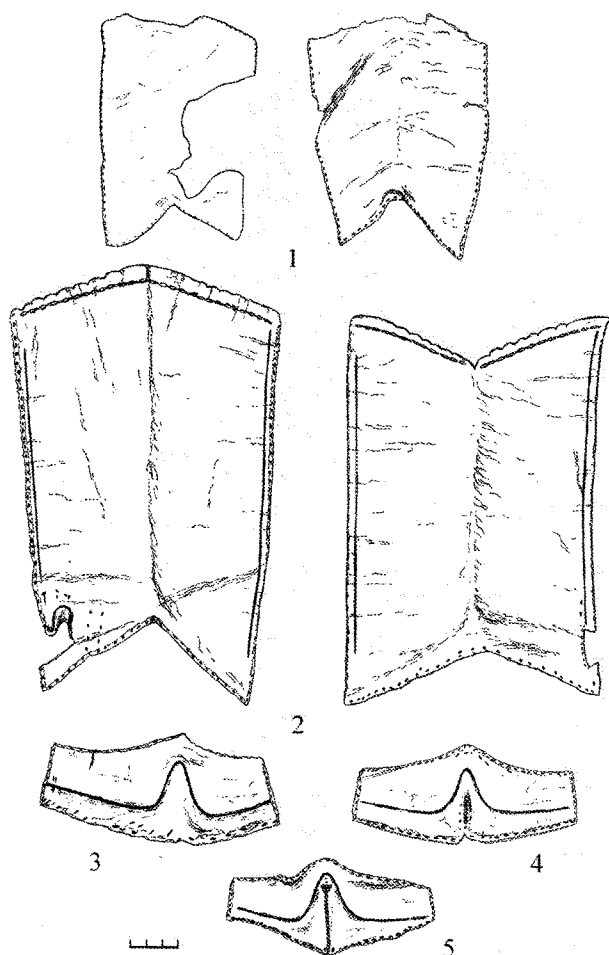

Рис. 2. Детали и фрагменты кожаных сапог
1–2 – голенища; 3–5 – задники

форме кроя (табл. 4). Преобладающий вид задников – заостренный верх и выпуклый низ (рис. 2, 5).

Задники состояли из нескольких слоев кожи и берестяных вкладок, что придавало им прочность. Подобная многослойная конструкция фиксировалась гвоздиками, расположение которых являлось еще одним способом украшения сапога (рис. 2, 4–5).

Подкладка представлена поднарядом. Для периода XVI в. характерен составной поднаряд (рис. 4, 1в, 1г). Составные поднаряды двух видов: состоящие из двух и трех частей. В материалах конца XV в. ярко заметно применение неполных поднарядов, т. е. копирующих не всю головку, а лишь места крепления с подошвой, что было связано, вероятно, с экономией материала.

Подошвы имеют заостренный носок и округлую пятку (рис. 4, 1а). О широком бытовании этого типа подошв писала Е.И. Оятева (1979. С. 190). В слоях XVI в. наблюдается уменьшение количества подошв с хорошо сохранившимися носками, подбитыми гвоздиками. Расположение гвоздиков на носках варьирует. Наиболее распространены прямые ряды расположенных близко друг к другу гвоздиков (рис. 4, 2а). Встречаются ряды гвоздиков лишь по краю носка, в

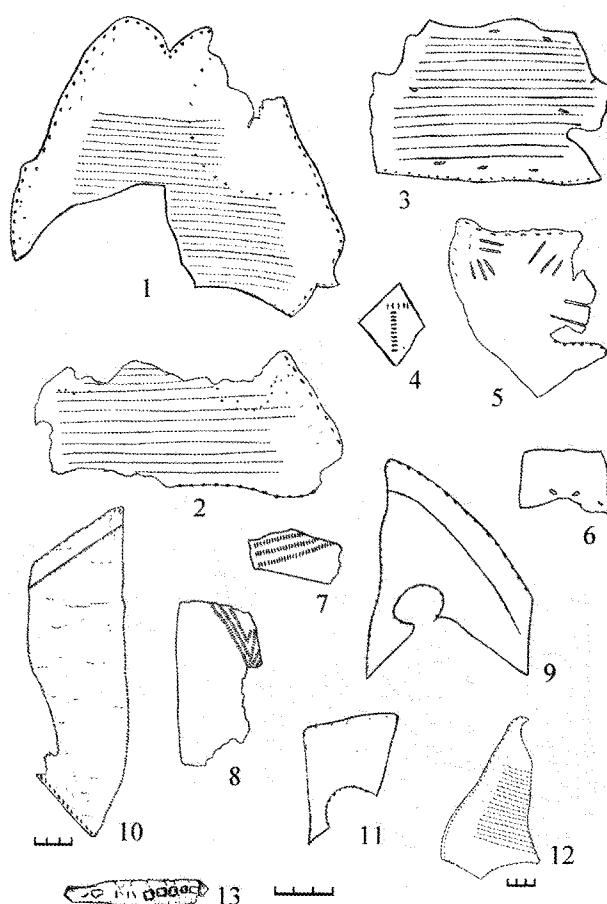

Рис. 3. Детали и фрагменты кожаной обуви

1–2 – головки сапог со следами ремонта; 3 – заплатка на головку сапога; 4–5 – кожа со следами тренировки прорезей; 6, 13 – обрезки поршней; 7–8 – фрагменты декорированных голенищ; 9–11 – обрезки голенищ; 12 – обрезок головок

центре же они расположены в виде креста или прямой линии (рис. 4, 1а). Е.И. Оятева также обнаружила украшение носка подошвы. Она указывала на «ромбовидную пластинку, прикрепленную к коже 24 металлическими шпильками, от которых сохранились только окислы» (Оятева, 1979. С. 192).

Несмотря на высокую информативность отдельных составных частей кожаных сапог, наибольший интерес представляют целиком сохранившиеся формы обуви, позволяющие полностью реконструировать ее вид. Наряду с полными формами сапог взрослого населения, не редки находки детских сапожек. Детская обувь по форме кроя деталей и технологии сборки идентична взрослой, отличает ее лишь маленький размер (рис. 4, 1) – с длиной головки 8–9 см, шириной 7–8 см у носка и 12–15 см у верха (рис. 4, 1б). Поднаряды как двух, так и трехчастные (рис. 4, 1в, 1г). Размеры задников 4–5 × 12–13 см, по конструкции – жесткие (внутренний задник, кожаные вставки, берестяные прокладки, задник). Детали детской обуви также декорировались. В длину подошва составляла 13–15 см, ширина перемычки – 4 см (рис. 4,

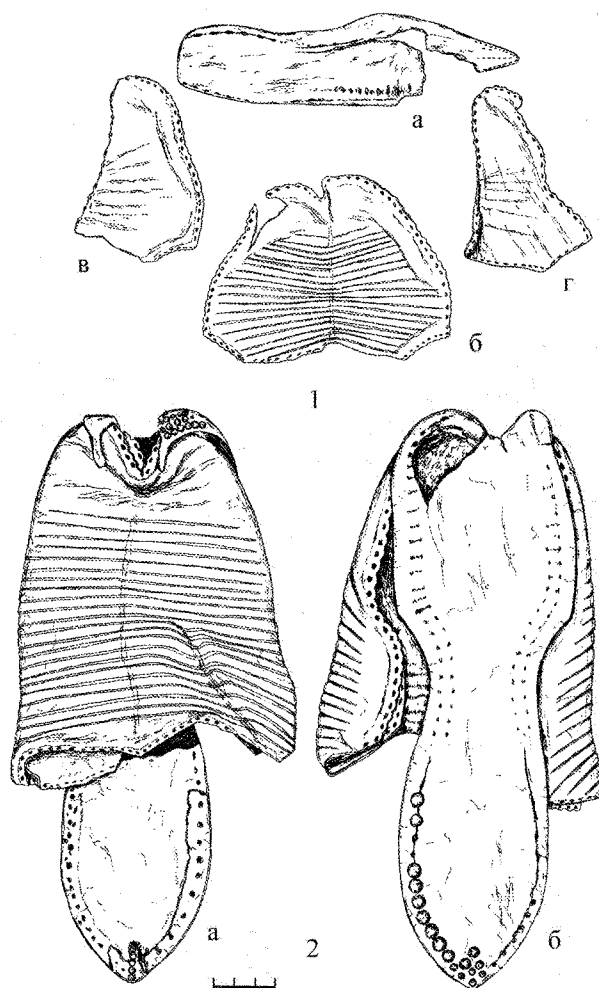

Рис. 4. Кожаные сапоги (реконструкция Д. А. Иванова)
1 – детский; 2 – взрослый

1а). Высота голенищ – 15–18 см (рис. 2, 1). Однако детская обувь представлена в незначительном количестве по отношению к взрослой.

В Переяславле Рязанском не редки находки плетений из кожи (рис. 5). Обнаруженные артефакты пред-

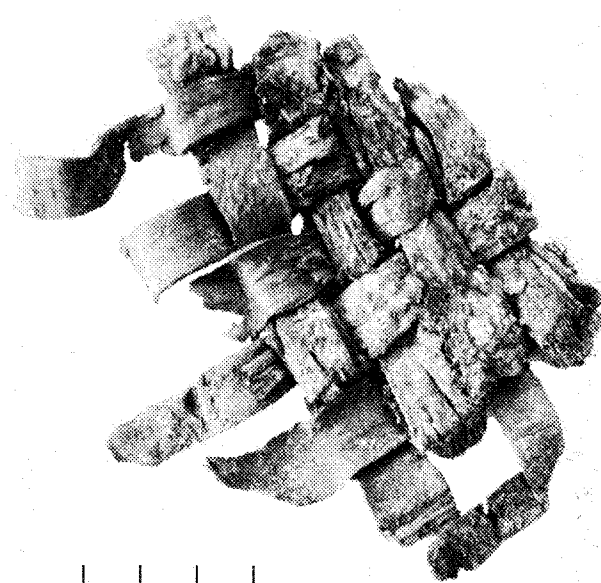

Рис. 5. Плетение из кожи

ставляют собой плетение из лыка и кожаных ремешков, изготовленных из уже бывшей в употреблении кожи (как правило, из обрезков голенищ и головок, на что указывают характерные для этих деталей обуви шовные отверстия). Возможно, это обрывки кожаных лаптей, хотя исследователи отмечают, что, «судя по малочисленности такой обуви, она слабо распространена в городах» (Осипов, 2006. С. 41).

Поршни представлены лишь обрывками. Так, выявлено изделие – ровный обрезок (10,5 × 2,0 см) верхнего края поршня с рядом отверстий, через которые проходит тонкий, шириной 0,4 см, кожаный ремешок (рис. 3, 13). Кроме того, обнаружен небольшой фрагмент кожаной вещи с прорезями, который также можно отнести к поршню (рис. 3, 6). Малочисленность и неполная сохранность этого вида обуви, в принципе, объяснима. Фрагментарность связана с изначальным незначительным размером кожи, шедшей на поршень. Весьма непрочным и недолговечным поршень делало обилие разнообразных прорезей, являющихся

Таблица 4. Хронологическое распределение формы края задников⁴.

Низ	Кон. XV в.	XVI в.	Кон. XV в.	XVI в.	Кон. XV в.	XVI в.	Кон. XV в.	XVI в.
	Верх							
	прямой		заостренный		округлый		не определен	
ровный	–	–	1	1	–	1	–	–
вогнутый	1	7	1	13	–	5	–	9
не определен	–	–	–	2	–	–	–	–
выпуклый	8	6	21	35	2	11	3	4

⁴ Рассмотрены хорошо сохранившиеся задники.

не только украшением, но и необходимой составляющей для крепления обуви на ноге.

Приходившие в негодность детали обуви подвергались починке. Достаточно часто встречаются головки со следами ремонта (рис. 3, 1–2) и сами заплаты (рис. 3, 3). На изношенную часть головки крепилась заплатка, которая изготавливалась из уже бывшей в употреблении детали обуви. Как правило, на заплаты шли головки и голенища, о чем говорит декор (тиснение) и характерные для той или иной детали отверстия для крепления. Например, в сезоне 2007 г., в слое XVI в., около 10% головок имели следы ремонта. И лишь 3,8% головок от явно истертой обуви не ремонтировалась.

Продлевался и срок службы голенищ. Обнаружена деталь со следами от шва, скреплявшего разорвавшуюся кожу. Многочисленные обрезки обувных деталей говорят о широком распространении вторичного использования кожи, способствовавшей существенной экономии расходуемого материала (рис. 3, 9–12).

Характеризуя степень развития сапожного производства в Переяславле Рязанском нельзя не отметить его высокий уровень. Для кожевенного материала характерно хорошее качество дубления: процент расслоения кожи довольно низок. Можно отметить лишь не совсем аккуратные следы от швов на обувных деталях в местах, пришедших в негодность – они свидетельствуют о домашнем ремонте самим владельцем.

Вероятно имело место и ремесленное ученичество. Обнаружено несколько изделий, которые могут быть

идентифицированы как материал для тренировки в проделывании декоративных прорезей, выполненных при помощи острого предмета (рис. 3, 4–5). Подобные артефакты А.В. Курбатов обозначает как «учебный материал», свидетельствующий о наличии обучения сапожному мастерству (Курбатов, 2003. С. 176).

Наличие обрезков первичного раскроя позволяет предположить, что на территории Житного раскопа находилась сапожная мастерская. Однако ее еще предстоит четко локализовать и датировать, поскольку сам факт наличия обрезков не является неопровержимым свидетельством обувного производства. Скопление обрезков кожи на территории усадьбы было неизбежно ввиду невозможности их вторичного использования и последующей утилизации (Осинов, 2010. С. 215). О наличии мастерских на территории Кремля писал А.Л. Монгайт, так как здесь «на протяжении нескольких веков селились кожевники, сапожники, шорники». Подтверждают это и найденные в ходе раскопок инструменты: «ножи, шилья, иглы, молотки-гвоздодеры... усморезный нож» (Монгайт, 1961. С. 298).

Подводя итоги, следует отметить высокий уровень сапожного ремесла в Переяславле Рязанском в конце XV–XVI в. В целом, технология изготовления и форма кроя основных деталей обуви схожа с рядом средневековых городов Руси, но есть и местные особенности, проявляющиеся в нередкой расшивке головок сапог и распространенности кожаных лаптей. Выяснить причины этих особенностей позволит анализ новых материалов сапожного производства рассматриваемого периода.

Литература

Исюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. М.

Курбатов А.В., 2003. «Меры сапожные» и проблематика ремесленного ученичества // АВ. № 3. СПб.

Курбатов А.В., 2008. Музееведение и археология – две составляющие в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла // АВ. № 15. СПб.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Осинов Д.О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. Материалы охраняемых археологических исследований. Т.7. М.

Осинов Д.О., 2007. Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира // АВСЗ. Вып. 1. М.

Осинов Д.О., 2010. К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // АП. Вып. 6. М.

Оятева Е.И., 1979. Обувь из раскопок Переяславля Рязанского // Археология Рязанской земли. М.

O.A. Fatyunina

The leather shoes of Pereyaslavl' Ryazansky in the end of the 15th – 16th centuries

Summary

The article is devoted to the results of the typological and technological analysis of the leather shoes discovered in the Zhitny excavation of the Pereyaslavl' Ryazansky (modern Ryazan) Kremlin and dated to the end of the 15th – 16th centuries. The studying of a rich collection of these artifacts allows drawing a conclusion that the shoes of Pereyaslavl' Ryazansky had a lot in common with the ones found in different

medieval Russian urban centres: Moscow, Vladimir, and Novgorod. Nevertheless, the author pays special attention to some peculiarities which were typical of the inhabitants of this territory, such as quite unique ornamentation on shoes. The author supposes the workshop specialized in shoemaking was situated in the Zhitny excavation trench. It is necessary to determine the precise location of this workshop.

С.А. Кабатов

Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи

Территориальные рамки Костромского Поволжья определяются устоявшимся в российской археологической литературе понятием (Рябинин, 1986. С. 5; «Археология Костромского края», 1997. С. 7) – оно охватывает основную часть Костромской области (костромской отрезок р. Волги), включает левобережную часть бассейна Волги от ее притоков Костромы, Солоницы и Костромской низменности на западе до р. Унжи и меридиональной излучины русла Волги на востоке. Его южная граница проходит по правобережью Волги в Костромской области и отчасти – приволжским районам Ивановской области, северная – по водоразделу Волжского и Северодвинского бассейнов. Очерченная территория совпадает с северной частью ареала так называемых костромских могильников, составлявших в эпоху развитого Средневековья отдельный регион древнерусской курганной культуры (Рябинин, 1986. С. 5).

Костромское Поволжье расположено в центральной зоне Русской равнины. Территория представляет собой холмистую равнину, рассеченную многочисленными речными долинами. В общем направлении с севера на юг область пересекает Галичско-Чухломская гряда, сформировавшаяся 23–13 тысячи лет назад на последней стадии Валдайского оледенения. Возвышенность служит водоразделом бассейнов рек Костромы и Унжи. К западу от нее простирается Костромская низменность, ныне практически полностью затопленное водохранилищем. Когда-то это была обширная луговая пойма, изобиловавшая озерами и протоками, затоплявшаяся в половодье водами Волги и Костромы (рис. 1). Описание Костромской губернии под 1861 годом так характеризует данную территорию: «...пространство состоит из низменной луговой равнины, покрытой озерами и наводняемой ежегодно весенним разливом, соединяющим свои воды с Волгою; только не многие возвышения, на которых расположены селения, выходят из разлива, во время которого, они кажутся как бы островами среди вод. Описываемое поемное пространство Костромского уезда, непосредственно соединяется с таковым же разливом Даниловского уезда Ярославской губернии, и составляет пространство в длину по р. Волге от г. Костромы до деревни Тимохиной, лежащей на луговой Ярославской дороге, около 35 верст, а в ширину около 25 верст. Разлив начинается с общим

движением весенних вод и продолжается вообще около 5 недель. Заканчивается разлив не ранее конца апреля, начала мая, иногда и не ранее первой половины июня». Там же упоминается некое озеро Вёжское, которое «... имеет до 2 верст длины, и от 450 до 650 сажен ширины; лежит близ погоста Вёж; имеет грунт дна и берегов иловатый и вязкий; глубина его от 1–3 аршин; грунт вязкий, берега отлоги и на половину закрыты лесом» (Крживоблоцкий, 1861. С. 44, 74). Точное местоположение этого озера определить затруднительно, поскольку на картах генеральных межеваний и Генерального штаба водоемы не всегда указывались достоверно.

Обширные пойменные и суходольные луга служили хорошей кормовой базой для животноводства. В Костромском Заволжье известны выходы болотной железной руды, особенно богатые по левым притокам р. Костромы: Андобе, Тёбзе, Вёксе Галичской и др. Это обстоятельство имело «большое значение для населения глухих лесных мест на протяжении последних трех тысяч лет. Не случайно кустарное производство железа из местной руды существовало почти до начала XX столетия» (Еремин, 1947. С. 39).

В 1952 г. в связи со строительством Горьковского водохранилища часть поселений Костромской низины была ликвидирована, жители переселены в другие населенные пункты. Затопленная часть низины (рис. 2), в составе водохранилища, в настоящий момент именуется местным населением «Костромским морем».

История проникновения русского населения в Костромское Поволжье археологически довольно плохо изучена. Все исследования сводятся к изучению материалов культуры костромских курганов (XI–XII вв.) – периода бытования субстратного населения в Костромском Поволжье – материалов, полученных в ходе работ на курганных могильниках во второй половине XIX – начале XX в. Археологические памятники, содержащие максимум информации о материальной культуре Костромского Поволжья (селища, городища) фактически не исследованы.

Заселение Костромского Поволжья славянским населением начинается с XI в. и протекает двумя потоками: с северо-запада (из новгородско-псковских земель) и юга (из ростово-суздальских). Первый поток начинался в новгородских землях, направляясь

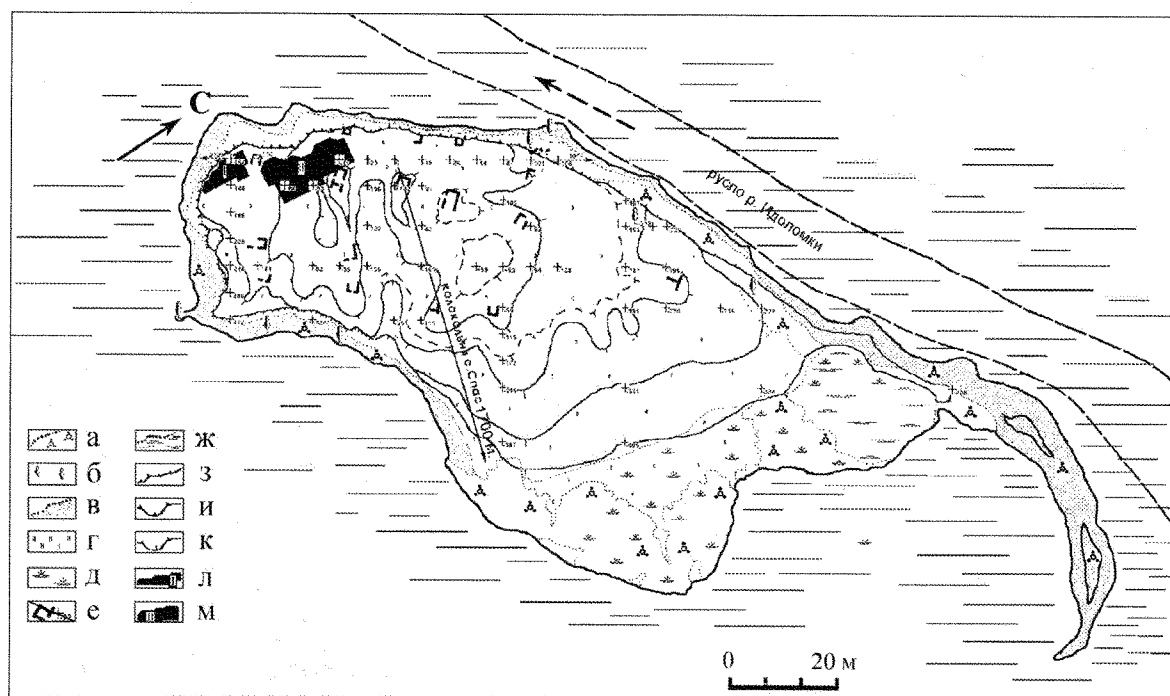

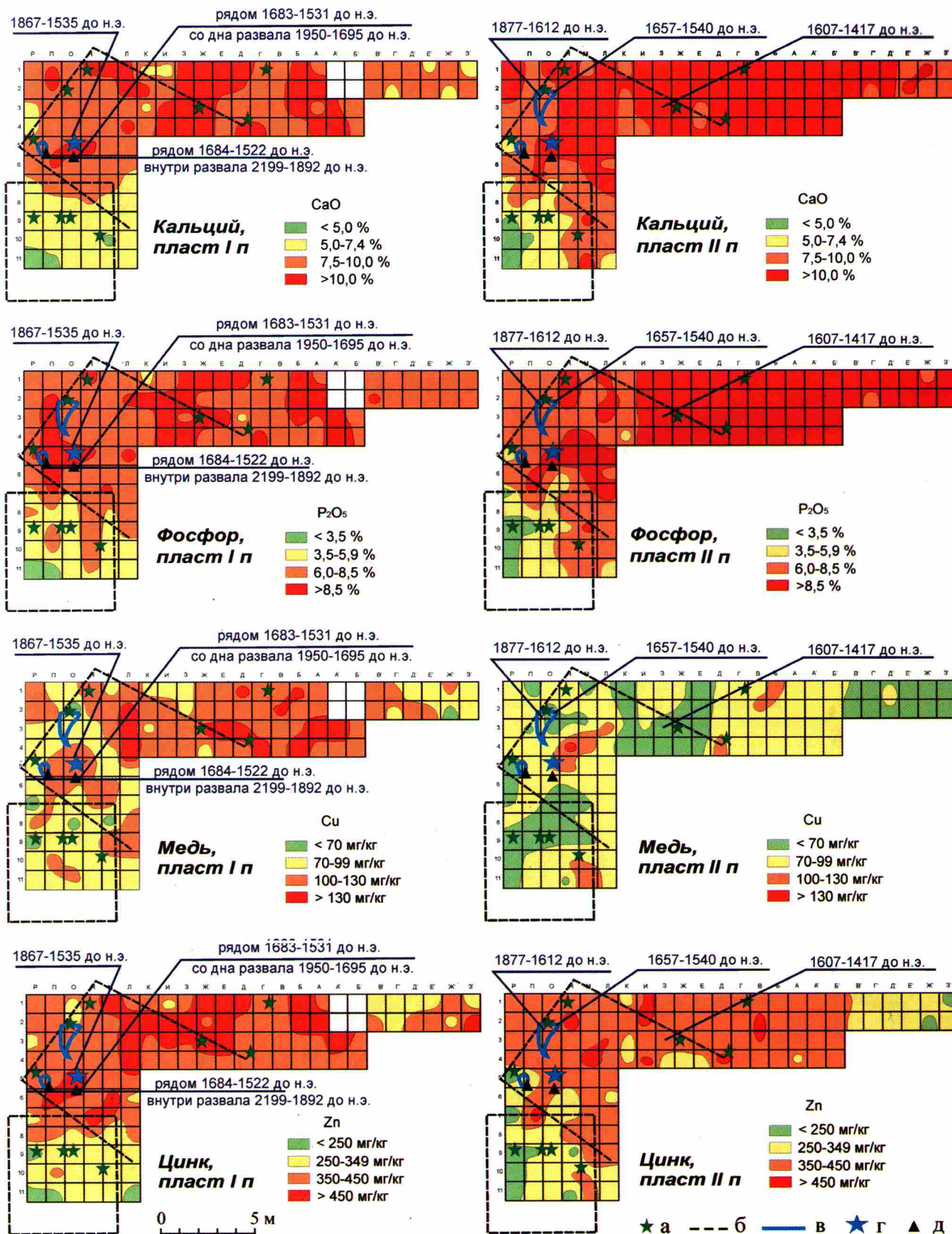
Рис. 3. Селище Вёжи. Ситуационный план

а — зона распространения кустарника; б — отдельно стоящие деревья; в — граница зоны размыва песчаного основания острова и культурных напластований; г — дерновое покрытие; д — заболоченные задернованные участки; е — остатки каменных фундаментов, нивелировочные отметки дневной поверхности; ж — граница заболоченной местности; з — граница осыпи; и — граница обрыва; к — горизонталы, бергштрихи; л — раскоп I; м — раскоп II. (Сечение горизонталей через 1 м)

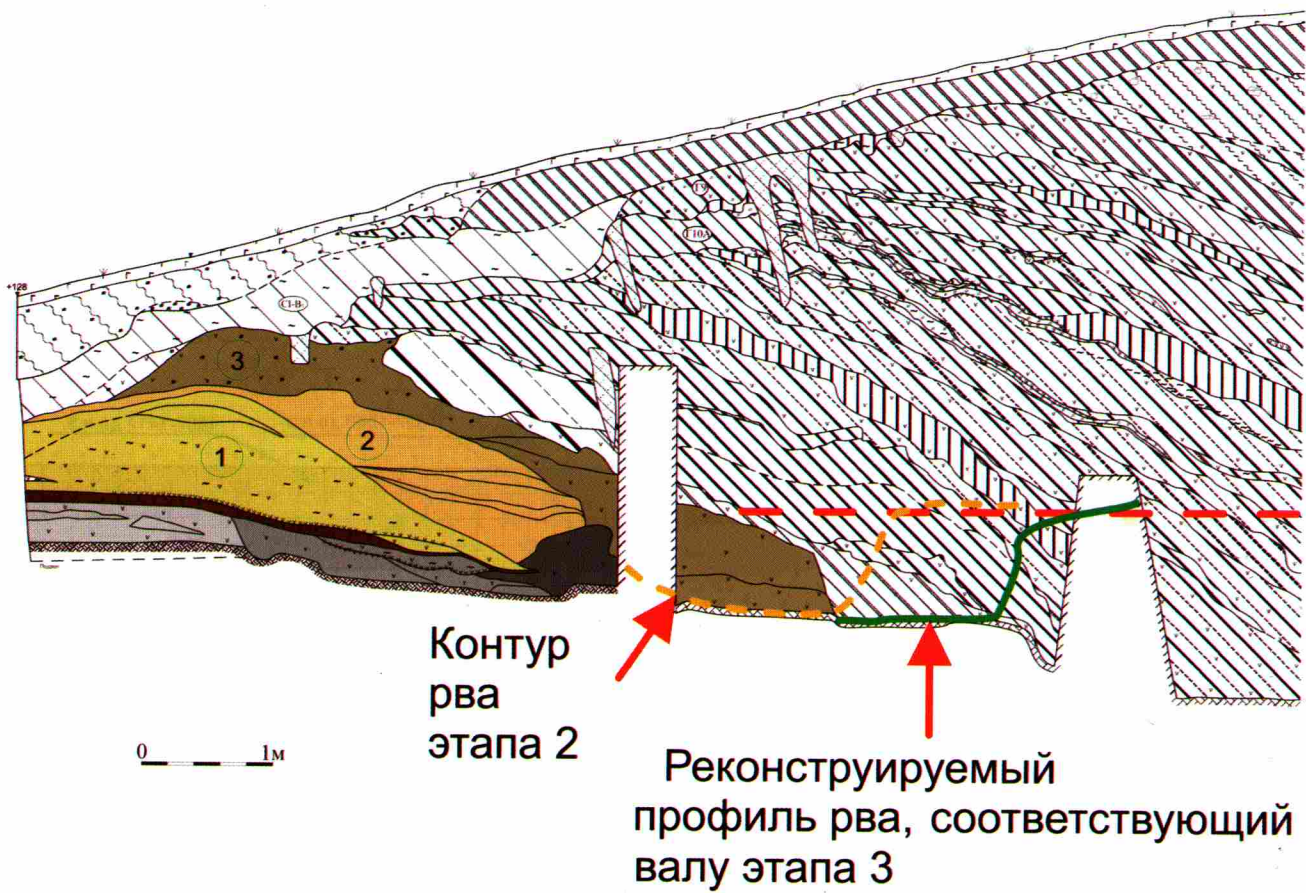
в бассейны Сухоны, Северной Двины и Вычегды, и далее по р. Костроме. Знакомство новгородцев с этой речной магистралью документировано письменными источниками. Северо-западная колонизация достигла Костромского Поволжья в тот период, когда этот район, скорее всего, был ничейной территорией. О проникновении в Костромской регион новгородцев свидетельствуют архаические пласты лексики в современных северорусских говорах, восходящих, по мнению лингвистов, к эпохе начального славянского освоения края. Лексическая зона, отражающая новгородскую колонизацию, включает течение р. Костромы и бассейны Галицкого и Чухломского озер (Мельниченко, 1974. С. 90).

Путь южного колонизационного потока из Суздальского Ополя в Костромское Поволжье проходил через бассейн р. Клязьмы. Столкновение двух славянских потоков на территории Костромского Поволжья происходит в районе впадения р. Костромы в р. Волгу в XII — первой половине XIII в. в результате расширения ростово-суздальской территории. Оно привело к тому, что появление во второй половине или конце XII в. форпостов «низовской» колонизации — городов Костромы и Галича — закрепило рассматриваемую территорию за Ростово-Суздальской землей. Под прямым контролем владимирских князей оказался бассейн р. Костромы, служивший некогда путем продвижения новгородцев в Поволжье.

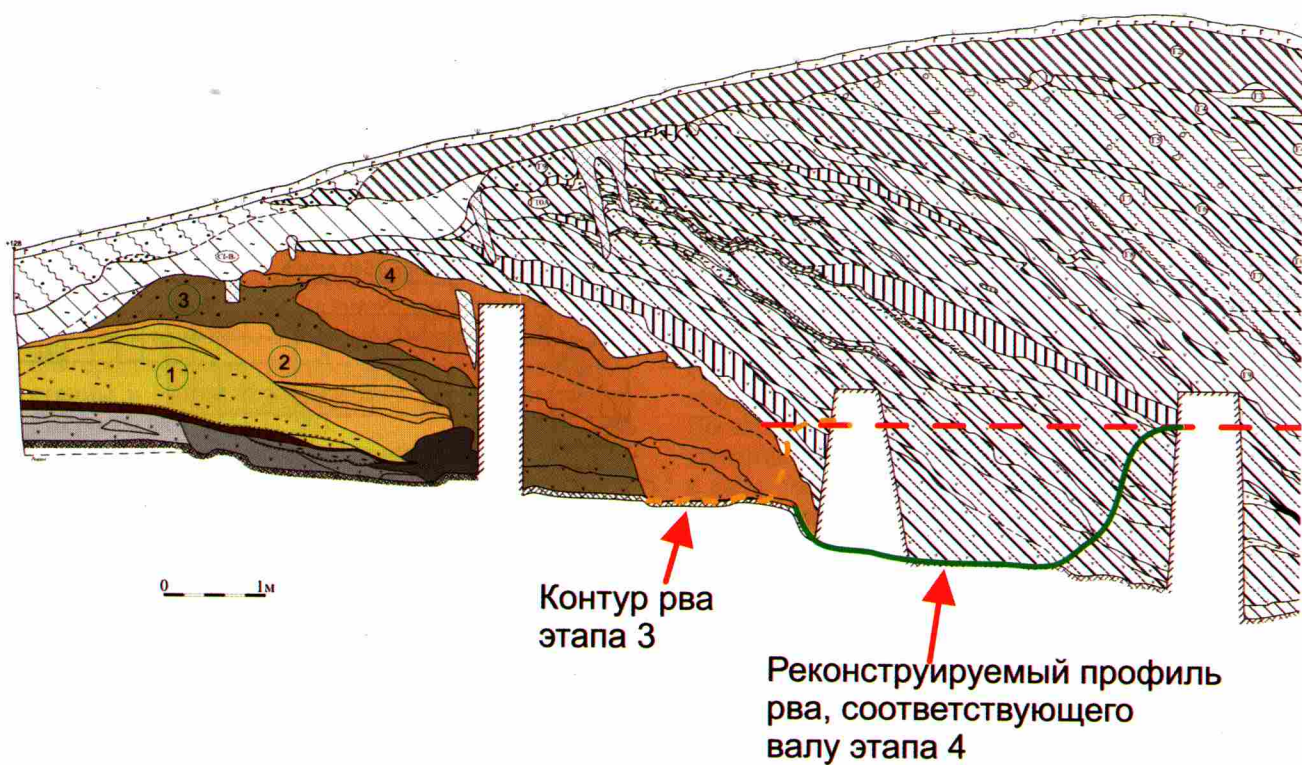
Именно в контактной зоне столкновения двух славянских колонизационных потоков находится селище Вёжи (Костромская низина, низовья р. Идоломки в бассейне р. Костромы). Селище изначально занимало выгодное положение на правом берегу дельты р. Костромы при впадении ее в р. Волгу (Кабатов, 1999; 2004б; 2008; 2009). Памятник был открыт в 1995 г. в ходе археологического обследования Костромского разлива Горьковского водохранилища. Селище изначально располагалось на дюнной возвышенности левого берега р. Идоломки, впадавшей до строительства Горьковского водохранилища в оз. Святое (вероятно, оно же *Вёжское озеро*) Костромской низины. Поселение относилось к приречному типу, будучи ориентировано по руслу р. Идоломки (ССВ-ЗЮЗ), и было застроено по принципу прибрежно-рядовой планировки (рис. 3). В настоящее время в результате затопления низины водохранилищем памятник окружен водой, и его остатки представляют собой остров подковообразной формы, находящийся в 1,5–1,7 км от д. Спас. Западная часть памятника интенсивно разрушается весенними паводковыми водами и прибоем Горьковского водохранилища (рис. 4; рис. 5). В местах наибольшего разрушения, под раскопами I–II, нами в годы исследований были возведены берегоукрепительные частокольные линии (рис. 6), сдерживающие дальнейшее разрушение слоя в этих местах. Культурный слой памятника сложился из остатков

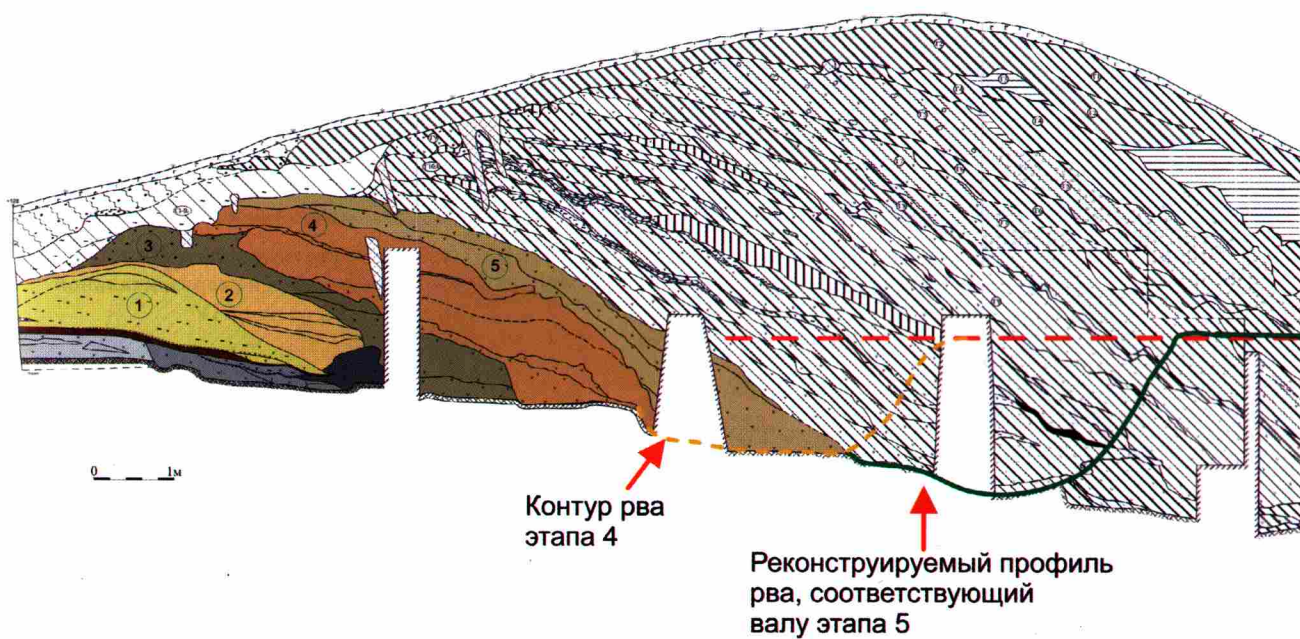
К статье А.Л. Александровского, К.В. Воронина, Е.И. Александровской, М.И. Дергачевой, Д.А. Мамонтовой, А.В. Долгих «Естественнонаучные методы изучения...». Рис. 5. Песочное-1. Раскоп 3. Распределение концентраций элементов (кальций, фосфор, медь, цинк) по пластам
а – бронзовые выплески; б – границы сооружений; в – развал печных камней;
г – очаг; д – развалы сосудов около очага

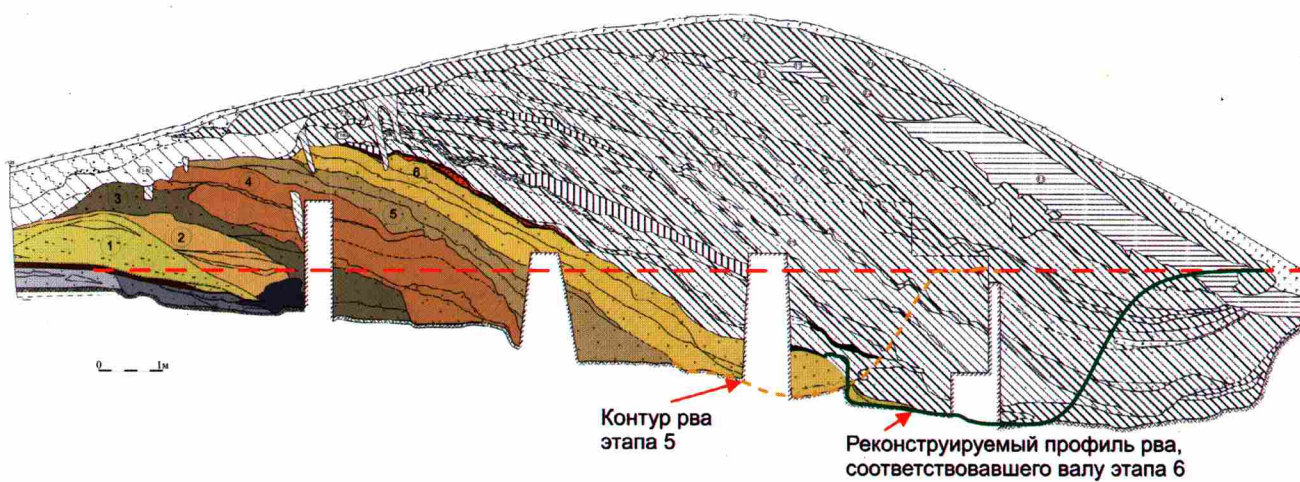
К статье В.Ю. Коваля «Ростиславльский курган»...». Рис. 9. Вал этапа 3

К статье В.Ю. Коваля «Ростиславльский курган»...». Рис. 10. Вал этапа 4

К статье В.Ю. Коваля «“Ростиславльский курган”...». Рис. 11. Вал этапа 5

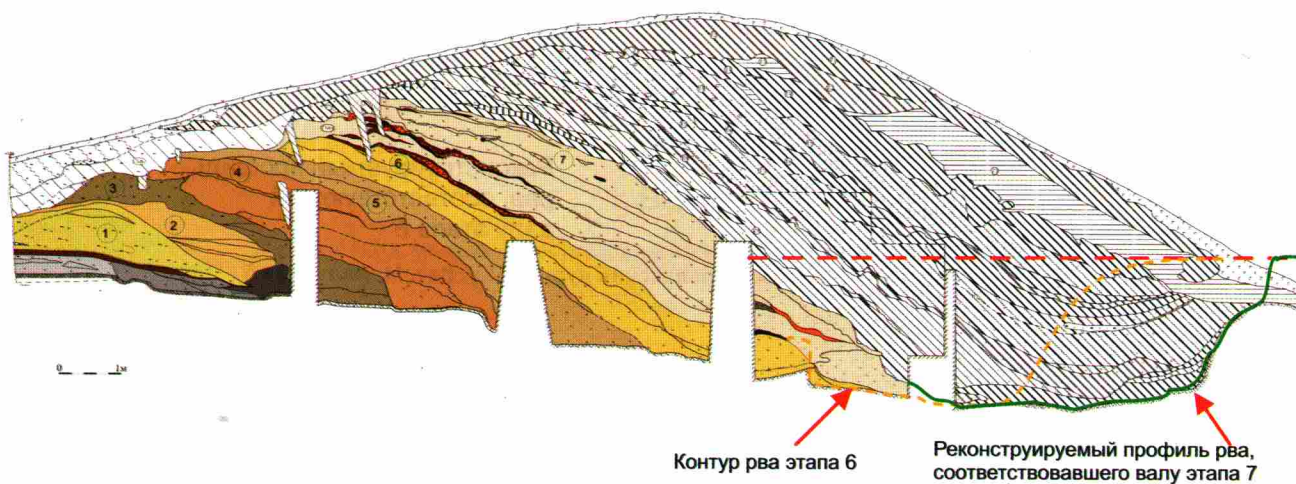
К статье В.Ю. Коваля «“Ростиславльский курган”...». Рис. 12. Вал этапа 6

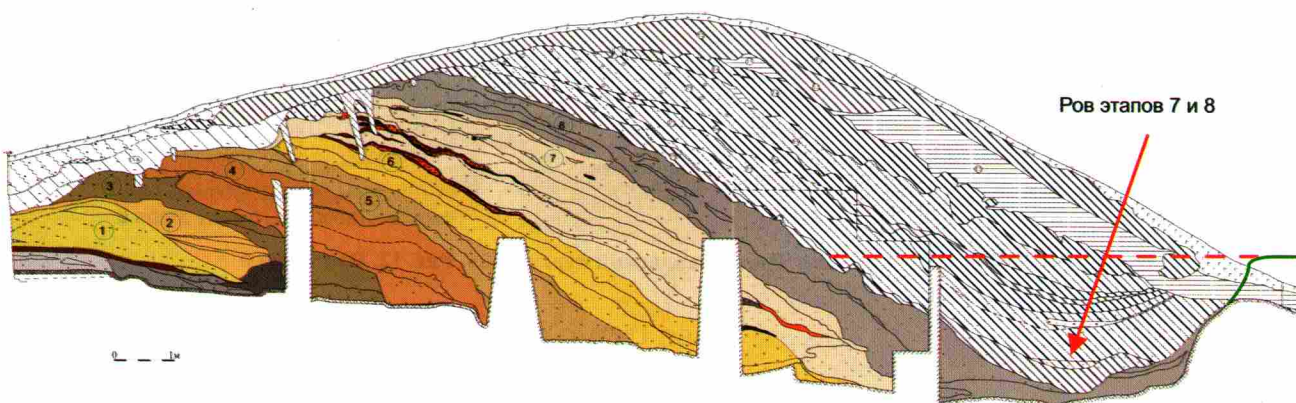
К статье В.Ю. Ковалёва «Ростиславльский курган»...
Рис. 13. Прослойки прокала в северо-восточном
профиле раскопа IV

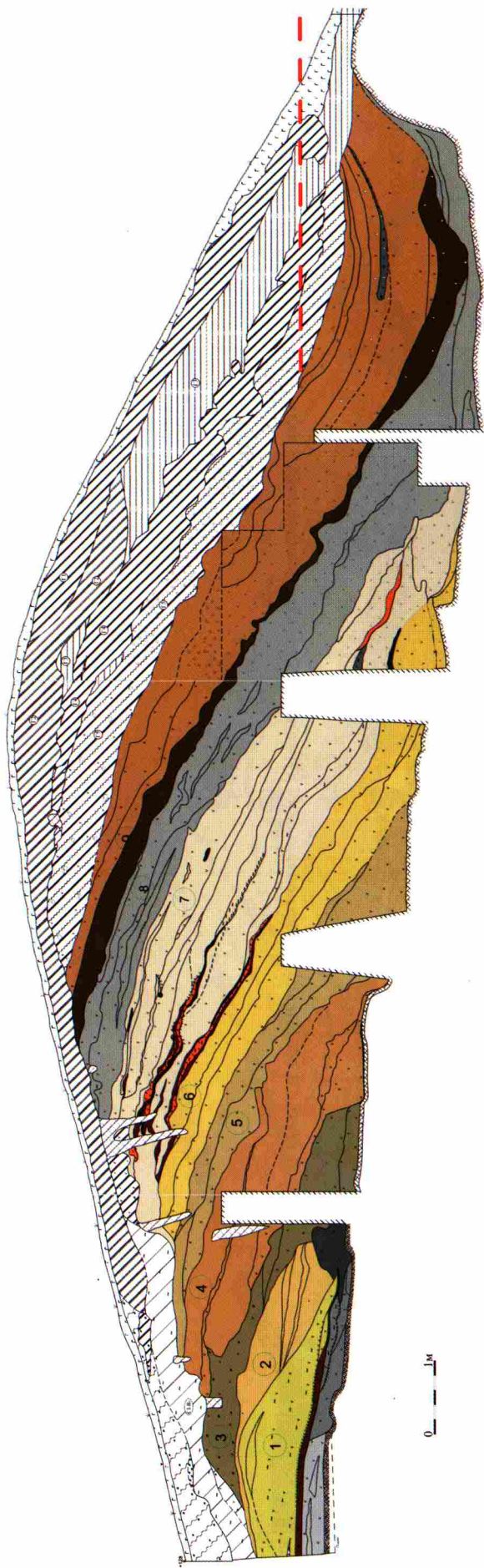
К статье В.Ю. Ковалёва «Ростиславльский курган»...
Рис. 14. Прослойки прокала на горизонтальной
зачистке в раскопе IV

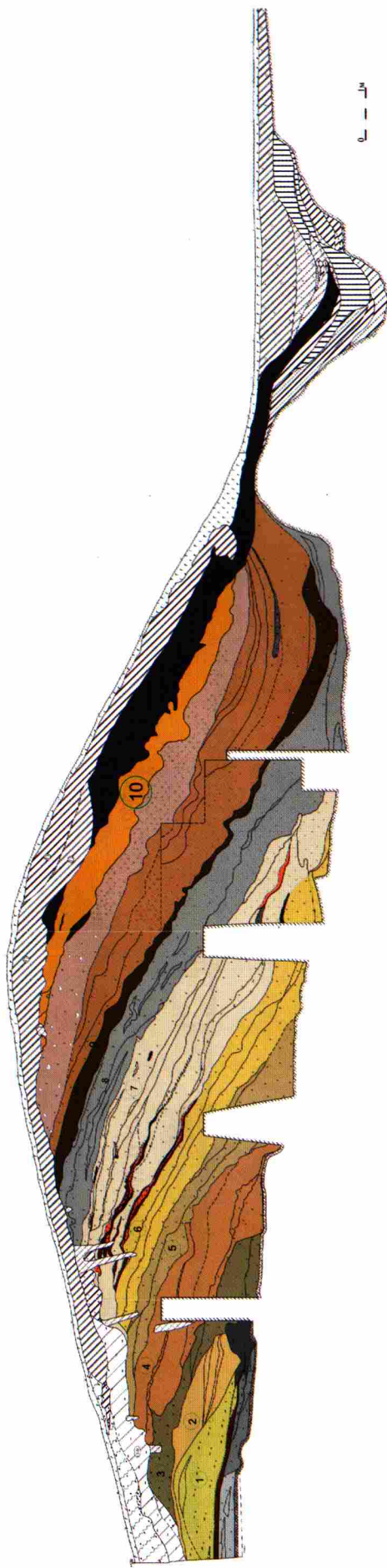
К статье В.Ю. Ковалёва «Ростиславльский курган»... Рис. 15. Вал этапа 7

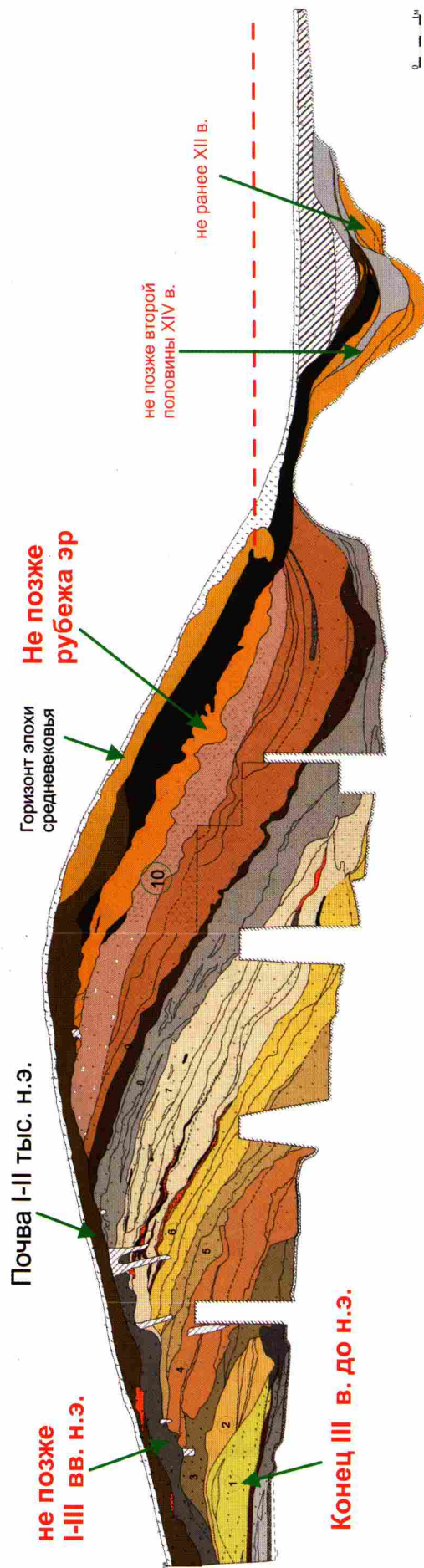
К статье В.Ю. Ковалёва «Ростиславльский курган»... Рис. 16. Вал этапа 8

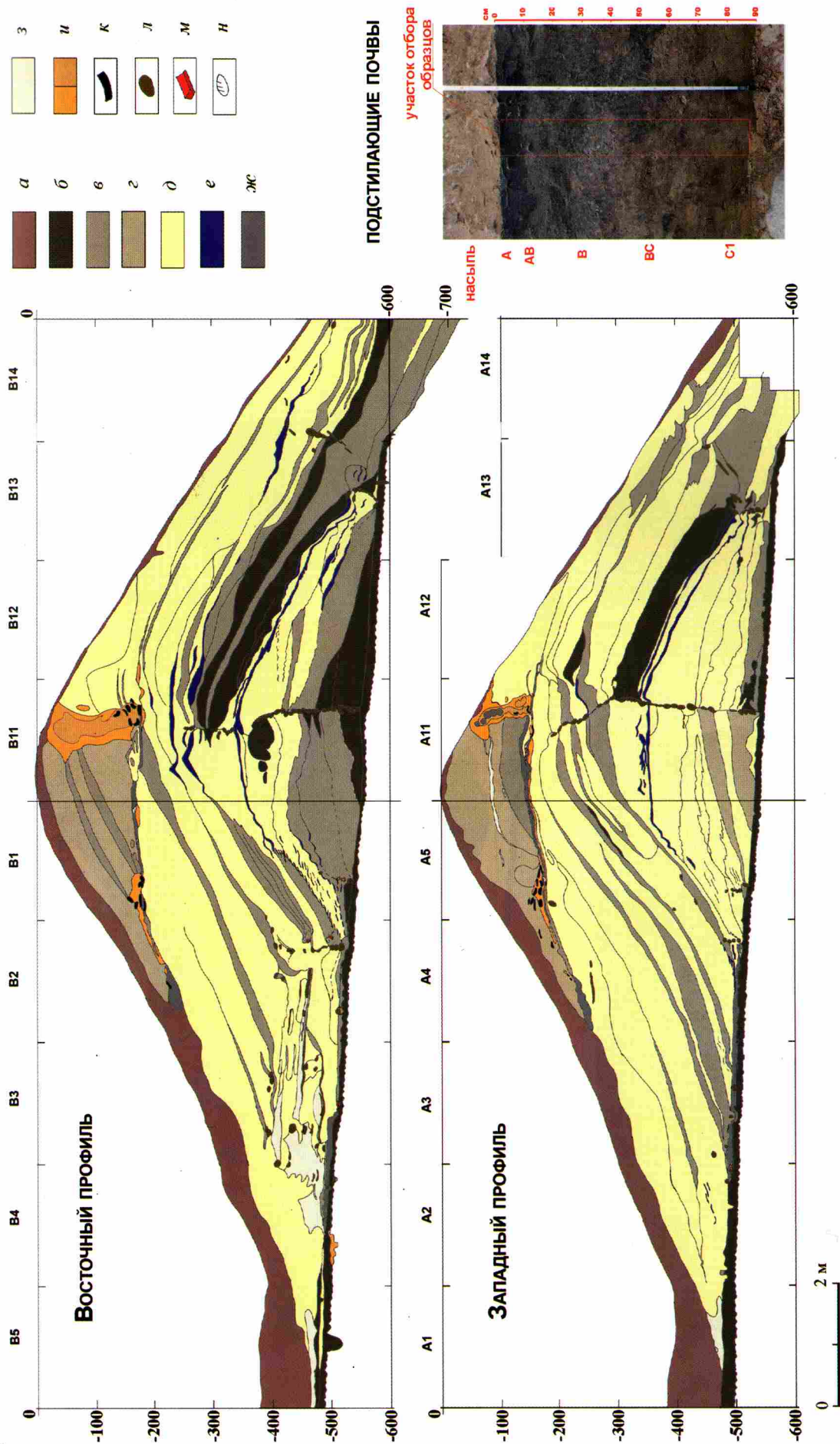
К статье В.Ю. Коваля «Ростиславльский курган»...». Рис. 17. Вал этапа 9

К статье В.Ю. Коваля «Ростиславльский курган»...». Рис. 18. Вал этапа 10

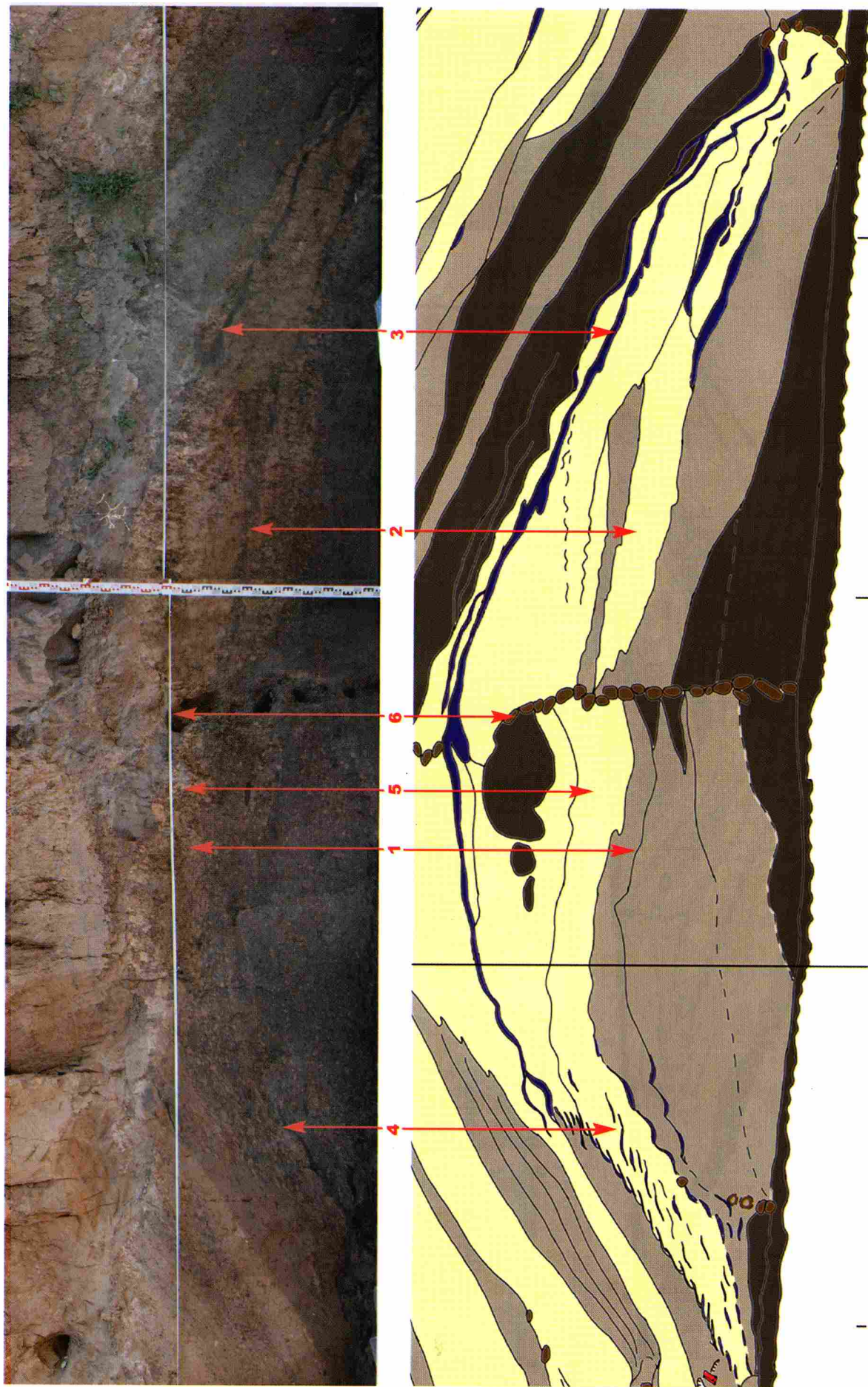
К статье В.Ю. Ковалева «Ростиславльский курган» ...». Рис. 19. Сводный разрез вала

К статье И.Ю. Стрикалова «Оборонительный комплекс...». Рис. 3. Разрез вала Южного городища Старой Рязани.

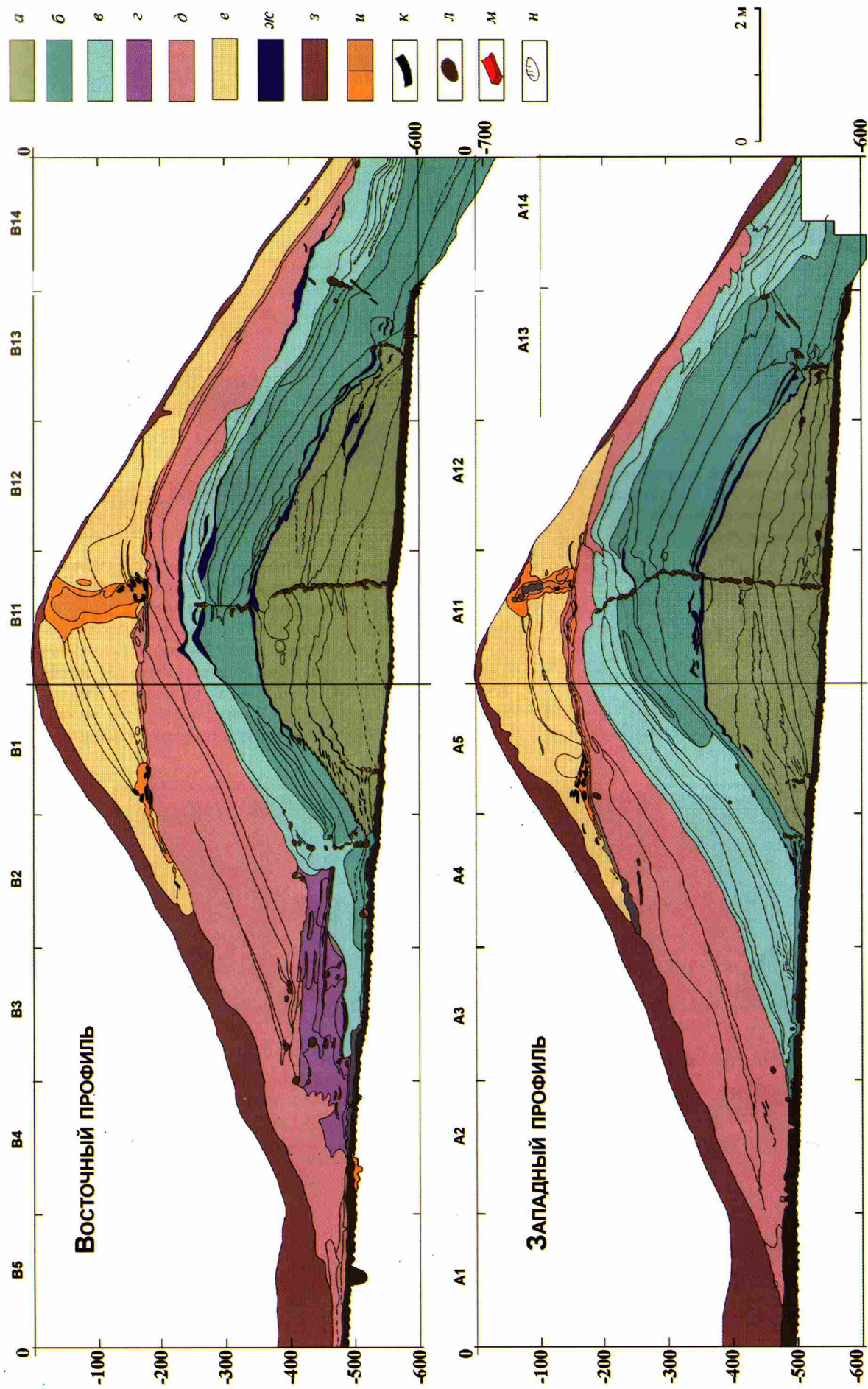
Раскоп 36 2005–2009 гг. Профили (профиль западной стенки дан в зеркальном отображении)

а – гумус; б – перегнившая почва (темно-серая супесь); в – пестрый коричневый суглинок; г – коричневый суглинок; д – палево-желтый суглинок; е – оглеенный суглинок; ж – угольный слой; з – золистый слой; и – прокаленный суглинок; к – уголь; л – древесный тлен; м – плинфа; н – известковый щебень

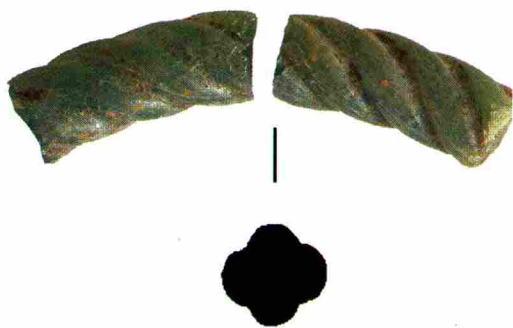

К статье И.Ю. Стрикалова «Оборонительный комплекс...». Рис. 4. Антропогенные и природные процессы
строительства и существования деревоземляных стен

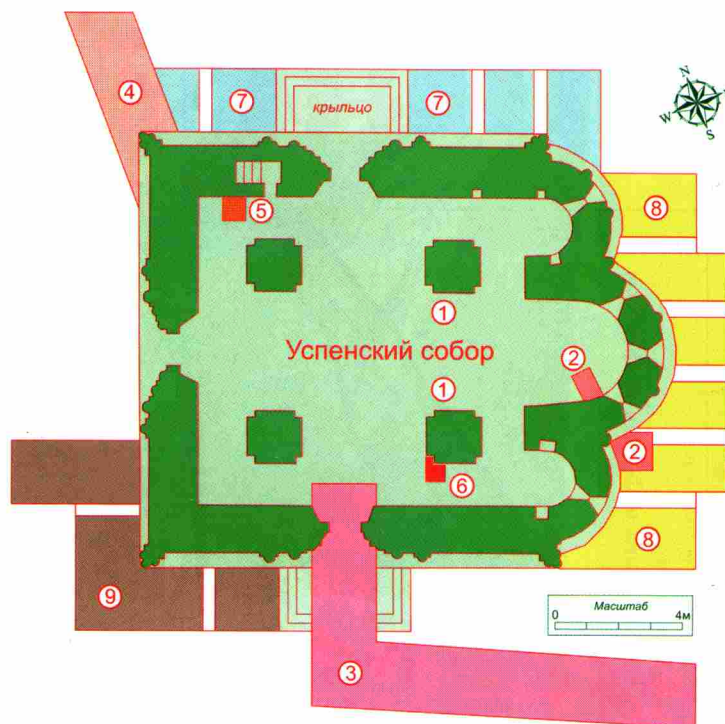
1 – забутка; 2 – сооружение насыпи; 3 – оглеение поверхностных водотоков;
4 – осыпание; 5 – уплотнение грунта (усадка); 6 – горизонтальное смещение

К статье И.Ю. Стрикалова «Оборонительный комплекс...». Рис. 5. Строительные ярусы оборонительных стен
Южного городища Старой Рязани. (Профиль западной стенки дан в зеркальном отображении)
а – 1-й ярус; б – 2-й ярус (этап 1); в – 2-й ярус (этап 2); г – 3-й ярус; д – 3-й ярус (ремонт); е – 4-й ярус; ж – огневый суглинок;
з – гумус; и – прокаленный суглинок; к – уголь; л – древесный тлен; м – плинфа; н – известковый щебень

К статье И.А. Сафаровой «К вопросу о некоторых тенденциях...». Рис. 4. Фрагмент стеклянного крученого браслета из раскопа 29

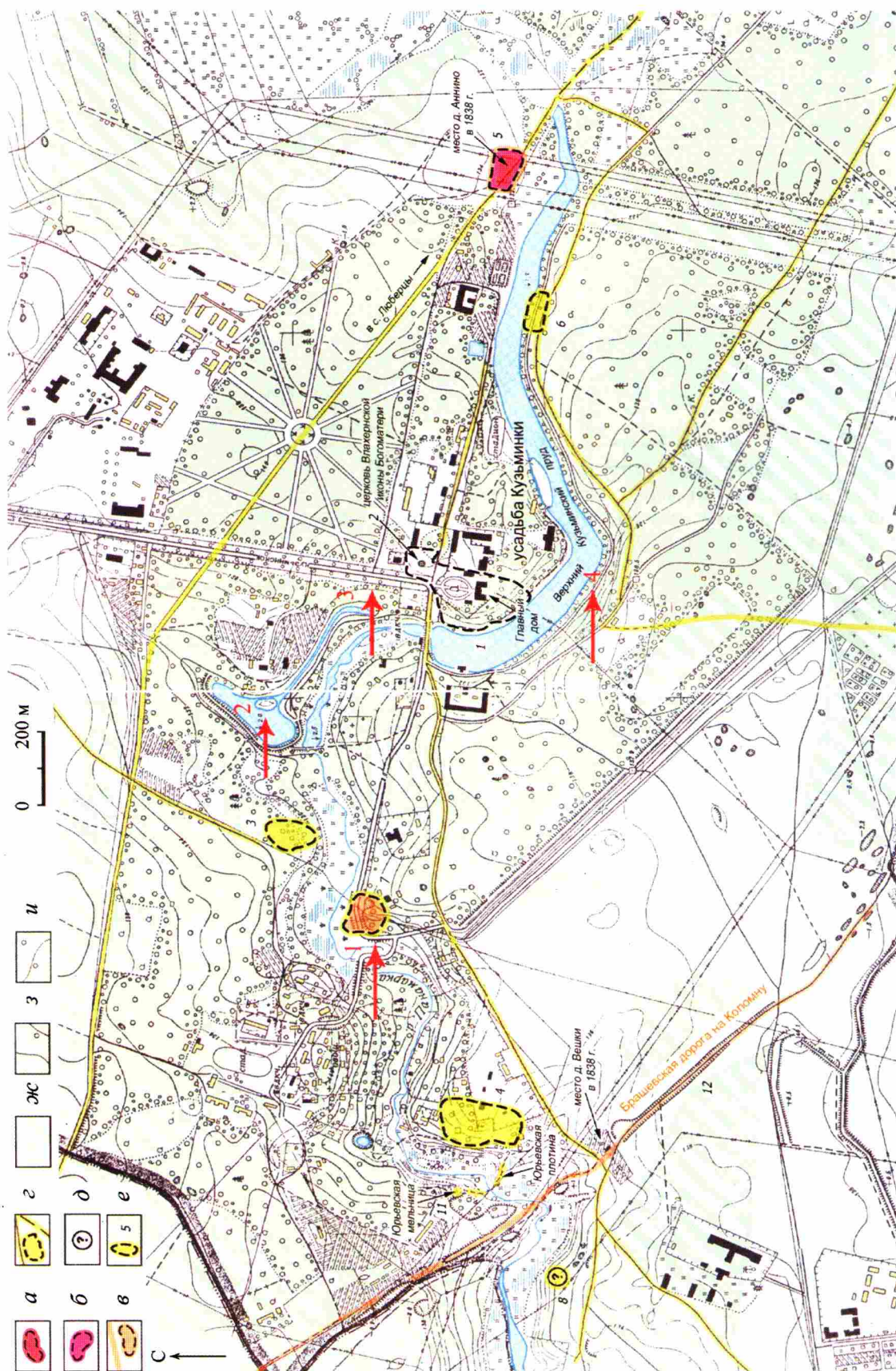

К статье А.В. Алексеева «Археологические исследования Успенского собора...». Рис. 2. Схема расположения раскопов и шурфов разных лет

1 – шурфы П.Д. Барановского и Н.Д. Протасова предположительно 1920 г.; 2 – шурфы В.А. Каульбарса 1941 г.; 3 – траншея под надзором Б.А. Огнева 1954 г.; 4 – траншея А.А. Юшко 1986 г.; 5 – шурф В.М. Пустовалова 2004 г.; 6 – шурф Г.С. Евдокимова 2006 г.; 7 – раскоп А.В. Лазукина и А.В. Алексеева 2008 г.; 8 – раскоп А.В. Алексеева 2009 г.; 9 – раскоп А.В. Алексеева 2010 г.

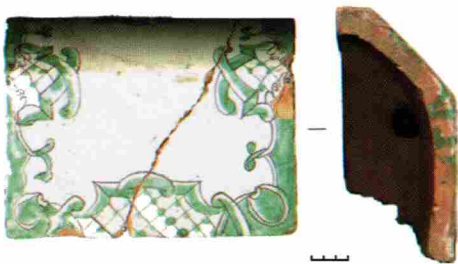

К статье А.В. Алексеева «Археологические исследования Успенского собора...». Рис. 4. Раскоп 2008 г. Стратиграфический разрез свиты культурных напластований

К статье Л.А. Беляева, О.М. Олейникова «Археологические исследования...». Рис. 1. План парка с указанием объектов исследования. Автор карты Чернов С.З., компьютерное оформление Смирнова С.А.

2 – Берёзовый остров; 3 – Памятник Петру I; а – селища (поселения) XII – I-й пол. XIII в.; б – селища (поселения) 2-й пол. XIII – нач. XIV в.; в – селища и дороги XIV – I-й пол. XV в.; г – селища и дороги 2-й пол. XV – XVI в.; д – предполагаемое место селища; е – памятник археологии и его номер; ж – несохранившиеся леса, показанные на картах 1838 и 1852 гг.; з – сохранившиеся леса, показанные на картах 1838 и 1852 гг.; и – несохранившиеся поля, показанные на картах 1838 и 1852 гг. (За основу взята топографическая карта «Москва и окрестности» 1951 г. изд. Мосгоргеотреста АПУ г. Москвы)

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 3. Поливной изразец XVIII в.

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 4. Поливной изразец XVIII в.

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 5. Расписной изразец XVIII в.

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 6. Поливной изразец

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 7. Поливной изразец, аналогов
которому не найдено

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 8. Поливной изразец второй
половины XVII в.

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из усадьбы...».
Рис. 9. Поливной изразец второй
половины XVII в.

К статье В.Н. Ковалевского,
А.Г. Яблокова «Изразцы из
усадьбы...». Рис. 10. Поливной
изразец второй половины XVII в.

1

2

3

4

К статье С.В. Борзовой, О.Н. Глазуновой, Е.В. Майоровой «Рельефные печные изразцы...».

Рис. 2. Изображения процветшего побега

1 – прорисовка широкорамочных изразцов, найденных в Новом Иерусалиме;
2 – фрагмент глиняного штампа и его отпечаток; 3 – изразец из фриза Благовещенской церкви
в Нижнем Новгороде; 4 – «персчатая» рукавица с вышитым сюжетом

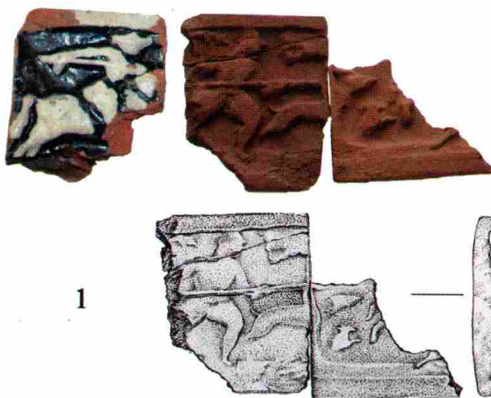
1

2

К статье С.В. Борзовой, О.Н. Глазуновой, Е.В. Майоровой «Рельефные печные изразцы...». Рис. 5. Изображения на ковровых изразцах

1 – «турецкий огурец»; 2 – фрагмент зеркала печи со сложной трехжгутовой розеткой и лилиями

1

2

К статье С.В. Борзовой, О.Н. Глазуновой, Е.В. Майоровой «Рельефные печные изразцы...». Рис. 8. Фрагменты изразцового фриза со сценой охоты

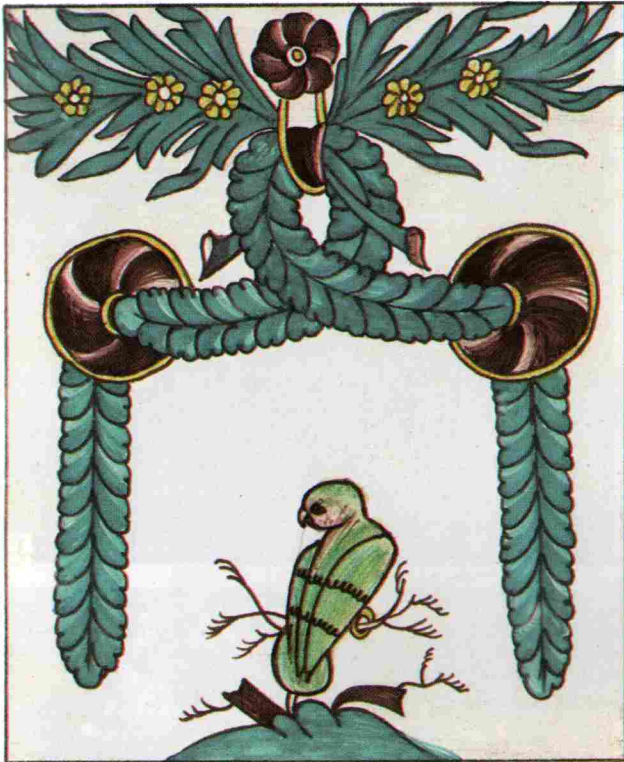
1 – прорисовка фрагментов, найденных в Новом Иерусалиме; 2 – поясок, найденный в Ипатьевском монастыре в Костроме

К статье Л.И. Федоровой, В.А. Ткаченко, В.В. Федорова «Калужские изразцы...». Рис. 2. Изразец XVIII в. с озорным сюжетом

К статье Л.И. Федоровой, В.А. Ткаченко, В.В. Федорова «Калужские изразцы...». Рис. 3. Изразец с сюжетом «Всадник»

К статье Л.И. Федоровой, В.А. Ткаченко,
В.В. Федорова «Калужские изразцы...».
Рис. 4. Зооморфное изображение на калужском изразце

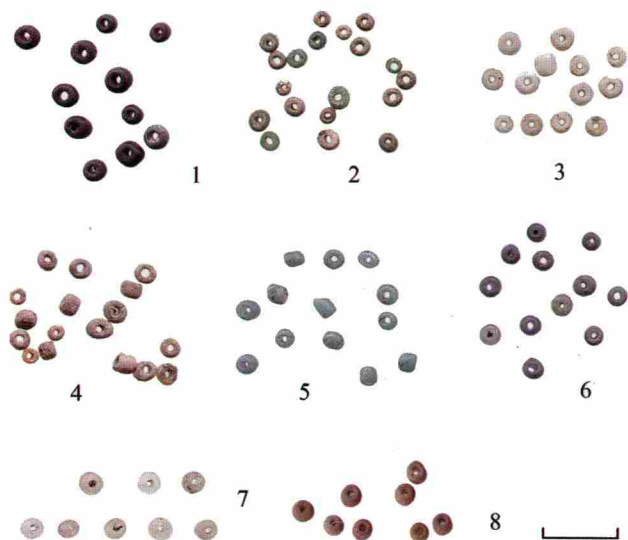
К статье Л.И. Федоровой, В.А. Ткаченко,
В.В. Федорова «Калужские изразцы...».
Рис. 5. Сюжетно-архитектурный
мотив XVIII в. на калужском изразце

К статье О.В. Орфинской «Исследования органических
материалов...». Рис. 5. Фестоны, проходящие
по внутреннему краю тесьмы

К статье О.В. Орфинской «Исследования органических
материалов...».
Рис. 10. Микрофотография хлопковых
волокон красной ткани

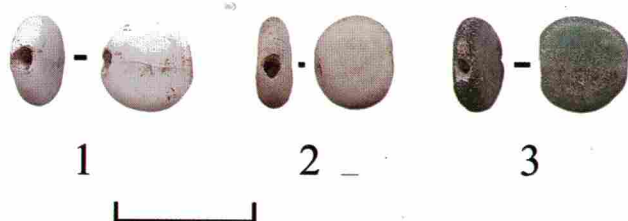

К статье Е.К. Столяровой «Стеклянные бусы...».

Рис. 1. Стеклянный бисер погребения

2 одиночного кургана у дер. Холмы

- 1 – пурпурного цвета; 2 – зеленого цвета; 3 – белого цвета;
4 – желтого цвета; 5 – бирюзового цвета;
6 – сине-фиолетового цвета; 7 – бесцветные;
8 – красно-коричневого цвета (двухслойные)

К статье Е.К. Столяровой «Стеклянные бусы...».

Рис. 3. Стеклянные бусы погребения

2 одиночного кургана у дер. Холмы

- 1 – белого цвета; 2 – серого цвета; 3 – сине-зеленого цвета

К статье Е.К. Столяровой «Стеклянные бусы...».

Рис. 7. Расположение стеклянных и янтарных бус в погребении 2 одиночного кургана у дер.

Холмы (вид с северо-востока)
1 – слой 1; 2 – слой 2; 3 – слой 3

Рис. 4. Селище (остров) Вёжи. Вид с ЮЗ на разрушающуюся береговую линию

Рис. 5. Селище (остров) Вёжи. Вид с ЗЮЗ на размываемый культурный слой памятника (стрелками указаны остатки частокольной линии на уровне материка)

щепы, навоза, навезенной глины и, в силу указанных причин, в нем сохраняются предметы органического происхождения. Культурный слой с начала своего формирования нарастал непрерывно вплоть до 1952 г. В наибольшей своей части мощность культурного слоя достигает 5 м над современным уровнем воды в водохранилище.

Первое письменное упоминание исследуемого микрорегиона Костромской низины встречается в источниках 1546 г., где сами Вёжи не называются, но перечисляются деревни, находящиеся в непосредственной близости (Куниково, Ведерки и Спас) и переданные во владения Чудова монастыря: «Да езь на реке на Костроме за Куниковым вопче ж за Богоявленским монастырем. Да вверх и вниз того езь в реке в Костроме опричь Богоявленского монастыря тони Спасские. Да круг озера Савинова и истоку и по реке по Соти и по реке по Костроме и за рекою за Костромою Луги и пожни Дмитриевского села. И всего Спаса Нового 2 села да погост, а деревень к погосту 35 деревень» («Костромские губернские ведомости», 1856. № 3). Погост, упоминаемый здесь, на наш взгляд, и является Вёжами. Непосредственное упоминание самих Вёж в источниках встречается впервые под 1581 г. в связи с тем, что «на дачу сел Шунги, Митцкого, Самети, Вёж и Куникова в Московский Чудов монастырь дана грамота Москве лета 7089 (1581) марта 10 дня» (Шумаков, 1903. С. 13; «Акты...», 1998. С. 175). Источники сообщают, что вышеперечисленные населенные пункты платили подати Чудову монастырю. В 1590 г. московский великий князь подтверждает владения Чудова монастыря, упоминая Шунгу, Мацыно, Самино, Куниково, Вёжи, Ведёрничи, Овиницы и Грибнёво (Белоруков, 2000. С. 158–159). В 1606 г. Вёжи подвергаются погрому польско-шляхетских отрядов (Белоруков, 2000. С. 159). В дальнейшем письменные

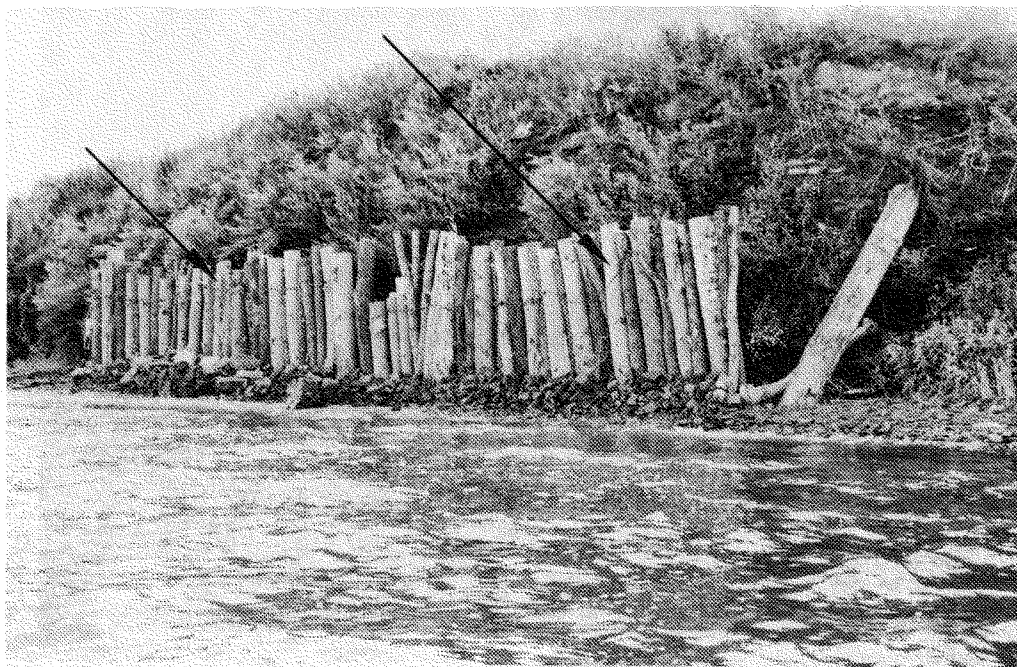

Рис. 6. Селище (остров) Вёжи. Вид с ЮЮЗ на размываемый культурный слой памятника (стрелками указана берегоукрепительная частокольная линия под раскопом I)

свидетельства о жизни памятника фрагментарны и носят косвенный характер. Так, в Писцовой книге г. Костромы от 1627/28–1629/30 гг. упоминаются «два места лавочных Чудова монастыря Вёжского погосту крестьян Васки Васильева сына да Данилка Офонасьева» в старом Красильном ряду Костромы и пожни Чудского монастыря в разделе описания монастырских рыбных ловель, где упоминаются «пожни и межи Вяжского погосту» (ПКК, 2004. С. 227, 325). Материалы XIX в. сообщают о Вёжах, уже как об одном из рядовых селений этого времени, где открываются училище, маслобойня и т. п.

В 1628/29 г. на северо-восточной окраине селища была возведена церковь, по преданию, ярославскими плотниками братьями Мулиевыми – церковь Спаса Преображения (рис. 7). В описании церковью Костромской Епархии середины XIX в. она описывается следующим образом. «Преображения Иисуса Христа что в Вёжах, деревянная, с деревянной колокольнею; когда построена о том сведений не сохранилось; по писцовым же книгам уже значится существовавшей в 7137 и 7138 годах. Престол в славу Преображения Иисуса Христа на Фаворе. Причт по штату: священник, дьячек и пономарь. Жалованья по штатному причту 150 рублей. Земли 34 десятины 969 квадратных сажень. Кроме того во владении церковного причта значится, по писцовым книгам, два озера под наименованием Лиственных, и доселе состоят в том же владении причта. Планы и межевые книги на земли, с выписками из писцовых книг, хранятся при церкви. Прихожан мужского пола 420, женского 498, в числе коих 22 раскольника и 50 раскольников поповщинской секты; дворов 153, в том числе 20 раскольнических. Приходских селений 4, расположены

на пространстве 4 верст от церкви, в сообщении с которой препятствует разлитие вод в весеннее время. Ближайшие церкви: Воскресенская, села Куникова, в четырех, и Покровская, села Шунги, в 9 верстах. От Костромы 18 верст» («Церкви...», 1909. С. 46).

Церковь Спаса Преображения – это единственный в России деревянный храм на сваях, доживший до наших дней. Одновременная церкви шатровая колокольня на сваях, связанная с ней переходами, была утрачена еще в 1926 г. Церковь украшали традиционные для деревянного зодчества элементы: охлупни и курицы на кровле, резные причелины и полотенца. Храм не раз перестраивался в XVIII–XIX вв., в 1876 г. фасады его обшили тесом, а интерьеры оштукатурили, внутри устроили новый иконостас. В конце XIX – начале XX в. деревянные сваи основания заменили на кирпичные столбы.

В 1956 г. храм был перевезен в областной Музей народной архитектуры и быта и поставлен в Новом городе Ипатьевского монастыря на окраине Костромы. В 1993 г. Ипатьевский монастырь был возвращен верующим. В 2002 г. территория монастырского Нового города, на которой находился деревянный храм, была предоставлена монашеской общине, соседствовавшей с музеем. Музей готовился переместить церковь из Спас-Вежей за пределы монастырских стен осенью-зимой 2002 г. Однако 4 сентября 2002 г. храм загорелся по не установленным следствием причинам и полностью сгорел.

Относительно *этимологии* названия памятника можно отметить следующее.

Впервые в письменных источниках слово «вежи» встречается в Повести временных лет в связи с рассказом о мести Ольги древлянам в Искоростене. Д.С. Лихачев и Б.А. Романов переводят этот термин как сарай

Рис. 7. Церковь Спаса Преображения

(ПВЛ. 1950. С. 240), но в указателе к изданию Лаврентьевской летописи в этом случае поясняется, что вежи Искоростеня – башни (ПСРЛ, 1926. С. 67). Другое употребление термина «вежа» как «башня» находим в статье под 1097 г., где пишется, что князь Давыд, осаждая Берестье, подступил к городу и стал под вежами (ПВЛ, 1950. С. 43). «В современном русском языке “вёжа” – (устаревшее) шатер, палатка; кочевой шалаш, юрта, кибитка. В западной губернии – башня, каланча. В Курской губернии “вёжка” – полевой шалаш, балаган, сторожка; в Новгородской – межа, грань, рубеж» (Даль, 1995. С. 175). Основное значение термина вежа в славянских языках – «башня», а по всей вероятности, и «жилище». В этом значении слово вежа отмечено в современных украинском, белорусском, польском, чешском, словацком языках (Фасмер, 1986. С. 285). Подобное может указывать на то, что термин вежа существовал еще в праславянском языке. Многочисленные сведения XII в., где употребление термина «вежи» часты в контексте об-

зора военных столкновений с половцами в значении половецкого лагеря, становища кочевников. В пользу этого говорят летописные статьи 1186 и 1215 гг., сообщающие об уходе пленников в кочевое становище. В русской письменности до XIV в. слово «вежа» имеет несколько значений. Чаще всего так назывались поселения и жилые постройки, в т. ч. передвижные у половцев и других жителей степей. В XIII в. «вежей» названа оборонительная башня в г. Холме. На севере Камско-Вятского бассейна в XIX в. русские называли «вежей» прямоугольную срубную постройку без потолка с крышей в виде двух несомкнутых скатов и с очагом посредине (неславянские народы использовали такие постройки в качестве летнего жилища). Есть мнение, что в лексикон славян термин и сам объект «вежа», обозначающий определенные конструкции, попадает от неславянских народов, ведущих полукочевой образ жизни (Шенников, 1930. С. 211).

Если следовать новгородской трактовке термина (население этих территорий участвует в колони-

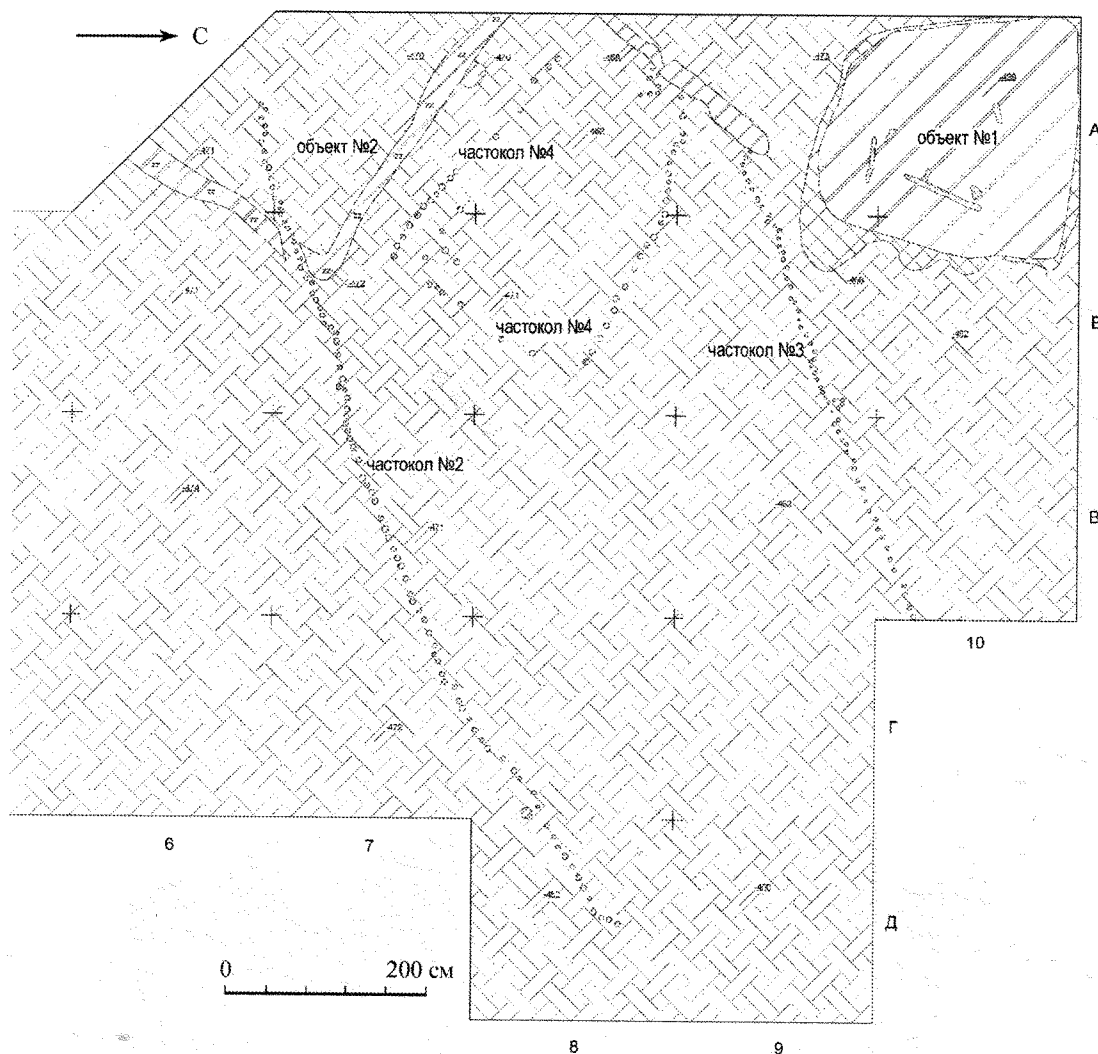

Рис. 8. Селище Вёжи. Раскоп I, зачистка на уровне материка (фиксация частокольных линий)

зации Костромского Поволжья), название селища вполне могло отображать ситуацию продвижения колонизационного потока новгородского населения. Другими словами, территориально поселение было основано на границе условных зон, в определенном смысле противопоставлявшихся друг другу. Наличие в предматериковом слое остатков частокольных линий (рис. 8) свидетельствует об усадебно-дворовой планировке (характерная особенность, прежде всего, городских центров). На социально-экономическую значимость памятника указывает выявленная серия металлических и кожаных изделий, дренажная система отвода грунтовых вод из жилой зоны селища, зафиксированная в слоях XV–XVIII вв., единственная

в своем роде для Костромского Поволжья (водоотводная система пока не известна ни на одном городском поселении Костромского края).

Подобные выводы оказались возможны благодаря археологическим исследованиям памятника (рис. 5), начавшимся в 1996 г. и продолжавшимся вплоть до 2004 г. Далее последовал перерыв до 2009 г., когда по государственному контракту с Департаментом культурного наследия археологические раскопки были возобновлены. Всего за это время на селище Вёжи был до материка вскрыт раскоп I (128 кв. м) и до яруса 6 включительно – раскоп II (312 кв. м)¹.

Раскоп I (рис. 8; рис. 9) был заложен в юго-западной части памятника и вытянут вдоль интенсивно разру-

¹ Селище Вёжи было открыто в 1995 г. в ходе археологического обследования Костромского разлива Горьковского водохранилища. В 1996–1998, 2000, 2002 гг. на памятнике проводились археологические раскопки под руководством С.И. Алексеева. В результате этих работ был полностью вскрыт раскоп I и начаты работы на раскопе II (до половины 4-го строительного яруса). В 2003–2004 гг. КГУ имени Н.А. Некрасова завершил работы на раскопе II на уровне яруса 4. Продолженные в 2009 г. работы вскрыли 5-й и 6-й ярусы на втором раскопе (Кабатов, 2009).

Таблица 1. Ярусы селища Вёжи и обоснование их датировки

Ярус	Дата (основание для датирования)
0	Рубеж XIX–XX вв. (наличие оконного стекла, кирпича, других предметов, не имеющих распространение ранее, резиновая обувь и прочее)
1	Сер. XIX в. (наличие стеклянной посуды и кирпичей с клеймами этого времени, медная монета, керамический комплекс)
2	1-я пол. XIX в. (наличие стеклянной посуды и кирпичей, клейменных в этот период, керамический комплекс)
3	Кон. XVIII в. (керамический комплекс)
4	Сер. – 2-я пол. XVIII в. (керамический комплекс)
5	1-я пол. XVIII в. (керамический комплекс; височное в виде знака вопроса)
6	2-я пол. XVII в. (керамический комплекс)
7	Сер. XVII в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
8	1-я пол. XVII в. (комплекс индивидуального материала, в том числе ключ от навесного замка (тип Д по Б.А. Колчину) и керамический комплекс)
9	Кон. XVI – нач. XVII в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
10	Сер. XVI в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
11	Нач. XVI в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
12	Кон. XV в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
13	Сер. – 2-я пол. XV в. (комплекс индивидуального материала и керамический комплекс)
14	1-я пол. XV в. (комплекс индивидуального материала, в том числе ключ от навесного замка (тип Д по Б.А. Колчину) и керамический комплекс)
15	Сер. XIV – нач. XV в. (комплекс индивидуального материала, в том числе ключ от навесного замка (тип Г по Б.А. Колчину) и керамический комплекс)

шающего западного берега острова. Выбор участка под раскоп был определен также тем, что в 1996 г. в этой части памятника начал гореть пласт торфяника в составе культурного слоя и котлован раскопа должен был преградить проникновение огня вглубь острова. Культурный слой разбирался горизонтальными пластами толщиной в 20 см, не всегда совпадавшими с теми или иными ярусами. Это объясняется тем, что и современный, и древний рельеф на территории раскопа понижался с севера на юг, поэтому конструкции одного яруса в разных концах раскопа могли сильно различаться по отметкам залегания. Культурный слой в раскопе зачастую имел однородный цвет, отчего стратиграфические прослойки выделялись лишь по материалу. В большинстве случаев столбовые ямы в плане прослеживались только по структуре забутовки (Кабатов, 1999, 2004б; 2008; 2009).

Раскоп II был заложен в 1999 г. с учетом рельефа местности в юго-западной части памятника и вытянут вдоль интенсивно разрушающегося западного берега острова, при этом западная стенка раскопа повторяет эту береговую линию (рис. 3). Между стенкой раскопа и береговой линией выдержано расстояние местами до 4 м. Раскоп II является продолжением раскопа I, размещаясь в 2 м к СВ от него. Нумерация ярусов, построек, индивидуальных находок, массового материала является сквозной и продолжает ранее начатую нумерацию. Методика работы также продолжила ранее начатую на первом раскопе.

Всего, на данный момент исследования, на селище Вёжи насчитывается 15 ярусов (табл. 1).

Ярусы считаются сверху вниз. Нижний, 15 ярус, датируется временем не ранее середины XIV в. Здесь был обнаружен железный ключ типа Г (по Б.А. Колчину) и посуда VI–IX типов классификации костромской гончарной керамики.

В результате археологических работ весь выявленный материал делится на несколько самостоятельных групп: постройки, дренажная система, керамический комплекс, элементы одежды, бытовой и ремесленный инвентарь.

Постройки

Даже в условиях хорошей сохранности дерева (какие имеются на селище Вёжи) остатки открываемых деревянных построек в большинстве случаев очень фрагментарны. Обычно постройки представлены только одним нижним венцом, да и тот не всегда бывает цельным. В верхних слоях дерево встречается в очень плохом состоянии, в основном из-за доступа кислорода. На раскопе I выявлено 26 построек и на раскопе II – 33 (без учета легких построек для скота и загонов). Однако чтобы определить динамику изменений в застройке на протяжении всей жизни поселения, пока можно использовать только материал с раскопа I.

Современные дома, приблизительно равные по площади с жилыми постройками селища Вёжи, обязательно имеют фундамент. Фундамент вообще – это элемент постройки, воспринимающий нагрузку стен и передающий ее на грунт. Но такое определение чаще применимо для каменных строений. В деревян-

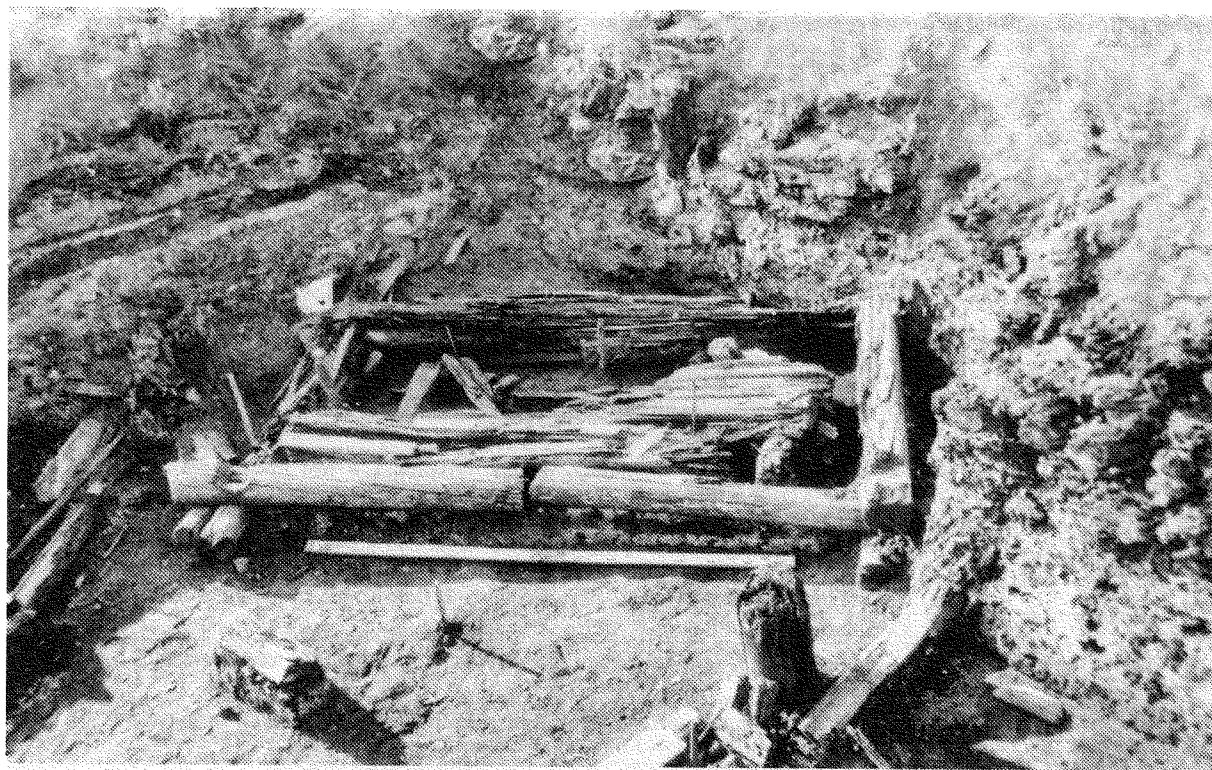

Рис. 9. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9, постройка 16. Вид с ЮВ

ных постройках, даже имеющих несколько этажей, тяжесть стен настолько невелика, что прямой необходимости в устройстве фундамента нет. В настоящее время основная функция фундаментов деревянных построек – предохранять от гниения нижние венцы этих построек, поэтому конструкция фундамента как одноэтажной, так и двух- и трехэтажной постройки совершенно одинакова (Бламквист, 1956. С. 76). Фундамент как таковой в золотоордынское время здесь отсутствует. Его заменяют большие камни, врытые в землю, или обрубки бревен, пни («стулья», «стояки», «подстолбки»), также врытые в землю под углы сруба и под середину первого венца и выступающие над дневной поверхностью. Между ними забивались короткие бревнышки, доски или камни. Такой фундамент для утепления изнутри, а нередко и снаружи, засыпали землей («завалинка»). Эта традиция широко распространена в домостроении Новгорода Великого исследуемого времени (Засурцев, 1963. С. 12).

Подобный, простейший вид фундамента, был известен восточным славянам еще с XI–XII вв. Вместе с тем, сруб, в некоторых случаях, могли ставить и прямо на землю без подкладки стульев под первый венец. В местах с сильными разливами внешних вод, особенно по левобережью Волги, а также в низинах с заболоченными почвами жилые и хозяйственные постройки строили на высоких столбах-сваях (Зеленин, 1991. С. 290; Чижикова, 1997. С. 24). Подобные постройки в качестве экспонатов еще можно видеть в музее «Ипатьевский монастырь», в отделе «Деревянного зодчества» (рис. 10).

Несмотря на отсутствие фундаментов на селище Вёжи, тем не менее, довольно часто встречаются некоторые признаки их существования в прошлом (табл. 2). Такими признаками можно считать всевозможные подкладки из обрубков бревен и плах, уложенные под углами или под стенами построек. Известны случаи, когда под некоторыми стенами построек фиксируются остатки сплошных рядов подкладок. На раскопе I подкладки встречаются, начиная с 13 яруса (на уровне 14 и 15 ярусов срубных построек не обнаружено).

В свое время П.И. Засурцев, при обработке результатов археологических исследований Новгорода Великого, предложил классификацию фундаментов построек на основании характера их устройства: I группа – простейшие фундаменты, состоящие из нескольких подкладок под углами и стенами; II группа – более сложные фундаменты, состоящие из многочисленных подкладок или представляющие сплошные ряды таких подкладок под стенами построек (граница между этими двумя группами довольно условна); III – фундаментные площадки (Засурцев, 1959. С. 15).

На раскопе I селища Вёжи чаще встречаются конструкции с фундаментным подкладом I группы (табл. 2) – 5 случаев. Фундаментальные площадки нами пока не обнаружены. В двух случаях под одной из стен построек были вкопаны один-два столба. Фундаментный подклад I группы начинает прослеживаться только с 13 яруса (середина – вторая половина XV в.) – в постройке 20 (рис. 11). Далее такие построй-

а

б

Рис. 10. Хозяйственные постройки Костромской низины на сваях – экспонаты бывшего КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь», отдела «Деревянное зодчество»
а – ветряная мельница; б – амбар (?)

Таблица 2. Группировка построек по наличию фундамента.

Ярус	Дата	Количество построек	Из них			
			без фундамента	фундамент группы I	фундамент группы II	столбовой фундамент
5	1-я пол. XVIII в.	2	2	—	—	—
6	2-я пол. XVII в.	1	—	—	1	—
7	Сер. XVII в.	1	—	—	—	1
8	1-я пол. XVII в.	3	1	1	1	—
9	Кон. XVI — нач. XVII в.	3	1	1	—	1
10	Сер. XVI в.	1	1	—	—	—
11	Нач. XVI в.	1	—	1	—	—
12	Кон. XV в.	1	—	1	—	—
13	Сер. — 2-я пол. XV в.	1	—	1	—	—
14	1-я пол. XV в.	—	—	—	—	—
15	Кон. XIV — нач. XV в.	—	—	—	—	—
Всего		14	5	5	2	2

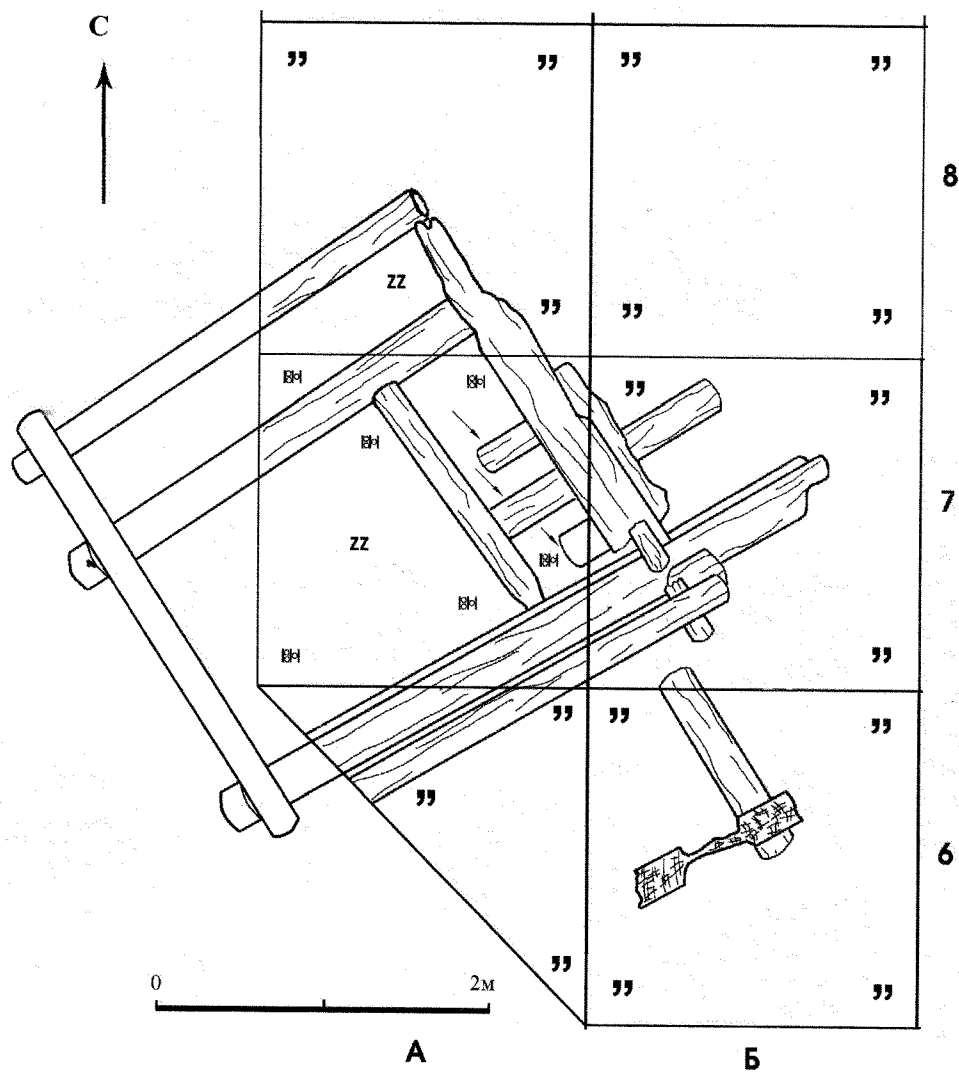

Рис. 11. Частичная условная реконструкция постройки 20. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 12

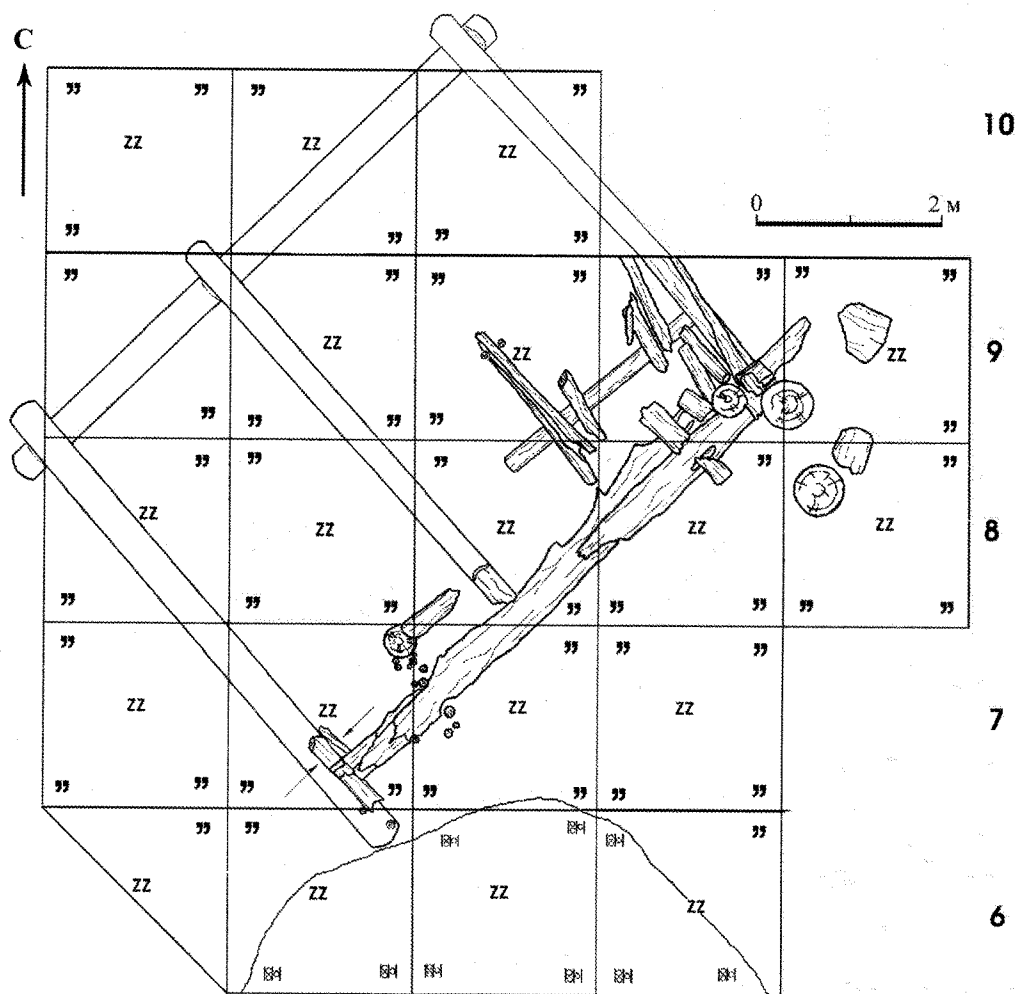

Рис. 12. Частичная условная реконструкция постройки 18. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 12

ки встречены в ярусе 12 (конец XV в.) в постройке 18 (рис. 12). В середине XVI в. эта традиция как будто исчезает: нижние венцы постройки 17 покоятся прямо на дневной поверхности 10 строительного горизонта (рис. 13). Подклад вновь фиксируется с конца XVI в. – под постройкой 16 (рис. 14; рис. 9) и постройкой 15 первой половины XVII в. (рис. 15). Фундамент II группы впервые фиксируется с уровня первой половины XVII в. (8 ярус) под постройкой 14 (рис. 16) и под постройкой 10 (конец XVII – первая половина XVIII в.) 10 яруса (рис. 17).

Итак, подклад под жилищные постройки I группы используется с середины XV в. и доживает до первой половины XVII в. (13–8 ярусы включительно). Постройки, не имеющие какого-либо подклада, нижние венцы которых клались прямо на уровень дневной по-

верхности, появляются с конца XVI в. Фундаментные подкладки II группы фиксируются с середины XVI в. и доживают до второй половины XVII в. С конца XVI до середины XVII в. в двух случаях фиксируется постройка с использованием фундаментных вертикальных столбов, которые ставились или в углах построек, или в центре стенок под нижние венцы.

Стены. Почти все выявленные постройки на раскопе I селища Вёжи имели срубную конструкцию стен, и буквально единичные фрагменты свидетельствуют о применении столбовых конструкций². Срубные постройки рубились из бревен диаметром 18–29 см. Длина бревен построек колеблется от 3 до 9 м, причем пока не прослеживается никакой системы увеличения или уменьшения размеров жилищ (табл. 3). Размеры вёжских построек имеют широкий

² В домостроительстве Новгорода Великого назначение построек определяют по диаметру бревен. Для жилых построек использовались преимущественно бревна диаметром 22–24 см и выше, тогда как на хозяйственные шел более тонкий лес (18–20 см) (Засурцев, 1963. С. 18). В Великом Новгороде ни разу не было отмечено применения составных бревен в стенах построек. Такое допускалось только в хозяйственных постройках (Старая Ладога). Размеры построек увеличивались не путем увеличения размеров основной клетки, а пристройками к ней и образованием составных клеток – двойной, тройной и так далее (Забелин, 1987. С. 194).

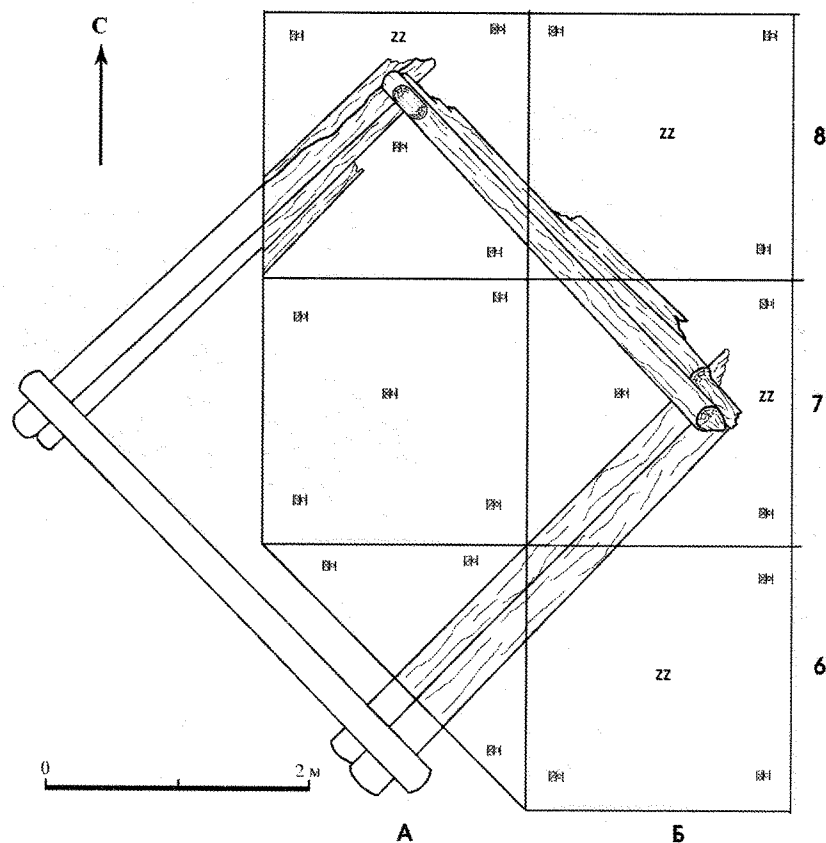

Рис. 13. Частичная условная реконструкция постройки 17. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 10

Таблица 3. Соотношение размеров построек.

Ярус	Дата	Постройка	Стенка	Длина (см)	Условная площадь (кв. м)
12	Кон. XV в.	20	СЗ	308	9,24
			ЮВ	300 (?)	
11	Нач. XVI в.	18	ЮВ	652	35,47
			ЮЗ	544 (?)	
10	Сер. XVI в.	17	ЮЗ	380	13,68
			ЮВ	360	
9	Кон. XVI – нач. XVII в.	16	ЮВ	428	22,26
			ЮЗ	520 (?)	
		12в	ЮЗ	544	33,95
			СЗ	624 (?)	
		15	СЗ	660 (?)	47,52
			ЮЗ	720 (?)	
8	1-я пол. XVII в.	14	СЗ	480 (?)	34,94
			ЮЗ	728 (?)	
		12а	ЮЗ	615 (?)	56,10
			СЗ	912 (?)	
7	Сер. XVII в.	13	ЮВ	544	30,03
			ЮЗ	552	
6	2-я пол. XVII в.	12	ЮВ	592	36,94
			ЮЗ	624	
5	1-я пол. XVIII в.	10	СВ	488	29,28
			ЮВ	600 (?)	
		9	ЮВ	468	23,03
			ЮЗ	492	

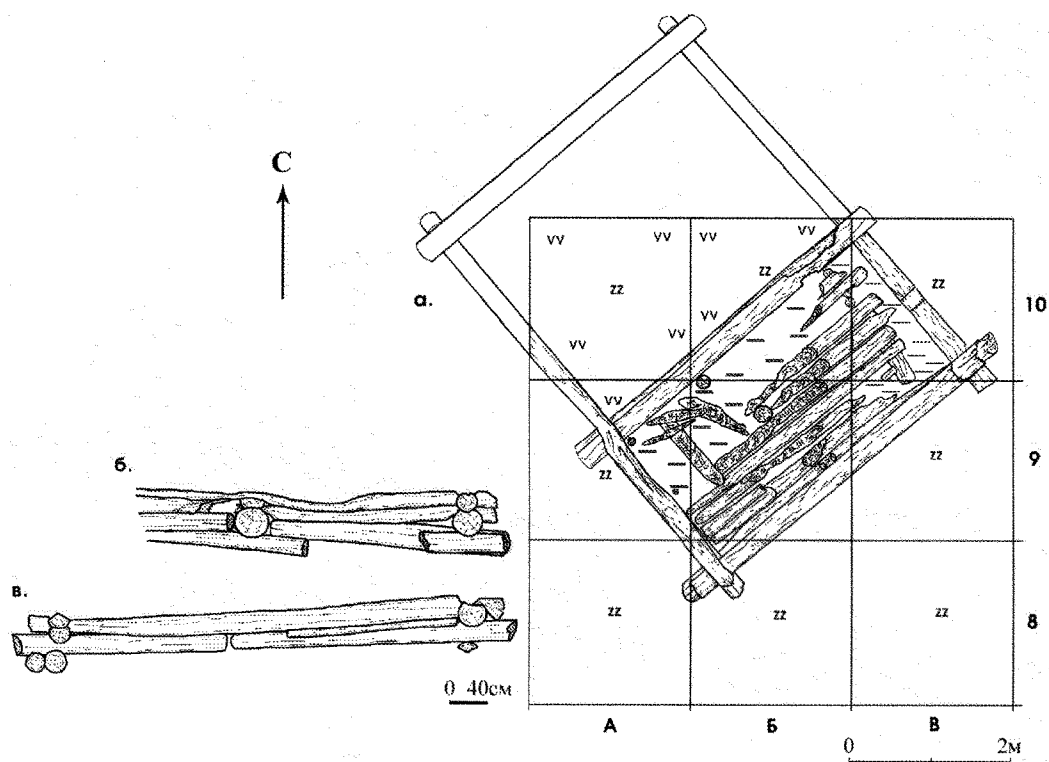

Рис. 14. Частичная условная реконструкция постройки 9. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9
а – общий вид; б – юго-западная стенка; в – юго-восточная стенка

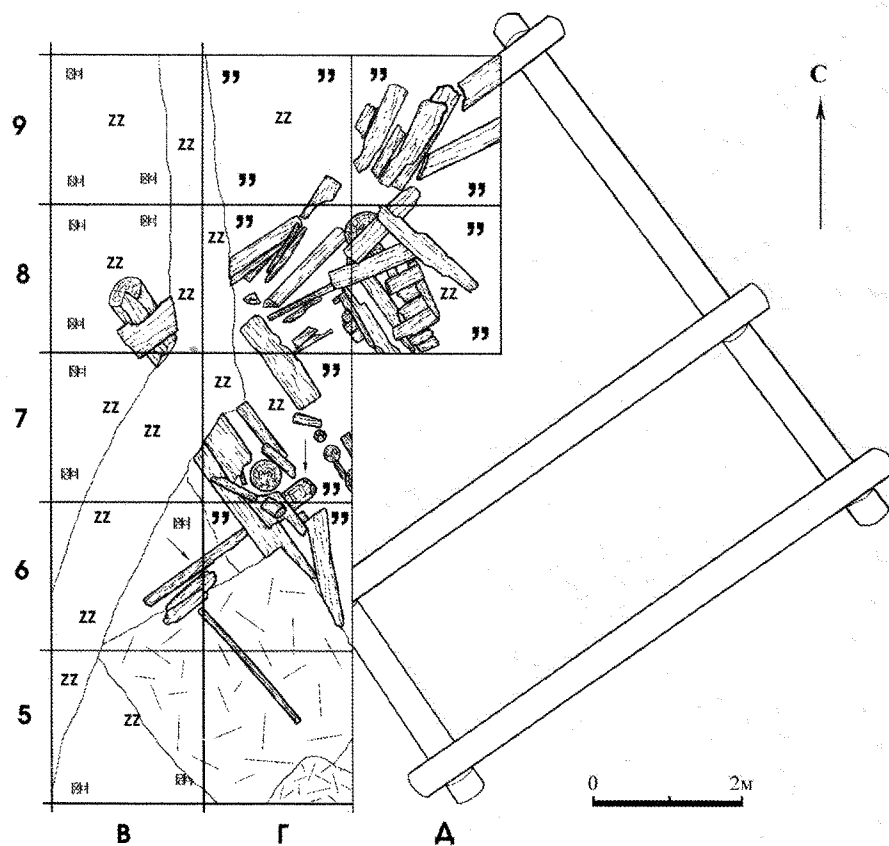

Рис. 15. Частичная условная реконструкция постройки 15. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 8

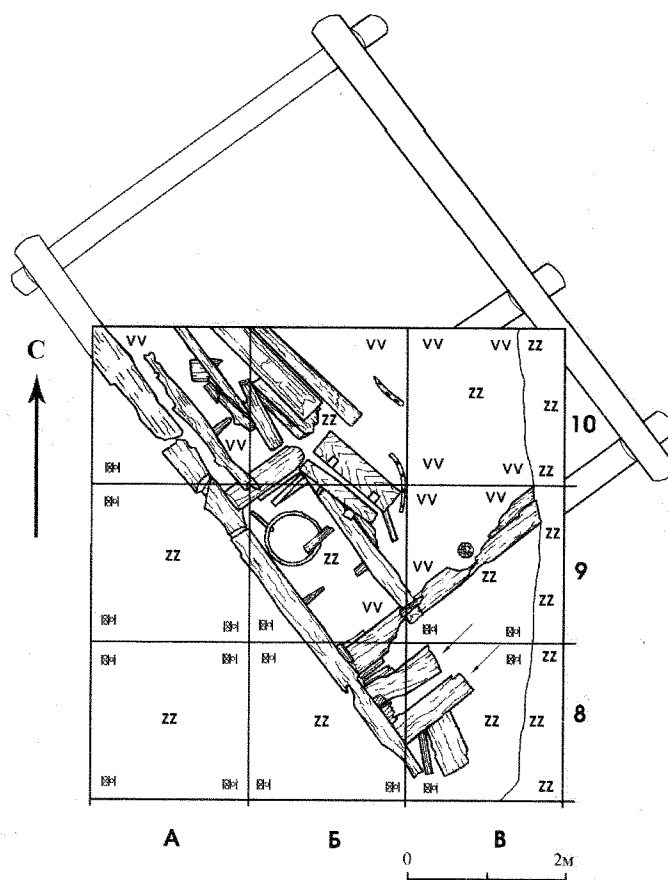

Рис. 16. Частичная условная реконструкция постройки 14. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 8

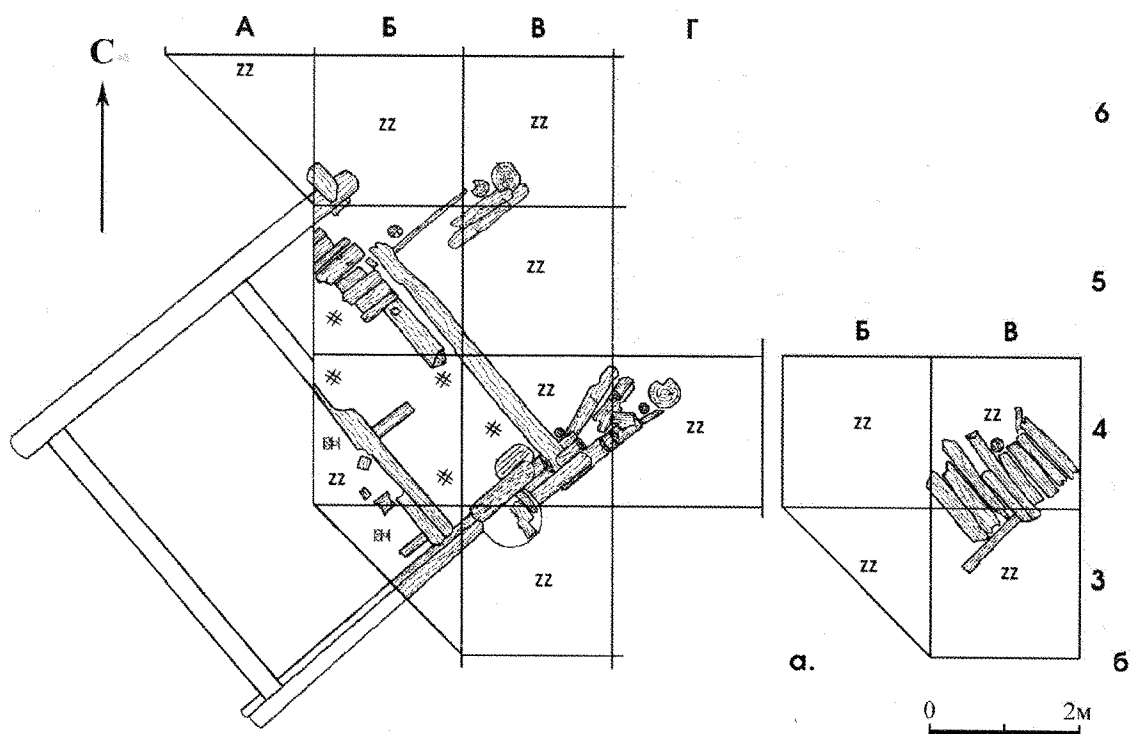

Рис. 17. Частичная условная реконструкция постройки 10. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 5
а – общий вид; б – фундаментный подклад под ЮВ стенку и южный угол

Рис. 18. Техника рубки венца в обло. Селище Вёжи. Раскоп II

диапазон – от 9 до 56 кв. м. В целом, наиболее устойчивая средняя площадь построек от 20 до 40 кв. м. Как правило, все размеры жилых конструкций колеблются в этих рамках. Вместе с тем, отмечены постройки меньшего размера – постройка 20 (9,2 кв. м) и постройки, превышающие средние показатели – постройка 12а (56,1 кв. м).

Для построек Костромского Поволжья в подавляющем большинстве случаев применялись хвойные породы: сосна, лиственница, ель, гораздо реже – ель, дуб (Донцов, Караськов, Щербинин, 1991. С. 9). Техника рубки стен на всех вёжских постройках одинакова – в обло с пазом и чашей сверху (рис. 18). Способ соединения бревен в венцы на углах сруба «с остатком» (в обло, в угол, в чашу, в простой угол) – наиболее простой и ранний. Концы нижних бревен сруба для увеличения площади опоры оставляли на значительно большую длину, нежели все остальные. Постройки на селище Вёжи, как правило, рубили на месте. Об этом свидетельствует обилие щепы и древесной коры на протяжении всего культурного слоя. Отсутствие меток на стенках срубов также говорит о том, что конструкции возводились непосредственно на месте.

Довольно часто постройки имели конструкцию «трехстенного прируба» (рис. 19), которая прослеживается практически на всех жилых постройках. Как правило, во всех случаях это усложненная конструкция, разделенная рубленой внутренней перегородкой на две камеры. Наличие деревянных по-

ловиц в большей камере ранних горизонтов может свидетельствовать о том, что она могла быть жилой, а сама постройка одноэтажной. Примерно с XVII в. постройки, сохраняя двухкамерность, становятся, вероятно, двухэтажными, причем первый этаж всегда нежилой, с залитым глиной полом.

Полы прослежены более чем в половине построек, чаще от них оставались только переводины. С конца XIV до первой половины XVIII в. перерубы для пола в обеих камерах, как правило, врубались одним концом во внутреннюю стенку, между вторым и третьим венцами, другим – в противоположную стенку. Врубка переводин в сруб производилась двумя способами: сквозной рубкой, когда между вторым и третьим или третьим и четвертым венцами (иногда выше) в обоих бревнах противоположных стен вырубались сквозные окна, куда вставлялись концы переводин. Вторым способом – глухая рубка, при которой гнездо для переводины вырубалось целиком в одном венце, но вынималась только половина бревна, а вторая половина (наружная) оставалась на месте, закрывая концы переводин. Перерубы врубались поперек камер. При этом глиняная забутовка присутствует фактически везде. Вероятно, это гидроизоляционная подушка для пола и самой постройки. Настилы полов на Вёжах делались как из бревен, так и из досок (рис. 20). Доски были хорошо обтесаны с обеих сторон и имели толщину 4–5 см. Ширина досок соответствовала обычной толщине бревен, из которых сооружалась данная постройка, т. е. 22–24 см, редко больше.

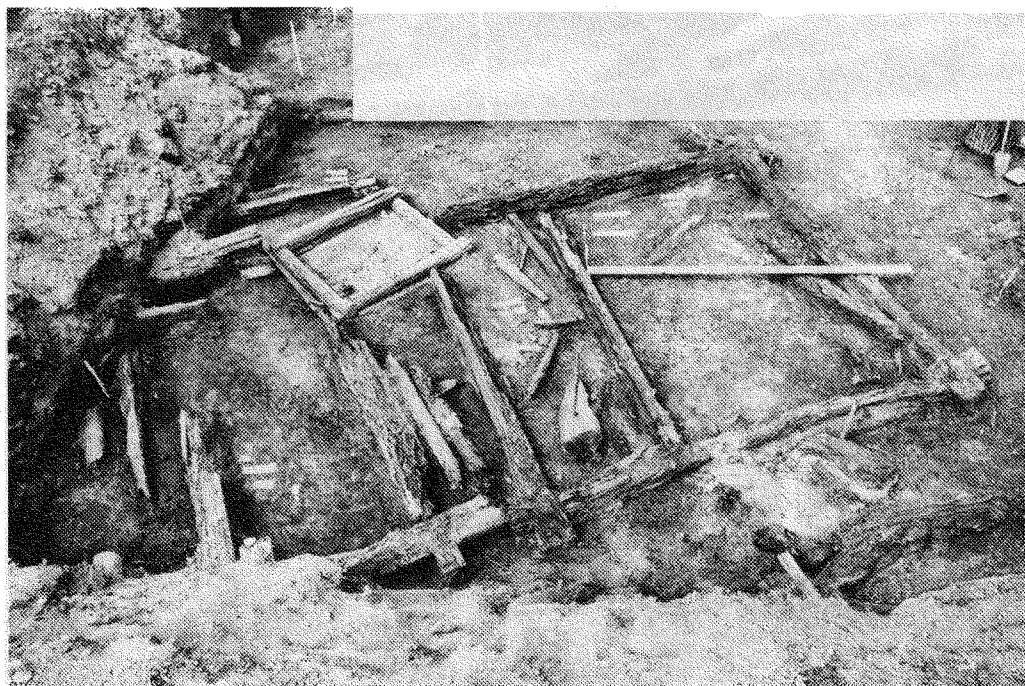

Рис. 19. Форма трехстенного прируба (постройка 29). Селище Вёжи. Раскоп II. Вид с востока

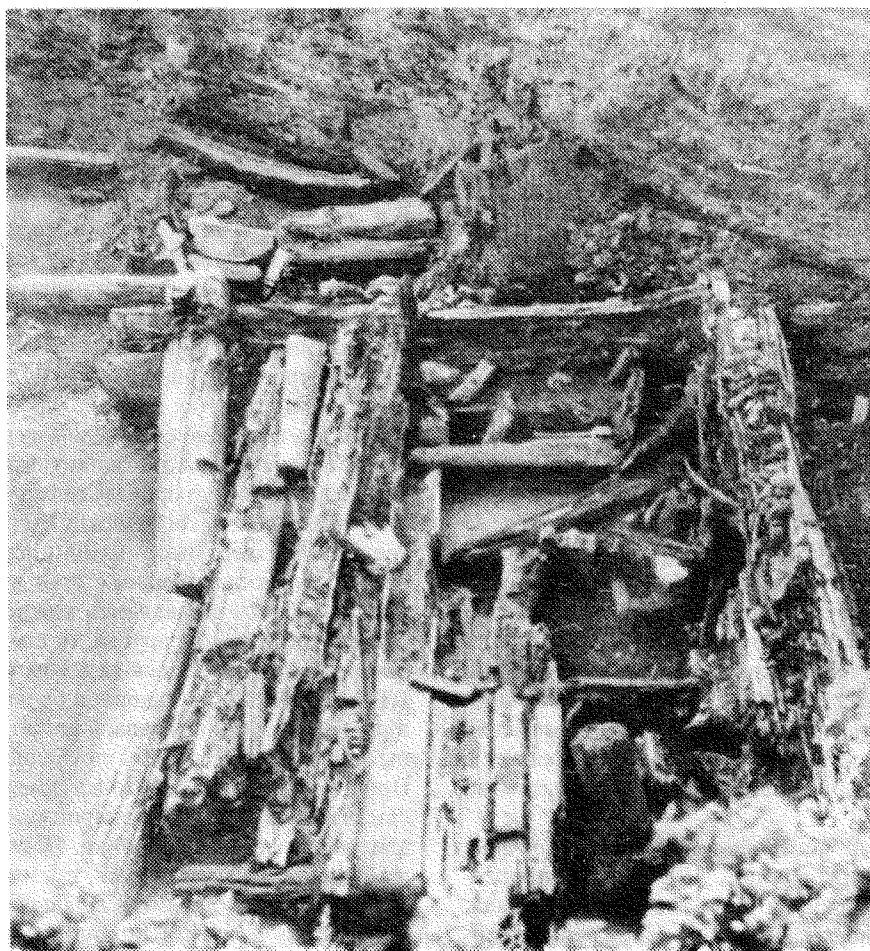

Рис. 20. Конструкция пола в постройке 16. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9. Вид с ЮВ

Таблица 4. Хронология конструкций основания печей.

Ярус	Постройка	Дата	Печь		
			столбовой опечек	опечек срубной конструкции	основание печи на земле
12	20	Кон. XV в.	—	—	—
11	18	Нач. XVI в.	+ (?)	—	—
10	11	Сер. XVI в.	—	—	—
9	16	Кон. XVI – нач. XVII в.	+	—	—
	12 в		—	+ (?)	—
8	15	1-я пол. XVII в.	—	—	—
	14		—	—	—
	12а		—	—	—
7	13	Сер. XVII в.	—	—	—
6	12	2-я пол. XVII в.	—	—	+ (?)
5	10	1-я пол. XVIII в.	—	—	—
	9		—	—	+

Столбовые постройки в раскопе встречаются очень редко. К ним можно отнести загоны для скота, обычно примыкавшие ко двору с жилыми постройками.

Печи. Остатки печей служат важнейшим признаком жилища. Однако их следы сохраняются не всегда. Во время раскопок на Вёжах (раскоп I) находки печей были очень редкими. А.В. Арциховский в подобной ситуации для Новгорода объясняет это следующим образом: «Возможно, что небольшие глиняные или кирпичные печи стояли на высоких столбах; тогда при разрушении жилищ могли они исчезнуть бесследно» (Арциховский, 1949. С. 126). На Вёжах остатки печей были прослежены в пяти случаях (табл. 4), т. е. менее чем в половине известных построек. Остатки были представлены столбовыми опечками (два случая)³, одним опечком срубной конструкции и основаниями печей, сооруженных непосредственно на земле без каких-либо фундаментов (Кабатов, 2003. С. 97–99). Срубные опечки, как правило, встречались только в постройках производственного назначения. Соотнесение вариантов основания печей с постройками выявило, что печи, основания которых покоятся на земле без фундамента, появляются только во второй половине XVII в., печи со столбовыми опечками и опечками срубной конструкции фиксируются с конца XV в. (табл. 4).

Конструкцию печей на памятнике реконструировать фактически невозможно. В развалах печей

встречаются куски обожженной глины. По материалам раскопок Великого Новгорода известны печи всех трех типов. Печи на столбовых опечках клали в жилых домах. Печи, стоящие непосредственно на земле, принято относить к производственным (Засурцев, 1963. С. 31).

Размеры печей согласовывались с размерами построек (Кабатов, 2003. С. 97–99). Самый большой размер основания печи составляет 268 × 136 см, в двух других случаях фактическая площадь основания не превышает 2,6 кв. м, а в постройке 16 ее площадь 1,3 кв. м (рис. 20).

Водоотводные (дренажные) системы

Водоотводные (дренажные) системы представлены желобами и водоотводными трубами (Кабатов, 1999; 2004а; 2009)⁴. Последние, в отличие от новгородских аналогий не имеют какого-либо покрытия (Кабатов, 2001. С. 137). Желоба встречаются практически на протяжении всего периода формирования культурного слоя и конструктивно однотипны (рис. 21–22). Водоотводные трубы в слое фиксировались 6 раз, при этом лишь единожды обнаружена магистральная труба (рис. 23). Наиболее раннее водоотводное сооружение относится к 9 ярусу и представлено вторым видом. Это система из двух основных бревен, обложенных вдоль несколькими обрубками бревен и плахами, покрытыми сверху цельными полосами бересты. В сечении стыковка бревен имеет вид желоба (Кабатов,

³ Столбовой опечек – это три-четыре столба диаметром 20–30 см, расположенные по углам печи. Они вкапывались на 20–40 см в землю и возвышались на 40–60 см над уровнем земли. Верхние концы совсем немного поднимались над полом. Общая длина столбов составляла 60–100 см. Часто концы таких столбов обуглены или обрублены в результате позднего строительства на этом же месте и это затрудняет определение их первоначальной высоты. По-видимому, в тех домах, где печи стояли на высоких столбовых опечках, при разборке дома вертикальные бревна выкапывались, чтобы те не мешали при строительстве. Вероятно, в такие моменты и исчезали все возможные следы таких печей.

⁴ Типичная схема последовательных звеньев водоотводной системы в целом такова: водосбор – отводная труба – магистральная труба до реки (Медведев, 1956. С. 210). Более сложная система включает в себя дополнительный элемент – соединительный колодец, в который и врубается отводная труба (Медведев, 1956. С. 211). Всего, по новгородским и псковским аналогиям, известно два вида дренажных систем: деревянные трубы и крытые желоба (Медведев, 1956. С. 209; Салмина, 2005. С. 20–25).

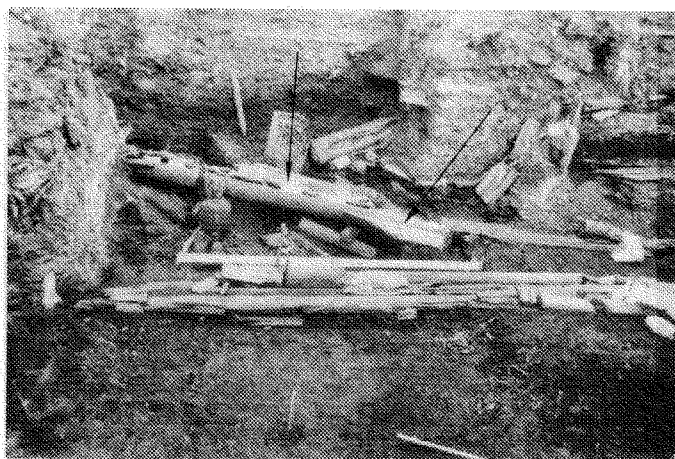
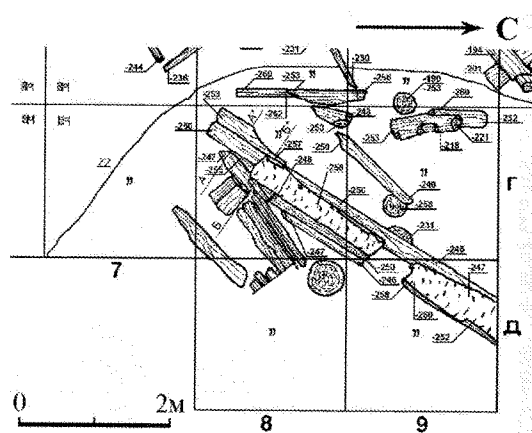
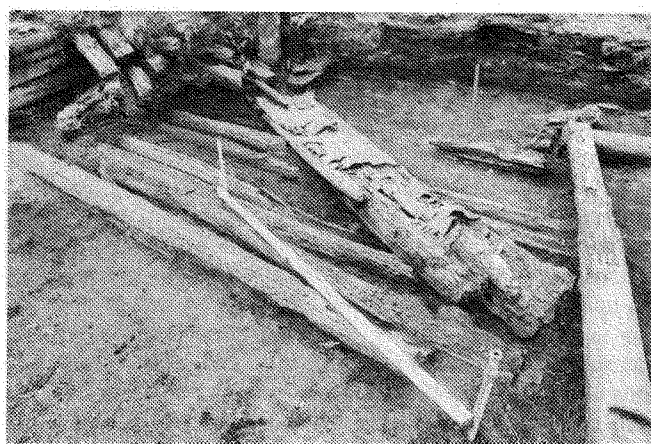
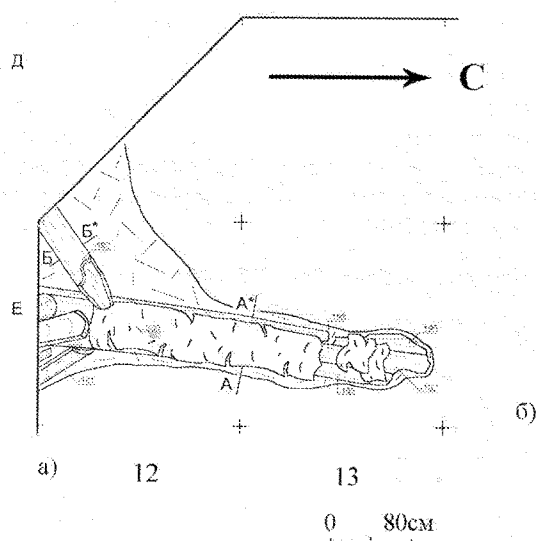
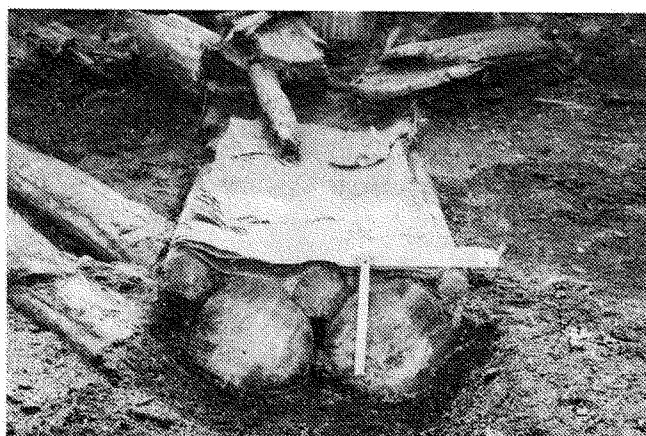

Рис. 21. Фрагмент водоотводного желоба. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 9. Вид с запада

б)

в)

Рис. 22. Водоотводный желоб (объект № 29). Селище Вёжи. Раскоп II, ярус 4
а – фрагмент яруса 4; б – вид с ССВ; в – сечение по линии А–А* (вид с севера)

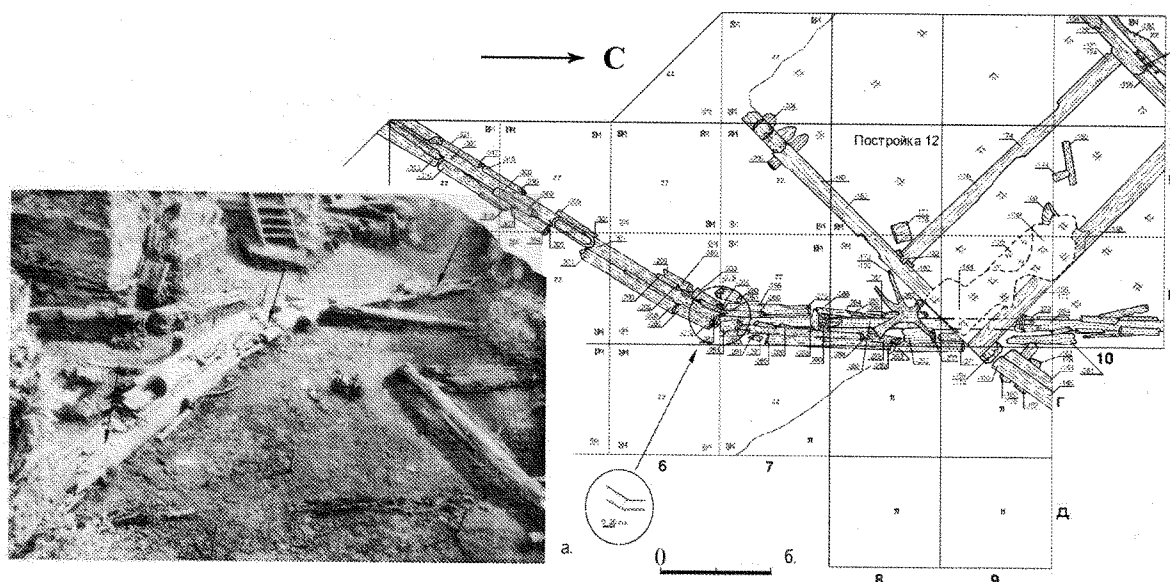

Рис. 23. Дренажные магистральные трубы. Селище Вёжи. Раскоп I, ярус 8
а – вид с севера; б – фрагмент яруса 8

2001. С. 137–138). Обилие органики в слоях выше и ниже уровня стока позволяет предположительно определить его назначение как хозяйственное. Подобные водоотводные стоки из построек для скота известны по новгородским аналогиям. Такие желоба не подключались к магистральным трубам, а грунтовые и сточные воды поступали из них в глубокие поглотительные колодцы без дна. Из последних, как правило, вода уходила в грунт (Медведев, 1956. С. 211). Специфика грунта поверхности яруса 9 на уровне зачистки в конце водоотвода позволяет предположить наличие такого поглотительного колодца и в нашем случае. Время использования данного водоотвода по керамическому комплексу, датирующему ярус 9, относится к концу XVI – началу XVII в.

Все зафиксированные водоотводные элементы имеют уклон в южную сторону, вследствие характера местности. Отсутствие изоляционного материала на всех водоотводах, на наш взгляд, можно объяснить упрощенной прокладкой дренажной системы. Местной особенностью соединения дренажных звеньев является полное отсутствие какого-либо изоляционного материала (бересты) в месте стыка. Уклон всей дренажной системы, при общей длине труб 912 см, составляет 17 см. Относительно дневной поверхности времени бытования 8-го строительного горизонта, водоотводные трубы залегают на глубине от 94 до

75 см (Кабатов, 2001. С. 139). Комлевые концы обеих труб направлены к истоку. Подобная закономерность прослежена на всех известных водоотводных трубах древнего Новгорода (Медведев, 1956. С. 217). В Новгороде подобное упрощение прокладки дренажа появляется с конца XVII – начала XVIII в., когда берестой начинают обертывать лишь швы на стыках отдельных звеньев (отрезков трубы) и швы в местах присоединения к магистрали отводных труб (Медведев, 1956. С. 222). Вполне возможно, что дренажную систему не оборачивали берестой, чтобы позволить допуск в трубы сточных вод с прилегающей территории через соединительные швы. В пользу этого свидетельствует уровень дневной поверхности времени прокладки дренажа, который в Вёжах всегда имеет уклон к водоотводу с двух сторон, что позволяло воде стекать в незасыпанную канаву с водоотводом.

Керамический комплекс

Керамика на селище Вёжи представлена глиняной гончарной посудой, в основном кухонной (всего на раскопе I собрано 8 тыс. обломков), целых сосудов обнаружено не было, в развалах найдено менее десятка. Керамика раскопа I изучена с предматерикового слоя конца XIV в. Вся керамика представлена посудой VI–XI типов костромской гончарной керамики (рис. 24)⁵.

⁵ Первые попытки датировки керамического комплекса Костромской земли были предприняты С.И. Алексеевым (1995 б; 1998; 1999; 1999 б). Его классификация построена на основе археологических материалов г. Костромы и соотносится с классификацией новгородской керамики. В основе классификации костромской гончарной керамики лежит вариативность формы венчика с учетом состава глиняного теста, обжига, орнамента. По утверждению Г.П. Смирновой, состав теста – второстепенный признак классификации, т. к. он обусловлен сырьем (Смирнова, 1956. С. 228–248). Вся ранняя керамика из-за недостаточного обжига имеет серый или буроватый цвет. Для уточнения хронологии в качестве дополнительных реперных серий находок нами были привлечены металлические изделия (ножи, топоры, замки, ключи), кожаные изделия и техника домостроительства (Кабатов, 1999, 2004б, 2008, 2009; Алексеев, 2001).

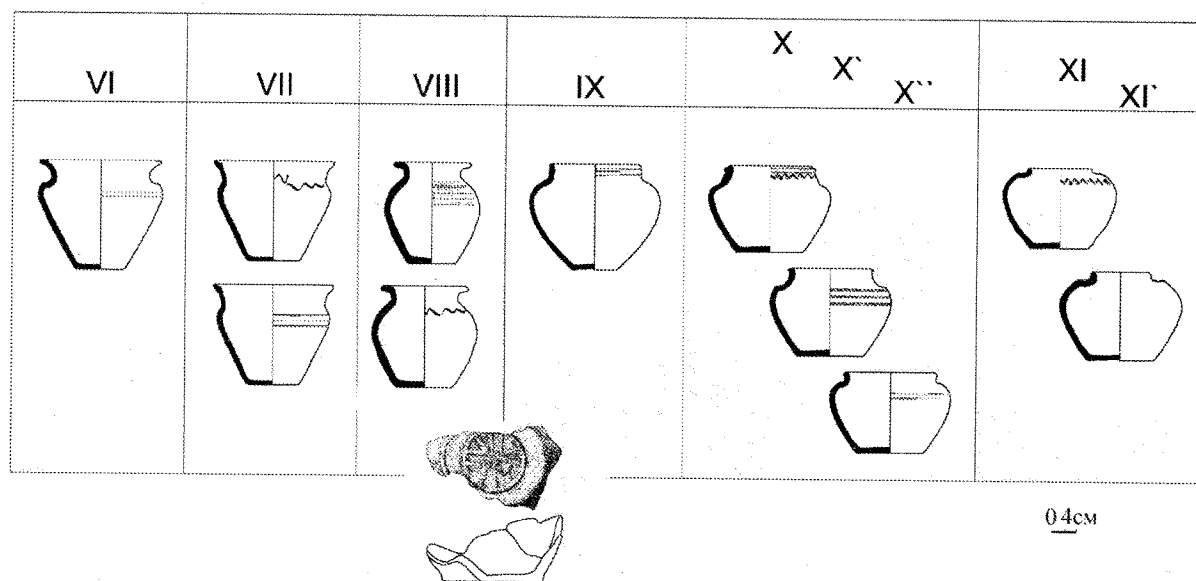

Рис. 24. Типы керамики селища Вёжи

О местном производстве посуды могут свидетельствовать находки бочарок, деревянных ножей и их обломков для обтачивания и заглаживания поверхностей (рис. 25)⁶, а также данные этнографии (сообщения старожилов Вёж, по словам которых сырье в XX в. было привозным – из Ярославской губернии).

При изготовлении керамики на селище Вёжи сырьем выступала тощая ожелезненная глина с различными примесями. В XIV–XV вв. на днищах часто встречаются следы подсыпки (песок, дресва, зола). Горшки изготовлены из глины с примесью крупнозернистой дресвы и песка, реже – органики. Встречаются обломки горшков, изготовленных из нежелезненной глины с естественной примесью песка (зерна менее 0,5 см). Обжиг чаще всего неравномерный, черепок в изломе трехслойный. Цвет черепка колеблется от кирпично-красного до коричневого и черного. Внешняя и внутренняя поверхность имеет следы заглаживания мягким предметом.

В XV в. постепенно начинают использовать запесоченную глину, причем со временем процентное содержание песка уменьшалось, уже без примеси дресвы, только с органикой. В XVI в. искусственные примеси в тесте исчезают (с появлением керамики X типа). По способу изготовления практически вся посуда изготовлена скульптурной лепкой, с последующей обточкой на гончарном круге. Наиболее распространенным видом керамической посуды на селище Вёжи являются горшки, которые изготавливались при помощи спирально-жгутового налета. Вид начала – донно-емкостный, составной. Сосуды изготовлены на уровне РФК 4–5 (по А.А. Бобринскому). Программа формирования полого

тела – донно-емкостная. Способ обработки поверхности: заглаживание руками или деревянным инструментом. С XVI в. получает широкое распространение техника лощения, что подтверждается наибольшим числом фрагментов чернолощенной керамики, зафиксированных в слое десятого строительного горизонта. Орнаментация не отличается разнообразием, чаще всего используется линейный (многоряд, толщина линий 0,1–0,5 см, расстояние между линиями 0,2–1,6 см) и волнистый орнамент, иногда орнамент присутствует в виде косых и овальных насечек. Фиксируются и такие виды орнамента как волна, сочетание волны и линейного многоряда. Оттиски штампа, насечка, лунковидные вдавления и их сочетания с линией встречаются редко. Печные горшки орнаментировались редко. Основными орудиями для нанесения орнамента служили деревянный нож, заостренная палочка или гребенка. После изготовления посуда тщательно просушивалась. Затем происходил обжиг в домашних печи.

В предматериковом слое второй половины XIV в. были найдены два обломка посуды I–II типов костромской керамики. Это сероглиняная ранняя керамика с высокой шейкой. Одновременно фиксируется посуда III–VII типов. Это посуда из тощей ожелезненной глины с примесью крупной дресвы и органики в тесте. Вся керамика этого времени характеризуется высокой вертикальной или отогнутой наружу шейкой (Кабатов, 2004а. С. 20). В городских слоях такая керамика датируется следующими реперными находками: овальные кресала типа III по Б.А. Колчину, навесные замки и ключи к ним типа В (Колчин, 1959. С. 87, 101. Рис. 70, 84), фрагменты стеклянных

⁶ В слоях с 10-го по 2-й ярусы. Все они, как правило, находились вне конструкций, но в непосредственной близости к ним (дворовая территория).

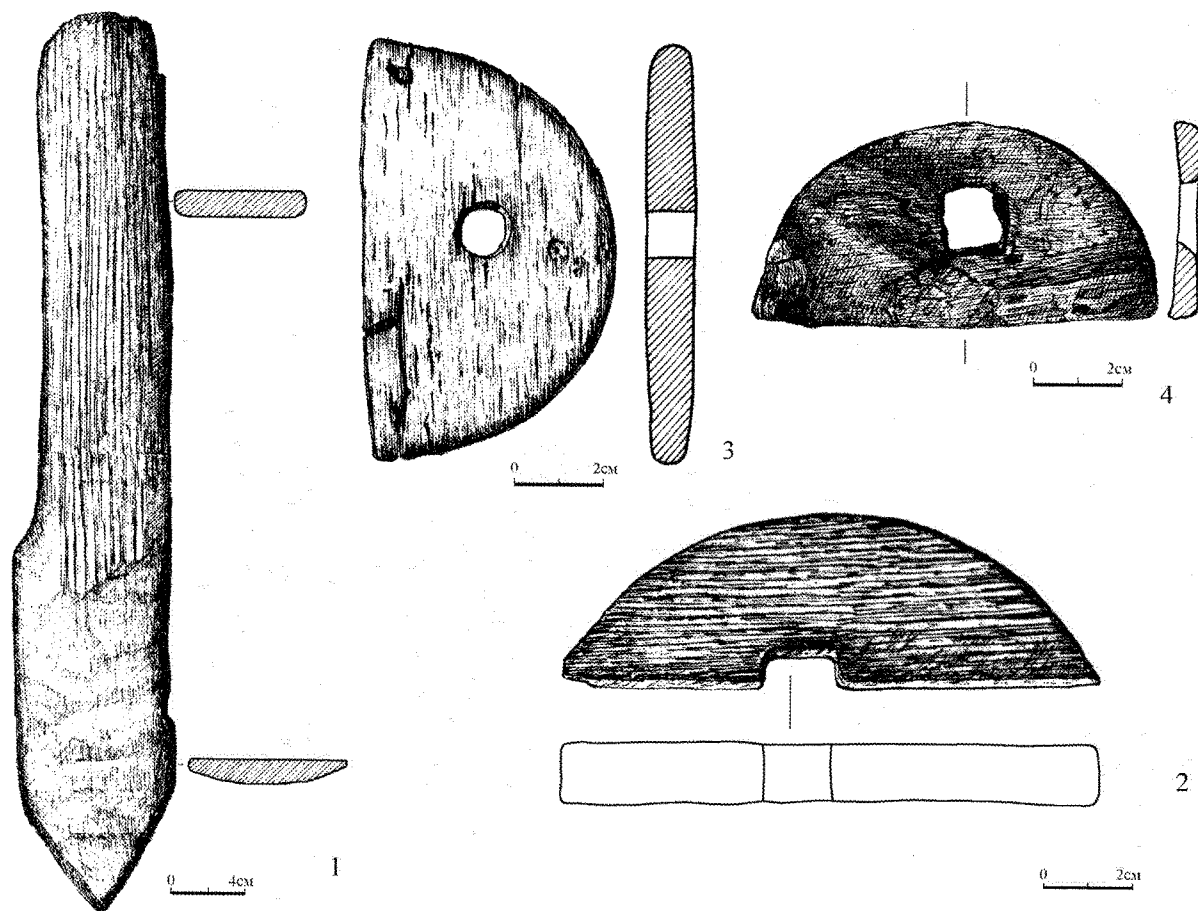

Рис. 25. Деревянные инструменты для обработки керамической посуды. Селище Вёжи
1 – нож для обтачивания поверхности; 2–4 – бочарки

браслетов. Появляются сосуды типа VIII, основное отличие которых от предыдущих – изменение постановки венчика и некоторое уменьшение размеров (рис. 24). В городских слоях они встречаются с такими реперными находками как навесные замки и ключи к ним типа В-II по Б.А. Колчину и кресала типа III по Б.А. Колчину, так называемые овальные (Колчин, 1959. С. 87, 101. Рис. 70, 84). На селище Вёжи посуда восьмого типа была зафиксирована в 15–13 ярусах раскопа I (Кабатов, 2004а. С. 20–21).

В XV в. продолжает бытовать посуда седьмого и восьмого типов (рис. 24). В конце XV в. появляются красно- и сероглиняные сосуды с невысокой цилиндрической шейкой, плавно переходящей в округлое тулово (тип IX по костромской классификации). На селище Вёжи эта посуда встречается в 13–9 ярусах. Слои этого времени датируются находкой в ярусе 9 ключа от навесного замка типа Д середины XIV – середины XV в. (Колчин, 1959. С. 87. Рис. 70).

В XVI в. в употреблении была керамика IX типа и производное ее развития – тип X. Это красно- и сероглиняная керамика без искусственных примесей. Сосуды имеют невысокую вогнутую шейку, округлое выпуклое тулово с небольшим расширением в

верхней трети и часто обработаны в технике лощения (рис. 24). В этот период получают распространение блюда серого или оранжевого цвета (серого в изломе), изготовленные из тощей ожелезненной глины с примесью органики. Диаметр по венчику от 18 до 43 см. В Новгороде Великом блюда подобной профилировки появляются в XIV в., в Костроме они были распространены в XVI–XVII вв.

В XVII в. еще бытует керамика типа X и появляется посуда XI типа. Это горшки без выраженной шейки, с округлым туловом (рис. 24). Характерный переход от шейки в плечико через ребро появляется в Новгороде Великом в XV в., в Костроме такая профилировка плечика бытует до начала XVIII в. В городских слоях это самая распространенная керамика.

Еще одной характерной чертой керамики являются клейма на днищах. В строительных горизонтах XV в. (12 ярус) было найдено клеймо в виде креста в круге (рис. 24). Подобные клейма на сельских поселениях Костромского Поволжья – довольно редкое явление и на других памятниках (кроме селища Вёжи) пока нигде не были зафиксированы. Здесь же известно еще четыре клейма, но, к сожалению, все они из подъемного материала (Кабатов, 2004а. С. 22–23).

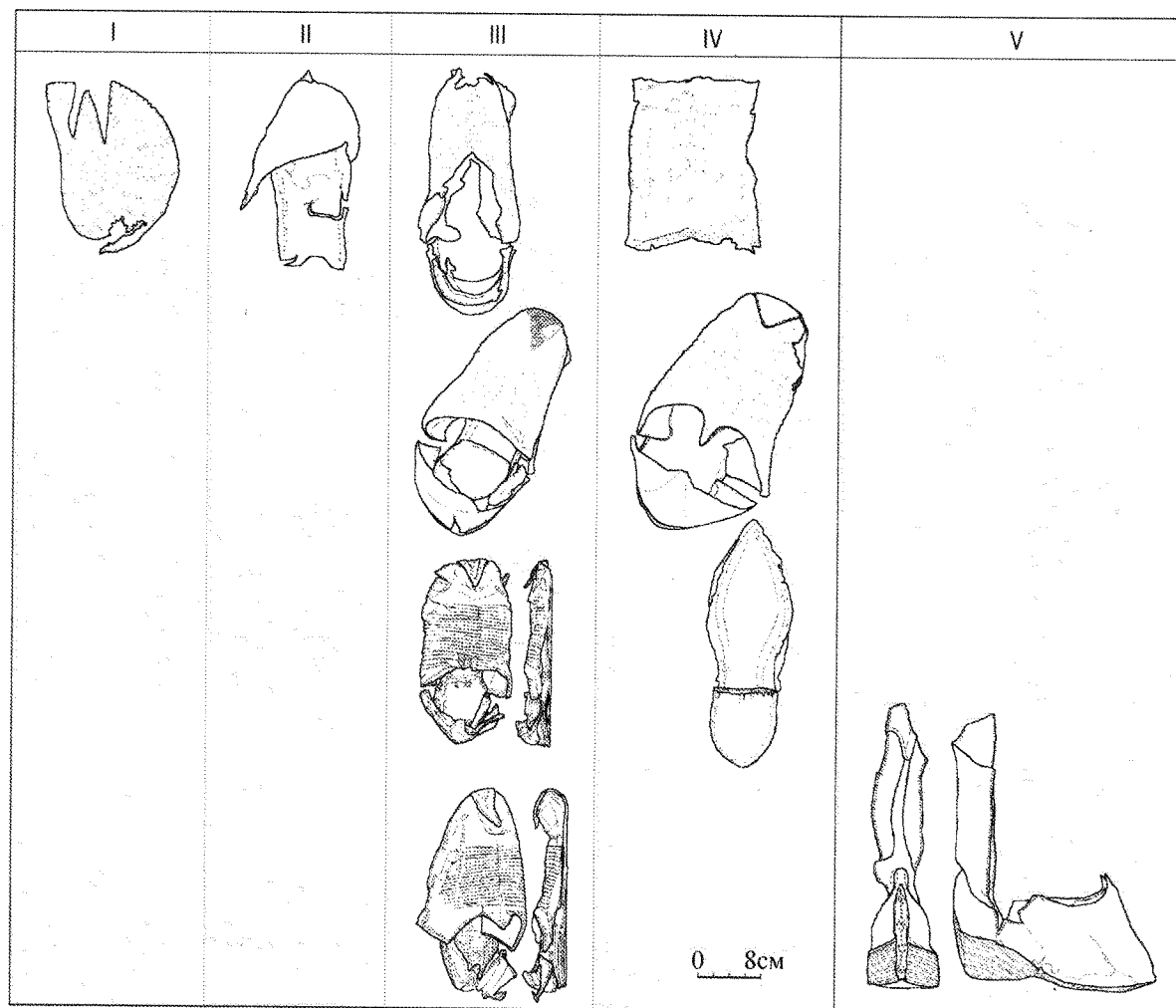

Рис. 26. Типы обуви. Селище Вёжи

1 – поршни; 2 – мягкие туфли; 3 – мягкие туфли ажурные; 4 – полусапожки; 5 – сапоги

Элементы одежды

Из всего комплекса костюма жителей селища Вёжи на данный момент представляется возможным выделить пока только вещи, сделанные из кожи. Весь выявленный комплекс кожаных находок представлен фрагментами обуви (иногда целыми экземплярами) и другими единичными находками (кошелек). О распространении на Вёжах животноводства свидетельствует обилие органики в культурном слое, остатки стойл для скота, а также обилие костей домашних животных (Кабатов, 1999; 2004б; 2008; 2009; Алексеев, 2001). В письменных источниках встречаются свидетельства об обильных заготовках сена жителями «погоста Вёжево» для собственных нужд и для продажи («Акты...», 1998. С. 175). Развитие скотоводства в Костромском Поволжье способствовало возникновению отдельных отраслей ремесленного производства, связанных с обработкой сырья и использованием его для различного рода изделий (кожевенное, сапожное, овчинное, скорняжное, косторезное и др.). Сырьем для костромских кожевников

служили шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

В материалах из раскопок селища Вёжи выделяются четыре типа обуви: поршни, мягкие туфли, полусапожки, сапоги (рис. 26). На Вёжах были найдены только два поршня. Мягкие туфли, судя по размерам, принадлежали взрослым мужчинам: длина этой обуви 25–28 см, высота 12–16 см. Наряду с простыми, были обнаружены несколько хорошо сохранившихся экземпляров ажурных туфель с длиной подошвы 31 см. На одном экземпляре с селища Вёжи геометрический узор представлял собой тиснение на головке в виде центральной линии, которая шла от выреза ноги к носку туфли, а к нему с обеих сторон примыкали более или менее параллельные ряды, шедшие от краев головки (Кабатов, 2006. С. 72–73. Рис. 3, 1). Полусапожки – это фактически обычные сапоги, только с более короткими голенищами (14–15 см высотой). Сапоги – наиболее сложный по изготовлению вид обуви. Одна из характерных особенностей голенищ вёжских сапог – их относительно небольшая высота (17–20 см). Большинство голенищ сшивалось по бокам тачным швом из двух частей. Верх-

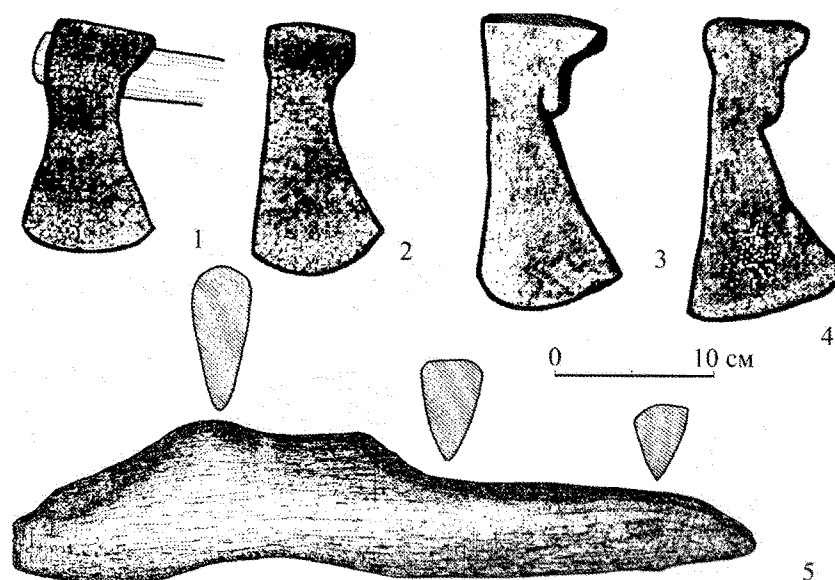

Рис. 27. Топоры селища Вёжи конца XIV – начала XVI в.
1–4 – топоры; 5 – топорыще

няя часть голенища делалась шире нижней. Сапожные головки известны двух видов: тупоносые и остроносые с приподнятым носком. Длина головок от 13 до 24 см (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4). Тупоносые головки изготавливались из простых грубых сортов кожи, а остроносые – из более мягких и тонких. Все головки имели поднаряд, пришивавшийся без сквозных проколов. На Вёжах все поднаряды составные из двух равных половинок (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 4, 2б). В скреплении верха обуви с низом были различия, которые зависели от толщины материала головки и подошвы. Толстокожие переда обуви пришивались к низу простым наружным швом, все остальные скреплялись внутренним швом. Верхний край переда сапога, простой или фигурный, обуславливал кривизну выреза голенища, а также угол скоса внутреннего края наружного задника. Поверхность остроносых головок на среднем этапе золотоордынского времени украшалась тиснением в виде параллельных полос (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, а; рис. 4, 2а) или рядами гвоздиков с небольшими округлыми шляпками. Задник у всех сапог, обнаруженных нами, был двойной и состоял из двух кусков кожи (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4 в–ж), сшитых с внутренней стороны потайным швом. Нижние края задников отгибались наружу и крепились к подошве обычным наружным швом (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4 в–г; рис. 5, 1–2). Иногда, для большей прочности задник сверху прибивали к многослойной пятке декоративными маленькими гвоздиками. В одном случае удалось обнаружить экземпляр, где задник, кроме того, что был пришит к подошве, еще был прибит и снизу (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 5). От внешнего вида головки зависела форма подошвы. Нам известны остроносые и тупоносые подошвы. Как правило, все подошвы составные и состоят из нескольких (до трех) слоев кожи. Для того чтобы предотвратить изнашивание пе-

редней и задней частей подошвы, а также расслаивание пластов кожи, подошвы в этих местах подбивали металлическими гвоздями с широкими круглыми шляпками (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 5, 2–3; рис. 3, 5–6). Высота таких гвоздей оставляла 1,0–1,5 см, диаметр шляпки 0,3–0,7 см. В сечении гвозди были квадратными. Набойки на каблучки в виде железных скобок известны по вёжским материалам с конца XIV в. Толстые подошвы скреплялись с головкой и задником комбинированным способом: до пятки внутренним выворотным швом, на пятке наружным (Кабатов, 2006. С. 74–75. Рис. 3, 4б, 5–6; рис. 5, 4–5). В вёжских материалах кожаные сапоги появляются с конца XIV в., и почти все их подошвы имеют наборные составные каблучки.

Обувь конца XIV в. представлена поршнями, мягкими туфлями, полусапожками, сапогами. В XV в. полусапожки выходят из употребления. В XVI–XVIII вв. поршни исчезают. Сапоги в это время самый распространенный вид обуви (Кабатов, 2006. С. 75–76).

Металлические изделия

Изделия из металлов, найденные на селище, можно разделить на несколько групп: топоры (рис. 27), ножи (хозяйственные, столярные, бондарные, косторезные, сапожные, «засапожники») (рис. 28), кочедыки (рис. 29), ножницы, светцы, навесные замки и ключи к ним (рис. 30).

Селище Вёжи, как памятник археологии Костромского Поволжья, являет собой уникальный образец поселения русского Средневековья. Хорошая сохранность слоя выделяет селище из ряда подобных памятников. Материал, выявленный в результате многолетних исследований, впервые позволил составить объемное представление о средневековой материальной культуре сельского населения данного региона.

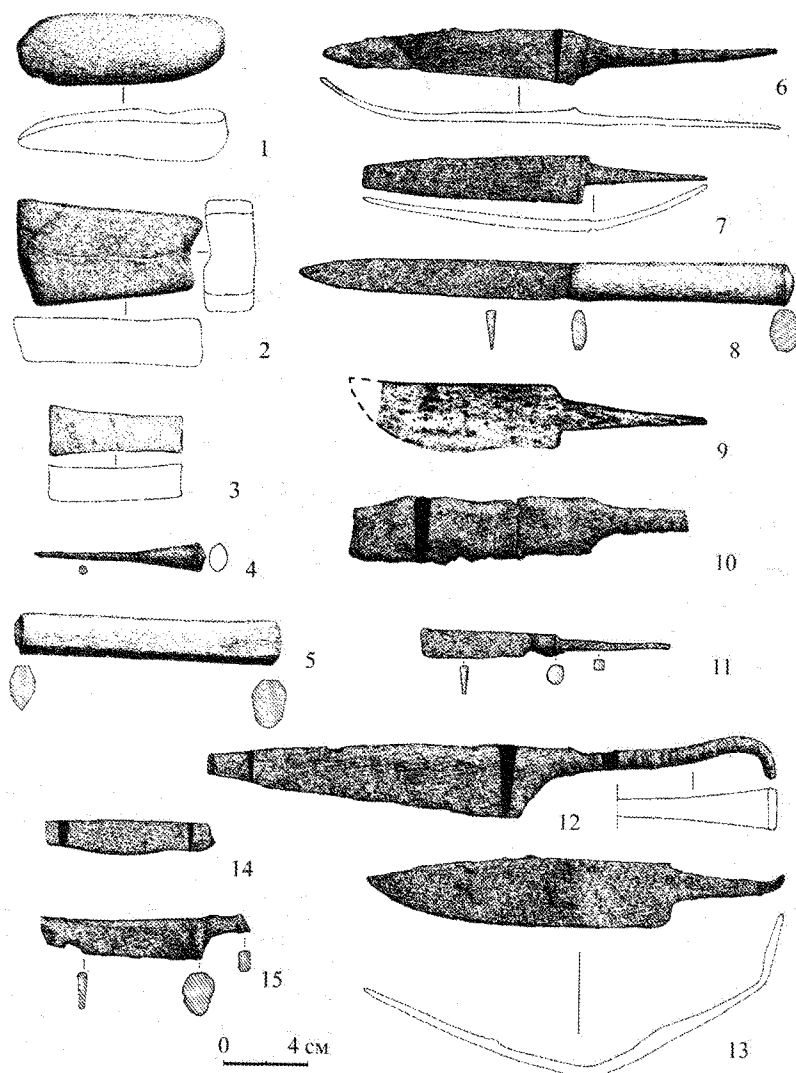

Рис. 28. Бытовой инвентарь селища Вёжи

1-3 – оселки; 4 – пронизка; 5 – ручка ножа; 6-14 – ножи. 1-3 – сланец; 4, 6-15 – металл; 5 – кость.

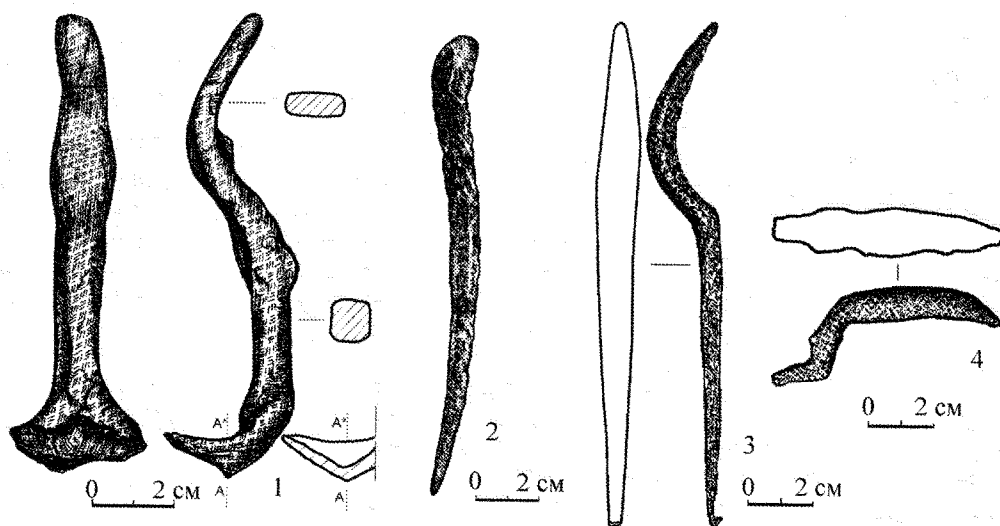

Рис. 29. Железные кочедыки селища Вёжи

1 – первый тип (по Б.А. Колчину), XIII-XVI вв.; 2 – второй тип, XV в.; 3-4 – кочедыки конца XVII в.

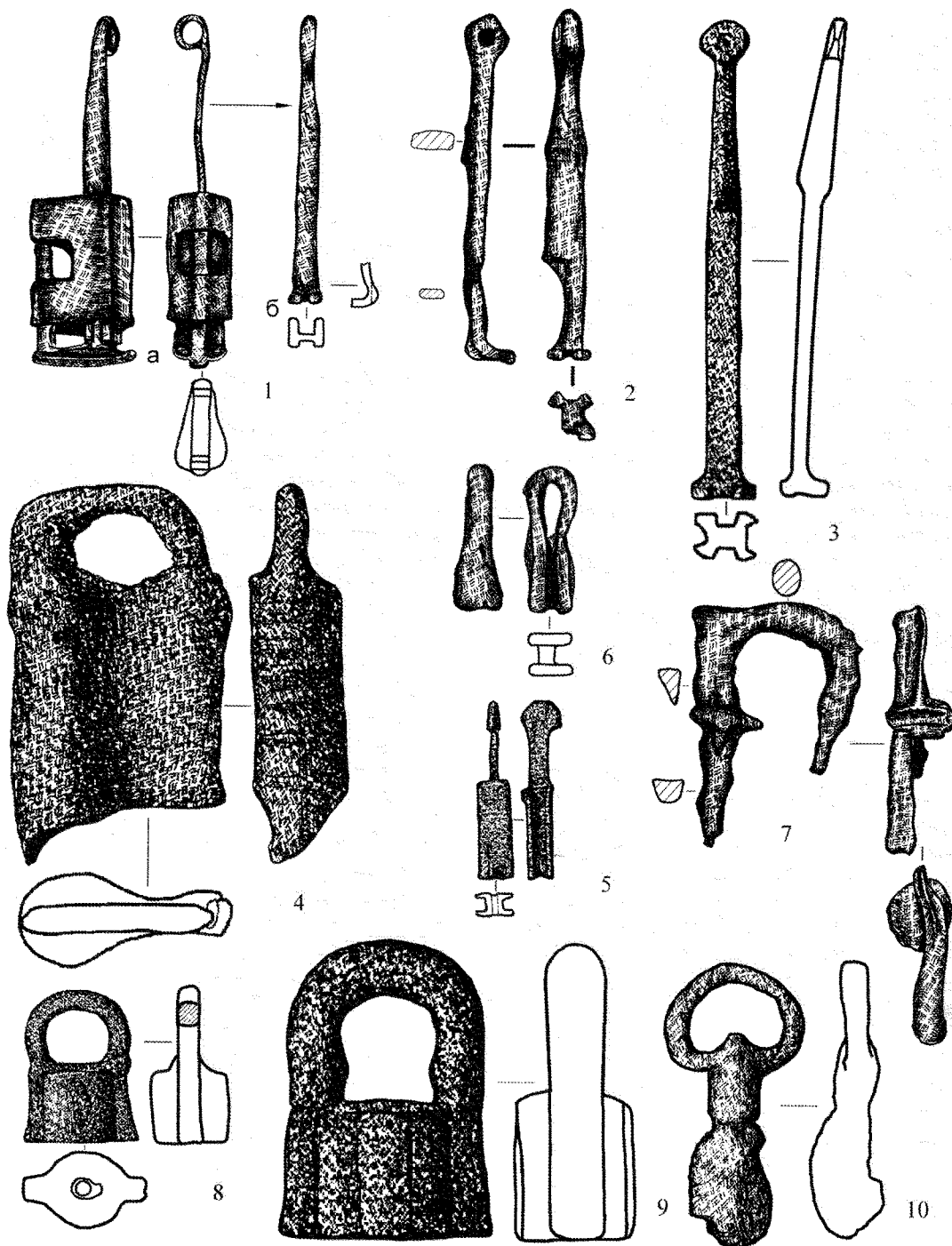

Рис. 30. Навесные замки и ключи к навесным замкам селища Вёжи

1–2 – тип В-I (по Б.А. Колчину); 3 – тип В-II; 4 – тип Г; 5–6 – тип Д; 7 – тип Ж; 8–9 – навесные замки XVI–XVII вв.; 10 – ключ к навесному замку XVI–XVII вв. 1–10 – металл. (1–4, 6–10 – подъемный материал; 5 – раскоп I, ярус 9)

Литература

Акты служилых землевладельцев XV–XVII вв. Т. I. М., 1998.

Алексеев С.И., 1995. История формирования городских территорий Костромы // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследование, реставрация, охрана). Нижний Новгород.

Алексеев С.И., 1998. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 1998 г. (раскоп Спас-Подвязный) // Архив ИА РАН.

Алексеев С.И., 1999. Археологические источники в контексте формирования территории г. Костромы в XII–XVIII вв. // Вестник Костромского государствен-

ного университета имени Н.А. Некрасова. Вып. 2. Кострома.

Алексеев С.И., 2001. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989–2000 гг.) // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома.

Археология Костромского края / Под ред. А.Е. Леонова. Кострома, 1997.

Арицховский А.В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11.

Белоруков Д.Ф., 2000. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. Кострома.

Бломквист Е.Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.

Даль В.И., 1995. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.

Донцов Э.К., Караськов Г.И., Щербинин П.П., 1991. Костромская резьба. Ярославль.

Еремин Г., 1947. Географический очерк Костромской области. Кострома.

Забелин И.Е., 1990 г. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. М.

Засурцев П.И., 1959. Постройки Древнего Новгорода // МИА. № 65. М.

Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. М.

Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. М.

Кабатов С.А., 1999. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Кабатов С.А., 2003. Печи селища Вёжи // Материалы XXXV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Йошкар-Ола.

Кабатов С.А., 2004а. Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века. Ч. II. Кострома.

Кабатов С.А., 2004б. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Кабатов С.А., 2006. Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Ко-

стромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома.

Кабатов С.А., 2008. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района, Костромской области // Архив ИА РАН.

Кабатов С.А., 2009. Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Костромские губернские ведомости. 1856. № 3

Костромские губернские ведомости. 1856. № 40.

Крживовлоцкий Я., 1861. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. СПб.

Мельниченко Г.Г., 1974. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начало XIII вв. Ярославль.

ПВЛ. Ч. 1, 2. М.–Л., 1950.

ПКК. Кострома, 2004.

ПСРЛ. 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Л.

Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Салмина Е.В., 2005. Гидротехнические сооружения позднесредневекового времени на склонах р. Псковы (по данным Богоявленских раскопов 1999–2004 гг.) // История и археология Новгорода. Вып. 19. Новгород.

Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 1.

Церкви Костромской Епархии. СПб., 1909.

Чижикова Л.Н., 1997. Традиционные жилища восточных славян и некоторых других народов России. М.

Шенников А.П., 1930. Волжские луга средне-волжской области. По материалам геоботанических исследований в 1914–21 годах в бывшей Симбирской губернии. Л.

Шумаков С., 1903. Сотницы, грамоты и записи. Костромские сотницы 7068–7076 гг. Вып. 2. М.

S.A. Kabatov

Vyozhi settlement: a medieval Russian site in the Kostroma Volga region

Summary

The article gives a general description of the medieval rural settlement near the town of Kostroma (Upper Volga region). The site dates to the 14th – 20th cc. and is char-

acterized by well-preserved timber buildings and organic materials (bone, leather, etc), which have previously been found in urban centers only (Novgorod, etc).

С.И. Андреев

Исследования селища Городок 1

Селище Городок 1 открыто и обследовано в 2005 г. Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ под руководством М.И. Гоняного. В ходе работ 2005 г. был проведен планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла. В результате на площади около 1200 кв. м было обнаружено 17 железных находок. С целью определения мощности и насыщенности культурного слоя на памятнике было заложено два шурфа площадью 1 кв. м каждый, в заполнении которых найдены фрагменты гончарных сосудов, кусок железного металлургического шлака, кусочки прокаленной глины, угольки. Тогда же было высказано мнение, что открытый памятник является однодворным сельским поселением XIV–XV вв. (Гоняный, 2006).

Селище находится на правом берегу р. Пахра, в 375 м к юго-востоку от восточной окраины с. Городок Подольского района Московской области, в лесу, в прибрежной части первой надпойменной террасы, в 70 м от русла (рис. 1), возвышаясь над водой на 7–8 м. Площадка памятника имеет небольшой уклон к северу, в сторону русла реки (рис. 2). Поверхность практически не задернована, т.к. густой подлесок мешает формированию травостоя.

В 2008 г. Тамбовской региональной общественной организацией «Тамбовские древности» под руководством автора статьи на селище Городок 1 были проведены охранные археологические работы (Андреев, 2009). Общая вскрытая площадь памятника составила 1200 кв. м. Исследованы остатки жилого комплекса в виде девяти ям от жилых и хозяйственных построек, две хозяйственные ямы и три столбовые (рис. 3).

Стратиграфия памятника оказалась довольно проста. Под неразвитым дерновым покровом залегал культурный слой, представленный темно-серым гумусированным суглинком, переотложенным многолетней распашкой, мощность которого колебалась от практически полного его отсутствия в юго-восточной части раскопа до 0,72 м в северной части, а также вокруг построек. Средняя толщина слоя — около 0,45–0,5 м. Культурный слой был насыщен кусочками обожженной глины, древесными угольками, измельченной керамикой. Культурный слой в профиле везде однородный. Только в постройках и вокруг них концентрация гумуса возрастает. Таким образом, стратиграфия подтверждает предположе-

ние об однослойности данного памятника. Гончарная керамика представлена в слое следующими типами по цвету обжига: черно-коричневая, сероглиняная, белоглиняная, красноглиняная с подлоснением, встречены также обломки лепной дославянской посуды. По всей площади раскопа под культурным слоем залегал материк, сложенный ярко-бурым суглинком.

Яма 1 (рис. 3; рис. 4). Расположена в центральной части раскопа. Имеет овальную форму, вытянута по линии северо-восток — юго-запад. Яма впущена в материк на 0,5 м. Стенки отвесные, в северо-восточной части находится небольшая полукруглая ступенька. Яма 1 перерезается ямой 6. Заполнение ямы 1 аналогично вышележащему культурному слою — темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики. В яме найден нож с обломанным черешком клиновидного сечения (рис. 28, 11) и керамика: 15 венчиков гончарных сосудов серо-коричневого цвета (рис. 6, 5), три фрагмента днищ гончарных сосудов серого цвета, формировавшиеся на песчаной подсыпке; две стенки лепных сосудов дяковской культуры раннего железного века (в качестве отождествителя в глиняное тесто добавлена дресва крупного размера).

Из 64 стенок круговых сосудов 4 имели коричневый цвет, остальные — серые или серо-коричневые. Девять обломков стенок круговых сосудов орнаментированы многорядной прочерченной линией, три — волной. Один фрагмент дна имеет клеймо неясных очертаний. Кроме того, в заполнении ямы 1 найдены пять фрагментов костей животных, девять кусков обожженной глины, древесные угли. Один сосуд удалось графически реконструировать. Это сосуд коричневого цвета, с клеймом в виде круга (рис. 5, 1).

Яма 2 (рис. 3; рис. 9). Расположена в южной части раскопа. В плане восьмерковидная (диаметр каждой из двух частей около 3 м), вытянутая по линии северо-восток — юго-запад. В южной ее части выявлен развал отопительного устройства, представляющего собой скопление обожженных камней, кусков обожженной глины, углей. Развал имеет округлую форму диаметром около 1 м. Непосредственно под ним были найдены два фрагмента гончарного сосуда (рис. 10). В центре северной части ямы 2 выявлена яма прямоугольной формы. Глубина ямы 2 — 0,35 м.

Отметим, что контуры ямы 2 стали проявляться практически сразу под дерном.

Заполнение ямы 2 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики. В заполнении ямы 2 найден обломок железного предмета (рис. 27, 18) и керамика: 12 венчиков гончарных сосудов (рис. 11), из них один красно-коричневого цвета, с примесью дресвы в тесто, два серо-коричневого цвета, девять черно-коричневого цвета. Шесть обломков днищ гончарных сосудов (по одному белого цвета, серо-коричневого и красно-коричневого цвета, три черно-коричневого цвета, формировавшиеся на песчаной подсыпке; одно дно имеет клеймо в виде двух концентрических кругов, другой фрагмент дна с клеймом неясных очертаний).

Из 46 обломков стенок гончарных сосудов семь красно-коричневого, 32 черно-коричневого, шесть серого цвета, один красного цвета. Девять орнаментировано многорядной прочерченной линией, восемь – волной. Кроме того, в заполнении ямы 2 найден фрагмент зуба животного, пять кусков обожженной глины, древесные угли.

Яма 3 (рис. 3; рис. 12). Расположена в южной части раскопа, непосредственно у ямы 2. Центральная часть ямы имеет округлую форму, другая часть вытянута по линии север-запад – юго-восток на 4 м, образуя канавку подтреугольного сечения. В восточной части ямы 3 имеется полукруглая ступенька. Максимальная глубина ямы 0,25 м. Дно неровное, имеет естественный уклон в сторону реки. Заполнение ямы 3 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики.

В яме 3 найден медный нателный крест (рис. 26, 1) и железный нож (рис. 28, 10), а также: один венчик лепного сосуда, орнаментированный пальцевыми зацепками по краю венчика и по шейке (рис. 13, 1); шесть стенок лепных сосудов, один из которых орнаментирован округлыми вдавлениями (рис. 13, 2). Тесто фрагментов плотное, с добавлением дресвы крупной фракции.

Гончарные сосуды представлены 12 венчиками серо-коричневого цвета (рис. 13, 3–5), девятью обломками днищ гончарных сосудов серо-коричневого цвета, формировавшихся на песчаной подсыпке (рис. 13, 7–10), 70 стенками гончарных сосудов черно-коричневого цвета и шестью серого цвета. Двенадцать фрагментов орнаментировано многорядной прочерченной линией, пять – волной. Семь обломков имеют следы вторичного обжига. Кроме того, в заполнении ямы 3 найден фрагмент зуба животного, две кости животных, 20 кусков обожженной глины, три фрагмента металлического шлака, древесные угли.

Яма 4 (рис. 3; рис. 14). Расположена в центральной и восточной части раскопа, имеет округлую форму (диаметр около 2,6 м), с покатыми стенками и плоским дном. Максимальная глубина ямы 0,6 м.

Заполнение ямы 4 состояло из сильно гумусированного суглинка с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики.

В заполнении ямы 4 найдена дужка от цилиндрического навесного замка (рис. 27, 3), четыре стенки лепных сосудов без орнамента (тесто плотное, в качестве отошителя использовалась дресва), 24 венчика гончарных сосудов (13 серого цвета, 6 коричневого и 6 черного) из запесоченного теста (рис. 15–16). В одном случае край венчика имеет желобок (рис. 15, 7). Из 22 обломков днищ гончарных сосудов 10 серо-коричневого цвета, 8 белоглиняных, 6 коричневого цвета (рис. 16, 5), все на песчаной подсыпке.

Из 227 стенок гончарных сосудов 17 черно-коричневого цвета (орнаментированы в двух случаях прочерченными прямыми линиями, в двух случаях волной); 143 серого цвета (из них 19 орнаментировано прочерченными прямыми линиями, пять – волной, в одном случае использовался подтреугольный штамп); 17 белоглиняные (из них две орнаментированы прочерченными прямыми линиями, четыре волной); 13 коричневого цвета (из них два с линейным орнаментом). Кроме того, в заполнении ямы 4 найдено 6 костей животных, 26 кусков обожженной глины, фрагмент металлического шлака, древесные угли.

Яма 5 (рис. 3, 17). Расположена в центральной части раскопа. Имела округлую форму (размером 2,0 × 1,7 м), с вертикальными стенками и плоским дном, глубина 0,55 м. Заполнение ямы 5 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики.

В заполнении ямы найдено две стенки лепных сосудов без орнамента (тесто плотное, в качестве отошителя использовалась дресва), 13 венчиков гончарных сосудов (из них 10 серого цвета, три черно-коричневого) (рис. 18, 1–6). Один венчик принадлежал мискообразному сосуду (рис. 18, 6). Девять обломков днищ гончарных сосудов без закраин (рис. 18, 7), из них два на песчаной подсыпке. Из 120 обломков стенок гончарных сосудов 43 были черно-коричневого цвета (орнаментированы в 7-ми случаях прочерченными прямыми линиями, в трех случаях – волной); 61 серого цвета (из них 9 орнаментировано прочерченными прямыми линиями, два волной, в одном случае использовался комбинированный орнамент). Кроме того, в заполнении ямы 5 найдено 5 костей животных, 15 кусков обожженной глины, древесные угли.

Яма 6 (рис. 3; рис. 4). Расположена в центральной части раскопа, имела округлую форму, размерами 5,6 × 4,2 м, вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Непосредственно с востока к яме 6 примыкает яма 1. С юга к яме 6 примыкает столбовая яма 3. Стенки ямы 6 вертикальные, максимальная глубина 0,7 м, дно неровное. На дне ямы 6 выявлены четыре углубления. Одно, расположенное в восточной части, имеет размеры 2,2 × 2,4 м, глубина 0,1 м. Два других, расположенных в южной части, близки по форме и размерам: они овальные, размерами 1,40 × 0,95 м и глубиной 0,35 м, второе 1,6 × 1,2 м и глубиной 0,7 м.

В северо-западной части дна выявлено углубление округлой формы, диаметром 0,65 м и глубиной 0,5 м.

В юго-восточной части ямы 6 выявлена линза прокаленной глины, с включением древесных углей, диаметром 0,9 м и толщиной до 0,9 м. Линза находилась в наклоненном в северную сторону положении. Возможно, она является развалом печи, стоявшей на опечке и упавшей в подпольную яму из-за разрушения перекрытия. Опечек просматривается как скопление древесных углей непосредственно под глиняной линзой толщиной до 0,1 м. В этом слое находился развал миски с вертикальными стенками. Миска серо-черного цвета, формовалась на песчаной подсыпке (рис. 7, 2).

Заполнение ямы 6 состояло из темно-серого сильно гумусированного суглинка с включениями кусочков прокаленной глины, крупными и мелкими фрагментами древесного угля, равномерно распределенных по площади ямы, обмазки, керамики.

Такие находки как нож (рис. 28, 1) и свинцовый грузик (рис. 26, 9), обнаружены над ямой 6, но их следует рассматривать вместе с комплексом находок из ямы. В самом заполнении ямы 6 найдена железная булавка (рис. 27, 16). Важной находкой, позволяющей датировать эту постройку, является серебряная денга, чеканенная в Москве при великом князе Василии Дмитриевиче (1410–1420 гг.).

Керамический комплекс ямы 6 представлен стенкой лепного сосуда без орнамента (тесто плотное, в качестве отошителя использовалась дресва) и крупным обломком верхней части красноглиняного кругового кувшина с лошением (рис. 7, 1), из плотного теста без заметных примесей. Найдены также 27 венчиков гончарных сосудов (в т. ч. один от белоглиняного сосуда и один от сосуда розового цвета с добавлением крупного шамота, остальные от сосудов серо-черных оттенков, из сильно запесоченного теста) (рис. 8, 1–8). Из 8 обломков днищ гончарных сосудов один от белоглиняного сосуда, остальные серо-черных оттенков (рис. 8, 9–10). Один из обломков имеет клеймо неясных очертаний. Из 100 стенок гончарных сосудов три красноглиняные, восемь белоглиняные, остальные от сосудов серо-коричневых оттенков, из сильно запесоченного теста. Семь стенок орнаментировано многорядной прочерченной прямой линией, пять – волной. Кроме того, в яме найдено 5 костей животных.

Таким образом, материал позволяет допускать, что яма 6 (вместе с ямой 1) является подпольной ямой жилого дома данной усадьбы.

Яма 7 (рис. 3; рис. 19). Расположена в западной части раскопа. Центральная часть ямы округлой формы, размерами 2,25 × 2,85 м, имеет широкий приступок длиной 2,2 м, шириной 2 м, вытянутый по линии северо-запад – юго-восток, и глубиной 0,1 м, на дне которого находилась столбовая яма 2 (см. ниже). Стенки ямы отвесные, максимальная глубина 0,6 м. Дно ямы 7 неровное, понижается к центру, в котором выявлена столбовая яма 1 (см. ниже). Заполнение ямы 7 состоит из сильно гумусированного суглинка с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики. Индивидуальные находки в яме 7 не выявлены.

Керамическая серия представлена днищем лепного горшка (рис. 20, 12) и 16 венчиками гончарных сосудов (из них 4 коричневого цвета, остальные серо-черных оттенков) (рис. 20, 1–11), 4 днищами гончарных сосудов (один от сосуда коричневого цвета, формировавшегося на песчаной подсыпке, три от серо-черных сосудов с примесью крупного песка в тесте, один имеет выраженную закраину) (рис. 20, 13). Из 86 стенок гончарных сосудов 66 серо-черных оттенков, 11 черно-коричневого цвета, 7 имеют орнамент в виде многорядной прочерченной прямой линии, два – в виде волны.

Столбовые ямы в этом комплексе являются, возможно, следами столбовых опор двускатной крыши. По всей видимости, яма 7 является остатками хозяйственного сооружения.

Яма 8 (рис. 3; рис. 21). Расположена в юго-западной части раскопа. Имела овальную форму, она вытянута по линии северо-восток – юго-запад, в юго-восточной части имела округлый выступ. Стенки покатые, дно неровное, углубляется к центру. В центре имелось широкое углубление, возможно от вкопанного ранее предмета. Яма 8 углублена в материк на 0,4 м (максимально на 0,7 м). Заполнение ямы 8 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики.

Керамическая серия ямы 8 представлена тремя стенками лепных сосудов без орнамента (тесто плотное, в качестве отошителя использовалась дресва), семью венчиками гончарных сосудов серо-коричневого цвета с примесью крупного песка в тесте (рис. 22, 1–5; рис. 22, 2, 4), девятью днищами гончарных сосудов без закраины, серого цвета, с примесью крупного песка в тесте (рис. 22, 11), 57 стенками гончарных сосудов, из которых 10 от белоглиняных сосудов, 46 от сероглиняных и один от красноглиняного). В 11 случаях стенки орнаментированы многорядной прямой линией, в двух – волной (рис. 22, 9–10). Один фрагмент несет следы вторичного обжига. Кроме того, найдено 33 фрагмента обожженной глины и древесные угли.

Яма 9 (рис. 3; рис. 23). Расположена в северо-восточной части раскопа. Имеет неправильные очертания в виде прямоугольника размерами 2,4 × 4,0 м, вытянутого по линии северо-запад – юго-восток. Стенки покатые, дно неровное. Внутри ямы имеются две ямки в форме вытянутых прямоугольников, размерами 0,4 × 1,6 м, на дне которых были выявлены прослойки горелого дерева. Видимо в эти углубления помещались бревна или доски. Максимальная глубина ямы 0,6 м. Заполнение ямы 9 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля, обмазки, керамики. При разборе ямы ощущался сильный аммиачный запах.

В слое над ямой найдены железный нож (рис. 28, 2); обломки ножа (рис. 28, 8) и орудия неясного назначения (рис. 27, 7); натальный крест (рис. 26, 2); железное шило (рис. 27, 17); медный пул начала XV в., но их следует рассматривать вместе с комплек-

сом ямы. В самом заполнении ямы 9 найдено только железное зубило (рис. 27, 4).

Керамический комплекс ямы 9 представлен 17 венчиками гончарных сосудов черно-коричневых оттенков, из сильно запесоченного теста (рис. 24); пятью днищами гончарных сосудов серо-черных оттенков на песчаных подсыпках (рис. 24, 8–9), один из которых имеет клеймо неясных очертаний; двумя стенками лепных сосудов без орнамента (тесто плотное, в качестве отошителя использовалась дресва); 40 стенками гончарных сосудов (из них 29 от сосудов серо-коричневых оттенков, из сильно запесоченного теста, 3 сероглиняные, 8 красно-коричневые. 39 обломков орнаментировано многорядной прочерченной прямой линией, шесть – волной, один имел комбинированный орнамент). Кроме того, в яме найдено 15 костей животных.

Исходя из имеющихся данных можем предположить хозяйственное использование данного сооружения, возможно как отхожее место.

Яма 10 (рис. 3; рис. 25). Расположена в северо-восточной части раскопа. Имеет овальную форму размерами $0,8 \times 1,4$ м, вытянута по линии север – юг. Стенки отвесные, дно ровное. Максимальная глубина 0,3 м. Заполнение ямы 10 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля.

Яма 11 (рис. 3; рис. 25). Расположена в восточной части раскопа. Имела овальную форму размерами $0,85 \times 0,90$ м, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Стенки покатые, дно ровное. Максимальная глубина 0,2 м. Заполнение ямы 11 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок с включениями кусочков прокаленной глины, угля.

Столбовая яма 1 (рис. 3; рис. 19). Является частью комплекса ямы 7. Имела округлую форму, диаметром 0,3 м, стенки сужались на конус, глубина 0,25 м. Заполнение столбовой ямы 1 аналогично заполнению ямы 7 – темно-серый гумусированный суглинок.

Столбовая яма 2 (рис. 3; рис. 19). Является частью комплекса ямы 7. Имела округлую форму, диаметром 0,3 м, стенки сужались на конус, глубина 0,2 м. Заполнение столбовой ямы 2 аналогично заполнению ямы 7 – темно-серый гумусированный суглинок.

Столбовая яма 3 (рис. 3; рис. 4). Является частью комплекса ямы 6, примыкает к ней с юго-востока. Имела округлую форму, диаметром 0,4 м, стенки вертикальные, глубина 0,2 м. Заполнение столбовой ямы 3 аналогично вышележащему культурному слою – темно-серый гумусированный суглинок.

Находки из культурного слоя

В культурном слое раскопа встречались фрагменты керамики эпохи раннего железного века, эпохи Средневековья, в одном случае фрагмент керамики эпохи бронзы, кости животных, в том числе обожженные, отдельные куски глиняной обмазки, шлака, а также орудия труда, украшения из разных материалов.

Изделия из цветных металлов: нательные кресты (рис. 26, 3–5); обломок пластинчатого бронзового рельефного браслета (рис. 26, 7); медная обоймица (рис. 26, 8); свинцовый грузик (рис. 26, 9), медная подвеска яйцевидной формы (рис. 27, 19), медная денга 1736 года (рис. 26, 6). Ее появление в слое возможно связано с имевшей место на территории селища распахкой в XVIII в.

Изделия из камня представлены обломком шиферного пряслица светло-розового цвета (рис. 26, 10) – это единственная находка подобного рода на поселении.

Изделия из железа: наконечник стрелы типа 40 (рис. 27, 1) X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 64), ажурная железная ременная накладка (рис. 27, 2), обломок лезвия топора (рис. 27, 5), подпружная пряжка (рис. 27, 6), обломок ключа от навесного замка (рис. 27, 8), обломок конской подковы (рис. 27, 9), пробой (рис. 27, 10), обломок орудия неясного назначения (рис. 27, 11), плотничный гвоздь (рис. 27, 12), подковные гвозди (рис. 27, 13–15). Кроме того, найдено 13 ножей, целых и обломков (рис. 28). Большинство из них с черешковыми рукоятями, но встречен один нож с заклепками на пластинчатой рукояти (рис. 28, 7) и черешковый нож Нового времени (рис. 28, 13).

Керамика

Лепная керамика. Найден венчик сосуда, украшенный оттисками гребенчатого штампа. Тесто плотное, с примесью мелкого песка. По морфологическим признакам его можно отнести к эпохе бронзы (рис. 29, 1). Кроме того, найдена небольшая серия лепной керамики дьяковской культуры, состоящей из 5 венчиков (рис. 29, 2), двух днищ (рис. 29, 5) и 112 стенок, в т. ч. с овальными вдавлениями (рис. 29, 4). Остальные фрагменты без орнамента. Тесто плотное, с примесью в тесте дресвы крупного размера. Данная керамика равномерно распределена по площади селища, каких либо концентраций не отмечено. По всей видимости, памятник раннего железного века представлял собой кратковременную стоянку носителей дьяковской культуры.

Гончарная керамика (рис. 30–31). Гончарная керамика явно тяготеет к сооружениям, остатками которых являются ямы в материке. На значительном удалении от построек ее мало или совсем нет. Всего в культурном слое селища Городок 1 найдено 562 венчика, 191 днище, 4573 стенки гончарных сосудов.

Красноглиняная керамика представлена небольшой серией. Тесто сосудов без явных примесей. Белоглиняная керамика немногочисленна и имеет обильную примесь песка крупной и средней фракции.

В квадрате 263, в пласте 3, были найдены фрагменты горшка, форму которого удалось реконструировать (рис. 30, 1). Это приземистый слабопрофилированный сосуд, край венчика немного отогнут наружу и завернут внутрь. Верхняя часть украшена прямыми прочерченными линиями.

Найден только один венчик горшка, орнаментированного зубчатым штампом (рис. 31, 2). В одном случае край венчика украшен волнистым орнаментом

(рис. 31, 10). Один венчик украшен горизонтальными линиями. Тесто плотное без примесей (рис. 31, 6). По морфологическим признакам его можно отнести к XVI–XVII вв.

Также найдены две втульчатые ручки от сковородок (рис. 30, 2–3), обломок красно-коричневого кувшина с основанием ручки, шесть днищ гончарных сосудов с клеймами. К сожалению, они фрагментарны, и восстановить полный рисунок клейм не представляется возможным. Только в одном случае клеймо представляется как круг, в который заключены два параллельных прямоугольника.

Отметим, что большая часть гончарной керамики от горшков коричневого и черного цветов с обильной примесью крупного песка и во многих случаях дресвы.

Подведем итоги исследований.

На раскопе остатки построек средневековой усадьбы располагаются в центральной, северо-восточной и юго-западных частях раскопа, однако следы ограды усадьбы обнаружить не удалось. В юго-восточной ча-

сти раскопа культурный слой отсутствует. Проведенные исследования подтвердили выводы об особенностях распространения культурного слоя селища, полученные после планшетного сбора подъемного материала с использованием детектора металла. Среди других особенностей поселения отметим небольшое количество костных останков.

Первыми жителями на исследованной территории являлись носители дьяковской культуры раннего железного века (VI в. до н.э. – VI в. н.э.). Об этом свидетельствует выявленная в культурном слое селища лепная керамика.

В целом, на основании массового материала и вещевых находок, памятник можно датировать концом XIV – первой половиной XV в. Возможно, постройки исчезли в результате пожара в конце первой четверти XV в.

Таким образом, проведенные исследования селища 1 у с. Городок позволили получить информацию об особенностях планировки однодворных поселений раннемосковского времени.

Литература

Андреев С.И., 2009. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Городок 1 в Подольском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Гоняный М.И., 2006. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, прове-

денных Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ в Подольском, Ленинском, Истринском районах Московской области в 2005 г. // Архив ИА РАН.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.

S.I. Andreyev

Investigations at Gorodok 1 settlement

Summary

Gorodok 1 settlement on the river Pakhra (Podolsk region of the Moscow oblast) was discovered in 2005. Rescue excavations took place in 2008 and covered 1200 m²; the finds included Dyakovo pottery from the

Early Iron Age. The remains of a dwelling complex have been investigated. They contain 11 pits in the native soil and date to the late 14th – first half of the 15th c.

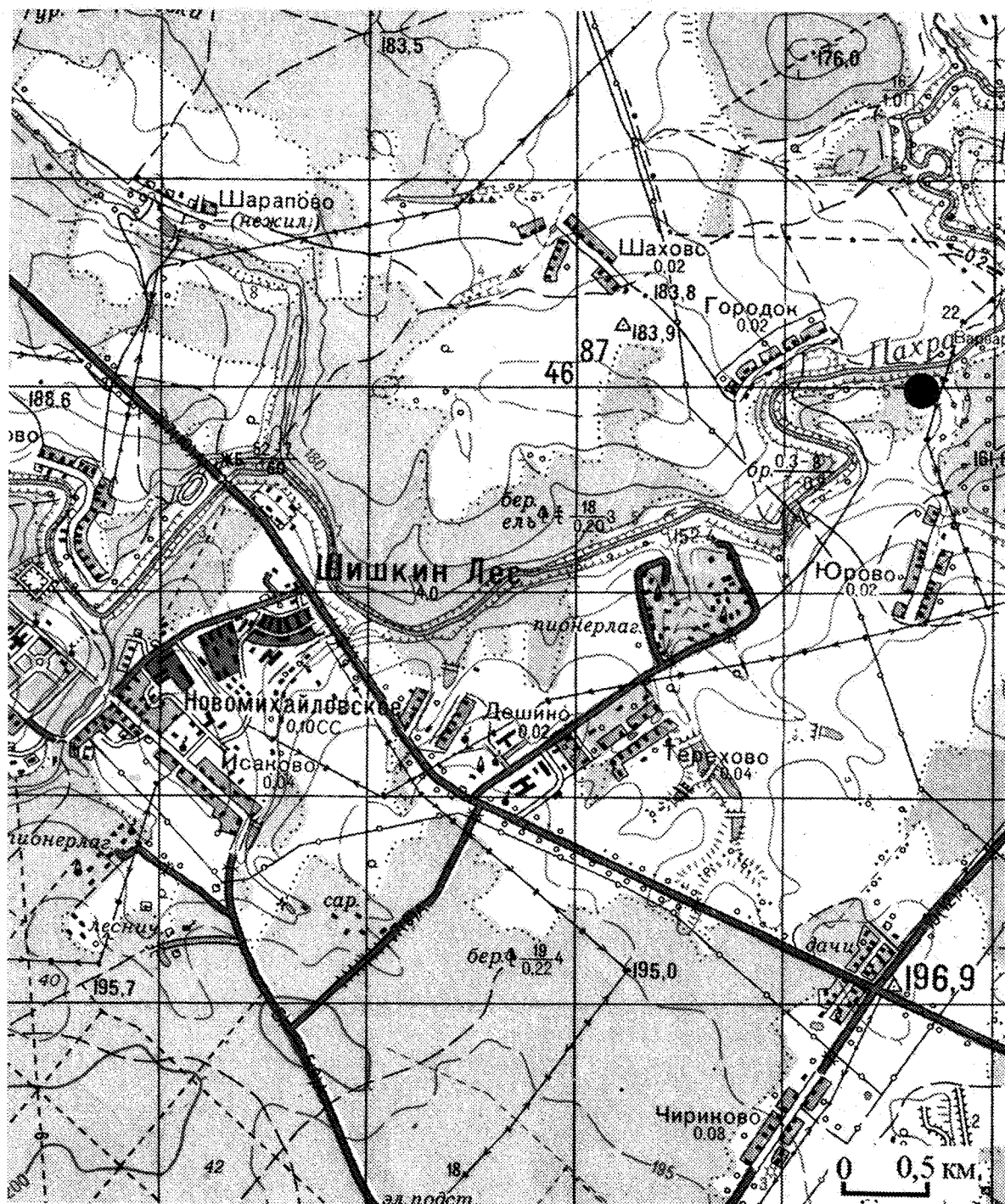

Рис. 1. Селище Городок 1. Ситуационный план

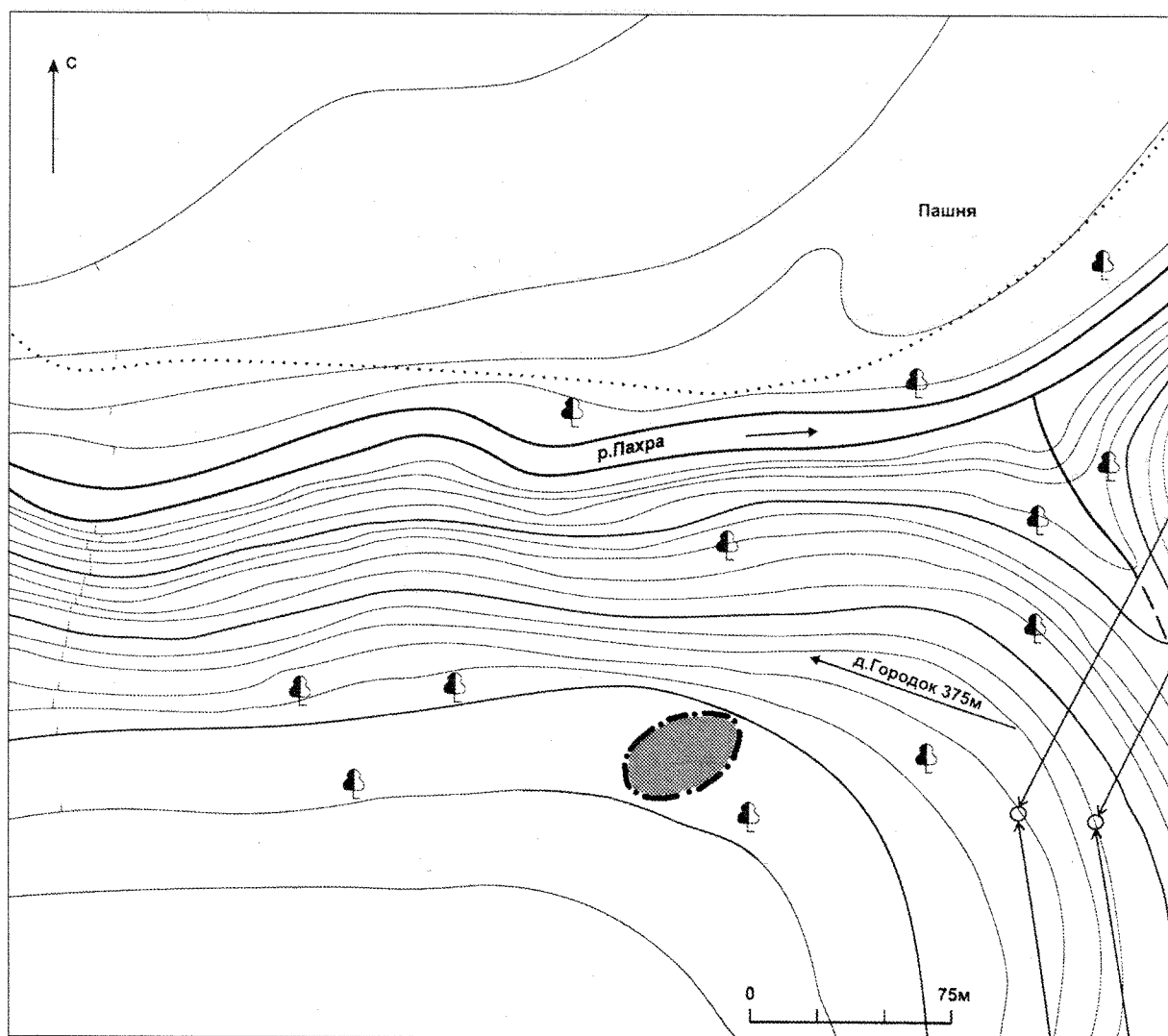

Рис. 2. Топоплан селища Городок 1

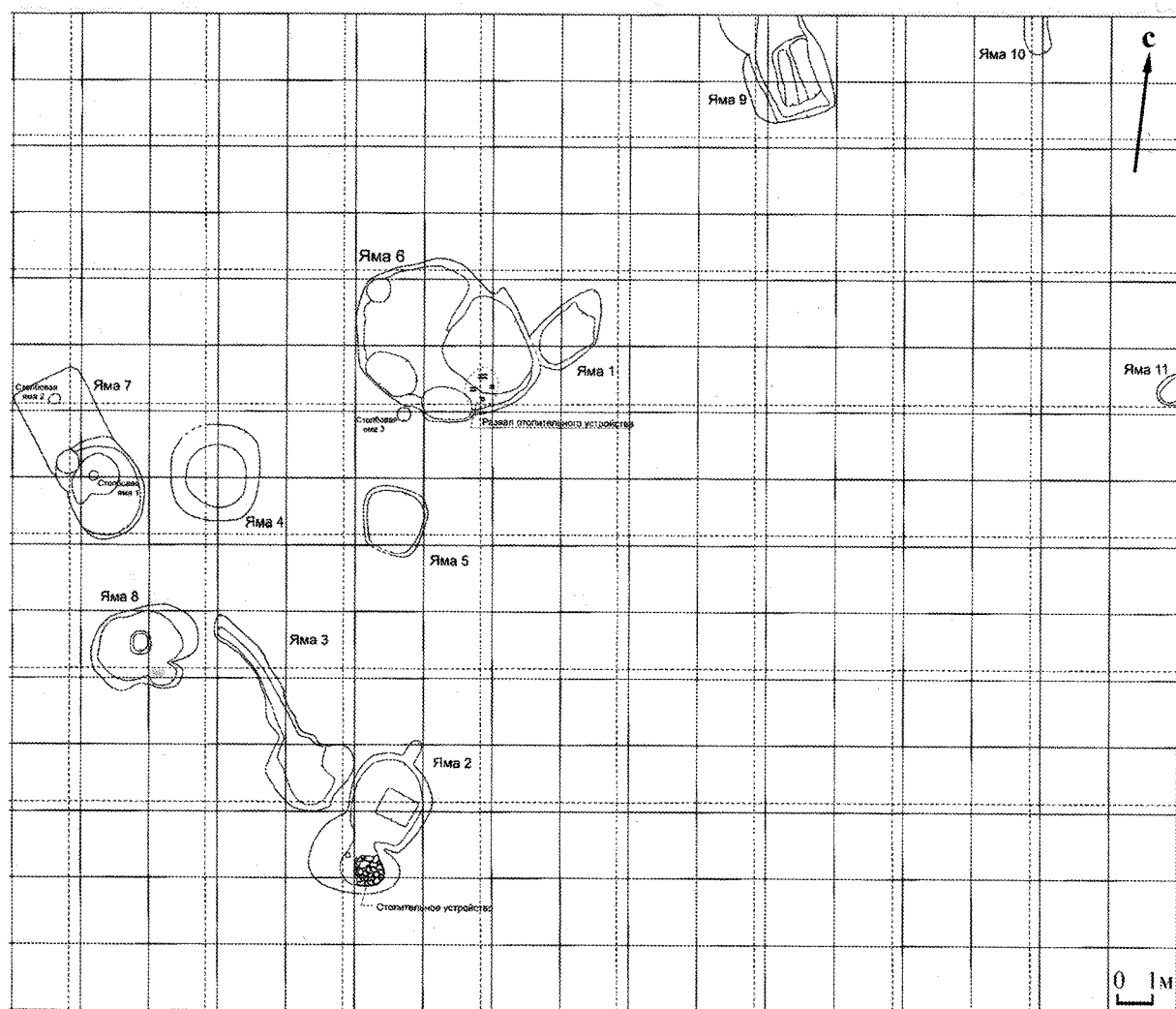

Рис. 3. План расположения материковых ям на селище Городок 1. (Сетка квадратов – 2 x 2 м)

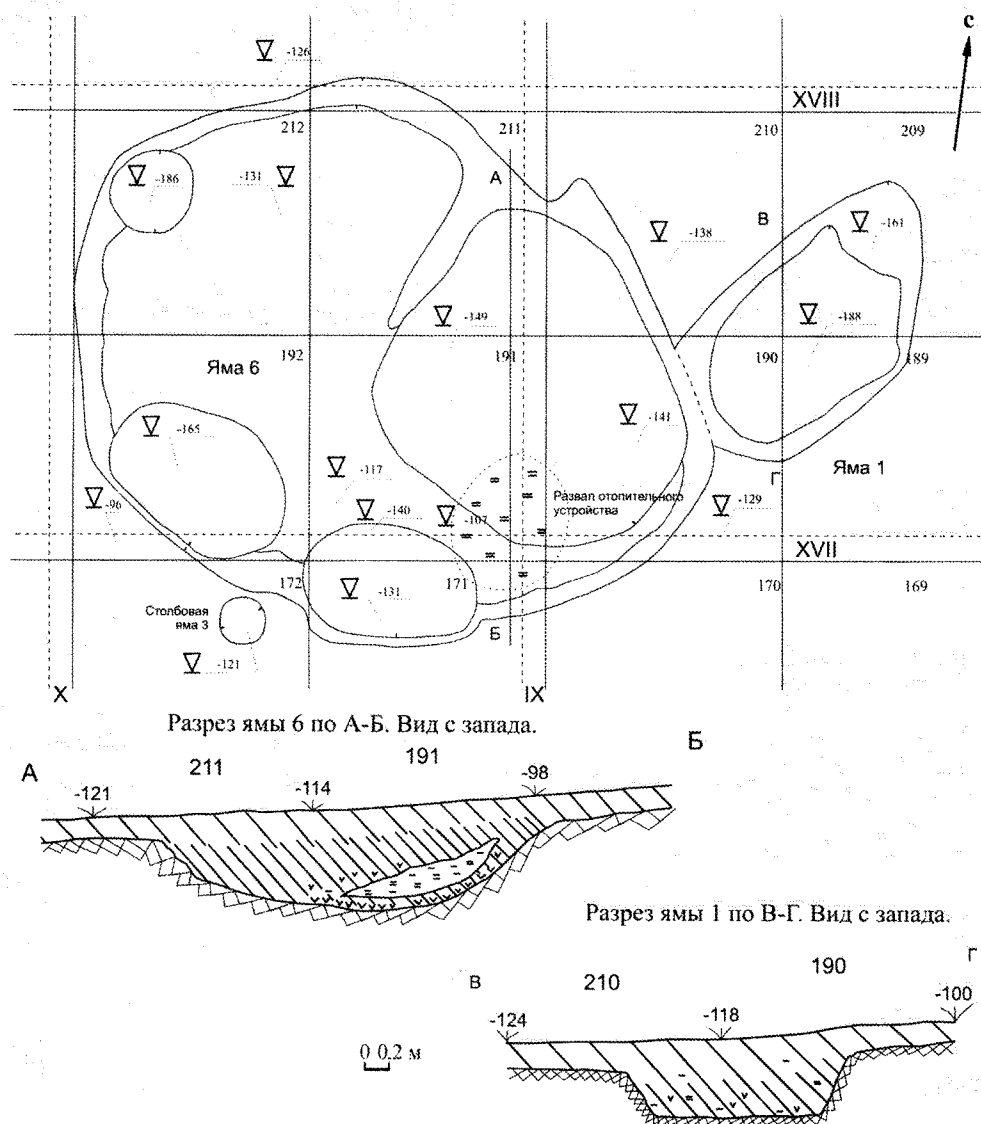

Рис. 4. Селище Городок 1. Планы и разрезы ям 1, 6

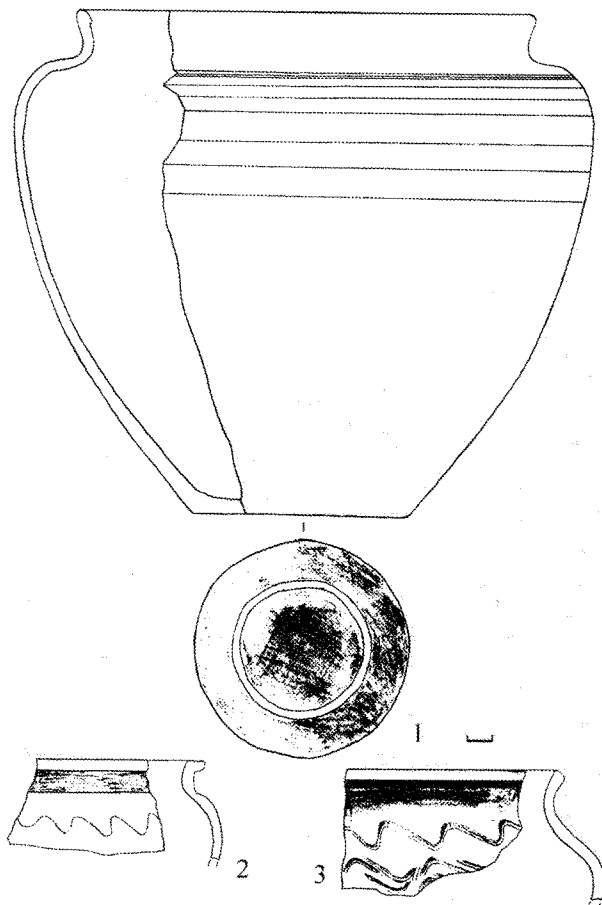

Рис. 5. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 1

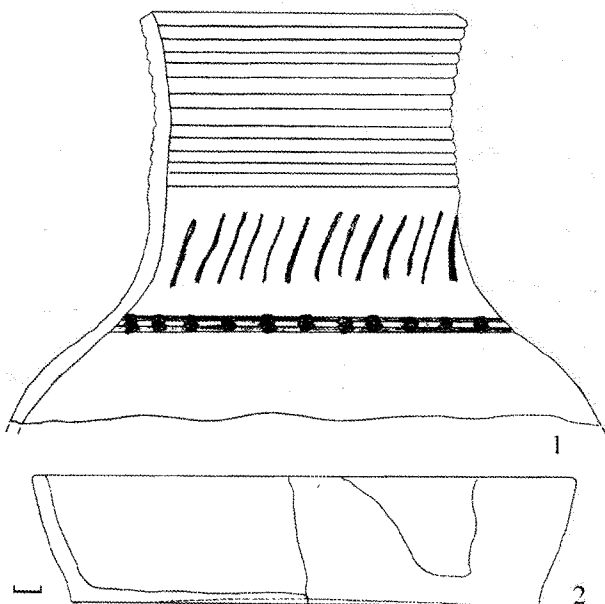

Рис. 7. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 6
1 – красноглиняный кувшин; 2 – сковородка

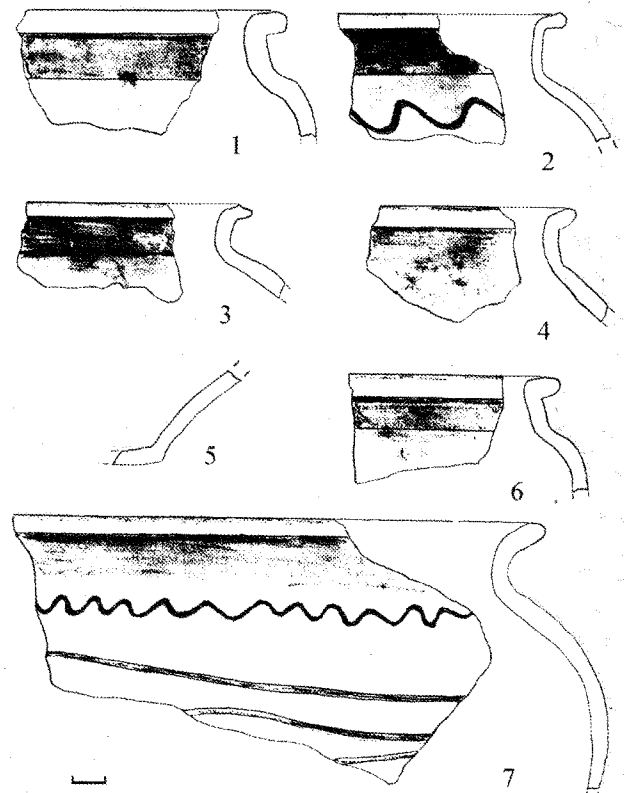

Рис. 6. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 1

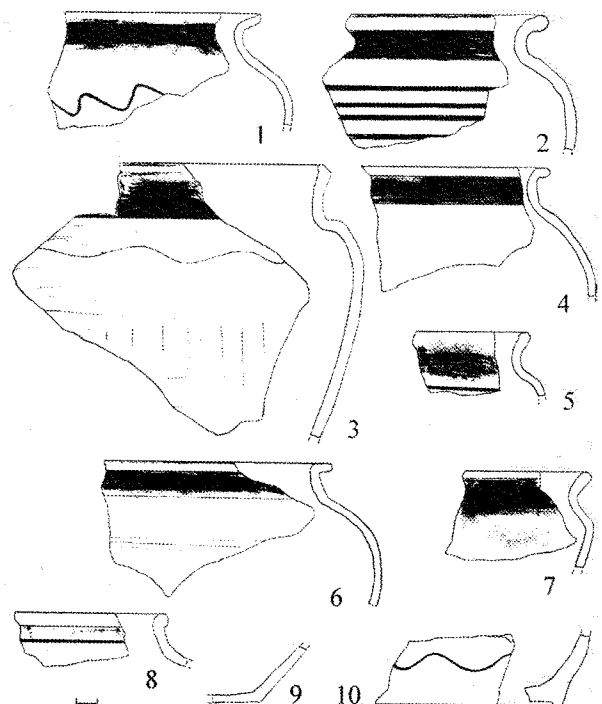

Рис. 8. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 6

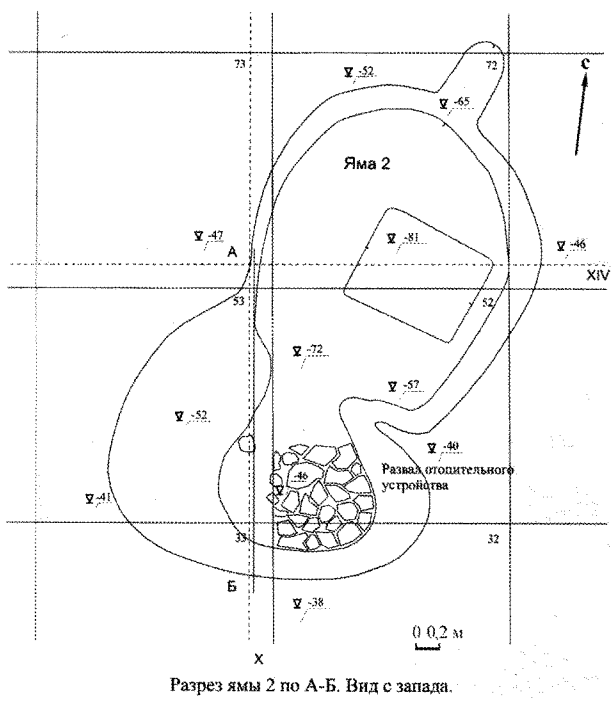

Рис. 9. Селище Городок 1.
План и разрез ямы 2

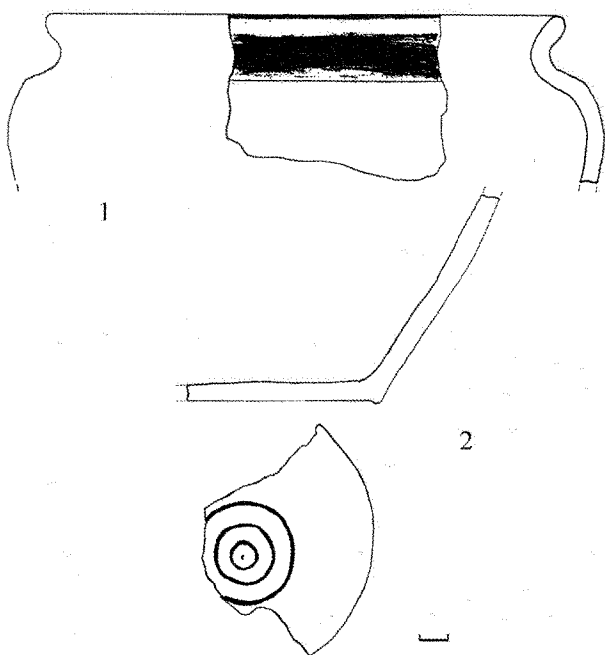

Рис. 10. Селище Городок 1.
Керамика из-под развала печи ямы 2

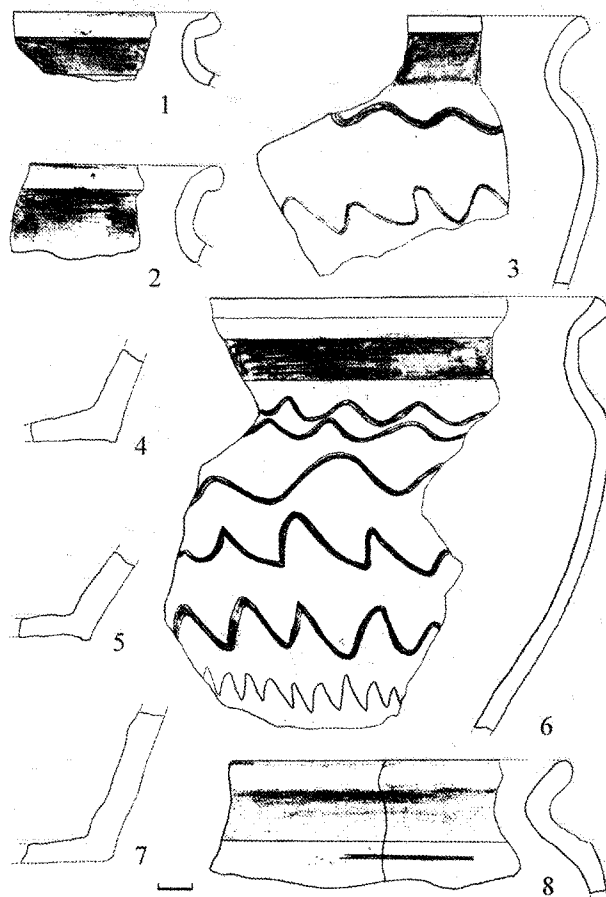

Рис. 11. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 2

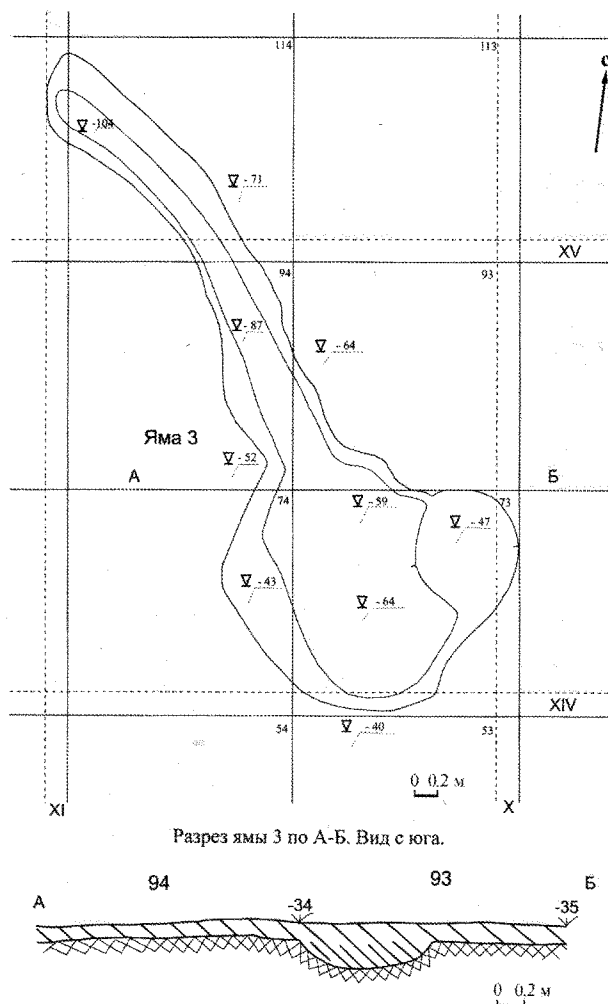

Рис. 12. Селище Городок 1.
План и разрез ямы 3

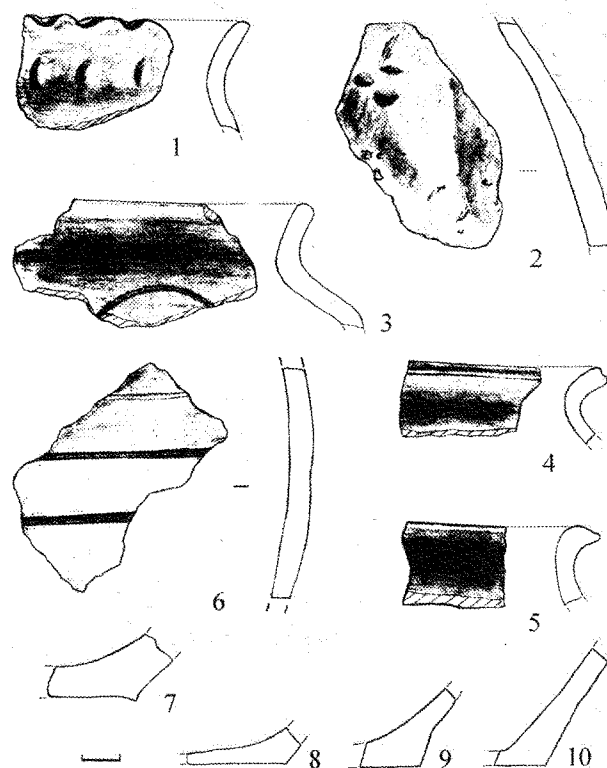
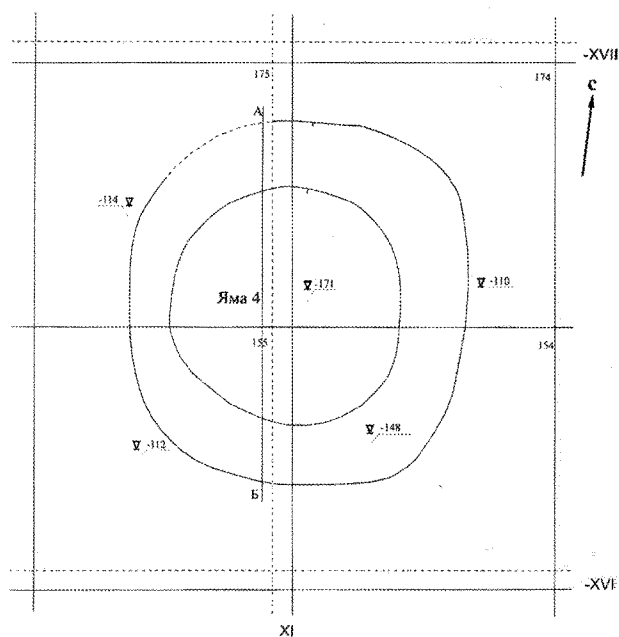
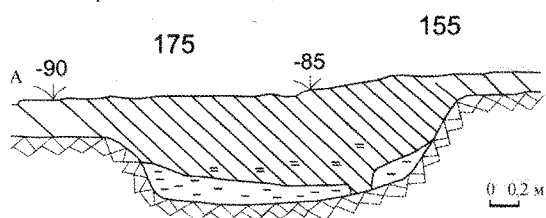
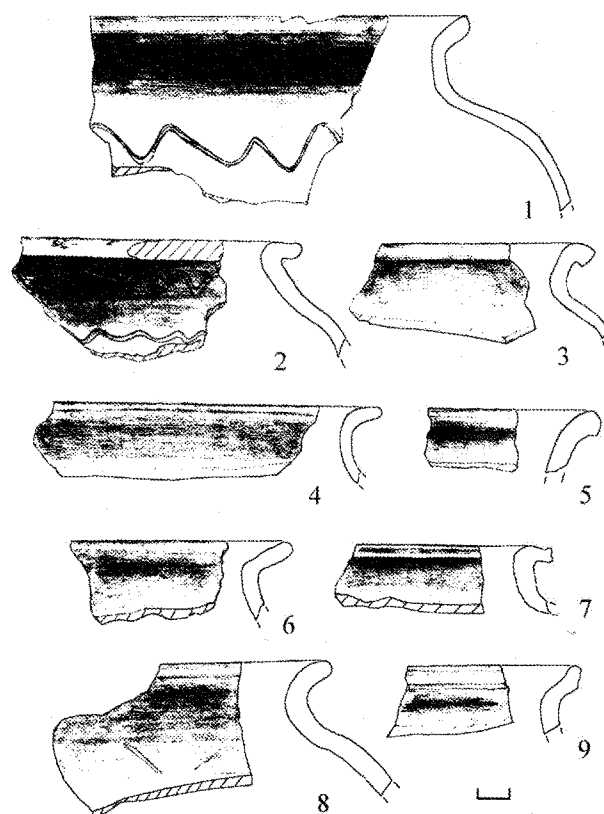
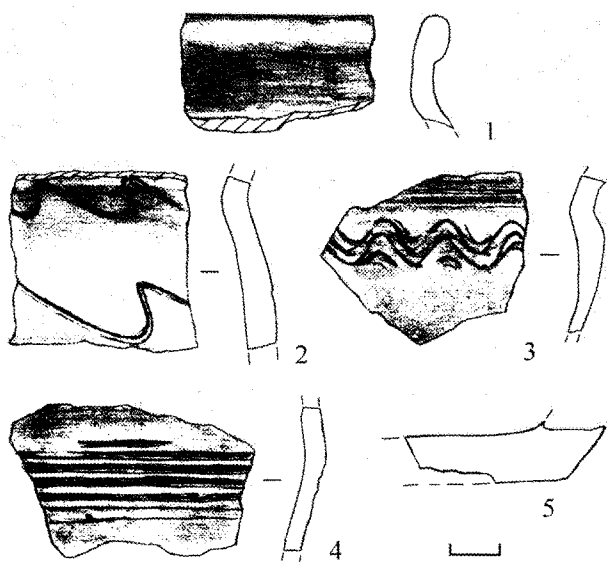

Рис. 13. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 3

Разрез ямы 4 по А-Б. Вид с запада.

Рис. 14. Селище Городок 1.
План и разрез ямы 4Рис. 15. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 4Рис. 16. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 4

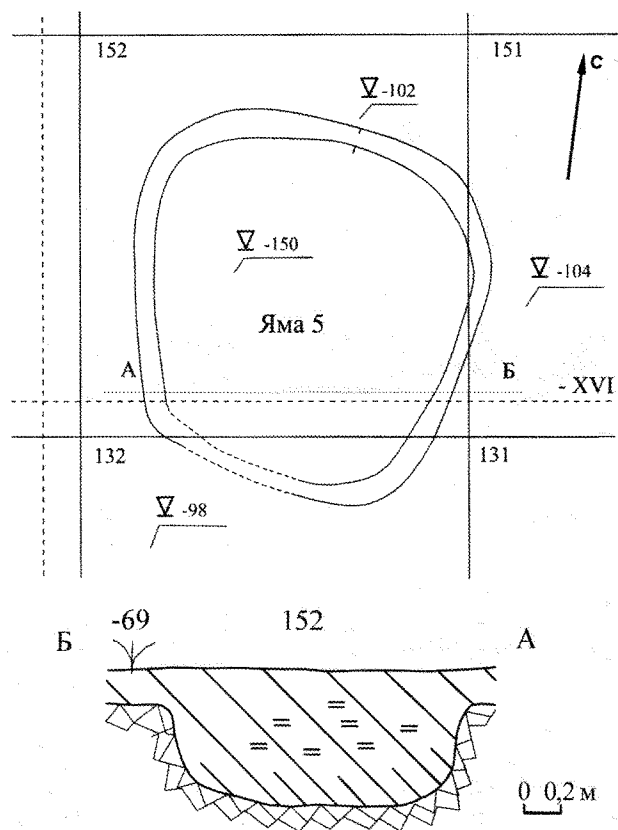

Рис. 17. Селище Городок 1.
План и разрез ямы 5

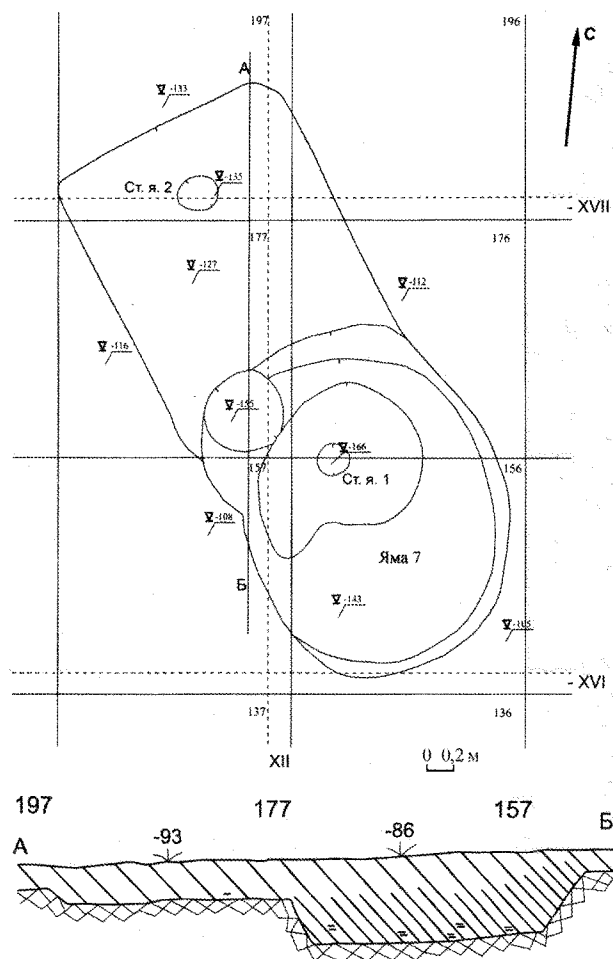

Рис. 19. Селище Городок 1. План и разрез ямы 7

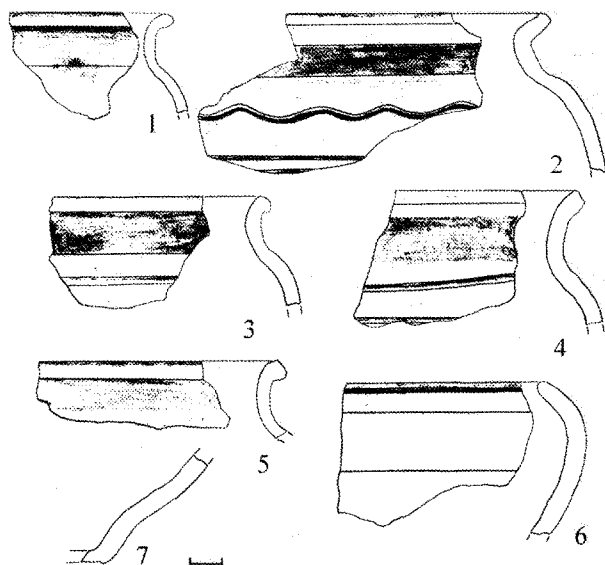

Рис. 18. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 5

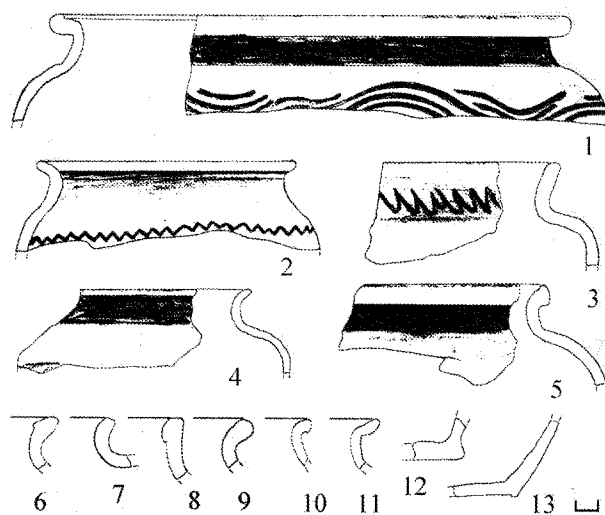

Рис. 20. Селище Городок 1.
Керамика из заполнения ямы 7

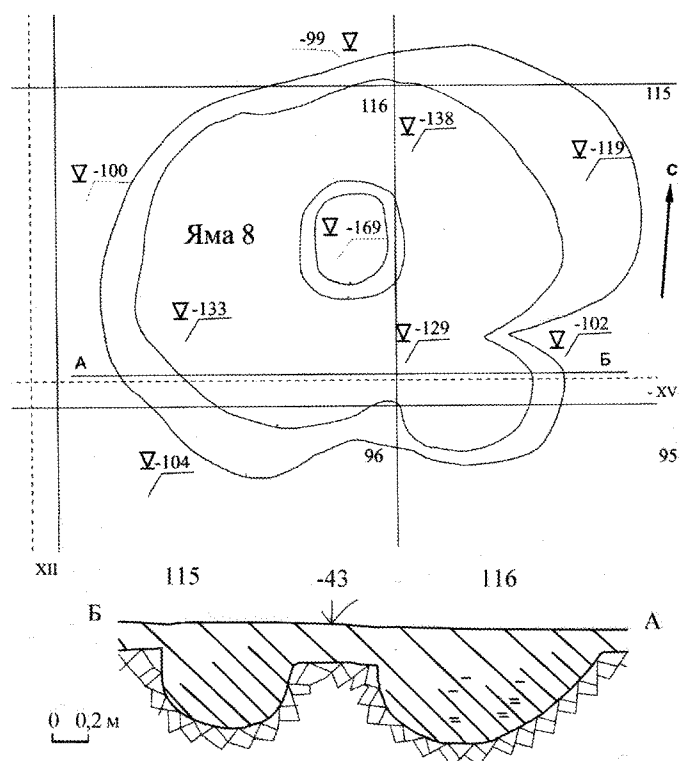

Рис. 21. Селище Городок 1. План и разрез ямы 8

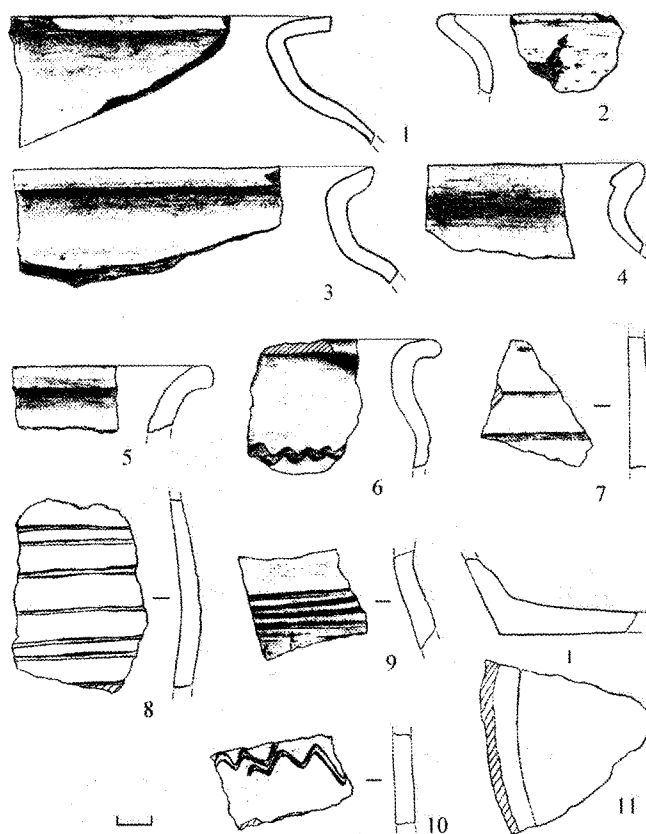

Рис. 22. Селище Городок 1. Керамика из заполнения ямы 8

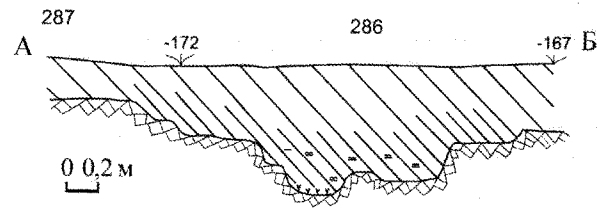
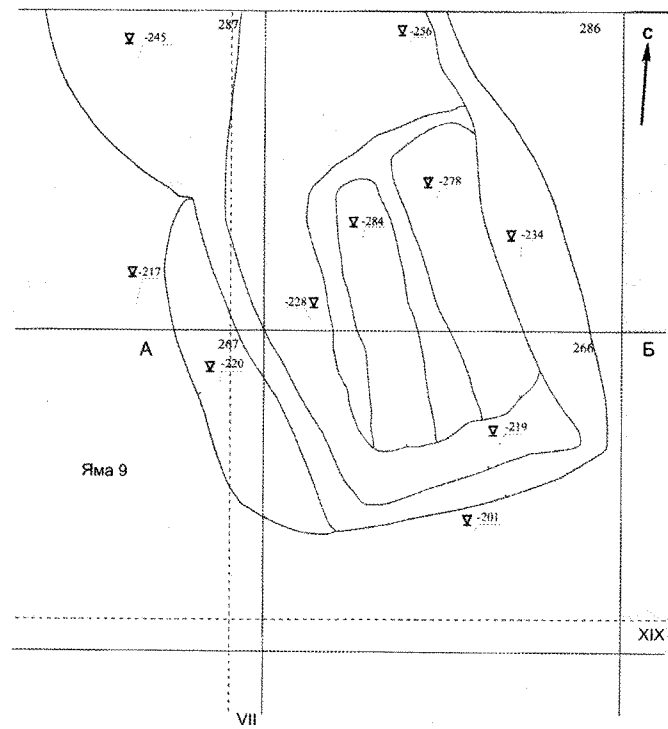

Рис. 23. Селище Городок 1. План и разрез ямы 9

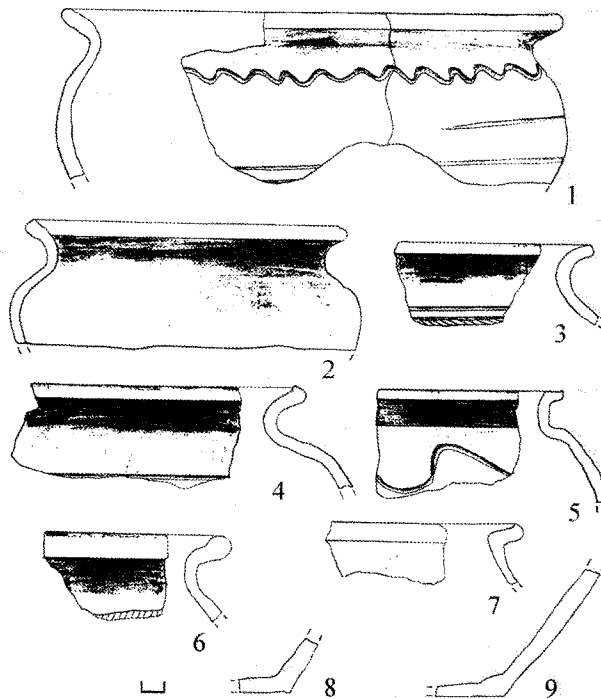

Рис. 24. Селище Городок 1. Керамика из заполнения ямы 9

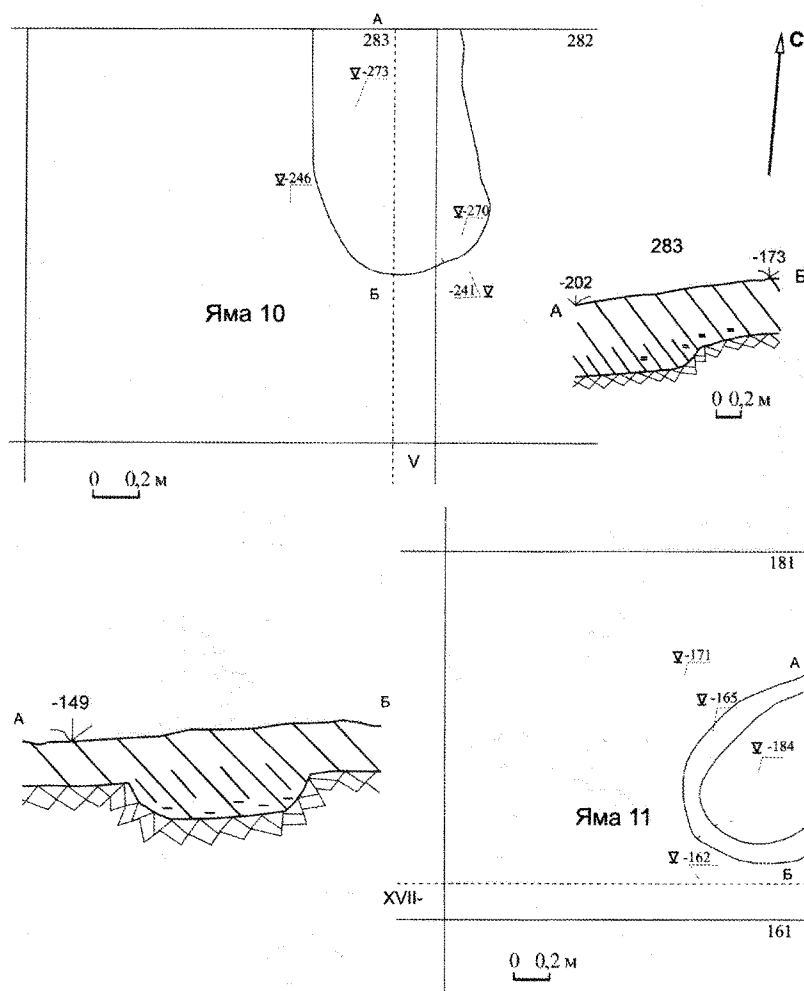

Рис. 25. Селище Городок 1. Планы и разрезы ям 10, 11

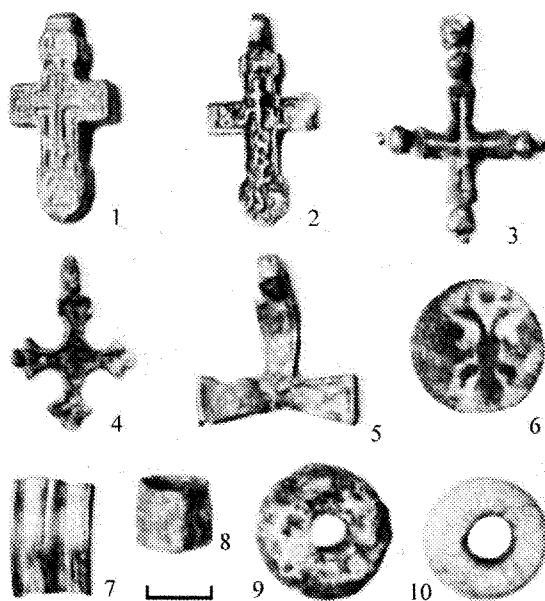

Рис. 26. Селище Городок 1. Индивидуальные находки
1-8 – медь; 9 – свинец; 10 – камень

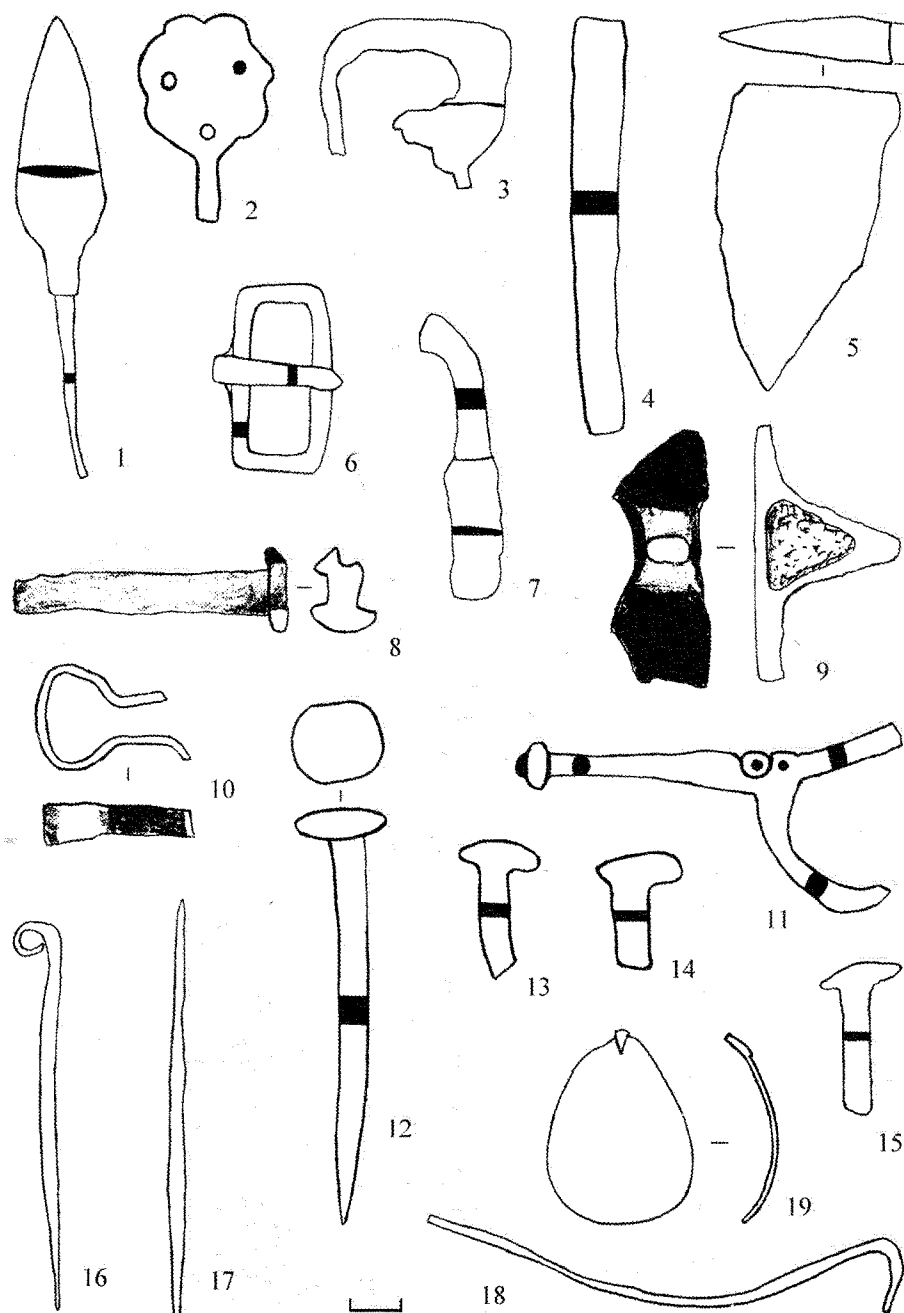

Рис. 27. Селище Городок 1. Индивидуальные находки
1-18 — железо; 19 — медь

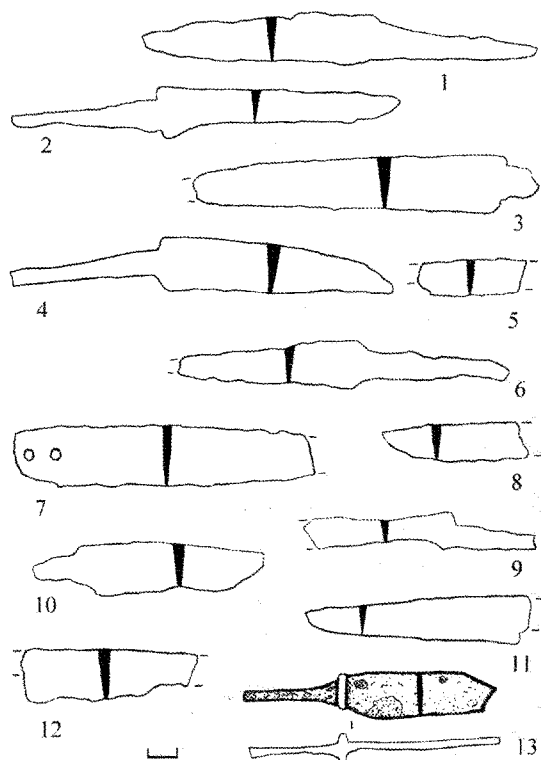

Рис. 28. Селище Городок 1. Железные ножи

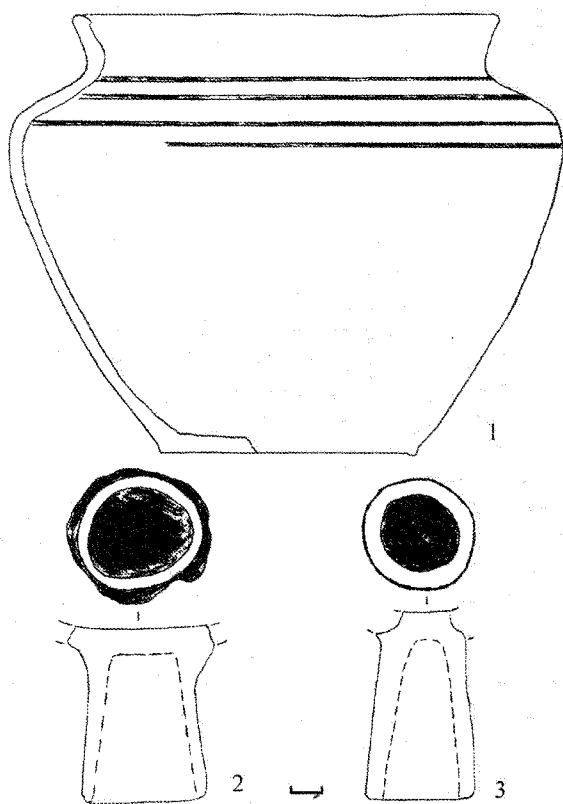

Рис. 30. Гончарная керамика из культурного слоя селища Городок 1
1 – горшок; 2–3 – ручки от сковородок

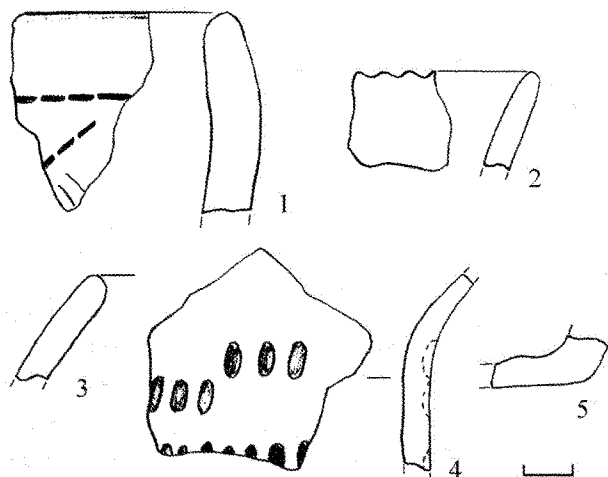

Рис. 29. Лепная керамика из культурного слоя селища Городок 1

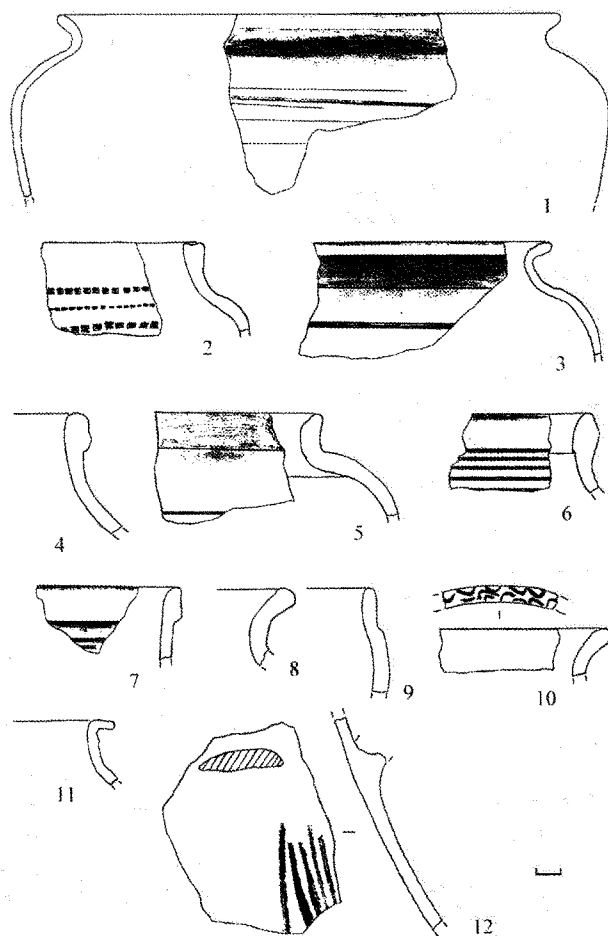

Рис. 31. Селище Городок 1.
Гончарная керамика из культурного слоя селища

Н.А. Кирьянова

О находках зерновых материалов при археологических раскопках в Московской области

Зерновые находки из археологических раскопок в Московской области, представленные в настоящей работе, за малым исключением получены путем отмычки водой культурного слоя исследуемых памятников. Найденные зерна сохранились не очень хорошо: они хрупки, легко ломаются. Вместе с целыми зернами иногда может быть значительное количество обломков.

К наиболее раннему времени (конец XII – первая половина XIII в.) относятся зерновые находки, полученные при раскопках в Ленинском районе Московской области на селище Большое Саврасово 1. Там в яме были найдены четыре зерна, возможно, ячменя.

В Истринском районе при раскопках на поселении Лукино 3, в яме 6, относившейся к первому строительному периоду и датируемой второй половиной XV – началом XVI в., при отмычках найдены четыре зерна, похожие на зерна ржи. Яма 2, являвшаяся остатками жилой наземной постройки с подпольной ямой, относилась ко второму строительному периоду. В ней в двух местах были найдены 44 и 2 зерна ржи. Особый интерес представляет обнаруженное в той же яме скопление стеблей горелых колосьев. В них сохранилось 41 зерно ржи. Яма 3, являвшаяся остатками наземной жилой постройки с углубленной подпольной частью, относилась также ко второму строительному периоду. Материалы этих ям датируются второй половиной XV – XVI в. (Гоняный, 2008). В заполнении ямы 3 в двух местах сохранились 25 зерен ржи, одно зерно мягкой пшеницы и два зерна, похожие на пшеницу. На дне ямы найдены два зерна ржи и столько же зерен пшеницы мягкой.

На селище Захарово 1 в Истринском районе при раскопках зерновые материалы были найдены в четырнадцати местах. Находки датируются второй половиной XV – XVI в. В ямах раскопа 2 исследован сгоревший погреб со следами перестройки, на рас-

копе 3 – остатки наземной постройки с углубленной подпольной частью, а на раскопе 4 – наземной постройки с углубленной частью (Булыкин и др., 2008. С. 242–266) (табл. 1).

В Захарово 1 обнаружены зерна четырех земледельческих культур. Наиболее часто встречаются зерна ржи, составляющие 93% всех находок. Далее следуют зерна пшеницы: мягкая пшеница составляет 71,4%, а пшеница-двухзернянка – 7,1% от всех зерен найденных культур. Встречаемость овса в находках составляет 43%, а ячменя – 14%. По количеству зерен на первом месте также находится рожь. За ней следуют пшеница, ячмень и овес.

Несколько больший объем зерновых находок получен при раскопках селищ второй половины XIV – начала XV в. Жуковка 2 (табл. 2) и Котово 1 (табл. 3).

По проценту встречаемости на первом месте стоит рожь, далее следуют овес, пшеница, гречиха и ячмень. По количеству найденных зерен первое место также занимает рожь. С большим отрывом идут овес, пшеница с ячменем, гречиха.

По проценту встречаемости находок на селище Котово 1 первое место занимают рожь и овес, далее следуют пшеница, ячмень и гречиха. Наибольший процент зерен принадлежит ржи и значительно меньший – овсу, гречихе и пшенице.

Все культуры, собранные на селищах Жуковка 2 и Котово 1, являются характерными для XIV–XVI вв. В общей сложности, количество найденных зерен невелико, но они представляют широкий набор земледельческих культур. Подсчеты встречаемости позволяют выделить наиболее распространенные из них. Представленный в данной работе состав культур начал складываться на территории лесной зоны на рубеже I и II тысячелетий н. э., когда стали распространяться две новые культуры: рожь и овес, вытесняя распространенные ранее пшеницу, ячмень и особенно просо (Кирьянова, 1992. С. 24–26).

Литература

Булынкин С.Н., Гоняный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2008. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беяна // АП. Вып. 4. М.

Гоняный М.И., 2008. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, прове-

денных на селище XV–XVI вв. в Лукино 3 в Истринском районе Московской области в 2007 г. // Архив ИА РАН.

Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.

N.A. Kir'yanova

Finds of grains from excavation sites in the Moscow oblast

Summary

The article considers the archaeobotanical finds from the recent excavations conducted by the State Historical Museum at 12th – 16th-cc. sites in the Moscow region. The

new materials confirm the author's earlier conclusion that rye and oats began to supplant wheat, barley and millet, the grains that were widespread in the 1st millennium AD.

Таблица 1. Распределение зерновых находок с селища Захарово 1.

Место находки, №	Рожь	Пшеница		Ячмень	Овес
		мягкая	двузернянка		
1	24	7	—	—	4
2	5	1?	—	—	—
3	5	2	—	—	1?
4	1	1	—	—	—
5	—	20	149	180	—
6	1	—	—	—	30
7	12	3	—	—	—
8	10	—	—	—	—
9	39	4	—	—	—
10	30	4	—	—	4
11	4	3	—	—	4
12	153	15	—	—	3
13	19	1	—	—	—
14	100	3?	—	—	2
Всего зерен, экз.	403	60	149	181	47
Встречаемость, %	93,0%	71,4%	7,1%	14,0%	43,0%
Кол-во зерен, %	48,0%	25,0%		21,5%	5,6%

Таблица 2. Распределение зерновых находок на селище Жуковка 2.

Место находки	Рожь	Пшеница мягкая	Ячмень	Овес	Просо	Гречиха	Конопля
Р. 1, постр. 1, пл. 2	4	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, пл. 3	1	—	—	1	—	1	—
Р. 1, постр. 1, пл. 4	2	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, пл. 5	1	1	1?	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, пл. 5	3	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, пл. 6	—	кол. стержень	1 пл.	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, пл. 6	2	—	—	1	—	—	—
Р. 1, постр. 1, (разв. 1)	6	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, (разв. 2)	2	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 1, заполнение 2	1	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 2, пл. 1	1	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 2, пл. 5	4	—	—	—	—	—	—
Р. 1, заполнение постройки 2	3	—	—	—	—	1 пленка	—
Р. 1, постр. 2, яма	23	—	2	5	—	—	—
Р. 1, постр. 3, пл. 1	2	—	—	1	—	1	1
Р. 1, постр. 3, пл. 2	—	—	1	—	—	—	—
Р. 1, постр. 3, пл. 3	7	—	—	4	1	1	—
Р. 1, постр. 5, пл. 1	4?	1	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 5, пл. 2	1	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 5, пл. 3	—	—	—	—	1	1 пленка	—
Р. 1, постр. 6, пл. 3	1	1	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 6, пл. 1	1	—	—	—	—	—	—
Р. 1, постр. 6, пл. 2	—	1	—	—	—	—	—
Р. 2, постр. 1, пл. 1	1	—	—	—	—	—	—
Р. 2, постр. 1, пл. 4	6	—	—	2	—	—	—
Р. 2, постр. 2, пл. 1	7	—	1 пленка	—	—	—	—
Р. 2, яма 2, пл. 2	—	—	—	1	—	—	—
Р. 2, яма 2, пл. 3	1?	1	—	—	—	—	—
Р. 2, яма 6, пл. 2	—	—	1?	—	—	—	—
Встречаемость, %	72,4%	17,2%	13,8%	24,1%	6,9%	17,2%	3,4%
Кол-во зерен, %	71,9%	4,5%	4,5%	13,6%	1,8%	2,7%	0,9%

Таблица 3. Распределение зерновых находок с селища Котово 1 (раскоп 1).

Яма	Рожь	Пшеница мягкая	Ячмень	Овес	Просо	Гречиха	Лен
1а	1?	—	1?	—	—	—	—
2	2	—	—	—	—	—	—
3	16	—	—	1	—	2	—
3	—	1	—	—	—	—	—
5	2	—	—	—	—	2	—
5	6	—	—	—	—	5	—
5	1	—	—	—	—	—	—
6	16	1	2	9	—	6	—
6	3	—	1?	2	—	—	—
7	8	—	1	—	—	—	—
8	2	—	—	—	—	—	1
10	2	—	—	2	—	—	—
10	2	—	—	—	—	—	—
11	13	—	—	—	1?	—	3
12	1	—	—	—	—	—	—
14	—	1	—	—	—	—	—
14	1	—	1	—	—	—	—
16	2	—	—	—	—	—	—
18	4	—	—	—	—	—	—
18	2	—	—	—	—	—	—
19	2	—	—	2	1	—	—
21	1	—	—	2	1	—	—
23	24	4	1	6	1	—	—
Встречаемость, %	83,0%	16,6%	16,6%	33,3%	12,5%	16,6%	8,4%
Кол-во зерен, %	65,0%	4,1%	2,9%	14,8%	1,8%	8,9%	2,4%

А.Г. Авдеев, А.В. Яганов

Храмозданная надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области

В селе Серединском современного Боровского района Калужской области имеется храмозданная надпись первой половины XVI в. Она установлена на южном фасаде трапезной каменной Благовещенской церкви второй половины XVIII в. (рис. 1), в простенке между оконными проемами, ниже подоконников. Древняя церковь, к которой относилась надпись, была разобрана при постройке новой. В кладке нижних частей стен существующего здания вторично использован оставшийся от нее большемерный кирпич формата 29,0–29,5 × 14,5–15,0 × 8 см.

В более позднее время плита получила повреждение: расколота на две неравные части геодезическим знаком, вбитым между второй и третьей строками; правый край срублен при пробивке проема на месте двух восточных окон трапезной; левый нижний угол отбит, вероятно, еще при переносе надписи из древней церкви. Некоторые буквы текста имеют повреждения, глубоким сколом уничтожена часть надписи в круглом клейме. При позднейших ремонтах она была покрыта многочисленными слоями побелок.

Выявлена и расчищена надпись была в 1986 г. В.В. Кавельмахером. В 1993 г. И.А. Леваков опубликовал фото круглого клейма в правой части нижней строки в перевернутом виде (Леваков, 1993. С. 6. Рис. 4). В настоящей работе надпись впервые публикуется полностью (рис. 2).

Четырехстрочная надпись выполнена на белокаменной плите длиной 148 см, высотой 60 см и толщиной 17 см (рис. 3). Текст надписи, в технике обронной резьбы, стилизован под шрифт рукописей XVI в. В ряде случаев буквы напоминают рукописные заставки, характерные для уставного письма XVI в. Высота строк: стк. 1 – 1,94 см, стк. 2 – 2,89 см, стк. 3 – 3,91 см, стк. 4 – 4,85 см.; расстояние между строками: стк. 1 и 2 – 1,8 см, стк. 2 и 3 – 2,4 см, стк. 3 и 4 – 2,5 см. Глубина рельефа до 0,7 см (рис. 4; рис. 5).

Лигатуры: стк. 1 – слово «ДѢТ», ЛГ в обозначении года, ПР, НБ, ЛГ и ЪР в словосочетании «ПРН БѢГОВѢРНО», ЛН в слове «ВЕДИН», НВ в слове «НВАНОВНУН», ИН в слове «РХСИН», ДѢТ в слове «ДѢТѢ», ГД в слове «ГДРЬСТВА», ПР в слове «ПРН», ЛГ в слове «БѢГОВѢ[РНО]», стк. 2 – НВ в слове «НВАНѢ», ПРН и ТРѢ в словосочетании «ПРН

МНТРОПОЛНѢ», ДѢ в слове «ДАННѢ», ЦР в слове «ЦР[КВ]Н», ПР в слове «ПРЧСТИ», ЦН в слове «БЦН», ЛГ в слове «УТНАГО», ЛГ и ВѢ в слове «БѢГОВѢЩЕНІА», МЖ в слове «ХРЯ»; стк. 3 – НК в слове «ВЕДИНКАГО», ЛРХН в слове «ЛЗРХНЕСКѢПН», РН в слове «КЕСАРН», ДО и ЛК в слове «КАПНАКѢСКИ», МЖ в слове «ПОСПѢШЕНІА», СТР и СМЖ в слове «СТРѢЩЕНІА», РМ в словосочетании «КНР МѢСТѢ», ЛБ в слове «РАБА»; стк. 3–4 – МН и ГР в слове «МНОГОГРѢШНАГО»; стк. 4 – МН и ЛА в слове «МИХАИЛА», СБ в слове «СЕМЕНОВНА», НБ в словосочетании «Н БГѢ», ДѢ в слове «ДѢТЕН», НГ и ОР в словосочетании «Н ГЕОРГН», НН в слове «ИЗДАНА», ЛП и ПН в словосочетании «Л ПѢПНА». #З со знаком тысячи в центре буквы. Оформление начала слов с помощью выносных букв: ГРЬСТВА (стк. 1). Оформление окончаний слов с помощью букво-тител и выносных букв: БѢГОВѢРНО ВЕДИН (стк. 1), БѢГОВѢ[РНО] (стк. 1), БЫ (стк. 2), БМ (стк. 2), ХРЯ (стк. 2), В (стк. 2), СТЫ (стк. 2), ВАСНАН (стк. 3), КЕСАРН (стк. 3), БЖІЕ (стк. 3), ПОСПѢШЕНІА (стк. 3), СТРѢЩЕНІА (стк. 3), БЖІА (стк. 3), ВАСНАН (стк. 4), ГЕОРГН (стк. 4), ПѢПНА (стк. 4). Вензельные написания: в цифровом обозначении года буква Л вписана между вертикальными мачтами буквы М (стк. 1), в слове «СЕМУ» буква У вписана между вертикальными мачтами буквы М (стк. 3). Зеркальное написание буквы Г в лигатуре с М в обозначении года. В надписи преобладает чашевидное начертание буквы ч, за исключением слова «ПРЧСТИ» (стк. 2), где эта буква дана в асимметричном начертании, что в целом характерно для русских эпиграфических памятников XV – первой трети XVI в. (Николаева, 1971. С. 192–193. Табл. 81). Необычно начертание буквы М в слове «БЫ» (стк. 2), напоминающее лигатуру букв З и О.

1532 г. Между 1 сентября и 30 октября.

В ДѢТ • #З • МЛ • ПРН БѢГОВѢРНО ВЕДИН
КНЗН ВАСНАН НВАНОВНУН ВСЕМ РХСИН ВЖ • КН
ДѢТѢ ГДРЬСТВА ЕГО • Н ПРН ЕГО СНЕ БѢГОВѢ[РНО]
// КНЗН НВАНѢ Н ПРН МНТРОПОЛНѢ ДАННѢ ВСЕМ
РХСИН • СМЖЕРШЕНА БЫ ОН ЦР[КВ]Н ПРЧСТИ БЦН
УТНАГО БМ БѢГОВѢЩЕНІА • Н ХРЯ ИЖЕ ВЖ СТЫ
ѠЦА // НШЕГО • ВАСНАН • ВЕДИНКАГО • ЛРХНЕСКѢПНА
КЕСАРН КАПНАКѢСКИ БЖІЕ ПОСПѢШЕНІА • Н

Рис. 1. Южный фасад Благовещенской церкви 1767 г. в селе Серединском. Фото авторов статьи. Апрель 2008 г.

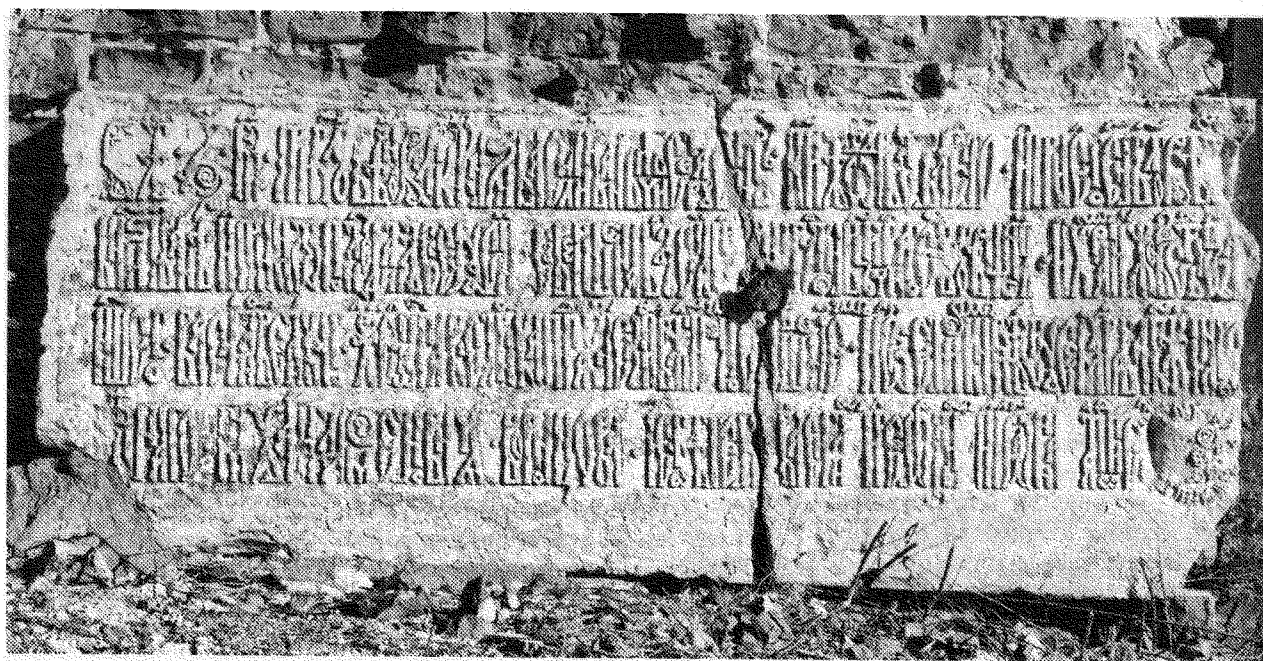

Рис. 2. Общий вид плиты с хазарской надписью 1532 г. Фото авторов статьи. Апрель 2008 г.

СТРОЕНИЕ^{мн} КИР МѢСТУ СЕМУ РАБА БЖІ МНОГО//
ГРѢШНАГО • МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧУ • ВОРОНЦОВА
• И ЕГО ДѢТЕИ ВАСИЛИ • И ГЕОРГИ • И ІЕЗАННА И
ПОПИСА^д (круглое клеймо: [е.г. никан]ДРА СТАРЕЦЪ)

Перевод: В ЛЕ[ТО] 7041 (1532/33) ПРИ БЛ[А]-
ГОВЕРНО[М] ВЕЛИК[ОМ] КН[Я]ЗИ ВАСИЛИИ
ИВАНОВИЧИ ВСЕЯ РУСИИ В 28 ЛЕТО Г[ОСУ]-
Д[А]РЬСТВА ЕГО И ПРИ ЕГО С[Ы]НЕ БЛ[А]-

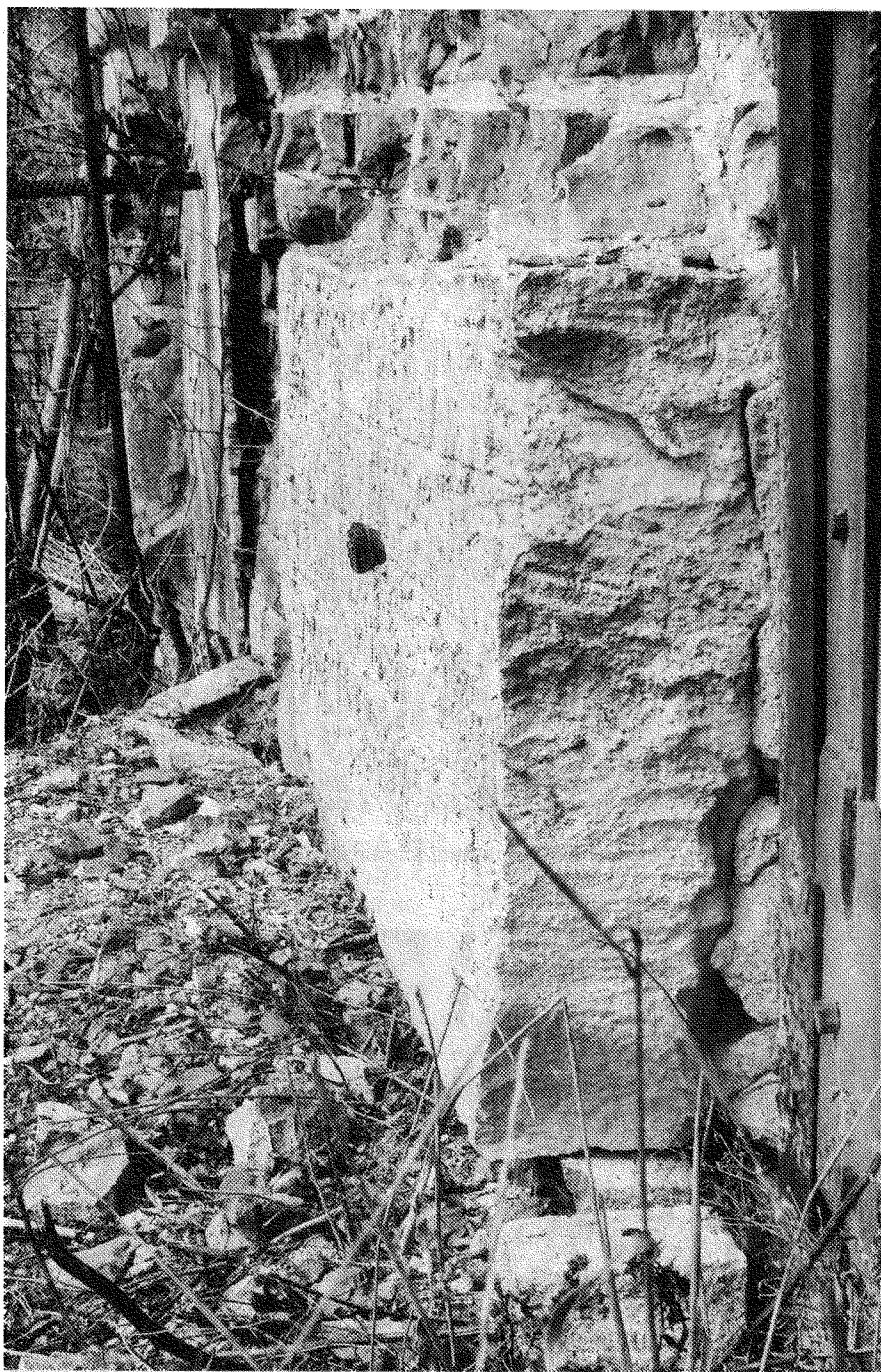

Рис. 3. Вид плиты с храмозданной надписью сбоку. Фото авторов статьи. Апрель 2008 г.

ГОВЕ(РНО)М // КН[Я]ЗИ ИВАНЕ И ПРИ МИТРО-
ПОЛИ[Т]Е ДАНИЛЕ ВСЕЯ РУСИИ СЪВЕРШЕ-
НА БЫ[СТЬ] СΙΑ ЦЕ[Р]КВ[И] ПР[Е]Ч[И]СТ[О]И
Б[О]ГОРОДИЦИ Ч[Е]С[Т]НАГО Е[Я] БЛ[А]ГОВЕ-
ЩЕНИЯ И ХРА[М] ИЖЕ В С[В]ЯТЫ[Х] О[Т]ЦА //
Н[А]ШЕГО ВАСИЛИ[А] ВЕЛИКАГО АРХИЕП[И]С-
КОПА КЕСАРИ[А] КАППА[ДО]КИЙСКИ[А] Б[О]-
ЖИЕ[М] ПОСПЕШЕНИЕ[М] и СТРОЕНИЕ[М] КИР

МЕСТУ СЕМУ РАБА Б[О]ЖИ[Я] МНОГО//ГРЕШ-
НАГО МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧЯ ВОРОНЦОВА И
ЕГО ДЕТЕИ ВАСИЛИ[А] И ГЕОРГИ[А] И ИОАННА
А ПОДПИСА[Л] (НИКАН)ДР СТАРЕЦ

Филологический комментарий¹. Сербизмы:
ВССЯ (стк. 2), но ВССЯ (стк. 1), СІА ЦР[КВ]И (стк. 2),
БЛГОВѢЩЕНІА (стк. 2), ВАСИАН^А (стк. 3), БЖІ^А (стк. 3),
ВАСИАН^А (стк. 4). Грецизм: КИР (стк. 3). Фонетика.

¹ Авторы выражают признательность Т.В. Рождественской за ценные консультации.

Рис. 4. Левая верхняя часть плиты с храмовой надписью. Фото авторов статьи. Апрель 2008 г.

Рис. 5. Правая нижняя часть плиты с храмовой надписью. Фото авторов статьи. Апрель 2008 г.

Мягкое Ч: **СЕМЕНОВИЧУА** (стк. 4). Безударное О = Ъ: **ОУВЕРШЕНА** (стк. 2). Смещение Ё и Н: Н вместо Ъ в окончании предложного падежа, характерное для северорусских говоров: **КНЗН ВАСИЛІН ІВАНОВИЧУ** (стк. 1), **КНЗН** (стк. 2). Переход Ъ в Ё в окончаниях предложного падежа: **СНЁ** (стк. 1), **МИТРОПОЛИТЁ** (стк. 2), **ДАНИИЛЁ** (стк. 2), но: **ІВАНЪ** (стк. 2). Ё = И в безударном положении: **БЖИНО**^м (стк. 3). Аллография: И ↔ І: **ВАСИЛІА** (стк. 3 и 4), **ГЕВРГІА** (стк. 4), но: **ВАСИЛІН** (стк. 1); **КЕВЯРНІА** **КАПЛА^мКІНСКІА** (стк. 3), **СТРЩЕННІА**^м (стк. 3), но: **ПОСПЪШЕНІА**^м (стк. 3); О ↔ Ъ: **ЛЪТЪ** (стк. 1), **ЕГО** (стк. 1, дважды), но: **ЕГЪ** (стк. 4); **МИТРОПОЛИТЁ** (стк. 2), **ЩЦА** (стк. 2), **АРХІЕПКОПА** (стк. 3), **ПѠПКОПА** (стк. 4). З З: **КНЗН** (стк. 1, 2). Грецизированные написания имен: **ВАСИЛІА** (стк. 4), **ГЕВРГІА** (стк. 4). Просторечные написания имен: **ІВАНЪ** (стк. 2), но **ІСАННА** (стк. 4); **ДАНИИЛЁ** (стк. 2).

Текстологический комментарий. Стк. 4. ПѠПКОПА [Никан] *ДРА ? СТАРЕЦЪ*. И.А. Леваков ошибочно считал надпись в круглом клейме криптограммой, выполненной «в виде закрученной волуты (розы) с именем мастера» (Леваков, 1993. С. 6).

Реально-исторический комментарий. Каменная Благовещенская церковь в селе Серединском впервые упоминается в писцовых книгах Вышегородского стана Верейского уезда 1627/28 г. Половина села в это время находилась в вотчине за Несмеяном Ивановичем Чаплиным и была пожалована ему из его же поместья «за московское осадное сиденье» 1610 г. Ранее в двух половинах села Серединского были помещены князя В.П. Туренин (ум. в 1605 г., после чего его часть была отдана Н.И. Чаплину) и Ф.П. Барятинский (Холмогоровы, 1911. С. 78). В 1626/27 г. церковь, находившаяся на половине Н.И. Чаплина, содержалась «приходными людьми», которых после разорения в Смутное время оставалось всего пять дворов. Причта при церкви не было; священники для отправления богослужений, видимо, приглашались из соседних приходов. Церковная земля, отмежеванная для содержания причта, вероятно, еще строителем храма, числилась за Патриаршим Казенным приказом и сдавалась им внаем (Холмогоровы, 1911. С. 78). У Н.И. Чаплина, небогатого вотчинника, которому случайно досталось село с каменной церковью, не было ни необходимых средств, ни, наверное, желания для поддержания чужого (выморочного) богомолья и привлечения причта, для чего требовалось восстановление уничтоженных в Смуту священно- и церковнослужительских дворов. Поэтому на протяжении почти всего XVII в. мы не наблюдаем какой-либо заинтересованности в вопросе восстановления полноценного прихода со стороны двух поколений Чаплиных. После смерти бездетного Н.И. Чаплина в 1641 г. его вотчина по разделу досталась родственникам. Половина села Серединского перешла дальнему родичу из ржевской ветви Никите Григорьевичу,

а после смерти последнего – к его сыновьям Ивану, Григорию и Иову². В 1649 г. серединская вотчина Н.Г. Чаплина была увеличена за счет присоединения половины села, принадлежавшей князю Н.И. Барятинскому (Холмогоровы, 1911. С. 79). В 1687 г. стольник Иван Никитич Чаплин возобновил Благовещенскую церковь, учредил причт, а в 1708 г. при ней был устроен придел преп. Сергия Радонежского. В документах Патриаршего приказа церковь числится «новопостроенной» (Холмогоровы, 1911. С. 79). Мы не можем определенно сказать, было ли здание возведено заново, или «строение» Н.И. Чаплина заключалось в реконструкции старой церкви, возобновлении Благовещенского престола и организации прихода – с наибольшей долей вероятности следует предположить второе. Ныне существующий храм построен в 1767 г. (Рошефор, 1882. С. 332).

Стк. 1–2. ПРИ ЕГО СНЁ БЖИНО[рно]^м // КНЗН ІВАНЪ. Очевидно, первое в старорусской эпиграфике упоминание Ивана IV Грозного. В тексте не назван второй сын Василия III – Юрий, родившийся 30 октября 7041/1532 г. (ПСРЛ, Т. XIII. С. 66), что дает возможность датировать надпись временем между 1 сентября (начало новолетия) и 30 октября 1532 г. *Стк. 2. ПРИ МИТРОПОЛИТЁ ДАНИИЛЁ КЕВІА РУСІН.* Митрополит Даниил был поставлен на Московскую митрополию 27 февраля 1522 г. (ПСРЛ, Т. XIII. С. 43), сведен с нее боярским правительством Шуйских и Бельских 2 февраля 1539 г. и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь (ПСРЛ, Т. 33. С. 26). *Стк. 2–3. ЦР[кв]И ПРЧТІ БЦН ЧТНАГО ЕМ БЖИНОШЕНІА И ХРА^мА ИЖЕ В СТЫ ЩЦА // ИШЕГО ВАСИЛІА КЕВІАГО АРХІЕПКОПА КЕВЯРНІА КАПЛА^мКІНСКІА.* Необычное противопоставление слова «церковь» слову «храм»: церковью именуется основной престол, а храмом – придел. *Стк. 3. ВАСИЛІА КЕВІАГО АРХІЕПКОПА КЕВЯРНІА КАПЛА^мКІНСКІА.* Посвящение придела свт. Василию Великому не связано с именем патронального святого великого князя Василия III, который был крещен во имя преп. Василия Парийского (ПСРЛ, Т. XXVI. С. 257). *Стк. 3. КИР МЪСТУ СЕМУ.* Весьма необычное словоупотребление термина, восходящего к греческому слову «κύριος» (господин). В летописях он обычно применялся либо к византийскому императору, либо к великим князьям (ПСРЛ, Т. II. Стб. 524, 711; ПСРЛ, Т. III. С. 50, 248), а также по отношению к высшим церковным иерархам («Словарь...», 1980. С. 133; см. также: Срезневский, 1893. Стб. 1420). В данном случае данный термин употреблен по отношению к боярину-вотчиннику, который является господином для находящегося в его собственности села. *Стк. 4. МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧУА ВОРОНЦОВА.* Род Воронцовых, восходящий к Протасию, тысяцкому Ивана Калиты, являлся одним из самых заметных среди старомосковской знати (Веселовский, 1969. С. 212). Михаил Семенович впервые упоминается среди лиц, участвовавших в смоленском походе 1512 г.; впоследствии он

² О роде Чаплиных (Руммель, Голубцов, 1887. С. 644–657).

Рис. 6. Имя резчика, помещенное в круглом клейме в правом нижнем углу надписи.
Фото авторов статьи. Апрель 2008 г.

находился на воеводских должностях, выполнял различные поручения великого князя Василия III (Зимин, 1988. С. 158–160). М.С. Воронцов получил боярство в 1514 г. (Веселовский, 1969. С. 224). В конце правления Василия III он — один из влиятельнейших людей в государстве (Веселовский, 1969. С. 224). В 1534–1535 гг. М.С. Воронцов — новгородский наместник и в этом качестве участвует в войне с Великим княжеством Литовским, а в 1536 г. выбывает из Боярской думы (ПСРЛ. Т. XXIX. С. 18, 133; Зимин, 1958. С. 52, 54; 1988. С. 159–160). По данным С.Б. Веселовского, он умер в 1539 г. (Веселовский, 1969. С. 224). Судя по всему, церковь в вотчинном селе Серединском была построена, когда М.С. Воронцов находился на вершине славы, и надпись, установленная на построенном им

храме, носила, прежде всего, престижные функции. В то время, когда институт строительных надписей в Московской Руси еще только складывался, она выделяла храмоздателя среди остальных вотчинников, занимавшихся храмовым строительством: с конца XV в. строительные надписи украшали лишь сооружения, воздвигнутые великими князьями. Стк. 4. *бгѡ дѣтєи влссилѡ и геѡргиѡ и іѡаннѡ*. Сыновья М.С. Воронцова Василий, Юрий и Иван, занимали заметные должности при дворе царя Ивана IV. Василий, ставший боярином в 1544 г., казнен вместе с дядей Ф.С. Воронцовым в июле 1546 г. в Коломне, а его младшего брата великий князь «велел поимати же» (ПСРЛ, Т. XIII. С. 149; Зимин, 1958. С. 58; 1988. С. 52, 54). Несмотря на кратковременную опалу, Иван

Воронцов и его брат Юрий в 1554 и 1555 гг. становятся боярами. Юрий Михайлович умер в 1558 г., а его брат – в 1569 г. (Зимин, 1958. С. 64, 67, 68, 74). По всей вероятности, на последнем эта ветвь рода Воронцовых пресеклась, а принадлежавшие Ивану Михайловичу вотчины завещаны им или отошли как выморочные государю и впоследствии поступили в поместную раздачу.

Стк. 4. Я ПОПИСА⁴ (круглое клеймо: [Никан]ДРА ? СТАРЕЦЦА). Довольно редкий случай указания имени

резчика (а возможно, и сочинителя) надписи (рис. 6). Из известных нам примеров надлежит назвать эпиграфию 7089/1581 г. на надгробии Е.В. Бибикина из Левкиевой пустыни: «а подписывал Возменского монастыря чернец Никандра» (Леонид, 1870. С. 7)³.

Таким образом, публикуемая строительная надпись представляет пока первый по времени эпиграфический памятник Московской Руси, документирующий строительство каменных храмов в боярских вотчинах.

Литература

Веселовский С.Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.

Зимин А.А., 1958. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 год. М.

Зимин А.А., 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.

Леваков И.А., 1993. Клейма на строительных материалах XVI–XX веков. М.

Леонид, архим. (Кавелин). 1870. Волоколамская Левкиева пустынь и ее основатель преподобный Левкий. М.

Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е1-49. М.

ПСРЛ, Т. II. СПб., 1908.

ПСРЛ, Т. III. М., 2000.

ПСРЛ, Т. XIII. СПб., 1904.

ПСРЛ, Т. XXVI. М., 2006.

ПСРЛ, Т. XXIX. М., 2009.

ПСРЛ, Т. 33. М., 1977.

Рошефор Н.И., де, 1882. Опись памятников Калужской губернии // ЗОРСА. Т. III. СПб.

Руммель В.И., Голубцов В.В., 1887. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7. М., 1980.

Срезневский И.И., 1893. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. СПб.

Холмогоровы В.И. и Г.И., 1911. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. (Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины). М.

A.G. Avdeyev, A.V. Yaganov

The 1532 inscription from the church at Seredinskoye village (Borovsk region of Kaluga oblast)

Summary

The article publishes the inscription from the church in the village of Seredinskoye (Borovsk region of the Kaluga oblast). The inscription dates to the period from September 1 to October 30, 1532 and reads that the church of the Annunciation with a side-chapel of St. Basil the

Great was built at the site. The village was the patrimonial estate of boyar M.S. Vorontsov, a prominent politician from the time of Czar Vasily III. This is the first find of a church inscription that tells of a stone church being built in a boyar patrimonial estate.

³ Вряд ли это одно и то же лицо.

В.И. Вишневский, А.В. Энговатова

Некрополь князей Оболенских в Троице-Сергиевом монастыре

В 2000–2008 гг. в процессе земляных работ на территории Троице-Сергиевой Лавры были обнаружены среди прочих белокаменных средневековых плит надгробия рода князей Оболенских. Средневековый Троицкий погост на 98,5% состоит из представителей титулованных и нетитулованных землевладельцев. Самую многочисленную группу погребенных представляют титулованные средние и мелкие землевладельцы – свыше 400 имен. По сведениям письменных источников, из представителей титулованной знати больше всего в монастыре погребено потомков черниговских Рюриковичей – 37 человек. Из них девять принадлежали к представителям рода Оболенских (Ткаченко, 2006. С. 217). Вкладная книга упоминает Оболенских: Кашиных, Пенинских, Стригиных, Репниных, Телепневых, Щепиных. Обнаружены плиты представителей Кашиных, Репниных, Щепиных, Стригиных. Согласно Списку погребенных, Кашины-Оболенские погребались у алтаря Духовской церкви, прочие Оболенские – в неизвестных местах лавры («Список погребенных...», 1880. С. 75–76).

Княжеский род Оболенских, потомков черниговских князей, занимает важное место в истории России XV–XVII вв. Внук святого князя Михаила Всеволодовича черниговского, князь Константин Юрьевич, получил в удел город Оболенск и стал родоначальником князей Оболенских. Князья Оболенские уже с XIV в. находились на московской службе. Они сыграли видную роль в обеспечении победы Василия II над Дмитрием Шемякой. Они имели владения в калужских (Оболенск), новгородских, тверских землях. Сильно размножившиеся князья Оболенские в XV–XVI вв. составляли несколько ветвей. У князя Ивана Константиновича (сподвижника Дмитрия Донского) было шесть сыновей: от старшего, Никиты, пошли Курлятевы и Ногтевы, от второго, Василия, – Стригины, Ярославовы, Нагие и Телепни, от третьего, Михаила, – Туренины, Золотые, Серебряные, Щепины, от пятого, Владимира, – Лыковы, Кашины. От младшего брата Ивана Константиновича, Андрея, пошли Долгорукие, Щербатые и Тростенские (Зимин, 1979. С. 208; 1988. С. 43–51). Первое надгробие представителя

рода Оболенских было найдено в процессе реставрации Духовской церкви в 1940 г. (Гиршберг, 1960. С. 50–51). Две плиты были обнаружены Т.В. Николаевой в 1966 г. и неопубликованными хранились в фондах СПГИХМЗ. В 2000–2008 гг. на территории Троице-Сергиевой Лавры экспедициями Сергиево-Посадского музея-заповедника и Подмосковной экспедицией Института археологии РАН было обнаружено семь белокаменных средневековых надгробий князей Оболенских (рис. 1). Таким образом, всего в этой статье будет рассмотрено 10 надгробий.

1. Оболенский Александр Васильевич. 1506 (?) г. (рис. 2).

Надгробие (сохранилось изголовье) найдено в процессе реставрации Духовской церкви и опубликовано со снимка 1940 г. В.Г. Гиршбергом (1960. С. 50–51).

Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям из двух рядов мелких равнобедренных треугольников, обращенных вершинами друг к другу, имеется также внутренняя рамка – третий ряд равнобедренных мелких треугольников. Вверху – полукруглое клеймо, с пустой серединой, обведенное дугой из двух рядов мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь, разбивает надвое первую и вторую строки надписи. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые поверхности надгробия гладкие, без орнамента.

На лицевой стороне надпись, резанная вглубь неровным полууставом в шесть строк¹:

в лѣтѣ зѣ (6015) [1506] (клеймо) мѣца по
авра ка (21) и (клеймо) а памѣ
ть стѣла великомученици екат
ерины престависѣ раб бжій в
лаговѣрный кн(а)зь александръ
...евичъ оболенскый

А.В. Оболенский – правнук Константина Юрьевича, внук Ивана Тарусского (Кобрин, 1995. С. 95, 96, 128; Зимин, 1979. С. 210–211), входивший в бо-

¹ Сохраняется орфография надписей. Титла не воспроизводятся. Буквы, пропущенные в сокращенных словах или опущенные при выносе букв, восстанавливаются и даются в круглых скобках. Утраченные слова, восстановленные автором, даются в квадратных скобках.

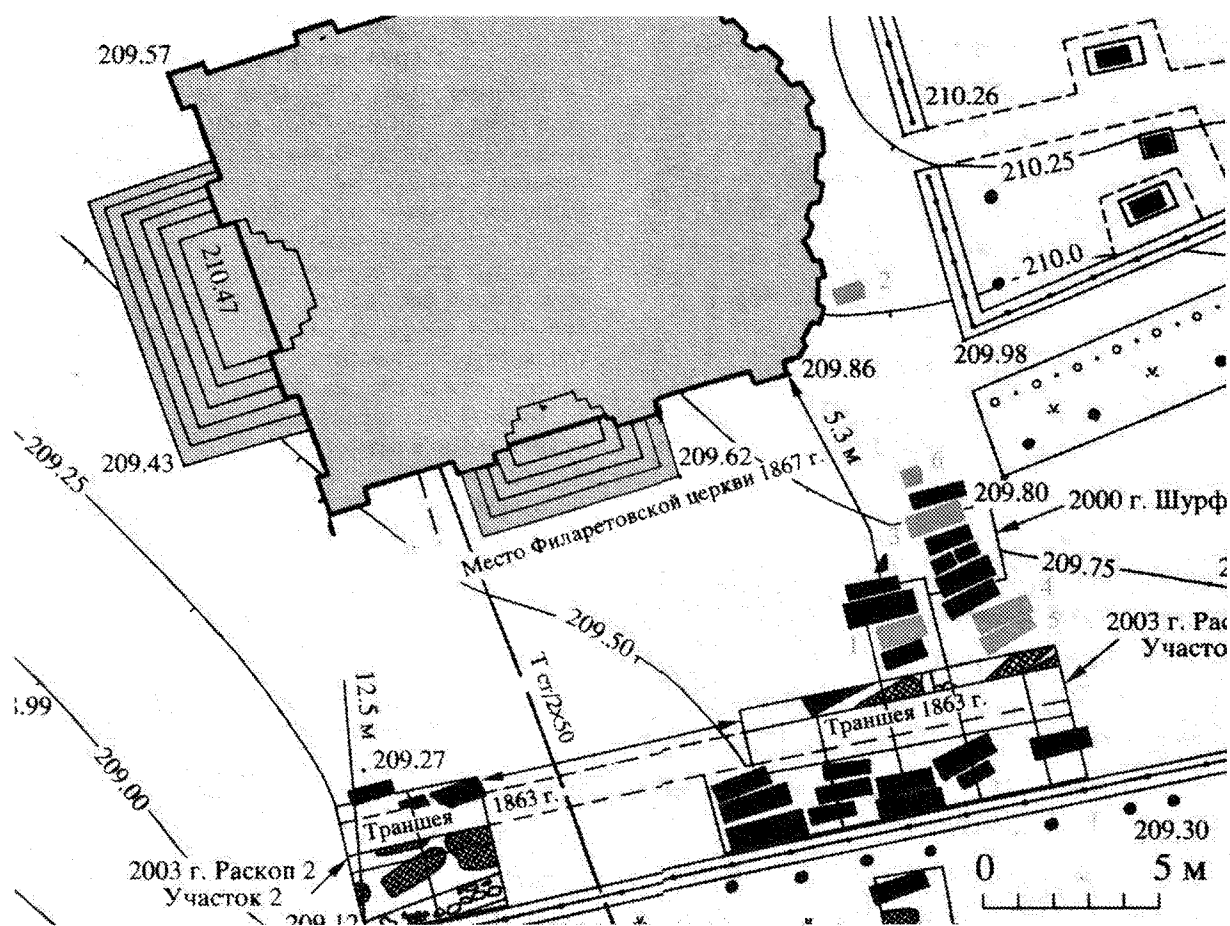

Рис. 1. Ситуационный план находок надгробий князей Оболенских в Троице-Сергиевой Лавре

- 1 – надгробие Андрея Ивановича Кашина. 1521 г.; 2 – надгробие Федора Ивановича Кашина-Оболенского. 1556/57 г.; 3 – надгробие Петра Никитина Щепина-Оболенского. 1551 г.; 4 – надгробие Петра Александровича Стригина-Оболенского. 1553 г.; 5 – надгробие Стригина-Оболенского. 1545 г.; 6 – надгробие инок Ионы (Ивана Федоровича Стригина-Оболенского?) 1545 г.

ярскую думу в чине боярина, участник новгородских походов 1476–1477 гг., казанских 1484, 1487 и 1497 г.; в 1493 г. во время войны с Литвой он был в числе взявших Серпейск и Опаков, а в 1501 г. опустошил окрестности Дерпта, Мариенбурга, Нейгаузена (Зимин, 1988. С. 49–50). В.Г. Гиришберг датировал плиту 1501 г., опираясь на летописные сведения о том, что воевода Ивана III А.В. Оболенский погиб в 1501 г. в бою с немцами под городком Гельмен в Ливонии (Гиришберг, 1960. С. 51). Однако дата явно заканчивается цифрой 5 (5) – т. е. 7015 (1506), а не 7010 (1501 г.).

Список погребенных 1880 года упоминает сына Александра Васильевича – старца Варлама, певчего Троицкого собора («Список погребенных...», 1880. С. 75. № 808). Исследователем отмечено архаичное начертание букв Ъ и Д.

2. Надгробие князя Петра Ивановича Кашина. 1546 г. (рис. 3).

Найдено Т.В. Николаевой в 1966 г. в траншее к югу от Троицкого собора (СПГИХМЗ. Инв. № 818

арх). Размеры: ширина – 68 см, длина – 100 см, толщина – 15 см. Утрачена нижняя половина плиты. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление из двух рядов мелких треугольников, круглое клеймо сверху, заполненное в центре 11 веерообразно расположенными треугольниками, и обведенное дугой из двух рядов мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников соединяют боковые края обрамления (в 0,5 м от верхнего края плиты) с другим клеймом. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку: с боков – двойные ряды крупных прямоугольных треугольников, расположенных «косынкой», сверху полоса из двух рядов крупных противопоставленных треугольников. Треугольники так тесно поставлены, что вершины треугольников практически достигают противоположной линии, а между ними образовался зигзаг – «змейка», разделенная графией: такой декор был распространен в 1550–1580-х годах, хотя встречается и несколько раньше, частично уходя в начало

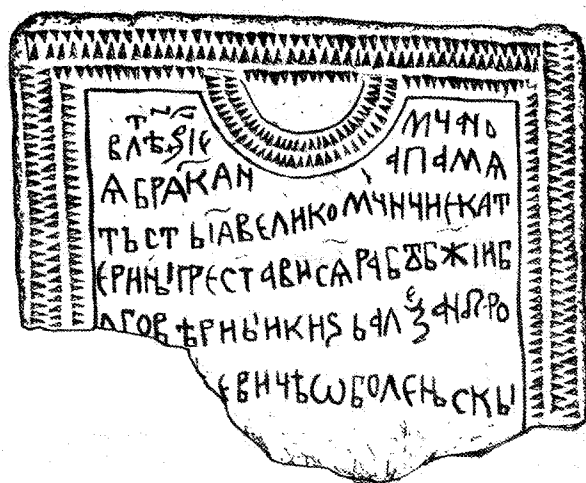

Рис. 2. Надгробие Александра Васильевича Оболенского. 1506 г.

XVI в. (Беляев, 1996. С. 144). Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые поверхности надгробия гладкие, без орнамента.

На лицевой стороне надпись резаная вглубь неровной вязью в четыре строки:

в лѣт з[на] (7054) [1546] м(еся)ца мѧ
пре[стависѧ] князь
петр ив[анович] ѡ[б]олен[ской]
кашинъ

В тексте имеется шесть лигатур: лѣт, пр, на, тр, ив, ашин. Выносная буква одна: р. Во Вкладной книге 1673 г. есть запись «54 (1546)-году апреля в 1 день дал вкладу князь Петр княж // Иванов сын Кашин Оболенской по брате своем князе Ондрее денег 13 рублей... 55 (1546)-го году октября в 3 день по князе Петре Ивановиче Кашине Оболенском дали вкладу братья ево князь Юрьи да князь Федор денег 50 рублей» («Вкладная книга...», 1987. С. 59). Дата на плите однозначно не читается, орнамент типичен для середины XVI в., поэтому дату смерти надо определять по Вкладной книге.

3. Надгробие князя Оболенского. Середина XVI в. (рис. 4).

Найдено в 1963 г. Т.В. Николаевой у апсид Троицкого собора (СПГИХМЗ, Инв. 707арх). Размеры: ширина – 72 см, длина – 92 см, толщина – 17 см. Утрачена нижняя половина плиты. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление из двух рядов мелких треугольников, а верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку: двойные ряды крупных прямоугольных треугольников, расположенных «косынкой». Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые поверхности надгробия гладкие, без орнамента.

На лицевой стороне надпись, резанная вглубь неровной вязью в пять строк:

...ла мѧ
...престависѧ
...кимтол...ж...
...ѡ...ѡх...т
ѡ[б]олен[ской]

В тексте имеется две лигатуры: мѧ, мѧ. Выносные буквы: в и ѡ.

4. Надгробие князя Андрея Ивановича Кашина. 1546 г. (рис. 5).

Найдено в северо-восточном углу шурфа 23, заложеного в 5,3 м к югу от юго-восточного угла Духовской церкви, найдено на глубине 0,38 м от современной дневной поверхности (Вишневский, 2006. С. 145–146).

Его размеры: длина – 178–180 см, ширина изголовья – 69 см, ширина изножья – 60 см, толщина изголовья – 10–11 см, толщина изножья – 12 см. Надгробие расколото на семь частей. Утрачен орнамент в правой нижней части плиты.

Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям из двух рядов мелких треугольников, круглое клеймо вверху (частично обрезанное рамкой), заполненное в центре 12 всевозобразно расположенными треугольниками, и обведенное дугой из двух рядов мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников соединяют боковые края обрамления (в 0,5 м от верхнего края плиты) с другим круглым клеймом (подобным верхнему), расположенным в середине плиты. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двойного ряда крупных прямоугольных треугольников, расположенных «косынкой», а сверху, прерываемая клеймом, дополнительная горизонтальная полоса из мелких треугольников. Полоса подобного орнамента проведена вдоль нижнего края плиты, внутри обрамления. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые поверхности надгробия гладкие, без орнамента.

Надпись вязью в три строки резана вглубь:

лѣта з[на] (7054) [1546] (клеймо)
престависѧ благове[рный]
князь андре[й] иванови[ч] кашин[а]

В тексте имеется семь лигатур: лѣт, пр, ст, ав, аг, ан, аш. Выносных букв четыре: р, з, й, н. Инте-

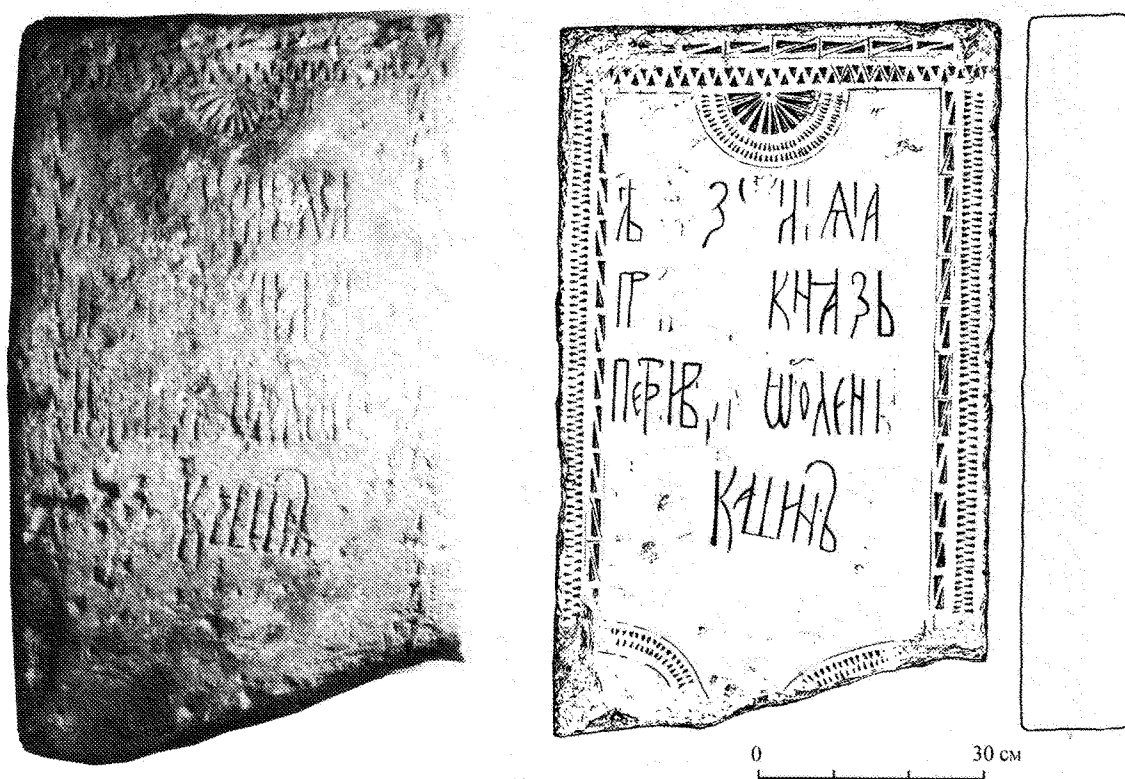

Рис. 3. Надгробие Петра Ивановича Кашина. 1590 г.

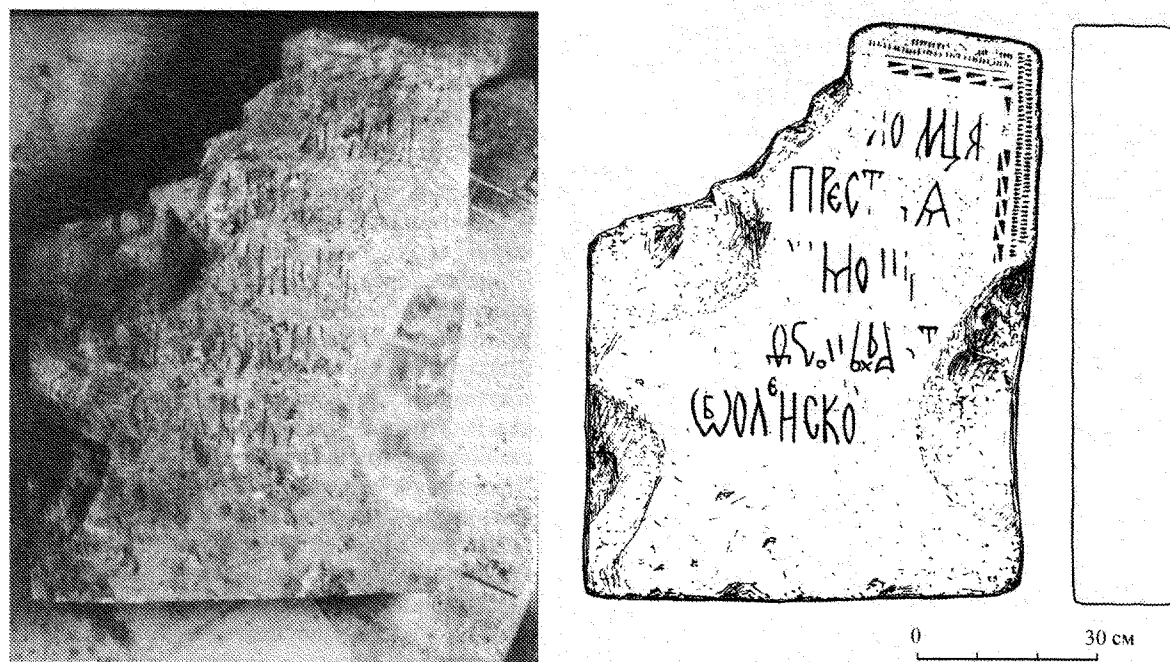

Рис. 4. Надгробие князя Оболенского. Середина XVI в.

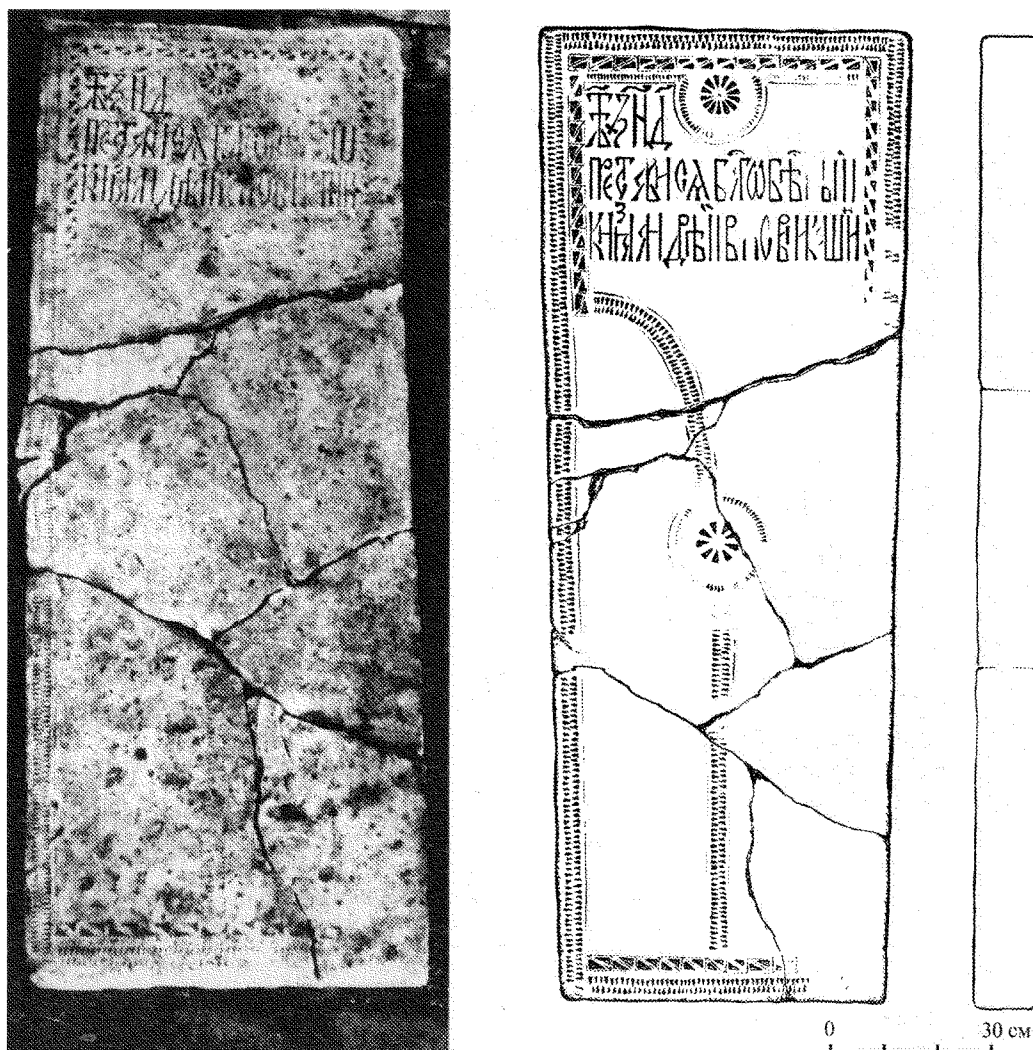

Рис. 5. Надгробие Андрея Ивановича Кашина. 1521 г.

ресно, что правая половина первой строки надписи (после клейма) отсутствует – не вписаны число и месяц смерти. Во Вкладной книге 1673 г. есть запись: «54(1546)-го году апреля в 1 день дал вкладу князь Петр княж Иванов сын Кашин Оболенской по брате своем князе Ондрее денег 13 рублей.

55(1546)-го году октября в 3 день по князе Андрее же дал вкладу брат ево князь Иван Иванович денег 50 рублей» («Вкладная книга...», 1987. С. 59). Князья Кашины-Оболенские – потомки князя Василия Владимировича Каши Оболенского (конец XV в.) – вкладчики в Троице-Сергиев монастырь (Веселовский, 1974. С. 137). А.И. Глухого Кашин – сын Ивана Большого Глухого, внук – Василия Владимировича Кашина (Кобрин, 1995. С. 134).

5. Федор Иванович Кашин-Оболенский. 1556/57 г. (рис. 6).

Найдено у алтаря Духовской церкви осенью 2008 г., в процессе укладки брусчатки, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. Сохра-

нилась половина плиты (изголовье). Размеры: длина – 1,1 м, ширина изголовья – 68 см, ширина в середине – 64 см, толщина – 15 см.

Лицевая поверхность украшена резным жгутовым орнаментом: обрамление по краям и две полукруглые тяги, полукруглое клеймо сверху, заполненное в центре полурозеткой-цветком с пятью треугольными лепестками и обведенное дугой из четырех витков жгута. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани гладкие, без орнамента.

Надпись резана неглубокой вязью из трех строк, над полукруглыми тягами:

лѣта зѣе (7065) [1556/57] м(е) ' (я)ца [..... прес]
тави' ки(а)зь ѿеодоръ ива
но"ч кашин шболе"ско"

В тексте шесть выносных букв: т, с (2), ви, н : (й) и две лигатуры: лѣ, ив.

Федор Иванович Глухого Кашин, внук Василия Владимировича Каши Оболенского, сын Ивана Большого Глухого Оболенского (Кобрин, 1995. С. 134.) Боярин с 1555 г., умер до 1 апреля 1556 г. (Зимин, 1958. С. 67).

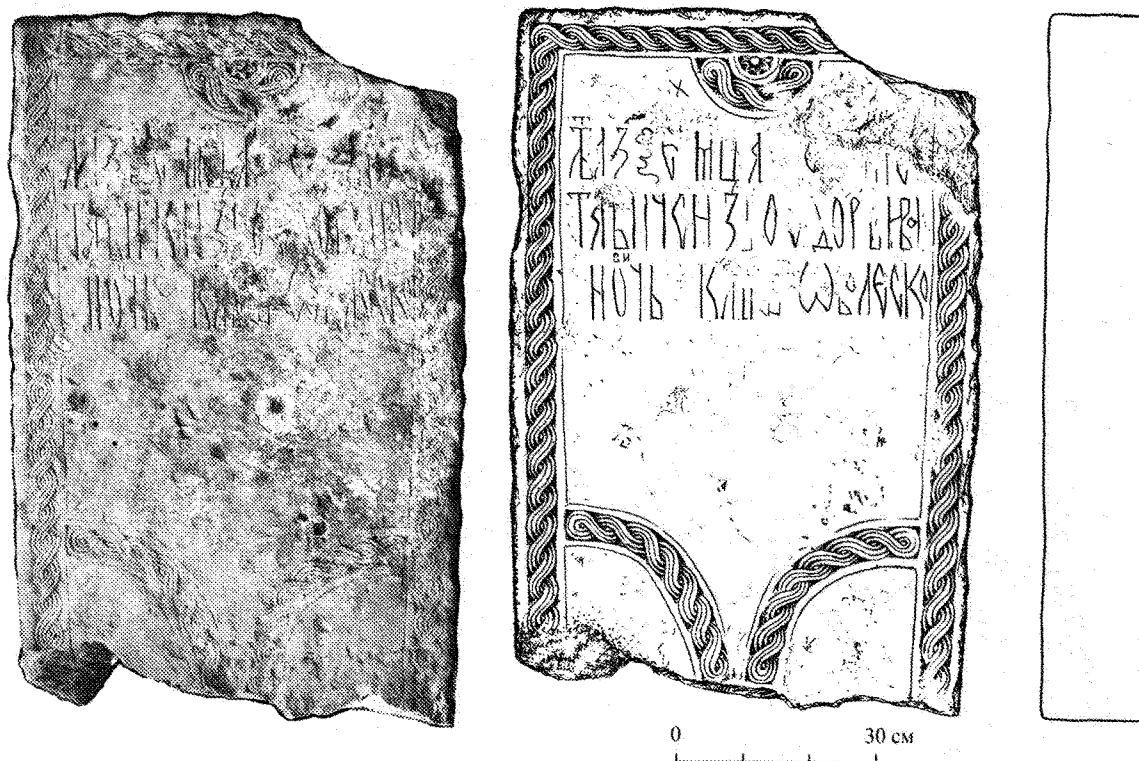

Рис. 6. Надгробие Федора Ивановича Кашина-Оболенского. 1556/57 г.

Во Вкладной книге 1673 года есть запись: «66 (1557)-го году декабря в 19 день по князе Федоре Ивановиче Кашине Оболенском дали вкладу братья ево князь Юрьи да князь Иван Ивановичи Кашина Оболенского денег 40 рублей» («Вкладная книга...», 1987. С. 59).

6. Надгробие князя Петра, сына Никиты Дмитриевича Щепина-Оболенского. 1551 г. (рис. 7).

Найдено в 10 м к югу от юго-восточного угла Духовской церкви, на глубине 0,6 м от современной дневной поверхности. Размеры: длина – 188 см, ширина изголовья – 72 см, ширина изножья – 56 см, толщина изголовья – 15 см, толщина изножья – 14 см.

Надгробие неполностью раскопано в 2003 г. С.З. Черновым (№ 18), надпись не была прочитана (Чернов, Янишевский, 2008. С. 150–164). Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям и полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников, почти стертая полукруглая клеймо сверху, заполненное в центре решеткой из мелких треугольников и обведенное дугой из мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Нижнее клеймо круглое, имеет внутри розетку из 25 треугольников-лучей, обведенную кольцом из мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двойного ряда крупных треугольников, тесно поставленных, так что между

ними образован четкий зигзаг – «змейка». Изножье плиты также имеет внутреннее обрамление из такого же двойного ряда крупных треугольников, разделенных графьей, образующих зигзаг-змейку. Внутренние контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани гладкие, без орнамента.

Надпись вязью, резаная вглубь из шести строк, над полукруглыми тягами:

ЛѢ(а)ЗѢ (7060) [1551] ѡКТЕ^рѦ в С(6)^{л(ень)} прѣ
стави^т КНѦ^з ПЕТР КНѦ^ж НИКИТИН С(Ы)НѢ
ДМИТРЕЕВИ^ч ѡБОЛЕ^нСКОГО
ЩЕПИНА
аГѢТВИ..(тяга) и(тяга)ѡКТЕ^рѦ в
в(2)

В тексте пять выносных букв: т(2), с, ж(2), и 2 лигатуры: пр, дми. Высота букв 8 см.

Внук родоначальника ветви – Дмитрия Семеновича Оболенского Щепы, умер, как предполагал В.Б. Кобрин, до 1554/55 г., вероятно, около 1550–1552 гг. (Кобрин, 1995. С. 133).

Во Вкладной книге 1673 года есть запись о представителях рода Щепиных-Оболенских: «7056 (1548)-го году августа в 1 день дал вкладу князь Петр Никитин сын Щепин по брате своем по князе Федоре денег 10 рублей...»

63 (1554/55)-го году дала вкладу княгини инока Марфа княж Никитина Дмитриевича Оболенского Щепина по муже своем князе Никите, во иноцех Николе, да по детех своих по князе Федоре да по князе Петре, и по себе мужа своего вотчину в Оболенске

Рис. 7. Надгробие Петра Никитина Щепина-Оболенского. 1551 г.

в Серпуховском уезде сельцо Дорну з Деревнями по цене 400 рублей, а Даная писана в вотчинной книге в Оболенске» («Вкладная книга...», 1987. С. 107).

Список погребенных упоминает супругу князя Никиты Дмитриевича Оболенского-Щепина, в иночестве Марфу, давшую в 1557 г. вклад в Серпуховском уезде, в Оболенске, сельцо Дорну в помин мужа своего старца Николая (ум. 1539), «в ее старицу Марфу по смерти пожаловати в Серг. мон.» («Список погребенных...», 1880. С. 75). Плита оставлена *in situ*.

7. Надгробие князя Петра Александровича Стригина Оболенского. 1553 г. (рис. 8).

Найдено в 10 м к югу от юго-восточного угла Духовской церкви, на глубине 0,6 м от современной дневной поверхности. Размеры: длина — 169 (170,5) см, ширина изголовья — 66 см, ширина изножья — 52,5 см, толщина изголовья — 15 см, толщина изножья — 14 см.

Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям и

полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников, полукруглое клеймо сверху, заполненное в центре решеткой из 12 мелких треугольников (двойной полосой двух рядов крупных треугольников, образующих между собой зигзаг-змейку) и обведенное дугой из мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Нижнее клеймо (в 74 см от края изножья) овальное (ширина — 16 см, высота 14 см), имеет внутри розетку из 20 треугольников-лучей, обведенную кольцом из мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двойного ряда крупных треугольников, тесно поставленных, так что между ними образован четкий зигзаг-змейка. Изножье плиты также имеет внутреннее обрамление из такого же двойного ряда крупных треугольников, так что между ними образован зигзаг-змейка. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани гладкие, без орнамента.

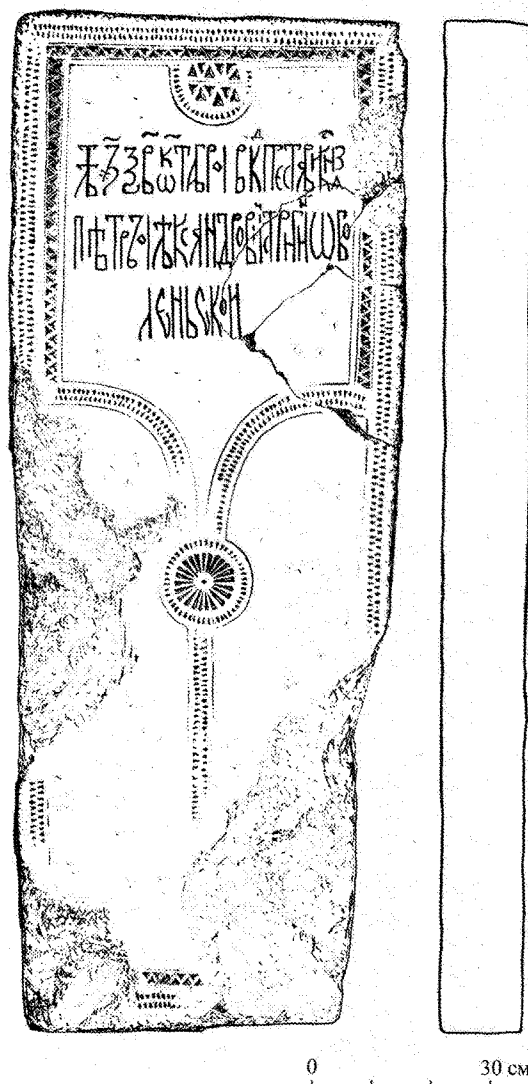

Рис. 8. Надгробие Петра Александровича Стригина-Оболенского. 1553 г.

Надпись вязью, резаная вглубь в три строки, над полукруглыми тягами:

лѣт(а)зѣв(7062) [1553] вктябрь в к(20)^{а(енк)} /
престави' княз
пѣтръ алѣксандрови' стриги' шбо
леньской

В тексте пять выносных букв: д(2), с, ч, н и 9 лигатур: лѣт, ав, пр, ав, ик, лѣ, иг. Высота букв 8 см.

Внук Ивана Васильевича Оболенского Стриги (Кобрин, 1995. С. 129), упомянут в разрядах 1549–1550 гг. (Станиславский, 2004. С. 107).

Во Вкладной книге 1673 года есть запись: «54 (1546)-го году июля в 15 день дал вкладу князь Петр Стригин Оболенской по отце своем князе Александре денег 25 рублей.

62 (1554)-го году июля в 1 день по князе Петре Александровиче Стригине Оболенском дала вкладу

княгиня ево Ксения денег 50 рублей» («Вкладная книга...», 1987. С. 58).

В списках рода Стригиных-Оболенских Кормовой книги 1673 года упомянут «князь Петр и князь инок Иона... Дачи их в Переславском уезде село Бороново-волоково с деревнями ... по цене за 500 рублѣв» (Кириченко, Николаева, 2008. С. 96, 258).

8. Надгробие князя Стригина-Оболенского. 1545 г. (рис. 9).

Найдено в 10 м к югу от юго-восточного угла Духовской церкви, на глубине 0,6 от современной дневной поверхности. Размеры: длина – 159 (160) см, ширина изголовья – 70 см, ширина изножья – 59 см, толщина изголовья 23, толщина изножья – 22 см. Лицевая поверхность в значительной части сколота.

Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям из трех

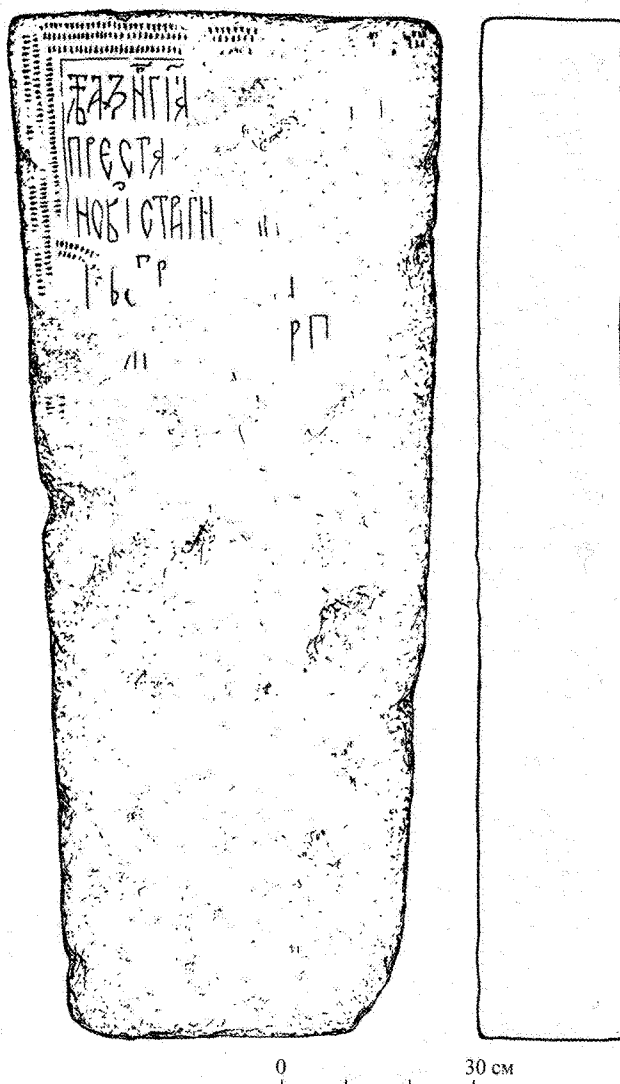

Рис. 9. Надгробие Стригина-Оболенского. 1545 г.

рядов мелких треугольников, клейма и тяги стерты. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда мелких треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани гладкие, без орнамента.

Надпись вязью, резаная вглубь, из пяти строк:

лѣта знг (7053) [1545] м(еся)ца

престави' ...[михаил? ива]

нови" стриги" шволеньской.....

гео . . .все.....

.....

В тексте одна выносная буква ч и две лигатуры: лѣт, ри. Высота букв 8 см.

Во Вкладной книге 1673 года есть запись: «7052 (1544)-го году июня в 11 день дали вкладу князь Михайло да князь Ондрей княж Ивановы дети Федоровича Стригина Оболенского по отце своем Иване, во иноцех Ионе, денег 50 рублей» («Вкладная книга...», 1987. С. 58; Кириченко, Николаева, 2008. С. 96, 258).

9. Надгробие инокa Ионы (Иван Федорович Стригин-Оболенский?). 1545 г. (рис. 10).

Надгробие найдено в 6 м к юго-юго-востоку от юго-восточного угла Духовской церкви, на глубине 0,6–0,7 м от современной дневной поверхности. Сохранилось изголовье плиты (около ¼ плиты) (остальное уничтожено во время прокладки кабеля во второй половине XX в.). Размеры: сохранившаяся длина – 38,5 см, ширина изголовья – 56 см, толщина – 9 см. Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям из двух рядов мелких треугольников, полукруглое клеймо вверху, заполненное в центре розеткой из шести треугольников-лучей и четырьмя прямоугольными треугольниками, собранными попарно «косынкой», обведенное дугой из мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двой-

Рис. 10. Надгробие инока Ионы (Ивана Федоровича Стригина-Оболенского?). 1545 г.

ного ряда крупных прямоугольных треугольников расположенных попарно «косынкой». Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани гладкие, без орнамента.

Надпись вязью, резана вглубь из трех строк:

лѣта з (клѣймо) нд (7054) [1545] г м(еся)ца
ноября ѿ (9) днь престависа
инокъ иона

В тексте одна выносная буква ѡ и семь лигатур: лѣт, мц, рѣ, днь, пр, ав, инк. Слова на середине высоты строчки отделены круглыми точками.

Во Вкладной книге 1673 года есть запись: «7052 (1544)-го году июня в 11 день дали вкладу князь Михайло да князь Ондрей княж Ивановы дети Федоровича Стригина Оболенского по отце своем Иване, во иноцех Ионе, денег 50 рублей» («Вкладная книга...», 1987. С. 58). В списках рода Стригиных-Оболенских упомянут князь инок Иона, которого сопоставляют с князем Иваном Федоровичем Стригиным, отцом князей Михаила и Андрея Ивановичей Стригиных (Кириченко, Николаева, 2008. С. 258). Инок Иона – сын Федора Ивановича Гузея Стригина Оболенского (Кобрин, 1995. С. 99, 129). Противоречие в датах на плите и вклада на помин души приводит к мысли об ошибке в документах или об ошибке резчика.

10. Надгробие княгини Натальи Даниловны, жены князя Александра Андреевича Репнина. 1614 г. (рис. 11).

Найдено на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности в западной галерее подклета Трапезной, плита ориентирована по линии 3–В. Уходит на 0,7 м под западную стену подклета галереи Трапезной. Размеры: длина – 193 см, ширина изголовья – 72 см, ширина изножья – 60 см, высота изголовья – 58 см, высота изножья – 44 см. Надгробие расколото продольным вертикальным разломом на две части. Часть торца изголовья сколота. Лицевые и боковые грани гладкие, без орнамента.

На торцевой грани изголовья, в углублении, в рамке (4,5 и 5 см шириной), надпись, резанная высоким (более 1 см) оброном, тонкой четырехярусной вязью в пять строк:

лѣта зрѣв (7122) [1614] ... [ѿевра]лѣ въ /
г(3) а(енк)
[на памѣт свѣт]аго симе
она в(о)гопримца і анны прор(о)ч(и)цы
престависа раба вожиа кнѣзъ алекса³дра а⁴
дрѣвѣича ре⁵нина жена кнѣзѣи⁶нѣ нѣтѣл(ь)лѣ /
данило⁷на

В тексте 19 лигатур: лѣ, аг, им, при, анны, пр(2), рц, ст, ви, сѣ, ав(2), иѣ, др(2), нин, лѣ, ан. Девять выносных букв: т, д, ч, з, н(2), п, г, в. Высота букв – 12 см.

Память Богопримца Симеона и Пророчицы Анны – 3 февраля.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря содержит записи: «83(1574/75)-го году вкладу князь Александр княж Андреев сын Репнин по отце своем князе Андрее Васильевиче и по себе вотчину свою в Серпуховском уезде и в Оболенске у Ивана святого 2 выти живущих, а крестьян 2 человека, 10 пустошей со всеми угодья по цене 70 рублей, а Даная писана в вотчинной книге в Серпухове глава» («Вкладная книга...», 1987. С. 99).

Родоначальник – князь Иван Михайлович Оболенский, по прозвищу Репня (XVIII колено от Рюрика) умер в 1523 г. Его потомки назывались Репнины-Оболенские или просто Репнины (рис. 12). А.А. Репнин из рода князей Оболенских – воевода, умер 3 января 1612 г.; в 1577 г. дворянин, причем при имени его отмечено: «в Нижнем»; в 1584 г., во время приготовлений к войне с Польшей, царь Федор Иванович посылал надежных лиц делать смотры полкам, – и князь Репнин был послан сначала в сторожевой полк на Коломну, а затем – в левую руку на Каширу. «С 1593 до 1599 г. он был назначаем полковым воеводой в передовой или сторожевой полк и стоял последовательно: в Рязани, Калуге и Елифани; в 1598 г. князь Федор Ноготков (так же, как и князь Репнин, происходивший из рода князей Оболенских) подал на князя челобитную царю Борису Годунову; челобитная эта была вызвана тем обстоятельством, что князь Репнин, назначенный в этом году, по крымским вестям, третьим воеводой в передовой полк, принял назначение, несмотря на то, что боярин князь Ив. Вас. Сицкий был в правой руке в третьих, – следовательно, Репнин согласился стать

Рис. 11. Надгробие княгини Натальи Даниловны, жены князя Александра Андреевича Репнина. 1614 г.

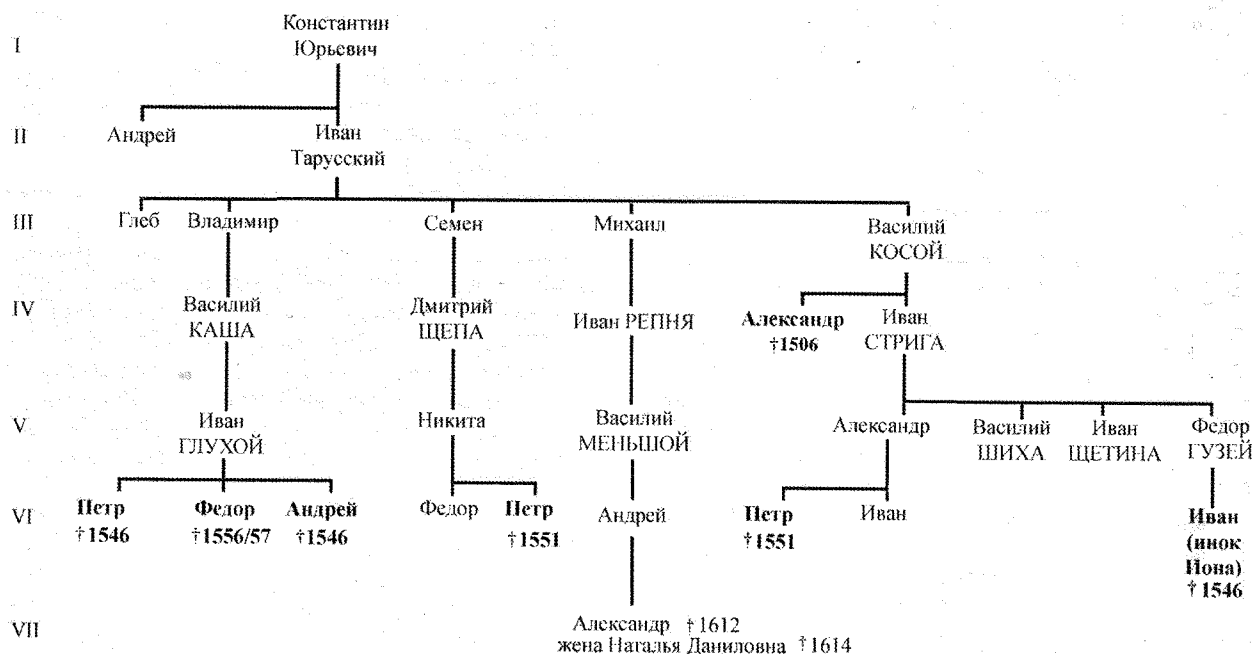

Рис. 12. Родословная Оболенских (ветви Кашиных, Щепиных, Репниных, Стригиных)

ниже его; князь Ноготков прибавил в конце челобитной, что сделано это по злоумышлению Феодора Никитича Романова, для “поруки” и “укора” от рода Романовых и многих других родов всему роду князей Оболенских, так как Феодор Никитич Романов, князь Ив. Вас. Сицкий и князь Репнин между собою “братья” и “великие друзья”. Как князь Репнин состоял с ними в родстве, мы не знаем, потому что неизвестно, на ком он был женат, а князь Ив. Вас. Сицкий считался братом Ф.Н. Романова потому, что был женат на его родной сестре, Евфимии Никитичне Романовой. Царь

Борис Годунов, выслушав челобитье, велел записать в Разряд, что князь Репнин был с князем Сицким в походе по дружбе, и “князь Александр Репнин князю Ивану (Сицкому) виноват один, а роду его всем князем Оболенским в том поруки в отечестве нет никому”» (Соловьев, 1960. С. 378 – 379). В 1608–1611 годах князь был воеводой в Нижнем и остался верен царю Василию Ивановичу Шуйскому. Он и товарищ его Алябьев мужественно выдержали осаду Нижнего. 10 марта 1611 года князь Репнин и многие другие воеводы выступили из Владимира в Москву.

Литература

- Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.
- Веселовский С.Б., 1974. Ономастикон. М.
- Вишневский В.И., 2000. Средневековые белокаменные надгробия некрополя Троице-Сергиева монастыря (находки 1998–1999 гг.) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2000 г. М.
- Вишневский В.И., 2006. Некрополь Троице-Сергиевой Лавры. Открытия последних десятилетий // Русское средневековое надгробие. Вып. 1. М.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Гиришберг В.Г., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Часть 1 // НЭ. Т. 1. М.
- Зимин А.А., 1958. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 г. М.
- Зимин А.А., 1964. Опричнина Ивана Грозного. М.
- Зимин А.А., 1979. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 103.
- Зимин А.А., 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.
- Кобрин В.Б., 1960. Состав опричного двора Иван Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М.
- Кобрин В.Б., 1995. Материалы по генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М.
- Кириченко Л.А., Николаева С.В., 2008. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Исследование и публикация. М.
- Соловьев С.М., 1960. История России. Кн. IV. Т. 7–8. М.
- Список погребенных в Троице Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880.
- Станиславский А.Л., 2004. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.
- Ткаченко В.А., 2006. Состав погребенных Троице-Сергиева монастыря XIV–XVII вв. // Проблемы истории Московского края // Материалы пятой научно-практической конференции посвященной 75-летию Московского государственного областного университета. М.
- Чернов С.З., Янишевский Б.Е., 2008. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 года // РА. № 2.

V.I. Vishnevsky, A.V. Engovatova

Necropolis of the princes Obolensky in the Trinity-St. Sergius monastery

Summary

In recent years archaeological investigations have revealed new gravestones at the medieval cemetery within the Trinity-St. Sergius monastery. Among them is a series of gravestones of the princes Obolensky who were descendants of the Chernigov Rurikovichs. Gravestones of members of the Kashin, Repnin, Schepin and Strigin families have been found, they date to the 16th – 17th cc.

One of the gravestones was found in 1940, two more in 1963, and seven were found in 2000 – 2008. The finds confirm that the Kashin-Obolenskys were buried near the altar of the church of the Holy Ghost, and the other Obolenskys were buried to the south and south-east of the church. A woman from the Repnin family was buried to the south of the church of St. Nikon.

К.И. Панченко

**Поселение Тархов Холм (II тысячелетие до н. э.,
XV–XVIII века н.э.) по письменным и археологическим данным**

Тархов холм находится на северной окраине Переславского района Ярославской области, недалеко от границ Угличского и Ростовского районов, и является самой высокой точкой Ярославской области (высотой 292,5 м). Южная и западная стороны Тархова холма отлогие, северная и северо-восточная с крутым уклоном. С юго-восточной стороны холм соединяется с возвышенностью с постепенным подъемом. Его уплощенная овальная вершина, окруженная лесом, имеет площадь около 3000 кв. м. Микрорегион в районе Тархова холма до сих пор является археологически не исследованным. Монастырское поселение на этом холме было обнаружено благодаря архивным поискам местного священника Беляева Дмитрия Евгеньевича, и по его инициативе начаты археологические раскопки в 2009 г. на месте строительства будущей часовни.

Название холма, по версии Д.М. Преображенского, связано с татарским словом «тархан», которое означает «вольный человек», человек, свободный от платежа повинностей, налагаемых ханом, и не обязанный делиться с ним полученной на войне добычей («Ярославские...», 1869. С. 39).

Существует предание, что полчища татар проходили около Тархова холма в 1238 г., а на самом холме будто бы была ставка хана (Миролюбов, 1913. С. 41). Время появления первого поселения или монастыря на Тарховом холме неизвестно, но есть версия, что во время Смуты в 1610 г. существовавший здесь монастырь был разрушен (Зверинский, 1897. С. 180). До конца XVII в. эта территория в писцовых книгах упоминается как пустошь.

Достоверная история Тархова холма начинается с конца XVII в., когда в 1697 году некая вдова Авдотья Козьмина уступила этот холм Угличскому Покровскому монастырю. В записях последнего значится, что «Се азъ вдова Авдотья, Козьмина дочь, Артемьевская жена Титова, сына Непостроева, съ детьми своими, съ сыномъ Ивановъ большимъ, да съ сыномъ Ивановымъ меньшимъ, Артемьевыми детьми Непостроевыми, в нынешнемъ 205 мѣ (1697) году февраля въ 18-й день дали мы сию на себя запись Угличского Покровского монастыря архимандриту Макарию съ братиею, или кто въ томъ монастыре иные архимандриты

и братия будутъ, въ томъ что променили мы ему архимандриту Макарию съ братиею изъ поместья своего въ Ростовскомъ уезде въ Филимонове стану половину пустоши Тархову холму съ пашнею и съ лесы и съ сънными покосы и со всеми угоды и писцовой книге по дачемъ своимъ...» («Ярославские...», 1869. С. 39–41; 1894. С. 473–478). После вступления во владение Тарховым холмом Покровский монастырь основывает на нем Тархову Вознесенскую пустынь, а в 1698 г. в новоустроенной пустыни возводится церковь во славу Вознесения Господня и во имя святителя Николая. На одном из Евангелий Покровского монастыря имеется следующая надпись: «1699 года, мая ... дня, дал сию книгу, святое Евангелие, во святую обитель Покрова Пресвятыя Богородицы, в новоустроенную ея пустынь в Ростовском уезде, в Филимоновском стану Вознесении Христа Бога нашего и великого чудотворца Николая, что на Тарховом Холму, по обещанию своему для вечного поминовения родителей своих Артемий Константинов сын Телешев, подписал своею рукою».

У подножия холма с северо-восточной стороны основывается деревня Тархово, первоначально состоявшая из трех дворов, в которых жили монастырские крестьяне, отбывавшие сельские работы.

К 1760 г. церковь, построенная на Тарховом холме, пришла в негодность, в связи с этим архимандрит Угличского Покровского монастыря Геннадий обратился 27 сентября 1761 г. к митрополиту Арсению с прошением: «в приписанной де к оному Покровскому монастырю, стоящей в Ростовском уезде, Вознесенской Тархова холму пустыне имевшаяся деревянная церковь во имя Николая чудотворца, коя издревле была Вознесения Господня, по усмотрению его ныне явилась ветха; точию в оной церкви имеется антиминс тверд, чего ради он архимандрит намерен построить на место оной ветхой вновь церковь деревянную тож Николая чудотворца именованную». Архимандрит по этой причине просил благословление у митрополита разобрать старую церковь, которое он и получил 6 октября того же года. Однако пока собирались ломать старую церковь и строить новую, у монастыря в 1763 г. были отобраны вотчины, а архимандрит Геннадий в 1765 г. был поселен в Со-

ловецком монастыре. После выбытия архимандрита игумен Покровского монастыря послал запрос в Духовную Консисторию, что делать с разваливающейся церковью на Тарховом холме. Указом из Ростовской Духовной Консистории от 30 сентября 1766 г. было велено отправить в Тархову пустынь казначея или иеромонаха и им по приезде тщательно осмотреть ветхую церковь, особенно, не имеется ли при святом престоле каких-либо мощей, если такие найдутся, то в запечатанном ящике отправить в Ростовскую соборную церковь на хранение. Престол разобрать, престольную и жертвенничную деки, столбцы, перекрестья, срачинцы и верви сжечь, пепел высыпать в реку, церковь аккуратно разобрать и бревна от церкви отдать в местную приходскую церковь на дрова для печения просфор. По распоряжению игумена казначей иеромонах Панкратий ездил в декабре в Тархову пустынь и сделал все по консисторскому указу. Вотчинные крестьяне Покровского монастыря, жившие при той пустыне, Михаил Павлов, Дмитрий и Федор Андреевы с товарищами разобрали церковь и бревна отдали священнику Федору Сергееву в приходскую церковь Дмитрия-Селунского Переславской епархии Переславского уезда для употребления на печение просфор. Иконостас и святые образа иеромонахом Панкратием были переданы в Покровский монастырь. При обследовании престола никаких антиминсов с мощами не нашли. Не разобранные деревянные строения Тарховой Вознесенской пустыни были оставлены на сохранение местным крестьянам. В 1769 г. колокола из этой пустыни, находившиеся в Покровском монастыре, были проданы.

Позже, возможно в конце XVIII в., на месте разобранной церкви на Тарховом холме была возведена небольшая часовенка. В 1894 г. последняя упоминается как ветхая, а посещают ее 9 мая из приходской церкви села Дмитриевского крестным ходом для отправления краткого молебна. К началу XX в. часовня, вероятно, была разобрана или разрушилась окончательно. В XIX в. рядом с ней были еще видны поросшие мхом две могильные плиты из известняка. На одной из них было вырезано «Иеромонах Мина», на другой «Иеромонах Амфилохий». Это, несомненно, могилы поселских старцев, выславшихся сюда Покровским монастырем для богослужения и заведывания всем хозяйством пустыни.

В описании 1912 г. священника Михаила Миролюбова (1913. С. 41) упоминается только пустая площадка без часовни на Тарховом холме, а название стоявшей здесь монастырской церкви дается уже неправильное. Не пишет он также о крестных ходах на холм, а сообщает лишь о праздничных гуляниях на нем и туристических группах.

Поселение Тархов Холм находится в 200 м к юго-западу от д. Тархов Холм, на вершине одноименного холма. Размеры поселения по распространению подъемного материала 90 × 30–25 м. Общая площадь памятника составляет около 2500 кв. м (рис. 1).

В 2009 г. на поселении Тархов Холм был заложен раскоп и вскрыто 118 кв. м. При проведении работ изучено одно погребение фатьяновской культуры, куль-

турный слой XV–XVIII вв., а также заглубленные в материк объекты (ямы, сооружения) этого времени. На памятнике зафиксирован только слой серой сильно запесоченной супеси с включениями угольков, пещины и битого кирпича. В восточной половине раскопа этот культурный слой был фактически срезан и под дерном залегал материк, в западной половине средняя мощность слоя составляла 20 см, только у склона холма она увеличилась до 80 см. Слой 1 был сильно нарушен большим количеством перекопов XX–XXI вв.

По результатам раскопок первоначальное освоение вершины Тархова холма относится к эпохе бронзы. Этот период представлен разрушенным погребением фатьяновской культуры, артефакты из которого были зафиксированы в заполнении ямы 5 (рис. 2).

Яма 5 зафиксирована при зачистке по матерiku, в плане имела неправильную овальную форму (208 × 140 см) и вытянута в направлении ЮЗ–СВ. Стенки ямы отвесные, юго-восточная стенка имеет небольшой уступ шириной 25 см. На глубине 30–40 см размеры ямы уменьшаются и она приобретает почти квадратные очертания (99 × 97 см). Углы этого квадрата ориентированы по сторонам света. Глубина квадратной ямы 32 см. Заполнение однородное – желтый песок с включениями серой и светло серой супеси, иногда встречалась истлевшая древесина. Яма с квадратными очертаниями датируется временем не ранее XVIII в., причем она прорезала могильную яму эпохи бронзы, однако границы между ними из-за однородности заполнения не прослеживались ни в плане, ни в разрезе.

В яме найдены предметы, связанные с фатьяновской культурой. Клиновидный топор (рис. 3, 1), относящийся к типу трапециевидных узких среднеобушковых (Крайнов, 1987. Рис. 26, 8), найден в засыпке ямы XVIII в. Такие кремневые клиновидные топоры встречаются во всех погребениях, кроме могил вождей (Крайнов, 1987. С. 65).

Горшок лепной круглодонный керамический (рис. 3, 2): тесто с примесью песка, поверхность очень хорошо заглажена. Относится к типу длинношейных сосудов (Крайнов, 1987. Рис. 28б, 16–17). Зафиксирован у стенки ямы 5, возможно *in situ* – достаточно часто сосуды находили в ногах погребенных у стенки могильного сооружения (Крайнов, 1987. С. 65).

Второй лепной круглодонный горшок: тесто с примесью песка, черепок на изломе трехслойный, поверхность очень хорошо заглажена. Найден в засыпке перекопа XVIII в. Интересна орнаментация, нанесенная в виде пяти рядов мелких ямок на высокой шейке горшка (рис. 4). Промежуток между краем венчика и первым верхним горизонтальным рядом полностью заполнен вертикальными рядами таких же мелких ямок; между вторым верхним и первым вертикальными рядами нанесены с пустыми промежутками; между третьим и вторым вертикальные ряды нанесены почти везде, но есть небольшие промежутки; между четвертым и третьим вертикальные ряды нанесены с большими промежутками; между пятым и четвертым вертикальных рядов нет вообще. Гор-

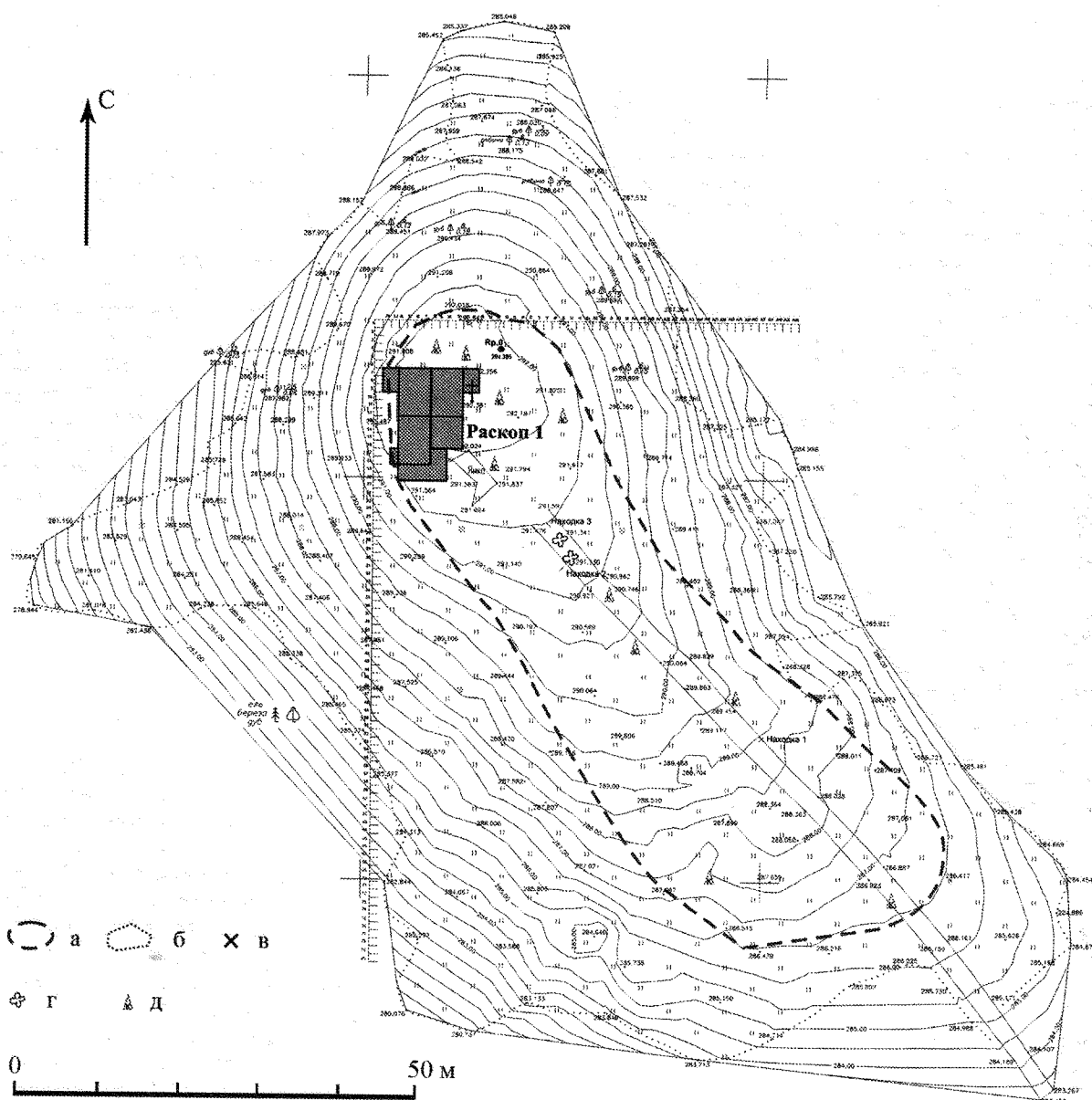

Рис. 1. План поселения Тархов Холм с расположением подъемного материала и раскопа 1
 а – предварительная граница поселения Тархов Холм по распространению артефактов;
 б – граница леса; в – случайные находки; г – печина; д – керамика

шок относится к типу высокошейных сосудов (Крайнов, 1987. Рис. 286, 5).

Также в заполнении ямы найдено два железных пробоя, шесть обломков кирпичей, обломок печины и семь очень мелких фрагментов керамики XVIII в.

Яма 5 являлась погребением эпохи бронзы. Границы и форма погребальной ямы не прослеживались, т.к. в нее была впущена более поздняя яма XVIII в., засыпанная таким же заполнением. Найденный инвентарь относится к фатьяновской культуре и датируется II тыс. до н.э.

Полученный в результате раскопок средневековый материал позволяет выделить два периода активной

жизни на поселении: первый период XV – XVI вв., второй – конец XVII – середина XVIII в. Артефактов XVII в. в культурном слое и заполнении ям не зафиксировано, что полностью подтверждает данные письменных источников о существовании до 1697 г. пустоши на этом месте.

На основной части раскопанной площади наблюдалась достаточно большая концентрация ям различного назначения, около трех ям на 10 кв. м. Всего на поселении Тархов Холм зафиксировано 34 ямы (рис. 2): 18 столбовых (из них четыре – XV–XVI вв., две – XVIII–XIX вв. (датировка остальных неясна)); 11 хозяйственного назначения (из них три – XV–XVI вв.,

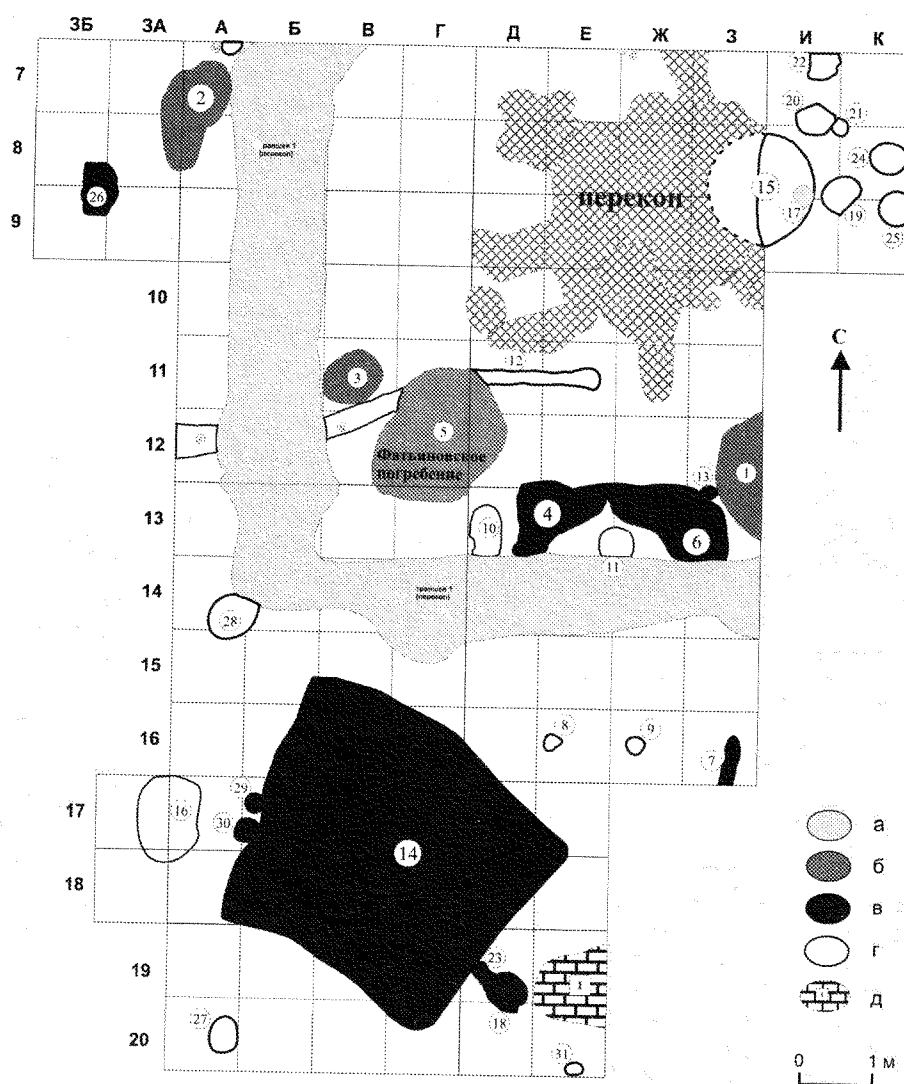

Рис. 2. Сводный план раскопа 1 с ямами

а — объекты с артефактами XIX–XX вв.; б — объекты с артефактами XVIII в.; в — объекты с артефактами XV–XVI вв.; г — объекты, не содержавшие артефактов; д — сооружение 1 (развал печи)

три — XVIII в. (датировка остальных неясна)); три частокольные канавки (одна из них датируется XV–XVI вв.); подземная часть сооружения XV–XVI вв. и одна яма культового характера с неясной датировкой. Также зафиксированы разрушенные остатки печи XV–XVI вв. (сооружение 1), находившейся, вероятно, в наземном сооружении. Выявление планировочной структуры поселения в полном объеме будет возможно только после вскрытия всей площадки.

Среди объектов XV–XVI вв. наиболее интересной является яма 14 (рис. 2; рис. 5). Ее внешние границы имели форму, близкую к прямоугольнику со скругленными углами размером $4,0 \times 3,6$ м. Длинная сторона прямоугольника вытянута по линии ЮВ–СЗ. На глубине 40–60 см яма немного уменьшилась в размерах (до $3,56 \times 3,30$ м) и приобрела правильные прямоугольные очертания. Стенки ямы почти отвесные, дно плоское, глубина до 110 см. У юго-восточного края

ямы прослежены разрушенные остатки глинобитной печи (сооружение 1), а вдоль юго-западного края зафиксированы аморфные пятна пещины и обожженной глины.

Заполнение ямы состояло из трех слоев. Верхний слой 1 — темно-серая супесь с песком и большим количеством угольков. Он распределялся в яме очень неравномерно: в центральной части не прослеживался вообще, а наибольшей мощности достигал в северной четверти (до 35 см). В этом слое найдено наибольшее количество артефактов: медная монета пуло тверское (рис. 6, 5) типа 11, варианта 4 по П.Г. Гайдукову, датируемая 60–80-ми годами XV в. (Гайдуков, 1993. № 148); изделие бронзовое, накладка (?) железная, кольцо железное, обломок железного изделия. Керамический комплекс представлен 104 фрагментами (рис. 7) и датируется XV — началом XVI в.

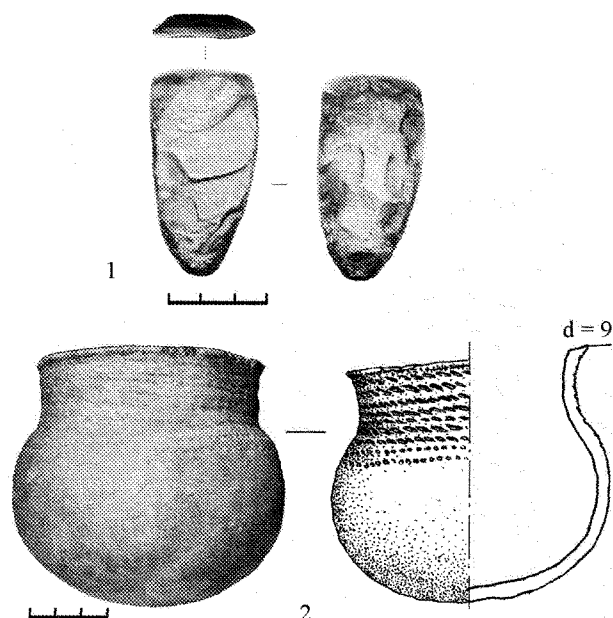

Рис. 3. Находки из разрушенного фатьяновского погребения

1 — клиновидный топор; 2 — горшок лепной керамический

Средний слой 2 — серая супесь и песок с включениями пачины, глины, тлена и угля, мощностью до 60 см. По периметру стен прослежены песчаные осыпи, в которых фиксировались истлевшие остатки от деревянной конструкции стен. В этом слое найдено только 22 обломка керамики, датировка которых возможна временем не позднее конца XV в.

Нижний слой 3 — большой ком сырой глины (длина 2,7 м, ширина 2,2 м, высота 45 см), лежащий на прослойке песка с древесным тленом, являющейся

остатками пола постройки. Поскольку холм состоит полностью из песка и гравия, очевидно, что этот массив глины был привезен со стороны специально для изготовления посуды или печи.

По характеру заполнения, стратиграфии и материалу с ямой 14 связаны столбовые ямы 18, 23, 29, 30. Вероятно, остатки разрушенной печи (сооружение 1) и канавка (яма 7), также относились к следам наземной части постройки, в которой яма 14 являлась ее подпольем. Присутствие большого количества сырой глины в подполье позволяет предположительно атрибутировать этот дом как принадлежавший гончару или печнику. Датируется он временем не позднее конца XV в.

Еще одним интересным и необычным объектом является яма 15 (рис. 8). Она имела аморфные очертания из-за перекопов XX–XXI вв. Только после их разборки выявились правильные округлые очертания с диаметром 150 см, хотя ее западная половина перекопом XX в. была уничтожена полностью. Сохранившиеся стенки ямы отвесные, дно плоское. Глубина ямы от поверхности материка 200 см. Заполнение состояло из пяти условно выделенных горизонтов. Приводим описание горизонтов сверху вниз.

Горизонт I. Верхний слой горизонта состоял из светло-серой супеси с песком и очень редкими включениями угольков (толщина около 20 см.). Ниже на угольной подложке, преимущественно с крупными углями (в среднем 8×5 см), располагалась булыжная выкладка округлых очертаний (диаметр около 105 см) с кирпичом в центре. Ориентировка этого кирпича неясна, т. к. сохранился только небольшой обломок, позволивший, однако установить, что он полностью идентичен кирпичам из горизонтов II и III. Толщина кирпича 6,9 см. При выемке он полностью рассыпался.

Горизонт II. Верхний слой горизонта также состоял из светло-серой супеси с песком с редкими

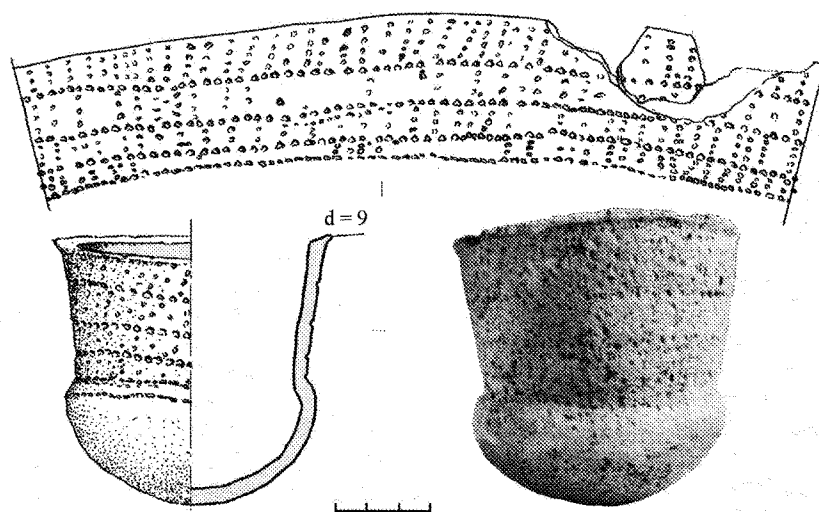

Рис. 4. Горшок лепной керамический из разрушенного фатьяновского погребения

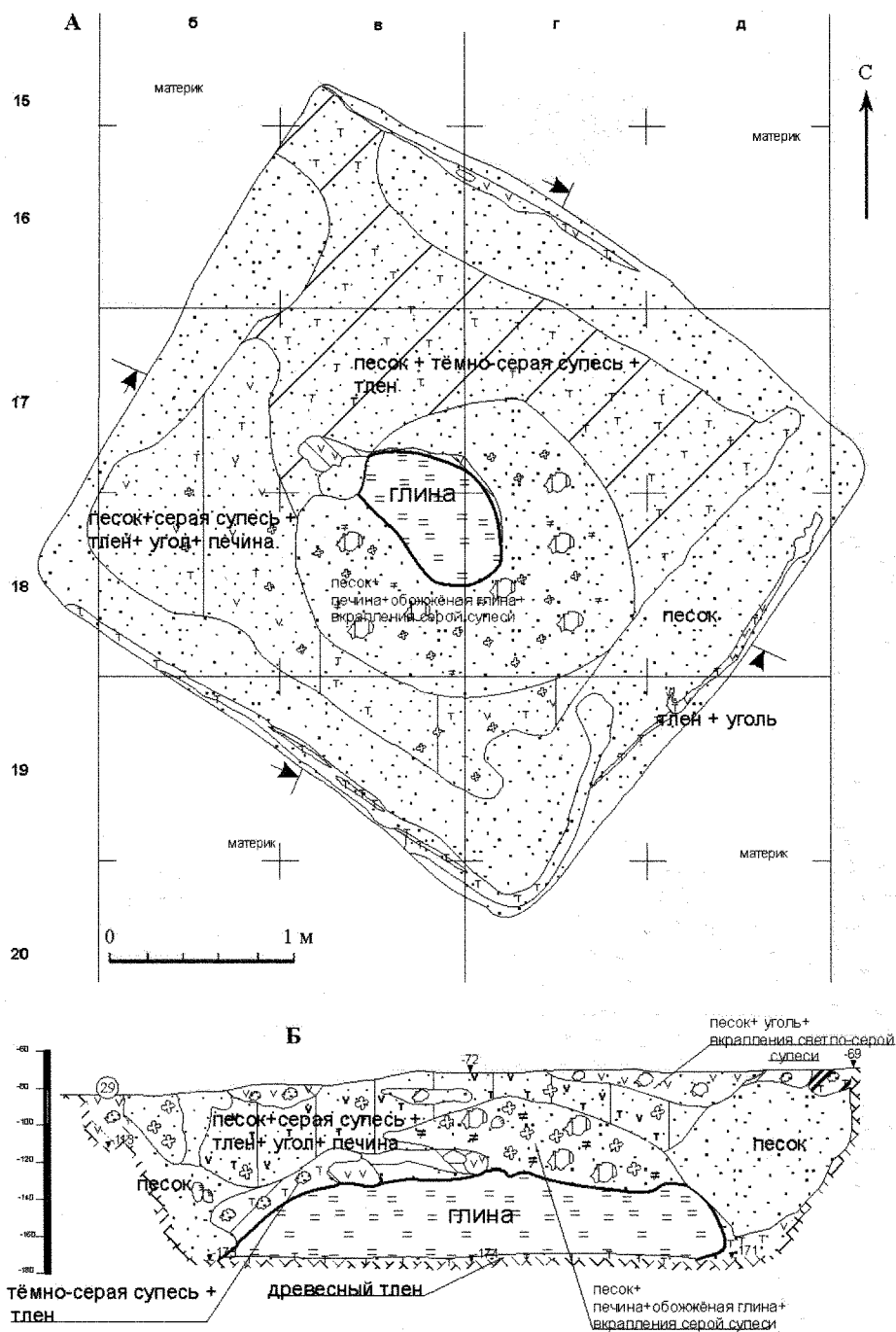

Рис. 5. Яма 14 XV–начала XVI в.

А – зачистка на уровне -130; Б – разрез северо-запад – юго-восток и яма 29

включениями угольков (толщина до 24 см). Ниже на угольной подложке, преимущественно с углями среднего размера (4×2 см), располагалась булыжная выкладка округлых очертаний (диаметр около 80 см) с кирпичом в центре. Ориентировка этого кирпича ЮЗ–СВ. На лицевой постельной стороне по сырой глине прочерчено изображение в виде креста. Обломок этого кирпича полностью идентичен кирпичам из горизонтов I и III. Толщина кирпича

6,8 см, ширина 12,8 см. При выемке он полностью рассыпался.

Горизонт III. Верхний слой горизонта также состоял из светло-серой супеси с песком с редкими включениями угольков (толщина до 30 см). Ниже на угольной подложке, преимущественно с мелкими углями (в среднем $1,0 \times 0,5$ см) и толщиной до 4 см, располагалась булыжная выкладка округлых очертаний (диаметр около 64 см) с кирпичом в центре. Ориентировка

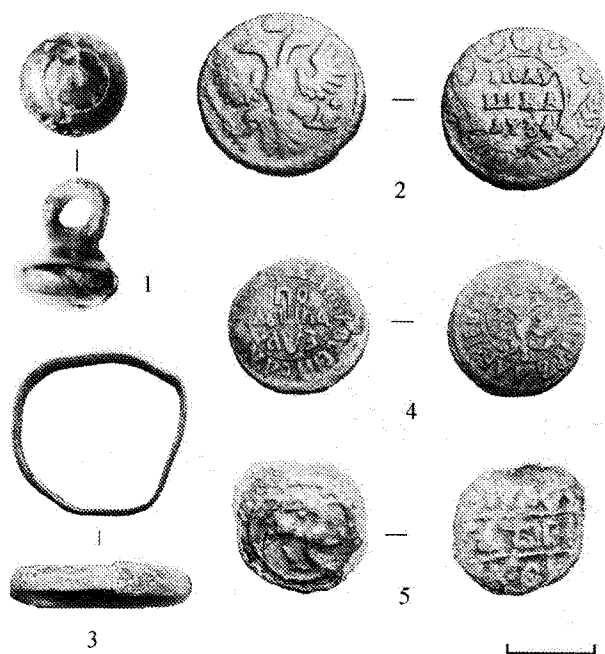

Рис. 6. Изделия из металлов

1 — пуговица (подъемный материал); 2, 4, 5 — монеты;
3 — кольцо (подъемный материал)

этого кирпича Ю-С. На лицевой постельной стороне по сырой глине было прочерчено изображение в виде креста. Крест состоит из двух линий, их ширина 3–4 мм, глубина 4–6 мм. Одна линия проходит поперек кирпича от края до края, другая продольная, не доходя до противоположного края 4,5 см, оканчивается круглым расширением. Кирпич изготовлен из красножгущейся глины без визуально фиксируемых примесей, на сломе полностью красный, но спеченность обожженной глины очень низкая, заметно большое количество мельчайших пор. Толщина кирпича 6,9–7,1 см, ширина 12,6–12,8 см, длина 26,0–26,5 см. При выемке он частично разрушился.

Качество изготовления кирпичей из горизонтов I–III позволяет предположить, что эти кирпичи формировались специально для данного объекта и не являлись продукцией стандартного производства.

Горизонт IV. Верхний слой горизонта состоял из светло-серой супеси с песком с редкими включениями угольков (толщина до 25 см). Ниже без подложки располагалась булыжная выкладка прямоугольных очертаний (115 × 80 см) ориентированная по линии ЮЗ-СВ. Булыжники по сравнению с предыдущими горизонтами были более крупные. Размер ямы на этой глубине уменьшился до 100 × 116 см.

Горизонт V. Горизонт фактически состоял из одного слоя, достигающего до дна ямы. Этот слой представлял собой песок с включениями угольков, светло-серой супеси и линз темно-серой супеси с углем и песком.

Вероятно, существовал еще один горизонт идентичный горизонтам I–III, он находился над первым, но был полностью разрушен перекопом. В переот-

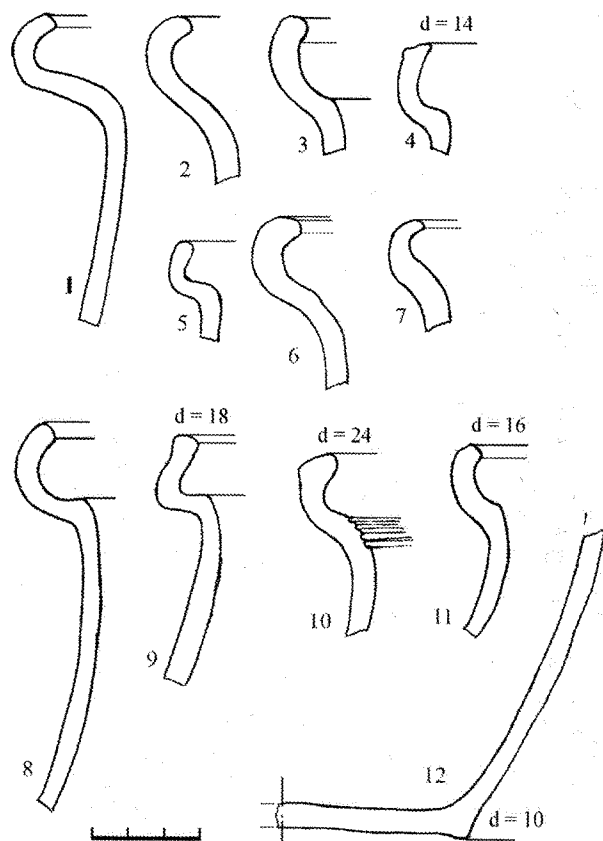

Рис. 7. Керамический комплекс последней трети XV – XVI в. из ямы 14

1, 2, 4–6, 9, 11, 12 — цвет черепка красный, отошитель дресва (12 — подсыпка — зола);
7 — цвет черепка черный, отошитель дресва;
3, 8 — цвет черепка серый, отошитель дресва;
10 — цвет черепка красный, отошитель песок

ложенном состоянии в перекопе от этого горизонта фиксировались булыжники, кирпичная крошка и большое количество угля. Следует отметить, что в материковом песке булыжник нигде не прослежен.

Грунт и уголь из горизонтов I–III был отдан в лабораторию геологического факультета МГУ на рентген-флюоресцентный анализ, который показал, что количество микро- и макро-элементов в основном не выходит за пределы нормы, повышено содержание только цинка. Последнее можно объяснить наличием цинковых красок в образцах или пропиток для покрытия сожженных деревянных конструкций или тканей, обугленные остатки которых сохранились в горизонтах I–III.

Керамики и каких-либо вещей в заполнении ямы не найдено, хотя весь грунт был промыт и просеян через сито с ячейкой в 1 кв. мм.

Таким образом, в конструкции ямы прослеживаются следующие закономерности:

— большинство булыжных выкладок с кирпичом в центре имеют округлую форму и лежат на угольных подложках;

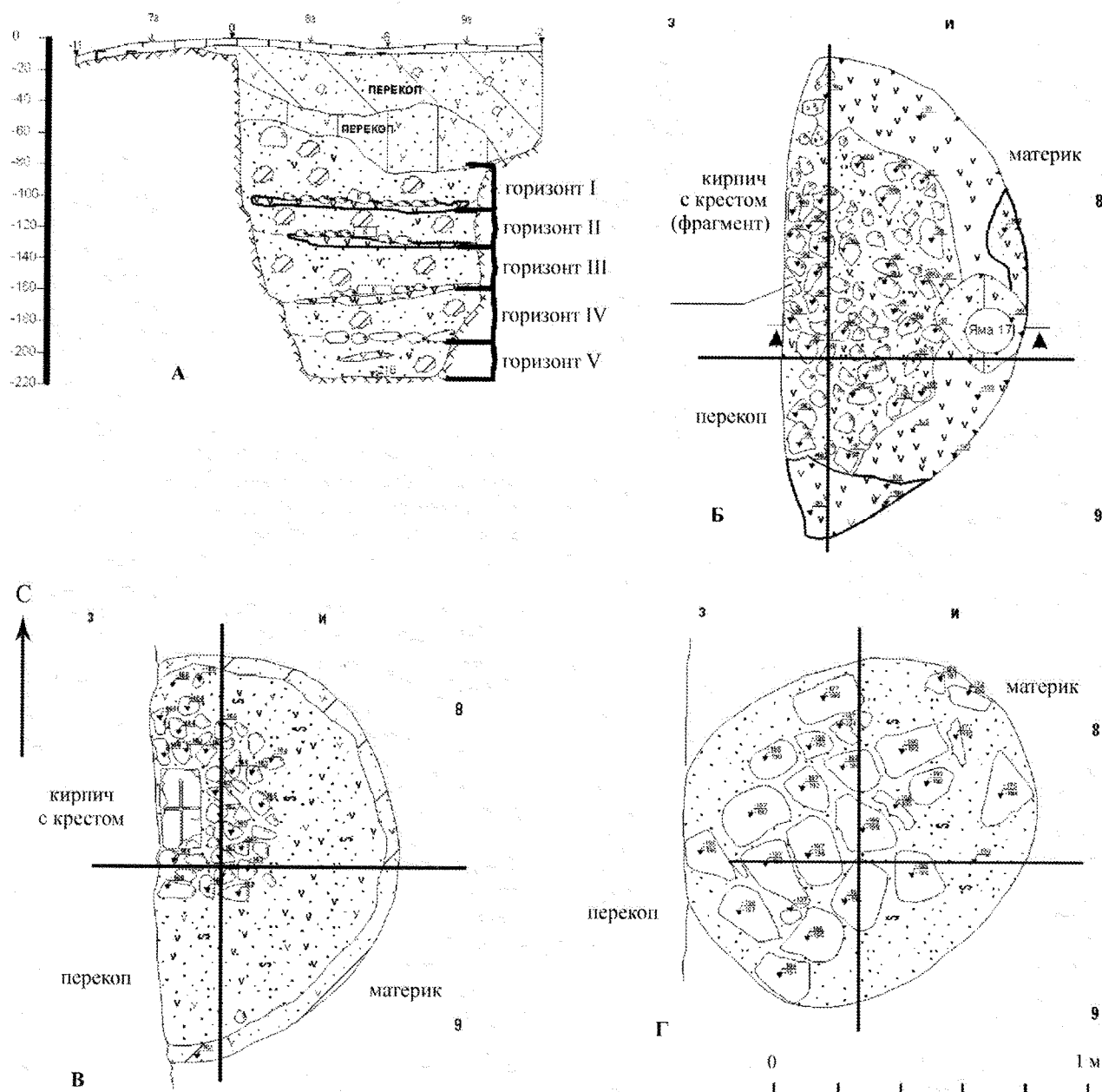

Рис. 8. Яма 15. Разрез и планы

А – восточный профиль; Б – горизонт I (булыжная выкладка); В – горизонт III (булыжная выкладка); Г – горизонт IV (булыжная выкладка)

– каждая вышележащая булыжная выкладка с кирпичом в центре больше нижележащей в диаметре на 20 см;
– все кирпичи имеют на лицевой постельной стороне прочерченный по сырой глине крест и низкое качество обжига;

– размер угольков увеличивается от нижнего горизонта к верхнему;

– нижняя булыжная выкладка прямоугольной формы без угольной подложки и без кирпича в центре.

Яма 15 уникальна по своему содержанию – конструктивные особенности заполнения позволяют с

большой долей вероятности отнести ее к объектам культового назначения. Датировка ямы пока затруднительна. Возможно, таким образом были захоронены в 1766 г. сожженные по консисторскому указу престольная и жертвенничная деки, столбцы, перекрестья, срачинцы и верви, т. к. реки рядом нет. В то же время, не исключено, что такой объект мог быть сооружен и во время закладки здесь монастыря в 1697 г.

Последний объект, на который хотелось бы обратить внимание, это траншея 1 (рис. 2). Ее контуры

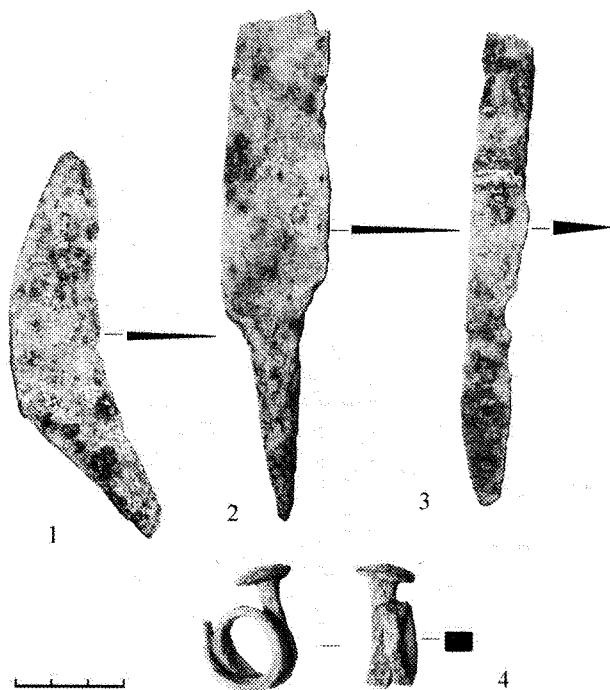

Рис. 9. Изделия из железа
1 – серп; 2–3 – ножи; 4 – гвоздь

прослеживаются в современном рельефе. Средняя глубина от поверхности материка 50 см, ширина 65–120 см, заполнение состоит в основном из мусора XX в. Однако по дну траншеи на отдельных участках прослеживались прослойки древесного тлена и угля с большим количеством кованых крепежных железных гвоздей. Последнее, вероятно, свидетельствует о наличии какой-то сгоревшей деревянной конструкции или постройки. Такой постройкой вполне могла быть деревянная часовня, простоявшая на холме до начала XX в.

Основная часть индивидуальных находок на памятнике представлена крепежными железными гвоздями, остальные изделия найдены в единичных экземплярах: это два железных ножа, железная обувная подкова, серп, игла и несколько неопределимых предметов. Среди железных вещей выделяется нож (рис. 9, 2) со следами некачественнойковки (края лезвия у черешка загнуты и сплющены, сам черешок плохо прокован), а также гвоздь, свернутый в спиралевидное кольцо (рис. 9, 4). Следует отметить полное отсутствие, каких либо украшений и декоративных изделий на раскопанной площади, исключение составляет только простенькое медное колечко из подъемного материала с площадки памятника.

О существовании здесь монастыря и культовых построек могут свидетельствовать три гранитных обломка от одной надгробной плиты. На самом крупном фрагмент надписи «Под...», с новой строчки «тел ...», на мелких обломках по одной букве «Л...» и «...И». Монеты относящиеся ко времени существо-

вания монастыря, представлены двумя полушками 1707 г. и 1734 г. (рис. 6, 2, 4).

На поселении Тархов Холм найдено 547 обломков керамических сосудов. Типологическому учету подвергались только фрагменты размером более 4 кв. см. Из них из слоя 1 происходит 387 обломков, из ям – 160. Керамический комплекс с поселения Тархов Холм делится на две основные хронологические группы: керамика XVIII в., доля которой 17–22%, и керамика XV–XVI вв. – 78–83%. Изделия из глины, относящиеся к эпохе бронзы, представлены в очень незначительном количестве в слое 1 (не более 0,3%). В заполнениях ям, за исключением ямы с разрушенным погребением, данная керамика не найдена совсем.

В XVIII в. чернолощенная и мореная керамика составляла более 60%, посуда, сделанная из красножгущихся глин (без лощения) – чуть больше 30% (из них с серым и черным цветом поверхности около трети), белоглиняной – около процента. Таким образом, не совсем стандартным является большое количество чернолощенной керамики. Это, скорее всего, связано с тем, что в XVIII в. здесь располагался монастырь. Незначительный процент белоглиняной керамики, наоборот, вполне нормальное явление – эта территория относится к зоне, где посуда из беложгущихся глин практически не встречается.

Основную часть в группе керамики из красножгущихся глин составляла посуда с бурым или коричневатым цветом поверхности и следами «обвара», трехслойным на изломе черепком и большим количеством мелкого песка в тесте. Среди этой керамики найдены исключительно обломки горшков. Доминируют горшки с венчиками типа 4 (приблизительно 60%) со слегка отклоненной внутрь или вертикальной невысокой шейкой, черновой край завернут наружу и образует полуовальный наплыв (как вариант – наплыв немного подрезан и уплощен), плечико в основном пологое (рис. 10, 1–3). На втором месте стоят венчики типа 1 (рис. 10, 4) – они отличаются вертикальной или отклоненной наружу невысокой шейкой, простым заглаженным краем, пологим (у поздних вариантов) или крутым (у ранних) плечиком.

Чернолощенная и мореная посуда XVIII в. представлена кувшинами (найжены только стенки), но также, вероятно, есть обломки мисок и других типов сосудов. В качестве примеси в тесте у этой группы зафиксирован очень мелкий песок в небольшой концентрации. Лощение у всех сосудов сплошное, некоторые имеют орнамент в виде одной прочерченной линии. Керамика, изготовленная из глиняного теста без видимых примесей, составляет не более 4% и представлена только чернолощенной и мореной посудой. Некоторые сосуды декорированы разреженным линейным орнаментом. Такая керамика производилась в XVII–XVIII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 30–38). Учитывая качество лощения, данный тип керамики может быть датирован временем не позднее середины XVIII в.

В XVIII в. здесь использовался ручной круг для формовки сосудов, о чем свидетельствует присут-

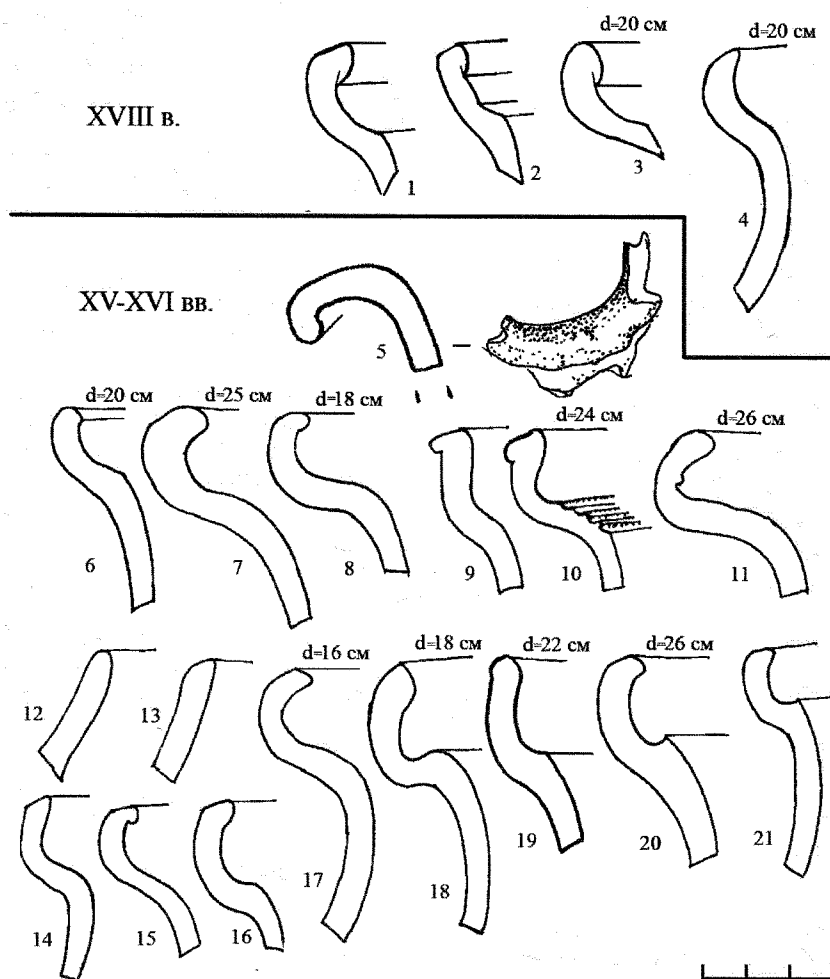

Рис. 10. Поселение Тархов Холм. Керамика из слоя 1

1 – цвет черепка красный, оттощитель песок; 2–4 – цвет черепка коричнево-бурый, оттощитель песок;
5–8, 11, 13, 15–21 – цвет черепка красный, оттощитель дресва; 9, 10 – цвет черепка красный, оттощитель песок;
12, 14 – цвет черепка черный, оттощитель песок

ствие донец только со следами подсыпки. Основным типом подсыпки является зола (около 60%), зафиксированы также подсыпки дресвы (20%) и песка (20%).

Была ли в употреблении в XVIII в. керамика с примесью дресвы в тесте, к сожалению, сказать нельзя, т. к. комплексов с достаточным количеством материала этого времени на раскопе не зафиксировано, а вычленив из перемешанного слоя такой тип керамики достаточно сложно, если учесть, что дресва была доминирующим оттощителем в ранний период.

В керамическом комплексе XV–XVI вв. более 80% составляют обломки посуды, изготовленной из красножгущихся глин с примесью дресвы в тесте, преимущественно красным цветом поверхности. Среди этого типа керамики доминируют обломки с примесью крупной дресвы вместе с мелкой. Основной

формой являются горшки с донцами на зольной подсыпке (около 2/3) и подсыпкой дресвы (около трети). Доминирующими являются венчики горшков типа 1¹ (около 90%) – вертикальные или слегка отклоненные с изгибом наружу, имеющие простое оформление без черновых наплывов (рис. 7, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11; рис. 10, 6–8, 11, 14, 16–19). Отдельные экземпляры сформованы с ярко выраженным ребром по плечу (рис. 10, 20, 21). Также найдены венчики с прямым срезом края – тип 7 (около 10%) (рис. 7, 1, 8). Кроме горшков обнаружены два обломка мисок или плошек (рис. 10, 12, 13) и сосуд со сливом (рис. 10, 5). Вся керамика с примесью дресвы в тесте не имеет декора.

Помимо красноглиняной керамики, найдено незначительное количество (не более процента) обломков сосудов, изготовленных из беложгущихся глин

¹ Приведена нумерация по типологии керамики г. Дмитрова (не опубликована), в целом близкая типологии керамики Московской земли по В.Ю. Ковалю.

с примесью дресвы в тесте. Обломки представлены только стенками без орнамента.

На втором месте по количеству стоят обломки сосудов с примесью песка в тесте (не более 20%). Среди которых две трети составляют изделия из красножгущихся глин с примесью большого количества мелкого песка. Они представлены горшками в основном с венчиками типа 10в с частым линейным орнаментом по круто изогнутому плечу (рис. 10, 9, 10; рис. 7, 10). Возможно, такие горшки привезены из Москвы, где они производились в первой половине XVI в. (Бойцов, 1991. Рис. 1; Розенфельдт, 1968. С. 15).

Среди керамики 30% составляли изделия с примесью крупного песка в тесте, представленные также преимущественно венчиками горшков типа 10в, но линейный орнамент по плечу есть только у половины сосудов.

Количество обломков чернолощенных сосудов в комплексе XVI в. не превышает одного процента от общего объема. Сосуды сформованы в основном из теста с примесью большого количества песка и имеют только сплошное лощение.

В керамическом комплексе XV–XVI вв. зафиксированы также фрагменты краснолощенной и ангобированной керамики, однако доля этой посуды очень незначительна (не более 0,5%). Привозили ее, скорее всего, из Москвы.

Подводя итог, нужно сказать, что для соотнесения поселения XV–XVI вв. на Тарховом холме с монастырем данных пока недостаточно, но существование здесь монастыря в конце XVII – середине XVIII в. не вызывает сомнений. В целом же можно констатировать, что благодаря письменным источникам был обнаружен еще один интересный памятник археологии, а раскопки позволили существенно расширить данные о нем.

Литература

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.

Гайдуков П.Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М.

Зверинский В.В., 1897. Материал для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской Империи. Т. III. СПб.

Крайнов Д.А., 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. (Археология СССР. Т. 7).

Миролюбов М., 1913. Летопись села Заозерья, Ярославской губернии Угличского уезда, с его двумя храмами и приходом. Углич.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1–39.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // МК. М.

Ярославские губернские ведомости. Ярославль, 1857. № 27.

Ярославские епархиальные ведомости. Ярославль, 1869. № 29. (Часть неофициальная).

Ярославские епархиальные ведомости. Ярославль, 1894. № 30. (Часть неофициальная).

K.I. Panchenko

The settlement at Tarkhov Hill (2nd millennium BC, 15th – 18th cc. AD) according to written sources and archaeological data

Summary

Excavations in the Yaroslavl oblast revealed the remains of a ruined Bronze Age cemetery (Faty-anovo culture), a 15th – 16th-century settlement and a monastery from the first half of the 18th century. Es-

pecially interesting is the ritual pit which contained layers of charcoal overlaid with stones, among which bricks marked with the sign of the cross were placed.

Л.А. Беляев, О.М. Олейников

Археологические исследования в природном историко-рекреационном комплексе «Кузьминки-Люблино» в Москве

Во время полевого сезона 2009 г. Московская археологическая экспедиция (МАЭ) ИА РАН продолжила охраняемые археологические исследования на территории природного историко-рекреационного комплекса «Кузьминки-Люблино», исследовав участок на месте разрушенного памятника Петру I, на месте Березовой беседки и двух мостиков на острове Щучьего пруда.

Исследуемые территории расположены в центральной части объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль подмосковной усадьбы “Кузьминки”, конец XVIII – начало XX века» (рис. 1). Целью исследований является выявление сохранившихся остатков благоустройства (площадки, дорожки и их мощение) и фрагментов памятников усадьбы Кузьминки. По имеющимся данным мощность культурного слоя на исследуемых участках достигает 1 м.

История освоения территории

Земли, примыкавшие к Москве в радиусе примерно 40 км и составлявшие округу города, в древних источниках известны под названием «московских городских станов» (Чернов, 2005. С. 17). Территория имения Кузьминки входила в стан «Васильцево сто» или Васильцев стан, который занимал земли к востоку от Кремля вплоть до границ современной Москвы, а земли среднего течения речки Голеданки принадлежали к Капотненскому стану (Чернов, 2005. С. 18, 19. Рис. 1).

Земли городских станов были наиболее населенными в княжестве и составляли экономическую базу княжеского рода. Изучение письменных источников в сочетании с комплексом археологических и естественнонаучных исследований может дать существенные результаты по выявлению и картографированию конкретных владений или поселений, установить их размеры, определить хозяйственную освоенность и специализацию, выявить структуру землевладения и иногда – состав землевладельцев этих территорий. Возможно также получить данные как по генезису поселенческих структур, так и по выявлению степени воздействия их хозяйственной деятельности на экологию местности и эволюцию ее

ландшафта (Чернов, 2005. С. 22). В связи с этим крайне важно установить методами археологии период, когда возникают те или иные конкретные поселения на этой территории.

Территория природного историко-рекреационного комплекса «Кузьминки-Люблино» относится большей частью к так называемому Москворецко-Грайвороновскому, а меньшей (восточной) частью к Мещерскому ландшафту. Первый из них характеризуется как «водно-ледниковые и древнеаллювиальные равнины, плоские и слабоволнистые, сложенные водно-ледниковыми слоистыми (гравийные пески, суглинки) отложениями, подстилаемыми мореной или коренными отложениями, древнеаллювиальными песками на опущенном цоколе песков и песчаников мела и глин с прослоями песков юры, плохо дренируемые, со средне-, слабо- и сильноподзолистыми глееватыми и глеевыми и болотными низинными почвами, под сосновыми, реже еловыми лесами» (Низовцев, 2004. С. 45. Рис. 1).

Можно предполагать, что в эпоху дьяковской культуры (ранний железный век) долины малых рек и ручьев левобережья Москва-реки, тем более, водоразделов, вряд ли подвергались сельскохозяйственному освоению. Скорее всего, они использовались, как и столетиями позже, для промыслов (к примеру, бортничества) и охоты (Кренке, 2004. С. 53–55; Чернов, 2005. С. 47).

Территория к востоку и юго-востоку от Кремля была в эпоху основания и первых веков существования города наиболее быстро растущей и заселяемой зоной, что говорит об особой важности этого направления для ранней Москвы. Неслучайно, что и по территории парка усадьбы Кузьминки пролегла одна из древнейших известных сухопутных дорог Московского региона – Брашевская, которая могла существовать, по некоторым предположениям, уже в XIII в. (Чернов, 2005. С. 329).

В XIV–XVII вв. берега речки в пределах парковой зоны были заселены уже сравнительно плотно. По данным С.З. Чернова здесь известно до шести поселений и других археологических памятников этого периода. Однако в центральной части усадьбы вплоть до начала XVIII в. никакого села, скорее всего, не су-

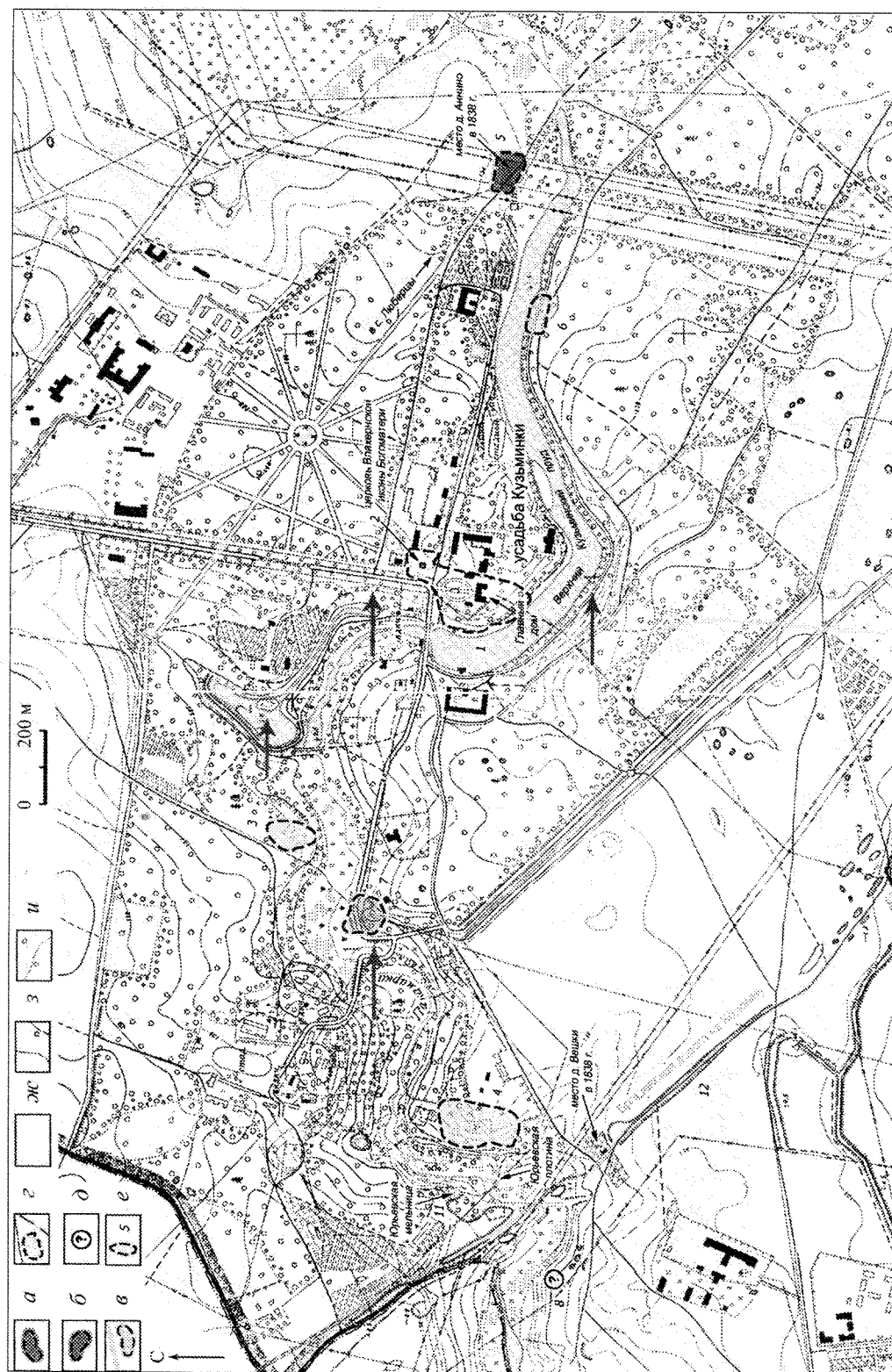

Рис. 1. План парка с указанием объектов исследования. Автор карты Чернов С.З., компьютерное оформление Смирнова С.А. (см. п.в. вкл.)
 2 – Берёзовый остров; 3 – Памятник Петру I; а – селища (поселения) XII – I-й пол. XIII в.; б – селища (поселения) 2-й пол. XIII – нач. XIV в.;
 в – селища и дороги XIV – I-й пол. XV в.; г – селища и дороги 2-й пол. XV – XVI в.; д – предположительное место селища;
 е – памятник археологии и его номер; ж – несохранившиеся леса, показанные на картах 1838 и 1852 гг.; з – сохранившиеся леса, показанные на картах 1838 и 1852 гг.; и – несохранившиеся поля, показанные на картах 1838 и 1852 гг.

(За основу взята топографическая карта «Москва и окрестности» 1951 г. изд. Мосгортреста АПУ г. Москвы)

ществовало. Культурные остатки с этой территории датируются не ранее начала XVIII в. (Чернов, 2005. С. 283 и далее).

Судя по плану Генерального межевания 1766 г., территория усадьбы в этот период была небольшой — по левому (южному) берегу речки граница усадьбы шла практически вдоль берега, а на правом берегу западная граница находилась рядом с оврагом, который после его запруживания превратился в Щучий пруд с Березовым островом. Лишь в восточном направлении территория усадьбы почти соответствует позднейшим границам. Практически вся усадьба была залесена, только на центральном участке, где находились строения, леса не было. Имелись также небольшие обработанные участки, вероятно, под огородами, рядом с Ванным домиком и домами Слободки.

В легенде к плану 1766 г. о селе сказано: «Лавхернское, село Васильцова стана, и новая отселенная деревня Аннино, владение генерал поручика князя Михаила Михайловича Голицына и супруги княгини Анны Александровны, межевал 5 июля 1766 г. Владычин. Пашня 26 десятин 1931 сажень, сенной покос, по которому мелкой дровяной лес 255 десятин 1500 сажень, лес строевой и дровяной 145 десятин 2165 сажень, болото, по коему дровяной лес 103 десятины 1595 сажень, селение 6 десятин 297 сажень, селение церковно- и священнослужителей 1140 сажень, церковь и кладбище 185 сажень, дороги 3 десятины 1104 сажень, речка 16 десятин 490 сажень, итого 558 десятин 807 сажень, по данной 3-й ревизии 112/72 и нынешней 4-й 100/83 душ» (Кусов, 2008. С. 158).

С момента вступления во владение Кузьминками М.М. Голицын развил бурную деятельность по их улучшению. В 1760–1761 гг. им был построен и украшен каменный храм, возведены хозяйственные постройки и оранжереи. Разведение оранжерейных растений началось в Кузьминках еще в начале XVIII в., когда усадьбой владели Строгановы. Здесь выращивали лимоны, померанцы, фиги, абрикосы, персики, яблоки, вишни, груши, лавр, бук, розмарин. К 1760 г. на территории усадьбы было три парника с разными фруктами, однако в них снимался настолько небольшой урожай, что по распоряжению князя Голицына летом дополнительно закупились малина, клубника и смородина для варки варенья и яблоки для мочения. Поэтому в 1761 г. в Кузьминках построили еще одну оранжерею, а в 1786 г. — теплицу. Севернее имения, в версте от храма, князь поселил часть своих крестьян, назвав новое поселение в честь супруги «Аннино». В конце XVIII в. Р.Р. Казаковым и И.Е. Егоровым в Аннино была спроектирована и сооружена «усадьба в усадьбе» — дом с хозяйственными пристройками для сестры А.А. Голицыной княгини В.А. Шаховской. Этот достаточно редкий случай устройства усадьбы на чужой территории объясняется не только родственными связями, но и тем, что имения В.А. Шаховской находились под опекой из-за брака ее дочери с немецким герцогом фон Аренбергом (графом де Ламарком), которому указом Екатерины II въезд в Россию был запрещен. В это же время были

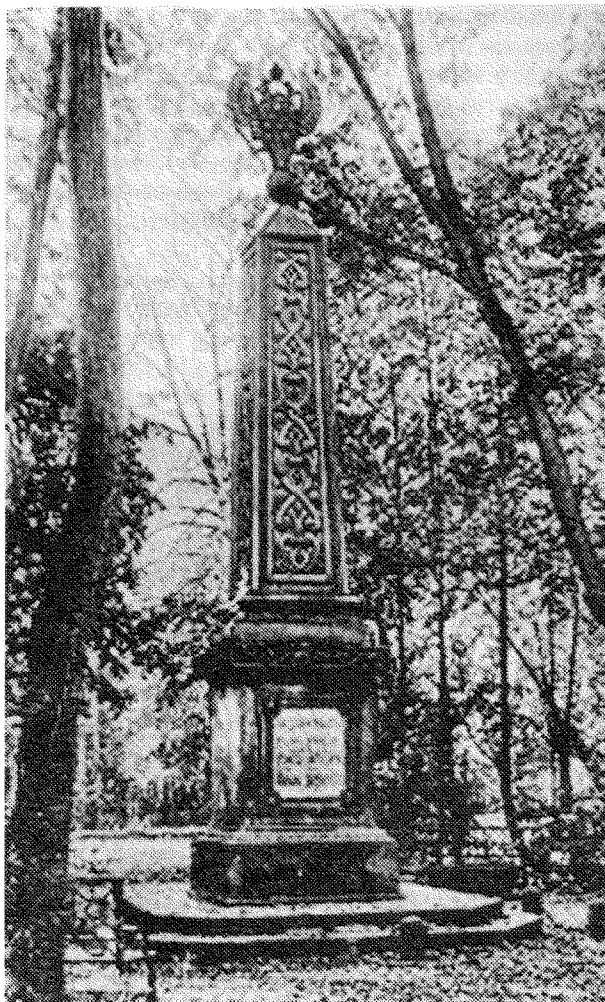

Рис. 2. Кузьминки. Памятник Петру I. Фото нач. XX в.

проведены большие работы в центральном ансамбле усадьбы — реконструированы главный дом и флигели. Последние соединили с домом открытыми галереями. Также был перестроен верх церкви, выстроена сначала деревянная, а затем каменная кухня, впоследствии названная «Египетским павильоном» (в 1813 г. он был перестроен и принял нынешний вид), — редкий образец ампира, в архитектуре которого встречаются элементы египетского зодчества. Авторство проекта до сих пор не установлено, однако известно, что завершал проект Д. Жилярди.

Князь М.М. Голицын владел Влахернским 47 лет. После его смерти (1804 г.) усадьба перешла к вдовствующей княгине А.А. Голицыной, продолжившей начинания мужа по ее украшению. В 1812 г. Анна Александровна Голицына увеличила территорию имения за счет выкупленных у казны 100 десятин земли (109 га) с мелким лесом в располагавшейся по соседству местности «Вешки».

После смерти княгини Голицыной (1816 г.) владельцами Влахернского стали ее дети — Александр и Сергей Михайловичи. Однако уже в 1821 г. Александр Михайлович скончался, и Сергей Михайлович (I)

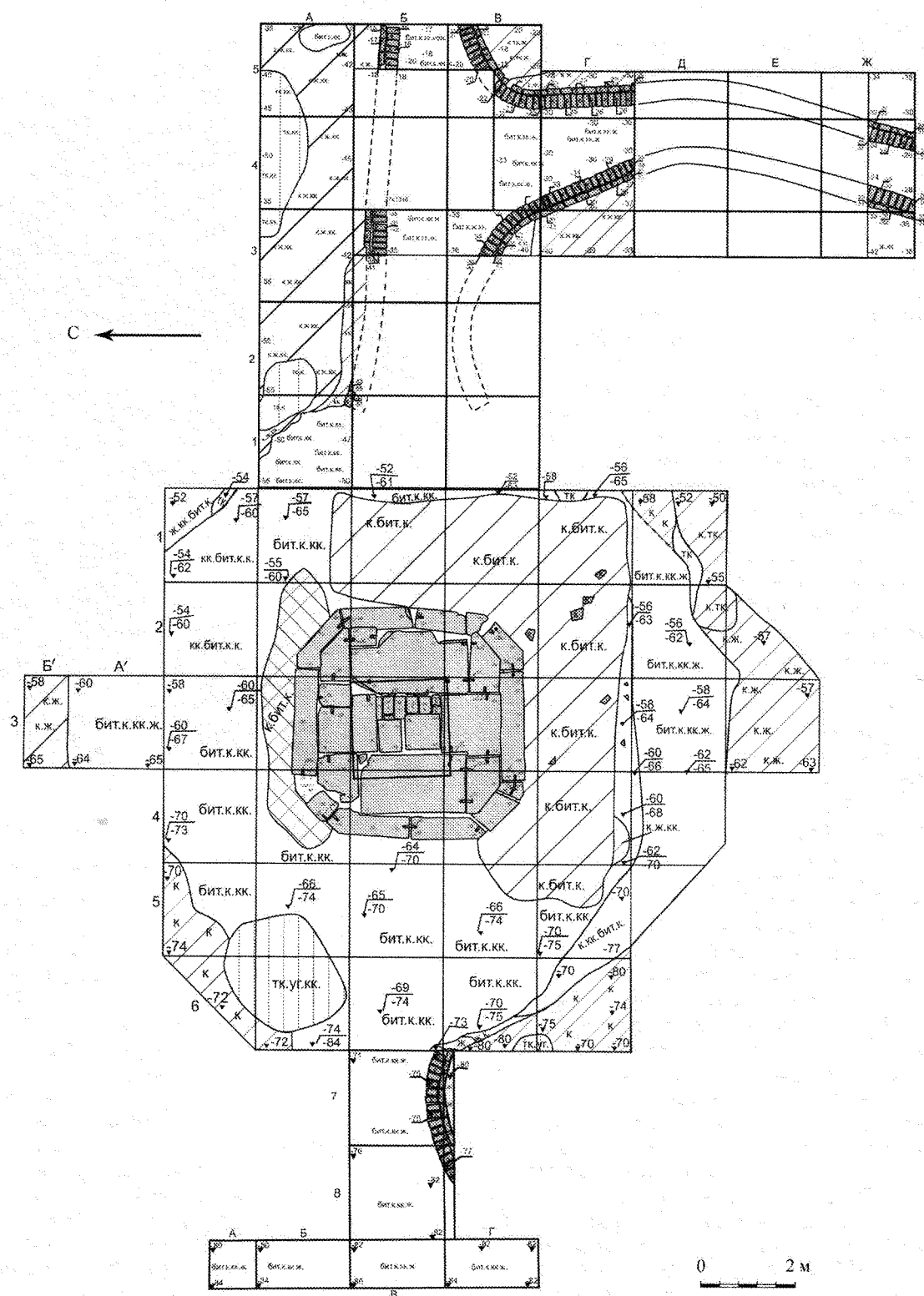

Рис. 3. Кузьминки. Раскоп «Памятник Петру I». План постамента и дорожек возле памятника Петру I

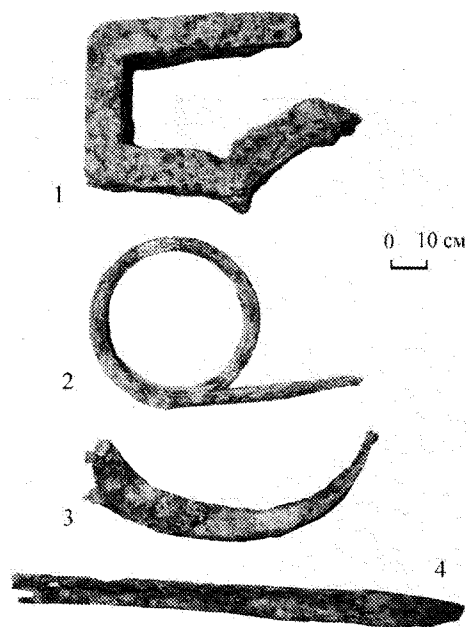

Рис. 4. Кузьминки. Раскоп «Памятник Петру I». Находки из слоя подсыпки дорожек. 2009 г.
1 – фр-т железной цепи от ограждения памятника;
2–4 – предметы железные

стал единовластным хозяином усадьбы. Именно ему Кузьминки обязаны своим настоящим устройством. Умело сочетая природные условия – речку, лес, луга – с мастерством работавших в усадьбе архитекторов (сын и отец Жилярди, Воронихин, Витали, Клодт, Баженов, Казаков, Еготов), С.М. Голицын создал прекрасный образец архитектурно-ландшафтного ансамбля XIX в. В парке были воздвигнуты памятники представителям царствующей династии, побывавшим во Влахернском: Петру I, императрице Марии Федоровне, Николаю I и великому князю Александру Николаевичу (будущему императору Александру II).

Таким образом, значительная часть микрорельефа усадебной территории является, по существу, искусственной.

Археологическое изучение долины р. Голяданки долгое время практически не проводилось. Лишь в 1990-х годах С.З. Чернов провел сплошную разведку по берегам речки и в ее окрестностях, выявив здесь более десятка археологических памятников.

Раскоп «Памятник Петру I»

Раскоп располагался в 200 м к ССЗ от Влахернской церкви и имел размеры 12×10 м, общей площадью 206 кв. м (рис. 2; рис. 3). Дневная поверхность на месте раскопа – относительно ровная с небольшим уклоном к западу. Верхние напластования, мощностью до 30 см, датируемые XX в., были перебраны вручную до уровня дорожки вокруг памятника, вымощенной кирпичной и известковой крошкой. В этом слое обнаружены фрагменты круговой керамики XIX в., железные кованые гвозди и другие предметы XIX в. (рис. 4). Мощность мощения дорожек – 10–14 см.

Вокруг постамент памятника дорожки были прорезаны перекопами конца XX в. Вымостка дорожек вокруг памятника имела восьмигранную форму, повторяющую форму гранитного постамента. Для выяснения точных границ мощения были сделаны прирезки в разные стороны раскопа. В результате была выявлена вымощенная строительным мусором площадка восьмигранной формы с длиной грани около 6 м.

В западной части раскопа выявлена дорожка, подходящая к памятнику. Она имела ширину около 3 м, расширялась к востоку и расходилась на три (?) рукава к западу. Края дорожки были вымощены двумя рядами красного кирпича постелью вверх. Внутренний ряд кирпичей укладывался друг к другу ложками, внешний ряд – тычками. Сама дорожка состояла из слоя кирпичной крошки, битого красного кирпича и известковой крошки мощностью 5–10 см.

С востока к памятнику подходила еще одна дорожка с ответвлением на юг, вымощенная строительным мусором. Она имела ширину 180–240 см. Края дорожки также были вымощены двумя рядами красного кирпича постелью вверх (рис. 2).

После удаления мощения дорожек толщиной до 10 см (датируются 40-ми годами XIX в.), был обнаружен слой однородной коричневой супеси с включением желтого песка, мощностью до 30 см (огородный или пахотный слой XVIII – начала XIX в.), в котором обнаружена круговая керамика XVIII в.

Материк – желтая, серая или светло-коричневая аллювиальная супесь, песок и суглинок, имеет на исследуемом месте поверхность с небольшими неровностями и уклоном к ЮЗ, с падением уровня на 55 см. Материк прорезают хозяйственные и столбовые ямы XVIII–XX вв. На поверхности материка также прослежены следы от сохи или плуга – направление распахивания с ССВ на ЮЮЗ и с В на З (рис. 5).

Фундамент постамент памятнику Петру I был помещен в яму прямоугольной формы (650×635 см), ориентированную по сторонам света и углубленную в материк на 130 см, стенки крутые. Фундамент состоял из слоев кирпичного боя и колотого камня, пролитых известковым раствором, мощностью до 110 см. Их перекрывает ряд тесаных белокаменных блоков высотой 15 см, на котором лежат каменные плиты постамент памятника.

Постамент имеет восьмигранную форму (480×470 см), ориентированную по сторонам света. Высота постамент – 40 см. Состоит из двух рядов каменных плит. Верхний ряд повторяет форму нижнего ряда в уменьшенном размере (395×370 см). В центральной части постамент отсутствует одна плита и сохранились три вертикально стоящих железных штыря – крепеж для памятника (рис. 5).

Исследования фундаментов мостов к острову на Щучьем пруду

Раскопы, заложенные на месте фундаментов южного и восточного мостов к острову на Щучьем пруду (рис. 6), располагались в 600 м к СЗ от Влахернской церкви, в южной и восточной части острова Щучье

Рис. 5. Кузьминки. Раскоп «Памятник Петру I». План на уровне материка

Рис. 6. Остров на озере Щучьем с мостиками и беседкой. С гравюры Рауха, 1841 г.

пруда и на южном и восточном берегах проток, отделяющих остров от коренного берега. Общая площадь раскопов – 102 кв. м (рис. 7).

В результате исследований на месте, где располагались южный и восточный мостики к острову на Щучьем пруду, было определено, что фундаменты под эти мостики находятся в удовлетворительном состоянии. Они состоят из слоев камня, пролитых известковым раствором, мощностью от 20 до 120 см. (рис. 8–10). Фундаменты мостов были заложены в прямоугольные ямы (450 × 390 см), углубленные в материк на 20–60 см. Фундаменты лежали на бревенчатых лагах. С внутренней стороны моста сохранилась белокаменная обкладка арочной конструкции и части кирпичной кладки.

После строительства мостов строительная площадка была выровнена подсыпкой песка и грунта. Этот слой имел мощность до 40 см. Поверх подсыпки, расположенной на острове, были сооружены тропинки, вымощенные кирпичной и известковой крош-

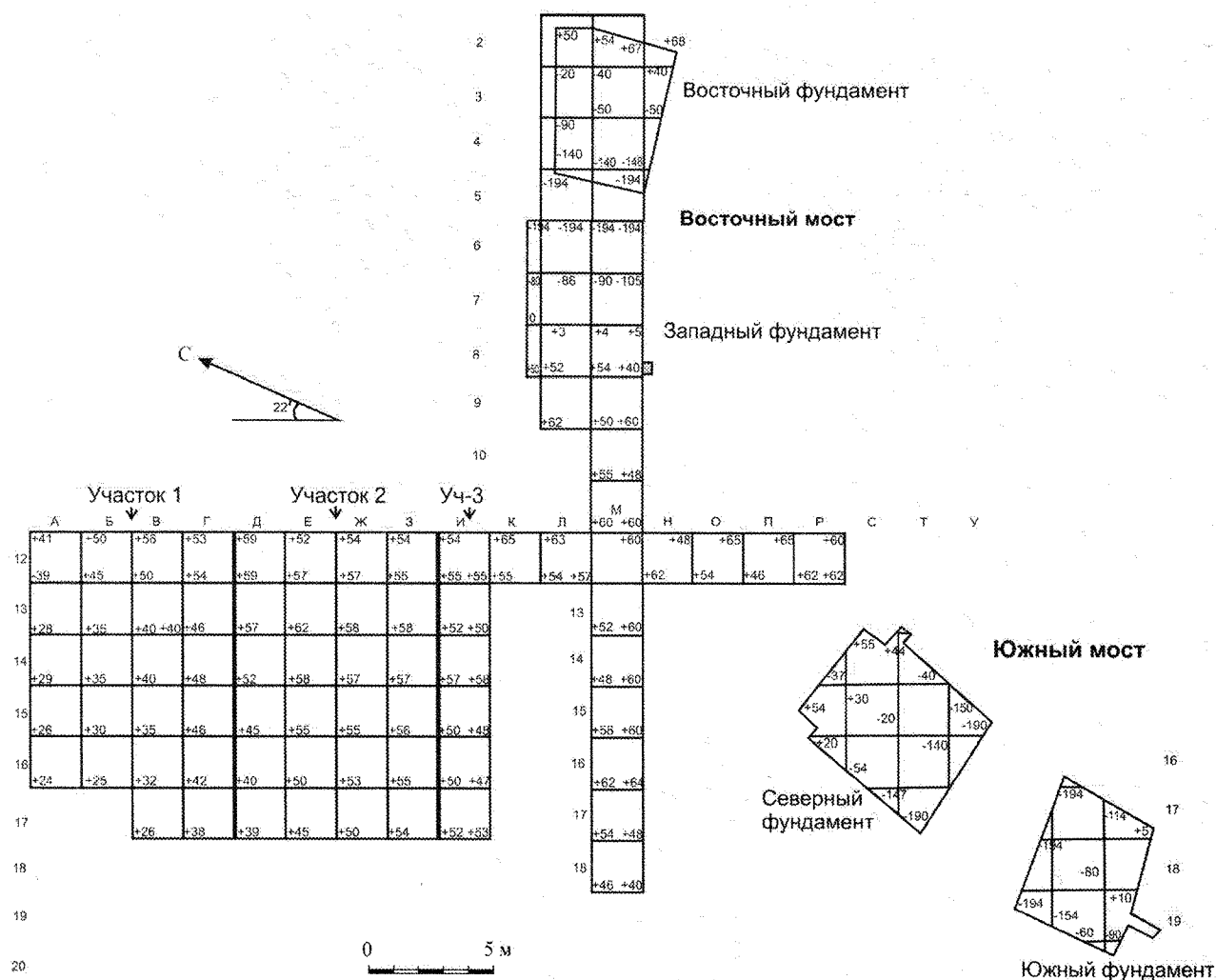

Рис. 7. Кузьминки. Ситуационный план раскопов на острове Щучьего пруда

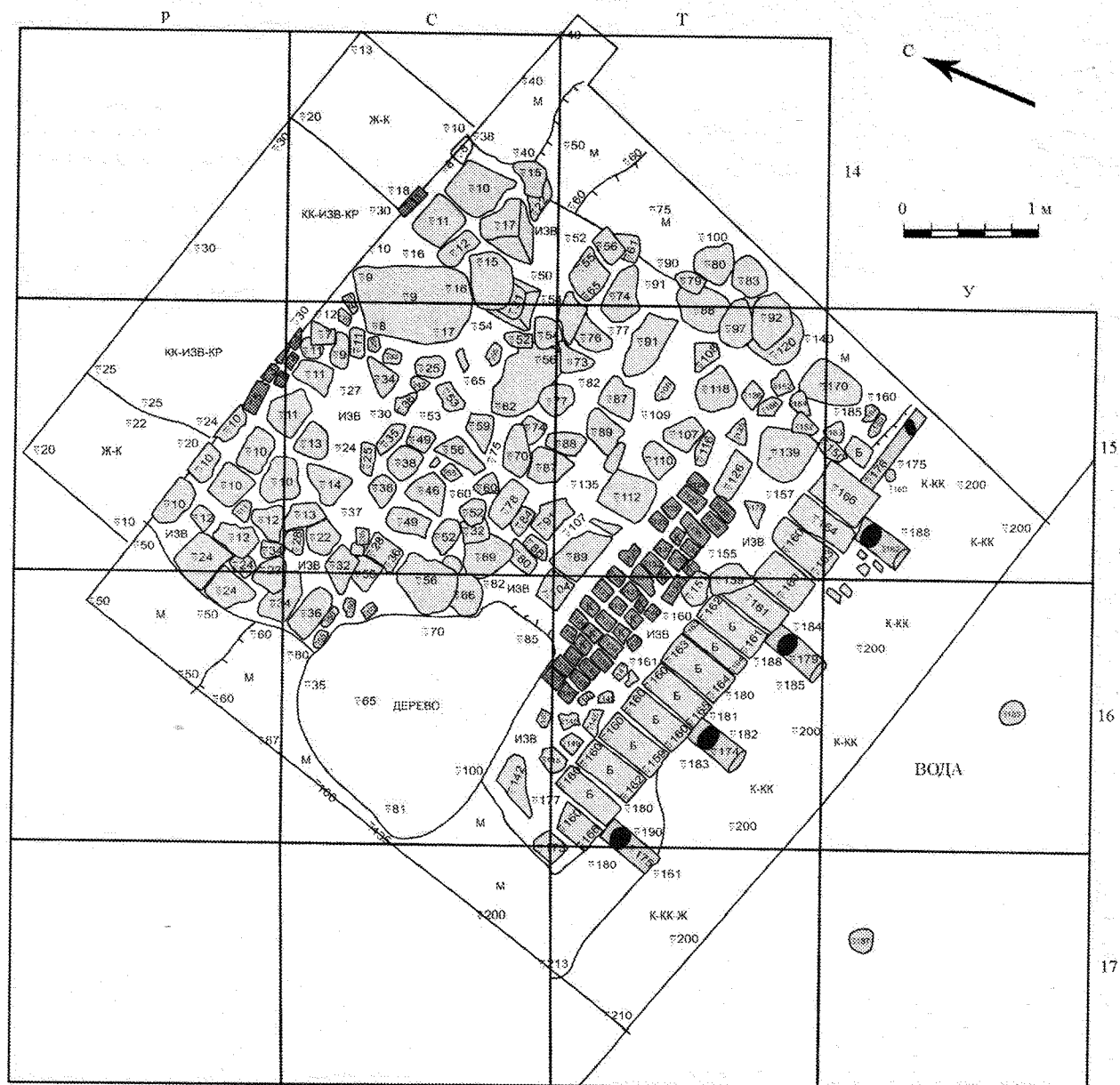

Рис. 8. Кузьминки. План фундамента южного моста на остров Щучьего пруда

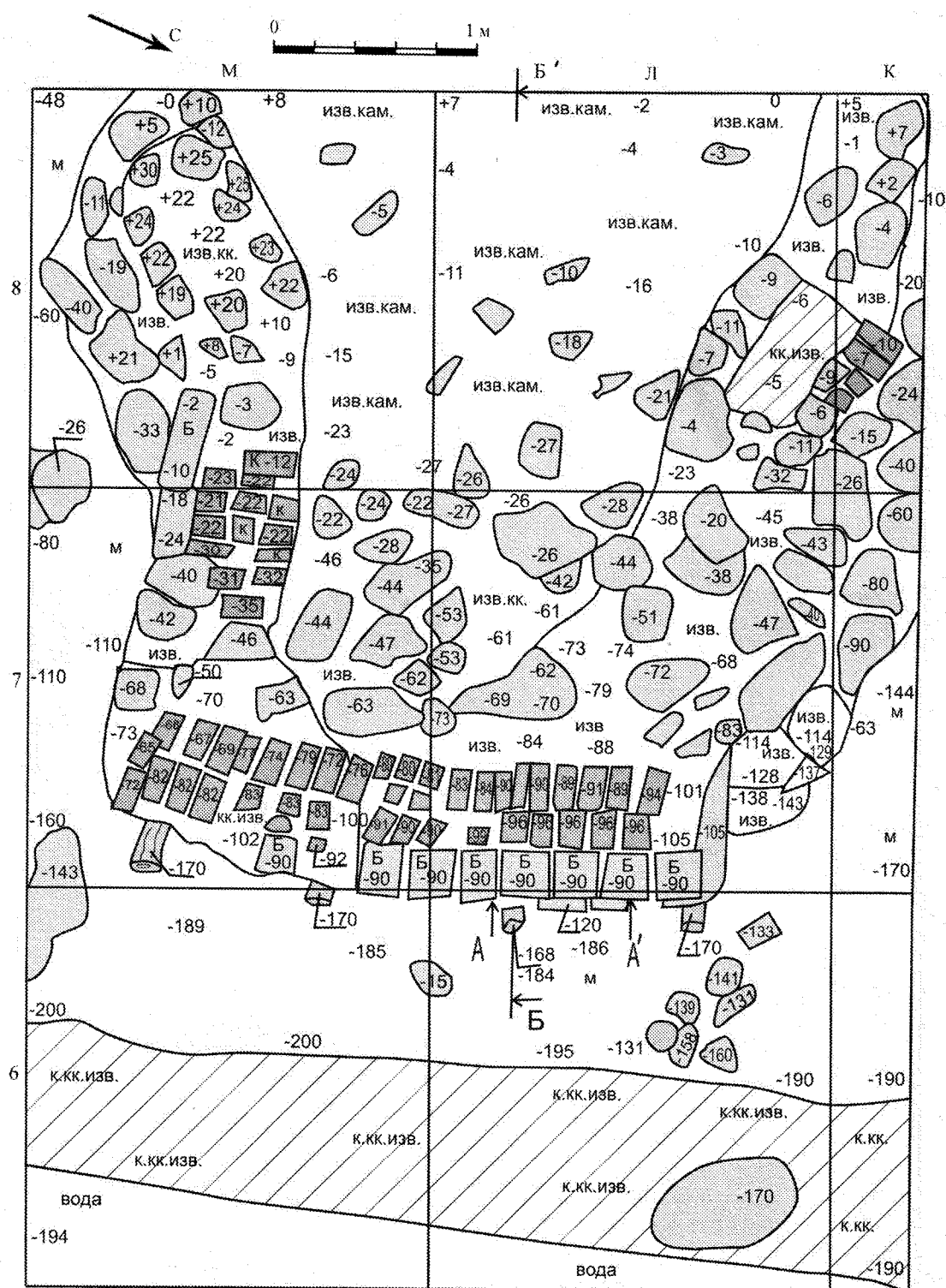

Рис. 9. Кузьминки. План фундамента восточного моста на остров Щучьего пруда

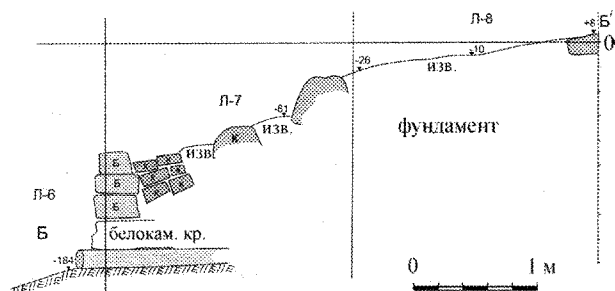

Рис. 10. Кузьминки. Разрез фундамента восточного моста на остров Щучьего пруда

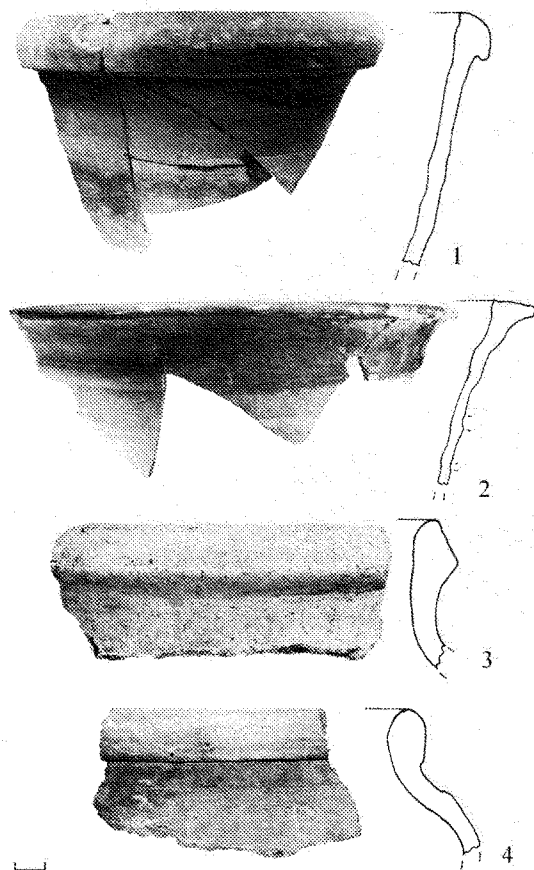

Рис. 11. Кузьминки. Керамика из строительного горизонта восточного моста на остров Щучьего пруда

кой мощностью до 14 см, идущие к Березовой беседке и другому мосту. В этом слое обнаружена круговая керамика XIX в. (рис. 11).

В воде канала на расстоянии 80 см от берега и 200 см друг от друга стоят по два деревянных столба с каждой стороны (18 см диаметр) — столбы мостов XX в. (рис. 8).

Раскоп «Березовая беседка»

Раскоп располагался в 600 м к СЗ от Влахернской церкви, на острове Щучьего пруда, имел вытянутую с ССЗ на ЮОВ форму (18 × 10–12 м), общей площа-

дью 276 кв. м (рис. 7; 12). Дневная поверхность на месте раскопа ровная, с небольшим уклоном к северу, с падением уровня на 41 см.

Сверху шел слой однородной темно-коричневой супеси с включением кирпичной крошки мощностью до 25 см (почва второй половины XX в.), под которым фиксировался слой мелкого щебня с кирпичной и известковой крошкой мощностью до 8 см (мощение дорожек, расположенных вокруг беседки). Ниже шли слои желтой и коричневой супеси общей мощностью до 40 см. Эти слои относятся к выравнивающей подсыпке поверхности острова на Щучьем пруду, осуществленной перед строительством Березовой беседки после постройки восточного и южного мостов на остров. В этих слоях обнаружена круговая керамика XIX в. (рис. 13). Под слоем подсыпки идет

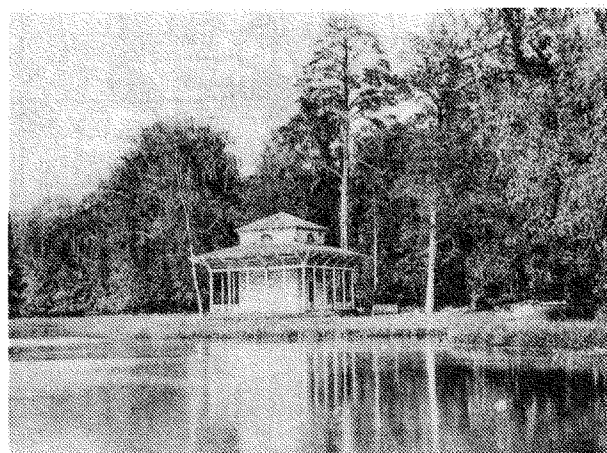

Рис. 12. «Березовая беседка» на острове Щучьего пруда. Фото нач. XX в.

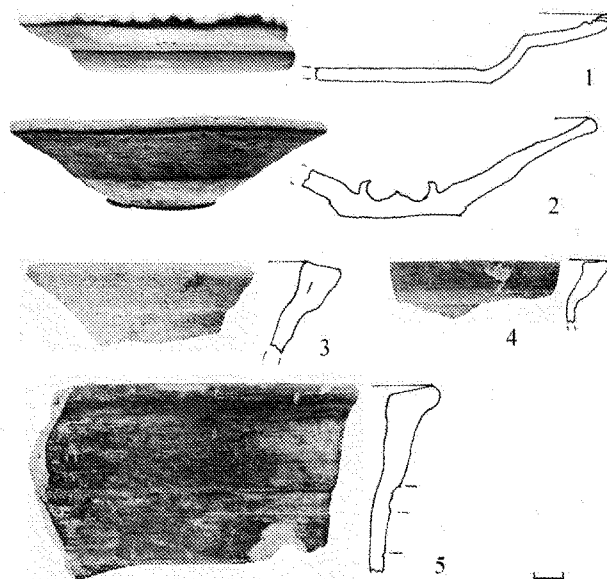
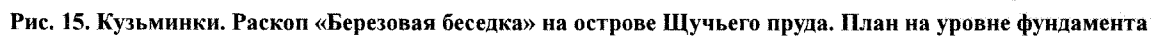

Рис. 13. Кузьминки. Керамика из слоя строительства Березовой беседки

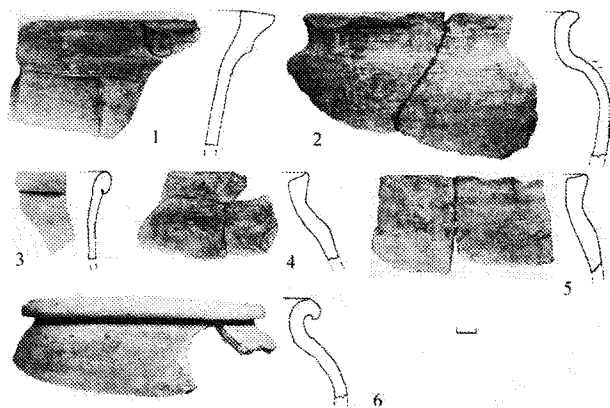

Рис. 14. Кузьминки. Керамика из пахотного слоя, перекрытого слоем строительства Березовой беседки

слой коричневой и темно-коричневой супеси мощностью более 10 см (огородный слой XVII – начала XIX в.). В этом слое обнаружена круговая керамика конца XVIII – начала XIX в. (рис. 14).

В результате исследований на месте, где располагалась Березовая беседка, было выявлено, что фундамент под здание беседки находится в удовлетворительном состоянии. Он состоит из 38 столбов прямоугольной формы, которые располагались по периметру в два ряда в шахматном порядке на расстоянии 100 см друг от друга (рис. 15). По периметру столбы имели размеры 100×100 см, углублены до материка и состояли из слоев камней, сложенных в фундаментную яму насухо и залитых сверху известковым раствором с битым кирпичом и камнем. Сверху шла кирпичная кладка. Фундаментное поле беседки имело прямоугольную форму (1050×1100 см) ориентированную по сторонам света с отклонением на 22 градуса. В центральной его части располагалось два ряда фундаментных столбов прямоугольной формы ($60\text{--}85 \times 65\text{--}90$ см), находящихся на расстоянии 110 см друг от друга. Эти фундаменты поддерживали половые балки беседки, были углублены в слой подсыпки на 30–40 см и состояли из битых камней и кирпичей, пролитых известковым раствором. Поверх этого слоя шла кирпичная кладка, сохранившаяся фрагментарно (рис. 15).

Литература

Кренке Н.А., 2004. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы. Т. 1. М.

Кусов В.С., 2008. Земли Большой Москвы. М.

Низовцев В.А., 2004. Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природо-

пользования на территории современной Москвы // Культура средневековой Москвы. Т. 1. М.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах // Культура средневековой Москвы. Т. 2. М.

L.A. Beliaev, O.M. Oleinikov

Archaeological investigations at the Kuzminki-Luyblino natural-historic and recreational complex (Moscow)

Summary

The article presents the results of archaeological investigations of park architecture at Kuzminki. The former

residence of the princes Golitsyn is one of the oldest parks in Moscow and dates to the late 18th c.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, А.А. Кудрявцев, А.В. Лазукин

Раскопки усадьбы XVI века на месте дачи П.С. Полуденского в Кузьминках

Дача сенатора П.С. Полуденского, построенная в 1832–1838 гг., располагается в пределах усадьбы кн. Голицыных в Кузьминках (г. Москва). Археологические работы проводились здесь Институтом археологии РАН осенью 2009 г. в связи с предполагавшимся восстановлением построек¹.

Место работ располагалось на левом берегу р. Голяданки, на участке, где ее русло делает крутой поворот. Высота мыса над поверхностью пруда – 10 м, над бывшим руслом реки – около 11,5 м. Это очень выигрышная точка, доминирующая над окрестностями, откуда открываются виды в сторону реки.

Раскоп охватил пространство внутри фундамента главного дома дачи, рядом было заложено три шурфа. Общая площадь раскопок составила 214 кв. м. Под слоями строительства и разрушения здания XIX–XX вв. зафиксирован культурный слой мощностью 15–20 см со средневековой керамикой. Выявлена яма надворной печи второй половины XVI в., в конструкции которой использовались большемерные и маломерные кирпичи. Обнаружены также остатки печи, для которой был использован маломерный кирпич и находившейся в наземной постройке конца XVI в.

Комплекс керамики насчитывает более четырех тысяч фрагментов и распадается на три части: XIV в., второй половины XVI – рубежа XVII в., XIX–XX вв. В числе индивидуальных находок XVI в.: бронзовые нательные крестики (один с изображением св. Никиты-бесогона), заготовка и два готовых пряслица, сделанных из стенок белоглиняных сосудов, железные ножи, подкова. Уникальным является обломок корчаги с орнаментом «косая волна» по плечу (вероятная дата – конец XIV – XV в.).

История археологического изучения территории

Начало археологических работ в долине р. Голяданки было положено С.З. Черновым. В 1990-х гг. он провел разведку по обоим берегам речки и выявил более десятка средневековых поселений (Чернов, 2005. С. 263–312).

Ключевую роль для понимания истории заселения долины р. Голяданки в раннемосковское время имеет 6-е Кузьминское селище (у Шабаетовской плотины), зафиксированное в среднем течении реки, на участке дачи П.С. Полуденского. Оно расположено на левом берегу р. Голяданки, обращенной ныне в Шабаетовский пруд, в 0,9 км к западу от церкви Влахернской иконы Богоматери усадьбы Кузьминки, в 50 м к востоку от Шабаетовской плотины. Поселение занимает возвышенный участок коренного берега реки, который вдается в пойму. Культурный слой прослежен на вершине мыса, а также в верхней части склона к Шабаетовскому пруду.

До возведения дачи сенатора П.С. Полуденского участок, на котором расположено селище, был покрыт лесом, произраставшим вдоль левого берега Голяданки (рис. 1, 1). Судя по плану 1838 г. (рис. 1, 2), сама дача была построена на небольшой поляне в лесу, тогда как территория к северо-западу от нее, где расположено селище, оставалась под лесом. В настоящее время территория средневекового памятника задернована и на ней растут деревья широколиственных пород. Дача сгорела в 1999 г. (рис. 2, 2; рис. 3).

Керамический материал, собранный С.З. Черновым на селище, состоял из двух групп. Наиболее ранние находки представлены стенками горшков из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка. По технике изготовления сосуда могут быть отнесены либо к сероглиняной керамике, либо красноглиняной грубой, и датированы в пределах второй половины XIV – первой половины XV в.

Более поздняя керамика, которая составляет 94% материала, состоит из белоглиняной грубой (61%), белоглиняной гладкой (15%), красноглиняной гладкой (15%) и мореной (3%) посуды. Важнейшим хроноиндикатором является присутствие в комплексе белоглиняной гладкой посуды, появляющейся в Москве, по мнению С.З. Чернова, в 1560-е годы (Чернов, 2000, С. 63–81) или «во второй половине XVI в.», по В.Ю. Ковалю (2001. С. 107). Учитывая эти датировки, можно утверждать, что селище функционировало

¹ В работах участвовали археологи М.П. Гайдуков, М.В. Лавриков, С.П. Медведев.

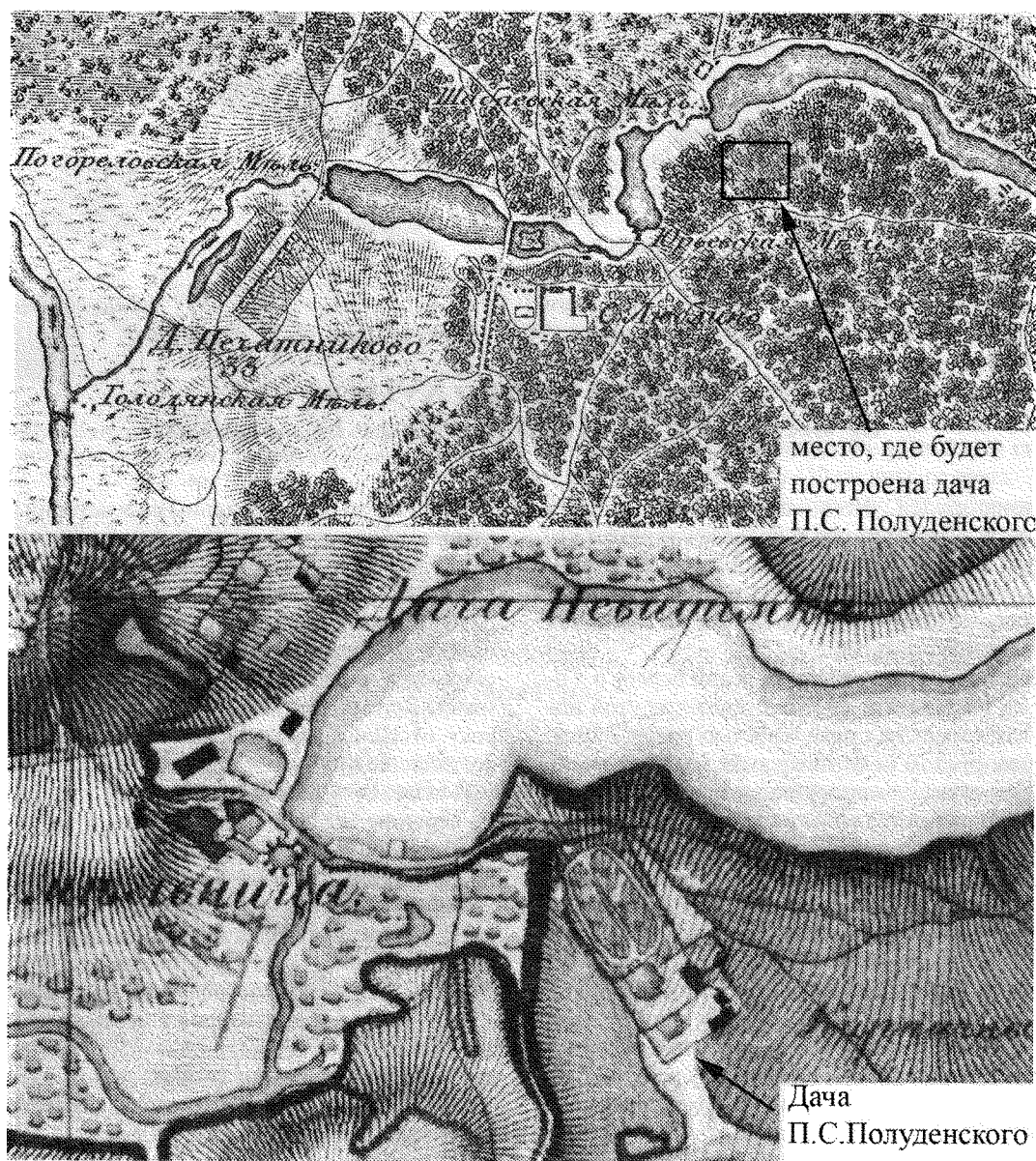

Рис. 1. Карты первой половины XIX в., где показано нижнее течение р. Голяданки
1 – карта 1818 г.; 2 – карта 1838 г.

во второй половине XVI в., а вероятно, и в первой половине столетия.

Селище было интерпретировано С.З. Черновым как одно из селений Капотенского стана, упоминаемых в списке селений 1542/1543 гг.

Объекты XVI века и стратиграфия культурного слоя в раскопе 2009 года

Внутри периметра фундамента дачи прослежена цементная стяжка толщиной до 15 см, выполненная при реставрационных работах 1960-х годов. Под цементной стяжкой залегал пласт мешаного культурного слоя, в верхней части представлявший собой тонкую прослойку современного мусора, ниже шел горизонт строительства дачи (прослеживался в основ-

ном в пристенных участках) толщиной не более 10 см, включавший песок, известь, кирпичную крошку, битый фаянс и фарфор, фрагменты цветочных горшков XIX в. (рис. 4, 3-б). Под слоем строительства залегал культурный слой средневекового селища мощностью 15–20 см, представлявший собой темно-серый гумусированный песок или супесь (рис. 4, 3-а). Культурный слой являлся трансформированным гумусовым горизонтом лесной дерново-подзолистого почвы. Белесый подзолистый горизонт сохранился фрагментарно.

В северо-восточном участке раскопа была обнаружена лишь одна яма, относящаяся к периоду селища (яма 5), все остальные ямы относились к XIX–XX вв. Яма 5 (рис. 4, 2; рис. 5) имела овальную форму (1,3 × 1,0 м) и глубину до 0,5 м. Яму проре-

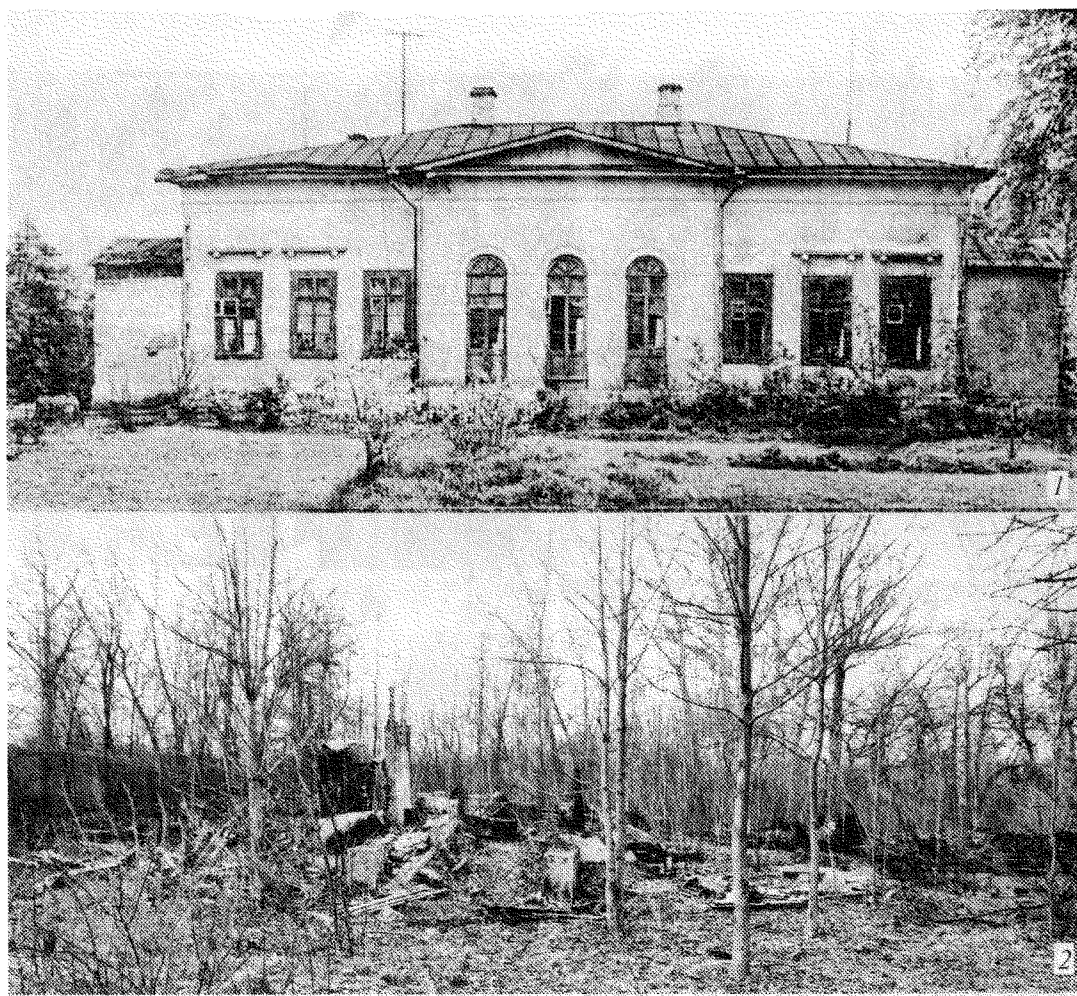

Рис. 2. Главный дом дачи П.С. Полуденского

1 – западный фасад, снимок середины XX в.; 2 – вид на руины сожженного дома в 2009 г.

Таблица 1. Размеры кирпичей из надворной печи XVI в. (яма 5).

№	Длина (см)	Ширина (см)	Высота (см)	Примечание
1	30,5	14,0	7,5–8,0	Поверхность со следами копоти
2	-	13,0–13,5	8,2	Поверхность сильно обожжена
3	-	-	8,4–8,5	Поверхности со следами копоти
4	-	-	7,9	Поверхность со следами копоти
5	-	-	4,3	Поверхность со следами копоти
6	-	-	3,8	Поверхность со следами копоти
7	-	-	4,0	Поверхность со следами копоти

зал кирпичный столб XIX в., поддерживавший лаги пола. Стенки ямы были выложены крупными камнями, а с юго-восточной стороны имелся «порожек» из положенного на бок большемерного кирпича ($30,5 \times 14,0 \times 7,5$ см), зажатого между двумя камнями. С юго-восточной стороны к яме 5 примыкала яма 5а глубиной около 30 см. В заполнении ямы 5 встречены обломки большемерных и маломерных кирпичей

XVI в. (табл. 1), камни, древесные угли, керамика. Наиболее вероятная интерпретация данного объекта – надворная печь. Яма 5а, видимо являлась входной камерой, а яма 5 – топочной камерой. Аналогичные по размерам, но более тщательно сделанные надворные печи были обнаружены при раскопках в Занеглименье в центре Москвы (Векслер, Осипов, 1996; Кренке, 2009).

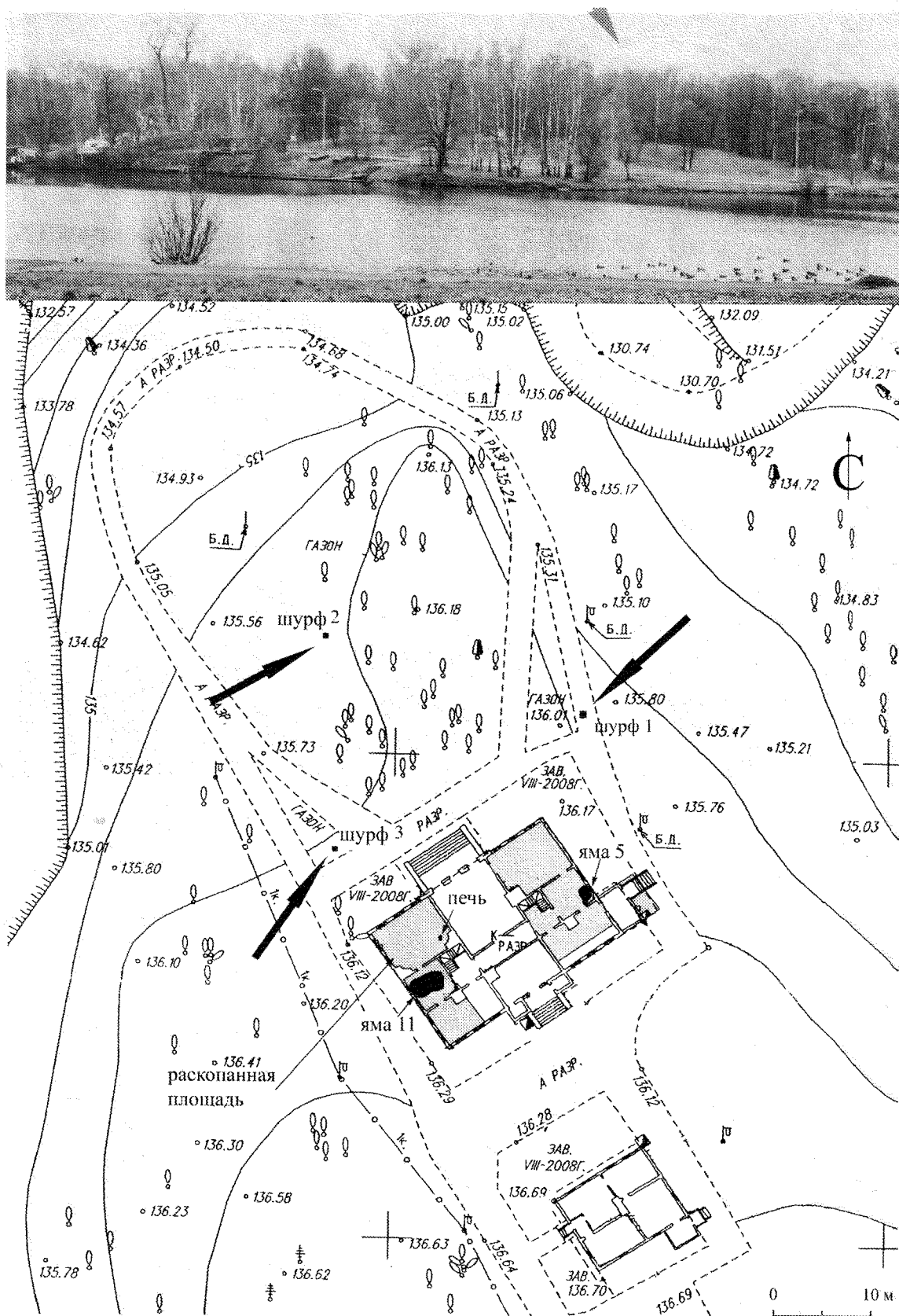

Рис. 3. Местность в районе дачи П.С. Полуденского

1 – вид с северного берега Шабеевского пруда; 2 – план дачи Полуденского с нанесенными местами раскопов и шурфов

Рис. 4. Раскоп на месте главного дома дачи П.С. Полуденского

- 1 — вид с юга на фундаменты и раскоп; 2 — яма № 5 надворная печь XVI в. и нарушивший ее кирпичный столб XIX в.;
 3 — северо-западный угол раскопа (а — почва (культурный слой XVI в.), б — слой строительства 1830-х гг.,
 в — кладка цоколя стены 1832 г.); 4 — северо-восточный участок раскопа, вид с северо-запада;
 5 — юго-западный участок раскопа, вид с северо-востока;
 6 — остатки печного развала, включавшего маломерные кирпичи на юго-западном участке раскопа

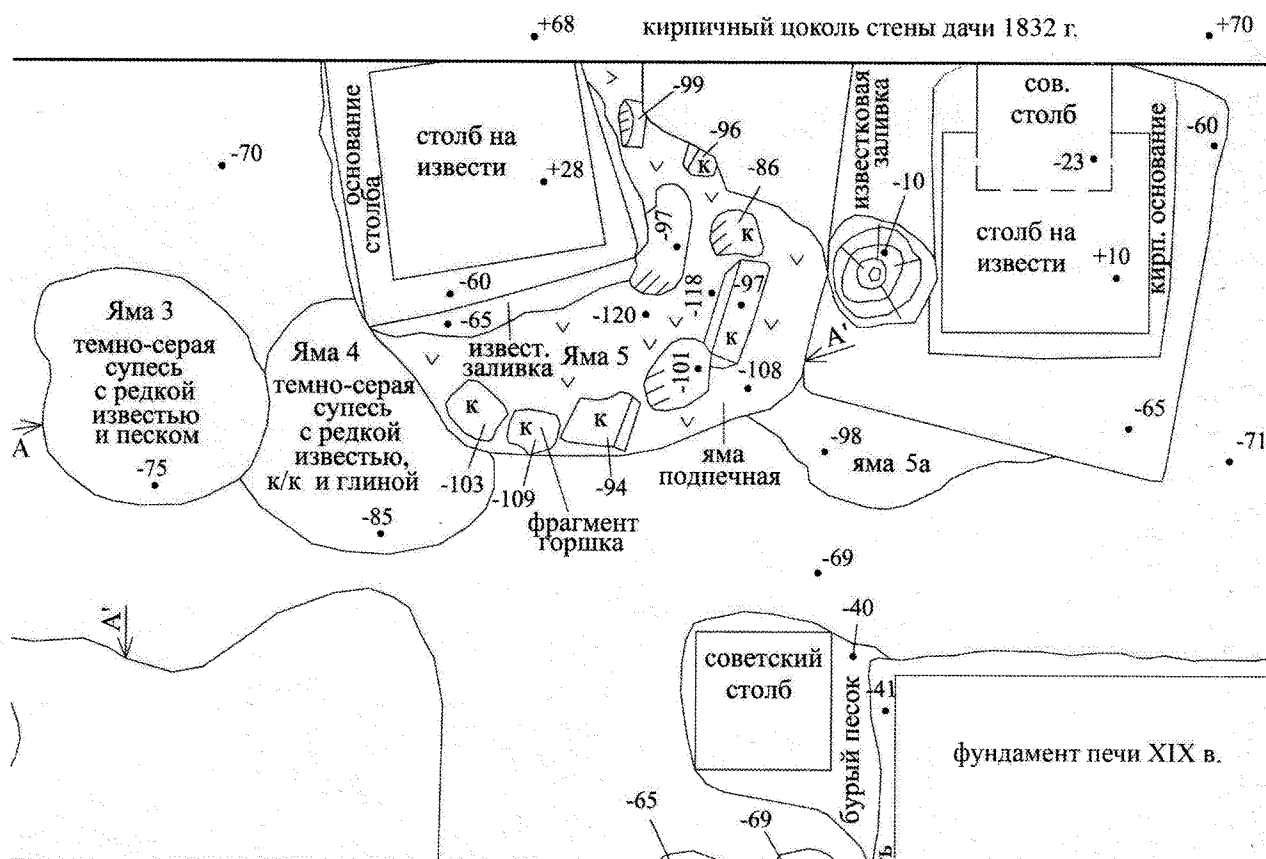

Рис. 5. План и разрез надворной печи XVI в. на северо-восточном участке раскопа (яма 5)

На юго-западном участке раскопа средневековый культурный слой сохранился лучше. Здесь отмечалась повышенная концентрация средневековой керамики, и были найдены вещевые находки (три креста-тельника, три пряслица, нож и др.). На поверхности материкового песка было зафиксировано скопление обожженных камней и фрагментов маломерного кирпича, которые можно трактовать как печной развал (рис. 4, 6). В четырех метрах к югу от этого объекта была обнаружена яма 11 размером 350 × 220 см, глубиной 95 см. Борта ямы отвесные. В центр ямы был впущен погребок советского периода. В заполнении ямы 11 (слабогумусированный желтовато-буроватый песок) за пре-

делами перекопа была собрана лишь средневековая керамика.

Описание коллекции находок

Всю коллекцию можно разделить на четыре части: 1) кремневая пластина мезолитическо-неолитического возраста; 2) находки, связанные со средневековым поселением; 3) предметы из слоя строительства дачи 1830-х гг.; 4) находки времени бытования дачи в XIX–XX вв.

Описание первой, третьей и четвертой группы находок не входит в тему настоящей статьи. Можно лишь вкратце отметить, что пластина из черного кремня (рис. 7, 8), безусловно, является артефактом,

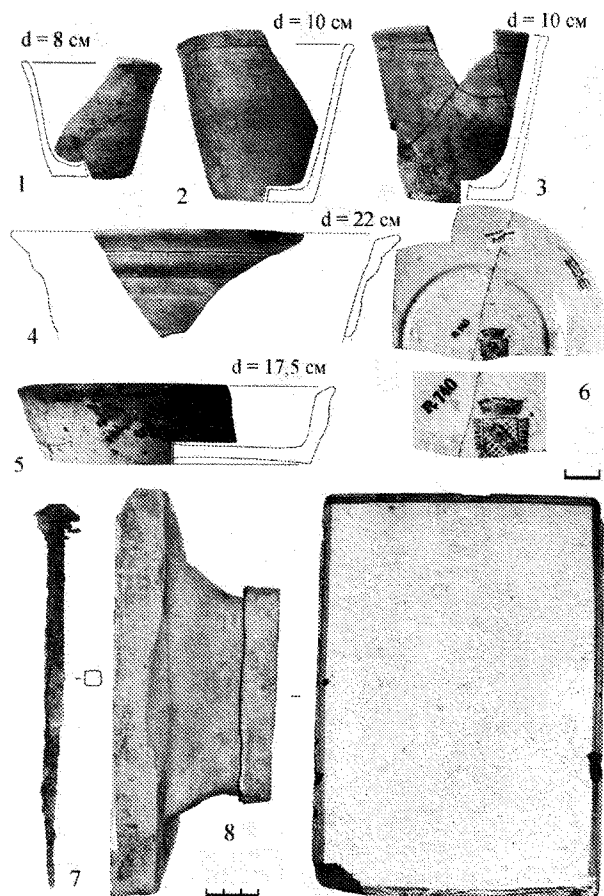

Рис. 6. Находки XIX в. из слоя строительства дачи

- 1–4 – цветочные горшки; 5 – поддон для цветочного горшка; 6 – блюдо фаянсовое;
7 – крепежный гвоздь для изразцов;
8 – изразец с голубой каемкой по белому полю

у нее хорошо выражен ударный бугорок. В песчаном «слое строительства дачи» было обнаружено большое количество цветочных горшков (рис. 6, 1–5). Происхождение их не совсем понятно. Можно даже предполагать, что первоначально на месте постройки находилась какая-то клумба. В ямах XIX–XX вв. был найдено большое количество фрагментов фарфоровой, фаянсовой (рис. 6, 6), стеклянной посуды самого конца XIX – XX в., ажурная накладка врезного замка из медного сплава, гладкий изразец с белым полем и синей каймой по периметру (рис. 6, 8), детали дверной фурнитуры (ручки, петли, замки навесные) начала XX в., гвозди.

Все ямы и сам культурный слой средневекового селища содержали очень однородный набор находок, датирующихся в узком интервале. Доказательства датировки строятся на рассмотрении четырех групп находок: керамика, индивидуальные находки (нательные крестики, замок, пряслица), кирпичи, изразцы.

Всего коллекция керамики содержит 4003 фрагмента (321 венчик, 3678 стенок сосудов). Без учета материала из ям и мешаных слоев, коллекция из культурного слоя насчитывает 3328 экз. (228 венчиков и

3100 стенок). Керамика представлена типами: красноглиняная грубая, красноглиняная гладкая, красноглиняная лошечная полосами, красноглиняная ангобированная пятнами, красноглиняная ангобированная сплошь, с росписью по ангобу, белоглиняная грубая, белоглиняная гладкая (ранний и классический варианты).

Соотношение типов керамики представлены на диаграмме (рис. 9) и в таблице 2. Сравнение с эталонными московскими комплексами керамики позволяет сделать хронологические выводы.

Незначительное присутствие красноглиняной грубой керамики подтверждает заключение С.З. Чернова, что поселение имело ранний период обитания во второй половине XIV в. В раскопе на даче П.С. Полуденского мы имеем «шлейф» этого раннего поселения, центр которого был удален от места раскопок. Особый интерес представляет находка венчика корчаги, орнаментированного «косой волной» (рис. 8, 45). Его реконструированный диаметр равняется 40 см, высота сосуда, видимо, была более 0,5 м. Подобные большие керамические сосуды редки в раннемосковской культуре.

При анализе состава керамического комплекса следует учесть, в первую очередь, общее соотношение белоглиняной и красноглиняной керамики и соотношение внутри группы белоглиняной керамики типов грубой и гладкой.

Тот факт, что в анализируемом комплексе белоглиняная керамика, безусловно, преобладает, а красноглиняной гладкой ранней керамики, по И.А. Бойцову, практически нет (Бойцов, 1991. Рис. 1), заставляет исключить XV в.

Материалы первой половины XVI в., возможно, представлены в коллекции. Ангобированные сплошь горшки, подражающие по форме белоглиняным грубым (рис. 8, 16), горшочки с нанесенным пятнами ангобом («горошком»), белоглиняные кувшины (рис. 8, 30–36) находят параллели в наборах московской керамики первой половины – середины XVI в. Особенно характерными комплексами этого времени являются материалы из жилых построек Зачатьевского монастыря, сгоревших, предположительно, в 1547 или 1571 г. (Глазунова, 2008).

В то же время, важно отметить, что в раскопе на даче П.С. Полуденского в Кузьминках доля красноглиняной керамики очень мала, что является важным хронологическим индикатором.

Материалы раскопок Романова двора показали, что в комплексах 1560–1570-х годов красноглиняная гладкая керамика составляет 17–19%, а в комплексах начала XVII в. – около 4% (Кренке, 2009, С. 70, 74, 77). Материалы из культурного слоя раскопа на даче П.С. Полуденского ложатся посередине этих значений (около 10% красноглиняной гладкой). Такой же процентный состав комплекса из ямы 5 (табл. 2). То есть, предположительно можно говорить о 1580–1590-х годах как о дате основного комплекса средневековой керамики селища. В яме 11 доля красноглиняной керамики меньше, чем в яме 5, а доля белоглиняной гладкой выше. Процентное соотношение типов ке-

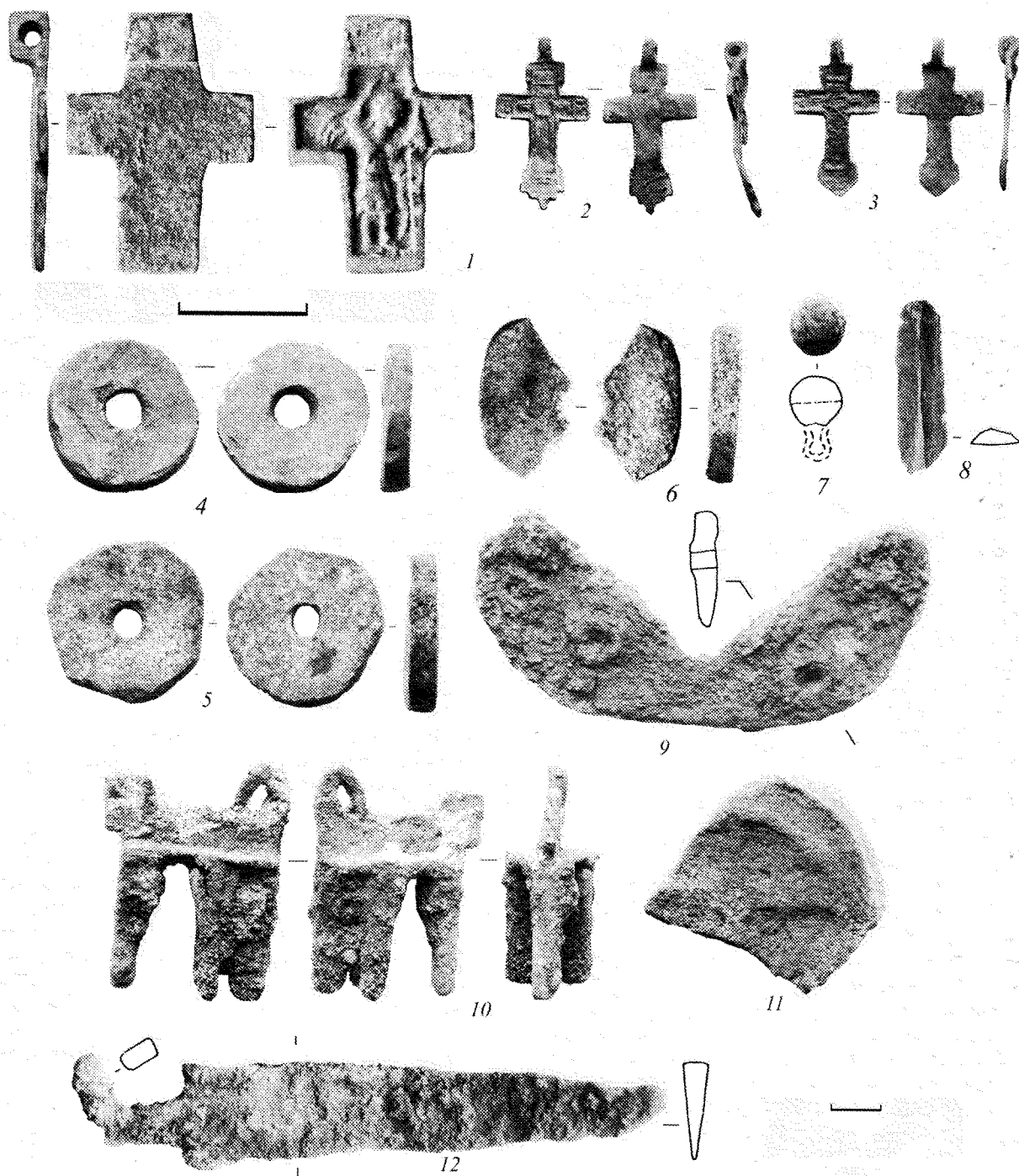

Рис. 7. Вещевые находки XVI в.

1-3 — нательные кресты; 4-6 — пряслица из стенок белоглиняных горшков; 7 — пуговица; 8 — кремневая пластина; 9 — подкова; 10 — пружина цилиндрического замка; 11 — донце горшка с клеймом; 12 — нож. 1-3, 7 — бронза; 4-6, 11 — глина; 8 — кремнь; 9, 10, 12 — железо.

рамики ямы 11 идентично набору из огорода начала XVII в. на Романовом дворе. Вероятно, этот комплекс на два-три десятилетия позднее, чем яма 5. Его ориентировочная дата — 1600-е годы.

Индивидуальные находки, выявленные в культурном слое, носят, в основном, бытовой характер: два

пряслица и одна половинка пряслица, сделанные из стенок белоглиняных горшков (рис. 7, 4-6), обломок донца белоглиняного горшка с клеймом «крест в круге» (рис. 7, 11), конская подкова (рис. 7, 9), полая бронзовая пуговица (рис. 7, 7), пружина цилиндрического замка (рис. 7, 10). Конструктивные особен-

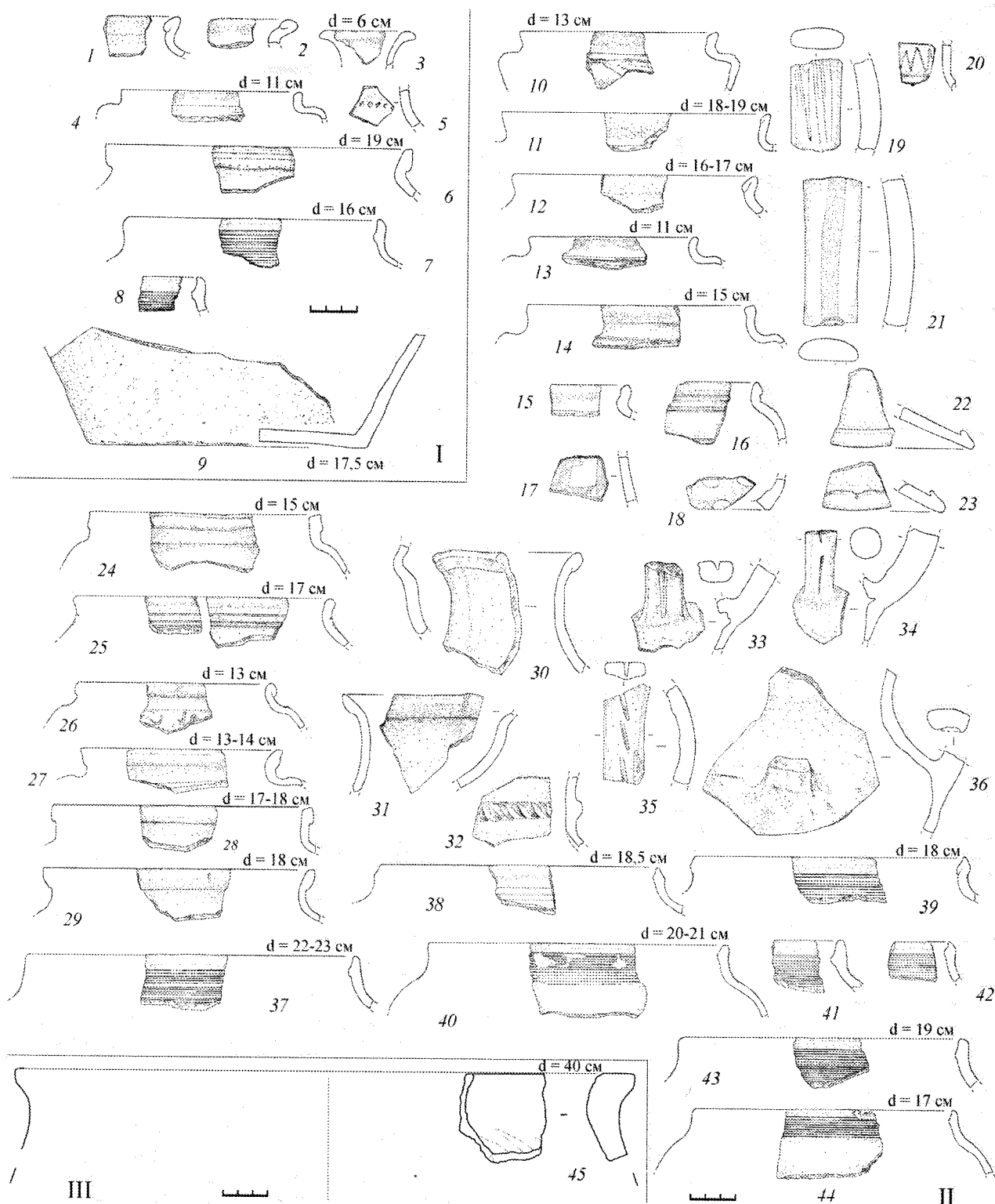

Рис. 8. Средневековый керамический комплекс из раскопа на даче П.С. Полуденского. Находки из ямы 5 (I), керамика из культурного слоя XVI в. (II) и XIV-XV вв. (III)

1, 2, 4 – красноглиняные гладкие горшки; 3 – красноглиняная фляжка; 5, 6, 9 – белоглиняная грубая керамика; 7, 8 – белоглиняная гладкая ранняя керамика; 10–14 – красноглиняные гладкие горшки; 15, 16 – красноглиняные ангобированные сплошь; 17, 18 – ангобированные пятнами; 19, 20 – ложенные полосами фрагменты кувшина; 21 – ручка кувшина с росписью охрой по ангобу; 22, 23 – крышки красноглиняные; 24–29 горшки белоглиняные грубые; 30–36 – фрагменты кувшинов (венчики, ручки) белоглиняных грубых; 37–44 – белоглиняные гладкие горшки; 45 – венчик корчаги

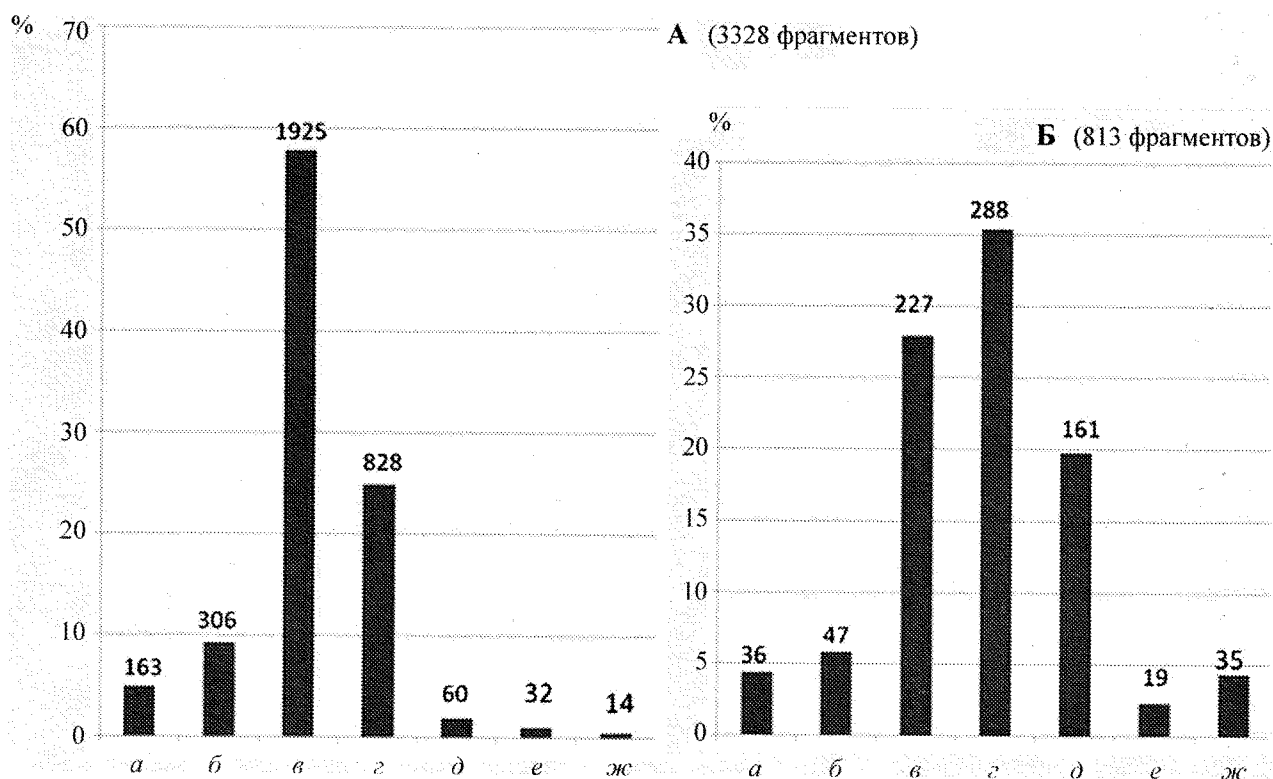

Рис. 9. Диаграммы составов керамических комплексов из культурного слоя XVI в. на месте дачи П.С. Полуденского (А) и из горизонта начала XVII в. на Романовом дворе в Москве (Б)

а – красноглиняная грубая; б – красноглиняная гладкая; в – белоглиняная грубая; г – белоглиняная гладкая; д – чернолощенная; е – краснолощенная; жс – ангобированная

Таблица 2. Состав керамических комплексов из ям 5 и 11.

№ ямы	Красная грубая	Красная гладкая	Белая грубая	Белая гладкая	Чернолощенная	Краснолощенная	Ангобированная	Всего
5	-	5 (9%)	37 (67%)	13 (24%)	-	-		55
11	7	9 (4%)	118 (54,4%)	73 (34%)	6 (2,7%)	3 (1,4%)	1 (0,5%)	217

ности пружины от всякого замка указывают на то, что механизм его работы был основан на принципе расхождения пружин, который не менялся у висячих замков вплоть до XVI–XVII вв., когда они были вытеснены замками с другой конструктивной схемой. Точно определить тип замка не представляется возможным, поэтому пружину следует датировать временем не позднее XVII в.

В коллекции раскопа присутствует интересный комплекс находок предметов личного благочестия, состоящий из трех крестов-тельников. Среди них необходимо выделить крест с изображением святого мученика Никиты, побивающего беса (рис. 7, 1). Кресты и иконки с подобным иконографическим сюжетом были довольно широко распространены на территории Московской Руси в XV–XVII вв., наибольшее их количество было зафиксировано в Твери (Хухарев, 1994). Крест из наших раскопок является односторон-

ним, четырехконечным с прямоугольными лопастями и прямоугольным средокрестием. Великомученик Никита изображен стоя, левой рукой он держит «беса», правую руку заносит над «бесом». «Бес» изображен весьма схематично, возможно, его изображение носит зооморфный характер. Крест относится к подтипу 7 первого типа крестов с прямым средокрестием, которые датируются концом XIV – XVI в. по типологии Д.А. Беленькой (1993). Серия аналогий из стратифицированных слоев Переяславля Рязанского (Завьялов, Судakov, 2009. Рис. 25, 3) и комплексов Москвы (Векслер, Беркович, 2005; Глазунова, 2008, С. 134) позволяют отнести этот крест к XVI в.

Другие два креста односторонние, четырехконечные, на их лицевой стороне изображены кресты с венком в средокрестье (рис. 7, 2, 3). Оглавия имеют вид плоского ушка. Их отличает только форма основания креста, один крест имеет килевидное основа-

ние (рис. 7, 3), а другой – городчатое (рис. 7, 2). Относятся они к подтипу 4 крестов типа I и датируются XV–XVI вв. по типологии Д.А. Беленькой.

Редкой находкой для сельских поселений являются маломерные кирпичи. В нашем раскопе они были найдены в двух местах – в яме надворной печи и в печном развале наземной постройки. Толщина кирпичей колебалась в интервале 3,8–4,0 см.

По мнению архитектора-реставратора В.В. Кавельмахера (устное сообщение 1996 г.) подобные кирпичи появились в Москве в конце XV в. и бытовали весь XVI в. С.С. Подъяпольский привел аргументацию в пользу более узкой датировки применения в Москве маломерных кирпичей размером 4×10 (11) \times 20 (21) см. Постройки с таким кирпичом датируются второй половиной XVI в. (*Подъяпольский*, 2000, С. 59). Из маломерного кирпича сложены барабаны собора Василия Блаженного, церковью Усекновения главы Иоанна Предтечи в с. Дьяково, Сретения на Поле, Троицы в Полях (1560-е годы), а также надворные печи Опричного двора (1565–1571 гг.).

В коллекции имеется один фрагмент румпы красноглиняного изразца, который по аналогиям можно датировать финалом XVI – серединой XVII в.

В целом, индивидуальные находки и, главным образом, находки, обладающие датирующими призна-

ками, как кресты-тельники, маломерные кирпичи и румпа красноглиняного изразца, подтверждают датировку, на которую указывают керамические материалы – вторая половина XVI – рубеж XVI–XVII вв.

Таким образом, можно заключить, что материалы раскопа на месте дачи П.С. Полуденского представляют собой важный «реперный» комплекс для рубежа XVI–XVII вв. По мере накопления подобных комплексов можно будет поставить задачу выявления археологических признаков, позволяющих различать материалы грозненской эпохи и времени царствования Федора Иоанновича и Бориса Годунова.

Исследованное селище, видимо, можно интерпретировать как «центральную усадьбу» владений Николо-Угрешского монастыря в долине р. Голянки. Присутствие печей из кирпича и изразцов совершенно не характерно для обычной сельской усадьбы. В раскопанном доме очевидно присутствие женщин, занимавшихся ткачеством. Обилие кувшинов типично для монастырских жилых построек (*Глазунова*, 2008). Наиболее интенсивное функционирование поселения, видимо, приходилось на последнее десятилетие XVI – первое десятилетие XVII в. и оно, вероятно, не пережило Смуту начала XVII в.

Литература

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве // МК. М.

Векслер А. Г., Беркович В. А., 2005. Находка нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Ставрографический сб. Кн. 3. М.

Векслер А.Г., Осипов Д.О., 1996. Дворовые печиповарни (по материалам археологических раскопок в Москве) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Глазунова О.Н., 2009. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV – начала XVI в. Зачатьевского монастыря // РА. № 2.

Завьялов В.И., Судаков В.В., 2009. Работы Переяславль-Рязанской экспедиции // АО 2006 г. М.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы. М.

Подъяпольский С.С., 2000. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // РА. № 1.

Хухарев В.В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // ТАС. Вып. 1. Тверь.

Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. № 1.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах // Культура средневековой Москвы. Т. 2. М.

N.A. Krenke, I.N. Yershov, A.A. Kudriavtsev, A.V. Lazukin

Excavations of a 16th-c. manor house on the site of P.S. Poludensky's dacha in Kuzminki

Summary

An occupation layer 15–20 cm thick and containing medieval pottery has been found on the site of the 1832 main building of Senator P.S. Poludensky's dacha in Kuzminki, Moscow. The remains of a stove

have been found in an above-ground structure from the late 16th c. The pottery assemblage and the artifacts date to the second half of the 16th – the turn of the 16th–17thcc.

А.Ю. Балашов

Редкие могильные плиты XVII века из Лужецкого монастыря Можайска

Лужецкий монастырь находится на северной окраине Можайска на правом берегу р. Москвы. В 1997 г. настоятелем монастыря без археологического сопровождения были раскрыты фундаменты церкви преподобного Ферапонта (Балашов, 2010а, С. 358). Фундамент этой церкви находится в 3,8 м к северу от центрального собора монастыря – Рождества Пресвятой Богородицы, параллельно ему (рис. 1). Работы тогда были приостановлены и проведены археологические изыскания (Янишевский, 1998а; 1998б, С. 76–84).

Храм впервые упоминается в писцовой книге 1595 г. как церковь Иоанна Лествичника, где был захоронен основатель монастыря Ферапонт Белозерский. До сноса храма в 60-х годах XX в. церковь неоднократно перестраивалась. Последние архитектурные изменения относились к середине XIX в., когда к церкви св. Ферапонта был пристроен придел Усекновения главы Иоанна Предтечи.

В 2008–2009 гг. отрядом Можайской археологической экспедицией ИА РАН был проведен мониторинг территории монастыря (Балашов, 2009; 2010а, С. 358–393). Исследования показали, что наземная часть фундаментов церкви св. Ферапонта с момента их обнаружения в 1997 г. в большинстве утрачена. Из плит разобранных фундаментов был создан лапидарный комплекс, состоящий более чем из 100 плит различной степени сохранности (рис. 2). Оставшиеся плиты подвергаются эрозии, в фундамент вносятся изменения в виде вмонтированных намогильных плит, найденных за пределами монастыря. Создаются элементы культовых «жертвенников», не связанные с храмом (Балашов, 2010б).

В ходе работ было обследовано 50 плит разной степени сохранности. Большинство из них до сих пор находится в фундаменте церкви, поэтому доступны к изучению не все их грани. Наше внимание обратили на себя шесть плит с необычным декором. Из них половина имеет точную датировку – с 1606 по 1673 г. На этих плитах вместо привычного треугольно-выемчатого орнамента «волчий зуб» и жгутового орнамента «московская косичка» изображен иной вид орнамента, условно названный нами «волна». Этот орнамент представляет собой пояс по контуру плиты, состоящий из слабо выпуклых дуг.

По всей видимости, в Лужецком монастыре представлен редкий тип орнамента, переходный от волчьего зуба в жгутовый. Пропорции ширины пояса волны ближе к узким поясам волчьего зуба, а не к широким поясам жгутов. У всех найденных плит с орнаментом волна боковые грани не имеют декора.

В представленных ниже описаниях плитам даны номера, которые соответствуют номерам в отчетах, и единой базе данных, созданной Можайской археологической экспедицией ИА РАН. Плиты из лапидарного комплекса не нумерованы.

Каталог

Плита № 6. 1606 г. (рис. 1, 2; рис. 3; рис. 4).

Находится во внутренней части северной стороны алтарной части церкви. Плита лежит лицевой стороной вверх, ориентирована изголовьем на юг. Сохранилась примерно половина плиты со стороны изголовья. Доступны к изучению две плоскости: лицевая и торцевая со стороны изголовья, остальные грани находятся в фундаменте. Длина сохранившейся части 0,75 м, ширина в изголовье 0,61 м, в нижней части 0,54 м, толщина 0,19 м.

Лицевая сторона по периметру орнаментирована волной, ширина пояса волны 0,03 м, направление волны – против часовой стрелки. Со стороны изголовья расположена розетка, сформированная из трех узлов жгутового орнамента. Надписи нет.

На торцевой грани со стороны изголовья находится надпись глубоко врезанной вязью в две строки, уверенно читается:

[...]ЯБРЯ 7114 ФЕВРАЛЯ В 7

[...]ТАВИСЬ РАБ БОЖИЙ СВЯЩЕНО[...]

Плита № 21 (рис. 1, 1; рис. 5).

Находится во внутренней северной стороне четверика. Плита лежит лицевой стороной вверх, ориентирована изножьем на запад. Сохранилось примерно три четверти плиты со стороны изножья. Доступны к изучению две плоскости: лицевая и левая боковая, остальные грани находятся в фундаменте. Длина сохранившейся части 0,93 м, ширина со стороны изголовья 0,47 м, со стороны изножья 0,35 м, толщина 0,22 м.

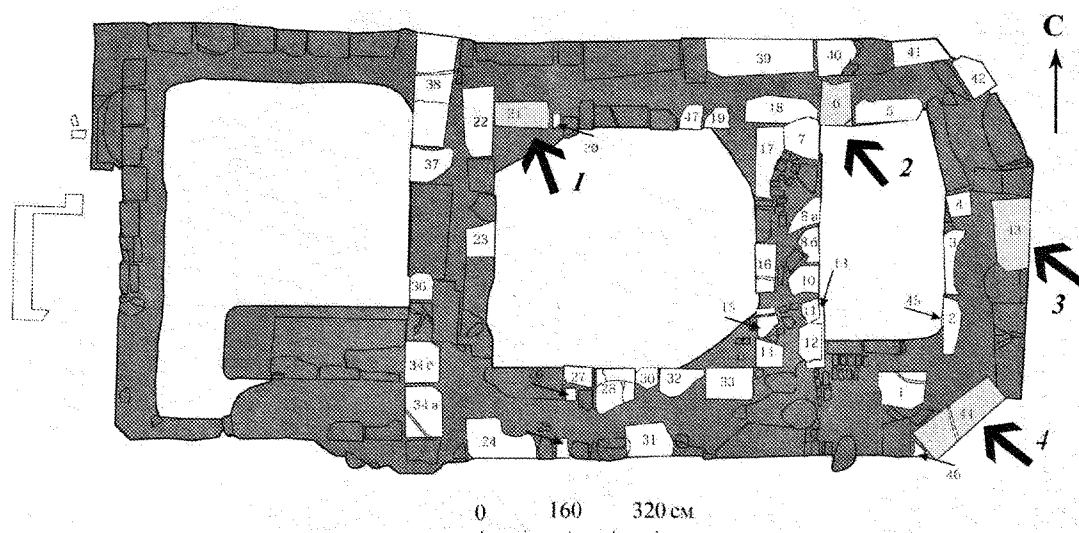

Рис. 1. Расположение надгробных плит с орнаментом «волна» в фундаменте церкви святого преподобного Ферапонта в Лужецком монастыре Можайска. План-схема
1 – плита № 21; 2 – плита № 6; 3 – плита № 43; 4 – плита № 44

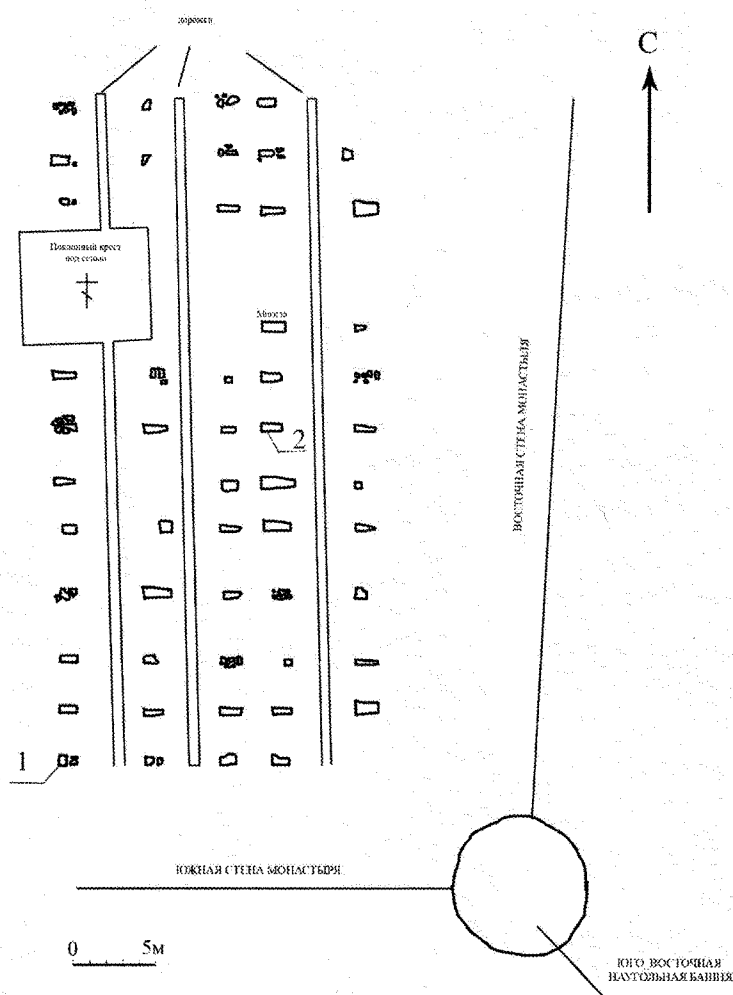

Рис. 2. Плиты с орнаментом «волна» в лапидарном комплексе Лужецкого монастыря Можайска. План-схема
1 – плита Ивана Тимофеевича Усова; 2 – плита неизвестного

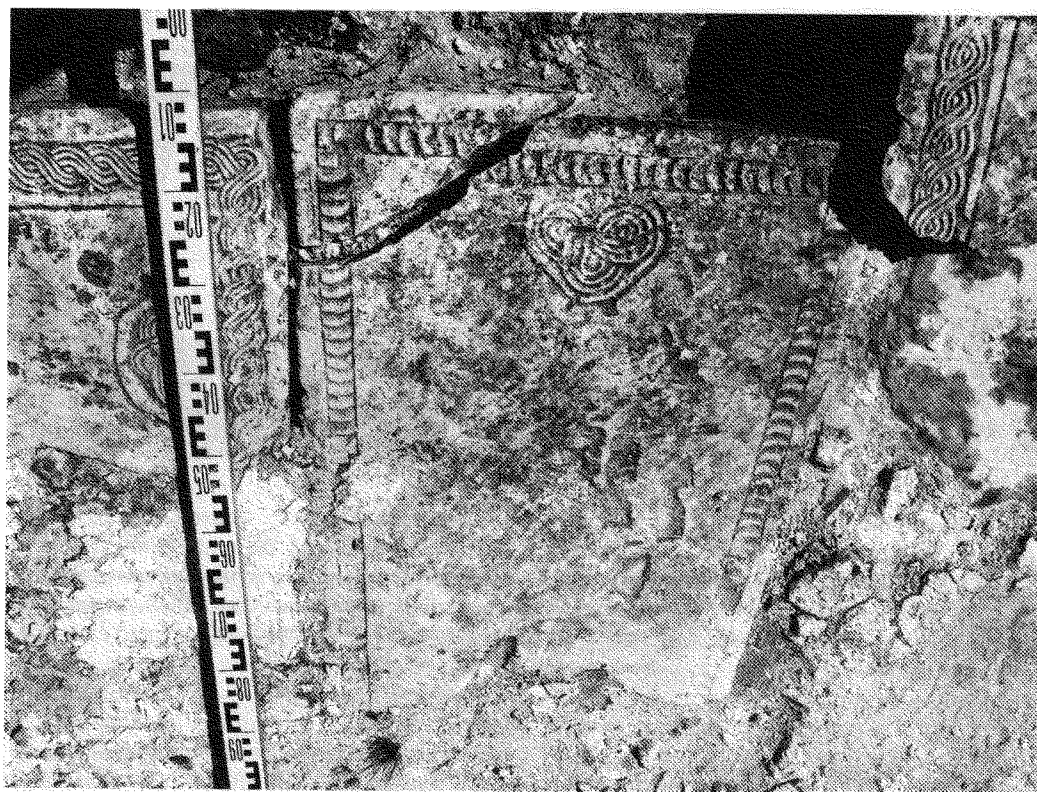

Рис. 3. Лицевая грань плиты № 6 из фундамента церкви святого преподобного Ферапонта в Лужецком монастыре Можайска

Рис. 4. Торцевая грань со стороны изголовья плиты № 6 из фундамента церкви св. прп. Ферапонта в Лужецком монастыре Можайска

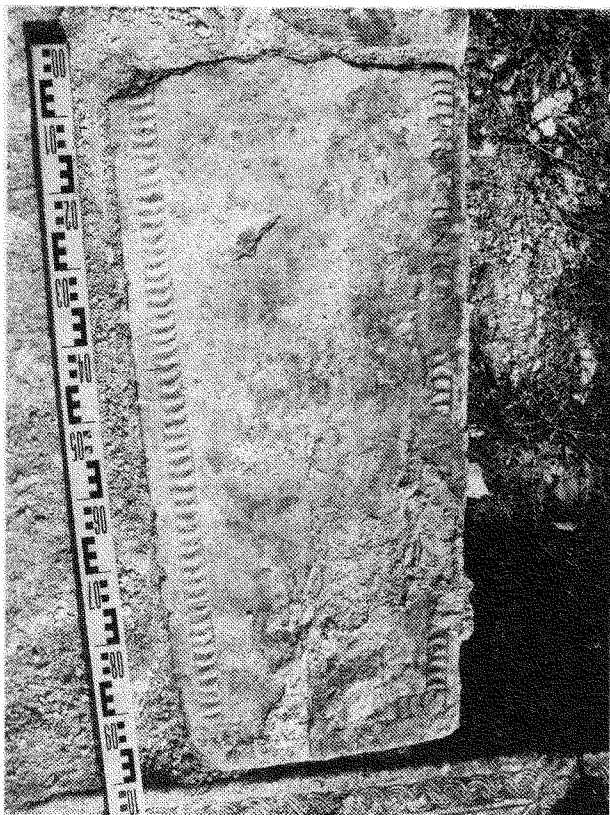

Рис. 5. Лицевая грань плиты № 21 из фундамента церкви св. прп. Ферапонта в Лужецком монастыре Можайска

По периметру лицевой стороны расположен орнамент волна. На правой стороне волна направлена вверх, на левой стороне вниз, со стороны изножья — налево. Ширина пояса волны составляет 0,03 м.

Левая боковая сторона плиты не орнаментирована. На изученных поверхностях надписей нет.

Плита предположительно датируется первой половиной XVII в.

Плита № 43 (рис. 1, 3; рис. 6).

Находится в центре апсиды с внешней стороны церкви. Плита лежит лицевой стороной вверх, ориентирована изголовьем на север. Сохранилось примерно две трети плиты со стороны изголовья. Лицевая часть имеет значительные утраты (сколота). Доступны к изучению две плоскости: лицевая и правая боковая, остальные грани находятся в фундаменте. Длина сохранившейся части плиты составляет 1,25 м, ширина со стороны изголовья 0,62 м, со стороны скола 0,52 м, толщина со стороны изголовья 0,33 м, со стороны скола 0,28 м.

Лицевая сторона по периметру орнаментирована волной, ширина волны 0,03 м, направление волны — против часовой стрелки. С внутренней стороны пояса с волной, на расстоянии 0,01–0,02 м, проходит глубокая (до 0,01 м) неровная борозда. Со стороны изголовья расположена розетка, сформированная из трех узлов жгутового орнамента.

Правая боковая сторона не орнаментирована. На изученных поверхностях надписей нет.

Плита предположительно датируется первой половиной XVII в.

Плита № 44. 1651 г. (рис. 1, 4; рис. 7).

Находится в юго-восточном углу апсиды с внешней стороны церкви. Плита лежит лицевой стороной вверх, ориентирована изголовьем на юго-запад. Сохранилась целиком, расколота поперек под углом на две неравные части. Доступны к изучению две плоскости: лицевая и часть левой боковой (от 0,07 до 0,17 м в высоту). Остальные грани находятся в фундаменте. Длина плиты составляет 1,73 м, ширина со стороны изголовья 0,72 м, со стороны изножья 0,56 м, толщина не определяется, т. к. часть видимой боковой стороны находится в фундаменте.

Лицевая сторона по периметру орнаментирована волной, ширина волны 0,03 м, направление волны — против часовой стрелки. С внутренней стороны от орнаментального пояса, на расстоянии 0,01 м, проходит глубокая (до 0,01 м) прямая борозда. На лицевой

Рис. 6. Лицевая грань плиты № 43 из фундамента церкви св. прп. Ферапонта в Лужецком монастыре Можайска

Рис. 7. Лицевая грань плиты № 44
из фундамента церкви св. прп. Феропонта
в Лужецком монастыре Можайска

стороне со стороны изголовья расположена надпись глубоко врезанной вязью. Сохранилось четыре строки, уверенно читается:

«ЛЕТА 7 розетка 159
ИЮНЯ ВО 2 ДЕНЬ ПРЕСТАВИСЯ
РАББОЖИЙ КОНДРАТЕЙ[...]
[...]Ч ОЗЕРОВ»

Левая боковая сторона не орнаментирована. На остальных изученных поверхностях надписей нет.

Плита Ивана Тимофеевича Усова. 1673 г.
(рис. 2, 1; рис. 8; рис. 9).

Плита располагается на первом южном постаменте крайнего западного ряда лапидарного комплекса. Сохранилась примерно одна треть плиты со стороны изголовья. Подошва плиты утрачена, плита в ширину сохранилась не равномерно, со стороны изголовья 0,19 м. в нижней части 0,15 м. Длина сохранившейся части 0,77 м, ширина в изголовье 0,82 м.

Лицевая сторона по периметру орнаментирована волной, ширина пояса волны 0,05 м, направление волны — от изголовья к изножью по бокам и справа налево в поперечном поясе у изголовья. Со стороны изголовья расположена розетка, сформированная из трех узлов жгутового орнамента. Надписи нет. Боковые грани не орнаментированы.

На торцевой грани со стороны изголовья находится надпись глубоко врезанной вязью в две строки, уверенно читается:

Рис. 8. Лицевая грань плиты Ивана Тимофеевича Усова из лапидарного комплекса
в Лужецком монастыре Можайска

Рис. 9. Торцевая грань со стороны изголовья намогильной плиты Ивана Тимофеевича Усова из лапидарного комплекса в Лужецком монастыре Можайска

Рис. 10. Лицевая грань плиты неизвестного из лапидарного комплекса в Лужецком монастыре Можайска

[...]А7181 МАИЯ В 7 [день] ПРИСТАВИ[ся] РАБ
БОЖИЙ
ИВАН ТИМОФЕЕВ СЫН УСОВ

Плита неизвестного (рис. 2, 2; рис. 10).
Плита располагается на седьмом с юга постаменте
второго восточного ряда лапидарного комплекса. Со-

хранилось примерно половина плиты со стороны изножья. Лицевая часть имеет значительные утраты (следы выветривания). Плита имеет трапециевидную форму. Длина сохранившейся части плиты составляет 1,15 м, ширина лицевой грани со стороны изножья 0,56 м, со стороны скола 0,64 м, ширина тыльной грани со стороны изножья 0,55 м, со стороны скола 0,56 м, толщина со стороны изножья 0,28 м, со стороны скола 0,34 м.

Лицевая сторона по периметру орнаментирована волной, ширина волны 0,03 м, направление волны – от изножья к изголовью по бокам и слева направо в поперечном поясе у изножья.

Боковые стороны не орнаментированы. На изученных поверхностях надписей нет.

Плита датируется предположительно первой половиной XVII в.

Литература

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.

Беляев Л.А., 2006. Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.

Балашов А.Ю., 2009. Отчет об археологических исследованиях на территории Лужецкого монастыря – описание плит в фундаменте церкви преподобного святого Ферапонта в г. Можайске Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Балашов А.Ю., 2010а. Церковь преподобного святого Ферапонта в Можайском Лужецком монастыре и

ее фундаменты // Макариевские чтения. Вып. XVII. Можайск.

Балашов А.Ю., 2010б. Отчет об археологической фиксации несанкционированных земляных работ у северной стены Лужецкого монастыря в городе Можайске Московской области и о высокочастотном микромагнитном исследовании на данной территории в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Янишевский Б.Е., 1998а. Отчет о разведках на территории Можайского района в 1998 г. // Архив ИА РАН.

Янишевский Б.Е., 1998б. Охранные раскопки в Лужецком монастыре г. Можайска // Макариевские чтения. Вып. V. Можайск.

A.Yu. Balashov

Rare 17th-century gravestones from the Luzhetsky monastery in Mozhaïsk

Summary

The article describes the gravestones from the church of St. Therapontos in the town of Mozhaïsk (in the west

of Moscow oblast). Judging by the dates of death, the ornament belongs to the 17th century.

Археология позднего Средневековья и Нового времени

В.В. Богомолов, М.И. Гоняный, А.В. Дедук, Г.А. Шебанин, А.В. Шеков

Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Филино

В 2008–2009 гг. археологической экспедицией Государственного Исторического музея под руководством М.И. Гоняного были проведены охранные археологические работы на селище Филино 1 в Подольском районе Московской области.

Селище расположено на левом берегу р. Алешинка – левого притока р. Мочи (в 150 м к востоку от д. Филино), на склоне первой надпойменной террасы левого берега искусственного пруда, на высоте 11–20 м над уровнем уреза воды. Эта территория со всех сторон окружена лесными массивами (рис. 1) и подвергалась многолетней распашке (Гоняный, 2008).

В 2008 г. с помощью площадного сбора подъемного материала, были выявлены 2 участка концентрации находок, вероятно, соответствующих расположению дворов на территории средневекового селища. Тогда же была изучена центральная часть памятника, на котором располагалось одно из скоплений. Здесь был заложен раскоп 1 площадью 1452 кв. м, изучено 117 ям (значительная часть из них – это столбовые ямы).

Судя по расположению этих ям, изученный участок был интерпретирован как остатки усадьбы конца XVI – XVII в. Жилая усадебная постройка располагалась в центре поселения и была окружена хозяйственными постройками. Были прослежены следы ее перестройки после пожара (Гоняный, 2009).

В июле 2009 г. на памятнике к югу и востоку от раскопа 1 был заложен раскоп 2 площадью 2397 кв. м. В восточной части этого раскопа были изучены остатки предполагаемого усадебного двора, границы которого определяются рядами столбовых ям, вытянутыми по линиям северо-запад – юго-восток и северо-восток – юго-запад. Примерные размеры двора – 22 × 30 м. Остатки построек были представлены ямами 39–51 (рис. 3). Территорию предполагаемого двора по линии северо-запад – юго-восток перерезала траншея оросительной системы 60–70-х гг. XX в. шириной 1,5–1,7 м, повредившая ряд комплексов.

Ямы 41, 41а-в, 42, вероятно, являлись остатками подполов одной или двух жилых построек, т. к. за-

полнение этих ям содержало материал разрушения печей (рис. 3; рис. 5; рис. 8).

Комплекс ям 41, 41а-в (рис. 5), судя по заполнению, был остатками одной постройки, внутри которой располагалась печь. Ее остатки сохранились в неглубокой яме 41в в виде крупных фрагментов печины. Скорее всего, эта яма была местом расположения основания печи (рис. 7). В яме 41 в середине заполнения сохранилась линза печины, а на дне ямы было найдено скопление фрагментов кирпичей. Заполнение ямы 41б также было насыщено печиной. Судя по разрезам, яма 41а была сооружена несколько позже засыпки ямы 41. Так как на дне ямы 41 были найдены фрагменты кирпичей, можно предполагать перестройку печи и последовавшую за ней реконструкцию подпола (ямы 41-41б). На дне ямы 41а были найдены 6 практически целых рельефных «муравленых» изразцов (рис. 6; рис. 17; рис. 18), а также фрагменты типологически подобных изразцов (рис. 19; рис. 20). Кроме того, в яме 41в были найдены 4 обломка белоглиняной трубы (диаметр – около 35 см), характерной для внутренних конструкций изразцовых печей, и фрагменты изразцов (рис. 46, 2–5). Это позволяет считать, что печь была изразцовой.

Среди индивидуальных находок из описываемого комплекса наиболее интересны: обломок кочедыка, сапожные подковы, железный нож, обломок железной иглы, фрагмент медного сосуда с клепками, глиняное грузило, бронзовая пуговица-гирька (рис. 16, 10), нателные медный и серебряный кресты (рис. 15, 3, 5), обломок перстня-печатки с растительным орнаментом на щитке (рис. 15, 4), ружейный кремль (?), медная копейка царя Алексея Михайловича (1655–1663 гг.) и серебряная копейка царя Петра I (1682–1698 гг.) (см. таблицу 9)¹.

Принадлежала ли яма 42 (рис. 3; рис. 8) к подполу другой постройки либо располагалась в комплексе одной постройки с ямами 41, 41а-в, определенно судить сложно.

Возможно, подполами жилых построек (одной постройки?) были ямы 51, 51а (рис. 3; рис. 9), т. к. в их заполнениях были найдены линзообразные скопления

¹ Авторы статьи благодарят Е.В. Глазунову и В.В. Зайцева (ГИМ) за обработку монетного комплекса.

крупных обломков печины — остатков разрушенных печей. Там же были встречены фрагмент стеклянного сосуда (рис. 44, 3) и обломок изразца с зеленой поливой.

Кроме того, остатки разрушенных печей (в виде печины) были найдены в заполнениях ям 44, 47, 48. Характер их залегания позволяет предполагать, что печь была сброшена в ямы при нивелировке поверхности (рис. 3; рис. 12; рис. 14).

Яма 50, видимо, была погребом. Судя по сильно прокаленному дну ямы, остаткам сгоревших плах, прослойке углей и массиву обожженной глины в нижней части заполнения, постройка, связанная с ямой 50, сгорела (рис. 3; рис. 10). В нижней части ямы были найдены фрагменты керамики, характерной для XVI в. Поэтому яма 50 отнесена к более раннему времени, чем период существования рассматриваемой усадьбы. При строительстве здесь более позднего двора середины XVII — начала XVIII в. остатки этого погреба были засыпаны плотным материковым грунтом и перекрыты ямой 51 (рис. 3; рис. 9; рис. 10).

Ямы 38–40, 43–49 могли иметь хозяйственное назначение, они располагались по контуру двора, очерченного столбовыми ямами (рис. 3; рис. 11–14). Наиболее интересными находками из этих ям были: медная копейка царя Алексея Михайловича (1655–1663 гг.) (яма 38); обломок каменного грузила, 2 обломка железных ножей и серебряная копейка XVII в. (не ранее 1613 г.) (яма 39); обломок железной иглы, бронзовая пуговица (яма 43) (рис. 16, 9); медный нательный крест (рис. 15, 1) и свинцовая плomba (яма 45); железный ключ с частью бородки, бронзовая пуговица (яма 46) (рис. 16, 7); шестигранный щитковый бронзовый перстень с заливкой белой эмалью внутри щитка (рис. 15, 7), свинцовая пуля (яма 48); 9 обломков рельефных «муравленных» изразцов, в том числе лицевого изразца с выпуклым поясным изображением повернутого вполоборота человека с мечом в руке (яма 49) (рис. 21).

На территории предполагаемой усадьбы выделяют две пустые незастроенные зоны, разделенные между собой ямами 41, 41а–в, 42 — остатками жилых построек или одной постройки сложной планировки (рис. 3). Скорее всего, это зоны двух дворовых площадок — «передний двор» и «задний двор». «Передний двор», вероятно, располагался в южной части усадьбы. Его локализация основана на сопоставлении топографии селища и расположения дорог на карте Генерального межевания этой же местности (рис. 1; рис. 2). Характерно, что индивидуальные находки из пахотного слоя были сделаны преимущественно в южной части усадьбы — на месте «переднего двора» и прилегающих к нему построек (рис. 4). Из находок отметим следующие: металлические сбруйные и ременные пряжки (рис. 16, 1, 6), медный нательный крест и обломки других подобных крестов (рис. 16, 2, 4), бронзовую граненую бусину с циркульным орнаментом (рис. 15, 8), бронзовые накладки (рис. 16, 3, 5), обломки железных ножей, железный топор, железные гвозди, железный ключ от винтового замка, железный кочедык, железная сапожная подковка, 2 свинцовые пули.

Из монет в пахотном слое на территории усадьбы были найдены: серебряная московская копейка царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.), фаль-

шивая копейка XVII в. (царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.)?), 2 медные копейки царя Алексея Михайловича (1655–1663 гг.), медная денга царя Петра I 1702 г., медная монета царя Петра I 1707 г., медная полушка царя Петра I (1718–1724 гг.), медная монета XVIII в. плохой сохранности, полкопейки императора Николая II 1911 г. (табл. 9). Таким образом, по монетным находкам предполагаемая усадьба датируется XVII — первой четвертью XVIII в. Уточнить эту датировку позволяет анализ керамических комплексов.

Всего на участке предполагаемой усадьбы было найдено 4610 фрагментов круговой керамической посуды. Количественные характеристики групп керамической посуды из комплексов, содержавших более 100 фрагментов (ямы 39, 41, 41а, 45, 51а) представлены в таблицах 2–4, 6, 7 и схеме (рис. 22). Характеристика керамического материала из ямы 29, находившейся вне границ предполагаемой усадьбы, представлена в таблице 1 для сравнения с комплексами с территории усадьбы. А таблица 5 (керамический материал из ям 41б, в) приведена в дополнение к таблицам 3 и 4.

Подавляющее количество фрагментов (по комплексам, приведенным в таблицах 2–4, 6, 7 — 46–65%) принадлежали белоглиняной посуде, изготовленной из формовочных масс с присутствием в ней мелкого песка (рис. 33; рис. 45, 3, 5, 7, 8; рис. 47, 2, 3, 5–8). Поверхности таких фрагментов шероховатые. Изломы — однослойные серо-белые либо двуслойные в итоге вторичного бытового обжига. Большинство фрагментов были покрыты снаружи нагаром. По составу формовочных масс такая керамика близка московской белоглиняной грубой посуде конца XV — XVI в., (Чернов, 1991б. С. 51) или МБК-1 (Коваль, 2001. С. 98–103), но более насыщена песком («запесочена»). Для поселений Подмосковья позднего Средневековья и раннего Нового времени эта посуда получила наименование «белоглиняной шероховатой» (Чернов, 2005. С. 180, рис. 41В, 43Г, 44В, 55В и др.).

Верхние части «шероховатых» белоглиняных горшков имели вертикальные либо слегка отогнутые (изогнутые) шейки и венчики, сформованные массивными загibaми краев внутрь (более чем на половину высоты шейки). Такие горшки не имели орнамента или орнаментированы редкими горизонтальными линиями, рядом косых вдавлений палочкой по верхней части тулова или плечикам (рис. 30, 2–9; рис. 33, 1–8; рис. 41). Ближайшим соседним регионом, где в комплексах второй половины XVI — XVII в. известна подобная керамика, является верхнее Поочье (Болдин, 2002. С. 188, 192; Болдин, 2003. С. 90, 91; Болдин, 2004; Зацаринный, 2004; Заидов, Шеков, 2009). Морфологически подобная посуда (горшки типа II) присутствует в археологических комплексах XVI–XVII вв. с территории кремля в г. Тула, будучи хорошо представленной в комплексах XVII в., известна по позднесредневековым слоям г. Зарайска (исследования И.Ю. Стрикалова) (Зацаринный, Екимов, Шеков, 2007. С. 136, 138, 145, 148; Зайцева, 2005. С. 330. Рис. 4, 6).

Часть подобных белоглиняных горшков была орнаментирована горизонтальными линиями в виде «рифления» по шейкам в подражание московским

белоглиняным «гладким» горшкам (рис. 34, 4–6, 8; рис. 41) (Чернов, 1991б. С. 54) или МБК-2 второй половины XVI – XVII в. (Коваль, 2001. С. 103–108). Но наличие в их формовочных массах мелкого песка безусловно отличало их от белоглиняной «гладкой» посуды (производства Коломны, Тулы и других центров Среднего Поочья), которая, прежде всего, характеризуется отсутствием видимых примесей в тесте (Чернов, 1991б. С. 54; Коваль, 2005. С. 254).

Судя по массивным загибам краев венчиков горшков (более половины высоты шейки), вышеописанные белоглиняные сосуды, скорее всего, бытовали в XVII в., как это представляется по опубликованным археологическим комплексам из Тулы и городов верхнего Поочья. Донца таких горшков были выполнены на подсыпках мелкого песка либо имели следы заглаживания, в т. ч. пальцами. Углы отгиба стенок от линии днищ составляли 120–150° (преобладали – 130–140°). Наличие на фрагментах горшков нагара и следов многократного вторичного обжига характеризует эту группу посуды как кухонную.

Среди белоглиняной посуды из формовочных масс, насыщенных мелким песком, были и единичные обломки мисок (слой 1 ямы 41) диаметрами около 16–17 см, со срезанными краями и наружными уплощенными валиками чуть ниже края венчиков (рис. 25, 9, 10). Небольшое количество фрагментов этой группы белоглиняной керамики принадлежало крышкам от горшков. Края крышек традиционно были сформованы уплощенными заворотами наружу.

Кроме того, среди белоглиняной посуды, изготовленной из формовочных масс с мелким песком, присутствовало небольшое количество обломков, вполне сопоставимых с московской белоглиняной «грубой» посудой (МБК-1). Их отличали качественный обжиг и «звонкость» черепка, наличие в изломах, кроме песчинок, других примесей в виде заметных черных точек, отсутствие следов вторичного обжига в ходе бытового использования. Найденные венчики таких сосудов были оформлены характерными для МБК-1 заворотами краев венчиков наружу шеек (тип 4/3 по В.Ю. Ковалю) и принадлежали, вероятно, тарной посуде – корчагам с диаметрами венчиков 24 и 28 см (рис. 30, 1; рис. 32, 8; рис. 35; рис. 42; рис. 45, 7). В отличие от описанной в литературе МБК-1 XVI в., подобная посуда с поселения Филино 1, видимо, бытовала в XVII в. одновременной с другой белоглиняной посудой этого времени из обследованных комплексов. По мнению С.З. Чернова, появление таких белоглиняных корчаг произошло на этапе московского керамического производства времени начала правления Петра I, т. е. конца XVII в. (Чернов, 2005. С. 160. Рис. 33Б). Но отдельные фрагменты корчага этого типа найдены в слое московского денежного двора середины XVII в. («Археология Романова двора», 2009. С. 136, 137. Рис. 230, 8).

На дне ямы 50 и в слое 1 ямы 51а были найдены крупные фрагменты от четырех горшков с наличием в формовочных массах не только мелкого, но и крупного песка (в достаточно большом количестве), три из которых следует отнести к московским белоглиняным грубым горшкам (МБК-1) XVI в. (рис. 38, 1, 4; рис. 40,

2, 3). Венчики этих трех горшков были оформлены заворотами краев наружу (тип 4/2 – 2 обломка из слабообожженной глины, 41/2Г – 6 белоглиняных фрагментов и 1 обломок из слабообожженной глины).

Еще один белоглиняный горшок, два крупных фрагмента от которого были найдены в слое 1 ямы 51а и один – на дне ямы 50, также следует датировать XVI в. Он был выполнен из формовочной массы с крупным песком (2–3 мм в поперечнике), с шейкой, слегка отогнутой наружу, и косо срезанным краем венчика (тип 2/2 или 2/4 по В.Ю. Ковалю) (рис. 40, 1). В месте перехода тулова в плечико горшок был орнаментирован одной волнистой линией.

Другую хорошо представленную количественно группу керамики (по комплексам, приведенным в таблицах 2–4, 6, 7 – 12–31%) составляли белоглиняные фрагменты без визуально фиксируемых примесей, которые принадлежали к московской белоглиняной «гладкой» посуде (керамика коломенского типа) (рис. 26; рис. 31; рис. 45, 1, 2, 4, 6). Они принадлежали горшкам с вертикальными шейками, орнаментированными преимущественно горизонтальными линиями в виде характерного «рифления». Такой орнамент занимал либо всю высоту шейки, но чаще – нижнюю половину либо нижние 2/3 высоты шейки. Некоторые фрагменты горшков коломенского типа были орнаментированы одной глубокой горизонтальной линией в верхней части шейки (рис. 25, 2; рис. 27, 3; рис. 45, 2), которые датируют с начала XVIII в. (Коваль, 2001. С. 107. Рис. 3). С.З. Чернов отметил наличие таких венчиков «в комплексе из Мытищ, датированном монетой 1707 г.» (Чернов, 2005. С. 160, рис. 32).

Венчики горшков коломенского типа из раскопа 2 оформлены, как правило, заворотами «черновых краев» внутрь, с преобладанием массивных валиков, занимающих половину высоты шейки и более (тип 3/4 по В.Ю. Ковалю). Края венчиков округлые (редко слегка приостренные). По аналогиям с опубликованными материалами такие горшки следует датировать в пределах XVII – начала XVIII в., а более узко – второй половиной XVII – началом XVIII в. (Коваль, 2001. С. 106, 107; Чернов, 2005. С. 201, рис. 54В). Донца горшков с диаметрами 7–11 см были гладкими, с углами отгиба стенок от плоскости днищ около 130–150° (преобладали – 140–150°). За редким исключением, обломки этих горшков имели следы многократного бытового обжига (преимущественно по наружным поверхностям фрагментов и изнутри шеек), что свидетельствует об использовании такой посуды как кухонной.

В слое 3 ямы 41 был найден небольшой фрагмент белоглиняного донца (диаметр около 10 см) тарелки или блюда с белой поливой и синей росписью изнутри (рис. 44, 2). В пласте 4 ямы 41а найдены два крупных обломка белоглиняного сосуда типа миски, имевшего изнутри слой желто-коричневой поливы и рельефный рисунок (рис. 37, 2, 3). Сосуд имел диаметр по венчику около 18 см.

Сравнительно небольшое количество обломков (по комплексам, приведенным в таблицах 2–4, 6, 7 – 5–22%) принадлежали красноглиняным сосудам, изготовленным из формовочных масс с мелким пе-

ском. Изломы стенок — однослойные и двуслойные в результате вторичного обжига, а также трехслойные с центральным черным либо темно-коричневым «непропеченным» слоем. Большинство найденных красноглиняных венчиков принадлежало горшкам с относительно вертикальными короткими шейками и краями: простыми округлыми (тип 1/2 по В.Ю. Ковалю), обточенными (тип 2/3 В), обточенными с вертикальной канавкой (тип 2/3 Д), приостренными (типы 2/1 Д, 41/1), с небольшими внутренними валиками (3/4 Б в слое 1 ямы 51а) либо с массивными внутренними валиками почти по всей высоте шейки (типы 3/3 Д, 3/4 Ж) (рис. 23, 1–9). Почти все красноглиняные фрагменты имели следы многократного вторичного обжига, что характеризует эту группу посуды как кухонную. Красноглиняные горшки с короткими шейками и массивными внутренними заворотами краев венчиков следует датировать одним временем с описанной выше белоглиняной посудой и отнести к XVII в. Горшки с более простым оформлением венчиков и особенно с трехслойными, преимущественно черными, изломами, свидетельствующими о низкой температуре обжига, возможно, были изготовлены в XVI в. Тем более, что в комплексах ям 50, 51а были найдены крупные обломки белоглиняных «грубых» горшков XVI в.

В слое 2 ямы 41 и пласте 3 ямы 41а были найдены обломки венчика и горловины (диаметром около 12 см) красноглиняного кувшина, покрытого двусторонней (изначально коричневой) поливой (рис. 28, 5). В формовочной массе кувшина присутствовал лишь очень мелкий песок.

Представительную группу керамической посуды (по комплексам, приведенным в таблицах 2–4, 6, 7 — 11–20%) из раскопа составляли обломки чернолощенных (мореных с несплошным лощением) сосудов (рис. 24, 1, 2; рис. 28, 1–4). Подавляющее большинство из них, судя по темно-серым и светло-серым изломам, было изготовлено из ожелезненных (красных) глин. Но некоторая часть чернолощенной посуды, судя по белым и серо-белым изломам, была изготовлена из нежелезненной (белой) глины. По материалам раскопок на Романовом дворе, чернолощенные кувшины гжельского типа (мореные из белой глины) появляются в Москве в XVII в. («Археология Романова двора», 2009. С. 137). Все найденные в Филино обломки чернолощенной посуды не имели следов вторичного обжига, т. е. она относилась к столовой. Чернолощенная посуда была представлена обломками преимущественно кувшинов, орнаментированных горизонтальными линиями, и горшкообразных сосудов с валикообразными завернутыми наружу краями венчиков (тип 4/1 по В.Ю. Ковалю), орнаментированных горизонтальными линиями по плечикам (ямы 41, 41а, 47). Диаметры венчиков таких чернолощенных горшкообразных сосудов преимущественно составляли от 17 до 24 см. Крупный обломок такого сосуда с носиком-сливом (внешний диаметр — 57–59 мм) был найден на дне ямы 41 (рис. 36). Л.Э. Калмыковой такой сосуд атрибутирован как дойник, а О.Н. Глазуновой — как горшок-творожница («Археология Романова двора», 2009. С. 138. Рис. 246, 6).

Еще один обломок чернолощенного декоративного носика-слива (внешний диаметр — 24 мм; излом — серый) был найден на дне (слой 2) ямы 51а. В пласте 1 ямы 39 и в яме 38 были найдены обломки нижней части чернолощенной фляги (или фляг) диаметром около 26 см с небольшими ножками (рис. 24, 2). Изломы фрагментов фляги (фляг) — серые. Наличие фрагментов таких чернолощенных фляг было характерно для слоя московского денежного двора середины XVII в. при раскопках Романова двора («Археология Романова двора», 2009. С. 136).

Отметим, что в пласте 1 ямы 21, находящейся за пределами предполагаемой усадьбы, был найден фрагмент верхней части чернолощенного сосуда с изображением лица человека, выполненным, вероятно, тиснением в форме, подобно рельефным изразцам (рис. 43).

Частичное, а не сплошное лощение — признак сравнительно поздний для чернолощенной посуды («Археология Романова двора», 2009. С. 138). Очевидно, основной массив чернолощенной посуды из раскопок предполагаемой усадьбы в Филино следует признать синхронным белоглиняной посуде и датировать XVII в.

Как видно из схемы (рис. 22), количественное соотношение вышеописанных групп керамической посуды из наиболее представительных комплексов с предполагаемой территории усадьбы (ямы 39, 41, 41а, 45, 51а) сравнительно стабильно. Важно отметить, что это соотношение соответствует соотношению групп керамической посуды из слоя огорода первой четверти XVII в. на Романовом дворе, отличаясь от состава комплексов из слоев второй четверти и середины XVII в. на этом раскопе («Археология Романова двора», 2009. С. 77, 78, 83) (см. табл. 8).

Несколько иной состав имел комплекс керамики из ямы 29, располагавшейся, вероятно, вне пределов рассматриваемой усадьбы (табл. 1). Во-первых, в яме 29 было найдено большое количество обломков сравнительно архаичного (для данного памятника) красноглиняного горшка из формовочной массы с песком и редкими включениями дресвы (77 обломков стенок, 12 частей венчика диаметром 17 см и 1 — донца диаметром 25 см, на подсыпке песка, с углом отгиба стенки около 135°. Остроугольная дресва в формовочной массе этого горшка достигла 8 мм в поперечнике и имела сиреневый цвет (рис. 32, 4). Стенки имели двуслойный излом из-за вторичного бытового обжига, а донце — черный излом. Почти вертикальный, слегка отогнутый наружу венчик (тип 11/1 по В.Ю. Ковалю) имел край, оформленный канавкой (рис. 32, 1). По классификации С.З. Чернова этот горшок следует отнести к московской красноглиняной грубой керамике первой половины XV в. (Чернов, 1991а. С. 30; 2005. С. 111. Табл. В. 5. ис. на с. 114. № 73). Но пологое плечико и сравнительно большой угол отгиба стенок от плоскости донца позволяют не исключать и чуть более позднюю датировку этого сосуда. Так, С.В. Зацаринный, анализируя комплекс белоглиняной посуды коломенского типа первой половины XVI в. из постройки № 4 на территории кремля в г. Тула,

отметил, что угол отгиба стенок сосудов для горшков «колеблется в пределах от 114° до 136°» (*Зацаринный*, 2002. С. 258).

Отметим полное отсутствие обломков белоглиняной «гладкой» посуды в комплексе ямы 29 (рис. 22). Однако здесь были найдены фрагменты венчиков от белоглиняных шероховатых (с мелким песком) горшков, орнаментированных в подражание белоглиняным «гладким» горшкам «рифлением» по шейкам (рис. 32, 2, 3). Их наличие вместе с относительно большим числом чернолощенных обломков (12%) позволяет отнести формирование керамического комплекса ямы 29 к XVII в. Возможно, эту датировку следует ограничить второй половиной XVII в., т. к. в яме был найден характерный фрагмент венчика (типа 4/3) белоглиняной корчаги (рис. 32, 8).

Итак, наиболее ранним керамическим комплексом из исследованных на участке предполагаемой усадьбы, является керамика со дна ямы 50 (рис. 38). Его следует датировать в рамках XVI в. Присутствие фрагментов белоглиняных грубых горшков (МБК-1) XVI в. в слое 1 ямы 51а объясняется их выбросом из комплекса, связанного с ямой 50. В целом, по составу керамики, в т. ч. присутствию белоглиняной керамики коломенского типа (МБК-2), формирование слоя 1 ямы 51а следует датировать второй половиной XVII – началом XVIII в. (см. табл. 6; рис. 40). Этим временем (второй половиной XVII – началом XVIII в.) следует датировать формирование керамических комплексов из всех остальных ям на рассматриваемом участке, в которых присутствовала керамика. Эта датировка не исключает присутствия в керамических комплексах небольшого количества обломков посуды более раннего времени – XVI – первой половины XVII в.

Находки в ямах фрагментов белоглиняных корчаг, белоглиняных «гладких» (коломенских) горшков, орнаментированных глубокими одиночными горизонтальными линиями по верху шеек, очевидно, свидетельствует о прекращении функционирования построек предполагаемой усадьбы в конце XVII – начале XVIII в. Судя по находкам монет Петра I на территории усадебного двора, это произошло в первые десятилетия XVIII в. Однако отметим, что все эти монеты были найдены в пахотном слое, а наиболее поздняя монета из ям датируется 1682–1698 гг. Совпадение соотношения керамических групп из раскопок в Филино и из слоя огорода первой четверти XVII в. на Романовом дворе, вероятно, следует объяснить отставанием материальной культуры сельской усадьбы от культуры столичной усадьбы.

Остатки средневековой стеклянной посуды из раскопок двора в Филино были представлены всего лишь несколькими фрагментами. Донце сосуда было найдено в пласте 1 ямы 48 (рис. 44, 1), стенка штофа (?) – в пласте 3 той же ямы. В слое 2 ямы 51а – ниж-

няя часть сосуда типа стакана (чарка) с донцем диаметром 75 мм, оформленным по наружному краю выступами в виде лепестков (рис. 44, 3). Осколки таких конических стаканов и кружек с волнистым рифлением снизу были найдены в ямах и слоях первой половины XVIII в. при раскопках на Романовом дворе в Москве и предположительно отнесены Е.П. Смирновой к производству мастерских Центральной Европы конца XVII в. («Археология Романова двора», 2009. С. 145, 146. № 8–10, 19. Рис. 157. № 8–10, 19).

Находки «муравленых» изразцов из печного набора, серебряного креста, перстней, обломков стеклянной посуды, нехарактерных для крестьянского быта этого периода, и отсутствие находок, характерных для крестьянского быта (жерновов, кос, серпов), скорее всего, свидетельствуют о принадлежности этой усадьбы человеку из привилегированного сословия.

Характер заполнения ям, далеко не полный состав печного изразцового набора, сравнительно небольшое количество вещевых находок свидетельствуют о том, что усадьба, вероятно, была ликвидирована ее владельцем, а постройки и имущество были вывезены.

По карте Генерального межевания XVIII в. территория предполагаемой усадьбы приходится на единый участок землевладения, на котором расположены д. Филино и с. Никольское («Колчево, Голохвастово тож») (Карта Звенигородского уезда; *Кусов*, 2004. Картографическая часть. Л. 13). По исторической карте Подмосковья, составленной С.Б. Веселовским и В.И. Перцевым, в регионе нижнего течения р. Алешинки проходили границы Шахова стана, Перемышльской и Замыцкой волостей (причем «Филино, Дромино тож» попадает на территорию последней) (*Веселовский, Перцев*, 1993. С. 40). В XVIII в. разрозненные участки были «слиты» в один, так как находились во владении Потемкиных².

До 1623 г. селом Колчево владел Богдан Голохвастов. В 1623 г. он продал его дьяку Ивану Ларионову (две трети села) и подьячему Ивану Северову (одна треть). После этого село купил Иван Щербачев, после смерти которого оно отошло к его вдове Матрене. В 1650 г. по купчей Колчево перешло к Алферию Петрову Баскакову, а в 1655 г. – к его вдове Пелагее (в первом замужестве Потемкиной), которая продала две трети села своему сыну – Ф.И. Потемкину (*Холмогоровы*, 1889. С. 53–55).

В переписной книге Московского уезда 1678 г. содержится следующая информация о с. Колчеве Шахова стана: «За Федором Ивановым сыном Потемкиным половина села Колчева, Голохвастово тож. А в ней на его половину двор в отчине. А в нем живут деловые крепостные люди...» (РГАДА. Ф. 1209 Оп. 1. Д. 9811. Л. 79 – 79 об.). Там же при описании Замыцкой волости д. Филино упоминается трижды. Во-первых: «За Иваном да за Евсеем Ивановыми детьми Семе-

² «1768 года июля 3 дня при межевых делах майора Сергея Дмитриевича Потемкина ... состоящие за господином моим в Московском уезде в Шахове стане села Никольского, Замыцково и Перемышлельского станов сельца и деревни Филина с принадлежащими к нему пустошами» (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 537. Л. 19). На плане Генерального межевания 1768 г. данный участок (как и Колчево, так и Филино) отнесен к Шахову стану (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 258. Шифр: Н-9К[В-5]) (рис. 2).

новыми жеребей деревни Филино, Фомино тож. А в ней двор помещиков. А в нем живет деловой старинной человек Ивашко Остафьев... Двор крестьянской людей в нем семь человек. Двор бобыльский. Людей в нем один человек. Обо иво крестьянских и бобыльских двора. Людей в них восемь человек. Писано по сказке прикащика Алешки Яковлева» (РГАДА. Ф. 1209 Оп. 1. Д. 9811. Л. 258 – 258 об.).

Во-вторых: «За стольником за Федором Васильевым сыном Зиновьевым деревня Филина... Всего за ним в той вотчине два двора крестьянских людей в них двенадцать человек Два двора бобыльских людей. в них шесть человек. Обо иво крестьянских и бобыльских четыре двора людей. В них осемнадцать человек. Писано по сказке старосты Мишки Маркова» (РГАДА. Ф. 1209 Оп. 1. Д. 9811. Л. 263).

В-третьих: «За вдовою Дариною Петровскую женою Степанова сына Толстого жеребей деревни Филиной Фомино тож. А в ней двор вотчинников. А в нем живыт деловые крепостные люди Федка Павлов да Тимошка Яковлев. С³ всего за нею в той вотчине двор вотчинники людей в нем три человека. А крестьянских бобыльских дворов не писано по сказке человека ею Романки Учаева» (РГАДА Ф. 1209 Оп. 1. Д. 9811. Л. 266 об.).

Учитывая, что в материалах Генерального межевания д. Филино названа «деревней Фоминоской, Филино тож» (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 537), очевидно, что в первом и третьем описаниях названы жеребья одной деревни. Указан ли во втором описании этот же населенный пункт либо одноименный, определенно судить сложно.

В «дозорной и переписной книге церквей и церковных земель» 1680 г. читаем: «Николая чудотворца церковь (ветха), Шахова стана, в селе Колчево, Голохвастово тож, на речке Алешинке, бывшем в отчине за дьяком Иваном Ларионовым (две трети села) и за подьячим Иваном Северовым (треть села), а при досмотре за стольником Федором Ивановичем Потемкиным; поп Иван Никифоров...»⁴ («Описание...», 1872. Кн. 2. С. 91).

В 1710 г. с. Никольское, «что было село Колчево, Голохвастово тож на суходоле» было в вотчине за стольником «Дмитриевым Федоровым сыном Потемкиным» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9819. Л. 320).

В 1768 г. с. Никольское и д. Филино принадлежало майору Сергею Дмитриевичу Потемкину

(Кусов, 2004. Т. 2. С. 165; картографическая часть. Л. 13).

Таким образом, род дворян Потемкиных имел непосредственное отношение к интересующему нас землевладению. Обратимся к их биографиям.

Иван Гаврилович Потемкин – дворянин московский в 1629–1640 гг.

Федор Иванович Потемкин (умер в 1695 г.) – стольник (1658 г.); служил у стола государева; был при отпуске Александрийского патриарха (11 июня 1668 г.); дневал и ночевал у гроба царевича Семена Алексеевича (25 июля 1669 г.); воевода в Сургуте (1686 г.); дневал и ночевал у гроба царицы Натальи Кирилловны (28 января 1694 г.).

Дмитрий Федорович Потемкин (умер 16 мая 1748 г.) – стольник царицы Прасковьи Федоровны (1686–1692 гг.); царский стольник (1698–1711 гг.); за службу отца пожалован вотчиною (1711 г.); ландрат (1711 г.); обер-директор Московской акцизной камеры (1728 г.); коллежский советник (16 мая 1729 г.); член малороссийского Генерального суда (с 19 июля 1729 г.); состоял при Конюшенном приказе и отослан к герольдмейстеру для определения к другим делам (31 декабря 1731 г.); статский советник (при отставке, 22 декабря 1740 г.).

Сергей Дмитриевич Потемкин (1697 – 18 февраля 1772 г.) – секунд-майор; ассессор воеводы Калужской провинции (с 14 марта 1727 г.); квартирмейстерской канцелярии в Санкт-Петербурге (с 22 сентября 1732 г.); уволен от службы (22 декабря 1732 г.) (Румель, Голубцов, 1887. С. 260, 261, 263; Холмогоровы, С. 53–55).

В итоге следует, что предполагаемая усадьба второй половины XVII – начала XVIII в. могла принадлежать представителям родов Семеновых, Толстых либо Потемкиных. Не исключено владение этой усадьбой стольником Ф.В. Зиновьевым. Отметим, что усадьба существовала в то время, когда Федор Иванович Потемкин был воеводой в Сургуте (1686 г.), а его сын служил стольником: в 1686–1692 гг. у царицы Прасковьи Федоровны, а с 1698 г. у Петра I. Ликвидацию усадьбы в начале XVIII в. можно связать с ее переходом к новому землевладельцу или же с поголовной мобилизацией дворянства Петром I на службу «без съезду» (Покровский, 1966. С. 632).

Литература

Археология Романова двора. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12).

Болдин И.В., 2002. Круговая керамика Козельска // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула.

Болдин И.В., 2003. Сопоставление датировки позднесредневековой керамики Верхнего Подонья и Верхнего Поочья // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула.

Болдин И.В., 2004. Круговая керамика городища Воротыньск (к проблеме датировки верхнего культур-

³ Далее два слова неразборчиво.

⁴ Сохранена пунктуация публикации 1872 г.

ного слоя) // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань.

Веселовский С.Б., Перцев В.Н., 1993. Исторические карты Подмоскovie // История сел и деревень Подмоскovie XIV–XX вв. Вып. 4. М.

Гоняный М.И., 2008. Результаты археологических разведок в Истринском, Ленинском, Можайском, Подольском районах Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Гоняный М.И., 2009. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Филино 1 в Подольском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Готье Ю., 1906. Замосковский край в XVII в.: Опыт по исследованию экономического быта Московской Руси. М.

Заидов О.Н., Шеков А.В., 2009. Керамические комплексы средневекового Белева // Позднесредневековый город II: Археология. История. Тула.

Зайцева И.Е., 2005. Средневековый Зарайск: археологический комментарий // Великое княжество Рязанское. М.

Зацаринный С.В., 2002. Керамический комплекс раннего этапа заселения тульского кремля (по материалам постройки № 4) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула.

Зацаринный С.В., 2004. Круговая посуда финального этапа заселения Сорокина городища (средневековый Алексин) // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань.

Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г., Шеков А.В., 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя тульского кремля // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула.

Карта Звенигородского уезда Московской губернии. [1796 – 1802 гг.] Масштаб: 2 версты – 1 дюйм.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула.

Кусов В.С., 2004. Земли Московской губернии в 18 в. Карты уездов. Описание землевладений. М.

Покровский М.Н., 1966. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 1. М.

Книга переписная Зарецкой половины Московского уезда 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9811.

Книга переписная Московского уезда в станах: Сетунском, Медвенском, Вяземском, Гоголеве, Шахове, Молоцком и Ратуеве и в Растовской волости⁵ // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9819.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции, 1869. Кн. 1. СПб.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции, 1872. Кн. 2. СПб.

Полевые записки землемера [Назимова] Кондырева села Никольского, Колчева, Голохвастова тож; Ворсино, села Прохачева и других деревень и пустошей. 1768 г. // РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 537.

План генерального межевания с. Колчева и д. Филино Шахова стана Московского уезда. 1768 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 258. Шифр: Н-9К[В-5].

Румель В.В., Голубцов В.В., 1887. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб.

Халмогоров В., Халмогоров Г., 1889. Исторические материалы о церквях и селах XVI – XVII ст. Вып. 7. М.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. М.

V.V. Bogomolov, M.I. Gonyany, A.V. Deduk, G.A. Shebanin, A.V. Shekov

Archaeological investigations at the manor house in Filino village, second half of the 17th – early 18th cc.

Summary

Archaeological investigations at Filino 1 settlement (to the south of Moscow) revealed the remains of a manor house which had belonged to a noble family. Pits have been found which indicate the location of the main house

and the utility structures. The green glazed tiles that have been found in the pits indicate that the owners were well-to-do people. The pottery assemblage included ware from Kolomna and ware in the Upper Oka tradition.

⁵ Датируется 1709 г. по «Описание...», 1869. Кн. 1. СПб.

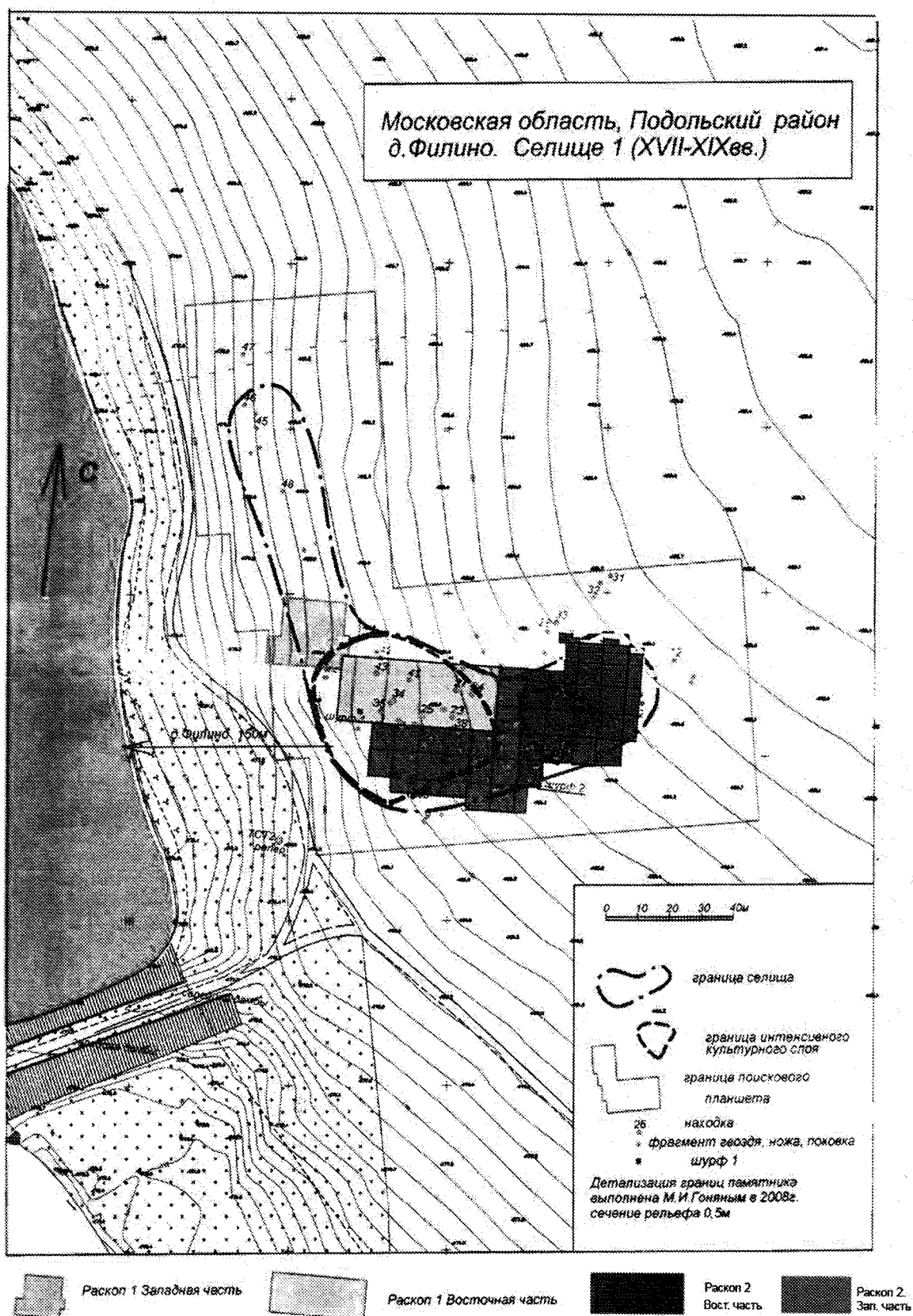

Рис. 1. Поселение Филино 1. Топографический план и схема раскопов

Рис. 2. Деревня Филино на плане Генерального межевания 1768 г.
(РГАДА. Ф. 1356. Оп. 258. Шифр: Н-9К(В-5))

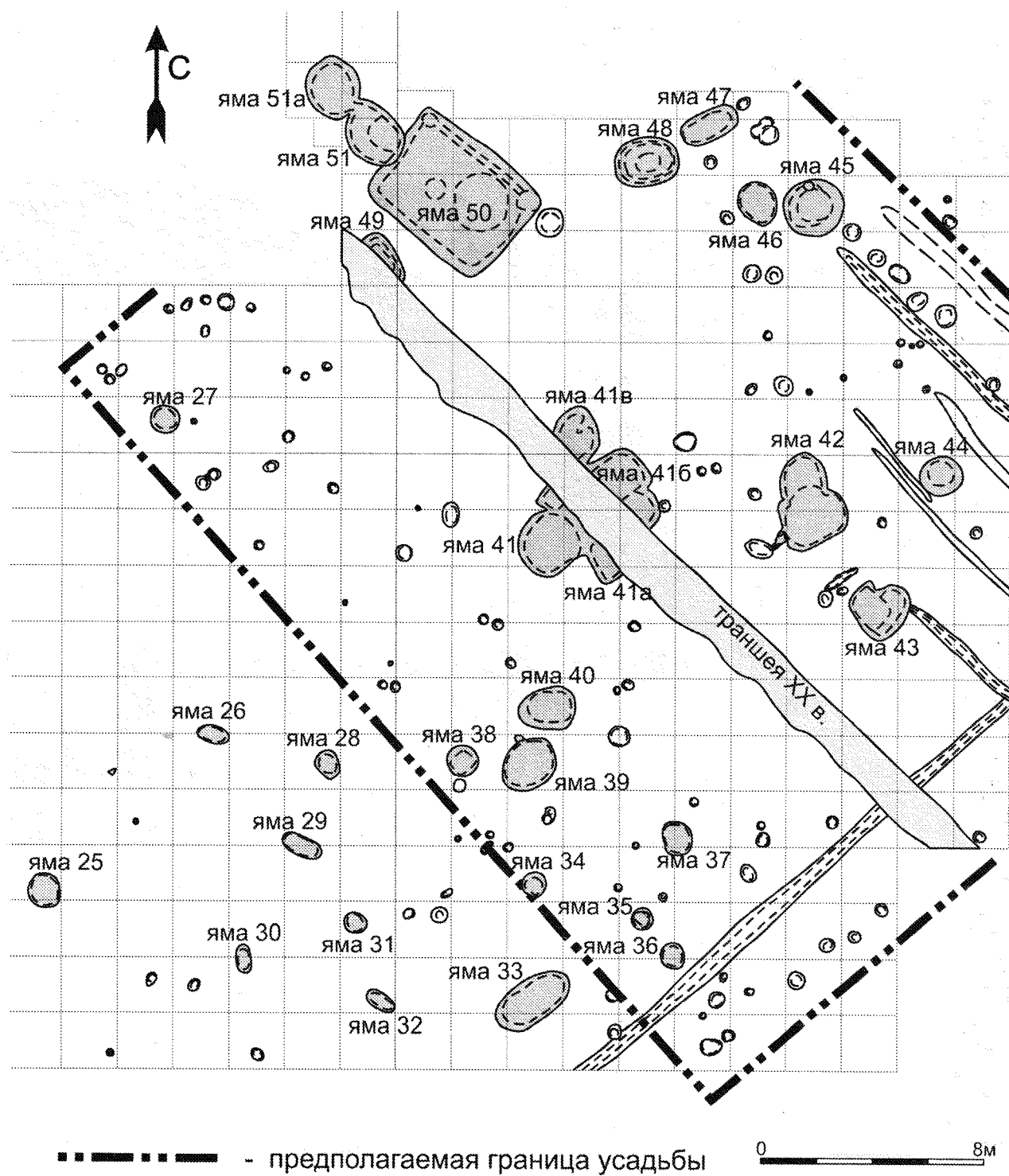

Рис. 3. Поселение Филино 1. План раскопа предполагаемой усадьбы

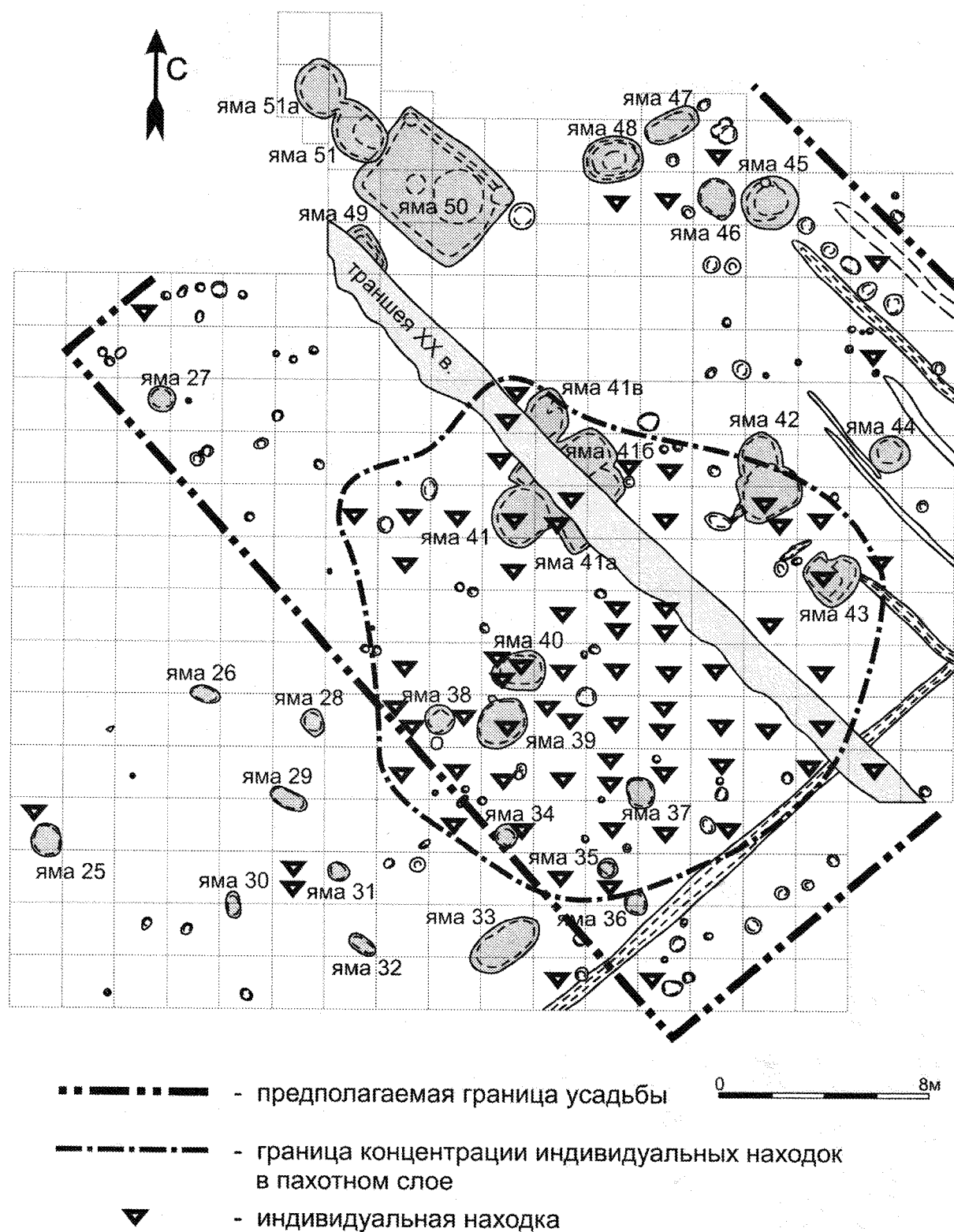
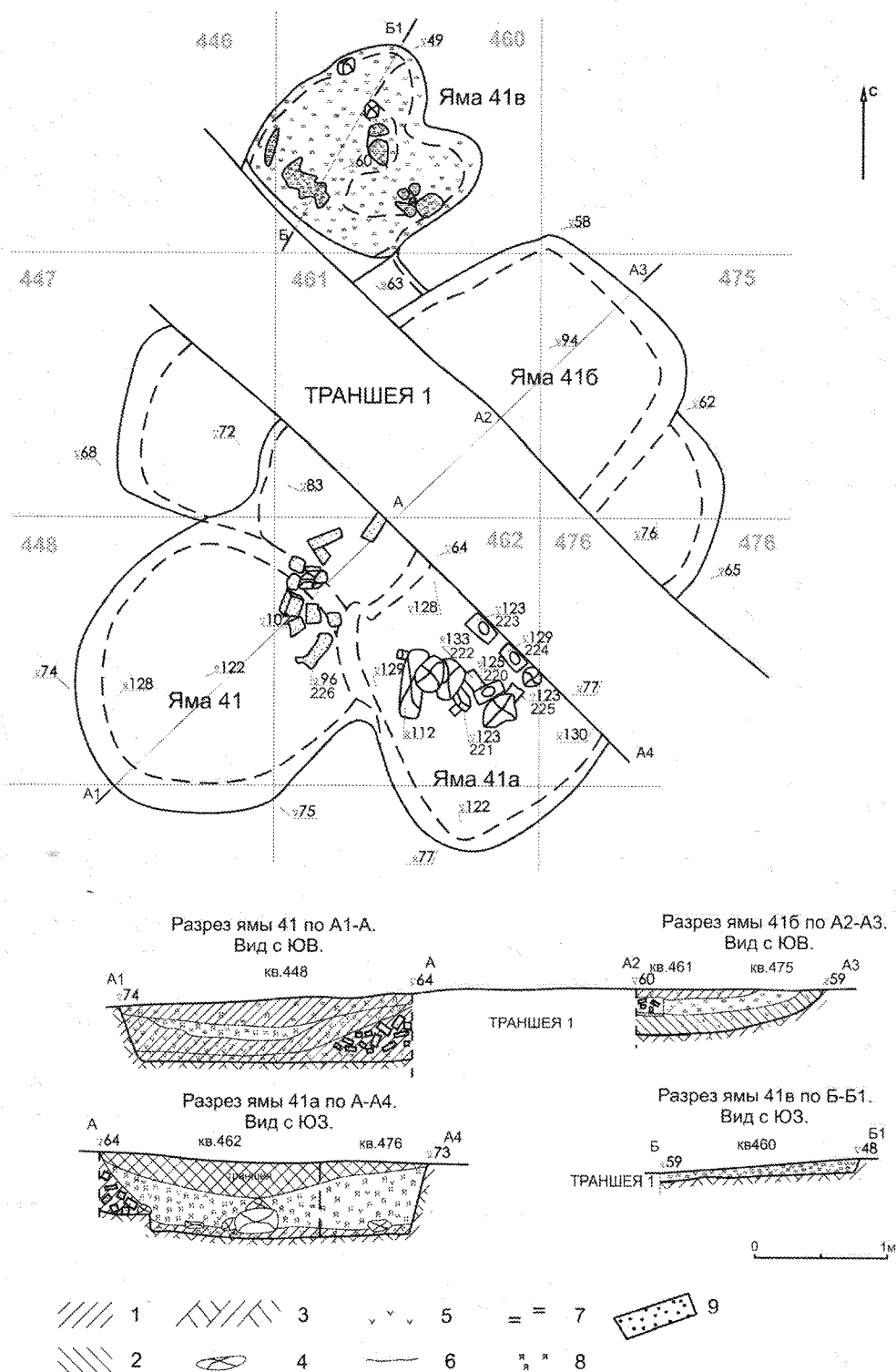

Рис. 4. Поселение Филино 1. Расположение индивидуальных находок из пахотного слоя на территории предполагаемой усадьбы

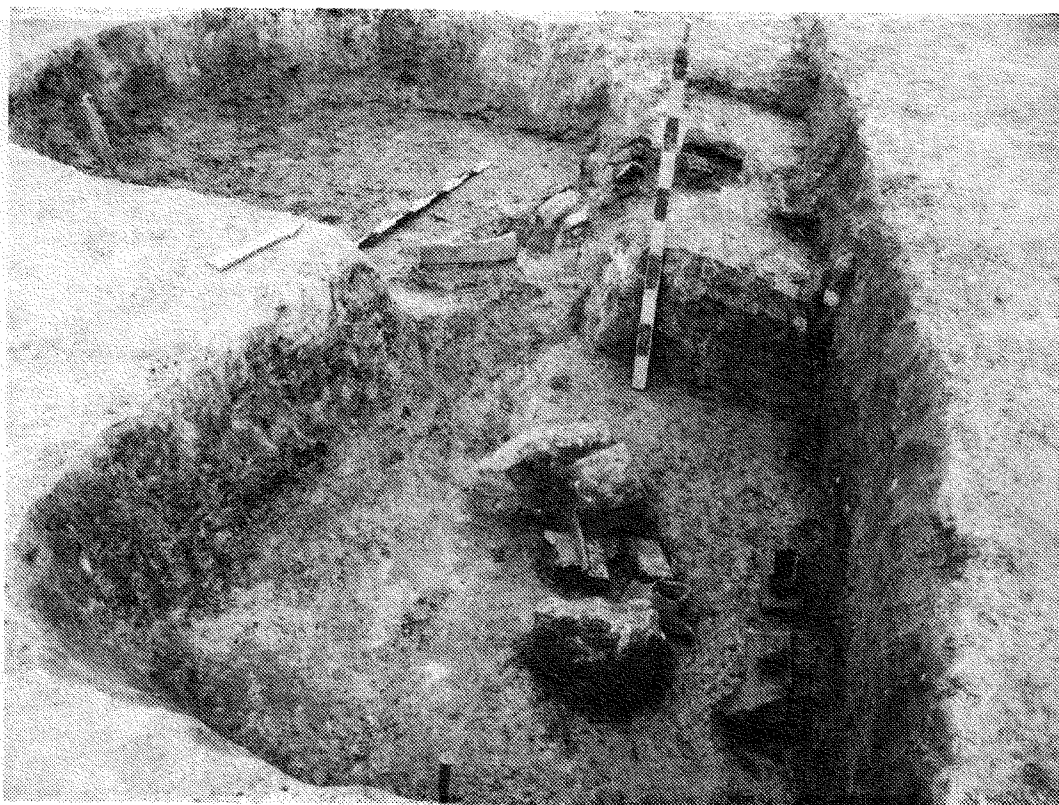

Рис. 6. Поселение Филино 1. Ямы 41, 41а. Вид с юго-востока

Рис. 7. Поселение Филино 1. Яма 41в со слоем пещины. Вид с юга

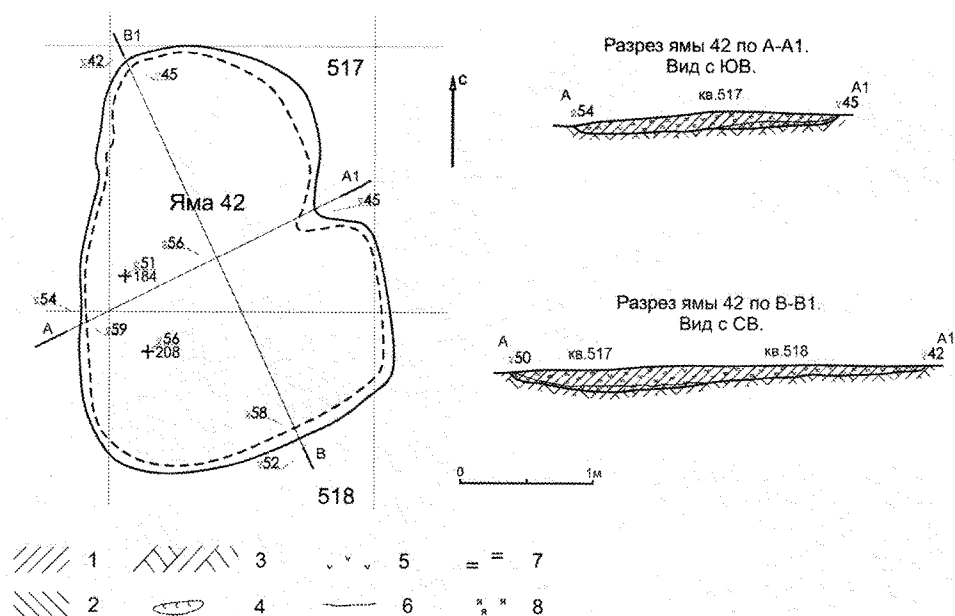

Рис. 8. Поселение Филино 1. План и разрезы ямы 42

1 — темно-серый гумусированный суглинок; 2 — светло-серо-бурый суглинок; 3 — материк; 4 — камни; 5 — уголь; 6 — граница материка; 7 — прокаленная глина; 8 — включения ярко-бурого суглинка

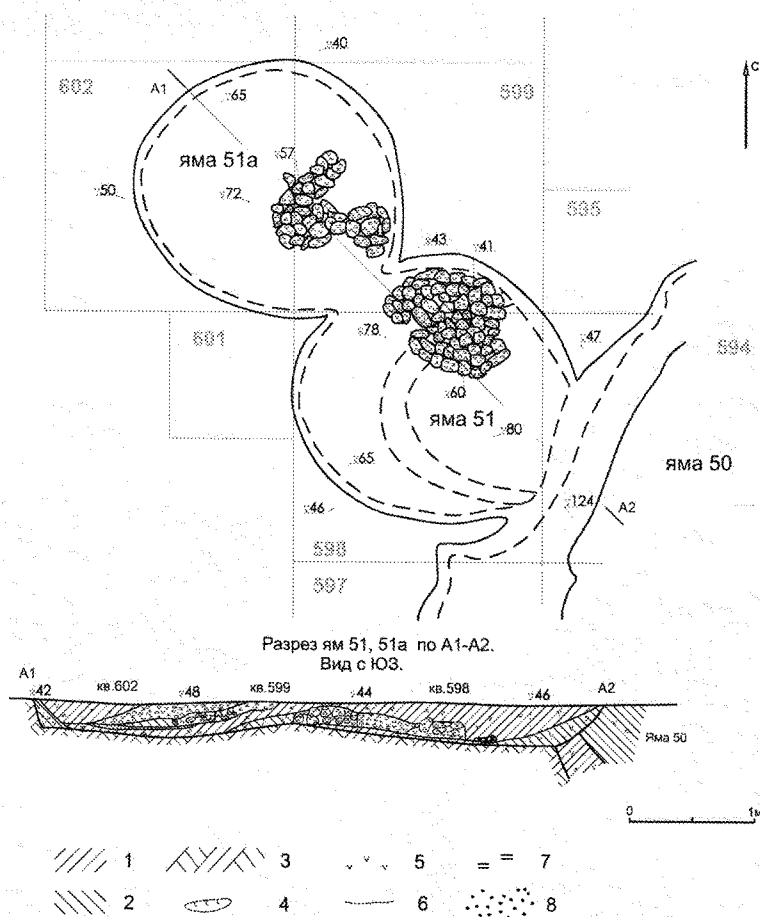

Рис. 9. Поселение Филино 1. Планы и разрезы ям 51, 51а

1 — темно-серый гумусированный суглинок; 2 — светло-серо-бурый суглинок; 3 — материк; 4 — камни; 5 — уголь; 6 — граница материка; 7 — прокаленная глина; 8 — супесь

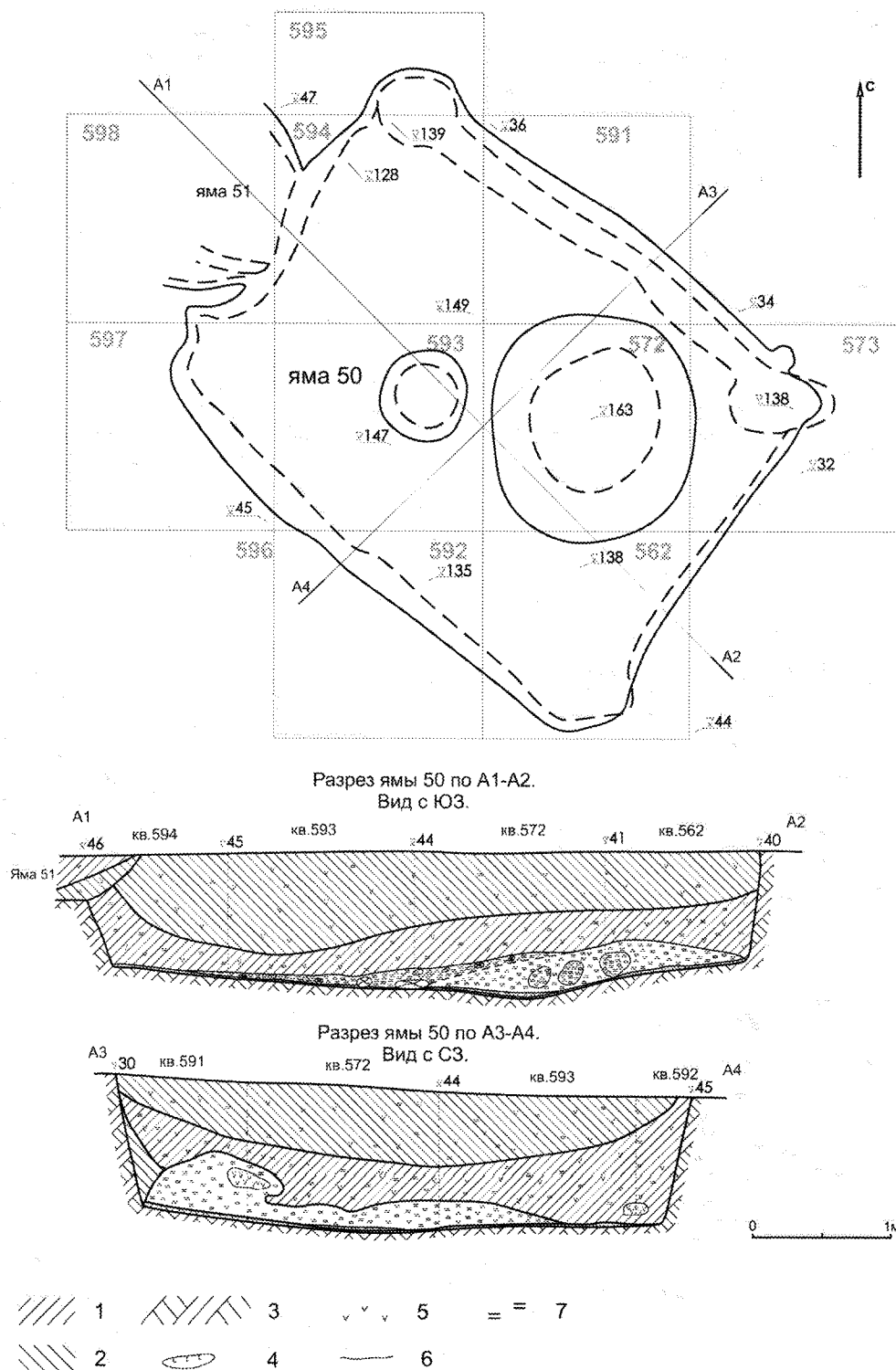

Рис. 10. Поселение Филино 1. План и разрезы ямы 50

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – светло-серо-бурый суглинок; 3 – материк; 4 – камни; 5 – уголь; 6 – граница материка; 7 – прокаленная глина

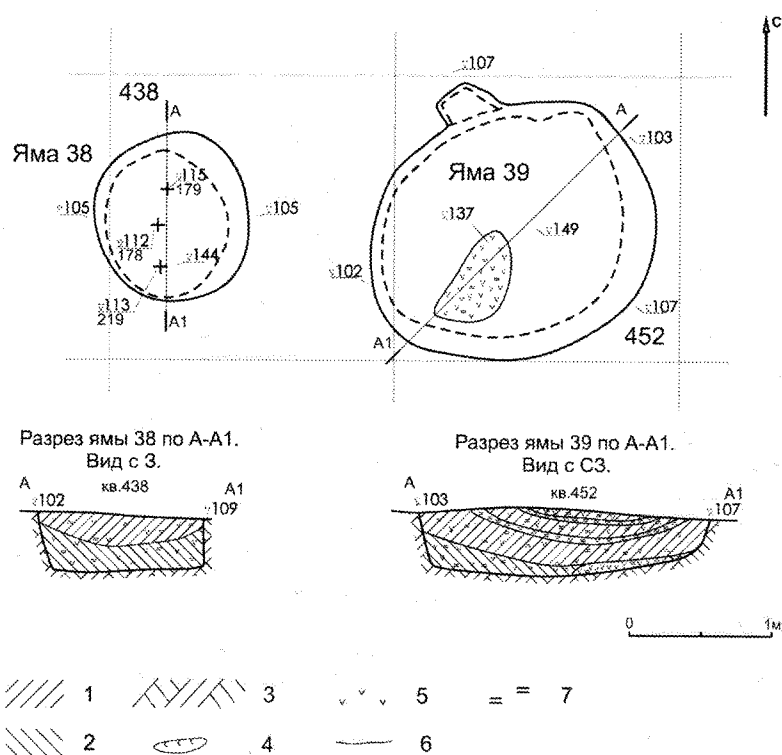

Рис. 11. Поселение Филино 1. Планы и разрезы ям 38, 39

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – светло-серо-бурый суглинок; 3 – материк; 4 – камни; 5 – уголь;
6 – граница материка; 7 – прокаленная глина

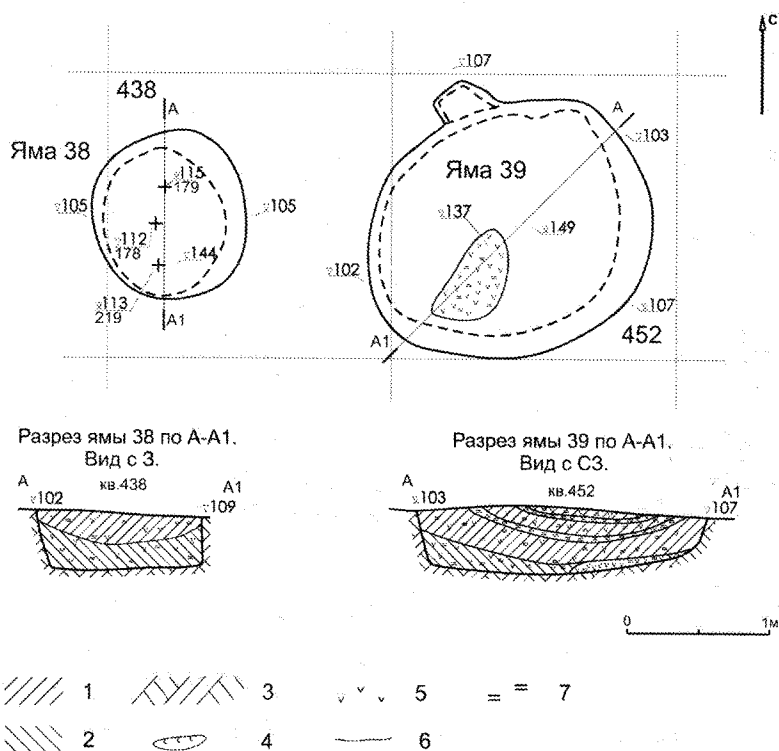
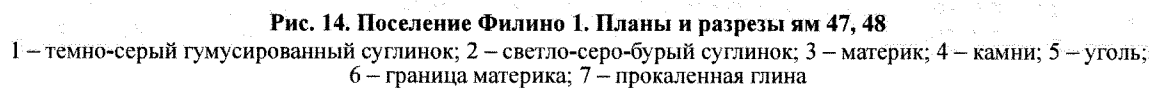
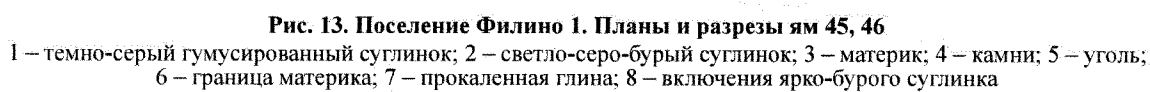

Рис. 12. Поселение Филино 1. Планы и разрезы ям 40, 43, 44, 49

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – светло-серо-бурый суглинок; 3 – материк; 4 – камни; 5 – уголь;
6 – граница материка; 7 – прокаленная глина; 8 – включения ярко-бурого суглинка

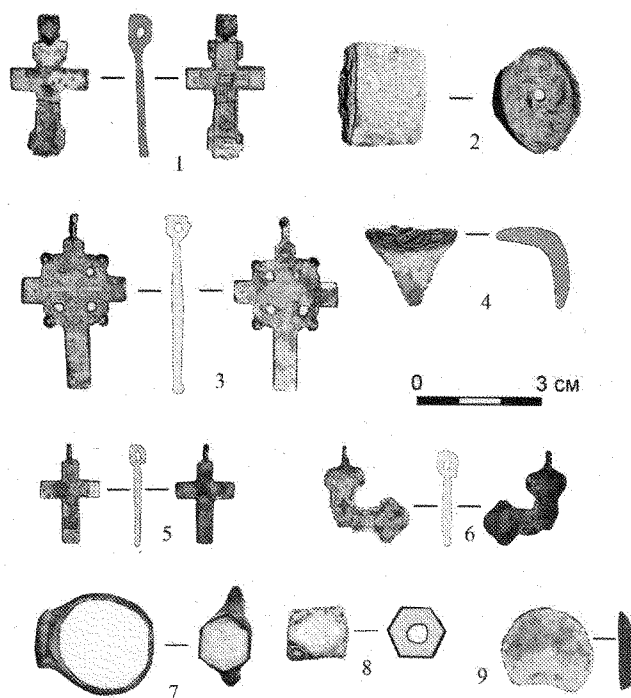

Рис. 15. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Индивидуальные находки

1 — медный нательный крест из пл. 1 ямы 45; бронзовое навершие рукояти ножа из пл. 1 ямы 33; 3 — серебряный нательный крест из пл. 1 ямы 41; 4 — фрагмент бронзового перстня из пл. 1 ямы 41; 5, 6 — медные нательный крест и фрагмент креста из пл. 3 ямы 41; 7 — бронзовый перстень из пл. 1 ямы 48; 8 — бронзовая бусина из пахотного слоя кв. 475; 9 — прозрачная вставка от украшения из пахотного слоя кв. 453

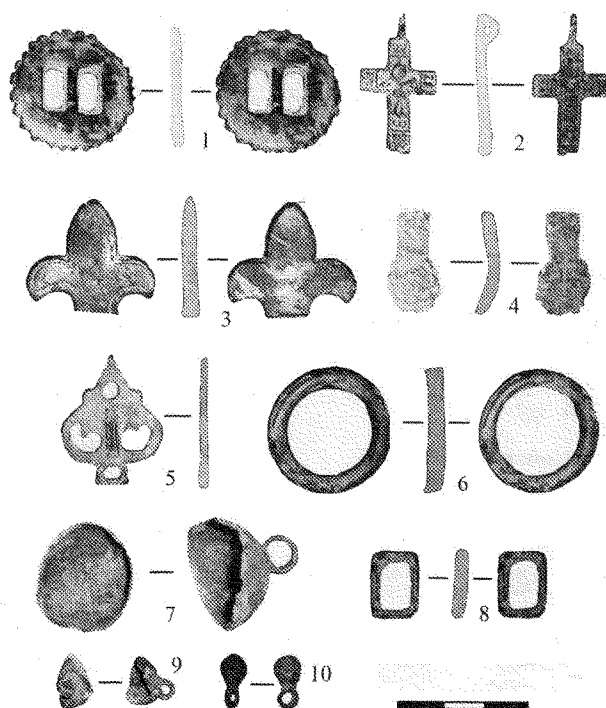

Рис. 16. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Индивидуальные находки (1–6 — из пахотного слоя)

1, 6 — бронзовые фрагменты упряжи из кв. 362, 446; 2 — медный нательный крест из кв. 447; 3 — фрагмент бронзового украшения из кв. 451; 4 — фрагмент бронзового нательного креста из кв. 478; 5 — бронзовая накладка из кв. 448; 7 — фрагмент бронзовой пуговицы (?) из пл. 1 ямы 46; 8 — бронзовая пряжка из кв. 454; 9, 10 — бронзовые пуговицы из пл. 1 ямы 43 и пл. 3 ямы 41

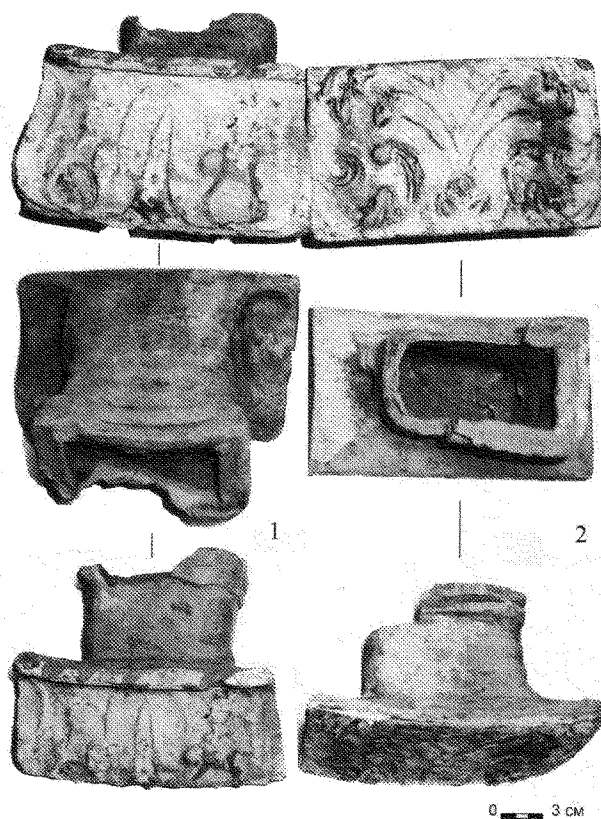

Рис. 17. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41а, дно. Изразцы

Рис. 18. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41а, дно. Реконструкция фрагмента печного набора изразцов

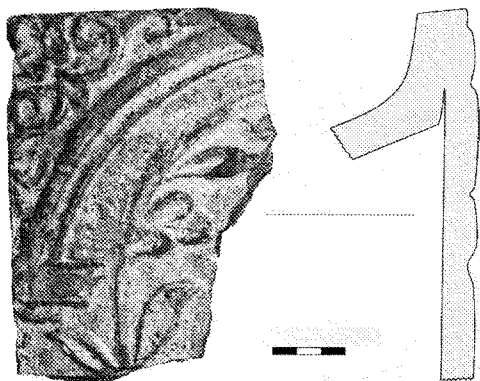

Рис. 19. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41а, пл. 1. Фрагмент красноглиняного рельефного изразца с зеленой поливой

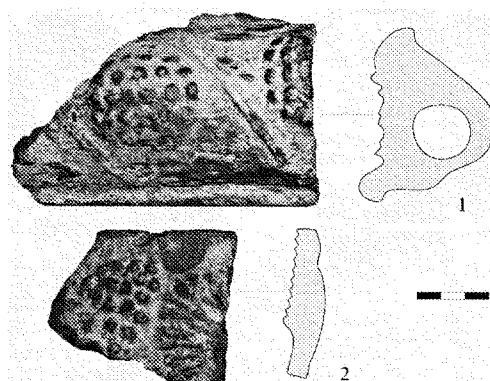

Рис. 20. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41а, пл. 3. Фрагменты красноглиняных рельефных изразцов с зеленой поливой

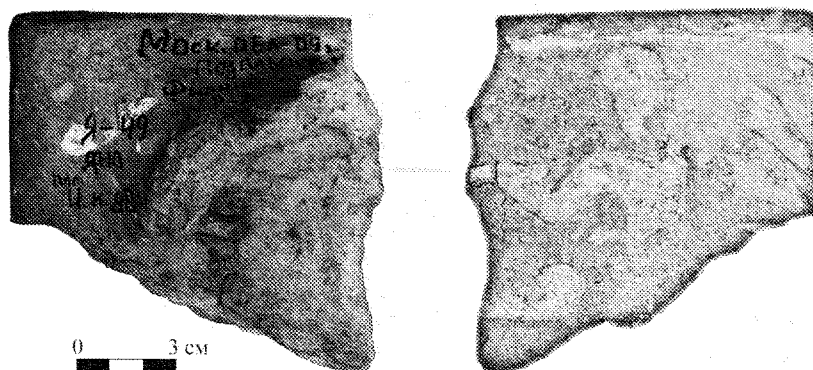

Рис. 21. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 49. Фрагмент красноглиняного рельефного изразца со следами зеленой поливы

Рис. 22. Поселение Филино 1. Схема соотношения групп керамики из ям 29, 39, 41, 41а, 45, 51а

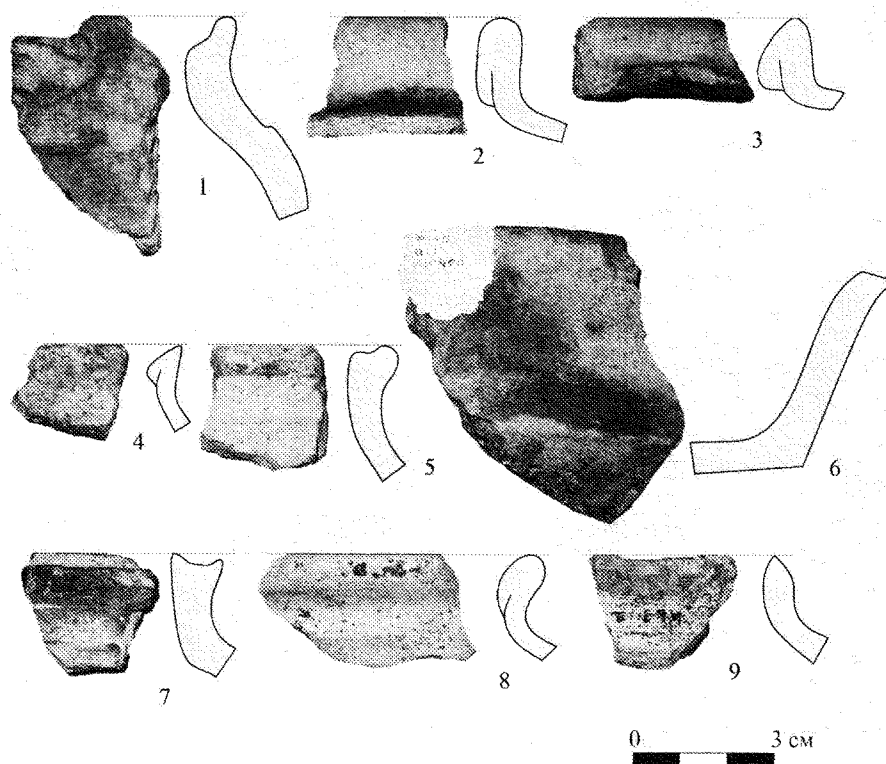

Рис. 23. Поселение Филено 1. Раскоп 2.
Фрагменты круговой красноглиняной посуды
с мелким песком в тесте из пласта I

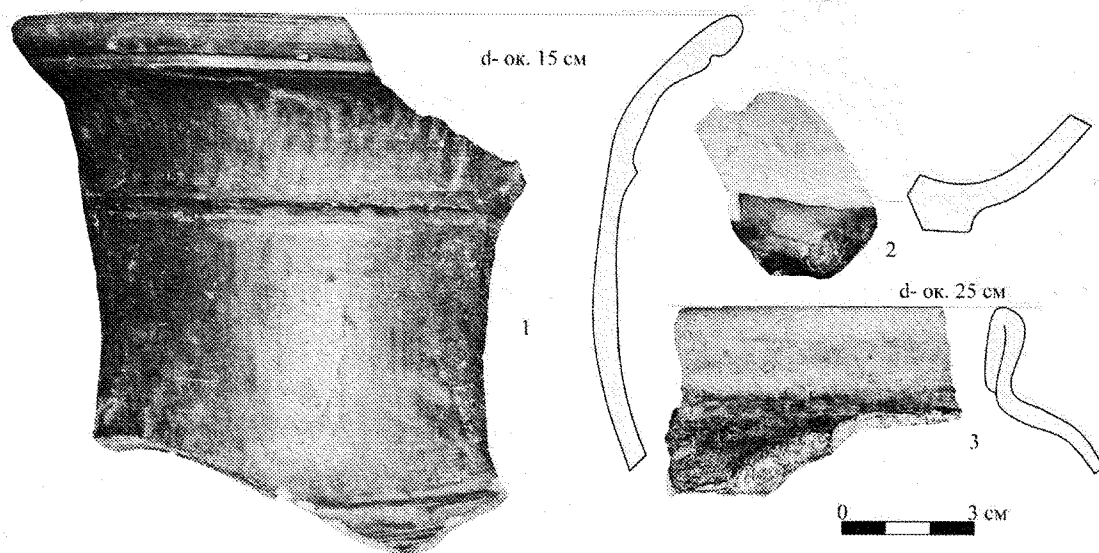

Рис. 24. Поселение Филено 1. Раскоп 2. Яма 39, пл. 1.
Фрагменты круговой красноглиняной посуды
с мелким песком в формовочных массах

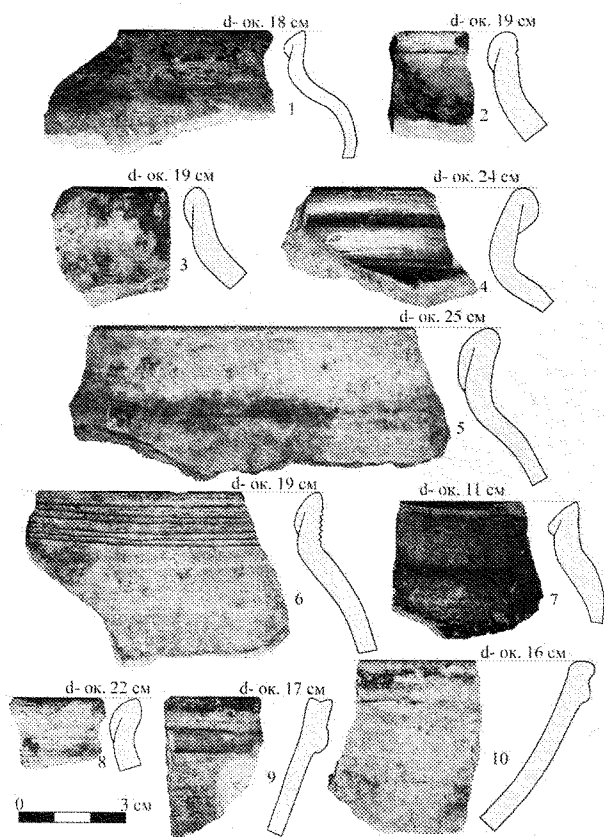

Рис. 25. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 1.
Фрагменты круговой керамической посуды
1–3 – белоглиняной без визуально заметных примесей (МБК-2); 4 – чернолощенной с серым изломом;
5–10 – белоглиняной с присутствием мелкого песка в формовочных массах

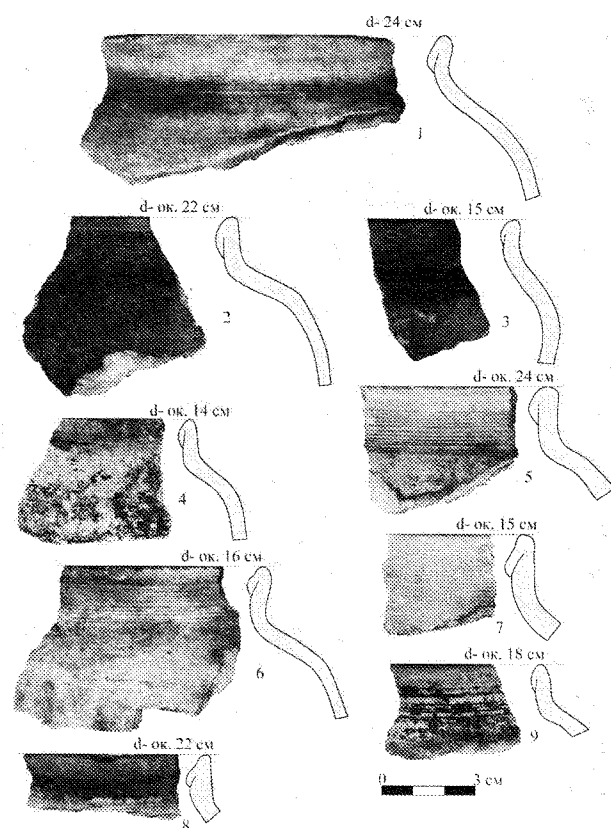

Рис. 26. Поселение Филино 1.
Раскоп 2. Яма 41, сл. 2.
Фрагменты круговых белоглиняных горшков
без визуально заметных примесей (МБК-2)

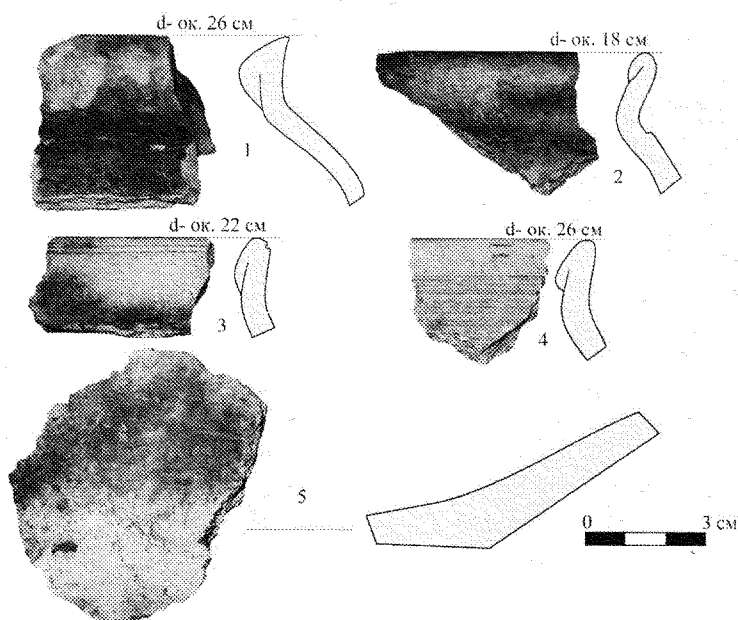

Рис. 27. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 2.
Фрагменты круговых белоглиняных сосудов
1, 2 – с присутствием песка в формовочных массах;
3–5 – без визуально заметных примесей (МБК-2)

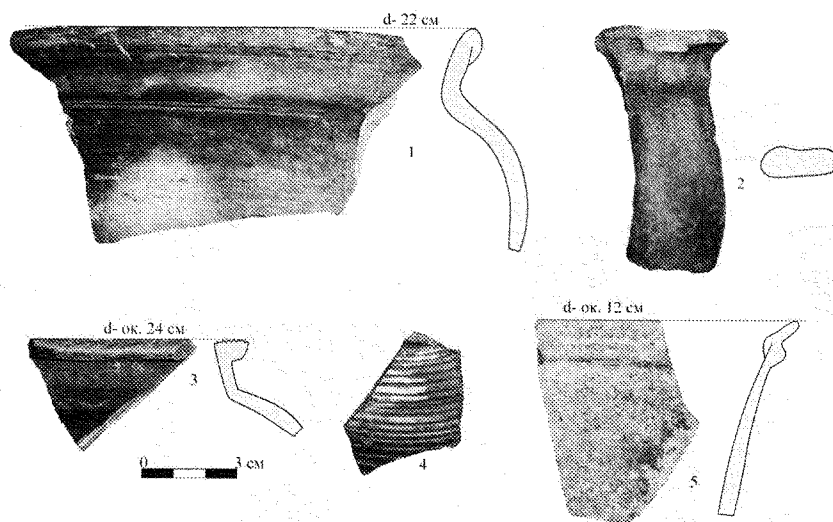

Рис. 28. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 2.
Фрагменты круговой керамической посуды
 1–4 – чернолощеной; 5 – красноглиняной с коричневой двусторонней поливой

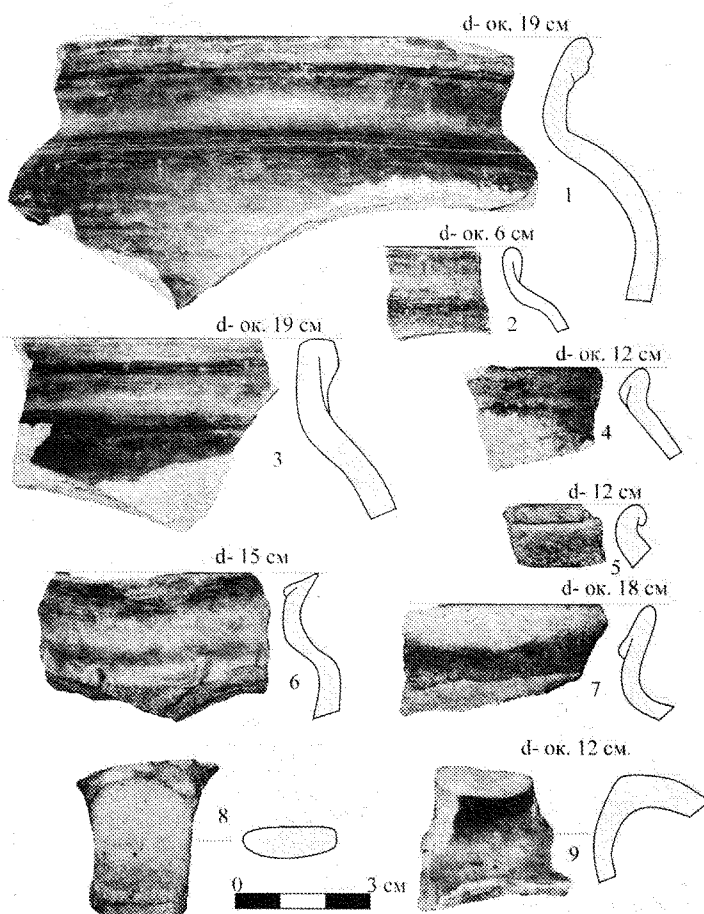

Рис. 29. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 3.
Фрагменты круговой керамической посуды
 1–3 – чернолощеной с белыми изломами; 4–7 – красноглиняной с присутствием мелкого песка в формовочных массах;
 8, 9 – ручек белоглиняных сосудов с присутствием мелкого песка в формовочных массах

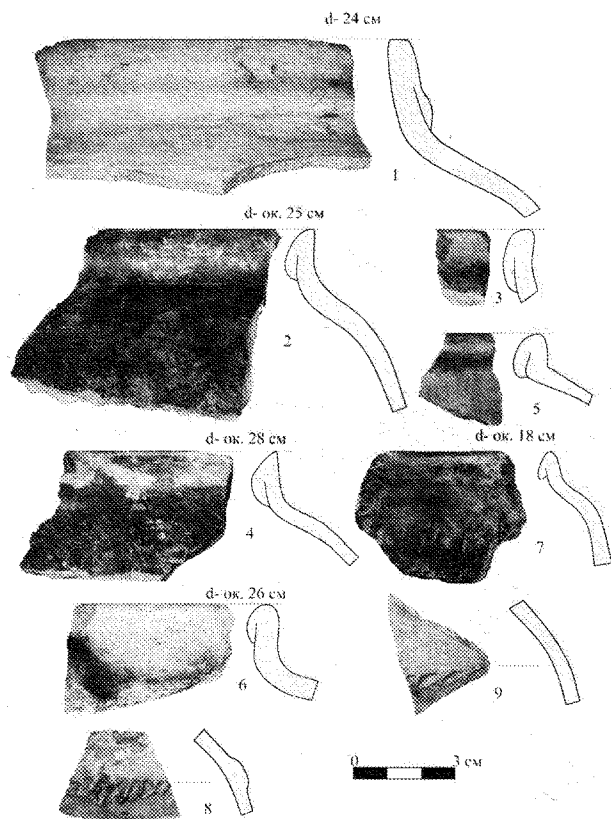

Рис. 30. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 3. Фрагменты круговой белоглиняной посуды с присутствием песка в формовочных массах

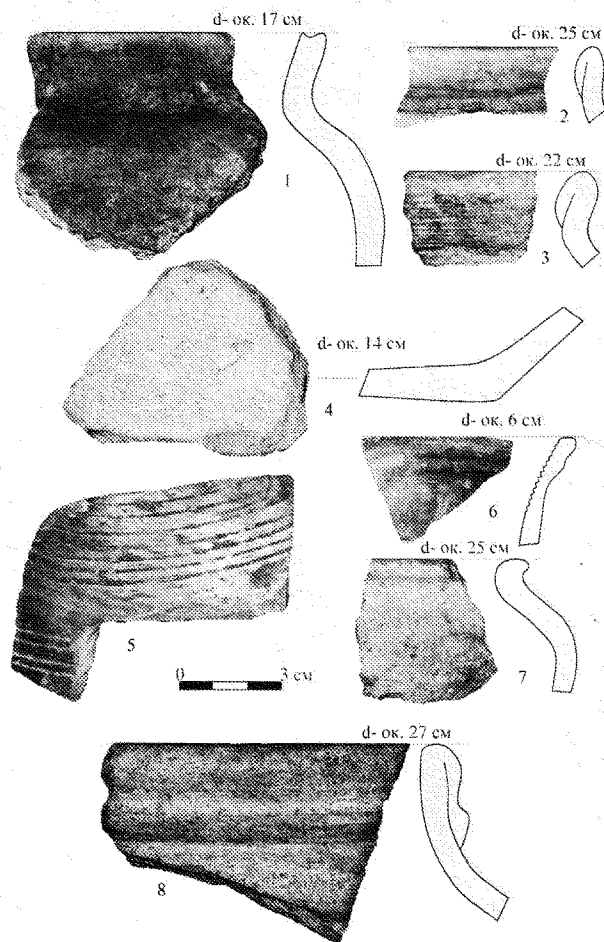

Рис. 32. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 29. Фрагменты круговой керамической посуды
1, 4 – красноглиняного сосуда с присутствием песка и редких включений крупной дровины (4 – вид изнутри) в формовочной массе;
2, 3 – белоглиняной с присутствием мелкого песка в формовочных массах; 5, 6 – чернолещеного кувшина с серым изломом; 7 – красноглиняного горшка с присутствием мелкого песка в формовочной массе;
8 – фрагмент белоглиняной корчаги с присутствием песка в формовочной массе

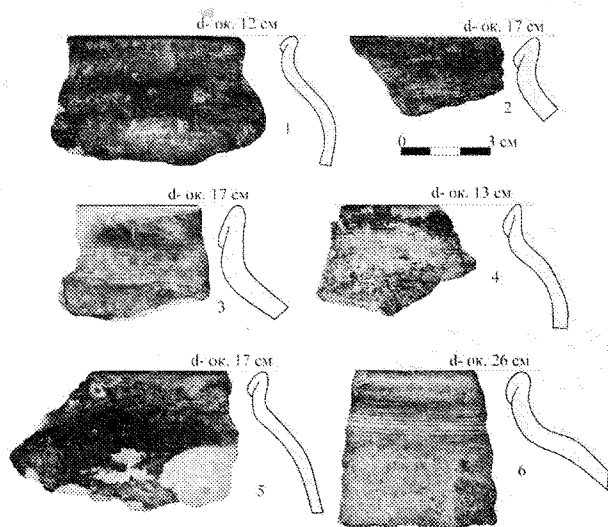

Рис. 31. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 3. Фрагменты круговой белоглиняной посуды без визуально заметных примесей (МБК-2)

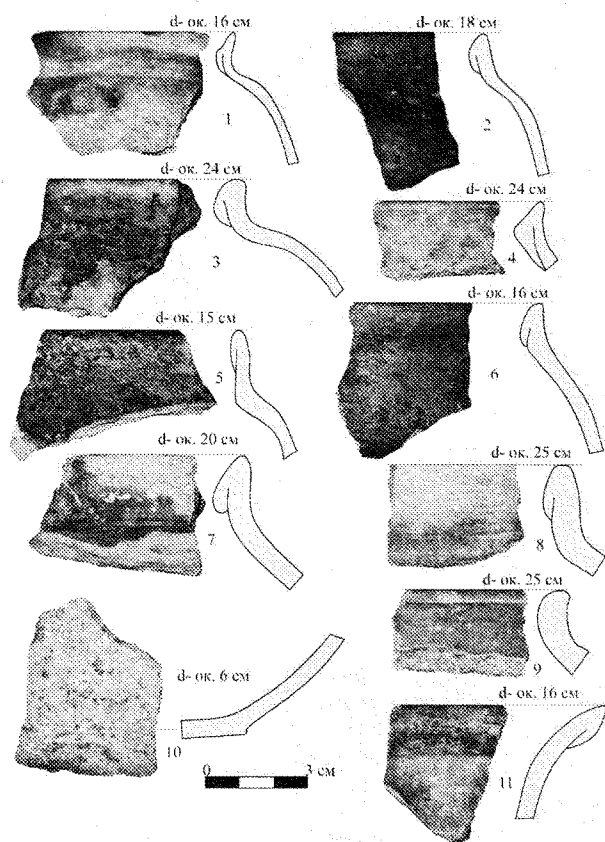

Рис. 33. Поселение Фирино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 3. Фрагменты круговой белоглиняной посуды с присутствием песка в формовочных массах

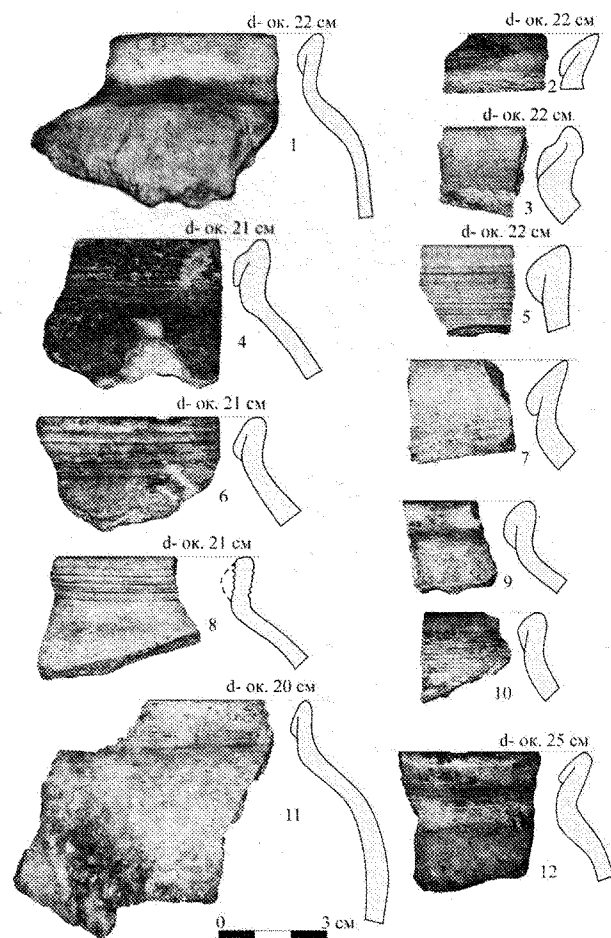

Рис. 34. Поселение Фирино 1. Раскоп 2. Яма 41, сл. 3. Фрагменты круговых белоглиняных горшков 1–9 – с присутствием мелкого песка в формовочных массах; 10–12 – без визуально заметных примесей (МБК-2)

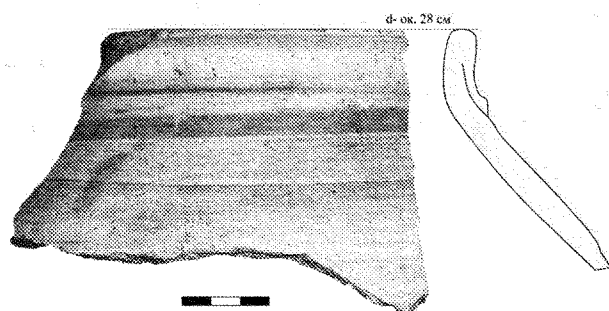

Рис. 35. Поселение Фирино 1. Раскоп 2. Яма 41а, пл. 4. Фрагмент белоглиняной корчаги с присутствием песка в формовочной массе

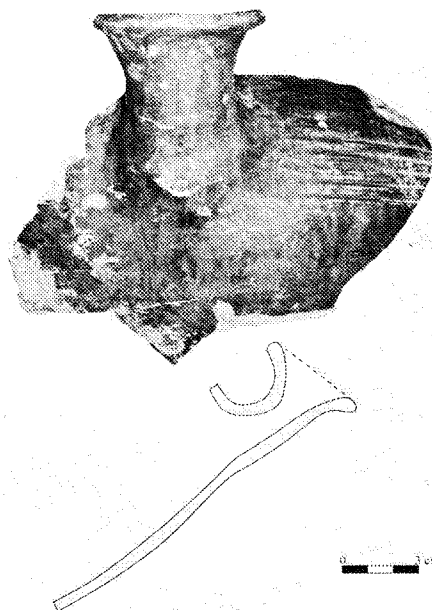

Рис. 36. Поселение Фирино 1. Раскоп 2. Яма 41а, пл. 4. Фрагмент чернолощеного сосуда с серым изломом

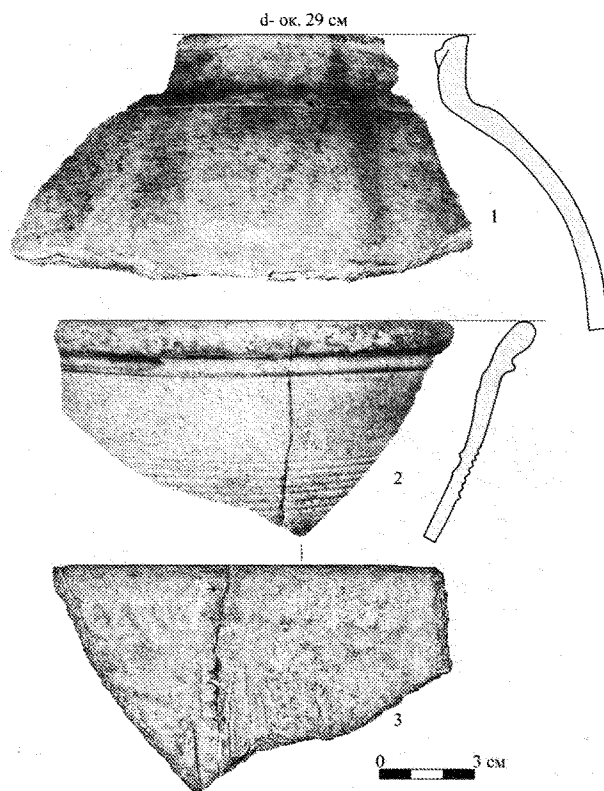

Рис. 37. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 41а, пл. 4
1 – фрагмент белоглиняного горшка с присутствием песка в формовочной массе; 2, 3 – фрагмент белоглиняного сосуда с присутствием песка в формовочной массе, имевшего рельефное изображение и покрытого желто-коричневой поливой изнутри

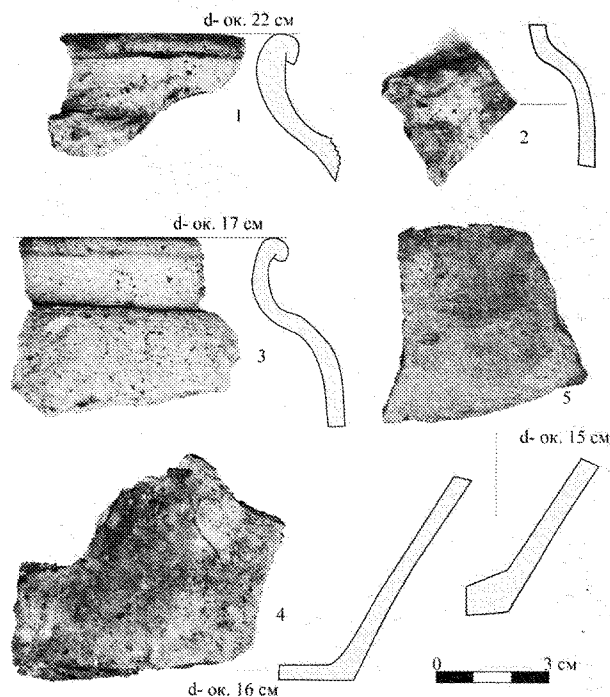

Рис. 38. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 50, дно.
Фрагменты круговой керамической посуды
1, 2, 4 – белоглиняных горшков с присутствием песка в формовочной массе (МБК-1); 3 – горшка из слабоожеженной глины с песком в формовочной массе; 5 – красноглиняного сосуда с мелким песком в формовочной массе

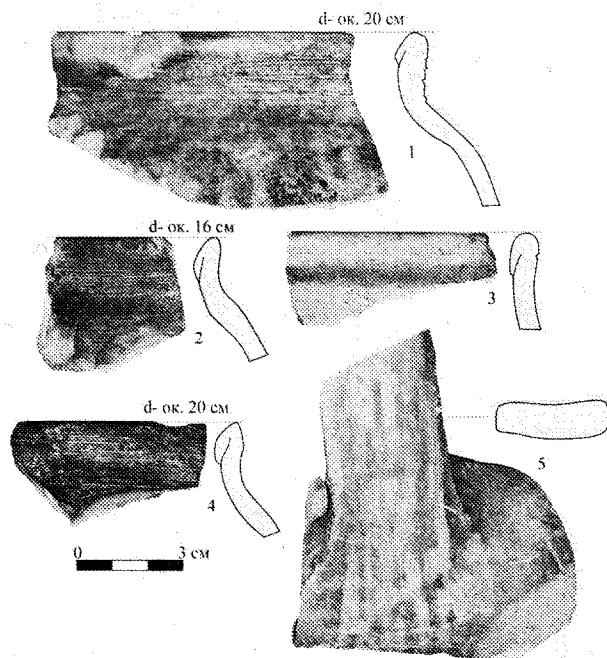

Рис. 39. Поселение Филино 1. Раскоп 2. Яма 51а, пл. 1.
Фрагменты круговой керамической посуды
1 – горшка из слабоожеженной глины с мелким песком в формовочной массе; 2 – белоглиняного горшка с песком в формовочной массе; 3, 4 – белоглиняной без визуально заметных примесей; 5 – чернолощеного кувшина с серым изломом

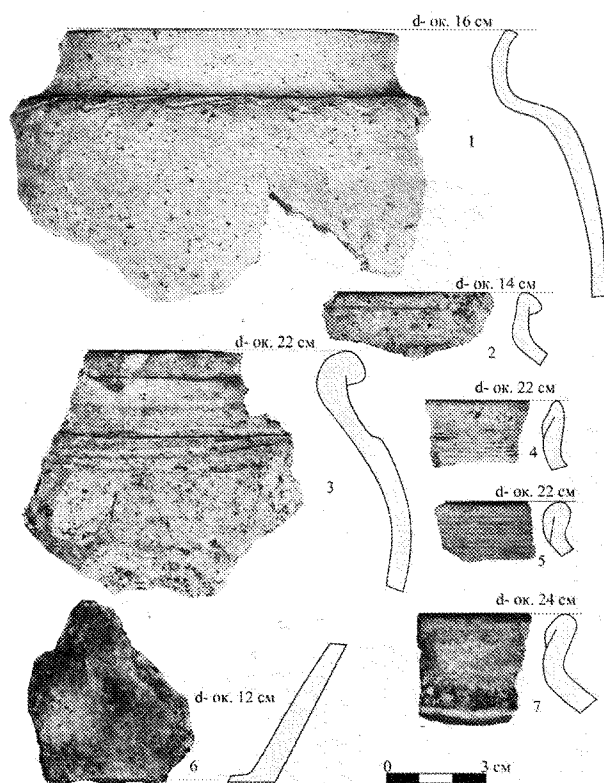

Рис. 40. Поселение Филено 1. Раскоп 2. Яма 51а, пл. 1. Фрагменты круговых керамических горшков
1, 3, 5, 7 – белоглиняных с песком в формовочных массах;
2, 6 – горшка из слабожелезненной глины с песком в формовочной массе; 4 – белоглиняного без визуально заметных примесей (МК-2)

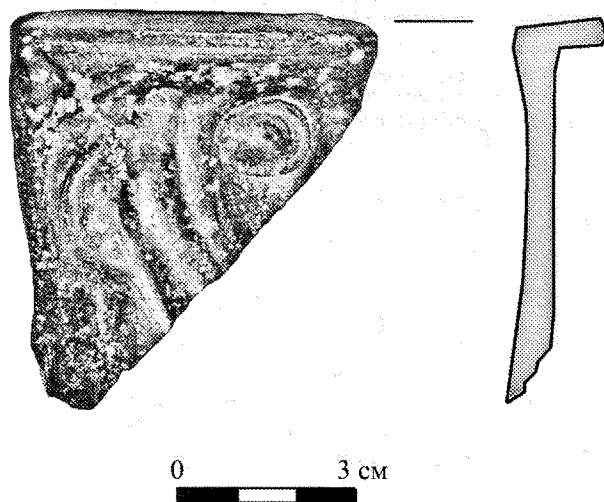

Рис. 43. Поселение Филено 1. Раскоп 2. Яма 21, пл. 1. Фрагмент чернолощеного сосуда с изображением лица

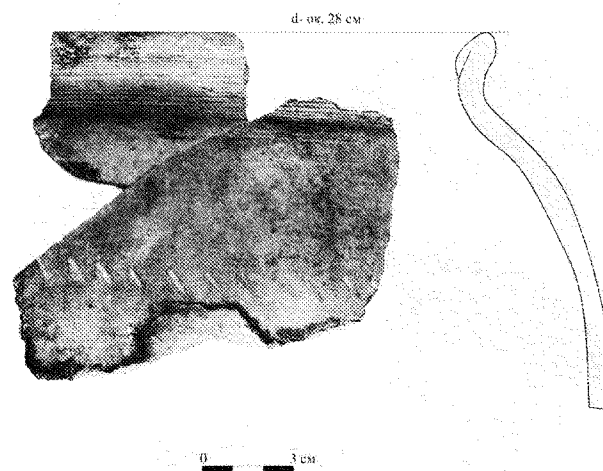

Рис. 41. Поселение Филено 1. Раскоп 2. Столбовая яма 106. Фрагмент белоглиняного горшка с присутствием мелкого песка в формовочной массе

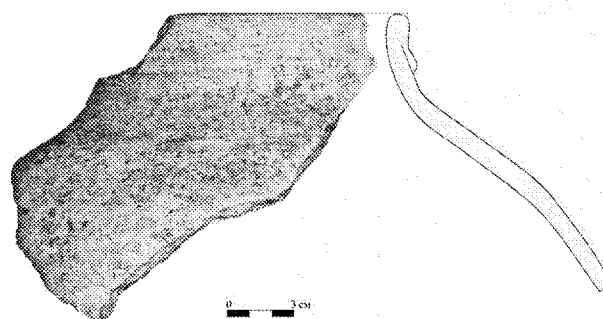

Рис. 42. Поселение Филено 1. Раскоп 2. Канавка 2. Фрагмент белоглиняной корчаги с присутствием мелкого песка в формовочной массе

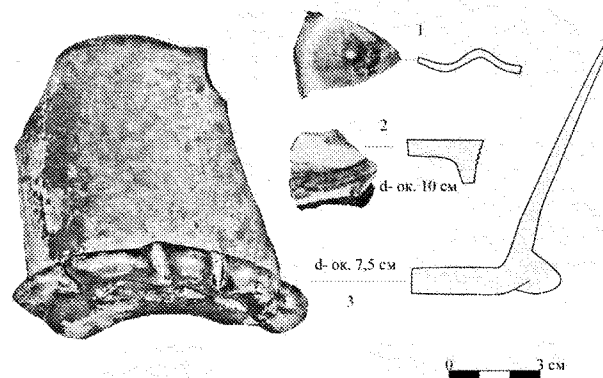

Рис. 44. Поселение Филено 1. Раскоп 2. Посуда
1 – фрагмент стеклянного сосуда из ямы 48;
2 – фрагмент расписной белоглиняной тарелки с двусторонней белой поливой из слоя 3 ямы 41;
3 – фрагмент стеклянного сосуда из ямы 51

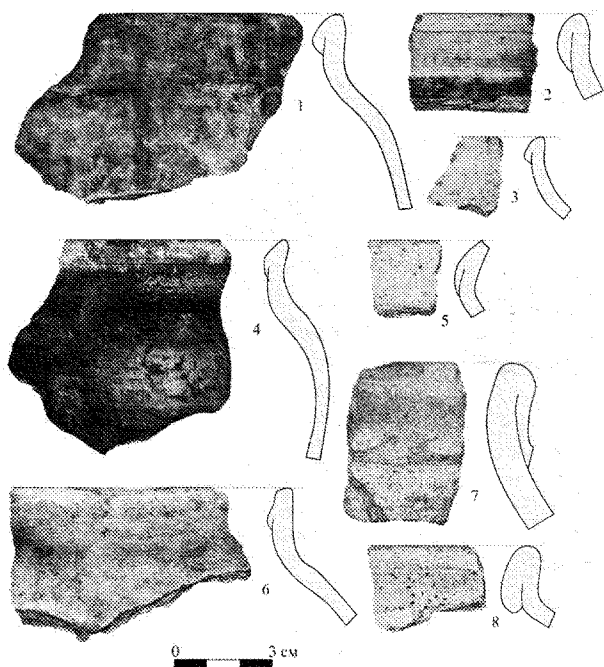

Рис. 45. Поселение Фирино 1. Раскоп 2.
Яма 41б, в, пл. 1.

Фрагменты круговой посуды

1, 2, 4, 6 – белоглиняной без визуально заметных примесей (МБК-2); 3, 5, 7, 8 – белоглиняной с присутствием мелкого песка в формовочных массах

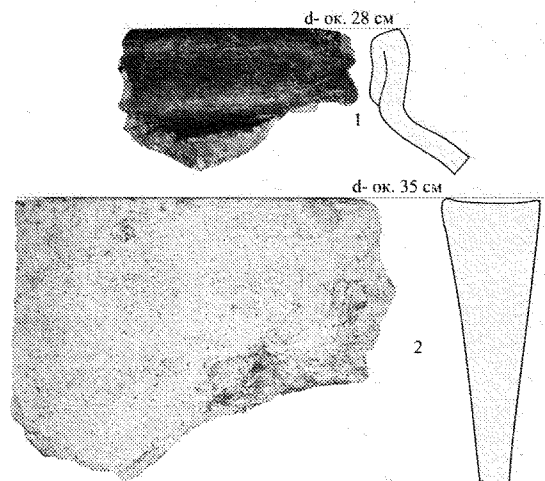

Рис. 46. Поселение Фирино 1. Раскоп 2.
Яма 41в. Развал печи

1 – фрагмент кругового горшка из слабоожеженной глины с песком в формовочной массе; 2 – фрагмент белоглиняной печной трубы; 3–5 – фрагменты красноглиняных рельефных изразцов с зеленой поливой

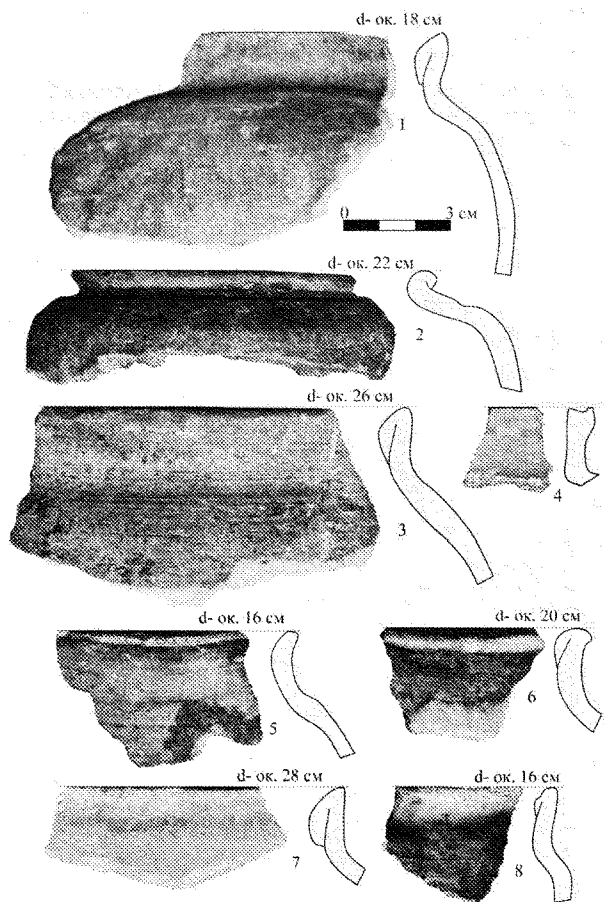

Рис. 47. Поселение Фирино 1. Раскоп 2.

Яма 45, пл. 1. Фрагменты круговых горшков

1 – из слабоожеженной глины с песком в формовочной массе; 2, 3, 5–8 – белоглиняных с присутствием мелкого песка в формовочных массах; 4 – красноглиняного с мелким песком в формовочной массе

Таблица 1. Керамический материал из ямы 29.

	Красноглиняный фрагмент с песком в формовочной массе	Красноглиняные фрагменты с песком и дресвой в формовочной массе			Белоглиняные фрагменты с песком в формовочных массах					Чернолощенные фрагменты с серыми изломами			Чернолощенный фрагмент с белым изломом	
		венчика	стенки без орнамента	донца	стенки			венчиков	донца	стенки		стенки с линейным орнаментом		
					без орнамента	с линейным орнаментом	с вдавлениями палочкой			без орнамента	с линейным орнаментом			
	1	77 (1)	12 (1)	1	32	1	1	1	7 (3)	1	10	6	1	1
Итого	1	90			42					17			1	
151														
Всего в яме														

Таблица 2. Керамический материал из ямы 39.

Пласти	Красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах			Фрагмент из слабожелезненной глины с песком в формовочной массе	Белоглиняные фрагменты с песком в формовочных массах					Белоглиняные фрагменты без визуально заметных примесей (МБК-2)		Чернолощенные фрагменты с серыми изломами				Чернолощенные фрагменты с белыми изломами	
	стенки без орнамента	венчиков	донцев		стенки				стенки без орнамента	донцев	без орнамента	венчиков	донца				
					без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	орнамент в виде косых насечек									
1	10	9 (6)	1		32	4	3 (1)	2 (1)	12 (11)		20	3	8	4	2 (1)	1	
Итого	20				53					23		15				1	
2	7 (1)	3 (1)	2 (1)	1	12				3	2			4	2		1	
Итого	12			1		15					2		6				1
Всего в яме	149																

Таблица 3. Керамический материал и стекло из ямы 41

Слой	Красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах	Фрагменты из слабожелезной глины с песком в формовочной массе	Белоглиняные фрагменты с песком в формовочных массах	Белоглиняные фрагменты без визуально заметных примесей (МБК-2)	Чернолощенные фрагменты с серыми изломами				Чернолощенные фрагменты с белыми изломами				Фрагменты красноглиняных изразцов с зеленой поливой	Фрагмент стекла																
					стенки	венчиков			стенки	венчиков																				
						без орнамента	с линейным орнаментом	без орнамента		без орнамента	с линейным орнаментом	без орнамента			венчиков															
1	3	2 (1)	26	5	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	10	4	донцев	ручек	донца с бело-синей поливой	венчика	2	2	24	5	2 (1)	2	3	2	1	2	без орнамента	с линейным орнаментом	стенки	венчиков	ручки	крышки		
Итого		2	16	2	2	2	10	1	1	1	1	9	1	2	1	2	2	1	2	2	1	2	2	2	2	1	1			
2	1		16	2	2	2	2	2	10	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		
Итого		2	16	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	
3	17	2	196	17	8 (3)	42	16	2	1	2	1	31	13	9	4 (3)	20	9	4 (3)	24	11	8	24	11	8	24	11	8	24	11	1
Итого		28	196	17	8 (3)	42	16	2	1	2	1	31	13	9	4 (3)	20	9	4 (3)	24	11	8	24	11	8	24	11	8	24	11	
Всего фрагментов посуды в яме	720																													

Таблица 4. Керамический материал из ямы 41а

Пласты	Красноглиняные фрагменты в формовочных массах		Фрагменты из слабожелезистой глины с песком в формовочных массах		Белоглиняные фрагменты с песком в формовочных массах						Белоглиняные фрагменты без визуально заметных примесей (МБК-2)				Чернолощенные и моренные фрагменты с серыми изломами				Чернолощенные фрагменты с белыми изломами			Фрагменты красноглиняных изразцов с зеленой поливой	
	венчик без орнамента	венчик с коричневой поливой	стенки без орнамента	донцев	стенки			донцев	венчиков	ручек	венчик с желто-коричневой поливой	стенки			донцев	венчиков	стенки	венчиков	стенки без орнамента	ручки	венчика		
1,2	1				7	1		5	1	1		9			1		1		1	1	1		
Итого	1				15			12	9	1		11			2		2		3				
3		1	3	1	44	1		(11)				33	4	8	4	6	2	5	9	2			17
Итого	1		4		67			67				51					19						
4	5				21	5	1	8	3		2	8		1			1	1	1				2
Итого	5				37			37				9					3						
Всего фрагментов посуды в яме																						228	

Таблица 5. Керамический материал из ям 41 б, в

Ямы, пласты	Красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах				Фрагменты из слабожелезистой глины с песком в формовочных массах		Белоглиняные фрагменты с песком в формовочных массах				Белоглиняные фрагменты без визуально заметных примесей (МБК-2)			Чернолощенные фрагменты с серыми изломами				Мореный фрагмент с белым изломом	Фрагменты красноглиняных изразцов с зеленой поливой	Фрагмент печной глиняной трубы					
	стенки без орнамента	венчиков	донцев	венчик	стенки без орнамента	венчик	стенки с зеленой поливой	крышек	донцев	венчиков	стенки без орнамента	стенки с линейным орнаментом	ручек	донца	стенки с линейным орнаментом	ручек	донца								
Записка верха ям 41 б, в	1						1		1	4	1	30	2				10	5		1	1	2	1	5	
Итого	1				38				15				5												
Яма 41 б, пл. 1	2	1	1					2	1			14					9	2		3	4				1
Итого	4				17				11				7												
Яма 41 б, пл. 2								1		1		1					3		1						1
Итого					2				4								1								
Всего фр. посуды в яме 41 б	46																								
Яма 41 в, развал печи					16 (1)	7 (1)						5												8	4 (1)
Всего фр. посуды в яме 41 в	28																								

Таблица 6. Керамический материал из ямы 45

Пласты	Красноглиняные фрагменты с песком в формовочных массах		Красноглиня- ные фрагмен- ты с песком и дресвой в формовочной массе		Фрагменты из слабоо- железнен- ной глины с песком в формовоч- ных массах		Белоглиняные фрагменты с песком в формовочных массах				Белоглиняные фрагменты без визуально за- метных примесей (МКБ-2)		Чернолощеще- ные фрагменты с серыми изло- мами		Черноло- щеще- ные фрагменты с белыми изломами		Фрагмент красно- глиняного изразца с зеленой по- ливой		
	стенки	со слоем белой глины	стенки без орнамента	венчика	стенки без орнамента	венчика	стенки	венчиков	донцев	крышек	стенки	венчика	стенки	венчика	стенки	с линейным орнаментом		без орнамента	
1	2	1	2	1	2	1	67	11	22	4	2	16	4	5	7 (2)	1	2	2 (1)	1
Итого	9		9		3		106				20		13		4		4		
2							4		2						2 (1)				
Итого							6				1		2						
Всего фр. посуды в яме																			

Таблица 8. Соотношение групп керамической посуды с усадьбы Филино и огородного слоя XVII в. Романова двора.

Группы керамической посуды	Усадьба Филино	Огородный слой XVII в. Романова двора
Белоглиняная с песком в формовочной массе (белоглиняная шероховатая и белоглиняная грубая)	46 – 65 %	45 %
Белоглиняная без визуально заметных примесей (белоглиняная гладкая)	12 – 31 %	23 %
Чернолощеная	11 – 20 %	13 %
Красноглиняная	5 – 22 %	9 %

Таблица 9. Находки монет с территории усадьбы в д. Филино (определение Е.В. Глазуновой и В.В. Зайцева).

№	Наименование	Период чеканки	Металл	Место находки	Примечания
1	копейка	Алексей Михайлович, 1655–1663 гг.	медь	яма 38	
2	копейка	XVII в., не ранее Михаила Федоровича	серебро	яма 39	
3	копейка	Алексей Михайлович, 1655–1663 гг.	медь	яма 41, пл. 2	
4	копейка	Петр I, 1682–1698 гг.	серебро	яма 41а	
5	копейка	Михаил Федорович, 1613–1645 гг.	серебро	пахотный слой, кв. 575	московская
6	копейка	Алексей Михайлович, 1655–1663 гг.	медь	пахотный слой, кв. 495	
7	копейка	Алексей Михайлович, 1655–1663 гг.	медь	пахотный слой, кв. 584	
8	копейка	XVII в., Михаил Федорович (?)	-	пахотный слой, кв. 505	фальшивая
9	денга	Петр I, 1702 г.	медь	пахотный слой, кв. 535	
10	копейка	Петр I, 1707 г.	медь	пахотный слой, кв. 576	Кадашевский монетный двор
11	полушка	Петр I, 1718–1724 гг.	медь	пахотный слой, кв. 508	
12	-	XVIII в.	медь	пахотный слой, кв. 481	Плохая сохранность
13	полкопейки	Николай II, 1911 г.	медь	пахотный слой, кв. 399	

М.А. Воронцова
Изразцы XVII века
из раскопок у деревни Филино

Всего в ходе раскопок было найдено 36 муравленых изразцов и их фрагментов, типичных для последней трети XVII в. (Воронов, 1962. С. 272; Немцова, 1989). Большая часть находок (25 экземпляров) происходит из ямы 41. Все изразцы изготовлены из красножгущейся глины, поверхность которой нанесен слой белого ангоба. Такой прием использовали для того, чтобы подчеркнуть цвет прозрачной глазури (Воронов, 1962. С. 272). Румпа на всех экземплярах отступает от краев лицевой пластины. На некоторых изразцах есть следы копоти. Большинство из них имеют прямые аналоги среди изделий московских мастеров (Немцова, 1989; Баранова, 2007; Воронов, Сахарова, 1955).

Особый интерес представляют изразцы из ямы 41, относящиеся, вероятно, к одному печному набору. Сохранились фрагменты лицевых, поясовых и сложнопрофильных дугообразных изразцов, которые служили для оформления полукруглой печи или «отопительной трубы» (рис. 1). Реконструируемый диаметр печи составляет 80 см. Изразцы выполнены в технике «эмалевого рельефа», то есть имеют четкий рельеф с приподнятыми над фоном краями и вогнутой серединой (Воронов, Сахарова, 1955. С. 87). В тех случаях, когда румпа сохранилась целиком, она заканчивается двойным валиком и имеет длину около 10 см. Подобные трубы встречаются в описании Коломенского дворца («труба проводная, ценинная»). При такой системе отопление осуществлялось следующим образом: от кирпичных печей, расположенных в нижних помещениях тепло попадало вверх через эти «проводные трубы». Трубы могли украшаться изразцами, выполняться из кирпича или быть расписными (Баранова, 2007. С. 122; Воронов, Сахарова, 1955. С. 93).

Стенные лицевые изразцы от этой печи сохранились только в небольших обломках (рис. 1, 1–4), и поэтому реконструировать полностью рисунок не представляется возможным. Наиболее вероятно, что изображение представляло собой птицу, сидящую на ветке и клюющую ягоды. Изображение птицы помещено под декоративной аркой (среди известных сюжетов такое сочетание еще не встречалось). Ре-

конструируемые размеры стенового лицевого изразца – 22 × 25 см.

Поясовые изразцы (3 экз.) имеют размеры 18 × 10 см, толщина вместе с румпой – 10 см (рис. 1, 6). Аналоги найдены в ходе раскопок на территории Дьякова городища (Баранова, 2007. Цв. вкл.).

Сложнопрофильные изразцы представлены четырьмя экземплярами двух типов: к первому относился один обломок (рис. 1, 8), ко второму – три (рис. 1, 11). Их размеры 19 × 10 см и 17,5 × 10 см. Подобные изразцы типичны для московского набора (Немцова, 1985. Рис. 5, 11, 12).

Валики представлены двумя фрагментами (рис. 1, 7). Они имеют ширину 8 см. Также обычны для московского набора (Немцова, 1985. Рис. 5, 17).

Подзор представлен двумя фрагментами (рис. 1, 9, 10), размеры не реконструируются. Обычны для московского набора (Немцова, 1985. Рис. 5, 23; Баранова, 2007. Цв. вкл.).

В целом, это практически полный печной набор, за исключением ножек и городков (которых могло в нем и не быть). Реконструкция печки препятствует только фрагментарность лицевых изразцов, что может быть преодолено при условии находки их полных аналогий. Представить конструкцию можно на основании сохранившихся печей, например во дворце в с. Алексеевское, датированной 1670-ми годами (рис. 1, 5) (Воронов, Сахарова, 1955. Рис. 11).

Остальные изразцы, происходящие из этого раскопа, с конкретными печными наборами сопоставить не удалось, поэтому они характеризуются по категориям (лицевые, поясовой и сложнопрофильный).

Лицевые изразцы представлены шестью обломками (рис. 2, 3, 5–7, 8, 9). Три из них, происходящие из ям 41, 49 и 41а, можно реконструировать (рис. 2, 3, 8, 9). Их можно соотнести с изразцами Иосифо-Волоколамского монастыря (Воронов, Сахарова, 1955. С. 96. Рис. 14) (рис. 2, 4, 10), соответственно: фрагмент 3 – с № 4, а фрагменты 8 и 9 – с № 10. Несомненный интерес представляет обломок лицевого изразца из ямы 49 с изображением человека, возможно, всадника (рис. 2, 7). Изображения всад-

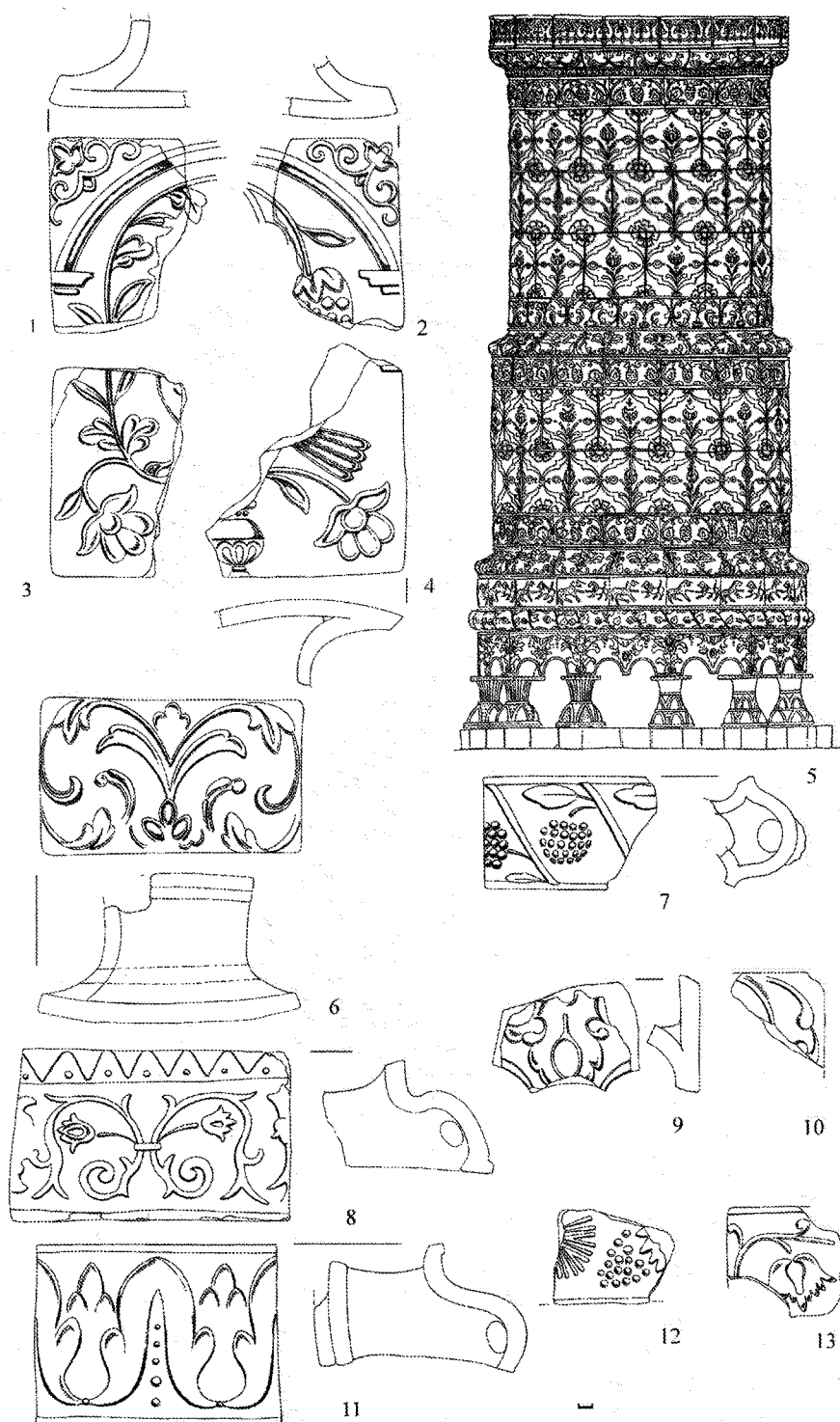

Рис. 1. Печной набор из ямы 41 (1-4, 6-13) и изразцовая печь (обогреватель) 1670-х годов из дворца в с. Алексеевское (5) (по: Воронов, Сахарова, 1955)

ников часто встречается на ранних терракотовых московских изразцах (Розенфельдт, 1968. С. 119. Табл. 21, 13-20) и среди белорусских находок, но, к сожалению, близких аналогий этому изображению найти не удалось.

Поясовый изразец из ямы 33 (рис. 2, 1) имеет изображения пальмет и типичен для московского набора (Немцова, 1985. Рис. 5, 6).

Сложнопрофильному изразцу из ямы 41 (рис. 2, 2) аналогий подобрать не удалось.

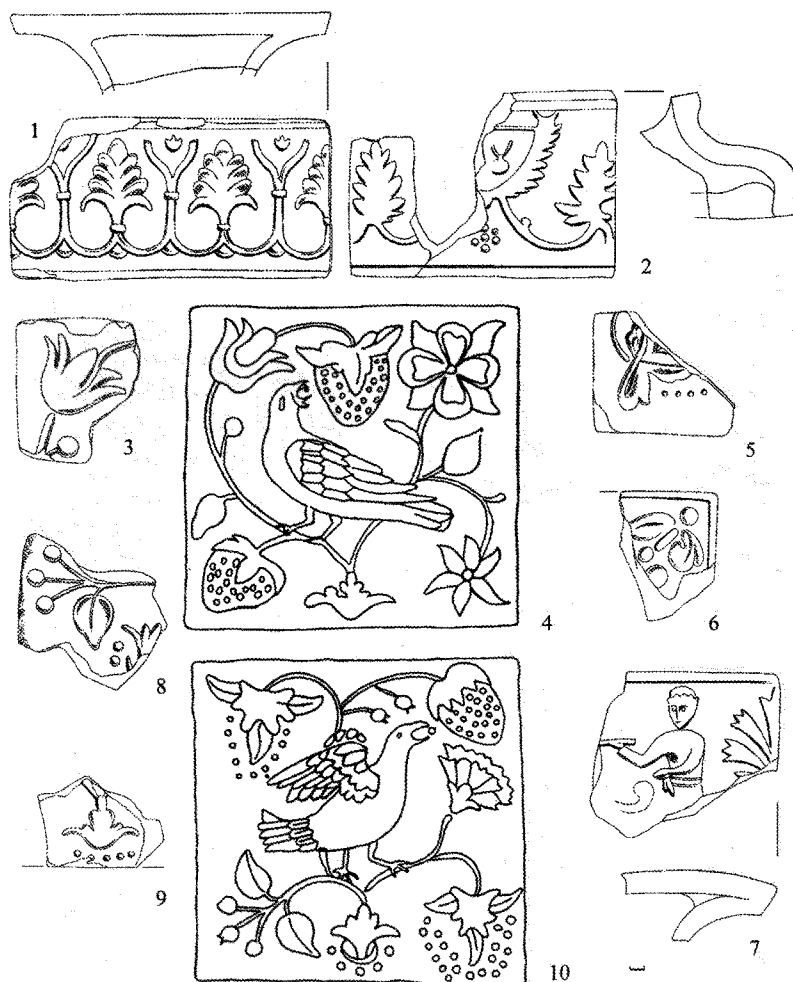

Рис. 2. Изразцы из раскопок (1–3, 6–13) и аналоги им со столба надвратной церкви Иосифо-Волоколамского монастыря (4, 10) (по: Воронов, Сахарова, 1955)

1 – яма 33; 2, 3, 6, 9 – яма 41а; 5 – яма 48; 7, 8 – яма 49

Литература

Баранова С.И., 2007. К вопросу о реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 10. М.

Воронов Н.В., Сахарова И. Г., 1955. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА. Вып. 44. М.

Воронов Н.В., 1962. Изразцы // Русское декоративное искусство. От древнейшего периода до XVIII века. Т. 1. М.

Немцова Н.И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. Методические рекомендации. М.

Немцова Н.И., 1985. Реконструкция изразцовых печей в доме Сапожникова в Гороховце // СА. № 4.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1–39. М.

M.A. Vorontsova

Seventeenth-century tiles from the excavations near Filino village

Summary

The article describes the green glazed tiles that were discovered at the settlement of Filino (see article by Bogomolov, Gonyany et al. in the present edition). On the

basis of existing analogies the tiles have been dated to the last third of the 17th c.

Г.К. Патрик

Смоленские орнаментальные изразцы

Большинство публикаций, посвященных изразцам, дают обычно однобокое представление об орнаментальных (или ковровых) изразцах. Авторы уделяют внимание художественно оформленным артефактам, на которых изображены люди, животные, птицы, цветы, различные сцены и т. д. И несколько в тени остаются одноцветные (редко многоцветные) орнаментальные изразцы. В Смоленске подобные изразцы были найдены в 2007–2008 гг. Кроме того, они известны из раскопок Д.А. Авдусина и частично опубликованы Т.В. Сергиной. Все эти обстоятельства подвигли меня более внимательно присмотреться к этим артефактам (рис. 1).

Само название данных изразцов имеет варианты. В нашей литературе они называются орнаментальными и ковровыми (Беляев, 1993; Сергина, 1996). Литовские исследователи называют их «кованными», а белорусские – орнаментальными, с растительным орнаментом (Каталинас, 1988 С. 135–140; Соболь и др., 1989). Их рисунок сформирован из четырех частей и отличается симметрией по вертикали, горизонтали и двум диагоналям, т. е. он имеет четыре оси симметрии. По цветовому оформлению они повторяют другие группы изразцов и бывают как поливными (обычно зеленого цвета), так и без поливы (т. е. красноглиняные). Изредка встречаются двух- и многоцветные образцы. Никто из исследователей не приводит процентное количество данных изразцов в составе коллекций. По многолетним наблюдениям О.Р. Лебедевой, в московских слоях такие артефакты составляют не менее половины от всех изразцов. Это связано, вероятно, с большой универсальностью их узора. По мнению Н.И. Немцовой, орнаментальные изразцы употреблялись вместе с сюжетными, первые ставили в нижнем ярусе, вторые – в верхнем (Немцова, 1993. С. 33). Это вело к удешевлению совокупного набора. Кроме того, такие изразцы можно приготовить впрок в свободное время и всегда иметь в наличии. Время их бытования определяется исследователями от второй половины XVI в. до середины XVII в. (Маслих, 1976; Соболь и др., 1989).

Территория распространения орнаментальных изразцов достаточно широка. Мне известно об их нахождении в Москве, Смоленске, городах Белоруссии, Литвы, Польши, Словакии (рис. 2, 1, 2; рис. 3, 1–6; рис. 6, 1–7). Думаю, что этот список далеко не полон и легко может быть расширен.

В данной статье рассматриваются орнаментальные изразцы, найденные в последние годы в Смоленске и, главное, возможные источники, из которых была почерпнута идея такого орнамента. Хочу особо отметить важность этого вопроса, потому что, на мой взгляд, он остался в стороне. Среди имеющихся обломков изразцов мы выбрали достаточно большие, чтобы был виден весь рисунок, поэтому число типов и вариантов у меня невелико. Все изразцы рельефные и покрыты зеленой поливой.

Тип 1 (а). Размеры 17×17 см, $19,5 \times 19,5$ см, $20,5 \times 20,5$ см, с рамкой по краю, в центре расположена розетка в виде ромашки (8–11 лепестков), диаметром 7 см, вписанная в круг. От круга отходят четыре стилизованные ягоды и четыре пары развернутых наружу листьев. Углы изразцов заполнены «сердечками» и отходящими от них листьями дуба (рис. 1, 1).

Тип 1 (б). Размеры 19×19 см. В отличие от типа 1а «лепестки ромашки» остроконечны, а на окружности по всем осям симметрии добавлены округлые вдавления.

Тип 1 (в). Размеры 20×20 см. Вместо листьев и «сердечек» изображены два крана, соединенные по вертикали (рис. 1, 5).

Тип 2. Размеры 19×19 см, 20×22 см. Сохранена основная схема типа 1. В круге изображена гвоздика, вместо ягод – «колокольчики», а по углам, как и в центре, гвоздики. В одном случае «колокольчики» направлены наружу, в другом – внутрь (рис. 1, 3, 6).

Тип 3. Размеры 21×20 см. В центре находится маленькая восьмиконечная звезда (рис. 1, 4), к которой сходятся восемь фигурных «стрел», между которыми изображены вытянутые ромбы и шестиконечные звезды (Каталинас, 1988. Р. 11). Именно такой орнамент литовский исследователь называет «кованным».

Итак, все представленные типы изразцов близки по размерам, оформлению и схемам рисунка. Можно предположить, что и время их бытования в Смоленске не выходит за рамки, установленные, благодаря письменным источникам, на соседних территориях. Вероятно, изготовление форм для этих изразцов было довольно простым делом для резчиков, и после обветшания они делали новые варианты знакомого узора, не стараясь изобразить в точности все мелкие детали.

При сравнении смоленских, московских, белорусских, литовских и польских изразцов данной группы

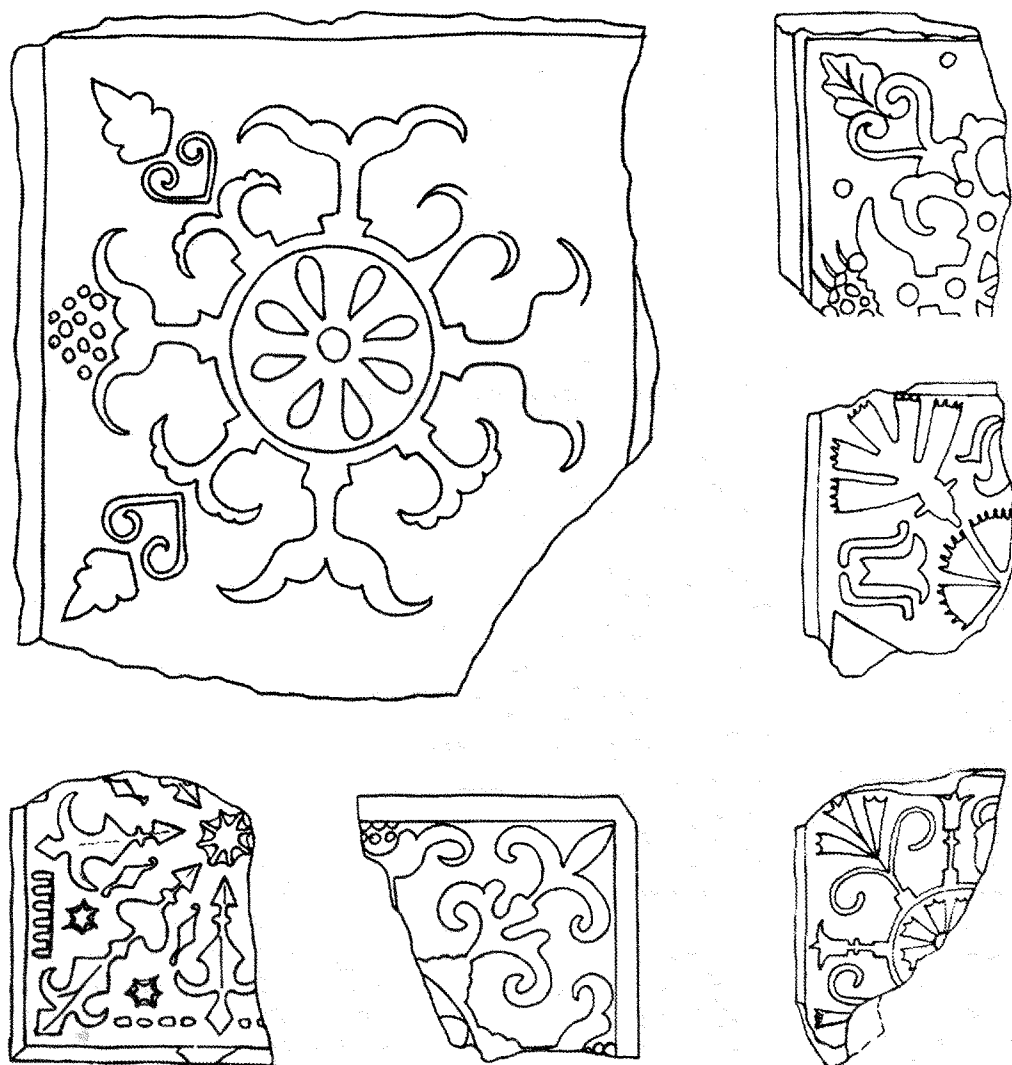

Рис. 1. Смоленские орнаментальные изразцы из раскопок 2007–2009 гг.

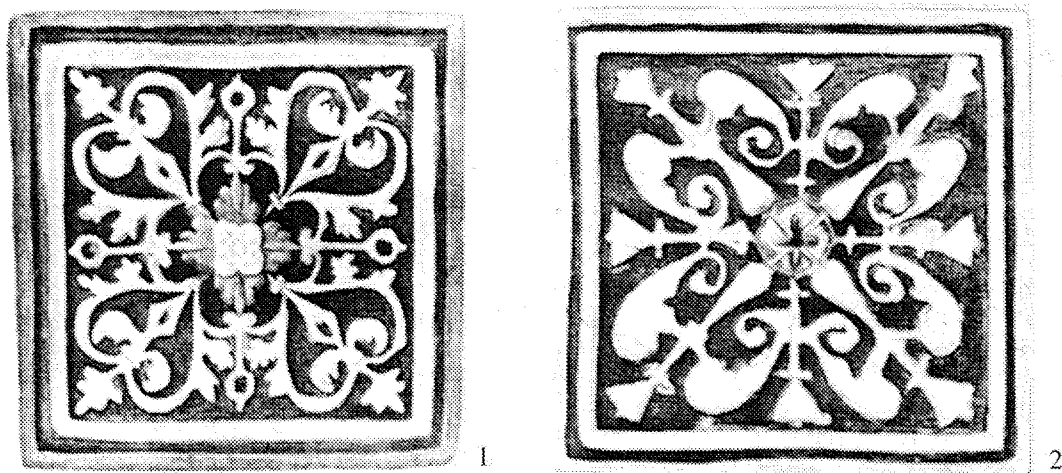

Рис. 2. Польские орнаментальные многоцветные изразцы

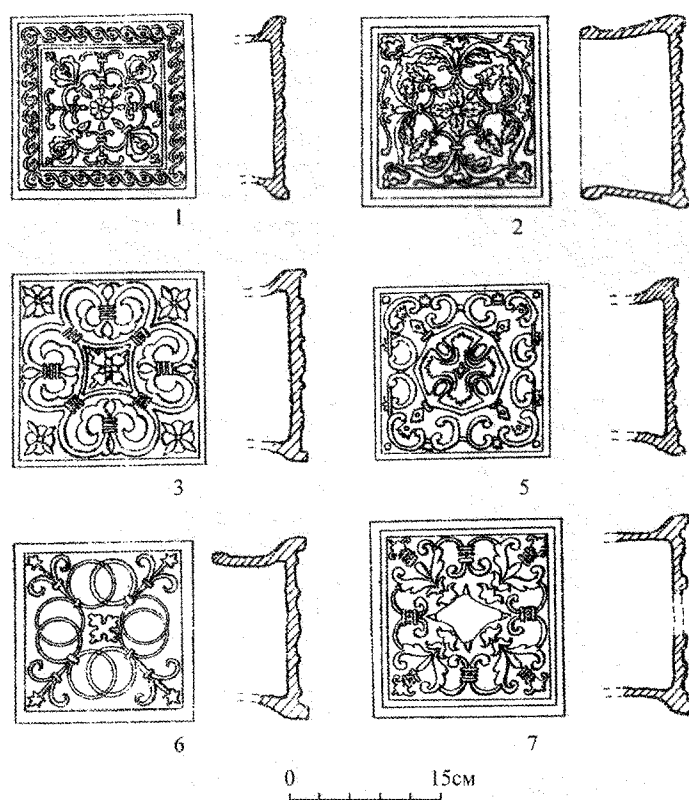

Рис. 3. Литовские орнаментальные изразцы

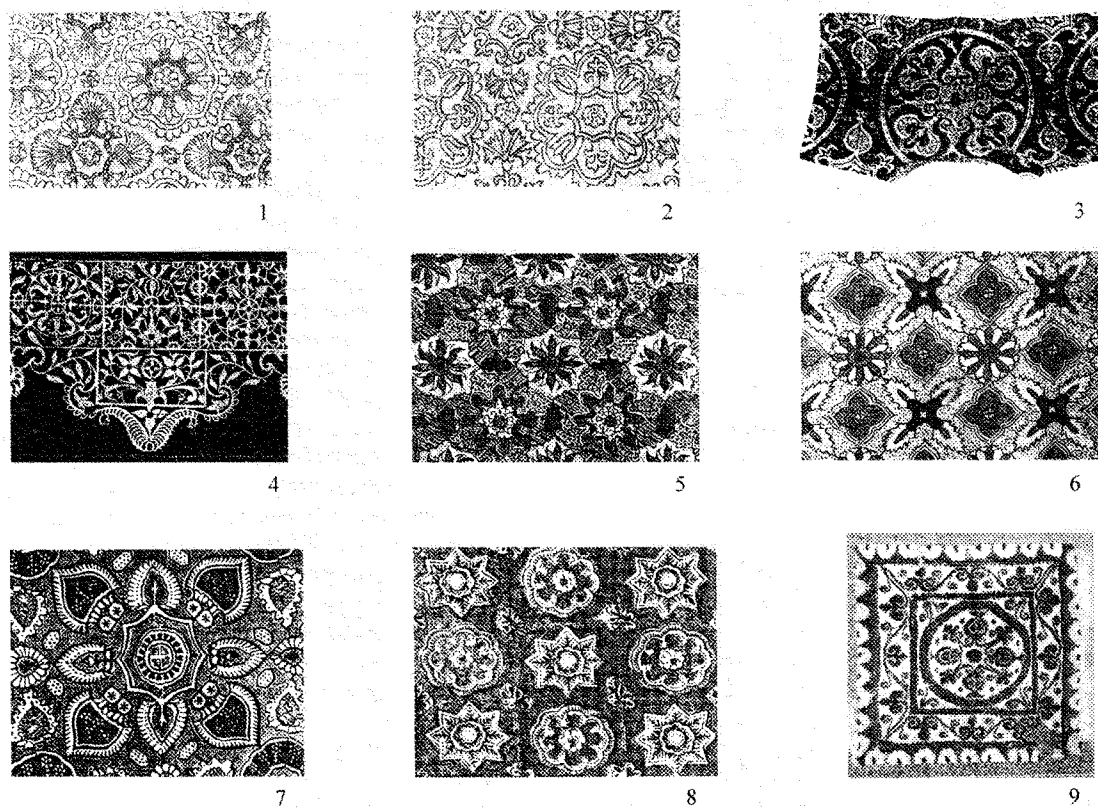

Рис. 4. Набивные ткани (1-3, 5-8); рисунок для плетения кружев (4); образец коптских тканей (9)

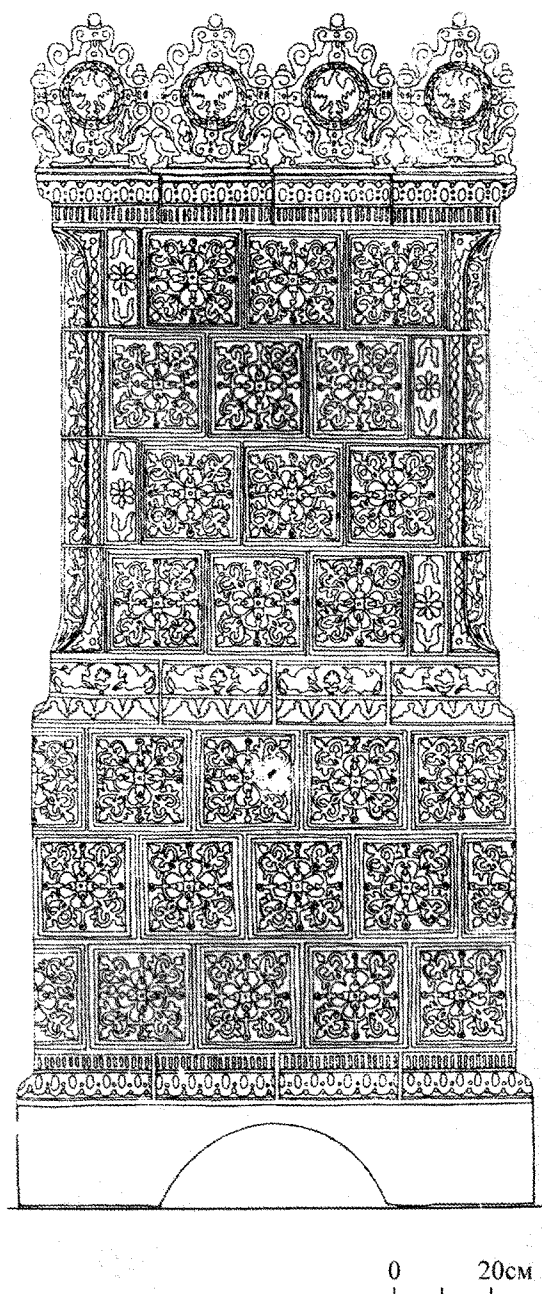

Рис. 5. Реконструкция печи, облицованной орнаментальными изразцами, 1-я пол. XVII в. (по М. Домбровской)

я заметила одно существенное отличие: по-разному оформлен центр изразцов. В московских и смоленских в центре находится розетка в круге или точка; в литовских и польских — ромб, редко — розетка; в белорусских встречается и ромб, и розетка (Маслих, 1976; Dabrowska, 1987; Каталинас, 1988; Соболев и др., 1989). Какие причины вызвали это отличие, пока неясно.

Анализируя узор изразцов и технологию их изготовления, я пришла к мысли, что данные предметы должны иметь достаточно прочные связи с другими художественными изделиями своего времени. Если

вспомнить место изразцовых печей в интерьере и развитие самого интерьера в XVI–XVII вв., то напрашивается тезис об органичном вхождении изразцов в круг домашних вещей, представленных металлической утварью, резными и расписными частями мебели, покрывами на эту мебель, занавесями, дорогой одеждой. Из всех вещей в это время только одна категория легко перемещалась на дальние расстояния и своим присутствием могла влиять на художественные взгляды — это ткани и ковры. Хотя ткани быстро ветшают, но все же музеи обладают коллекциями образцов, сохранившихся с XVI–XVII вв., и даже с XIV в. («Армянская набойка», 1953; Бирюкова, 1973; Алтатова, 1962). В Государственном Историческом музее хранятся образцы русских набоек (рис. 4, 1–3), датированные XVII в. (Якунина, 1954. Рис. XXIV, XXVII, XXVIII). Самые древние образцы тканей сохранились в армянском Институте древних рукописей Матенадаран, куда были переданы коллекции рукописей Эчмиадзинского монастыря в 1920 г. При оформлении переплетов книг использовались ткани с набойкой, что позволяет увидеть композиционную близость рисунков изразцов и тканей («Армянская набойка», 1953. Рис. 20, 21, 22, 23, 25 и др.), датированных XIV — началом XVI в. (рис. 4, 5–8). Говоря о набойке, специалисты указывают на источник, которому подражали русские мастера — драгоценные восточные шелка, бархат, парча (Арсеньева, 1999. С. 12). Это замечание относится не только к нашим производителям, но и ко всем остальным: набойка самый простой и дешевый способ изготовления узорчатых тканей. Самые древние образцы узорчатых тканей — это коптские ткани, сделанные в технике гобеленного ткачества и датированные VI–VII вв. н.э. (рис. 4, 9; размеры 14,0 × 13,5 см). И среди них имеются узоры с четырьмя осями симметрии, близкие по своей стилистике узорам XVI–XVII вв. («Коптские ткани...», 1978. Рис. 34) В ковроткачестве также заметна разработка этого принципа построения узора.

Отдельно хочу указать еще на один возможный источник орнаментальных мотивов (рис. 4, 4) — узоры для кружев, подобных показанным в сборнике Чезаре Вечелло, изданном в конце XVI в. в Италии (Бирюкова, 1973. Рис. 14). На мой взгляд, элементы таких узоров также могли быть использованы для изготовления изразцовых форм. Облик так называемых изразцов с кованным орнаментом (рис. 3, 1, 2, 4) стилистически близок к кружевам (плетеным и шитым).

Польская исследовательница М. Домбровская поместила в своей книге реконструкцию печи, датируемой первой половиной XVII в., облицованной орнаментальными изразцами (рис. 5). Наряду с квадратными орнаментальными изразцами использовались узкие пояски, которые дополняли основные ряды и ставились в качестве перемычек. Таким образом, собранные на плоскости изразцы повторяют принцип размещения узора на тканях. Хронология появления набивных тканей и орнаментальных изразцов указывает на то, что последние, вероятно, повторяли имевшиеся на тканях узоры. Благодаря орнаментальным изразцам мы могли бы реконструировать древние ткани, но для этого нужна более детальная работа с обоими видами артефактов.

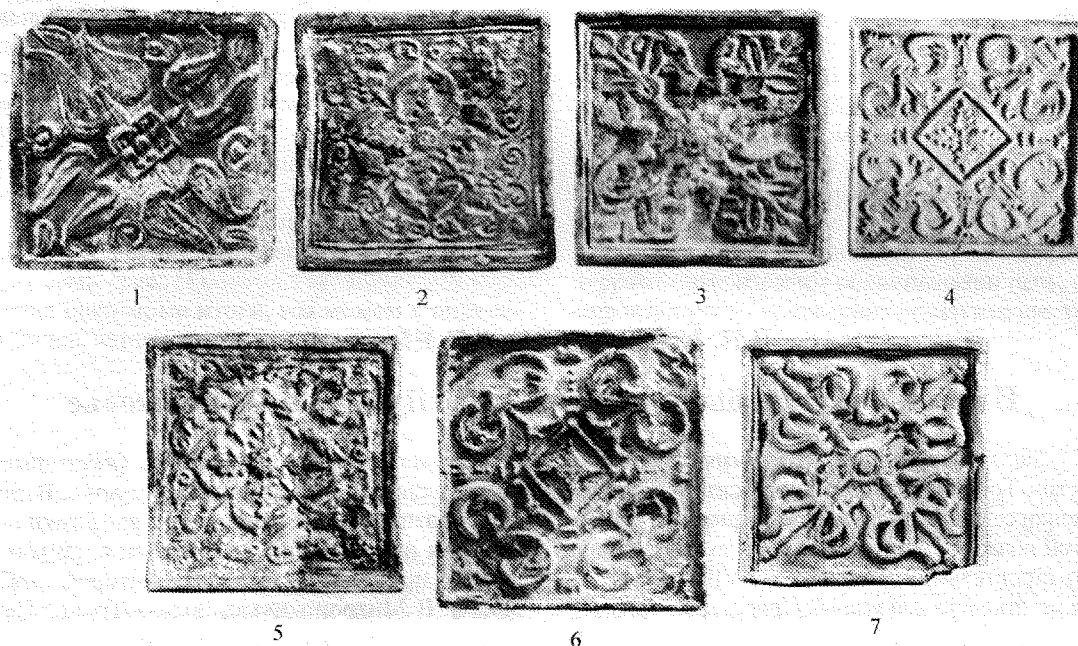

Рис. 6. Белорусские орнаментальные изразцы
1, 4, 6, 7 — красноглиняные; 2, 3, 5 — муравленные

Литература

- Армянская набойка. М., 1953.
- Алпатова И.А., 1962. Набойка // Русское декоративное искусство. М.
- Арсеньева Е.В., 1999. Старинные узорные ткани России XVI — начала XX вв. М.
- Беляев Л.А., 1993. Московские печные изразцы до начала XVIII века (Опыт археологической систематизации) // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.
- Бирюкова Н., 1973. Западноевропейские набивные ткани в 16–18 вв. // Собрание Государственного Эрмитажа. М.
- Каталинас К., 1988. Вильнюсские пластинчатые изразцы XVI–XVII вв. с «кованным» орнаментом // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс.
- Коптские ткани из фондов Эрмитажа. Каталог выставки. Л., 1978.
- Немцова Н.И., 1993. О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII веков // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.
- Маслих С.А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.
- Сергеенко И.И., 1993. Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.
- Сергина Т.В., 1996. Изразцы XV–XVII вв. из раскопок в Смоленске // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
- Собаль В.Е., Ткачев М.А., Труссу А.А., Угрюнович У.В., 1989. Беларуская кафля. Минск.
- Якунина Л.И., 1954. Русские набивные ткани XVI–XVII вв. М. (Тр. ГИМ).
- Dabrowska M., 1987. Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII wieku // Studia i materialy z historii kultury materialne. T. 58. Wroclaw.

G.K. Patrick

Ornamental ceramic tiles from Smolensk

Summary

Ornamental ceramic tiles are encountered in Moscow, Smolensk and some towns in Belarus, Lithuania, Poland and Slovakia. Some have been discovered in Smolensk during the 2007–2008 excavations. All the items are relief

tiles covered with a green glaze. One of the hypotheses is that the décor was inspired by the patterns on fabric and carpets. On some of the 17th-century stoves the tiles are assembled in patterns that resemble those on fabrics.

В.Н. Ковалевский, А.Г. Яблоков

Изразцы из усадьбы помещика С.Ф. Щукина в Подмоскowie

В 2007–2008 гг. экспедицией Археологического музея Воронежского Государственного Университета проводились раскопки селища Духанино-1 в Истринском районе Московской области, в ходе которых было исследовано несколько строительных комплексов XVIII–XIX вв., в том числе остатки барской усадьбы (рис. 1; рис. 2).

В результате проведенных исследований селища было обнаружено большое количество разнообразных красноглиняных изразцов и их фрагментов – всего 881 экземпляр. По архивным источникам было установлено, что селище соответствует деревеньке Степаньково, обозначенной на картах XVIII в. и принадлежавшей во второй половине XVIII – первой половине XIX в. семейству Щукиных. В описи имения есть упоминание о том, что в господском доме было шесть изразцовых печей: «Господский дом... печей изразчатых 6...» (ЦИАМ. Ф. 743. Оп. 1. Д. 474. /1824/).

Основное скопление изразцового материала археологически прослежено в районе господского дома (постройка 3) и двух близлежащих строений (постройки 1 и 2). Большая часть найденных изразцов – поливные гладкие, но также значительное количество составляют рельефные поливные, несколько терракотовых и муравленых. Ниже приведены четыре группы изразцов, распределенных по цветовой гамме (Щербаков, 2008): 1) зеленая роспись на белом фоне; 2) синяя роспись на белом фоне (гладкие); 3) синяя роспись на белом фоне (рельефные); 4) полихромные изразцы.

Группа 1. Всего найдено 94 фрагмента гладких изразцов, украшенных зеленой росписью по белой эмали. Часть лицевых изразцов этой группы имеет узор в виде переплетающихся изогнутых линий, образующих рамку по краям изразца (рис. 3) (Ковалевский, 2007. Рис. 163). Аналогичные изразцы, датируемые XVIII в., были обнаружены при исследовании Романова двора в Москве (Кренке, 2009. Рис. 20, 2).

Другую часть этой группы составляют расписные изразцы первой половины XVIII в., с рамкой, образованной двумя тонкими линиями и цветами по внешним сторонам.

Найденные обломки изразцов относятся к разным частям печного набора: лицевые (60 шт.), карнизы (16 шт.), пояски плоские (2 шт.; орнамент повторяет узор лицевых изразцов – рамка из изогнутых линий; рис. 4), пояски валиковые (12 шт.; посередине ряд точек, связанных изогнутыми линиями) и ножки (4 шт.)

Группа 2. Всего 12 обломков (некоторые из них были склеены из нескольких кусков). В основном это изразцы с двумя линиями в виде рамки по краям, но один из них – лицевой изразец с рамкой из двух линий, по внешним сторонам которой изображены цветы. В Митрополичьих покоях Троице-Сергиевой лавры сохранилась печь, украшенная такими же изразцами (Щербаков, 2008. Рис. 15). 11 обломков относятся к лицевым изразцам, один – валиковый пояс (рис. 5), в середине которого нанесены точки, связанные между собой изогнутыми линиями.

Группа 3. Найдено 20 обломков: 16 лицевых, два – плоские пояски, городок в виде крючка с синими пятнами (рис. 6) и карниз. Лицевые изразцы украшены рельефным растительным орнаментом по всей площади, в центре – овальный гладкий белый медальон, ограниченный синей линией. Поясок также украшен синим растительным орнаментом (рис. 7).

Карнизы украшает крупный растительный орнамент. Интересно, что в альбоме С.А. Маслиха (1983) не найдено изразцов, схожих по рисунку с нашими. Материалы данной группы происходят из закрытого комплекса постройки 2, в которой была найдена монета 1736 г, что говорит нам о более раннем происхождении этих изразцов.

Группа 4. Всего найдено 46 обломков рельефных полихромных изразцов, среди которых 33 лицевых изразца, четыре карниза, плоский пояс, два городка, четыре подзора и ножка (рис. 8).

На основной массе изразцов изображен крупный растительный орнамент, покрытый глазурью синего, белого, коричневого, желтого, зеленого цветов (рис. 9). Все эти фрагменты были найдены при исследовании постройки 2, которая по материалам раскопок датируется первой половиной XVIII в., а сами изразцы по аналогиям – второй половиной XVII в. Городок выполнен в виде древесного листка, украшенного желтыми и синими пятнами (рис. 10). Аналогичные изразцы с таким же орнаментом найдены при раскопках церкви Вознесения Господня в Звенигороде (Алексеев и др., 2005. С. 82). Интересны два полихромных изразца, отличные от предыдущих своими рисунками: первый – лицевой изразец, покрытый белой, коричневой, синей и зеленой эмалями (полива отслоилась почти по всей площади изразца) с изображением крупных переплетающихся цветов; второй – карнизный изразец с си-

ней, зеленой, коричневой и белой эмалями на грубо выполненных цветах.

Кроме всех вышеперечисленных, найдено пять обломков терракотовых и два обломка муравленых изразцов.

Всего было привлечено к анализу 187 экземпляров с сохранившимся рисунком, остальные 694 являются обломками румп. Статистика всех найденных изразцов и их обломков (без учета румп) приведена в виде диаграммы (рис. 11).

Подводя некоторые итоги, мы можем с определенной долей вероятности констатировать, что в

усадьбе помещика С.Ф. Щукина находились четыре печи, украшенные изразцами определенных расцветок, приведенных выше. Эти печи были выстроены значительно раньше событий, упоминаемых в письменном источнике. К сожалению, отсутствие изразцов некоторых типов внутри каждой группы затрудняет возможности реконструкции печи.

Можно также предположить, что муравленые и терракотовые изразцы облицовывали печь, функционировавшую до проведения описи имущества Щукиных в 1824 г.

Литература

Алексеев А.В. и др., 2005. Охранные исследования церкви Вознесения Господня на нижнем посаде Звенигорода. М. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 3).

Ковалевский В.Н., 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях селища Духанино-1 в Истринском районе Московской обл. в 2007 г. // Архив ИА РАН.

Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: пред- история и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.

Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Щербаков В.В., 2008. Расписные изразцы Троице-Сергиевой лавры XVIII века (по материалам раскопок 2000–2002 годов) // АП. Вып. 4. М.

V.N. Kovalevsky, A.G. Yablokov

Ceramic tiles from S.F. Schukin's manor house in the Moscow region

Summary

Written sources allowed identifying the settlement of Dukhanino 1 in the Moscow region as the remains of the village of Stepan'kovo, where in the 19th century had stood the manor house of landowner

S.F. Schukin. The excavations revealed four different groups of ceramic tiles, which correlate with the four stoves of the manor house as described in the archive source.

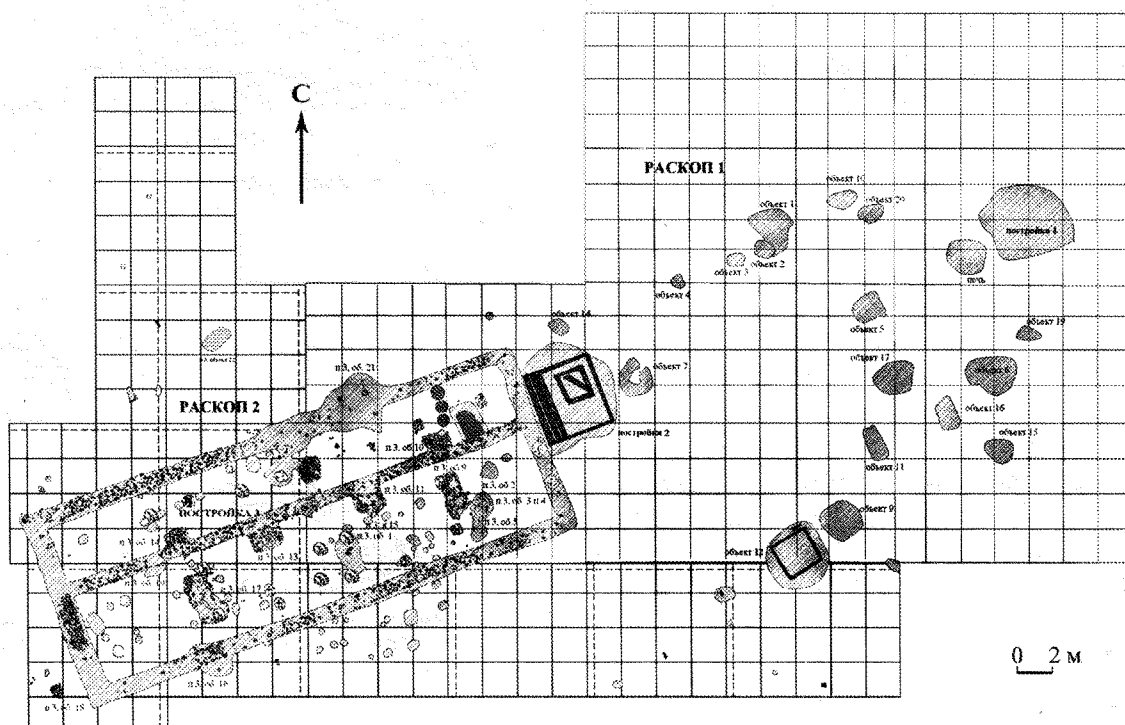

Рис. 1. План раскопов 1 и 2

Рис. 2. Постройка 3 – место, где располагался главный дом усадьбы С.Ф. Щукина

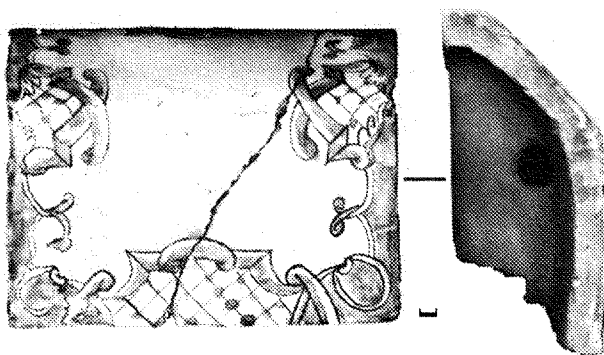

Рис. 3. Поливной изразец XVIII в. (см. цв. вкл.)

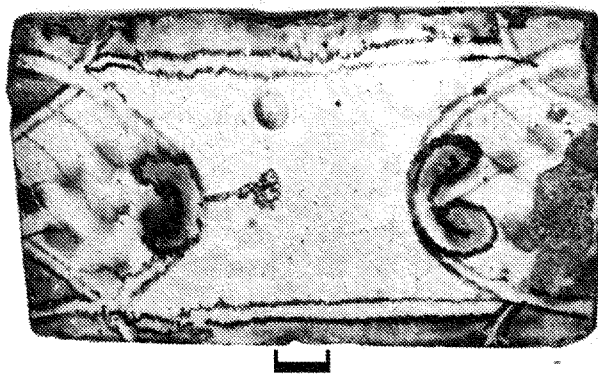

Рис. 4. Поливной изразец XVIII в. (см. цв. вкл.)

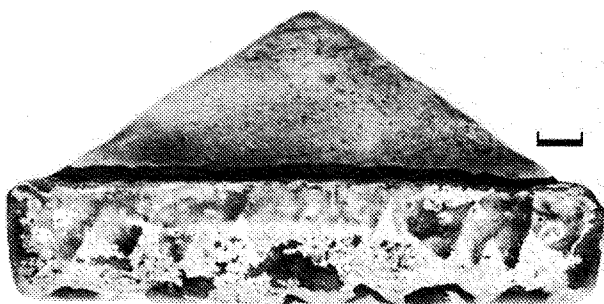

Рис. 5. Расписной изразец XVIII в. (см. цв. вкл.)

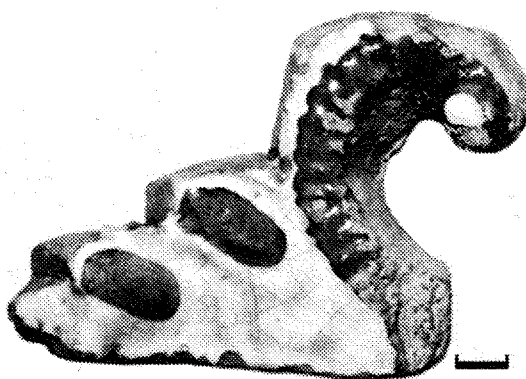

Рис. 6. Поливной изразец (см. цв. вкл.)

Рис. 7. Поливной изразец, аналогов которому не найдено (см. цв. вкл.)

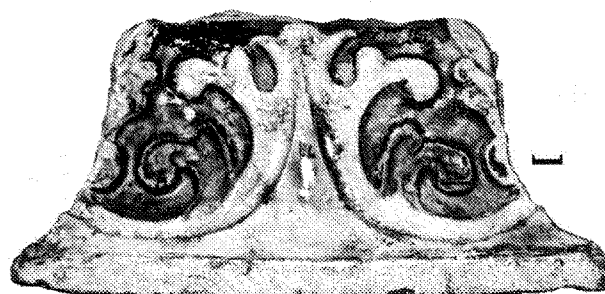

Рис. 8. Поливной изразец второй половины XVII в. (см. цв. вкл.)

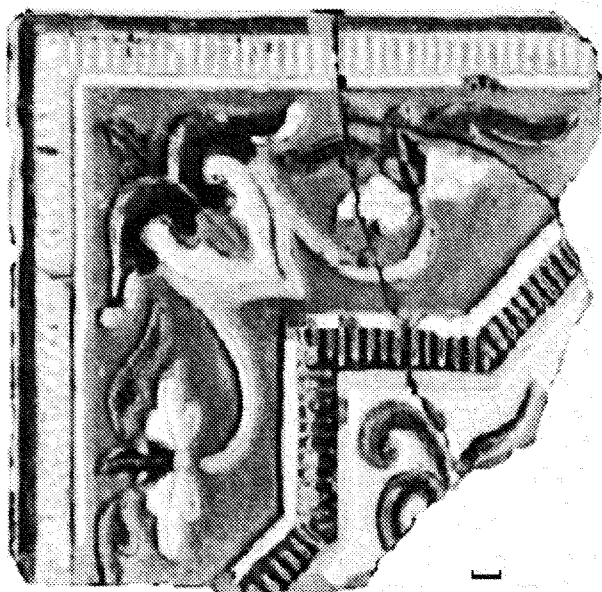

Рис. 9. Поливной изразец второй половины XVII в. (см. цв. вкл.)

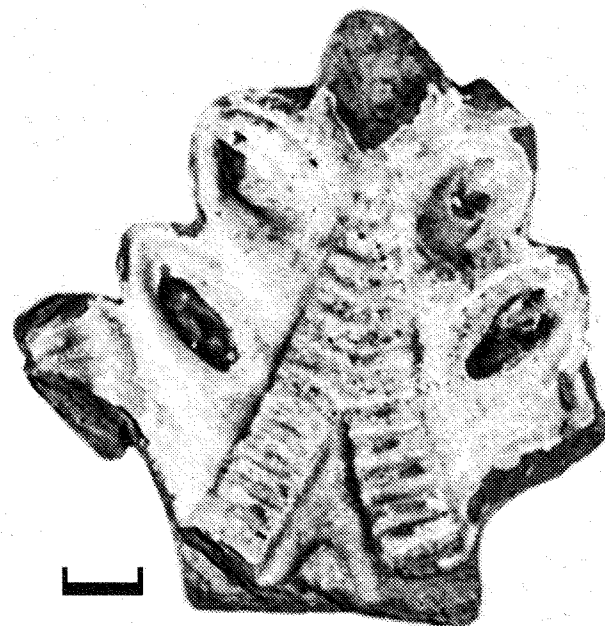

Рис. 10. Поливной изразец второй половины XVII в. (см. цв. вкл.)

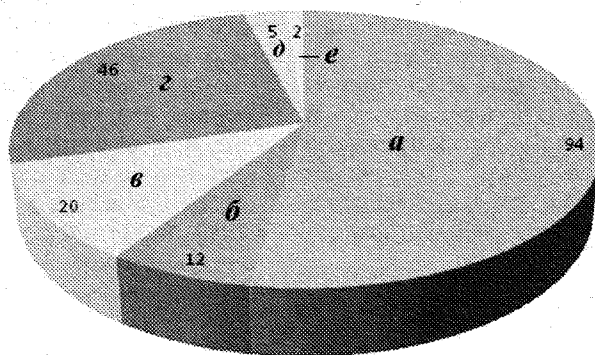

Рис. 11. Количественное соотношение всех групп найденных изразцов
 а – бело-зеленые; б – бело-синие (гладкие); в – бело-синие (рельефные); г – полихромные; д – терракотовые; е – муравленые. Цифрами указано количество находок

С.В. Борзова, О.Н. Глазунова, Е.В. Майорова

Рельефные печные изразцы XVII – начала XVIII века: некоторые региональные особенности

При предпроектных археологических исследованиях Института археологии РАН в Ново-Иерусалимском монастыре в 2009–2010 гг.¹ самую многочисленную категорию находок составляли разнообразные изразцы: архитектурные и печные, целые и фрагменты, как бытовавшие, так и брак изразцового производства, что совершенно неудивительно для места, которое называют «колыбелью русского изразцового производства».

Изразцовая школа Ново-Иерусалимского монастыря хорошо известна. Именно со здешних мастерских началось широкое распространение русского изразца. Обычно, говоря об этом, имеют в виду, прежде всего, архитектурные изразцы, однако для печных изразцов развитие ново-иерусалимского производства тоже имело большое значение. Здесь появились новые технологии, были раскрыты секреты многоцветных непрозрачных глазурей, складывались новые формы, рисунки, принципы композиции. Некоторые из этих нововведений навсегда остались локальной особенностью местной культуры, другие были растиражированы и стали типичными для русского изразцового производства вообще.

При изучении монастырских изразцовых комплексов поражает в первую очередь необычное обилие сюжетов, форм, стилей, богатство красок, необычность композиций. Большое количество разных вариантов одного и того же сюжета, отличающееся деталями, цветом поливы и т. д., наглядно демонстрирует путь, по которому двигались мастера, создавая новую изразцовую школу. В этой статье рассматриваются только рельефные печные изразцы XVII – начала XVIII в., найденные в процессе археологических исследований в Новом Иерусалиме в 2009–2010 гг.

Красные рельефные широкорамочные изразцы

Начнем с наиболее раннего типа – красных рельефных изразцов, характеризующихся отсутствием

поливы, широкой рамкой и использовавшихся для печей готического типа. Лицевые пластины этих изразцов имеют квадратную форму. Исследователи выделяют два основных размера: «большой руки» – со стороной 19–20 см и «малой руки» со стороной 14–15 см. Красные рельефные изразцы Нового Иерусалима по своим размерам стоят между этими двумя группами. Размеры их лицевых пластин 15,5–16,5 см. Отличаются они также румпой, отступающей от края, в отличие от коробчатой румпы московских изразцов. Все это признаки поздних вариантов типа. На многих изразцах сохранились следы побелки.

Интересны изображения на красных рельефных изразцах из Нового Иерусалима. Первый сюжет – изображение льва (рис. 1, 1). Найдено 20 фрагментов таких изразцов – лицевых квадратных и угловых. Размер пластины квадратного лицевого изразца с полным изображением – 16,5 × 15,7 см, с половинкой изображения – 15,7 × 9,2 см. На обратной стороне лицевой пластины видны следы ткани, использовавшейся в процессе изготовления изразца. Румпа – отступающая. Рамка на большой пластине имеет ширину 1,5 см; на половинчатой части, со стороны общего угла – 1,0 см; с трех других сторон – 1,5 см. Центральное место в композиции занимает изображение льва, стоящего на задних лапах. Пасть животного открыта, хорошо виден длинный язык. Уши небольшие круглые. Изящно изгибающийся хвост завершается кисточкой в виде 3-лепесткового цветка. Все свободное пространство изразца занимают растительные побеги, а также небольшие декоративные звездчатые элементы. Изразец выполнен в традициях московской школы. Подобный изразец известен по раскопкам в Зарядье (*Мастих*, 1983. № 23) (рис. 1, 2). Однако лев на нем смотрит в другую сторону. Есть и другие мелкие отличия, например, размеры изразца. Московский имеет размеры 18,8 × 19,0 см, рамку 0,6–0,7 см и коробчатую румпу.

Изразцы с изображением льва локализуются в раскопе достаточно компактно и являются, вероят-

¹ Исследования в Ново-Иерусалимском монастыре организованы отделом охранных раскопок ИА РАН. Авторы выражают свою благодарность руководителю этих исследований д.и.н. Л.А. Беляеву за предоставленный для публикации материал.

1

2

Рис. 1. Широкорамочные изразцы с изображением льва

1 – прорисовка изразцов, найденных в Новом Иерусалиме; 2 – изразец из Зарядья

но, остатками развала одной печи. Обнаружено значительное количество как лицевых пластин, так и угловых, однако не было найдено никаких других элементов, и, что интересно, ни одного обломка изразцовой перемычки. При раскопках в Москве число перемычек обычно хорошо коррелирует с количеством лицевых пластин. Традиционно считается, что принцип изразцового оформления печей готического типа обязательно предполагает наличие изразцовых перемычек, закрывающих стыки между пластинами, в том числе углы. При изготовлении угловых изразцов перемычки имитировали. На угловом изразце из Нового Иерусалима угол образован простым соединением рамок. Возможно, здесь в конструкции печи перемычки не использовались.

Если первый сюжет известен и понятен, то второй – необычный. Рисунок представляет собой сплетение цветов и побегов, процветающих головами зверей и птиц (рис. 2, 1). Размеры лицевой пластины $15,5 \times 16,0$ см. Всего найдены фрагменты пяти таких изразцов.

Композиция состоит из трех зон (нижней, верхней и зоны контакта) с вертикальной осью симметрии.

Центром нижней зоны является стебель с трехчастным цветочным бутоном и двумя вертикально тянущимися от него вверх побегами. Вбок от стебля непосредственно под бутоном симметрично расходятся побеги, заканчивающиеся птичьими головами, смотрящими вниз. Клювы птиц раскрыты. Вниз от стебля также симметрично расходятся растительные побеги с листьями, уходящие далее вверх вдоль рамки.

Центром верхней зоны является полностью распустившийся цветок, от которого вверх отходит бутон, а влево и вправо симметрично расходятся вниз вдоль рамки растительные побеги с листьями. С каждой стороны один из листьев, вытянутых в направлении центрального стебля, заканчивается поднятой вверх головой хищного зверя (волка?) с раскрытой пастью.

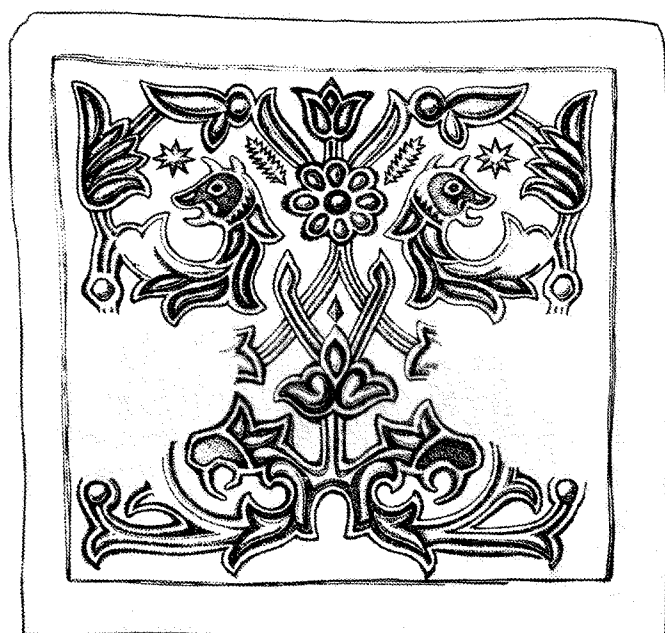
Фрагменты средней части изразцов (зоны контакта) практически отсутствуют, поэтому детали этой части композиции не известны.

Подобные сюжеты в серии красных рельефных изразцов пока не описаны. Отдельные похожие элементы можно видеть на архитектурных полихромных фризах Благовещенской церкви в Нижнем Новгороде (1697 г.) и Благовещенской церкви в Юрьевце на Волге (1700 г.), однако там имеется подобие только верхней части описанной композиции – побеги, процветшие головами хищных зверей (рис. 2, 3). Скорее всего, на архитектурных изразцах сюжет с процветшим стеблем был использован в чисто декоративных целях, тогда как композиция на изразце из Нового Иерусалима несомненно уходит корнями в некий этнографический сюжет.

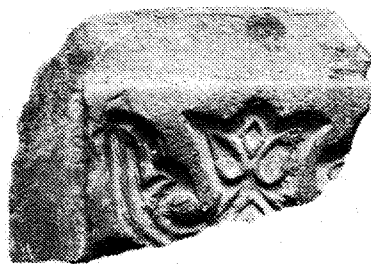
Помимо изразцов, сюжет с процветшими побегами известен в белокаменной резьбе; металле – решетка Теремного дворца в Московском Кремле; в орнаментах на фарфоровой посуде и в вышивках – «перчатая» рукавица из кремлевской коллекции (рис. 2, 4 – Прохоров, 1883. С. 224).

Семантика сюжета уводит к представлениям о фантастическом существе Симаргле с головой собаки (или волка), отвечавшем за земное плодородие. Есть свидетельства, что изображался он именно как древесный побег, корнями уходящий в землю, и процветший головой зверя. Что касается общего стиля рисунка, следует отметить, что стебель и побеги выполнены в виде трехжгутовой ленты, а в верхней части свободное пространство изразца занято небольшими элементами, напоминающими звездочки и еловые шишки. Рельеф изображения плоский. Все это обычно считается признаками московской изразцовой школы.

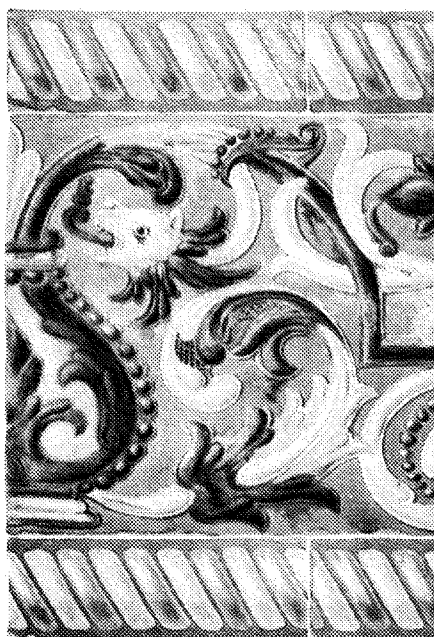
Во время раскопок найден также обломок керамического изразцового штампа (рис. 2, 2). Сохранившийся на нем фрагмент рисунка точно повторяет ри-

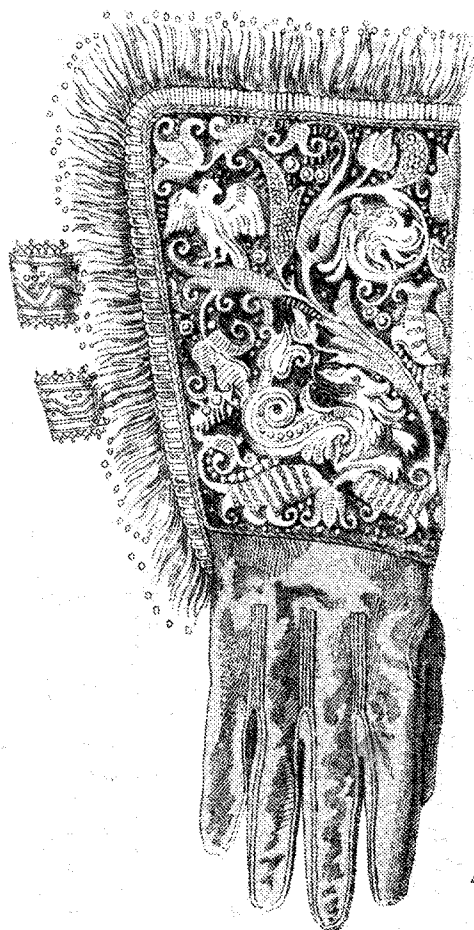
1

2

3

4

Рис. 2. Изображения процветшего побега (см. цв. вкл.)

1 – прорисовка ширококромочных изразцов, найденных в Новом Иерусалиме;
 2 – фрагмент глиняного штампа и его отпечаток; 3 – изразец из фриза Благовещенской церкви в Нижнем Новгороде;
 4 – «персчатая» рукавица с вышитым сюжетом

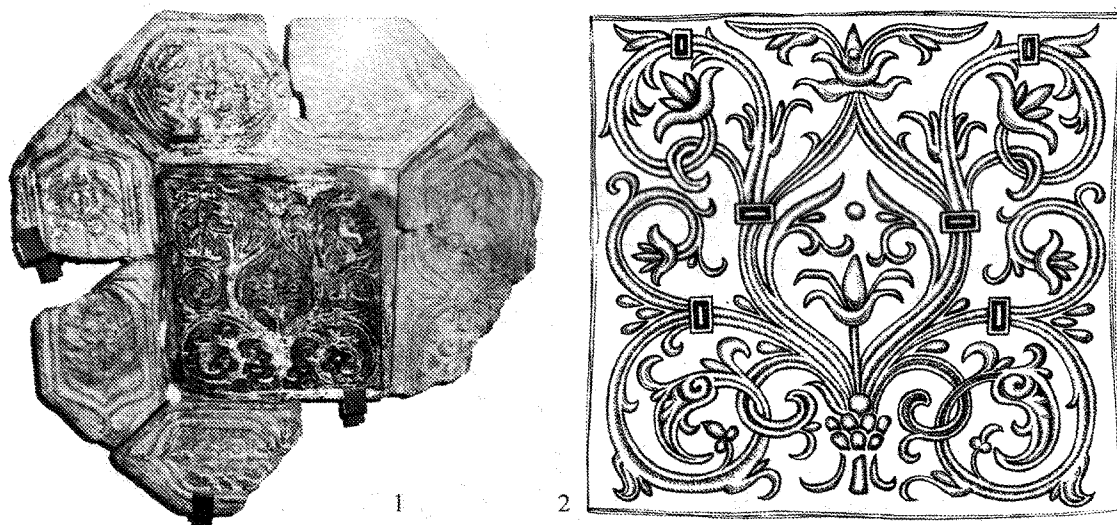

Рис. 3. Узкорамочные изразцы с растительным орнаментом
1 – композиция элементов в зеркале печи (музей Нового Иерусалима);
2 – прорисовка изразцов, найденных в Новом Иерусалиме

сунок центральной части верхней зоны композиции (на штампе это угол изразца), что подтверждает его местное происхождение. Сама находка штампа относится к числу редчайших. Изразцы преимущественно изготавливались в деревянных формах. Единичные обломки керамических форм относятся к более позднему периоду. Бытовало даже мнение, что такие формы можно использовать только для поливных изразцов, так как рисунок при этом получается несколько расплывчатым, что скрывает полива. Однако, как мы видим, в данном случае форма изначально предназначалась для неполивных изразцов. Кроме того, наличие штампа позволяет уверенно говорить о производстве красных широкорамочных изразцов здесь же, на месте, что раньше также подвергалось сомнению.

К широкорамочным изразцам относятся также сюжет с барсами, стерегущими древо (три обломка) (Маслих, 1983. № 65) и обломок изразца с растительно-геометрическим узором.

Узкорамочные изразцы

Более поздними являются узкорамочные изразцы (с шириной рамки 0,5–0,6 см). Их появление на русской земле связано, скорее всего, не с развитием красных рельефных широкорамочных изразцов, а с влиянием западной (и конкретно, белорусской) традиции. Все сюжеты присутствуют в Ново-Иерусалимском монастыре как минимум в двух вариантах: ангобированные и муравленные. Большая часть муравленные, причем с глазурью как по ангобу, так и непосредственно по красной глине. Однако значительную часть составляют эти же сюжеты, выполненные в цветной гамме. Здесь уже имеются различные элементы печного набора: помимо лицевых пластин, есть пояски, несколько видов карнизов (каблучок; сложной формы с выпуклой нижней частью и прямой верхней; S-образные), валики, городки, арки-подзоры

и ножки, а также совершенно оригинальный шестиугольный элемент оформления зеркала печи.

Первый сюжет, который мы рассмотрим – лицевой изразец с растительным узором (найдено 38 обломков) (рис. 3, 2). Узор имеет вертикальную ось симметрии, орнамент состоит из переплетающихся стеблей, стилизованных цветов, плодов, бутонов, листьев и побегов. В нескольких местах выходящие побеги собраны вместе и придерживаются некими дополнительными элементами (лентами? жгутами?). Основа композиции строится на прорастающих снизу вверх двух побегах, образующих последовательно три завитка. Нижний завиток поворачивает вниз, описывает круг и заканчивается «турецким огурцом». Второй завиток, отходящий из той же точки, что и первый, заворачивает наверх и оканчивается 5-лепестковым цветком. Верхний завиток поворачивает вверх, описывает круг и заканчивается 5-лепестковым цветком. В центральной части изразца побеги расходятся, образуя ромбовидное пространство, внутри которого произрастает на прямом стебле 4-лепестковый цветок с овальной сердцевинкой. Слева и справа цветок огибают два побега, смотрящие друг на друга. Между ними в центре «висит» круглая «бусина».

Большинство изразцов из нашей коллекции не имеют поливы, однако есть несколько муравленных. В Ново-Иерусалимском музее хранится набор, в котором такую муравленную квадратную лицевую пластину обрамляют четыре шестиугольные муравленные пластины с оригинальным растительно-геометрическим узором: пластина внутри составлена из двух соединяющихся вершинами более мелких шестиугольников, внутри каждого в двойной рамке изображен цветок, обрамленный вырастающими из линии внутренней рамки дубовыми листьями (рис. 4, 3). Получившаяся оригинальная композиция является элементом зеркала печи (рис. 3, 1).

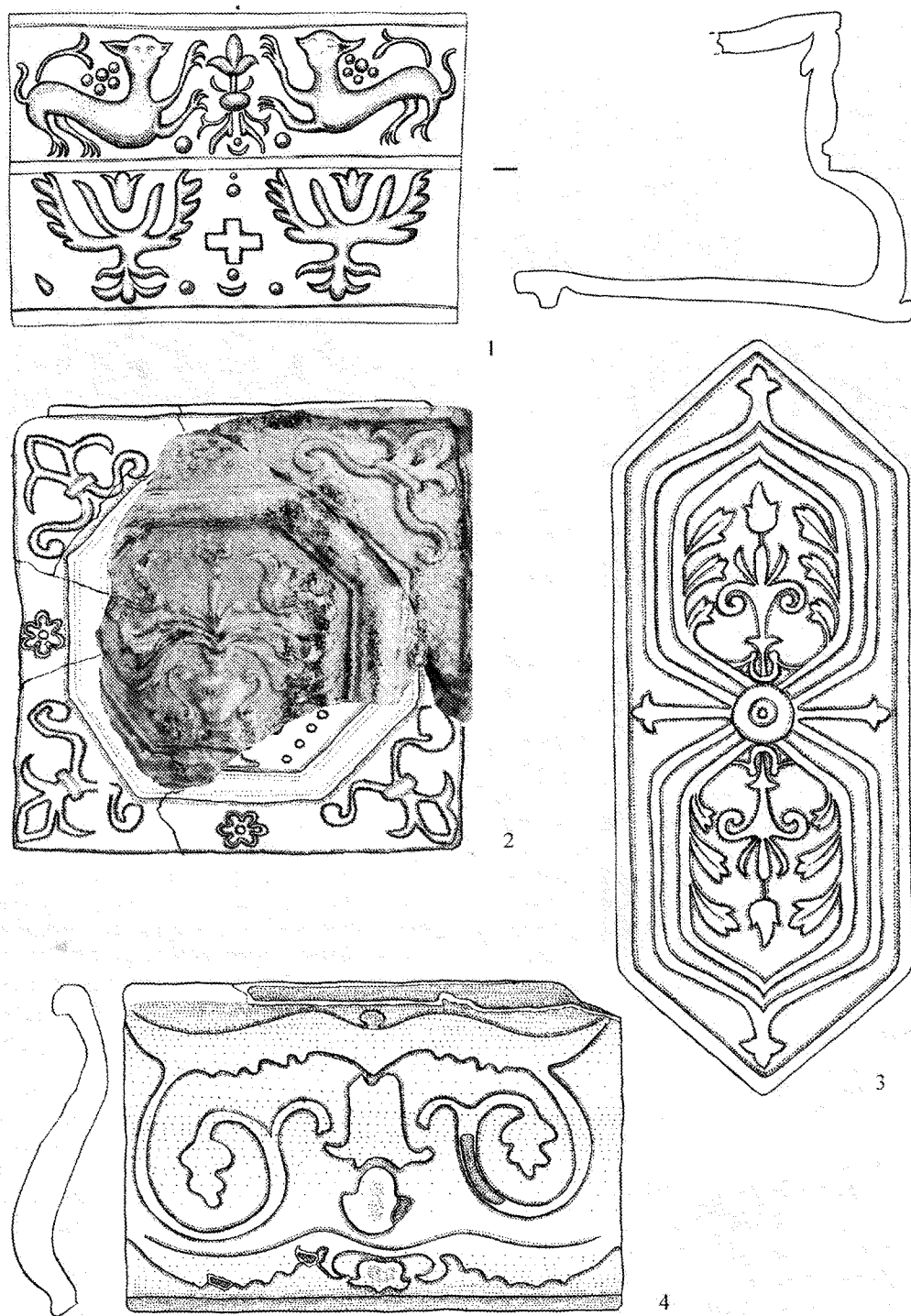

Рис. 4. Белорусские мотивы

1 – двухчастный карниз с барсами; 2 – лицевой изразец с вазой в восьмиугольной рамке;
3 – шестиугольный элемент композиции зеркала печи; 4 – каблучковый карниз

Построенная таким же образом композиция была использована при составлении узора керамического пола в скиту Никона (Горячева, 1993. С. 149; Филипов, 1993. Рис. 37). Однако, что касается печных изразцов, рисунок шестиугольных пластин сильно отличался от рисунка центральной пластины зеркала.

Возможно, использовалась и другая центральная пластина с рисунком, изображающим вазу с листьями и цветами в восьмиугольной рамке. Изразцы с таким рисунком распространены очень широко. Они составляют значительный процент среди муравленых изразцов Москвы, много их и в Новом Иеруса-

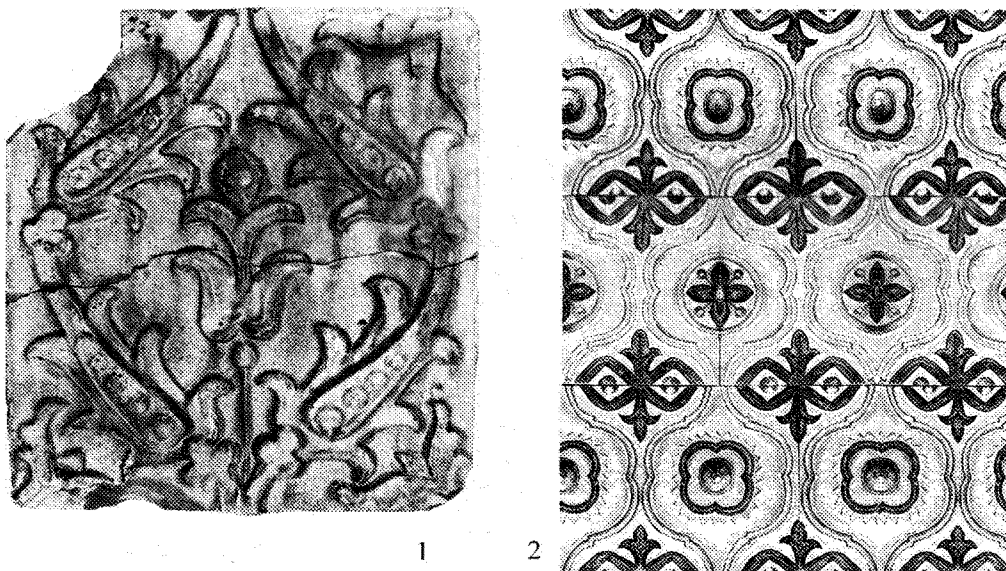

Рис. 5. Изображения на ковровых изразцах (см. цв. вкл.)

1 – «турецкий огурец»; 2 – фрагмент зеркала печи со сложной трехгубтовой розеткой и лилиями

лиме. Судя по всему, они составляли значительную часть изразцовой продукции Иверского монастыря, а потом широко использовались в Зеленековском монастыре, в том числе как архитектурные (Кондратьева, 1978. С. 80). Все эти изразцы имеют практически одинаковый рисунок пластины.

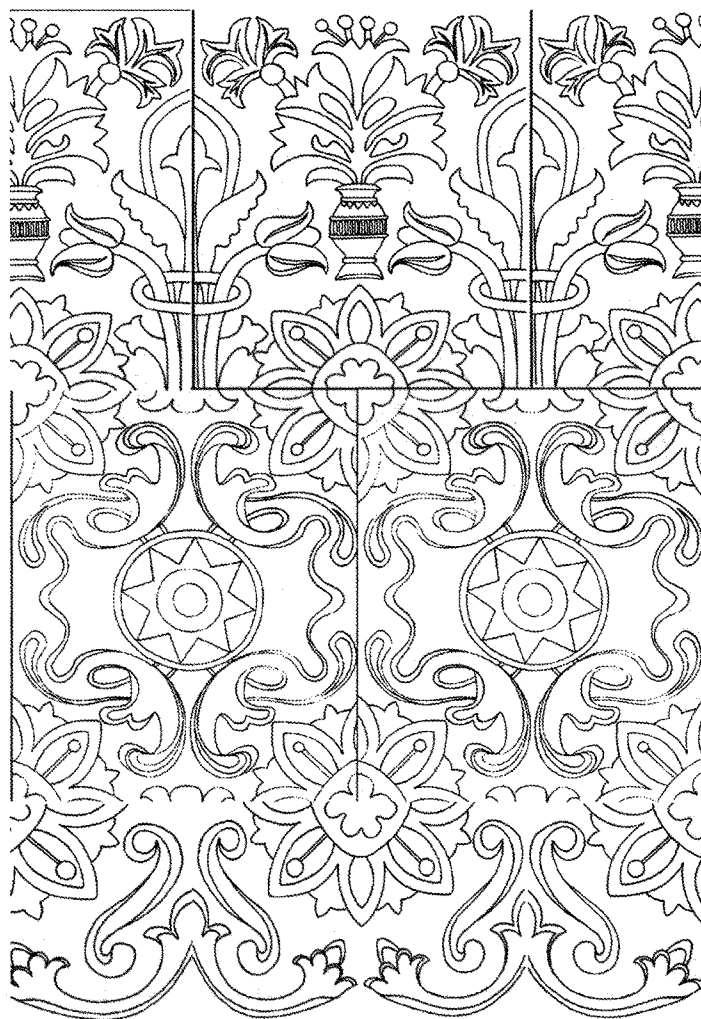
В одном из шурфов снаружи монастырской стены был найден развал печи с подобными изразцами. Сохранились фрагменты от 10 лицевых пластин размерами $16,0 \times 17,0 \times 1,5$ см, румпа отступающая, изнутри хорошо видны следы печного нагара. В центре пластины размещена узкогорлая ваза с букетом из семи тонких стеблей, заканчивающихся широкими листьями с зубчатым нижним краем. Ваза заключена во внутреннюю широкую восьмиугольную рамку. С наружной стороны рамки по центрам сторон изображено по раскрытому шестилепестковому цветку, по углам стилизованные геометрические фигуры, напоминающие бутон на стебле. Рисунок имеет вертикальную ось симметрии (рис. 4, 2).

Сюжет с вазой в восьмиугольной рамке («цветок или букет в вазе») имеет белорусское происхождение. Подобные мотивы были широко распространены в Беларуси во второй половине XVII в. (Бубенько, 2007. С. 259. Рис. 4; Трусов, 1989. С. 339. Табл. 1, 5) Соблюдена и еще одна особенность белорусских изразцов: если в вазе листья и гроздья, то за рамкой цветы, и наоборот. В Белоруссии развитие рисунка привело к тому, что к концу XVII в. рамка становится прямой. В нашем случае рамка еще восьмиугольная, т. е. он происходит от более ранних вариантов.

К этому же набору относились 8 карнизов, в том числе, один целый размерами $20,0 \times 10,5 \times 1,5$ см. Карниз имеет плавный изгиб («каблучок»), румпа отступающая, изнутри хорошо видны следы печного нагара. Рисунок трехъярусный: снизу и сверху широко

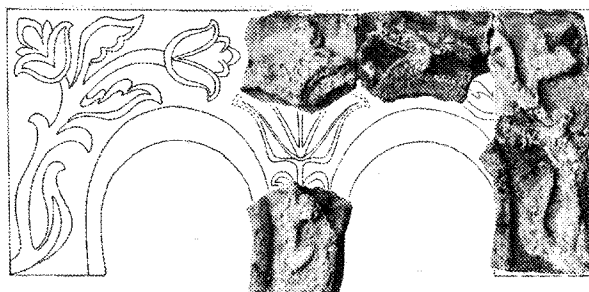
раскинутые вправо и влево широкие листья с зубчатым нижним краем, в середине центральная фигура, к которой от верхних листьев отходят, S-образно извиваясь, побеги, заканчивающиеся дубовыми листьями. Рисунок имеет вертикальную ось симметрии (рис. 4, 4). Как видно, ширина лицевых пластин и карнизов не совпадает – карниз шире лицевой пластины на 4 см. Однако в комплексе печи присутствовали именно карнизы с «дубовыми листьями». В этом случае как раз и могут быть использованы шестиугольные элементы, обрамляющие центральную лицевую пластину. Они дадут необходимую «добавку» к ширине. О том, что в печной набор с сюжетом лицевой пластины «ваза в восьмиугольной рамке» входил именно карниз с «дубовыми листьями», может свидетельствовать еще и тот факт, что при раскопках они были найдены также в полихромном варианте.

Правда, найдены карнизы, и более подходящие по размеру к лицевым пластинам. Это 6 карнизов сложной формы размерами $17,5 \times 11,0 \times 1,5$ см. Верхняя часть их прямая, с зооморфным мотивом: изображение фантастических хищных зверей (барсов?), повернутых мордами к растительному побегу, символизирующему древо жизни. Нижняя часть резко выпуклая, на ней мотив из стилизованных растительных побегов (стилизованных изображений орлов?) вокруг центрального равноконечного креста (рис. 4, 1). Сюжет восходит к материалам Белоруссии. На изразцах XVI в. (Гродненский и Мирский замки) часто встречается мотив с геральдическими зверями, поддерживающими передними лапами древо (Бубенько, 2007. С. 258. Рис. 8; Трусов, Чернявский, Кравцевич, 1986. С. 216–235.) Однако рисунку заполняет всю пластину изразца. Двучастная композиция подобная нашей, когда геральдический мотив остается только на верхней вертикальной части карнизного изразца,

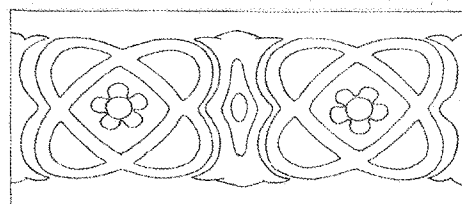

2

1

3

4

Рис. 6. Элементы печи с ковровыми изразцами

1 – реконструкция рисунка зеркала печи; 2 – изразец из аналогичного набора; 3 – арка; 4 – валик

а низ заполнен, как правило, стилизованными растительными побегами, датируется в Белоруссии XVII в. (Витебский замок), причем разница между изображениями первой и второй половины века незначительна (Бубенько, 2007. С. 258. Рис. 8). Полных аналогий рисунка в белорусских материалах не обнаружено, хотя линия происхождения сюжета очевидна.

На лицевых пластинах всех изразцов из Нового Иерусалима хорошо видна структура дерева, а это значит, что форма была сильно стерта. Одинаковые следы такой стертости позволяют говорить о том, что, во-первых, все найденные здесь изразцы были изготовлены в одной форме; во-вторых, что форму использовали не новую и, в-третьих, – новую форму,

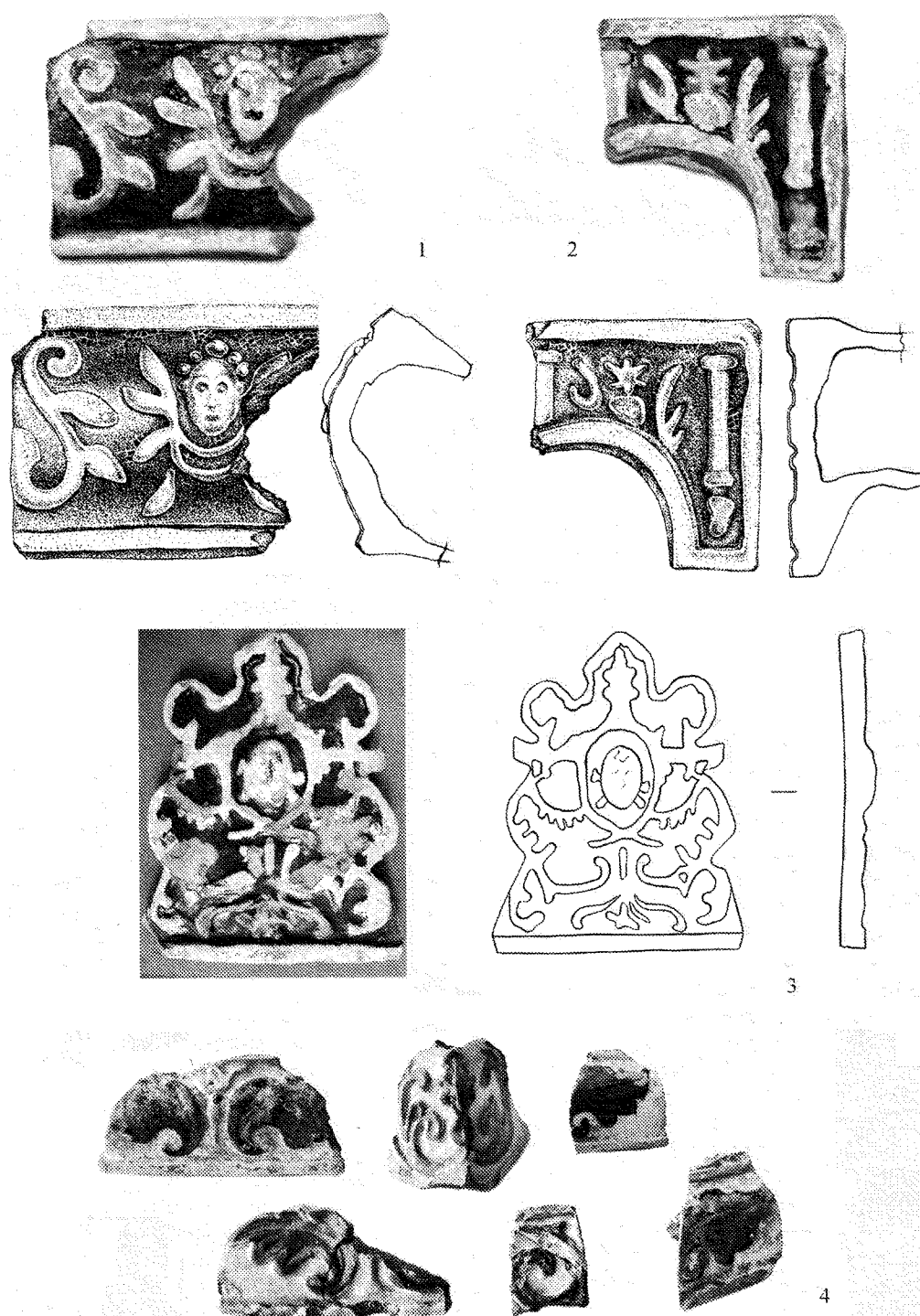

Рис. 7. Элементы сине-белой печи с рельефным узором
1 – валик; 2 – арка; 3 – городок; 4 – фрагменты карнизов и ножки

видимо, сделать не получалось, поэтому приходилось пользоваться этой.

К типу узорамоочных изразцов относится также сложный набор западноевропейского стиля, выполненный в полихромной гамме (сине-белые с отдельными желтыми и бирюзовыми элементами). Обломки изразцов этого совершенно оригинального печного

набора происходили в основном из раскопа на месте палат патриарха Никона. От набора имеются:

– несколько поясковых изразцов с изображением сцен охоты, соединяющиеся во фриз с единой композицией (рис. 8, 1). Высота их 10,5 см, длина не реконструируется. На одном фрагменте от рисунка сохранилась фигура охотника, держащего копье, впереди

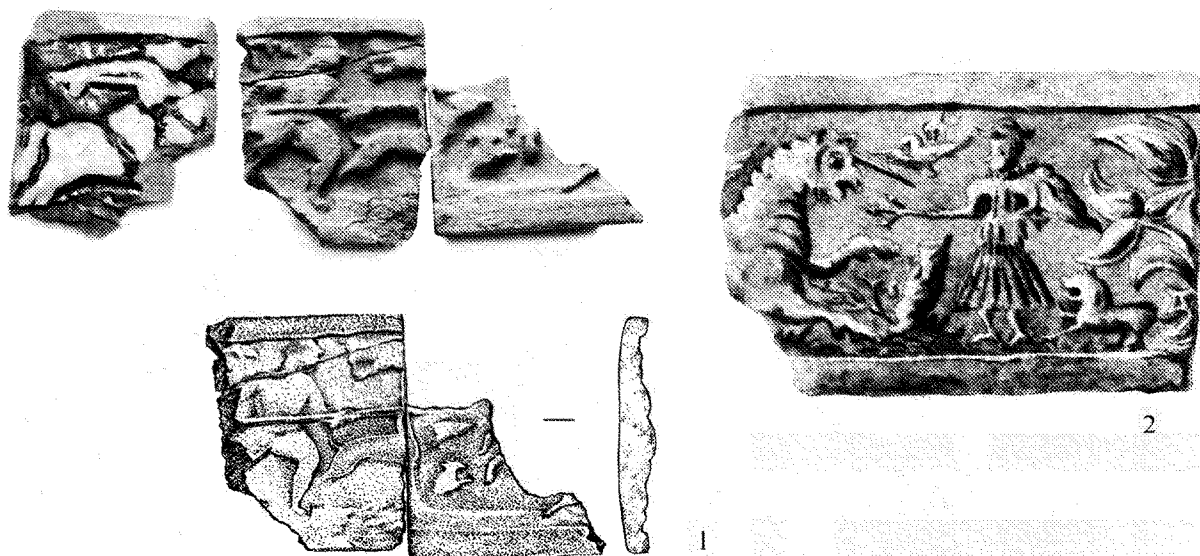

Рис. 8. Фрагменты изразцового фриза со сценой охоты (см. цв. вкл.)

1 — прорисовка фрагментов, найденных в Новом Иерусалиме;
2 — пояска, найденный в Ипатьевском монастыре в Костроме

него собака (интересно, что она изображена на изразце не полностью — она «убегает» за его край). На следующем фрагменте виден наконечник копья охотника, передняя часть собаки, стоящий перед ней на задних лапах заяц, а также ноги вставшего на дыбы животного (олень?). Близкую по композиции сцену можно видеть на обломке пояскового изразца высотой 11,5 см со сценой охоты на единорога, найденном в Ипатьевском монастыре в Костроме (рис. 8, 2). Изразец датируется второй половиной XVII в. (Маслих, 1983. № 51). Есть также фрагменты таких поясковых изразцов с изображением скачущего всадника с копьем в руках. В изразцовой коллекции музея-заповедника Новый Иерусалим имеется несколько фрагментов от такого же пояска. При сопоставлении их с найденными при раскопках, выстраивается общая композиция фриза, состоящая из двух изразцов. На левой половине фриза (целый изразец) — всадник с копьем, бегущий охотник, впереди собака. На правой (также целый изразец) — бегущий навстречу им олень (?), преследуемый сворой собак;

— фрагменты валиков, где центром композиции рисунка является маскарон в венце и обрамлении растительных побегов. Реконструируемая длина изразца — 17 см, высота 10,5 см, румпа отступающая (рис. 7, 1);

— арка. Фрагмент представляет собой примерно половину однопролетной арки. Реконструируемая длина не менее 21,0 см, высота — 10,5 см. Рисунок состоит из колонок с желтыми капителями (?), между которыми схематично изображены кусты или травы (рис. 7, 2);

— фрагменты двучастных карнизов сложной формы (в том числе углового левого). Нижняя часть сильно выпуклая, длина — 21 см, высота нижней части — около 5 см. Фрагменты от верхней вертикальной части обломаны, что не позволяет указать точную высоту изразца. В центре нижней части фигурная колонка желтого цвета, заканчивающаяся цветком, справа и слева от нее расходятся крупные древесные сложно-вырезанные листья синего цвета. О рисунке верхней части можно лишь сказать, что это расходящиеся из центра побеги синего цвета (рис. 7, 4);

— фрагменты печных ножек, украшенные витыми побегами с листьями (рис. 7, 4);

— высокие городки сложной формы с изображением Голгофского креста (рис. 7, 3).

Ковровые изразцы

В Ново-Иерусалимском монастыре встречено несколько разновидностей ковровых изразцов: без поливы и ангоба, ангобированные, муравленные и полихромные, причем последние в разных вариантах цветового оформления. Как понятно из названия, рисунок зеркала таких печей — разнообразные узоры преимущественно геометрического, реже растительного характера. При раскопках было обнаружено несколько более или менее полных печных наборов. Основу первого комплекса составляли изразцы с изображением «турецкого огурца»². Лицевые пластины этих изразцов имеют размеры 19,0 × 23,0 см. В комплексе много угловых изразцов. Узор представляет собой центральный лилиеобразный цветок и огибаю-

² При реконструкции печей Никоновского скита изразцы с «турецким огурцом» были использованы лишь как вставки в печь, основой рисунка которой были фронтально развернутые многолепестковые цветы (кувшинки?).

шие его стебли с «турецкими огурцами», углы изразца заполняют растительные побеги (рис. 5, 1). Румпа отступающая. Рельеф плоский, что характерно для московской изразцовой школы.

При раскопках было найдено большое количество целых экземпляров, хорошо коррелирующее с количеством фрагментов каблучковых карнизов с лентой из вертикально расположенных листьев (аканфа?) – их примерно в полтора раза меньше. Раппорт рисунка состоит из трех листьев: двух соединенных на переднем плане и одного (с вертикальным рядом бусин) – между ними сзади. Найдено два очень близких варианта этого рисунка, различающихся даже не деталями, а особенностями трактовки деталей. В одном из вариантов пояс с рисунком из мелких треугольников расположен над верхней частью карниза – такие карнизы использовались в большинстве монастырских ковровых печей. И это тоже косвенно свидетельствует о том, что сложность изготовления форм для плавно-профилированных деталей, к которым относятся карнизы, приводила к многократному использованию однажды изготовленного образца и вынужденной унификации производства.

По-видимому, к этому же комплексу относились прямые поясковые изразцы размерами $18,0 \times 9,5$ см с изображением бегущего единорога (рис. 10, 1) и слабоизогнутые – с изображением льва. По крайней мере, встречены они вместе. Сомнение вызывает совершенно иной стиль подачи изображения. Рельеф тут плавный, изображение льва детально проработано, изображение единорога близко по стилистике скорее к каким-то западноевропейским аналогам. И в целом они сильно отличаются от плоского рельефа лицевых пластин.

Второй комплекс составляют полихромные изразцы с основой рисунка в виде трехжгутовой розетки сложной формы (Кондратьева, Паничева, 1986. С. 372). Лицевые пластины найдены двух типов. В первом розетка занимает изразец целиком: в центре фронтально располагается четырехлепестковый цветок с округлыми лепестками, а по всем четырем углам, сверху и снизу пластины, – трехчастные жгуты с половинками трилистников – цветков лилии (?). Трилистник украшен резным элементом – «ежи́ком». Второй ряд изразцов кладется вперемежку, поэтому на пластинах второго типа жгуты с трилистниками оказываются по центру верхней и нижней стороны, а розетка разбита на две части – с левой и правой стороны располагается по половине от двух розеток, центрами которых являются половинки фронтально расположенных 4-лепестковых цветков с тычинками (рис. 5, 2). Карнизы совершенно такие же, как на первой печке. На однопролетных арках изображен побег, завершающийся двумя цветочными бутонами. Растительными побегами украшены и ножки. Этот комплекс также носит черты московского стиля:

плоский рельеф, трехчастность жгутов и московские «ежи́ки».

Третий комплекс происходит из постройки, сгоревшей в пожаре и более не восстанавливавшейся. И лицевые пластины, и поясковые изразцы объединяются повторяющимися характерными элементами в виде многолепесткового цветка со слегка заостренными овальными лепестками, изображенного плоской рельефной границей. В центре каждого второго такого лепестка – тычинка. Между крупными овальными лепестками расположены мелкие трехчастные. Серединка выглядит как многолепестковая розетка. На части лицевых пластин четвертинки таких цветков расположены по углам изразца (цветок получается при соединении четырех изразцов). В этом случае центр изразцовой пластины занимает круглая выпуклая розетка, в которую вписан стилизованный цветок-звездочка с двойной круглой серединкой и треугольными лепестками-лучиками. Пространство между серединной розеткой и угловыми цветками заполнено четырьмя симметричными S-образными растительными побегами.

Есть изразцы, где половинки вышеописанных многолепестковых цветков с плоской рельефной границей располагаются посередине нижней части изразца. Центр рисунка лицевой пластины в этом случае составляет многолепестковый стебель-цветок, практически упирающийся в верхний край изразца. Цветок стоит в некоем подобии вазы, вырастающей из половинки цветка. На верху стебля распутившийся четырехлепестковый лилиеобразный цветок с четырьмя тычинками. Ниже располагаются по две пары подобных же нераспустившихся трехлепестковых цветков один над другим. От верхней пары отходят, практически до самых верхних углов изразца, трехлепестковые цветки с трехчастными же лепестками. В самом низу стебля – пара недлинных листьев. Вдоль боковых сторон изразца симметрично проходят стебли с отходящими от них цветками колокольчиков и сложновырезанными длинными гибкими листьями. При соединении изразцов боковые стебли соединяются в букет, стоящий в вазе (рис. 6, 1)³.

На поясковых изразцах по центру верхней границы располагается половинка цветка. Вдоль нижней части идет растительный побег, поднимающийся вдоль боковой стенки. Пространство между побегом и цветком заполняет S-образный элемент (рис. 6, 1).

Каблучковые карнизы абсолютно такие же, как в первых двух печах.

К комплексу относятся также:

– полукруглые валики, окантованные сверху и снизу плоскими узкими пластинами. Рисунок: рамка из нескольких полуovalов с вписанными в нее ромбами в местах соединений ovalов. Внутри ромбов небольшие пятилепестковые цветочки с овальными лепестками. Места соединения полуovalов в ряде случаев оформлены стилизованным трехчастным раститель-

³ Раскопками найден еще один (третий) вариант лицевой пластины подобного типа (рис. 6, 2). Однако, в развале изразцов, относящихся к комплексу данной печи, таких вариантов лицевой пластины встречено не было.

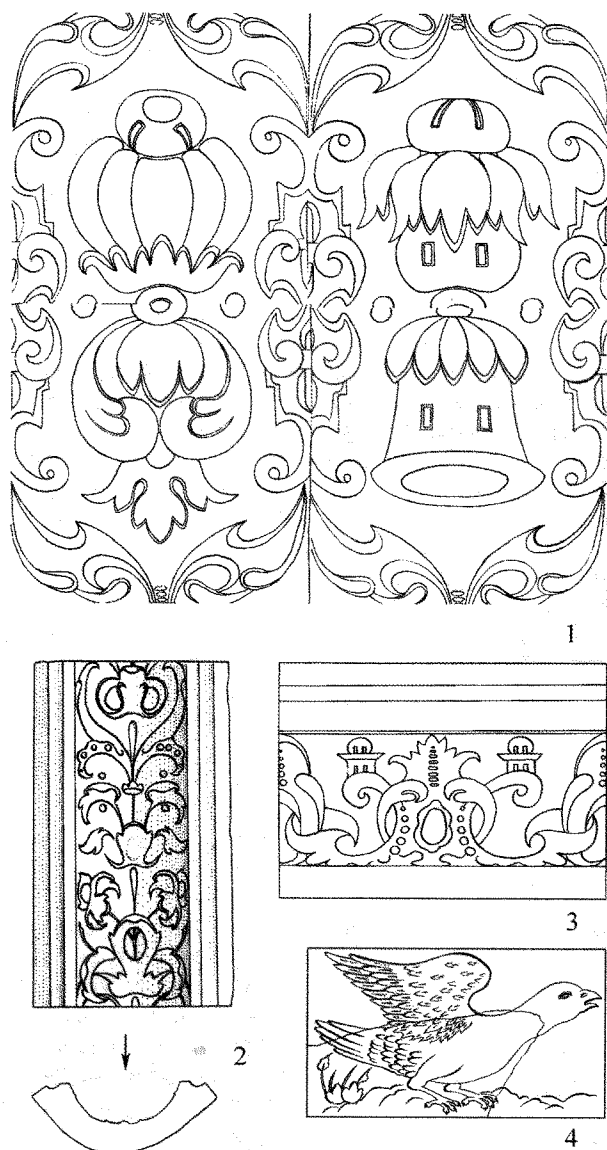

Рис. 9. Элементы ренессансной печи

1 – реконструкция рисунка зеркала печи; 2 – элемент фигурного оформления углов; 3 – валик; 4 – пояс

ным побегом. Скорее всего, валики располагались в печи сразу над арками подзоров (рис. 6, 4);

– трехчастные арки подзоров. Рисунок арки – ровный стебель цветка с длинными гибкими листьями и двумя цветками колокольчиков, расположенными один – на конце изогнутого вдоль арки стебля, второй – отклоненный в противоположную сторону, к углу арки (рис. 6, 3);

– плоские плитки-подставочки с рамками, окаймляющими плитку;

– круглые печные ножки.

Печь ренессансного типа

Интереснейший изразцовый комплекс был обнаружен при раскопках Старого Государева двора. Необычный рисунок сочетается в нем с непривычным набором

элементов (рис. 9). Изразцы без поливы и без следов ангоба, румпа отступающая, высотой 8,0 см. На внутренней стороне изразцов видны следы грубой ткани, прижатой к пластине. Рельеф изразцов плавный. Рисунок состоит из растительно-геометрических мотивов. Лицевые пластины размерами 18,0 × 18,0 см. Было реконструировано 12 различных рисунков лицевых пластин – огромное количество, особенно в сравнении с другими ковровыми комплексами, где набор лицевых пластин ограничивался двумя вариантами. Не повторяется и рисунок пояса – шесть (!) различных птиц. Рисунок выполнен в западноевропейской стилистике (рис. 9, 4).

Общим для всех пластин является рисунок рамки, проходящей по левой и правой сторонам изразца и соединяющейся в центре его верхней границы. Рамка образована сложными геометрическими и растительными формами – процветшей колонной (?), завершающейся вверху секирообразным элементом, украшенным в свою очередь растительными побегами. Середину занимают разнообразнейшие цветы или плоды, причем этот центральный элемент расположен не строго по осевой линии, а слегка наклонен, что придает рисунку живость.

Когда был собран комплект из всех рисунков, стало ясно, что раппорт предполагает не только попарное соединение боковых частей рамок, но и попарное соединение самих пластин, причем один ряд ставится вверх, а другой вниз рамкой – словно бы «вверх ногами» (рис. 9, 1). Строение карнизов этой печи также отличается от общепринятого. Карниз сложной формы (общая высота 15 см) начинается прямой вертикальной деталью (18,0 × 7,5 см, и 1,5 см высотой). Выше идет более широкая часть (20,5 × 10,5 см, высота 9,0 см), покрытая сплошным рельефным узором. Над ней уменьшающийся уступ (17,5 × 7,0 см), высота его прямой вертикальной детали – 4,5 см. На середине высоты деталь разбита выступающим валиком 18,0 × 8,0 см, высотой 1,0 см. Ширина верхней площадки 1,5–2,5 см. Ширина нижней площадки 2,5–4,0 см. Как видим, карниз не выполняет своей основной функции – не образует изменение объема печи.

Орнамент «каблукочковой» части карниза представляет собой переплетение различных элементов растительно-геометрического узора. Примерно по центру орнаментальной части секирообразные геометрические элементы «прорастают» в изогнутые стебли и заканчиваются переплетенными друг с другом побегами. Над ними по центру располагается развернутый лист аканта, а над боковыми побегами – сложные геометрические фигуры, напоминающие в целом то ли корону, то ли верх башенки. По бокам от описанной композиции элементы узора составляют вторые, более узкие, композиции из изогнутых побегов, окружающих центральный овальный «лист». Снизу все три части переплетены широкими стилизованными листьями (рис. 9, 3).

К совершенно необычному, не представленному в других печах, относится элемент фигурного оформления углов. Это вертикальная плавно изогнутая (вогнутая) пластина высотой 17,5 см (длина хорды, соединяющей наиболее выступающие части окружности, 11 см). Воображаемый угол, который она оформляет, имеет стороны по 7 см длиной. Вдоль длинных сто-

Рис. 10. Изображения на поясковых изразцах ренессансного типа
1 – единорог; 2 – волк

рон расположены вертикальные рамки с полукруглым желобком, разделяющим разные плоскости угла. От этих рамок в разные стороны пойдут лицевая и боковая стороны печи. Румпа с левой стороны скошена на угол. Центральная вогнутая часть украшена рельефным узором, составленным из трех различных растительно-цветочных композиций, располагающихся вертикально одна над другой на едином центральном стебле. Нижняя композиция: длинные листья, два из которых соединяются, образуя широкий овал, в котором виден стебель с отходящими от него побегами, заканчивающимися стилизованными цветами («разбитое сердце»?); Два нижних листа завернуты вниз, образуя петли по обе стороны стебля. Средняя композиция: широкий трехчастный лист, из-за которого сзади отходят два листа вверх и два в сторону. Верхняя композиция: побеги, выходя из центральной чашечки, по обе стороны стебля разделяющиеся каждый на два, – лист плавно загибается вверх, касаясь верхней кромки изразца, а плод-стручок с горошинами плавно загибается вниз. На самом верху стебля – трехчастный лист, от центральной широкой и короткой части которого снизу отходят два узких листа (рис. 9, 2).

Верх ренессансной печи должны были украшать городки. Их фрагменты найдены при раскопках.

Такая же, или очень похожая, печь известна по материалам раскопок дворца Алексея Михайловича в Коломенском, но изразцы там полихромные⁴.

Эмблематы

Отдельной категорией изразцов, известных по материалам Нового Иерусалима, являются так называемые эмблематы⁵. Фактически они являются объемной иллюстрацией к книге «Эмблемы и символы», впервые изданной по указанию Петра I в 1705 г. Надо сказать, что символизм и аллегории стали тогда почти постоянной составляющей жизни высших классов и занимали умы еще долгое время после этого. Изображение эмблем и символов на изразцах – явление для XVIII в. очень распространен-

ное. Это гладкие расписные изразцы, где помимо нарисованного изображения имеется еще и надпись, поясняющая его (Сергеенко, 1993. С. 53–54). В нашем случае надписи нет, но проставлен ее номер, соответствующий порядковому номеру сюжета в книге. Пространство изразца занимает рельефная композиция, лишь отдаленно соответствующая рисунку в книге, что вполне понятно – средства выражения разные.

При раскопках найдены как известные сюжеты, соответствующие общей нумерации, так и явно выходящие за рамки книги.

К известным можно отнести («Эмблемы и символы», 2005. С. 82–83):

– «№ 162 – два якоря связанных – “Двумя всего надежнее”»;

– «№ 694 – купидон, несущий сердце и чудовищем преследуемый – “Никто у меня его не отнимет”»;

– «№ 350 – рука с мечом и померанцевой ветвью над шаром – “Железом и златом. Оружием и богатством”»;

– «№ 109 – лев со скипетром – “Кто сможет у меня его отнять?”» (в правой верхней части нашего изразца изображена буква «Щ»);

– «№ 43 – орел с распростертыми крыльями, при блистании, сидящий на огнестрельном оружии – “Он не страшится ни того, ни другого”» и некоторые другие (рис. 11, 3).

Гораздо интереснее сюжеты, которых в книге нет.

1. Целая сюжетная линия. Изразцы, на первом из которых изображен мужчина со стоящим рядом с ним гусем, и второй – с тем же мужчиной, уже зарезавшим гуся (рис. 11, 2).

2. Всадник с копьем, скачущий за оленем.

3. Третья группа содержит довольно большое количество одинаковых изразцов. Сюжет на них драматический: представлена охота на медведя, в ходе которой зверь кидается на человека, тот при падении роняет копьё, однако сохраняет кинжал и пытается все-таки убить зверя. Справа от фигур – склоненное

⁴ Выражаем благодарность С.И. Барановой, давшей возможность ознакомиться с изразцами из коллекции музея-заповедника Коломенское.

⁵ Выражаем благодарность сотрудникам музея-заповедника Новый Иерусалим Н.Е. Любимову и Л.М. Чернениловой за помощь и предоставленную возможность работать с материалами из музейных фондов.

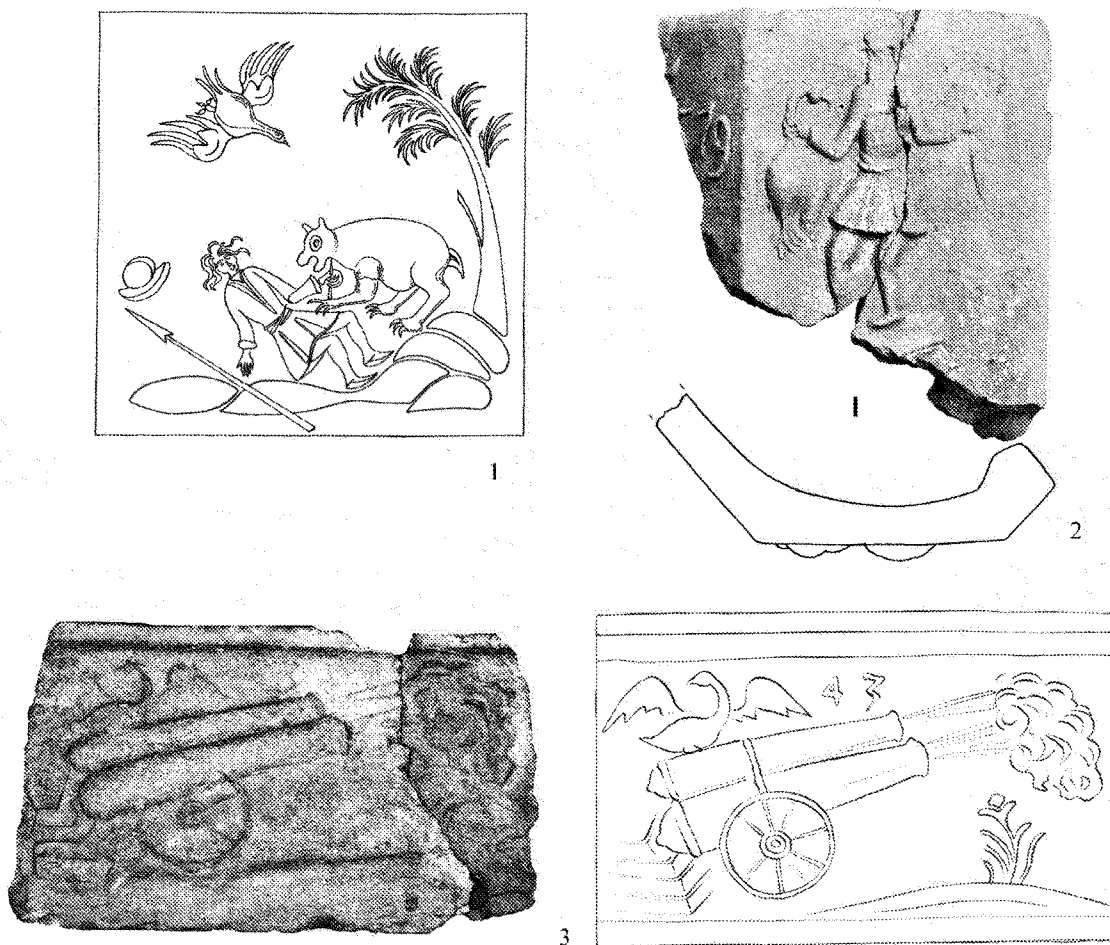

Рис. 11. Изображения на изразцах-эмблематах

1 – охота на медведя; 2 – сюжет с гусем; 3 – «№ 43 – орел с распростертыми крыльями, при блистании, сидящий на огнестрельном оружии – “Он не страшится ни того, ни другого”»

дерево. Слева – летит, пикируя, птица (рис. 11, 1). Сюжет полон движения и незаконченного действия, причем финал истории неясен. Он, как моментальный снимок неизвестного автора, тревожит и будит воображение. Возможно, что символика изображения восходит к известной легенде об охоте царя Алексея Михайловича на медведя в окрестностях Звенигорода. Изразцы использовались в печи, на них есть следы копоти.

Ново-Иерусалимские «эмблематы» в основном покрывались бирюзовой непрозрачной поливой. Однако часть их выполнена в полихромной гамме, а часть осталась вообще без поливы. Стиль рисунка западноевропейский, рельеф плавный. Среди них есть прямые лицевые пластины; угловые с широкой центральной частью и симметричными боковыми сторонами, расположенными под углом к центральной; поясковые изразцы. Датировать их можно первой половиной XVIII в. Ясно, что первоначально это были печные изразцы. Однако впоследствии их стали использовать и как архитектурные. В частности, такими изразцами выполнены позднейшие вычинки одного из соборных окон (двойного окна Голгофско-

го придела). Среди них мы встречаем уже знакомые нам сюжеты: охоту на оленя и орла с распростертыми крыльями, сидящего на огнестрельном оружии. Расположены изразцы беспорядочно, некоторые даже вверх ногами. Ясно, что использованы они были почти случайно, просто потому, что больше всего подходили по размеру из тех, что сохранились на каком-то складе.

Некоторые итоги

1. Найденные при раскопках наборы печных изразцов позволили реконструировать историю изразцового производства в Новом Иерусалиме. Они подтвердили участие здесь в производстве изразцов мастеров разных школ.

2. Комплексы, принадлежащие отдельным печам, позволили восстановить вид целого ряда парадных печей, в том числе и ранее неизвестных.

3. Выявлены локальные особенности местной школы изразцового производства.

4. Исследованы этапы развития изразцового производства, сложение различных типов, разработки технологических особенностей.

Литература

- Баранова С.И., 2006. Москва изразцовая. М.
- Бубенько Т., 2007. Типология и хронология изразцов Витебского замка XVI–XVIII веков // *Sredniowieczne i nowożytne kafele. Regionalizmy – podobieństwa – różnice*. Białystok.
- Горячева М.Ю., 1993. Изразцовое убранство скита патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2. М.
- Кондратьева Е.В., 1978. По Неве и Волхову // По Ленинградской области. Л.
- Кондратьева Е.В., Паничева Л.Г., 1986. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. Л.
- Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.
- Немцова Н.И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. М.
- Немцова Н.И., 1993. О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.
- Прахов В.А., 1883. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб.
- Сергеенко И.И., 1993. Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблемами и московском мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.
- Трусов О.А., 1989. Мстиславльские изразцы // Памятники культуры. Новые открытия. М.
- Трусов О.А., Чернявский И.М., Кравцевич А.К., 1986. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области // СА. № 4.
- Филлипов А.В., 1993. Древнерусские изразцы. Ч. 2. М.
- Эмблемы и символы. М., 2005.

S.V. Borzova, O.N. Glazunova, E.V. Mayorova

**Relief ceramic tilework on 17th – and early 18th- century stoves:
certain regional peculiarities**

Summary

The article presents some of the finds of the ceramic tilework from the New Jerusalem monastery (town of Istra, Moscow region). The tiles date to the second half of the 17th

and the early 18th c. Some belong to the more popular types, and some are rare and unique. Both glazed and unglazed tiles have been found, including polychrome ones.

Л.И. Федорова, В.А. Ткаченко, В.В. Федоров

Калужские изразцы как срез материальной и духовной культуры провинциального города

Рассматривая этапы развития ремесленной деятельности жителей Калуги, необходимо отметить, что в XVI в. город был пограничной крепостью, московские правители считали ее надежно защищенным городом, где развивались ремесла и промыслы, шла активная торговля (Малинин, 1912. С. 33).

Печальную известность приобретает Калуга в Смутное время, когда город на долгое время стал заложником битвы за власть. Не повезло Калуге и в первые годы правления М.Ф. Романова: он подвергся набегам крымцев, поляков и запорожцев гетмана Сагайдачного. В последующее мирное время Калуга начинает разрастаться, этому процессу не помешали ни моровое поветрие в середине XVII в., ни неоднократные пожары. Энергия жителей нашла выход в торговой и ремесленной деятельности, особенно после воссоединения Украины с Россией. Это повлекло дальнейшее развитие промышленности, ремесел, промыслов, среди которых следует выделить изразцовые производства Калуги.

В первой половине XVII в. печи в домах калужан облицовывали неполированными изразцами. Затем налажилось производство изразцовых изделий с поливой. В 1978 г. на Воробьевском спуске к р. Оке, на усадьбе № 6, при сносе домов были обнаружены остатки заброшенного горна с неизвлеченными спекшимися поливными рельефными изразцами, остатки хозяйственных построек, где изготавливались изразцы, обломки керамических двусторонних форм для печатания изразцов, идентичные найденным в горне изразцам (Федоров, 2002. С. 189). Благодаря калужскому краеведу художнику А.Н. Коняшину сохранились фотографии найденного горна, изразцы и обломки одной из трех форм. Судьба двух целых, сданных в краеведческий музей, неизвестна. Мы смогли ознакомиться с керамической двусторонней формой, образцами найденного в горне печного набора с пережженной зеленой поливой. Он похож на набор многоцветной ценинной печи из придела Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского (1670-е годы), хранящейся в музее «Коломенское».

В 1935 г. при раскопках в селе Усадье под Калугой, земли около которого принадлежали некогда князьям Голицыным, были обнаружены остатки изразцового производства: зеленые изразцы, полые колонки, от-

носящиеся к середине или второй половине XVII в. (Сухоцкий, 1979). Подобные изразцы украшали в Охотном ряду Москвы палаты любимца царевны Софьи, талантливого дипломата князя В.В. Голицына.

Сохранились ранние изразцы из церкви Георгия на Воробьевке в частных коллекциях и в местном краеведческом музее. На зеленом поле калужского высококорельефного клейма из четырех изразцов изображен российский орел с двумя коронами, без царских регалий в лапах. Размер лицевой пластины каждого изразца 21 x 26 см, высота рельефа 0,3–0,8 см, румпа калужского типа (КОКМ. № 319.) Декоративность и наивный схематизм рисунка сочетается с элементами живой природы, нарушение пропорциональной соразмерности крупного яйцеобразного туловища и далеко отступающих длинных, по-петушину голенастых, ног, условная разделка перьев, превращенных в чешуйчатый орнамент – во всем чувствуется тяжеловесность, простонародная грубость эпохи. Изразцы, украшенные подобным двуглавым орлом под двумя коронами без царских регалий в лапах, в 1690 г. были в декоре Сухаревой башни (Баранова, 2006. С. 182.) В частных коллекциях сохранилось около тысячи изразцов рубежа XVII–XVIII вв. (целых и обломков). В коллекции краеведа-художника А.Н. Коняшина было два изразца с изображением птицы Сирин с человеческой головой в короне. Более 50 изразцов с птицей Сирин, обожженных в пожаре, были выявлены при ремонтных работах в подвале дома № 11А на улице Воскресенской.

Изразцы с низким рельефом появились на рубеже XVII–XVIII вв. – как с многоцветной поливой (изразец с вазой и короной), так и без поливы. Документы подтверждают, что в XVII в. в интерьерах домов были «белые изразцовые печи»: печи, декорированные неполированными изразцами, белили с добавлением толченой слюды, создававшей искрящуюся поверхность. Эти и другие многочисленные находки ранних изразцов подтверждают производство их в Калуге. По данным калужского воеводы И.Л. Полуехтова, гончарное производство в Калуге росло, одних горшечных лавок насчитывалось 15 (Пепетов-Самгин, 1863. С. 88).

Многоцветные рельефные изразцы в Москве появились в керамическом декоре церкви Троицы в Никитниках (1635–1653 гг.), построенной на средства

купца Никитникова. Причем изразцы эти были из желто-розовой (светложгущейся) глины, характерной для калужского производства. С.А. Маслих полагал, что богатый купец Никитников привез в Калугу белорусского мастера, которому были известны секреты изготовления цветных эмалей, что и дало толчок калужскому производству изразцов (Маслих, 1983. С. 18). Здесь начинают использовать глухие эмали четырех основных цветов: белого, желтого, синего и зелено-бирюзового. Желательно произвести физико-химическое исследование имеющихся местных многоцветных изразцов, чтобы сравнить результаты с данными по археологической керамике XVII–XVIII вв. из города Могилева. (Раханский и др., в печати). Зеленые изразцы еще какое-то время бытовали вместе с полихромными, постепенно уступая им. Это подтверждается находками в местах производства изразцов большого количества брака рельефных изразцов простых, муравленых и многоцветных, а также форм для их оттиска (Федоров, 2002. С. 189–190).

К концу XVII в., наряду с Ярославлем, Калуга являлась одним из ведущих провинциальных центров керамического производства на Руси (Аиукин, 1918). С XVIII в. начался расцвет изразцового производства в Калуге. В это время в городе насчитывалось 11 кирпичных и 10 изразцовых заводов. Изделия калужских мастеров пользовались большим спросом не только в Калуге. В 1731 г. для дворца Анны Иоанновны в Москве в Лефортово на калужских заводах были выполнены печные изразцы по рисункам Ф.В. Растрелли. В 1753 г. при восстановлении сгоревшего Головинского дворца на месте ранее существовавшего Анненгофского для печей использовались изразцы также калужского производства (Кудрявцева, 1998. С. 16). Это подтверждает документ, хранившийся в Московском архиве Министерства юстиции: «За изразцами для печей послано в Тулу и Калугу; в Калуге найдено было изразцов на 20 печей, считая на каждую по 1145 изразцов. Изразцы эти на 40 роспусках немедленно доставлены в Москву. Из Калуги же отправлено 20 человек “самых лучших печников”» («О постройке...», 1872. С. 15–16).

Много печей было привезено на Черниговщину – в Глухов – их монтировали мастера из Калуги. Последняя такая печь была разобрана в 1923 г. («Сборник...», 1927). О покупке печей в Калуге в начале и середине XVIII в. есть записи в дневниках двух видных уроженцев Северной Черниговщины – генерального подскарбия Я.А. Марковича и генерального хорунжего М.Д. Ханенко. Они установили печи в собственных домах: в Глухове, в усадьбах Сваркове (около Глухова), Стародубе, Городище (около Погара) (Кудрявцева, 1998. С. 5.) «Печь калужскую от Мясникова привезли» («Дневные записки...», 1859. С. 391). «Извозчиков приговорили для отвозу в дома некоторых покупок на пару лошадей по 4 р. 50 коп., да из Калуги под печи на пару по 3 р.» («Дневник Николая Ханенко», 1884. С. 399).

Известно, что в 1798 г. калужские жители Н.Н. Глушкин и Ф.С. Турищев заключили контракт с пензенским купцом И.А. Радивоновым об улучшении работы кафельного завода в Пензе. За время работы мастера обязывались «обучить такому же мастерству» пристав-

ленных к ним двух человек (ТАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 61. Л. 25–26). В 1799 г. калужанин Л.Д. Лукошкин на 20 лошадей вез из Калуги в «местечко Дохновичи Стародубской округи свои собственные кафельные печи» (ТАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 57. Л. 34.). Другой калужанин – Л.С. Раков нанялся у «кремечутской вдовы К.Л. Сериковой производить работы кафельные и печи класть и кафли писать на один год за 145 рублей» (ТАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 1). Такой же договор был заключен с Ф.С. Турищевым за 135 рублей (ТАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 30). В описании Калуги 1777 г. секунд-майор Алексей Бодтев рассказывает о занятиях местных жителей разными ремеслами: «иные же для печей кафли делают; заводов же кафельных 10, на коих делаемая кирпичная изразцы в рассуждении их добротного искусства отпускаются в отдаленные места и в смежные к Калуге» (ТАКО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 27. Л. 159–160).

К концу XIX в. численность кафельных мастерских сократилась до двух. Ведомости частновладельческих фабрик и заводов сообщают, что в 1843 г. кафельные заводы И.М. Свешникова и Г.И. Рыжова производили следующие виды изразцов: «обливных белых 7 вершков и расписных 6 вершков вышиной, первого разбора от 11 до 20 рублей за 100 штук; обливных белых и расписных 2-го разбора одинаковой меры от 7 до 12 рублей за 100 штук; необливных простых от 7 и 6 вершков».

С развитием заводского производства Кузнецовых, объединивших фаянсовое и фарфоровое производство в России, происходит удешевление производства изразцов, производимых на заводах. А это приводит к прекращению изготовления знаменитых калужских изразцов.

Калужские изразцы прошли все временные этапы производства изразцов: неполивные, с зеленой поливой, многоцветные и одноцветные. Изразцы в Калуге были рельефные (высокого и низкого рельефа) и имели гладкую лицевую пластину.

Имеются сведения о добыче под Калугой, на реке Яченке, около деревни Бабенки, глины зеленоватого цвета для изготовления изразцов. Калужские гончары выделяли печные изразцы из местных светложгущихся глин с малым количеством окиси железа. После обжига они имели характерные для калужского производства желто-розовые, красно-желтые и серо-желтые оттенки (Маслих, 1976. С. 10).

Сохранились архивные данные по Ремесленной Управе: сколько цехов на производстве, по какому ремеслу имеются мастера, подмастерья, общая численность работников и учеников. Имеются книги, где расписаны заказы для мастеров. Известно, что кафельный цех имел подразделения: кафельщики, кирпичники, печники. В местном краеведческом музее хранится знамя этого цеха, на одной стороне которого герб города Калуги, на другой стороне изображено два изразца, и написано: «Кафельного».

Калужские изразцы стали темой собирательства среди местных исследователей и коллекционеров. Краевед Николай Михайлович Маслов (1890–1967) записал свои исследования о калужской художественной керамике еще в 1944 г. Интерес представляют

Рис. 1. Гончарная слобода на плане г. Калуги XIX в.

монографии, выпущенные О.В. Кудрявцевой (1998) и А.С. Днепровским-Орбелиани (2006). Последняя – по архивным материалам, собранным работником архива Генриэтой Морозовой. Сотрудники калужского Музея ремесла, архитектуры и быта написали более десяти статей на эту тему по материалам частных коллекций калужских художников и собирателей. Калужские коллекционеры изразцов – удивительные люди, любящие свой город. Они спасали сами печные изразцы, когда сносились дома, делали рисунки и фотографии изразцов, записи о местах находок и размеры. Собирались как целые изразцы, так и большое количество обломков. Это тот случай, когда народ сохранил важную страницу истории ремесел города. Несмотря на отсутствие археологических работ при сносе домов, можно составить схему бытования тех или иных изразцов на территории города.

Поселения гончаров в Калуге располагались на территории так называемого Старого посада. С юга Гончарная слобода была ограничена р. Окой, с востока Спас-Жировским оврагом (до ул. Клары Цеткин), на севере она доходила до церкви Благовещения (сквер им. Карпова), на западе примыкала к Калужскому кремлю (по ул. Набережной и по скверу Гоголя). Центральной улицей слободы была ул. Гончарная или Горшечная (современная ул. Первомайская). На ней и поныне стоит здание бывшей ратуши, выстроенное

в 1705 г. (д. 19) (рис. 1). Гончарный завод Хотунцовых располагался возле Девичьего монастыря на Подоле у Зеленого Крупца. На Жоринке, возле церкви Ильи-пророка (ныне ул. Кутузова и 1-й Красноармейский переулок) стояли заводы Кушинниковых, Ланеевых, Жориных, Свешниковых. В конце теперешней ул. Салтыкова-Щедрина – завод Рыжовых.

В 1970-х годах с началом строительства на территории Гончарной слободы на остатках старых калужских изразцовых заводов было обнаружено большое количество печных деталей. Во время земляных работ в Жорином переулке ковш экскаватора наткнулся на два кирпичных сводчатых горна с остеклованными от действия высоких температур внутренними стенками. Вблизи горнов открыты ямы, сплошь забитые черепицей, изразцовыми, чернолощеными и красными черепками. На дворе изразцового завода обнаружилось поразительное обилие изразцовых деталей: профилированных карнизов, горизонтальных валиков, изготовленных для многоярусных печей. Большое количество изразцов, в том числе зеленых рельефных, было найдено в месте их производства «на Воробьевке», в районе строившегося тогда Дома Советов. Кроме того, в большом количестве изразцовые печи хранили калужские дома. Местные краеведы предлагали создать музей калужских изразцов в памятнике архитектуры – кирпичном двухэтажном

доме Кувшинниковых, построенном в 1754 г. (1-й Красноармейский переулочек, д. 5), при котором были выявлены остатки изразцового завода. С северной стороны к дому был пристроен одноэтажный кирпичный производственный корпус цеха и поставлены три отдельно стоящих производственных здания: мастерская, сложенная из большемерного кирпича с двумя каменными подвалами; каменная мастерская с лавкой на втором этаже и деревянная мастерская с сушилом на чердаке. Большой горн был построен возле мастерской во дворе. (*Днепропетровский-Орбелиани*, 2006. С. 36–39). В огороде этого дома в 1978 г. еще лежали терки-ступы из прочного розового кварцита для размола шихты для эмалей (диаметр ступы 50 см, глубина 10 см). Здесь же находились ямы с зеленоватой глиной, которую привозили из деревни Бабенки под Калугой. К сожалению, тогда этим планам не суждено было сбыться.

Цель этой работы — изучение квадратных или прямоугольных изразцов с плоской гладкой поверхностью, хранящихся в частных коллекциях. Затем — составление банка данных (туда не включены дополнительные комплекты: пояски, перемычки, городки, кафельные плитки и некоторые другие изразцовые изделия).

Со временем процесс производства гладких изразцов стал более специализированным. Технологические операции — заготовку глины и подготовку теста, формовку сырья, обжиг, растирку краски, изготовление поливы, нанесение поливы и росписи — исполняли теперь различные мастера. В свою очередь, в росписи изразцов, как и в других процессах, также существовало разделение труда. Сюжеты с человеческими фигурами рисовал «записной каменщик», возможно, проходивший подготовку в иконописном цехе. Это заметно на некоторых калужских изразцах, где земля и небо, человек и природа остаются постоянной темой. Но были случаи, когда весь изразец расписывал один живописец, композиция при этом приобретала удивительную цельность и индивидуальную неповторимость руки мастера.

Сюжетные изразцы

Эти изразцы наиболее активно собирались калужскими коллекционерами — удалось изучить и зафиксировать 127 экземпляров полной сохранности и в обломках. Изразцы найдены при сносе домов в Гончарной слободе: угол ул. Воскресенской и Жорина переулочка; на ул. Луначарского (Никольская), д. 14, 60 и 61; 23 фрагмента найдены в 1-м Красноармейском (б. Жоринском) переулочке; на ул. Вилонова (б. Черновский пер.), за католической церковью; на ул. Салтыкова-Щедрина (б. Тульская). В исторической части города изразцы происходят с ул. Комарова (б. Лебедянская), д. 29 и 30; Огарева (б. Васильевская переходящая в Бахметьевскую), с угла ул. Плеханова (б. Успенская) и Революции 1905 года (б. Георгиевская), Московской (б. Ивановская), за домом 23; с ул. Вооруженного Восстания (б. Аптекарский пер.), Королева (б. Гоголевская и Пушкинская), д. 49; Пачаева (б. Кольцовская); Беляева (б. Знаменская), д. 2;

Суворова (б. Дворянская — Космодемьянская), д. 31; с угла ул. Марата (б. Новомясницкая) и Дарвина (б. Кольцовский пер.). Около 50 сюжетных изразцов с изображением фигур человека обнаружено в огороде при сносе дома на углу ул. Ф. Энгельса (б. Рождественская) и Тульской (б. Болдосовской). Видимо, при очередной перекладке печи они были вынесены в огород и отсырели, поэтому расписной слой, находившийся до того в полной сохранности, осыпался, когда изразцы брали в руки. При сносе в 1986 г. деревянных домов на этой же улице, собраны изразцы с двух печей, с повествовательной композицией и сложной рамкой.

Калужские изразцы бывают двухцветными, с преобладанием зеленого цвета, как это видно на трех разных изразцах с изображением человека с самоваром, найденных при сносе в 1989 г. дома на углу ул. Плеханова (б. Успенская) и Достоевского (б. Мясницкая), около Успенской церкви. Встречаются изразцы коричневого цвета — 17 таких экземпляров происходили из снесенного в 1986 г. дома № 30 по ул. Комарова (б. Лебедянская). На той же улице в д. 29 и на улице Королева (б. Гоголевская — Пушкинская), д. 49 — собраны изразцы, в росписи которых преобладает желтый цвет, но контуры фигур даются коричневым цветом. Такие изразцы расписывались почти полностью: пышная рамка занимала основную часть зеркала, превращаясь в главный декоративный элемент композиции; внутри нее на светлом фоне помещались как поучительные, так и озорные сюжеты. Примером является изразец, найденный в забутке стены дома 23 по ул. Луначарского (б. Никольская) (рис. 2).

Изображения всадников редко встречаются на калужских изразцах. Из трех изразцов с ул. Луначарского, д. 14 (снесен в 1993 г.), достоин описания сюжет с всадником с коротким копьём в руках и шлемом на голове (рис. 3). Это русский воин, бородатый, усатый, одет в бахтерец (защитное снаряжение) и плащ. Левая рука, держащая короткое копьё, защищена наручем. Под воином боевой конь. Художник хорошо знал военную тему: на передней части шлема нарисована пластина, которая в походе крепилась в верхнем положении, а в бою опускалась, защищая лицо (прежде всего нос) от ударов саблей (*Хренов*, 1994. С. 21).

В коллекции музея-заповедника «Коломенское» хранятся четыре плоских расписных изразца калужского производства с изображением всадников в военной форме разных родов войск русской армии 1812 г. Как принято в народном стиле росписи, фигура генерала, самая крупная из всех всадников, заполняет все свободное пространство зеркала изразца. Мастер передал наиболее характерные признаки генеральской формы образца 1808 г., включая головной убор — треуголку. На другом изразце показан всадник — трубач гусарского полка. На третьем — улан русской легкой кавалерии 1812 г. с пикой на плече. На четвертом изразце казаки с шашками наголо скачут сомкнутым строем в линию, атакуя противника. Они одеты в синюю форму Войска Донского с высокими шапками (*Хренов*, 1994. С. 142–144).

Рис. 2. Изразец XVIII в. с озорным сюжетом (см. цв. вкл.)

Рис. 3. Изразец с сюжетом «Всадник» (см. цв. вкл.)

Зооморфные изображения

На изразцах этой группы представлены в основном разнообразные птицы. Птица, как правило, сидящая на цветке в вазе, окаймлена богатой рамкой – такие изразцы встречаются как в синей, так и в полихромной гамме росписи. Птица, сидящая на ветке, есть на изразце из дома на углу ул. Энгельса (б. Рождественская) и Огарева (б. Васильевская). В отдельных сюжетах птица может стоять на земле, как на трехцветном изразце из дома на углу ул. Плеханова (б. Успенская) и 1905 года (б. Георгиевская). Ласточки в полете изображены на обломках бело-синих изразцов, найденных при земляных работах на территории Гончарной слободы. Плывущие утки встречаются на

изразцах с сюжетно-архитектурными изображениями в фигурных медальонах на печи снесенного в 1992 г. дома на ул. Королева (б. Пушкинская). Исключением в этом ряду является попугай – заморская птица, указывающая на достаток и ученость хозяина. Попугай сидит на кольце над головой человека, как на изразце из дома на углу ул. Плеханова и 1905 года. Другой вариант этого сюжета найден в 1970 г. при сносе дома на углу ул. Циолковского (б. Коровинская) и Королева (б. Пушкинская): попугай изображен на кольце желтого цвета на зеленом фоне, длинный хвост повернут вправо, как на смоленских и петербургских изразцах, но более широкий, остроконечный. На изразце из снесенного в 1993 г. дома 14 по ул. Луначарского попугай изображен в двухцветной гамме: широкий хвост и грудь – зеленого цвета; тулово и крылья – желтого, на коричневом фоне кольца. На изразце из собрания Калужского художественного музея в синей гамме изображен попугай над головами двух мужчин. Еще один попугай зеленого цвета на кольце изображен на нескольких изразцах, найденных на территории Гончарной слободы. От них сохранились фрагменты центральных медальонов со сценами охоты, рыболовства, других промыслов и ремесел. На сохранившемся обломке изразца, найденном на ул. Беляева (б. Знаменская) и выполненного в зеленом и коричневом тонах на белом фоне, попугай сидит на руке женщины. Интересен изразец с попугаем, сидящим на ветке, в обрамлении растительной гирлянды (рис. 4). Изображение собаки встречается на поясковых изразцах. На одном фрагменте в центральном

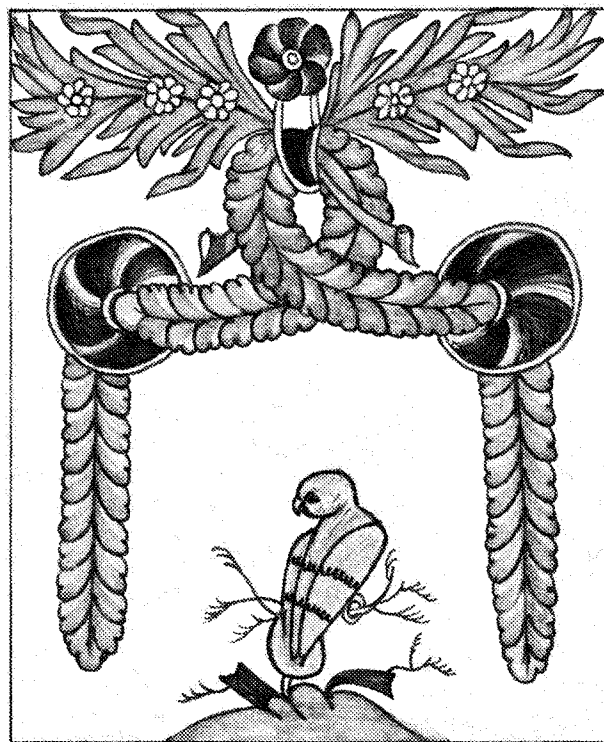

Рис. 4. Зооморфное изображение на калужском изразце (см. цв. вкл.)

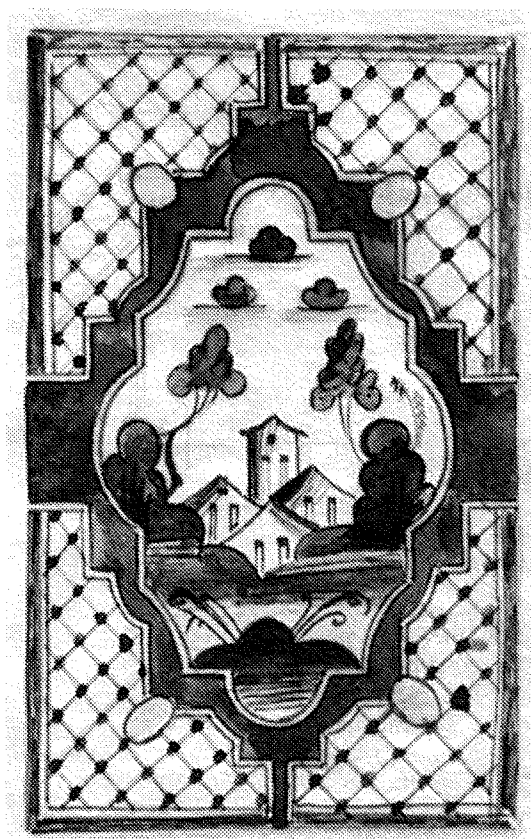

Рис. 5. Сюжетно-архитектурный мотив XVIII в. на калужском изразце (см. цв. вкл.)

круглом медальоне показана собака. Найден он при строительных работах в 1974 г. в 1-м Красноармейском переулке (б. Жоринском). Изображение оленя встречено в двух случаях.

Сюжетно-архитектурные композиции

Сюжетно-архитектурные композиции встречаются как без рамок, так и с рамками: простыми и сложными. Характерной особенностью калужских изразцов является сочетание морского пейзажа и архитектурных мотивов в фигурных, круглых и овальных медальонах, где продумана вся композиция, все составляющие рисунка в сочетании с рамкой. Зафиксировано 28 обломков и целых изразцов данной группы (рис. 5). Лучше сохранились центральные части изразцов, где пейзаж разворачивается в неглубоком пространстве, без обозначения горизонта. Для примера назовем одноцветный кобальтовый изразец из дома купца Грехова в пер. Пушкина (б. Грехов пер.). Интересны изразцы, где пейзаж занимает всю поверхность и продолжается на других изразцах.

Орнаментальные мотивы

Орнаментальные изображения, как самую большую группу, можно разделить на несколько подгрупп.

1. «Цветы в корзинке». Разнообразны и имеют много вариантов трактовок. Только в коллекции Коня-

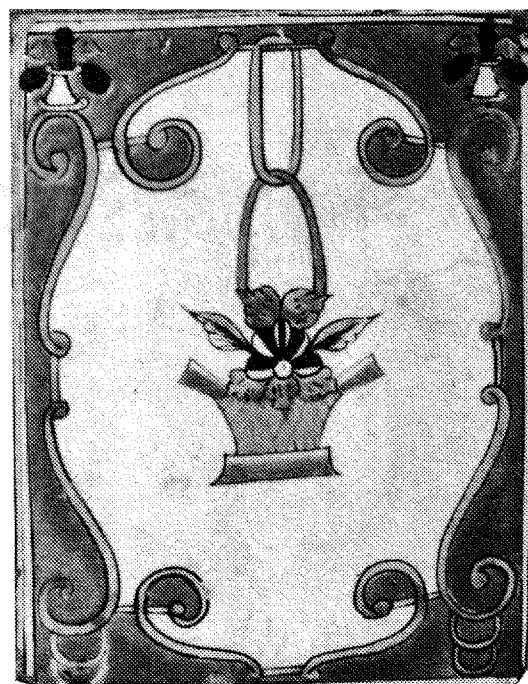

Рис. 6. Орнаментальный изразец «Цветы в корзинке». XIX в.

шина их было около десяти разновидностей. С этим сюжетом связаны некоторые интересные факты. Например, известно, что Татьяна и Пелагея Кушинниковы имели монополию на те, или иные излюбленные рисунки мотива. Документы фонда Канцелярии калужского губернатора сообщают об изразцовых рисунках, которые хранились у купеческой вдовы Т. Кушинниковой.

Интересно также проследить развитие сюжета на изразце с «корзиночкой». Первоначально, рисунок на изразце с упрощенной корзиной выполнялся в синих или сине-фиолетовых тонах, на синей ленте с бантом, в простой рамке (находка с угла ул. Огарева). На изразцах с улицы Карпова (б. Покровский пер.), д. 3, корзинка более изящна, с желтым плетением в центре, она подвешена на желтом шнуре, а рамка более причудлива (рис. 6). Пышный букет в корзине, лежащей на боку происходит из печи в доме на углу ул. Дзержинского (б. Молотковская) и Клары Цеткин (б. Николо-Казинская). Интересны цветы в корзине, в простой рамке, но с причудливыми стрекозами на четырех углах на изразце с 1-го Красноармейского переулка.

2. Среди растительных узоров некоторое время был популярным мотив отдельно стоящего дерева — так называемое деревце (их называют также «дубок», «березка», «елочка»). Само деревце нарисовано в белом овале, окаймленном бусинами и четырьмя розетками на синем или желтом фоне. Таких изразцов зафиксировано около 20 вариантов. Изразец, приобретенный Гагаринским (Гжатским) музеем у калужского коллекционера, можно трактовать так: в центральном картуше из 20 бусин находится изображе-

Рис. 7. Цветы на Калужских изразцах XVIII–XIX вв.

ние березы, которая растет на острове, окруженным морем (?). Бусины ожерелья разделяются зелеными ромбами на четыре части. Если соединить противоположащие ромбы между собой воображаемыми линиями, получится крест. Картуш из бусин и ромбов символизирует небеса и звезды, простирающиеся над землей. Внешняя прямоугольная рамка из белых и зеленых полосок, акцентированная коричневыми линиями, символизирует мир, космос, Вселенную.

3. Довольно разнообразно изображены заморские плоды лимоны и «инжир». На изразцах одной из двух печей в доме 40 по ул. Спартака изображены: спелый лимон с двумя зелеными листочками в сложной рамке лилово-коричневого цвета, желтый плод «инжира» – винной ягоды – обрамлен пышной рамкой фиолетового цвета. На четырех изразцах, где крупные лимоны висят в центре на длинном шнуре, в углах пышной рамки изображены вазы. Популярны среди калужан были изразцы, центральная композиция которых состоит из трех плодов («лимончиков»), собранных в букет. Таких зафиксировано 20 вариантов – в пышных рамках коричневых, зеленых, синих, желтых оттенков. Сами плоды желтые, в нескольких случаях боковые плоды зеленого цвета, в одном случае три плода фиолетового цвета. Известны изразцы, где три лимона заключены в ромб, выделенный коричневой краской.

4. Различные вазы: синие, желтые, коричневые, зеленые. Интересна массивная синяя ваза на синей траве в рамке из синих лент из снесенного в 1981 г. дома по ул. Суворова (б. Дворянская), д. 35. Зеленая ваза с коричневыми и желтыми элементами из снесенного в 1986 г. дома по ул. Гагарина (б. Нижняя Садовая) помещена в строгую лентовидную зеленую рамку. Встречаются вазы как с простыми, так и пышными цветами. Рамки таких изразцов отличаются простой узкой каймой по краю, изогнутой лентой или богатой рамкой. Зафиксировано 32 варианта ваз.

5. Цветы: георгины, лилии, фиалки, нарциссы и др. Сначала многоцветные, со сложными рамками,

они постепенно переходят в букетики синих колокольчиков, перевязанные ленточкой, с простой рамкой. Время бытования последнего мотива 30–40-е годы XIX – последняя четверть XIX в.

Популярности и широкому распространению изразцовой облицовки печей среди менее зажиточной части городского и сельского населения способствовали их очевидные практические качества. С точки зрения технологии изготовления изразца, его конструктивных особенностей, надежности крепления, тепловых характеристик, калужский печной изразец является совершенным изделием, улучшающим гигиеническое состояние помещения, дающим значительную экономию в топливе. Изразец изготавливался из относительно тонкой пластины и румпы калужского типа, вытянутой на гончарном круге и примазанной к лицевой пластине. Тонкая часть пластины, заключенная внутри румпы, нагревалась быстрее, обеспечивая тепло в помещении вскоре после начала топки (Федорова, Федоров, 2001. С. 183). Обмеры изразцов с сюжетом «колокольцы» показали тенденцию в изменении размеров изразцовой плитки: вертикальный размер колебался от 6 до 5,75 вершков (26,5–25,0 см), ширина плиток в течение века увеличилась с 4 до 5 вершков. Наиболее узкие изразцы можно отнести к начальному периоду, наиболее широкие (пятивершковые) – к концу XIX в. (Федоров, 1997. С. 215–216) (рис. 7).

Некоторые выводы

1. Большая часть целых изразцов найдена в районе Гончарной слободы и исторической части Калуги. Обломки изразцов найдены в местах их изготовления, частично около горнов, где они обжигались. Часть изразцов использовалась для забутовки фундаментов стен построек.

2. Большое количество в частных коллекциях сюжетных изразцов объясняется неповторимостью сюжетов на стеновых изразцах печной облицовки. Вазы, корзиночки, деревца, цветы, другие отдельные пред-

меты писались как отдельное художественное произведение. Использовались также трафареты, делая в этом случае изразцы массовыми изделиями. Поэтому коллекционеры оставляли лишь несколько вариаций одного сюжета. Образцы изразцов и их рисунки хранились для сверки с выпускаемой продукцией в городской Гончарной ратуше, которая с 1705 г. разме-

щалась в специально построенном доме на Горшечной улице (ныне ул. Первомайская, д. 19).

3. Калужская керамика – это прошлое в настоящем, входящая в нашу повседневность. Наша задача – сохранение и изучение наследия мастеров нашего провинциального города, как части художественной культуры России.

Литература

Ашукин А., 1918. Печные поливные кафли XVIII–XIX вв. Ярославль.

Баранова С.И., 2006. Москва изразцовая. М.

Дневник генерального хорунжаго Николая Ханенка. 1727–1753 гг. Киев, 1884.

Дневные записки малороссийского подскарбия генеральского Якова Марковича. Ч. 2. М., 1859.

Днепровский-Орбелиани А.С., 2006. Калужские гончары-строители. Калуга.

Кудрявцева О.В., 1998. Калужское кафельное производство XVII–XIX веков. Калуга.

Малинин Д.И., 1912. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга.

Маслих С.А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

О постройке в Москве сгоревшего в 1753 году Головинского дворца. Приложение. Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1872.

Пепетов-Самгин, 1863. Исторические сведения о Калуге. Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 гг. Калуга.

Раханский И.Е., Синчук И.И., Филонов Б.О. Физико-химическое исследование археологической керамики XVII–XVIII вв. из Могилева // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь (в печати).

Сборник статей Украинского музея. Т. I. Киев, 1927.

Сухоцкий Ю.В., 1979. Художественно-стилевые особенности калужского изразцового искусства // Автореферат дисс. ... канд. иск. Калуга.

Федоров В.В., 1997. Калужские изразцы (метрические и структурные аспекты изучения) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 1. Киров.

Федоров В.В., 2002. К вопросу о калужских изразцах // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 4. Тверь.

Федорова Л.И., Федоров В.В., 2001. Сюжетная композиция в изразцах XVIII века // Родная старина. Материалы II и III научно-практических конференций по проблемам сохранения и развития фольклора. Калуга.

Хренов М.М., 1994. Военная одежда русской армии. М.

L.I. Fyodorova, V.A. Tkachenko, V.V. Fyodorov

Glazed tiles from Kaluga: the material and spiritual culture of a provincial town

Summary

The article gives a brief description of the glazed tiles and their fabrication, and offers a typology of

18th – 20th cc. tiles and detailed descriptions of some of the items.

П.А. Кутасов

Пулелейка из археологических раскопок на территории Зарядья в Москве

Специальные инструменты для обслуживания ручного огнестрельного оружия времен Русского централизованного государства XVI–XVII вв. еще достаточно слабо изучены. Объясняется это малым количеством дошедших до наших дней предметов, как находящихся в российских музейных собраниях, так и полученных в ходе археологических раскопок. Важным источником информации являются различные инструменты: ключи для ружейных замков, кресала скомбинированные с отвертками и ключами, пулелейки, формы для плавки металла и др., – из сборов инженера-путейца В.А. Политковского на территории Тушинского лагеря Лжедмитрия I во время прокладки Московско-Виндавской (ныне Рижской) железной дороги. Эти материалы с разной степенью охвата и подробностью описания уже неоднократно привлекали внимание исследователей (*Розенфельдт*, 1958. С. 93–95. Рис. 32; 1971. С. 264. Рис. 4, 10–12, 21; *Никитин*, 1971. С. 40. Рис. 8, 4–8; *Векслер*, 1982. С. 174; *Двореченский*, 2007. С. 269. Рис. 12). Однако предметы аналогичного характера, найденные в ходе археологического изучения Москвы, либо не публиковались вообще и остались не введенными в научный оборот, либо лишь перечислялись в обобщающих обзорах по прошлому столицы. Так в очерке М.Г. Рабиновича (Григорьева) «Древняя Москва» говорится, что археологи на территории Москвы встречают не только свинцовые пули, но и «особые инструменты для их производства – “пулелейки”». К столь краткому упоминанию на одной из страниц очерка прилагается иллюстрация с рисунком подобного приспособления (*Григорьев*, 1953. С. 357. Рис. на с. 356).

К этим предметам относится весьма интересный железный предмет из фондов отдела археологии Музея истории Москвы. Обнаружен он был в 1951 г. при археологических наблюдениях Московской археологической экспедиции ИИМК АН СССР совместно с МИРМ в Зарядье¹. Информация об обстоятельствах

обнаружения данной вещи в отчете о работах и в статье Э.А. Рикмана «Результаты археологических наблюдений в Зарядье» несколько разнится и не настолько подробна, как хотелось бы. Предмет найден на месте снесенного дома № 11 по Москворецкой улице², на глубине около 7 м, в залежавшем под дренажной системой погребом из дубовых полубревен с примыкавшей к нему тесовой пристройкой, сильно нарушенных поздней строительной деятельностью (рис. 1; рис. 2). Внутри вскрытого погреба собран различный хозяйственный инвентарь: топор с прямой деревянной рукоятью, наконечник пешни, ключ от пружинного замка, рыболовные каменные грузила, два известняковых камня – «якоря» с просверленными отверстиями, пять кованых железных гирь с весовыми знаками-клеймами (рис. 2). В самой пристройке находились железная оковка от деревянной лопаты и восемь конских черепов, которые, по заключению зоолога В.И. Цалкина, несли следы убоя животных. Постройка датирована XV–XVI вв. и на основании найденных в ней весовых гирь отнесена к комплексу построек соседнего Мытного двора (*Рабинович*, 1951а. С. 56–57; 1951б. Рис. 137, 3; 1964. С. 141. Рис. 65, 6; *Рикман*, 1955. С. 87–88. Рис. 30, 31).

Первоначально изделие было атрибутировано как плоскогубцы, «вырезы на которых указывают на то, что они служили для обжима проволоки» (*Рабинович*, 1951а. С. 56–57; 1951б. Рис. 137, 3; *Рикман*, 1955. С. 87. Рис. 31, 3). Неправильная атрибуция пулелейек и прежде часто встречалась в научной литературе. Так, исследователь русского кузнечного ремесла XV–XVII вв. А.В. Никитин охарактеризовал подобные инструменты как клещи, которые «предназначались для обжима свинцовых пулек и ядер» (*Никитин*, 1971. С. 40). Видимо, после более детального осмотра Р.Л. Розенфельдт в работе по русскому ружейному прибору XVI–XVII вв. находку из Зарядья отнес к пулелейкам: «Многоячеистая пулелейка найдена в 1951 г.

¹ На хранение в МИРМ находка была передана в 1953 г.

² Дом № 11 находился примерно посередине между Варваркой и Мытным переулком. В списке владений на 1901 г. дом числится за Круговихиными и был снесен в конце 1930-х годов. Благодарю за оказанную помощь и присланную авторскую карту застройки этого района москвоведов Иванова Александра Сергеевича.

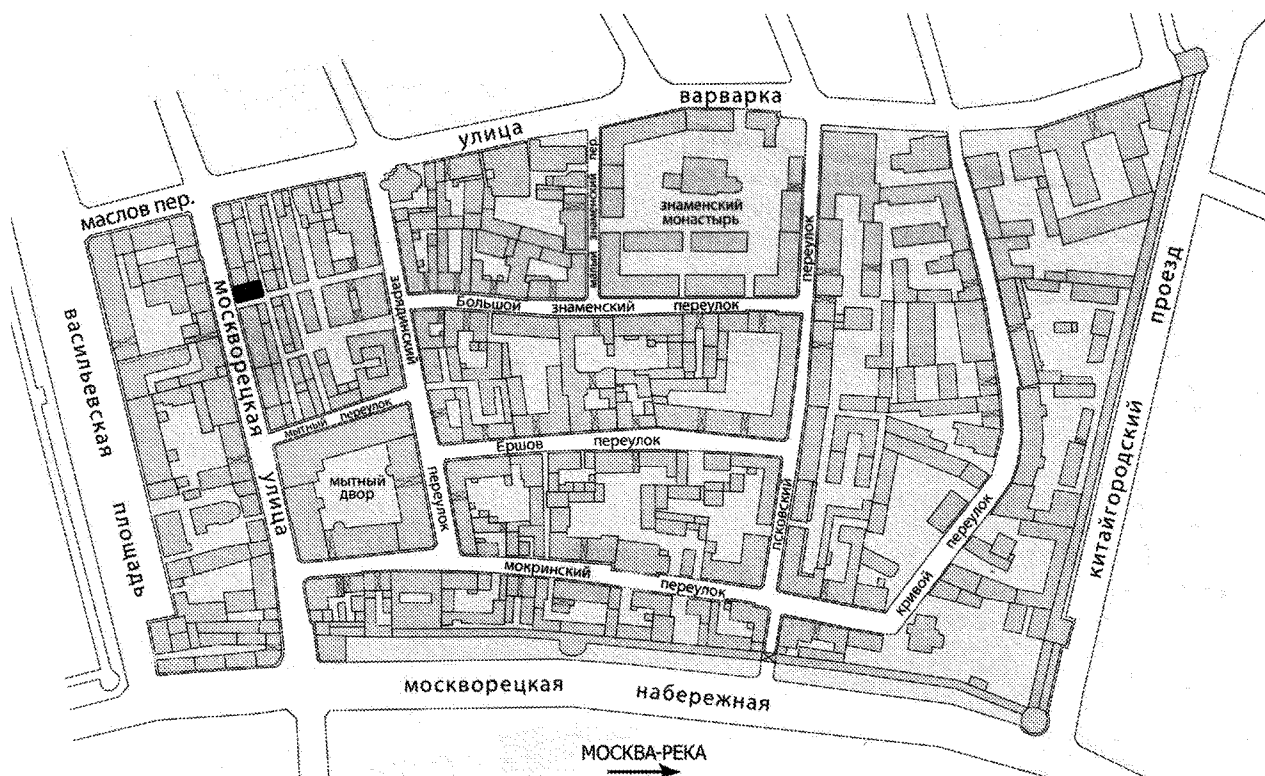

Рис. 1. Участок Китай-города с Москворецкой улицей на плане 1930-х годов. Черным прямоугольником показан дом № 11 и место археологических наблюдений

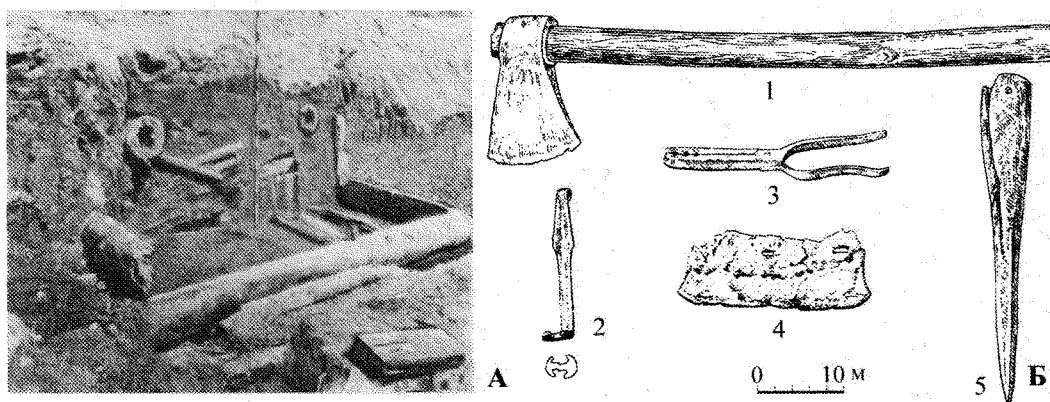

Рис. 2. Вскрытый при наблюдениях погреб с расположенными над ним дренажными трубами на месте дома № 11 по Москворецкой улице (А) и обнаруженные в погребѣ предметы на рисунке из отчета о раскопках (Б)

при раскопках в Москве. Она приспособлена для отливки одновременно по три пули разного калибра» (Розенфельдт, 1958. С. 95). В книге М.Г. Рабиновича «О древней Москве» рисунок вещи, перенесенный из отчета о раскопках, воспроизводился среди продукции московских кузнецов без какого-либо описания в тексте (Рабинович, 1964. Рис. 36, 9).

Пулелейка представляет разъемную форму для литья и может быть отнесена к разновидности шарнирно-губцевого инструмента. Изделие состоит

из двух раздвигающихся на шарнире плоских концев-губ с рукоятками, соединенных осью-стержнем (рис. 3). Обе половины предмета почти одинаковы по размеру: общая длина одной половины от края губ до конца рукояти составляет 23,8 см, длина второй — 23,4 см. Рукояти короткие и прямоугольные в сечении, их ширина колеблется на разных участках от 0,8 до 0,9 см. Одна рукоять прямая, вторая изогнутая со слегка загнутым внутрь концом. Губки предмета удлиненные, шириной 1,5 см, с расположенными

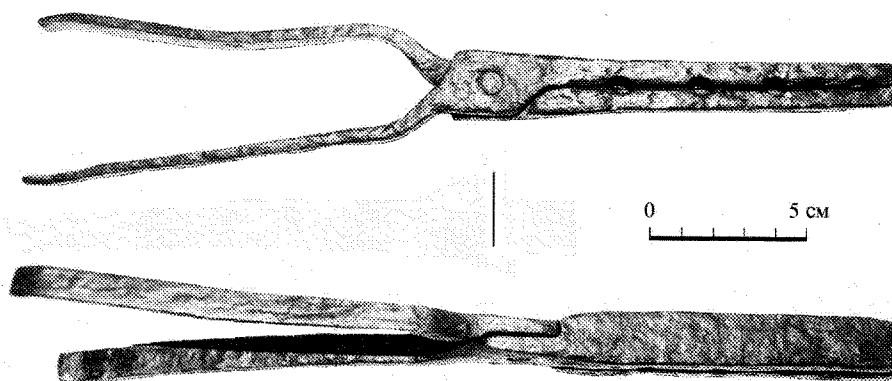

Рис. 3. Пулелейка из Зарядья. Внешний вид

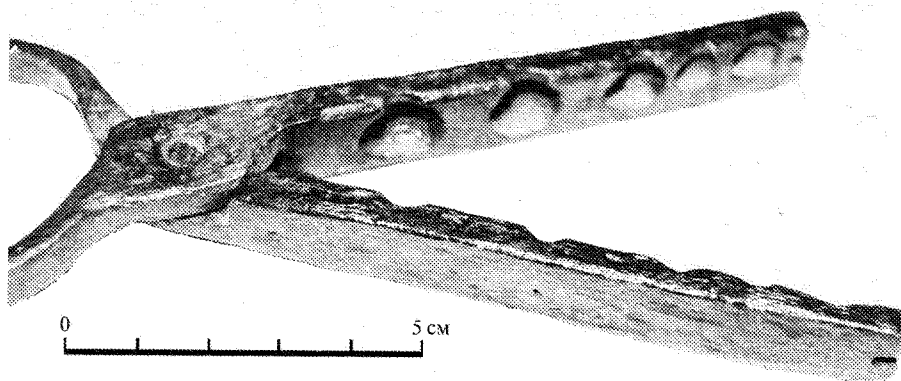

Рис. 4. Пулелейка из Зарядья. Вид на разомкнутые губки

на торцевой поверхности пятью полусферическими ячейками с отдельными каналами-литниками (рис. 4). На концах губок пулелейки сделаны небольшие продольные пазы, явно служившие для соединения губок в момент отливки снарядов. Наружный диаметр оси-стержня равен 0,7 см.

Описываемая пулелейка асимметрична, на поверхности отчетливо видны следыковки³. Интересна она, в первую очередь, тем, что предназначена для отливки сразу нескольких пуль, тогда как в основном известны полностью или частично сохранившиеся пулелейки только под одну пулю (рис. 5). Такая пулелейка найдена на территории Зарядья в 1949 г. (Рабинович, 1951б. Табл. XIII, 5; Григорьев, 1953. Рис. на с. 356). Несколько сходных пулелеек были обнаружены на территории Тушинского лагеря и в историческом центре Коломны в слоях XVII в. (Двореченский, 2007. С. 269. Рис. 12, 4–6; Ульянова, 2008. С. 208. Рис. 11, 1–2). Подобные приспособления использовались и на сопредельных с Русским государством территориях – 10 пулелеек обнаружены внутри казачьих сумок на поле сражения под Берестечком, где в 1651 г. украинско-татарское войско гетмана Богдана Хмельницкого и крымского хана Ислам-Гирея III было разбито армией Речи Посполитой короля Яна Казимира II Ваза (Свешников, 1992. С. 254–255, Рис. 65, 11; рис. 67, 7).

Другой характеристикой описываемой пулелейки из Зарядья, отличающей ее от известных нам пулелеек, являются ее размеры – она значительно крупнее аналогичных приспособлений. Например, общая длина пулелеек из Тушинского лагеря колеблется от 11,0 до 12,5 см (Двореченский, 2007. С. 269, Рис. 12, 4–6).

Кроме того, у большинства обнаруживаемых форм для отливки пуль губки либо «сварились» от коррозии во время пребывания в земле, и это не позволяет определить диаметр форм, как у тех же пулелеек из Тушинского лагеря, либо исследователи просто не снимают данные показатели. Рассматриваемый предмет почти не пострадал от коррозии, и при помощи слепков удалось установить диаметр отливаемых при его помощи пуль. Все получаемые пули разнятся между собой по форме и размеру: первая вытянуто-эллипсоидная диаметром 1,4 см; вторая шаровидная с диаметром 1,1 см; третья шаровидная диаметром 1,0 см, четвертая и пятая тоже шаровидные, соответственно, диаметром 0,9 и 0,8 см. На поверхности пуль остается рельефный шов от неаккуратно сомкнутых полусфер. Таким образом, пулелейка была рассчитана на одновременную отливку сразу пяти пуль различного калибра, а не трех, как указывал в приводимой выше цитате Р.Л. Розенфельдт (1958. С. 95).

³ МИМ. ОФ. 7401/9.

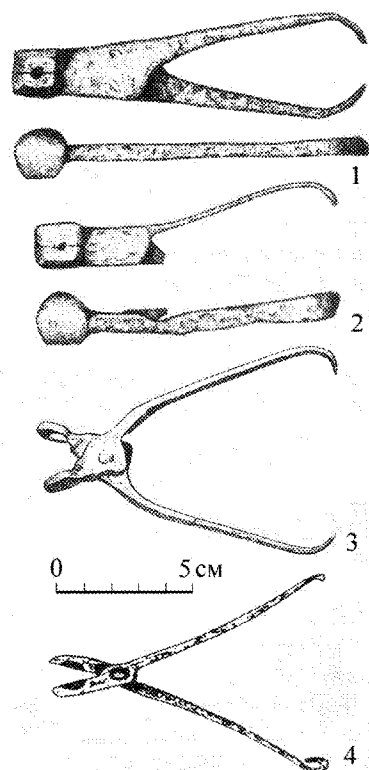

Рис. 5. Пулелейки XVI–XVII вв.

1–2 – из сборов на территории Тушинского лагеря;
3 – из раскопок 1949 г. в Зарядье; 4 – с раскопок места битвы под Берестечком

Процесс литья пуль проходил следующим образом: рукояти пулелейки сводились и сжимались, чтобы совпали прорезы каналов-литников. Через литники ячейки в губках заполнялись расплавленным на костре свинцом, а затем для быстрого охлаждения саму пулелейку опускали в холодную воду и ручки разводились. Плавка свинца и литье пуль производилось с помощью железных массивных уполовней с втульчатым основанием для деревянных ручек, также известных по материалам сборов на территории Тушинского лагеря (Розенфельдт, 1971. С. 264. Рис. 2, 5). Образовавшиеся при изготовлении «литейные хвосты» могли быть срезаны для получения пуль правильной формы. Однако весьма часто оружие заряжали пулей с «литейным хвостом». Использование для стрельбы свинцовых пуль калибром от 7 до 18 мм с отчетливым рельефным литейным швом и оставленным хвостом-литником доказывают находки на месте Берестецкой битвы (Свешников, 1992. С. 254–255). В материалах Тушинского лагеря такие пули с оставленным хвостом-литником составляли 61% от общего числа находок (Двуреченский, 2007. С. 267. Рис. 13). При систематизации бытовавших в конце XV – начале XVIII в. снарядов ручного огнестрельного оружия, изготовленные в разъемных формах-пулелейках пули относятся к группе 1 и составляют 80% от общего количества проанализированных находок. При этом, с начала XVII в. от-

мечаются централизованные поставки пуль в войска, что приводит к некоторому единообразию калибров используемого стрелкового оружия (Двуреченский, 2005. С. 264–267. Табл. 1–2. Рис. 1–2). Судя по материалам с территории Тушинского лагеря пули калибром 8,0–9,5 мм (составляющие 20% от всех обнаруженных снарядов) можно отнести к пулям для pistols или мелкокалиберных ружей, а пули калибром 10–14 мм (78% от общего количества) – к боеприпасам для самого распространенного вида огнестрельного оружия того времени – пищалей (Двуреченский, 2007. С. 265, 267. Табл. 1. Рис. 13).

Калибры можно проследить у ряда найденных в ходе археологических исследований стволов. Так, у одного из обнаруженных при работах Центра археологических исследований Москвы в 1995 г. на Биржевой площади Китай-города ружейных стволов XVI в. в срединной части калибр равен 12 мм и расширяется у дульного среза до 13 мм. У найденного вместе с ним фрагмента дульной части другого ствола, датируемого в широких рамках XVI–XVII вв., калибр составляет 15 мм (Векслер, Двуреченский, 2000. С. 171–173. Рис. 4, 1–2). Эти показатели совпадают и с калибром одного из обломков ружейного ствола из сборов на территории Тушинского лагеря – он равен 11,5 мм и у дульного среза увеличивается до 12 мм. У другого ружейного ствола из-за фрагментарности калибр прослеживается только в срединной части и составляет 13 мм. Третий ствол из Тушинского лагеря, вероятнее всего, pistolsный, имеет калибр 11 мм (Двуреченский, 2007. С. 264–265. Рис. 11, 1–3).

Р.И. Розенфельдт считал, что такие многоячеистые пулелейки получили распространение позднее Смутного времени, но никак не обосновал выдвинутое предположение (Розенфельдт, 1958. С. 95). И здесь мы сталкиваемся с главной сложностью при рассмотрении данного предмета – невозможностью более точно датировать его. Объясняется это тем, что среди материалов раскопок русских поселений и в музейных собраниях не удалось выявить точных аналогий описываемой пулелейке. Датировать пулелейку по сопутствующему материалу из постройки также затруднительно, т. к. обнаруженные в ней предметы сами имеют широкие хронологические границы и бытовали на протяжении всего русского позднего Средневековья. Так, схожие с обнаруженным топоры относятся к типу 2 по классификации Б.А. Колчина для новгородских кузнечных изделий и собственно в Новгороде были распространены с XIII до середины XV в. (Колчин, 1959. С. 26. Рис. 9, Б. Рис. 12. Табл. 6). В центральных районах, в том числе и в Москве, такие топоры бытовали значительно дольше и, по мнению исследователей, использовались в основном при рубке леса и плотничьих работах (Рыбаков, 1936. С. 153–154. Рис. 94, 2–3; Никитин, 1971. С. 38. Рис. 7, 1; Розенфельдт, 1971. С. 254, Рис. 1, 2–4). Судя по находкам с территории Тушинского лагеря, подобные топоры широко использовались еще в начале XVII в. (Двуреченский, 2007. С. 259. Рис. 6, 1, 2, 5). Железный ключ от навесного замка наиболее близок к типам В и В-1, которые бытовали в Новгороде с середины

XII до начала XV в. (Колчин, 1959. С. 82, 86. Рис. 67, 4–6; рис. 70). В Москве подобные ключи датируются тем же временем и составляют основную массу найденных ключей из средневековых слоев Московского Кремля (Колзин, 2004. С. 135–137. Рис. 2, 3–4). Остальные предметы (оковка лопаты, пешня и др.) отличает индивидуальность форм, хотя аналогичные им изделия неоднократно обнаруживались в культурных напластованиях Москвы (Рабинович, 1964. С. 271. Рис. 119; Розенфельдт, 1971. С. 266. Рис. 2, 19).

Данная многоячеистая форма для литья пуля позволяла изготовить сразу несколько боеприпасов, не дожидаясь остывания расплавленного металла в ковше и не задерживаясь каждый раз на отливку очередной пули. Таким образом, пулелейка решала вопрос снабжения боеприпасами целого подразделения или

владельца частного арсенала, у которых в обращение находилось разное по калибру огнестрельное оружие. Не исключено, что наша пулелейка могла быть сделана и на продажу, поэтому в ней учитывались основные калибры бытовавшего тогда огнестрельного оружия – приобретший его мог выбирать при отливке подходящие ему ячейки.

Несмотря на то, что уникальность самой находки не позволяет сделать широкие выводы, данное приспособление имеет большое значение для характеристики русского военного быта периода Русского централизованного государства и позволяет наполнить конкретным вещественным содержанием наши представления об обслуживании огнестрельного оружия, в частности, его снабжении столь необходимой составляющей, как боеприпасы.

Литература

Векслер А.Г., 1982. Москва в Москве. История в недрах столицы. М.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., 2000. Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII века на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Григорьев М.Г., 1953. Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. М.

Двуреченский О.В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII в. // АП. Вып. 2. М.

Двуреченский О.В., 2007. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // АП. Вып. 3. М.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65. М.

Колзин А.М., 2004. Средневековые ключи и замки из Московского Кремля (по данным археологических исследований) // РА. № 4.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е I–34. М.

Рабинович М.Г., 1951а. Московская археологическая экспедиция института истории материальной

культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье. 1949–1951 гг. Альбом // МИМ. НВФ. № 15371/4.

Рабинович М.Г., 1951б. Московская археологическая экспедиция института истории материальной культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье. 1949–1951 гг. Альбом // МИМ. НВФ. 15371/5.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.

Рикман Э.А., 1955. Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949–1951 гг.) // КСИИМК. Вып. 57.

Розенфельдт Р.Л., 1958. Русский ружейный прибор начала XVII в. // КСИИМК. Вып. 72.

Розенфельдт Р.Л., 1971. Инструменты московских ремесленников // МИА. № 167. М.

Рыбаков Б.А., 1936. Металлические вещи, найденные на Метрострое // По трассе Первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. (Известия ГАИМК. Вып. 132). Л.

Свешников И.К., 1992. Битва під Берестечком. Львів.

Ульянова Т.Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII века) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // АП. Вып. 4. М.

P.A. Kutasov

Bullet-mold from Zarad'ye in Moscow

Summary

The article publishes a bullet-mold found during the 1951 archaeological excavations in Zarad'ye. The caliber of the five bullets was 0.8 to 1.4 cm. The device

could have been manufactured to order for a military unit or an armory. It could have also been intended for sale.

Е.П. Зоц (Захарова)

Раскопки одиночного кургана Холмы

Одиночный курган Холмы располагается на территории Солнечногорского района, на расстоянии 800 м к западу от западной окраины д. Холмы и в 200 м к востоку от реки Чернавка, на склоне ее коренного берега. Насыпь кургана имела хорошую сохранность: ее высота от уровня древнего горизонта составляла около метра, диаметр – около 6,5 м. Исследования кургана проводились Подмосковной экспедицией Института археологии РАН (начальник экспедиции А.В. Энговатова) в 2008 г. (Хижняков, 2009. С. 8–10)¹.

Процесс возведения кургана. По заключению почвоведов, доктора географических наук А.А. Гольевой (ИГ РАН), курган насыпался на заброшенный пахотный горизонт (Гольева, 2009. С. 22, 23), т. е. на залежь. Поверхность почвенного горизонта практически под всей будущей насыпью была слегка подрезана. Основную часть срезанного почвенного слоя сложили в восточной части подкурганной площадки, где верх почвенного горизонта не срезался (рис. 1, 1). На поверхности подрезанной части площадки зафиксированы угли, их распределение неравномерно, что может указывать на вероятность рассыпания углей в результате каких-то ритуальных действий. Встречены угли ели, березы и сосны (Гольева, 2009. С. 21).

После подготовки площадки были выкопаны две могильные ямы и произведены захоронения (рис. 2). Оба погребения располагались симметрично относительно центра подрезанной площадки, но смещены к западу относительно центра насыпи.

Далее насыпь досыпалась, вероятно, уже грунтом, взятым из кольцевого ровика, ширина которого составляла 1,2–1,5 м, а глубина от уровня древнего горизонта – от 0,40 до 0,65 м. К юго-западу от насыпи, на небольшом участке рва был срезан только почвенный горизонт, т. е. здесь находилась так называемая перемышка, однако визуально ровик имел форму замкнутого кольца. На дне ровика обнаружены скопления древесных углей.

Погребение 1. Могильная яма погребения 1, расположенная в юго-восточной поле кургана, в плане

была прямоугольной, длиной 190 см, шириной 77 см и ориентирована длинной осью по линии ЮЗ – СВ (рис. 3). Глубина могильной ямы от уровня древнего горизонта составляла 1,4 м. Следы гробовища в погребении прослежены в виде едва заметных полос тлена, сохранились лишь мелкие фрагменты древесины сосны (Гольева, 2009. С. 21). Зафиксированная высота гробовища составляла около 20 см, длина – 176 см, у головы гроб имел ширину 33 см, у ног – 24 см. На дне могильной ямы лежал костяк женщины, предположительный возраст которой составлял около 30–39 лет (Добровольская, 2009. С. 19). Погребенная лежала головой на ЮЗ, вытянута на спине, руки были сложены поперек живота. Длина костяка составлял 157 см.

В погребении был обнаружен сопроводительный инвентарь (рис. 4): около черепа, к юго-западу от него, лежали остатки головного убора². На лице погребенной и рядом с черепом зафиксированы фрагменты тонкой шерстяной ткани. Химические условия почвы обеспечили хорошую сохранность прически погребенной женщины – волосы теменной части головы были зачесаны к затылку и там заплетены в косу и свернуты в «шишку», на правом виске также была заплетена коса, завернутая в кольцо. Левая сторона прически уничтожена норой, но можно предположить ее симметричность относительно правой стороны. Около черепа в кротовине были обнаружены 14 шарообразных бусин (пуговиц) медного сплава, которые могли быть частью головного убора (рис. 4, 1). При исследовании внутренней стороны сохранившейся боковой косички-шишки удалось выявить небольшой фрагмент кожного изделия, в котором застрял обломок железной иглы, являвшийся, вероятно, частью приспособления, закреплявшего косу в таком положении (рис. 4, 17). Рядом с черепом найдена серьга-двойчатка медного сплава, оканчивающаяся «лапками» (рис. 4, 6), продетая в мягкие ткани уха (?). Аналогичная серьга обнаружена запутанной в волосах в лобной части головы (рис. 4, 16).

Около правой ключицы погребенной найден крест-тельник медного сплава с трехлепестковым

¹ Благодарю О.И. Хижнякова за предоставленный для исследования материал.

² Подробнее см. статью Орфинской О.В. в настоящем сборнике.

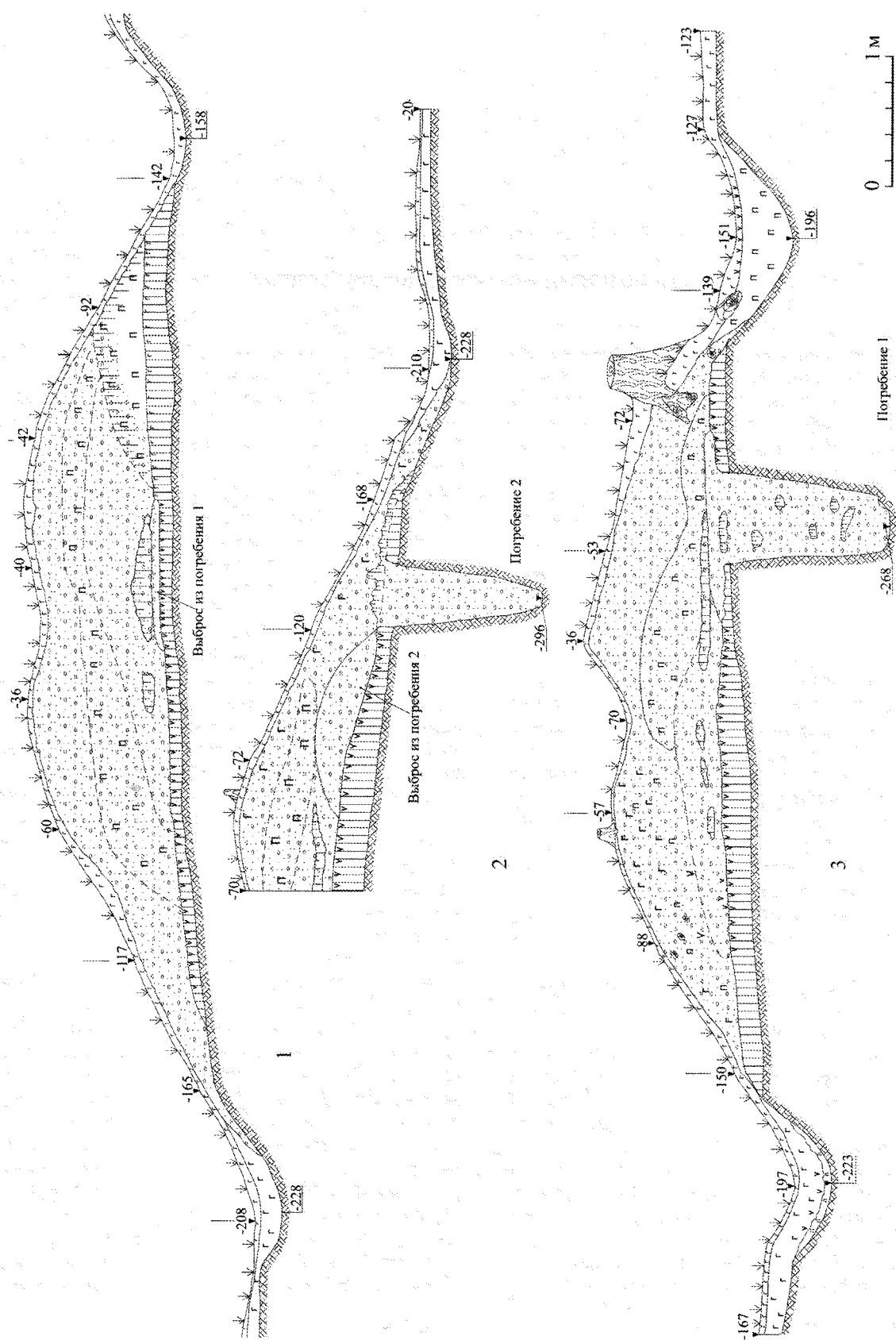

Рис. 1. Курган Холмы. Разрезы

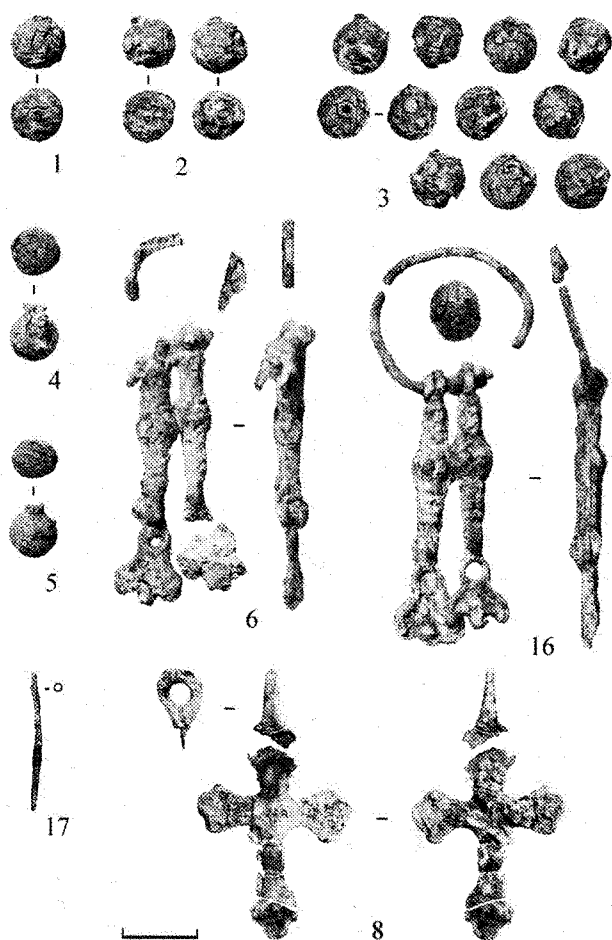

Рис. 4. Находки из погребения 1. Курган Холмы

1–5 – бусины (пуговицы) медного сплава;
6, 16 – серьги-двойчатки медного сплава; 8 – крест-
тельник медного сплава; 17 – игла железная.
(Указаны номера находок по описи)

завершением лопастей (рис. 4, 8). Подобные кресты датируются XVII в. (Векслер, Беркович, 1999. С. 201). Крест был перекрыт неопределимым фрагментом ткани. Возможно, это остатки одежды или покрывала погребенной, и крест висел у нее на шее. Не исключено, однако, что он мог быть завернут в лоскут ткани и являлся погребальным даром.

В районе правого локтя женщины обнаружены две шарообразные пуговицы с петлями из медного сплава (рис. 4, 4, 5). Они могли застегивать покрывало, в которое была завернута женщина. Нужно отметить, что все бусины (пуговицы) в данном погребении идентичны, вне зависимости от их расположения в уборе.

Погребение 2. Могильная яма погребения 2, расположенная в северо-восточной поле кургана, в плане была прямоугольной, длиной 205 см, ши-

риной 60 см и ориентированной длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 5). Глубина могильной ямы от уровня древнего горизонта составляла около 1,6 м.

Следы гробовища в погребении прослежены в виде полос тлена толщиной около 2 см, зафиксированная высота стенок гроба – около 20 см. Гроб имел длину 182 см и ширину у головы – 33 см, у ног – 24 см. На дне могильной ямы лежал костяк молодой женщины, предположительный возраст которой – около 20 лет (Добровольская, 2009. С. 19). Женщина лежала головой на юго-запад, вытянута на спине, ее руки были сложены поперек живота. Длина костяка – 167 см.

В погребении найден сопроводительный инвентарь (рис. 6): на лице погребенной зафиксированы фрагменты тонкой льняной ткани (на затылке ткань крепилась круглыми шнурами). К головному убору, вероятно, привешивались 10 шарообразных бусин (пуговиц) с петлями из медного сплава³ (рис. 6, 15). Сохранилась прическа погребенной женщины – коса, спускавшаяся вниз по позвоночнику. Волосы скреплялись двумя лентами – широкой и узкой, причем первая перекрывала вторую. По обеим сторонам черепа обнаружены серьги медного сплава, продетые, судя по сохранившимся фрагментам, в уши и представлявшие собой висащие на дужках круглые щитки с отверстиями посередине. В эти отверстия вставлены полупрозрачные камни, снизу щитки имели по четыре петли (рис. 6, 19, 20).

В районе грудной клетки расчищена стеклянная зонная бусина⁴. В районе пояса, под костями позвоночника и у правого локтя погребенной обнаружено скопление стеклянного бисера, стеклянных и янтарных бус. Бусы и бисер располагались тремя слоями: первый слой представлял собой прямоугольную полосу из 45 янтарных бусин, расположенных в три параллельные линии, следующий слой – три параллельных линии бисера, расположенных рядом линии круглых плоских стеклянных бусин (36 шт.). Можно предположить, что это украшения какого-то предмета, возможно сумки. Рядом найдены 8 шарообразных бусин (пуговиц) с петлями медного сплава (рис. 6, 11), их связь с вышеописанным объектом сомнительна. Ближе к позвоночнику располагался маленький (примерно 5 x 7 см) мешочек из кожи, внутри которого находились два металлических предмета: перстень медного сплава с тканевой вставкой (рис. 6, 13) и шарообразная пуговица с петлей из медного сплава (рис. 6, 18). Этот мешочек, вероятно, также был украшен бисером. Рядом с мешочком лежал перстень-печатка, изготовленный, судя по корро-

³ Подробнее см. статью О.В. Орфинской в настоящем сборнике.

⁴ Подробнее описание бус этого погребения см. в статье Е.К. Столяровой в настоящем сборнике.

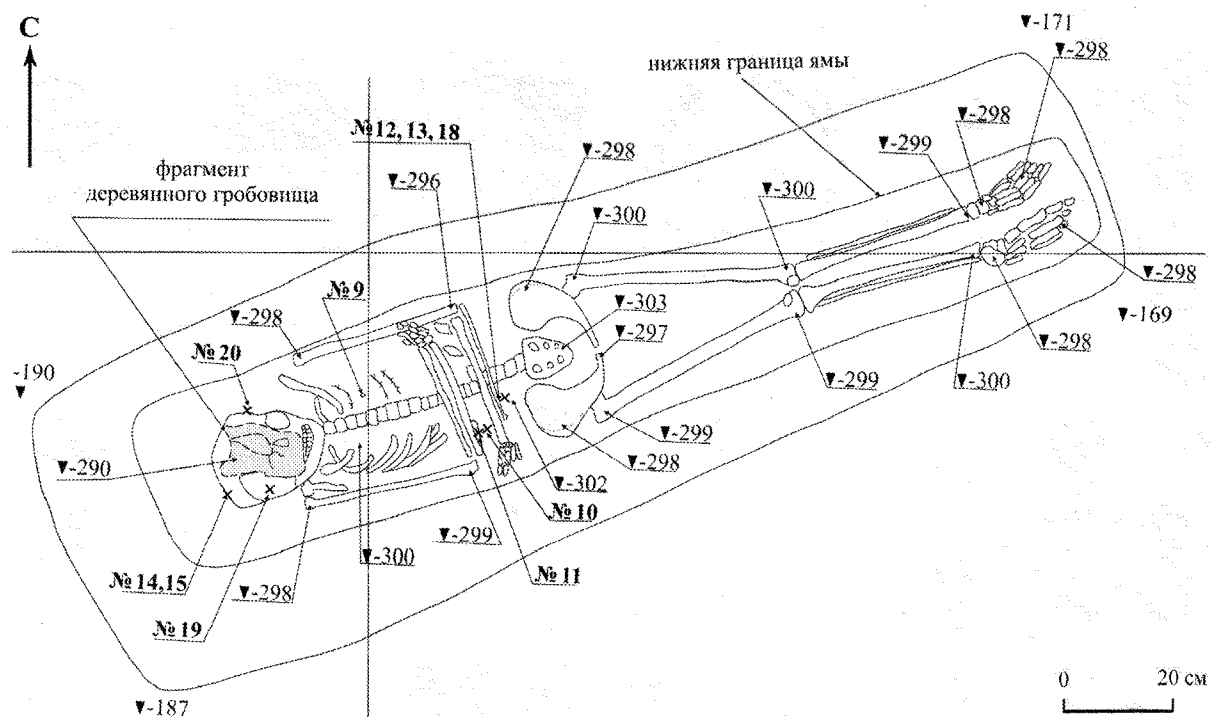

Рис. 5. Кургan Холмы. Погребение 2

зии, из свинцово-оловянистого сплава (рис. 6, 12). На щитке перстня изображен стилизованный растительный орнамент (?). Рядом с перстнем и под ним зафиксировано скопление бисера, — возможно, это отделка еще одного мешочка, в котором помещался перстень. Таким образом, можно предположить, что здесь мы имеем дело с погребальным даром, состоявшим из расшитой бисером и бусами сумки, еще одной, кожаной, сумочки с перстнем и пуговицей, а также второго перстня, находившегося, скорее всего, также в сумке или мешочке.

Исследованный курган уникален. Судя по погребальному инвентарю (крестик в погребении 1 и бусы из погребения 2, форма серег из обоих погребений), курган и погребения в нем можно датировать XVII–XVIII вв., т. е. периодом, когда курганы уже давно не возводились. Однако в создании изученного погребального памятника четко прослеживается детально исполненный обряд курганного захоронения.

Остается открытым ряд вопросов: кем были погребенные, кто возвел курган, как соотносились верования этих людей с христианством?

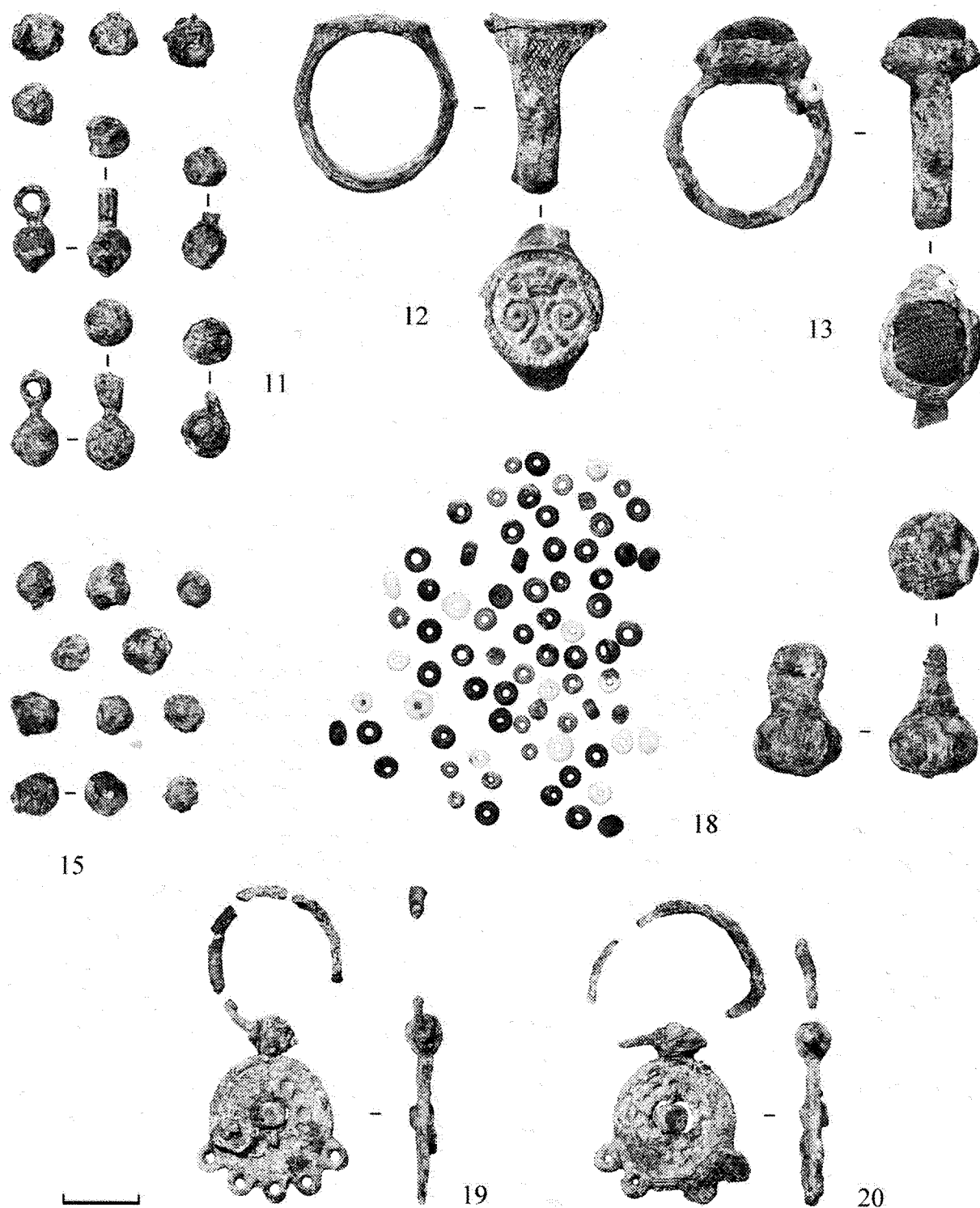

Рис. 6. Находки из погребения 2. Курган Холмы
 11, 15 – бусины (пуговицы) медного сплава; 12 – перстень свинцово-оловянистого сплава;
 13 – перстень медного сплава; 18 – бисер стеклянный, пуговица медного сплава;
 19, 20 – серьги медного сплава. (Указаны номера находок по описи)

Литература

Векслер А.Г., Беркович В.А., 1999. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.

Гольева А.А., 2009. Кургan Холмы. Морфологическое описание погребенной почвы // Хижняков О.И., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках одиночного кургана Холмы в Солнечногорском районе Московской области в 2008 году. Приложение.

Добровольская М.В., 2009. Экспертиза антропологических материалов из одиночного кургана Холмы // Хижняков О.И., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках одиночного кургана Холмы в Солнечногорском районе Московской области в 2008 году. Приложение.

Хижняков О.И., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках одиночного кургана Холмы в Солнечногорском районе Московской области в 2008 году // Архив ИА РАН.

E.P. Zots (Zakharova)

Excavation of a single mound the Kholmy kurgan

Summary

In 2008 the expedition of the Institute of Archaeology RAS investigated single mound near the village Kholmy. In the mound two women were buried after the manner of

inhumation. Archaeologists have found the rite of burial. This is unique monument, because the mound is dated the 17th – 18th centuries.

О.В. Орфинская

Исследования органических материалов из двух захоронений кургана «Холмы»

Объектами исследования настоящей работы являлись ткани, тесьма и фрагменты кожи из двух женских погребений кургана «Холмы»¹ (табл. 1).

Погребение 1

Сохранность волос в захоронении позволила заполнить графическую реконструкцию прически погребенной женщины (рис. 1). Вся волосая часть головы была разделена на три участка. Разделение на участки проходило по линиям от центра лба до затылка. Волосы центрального участка причесывались вверх и в теменной части заплетались в косу. Эта коса укладывалась в плотную «шишку» в направлении по часовой стрелке. Волосы на боковых участках причесывались в направлении лица и ниже ушей заплетались в плотные косы, которые также по часовой стрелке закручивались в «шишки». При такой системе боковые косы полностью закрывали уши. При исследовании внутренней стороны одной из боковых кос удалось выявить небольшой фрагмент обработанной кожи, в котором застрял обломок железной иглы (рис. 2). По ровному краю фрагмента был подшит плоский шнур. Вероятно, плотно заплетенная и скрученная коса крепилась к кожаной полосе украшенной шнуром с помощью металлического изделия, возможно, шпильки.

При исследовании поверхности волосающей части головы отобрано пять образцов. В этих образцах обнаружены остатки шерстяной тонкой ткани темно-коричневого цвета. Сохранность ткани очень плохая, волокна шерсти с сильными разрушениями. Средняя толщина нитей около 0,25 мм. Нити имеют слабую Z-крутку. Плотность ткани около 18×18 н/см. Результаты исследования поверхности волос позволяют заключить, что часть, или вся голова погребенной были покрыты шерстяной тканью, остатки которой обнаружены и на лице. Среди образцов, переданных для ис-

следования, находились фрагменты ткани, найденные в непосредственной близости от головы. Это ткань темно-коричневого цвета, из шерстяных нитей. Нити со слабой Z-круткой толщиной около 0,25 мм. Плотность ткани около 20×20 н/см. Сравнивая характеристики ткани на голове и рядом, можно сделать заключение, что это фрагменты одной ткани, только на голове она сильнее растянута и поэтому имеет меньшую плотность. Следовательно, голову и лицо погребенной закрывала ткань, имеющая достаточно большие размеры. Это могло быть головное покрывало или саван.

В археологическом отчете отмечалось, что лента лежала около черепа, а рядом, в норе крота были обнаружены 14 бусин из медного сплава, которые могли быть частью головного убора.

Исследование головного убора

Сохранившаяся часть головного убора — это тесьма с металлическими нитями (рис. 3), по одному краю которой проходит валик (рис. 4), по другому — фестоны (рис. 5). На трех фрагментах сохранились углы, образованные поворотом тесьмы на угол около 90 градусов (рис. 6). Под тесьмой прослеживается несколько текстильных слоев.

Тесьма с металлическими нитями (рис. 6; рис. 7). Ширина тесьмы около 2 см (с фестонами), общая длина сохранившихся фрагментов около 54 см, рисунок — зигзагообразный (рис. 8). Нити основы льняные в два сложения (S2Z)². Толщина двух крайних нитей 1,25 мм, остальные 10 нитей имеют толщину 0,8–1,0 мм. Всего работает 12 нитей основы. Нить утка — металлическая, круглая (волокенка) имеет диаметр 0,1 мм, нити работают парами. По одной стороне тесьмы находились фестоны, для которых использовались пряженные металлические нити, состоящие из льняного сердечника обвитого полосой металла

¹ Исследования проводились в Центре исторических и традиционных технологий Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. При работе применялись методы микроскопии в отраженном поляризованном и неполяризованном свете при увеличении от 10 до 200 \times , а также в проходящем поляризованном свете при увеличении до 400 \times .

² Обозначение крутки нити (S2Z) показывает, что нить состоит из двух нитей с Z-круткой, соединенных между собой в S направлении.

Таблица 1. Список объектов исследования.

Место находки	№ объекта	Описание	№ образца и его описание
Курган Холмы, погребение 1	1	Череп с остатками прически	1.1. Волосы
			1.2. Ткань на лице
			1.3. Ткань на волосах
			1.4. Фрагмент кожи с металлической иглой
	2	Фрагмент головного убора	2.1. Тесьма с металлической нитью
			2.2. Ткань шелковая (ткань 1)
			2.3. Ткань красная (ткань 2)
			2.4. Ткань светлая (ткань 3)
			2.5. Фетр или тонкий войлок
			2.6. Ткань светлая (ткань 4)
			2.7. Валик по краю тесьмы из нитей
			2.8. Фестоны из нитей
Курган Холмы, погребение 2	3	Череп с остатками прически	3.1. Волосы
			3.2. Широкая тесьма
			3.3. Ткань на волосах
			3.4. Ткань сверху широкой тесьмы
			3.5. Ткань на лице
			3.6. Ткань в затылочной части черепа
			3.7. Завязки головного убора
			3.8. Пуговица
			3.9. Ткань под широкой тесьмой
			3.10. Шнур плетеный плоский
			3.11. Ткань с вышивкой, подшитая к широкой тесьме
			3.12. Ткань, подшитая к широкой тесьме (камка)
			3.13. Ткань в затылочной части под волосами
			3.14. Ткань с изнаночной стороны камки
			3.15. Шнур плоский, подшитый к камке
			3.16. Узкая тесьма
			3.17. Фрагмент кожи с плоским шнуром
	4	Предметы металлические, фрагменты кожи и шнуры	4.1. Фрагменты изделия из кожи
			4.2. Шнур отделки изделия из кожи
			4.3. Слой X (на котором крепился бисер)
			4.4. Нить в канале бусины
			4.5. Бисер
			4.6. Перстень. Ткань вставки перстня
			4.7. Металлический предмет
	5	Завязки от головного убора	4.8 Узкая лента
			4.9. Широкая лента
			6.1. Шнур плетеный круглый

шириной 0,2–0,3 мм; общая толщина нити 1,0 мм. С другого края к тесьме подшит валик толщиной 3 мм, состоящий из нескольких нитей. Валик обвит нитью, которая создает ритм обвитых и не обвитых участков на поверхности валика. Внутренние нити – из лубяных волокон, сплетенных в пучки, возможно, это волокна конопля или джута. Нить, которая обвивает валик по спирали – льняная.

Под тесьмой была проложена шелковая ткань, вырезанная полосой шириной 1 см. Ткань шелковая полотняного переплетения (тафта). По полотну проходят полосы, состоящие из рядов с более толстыми

нитьями утка. Нити без крутки толщиной 0,1 и 0,2 мм. Толстые нити – до 0,25 мм. Средняя плотность ткани 66 × 50 н/см.

Под шелком находился слой из ткани красного цвета (рис. 9). Ткань из хлопковых волокон (рис. 10) имеет нити с Z-круткой толщиной от 0,2 до 0,5 мм. Нити с неравномерной толщиной и круткой. Плотность ткани 12 × 14 н/см.

Ниже красной ткани фиксируются остатки ткани из льняных волокон с плотностью 20 × 13 н/см. Следующий слой очень тонкий, структура ткани не читается. При микроскопических исследованиях это-

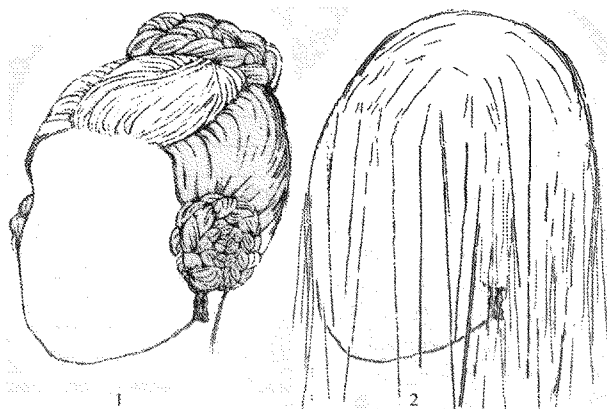

Рис. 1. Графическая реконструкция женской головы из погребения 1 кургана «Холмы». (Рисунок М. Токманцевой)

1 — с прической из трех кос; 2 — с головным покрывалом или саваном, закрывающим голову и лицо погребенной

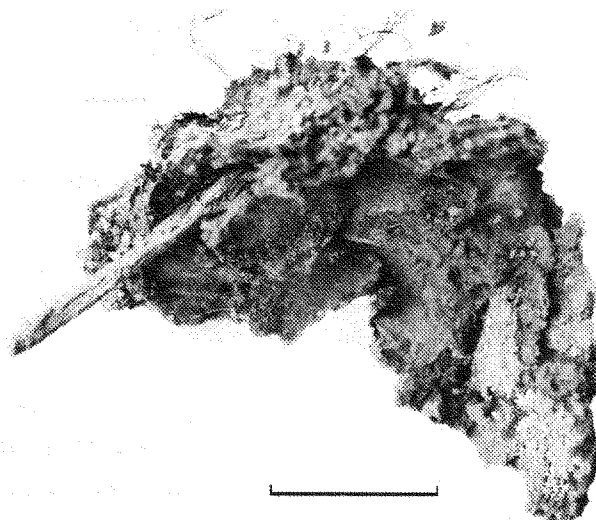

Рис. 2. Фрагмент обработанной кожи с обломком металлической иглы, возможно, шпильки

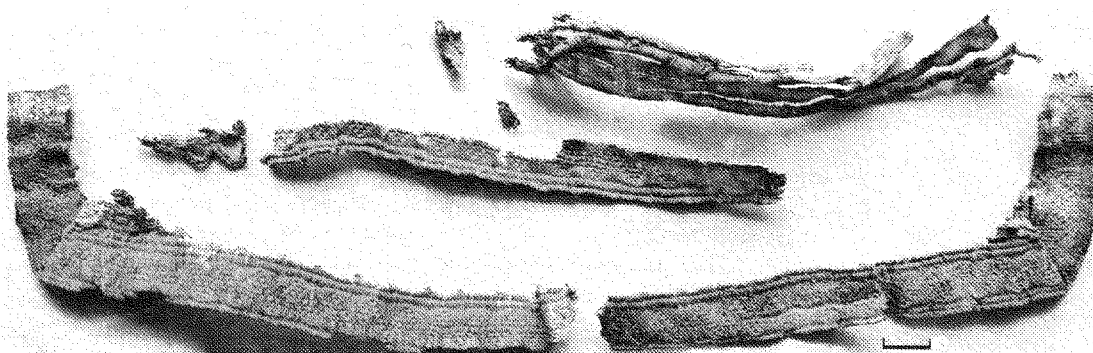

Рис. 3. Фрагменты тесьмы от головного убора

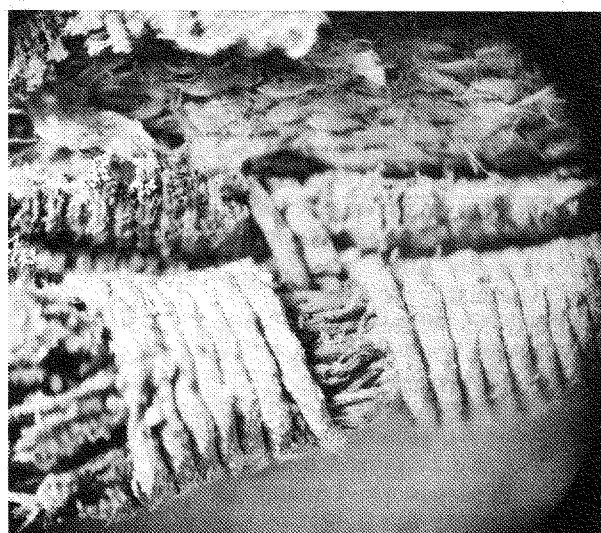

Рис. 4. Валик, проходящий по внешнему краю головного убора

го слоя были выявлены шерстяные волокна, следовательно, это тонкий войлок или фетр.

Самый нижний слой — ткань льняная полотняного переплетения, нити плоские с Z-круткой толщиной 0,3–0,4 мм. В нитях, возможно, присутствуют единичные волокна хлопка очень плохой сохранности. Плотность ткани 18×18 н/см.

Тесьма имела с одной стороны фестоны, а с другой — валик. Причем все нижние слои были подогнуты и подшиты со стороны валика, следовательно, именно эта сторона является краем головного убора. В углах хорошо заметно, что красная ткань выходит за пределы тесьмы и, видимо, именно эта ткань является основной, верхней тканью (рис. 11).

Исходя из полученной информации, можно предположить, что головной убор:

- имел сложный крой, с краем, делающим не менее 4 поворотов, а может быть и 8;
- имел жесткую форму, которая держалась за счет слоя тонкого войлока и льняной ткани;
- перекрывался тонкой хлопковой тканью красного цвета;

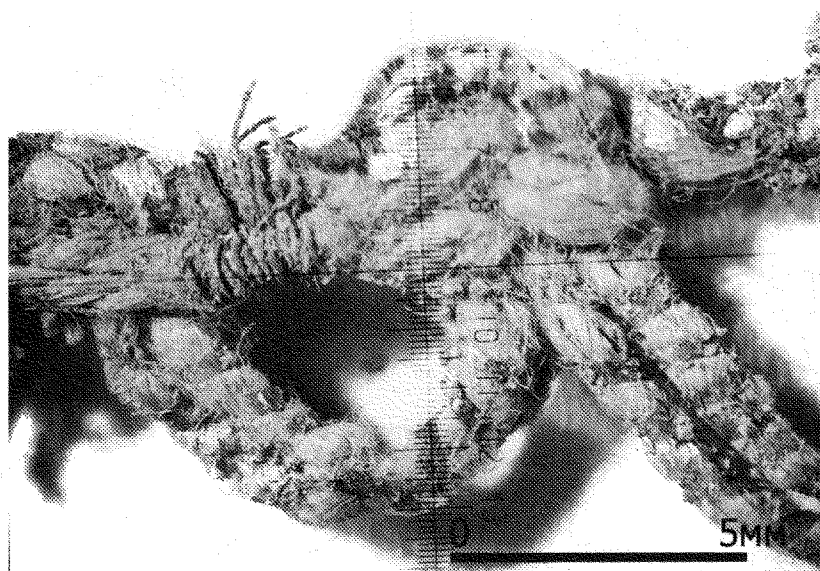

Рис. 5. Фестоны, проходящие по внутреннему краю тесьмы (см. цв. вкл.)

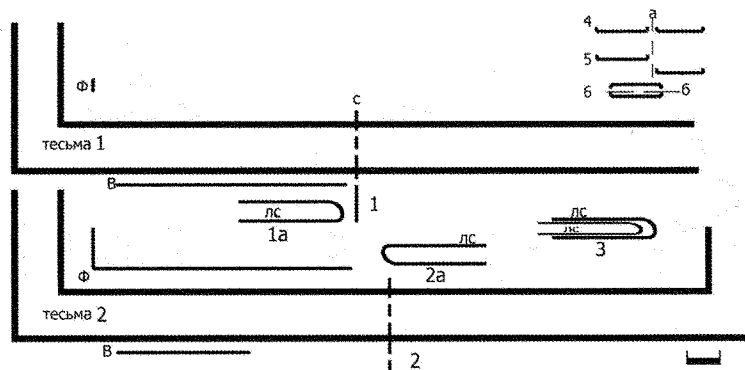

Рис. 6. Тесьма от головного убора

1 – тесьма 1; 1а – схема сложения тесьмы 1 по линии «С»; 2 – тесьма 2, состоящая из двух фр-тов; 2а – схема сложения тесьмы 2 по линии «С»; 3 – вариант сложения двух отрезков тесьмы в соответствие с линиями сгибов; 4 – вариант расположения фр-тов тесьмы в одну линию; 5 – вариант расположения фр-тов тесьмы со сдвигом по высоте (в случае прически с боковыми «шишками»); 6 – вариант расположения фр-тов тесьмы (на уборе типа сороки; или неопределенное изделие). В – валик; Ф – фестоны; ЛС – лицевая сторона; С – линия сгиба тесьмы; а – линия симметрии развернутого головного убора; б – линия симметрии неопределенного изделия

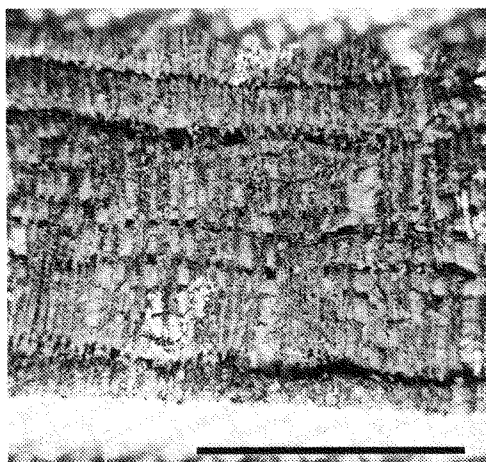

Рис. 7. Микрофотография тесьмы с металлическими нитями

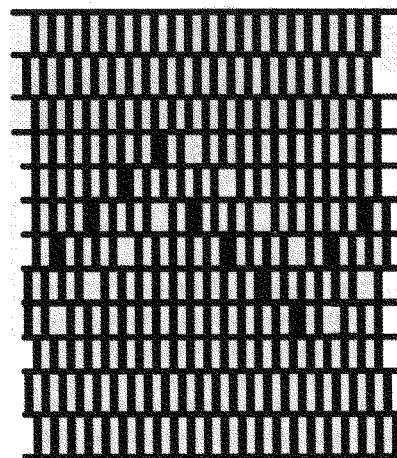

Рис. 8. Схема технического рисунка тесьмы

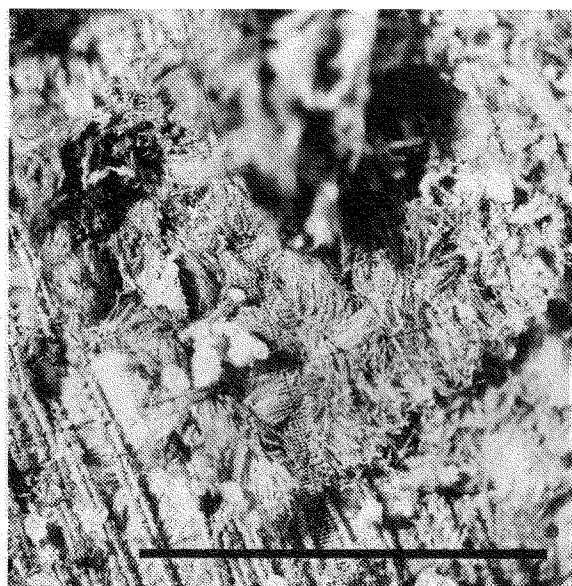

Рис. 9. Слой ткани красного цвета

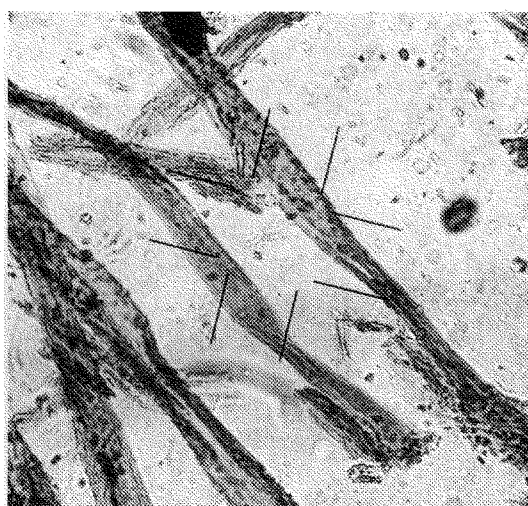

Рис. 10. Микрофотография хлопковых волокон красной ткани (см. цв. вкл.)

Рис. 11. Вариант реконструкции края головного убора
Ф – фестоны; В – валик; Б – бусины

- отделан тесьмой с металлическими нитями (возможно посеребренная медная проволока);
- имел подкладку;
- возможно, по краю валик украшали бусины.

Так как «головной убор» был обнаружен не на голове, а находился рядом, то нельзя исключить и вариант, что это не головной убор, а некое неопределенное изделие, возможно прямоугольной формы с декорированным тесьмой краем.

Погребение 2

Прическа девушки отличается от прически женщины из первого погребения. Сохранившиеся волосы позволяют реконструировать косу, спускающуюся вниз по позвоночнику. Широкая полоса тесьмы (ширина 9 см) полностью закрывает лоб и чуть дальше, за ушами, уходит под волосы, оставляя часть волос ниже полосы, а часть – выше (рис. 12). Под широкой тесьмой находилась узкая тесьма шириной 1,5 см.

Слой ткани, обнаруженные на поверхности широкой тесьмы, прошиты между собой швом «вперед иголкой» нитью из растительных волокон. Ткань льня-

ная полотняного переплетения, имеет нити со слабой Z-круткой и толщиной нитей в среднем 0,30 мм. Средняя плотность ткани 10–12 × 10–12 н/см.

На поверхности волос и на лице зафиксированы остатки ткани очень плохой сохранности.

В затылочной части сохранился участок, состоящий из круглых шнуров и многослойного фрагмента ткани, лежащего на волосах. Ткань соответствует ткани, расположенной сверху тесьмы. Круглые шнуры (рис. 13) на внешней стороне ткани в затылочной части, возможно, были к ней пришиты. Два шнура были расположены рядом, причем с левой стороны на шнуре была надета пуговичка, с втулкой и шариком, на небольшой ножке (рис. 14). С правой стороны шнур имеет петлю, которая была накинута на шарик. Всю систему крепления установить не удалось. Аналогичный круглый шнур из шерстяных нитей был обнаружен на остатках шерстяной ткани и кожи в районе правого уха. Шерстяная ткань с плотностью около 12 × 12 н/см плотно прилегала к сережке.

Широкая налобная повязка имела ширину по центру лба 9 см, а ближе к затылку 4,5 см. Повязка состояла из

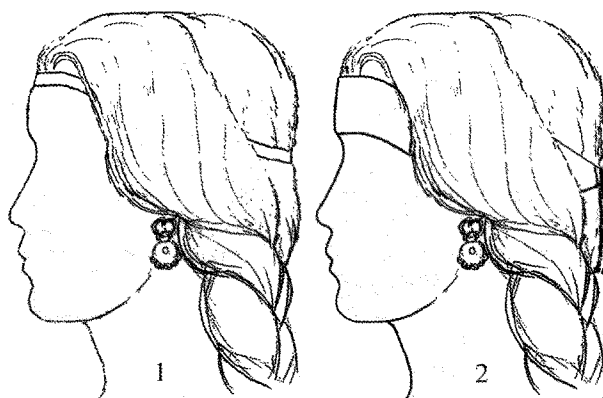

Рис. 12. Графическая реконструкция женской головы из погребения 2 кургана «Холмы». (Рисунок М. Токманцевой)

1 — с прической из одной косы и узкой налобной повязкой; 2 — с широкой повязкой, расположенной поверх узкой

Рис. 13. Круглые шерстяные шнуры, которые находились на внешней стороне ткани в затылочной части

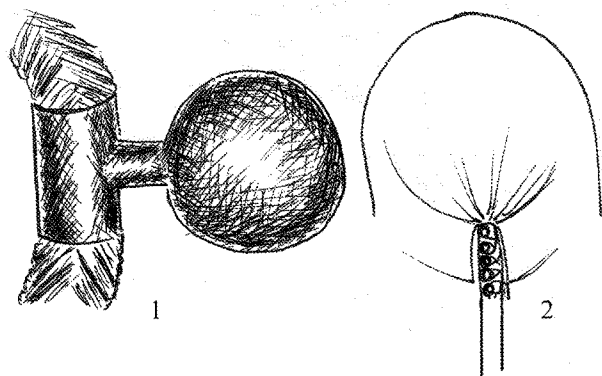

Рис. 14. Пуговица с втулкой и шариком на небольшой ножке (А) и реконструкция системы застёжки на головном уборе (Б)

тесьмы с металлическими нитями, двух видов шелковой и одной льняной ткани, и узкой шелковой плоской тесьмы, зафиксированной по нижнему краю повязки. Вероятно, такая же тесьма проходила и по ее верхнему краю, переходя в завязки. Ширина этой тесьмы — от 0,3 до 0,5 см. Выполнена она диагональным переплетением из восьми нитей. Широкая тесьма с металлическими нитями находилась в очень плохом состоянии. Металлические нити полностью утратили свою структуру и рассыпались при минимальном воздействии. Рисунок тесьмы не читается. Кроме ширины, от металлизированной тесьмы из первого погребения ее отличает наличие шелковых нитей основы, которые введены в тесьму через определенные промежутки и являются дополнительной основой. Льняная нить основы (S2Z), толщиной 1,5 мм; шелковая нить основы без крутки, толщиной 0,5 мм. Нити утка металлические (волооченка) толщиной 0,1 мм, нити работают по парам.

В районе правого виска широкая тесьма заканчивается. Ее продолжает полоса, сшитая из двух типов тканей. Верхняя, небольшая вставка из репсовой³ ткани с размерами $1,4 \times 5,5$ см имеет остатки вышивки, — вероятно, ткань использовалась вторично. Большая часть сохранившейся полосы сшита из шелковой камки⁴. Репсовая ткань шелковая, нити без крутки. Основа толщиной 0,15–0,20 мм, уток — 0,30–0,35 мм. Плотность ткани 50×25 н/см. Нити вышивки шелковые толщиной 0,4–0,5 мм, без крутки. Камчатая ткань выполнена в сочетании атласного (6:1) и сатинового переплетения (1:6). Нити основы и утка шелковые без крутки. Основа толщиной 0,15–0,20 мм, уток — 0,20–0,25 мм. Плотность ткани 58×42 н/см. Тканая полоса выкроена по диагонали.

С изнаночной стороны тесьмы и шелковых тканей сохранились остатки ткани полотняного переплетения из растительных волокон (лен или конопля). Толщина нитей примерно 0,25 мм, средняя плотность около 10×14 н/см.

По линии повязки на другой стороне черепа, ближе к затылку, обнаружен еще один фрагмент шелковой камчатой ткани, характеристики которой совпадают с камкой, подшитой к широкой тесьме. Ткань имеет четкую линию подгиба, по которому она соединялась с остальной частью повязки, и шнур по нижнему краю. Этот фрагмент сшит из двух небольших кусочков ткани. На изнаночной стороне сохранились участки ткани, аналогичной ткани с изнаночной стороны широкой тесьмы. Наличие сшитых кусков ткани нескольких типов, остатков вышивки на одном из них свидетельствуют, что эту часть налобной повязки собирали из остатков достаточно дорогих шелковых тканей.

В затылочной части в слое органических остатков просматривались шелковые нити, аналогичные нитям в металлизированной тесьме. Так как широкая тесьма не доходит до затылка, можно предположить, что это остатки узкой тесьмы, а значит, она проходила на затылке и, вероятно, была замкнута.

Следовательно, мы имеем:

- узкую тесьму, замкнутую в кольцо;
- широкую повязку, состоящую из тесьмы с металлическими нитями, двух шелковых тканей и подкладки из льняного полотна. Повязка обшита по краю шелковой плоской тесьмой, которая переходит в завязки;
- слой простеганной льняной ткани, расположенный сверху широкой тесьмы;
- фрагменты льняной ткани и систему крепления из круглых шерстяных шнуров и металлических пуговиц в районе затылка;
- льняную ткань на лице и на волосах;
- фрагменты кожи и шерстяной ткани, обшитые круглым шерстяным шнуром, обнаруженные в районе уха погребенной.

Из полученных данных можно достаточно уверенно сказать, что на голове у погребенной находилось две повязки. Далее возможно только высказать предположение, что лицо женщины было перекрыто льняной тканью, под которой находился некий головной убор из той же ткани, имеющий стежку в районе лба и систему крепления из шнуров на затылке (рис. 15). Или это единое изделие, закрывающее лицо? Не ясно, входила ли в эту конструкцию шерстяная ткань, кожа и круглые шнуры, обнаруженные в районе уха, или это часть самостоятельного изделия. Возможно, полосы ткани на кожаной основе, обшитые по краю круглым шнуром, были пришиты к нижней или верхней повязке и спускались вниз.

Текстильные изделия, не связанные с головным убором

В погребении находилось небольшое изделие, которое можно реконструировать, как маленький (примерно 5×7 см) мешочек из кожи (рис. 16). От него сохранились мелкие фрагменты кожи, один фрагмент, где соединяется два слоя кожи с пришитыми по краю круглыми шнурами (S2Z) и фрагмент шнура, переходящий в кисточку. Диаметр круглого шерстяного шнура 0,3–0,4 см. По краю мешочка, с левой и правой стороны шва, был проложен двойной шнур. Внутри этого мешочка находилось два металлических предмета: перстень и пуговица. Перстень, вероятно, был завернут в ткань, возможно, это тоже был маленький мешочек, расшитый бисером. В канале бусин сохранились остатки нитей (рис. 17), а между бусинами — остатки ткани. И в ткани, и в нитях были обнаружены льняные волокна. Другие характеристики ткани не определяются.

Перстень имеет вставку, выполненную из тонкой шерстяной ткани красного цвета саржевого переплетения (2:2), рисунок саржи идет в Z направлении. Качество ткани очень хорошее, нити, толщиной 0,25 мм состоят, в основном, из пуховых волокон. Плотность ткани 40×40 н/см.

Часть бисера прилипло ко второму изделию, но только с той стороны, которой оно соприкасалось с перстнем. После того, как второе изделие было развернуто, оказалось, что это металлическая пуговица. Она была завернута в широкую (3,5 см) и узкую (около 2 см) ленты (рис. 18). Широкая лента, сложенная вдвое, обворачивала пуговку по высоте, а узкая — по ширине.

Широкая лента — репсовая, из шелковых нитей без крутки. Основа толщиной 0,10–0,15 мм, уток — 0,2–0,25 мм. Плотность нитей 66×45 н/см. Узкая лента — репсовая, из шелковых нитей без крутки. Основа толщиной 0,25–0,30 мм, уток — 0,35 мм. Плотность около 25×10 н/см. Лента сильно растянута. Пуговка могла имитировать запеленатого младенца и являться оберегом. Такие куколки — «пеленашки» известны по данным этнографии⁵.

³ Репсовая ткань — ткань с рубчатым рисунком, который возникает в результате различной толщины и плотности нитей в одной из систем.

⁴ Камка — ткань с рисунком, образованным за счет сочетания двух типов текстильных переплетений. Например, узор, выполненный атласным переплетением, а фон — сатиновым.

⁵ <http://www.rukukla.ru>

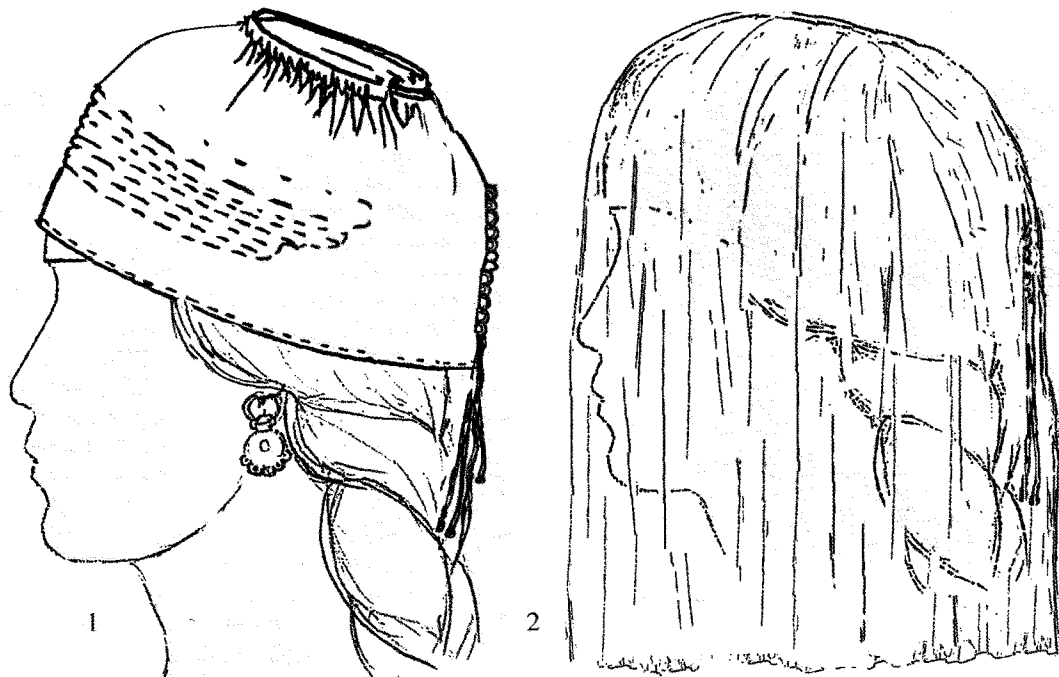

Рис. 15. Графическая реконструкция женской головы из погребения 2 кургана «Холмы». (Рисунок М. Токманцевой)

3 – в шапочке со стежкой в районе лба и завязками на затылке;
4 – покрытая головным покрывалом или саваном

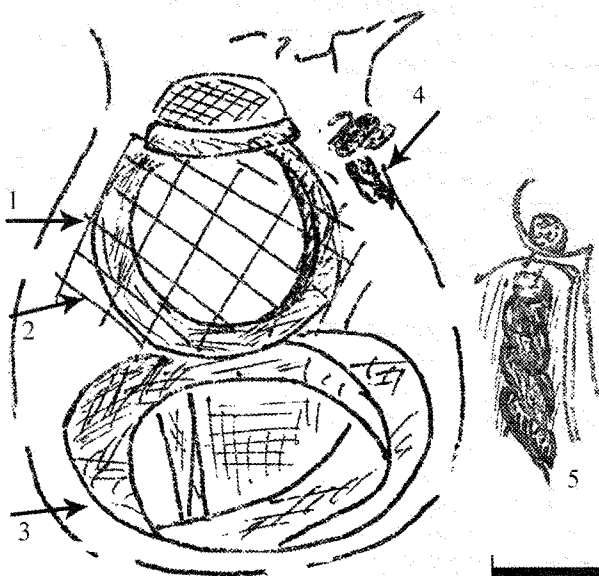

Рис. 16. Графическая реконструкция мешочка из погребения 2

1 – кольцо со вставкой из ткани; 2 – зона расположения бисера; 3 – завернутая пуговица; 4 – шерстяной шнур;
5 – схема крепления шерстяных шнуров по краю кожаного мешочка

Рис. 17. В канале бусин сохранились остатки нитей

Рис. 18. Пуговица, завернутая в шелковые ленты

Заключение

Прически и убранство голов двух женщин, погребенных в одном кургане, различаются, и это хорошо согласуется с их возрастом. В погребении более молодой женщины (девушки) зафиксирована одна коса и головное покрывало из льняной ткани, закрывающее лицо. Лен, вероятно, был не окрашен, хотя в погребении он имел темно-коричневый цвет, но это вызвано, скорее всего, сильным загрязнением и очень плохой сохранностью ткани. Голова второй женщины была убрана тремя косами, и ее лицо закрывало шерстяное темное полотно. На микрофотографиях видно, что шерсть имеет темный цвет, но в данном случае невозможно определить, это окраска полотна или естественный цвет шерсти. Следовательно, погребальное головное покрывало у девушки было светлое, а у взрослой женщины темное.

Попытки найти прямые аналогии прическе из трех кос пока не принесли результата. Удалось выявить в этнографических источниках варианты, когда с помощью головных уборов создавался силуэт с тремя «шишками» (рис. 19). Если принять предположение, что в погребении 1 находился головной убор, то по форме, конструкции и декору его ближайшим аналогами можно считать кики или сороку – женские нарядные головные уборы, хорошо известные в этнографии.

Обратимся к этнографии в поиске аналогов девичьему убранству. «Будничными девичьими головными уборами были ленты или так называемые подволосники ... В качестве праздничного убора использовались ленты на твердой основе, так называемые перевязки. Чаще всего основой перевязки была полоса бересты, украшенная позументом, тыльную сторону ее обтягивали холстом». Еще один головной убор, который носили молодые женщины и девушки, назывался «по-

челок». Он состоял из налобной (на твердой основе) части и накосной, состоящей из двух полос. Твердая основа расшивалась жемчугом (Капустя, 2007. С. 5). Вероятно, узкую и широкую тесьму в нашем случае можно вписать в эту систему головного убора.

Интересным является наличие нескольких прошитых слоев, вероятно, стежки на льняной ткани в районе лба и завязок на затылке. Ближайшие обнаруженные аналоги происходят из погребений цариц Анастасии Семеновны Грушецкой (1681) и Натальи Кирилловны Нарышкиной (1694). В этих захоронениях были обнаружены маленькие шапочки, так называемые тафьи (Голиков и др., 2004а; 2004б). Принято считать, что тафья это мужской головной убор, однако у И.Е. Забелина есть информация, что в 1634 г. младенцу, двухмесячной Софье Михайловне, была сшита тафья из червчатого бархата с целью охранения ее здоровья (Забелин, 2000. С. 463). Следовательно, можно предположить, что на погребенной могла находиться шапочка типа тафьи, имеющая простеганное очелье и систему пуговок-петелек сзади.

Не менее интересным является вопрос о месте производства текстильных изделий из этих захоронений. Прямых аналогов тесьмы с металлическими нитями, в которых явно присутствует медь (окислы зеленого цвета на поверхности нитей), не найдены. Но есть интересный момент: в двух погребениях присутствует тесьма, выполненная из одних материалов, в единой технике, одинакового качества, но с разными параметрами: 1,5 см, 2,0 см, 9,0 см. То есть, данное изделие представлено в ассортименте. А это значит, что место производства расположено не очень далеко или с этим местом налажена хорошая торговая связь. Можно предположить, что тесьма изготовлена непосредственно на месте, но тогда ее выполнил человек, обладавший опытом работы и имевший свой небольшой ткацкий станочек для тесьмы. В отличие от производства тканей, где станок достаточно большой, станок для тесьмы имел небольшие размеры, мог быть разборным и легко переносимым. Если существовали бродячие ювелиры, то, по аналогии с ними, тесьму мог изготовить человек, прошедший обучение в развитом центре (например, в Брюсселе). Конечно, это только версия, но высокое качество выполнения и дешевое сырье позволяют рассмотреть такой вариант.

Шелковая камчатая ткань, имеющая схему 6:1 и 1:6, отличается от итальянских и китайских, хорошо известных тканей XVII в. с более простой схемой. Место производства этой ткани пока остается неясным.

Репсовая ткань, возможно, является частью лент, аналогичной лентам, в которые завернута пуговица из второго погребения. Такие ленты выпускались в Европе и широко применялись при пошиве европейской одежды.

Хлопковая ткань попадала на Русь из Средней Азии. В XV–XVIII вв. хлопковые среднеазиатские ткани являлись вполне доступными даже для простой крестьянской семьи (Парман, 1994. С. 42).

Льняные ткани с добавлением хлопка, вероятно, тоже относятся к импорту из Центральной Азии. А вот простые льняные и шерстяные ткани можно считать местными.

Рис. 19. Варианты создания с помощью головных уборов силуэта прически с тремя «шишками» на голове

А – женский смоленский костюм (по: Парман, 1994. С. 143); Б – молодая женщина в курском головном уборе – сорока. Фото второй половины XIX в. (<http://folkportal.3dn.ru/forum/17-186-2>)

Плетеная шелковая тесьма, изготовленная местными мастерами, возможно, в рамках небольших мастерских из привозного шелка, широко применялась в декоре одежды (по нашему опыту работы

с материалом из погребений Вознесенского монастыря). Круглый шнур из шерстяных нитей мог сплести любой человек при минимальном опыте работы.

Литература

Капусти Л.И., 2007. Традиционные головные уборы XVIII – начала XX века. Петрозаводск.

Голиков В.П., Лантратова О.Б., Орфинская О.В., 2004а. Комплексное исследование погребения Агафьи Семеновны Грушецкой (1681 г.) из Некрополя Вознесенского монастыря Московского Кремля. М.

Голиков В. П., Лантратова О.Б., Орфинская О.В., 2004б. Комплексное исследование погребения Ната-

льи Кирилловны Нарышкиной (1694 г.) из Некрополя Вознесенского монастыря Московского Кремля. М.

Забелин И., 2000. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Ч. 2. М.

Парман Ф.М., 1994. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.

O.V. Orfinskaya

Investigations of organic materials from two burials in the Kholmy kurgan

Summary

The paper deals with the study of textile and leather from two female burials. A good state of preservation of head hair enabled the author to reconstruct coiffures (the young woman had one braid and the

aged one three) and headdresses, i.e. handkerchiefs worn around one's head, caps (?) and veils, and some other textile and leather articles found amid the burial goods.

Е.К. Столярова

Стеклянные бусы из раскопок одинокного кургана у деревни Холмы

В 2008 г. Подмосковная экспедиция отдела охранных раскопок Института археологии РАН проводила археологические исследования одинокного кургана, расположенного на расстоянии около 800 м к западу от западной окраины д. Холмы Солнечногорского района Московской области (Хижняков, 2009). В ходе работ были вскрыты два женских погребения, в одном из которых (№ 2) были обнаружены бусы¹. Среди них 878 стеклянных и 63 янтарных.

Среди стеклянных бус основную массу составляет бисер (840 экз.: № 10г – 777 экз.; № 18 – 63 экз.). Большая его часть имеет округлую шаровидную усеченную дважды форму (так называемую зонную) (704 экз.), меньшая – округлую цилиндрическую (136 экз.).

Диаметр бисера колеблется от 2 до 4 мм. Причем, более половины украшений имеет в диаметре 3 мм (477 экз.; 54,3%), и более четверти – 2,5 мм (231 экз.; 26,3%).

Цветовая гамма бисера представлена восемью тонами: белым, желтым, зеленым, сине-фиолетовым, бирюзовым, красно-коричневым, пурпурным и бесцветным (рис. 1; см. цв. вкл.). Больше всего бисера пурпурного цвета. Его чуть больше половины (445 экз.; 50,7%). Почти 20% бисера имеет зеленый цвет (152 экз.; 17,3%). Чуть больше 10% встречено бисера из белого непрозрачного стекла (97 экз.; 11%). Бисера желтого и бирюзового цвета примерно 5–6% (56 экз.; 6,4% и 49 экз.; 5,6% соответственно). Бисера сине-фиолетового цвета и бесцветного стекла около 2% (18 экз.; 2,1% и 14 экз.; 1,6%). Меньше всего бисера из красно-коричневого непрозрачного стекла – чуть больше 1% (9 экз.; 1,1%).

При корреляции цвета и размера бисера оказалось, что наиболее крупным является бисер пурпурного, белого, бесцветного, красно-коричневого и сине-фиолетового стекла. Среди этого бисера преобладают тулова с диаметром 3 мм, а у пурпурного и бе-

лого есть бусины с диаметром и 4 мм. Более мелким оказался бисер зеленого и бирюзового цвета. У них преобладают тулова с диаметром 2,5 мм.

Весь бисер изготовлен по единой технологической схеме. Сначала из жидкого стекла вытягивали трубочки определенного диаметра. Исключением здесь служит красно-коричневый бисер, который изготовлен из двухслойных трубочек. Для этого вытянутые трубочки из бесцветного стекла дополнительно подвергали набору жидкого стекла красно-коричневого цвета. Затем трубочки делили на части при помощи отшибания. Эта операция производилась следующим способом: пучок трубок брали левой рукой, устанавливали его на остром стальном резце, вделанном в неподвижный станок, так чтобы концы трубок выдавались на предполагаемую длину бисера, после чего их откалывали коротким ударом резака. Эта точная работа требовала большого навыка, и мастера по раскалыванию трубок ценились очень высоко (Петухов, 1901. С. 586). При таком изготовлении края у бисера оказывались острыми. Поэтому их подвергали так называемой химической полировке. Для этого бисер смешивали с влажной смесью извести и толченого угля, высушивали, добавляли песок и помещали в металлические барабаны, где нагревали до красного каления при медленном вращении барабанов. Потом бисер охлаждали, промывали и высушивали. В результате этой операции края бисера становились выпуклыми. Однако при перекачивании в барабане с песком поверхность бисера теряла свой блеск. Чтобы бисер заблестел, его полировали еще раз – путем перемешивания с тонким полирующим порошком, например, обожженной окисью железа (крокусом) или глиноземом.

Изучение химического состава показало, что бисер изготовлен из стекла нескольких классов: Na-Ca-Si, Na-Si, K-Pb-Si, Pb-Si (табл. 1, ан. 853-23–30)².

¹ Автор выражает глубокую признательность авторам раскопок О.И. Хижнякову и Е.П. Захаровой за возможность изучить неопубликованную коллекцию стеклянных находок.

² Исследование химического состава бус из одинокного кургана у дер. Холмы проводилось методом оптико-эмиссионной спектроскопии в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьковым.

Таблица 1. Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стеклянных бус погребения 2 кургана у дер. Холмы.

Шифр лаборат.	853-21	853-22	853-23	853-24	853-25	853-26	853-27	853-28	853-29	853-30
Предмет	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина
артеф.	18	32	48	49	63	112	137	242	315	449
Цвет	син-зел	бел	син-фиол	б/ц	кр-кор	жел	бирюз	зел	бел	пурпур
SiO ₂	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.		осн.	осн.
Na ₂ O	0,3	1,3	17	17	18	0,03	18	0,1	15	16
K ₂ O	6,8	4,4	2,8	3,2	3,6	-	4,8	2,7	3,9	4,8
CaO	8,9	0,9	8,0	4,3	8,5	0,5	3,8	0,6	11	10
MgO	0,5	0,1	1,0	0,9	1,9	0,1	1,2	0,1	2,2	2,8
Al ₂ O ₃	0,3	0,1	0,5	0,5	1,1	0,1	0,5	0,1	1,2	2,2
Fe ₂ O ₃	0,2	0,2	0,5	0,8	1,7	0,7	0,6	0,2	1,5	1,8
MnO	0,1	0,05	0,04	0,3	0,4	-	-	-	0,2	5,1
TiO ₂	0,07	0,06	0,1	0,1	0,1	0,04	0,06	0,01	0,1	0,1
PbO	27	33	-	-	0,2	43	0,06	33	-	0,09
SnO ₂	0,03	-	-	-	0,04	0,03	0,02	0,01	-	0,01
CuO	0,7	0,2	-	-	0,8	-	1,2	0,5	-	-
CoO	-	-	0,03	-	-	-	-	-	-	-
Sb ₂ O ₃	0,04	0,07	-	-	0,4	0,07	0,07	0,03	2,8	-
Ag ₂ O	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
NiO	-	-	0,04	-	0,01	-	0,02	-	0,01	-
As		+								

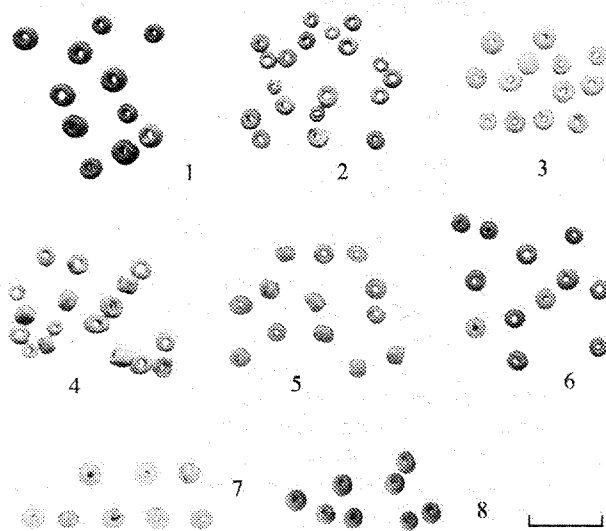

Рис. 1. Стеклянный бисер погребения 2 одиночного кургана у дер. Холмы (см. цв. вкл.)

- 1 – пурпурного цвета; 2 – зеленого цвета; 3 – белого цвета;
 4 – желтого цвета; 5 – бирюзового цвета;
 6 – сине-фиолетового цвета; 7 – бесцветные;
 8 – красно-коричневого цвета (двухслойные)

Стекло класса Na-Ca-Si использовано для получения бисера четырех цветов: сине-фиолетового (ан. 853-23), красно-коричневого (ан. 853-25), белого (ан. 853-29) и пурпурного (ан. 853-30). Во всех случаях стекло сварено на золе расте-

ний пустынной зоны. Для сине-фиолетового и красно-коричневого стекла использована зола наземных частей однолетнего поташника (*Kalidium caspicum*), для белого стекла – зола наземных частей того же растения, но многолетнего. Для пурпурного взяты наземные части другого растения – солероса (*Salicornia herbacea*). По соотношению Na₂O и K₂O ($3 < Na/K \leq 13$) эти стекла относятся к группе натриевых золистых античных. В качестве щелочноземельного сырья во всех четырех случаях применены доломитовые известняки. Использованы две рецептурные нормы: 1,5 для пурпурного и белого стекла и 2 для сине-фиолетового и красно-коричневого. Сине-фиолетовое стекло окрашено окисью кобальта, пурпурное – окисью марганца. Красно-коричневое стекло окрашено и заглушено окисью меди в коллоидном состоянии. Глушителем белого непрозрачного стекла при отсутствии красителя выступает окись сурьмы.

Стекло класса Na-Si использовано для получения бесцветного (ан. 853-24) и бирюзового (ан. 853-27) бисера. В обоих случаях стекло сварено на золе растений пустынной зоны. Для бесцветного использована зола наземных частей однолетнего поташника (*Kalidium caspicum*), для бирюзового – зола наземных частей того же растения, но многолетнего. По соотношению Na₂O и K₂O ($3 < Na/K \leq 13$) эти стекла также относятся к группе натриевых золистых античных. Использованы две рецептурные нормы: 4 для бесцветного стекла и 4,5 для бирюзового. Бирюзовое окрашено окисью меди, бесцветное обесцвечено окисью марганца.

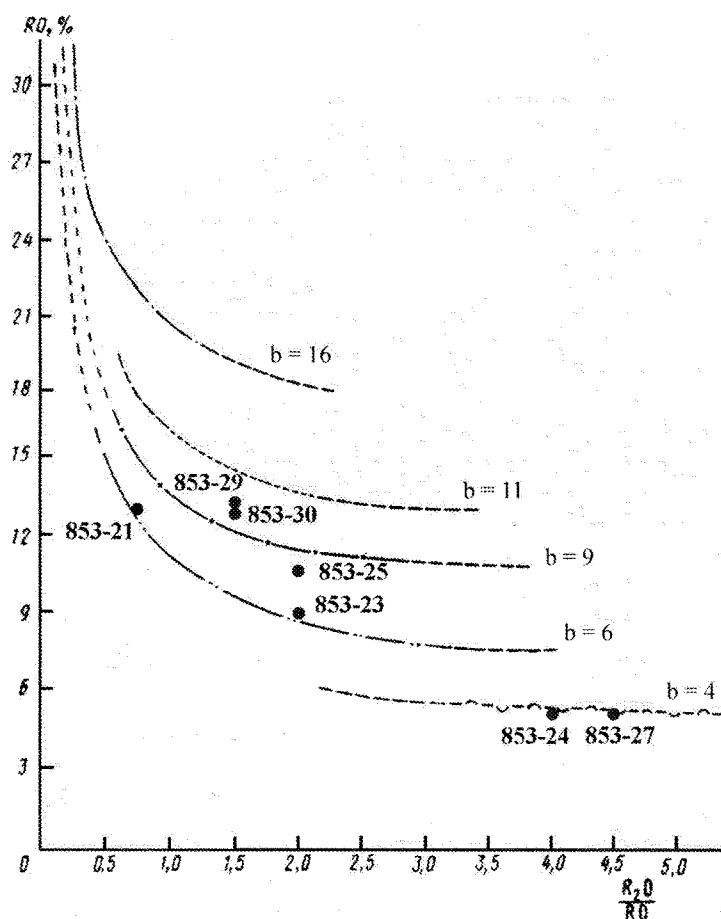

Рис. 2. Химический состав стекол погребения 2 одиночного кургана у дер. Холмы

$b = 4$ – возможные финикийские и египетские стекла из двойной шихты; $b = 6$ – провинциально-римские традиции стекловарения; $b = 9$ – месопотамские древние и ближневосточные средневековые стекла; $b = 11$ – древнеегипетские стекла; $b = 16$ – западноевропейские средневековые стекла

Из стекла класса K-Pb-Si изготовлен бисер зеленого цвета (ан. 853-28³). Судя по отношению калия к натрию ($K/Na > 10$) и относительному содержанию окиси калия ($C=96,4$) в качестве щелочной составляющей было использовано калиевое чистое сырье. Низкое содержание щелочных земель указывает на возможное применение специально обработанной золы, т. е. поташа. Окрашено стекло окисью меди.

Из стекла класса Pb-Si изготовлен бисер желтого цвета, красителем для которого служит окись свинца в комбинации с окисью железа (ан. 853-26).

При размещении результатов анализов на корреляционном поле⁴ оказалось, что два из них (ан. 853-24, 853-27) расположились на гиперболе, где $b=4$, а остальные (ан. 853-23, 853-25, 853-29, 853-30) – вблизи гипербол, где $b=6$ и $b=9$ (рис. 2).

Бисер, аналогичный найденному в кургане, из белого, желтого, бирюзового и сине-фиолетового стекла

(100 экз.) был обнаружен при раскопках, проводившихся отделом охранных исследований ИА РАН в 2007 г. в Ярославле на участке «Рубленный город» в постройке № 12. Сооружение датируется XVII в. по кладу серебряных монет времени Алексея Михайловича (92 монеты) и красноглиняной посуде XVII–XVIII вв. (Фараджеева, 2008. С. 56, 106).

Среди бус, открытых в кургане, значительный интерес представляет бисер из двухслойных трубочек красно-коричневого цвета (рис. 1, 8; см. цв. вкл.). Оказалось, что такие же двухслойные бусы известны у североамериканских индейцев. Авторы публикации датируют их XVII – первой половиной XVIII в. (Kidd, 1970. Table IVa2–4). Бусина из трубочки, покрытая слоем красно-коричневого стекла, встречена и в Москве в слоях XVII в. (Векслер, Лихтер, 2008. С. 67. Рис. 3).

Вообще производство бисера на протяжении длительного времени (начиная с эпохи развитого Сред-

³ По сообщению аналитика А.Н. Егорькова спектр образца 242 имеет пониженную интенсивность, поэтому все значения могут быть заниженными.

⁴ В соответствии с методикой на корреляционном поле могут быть размещены только щелочные (Na-Si, K-Si) и щелочно-известковые (Na-Ca-Si, K-Ca-Si, Na-Ca-Pb-Si, K-Ca-Pb-Si) стекла.

невековья и вплоть до XIX в.) было сосредоточено в Венеции на острове Мурано. Главный отпуск бисера из Мурано производился в Африку и Америку (Петухов, 1901. С. 586–587). Начиная с XVII в. бисер из венецианских трубочек-полуфабрикатов изготавливали и на дочерних фабриках, находившихся в Северной Европе, в частности в Голландии (например, в Амстердаме) (Karklins, 1993. Р. 29). Голландский бисер также везли в Новый Свет, Океанию, Сибирь (через Архангельск и Великий Устюг) для обмена на золото, драгоценные камни, пряности и меха (v. d. Sleen, 1972. Р. 108–110; Щапова, 1998. С. 160).

Видимо, бисер, изготовленный из натриевого стекла, сваренного на золе растений пустынной зоны, двойной и тройной шихты можно связывать с венецианским стеклоделием (табл. 1, ан. 853-23, 853-25, 853-27, 853-29, 853-30). Известно, что венецианцы использовали для варки стекла растительную золу с преобладанием солей натрия (Щапова, рукопись⁵). Это бисер, окрашенный в сине-фиолетовый, пурпурный, красно-коричневый, бирюзовый и белый цвет, а также бесцветный. Расположение результатов анализов этих бус на гиперболах, характеризующих византийские, римские, ближневосточные традиции, указывают на генезис рецептов XVII–XVIII вв. В частности, стекла с рецептурной нормой 2 (рис. 2, ан. 853-23, 853-25), разместившиеся около гипербола, где $b=6$ и $b=9$, сварены в соответствии с римскими правилами стекловарения. Стекла с рецептурными нормами 1,5 (рис. 2, ан. 853-29, 853-30), лежащие вблизи гипербола, где $b=9$, сделаны по правилам византийской школы. Стекла из двойной шихты с рецептурными нормами 4 и 4,5 (рис. 2, ан. 853-24, 853-27), расположенные на гиперболе, где $b=4$, изготовлены в римско-византийских традициях (Щапова, 1998. С. 95–97. Рис. 12–15).

Бисер зеленого цвета (рис. 1, 2; см. цв. вкл.), изготовленный из калиево-свинцового стекла, сваренного на золе растений умеренной зоны, вероятно, на поташе, можно рассматривать как продукцию голландских мастерских (табл. 1, ан. 853-28). Известно, что калиевая зола, т. е. зола растений умеренной континентальной зоны, служила сырьем для всего европейского стеклоделия севернее Альп. Присутствие свинца в этом составе можно рассматривать как добавку для придания стекломассе «длины», т. е. уменьшения скорости ее остывания. Также свинец снижает температуру варки и размягчения стекломассы. Эти свойства делают свинцовые стекла удобными при производстве предметов из полуфабрикатов, поэтому можно предположить возможное изготовление зеленого бисера отдельно от производства самих полуфабрикатов-трубочек.

Бисер желтого цвета (рис. 1, 4; см. цв. вкл.), изготовленный из бесщелочного свинцового стекла (табл. 1, ан. 853-26), трудно локализовать точно. Воз-

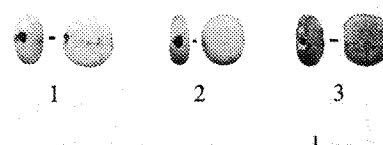

Рис. 3. Стеклянные бусы погребения 2 одиночного кургана у дер. Холмы (см. цв. вкл.)

1 – белого цвета; 2 – серого цвета;
3 – сине-зеленого цвета

можно, его производство также можно связывать с европейскими, в частности, голландскими фабриками по производству бус.

Следующую группу бус из погребения 2 составляют плоские овальные украшения с вогнутыми сторонами (№ 10в – 37 экз.) (рис. 3). Основная масса этих бус изготовлена из белого (14 экз.) и серого (6 экз.) непрозрачного стекла. Меньшая часть сделана из прозрачного сине-зеленого стекла (17 экз.). Ширина тулова от 6 до 8 мм. Изготовлены эти бусы при помощи индивидуальной навивки с последующим прессованием на плоскость.

Похожие плоские бусы, изготовленные навивкой, обнаружены у североамериканских индейцев, где они датируются не ранее XVII в. (Kidd, 1970. Table WIIa1–3). Помимо этого бусы находят аналогии среди материалов московской мастерской по производству бус из полуфабрикатов на ул. Якиманке, датируемой серединой XVIII в. (Векслер, Лихтер, 2008. С. 66. Рис. 4, 1).

Изучение химического состава этой группы бус показало, что изготовлены они из стекла двух химических классов: сине-зеленые бусы сделаны из стекла класса K-Ca-Pb-Si (табл. 1, ан. 853-21), а белые – из стекла класса K-Pb-Si (ан. 853-22). В обоих случаях в качестве щелочного сырья использована зола растений умеренной зоны. Для сине-зеленых бус приме-

Рис. 4. Стеклянная бусина погребения 2 одиночного кургана у дер. Холмы

⁵ Приношу искреннюю благодарность Ю.Л. Щаповой за предоставленную возможность ознакомиться с ее неопубликованной работой «Из истории венецианского стеклоделия (археологический и производственно-технологический комментарий к сообщениям некоторых венецианских документов)».

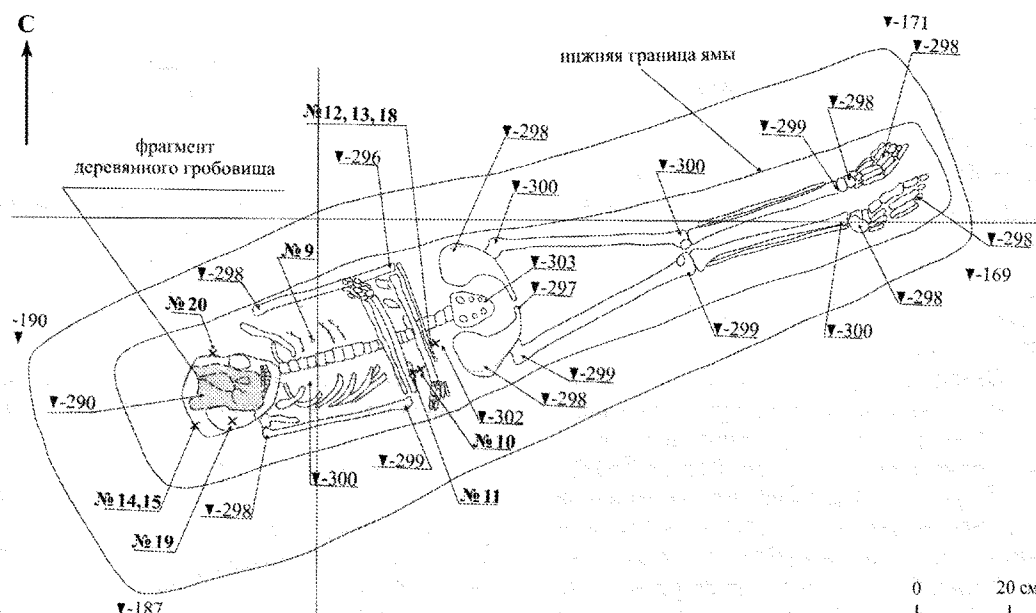

Рис. 5. План погребения 2 одиночного кургана у дер. Холмы

нено калиевое чистое сырье, а для белых – калиевое сырье с примесью натрия. В последнем случае низкое содержание щелочных земель указывает на возможное применение специально обработанной золы, т. е. поташа. Для сине-зеленых бус в виде щелочно-земельной составляющей использованы известняки. Для них же применена рецептурная норма 0,75. Синее-зеленое стекло окрашено окисью меди, белое непрозрачное стекло при отсутствии красителя заглушено мышьяком. На корреляционном поле в соответствии с методикой оказалось возможным разместить только стекло класса К-Са-Рb-Si, которое расположилось на гиперболе, где $b=6$ (рис. 2, ан. 853-21).

Изготовление бус, стекло которых сварено на золе растений умеренной зоны, можно, вероятно, связывать с европейским, возможно, голландским производством XVII в., где параллельно с производством бус и бисера из трубочек существовало и изготовление украшений методом навивки (v. d. Sleen, 1972. P. 111. Plate VIII, 101–102). Присутствие свинца в обоих проанализированных стеклах, как и в случае с зеленым бисером, вероятно, можно объяснить производством этих бус из полуфабрикатов-палочек. Размещение стекла класса К-Са-Рb-Si на кривой, где $b=6$ (рис. 2, ан. 853-21), указывает на связь этой рецептуры с традицией римско-византийского стекловарения (Щапова, 1983. С. 54; 1998. С. 95–97. Рис. 12–15).

Еще одна стеклянная бусина, обнаруженная при вскрытии погребения 2, имеет округлую шаровидную усеченную дважды форму (так называемую зонную) (рис. 4). Диаметр ее тулова 7 мм. Она изготовлена из прозрачного сине-фиолетового стекла при помощи серийной навивки. Форма бусине была придана при помощи решетки, после чего бусины были отделены друг от друга и подвергнуты «химическому» полированию. Эту бусину, вероятно, также можно отнести к голландскому импорту XVII в.

Рассмотрим место описанных бус в погребении (Хижняков, 2009. С. 14–15). Все они сосредоточены в районе туловища погребенной, в квадрате 13 (рис. 5).

Одиночная бусина (так называемая зонная) из прозрачного сине-фиолетового стекла (полев. № 9, глубина 306 см) была обнаружена в районе грудной

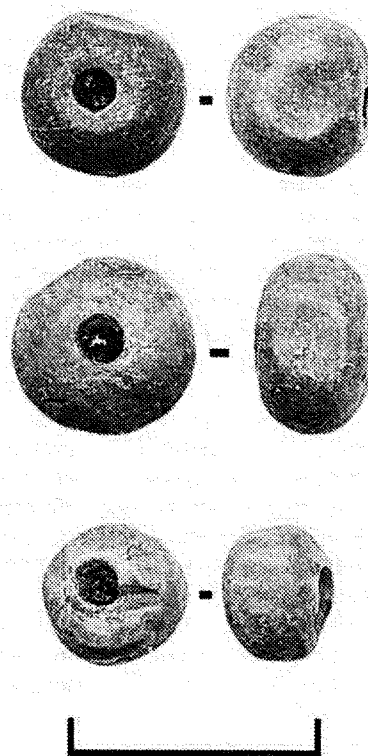

Рис. 6. Янтарные бусы погребения 2 одиночного кургана у дер. Холмы

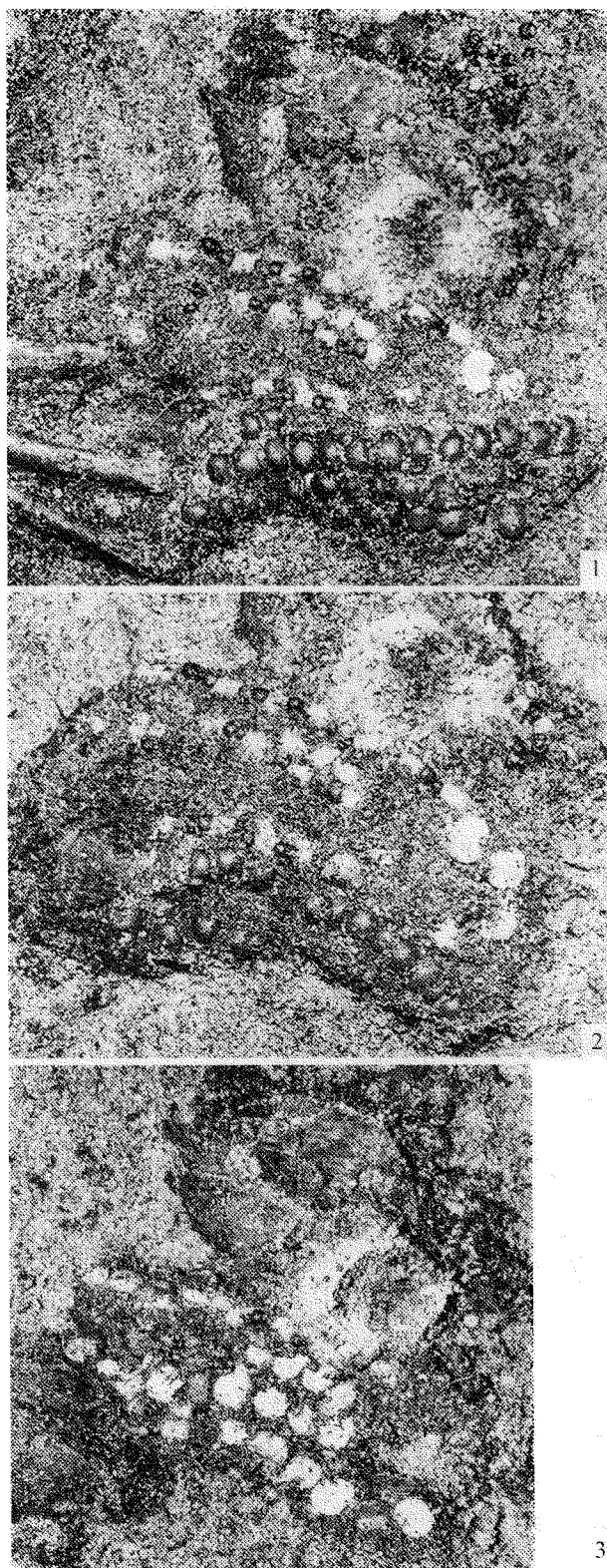

Рис. 7. Расположение стеклянных и янтарных бус в погребении 2 одиночного кургана у дер. Холмы (вид с северо-востока) (см. цв. вкл.)
1 – слой 1; 2 – слой 2; 3 – слой 3

Рис. 8. Скопление стеклянного бисера и пуговица медного сплава в погребении 2 одиночного кургана у дер. Холмы

клетки, слева от позвоночника. Возможно, она служила застежкой (пуговицей), с помощью которой скреплялись погребальные одежды (саван) захороненной женщины.

Основная же масса бус размещена в районе пояса погребенной, справа от позвоночника под его костями и у правого локтя. Там помимо стеклянных были обнаружены и янтарные бусы в количестве 63 экземпляров (рис. 6). Авторы раскопок зафиксировали три слоя бус этого скопления. В первом слое на глубине 298 см было обнаружено 45 янтарных бусин (полев. № 10а), лежавших тремя параллельными линиями, размещенными вплотную друг к другу (рис. 7, 1). Под ними на глубине 299 см располагались еще две неравные линии янтарных бус (полев. № 10б; 18 экз.), рядом с которыми размещались три параллельные линии стеклянного бисера, лежащие на расстоянии 1 см друг от друга (полев. № 10г) (рис. 7, 2). Ряды бисера состояли из размещенных попарно бус пурпурного и белого стекла, чередующихся друг с другом. Под бисером на глубине 299–301 см был зафиксирован третий слой, который образовывали три параллельные линии плоских овальных стеклянных бусин (полев. № 10в; 37 экз.) (рис. 7, 3).

Рядом со скоплением ближе к позвоночнику у левой руки погребенной на глубине 302–304 см было обнаружено еще одно скопление разноцветного бисера (полев. № 10г) (рис. 5). Бусы лежали вокруг и под перстнем-печаткой из свинцово-оловянистого сплава (полев. № 12, гл. -302).

Здесь же на глубине 304 см располагалось еще одно скопление бисера (63 экз.) желтого, зеленого, сине-фиолетового, пурпурного и белого цвета (рис. 8). Украшения были обнаружены вместе с перстнем медного сплава с тканевой вставкой (полев. № 13 гл. -303) и пуговицей медного сплава (полев. № 18 гл. -303) (рис. 5). В канале бусин сохранились остатки льняных нитей, а между бусинами – остатки льняной ткани.

Исходя из такой стратиграфии находок, можно предположить, что янтарные и стеклянные бусы

и бисер – это украшение какого-то многослойного предмета.

У погребенной женщины благодаря сохранившимся волосам была реконструирована прическа, которая представляла собой одну косу, спускающуюся вниз по позвоночнику (Орфинская, 2009. С. 31). Исходя из места бус в погребении (они обнаружены в районе пояса погребенной справа от позвоночника, у правого локтя и у левой руки) (рис. 5), можно предположить, что они, возможно, являлись частью украшения этой косы, так

называемого косника или накосника⁶. Косники представляли собой довольно сложное украшение, куда входили стеклянные бусы, бисер, стеклярус, пуговицы из стекла и перламутра, металлические кольца или перстни, текстильные ленты. К бронзовому или кожаному колечку-держателю, вместо которого зачастую использовали металлические перстни, крепили низки бус, расшитую бисером жесткую основу из кожи или текстиля, которую украшали текстильными лентами, кистями из бус и бисера.

Литература

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 2008. Стеклянные бусы из раскопок в Москве // АП. Вып. 4. М.

Орфинская О.В., 2009. Исследования текстильных материалов из курганных погребений в кургане Холмы // Хижняков О.И. Отчет об охранных археологических раскопках одиночного кургана Холмы в Солнечногорском районе Московской области в 2008 году. Приложение 4. М. (На временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Петухов С.П., 1901. Стеклярус и бусы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т. XXXI-A (62).

Фараджеева Н.Н., 2008. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Рубленого города в г. Ярославле по адресу ул. Челюскинцев, стр. 2 в 2007 году. Раскоп «Рубленый город – I». // На временном хранении в ОПИ ИА РАН). М.

Хижняков О.И., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках одиночного кургана Холмы в Солнечногорском районе Московской области в 2008 году // На временном хранении в ОПИ ИА РАН. М.

Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Щапова Ю.Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.

Karklins K., 1993. The a Speo Method of Heat Rounding Drawn Glass Beads and its Archaeological Manifestation // Beads. Journal of the Society of Beads Researchers. 1993. Vol. 5. Ottawa.

Kidd K.E., Kidd M.A., 1970. A Classification System for Glass Beads for the Use of Field Archaeologists // Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History. 1. P. 45–89.

Sleen W.G.N. van der, 1973. A Handbook on Beads. Liege.

E.K. Stolyarova

Glass beads from the kurgan near Kholmy village

Summary

The article analyzes the 878 glass beads that have been found in the burial in the kurgan near Kholmy (Moscow oblast). Optical emission spectrography was used for studying the chemical composition of the beads.

They date to the 17th – first half of the 18th cc. and come from the Venetian and Dutch glass-making schools. The location of the beads in the grave allowed assuming that they had adorned the buried woman's braid.

⁶ Автор выражает глубокую признательность и искреннюю благодарность А.В. Алексееву, высказавшему предположение о принадлежности бус коснику и давшему подробные консультации.

А.Г. Векслер, Ю.А. Лихтер

Стеклянные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве

Среди многочисленных стеклянных изделий, найденных при работах Археологической службы г. Москвы, можно выделить небольшую группу предметов, чье назначение неизвестно (см. Приложение).

Диски

За время работ Археологической службы в Москве найдено восемь предметов дисковидной формы. У них плоское шаровидное усеченное дважды тулово; плоские поверхности вогнуты, край выпуклый, в центре, в небольшом углублении – утолщение. Диаметр 12–15 см, толщина – до 2 см. В центре – кольцо диаметром до 2,5 см, представляющее, вероятно, скол понтии – специального инструмента стекольщиков. Техника изготовления – вероятно, навивка в форму.

Первый был обнаружен при раскопках на Манежной площади (рис. 1, 2) в слое, датированном по монетам 1730–1760 гг. Он состоял из трех фрагментов. Диаметр – 12 см, толщина – 1,6 см. Цвет – желто-зеленый сильный, стекло прозрачное. Был проведен полук количественный спектральный анализ¹, позволивший установить химический тип стекла – Pb-Ca-Mg-Si-Al, краситель Fe_2O_3 и обесцвечиватель (окись марганца) (Векслер, Лихтер, 1997. Рис. 1, 4. С. 245).

Второй был обнаружен при раскопках на 1-м Кадашевском переулке, д. 4–6 (рис. 1, 1), также в слое XVIII в. Диаметр 15 см, толщина – 2,8 см. Цвет – желто-зеленый сильный темный, стекло прозрачное. Он был подвергнут количественному спектральному анализу². Химический тип стекла – K-Ca-Mg-Si-Al, краситель отсутствует, обесцвечиватель – окись марганца (MnO).

Третий обнаружен при раскопках на Большом Рогожском переулке, д. 12 (рис. 1, 3), в помойной яме конца XVIII в. Диаметр – 15 см, толщина 4,09 см, толщина края – 3,5 см. Цвет – желто-зеленый сильный темный, стекло полупрозрачное. Химический тип

стекла – K-Ca-Si, краситель Fe_2O_3 , обесцвечиватель отсутствует. Источник щелочей – в обоих случаях зола континентальных растений, источник щелочных земель – доломитизированный известняк.

Затем было выявлено еще пять подобных дисков: три экземпляра – при раскопках на Новинском бульваре в 2008 г. (рис. 1, 4), по одному – на Симоновском валу в 2007 г. и при раскопках на Гоголевском бульваре в 2005 г. (рис. 1, 5).

Назначение этих дисков неизвестно. В слоях XVI–XVII вв. европейских городов встречаются похожие предметы, однако они имеют полусферическую, а не дисковидную форму (Caune, 1994) (рис. 1, 6). Кроме того, подобный полусферический предмет был найден в 1989 г. в Москве во время работ Московской археологической экспедиции (Олейников, 1993. С. 32). Эти предметы отличаются также размерами – их диаметр до 10 см. К сожалению, Арвид Цауне, собравший сведения о подобных находках на территории Латвии, не проводил исследования состава стекла.

Полусферические стеклянные предметы, датированные XVI–XVII вв., в литературе интерпретируют как приспособления для разглаживания кружевных воротников, откуда и их название – гладилки. Находки более раннего времени Ю.Л. Щапова считает полужабрикатами (Щапова, 1989). Однако наши диски отличаются по форме, а также происходят из слоев XVIII в.

Для выяснения происхождения стекла, из которого изготовлены диски, мы рассмотрели химический состав трех из них. Стекло одного предмета оказалось бесщелочным, свинцовым. Два других относятся к классу K-Ca-Si. В качестве источника щелочного сырья в этом случае использовалась древесная зола, а источником щелочно-земельного сырья служил доломитизированный известняк. Такого рода стекла носят название поташного или богем-

¹ Полук количественный спектральный анализ выполнен аналитиком А.Б. Левштейн в НИИ реставрации (Москва).

² Количественные спектральные анализы этого и следующего образцов выполнены А.Н. Егорьковым в лаборатории археологической технологии ИИМК (Санкт-Петербург).

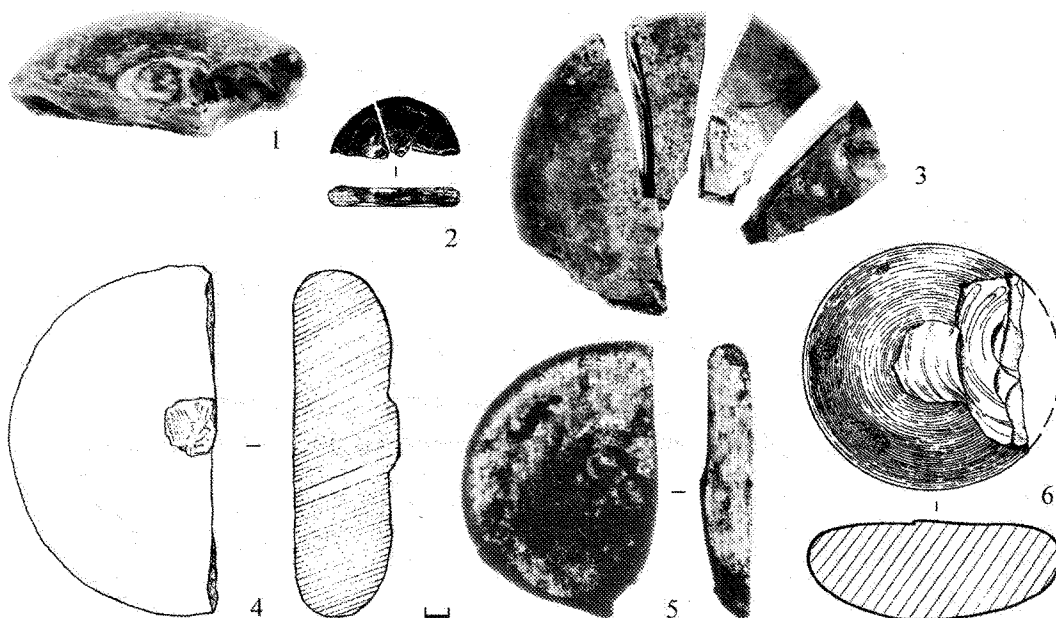

Рис. 1. Диски

1 – Кадашевский 1-й пер., д. 4–6; 2 – Манежная пл.; 3 – Рогожский Б. пер., д. 12; 4 – Новинский б-р, д. 8–10; 5 – Симоновский вал, вл. 4; 6 – Рига (по: *Caune*, 1994)

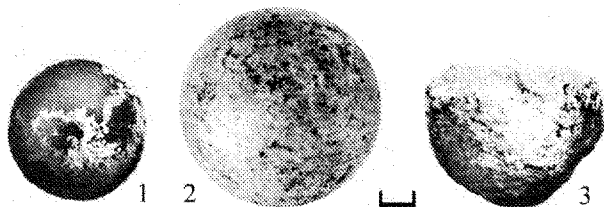

Рис. 2. Шары

1 – Чижевское подворье; 2 – Манеж; 3 – каменное ядро с Чижевского подворья

ского хрусталя и характерны для европейского – голландского, германского, богемского – стеклоделия XVI–XVIII вв. (*Ашарина*, 1998. С. 209). По утверждению Н.А. Ашариной, в Богемии такие стекла вошли в употребление с 1670-х годов. Рассмотрев состав гладилки, опубликованной О.М. Олейниковым (1993. С. 32), мы нашли, что он также относится к этому классу. Гладилка, опубликованная Ю.Л. Щаповой, относится к классу K-Pb-Ca-Si. В связи этим трудно согласится с О.М. Олейниковым, который датирует свою «гладилку» к X в. По-видимому, так же, как и наши диски, «гладилка» с Красной площади не может быть датирована временем ранее конца XVII в.

Шары

Следующая категория предметов – шары. В Москве найдено два шара из темного непрозрачного стекла, покрытого слоем коррозии и иризации, диаметром чуть больше 4 см: на Чижевском подворье в 2002 г. (рис. 2, 1) и на Манеже в 2004 г. (рис. 2, 2). Оба происходят из слоев XVIII в.

Шары были выдуты, вероятно, с использованием простой формы, так называемого долока. Перед отшибанием трубки отверстие было запаяно.

Один из них шаров был отправлен на анализ. При взятии пробы шарик раскололся, что и дало возможность установить его строение и технику изготовления. Он оказался полым, с толстыми стенками – 0,68 см. Химический тип стекла – K-Ca-Si, однако содержание основных стеклообразующих значительно понижено по сравнению с другими стеклами этого типа.

Источник щелочей – зола континентальных растений, щелочных земель – доломитизированный известняк. Так же как и у дисков, стекло относится к поташным стеклам.

Подобные шарики изредка встречаются в поздних слоях, как в Москве, так и в других городах: один, по сообщению И.Н. Кузиной, происходит из раскопок в Зарядье в Москве; другие найдены в Дмитрове в 2002 г. (сообщение Е.К. Столяровой); в Омской области при исследовании русского поселения XVII–XVIII вв. Ананьина (сообщение Н.П. Довгалюк) и в Липецке, также в слоях XVIII в. (*Лихтер*, 2010. С. 358).

Возможно, эти шары являются ничем иным как ядрами для метательных орудий. Подтверждением тому может служить найденный на Чижевском подворье рядом со стеклянным шариком схожий с ним по размерам каменный, определенный специалистами как ядро (рис. 2, 3). При обсуждении доклада было высказано мнение, что эти шары могли использоваться и в детских играх. Однако известные мне шары-игрушки меньше размером и сделаны из яркого цветного стекла, как, например, шарик, найденный при раскопках на ул. Маршала Шапошникова.

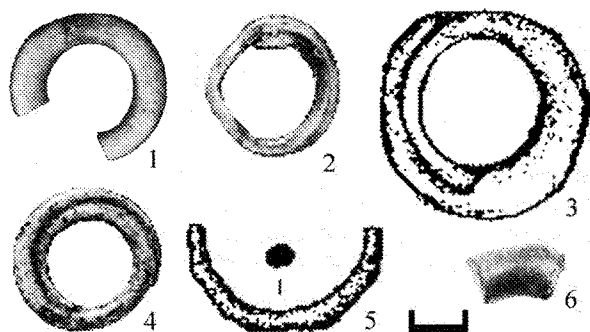

Рис. 3. Колечки

1 – Кропоткинская наб.; 2–3 – Манеж; 4–5 – Манежная пл.

Колечки

Колечки небольшого диаметра, свитые из тонкой прозрачной стеклянной нити, найдены в разных частях исторического центра Москвы.

1. Кропоткинская набережная, раскопки 1992 г. (рис. 3, 1). Гладкий, по всей вероятности, сомкнутый обруч. Диаметр кольца – 2,77 см, толщина нити – 0,71 см. Цвет бежевый сильный темный, стекло непрозрачное. Нить была вытянута и сомкнута.

2. Манеж, раскопки 2004 г. (рис. 3, 2). Диаметр кольца – 1,81 см, толщина нити – 0,25 см. Колечко свито в полтора оборота, поэтому общая толщина обруча оказалась 0,37 см. Один конец нити расплюснен и имеет форму плоского эллипса шириной 0,61 см и толщиной 0,18 см. Цвет серо-голубой средний, стекло прозрачное, ирризация по всей поверхности.

3. Манеж, раскопки 2004 г. (рис. 3, 3). Диаметр кольца – 1,99 см, толщина нити – 0,39 см. Колечко свито в полтора оборота, поэтому общая толщина обруча составляет 0,48 см. Один конец нити расплюснен и имеет форму плоского эллипса шириной 0,61 и толщиной 0,18. Стекло серо-голубого сильного цвета, прозрачное, с коррозией по всей поверхности.

4. Манежная площадь, раскопки 1993–1994 гг. (рис. 3, 4). Диаметр кольца – 1,2 см, толщина обруча – 0,5 см. Колечко свито в полтора оборота, концы нити заострены. Цвет установить нельзя, коррозия покрывает всю поверхность предмета.

Рис. 4. Привеска с ул. Гиляровского

5. Манежная площадь (рис. 3, 5). На наружной поверхности видны грани. Поскольку кольцо сохранилось не полностью, трудно сказать, было ли оно сомкнутым. Диаметр кольца – 1,95 см, толщина – 0,25 см. Цвет сине-фиолетовый сильный светлый, стекло прозрачное. По-видимому, прут кольца был вытянут, а затем на нем были вышлифованы грани.

6. Улица Ильинка (Теплые ряды), раскопки 2008 г. Фрагмент стеклянного кольца. Наружный диаметр – 1,3 см; внутренний диаметр 1,1 см; высота 0,61 см; ширина 0,92 см. Стекло непрозрачное, покрыто слоем коррозии. Цвет неопределенно темный. Выполнено в технике вытягивания.

Гири

Еще одной любопытной находкой можно считать стеклянную подвеску или гирию, найденную при работах на ул. Гиляровского, д. 2–4 в 2007 г. (рис. 4). Форма – цилиндр, чуть-чуть суживающийся кверху, в верхний торец вделано металлическое ушко. Диаметр 4 см, высота 12 см, цвет – сине-зеленый сильный светлый, стекло прозрачное. По сообщению Н.Е. Персова, аналогичные гири встречаются на часах с кукушкой из Шварцвальда.

Литература

Ашарина Н.А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX вв. М.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 1997. Новые находки стеклянных изделий в Москве (раскопки на Манежной площади 1993–1994 годов) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.

Лихтер Ю.А., 2010. Позднесредневековые стеклянные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // АП. Вып. 6. М.

Олейников О.М., 1993. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия // КСИА. Вып. 208.

Щапова Ю.Л., 1989. Некоторые предметы средневекового стеклоделия в свете новых данных. («Гладилка» из Новгорода) // СА. № 4.

Caune A., 1994. 16.–17. gs Gludināstiklu atradumi Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. Rīga. 17. laid.

A.G. Veksler, Yu.A. Likhter
Glass artifacts of unknown destination found in the course
of archaeological excavations in Moscow

Summary

The article tells of the artifacts of unknown destination which have been found during excavations by the Moscow Archaeological Service. The objects include discs (12–15 cm in diameter and up to 2 cm thick), balls (4 cm

in diameter), rings (up to 2 cm in diameter) and a glass pendant weight. The discs, balls and rings have been found in the 18th-century layers, and the weight has been found in the layer from the late 19th – early 20th cc.

Приложение

Таблица 1. Список находок из стекла.

№ рис.	Категория	Объект	Год	Раскоп	№ п/оп
1, 1	Диск	Кадашевский 1-й пер., 4–6	1996	02	с038
1, 2	Диск	Манежная пл.	1993	08	108
1, 3	Диск	Б. Рогожский пер., 12	2002	3Н	41
1, 5	Диск	Симоновский вал, вл. 4	2007		034
1, 4	Диск	Новинский б-р, 8–10	2008	3Н	146
–	Диск	Новинский б-р, 8–10	2008	3Н	154
–	Диск	Новинский б-р, 8–10	2008	3Н	155
–	Диск?	Гоголевский б-р, д. 12, стр. 2, 3; д. 14, стр. 4	2005	3Н	028
–	Шар	Маршала Шапошникова ул.	1989	02	136
2, 1	Шар	Чижевское подворье	2002	01	12
2, 2	Шар	Манеж	2004	07	375
3, 1	Кольцо	Кропоткинская наб., 9–11	1992	03	003
3, 2	Кольцо	Манеж	2004	03	038
3, 3	Кольцо	Манеж	2004	03	080
3, 4	Кольцо	Манежная пл.	1993	01	018
3, 5	Кольцо	Манежная пл.	1993	01	018
–	Кольцо	Ильинка ул. (Теплые ряды)	2008	01	1100

Таблица 2. Результаты анализа химического состава стекла.

№ рис.	Категория	№ анализа	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	PbO	TiO ₂
1, 2	Диск	32			2	1	3	2	3	3	
1, 1	Диск	752-32	0,08	4,00	12,00	2,00	2,10	0,20	0,40		0,30
1, 1	Диск	809-54	1,20	3,00	8,00	3,50	3,20	0,70	0,80		0,20
1, 3	Диск	752-33	0,80	2,80	10,00	1,30	1,60	0,90	0,04		0,30
2, 1	Шар	752-36	0,02	2,40	5,30	0,60	0,40	0,07	0,04		0,10

Примечание: во второй строке приведены данные полуколичественного анализа, где цифры обозначают ранг концентрации: 1 – очень большое содержание; 2 – большое; 3 – среднее содержание.

Таблица 3. Интерпретация результатов анализа химического состава стекла.

№ рис.	Тип	Краситель	Обесцвечиватель	Источник щелочей	Источник щелочных земель	Аналитический метод
1, 2	Pb-Ca-Mg-Si-Al	Fe	Mn	–	нет сведений	спектральный полуколичествен.
1, 1	K-Ca-Mg-Si-Al	–	Mn	зола континент. раст.	доломит. известняк	спектральный количественный
1, 1	K-Ca-Si	Fe	–	зола континент. раст.	доломит. известняк	спектральный количественный
1, 3	K-Ca-Si (?)	–	–	зола континент. раст.	доломит. известняк	спектральный количественный

Евтеев А.А.

Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа

Некрополь располагался на возвышенном участке левого берега р. Москвы, напротив Звенигорода. Село Козино известно, по крайней мере, с XIV в., и, начиная с этого времени, на некрополе совершались погребения. Использование кладбища (возможно, с большими перерывами) продолжалось до конца XVIII столетия, а прекращение его функционирования надежно маркируется появлением построек начала XIX в. непосредственно на территории кладбища.

Антропологический материал некрополя делится на две части: останки из погребений *in situ* и переотложенный материал. Первая часть имеет надежную и достаточно узкую датировку (согласно особенностям медных крестов и других сопровождающих находок) – середина и вторая половина XVIII в. Возможно, дальнейшая интерпретация археологических материалов памятника даст еще более точную датировку. Это – классическое сельское кладбище при церкви, характеризующееся очень высокой плотностью погребений (вполне вероятно, территория кладбища была ограничена). В ходе раскопок вскрыто около 370 погребений этого периода. Переотложенный материал был представлен более чем 200 черепами различной сохранности. Частично этот материал принадлежит к тому же периоду, что и погребения *in situ*, но, несомненно, какая-то часть его относится к раннему времени, скорее всего – XIV–XVI вв. Одной из задач антропологического исследования материала было получение дополнительных аргументов для возможной датировки переотложенного материала путем сопоставления его с материалом из погребений.

Антропологические материалы кладбища XVIII в. представляются во многом уникальными, в том числе по своей численности и сохранности. Но главное – это едва ли не единственная серия, узко датированная и представляющая локальную группу (популяцию) великорусского сельского населения данного периода и данной территории – прямых предков современного населения Центральной России. Конечно, кладбище крупного села, расположенное при церкви, всегда служило местом захоронения людей из ближайших мелких населенных пунктов (Чижикова, 2005. С. 211), но по сравнению

с другими сериями, по которым составляется представление о краниологии великороссов, козинская выборка, несомненно, может считаться локальной. Опубликованные В.П. Алексеевым серии русских в основном сборные с огромной территории (зачастую это судебно-медицинские коллекции) и относятся к XIX–XX вв. (Алексеев, 1969). Значительная часть этих материалов представляет городское население. Крупные серии Себежа и Старой Ладogi, датируемые XVII–XVIII вв., относятся к населению западных областей. Многие хронологически близкие материалы представляют городское население и имеют при этом неопределенную или широкую датировку: Москва, Дмитров, Казань, Великий Новгород, Псков, Иркутск и др. (Пежемский, 2000, Дубов, Дубова, 2000). Учитывая, что население Российской империи данного периода было сельским на 85–90%, такой подбор материала выглядит не вполне репрезентативным. Об антропологии русского сельского населения XVIII–XIX вв. данных очень мало.

В смысле морфологического краниологического исследования это интереснейший объект. С одной стороны, никаких мощных миграционно-ассимиляционных процессов на этой территории в рассматриваемый период уже не происходит, великорусское население сложилось и оформилось еще два-три века назад (Александров, Тишков, 2005). Возникает вопрос, в какой степени этот период культурной гомогенности и миграционной стабильности привел к «унификации» морфологического облика населения? В данном случае «метисационную» версию морфологического полиморфизма можно исключить и с полным основанием сделать акцент на другие факторы. XVIII в. – время активного освоения Урала и Сибири, Пугачевского восстания, завоевания Крыма и Таврии, покорения киргиз-кайсацкой орды. Известно, что «поток генов» в этот период имел место в обоих направлениях, хотя и с разной интенсивностью.

Серия из Козино в каком-то смысле замыкает хронологическую линию выборок с территории Подмосковья (Никольское XV–XVI вв. – Спас-Тушино и Дмитров XVI–XVII вв. – Козино) и позволяет проследить эпохальные изменения антропологического

облика населения при переходе от позднего Средневековья к Новому времени.

Исследование проводилось по сокращенной стандартной программе (Алексеев, Дебец, 1964). Средние значения краниометрических признаков, величины стандартных отклонений и численности наблюдений приведены в таблицах 1 и 2.

Мужские черепа обеих частей серии характеризуются крупной умеренно брахикранной черепной коробкой, из трех основных размеров 1 и 17 в пределах средних, а 17 – больших значений. Размеры лицевого скелета средние, хотя скуловая ширина ближе к большим значениям. Высота глазницы малая. Обращают внимание крупные размеры носовых костей, как ширины, так и высоты. Угол выступания носа средний. Велика угловая ширина нижней челюсти – на границе больших и очень больших величин по Алексееву и Дебецу (1964).

Можно видеть, что существенных морфологических отличий между материалом из погребений и переотложенным не наблюдается. Во второй группе несколько более крупная и удлинённая черепная коробка. В обеих группах наблюдается повышенная вариабельность ряда признаков, что проявляется в завышении величин стандартных отклонений по сравнению со средними значениями этих параметров (Алексеев, Дебец, 1964). Учитывая большую численность выборки, это позволяет достаточно уверенно говорить о морфологической неоднородности группы. Особенно велики стандартные отклонения угла выступания носа.

Краниометрическая характеристика женской части выборки очень сходна с таковой у мужчин: брахикранная черепная коробка немного крупнее среднего, средней высоты широкое лицо, крупные носовые кости, среднее выступание носа. Как и в случае мужских черепов, две части выборки очень сходны. Интересно, что направление существующих небольших отличий также аналогично: в выборке переотложенного материала мозговая капсула несколько крупнее и менее брахикрана. Также наблюдается завышение значений стандартных отклонений, хотя и несколько меньшего числа признаков, чем у мужчин. Как и у последних, особенно высокой вариабельностью отличается угол выступания носа.

Учитывая явную морфологическую неоднородность мужской части выборки, был проведен внутригрупповой анализ методом главных компонент (ГК) (Дерябин, 2008), результаты которого представлены на рисунке 1 и 2.

Как можно видеть, ГК1 (32,5% изменчивости) анализа связана с изменчивостью носовых костей и переносья, что выглядит закономерным, учитывая отмечавшуюся высокую вариабельность угла выступания носа в выборке. Значительная часть индивидов обеих подгрупп (погребения и переотложенный материал) находится в области средних значений ГК1, т. е. обладает средним по меркам группы выступанием носовых костей и переносья. На фоне этого в области малых значений ГК1

виден отчетливый кластер, то есть определенная часть группы обладала значительно ослабленным развитием костного носа, и по этому показателю наблюдается определенный «разрыв постепенности» морфологической изменчивости. Также выделяется, хотя и чуть менее ярко, кластер в области больших значений ГК1.

По значениям ГК2 (13,4%), связанной с продольным и высотным диаметрами мозговой коробки и шириной переносья, дифференциация менее выражена, хотя и здесь наблюдаются небольшие кластеры, выпадающие из «облака». В целом нужно отметить, что, несмотря на культурную гомогенность изучаемой группы и отсутствие в ней, по всей видимости, серьезного потока генов извне, назвать ее морфологически однородной никак нельзя. Уровень изменчивости вполне сопоставим с заведомо неоднородными группами (Газимзянов, 2001; Евтеев, 2006; 2007).

Интересно распределение на графике черепов из переотложенного материала. С одной стороны, оно подтверждает отмечавшееся при анализе средних сходство с материалом из погребений, с другой – гораздо ярче выражены отличия. Так, в области больших значений ГК1, где находится достаточно много черепов из погребений, лишь два черепа из переотложенного материала. «Европеизация» (т. е. усиление профилировки переносья, носовых костей) русского населения в позднем Средневековье отмечалась Т.И. Алексеевой (2005б. С. 73). В остальном распределение значений ГК1 очень напоминает общую закономерность: выделяется отчетливый кластер в области малых величин новой переменной.

В области больших значений ГК2 существует ясно выраженное скопление, куда входят практически только черепа из переотложенного материала. Таким образом, в рамках этой части выборки существовал морфологический компонент, который не прослеживается в сохранившихся погребениях. Его отличительной чертой является относительная длинноголовость, большая высота свода черепа, большая ширина переносья, а также среднее выступание носовых костей. Таким образом, отличия двух частей серии, в остальном очень сходных, видимо, связано именно с наличием этого своеобразного компонента. Его морфологическая характеристика напоминает черты относительно ранних славянских групп, постепенно исчезающие в позднесредневековом населении (Алексеев, 1969; Алексеева, 1973; 2005а. С. 60; 2005б. С. 73; Пежемский, 2000). Наличие в составе переотложенного материала из некрополя с. Козино черепов периода до XVIII в. подтверждается, но каков их процент в общем массиве, еще предстоит выяснить путем коннексии данных археологии и антропологии.

На рисунке 2 представлен график распределения индивидов в поле ГК2 и ГК3 (13,4 и 12,9 % изменчивости). ГК3 включает все широтные размеры головы и лица. Как и на рисунке 1, хорошо видна неоднородность группы, особенно переотложенного материала.

Таблица 1. Значения краниометрических признаков в мужской части краниологической серии из некрополя с. Козино.

Признак и его номер	Погребения			Переотложенный материал		
	X	N	S	X	N	S
1. Продольный диаметр	179,4	87	6,6	182,8	32	6,2
8. Поперечный диаметр	146,3	88	5,8	147,4	32	5,7
8/1	81,7	86	4,0	80,7	32	3,8
17. Высотный диаметр	135,5	84	4,9	136,7	30	5,1
5. Длина основания черепа	101,0	82	4,0	102,2	29	4,2
9. Наименьшая ширина лба	98,2	89	4,1	99,9	33	4,1
11. Ширина осн. черепа	126,6	83	4,9	126,2	29	5,5
29. Лобная хорда	111,9	89	5,0	113,4	32	5,0
Высота изгиба лба	25,4	88	2,7	26,4	32	2,6
Указатель выпуклости лба	22,6	88	2,0	23,3	32	2,0
30. Теменная хорда	111,7	88	6,1	114,3	31	7,3
Высота изгиба теменной кости	25,5	88	2,9	26,1	31	3,3
Указатель выпуклости теменной кости	22,8	88	2,0	22,8	31	1,9
31. Затылочная хорда	95,1	81	4,6	95,6	29	4,4
Высота изгиба затылка	26,7	80	7,7	26,9	29	3,2
Указатель выпуклости затылка	28,0	80	7,9	28,1	29	3,4
26. Лобная дуга	127,4	88	6,6	130,4	29	6,3
27. Теменная дуга	125,9	87	7,6	129,1	28	9,4
28. Затылочная дуга	113,3	80	6,5	114,7	27	5,5
45. Скуловая ширина	134,8	76	5,1	135,6	26	5,5
40. Длина основания лица	97,0	68	4,8	97,8	22	6,0
48. Верхняя высота лица	69,9	73	3,9	70,0	27	3,3
48/45	51,2	71	6,8	51,7	25	3,2
43. Верхняя ширина лица	106,0	78	4,2	107,0	27	3,5
46. Средняя ширина лица	96,5	78	6,2	97,1	26	4,6
60. Длина альвеол. дуги	52,9	53	3,4	54,6	13	4,5
61. Ширина альвеол. дуги	61,7	53	3,5	62,7	13	2,9
55. Высота носа	50,6	78	3,2	50,7	28	2,3
54. Ширина носа	24,8	77	1,9	24,8	27	1,7
54/55	49,3	77	3,6	49,1	27	3,4
51. Ширина глазницы	40,6	78	1,7	40,5	28	1,6
52. Высота глазницы	31,9	78	2,2	31,6	28	2,0
52/51	78,7	78	5,5	78,2	28	5,9
Расстояние fmo-fmo	98,6	76	3,7	99,3	25	3,2
Высота nasion над fmo-fmo	18,1	76	2,1	18,1	25	2,1
77. Назомаллярный угол	139,7	76	4,3	140,0	25	3,7
Зигомаксиллярная ширина	96,1	76	5,8	96,7	25	4,7
Высота subspinale над zm-zm	23,0	76	2,8	23,0	25	2,2
ZM. Зигомаксиллярный угол	128,9	76	4,7	129,2	25	3,7
SC. Симотическая ширина	10,5	79	2,0	10,5	27	2,2
SS. Симотическая высота	4,8	79	1,2	4,7	27	1,0
SS/SC	45,7	79	10,1	46,3	27	10,7
MC. Максиллофронтальная ширина	22,3	79	2,2	23,2	27	2,4
MS. Максиллофронтальная высота	9,5	79	1,3	9,6	27	1,0
MS/MC	43,2	79	7,4	41,7	27	5,4
DC. Дакриальная ширина	22,8	78	2,6	23,9	26	2,4
DS. Дакриальная высота	12,7	78	1,5	13,1	26	1,4
DS/DC	56,3	78	9,0	55,4	26	8,0
Глубина клыковой ямки	-5,3	76	1,8	-4,4	26	1,7
75(1). Угол выступания носа	27,4	62	9,1	27,1	19	8,5
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	32,7	83	3,1			
65. Мыщелковая ширина н/ч	122,9	67	7,1			
66. Угловая ширина н/ч	108,2	79	5,7			
67. Передняя ширина н/ч	46,5	83	2,6			
69. Высота симфиза н/ч	34,0	77	3,3			
69(1). Высота тела н/ч	32,2	65	2,7			
69(3). Толщина тела н/ч	11,7	81	1,5			

Примечание: X – среднее значение признака; N – число наблюдений для данного признака; S – стандартное отклонение признака.

В столбце «X» жирным выделены признаки, значения которых существенно отличаются в сериях из погребений и переотложенного материала.

В столбце «S» жирным выделены значения стандартных отклонений, превышающие пределы средних величин (Алексеев, Дебец, 1964), подчеркнуты – резко превышающие. Курсивом выделены те признаки, для которых данные отсутствуют или не рассматривались.

Таблица 2. Значения краниометрических признаков в женской части краниологической серии из некрополя с. Козино (см. примечание к табл. 1).

Признак и его номер	Погребения			Переотложенный материал		
	X	N	S	X	N	S
1. Продольный диаметр	171,5	58	6,1	174,2	28	4,8
8. Поперечный диаметр	141,7	53	5,2	142,8	27	5,7
8/1	83,0	53	4,0	82,1	27	3,9
17. Высотный диаметр	130,1	58	4,9	131,4	27	4,6
5. Длина основания черепа	96,6	59	4,2	97,1	29	3,6
9. Наименьшая ширина лба	95,5	68	3,9	95,8	32	3,3
11. Ширина осн. черепа	121,8	56	4,3	121,7	29	4,9
29. Лобная хорда	107,1	62	5,1	108,5	27	4,1
Высота изгиба лба	25,7	62	2,8	26,0	27	2,6
Указатель выпуклости лба	24,0	62	2,3	24,0	27	1,9
30. Теменная хорда	106,9	57	5,5	109,7	27	5,5
Высота изгиба теменной кости	23,9	54	2,7	24,7	26	2,3
Указатель выпуклости теменной кости	22,3	54	2,1	22,6	26	1,7
31. Затылочная хорда	93,1	51	5,6	93,7	25	4,1
Высота изгиба затылка	25,2	51	3,0	25,3	25	3,4
Указатель выпуклости затылка	27,1	51	3,2	27,0	25	3,3
26. Лобная дуга	122,6	61	6,4	124,4	25	5,5
27. Теменная дуга	120,2	54	6,5	122,8	24	6,4
28. Затылочная дуга	110,4	51	6,9	111,0	23	6,3
45. Скуловая ширина	127,0	59	4,7	126,2	27	5,0
40. Длина основания лица	92,7	53	5,0	92,8	26	3,8
48. Верхняя высота лица	65,5	62	3,3	65,0	30	3,9
48/45	51,7	56	3,1	51,7	27	3,6
43. Верхняя ширина лица	102,0	64	3,9	102,3	30	3,4
46. Средняя ширина лица	93,2	61	5,2	92,1	28	4,4
60. Длина альвеол. дуги	50,0	44	3,0	50,3	18	2,9
61. Ширина альвеол. дуги	59,6	44	3,3	60,3	18	3,0
55. Высота носа	47,9	63	2,5	47,4	31	2,4
54. Ширина носа	24,4	63	1,6	24,1	29	1,8
54/55	51,1	63	4,2	50,8	29	4,5
51. Ширина глазницы	39,4	62	1,6	39,7	30	1,6
52. Высота глазницы	31,4	62	1,9	31,8	30	1,9
52/51	79,7	62	5,1	80,1	30	3,8
Расстояние fmo-fmo	94,8	62	4,1	94,9	30	3,7
Высота nasion над fmo-fmo	16,7	62	1,7	16,6	30	2,2
77. Назомаллярный угол	141,2	62	3,6	141,5	30	4,6
Зигомаксиллярная ширина	92,2	60	4,8	92,1	28	4,6
Высота subspinale над zm-zm	21,3	60	2,6	21,3	28	3,2
ZM. Зигомаксиллярный угол	130,5	60	5,3	130,5	28	5,7
SC. Симотическая ширина	10,2	62	2,0	9,7	29	1,6
SS. Симотическая высота	3,8	62	0,9	3,7	29	1,1
SS/SC	37,6	62	9,1	38,1	29	11,0
MC. Максиллофронтальная ширина	21,8	61	2,5	21,1	29	1,9
MS. Максиллофронтальная высота	8,1	61	1,0	8,4	29	1,0
MS/MC	37,8	61	6,3	39,9	29	5,4
DC. Дакриальная ширина	22,4	61	2,8	21,9	29	2,0
DS. Дакриальная высота	11,6	61	1,0	11,5	29	0,8
DS/DC	52,2	61	7,2	52,9	29	6,0
Глубина клыковой ямки	-4,2	60	1,5	-3,8	30	1,5
75(1). Угол выступания носа	23,1	54	7,3	21,5	21	6,5
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	30,5	63	2,6			
65. Мыщелковая ширина н/ч	116,5	52	6,5			
66. Угловая ширина н/ч	96,8	62	6,3			
67. Передняя ширина н/ч	44,4	64	2,2			
69. Высота симфиза н/ч	29,8	57	2,6			
69(1). Высота тела н/ч	29,1	53	2,9			
69(3). Толщина тела н/ч	11,0	63	1,2			

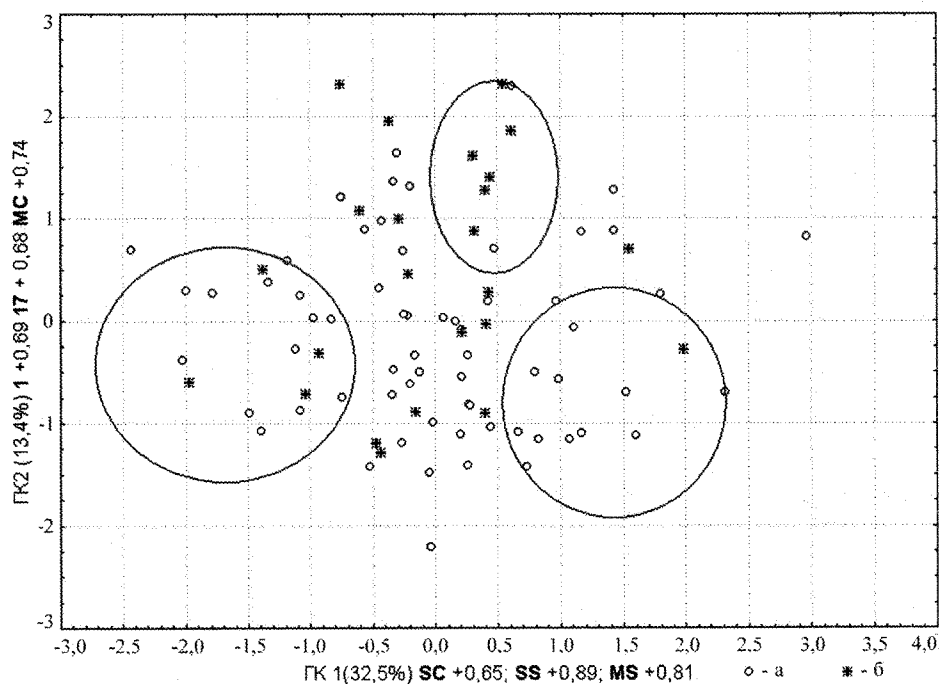

Рис. 1. Мужские черепа: погребения и переотложенный материал.
 Признаки: 1, 8, 17, 45, 48, 46, 55, 54, 51, 52, SC, SS, MC, MS. 88 индивидов
 а – материал из погребений; б – переотложенный материал

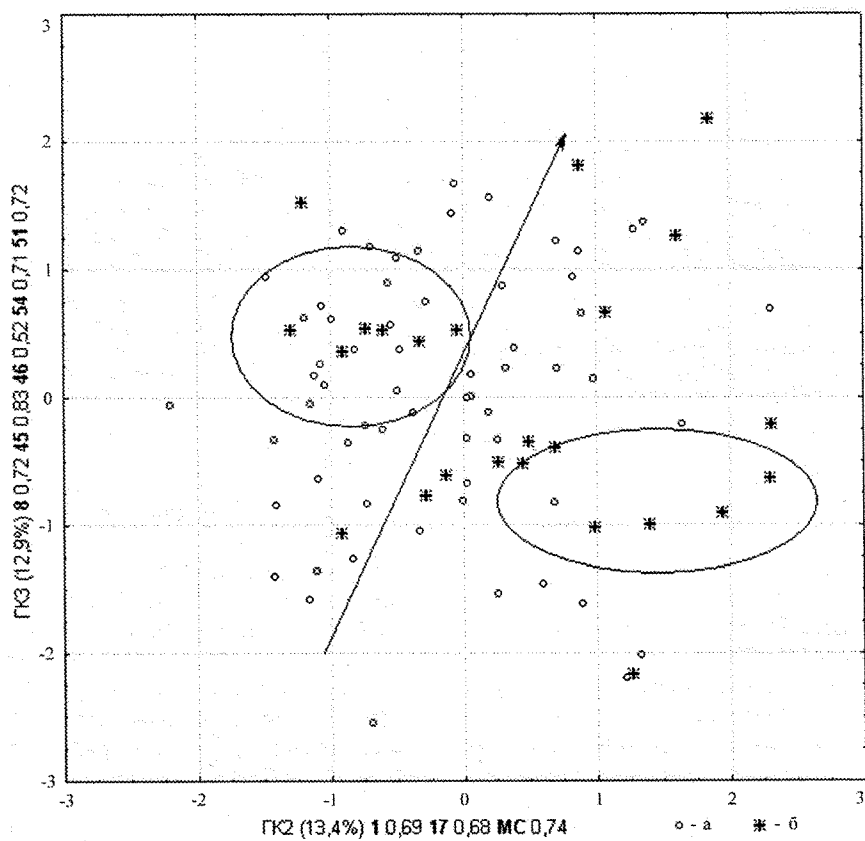

Рис. 2. Мужские черепа: погребения и переотложенный материал.
 Признаки: 1, 8, 17, 45, 48, 46, 55, 54, 51, 52, SC, SS, MC, MS. 88 индивидов
 а – материал из погребений; б – переотложенный материал

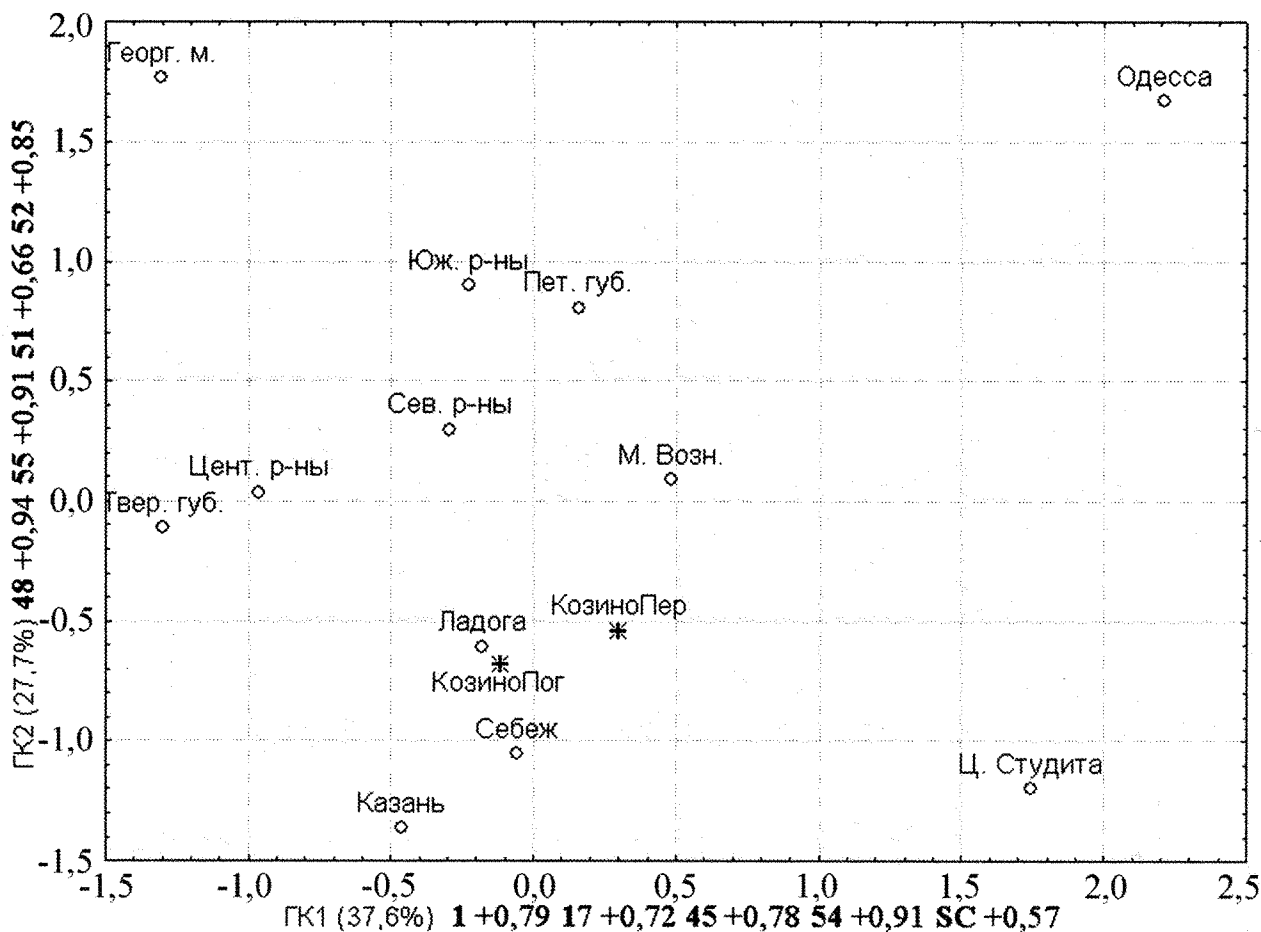

Рис. 3. Межгрупповой анализ. Мужские черепа.

Признаки: 1, 8, 17, 45, 48, 55, 54, 51, 52, SC, SS, MC, MS. 14 групп

Серии русских XIX–XX вв. (по: Алексеев, 1969): «Пет. губ.» – Петербургская губерния; «Сев. р-ны» – северные районы России; «Твер. губ.» – Тверская губерния; «Цент. р-ны» – центральные районы России; «Юж. р-ны» – южные районы России (Центральный Черноземный район); «Одесса» – русские кладбища Одессы и Крыма. *Серии русских XVII–XVIII вв.* (по: Алексеев, 1969): «Ладога» – г. Старая Ладога Новгородской области; «Себеж» – г. Себеж Псковской области; «Казань» – русское кладбище Казани. *Серии кладбищ г. Москвы* (по: Дубов, 2000): «Георг. м.» – Георгиевский монастырь, XVIII в.; «Ц. Студита» – некрополь церкви Федора Студита у Никитских ворот, XVII–XVIII вв.; «М. Возн.» – яма с костями около церкви Малое Вознесение, XVII–XVIII вв. *Материалы из некрополя с. Козино*: «КозиноПог» – материал из погребений; «КозиноПер» – переотложенный материал

ла, который на данном графике образует три-четыре удаленных друг от друга кластера. Вновь выделяется кластер черепов этой выборки в области больших значений ГК2.

Был проведен межгрупповой анализ для определения места, которое занимают серии из некрополя Козино среди близких по времени групп великорусского населения (конец XVII – начало XX в.). Такой сравнительный анализ был особенно интересен, учитывая подбор сравнительного материала, представленный в литературе (см. выше). Из всех использованных выборок, лишь серии из Себежа и Старой Ладоги относятся к популяции конкретных населенных пунктов, при этом не являющихся крупными городами. Результаты представлены на рисунках 3 и 4.

Первое, что можно отметить, анализируя график межгруппового анализа, – это близость двух частей козинской выборки друг другу. На фоне сравнения с другими сериями отличия материала из погребений и переотложенного выглядят незначительными.

В целом наблюдается довольно существенный разброс выборок, особенно учитывая существующие представления об антропологической однородности великороссов (Алексеев, 1969; Алексеева, 2005а. С. 60; Дерябин, 1999). Три московские группы и серия из кладбищ Одессы и Крыма занимают обособленное положение, остальные выборки распадаются на два кластера:

1) сборные выборки, использованные В.П. Алексеевым при написании классической обобщающей работы (Алексеев, 1969);

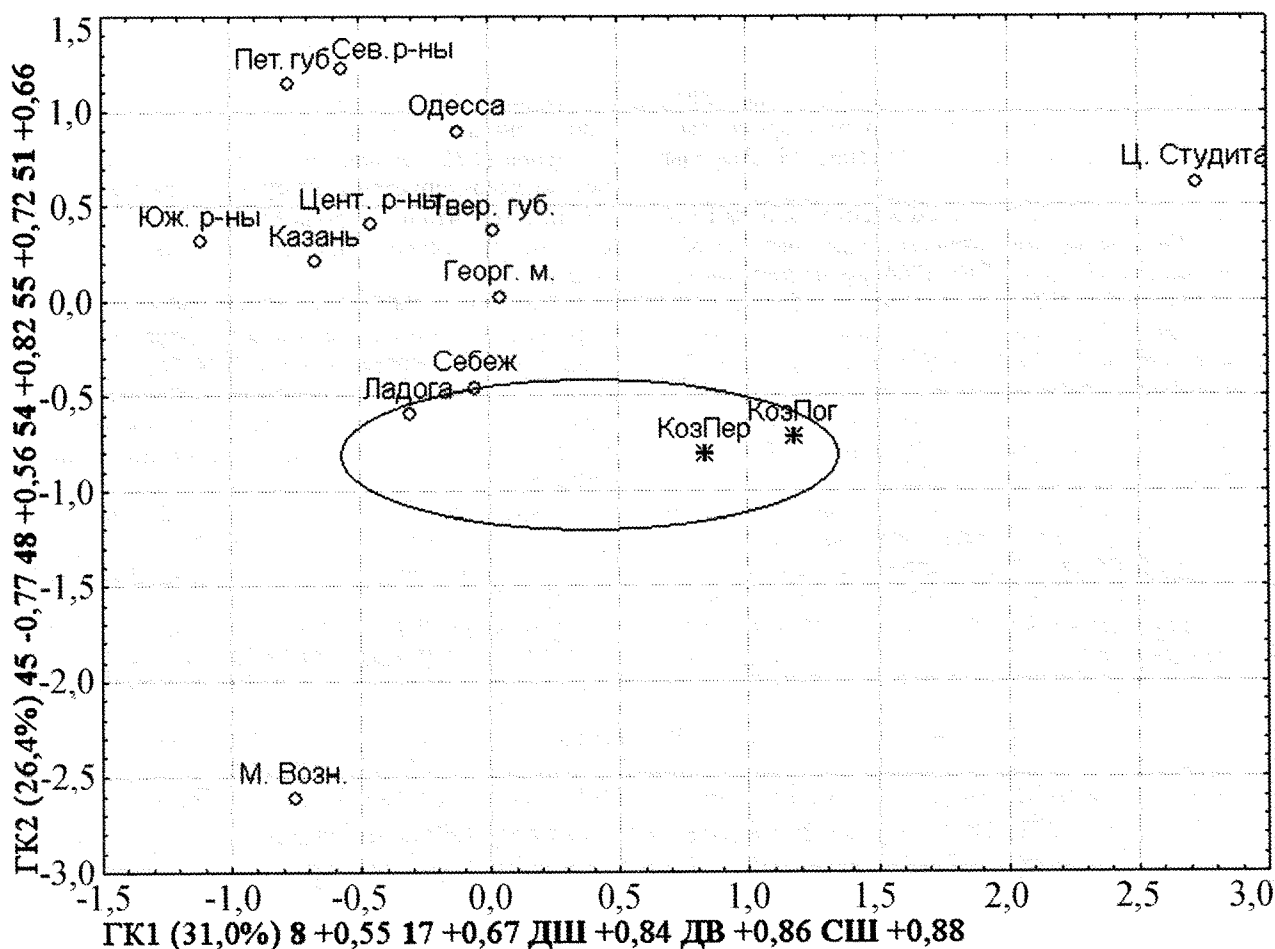

Рис. 4. Межгрупповой анализ. Женские черепа.
Признаки: 1, 8, 17, 45, 48, 55, 54, 51, 52, SC, SS, MC, MS. 14 групп
(см. пояснение к рис. 3)

2) серии из Козино, две серии из небольших городов Северо-Запада России (Старая Ладога и Себеж), а также серия из Казани.

Хотя морфологические отличия населения Москвы и Подмоскovie хорошо заметны, интересной представляется близость одной из московских серий (Малое Вознесение) к сериям из Козино. Сходство последних с выборками из малых городов Северо-Запада выглядит закономерным, учитывая недавнее крестьянское происхождение и образ жизни этих горожан, а также согласуется с путями заселения восточнославянских земель (Алексеева, 1973).

Труднее интерпретировать положение сборных серий, изученных В.П. Алексеевым. Они в равной мере отличаются от всех выборок Москвы, Казани и Одессы (т. е. крупных городов) и, с другой стороны, от выборок сельского населения и жителей малых городов. При этом все пять сборных серий близки друг другу, несмотря на разное географическое происхождение. Если рассматривать только эти пять выборок, то вывод об однородности великорусского населения напрашивается, но пред-

ставляется весьма вероятным, что наблюдаемое распределение во многом связано со спецификой этих выборок. Входящие в них индивиды — самых разных лет рождения — происходили из множества населенных пунктов, являясь жителями и городов, и сел. Важно отметить, что стандартные отклонения многих признаков в этих сериях резко завышены (Алексеев, 1969).

Результаты межгруппового анализа женских серий дают несколько другие результаты (рис. 4), но по-прежнему наиболее близкими к выборкам из Козина остаются группы Себежа и Старой Ладобы, а сами козинские выборки морфологически очень сходны. Их своеобразие на фоне других серий выражено сильнее, чем у мужских черепов.

Несомненно, полученные результаты нуждаются в дальнейшем более тщательном анализе, но можно утверждать, что изучение материалов сельских могильников с четкой географической локализацией существенно изменит представления о краниологическом облике великороссов XVIII–XIX вв., сложившиеся на основе анализа сборных и городских серий.

Литература

- Александров В.А., Тишков В.А., 2005. Народные миграции и образовании Русского государства (конец XIV – середина XVI в.) // Русские. М. (Народы и культуры).
- Алексеев В.П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. М.
- Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян. М.
- Алексеева Т.И., 2005а. Обобщенный антропологический тип русских Восточной Европы // Русские. М. (Народы и культуры).
- Алексеева Т.И., 2005б. К происхождению антропологического облика русских // Русские. М. (Народы и культуры).
- Газимзянов И.Р., 2001. Население средневекового Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Дерябин В.Е., 1999. Современные восточнославянские народы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Дерябин В.Е., 2008. Курс лекций по многомерной биометрии для антропологов. М.
- Дубов А.И., Дубова Н.А., 2000. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории города Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М.
- Евтеев А.А., 2006. Половой диморфизм в краниологической серии из некрополя Селитренного городища // Вестник антропологии. № 14. М.
- Евтеев А.А., 2007. Антропологические материалы из могильника Нижняя Студенка-1 // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов.
- Пежемский Д.В., 2000. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М.
- Чижикова Л.Н., 2005. Сельские поселения XIII–XIV вв. // Русские. М. (Народы и культуры).

A.A. Evteev

The craniological sample from the 18th c. cemetery at Kozino village (Moscow region): intragroup craniometric variation and preliminary results of the interpopulation comparison

Summary

The unique craniological sample containing about 200 skulls has been collected during the excavations of the 18th c. necropolis at Moscow region's Kozino village. The sample is notable due to the rarity of craniological materials representing local groups of Russian rural population of that time while the contemporaneous urban population is far better studied. Intragroup Principal Component analysis of the cranial metrics has demonstrated existence of the distinctive morphological variants inside the sample despite of the doubtless cultural homogeneity of the group and absence of any substantial gene flow during long centuries. The major differences between those variants are observed in the nasal part of the facial skeleton (PC1 of the analysis): a cluster of the skulls with large nasal bones and protruded nasal bridge is seen as well as a cluster of the skulls with contrast morphology. The less prominent variation

can be seen in the size and shape of the skull vault. It can be reasonably supposed that craniological variation in the sample reflects successive events in the Eastern Slav's history: 1) assimilation of the Finno-Ugrian population of the Oka basin at the early II millennium; 2) migration from the North-Western territories at the middle of the II millennium which thought to be the reason of enhancing of "Caucasoid" traits in the Central Russia's population during the 15th – 17th cc. The interpopulation comparison tends to cluster male sample from Kozino with the contemporaneous samples of rural population of North-Western Russia and show strong morphological differences with samples from Moscow city as well as from the other cities. Female part of the sample shows even greater morphological peculiarity and finds no direct analogies among Russian samples of the 17th – 19th cc.

Т.Н. Дементьева, Ю.Н. Чувиляева, А.С. Сыроватко

Некрополь Новейшего времени у Старо-Голутвина монастыря

Летом 2009 г. Коломенский археологический центр проводил стационарные археологические изыскания на месте предстоящей постройки хозяйственного корпуса для нужд Коломенской духовной семинарии. Это учебное заведение находится на территории Богоявленского мужского Старо-Голутвина монастыря. Проектируемое здание располагается вне стен монастырской ограды, к западу от нее (рис. 1). Осенью 2008 г. при возведении электроподстанции, расположенной в нескольких метрах к западу от будущего раскопа 2009 г., было обнаружено неизвестное к тому моменту кладбище. Строительные работы тогда удалось на время остановить, после чего были внесены соответствующие изменения в проект.

Богоявленский Старо-Голутвин монастырь расположен в юго-восточной части г. Коломны, на правом берегу р. Москвы, в 600 м от ее впадения в Оку, на первой надпойменной террасе. Его основание относится к концу 1385 – началу 1386 г. и связывается с Сергием Радонежским, который создал обитель по просьбе московского князя Дмитрия Ивановича. Однако все дошедшие до наших дней постройки монастыря (ограда с округлыми башнями в стиле псевдоготики, собор, церковь, колокольня, ряд жилых и хозяйственных построек) возведены в XVIII–XIX вв. и в конце XX в. (проект ограды приписывается М.Ф. Казакову).

Археологические изыскания на территории Старо-Голутвина монастыря проводились с перерывами с 60-х годов XX в., когда впервые были выявлены остатки собора XIV в. (Алешковский, 1970; 1971). Коломенский археологический центр на протяжении 2000–2006 гг. осуществлял охранные исследования на месте проведения коммуникаций и строительства комплекса хозяйственных построек.

В 2007 г. были начаты работы, связанные с будущим строительством новых корпусов на территории монастырского сада. Общая вскрытая площадь только на территории монастырского сада за 2007–2008 гг. составила 4 тыс. кв. м (Черкасов, 2008; Ульянова, 2009; Чувиляева, 2009).

Сведения об обнаруженном в ходе строительства кладбище отсутствуют. Это место можно видеть на фотографии 1912 г., сделанной С.М. Прокудиным-

Горским, личным фотографом царя, однако на ней нельзя различить захоронений. До начала работ казалось, что поиск погребений (рис. 2) будет несложной задачей, но зачистка выявила целый ряд трудностей: материковая порода чрезвычайно плотная, не поддающаяся лопате, зачистка на ней почти невозможна; материк содержит обломочный известняк, что делает его практически неотличимым от перекопа; в заполнении могильных ям почти не было гумусированного слоя, который мог бы выступить маркером перекопа (еще одно свидетельство отсутствия слоя, как такового, на месте могильника).

Погребения удавалось обнаружить по аморфным пятнам древесного тлена, большая часть погребений образовывала группы, в которых перекопы от отдельных погребений накладывались друг на друга. Обнаружены как минимум три комплекса семейных захоронений, включая младенцев (погребения 8, 9, 14; 4, 10, 11; 7, 12, 13а, 13б). Интересно и зафиксированный характерный впуск более позднего погребения в раннюю могильную яму (погребения 3 и 6 соответственно).

Несмотря на то, что нами исследовался христианский могильник Новейшего времени, обнаружено несколько деталей, которые мы не можем объяснить:

- существенно варьирующая ориентировка костяков;
- семантика погребального инвентаря (чашки, бутылочки, крупный крест в руке покойного, монета) (рис. 3). Эти детали не имеют аналогий в современной обрядовой практике. Распространенные объяснения – «слезницы» для сосудов, «обол Харона» для монет, крест в руке как принадлежность к священническому сану – корректны для значительно более раннего времени;
- могильник расположен на чрезвычайно плотном, почти скальном грунте, в котором трудно расчистить даже перекопы, не говоря уже о новых могилах. Что мешало разместить кладбище на более мягких почвах, также неясно;
- датировка погребений также не является очевидной. Конечно, в целом все погребения вряд ли выходят за рамки предреволюционного – раннесоветского периодов, но точная датировка

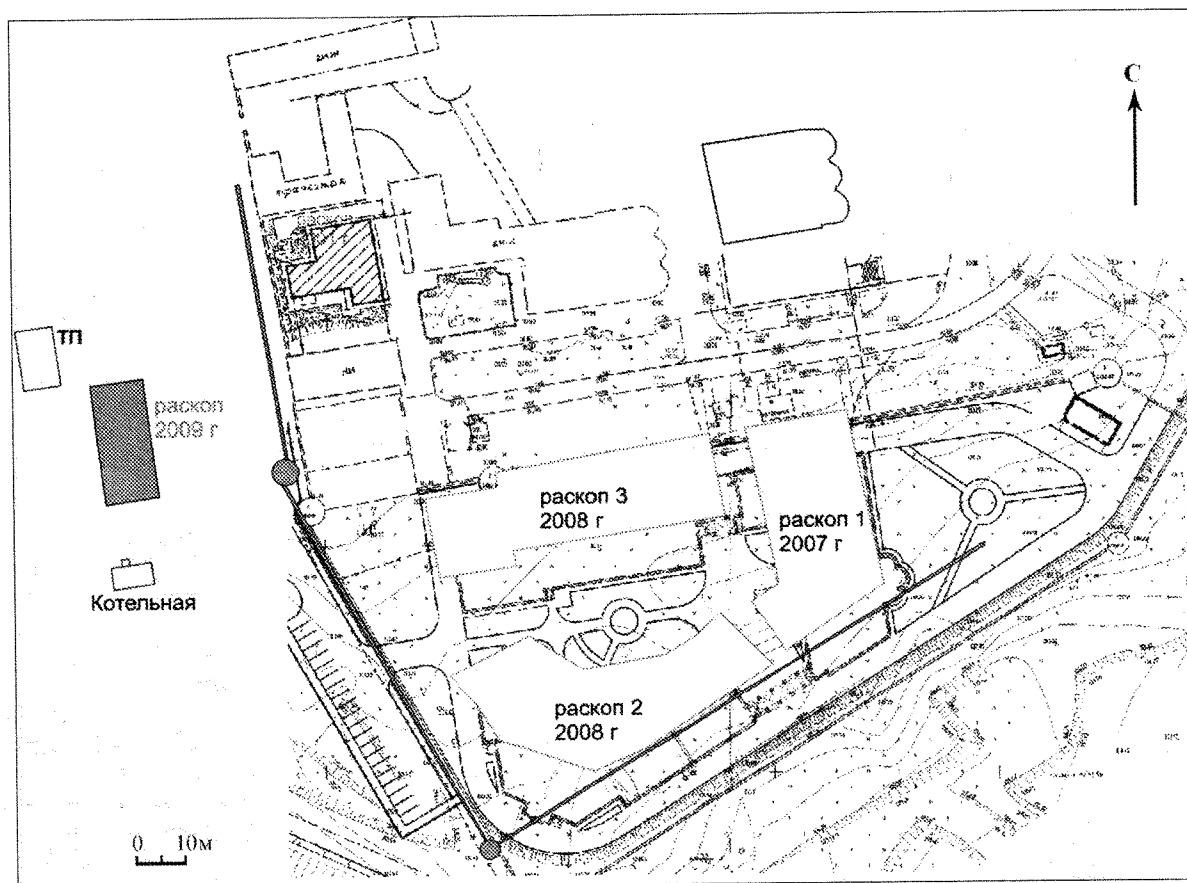

Рис. 1. Ситуационный план. Старо-Голутвин монастырь. 2009 г.

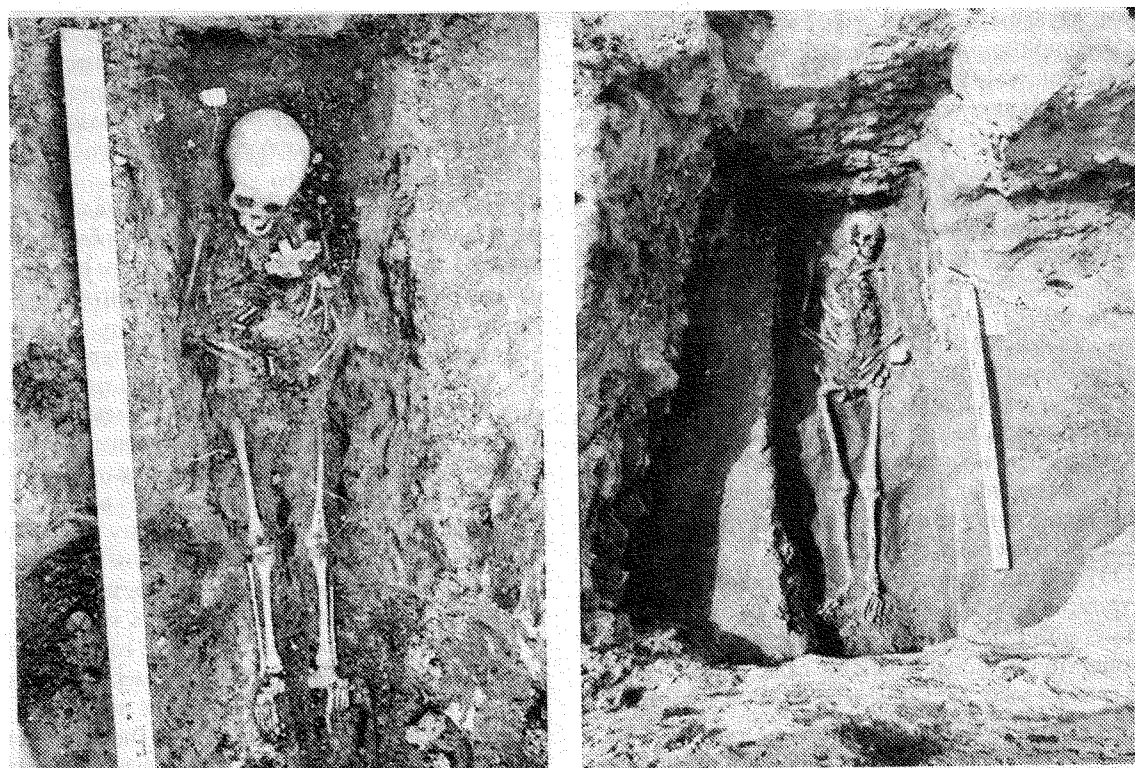

Рис. 2. Погребения 2 и 7. Старо-Голутвин монастырь. 2009 г.

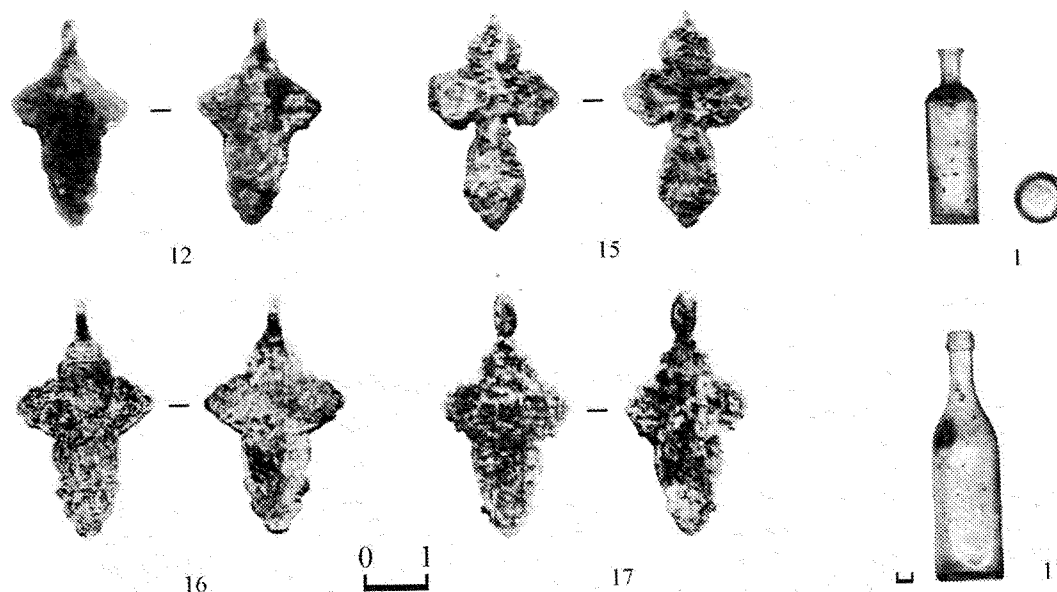

Рис. 3. Индивидуальные находки из погребений. Старо-Голутвин монастырь. 2009 г.
(На рисунке указаны номера находок по описи)

их затруднительна. Так, фаянс, фарфор и монета относятся к николаевскому времени, однако в одном случае (в погребении 7) фарфоровая чашка встречена вместе с пластмассовыми предметами. В качестве рабочей гипотезы можем предположить, что формирование кладбища могло произойти в послереволюционный период, по-

сле перепрофилировки монастыря под общежитие, когда новых насельников монастыря могли начать хоронить за оградой. Если это предположение верно, то оказывается, что в погребениях преобладают вещи значительно более ранние (причем относящиеся к иной идеологической эпохе).

Литература

Алешковский М.Х., 1970. Отчет об археологических раскопках в г. Коломне в 1969 г. Успенский собор, Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря // Архив ИА РАН. Р-1. № 4232.

Алешковский М.Х., 1971. Отчет об археологических раскопках 1970 г. в Коломне. Успенский собор XVII Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря XVIII в. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4386.

Черкасов В.В., 2008. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломне и Коломенском районе Московской области в 2007 году // Архив ИА РАН.

Ульянова Т.Н., 2009. Отчет об охранных археологических исследованиях в полевом сезоне 2008 года // Архив ИА РАН.

Чувильева Ю.Н., 2009. Отчет об охранных археологических исследованиях в полевом сезоне 2008 года // Архив ИА РАН.

T.N. Dement'eva, Yu.N. Chuvilyaeva, A.S. Syrovatko

New Times' Necropolis beside Staro-Golutvin Monastery

Summary

In 2009 we led the excavations of an unknown Christian cemetery dating back to the so-called New Times. We managed to define the graves according to the chaotic stains of wood remains. The majority of the graves formed the groups where one grave could be touched by

the other grave pits dug later. The facts which are of special interest are the following: variability of bone remnants' orientation; peculiarities of artefacts' collection found inside the graves; location of the cemetery in the zone of extremely hard soil.

И.Н. Ершов

**А.А. Спицын и М.М. Пришвин:
методология науки и ее отражение в художественном тексте**

Тема влияния археологии на художественную литературу не новая, но в ней таится еще много не до конца освещенных страниц. А.А. Формозов, один из пионеров этого направления в историографии науки, довольно скептически относился к попыткам других исследователей рассматривать соответствующие темы в хронологических рамках классической русской литературы, не видя здесь предмета для глубокого исследования. Вот его мнение, высказанное в интервью курскому краеведу и историку археологии С.П. Щавелёву 12 декабря 2008 г., незадолго до своей кончины:

«Тема “Археологические мотивы в русской поэзии” любопытна. Конечно, “Курган” А.К. Толстого. И.Б. Брашинский говорил мне, что его друг составил антологию стихов о раскопках в Крыму, и она очень интересна. Вероятно, Бобров с его “Херсонесидой”. Сейчас им очень интересуются. Видят в нем даже предтечу Маяковского, но для меня он бездарный Бибрис. Вероятно, Зайцевский с его “На раскопках Херсонеса”. Но что может показать такая антология? Зависимость художественных представлений от развития науки? Это и так ясно»¹.

Это мнение А.А. Формозова, насколько можно судить, было для него достаточно устоявшимся и неизменным: в его послесловии к своей более ранней работе «Пушкин и древности» сказано то же самое: «...книга на тему “Пушкин и археология” написана, а даже маленькую статью на тему “Лев Толстой, Некрасов, Достоевский, Чехов и археология” написать невозможно. Нет в их творчестве никаких точек соприкосновения с нашей наукой» (Формозов, 2000. С. 123; 2008. С. 90–91).

Очевидно, А.А. Формозов полагал эвристический потенциал подобных исследований крайне низким и весьма скептически относился к любым попыткам найти в процессе работы над этой темой что-либо интересное для истории взаимоотношений науки и культуры. На наш взгляд, это несколько максималистский и упрощенный подход к проблеме – подход, не учитывающий ни динамики подобных (хотя бы минималь-

ных) взаимосвязей, ни контекста их возникновения и развития, ни конкретных последствий этого процесса как для литературы, так и для археологии. Необходимо полагать, что работы подобного рода важны в равной степени как для истории археологической науки, так и для истории науки и культуры в целом.

Это касается не только классической русской литературы, которую имел в виду А.А. Формозов, но и русской литературы нового времени, непосредственно продолжающей традиции классики в первой трети XX в. Одну из таких малоизвестных страниц этих взаимоотношений мы постараемся раскрыть в этой статье: она касается небольшого эпизода – встречи и совместной двухнедельной работы в ставшей знаменитой, благодаря пришвинскому художественному тексту, «экспедиции на попе» (рис. 1). Эта экспедиция состоялась, судя по записям писателя, в июне 1925 г. и ставила одной из своих целей исследование памятников археологии по течению рек Вёксы и Кубри в окрестностях Переславля. Первая из них является единственным водным потоком, вытекающим из Плещеева озера, а вторая – ее левым притоком (рис. 2). Карта озера была исполнена по заказу Переславского музея в 1925 г. (вероятно, при прямом участии тогдашнего директора музея М.И. Смирнова).

Есть подробнейший «отчет» М.М. Пришвина об этих днях экспедиции в форме художественного текста, включенный писателем в один из своих самых известных сборников очерков «Родники Берендея». Под таким названием очерк был опубликован с подзаголовком «Из записок фенолога с биостанции “Ботик”» в сентябрьском номере журнала «Красная новь» за 1925 г. Затем этот цикл в позднейших изданиях сочинений писателя стал известен как «Календарь природы» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 65–99 и 754). В первоначальном авторском предисловии утверждалось, что очерки являют собой практически неизмененные им дневниковые записи «под диктовку весны» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 754), поэтому надо полагать, что текст художественный является вполне

¹ Полный текст интервью см.: http://www.archaeology.ru/ONLINE/Formozov/interview_1.html

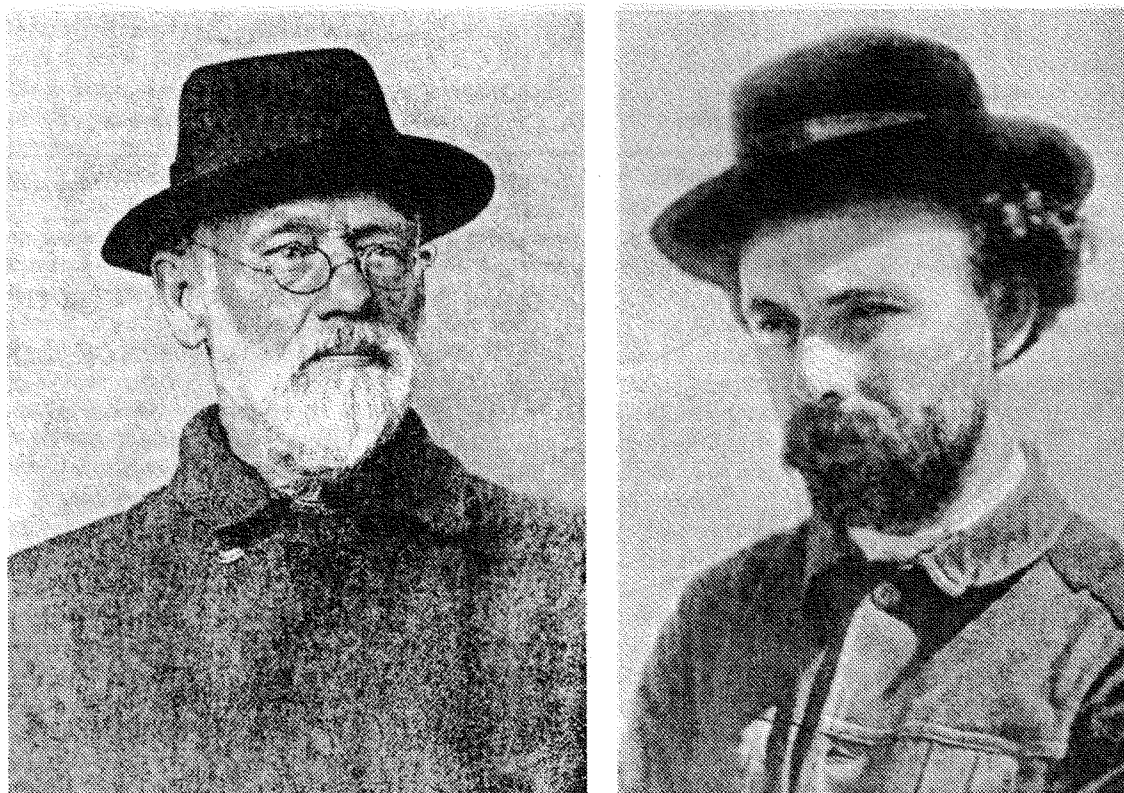

Рис. 1. А.А. Спицын (слева) и М.М. Пришвин (справа). 1910-е годы

достоверным, но все же не совсем документальным пересказом событий этой экспедиции.

Объем текста, посвященного рассказу о поездке, довольно велик – почти тридцать страниц. Его трудно сравнивать по объему и информативности с одним лаконичным абзацем из пятнадцати предложений в научном отчете о поездке самого А.А. Спицына, опубликованном одновременно с текстом писателя – спустя два месяца после поездки – в журнале «Известия Центрального бюро краеведения» (Спицын, 1925. С. 88–90). Однако в последнее время появились и более обширные сведения о взглядах ученого. Это выписки из рукописного наследия А.А. Спицына, которые стали всеобщим достоянием благодаря публикации Н.И. Платоновой (2004. С. 134–149).

Таким образом, предлагаемый анализ текстов интересен, во-первых, уже потому, что позволяет сравнить сами высказывания А.А. Спицына о предмете и методе археологии, разделенные периодом в 15 лет. Записи А.А. Спицына были сделаны в годы интенсивной практической и преподавательской деятельности ученого, когда появились такие его программные работы, как «Археологические разведки» (1908 г.) и «Археологические раскопки» (1910 г.). Это годы рас-

цвета таланта А.А. Спицына как практика-археолога и ученого-преподавателя, уделявшего огромное внимание проблеме воспитания квалифицированных кадров археологов. В этом он видел будущее нашей науки, ее прогресс в методическом плане.

Во-вторых, сопоставление интересно и потому, что записи А.А. Спицына оказались введены в научный оборот лишь недавно, и поэтому его позиция как методиста-теоретика была практически неизвестной широкому кругу исследователей, оставляя впечатление, что А.А. Спицын вообще не имел твердых теоретико-методических взглядов. А на художественный текст М.М. Пришвина вряд ли кто-то осмелится сослаться как на достоверный источник, опасаясь прослыть глубоким дилетантом. Между тем напомним, что глава «Экспедиция на попе» из «Родников Берендея» представляет собой практически не измененные писателем дневниковые записи.

Сам факт появления «Родников Берендея» отразил давний и неслучайный интерес писателя к проблемам археологии, зародившийся в те же годы, когда А.А. Спицын делал свои записи, т.е. в 1908–1911 гг., в том числе, и в пору пребывания писателя на XV Всероссийском археологическом съезде в Великом Новгороде (Пришвин, 2007а. С. 583–604)². С течением времени, ко-

² Известно, что писатель задумал на основании записей «Раннего Дневника» написать роман «Начало века», в который могла войти глава «Новгород», где, возможно, было бы описано его участие в Археологическом Съезде 1911 г. Замысел писателя, к сожалению, так и остался неосуществленным (подробнее об этом см.: Пришвина, 2004. С. 500–501).

нечно, представление об археологии у М.М. Пришвина менялось и окончательно закрепилось лишь в середине 1920-х годов, и не в последнюю очередь благодаря встрече и беседам со А.А. Спицыным³.

Внутри узла вопросов взаимоотношений литературы и науки содержится проблема взаимоотношения в пространстве целостной культуры метода художника и метода исследователя, ученого. Содержание проблемы является довольно тонким и подчас неуловимым для скрупулезного научного анализа процессом. Этот вопрос М.М. Пришвин обдумывал не раз в своих дневниках, особенно в середине 1920 — начале 1930-х годов:

«Искусство и наука собирают в себя концы человеческие, называемые личностями: кто вступил на этот путь, тот и должен кончить в этом кругу: отношение к миру, к обществу тут бывает только через посредство личности. Художник и ученый живут для себя. Однако... соблазняет постоянное желание выйти из этого круга и жить непосредственно, “как все”» (Пришвин, 1999. С. 95).

И далее разъясняет свою мысль М.М. Пришвин:

«Грубо говоря, человек творит мир по образу своему и подобию, но мир существует и без человека — это должен знать художник больше всех, и неперемное условие его творчества — забываться настолько, чтобы верилось в существование данного предмета... без человека. Мне кажется, что наука только доделывает уже лично восстановленный образ утраты. Так, если художник, сливаясь в существе своем с птицей, летает, то вот это и важно, что в мечте своей он уверяет (укрывает) нас в возможности летания, а ученый по этому образу строит аэроплан. Искусство и наука, вместе взятые, есть силы восстановления утраченного, воскрешения наших отцов» (Пришвин, 1999. С. 264–265).

На перевале своей творческой жизни, в 1927 г., М.М. Пришвин так рассуждал о взаимоотношениях науки и творчества применительно к себе самому: «...если бы явился человек, никогда не видевший солнца и много о нем слышанный, и стал бы на него глядеть, портя свое зрение. Мы же, жители земли, знаем, что к солнцу надо стать задом и смотреть на освещенные им предметы. Ученые снисходительно смотрят на нас, художников, в помощь себе. А между тем дело только тогда пойдет, когда художник в деле изучения жизни станет на первое место, пока не подчинил себя науке (хотя и понимая ее методы)... Я очень рвусь к этому...» (Пришвин, 2003. С. 236).

«Бывает, научная истина или жизненная правда селятся в красоте, и вот тогда художник, создатель такой красоты, признается всемирно великим и творение его переживает многие столетия», — писал он летом 1934 г. (Пришвин, 2009. С. 164).

В опубликованных при жизни текстах эта мысль М.М. Пришвина звучит так в его собственном рассказе о себе: «В настоящее время вопрос этот Пришвин разрешил: это что-то не от поэзии есть в каждом очерке, это что-то от ученого, а может быть, и от искателя правды... В общем, это что-то... есть как бы остаток материала, художественно не проработанного вследствие более сложного, чем искусство, отношения автора к материалу» (Пришвин, 1956. Т. 4. С. 10).

Таким образом, в процессе эволюции творческого сознания М.М. Пришвина наука и творчество, знание и интуиция не стали непримиримыми противоположностями, они являются взаимодополнением друг друга и обязательным условием рождения «красоты», т. е. подлинного произведения искусства или науки.

До переезда в Переславль писатель интенсивно занимался историей и природой своего будущего местожительства. Среди упоминаемых им книг значатся труды по древнерусской архитектуре, биологии, в том числе А.Н. Формозова (отца археолога А.А. Формозова) и его учителя С.В. Покровского, автора популярных книг о жизни охотников каменного века. С А.Н. Формозовым писатель неоднократно встречался и общался напрямую и, возможно, от него же получил первые сведения о только что исследованной неолитической стоянке Льялово к северу от Москвы, фауну которой тот анализировал. М.М. Пришвин общался с сотрудниками ГИМ историком-фольклористом Ю.М. Соколовым и нумизматом П.С. Сухотиным, а также с В.И. Смирновым, младшим братом М.И. Смирнова, тогдашнего директора Переславского музея. Собственно, именно В.И. Смирнов, очевидно, как коллега братьев Соколовых по этнологическим экспедициям начала 1920-х годов дал М.М. Пришвину рекомендацию переехать в Переславль. Михаил Смирнов дал свое согласие.

Маршрут А.А. Спицына, летом 1925 г. совершившего весьма скоротечную, но насыщенную поездку по городам Ярославского Поволжья (включая Кострому), видимо, пролегал из Ленинграда в Рыбинск, а затем в Ярославль, Кострому, Переславль и обратно в Ленинград. М.И. Смирнов утверждал также, что А.А. Спицын приехал к нему прямо из Костромы (Смирнов, 2003. С. 48). У М.М. Пришвина сказано лишь, что А.А. Спицын приехал «внезапно» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 71).

Именно в эти дни состоялось знакомство М.М. Пришвина с А.А. Спицыным. К данному событию писатель подходил, уже имея в голове свой собственный «метод исследования» в области краеведения, который он понимал как «макро-краеведение», т. е. комплексный, синтетический подход в деле изучения

³ В отличие от понимания М.М. Пришвина, в образованном обществе той поры господствовало общепринятое мнение об ученом-археологе как о некоем чуде, занимающимся в основном сбором разного рода антиквариата с целью составления личной коллекции. Так, к примеру, друг и учитель М.М. Пришвина А.М. Ремизов такой образ археолога в своих сочинениях сохранил вплоть до конца своих дней (хотя его собственная жена С.П. Ремизова-Довгелло обучалась в конце 1900-х годов в Археологическом институте Санкт-Петербурга).

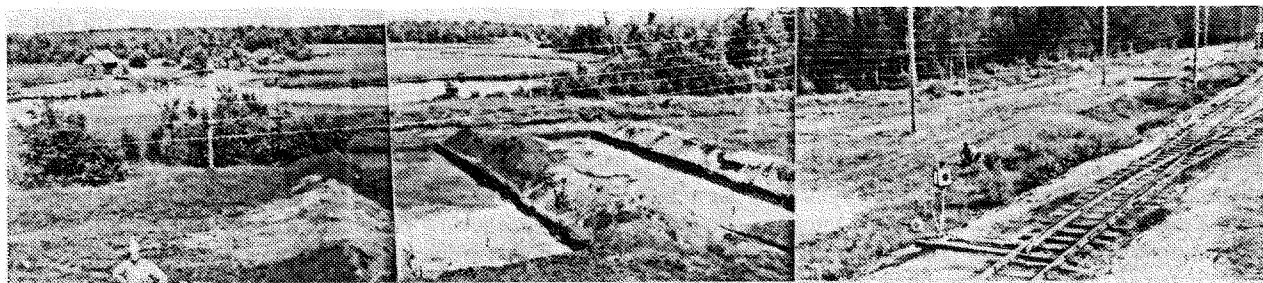

Рис. 3. Панорамный вид с юго-запада на стоянку Польцо. 1961 г. Фото А.Л. Никитина

региона, как с точки зрения ученого-исследователя, так и с помощью интуитивно-творческого подхода писателя.

Нетрудно заметить, что «метод» писателя в чем-то соприкасался с установками молодой советской школы палеоэтнологии, о существовании которой он вполне мог и не подозревать⁴, так как над проблемами краеведения размышлял самостоятельно уже давно, начиная с его пребывания в 1917–1919 гг. в Ельце и усадьбе Алексино под Дорогобужем (Пришвин, 1994; 20076).

М.М. Пришвин перед «экспедицией» специально отметил в своем дневнике: «Художественное изучение края с целью воспроизведения края потом, не расчленив описание по частям: население, воды, промышленность, а соединяя все и представляя край как личность» (Пришвин, 1999. С. 300). В «Родниках Берендея» он это же полагал по отношению к своей роли в экспедиции: «...я получу картину, которую невозможно получить, складывая вместе работы ученых, исследующих край в области своей специальности. И потому я свое место в экспедиции занимаю по праву наравне с учеными специалистами» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 72–73).

Из двух братьев Смирновых Василий Иванович был более опытен, более талантлив и как фольклорист, и как археолог, и именно он, как я полагаю на основании многих прямых и косвенных фактов, был первооткрывателем стоянок Польцо, Теремки, Борань, Сахтыш, Говядиновского могильника (или поселения?) и многих других известных и малоизвестных археологических памятников Верхневолжья и Русского Севера. Через своего брата М.И. Смирнов, видимо, установил непосредственный контакт с А.А. Спицыным.

Это произошло после безуспешных попыток пригласить на раскопки В.А. Городцова. Решив, что В.А. Городцов «сам не едет и других не пускает» (так написано М.И. Смирновым в его «Воспоминаниях»), и памятуя о том, что приглашение петербургских специалистов в «вотчину» москвичей может ему грозить

осложнениями в карьере, М.И. Смирнов тщательно законспирировал поездку А.А. Спицына – сам взял на свое имя Открытый лист и сам вместе с братом профинансировал оплату весьма быстрой (можно сказать, «кавалерийской») поездки А.А. Спицына. Возможно, М.И. Смирнов хотел сохранить эту поездку в тайне как можно дольше, но ему тут помешал М.М. Пришвин, через полтора месяца уже опубликовавший свой очерк.

Состав экспедиции был весьма неординарным. Помимо М.И. Смирнова, М.М. Пришвина и А.А. Спицына, в ней был энтомолог музея С.С. Геммельман, сыновья М.М. Пришвина Лев и Петя, его племянник Андрей, а также, вероятно, не упомянутый никем помощник М.И. Смирнова по музею В.Е. Елховский. Итак, буквально через пару часов после отплытия экспедиция уже пришвартовалась на ближайшей «сухой полянке, где рыбаки разводят теплину, и почти безошибочно можно сказать, что там и в каменном веке рыбаки собирались на стоянку и оставили нам после себя культурный слой», – замечает М.М. Пришвин (1956. Т. 3. С. 74).

Вскоре А.А. Спицын понял, что по обилию находок перед ними предстала стоянка, какой он сам «еще не видел в России» (рис. 3) (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 74). Он принял решение заложить шурф, который начал копать сын Пришвина Лев. Сначала дойдя узкой ямкой до материка, затем он начал расширять ее в шурф косыми срезами всей толщи культурных отложений, собирая находки отдельно по указанным ему пластам. При этом стала ясной полная стратиграфия отложений стоянки: «... ясно обнажается сверху темный слой, потом следует желтый, песчаный, и опять темный, и за ним снова песчаный. Этот средний слой, темный, называется погребенной почвой» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 74).

Точно так же были описаны слои стоянки спустя тридцать пять лет А.Л. Никитиным (1968. С. 21–23; 1975. С. 118–140). Описание писателем стратиграфии стоянки одинаково понятно всем, даже неспециалистам и не оставляет никаких сомнений и возможно-

⁴ Именно Этнологическое отделение РАИМК-ГАИМК организовало уже в 1921 г. одну из первых комплексных экспедиций, которая работала на Верхней Волге в пределах бывших Тверской и Ярославской губерний. В составе этой экспедиции начали свою послереволюционную деятельность и братья М.И. и В.И. Смирновы (Иванова, 2009. С. 259 и далее).

стей для перетолкования. М.М. Пришвин сообщает иные интересные подробности о взглядах А.А. Спицына на предмет и метод археологии (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 75):

— Это место, быть может, в то время было берегом Плещеева озера...

Лева спешит:

— А когда это было, сколько тысяч лет тому назад?

— Не люблю эти тысячи, — ответил старый следопыт, — было очень давно... Я, дети, не по тысячам считаю, а что постарей и поновей, и сами находки теперь уже мне дают мало интересного, главное — в каких слоях они распределяются. Ну же, Лева, начинайте срезать на четыре штыка; из первого слоя кладите находки на эту сторону, из второго — сюда, и так на четыре стороны, только подложите заранее для находок бумажки.

Как отмечает Н.И. Платонова, А.А. Спицын в 1908–1910-х годах, деля археологию на две части — общую (чистую) и прикладную (частную, бытовую), — отдавал должное первой, в которую входило вещеведение или типология, говоря современным языком: «...Как бы обстоятельно изучение вещи ни было исполнено, оно никогда не исчерпывает всего интереса предмета. Новая точка зрения в науке, новый запрос — и вещь снова дополнительно осматривается. Всякий имеет право надеяться увидеть в ней больше, чем видели предшественники» (Платонова, 2004. С. 145). Однако и тогда вторая археология, прикладная, занимала у А.А. Спицына все же основное время и усилия. То же предпочтение мы видим и в изложении взглядов ученого в тексте М.М. Пришвина.

Следом за этим М.М. Пришвин замечает, что они стали готовить обед точно там, где это делали рыбаки, и рассматривали с одинаковым интересом то рыбью кость, «оставленную современным рыбаком, то... черепок неолитического человека» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 76). Этим пассажем писатель, следуя «своему методу», как бы усиливает художественное впечатление, повторяя, что времена и тысячелетия для него сливаются в некий цельный эмоциональный образ в отличие от археолога, который «все разбирает и разбирает черепки по культурам», как бы разделявая скальпелем аналитика живой пришивинский образ. Очевидно, здесь мы имеем дело с сознательной, восходящей к Пушкину антитезой «поэт-ученый».

Далее в рассказе логично поднимается извечный вопрос археологии, занимавший А.А. Спицына уже давно — о принципиальной возможности отождествления археологической культуры с тем или иным древним этносом, как-то, например, оставившим эти черепки на берегу Вёксы:

«И тогда у костра ученый намеками стал говорить о своих догадках, и это была, конечно, мечта всей его жизни, — догадаться хоть немножечко о лице этого таинственного народа... С уважением выслушал это отец Филимон, но все его непокорное существо спрашивало: «А кто же это видел?». Ему, я так понимаю, как чисто инстинктивному обывателю, непременно

нужно видеть самое лицо человека, и если видеть нельзя, то он не хочет думать по черепкам, складывая все вместе плюс на плюс, как делают ученые. Он сразу догадывается о первобытном человеке, из себя самого... Все смеялись... но мне казалось, что в принципе отец Филимон, быть может, отчасти и прав» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 77).

Действительно, А.А. Спицын и в 1908–1910 гг., и в 1922 г. в неопубликованном очерке об основателе типологического метода в археологии О. Монтелиусе высказывался достаточно определенно по поводу возможности (как минимум, это касалось средневековой археологии) отождествления той или иной археологической культуры с тем или иным этносом. Он писал: «Определение народности или племени есть очень трудная и рискованная операция там, где не имеется достаточного запаса сведений... Где история не знает народов и племен, там археологии приходится именовать их по названию культуры» (Платонова, 2004. С. 143).

Как мы видим, здесь А.А. Спицын словами писателя отвечает из глубины прошедших лет и нам на вопрос: насколько допустимо привлечение творческого начала в науку археологию? Да, допустимо, но, естественно, должны быть и пределы этому творческому началу, поставленные самим же исследователем в рамках той суммы фактов, которыми он располагает, о чем А.А. Спицын недвусмысленно предупреждал еще в 1909 г.: «Археология при своих личных богатствах... является могущественною наукою, значение которой должно возрастать по мере накопления материала и его обработки. Весьма вероятно, что в трудах своих наиболее горячих адептов она станет столь же нетерпимою, как теперь лингвистика и антропология» (Платонова, 2004. С. 145).

Очевидно, А.А. Спицын подразумевал под понятием «нетерпимость» непроизвольное желание всякой науки бесконечно расширять свой ареал, подавляя смежные науки и ставя их в подчиненное положение. Таким образом, мы видим здесь принципиальное отстаивание А.А. Спицыным свободы научной дискуссии, не отягощенной никакими административными рамками и препонами. В этом он должен был найти полное схождение взглядов с писателем. М.М. Пришвин записал в дневник незадолго до этого такие горькие строки о положении себя как творца:

«Друг мой, в советской России я, как ласточка, на которую дети накинута мертвую петлю на шею, повесили, но ласточка легкая, не давится, пырхает, пырхает, и лететь не летит, и не виснет, как мертвая» (Пришвин, 1999. С. 27).

Покинув Польцо, экспедиция, проплыв по Вёксе, на озере Сомино (Сёмино у писателя) причалила опять к сухому месту, «где отдыхают рыбаки, оказалась — неолитическая стоянка, и здесь в правом углу этого озера-болота, было Торговище. Сюда, конечно, плавал из Великого Новгорода и Садко... и варил тут уху, как и мы, не обращая никакого внимания на вырытые кротами черепки каменного века; в то время и мысль не приходила в голову о древней керамике» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 79) (рис. 3).

Опять мы видим любимое писателем сравнение-связывание себя, нынешнего, с прошедшими поколениями. Но тут М.М. Пришвин, надо сказать, был несколько излишне категоричен в своем выводе о равнодушии прошлых поколений к древностям, ибо человек средневековья был также, как и он, внимателен к тому, что «валялось под ногами», и умел все-таки отличать черепки и «громовые стрелки» от простых камней и кусков земли (Формозов, 1983. С. 5–9).

На Сомине озере к биваку подплыли местные рыбаки, один из которых был весьма любознателен и говорил таким простым и емким языком, что М.М. Пришвин тут же обратил внимание экспедиционной молодежи на то, как надо учиться излагать свои мысли, «чтобы выработать себе краеведческий язык». Услышав, однако, от рыбака, что «народ наш (в деревне) суеверный и глупый, как первобытный человек», М.М. Пришвин тут же возражает ему (и невольно противоречит себе самому из предыдущего абзаца): «Почему вы думаете, Павел, что первобытный человек был непременно суеверен и глуп; те люди, были, наверно, тоже, как и мы, очень разные...» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 80).

Писатель как бы продолжает разговор о начатой А.А. Спицыным на Польде теме. Ночью же ему снится сон, в котором «этот человек каменного века... явился мне совсем не таким, как учили нас в школе, а составил из отношения этих двух рыбаков... словом, что один – человек, а другой – обезьяна, но черепа и черепки совершенно одинаковы, и если пройдет время, то и не узнаешь, кто из них двигал жизнь и кто в ней только жевал пищу. И только затем, казалось мне, нужно собирать черепа и черепки, чтобы приблизить мысль свою к существу первобытного человека» (курсив мой. – И.Е.). Но, чтобы вполне понять его, нужно, изучая остатки первобытной культуры, в то же самое время зорко всматриваться в современного человека, своим творчеством устремленного в будущее; и очень возможно тогда, что этот профессор окажется ближе всех к существу первобытного человека» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 81).

Мы видим, что в итоге М.М. Пришвин все же приходит к выводу, что в таком деле, как археология, специфические методы науки могут оказаться гораздо плодотворнее, нежели интуиция и проницательность талантливого одиночки-гения или творческой личности.

Действительно, А.А. Спицын и в 1909 году утверждал: «Нужна благодетельная специализация... При методе и руководстве даже заурядный работник дает прекрасную работу» (Платонова, 2004. С. 137).

Сведения рыбаков о курганах на берегу озера оказались новостью для участников экспедиции, и было принято решение исследовать их. Об этом у А.А. Спицына в отчете сказано совершенно недвусмысленно: «...раскопали жальничное погребение Новгородского типа у д. Хмельники, непонятный поздний курган там же и “груду” из камней на Стуловой горе, казавшейся курганом» (Спицын, 1925. С. 90).

М.М. Пришвин детально описывает дальнейшие события: «... каменные курганы, по виду, без всякого сомнения, были погребальные памятники». Несмотря на сомнения А.А. Спицына по поводу нетипич-

ной ориентировки их длинных осей (с севера на юг), было решено раскопать один курган, хотя бы в целях обучения «робинзонов»-студентов методике исследования курганов:

«Михаил Иванович – исследователь, он обмеряет курган рулеткой, делает план, наблюдает за появлением линии, разделяющей насыпь от грунта, которая называется у археологов лентой, потом находит обрез могилы и вообще ведает всей научной стороной дела. Академик берет на себя скромную роль производителя технических работ, становится на курган и велит рабочим вести траншею поперек направления могилы» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 84–85).

Из этого отрывка можно, во-первых, точно воссоздать ход раскопок кургана. Вскрытие курганов траншейным методом было, конечно, более прогрессивным по сравнению с методом выкапывания «колодца» в центре кургана, применявшимся в начале и середине XIX в., однако и оно уже в 1920-х годах не было достаточно правильным и оправданным в этом конкретном случае исключительно лишь необходимостью экономии сил и средств.

Во-вторых, мы видим, что М.М. Пришвин, ввиду полного отсутствия у него археологической практики, принимает М.И. Смирнова, исполнявшего обычную лаборантскую работу, за руководителя раскопок, а А.А. Спицына, напротив, за прораба. «Лента» – это видимая в профиле полоса погребенного дерна под насыпью кургана, «обрез» – край пятна могильной ямы.

В итоге, снеся половину насыпи кургана с оставлением поперечной бровки, «экспедиционеры» не нашли ничего, и А.А. Спицын вынужден был признать, что кургана здесь нет, «но есть дело рук человеческих... нужно особое исследование». Отправившись далее к деревне Хмельники, участники экспедиции подошли к «типичному Новгородскому жальнику...» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 85–86), но на их пути встали огромные камни и валуны в насыпях. Энтузиазм уже угасал, когда А.А. Спицын сам, взяв лопату, спустился в яму и начал копать. Вскоре он обнаружил кость от скелета, что прибавило всем энергии. Вдохновившись неожиданным поворотом сюжета, М.М. Пришвин записывает:

«В этот момент в лице этого современного ученого я увидел настоящее лицо нашего отца, гениально-первобытного человека с волосатым телом, железной волей, огнем в глазах, и наверно, где-то глубоко скрытым нежным, любящим сердцем...» (Пришвин, 1956. Т. 3. С. 87).

Так несколько патетично (если мысленно представить себе в глубокой яме маленькую шуплую фигурку А.А. Спицына) завершается развитие основной в «экспедиционном» тексте М.М. Пришвина мысли о сопоставлении возможностей науки и интуиции в деле реконструкции прошлого как деле приближения его к нам, нынешним (или, напротив, парадоксально-его живания нас в это прошлое).

Творчество самого писателя, если рассматривать его в философском аспекте, было по большому счету некой «реконструкцией», «воскрешением» собственной жизни писателя, мысленное обращение в

прошлое, к родовой памяти своих предков, выразившимся в том числе и в принятии на себя всех родовых имен предков (Пришвины, Алпатовы, Игнатовы), и в необычайно трепетном отношении писателя к своим дневникам. Такой процесс творчества был назван М.М. Пришвиным в 1928–1929 гг. «синтетическим» художественно-научным преобразованием «реликтов»⁵ личной жизни: «Этот “реликт” мне хочется сделать тайной творчества. Алпатов⁶ хочет постигнуть реликт путем книжным, но каждый раз при этом охлаждается, однако при новом взрыве мыслей это гонится (борьба разума с чувством). Из всего этого рождается работа, которую художники считают наукой, ученые – искусством. “Реликт” открывает и человеческие перспективы (археология, неолит и т. п.)» (Пришвин, 2004. С. 207).

Слова «археология, неолит» из последнего предложения цитаты, очевидно, навеяны были всем предыдущим жизненным опытом писателя, в том числе и благодаря беседам с А.Н. Формозовым, и участием писателя в раскопках стоянки Польцо во время «экспедиции на попе» во главе со А.А. Спицыным, а также последующим чтением труда В.А. Городцова «Археология. Каменный век» (о чем есть записи в его дневнике за 1926–1928 гг.). М.М. Пришвин под словом «реликт» понимал здесь не что иное, как живую традицию, идущую из глубины веков и родовой памяти личности, и противопоставлял этому понятию другое – «раритет», т. е. ценный и богатый информативно материал – но это не живой, а вырванный из своего контекста и лишь пригодный для созерцания пыльный экспонат музея. Очевидно, писатель, соединяя слова «реликт» и «археология», был настроен весьма оптимистично по поводу перспектив науки как источника творческого вдохновения.

М.М. Пришвин полагал, что подобная духовная работа под силу любому мыслящему и мало-мальски творческому человеку: «Я хорошо знаю, что каждый творческий ум в науке чрезвычайно дорожит людьми неучеными, но способными непосредственно умом и чувством, скажем, инстинктом добывать материалы. Один замечательный ученый-археолог, гордость нашей науки, сказал мне, что при раскопках южных курганов он за одного следопыта из народа не взял бы и трех порядочных ученых» (Пришвин, 2004. С. 234)⁷.

«Замечательным ученым-археологом» в данном отрывке дневника с равным правом могут быть как А.А. Спицын, так и В.А. Городцов: с первым из них,

как мы знаем уже, он тесно общался в период «экспедиции на попе» летом 1925 г., а со вторым, возможно, мог познакомиться вскоре после переезда в Сергиев Посад, в 1927–1929 гг. Оба корифея русской археологии раскапывали в свое время (до революции 1917 г.) южнорусские курганы, но все же в контексте данного отрывка с большим основанием можно предположить, что М.М. Пришвин имел ввиду именно В.А. Городцова, а не А.А. Спицына, которого писатель, скорее, мог бы назвать «исследователем новгородских и севернорусских древностей», – ведь писатель довольно свободно ориентировался в информационной среде науки археологии, он уже знал не понаслышке и самих археологов, деятелей науки.

Косвенно в пользу первого варианта толкования фразы М.М. Пришвина могут служить и другие упоминания имени В.А. Городцова в дневниках 1927–1929 гг., а имя А.А. Спицына после 1925 г. у него в дневниках встречается лишь один раз, да и то с характерной ошибкой памяти. Покойный уже А.А. Спицын в 1934 г. был назван М.М. Пришвиным почему-то «агрономом»⁸ (Пришвин, 2009. С. 452). Ошибка памяти писателя вряд ли случайна – он, видимо, подсознательно ассоциировал эти две профессии – свою, юношескую, и спицынскую – по внешней схожести их в постоянной работе с землей и ее содержимым. К тому же, писатель после их совместной «экспедиции на попе» никаких контактов со А.А. Спицыным не поддерживал в силу того обстоятельства, что А.А. Спицын в последующем конфликте М.М. Пришвина с М.И. Смирновым занял откровенно враждебную по отношению к писателю позицию.

Тем не менее, крайне трудно с уверенностью утверждать, что автором цитируемых писателем слов о рабочих мог быть В.А. Городцов, помня тональность высказываний А.А. Спицына о специфике труда археологов в его беседах с М.М. Пришвиным на Вёксе и Сомине озере. Цитату можно равным образом соотнести и с его именем. Однако если когда-либо будут обнаружены свидетельства, подтверждающие наше первое предположение, это будет служить прямым доказательством состоявшейся встречи писателя и В.А. Городцова. Можно предполагать, что эта встреча была вызвана не в последнюю очередь тем обстоятельством, что писатель именно в эти годы (1926–1928 гг.) хлопотал об устройстве своего племянника Андрея Пришвина на археологические курсы в каком-то московском вузе.

В заключение нашей работы следует сделать вывод о строгости подхода писателя к изложению научных

⁵ Здесь этот термин употреблен М.М. Пришвиным по аналогии с реликтовой водорослью Клаудофорой в пойменных озерах Дубны, защите естественного биоценоза которой он посвятил немало душевных сил и здоровья (см.: Пришвин, 2004; 2006).

⁶ Алпатов – герой «Кашеевой цепи», т. е., собственно, сам Пришвин.

⁷ Правда, тот же В.А. Городцов, к примеру, как бы оппонируя фразе М.М. Пришвина, о «дарованиях» рабочих, копавших под его руководством курганы на Северском Донце, отзывался крайне негативно, как указывают авторы небольшой заметки об этом эпизоде из биографии ученого (Татаринев, Федяев, 2003. С. 10). Надо пояснить, однако, что В.А. Городцов, конечно, столкнулся в Бахмутском уезде с не совсем уже крестьянами, такими очевидно, это в основном были уже деклассированные, вырванные из традиционной общинной жизни полупролетарии промышленного Юга.

⁸ Эту ошибку не заметили даже составители комментариев к этому тому «Дневников», дав в указателе имен на с. 1001 фамилию археолога А.А. Спицына как «агроном Спицын».

взглядов ученого в художественном тексте — здесь для М.М. Пришвина, очевидно, не было места для стилистических или композиционных изысков. Во-вторых, мы убедились также в стойкой приверженности и ученого-археолога своим взглядам, выработанным еще 15–20 лет назад — А.А. Спицын не был догматиком, он ратовал за прогресс науки, развитие ее понятийного аппарата и методологии. Просто ему самому, скорее всего, было понятно, что его взгляды далеко еще не устарели; напротив, это сама наука в лице большинства ее деятелей иногда не поспевала за развитием его взглядов.

Мы увидели также, что рассуждения ученого оказали определенное влияние на мировоззрение писателя — действительно, в последующие несколько лет

(1927–1931 гг.) М.М. Пришвин будет усиленно интересоваться проблемами взаимоотношения творчества и науки, проблемами археологии. В его библиотеке тех лет будет труд В.А. Городцова «Археология. Каменный век», работы А.Ф. Лосева, В.И. Вернадского о природе творчества и взаимосвязи его с наукой. С В.А. Городцовым он попытался даже встретиться (о чем есть единичные записи в дневнике 1928–1929 гг.). Возможно, даже и встретился, но это было уже в преддверии 1930-го года, в пору начала разгрома краеведческого движения, и многим в СССР стало не до археологии (археологии в том ее понимании, какое окончательно сформировалось в этот период у писателя после общения с ученым).

Литература

Гришина Я.З., 2004. Послесловие к тому Дневников М.М. Пришвина 1928–1929 гг. М.

Иванова Т.Г., 2009. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.

Китицина Л.С., Третьяков П.Н., 1968. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. № 4.

Никитин А.Л., 1968. Голубые дороги веков. М.

Никитин А.Л., 1975. Многослойное поселение Польцо // СА. № 3.

Платонова Н.И., 2004. А.А.Спицын о предмете, задачах и методе археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб.

Пришвин М.М., 1956–1957. Собрание сочинений. В 6-ти тт. М.

Пришвин М.М., 1994. Дневники 1918–1919 гг. М.

Пришвин М.М., 1999. Дневники 1923–1925 гг. М.

Пришвин М.М., 2003. Дневники 1926–1927 гг. М.

Пришвин М.М., 2004. Дневники 1928–1929 гг. М.

Пришвин М.М., 2006. Дневники 1930–1931 гг. СПб.

Пришвин М.М., 2007а. Ранний дневник. 1905–1913 гг. СПб.

Пришвин М.М., 2007б. Дневники 1914–1917 гг. СПб.

Пришвин М.М., 2009. Дневники 1932–1935 гг. СПб.

Смирнов М.И., 2003. Воспоминания. М.

Спицын А.А., 1925. Поездка на Волгу // Известия Центрального бюро краеведения. № 3, сентябрь.

Татаринов С.И., Федяев С.В., 2003. В.А. Городцов – археолог и природовед. Незвестные страницы дневников // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: Тезисы конференции. Ч. 1. М.

Формозов А.А., 1983. Начало изучения каменного века в России. М.

Формозов А.А., 2000. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.

Формозов А.А., 2008. Статьи разных лет. Курск.

I.N. Yershov

A.A. Spitsyn and M.M. Prishvin: the methodology of science and its reflection in literary texts

Summary

The article discusses one particular aspect of the interrelation between science and culture on the example of the encounter between two outstanding representatives of Russian archaeology and literature, A.A. Spitsyn and

M.M. Prishvin, who met in the summer of 1925. The author comes to the conclusion that during the period from 1909 to 1925 A.A. Spitsyn's views had not undergone any radical change.

Список сокращений

АВ – Археологические вести
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АЕ – Археографический Ежегодник
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосквья. Материалы научного семинара
АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАКО – Государственный архив Калужской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГОУ – Государственное образовательное учреждение
ЗИАиХМ – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей
ЗИН РАН – Зоологический институт Российской академии наук
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ – Исторические записки
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КОИАМЗ – Костромской областной историко-архитектурный музей-заповедник
КОКМ – Калужский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России
МАРХИ – Московский архитектурный Институт (Государственная академия)
МАЗ – Московская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МЗДК – Музей-заповедник «Дмитровский кремль»
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИМ – Музей истории Москвы
МИРМ – Музей истории и реконструкции города Москвы
МК – Московская керамика: новые данные по хронологии
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
НИИ – Научно-исследовательский институт
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология
НовГУ – Новгородский государственный университет
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОИФН – Отделение истории и филологии Президиума РАН
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований ИА РАН
ПВЛ – Повесть временных лет
ПКК – Писцовая книга города Костромы
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ПЭ – Подмосковная экспедиция ИА РАН
ПЭ – Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СНиП – Строительные нормы и правила
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
ТАС – Тверской археологический сборник
ТвГУ – Тверской государственный университет
ФГУК – Федеральное государственное учреждение культуры

Сведения об авторах

- Авдеев Александр Григорьевич – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
- Александровская Елена Ивановна – Институт географии РАН, г. Москва
- Александровский Александр Леонтьевич – Институт географии РАН, г. Москва
- Алексеев Алексей Викторович – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Андреев Сергей Иванович – Тамбовский государственный университет, г. Тамбов
- Балашов Александр Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва
- Беляев Леонид Андреевич – Институт археологии РАН, г. Москва
- Богомоллов Виталий Владимирович – Государственное учреждение культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры», г. Тула
- Борзова Светлана Владимировна – Институт археологии РАН, г. Москва
- Векслер Александр Григорьевич – Московская мэрия, г. Москва
- Вишневский Владимир Игоревич – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад (Московская обл.)
- Воронин Константин Владимирович – Институт археологии РАН, г. Москва
- Воронцова Мария Александровна – Государственный музей-заповедник «Куликово поле», г. Тула.
- Глазунова Ольга Николаевна – Институт археологии РАН, г. Москва
- Гольева Александра Амуриевна – Институт географии РАН, г. Москва
- Гоняный Михаил Иванович – Государственный Исторический музей, г. Москва
- Дедук Андрей Владимирович – Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
- Дементьева Татьяна Николаевна – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)
- Дергачева Мария Ивановна – Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, г. Новосибирск
- Долгих Андрей Владимирович – Институт географии РАН, г. Москва
- Евтеев Андрей Алексеевич – НИИ и Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина, г. Москва
- Ершов Иван Николаевич – Институт археологии РАН, г. Москва
- Завьялов Владимир Игоревич – Институт археологии РАН, г. Москва
- Зайцева Ганна Ивановна – Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург
- Зоц (Захарова) Елена Павловна – Институт археологии РАН, г. Москва
- Иванов Дмитрий Александрович – ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия», г. Рязань
- Кабатов Сергей Александрович – Костромской государственный университет, г. Кострома
- Кирьянова Наталия Алексеевна – Государственный исторический музей, г. Москва
- Ковалевский Виктор Николаевич – заведующий музеем археологии ВГУ, преп. каф. истории России
- Коваль Владимир Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва
- Ковалюх Николай Николаевич – Научный центр геохимических исследований НАНУ, г. Киев
- Кренке Николай Александрович – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кудрявцев Андрей Алексеевич – Институт археологии РАН, г. Москва
- Кутасов Павел Александрович – независимый исследователь, г. Москва
- Лазукин Александр Викторович – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
- Лихтер Юлия Абрамовна – Москомнаследие, г. Москва
- Майорова Елена Владимировна – Институт археологии РАН, г. Москва
- Мамонтова Дина Александровна – Институт археологии РАН, г. Москва
- Олейников Олег Михайлович – Институт археологии РАН, г. Москва
- Орфинская Ольга Вячеславовна – Институт культурного и природного наследия, г. Москва
- Панченко Константин Иванович – Институт археологии РАН, г. Москва
- Патрик Галина Константиновна – Институт археологии РАН, г. Москва

Персов Николай Евгеньевич – Тверской государственный объединенный музей, г. Тверь
Русаков Павел Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Сапрыкина Ирина Анатольевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Сафарова Ирина Александровна – «ТНИИР-Центр», г. Тверь
Сидоров Владимир Владимирович – Институт археологии РАН, г. Москва
Солдатенкова Варвара Викторовна – Тверской государственный объединенный музей, г. Тверь
Столяров Евгений Васильевич – Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского, г. Калуга
Столярова Екатерина Карленовна – Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
Стрикалов Игорь Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Сунгуров Роман Николаевич – Музей-заповедник «Дмитровский кремль», г. Дмитров (Московская обл.)
Сыроватко Александр Сергеевич – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)
Сыроватко Наталья Алексеевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Терехова Наталия Владимировна – Тамбовский государственный университет, г. Тамбов
Ткаченко Владимир Алексеевич – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Фатюнина Олеся Александровна – ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», г. Рязань
Федоров Владимир Владимирович – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Федоров Сергей Васильевич – независимый исследователь, г. Москва
Федорова Алла Олеговна – ГОУ Центр образования № 1481, г. Москва
Федорова Людмила Ивановна – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Чувильева Юлия Николаевна – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)
Шебанин Геннадий Алексеевич – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула
Шеков Александр Владимирович – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Яблоков Антон Глебович – Воронежский государственный университет, г. Воронеж
Яганов Андрей Викторович – Институт археологии РАН, г. Москва